

ЗНАМЕНИТАЯ
САГА
ВЕЛИКОГО
АВТОРА

Энн
МАККЕФРИ

Драконы
Перна

КЛАССИЧЕСКАЯ
ТРИЛОГИЯ

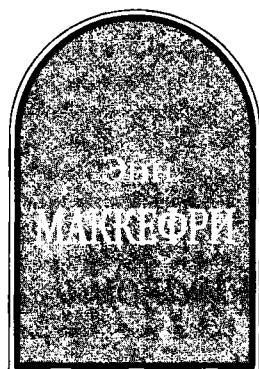
Энн
МАККЕФРИ

Драконы Перна

ЭНН
МАККЕФРИ

*Драконы
Перна*

*Полет
дракона*

*Странствия
дракона*

Белый дракон

МОСКВА

ЭКСМО

2007

ЭНН
МАККЕФРИ

*Драконы
Перна*

МОСКВА

ЭКСМО

2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Anne McCaffrey

DRAGONFLIGHT

Copyright © 1968 by Anne McCaffrey

DRAGONQUEST

Copyright © 1971 by Anne McCaffrey

THE WHITE DRAGON

Copyright © 1978 by Anne McCaffrey

Публикуется с разрешения автора и ее литературного агента
Virginia Kidd Agency (США)

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Маккефри Э.

М 15 **Драконы Перна: Фантастические романы / Энн Маккефри; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. — (Шедевры фантастики).**

ISBN 5-699-19989-6

Неумолимо движется в небе Алая Звезда. Приближаясь к Перну, она обрушивает на поверхность планеты смертоносные Нити. Защитить от них способны только Крылатые — удивительный союз человека и дракона, разорвать который может только смерть.

Но сейчас все забыли об опасности, и мало кто верит даже в то, что Нити когда-то были.

Именно в это время вождями Вейра Крылатых становятся Лесса и Ф'лар. Им предстоит спасти практически беззащитную планету — ведь Крылатых осталось так мало...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод текста. М. Нахмансон, Ю. Барабаш,
Т. Науменко, 2007

© Перевод стихов. И. Андронати, 2007

© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-19989-6

Полет
дракона

Великий Боже!
Да, это Вирджиния помогла мне создать и эту планету, и все чудеса, которые на ней происходили. И я благодарю Тебя за нее.

Пролог

Когда легенда превращается в легенду? Почему миф становится мифом? Насколько древними и полузабытыми должны быть факты, чтобы послужить основой для сказки? И почему память об одних событиях остается нетленной, тогда как достоверность других со временем становится сомнительной?

Ракбат из созвездия Стрельца был желтой звездой типа G. В его систему входили пять планет — и еще одна, блуждающая, притянутая и связанная узами тяготения в последние тысячелетия. На третьей планете Ракбата был воздух, которым люди могли дышать, и вода, которую они могли пить; сила тяжести на ее поверхности позволяла человеку свободно перемещаться, не сгибая спины. Люди открыли ее и быстро колонизировали — как они поступали со всеми пригодными для обитания планетами, до которых могли дотянуться. А затем колонистов предоставили собственным заботам. Они никогда не узнали, почему так случилось — из-за крушения империи или равнодушия ее чиновников; со временем они перестали задавать вопросы по этому поводу.

Когда люди впервые обосновались на третьей планете Ракбата, получившей название Перн, они почти не обратили внимания на странную бродяжку, которая вращалась вокруг центрального светила по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. Спустя несколько поколений люди забыли о ее существовании. Двигаясь по своему пути, предопределенному законами небесной механики, мир-скиталец подходил близко к Перну каждые двести земных лет.

Когда планеты сближались и обстоятельства складывались благоприятно (что случалось нередко), жизнь, обитавшая в чужом мире, стремилась преодолеть узкий промежуток пространства и перебраться на более гостеприимную планету.

Именно в период отчаянной борьбы за выживание, сражения со смертью, спутанными серебряными нитями рассекающей небеса Перна, связь с материнской планетой была окончательно разорвана. Воспоминания о Земле слабели с каждым следующим поколением; сначала они превратились в легенду, а затем исчезли из дальнейшей истории Перна, канув в забвение.

Для защиты от смертоносных Нитей периниты, с изобретательностью своих забытых земных предков, в период между первым нападением и следующей атакой из космоса приручили удивительных существ, обитавших на планете. Крылатые, с длинными хвостами, огнедышащие драконы, названные так в память о сказочных созданиях из земных легенд, обладали способностью к телепортации — бесценным качеством в той яростной битве, которую вели периниты. Люди, способные к глубокому сопереживанию и владевшие врожденным даром телепатии, научились использовать этих необычных животных, чтобы оградить Перн от Нитей.

Эти существа и их повелители — Всадники, Крылатые, а также смертельная угроза, с которой они боролись, породили новый цикл мифов и легенд.

Когда непосредственная опасность миновала, жизнь Перна вошла в тихое и спокойное русло. И, как не раз случалось в земной истории, к легендам стали относиться с сомнением, а потомки древних героев впали в немилость.

Часть I

ВЕЙР В ПОИСКЕ

Глава 1

Бей, барабанщик! Труби, горнист!
Солдат, вперед! Играй, арфист!
Сжигайте траву — нас пламя спасет.
Проклятье Звезде, что над нами встает!

Лесса проснулась от ледящего озноба, не похожего на привычный холод, который источали вечно сырые каменные стены. Это был холод предчувствия опасности, гораздо большей, чем та, что десять полных Оборотов назад загнала ее, всхлипывающую от ужаса, в зловонное логово стража порога.

Стараясь сосредоточиться, она неподвижно лежала на соломе во тьме сыроварни, служившей спальней и ей, и другим женщинам, работавшим на кухне. Зловещее предостережение ощущалось очень сильно — гораздо сильнее, чем в предыдущих предвидениях. Лесса прикоснулась к сознанию стража, кругами ползавшего по периметру внутреннего двора. Натянута цепь выдавала беспокойство зверя, но в предрассветных сумерках он не замечал ничего, что могло бы послужить поводом для тревоги.

Крепко обхватив плечи руками, стараясь снять напряжение, Лесса свернулась калачиком. Постепенно она начала расслаблять мускул за мускулом, сустав за суставом; она пыталась определить ту непонятную угрозу, которая разбудила ее, но не встретила чуткого стража.

Видимо, опасность пряталась за стенами Руат-холда. Во всяком случае, она не затаилась на окружавшей холд защитной полосе, выложенной каменными плитами, между которыми, сквозь старый известковый раствор, пробивались упорные ростки молодой травы; их яркая зелень свидетельствовала об упадке холда, камни которого некогда славилась своей чистотой. Опасность не надвигалась и со стороны заброшенной мощеной дороги, что вела в долину; не скрывалась в каменоломнях и мастерских, выстроенных у подножия скалы, на которой стоял холд. Ее нельзя

было уловить и в ветре, дувшем с промозглых берегов Тиллека. Но ощущение ее переполняло голову Лессы, заставляя вибрировать каждый нерв, каждую клетку стройного тела девушки. Окончательно проснувшись, Лесса мучительно пыталась распознать опасность, пока не растворилось зыбкое состояние предвиденья. Она мысленно устремила в сторону Прохода — дальше, чем ей когда-либо удавалось дотянуться. Ничего. То, что несло угрозу, не находилось в Руате... и в окрестностях холда... пока. И оно совершенно незнакомо... Значит, это не Фэкс.

Лесса улыбнулась, вспомнив, что Фэкс не показывался в Руатхолде в течение трех полных Оборотов. Апатия, охватившая ремесленников, фермы, приходящие в упадок, камни холда, зарастающие травой, — все приводило Фэкса, самозванного повелителя Плоскогорья, в такую ярость, что он предпочел забыть причины, по которым был захвачен некогда величественный и богатый холд.

Лесса нашарила в соломе сандалии, встала, машинально стряхнув сухие стебли со спутанных волос, и уложила нечесанные космы в тяжелый узел на затылке.

Осторожно ступая между жавшимися друг к другу в поисках тепла служанками, она спустилась по истертым ступеням в кухню. Повар и его помощники, развалившись на длинном столе перед громадным камином, громко храпели, повернувшись широкими спинами к теплу очага, в котором еще рдела кучка углей. Лесса проскользнула через похожую на пещеру кухню к двери, что вела во внутренний дворик. Приоткрыв тяжелую створку — ровно настолько, чтобы протиснулось легкое, стройное тело, — она ступила на булыжники двора. Холод, проникший через тонкие подошвы сандалий, обжег еще теплые после сна ноги; девушка вздрогнула от знобкого предрассветного ветра, пробравшегося под заплатанную одежду.

Страж порога ползком пересек двор, чтобы приветствовать ее; в сознании зверя, как обычно, мерцала слабая надежда, что его когда-нибудь освободят от цепи. Лесса ласково погладила складки остроконечных ушей; зверь смиренно семенил рядом, стараясь приноровиться к ее широкому шагу. Глядя на безобразную голову стража, она пообещала, что вскоре хорошенько вычесет его. С глухим стоном припав к земле, он натянул цепь, когда Лесса направилась к вырубленным в камне ступеням, которые вели к площадке над массивными воротами холда. Поднявшись на башню, она устремила взгляд на восток — туда, где на фоне светлеющего неба рельефно вырисовывались ограждавшие Проход каменные холмы.

В нерешительности девушка повернулась налево — оттуда, как ей казалось, исходило ощущение опасности. Потом посмотрела вверх; ее внимание привлек маленький, пылающий алым светом диск, который с недавних пор начал затмевать остальные звезды предрассветного небосклона. Лесса смотрела на него до тех пор, пока он, испустив последний рубиновый луч, не исчез в сиянии восходящего солнца Перна.

Алая Звезда, пылающая на рассвете... В голове Лессы замелькали обрывки древних Баллад — слишком быстро, чтобы она успела уловить смысл. К тому же инстинкт говорил девушке: хотя опасность может прийти и с северо-востока, само восточное направление представляет куда большую угрозу, с которой рано или поздно придется столкнуться. Напрягая глаза, словно это могло сократить расстояние до ее неведомого врага, она пристально всматривалась в сторону восхода. Тонкий, свистящий вопрос стража достиг сознания Лессы, и ощущение опасности внезапно растаяло.

Девушка вздохнула. Наступающее утро не принесло ответа — лишь неясное предзнаменование. Она должна ждать. Предупреждение пришло, и она приняла его. Она привыкла к ожиданию. Упорство, стойкость и осторожность тоже были ее оружием, выкованным неистощимым терпением — терпением, которое может породить только неукротимая жажда мести.

Свет зари залил безрадостный ландшафт Плоскогорья, не вспаханные поля в долине, упал на запущенные сады, где бродили в поисках случайных стебельков весенней травы поредевшие молочные стада. Лесса подумала, что теперь трава в Руате упорно пробивается в запретных местах, но гибнет там, где должна буйно разрастаться. Как выглядела долина Руата до появления Фэкса — плодородная и счастливая, обильная и богатая, — вспоминалось с трудом. Странная, задумчивая улыбка скользнула по губам девушки. Не много же доходов получил Фэкс от захваченного Руата... И впредь получит не больше, пока она, Лесса, жива. Конечно, он не имел ни малейшего представления о причинах упадка.

Или все же имел? — подумала Лесса, и жесткое предчувствие опасности снова сжало ее сердце. Она повернулась спиной к солнцу. Там, на западе, раскинулся родовой холд Фэкса, единственный, который принадлежал ему по закону. Больше ничего на северо-западе не осталось — кроме голых каменистых плоскогорий и Вейра, некогда защищавшего Перн.

Лесса потянулась, выгнув спину и глубоко вдохнув свежий утренний воздух.

Во дворе у конюшни пропел петух. Лесса настороженно обернулась, бросив взгляд на холд; ей не хотелось, чтобы ее заметили в столь странной позе. Она торопливо распустила волосы, и густые пряди скрыли ее лицо. Быстро скользнув вниз по лестнице, девушка подошла к стражу. Он жалобно стонал, моргая; свет наступающего дня раздражал его огромные глаза. Не обращая внимания на смрадный запах из пасти зверя, она прижала к себе его голову, покрытую панцирными пластинками, и стала почесывать остроконечные уши и выступающие надбровья. Страж млел от удовольствия, его вытянутое тело подрагивало, подрезанные крылья тихо шелестели. Он один знал правду о Лессе. И она доверяла ему, единственному существу на всем Перне; доверяла с того утра, когда нашла убежище в его темном, вонючем логове, спасаясь от беспощадных мечей солдат Фэкса.

Лесса неспешно поднялась, напомнив зверю, что в присутствии посторонних он должен быть с нею таким же злобным, как и с остальными. Раскачиваясь вперед и назад всем телом, страж неохотно пообещал выполнить ее приказ.

Первые лучи солнца заглянули через наружную стену холда, и страж с воплем бросился в темную конуру. Лесса торопливо метнулась в кухню, пересекла ее и скрылась в полумраке сыроварни.

Глава 2

Над чашею Вейра взлетают драконы —
Бронза, коричневый, синий, зеленый...
Всадникам Перна приветствие крики!
Миг — и исчезли. Миг — и возникли.

Ф'лар, прижимаясь к огромной шее бронзового Мнемента, первым возник в небесах над главным холдом Фэкса, самозванного повелителя Плоскогорья. За ним, вытянувшись правильным клином, появились остальные всадники крыла. Повернув голову, Ф'лар окинул взглядом привычный строй; он был таким же строгим, как при входе в Промежуток.

Пока Мнемента, как и полагалось при дружественном визите, описывал в воздухе пологую дугу, собираясь приземлиться на защитной полосе холда, Ф'лар с нарастающим раздражением рассматривал обветшавшие, давно заброшенные постройки, служившие когда-то укреплениями. Ямы для огненного камня были пусты, а разбегавшиеся от них желоба, вырубленные в камне, поросли мхом.

Остался ли на Перне хоть один лорд, который хранил чистоту камней своего холда, как предписывали древние Законы? Губы Ф'лара сурово сжались. Когда закончится этот Поиск и свершится Запечатление, в Вейре будет созван карающий Совет. И можно поклясться золотой чешуей королевы, что он, Ф'лар, станет его главой. Он возродит былое усердие. Он очистит скалы Перна от зелени и копившейся годами опасной дряни, он заставит удалить с каменных построек каждый стебель травы. Дикая растительность вокруг любой фермы станет непростительным грехом. И десятина, столь скудная и так неохотно жертвуемая в последнее время, потечет в Вейр Крылатых хотя и под страхом испепеления, но с приличествующей щедростью.

Мнемент' одобрительно рыкнул, легко опускаясь на покрытые травой плиты холда Фэкса. Когда бронзовый дракон сложил свои громадные крылья, Ф'лар услышал, как в главной башне холда пропел горн. Мнемент' опустил на колени, уловив желание Ф'лара спешиться. Бронзовый всадник остался стоять около огромной клиновидной головы дракона, терпеливо дожидаясь прибытия властелина холда. Рассеянный взгляд Ф'лара скользил по долине, залитой лучами теплого весеннего солнца. Всадник не обращал внимания на любопытных. Они же, горя желанием получше разглядеть прибывших, облепили край парапета и окна, пробитые в нависавшей над холдом скалистой стене.

Ф'лар не обернулся, когда ударивший в спину порыв ветра извести о приземлении крыла. Но он знал, что Ф'нор, коричневый всадник и, по стечению обстоятельств, его сводный брат, занял обычную позицию слева и сзади от него. Уголком глаза Ф'лар видел, как Ф'нор ожесточенно ковыряет носком сапога пробившуюся меж камней траву.

От распахнутых ворот просторного двора донесся короткий приказ, отданный громким шепотом, и почти тотчас из широкого проема маршем двинулся небольшой отряд; во главе его шагал плотный мужчина среднего роста.

Мнемент' изогнул шею так, что нижняя челюсть коснулась земли. Фасетчатые глаза зверя, оказавшиеся теперь на одном уровне с головой Ф'лара, с интересом уставились на приближавшихся людей. Строй солдат смешался. Драконы никогда не понимали, почему они вызывают такой ужас у простого народа. Лишь в начальный момент жизни дракон нападал на человека, что объяснялось, скорее всего, простым неведением. Ф'лар не сумел бы объяснить дракону сложности политики, требующей внушать обитателям холдов, от лорда до последнего ремесленника, благоговейный страх. Зато он отметил, что ужас и опасливое

почтение на лицах приближавшихся людей доставляли ему, Ф'лару, странное удовольствие. Мнемент' мог только недоумевать.

— Добро пожаловать, бронзовый всадник, в холд Фэкса, властелина Плоскогорья. Лорд к твоим услугам, — произнес мужчина, поднимая руку в приветствии.

Он говорил о себе в третьем лице — и человек, не пропускающий подобные мелочи мимо ушей, мог бы истолковать их как легкое неуважение. Впрочем, манеры Фэкса соответствовали сведениям, которыми располагал Ф'лар, поэтому он не обратил на инцидент внимания. Подтвердилась и информация о жадности Фэкса. Он действительно был жаден. Алчность светилась в его беспокойных глазах, бесцеремонно обшаривших каждую деталь одежды Ф'лара, в том, как он насупил брови, заметив рукоятку меча с замысловатой резьбой.

Ф'лар в свою очередь обратил внимание на дорогие перстни, сверкавшие на пальцах левой руки Фэкса. Правая рука повелителя холда была слегка согнута в локте — привычка, свидетельствующая о профессиональном владении мечом. Его тунику из дорогой ткани покрывали пятна; ноги, обутые в тяжелые сапоги, стояли твердо, вес тела был смещен вперед, на носки. Да, с этим человеком нужно держать ухо востро, решил Ф'лар; да и как иначе вести себя с победоносным покорителем пяти окрестных холдов? Столь неумная жадность говорит сама за себя. Шестое владение принесла Фэксу жена, седьмое... седьмое он унаследовал законным путем, но при крайне странных обстоятельствах. Он славился распутством, из чего Ф'лар сделал вывод, что Поиск в этих семи холдах может оказаться успешным. Пусть Р'гул отправляется за горный хребет и ведет Поиск там, среди беспечных и прелестных обитательниц южных районов. Сейчас Вейр нуждался в сильной женщине — Йора во всем, что не касалось Неморт'ы, была хуже чем бесполезной. Тяготы судьбы, неуверенность в завтрашнем дне — именно такие условия могли отточить черты характера, которые Ф'лар хотел видеть у будущей госпожи Вейра.

— Мы в Поиске, — растягивая слова, любезно произнес Ф'лар, — и просим гостеприимства твоего холда, лорд Фэкс.

При упоминании о Поиске глаза Фэкса слегка расширились.

— Я слышал, что Йора умерла, — сказал он, внезапно перестав говорить о себе в третьем лице, словно Ф'лар прошел какую-то проверку, проигнорировав это. — Значит, Неморт'а снесла яйцо? У вас появится новая королева, полагаю? — Он бросил взгляд на

крыло Ф'лара, отметив, что всадники выглядят отлично, а драконы, судя по ярким краскам, совершенно здоровы.

Ф'лар ничего не ответил. Всадники были в Поиске — значит, Йоры нет в живых; этот очевидный факт не нуждался в подтверждении.

— Итак, мой лорд... — Фэкс слегка склонил голову, ожидая, что всадник назовет свое имя.

Секунду Ф'лар колебался: возможно, этот человек умышленно провоцирует его? Имена бронзовых всадников были так же хорошо известны всему Перну, как имя королевы драконов и ее всадницы, госпожи Вейра. Но лицо Ф'лара осталось невозмутимым; он продолжал пристально разглядывать Фэкса, делая вид, что не понял намека.

Неторопливо, с небрежной надменностью, Ф'нор шагнул вперед, остановившись чуть позади головы Мнемента; его ладонь легко коснулась гигантской челюсти дракона.

— Лорду Ф'лару, бронзовому всаднику Мнемента, требуется отдельная комната. Я, Ф'нор, коричневый всадник, предпочел бы провести ночь рядом с остальными людьми крыла. Нас двенадцать.

Ф'лар оценил эту краткую речь брата, подчеркнувшего мощь крыла, словно Фэкс сам не мог сосчитать всадников. Его слова прозвучали столь дипломатично, что Фэкс вряд ли был способен парировать этот ответный выпад.

— Лорд Ф'лар, — процедил Фэкс сквозь зубы, сохраняя на лице застывшую улыбку, — ваш Поиск в этих краях — большая честь для Плоскогорья.

— Возможно — если одна из женщин Плоскогорья удовлетворит требованиям Вейра, — вежливо ответил Ф'лар.

— Тогда мы будем вечно гордиться этим, — учтиво сказал Фэкс, склонив голову. — В старые времена из моих холдов вышла не одна госпожа Вейра; и все они прославились как замечательные женщины.

— Из твоих холдов? — переспросил Ф'лар с вежливой улыбкой, подчеркивая интонацией множественное число. — О да, ведь теперь ты владеешь Руатом, не так ли? Там действительно родились многие.

Гнев, промелькнувший на лице Фэкса, мгновенно сменился принужденной гримасой любезности. Фэкс отступил в сторону, жестом пригласив Ф'лара пройти в ворота холда.

Командир отряда Фэкса пролаял команду, и его люди перестроились в два ряда, высекая подкованными сапогами искры из каменных плит. Драконы, повинувшись беззвучной команде, взви-

лись в воздух, подняв облака пыли. Ф'лар бесстрастно шагал мимо застывших шеренг. Люди выпучили глаза от страха, когда огромные звери заскользили над их головами к внутреннему двору холда. Кто-то на главной башне завопил от ужаса, увидев опускающегося на крышу Мнемента. Широкие крылья дракона гнали вдоль двора волны пахнущего фосфином воздуха, пока он пристраивал свое чудовищное тело на неудобной посадочной площадке.

Внешне безразличный к ужасу и благоговению, которое внушали драконы, Ф'лар был доволен произведенным впечатлением. Иногда следовало напоминать властителям холдов, что им приходится иметь дело не только со всадниками — смертными людьми, чью жизнь можно прервать ударом меча, — но и с огнедышащими драконами. Нужно возродить в сердцах людей то уважение, которое издревле питали обитатели холдов к всадникам драконов и к самим огнедышащим защитникам Перна.

— Мои люди только что поднялись из-за стола, но если ты пожелаешь... — начал Фэкс и замолк, когда Ф'лар с легкой улыбкой покачал головой.

— Я хотел бы засвидетельствовать почтение твоей госпоже, лорд Фэкс, — произнес Ф'лар, с удовольствием отметив, как сжались челюсти Фэкса при этой традиционной просьбе.

Ф'лар был удовлетворен. Расчет оказался точным. Последний Поиск, результатом которого явились годы вялого и бесплодного владычества Йоры, состоялся еще до его рождения, но он тщательно изучил Записи о предыдущих Поисках. Там содержалось много рекомендаций по части обращения с лордами, которые стремились скрыть жен от людей Вейра. Если Фэкс откажет ему и не позволит всадникам выполнить свой долг, то смертельный поединок расставит все по своим местам.

— Не желаешь ли вначале взглянуть на предназначенную тебе комнату? — попытался возразить Фэкс.

Ф'лар смахнул невидимую пылинку с мягкого рукава кожаной куртки и покачал головой.

— Главное — долг, — сказал он, с сожалением пожимая плечами.

— Несомненно, — еще сильнее сжав зубы, процедил Фэкс и размашистым шагом ринулся вперед. Сапоги лорда грохотали по камням двора, словно он пытался выплеснуть переполнявшую его ярость.

Через двойные двери, обитые листами металла, Ф'лар и Ф'нор неторопливо последовали за ним в главный зал, высеченный в скале. Слуги, нервно суетившиеся около огромного подковообразного стола, при появлении двух всадников еще громче зазвез-

нели посудой, то и дело роняя ее дрожащими руками. Фэкс уже пересек зал и с явным нетерпением ждал у открытой двери, сделанной из цельной металлической пластины, — единственного входа во внутренние помещения холда, которые, как принято, уходили в глубь скалы и в грозные времена служили надежным убежищем.

— Похоже, кормят тут неплохо, — мимоходом заметил Ф'нор, бросив взгляд на блюда с остатками пищи.

— Лучше, чем в Вейре, — сухо ответил Ф'лар, прикрыв ладонью рот, чтобы приглушить слова. Он посмотрел на двух служаков, с трудом тащивших поднос с полуобглоданными телячьими костями.

— Нежное молодое мясо, — сказал с горечью Ф'нор. — А старых и жилистых быков они отправляют нам.

— Естественно.

— Зал выглядит величественно, — дружелюбно произнес Ф'лар, когда они с братом подошли к Фэксу. Заметив, что лорд спешит двинуться дальше, Ф'лар с нарочитой небрежностью повернулся спиной к увешанной знаменами стене. Он указал Ф'нору на глубокие узкие окна; их тяжелые бронзовые ставни были сейчас сдвинуты, открыв яркую голубизну полуденного неба. — Окна на восток, все как положено. Мне говорили, что в главном зале Телгар-холда, построенном недавно, они обращены к югу. Скажи, лорд Фэкс, ты, конечно, верен традициям и составляешь рассветный дозор?

Фэкс нахмурился, пытаясь понять скрытый смысл вопроса.

— Стража всегда на башне.

— Восточный дозор?

Фэкс посмотрел на яркий лоскут неба за окнами, потом скользнул взглядом по лицу бронзового всадника, перевел глаза на Ф'нора и вновь оглянулся на окна.

— Стража всегда там, — резко повторил он, — и на всех других направлениях тоже.

— Со всех сторон, — задумчиво кивнул Ф'лар, повернувшись к брату. — Со всех сторон света? И только?

— А где же еще? — сказал Фэкс, переводя взгляд с одного всадника на другого. В голосе его слышалось раздражение.

— Об этом я должен спросить у твоего арфиста. В холде есть хорошо обученный арфист?

— Конечно. У меня их несколько. — Фэкс гордо расправил плечи.

— У лорда Фэкса еще шесть холдов, — напомнил Ф'нор брату.

— Конечно, — произнес Ф'лар, в точности копируя интонацию Фэкса и притворяясь удивленным.

Эта выходка не осталась незамеченной, но повелитель холда не рискнул трактовать ее как умышленное оскорбление. Резко повернувшись, он переступил порог и быстро зашагал по коридорам, на стенах которых были укреплены светильники. Оба всадника последовали за ним.

— Приятно встретить лорда, соблюдающего древние обычаи, — одобрительно сказал Ф'лар брату. Его слова, произнесенные намеренно громким шепотом, предназначались Фэксу. — Многие покинули надежный монолит скалы и расширили свои наружные холды до опасных размеров. Непростительный риск.

— Риск для одних, преимущество для других, лорд Ф'лар, — зло усмехнулся Фэкс, переходя на обычный шаг.

— Преимущество? Почему?

— В любой наружный холд легко проникнуть, если твое войско хорошо обучено. Опытные командиры и продуманная стратегия — вот и вся премудрость успеха.

Этот человек не хвастун, решил Ф'лар. Даже в нынешние мирные времена он не перестал выставлять дозоры на башне, он заботится о безопасности своего холда. Однако вряд ли это объясняется почетом к древним Законам, скорее — инстинктивной осторожностью затаившегося хищника. И арфистов он держит, вероятно, из тщеславия, а не подчиняясь традиционному требованию. Он позволяет траве расти у самых стен холда, его ямы для огненного камня пусты и полуразрушены... и он не слишком вежлив с людьми Вейра... Пожалуй, его поведение даже оскорбительно. За таким человеком стоит приглядывать.

Женская половина в холде Фэкса, в нарушение обычая, располагалась не в глубине скалы, а у наружной стены. Солнечный свет щедро струился через три глубоких окна, пробитых в камне и снабженных двойными ставнями. Ф'лар отметил, что бронзовые петли ставень хорошо смазаны. Ширина подоконников, как того требовали правила, равнялась длине копья. Фэкс, очевидно, не поддавался новомодным влияниям и явно не собирался уменьшать толщину защитной стены.

Большую комнату украшали ковры с уместным для этих покоев рисунком — изображениями женщин, занятых домашними делами. Двери по обе стороны главного помещения вели в меньшие по размеру альковы, откуда, подчиняясь приказу Фэкса, нерешительно выходили женщины его дома.

Фэкс резко взмахнул рукой, подозревая одну из них, в просторном синем одеянии, с седыми прядями в волосах, с морщинами горечи и разочарования на лице; ее фигура явственно выдавала беременность. Женщина неуклюже приблизилась и замерла в не-

скольких шагах от своего повелителя. По ее напряженной позе Ф'лар понял, что она не стремится подойти к Фэксу ближе, чем того требует необходимость.

— Госпожа Крома, мать моих наследников, — произнес Фэкс без тени гордости или сердечной теплоты.

— Моя госпожа... — Ф'лар сделал паузу, ожидая, что ему назовут имя.

Она с опаской взглянула на своего властелина.

— Гемма, — отрывисто бросил Фэкс.

Ф'лар низко поклонился.

— Леди Гемма, Вейр ведет Поиск и просит гостеприимства твоего холда.

— Всадник Ф'лар, — тихим голосом ответила Гемма, — добро пожаловать под защиту наших стен.

От внимания Ф'лара не укрылась уверенность, с которой Гемма произнесла его имя. Он улыбнулся с благодарностью и симпатией, гораздо теплее, чем того требовал этикет. Судя по количеству женщин в этом помещении, постель Фэкса никогда не пустовала. С одной-двумя служанками леди Гемма наверняка распрощалась бы без сожалений. Фэкс начал представлять женщин, невнятно бормоча их имена, но эта хитрость не удалась; Ф'лар каждый раз вежливо переспрашивал имя. Ф'нор, улыбаясь, неторопливо прохаживался у дверей, стараясь запомнить тех, кого Фэкс называл с явной неохотой. Позже они с братом сравнят свои наблюдения, хотя на первый взгляд здесь не было никого достойного Поиска. Фэкс предпочитал пухленьких, невысоких женщин, не отличавшихся особой бойкостью. Гордые души не выживали здесь: их ломали или уничтожали. Только леди Гемма сохраняла жалкие остатки прежнего достоинства и своеволия; но она — увы! — слишком стара. Что касается Фэкса, то он, без сомнения, был жеребцом, а не трепетным любовником.

Обмен приветствиями закончился, и Фэкс проводил незваных гостей наружу. Ф'нор присоединился к остальным всадникам, а командир крыла последовал за Фэксом. Предназначенная ему комната располагалась ниже, чем помещения женщин, и вполне соответствовала высокому рангу гостя. На разноцветных драпировках красовались сцены кровопролитных битв, изображения сражающихся воинов, летящих драконов, сверкающих многоцветными красками, пылающие на холмах огненные камни — словом, все, что могла предложить воображению художника тысячелетняя история Перна.

— Превосходная комната, — одобрительно сказал Ф'лар, стя-

нув перчатки и кожаную куртку. — Я взгляну на своих людей и зверей. Драконов недавно покормили, — заметил он и небрежно бросил вещи на стол, словно подчеркнув этим жестом ошибку Фэкса, не осведомившегося о благополучии огнедышащих гостей холда. — Потом я хотел бы пройтись по вашим мастерским.

Фэкс с кислой миной кивнул головой; требование бронзового всадника было традиционной привилегией обитателей Вейра.

— Не смею нарушать более распорядок твоего дня, лорд Фэкс; должно быть, управление семьей холдами отнимает много времени. — Ф'лар склонил голову в легком поклоне и отвернулся, тем самым дав понять, что Фэкс может удалиться.

Чуть позже, прислушиваясь к затихающему грохоту шагов лорда, Ф'лар представил себе его искаженное бешенством лицо. немного повременил и, убедившись, что хозяин ушел, вернулся в главный зал.

Суетливые служанки, укладывавшие на козлы крышки дополнительных столов, прервали свое занятие, чтобы поглядеть на одного из Крылатых. Он приветливо кивнул им, пытаясь разглядеть, нет ли среди них той, которая могла бы стать повелительницей Вейра. Но изнуренные работой и недоеданием, в шрамах от побоев и болезней, женщины были всего лишь простыми служанками, годными только для тяжелого труда на кухне и у стола господина.

Ф'нор и остальные всадники устроились в казарме. Драконы расселись по каменным выступам скал высоко над холдом. Им нравились скалы. Отсюда было видно все, что происходило в долине. Перед вылетом из Вейра их покормили, и теперь каждый всадник держал своего дракона в состоянии боевой готовности. Во время Поиска не должно быть непредвиденных происшествий.

При появлении Ф'лара всадники дружно поднялись.

— Постарайтесь без лишнего шума внимательно осмотреть все вокруг, — лаконично приказал он. — К закату возвращайтесь с именами возможных претендентов. — Он заметил ухмылку Ф'нора и вспомнил, как Фэкс скороговоркой бубнил имена во время официального представления. — Соберите о них все необходимые сведения.

Люди кивнули, в их глазах светились надежда и понимание. Сам Ф'лар, посмотрев на женщин Фэкса, поддался сомнениям, но его всадники верили, что Поиск будет успешным. Конечно, логично было предположить, что в главном холде сосредоточено все лучшее, чем могло похвалиться Плоскогорье, но эта логика была ошибочной. Существовало еще множество больших мас-

терских, не говоря уже об остальных шести холдах, которые предстояло посетить и осмотреть. И все же...

Не обменявшись больше ни словом, Ф'лар и Ф'нор одновременно покинули казарму. Остальные разошлись парами и поодиночке, чтобы осмотреть поселения фермеров и ремесленников. Вылазки за пределы Вейра очень нравились им — как, впрочем, и Ф'лару, хотя он не показывал вида. В прошлые времена всадники были частыми и желанными гостями во всех Великих Холдах Перна, от южного Нерата до высокогорного Тиллека. Древнее гостеприимство исчезло вместе с другими обычаями — свидетельство пренебрежения, с которым теперь относились к Вейру. Ф'лар мысленно поклялся изменить это.

Он попытался восстановить в памяти всю цепочку медленных, незаметных перемен. Записи, которые вела каждая госпожа Вейра, отражали постепенный, но ощутимый упадок, наблюдающийся на протяжении последних двухсот Оборотов. Знание фактов, однако, не облегчало положения. Даже в самом Вейре сохранилась лишь небольшая горстка людей, в равной степени доверявших древним Записям и Балладам. Ф'лар был одним из них. Если верить предкам, ситуация должна была вскоре радикально измениться.

Ф'лар чувствовал, что для каждого из обычаев Вейра, от первого Запечатления до сбора запасов огненного камня, от строгого требования очищать скалистые высоты от травы до регулярного осмотра бегущих по склонам желобов, существовало разумное объяснение. Все имело свои причины и цели. Даже такие мелочи, как правильное питание драконов или ограничение числа живущих в Вейре. Однако причину, по которой были заброшены остальные пять Вейров, Ф'лар не знал. Интересно, подумал он, сохранились ли в этих необитаемых Вейрах Записи — пыльные, рассыпающиеся? Когда его крыло в следующий раз полетит на патрулирование, надо будет найти предлог и проверить. Во всяком случае, в родном Бенден-Вейре ответов не оказалось.

— Много усердия, но мало энтузиазма, — произнес Ф'нор, заставив Ф'лара вспомнить о предстоящем осмотре мастерских холда.

Всадники спустились по истертому наклонному въезду; широкая дорога, по бокам которой стояли дома, привела к огромным каменным залам — центру ремесленного производства. Мрачно качая головой, Ф'лар смотрел на поросшие мхом желоба на кровлях, вьющиеся растения, вцепившиеся в стены. Это вопиющее пренебрежение простыми мерами безопасности причиняло ему

боль — как и любому хранителю древних традиций. Мох, кусты, трава не должны соседствовать с человеческими поселениями.

— Новости распространяются быстро, — усмехнулся Ф'нор, приветливо кивнув спешившему куда-то ремесленнику в халате пекаря; тот невнятно пробормотал приветствие. — Не видно ни одной женщины.

Ф'нор был прав. В этот час женщины должны были заполнять улицы холда — спешить к складам за припасами, торопиться к реке, чтобы не потерять ни минуты ясного теплого дня, такого подходящего для стирки, или идти к фермам, на полевые работы. Но ни одна фигура, одетая в платье, так и не попалась всадникам на глаза.

— Мы привыкли к вниманию женщин. Нас это избаловало, — философски заметил Ф'нор.

— Давай вначале заглянем в ткацкую мастерскую. Если я правильно помню...

— Не сомневаюсь, что память и на сей раз не изменяет тебе, — снова усмехнулся Ф'нор. Он не придавал большого значения их кровному родству, но вел себя с Ф'ларом более свободно, чем с прочими обитателями Вейра, включая и других бронзовых всадников. В этом тесном сообществе равных Ф'лар слыл замкнутым человеком. Однако ему охотно подчинялись, хотя он поддерживал в своем крыле строгую дисциплину. Его крыло первенствовало в Играх, его всадники никогда не исчезали при пересечении Промежутка, звери крыла никогда не болели. Как правило, всадника, оставшегося без дракона, изгоняли из Вейра.

— Насколько я помню, — повторил Ф'лар, — Л'тол поселился в одном из холдов Плоскогорья.

— Л'тол?

— Да, бронзовый всадник из крыла С'лела. Вспомни.

Во время Весенних Игр неудачный маневр в воздухе подставил Л'тола и его зверя под огненный поток, извергнутый драконом С'лела. Л'тол сорвался с шеи своего дракона, когда тот пытался увернуться от огня. Один из всадников крыла ринулся вниз и успел подхватить Л'тола, но его дракон, обгоревший, сломавший крыло, не выжил после удара и отравления парами фосфина.

— Да, Л'тол может помочь нам, — согласился Ф'нор, и оба всадника направились к бронзовым дверям ткацкой мастерской. Они задержались на пороге, приноравливаясь к тусклому освещению зала. Стены были усеяны светильниками, гроздьями нависавшими над большими ткацкими станками, на которых искусные мастера ткали прекрасные гобелены и яркие полотна.

Здесь царила атмосфера целеустремленного молчаливого усердия.

Еще до того, как глаза всадников привыкли к полумраку, к ним подошел невысокий человек, вполголоса приветствовал их и пригласил следовать за ним.

Он провел всадников в маленькое помещение, располагавшееся справа от зала и отделенное занавесью. Там человек повернулся к ним, подставив лицо под ровное сияние фосфорных светильников. Что-то неуловимо знакомое выдавало в нем бывшего обитателя Вейра; его лицо покрывали морщины, щеку бороздили шрамы от старых ожогов. Он постоянно моргал, и глаза его были полны тоской.

— Теперь меня зовут Лайтол, — произнес человек хриплым голосом.

Ф'лар печально кивнул.

— Ты, наверное, Ф'лар, — сказал Лайтол, — а ты — Ф'нор. Вы оба похожи на своего отца.

Ф'лар снова наклонил голову.

Лайтол судорожно сглотнул. Лицо его подергивалось, словно встреча с обитателем Вейра была нелегкой для изгнанника. Он попытался выдать улыбку.

— Драконы в небе! Новости летят быстрее Нитей.

— Неморт'а отложила золотое яйцо.

— Йора умерла? — с волнением спросил Лайтол, и лицо его на мгновение перестало нервно подергиваться. — А Неморт'а? Кто догнал ее? Хат'?

Ф'лар кивнул.

Горькая гримаса появилась на лице изгнанника.

— Снова Р'гул, да?

Он уставился в стенку невидящим взглядом, веки его застыли, но щека и висок опять задергались. Потом Лайтол повернулся:

— Вам досталось Плоскогорье? Все Плоскогорье? — спросил он, сделав ударение на слове «все».

— Да, — кратко подтвердил Ф'лар.

— Вы видели женщин Фэкса, — в словах Лайтола слышалось отвращение. Он не спрашивал, он только констатировал очевидный факт. Помолчав, он добавил: — Так вот, лучших нет на всем Плоскогорье.

В голосе звучала высшая степень презрения. Лайтол присел на массивный стол, занимавший почти половину крохотной комнаты; руки его с такой силой сжали широкий ремень, стягивающий свободную тунику, что толстая кожа сложилась вдвое.

— Похоже, ваши надежды не оправдались, не так ли? — продолжал Лайтол.

Он говорил слишком много и слишком быстро. В устах другого, менее значительного человека, эти слова прозвучали бы оскорбительно. Но его болтливость была, очевидно, следствием ужасающего одиночества, в котором жил изгнанник. Он задавал торопливые вопросы и сам же отвечал на них, словно стремился утолить ненасытную жажду общения с людьми своего круга. Однако он давал всадникам ту информацию, в которой они больше всего нуждались.

— Фэкс любит женщин покорных, с пышным телом, — продолжал бормотать Лайтол. — Он сломил даже леди Гемму. Все было бы иначе, если бы он нуждался в поддержке ее семьи, да, совсем иначе. А так — он заставляет ее рожать раз за разом и рассчитывает, что когда-нибудь роды убьют ее. Он своего добьется. Так оно и будет. — Лайтол разразился неприятным сухим смехом. — Когда Фэкс пришел к власти, все благоразумные люди отослали своих дочерей подальше с Плоскогогорья или изуродовали их.

Он замолчал; мрачные, горькие воспоминания отражались на его лице, глаза сузились от ненависти.

— Я был глупцом... думал, что положение всадника — пусть даже бывшего всадника — гарантирует мою неприкосновенность...

Лайтол встал, расправил плечи и повернулся к своим гостям. Лицо его исказила ярость, голос был тихим и напряженным.

— Убейте этого тирана, всадники, убейте во имя безопасности Перна! Во имя Вейра и его повелительницы! Он только и ждет подходящего момента. Он сеет недовольство среди прочих лордов. Он... — Лайтол рассмеялся — зло, почти истерически, — он воображает себя равным всадникам.

— Значит, в этом холде нет претенденток? — Голос Ф'лара прозвучал достаточно резко, чтобы привести в чувство человека, погрузившегося в пучину ненависти.

Лайтол уставился на бронзового всадника.

— Разве я не сказал вам? Лучшие либо погибли по вине Фэкса, либо были отправлены подальше. Остались сплошь ничтожества. Слабоумные, невежественные, глупые, вялые... Такие же, как Йора. Она... — Лайтол прервал речь, судорожно стиснув челюсти. Потом встряхнул головой и закрыл лицо ладонью, пытаясь скрыть боль и отчаяние.

— А в других холдах?

Мрачно нахмурившись, Лайтол пробормотал:

— То же самое. Умерли или бежали.

— А как насчет холда Руат?

Ладони Лайтола скользнули вниз; он внимательно посмотрел на Ф'лара, губы его искривились в усмешке.

— Вы рассчитываете найти новую Торину или Морету, затаившуюся в Руате? Знай, бронзовый всадник: все, в ком текла подлинная кровь Руата, мертвы. В тот день клинок Фэкса мучила жажда. Он сумел распознать истину в сказках арфистов; он узнал, почему лорды Руата были так щедры к всадникам, и он понял, что руатанцы — особые люди. Вы же знаете, — голос Лайтола упал до доверительного шепота, — что они были изгнанниками из Вейра — как и я.

Ф'лар печально кивнул, не желая лишать отчаявшегося человека этого крохотного утешения.

— Поверьте, немного, очень немного осталось от прежнего Руата, — покачал головой Лайтол. Потом он хихикнул. — Но и Фэкс ничего не получает от холда, кроме неприятностей.

Эта мысль, по-видимому, подняла Лайтолу настроение, он стал более спокойным.

— Теперь мы, в нашем холде, делаем лучшие одежды на всем Перне. А наши кузнецы славятся оружием отличной закалки. — В глазах изгнанника сверкнула гордость за приютившую его общину. — Но Руат... Новобранцы оттуда часто умирают от странных болезней или несчастных случаев. А женщины из Руата, которых брал Фэкс... — Он захлебнулся судорожным смехом. — Ходят слухи, что на несколько месяцев он стал импотентом.

Внезапно странная мысль пришла в голову Ф'лара. Он поднял глаза на Лайтола:

— Значит, истинной крови не сохранилось?

— Никого!

— А в мелких поселениях есть люди с кровью Вейра?

Лайтол нахмурился и с удивлением взглянул на Ф'лара. В раздумье он потер шрамы на лице.

— Такие были, — неторопливо подтвердил он. — Были, но я сомневаюсь, что кто-нибудь еще жив. — Он подумал с минуту, потом решительно покачал головой: — При нападении они так сопротивлялись... хотя не имели ни малейшего шанса. В холде Фэкс отрубил головы женщинам лорда и его детям... Всех, кто защищал Руат с оружием в руках, он заточил в тюрьму и казнил.

Ф'лар пожал плечами. Что ж, его предчувствие может оказаться ложным. Такими мерами Фэкс уничтожил не только сопротивление, но и всех лучших людей, всех ремесленников Руата.

Вот почему мастера по металлу и тканям из этого холда теперь считаются лучшими на Плоскогорье.

— Хотел бы я сообщить тебе более приятные известия, всадник, — пробормотал Лайтол.

— Не имеет значения, — сказал Ф'лар, поднимая руку, чтобы отдернуть занавес.

Лайтол быстро подошел к нему и с настойчивостью в голосе произнес:

— Помни об амбициях Фэкса. Заставь Р'гула или того, кто будет следующим вождем Вейра, постоянно следить за Плоскогорьем.

— Фэкс догадывается о твоей ненависти?

Тоскливое, страдальческое выражение исказило лицо Лайтола. Он нервно сглотнул и ответил:

— Нравится лорду Плоскогорья или нет — не важно. Мой цех защищает меня от его посягательств. Здесь я в безопасности. Он зависит от доходов нашего промысла. — Лайтол насмешливо фыркнул. — Я лучше всех тку батальные сцены. Кстати, — он иронически поднял бровь, — драконов как неизменных спутников героев больше не изображают на гобеленах. И вы, конечно, заметили, сколько на ткани цветущей зелени?

Отвращение исказило лицо Ф'лара.

— Мы заметили и многое другое, — сухо произнес он. — Но Фэкс следует некоторым традициям...

Лайтол решительно перебил бронзового всадника:

— Он делает это из элементарной осторожности. Его соседи настороже — с тех пор, как он вероломно захватил Руат. И должен предупредить вас, что он, — Лайтол ткнул пальцем в сторону холда, — открыто насмехается над рассказами про Нити. Он считает, что истории арфистов полны замшелых глупостей, он запретил петь Баллады, восхваляющие драконов. Новое поколение растет в полном неведении долга, традиций и предосторожностей.

Ф'лар не удивился, услышав последнее разоблачение Лайтола. Подобные факты беспокоили его сильнее, чем все остальное. Многие люди не придавали значения устным преданиям о давних событиях, считая их выдумкой арфистов. Однако Алая Звезда уже мерцала в небе, и приближалось время, когда из страха за свою жизнь они вновь поклянутся в верности Вейру.

— Ты выходил наружу сегодня утром? — спросил Ф'нор с жесткой усмешкой.

— Да, — выдохнул Лайтол сдавленным шепотом, — да, я видел...

Он со стоном отвернулся от всадников, пряча голову; его плечи поникли.

— Уходите, — сказал он, скрипнув зубами. Они замерли в нерешительности, и тогда изгнанник повторил с мольбой: — Уходите!

Ф'лар быстро двинулся к выходу, Ф'нор последовал за ним. Широкими шагами бронзовый всадник пересек тихий сумрачный зал и окунулся в сияние солнечного полдня. По инерции он дошел до центра площади и там остановился так резко, что едва поспевавший за ним Ф'нор с трудом избежал столкновения.

— Мы проведем ровно столько же времени в залах других мастеров, — с усилием произнес он, стараясь не встречаться взглядом с братом. К горлу подкатил ком, вдруг стало трудно говорить. Он сглотнул несколько раз, потом глубоко вдохнул теплый весенний воздух.

— Остаться без дракона... — сочувственно пробормотал Ф'нор. — Бедняга...

Неожиданная встреча с Лайтолом наполнила скорбью его сердце. И хотя подобное чувство казалось непривычным, он отметил, что Ф'лар потрясен разговором с изгнанником не меньше его самого. Ф'нор впервые усомнился в том, что брат не способен испытывать сильные переживания.

— Если осуществилось Запечатление, то нет пути назад. Ты же знаешь, — резко произнес Ф'лар. Он отвернулся и зашагал к залу, над которым висела эмблема кожевников.

Глава 3

Воздайте почести драконам
В поступках, мыслях и словах.
Они встают живым заслоном
На смертных Перна рубежах —
Там, где решает взмах крыла:
Жить миру или сгореть дотла.

Почет воздайте всем Крылатым
В поступках, мыслях и словах.
Их жизнь легла кровавой платой
На смертных Перна рубежах.
С древнейших дней гласит Закон:
Едины всадник и дракон.

Ф'лар испытывал удовлетворение — и, одновременно, недовольство. Четвертый день они жили в обществе Фэкса, и лишь благодаря тому, что Ф'лар крепко держал в руках себя и своих людей, ситуация не разрешилась взрывом.

«И ведь это чистая удача, что именно я выбрал Плоского-

рье, — размышлял Ф'лар, пока Мнемент' неторопливо скользил к черным холмам в сторону Руат-холда. — Тактика Фэкса наверняка привела бы к успеху, окажись на моем месте Р'гул, помешанный на своей чести, или С'лан, или Д'нол, слишком молодые, а потому не склонные проявлять благоразумие и терпение. Что касается С'лела, то он отступил бы в замешательстве — для Вейра это было бы так же плохо, как открытая схватка».

Ему давно следовало связать все факты воедино. Упадок Вейра произошел не только из-за противодействия правителей холдов и их подданных. Причины крылись и внутри — немощная королева, ее всадница, не способная править племенем Крылатых. Крах был связан и с необъяснимым упорством Р'гула, не желавшего беспокоить лордов и удерживавшего всадников в границах Вейра. Главное внимание уделялось теперь подготовке к Играм, приводившим к внутреннему соперничеству между крыльями. Фактически, они стали единственным развлечением Вейра.

Трава у стен холдов выросла не за одну ночь, и не за один день лорды решились отказать Вейру в традиционной десятиине. Это произошло постепенно, при попустительстве самого Вейра, и в конце концов смысл его существования обесценился настолько, что выскочка, случайно унаследовавший древний холд, смел с таким презрением относиться и к всадникам, и к элементарным правилам, оберегающим Перн от Нитей. Ф'лар сомневался, что Фэкс посмел бы атаковать соседние холды, если бы Вейр сохранял прежнее влияние. Каждый холд должен иметь своего собственного правителя, способного защитить людей и место их обитания от Нитей. Один холд — один лорд. А не жадный до власти выскочка, претендующий на семь холдов разом. Это шло вразрез с древней традицией, и это являлось преступлением, ибо как может один человек защищать одновременно семь долин? Любой житель Перна, кроме всадника, способен находиться в данный момент времени только в одном месте. И требовалось много дней, чтобы попасть из одного холда в другой, — конечно, если человек не сидел на шее дракона. В старые времена люди Вейра не допустили бы подобного пренебрежения древними обычаями.

Ф'лар увидел вспышки пламени над бесплодными холмами Прохода; Мнемент' послушно развернулся, чтобы предоставить своему всаднику лучший обзор. Ф'лар заранее выслал вперед часть крыла: полет над неровной, изрезанной местностью был отличной тренировкой. Он раздал им небольшие куски огненно-го камня и велел выжечь всю лишнюю растительность. Полезно напомнить Фэксу и его воинам о боевых возможностях драко-

нов, об этом огненном чуде, о котором простой народ Перна, кажется, стал забывать.

Огненные струи фосфина, извергаемые драконами, образовывали в воздухе непрерывно меняющийся световой узор. Р'гул наверняка возражал бы против этой тренировки, упирая на возможность несчастного случая — вроде того, что привел к изгнанию Лайтола. Однако Ф'лар придерживался старых традиций — как и каждый летавший с ним всадник; те, в ком пробуждались сомнения, покидали крыло. Ни один из оставшихся еще ни разу не подвел своего командира.

Ф'лар знал, что его люди, как и он сам, наслаждаются невероятной скоростью полета на огнедышащих чудовищах. Пары фосфина действовали возбуждающе; человека, управляющего огромным величавым зверем, охватывало ощущение могущества, подобного которому не было и не могло быть в обычной жизни. С момента Запечатления всадники навсегда становились особыми людьми. Но полет на боевом драконе, синем, зеленом, коричневом или бронзовом, полностью искупал риск, постоянную напряженность и изоляцию от остального человечества.

Мнемент' припустил крылья, чтобы проскользнуть в узкую щель Прохода, соединяющего долины Крома и Руата. Едва они вынырнули по ту сторону скалистого разлома, разница между двумя холдами потрясла их.

Ожидание удачи покинуло Ф'лара. При осмотре предыдущих четырех холдов его не оставляло чувство, что Поиск завершится в Руате. Конечно, была та миниатюрная брюнетка, дочь мастера цеха ткачей из Набола, законного холда Фэкса... И еще высокая гибкая девушка с огромными глазами, ее отец служил помощником управляющего в Кrome... Однако... Окажись на месте Ф'лара другой бронзовый всадник — С'лел, К'нет или Д'нол — он, безусловно, думал бы о любой из этих девушек как о возможной подруге, даже если ни та, ни другая не стала бы госпожой Вейра.

Но Ф'лар все время убеждал себя, что найдет нечто более подходящее на юге. И теперь, при виде постигшего Руат разорения, его надежды испарились. Он бросил взгляд вниз и увидел, как знаменосец Фэкса приглашающим жестом наклонил стяг.

Подавив разочарование, Ф'лар направил Мнемент'а к земле. Фэкс ожидал всадника во главе своего отряда. Он указал на заброшенную долину и с сарказмом произнес:

— Вот великий и древний Руат, на который ты так надеялся.

Ф'лар холодно улыбнулся в ответ, не показав, как удивили его слова Фэкса. Неужели его намерения были столь прозрачны для лорда Плоскогогорья? Или это просто удачная догадка?

— Теперь я понимаю, почему изделия твоего родового холда завоевали славу лучших, — процедил Ф'лар.

Мнемент' позади него заворчал, и всадник резко приказал ему замолчать. Неприязнь бронзового дракона к Фэксу граничила с ненавистью. Подобная антипатия со стороны дракона являлась в высшей степени необычной и никоим образом не поощрялась Ф'ларом. Конечно, он не испытал бы сожалений в случае смерти Фэкса — но только не от огненного дыхания Мнемент'а.

— Не много добра поступает мне из Руата, — сказал Фэкс голосом, похожим на рычание. Он резко дернул поводья своего скакуна, и свежая кровь окрасила пену на губах. Животное откинуло голову назад, чтобы ослабить болезненное давление удила. Фэкс с яростью ударил его между ушей. Ф'лар понимал, что гнев лорда вызван не столько непокорным животным, сколько видом бесплодной долины Руата.

— Я — верховный правитель, — продолжал Фэкс. — Никто не оспаривает этот факт. Мое право и моя рука простерты над Руатом. Холд должен платить дань моему властелину...

— И голодать большую часть года, — сухо заметил Ф'лар, окидывая взглядом обширную долину. Лишь отдельные поля были вспаханы. Немногочисленные стада бродили по скудным пастбищам. Сады зачахли. Цветущие деревья, в изобилии покрывающие долину Крома, тут встречались лишь изредка; казалось, что сами лепестки их не желают раскрываться в этом унылом месте. Хотя солнце стояло уже высоко, ни на фермах, ни в полях не было и намека на оживление. Вокруг царила гнетущая атмосфера безысходности.

— Моему правлению в Руате сопротивляются.

Ф'лар бросил взгляд на Фэкса. В голосе лорда слышалась жестокость, лицо его помрачнело; видимо, бунтовщикам Руата суждены еще большие неприятности. К ненависти, с которой Фэкс относился к Руату и его обитателям, примешивалось другое, неясное для Ф'лара, сильное чувство. Но едва ли им был страх, так как Фэкс, несомненно, обладал мужеством и непробиваемой самоуверенностью.

Отвращение? Нерешительность? Мистический ужас? Ф'лар не сумел бы дать четкое определение странному нежеланию Фэкса приближаться к воротам Руат-холда. Эта перспектива явно его не прельщала, и теперь, находясь вблизи непокорного холда, он не мог сдержать раздражения.

— Какая глупость со стороны руатанцев, — с дружелюбной усмешкой произнес Ф'лар.

Фэкс резко повернулся к нему; ладонь его нависла над рукоятью меча, глаза сверкнули. Ф'лар с невольным удовлетворением

почувствовал, что узурпатор действительно может обнажить оружие против всадника! И он был почти разочарован, когда лорд, взяв себя в руки, натянул поводья своего скакуна, прищпорил его и в бешенстве ринулся вниз, в долину.

«Мне все-таки придется его убить», — подумал Ф'лар, и Мнемент' в знак согласия расправил крылья.

Ф'нор опустился рядом с бронзовым всадником.

— Кажется, он едва не набросился на тебя! — Глаза Ф'нора сверкали, губы искривились в насмешливой улыбке.

— Он остыл, вспомнив, что подо мной дракон.

— Берегись его, бронзовый. Скоро он попытается убить тебя.

— Если сможет!

— Он считается неукротимым бойцом, — заметил Ф'нор, улыбка на его лице погасла.

Мнемент' захлопал крыльями, и Ф'лар машинально шлепнул его по громадной, покрытой мягкой кожей шее.

— Считаешь, что я уступаю ему? — спросил Ф'лар с легким раздражением.

— Насколько я знаю, нет, — быстро ответил Ф'нор. — Я не видел его в деле, но то, что я слышал, мне не нравится. Он убивает часто; иногда — без всякого повода.

— И поскольку мы, всадники, не жаждем крови, нас не опасаются? — резко спросил Ф'лар. — Тебе стыдно, что ты так воспитан?

— Нет, мне — нет! — Ф'нор судорожно втянул воздух, смущенный тоном командира. — И другим из нашего крыла — тоже! Но иногда люди Фэкса так смотрят на нас, что я невольно ищу какой-нибудь повод для схватки.

— Схватка нам, возможно, еще предстоит. Здесь, в Руате, происходит что-то непонятное. Наш благородный лорд теряет почву под ногами.

Мнемент', а затем и Кант', коричневый зверь Ф'нора, расправили крылья и захлопали ими, чтобы привлечь внимание всадников. Ф'лар пристально посмотрел на бронзового дракона; тот склонил голову к плечу человека, его огромные глаза, подобно опалам, сверкали под лучами солнца.

— В этой долине скрыта какая-то таинственная сила, — пробормотал Ф'лар, пытаясь понять, что могло растревожить дракона.

— Да, что-то тут есть, — согласился Ф'нор. — Даже мой коричневый стал тревожиться, попав сюда.

— Спокойно, брат, спокойно, — предостерег Ф'лар. — Подними крыло в воздух. Обыщем долину. Я должен был догадаться — предчувствие не оставляло меня. До чего же мы, всадники, погуптели, особенно в последнее время!

Холд опустел,
Бурьян во дворе,
На душах жестокий гнет.
Иссохла земля,
Распалась скала,
И больше надежды нет.

Лесса выгребала золу из очага, когда возбужденный посланец, шатаясь, ввалился в главный зал холда Руат. Она скорчилась у камина, стараясь слиться с закопченной каменной стеной, чтобы управляющий не заметил ее и не выгнал из зала. Утром ей удалось получить тут работу — она знала, что управляющий собирается дать взбучку мастеру цеха ткачей за дрянное качество товаров, предназначенных к отправке в холд Фэкса.

— Фэкс едет! И всадники с ним! — выдохнул посланец, едва окунувшись в полумрак главного зала.

Управляющий, как раз собиравшийся вклеить затрещину мастеру, в удивлении отвернулся от своей жертвы. Посланец, молодой фермер с окраины Руатанской долины, спотыкаясь, подошел к управляющему; тот с явным подозрением уставился на парня, потом снова занес руку.

— Как ты осмелился покинуть свой надел? — рявкнул он, размахиваясь. Первый же удар едва не сбил посыльного с ног. Парень вскрикнул и согнулся, уклоняясь от второй пощечины. — Значит, всадники? И сам Фэкс? Ха! Он избегает Руата. Вот тебе! Вот! Вот!

Управляющий подкреплял слова ударами, от которых голова несчастного вестника моталась из стороны в сторону. Наконец, запыхавшись, он повернулся и взглянул на ткача и двух своих помощников.

— Кто пустил сюда этого парня с его дурацким известием?

Управляющий шагнул к двери главного зала; та распахнулась, едва он прикоснулся к массивной железной ручке. Чуть не сбив управляющего с ног, ворвался старший караула с мертвенно-бледным лицом.

— Всадники! Драконы! По всей долине! — вопил он, дико размахивая руками. Схватив управляющего за плечо, он потащил оцепеневшего чиновника во двор, чтобы подтвердить истинность своих слов.

Лесса выгребла последнюю кучку золы. Прихватив ведро и со-

вок, она выскользнула из главного зала. На ее лице, скрытом завесой спутанных волос, сияла довольная улыбка.

Всадники в Руате! Какая возможность! Она должна придумать что-то, должна так унижить или разозлить Фэкса, чтобы он отказался от притязаний на этот холд в присутствии людей Вейра. Тогда она заявит о своем праве, принадлежащем ей с рождения.

Но ей придется вести себя очень осмотрительно. Всадники были людьми особыми. Ярость не туманила им разум. Алчность не искажала их суждений. Страх не ослаблял реакций. Пусть глупцы верят, что они приносят человеческие жертвы, предаются сверхъестественной похоти и безумным кутежам. Это неправда; ведь ей самой подобные дела не по нутру, а в ее жилах тоже течет кровь Вейра. И цвет крови у нее такой же, как у всех, и она пролила ее достаточно, чтобы убедиться в этом.

Лесса на мгновение замерла, затаив дыхание. Не эту ли опасность предчувствовала она на рассвете четыре дня назад? Решающую схватку в ее борьбе за возвращение холда? Нет, она знала: то предзнаменование несло в себе нечто большее, чем просто месть.

Задевая коленом о тяжелое ведро с золой, она проковыляла по низкому коридору к двери, что вела на конюшню. Фэкса ждет холдный прием — она не разожгла камин заново. Смех ее резким эхом заматался меж сырых стен. Она поставила ведро, сунула в угол совок и с трудом отворила массивную бронзовую дверь.

Эту новую конюшню возле скал Руата построил первый управляющий Фэкса — человек более умный, чем любой из восьми его преемников. Он многого достиг, и Лесса искренне сожалела, что ему пришлось умереть. Такой человек мог раскрыть ее тайну раньше, чем она научилась надежно скрывать свое вмешательство в дела холда. Как же его звали? Она не сумела вспомнить. Да, стоило пожалеть о его смерти.

Его сменил человек очень жадный, что позволило ей искусно посеять рознь между управляющим и мастерами. Он пытался выжимать всю возможную прибыль из руатанских товаров, рассчитывая, что сможет удовлетворить Фэкса, даже если часть доходов осядет в его собственных карманах. Мастера, привыкшие к умелой дипломатичности первого управляющего, возмутились алчностью и своеволием второго. Они сожалели о том, что прервалась кровная линия древних правителей Руата; их унижала потеря древнейшим холдом главенствующей роли на Плоскогорье; они не могли смириться с оскорблениями, которым подвергались ремесленники и фермеры при втором управляющем. Потребовалось очень небольшое, почти неувловимое вмешательство, чтобы дела в Руате из плохих стали совсем скверными.

Когда заменили и второго, преемник оказался не лучше. Вскоре его уличили в хищении товаров, причем самых лучших и дорогих. Быстрое на руку правосудие повелителя Плоскогорья не дремало, и очень скоро череп третьего скатился в яму для огненного камня под главной башней.

Что касается нынешнего управляющего, то он не был способен поддерживать холд даже в том жалком состоянии, в котором его принял. Любое начинание, да и просто повседневные дела неожиданно оборачивались бедствием. Например, производство одежды. Несмотря на все обещания, данные управляющим Фэксу, качество ее не улучшилось, а количество уменьшилось.

И вот Фэкс здесь. Вместе с всадниками! Почему? Вопрос заставил Лессу замереть на секунду, и тяжелая дверь больно ударила ее по пяткам. Раньше люди Вейра часто посещали Руат — она знала это и даже смутно вспоминала их визиты. В памяти остались только неясные тени — как от историй, рассказанных арфистом о ком-нибудь не имевшем к ней отношения. Ее внимание, пристальное и недоброе, было сконцентрировано лишь на Руате. Теперь она не смогла бы назвать имена королевы драконов или госпожи Вейра, которые учила в детстве. Пожалуй, эти имена не звучали в стенах Руата больше десяти последних Оборотов.

Возможно, всадники решили осмотреть все поселения... и наказать лордов, не очищающих камни от зелени. Тут, в Руате, вина за разросшуюся траву падала на Лессу; что ж, она готова бросить вызов даже всадникам, если те выяснят, в чем дело. Пусть лучше Руат погибнет при падении Нитей, чем останется во власти Фэкса! Эта еретическая мысль потрясла Лессу.

Наклонив ведро, она высыпала золу в мусорную кучу. «Если бы можно было так же легко облегчить совесть от бремени богохульства», — мелькнуло у нее в голове. Она резко выпрямилась, ощутив внезапное движение воздуха, и заметила промелькнувшую сверху тень.

Из-за возвышавшейся над ней скалы выплыл дракон, его громадные крылья, расправленные во всю ширь, ловили восходящие потоки теплого утреннего воздуха. Плавнo развернувшись, он начал снижаться. Второй, третий, четвертый — целое крыло грациозных и ужасных зверей, следуя за первым чудовищем, легко опустилось на землю. На башне раздался запоздалый сигнал, а в кухне зазвучали вопли и визг перепуганных служанок.

Лесса решила спрятаться. Она быстро нырнула в кухню, где тут же попала в лапы помощника повара, который швырнул ее к мойке. Ее заставили чистить песком покрытые жиром столовые приборы.

Скулящих собак загнали в большое колесо, и теперь они вра-

щали вертел, на который была насажена костлявая туша. Кухарка поливала мясо приправами, причитая, что приходится предлагать столь благородным гостям такую скудную трапезу. Сушеные фрукты, остатки жалкого прошлогоднего урожая, мокли в большом тазу, а две старые служанки чистили корни для супа.

Один из учеников повара замешивал тесто, другой искал специй, которые следовало добавить в подливку. Метнув в спину парня пристальный взгляд, Лесса заставила его пропустить нужную банку. Потом она с невинным видом набила дровами печь до отказа; теперь хлеб наверняка подгорит. Лучше всего ей удавалось управляться с собаками: подгоняя одних и придерживая других, она добилась того, что мясо осталось наполовину сырым. Можно надеяться, что трапеза закончится быстро и бурно; вряд ли пища, которая будет приготовлена сегодня утром в огромной кухне Руат-холда, понравится его повелителю.

Лесса не сомневалась, что наверху, в парадных комнатах, уже обнаружены разные упущения — мелкие, но неприятные, — загодя подготовленные именно для такого случая.

В кухню, заливаясь слезами, вбежала одна из женщин управляющего. Пальцы ее были окровавлены, на лице проступили следы от побоев. Очевидно, женщина искала убежища. Она невнятно забормотала, раскачиваясь и перемежая слова всхлипываниями:

— Лучшие одеяния изъедены насекомыми в клочья! В лучшем постельном белье устроила логово собака! Она кормит там щенков и страшно рычит, она цапнула меня за руку! Циновки сгнили, а комнаты господина полны мусора, нанесенного зимними ветрами... кто-то оставил ставни приоткрытыми. Едва-едва, но этого хватило...

Лесса, согнувшись, усердно начищала тарелки.

Глава 5

Страж порога, часовой,
Ты живешь в своей норе.
Бди-смотри, сторож мой,
Враг приходит на заре.

— Страж порога что-то скрывает, — задумчиво сказал Ф'лар. Они с Ф'нором совещались в большой, наспех прибранной комнате, в которой, несмотря на яркое пламя, пылавшее в камине, царил ледяной холод.

— Он стал нести какую-то бессмыслицу, когда Кант' заговорил с ним, — подтвердил Ф'нор. Облокотившись на каминную доску, он поворачивался то одним, то другим боком к огню, пытаясь согреться. Глаза его метались по комнате — следуя за Ф'ларом, нетерпеливо расхаживающим из угла в угол.

— Мнемент' его успокоит, — ответил Ф'лар. — Может быть, ему удастся выудить что-то из этого бреда. В нем больше старческого маразма, чем здравого смысла, однако...

— Сомневаюсь, — покачал головой Ф'нор, потом обвел внимательным взглядом затянутый паутиной потолок. Наверно, он переловил уже всех ползунов, но осторожность не помешает; не хотелось бы получить ядовитый укус в дополнение ко всем неудобствам, выпавшим на их долю в заброшенном холде. Если ночь будет теплой, он ляжет наверху, рядом с Кант'ом. Лучше спать там, чем пользоваться жалким гостеприимством холда Руат.

— Гм-м, — протянул Ф'лар, нахмурившись и задумчиво глядя на коричневого всадника.

— Не верится, что Руат пришел в такой упадок всего за десять Оборотов в силу естественных причин. Тут чувствуется организуемое влияние... Драконы ощущают присутствие ментальной силы в этом месте... и страж, родственное им существо, тоже способен ее улавливать. Но кто оказывает такое влияние...

— Возможно, некто нашей крови, — заметил Ф'лар.

Ф'нор бросил на своего командира быстрый взгляд, словно хотел убедиться в серьезности его замечания. Вся имевшаяся у них информация свидетельствовала об обратном.

— Я допускаю, что здесь присутствует сила, Ф'лар, — согласился он, — но источник ее гипотетичен. Возможно, какой-нибудь мужчина... внебрачный отпрыск старого рода. Нам же нужна женщина. А Фэкс определенно дал понять, что в день, когда Руат пал, всю семью прежнего лорда уничтожили. Женщин, детей... всех.

Коричневый всадник встряхнул головой, будто пытаясь рассеять сомнения; ему показалось странной уверенность Ф'лара. «Едва ли Поиск закончится в Руате», — подумал он.

— Однако страж что-то скрывает. Только некто нашей крови мог наложить подобный запрет, — настойчиво повторил бронзовый всадник. Он обвел комнату широким жестом. — Руат пал. Но это только кажется. На деле он сопротивляется... тайно, неуловимо, но сопротивляется. Более того, здесь присутствует не только ментальная сила. Нет-нет, я чувствую: здесь сложное переплетение — и сила, и корни старого рода.

Упрямое выражение глаз Ф'лара, его сурово сжатые губы заставили Ф'нора прекратить спор.

— Общем все вокруг этого несчастного холда, — пробормотал он и вышел из комнаты.

...Ф'лара изрядно утомила дама, любезно предоставленная ему Фэксом для услуг. Она бессмысленно хихикала и постоянно чихала. При этом она каждый раз вытаскивала какой-то клочок ткани — шарф или носовой платок, — которым, однако, ни разу не воспользовалась по назначению. Сей предмет туалета давно нуждался в хорошей стирке. От женщины исходил неприятный кисловатый запах пота, приторных масел и прогорклой пищи. Кроме того, она была беременна от Фэкса. Это не бросалось в глаза явно, но она сама сообщила Ф'лару обо всех подробностях — то ли по приказу своего лорда, то ли по глупости; похоже, она не сознавала оскорбительности подобного положения для бронзового всадника. Ф'лар предпочел не обращать внимания ни на этот факт, ни на женщину — кроме тех редких случаев, когда традиции требовали ее присутствия.

Сейчас леди Тела возмущенно тараторила про ужасное состояние покоев, предоставленных леди Гемме и другим дамам из свиты лорда.

— Ставни, обе пары, оставались распахнутыми всю зиму... Надо было видеть этот мусор на полу! Наконец нам прислали двух служанок, чтобы смести всю дрянь в камин и сжечь. Но он начал так ужасно дымить! — Леди Тела нервно хихикнула. — Пришлось послать человека на крышу; выяснилось, что дымоход перекрыт упавшим камнем! Счастье еще, что сам камин не развалился.

Она взмахнула носовым платком, и Ф'лару пришлось задерживать дыхание, чтобы избежать приступа тошноты.

Он взглянул на лестницу, что вела во внутренние покои. Леди Гемма медленными, неуверенными шагами спускалась вниз, в главный зал холда. Покорность судьбе и бесконечная усталость — вот что читалось в ее походке.

— О, бедная леди Гемма! — пробормотала Тела, печально вздыхая. — Мы так беспокоимся... Не знаю, зачем милорд Фэк настоял на ее поездке. Срок еще не подошел, но все же...

«Кажется, сочувствие этой легкомысленной особы вполне искренне», — отметил Ф'лар. Внезапно он почувствовал острый приступ ненависти к Фэксу, бессмысленно жестокому с женой. Покинув собеседницу, продолжавшую тараторить ему вслед, он подошел к лестнице и протянул руку леди Гемме, помогая ей спуститься по крутым ступеням. Пальцы женщины на мгновение сжали его запястье жестом благодарности. Лицо ее было очень

бледным и напряженным; глубокие морщины вокруг рта и под глазами выдавали усилия, которых стоил ей спуск.

— Я вижу, кто-то пытался привести зал в порядок, — заметила она светским тоном.

— Вроде бы, — сухо согласился Ф'лар, окидывая взглядом огромный зал, с потолочных балок которого свисала многолетняя паутина. Ее обитатели время от времени с сочными шлепками падали на пол, на сервированные столы с посудой. Стылые каменные стены зияли пустотой — с них давно убрали древние знамена руатанских властителей. Жирные потеки расплылись на грязных плитах пола. Правда, лежавшие на козлах крышки столов казались только что вычищенными, а блюда тускло поблескивали в сиянии недавно замененных светильников. К сожалению, последнее было явной ошибкой — яркий свет отнюдь не шел на пользу интерьеру, который выглядел бы приличнее в полумраке.

— Раньше зал был таким нарядным. — Тихий шепоток леди Геммы предназначался только для ушей Ф'лара.

— Вы были друзьями? — с вежливым интересом спросил он.

— Да, в юности. — Она подчеркнула последнее слово, дав понять всаднику, что тот период ее жизни являлся более счастливым. — Это был благородный род!

— Возможно, кому-то удалось избежать смерти?

Леди Гемма бросила на него удивленный взгляд, лицо ее дрогнуло, но она быстро овладела собой. Еле заметно покачав головой, она заняла свое место за столом и слегка склонила голову, выражая благодарность Ф'лару и одновременно разрешая ему удалиться.

Бронзовый всадник вернулся к своей даме и усадил ее за стол слева от себя. Леди Гемма, единственная женщина благородного происхождения из всех присутствующих на вечерней трапезе в Руат-холде, находилась справа от него; рядом должен сидеть Фэкс. Всадники крыла и военачальники Фэкса разместятся за нижними столами. Из мастеров холда ни один не был приглашен в главный зал.

Вместе с очередной пассивностью и двумя младшими командирами появился Фэкс. Их сопровождал управляющий, он постоянно кланялся. Ф'лар заметил, что он, как и подобало чиновнику, чье хозяйство находится в столь печальном состоянии, держался на приличной дистанции от своего повелителя. Ф'лар шелчком сбил со стола ползуна, уголком глаза заметив, как леди Гемма вздрогнула от отвращения.

Фэкс, громко топая, подошел к стоящему на помосте столу;

лицо его почернело от едва сдерживаемого гнева. Он резко рванул на себя кресло, задев соседнее, то, в котором сидела леди Гемма; потом с такой силой придвинул кресло к столу, что едва не сбросил столешницу с козел. Лорд мрачно осмотрел свой кубок и провел пальцем по тарелке, готовый в ярости отшвырнуть и то и другое, если посуда окажется грязной.

— Жаркое, мой повелитель, и свежий хлеб, и фрукты, и коренья — из тех, что еще остались.

— Остались? Остались! Ты же говорил, что в Руате ничего не удалось собрать!

Глаза управляющего выпучились; судорожно сглотнув, он, заикаясь, произнес:

— Ничего, что стоило послать... Ничего достойного, мой лорд... ничего... Если бы я знал о твоём прибытии, я отправил бы людей в Кром...

— В Кром? — взревел Фэкс, грохнув о стол тарелкой, которую изучал, с такой силой, что ее края выгнулись. Управляющий вздрогнул, словно Фэкс нанес увечье ему.

— За хорошими продуктами, мой повелитель, — пролепетал он дрожащим голосом.

— В тот день, когда один из моих холодов не сможет прокормиться сам или достойным образом принять своего законного господина, я отрекусь от него!

Леди Гемма вздрогнула. И в то же мгновение снаружи взревели драконы. Ф'лар ощутил всплеск силы, пронизавший пространство подобно молнии из грозовой тучи. Почти инстинктивно он бросил взгляд на нижний стол, разыскивая Ф'нора. Тот еле заметно кивнул. Как и остальные всадники, он тоже уловил необъяснимую вспышку ликования.

— Что случилось, всадник? — рявкнул Фэкс.

Ф'лар, изобразив недоумение, вытянул под столом ноги и небрежно развалился в кресле.

— Случилось?

— Драконы!

— А... ничего. Они часто режут... на проходящие мимо стада, при закате солнца или во время еды, — и Ф'лар одарил лорда Плоскогорья дружелюбной улыбкой.

Возле него слабо пискнула Тела:

— Во время еды? Их разве не кормили?

— Кормили. Пять дней назад.

— Пять... дней... назад? А когда они опять... опять проголодаются? — Ее голос понизился до боязливого шепота, глаза округлились.

— Только через несколько дней, — заверил ее Ф'лар.

Напустив на себя выражение отрешенной задумчивости, он быстро осмотрел зал. Источник всплеска находился где-то рядом. Возможно, в зале или ближайших к нему помещениях. Ментальный разряд последовал сразу же за словами Фэкса; очевидно, они послужили его причиной. Ф'лар заметил, что Ф'нор и другие всадники исподволь разглядывают каждого человека в зале. Солдат Фэкса и людей управляющего можно исключить — ментальный сигнал нес неуволимо женский оттенок.

Одна из женщин Фэкса? Ф'лар с трудом мог в это поверить. Мнемента достаточно долго находился рядом с ними, и ни одна не выказала силы — и, за исключением леди Геммы, ума.

Может быть, какая-то женщина в зале? Но он видел только жалких служанок да старух, которых управляющий держал в качестве экономок. Женщина управляющего? Надо разузнать, есть ли у него кто-нибудь. Или одна из подружек стражников холда? Ф'лар подавил произвольное желание встать и немедленно приступить к поискам.

— Выставлена ли охрана? — небрежно спросил он Фэкса.

— В холде Руат — в двойном количестве! — прохрипел лорд; голос его, резкий, напряженный, походил на тревожный звук боевого горна.

— Тут? — Ф'лар в насмешливом недоумении поднял брови, окинув взглядом жалкую обстановку зала.

— Именно тут! — прорычал Фэкс и громко приказал: — Еды!

Пять служанок, пошатываясь под тяжестью блюд с жарким, вошли в зал. Две были одеты в такие засаленные, выпачканные сажей лохмотья, что Ф'лар вздрогнул от отвращения; оставалось надеяться, что приготовление пищи происходит без их участия. Никто из обладающих силой не пал бы так низко, если только...

Когда подносы очутились на столах, исходящий от них запах ошеломил Ф'лара. Зал наполнился вонью горелых костей и подгоревшего мяса. Даже от кувшина с напитком кла, который внесла еще одна служанка, исходил неприятный запах. Управляющий с усердием точил нож, как будто острым лезвием можно было вырезать съедобный кусок из обуглившейся туши.

Леди Гемма задержала дыхание, и Ф'лар заметил, как ее пальцы судорожно сжались на подлокотниках кресла. Он с жалостью посмотрел на бледное лицо женщины; даже испытанному бойцу было нелегко выдержать подобную трапезу.

Служанки вернулись, нагруженные деревянными подносами с хлебом. Над ним заметно потрудились, кое-где соскребая, а местами даже срезая горелые корки. По мере появления прочих яств

Ф'лар пытался разглядеть лица служанок. Одна из них поставила перед Геммой блюдо с бобами, плававшими в жирной подливке; ее черты скрывали длинные спутанные волосы, падавшие на грудь. Ф'лар уныло поковырял бобы, пытаясь выбрать что-нибудь подходящее для леди Геммы. Не скрывая отвращения, она покачала головой; на лбу ее выступили капли пота.

Ф'лар уже собирался уделить внимание сидевшей слева леди Теле, чтобы услужить ей, когда заметил, что Гемма снова конвульсивно вцепилась в подлокотники кресла. Внезапно он понял, что приступы вызваны не только видом и запахом отвратительной пищи: женщину мучили предродовые схватки.

Ф'лар посмотрел на Фэкса. Властелин Плоскогогорья мрачно наблюдал за попытками управляющего вырезать из костлявой туши достойный лорда кусок.

Всадник слегка коснулся пальцами руки леди Геммы. Она повернула голову ровно настолько, чтобы видеть его краешком глаза, — и попыталась улыбнуться с приличествующей хозяйке дома вежливостью. Поняв причину его беспокойства, она шепнула, почти не разжимая губ:

— Я не имею права уйти сейчас из-за стола, лорд Ф'лар. Тут, в Руате, он всегда нервничает и становится опасным. Может быть, схватки ложные... это бывает в моем возрасте.

«Сомнительно», — решил Ф'лар, увидев, как тело ее вновь содрогнулось. Он поразился мужеству женщины и с сожалением подумал, что, будь она моложе, его Поиск уже завершился бы.

Управляющий дрожащими руками поднес Фэксу блюдо с кусками пережаренного мяса, среди которых, впрочем, попадались вполне приличные.

Один яростный взмах тяжелого кулака Фэкса — и тарелка с мясом и соусом полетела в лицо чиновнику. Ф'лар с сожалением вздохнул; единственная съедобная порция пропала.

— Ты называешь это пищей? И смеешь предлагать своему лорду? — орал Фэкс. Его голос гулко отражался от каменных сводов и сотрясал тонкие нити паутины. Послышались звучные шлепки — ползуны посыпались вниз.

Ф'лар быстро смахнул опасных тварей с платья леди Геммы. Она была совершенно беспомощной — очередная схватка оказалась очень сильной.

— Мой господин, это все, что у нас есть... нас поздно уведомил... — визжал управляющий; соус пополам с кровью стекал по его щекам. Фэкс швырнул в него кубок, и соус смешался с вином. Затем последовали дымящееся блюдо с кореньями и столо-

вый прибор. Управляющий вскрикнул от боли, когда капли горячей подливки попали на кожу.

— Господин, господин, если бы я только знал...

— Очевидно, Руат не может достойно принять своего правителя. Тебе, лорд, стоит отречься от такого холда, — услышал Ф'лар свой голос.

Он был потрясен словами, что невольно слетели с его губ, — потрясен не меньше, чем остальные люди, восседавшие за столами в главном зале Руата. Наступила тишина, которую нарушали только сочные шлепки падавших вниз ползунов да мягкий стук капель разлившегося жирного соуса. Скрипнув сапогами, Фэкс всем телом медленно повернулся в кресле и взглянул в лицо бронзового всадника. Ф'лар боролся с изумлением, пытаясь сообразить, как выйти из неприятного положения. Тем временем лорд неторопливо поднялся на ноги, положив ладонь на рукоятку кинжала.

— Верно ли я расслышал твои слова? — спросил он с застывшим лицом.

Ф'лар, уже не пытаясь понять, как он рискнул бросить столь откровенный вызов, принял небрежную позу.

— Ты упомянул, милорд, — лениво протянул он, — что отречешься от холда, который не сможет прокормиться и достойно принять своего господина.

Фэкс пристально уставился на всадника; потом губы его презрительно искривились, в глазах мелькнуло торжество. Ф'лар, с выражением нарочитого безразличия на лице, быстро обдумывал ситуацию. Во имя Золотого Яйца, неужели он потерял всякое благоразумие?

С показным равнодушием он подцепил ножом какие-то овощи и принялся их медленно жевать. Взгляд его метнулся к нижнему столу, и он заметил, что Ф'нор внимательно осматривает зал, задерживаясь на каждом лице. Внезапно губы Ф'лара сжались: он понял, что случилось! Он, бронзовый всадник, каким-то образом подпал под влияние неведомой силы, таившейся здесь. Его умышленно толкали к поединку с Фэксом! Почему? Для чего? Чтобы заставить Фэкса отречься от Руата? Невероятно! Но для такого поворота событий могла существовать одна-единственная причина. Ф'лар почувствовал, как его переполняет ликование — острое, как боль. Сейчас он должен сохранить выражение туповатого безразличия на лице, должен удержать Фэкса от схватки. Поединок недопустим; нельзя тратить время на такие забавы.

Леди Гемма глухо вскрикнула, нарушив напряженную тиши-

ну. Фэкс взглянул на нее и поднял сжатый кулак, явно собираясь опустить его на голову женщины. Гемма прижала ладони к напряженному, вздутому животу; должно быть, она испытывала ужасные муки. Ф'лар не рискнул смотреть в ее сторону — ему оставалось только гадать, застонала она от нестерпимой боли или только затем, чтобы разрядить напряжение.

Вдруг Фэкс расхохотался. Откинув назад голову, он разинул рот, показав огромные гнилые зубы. Смех его походил на рев дикого зверя.

— Ладно, отрекаюсь! В пользу ее потомка... если родится сын... и если он выживет! — проревел он, задыхаясь от смеха.

— Услышано и засвидетельствовано! — выкрикнул Ф'лар, вскочив на ноги и протянув руку к своим людям.

Всадники тут же поднялись.

— Услышано и засвидетельствовано! — подтвердили они традиционную формулу клятвы.

Это движение и звуки голосов словно разрядили атмосферу в огромном зале. Послышалось бормотание, шепот, женщины поднялись со своих мест, заметались вокруг стола, раздавая приказания слугам и обмениваясь впечатлениями по поводу грядущих событий. Наконец, подобные стайке глупых клуш, согнанных с насестов, они нерешительно приблизились к леди Гемме, стараясь держаться подальше от своего лорда и повелителя. Страх перед Фэксом перевешивал сострадание к несчастной.

Фэкс понял это. Резко рассмеявшись, он пинком опрокинул кресло, перешагнул через него и направился к блюду с мясом. Не переставая хохотать, он вырезал ножом огромные куски и заталкивал их в рот, не обращая внимания на то, что соус обильно орошал его кожаную куртку.

Когда Ф'лар склонился над леди Геммой, чтобы помочь ей подняться из кресла, женщина с неожиданной силой сжала его руку. Глаза их встретились. Ее зрачки были затуманены пеленой боли. Она притянула его ближе.

— Берегись, бронзовый всадник, он хочет убить тебя. Ему нравится убивать, — прошептала она.

— Всадника нелегко убить, моя храбрая леди. Но я благодарен тебе.

— Я не хочу, чтобы ты погиб, — мягко произнесла она. — У Перна осталось так мало бронзовых всадников!

Ф'лар изумленно воззрился на нее. Неужели эта женщина, супруга Фэкса, почитала Древние Законы? Кивком головы подозвав двух помощников управляющего, он велел отнести Гемму в

верхние покои холда. Потом поймал за руку леди Телу, в возбуждении кинувшуюся следом.

— Чем я могу помочь?

— О, о! — воскликнула она, в смятении заламывая руки. Лицо ее было искажено паникой. — Нужна вода, горячая, чистая. Тряпки. И повитуха. О да, нам нужна повитуха!

Ф'лар оглянулся, высматривая подходящую женщину. Взгляд его скользнул по жалкой, облаченной в рубише замарашке, которая ползала по полу, собирая остатки пищи. Он подозвал управляющего и приказал немедленно послать за повитухой. Тот пнул скорчившуюся на полу служанку.

— Эй ты... ты! Как тебя! Приведи ту старуху из поселения ремесленников! Ты должна ее знать!

Грязное лицо, бесформенная одежда и свисающие на глаза космы не позволяли определить возраст служанки, но Ф'лар решил, что она далеко не молода. Однако с проворством, не соответствующим возрасту, женщина отпрянула в сторону, избежав второго пинка управляющего, потом торопливо поднялась, пересекла зал и скрылась за дверью, ведущей в кухню.

Фэкс кромсал мясо и метал куски в рот, временами раздражаясь громким хохотом. Ф'лар, потеряв терпение, подошел к туше и, не дожидаясь приглашения хозяина, тоже начал вырезать аккуратные ломти; кивком головы он предложил всадникам последовать его примеру. Люди Фэкса ждали, пока насытятся их лорд.

Глава 6

Мой добрый лорд, защитник здешних мест,
Среди забот твоих важнее нет, поверь мне:
Пусть в толще стен блещет металлом двери
И — ни травинки не растет окрест.

Лесса выскочила из главного зала на дорогу, ведущую к поселку ремесленников. Разочарование переполняло ее. Цель была так близка! Так близка!

Как она могла почти вплотную подойти к ней — и потерпеть неудачу? Фэкс должен был бросить вызов всаднику. А всадник, молодой и сильный, казался отличным бойцом. Он не стал бы медлить. И тем не менее... Неужели на Перне, задушенное зарослями зеленой травы, погибло всякое представление о чести?

Почему, о, почему судьба распорядилась так, что именно в этот момент у леди Геммы начались роды? Если бы она не засто-

нала, Фэкс наверняка сцепился бы со всадником... Но вся его хваленая отвага, весь его опыт злобного забияки не спасли бы Фэкса от клинка всадника, ведь и она, Лесса, не осталась бы в стороне. Холд должен принадлежать роду законных правителей! Фэкс не покинет Руат живым! В голове Лессы кружился водоворот мыслей.

Вдруг над ней, на верхушке дозорной башни, громадный бронзовый дракон испустил странный тихий мелодичный звук, и его фасетчатые глаза блеснули, как бы приветствуя надвигающиеся сумерки.

Почти инстинктивно она успокоила и дракона, и стража порога. Тот не зарычал, не выполз из своего логова, когда она проходила мимо. Лесса знала, что драконы допрашивали его; она слышала, как бедняга нес в панике какую-то чепуху. Эти драконы любого способны довести до икоты...

Дорога к поселку вела вниз, ее плавный наклон словно подгонял быстрые ноги Лессы. С разгона она едва не проскочила мимо массивной двери в каменной стене жилища, где обитала повитуха. Лесса заколотила в дверь и услышала испуганное восклицание.

— Роды! Роды в холде! — закричала Лесса, продолжая стучать.

— Роды? — Приглушенный голос раздался одновременно со звяканьем запоров. — Кто?

— Леди из семьи Фэкса! Поторопись — во имя собственной жизни... Если родится мальчик, он станет повелителем Руата.

Это заставит ее двигаться проворнее, решила Лесса, и в тот же миг муж повитухи распахнул дверь. Она увидела, как женщина торопливо собирает необходимые вещи, увязывая их в платок. Весь путь вверх, к холду, Лесса тянула повитуху за руку, а в воротах едва удержала, когда та попыталась удрать, увидев дракона, восседающего на башне. Лесса затащила ее во двор и втолкнула в главный зал холда.

При виде собравшихся там людей женщина в замешательстве остановилась, вцепившись в ручку внутренней двери. Фэкс, откинувшись в кресле и положив ноги на стол, подравнивал ножом ногти, фыркая от смеха. Всадники, облаченные в свои кожаные одежды, неторопливо ели за одним из нижних столов. Дождавшиеся своей очереди солдаты трудились над остатками жаркого.

Бронзовый всадник заметил застывшие в дверях фигуры. Он повелительным жестом указал женщинам в сторону внутренних покоев. Лесса тщетно тянула повитуху за руку, не в силах заставить женщину пересечь огромный зал. К ее удивлению, всадник вдруг поднялся и подошел к ним.

— Поторопись, старуха, леди Гемма вот-вот родит, — сказал он, озабоченно хмурясь, и снова властным жестом указал на лестницу, что вела внутрь холда. Увидев, что старуха стоит как вкопанная, он крепко взял ее за плечо и, невзирая на сопротивление, повел повитуху к ступенькам. Лесса держала ее за другую руку.

Когда они достигли лестницы, всадник отпустил женщину и велел Лессе сопровождать ее наверх. Лесса потащила за собой упиравшуюся повитуху. Оглянувшись, она заметила внимательный взгляд всадника, устремленный на ее пальцы, вцепившиеся в рукав грубого одеяния. Лесса украдкой поглядела на свою руку — на удлиненную кисть великолепной формы, на тонкое изящное запястье и нежную кожу предплечья. Даже грязь, обломанные ногти и напряжение, с которым она цеплялась за платье повитухи, не могли скрыть врожденного изящества этой руки. Лесса заставила ее очертания расплыться.

Схватки у леди Геммы уже стали сильнее, и не все шло хорошо. Когда Лесса попыталась выскользнуть из комнаты, повитуха бросила на нее умоляющий взгляд, и девушке пришлось остаться. Было ясно, что от женщин Фэкса толку мало. Они сгрудились около высокой кровати, заламывая руки и галдя визгливыми голосами. Лессе и повитухе пришлось самим снять с леди Геммы одежду, уложить роженицу поудобнее и придерживать ее руки во время особенно сильных схваток.

От былой красоты на лице роженицы почти ничего не осталось. Лесса видела закатившиеся глаза, губы, закушенные, чтобы сдерживать стоны... Кожа женщины посерела, дыхание стало отрывистым и хриплым, пот лился градом.

— Плохи дела, — вполголоса заметила повитуха. — Эй, вы, там, хватит хныкать, — скомандовала она, обернувшись. Робость ее исчезла; ситуация и профессиональный навык давали ей власть даже над женщинами высшего круга. Она ткнула пальцем в одну из них: — Принеси мне горячей воды. А ты, госпожа, — ее палец остановился на другой, — держи наготове чистые тряпки. Остальные — поищите что-нибудь теплое для младенца. Если он родится живым, его необходимо уберечь от холода и сквозняков.

Успокоенные властным тоном повитухи, женщины прекратили бестолковые причитания и бросились выполнять приказы.

Если он останется живым... Слова эхом отдались в голове Лессы. И если он выживет, чтобы стать лордом Руата... Ребенок Фэкса? Это не входило в ее планы — хотя...

Леди Гемма машинально стиснула пальцы Лессы, и та, полная невольного сочувствия, крепко пожала руку роженицы в ответ.

— Она истекает кровью, — пробормотала повитуха. — Принесите еще тряпок.

Женщины снова невнятно запричитали, но отдельные фразы все-таки можно было разобрать:

— Не стоило заставлять ее ехать так далеко...

— Они оба умрут... И она, и ребенок...

— О, кровь, слишком много крови!

«Слишком много крови, — подумала Лесса. — Мне не за что на нее сердиться. Ребенок появится на свет слишком рано... Он не выживет... — Она взглянула на искаженное страданием лицо, окровавленную нижнюю губу. — Но сейчас она не кричит... Почему же она застонала тогда?» Гнев охватил Лессу; леди Гемма, по непонятной причине, намеренно отвлекла Фэкса в самый критический момент... Она в ярости стиснула запястье женщины, словно собиралась сломать ей руку.

Внезапная боль вырвала леди Гемму из полузабытья, нарушаемого лишь сотрясавшими ее схватками, повторявшимися все чаще и чаще. Моргая — пот заливал ей глаза, — она с отчаянием посмотрела в лицо Лессы.

— Что я тебе сделала? — произнесла она, задыхаясь.

— Сделала? Руат была почти в моих руках, когда ты вскрикнула — вскрикнула нарочно! — с холодной яростью прошептала Лесса, склонившись так низко, что даже повитуха у изножья кровати не могла слышать ее. Гнев туманил ей голову; казалось, она потеряла всякую осторожность. Но вряд ли это было важно — роженица находилась на пороге смерти.

Глаза леди Геммы расширились.

— Но всадник... бронзовый всадник... Нельзя допустить... чтобы Фэкс убил его... Их так мало, бронзовых всадников... Они все нужны нам... И старые истории... о звезде... звезда... — Она не смогла договорить, сильнейшая схватка сотрясла ее тело. Тяжелые кольца на пальцах больно впились в руки Лессы, когда умирающая судорожно уцепилась за девушку.

— О чем ты? — спросила Лесса хриплым шепотом.

Но женщина испытывала такие страдания, что едва могла дышать. Глаза ее, казалось, вылезали из орбит, тонкие бескровные губы искривились. Лесса почувствовала, как древний женский инстинкт оживает в ней самой; несмотря ни на что, она жаждала облегчить муки несчастной, смирить нарастающую боль. Однако в ушах продолжали звучать слова Геммы. Значит, Гемма спасала не Фэкса, а всадника? Звезда... Она имела в виду Алюю Звезду? И что за старые истории, о которых она упомянула?

Повитуха, прижав ладони к животу Геммы, давила на него,

выкрикивая советы обезумевшей от боли роженице. Вдруг тело женщины конвульсивно содрогнулось; Лесса попыталась удержать ее, но леди Гемма широко раскрыла глаза и улыбнулась с непонятным облегчением. Потом она рухнула на руки Лессы и затихла.

— Она умерла! — взвизгнула одна из женщин и выскочила из комнаты. Ее голос долгим эхом прокатился по анфиладе каменных покоев: — Умерла... ла... ла... ла-а... — долетело до потрясенных женщин, столпившихся у кровати.

Лесса опустила леди Гемму на постель, с удивлением глядя на странную торжествующую улыбку, застывшую на ее лице. Девушка отступила в тень; печаль и сожаление терзали ее сердце. Она никогда не колебалась раньше, стараясь дотла разорить Руат и нанести вред Фэксу, но теперь она трепетала от раскаяния. Жажда мести ослепила ее; она забыла, что и другие могли оказаться во власти ненавистного Фэкса. Одной из жертв была леди Гемма, и эта женщина перенесла гораздо больше унижений и жестоких обид, чем сама Лесса. Но она, Лесса, не поняла этого; она выплеснула свой гнев на женщину, которая заслуживала уважения и жалости.

Лесса встряхнула головой, чтобы рассеять переполнявшее ее ощущение трагической безысходности. Но у нее не было времени для сожалений и раскаяния. Не сейчас. Фэкс в Руате, в ее холде, и он не должен уйти отсюда живым. Она прикончит его, отомстит не только за себя, но и расквитается с ним за зло, причиненное Гемме.

Это нужно сделать. И у нее теперь есть средство. Ребенок... Да, ребенок! Она скажет, что младенец жив. Что родился мальчик. Всаднику придется сражаться. Он слышал и засвидетельствовал клятву Фэкса.

Она торопливо шла по пустынным коридорам, ведущим в главный зал, и на губах ее змеилась улыбка. Но улыбка Лессы не походила на ту, что застыла на лице мертвой женщины, лежащей в одном из верхних покоев.

Она едва не ворвалась в главный зал, но вдруг поняла, что в предвкушении триумфа почти утратила контроль над собой. Лесса остановилась у входа и глубоко вдохнула теплый, чуть влажноватый воздух. Потом ссутулилась, вновь становясь неприметной служанкой, и вошла в зал.

Вестница смерти всхлипывала, распростершись у ног Фэкса.

Лесса скрипнула зубами от внезапно накатившей на нее волны ненависти. Этот выродок добился своего: леди Гемма умерла, давая жизнь его семени. Он был доволен — и уже успел послать за

своей новой фавориткой. Несомненно, чтобы объявить ее госпожой.

— Ребенок жив! — закричала Лесса голосом, искаженным от гнева и ненависти. — Он жив! Родился мальчик!

Фэкс вскочил, отпихнув ногой плачущую женщину, и злобно уставился на Лессу.

— Ребенок жив. Это мальчик, — повторила она, успокаиваясь. Ярость, охватившая Фэкса, развеяла ее. — У Руата новый по- велитель!

Снаружи донесся рев драконов.

Лицо Фэкса налилось кровью. Внезапно он бросился к лестнице, выкрикивая проклятья. Прежде чем Лесса успела увер- нуться, тяжелый кулак опустился на ее голову. Она упала, скати- лась по ступеням на каменный пол и замерла грудой грязных лохмотьев.

— Остановись, Фэкс! — Голос Ф'лара прорезал тишину в тот самый момент, когда лорд Плоскогогорья занес ногу, намереваясь ударить бесчувственное тело.

Фэкс обернулся, пальцы его инстинктивно сомкнулись на ру- кояти кинжала.

— Услышано и засвидетельствовано, Фэкс! — произнес всад- ник, подняв руку в предостерегающем жесте. — Засвидетельство- вано людьми Вейра! Ты обязан выполнить клятву!

— Засвидетельствовано? Людьми Вейра? — вскричал Фэкс и с издевкой рассмеялся. — Вейрским бабьем, ты хочешь сказать? — Он усмехнулся, небрежно указав на всадников.

На мгновение его ошеломила скорость, с которой в руке брон- зового всадника появился клинок.

— Бабьем? — переспросил Ф'лар угрожающе мягким голосом.

Он двинулся на Фэкса; лезвие кинжала, описывающего плав- ные круги, засверкало в пламени светильников.

— Бабье! Паразиты Перна! Ваша власть кончилась! Кончилась навсегда! — проревел Фэкс и, прыгнув навстречу всаднику, при- нял боевую стойку.

Противники не замечали поднявшейся вокруг суеты. Их люди торопливо растаскивали столы, освобождая место для поединка. Ф'лар не рискнул оглянуться на тело служанки, но инстинкт и разум говорили ему, что именно она была источником силы. Он почувствовал это сразу же, стоило ей появиться в зале. Рев драко- нов подтвердил его предположение. Если она расшиблась на- смерть... Он шагнул к Фэксу и тут же отпрянул в сторону, укло- няясь от свистящего клинка.

Ф'лар легко отразил первую атаку. Он прикинул, насколько

далеко достает удар противника, и решил, что у него есть некоторое преимущество. Но не слишком большое, жестко напомнил он себе.

Фэкс имел гораздо больший опыт настоящих поединков — тех, что заканчиваются смертью противника, а не тренировочных схваток до первой крови. Ф'лар отметил, что ему следует избегать ближнего боя. Противник слишком массивен и крепок, чтобы в поединке с ним полагаться на грубую силу; тут главным оружием должно стать проворство.

Лорд сделал ложный выпад; Ф'лар отклонился назад. Разделенные шестью футами пространства, оба замерли в боевой стойке, слегка согнув широко расставленные ноги, крепко сжав кинжал правой рукой и держа левую наготове.

Фэкс начал атаку снова. Ф'лар позволил ему приблизиться на длину руки, скользнул вбок и нанес удар. Он почувствовал, как конец лезвия прорезал одежду, и услышал злобный вскрик Фэкса. Однако лорд передвигался быстрее, чем можно было ожидать от человека такого мощного сложения, и Ф'лару вновь пришлось уворачиваться. Клинок Фэкса скользнул по куртке из толстой кожи.

В зловещем молчании враги кружили в центре зала, выжидая подходящий момент для атаки. Фэкс ринулся вперед, надеясь использовать свое преимущество в весе; он попытался загнать более легкого и быстрого всадника в угол между поднятым помостом и стеной. Ф'лар кинулся ему навстречу, нырнул под кинжал и наискось ударил Фэкса в бок. Лорд вцепился в него и сильно рванул на себя, принуждая к ближнему бою. Ф'лар оказался прижатым к груди противника, левой рукой он отчаянно вцепился в его запястье, удерживая нависший над ним клинок. Ф'лар резко ударил коленом вверх — и Фэкс согнулся от боли в паху. С хрипом заглывая воздух, Ф'лар отскочил в сторону. Он сделал это быстро, очень быстро — но уйти невредимым ему не удалось: в левом плече ощущалось разгорающееся жжение.

Лицо Фэкса пылало, он хрипел от боли и злобы — зверь, почувшавший кровь. Ф'лар не получил передышки — разъяренный лорд выпрямился и прыгнул вперед. Всадник отскочил — и сделал это вовремя. Теперь противников разделял заваленный грязной посудой и объедками стол. Ф'лар напряг мышцы, пытаясь определить, насколько серьезно он ранен: в плечо словно воткнули раскаленную головешку. Рана причиняла боль, но рука повиновалась ему, как прежде.

С яростным воплем Фэкс схватил с подноса пригоршню обглоданных костей и швырнул их Ф'лару в лицо. Всадник при-

гнулся и на краткий миг выпустил врага из вида. Когда он поднял голову, Фэкс уже стоял рядом, а его клинок устремился к животу Ф'лара. С быстротой, выработанной годами тренировок, Ф'лар отпрянул назад; неожиданный выпад — и его кинжал рассек руку Фэкса. Глаза всадника сверкнули — левая рука лорда Плоского-рья бессильно повисла вдоль тела.

Фэкс стоял, покачиваясь. Ф'лар метнулся вперед, развивая успех. Однако он недооценил противника, и ему пришлось снова уворачиваться от клинка, а Фэкс тем временем ударил его ногой в бок. Рухнув на пол и скорчившись от боли, всадник откатился к стене. Фэкс, шатаясь, шел на него. По-видимому, он хотел навалиться всем телом на более легкого соперника и нанести последний удар. Всадник успел встать на ноги, однако выпрямиться не сумел — и это, как ни странно, спасло его. Фэкс сильно наклонился вперед, стараясь достать клинком шею противника, потерял равновесие и упал. Ф'лар изо всех сил ударил в незащищенную спину лорда. Лезвие вошло точно под лопатку.

Поверженный властитель распростерся на грязных каменных плитах пола. Ф'лар поднял голову; тихие причитания разорвали дымку боли, окутавшую его. Сквозь застывший глаза туман он увидел женщин, столпившихся у входа в холл. Одна осторожно держала на руках сверток из белоснежного полотна. Ф'лар не сразу понял, что это значит; он чувствовал, что ему следует привести мысли в порядок.

Взгляд его упал вниз, на мертвое тело с торчащей из спины рукоятью кинжала. Он почувствовал, что убийство этого человека не доставило ему удовольствия — только облегчение, тяжкий груз спал с его плеч. Всадник вытер лоб рукавом и заставил себя выпрямиться. В боку пульсировала боль, левое плечо горело. Нетвердой походкой он подошел к служанке, которая все еще лежала у ступенек внутренней лестницы.

Он осторожно перевернул ее беспомощное тело. В глаза бросился страшный, расплывшийся под грязной кожей кровоподтек. Откуда-то сзади доносился властный голос Ф'нора. Очевидно, коричневый всадник принял на себя командование над суетившимися в зале людьми.

Ф'лар положил ладонь на грудь женщины, пытаясь уловить биение сердца. Он изо всех сил старался сдержать дрожь, но пальцы его тряслись. Наконец он почувствовал удар... потом другой; сердце билось — редко, но сильно. Глубокий вздох облегчения вырвался у всадника. Такой сильный удар и падение с лестницы могли оказаться губительными для нее. Для Перна, возможно, тоже.

К облегчению, однако, примешивалась брезгливость. Слой грязи и пятна сажи на лице не позволяли определить возраст этого создания. Ф'лар поднял женщину на руки; несмотря на усталость после схватки, тело ее показалось ему очень легким. Оставив Ф'нора наводить порядок в холде, он понес служанку в отведенный ему покой.

Комната тонула в полумраке. Он положил женщину на высокую кровать, разворошил угли в камине и зажег светильник в изголовье постели. Одна мысль о том, что ему придется коснуться грязных спутанных волос, вызвала у Ф'лара отвращение. Однако он осторожно отбросил со лба женщины перепачканные золой пряди и поднес светильник ближе. Черты ее лица оказались правильными, тонкими. Левая рука, едва прикрытая лохмотьями, выше локтя была почти чистой; на нежной и гладкой, без морщин, коже проступали синяки и старые шрамы. Он взял ее ладони в свои и внимательно осмотрел; изящные кисти, хорошей формы, длинные пальцы, хотя и покрытые грязью...

На лице Ф'лара появилась улыбка. Да, она умело исказила очертания руки — так, что даже его, всадника, ввела в заблуждение. И сажал, и жир, и грязь не могли теперь скрыть того, что она молода. Достаточно молода для Вейра. И, конечно, ее нельзя считать прирожденной неряхой. Внешний вид — всего лишь маскировка...

Он внимательно разглядывал девушку, высчитав, что она, к счастью, не настолько юна, чтобы появиться на свет в результате одной из бесчисленных связей Фэкса. Может быть, внебрачный плод предыдущего лорда Руата? Нет, в ней не ощущалось примеси простой крови... Кровь была чистой — не важно, какого из благородных родов Перна... но, скорее всего, она действительно принадлежала к руатанской линии... Единственная, кому чудом удалось избежать резни десять Оборотов назад... затаившаяся в ожидании дня мести... Иначе зачем же она пыталась заставить Фэкса отречься от холда?

С трепетом восторга от неожиданной удачи Ф'лар протянул руку, собираясь сорвать лохмотья с бесчувственного тела, но что-то удержало его. Девушка пришла в себя. Ее большие ясные глаза смотрели на него недоверчиво, но смело.

Вдруг лицо ее дрогнуло, слегка изменилось. Усмехаясь все шире и шире, Ф'лар смотрел, как расплывались ее черты, искажаемые наведенной иллюзией уродства.

— Хочешь обмануть всадника, девушка? — рассмеялся он.

Не пытаясь больше прикоснуться к ней, Ф'лар отодвинулся к изножию постели, прислонился к высокой резной спинке и

скрестил руки на груди. Затем боль в плече заставила его изменить позу.

— Назови свое имя и звание, девушка.

Она медленно приподнялась; черты ее лица больше не казались размытыми. Неторопливо отодвинувшись назад, она тоже оперлась на спинку кровати, так что они теперь смотрели друг на друга через всю длину огромного ложа.

— Фэкс?

— Мертв. Твое имя?

На лице ее промелькнуло выражение торжества. Она соскользнула с кровати и гордо выпрямилась во весь рост.

— Тогда я заявляю свои права. Я — последняя из рода руатанских властителей. И я претендую на Руат, — провозгласила она звенящим голосом.

Ф'лар мгновение смотрел на нее, любуясь гордой осанкой девушки. Затем запрокинул голову и негромко рассмеялся.

— Ты? Ты, куча отрепьев? — язвительно заметил он, подчеркивая диссонанс между ее претензиями и внешним видом. — О нет, нет! Кроме того, моя прекрасная леди, все всадники слышали и засвидетельствовали клятву Фэкса, который отрекся от холда в пользу наследника. Или ты настаиваешь, чтобы я и младенцу бросил вызов? И задушил его пеленками?

Ее глаза сверкнули, губы раскрылись в страшной, торжествующей усмешке:

— Никакого наследника нет. Гемма умерла, ребенок не успел родиться. Я солгала.

— Солгала? — сердито переспросил Ф'лар.

— Да, — насмешливо подтвердила она, вздернув подбородок, — я солгала. Ребенок не родился. Я просто хотела, чтобы ты бросил вызов Фэксу.

Резко наклонившись вперед, он схватил ее за запястье, уязвленный тем, что дважды поддался ее внушению.

— Ты заставила всадника вступить в схватку? Убить? Убить тогда, когда он находится в Поиске?

— Поиск? Какое мне дело до Поиска? Руат — мой! Десять Оборотов я трудилась и терпела, страдала и унижалась ради этого! Что может значить для меня твой Поиск?

Ф'лару захотелось стереть с ее лица это выражение надменного презрения. Он свирепо дернул девушку за руку и бросил на пол. Она рассмеялась ему в лицо и, едва Ф'лар ослабил хватку, метнулась в сторону, вскочила на ноги и бросилась вон из комнаты — прежде, чем он сообразил, что произошло.

Всадник кинулся к двери. Ругаясь про себя, он неся по гул-

ким каменным коридорам к залу: она непременно должна попасть туда, если собирается покинуть холд. Однако когда он вбежал в зал и его взгляд заметался среди слонявшихся там людей, девушки он не нашел.

— Это странное создание... женщина... Она проходила здесь? — обратился он к Ф'нору, который стоял у двери, что вела во двор.

Коричневый всадник покачал головой, потом пристально посмотрел на брата:

— Значит, она — источник силы?

— Да, — буркнул Ф'лар, еще больше разозленный исчезновением беглянки. — Куда она могла подеваться? Представляешь, девушка — руатанского рода!

— Ого! И что же, она собирается потребовать холд у младенца? — спросил Ф'нор, указывая на повитуху, присевшую на скамье возле пылающего камина.

Ф'лар, уже готовый обыскивать многочисленные коридоры холда, резко остановился и с недоумением уставился на коричневого всадника.

— Младенца? Какого младенца?

— Мальчика, которого родила леди Гемма, — с удивлением ответил Ф'нор.

— Он жив?

— Да. Повитуха говорит — крепкий малыш, хотя его и извлекли раньше срока из чрева мертвой матери.

Ф'лар откинул голову и разразился смехом. Итак, несмотря на все хитрости девушки, истина восторжествовала!

Внезапно снаружи раздался восторженный рев Мнемент'а, поддержанный трубными голосами других драконов.

— Мнемент' поймал ее! — вскричал Ф'лар; лицо его сияло торжеством. Широко шагая, он прошел мимо распростертого на полу тела бывшего лорда Плоскогорья и спустился по ступеням во двор.

Он увидел, что Мнемент' покинул свой насест на башне, и позвал к себе. И долго с беспокойством следил, как дракон пологой спиралью спускался во двор, держа что-то в передних лапах. Последовал ряд ярких, быстро сменяющихся картин — Мнемент' сообщил Ф'лару, что схватил девушку, когда она пыталась покинуть холд через одно из верхних окон. Бронзовый неуклюже уселся на задние лапы, работая крыльями, чтобы сохранить равновесие. Он осторожно поставил девушку на ноги, оградив ее, словно прутьями клетки, частоколом своих гигантских когтей. Она спокойно стояла в их кольце, не двигаясь, повернувшись лицом к раскачивающейся над ней клиновидной голове.

Страж порога, завывая от ужаса и злобы, отчаянно рвался с цепи, стремясь прийти на помощь Лессе. Он едва не вцепился в ногу Ф'лара, когда тот проходил мимо.

— У тебя хватит мужества для полета, девушка, — одобрительно кивнул всадник, небрежно положив руку на морду Мнемента. Бронзовый дракон был весьма доволен собой; он опустил голову ниже, требуя, чтобы ему почесали надбровья.

— И ты, знаешь ли, вовсе не солгала, — продолжал Ф'лар, уступив соблазну подразнить девушку.

Она медленно повернулась к нему, лицо ее оставалось спокойным. «Не бойся драконов!» — с радостью осознал Ф'лар.

— Ребенок жив. И это мальчик, — сказал он.

Девушка не сумела скрыть смутения; ее плечи на миг поникли, потом она снова гордо выпрямилась.

— Руат — мой! — твердо произнесла она тихим напряженным голосом.

— Да, так было бы — если бы ты обратилась прямо ко мне, когда мы приземлились здесь.

Ее глаза расширились.

— Что это значит?

— Всадник может взять под защиту любого человека, чья жалоба справедлива. К тому времени, когда мы прибыли в Руатхолд, моя маленькая леди, я был готов бросить вызов Фэксу — даже несмотря на Поиск. Мне не доставало только какой-нибудь веской причины. — Конечно, Ф'лар преувеличивал, но он хотел продемонстрировать девушке всю неразумность ее попыток оказать влияние на всадников. — Если бы ты внимательней слушала песни вашего арфиста, то лучше знала бы свои права. И, кроме того, — голос Ф'лара стал суровым, — леди Гемма, наверное, не лежала бы теперь мертвой... Она, бесстрашная душа, пострадала от руки тирана сильнее, чем ты.

Что-то в поведении девушки говорило ему, что она сожалеет о гибели Геммы, что смерть женщины глубоко потрясла ее.

— Какой толк тебе сейчас от Руата? — сказал он, широким взмахом руки указав на разоренный холд, безлюдный двор и опустошенную долину. — Ты выполнила задуманное, но приобретение бесполезно, а враг лежит мертвым... — Помолчав, он продолжал, усмехнувшись: — Хорошая работа, не так ли? Все остальные холды будут возвращены законным наследникам. Один холд — один лорд, как гласит древняя традиция. Но найдутся люди, которые усомнятся в этой заповеди, — те, кто заразился безумной алчностью Фэкса. Вероятно, тебе придется сражаться с

ними... но сможешь ли ты защитить Руат от нападения — сейчас, когда холод в таком состоянии?

— Руат — мой!

— Руат? Всего-навсего Руат? — с иронией повторил Ф'лар. — В то время как ты могла бы стать госпожой Вейра?

— Госпожой Вейра? — потрясенно выдохнула она, с изумлением уставившись на всадника.

— Да, маленькая глупышка. Я говорил, что нахожусь в Поиске... пора бы тебе вспомнить, что в мире существует не только долина Руата. Цель моего Поиска — ты!

Она посмотрела на палец всадника, указывающий на нее, словно в нем таилась смертельная опасность.

— Клянусь Первым Яйцом, девушка, твоя сила велика... если ты можешь заставить ничего не подозревающего всадника выполнить твои желания. Но не пытайся проделать это снова — теперь я настороже.

Мнемент' одобрительно заворчал, звуки перекатывались в его горле, словно приглушенные расстоянием раскаты грома. Он выгнул шею и уставился прямо на девушку одним глазом, светящимся в полумраке двора. Ф'лар заметил, что она не отшатнулась и не побледнела, когда сверкающий глаз размером с человеческую голову приблизился к ее лицу.

— Он любит, когда ему почесывают надбровья, — примирительно произнес Ф'лар. Он решил сменить тактику и загладить резкость последних слов.

— Я знаю, — кивнула девушка, протягивая руку к огромному мерцающему оку.

— Неморт'а отложила золотое яйцо, — продолжал Ф'лар доверительным тоном. — Скоро она умрет. Вейру необходима сильная духом владычица.

— Алая Звезда? — спросила девушка. Глаза ее наполнились ужасом, что поразило Ф'лара, ибо до сих пор она не выказывала страха.

— Ты видела Звезду? Ты понимаешь, что она значит? — Ф'лар заметил, как девушка судорожно вздохнула, стараясь успокоиться.

— Смертельную опасность... — тихо прошептала она, бросив боязливый взгляд на восток.

Ф'лар не спрашивал, каким чудом она поняла ужас нависшей над Перном угрозы. Он собирался доставить ее в Вейр — даже силой, если потребуется. Однако он предпочел бы, чтобы она добровольно последовала за ним. Повелительница Вейра, готовая взбунтоваться в любой момент, пожалуй, куда опасней, чем глупая простушка. Эту девушку переполняли силы, она с детства

привыкла к уловкам и коварству. Было бы катастрофой вызвать ее ненависть неразумным обхождением.

— Опасность для всего Перна, не только для Руата, — произнес он, стараясь, чтобы в его голосе, как бы случайно, проскользнула нотка мольбы. — И ты нужна нам. Нужна в Вейре, а не в Руате. — Взмахом руки он словно отмел в сторону холд и долину, как нечто незначительное в сравнении с Перном. — Мы обречены на гибель без сильной владычицы Вейра. Без тебя.

— Гемма говорила, что понадобятся все бронзовые всадники... — задумчиво пробормотала девушка.

Что она имеет в виду? Услышала ли она хоть одно произнесенное им слово? Ф'лар нахмурился. Вряд ли он сможет привести еще более веские доводы.

— Ты победила здесь. Пусть ребенок... — он ощутил резкую боль, пронзившую ее, но безжалостно продолжал: — ...ребенок Геммы возвысится в Руате. Ты, госпожа Вейра, станешь распоряжаться всеми холдами, а не только разоренным Руатом. Ты добилась смерти Фэкса... теперь забудь про месть.

Она смотрела на Ф'лара изумленными глазами, впитывая его слова.

— Я никогда не думала о том, что произойдет после смерти Фэкса, — медленно произнесла девушка. — В самом деле, я не представляла, что может случиться потом.

Ее смущение было почти детским, и сердце у Ф'лара сжалось. Однако он не имел ни времени, ни желания, чтобы обдумать все поразительные и противоречивые черты ее характера. Теперь он понял, чем диктовалось ее поведение. Очевидно, ей было не более десяти Оборотов, когда Фэкс уничтожил ее семью. И все же, несмотря на столь юный возраст, она поставила перед собой цель и ухитрялась избегать разоблачения — достаточно долго, чтобы добиться смерти врага. Какой замечательной госпожой Вейра будет эта малышка!

Ф'лар глубоко вздохнул, любуясь своей находкой. В свете бледной луны девушка выглядела совсем юной, беззащитной и почти хорошенькой.

— Ты станешь госпожой Вейра, — повторил он с мягкой настойчивостью.

— Госпожой Вейра... — прошептала она, не в силах, казалось, освоиться с этой мыслью.

Взгляд ее скользнул по залитому серебристым лунным светом внутреннему двору. Ф'лар подумал, что она колеблется.

— Быть может, тебе больше по душе лохмотья? — сказал он, придав голосу насмешливую резкость. — И нечесанные волосы,

грязные ноги, потрескавшиеся ладони? Нравится спать в соломе и питаться объедками? Ты молода... вернее, я предполагаю, что ты молода. И что же, это — все, к чему ты стремишься? Как же назвать тебя, если здешний крохотный уголок громадного мира — все, что тебе нужно? — Он помолчал, потом с холодным презрением добавил: — Я вижу, руатанская кровь стала жидкой. Ты боишься!

— Я — Лесса, дочь лорда Руата! — возразила оскорбленная девушка. Она выпрямилась, глаза ее сверкали, подбородок был вздернут. — Я ничего не боюсь!

Ф'лар с удовлетворением улыбнулся. Неожиданно Мнемент' вскинул голову и во всю длину вытянул гибкую шею. Его мощный рык, подобно сигналу боевого горна, прокатился над долиной; видимо, бронзовый хотел передать Ф'лару свою уверенность в том, что Лесса примет вызов. Другие драконы откликнулись, издаваемые ими звуки казались более тонкими по сравнению с громоподобным ревом Мнемент'а. Страж порога, свернувшийся у своего логова, тоже подал голос; он визжал нервно, пронзительно, пока из холда не высыпали перепуганные обитатели.

— Ф'нор, — произнес бронзовый всадник, жестом подзывая помощника. — Оставь половину людей охранять холд. Кто-нибудь из соседних лордов может попытаться занять место Фэкса. Одного всадника пошли в Кром-холд с доброй вестью. И сам отправляйся в Плоскогорье — прямо в ткацкую мастерскую. Переговори с Л'то... с Лайтолом. — Ф'лар усмехнулся. — Я думаю, он будет хорошим управляющим для Руата; пусть правит им пока от имени Вейра и законного наследника холда.

По мере того как Ф'лар излагал свои планы, лицо коричневого всадника выражало все большее удовлетворение. Фэкс мертв, и Крылатые, которые расправились с ним, конечно, должны взять Руат под защиту. Тогда холд окажется в безопасности и, несомненно, начнет процветать под мудрым правлением. Ф'нор был в восторге.

— Значит, эта девушка — причина упадка Руата? — спросил он командира, с интересом разглядывая Лессу.

— С ее умом и силой она могла бы привести к гибели даже Вейр, — снова усмехнулся Ф'лар. Его Поиск увенчался восхитительным результатом, и теперь он мог позволить себе проявить великодушие. Однако, взглянув на сияющее лицо Ф'нора, он счел необходимым посоветовать: — Попридержи-ка свое ликование, брат. Новая королева еще должна пройти обряд Запечатления.

— Я постараюсь все устроить. Лайтол! Да, Лайтол — прекрасный выбор, — произнес коричневый всадник, хотя знал, что Ф'лар не нуждается в его одобрении.

— Кто такой Лайтол? — резко спросила Лесса. Она отбросила со лба густые, темные, перепачканные золой волосы; при свете луны грязь на ее лице была почти незаметна. Перехватив слишком откровенный взгляд, брошенный Ф'нором на девушку, Ф'лар властным жестом отправил коричневого всадника выполнять полученные им приказы.

— Лайтол жил в Вейре, но потерял дракона, — сказал Ф'лар девушке. — Он не был другом Фэксу. Лайтол хорошо позаботится о Руате; не сомневаюсь, что теперь холд будет процветать... — Ф'лар пристально посмотрел на нее и многозначительно добавил: — Не так ли?

В мрачном замешательстве девушка разглядывала всадника, пока его негромкий смех не нарушил тишину.

— Мы возвращаемся в Вейр, — решительно объявил он, предлагая руку, чтобы посадить ее на шею Мнемента'а.

Бронзовый протянул клиновидную голову к стражу порога. Зверь дышал хрипло; за ним, извиваясь по земле, тянулась цепь.

— Ох, — вздохнула Лесса, опускаясь на колени возле скорчившегося в пыли уродливого тела.

Страж медленно поднял голову и жалобно застонал.

— Мнемент' говорит, что он очень стар и скоро уснет навсегда.

Пальцы Лессы нежно коснулись нелепой морды зверя, пробежали по выступающим надбровьям, осторожно почесали уши.

— Идем, Лесса Пернская, — поторопил Ф'лар. Он горел желанием взмыть вверх и поскорее покинуть это место.

Девушка выпрямлялась медленно.

— Он спас меня. Он знал, кто я...

— Он понимает, что поступил правильно, — заявил Ф'лар уверенным тоном, бросив удивленный взгляд на девушку. Ему казалось, что проявление сентиментальных чувств не свойственно ее твердой натуре.

Он снова взял Лессу за руку, чтобы помочь ей подняться. И в то же мгновение оказался сбит с ног! Прокатившись по камням, он попытался встать и встретить врага лицом к лицу. Но чудовищная сила удара почти парализовала Ф'лара; беспомощный, он лежал на спине, с ужасом глядя на чешуйчатое тело стража, который стремительно несяся прямо на него.

Почти одновременно услышал он испуганное восклицание Лессы и трубный рев Мнемента'а. Громадная голова бронзового

разворачивалась... разворачивалась... чтобы отбросить стража от хрупкой человеческой плоти... «Не успеет!» — мелькнула мысль, но в тот момент, когда страж взмыл в воздух, всадник услышал крик девушки:

— Нет! Не убивай! Не убивай его!

Страж порога, рычание которого перешло в тревожный мучительный вскрик, изогнул тело в полете, пытаясь изменить направление прыжка. И вдруг рухнул на камни двора у ног Ф'лара; тот услышал, как при ударе о землю хрустнул позвоночник зверя.

Раньше чем всадник смог подняться на ноги, Лесса, с искаженным от горя лицом, обхватила руками безобразную голову стража.

Мнемент' вытянул шею и осторожно коснулся тела умирающего существа. Дракон замер на несколько секунд, словно прислушиваясь; потом он сообщил Ф'лару, что зверь, вероятно, хотел спасти Лессу. Опасности истинные и мнимые спутались в одряхлевшем сознании стража; ему показалось, что Лессу заставляют насильно покинуть Руат, холд ее предков... Но, услышав приказ девушки, он исправил свою ошибку — ценой жизни.

— Страж хотел защитить меня, — прошептала Лесса прерывающимся голосом. Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. — Он... он был единственным, кому я могла доверять... Моим единственным другом...

Ф'лар неловко похлопал девушку по плечу: его ужаснула судьба человека, который мог назвать своим единственным другом стража порога... Он болезненно сморщился — при падении рана в плече открылась и заныла.

— Настоящий друг, верный и бесстрашный, — произнес он, наблюдая, как дымка смерти заволакивает золотисто-зеленые глаза зверя; они тускнели, меркли, и наконец последняя искра погасла в них.

Внезапно драконы издали высокий, едва слышный звук, от которого волосы встали дыбом, а кровь застыла в жилах. Это был жуткий звук — плач по умершим соплеменникам.

— Он был всего лишь стражем порога, — прошептала потрясенная Лесса.

— Драконы оказывают почести, когда они считают нужным, — сухо заметил Ф'лар, подчеркивая свою непричастность к произошедшему.

Лесса еще раз окинула долгим взглядом безобразную голову зверя, осторожно опустила ее на камни, погладила подрезанные крылья. Затем торопливо отстегнула тяжелую пряжку, удержи-

вавшую на шею металлический ошейник, и яростным движением отшвырнула его прочь.

Затем она поднялась, плавно выпрямив гибкое тело, и решительно, не поворачивая головы, шагнула к Мнемент'у. Упершись ступней в приподнятую лапу дракона, девушка легко подпрыгнула и оседлала громадную шею.

Ф'лар окинул взглядом двор и маневрировавшие перед отлетом остатки крыла. Обитатели холда уже удалились под безопасные своды главного зала. Когда все всадники заняли походное положение, Ф'лар тоже вскочил на шею Мнемент'а и устроился позади девушки.

— Крепко держись за мои руки, — приказал он ей, ухватившись за складку кожи на шее дракона. Затем подал команду взлетать.

Пальцы девушки судорожно сомкнулись вокруг его запястий. Бронзовый дракон, мощно взмахивая огромными крыльями, набирал высоту. Вообще-то Мнемент' предпочитал начинать полет, ныряя вниз со скалы или башни; драконы не любили тратить усилий зря.

Ф'лар оглянулся; его всадники уже образовали полетный клин, сильно растянувшись, чтобы заполнить прорехи в строю — места тех, кто остался на земле охранять Руат. Когда они набрали достаточную высоту, Ф'лар скомандовал Мнемент'у войти в Промежуток.

* * *

Они повисли среди мертвенного ничто и нигде; лишь сдвленный вздох выдал изумление девушки. Хотя сам Ф'лар давно привык к жалящему чудовищному холоду, к абсолютному отсутствию звука и света, хорошо знакомые ощущения слегка нервировали его. Правда, путь к Вейру в Промежутке занимал времени не больше, чем требовалось, чтобы трижды моргнуть глазом.

Они вынырнули из жуткого вневременного безмолвия, и Мнемент' одобрительно громыхнул, обрадованный выдержкой Лессы. Она не испугалась, не завопила в панике подобно другим женщинам. Ф'лар чувствовал, как в его ладони, прижатой к боку девушки, отдаются частые удары ее сердца.

В ярком свете дня, на расстоянии полумира от ночного Руата, они парили над Вейром. Крылья Мнемент'а затрепетали, и они плавно скользнули вниз.

Лесса, ошеломленная нахлынувшими чувствами, крепко сжала руки всадника, когда дракон описывал круг над огромной ка-

менной чашей Вейра. Слегка отклонившись в сторону, Ф'лар взглянул в лицо девушки. Восторг и ни малейших признаков страха — вот что прочитал он в ее глазах, а ведь они мчались со скоростью тысяча локтей над самым высоким хребтом Бендена. Чуть позже, когда семь драконов дружно протрубили приветственный клич, по ее губам скользнула еле заметная улыбка.

Всадники крыла опускались все ниже, ниже, ниже, описывая широкую спираль. Строй рассыпался; каждый направлялся к своему ярусу пещер. Резко просвистев что-то и гася скорость почти вертикально развернутыми крыльями, Мнемент' тоже завершил плавное скольжение и легко опустился на карниз. Он припал к камню, пока Ф'лар помогал девушке перебраться на неровную скалу, всю в царапинах от когтей, оставленных тысячами приземлений.

— Вот дорога в наше жилище, — сказал он Лессе, когда они вошли в широкий коридор с высокими сводами, под которыми мог легко пройти громадный бронзовый дракон.

Добравшись до большой естественной пещеры, которая была его домом с тех пор, как Мнемент' достиг зрелости, Ф'лар окинул помещение нетерпеливым взглядом; вот и завершилась его первая длительная отлучка из Вейра. Огромная подземная полость была значительно больше, чем главные залы холдов, в которых он побывал, путешествуя с Фэксом. Те залы, однако, предназначались для людей, а не для драконов. Но вдруг он осознал, что его собственное жилище выглядит почти таким же запущенным, как и Руат. Несомненно, Бенден — один из древнейших Вейров; так же, как и Руат — один из старейших холдов. Скольким драконам служила лежбищем эта пещера, пока твердый камень не стерся в пыль под весом огромных тел! И на сколько футов опустился пол в проходе, ведущем в спальную комнату и примыкающую к ней купальню, где всегда струилась свежая вода естественного теплого источника! Но настенные драпировки уже выцвели и обтрепались, а на дверных косяках и на полу темнели жирные пятна, которые было бы нетрудно счистить песком.

Остановившись на пороге спальни, Ф'лар взглянул на девушку и прочитал в ее глазах тревогу.

— Я должен немедленно накормить Мнемент'а. Ты можешь выкупаться первой, — сказал он, роясь в сундуке в поисках чистой одежды для гостыи, какого-нибудь платья, оставленного прежними обитателями его жилища и более приличного, чем ее лохмотья. Белую шерстяную хламиду, традиционное одеяние для Запечатления, следовало аккуратно уложить обратно в сундук, для нее наступит время позже. Остальное он бросил к ногам де-

вушки, прибавив еще мешочек с ароматным мыльным песком, и указал на занавесь, прикрывавшую проход в купальню.

Покидая комнату, Ф'лар обернулся. Девушка неподвижно стояла около кучи сваленных на пол одежд, даже не пытаясь вы-брать что-нибудь.

Бронзовый передал ему, что Ф'нор кормит Кант'а и что он, Мнемент', тоже голоден. Она не доверяет Ф'лару, но драконов не опасается.

— С чего бы ей опасаться драконов? — спросил Ф'лар. — Ведь вы дальняя родня стража порога, который был ее единственным другом.

Мнемент' высокомерно ответил всаднику, что он, бронзовый дракон в полном расцвете сил, не имеет никакого отношения к ничтожному, костлявому стражу с подрезанными крыльями, выжившему из ума от старости и посаженному на цепь.

— Тогда почему вы оказали ему посмертные почести как дракону? — настаивал Ф'лар.

Мнемент' ответил, что гибель существа столь самоотверженного и преданного следовало отметить достойным образом. Даже самый хилый синий дракон не стал бы отрицать, что руатанский страж порога сохранил вверенную ему тайну, хотя он, Мнемент', всячески пытался ее выведать. Кроме того, зверь ценой собственной жизни спас Ф'лара и тем самым возвысился до вершин мужества и самопожертвования, достойных дракона.

Ф'лар, довольный тем, что ему удалось поддразнить бронзового, усмехнулся. Мнемент' описал величественный круг и опустился на площадку, где разводили огромных мясных птиц, предназначенных для кормления драконов.

Ф'лар спрыгнул, как только его бронзовый завис около Ф'нора. Резкий удар о землю отдался болью в плече, и он подумал, что надо попросить девушку перевязать рану. Мнемент' развернулся и набросился на ближайшую жирную птицу.

— Рождение может начаться с часу на час, — сказал Ф'нор, приветствовав брата улыбкой. Глаза его возбужденно сверкали; он обожал распространять новости.

Ф'лар молча кивнул.

Они наблюдали, как коричневый Ф'нора ловит свой обед. Кант' подхватил сопротивляющуюся жертву когтистой лапой и, взлетев, уселся на незанятый выступ скалы для трапезы.

Разделавшись с первой тушей, Мнемент' вновь заскользил над стаей неповоротливых птиц, давно потерявших способность к полету. Схватив одну и удерживая ее когтями, он устремился вверх. Ф'лар следил за его полетом, как всегда испытывая гордое

возбуждение; его приводили в восторг легкие взмахи громадных крыльев, игра солнечных бликов на бронзовом теле, сверкание серебристых когтей его друга. Он никогда не переставал любоваться летящим Мнемент'ом; грация и мощь дракона покоряли его.

— Лайтол был потрясен твоим предложением, — сказал Ф'нор, — и просил выразить тебе благодарность и уважение. Он превосходно справится с Руатом.

— Потому-то его и выбрали, — буркнул Ф'лар, польщенный словами Лайтола. Конечно, звание управляющего не могло заменить потерянного дракона, однако и этот пост кое-что значит.

— В холдах Плоскогорья новости приняты с радостью, — продолжал Ф'нор, широко улыбаясь. — Только смерть леди Геммы опечалила всех. Интересно, кому из претендентов достанется теперь вакантный титул...

— В Руате? — уточнил Ф'лар, нахмурившись.

— Нет. В его родном холде, как и в других покоренных Фэксом холдах Плоскогорья. Что касается Руата, то Лайтол приведет туда своих людей. Так что любой вояка задумается, прежде чем напасть. В главном холде Фэкса Лайтолу известны многие, кто хотел бы сменить место обитания, — несмотря на то что их прежний господин уже мертв!

Лайтол поторопит их с переселением в Руат. Наши всадники смогут вскоре вернуться в Вейр.

Ф'лар одобрительно кивнул и повернулся, чтобы приветствовать еще двоих из своего крыла — синих всадников, приземлившихся на площадке для кормления. Мнемент' лениво слетел вниз и схватил третью птицу.

— Он мало ест, — заметил Ф'нор. — А мой, посмотри-ка, уже расправился с четвертой.

— Коричневые медленней растут, — протянул Ф'лар, с удовлетворением заметив, как в глазах Ф'нора блеснули сердитые искры. Ничего, пусть учится не болтать лишнего.

— Р'гул и С'лел вернулись, — помолчав, сообщил коричневый всадник.

Появление двух синих привело птичью стаю в неистовство; с испуганными криками птицы бросились врассыпную.

— Остальных отозвали, — продолжал Ф'нор, — Неморт'а уже охвачена оцепенением смерти... — Он резко махнул рукой и, не в силах больше сдерживаться, выложил главную новость: — С'лел привез двух! У Р'гула — пять! Говорят, смелые девушки — и хорошие!

Ф'лар не ответил. Для него это не было неожиданностью. Он знал, что эти двое привезут немало претенденток. Пусть их будут хоть сотни, если им этого хочется. Но он, Ф'лар, бронзовый всадник, выбрал одну — ту, которая победит.

Обиженный, что его новости не вызвали никакой реакции, Ф'нор поднялся.

— Нам надо было прихватить девушку из Крома... и еще ту, хорошенькую...

— Хорошенькую? — язвительно переспросил Ф'лар, в раздражении приподняв брови. — Значит, хорошенькую? Таковую, какой была когда-то Йора?

— К'нет и Т'бор везут претенденток с запада, а это кое-что значит, — не слушая брата, стоял на своем Ф'нор.

Их разговор был прерван прорвавшимся сквозь завывания ветра мощным ревом. В яркой синеве неба разворачивались двойной спиралью два спускающихся крыла численностью в двадцать драконов каждое.

Мнемент' резко поднял голову и испустил мягкий музыкальный звук. Ф'лар позвал его, и бронзовый слетел вниз, не выразив недовольства тем, что его оторвали от еды — хотя он съел совсем немного. Это обрадовало Ф'лара, и, дружески махнув рукой брату, он перешел на вытянутую лапу Мнемент'а и с его помощью перебрался на свой карниз.

Пока они шли вдвоем по короткому проходу, Мнемент' рассеянно высвистывал что-то. В пещере зверь растянулся в углублении каменного пола, служившего ему ложем, удобно положил на каменный выступ клиновидную голову и замер. Ф'лар расположился рядом. Дракон поглядывал на своего друга огромным глазом, многочисленные фасетки которого мерцали и двигались, а внутренние веки потихоньку закрывались, пока Ф'лар ласково потчесывал его надбровья.

Такой взгляд мог напугать любого, но не всадника. Ф'лар ценит эти спокойные минуты, самые счастливые за день. Это была его жизнь — с тех пор, когда двадцать Оборотов назад Мнемент' пробился сквозь скорлупу, спотыкаясь, с трудом пересек площадку Рождений и, покачиваясь на слабых ногах, встал перед мальчиком Ф'ларом. В мире не существовало большей чести для человека, чем доверие и дружба огнедышащих чудовищ Перна. Потому что преданность, которую дракон дарил избраннику, единственному среди всех людей, была непоколебимой и полной с момента Запечатления.

Сейчас же, сытый и довольный всем, Мнемент' спокойно за-

сыпал. Громадные глаза его закрылись, и только кончик хвоста иногда слегка подрагивал — верный признак того, что он моментально пробудится в случае тревоги.

Глава 7

Во имя кладки королевы,
Во имя золотой Фарант'ы,
О, госпожа! Свои таланты
Направь на процветанье Вейра.

Из Оборота в Оборот
Расти заботливо драконов,
Расти мальчишек непреклонных —
Тех, кто на смену нам придет.

Взрасти в них верность и терпенье,
Бесстрашие раствори в крови,
Дай преисполненность любви,
Рожденной в миг Запечатленья.

С древнейших дней гласит Закон:
Едины всадник и дракон.

Лесса не двигалась, пока звук шагов всадника не затих вдали. Убедившись, что рядом никого нет, она быстро пересекла большую пещеру. Ее чуткое ухо улавливало отдаленный звук скрежета когтей по камню и свист могучих крыльев. Она выбежала по широкому короткому проходу на карниз, на край зияющей бездны, и взглянула вниз. Перед ней простирались каменные стены Бенден-Вейра; они окружали лишенную растительности овальную площадку, на которую то и дело кругами слетали бронзовые драконы. Конечно, как каждый из перинитов, Лесса слышала о Вейрах; но одно дело — слышать, и совсем другое — находиться в одном из них.

Она еще раз посмотрела вниз, потом — вверх и вокруг себя. Повсюду простирались каменные склоны; она понимала, что покинуть карниз можно только на крыльях дракона. Ниже и выше выступа скалы, на котором она стояла, зияли отверстия ближайших пещер. Итак, она здесь в полной изоляции.

Она станет госпожой Вейра, сказал всадник. Его женщиной? В Вейре, которым он владеет? Не это ли он имел в виду? Нет, от дракона она получила совсем иное представление... Неожиданно она осознала необычность этой ситуации. Как странно — она понимала дракона... Разве обычные люди способны на это? Или ее род действительно происходит от всадников? Во всяком случае,

она ясно поняла, что Мнемент' подразумевал нечто значительное, какое-то особое звание. По-видимому, она должна состоять при королеве драконов — той, которая еще не вылупилась из яйца. Но почему именно она? Лесса смутно припоминала, что, отправляясь в Поиск, всадники высматривали особых женщин. Да, особых! И в таком случае она — одна из претенденток. Однако бронзовый всадник предложил ей это звание так, словно она — и только она одна — имела на него право. Он просто самонадеян, решила Лесса, хотя и не в такой степени, как Фэкс.

Она видела, как бронзовый ринулся вниз, видела удар, видела, как он схватил свою жертву и потом, взмыв над мечущимися в ужасе птицами, уселся на дальнем выступе скалы для трапезы. Инстинктивно она отпрянула назад, в темноту сулившего безопасность коридора.

Вид дракона, терзающего жертву, разбудил в ее памяти множество страшных историй. Историй, над которыми она раньше насмехалась... но теперь... Правда ли, что драконы прежде питались человеческой плотью? Прежде... Пожалуй, не стоит размышлять на эту тему. Род драконов был не менее жесток, чем человеческий. Дракон, однако, действовал скорее по звериному инстинкту, чем из зверской жадности.

Почти уверенная, что всадник появится не скоро, Лесса прошла через большую пещеру в спальную комнату, сгребла одежду и мешочек с песком и направилась в купальню. Глубокий бассейн был вырублен прямо в каменном полу пещеры — неправильный круг с небольшим выступом внутрь. Тут стояла скамейка; рядом, в стене, были выбиты полки для сухой одежды. В ярких бликах светильников Лесса различила, что у края выступа дно бассейна засыпано песком — достаточно высоко, чтобы купающийся мог стоять. Дальше дно понижалось, вода становилась более глубокой и, у дальней каменной стены, совсем темной.

Стать чистой! Стать совершенно чистой — и оставаться чистой! Она торопливо сорвала остатки лохмотьев, прикасаясь к ним с таким же отвращением, как и всадник; отбросила в сторону. Потом вытряхнула полную пригоршню песка и, наклонившись к воде, смочила его.

Сухая невесомая пыль превратилась в мягкий ароматный ил, которым девушка начала тереть ладони и покрытое синяками лицо. Зачерпнув еще песку, она начала отмывать руки и ноги, плечи и грудь. Она скребла тело изо всех сил, пока полузажившие порезы и ссадины не стали сочиться кровью. Тогда она шагнула, почти прыгнула в бассейн. От неожиданности у нее перехватило

дыхание; вспенившийся в теплой воде ил начал щипать раны. Лесса окунулась с головой, чтобы как следует намочить волосы. И снова вытряхнула на ладонь целую пригоршню песка... Она втирала ароматный ил в кожу головы, скребла и прополаскивала, пока — как и много лет назад — к ней не вернулось ощущение чистоты. Длинные мокрые пряди волос тянулись по воде к дальнему краю бассейна. Лесса с радостью отметила, что вода, в которой она мылась, проточная. На смену мутной и грязной все время поступала свежая. Теперь она опять принялась за тело, отскребая многолетнюю въевшуюся грязь, пока снова не засадило кожу. Это очищение было ритуальным; она смывала не только грязь, покрывавшую тело. Очиститься! От такой роскоши она ощущала удовольствие, близкое к экстазу.

Блаженство охватило Лессу. Тело ее наконец было чистым — настолько, насколько этого удалось добиться за отпущенное ей время. Она в третий раз натерла волосы илом, сполоснула их и неохотно вылезла из бассейна.

Покопавшись в груде одежды, она выбрала платье и приложила к плечам. Темно-зеленая ткань оказалась мягкой на ощупь. Ворс слегка цеплялся за огрубевшую кожу пальцев. Лесса натянула платье через голову. Одевание оказалось слишком широким, и она перехватила его поясом. Прикосновение мягкой ткани к обнаженной коже было непривычно приятным; девушка вздрогнула от наслаждения, потянулась, выгибая спину, и сделала шаг вперед. И в кои-то обороты не тряпье, а длинная красивая юбка тяжело закрутилась, обняв ее колени и заставив улыбнуться. Наконец-то можно почувствовать себя женщиной! Она взяла свежее полотенце и принялась за свои волосы.

Издалека донесся приглушенный звук. Она замерла с поднятыми руками, склонив голову набок и напряженно прислушиваясь. Да, снаружи доносились шорох и тонкий посвист. Должно быть, вернулся всадник со своим зверем. Как не вовремя, подумала она, скорчив недовольную гримасу, и принялась еще сильнее и жестче вытирать голову. Затем, погрузив пальцы во влажную копну волос, она попыталась разделить их на пряди и уложить. Безуспешно. В раздражении Лесса повернулась к полкам; порывшись там, она обнаружила металлический гребень с крупными зубьями. С его помощью, безжалостно продираясь через непокорные спутанные волосы, постанывая от боли и нетерпения, она наконец справилась со своей прической.

Высохнув, волосы ее словно обрели собственную жизнь. Они потрескивали под ладонями, прилипали к лицу, к зубьям гребешка, платью; было почти невозможно справиться с этой шел-

ковистой лавиной. И они оказались длиннее, чем думала Лесса. Теперь, расчесанные и чистые, они спадали до талии — когда не липли к рукам.

Она снова замерла, прислушиваясь: тишина, ни одного звука. Девушка осторожно придвинулась к занавеси и с трепетом заглянула в спальню. Пусто. Лесса сосредоточилась и уловила медленный, ленивый ток мыслей чудовищного зверя. Что ж, лучше встретиться с этим человеком в присутствии дремлющего дракона, чем в спальнею комнате. Она решительно двинулась вперед и, проскользнув мимо полированного куска металла, висевшего на стене, уголком глаза заметила, как в нем мелькнула какая-то незнакомая женщина.

Пораженная, она резко остановилась, с недоверчивым изумлением изучая отражавшееся в металле лицо.

И только тогда, когда она поднесла дрожащие пальцы к щекам — и отражение скопировало ее жест, — она поняла, что видит себя.

Девушка в зеркале была красивее, чем леди Тела, чем дочь портного! Правда, слишком худая... Ее ладони непроизвольно схватились за шею, скользнули по выступающим ключицам к груди, пропорции которой не соответствовали ее худощавому телу. Платье слишком просторно для нее, отметила Лесса с внезапно возникшим тщеславием, еще не знакомым ей чувством. А ее волосы... настоящий ореол, лучистая корона... Нет, они не желают лежать послушно... Торопясь, девушка пригладила их пальцами — и машинально перебросила несколько прядей вперед, так, чтобы они закрывали лицо. Затем, опомнившись, раздраженно отбросила локоны на плечи. В Вейре ей незачем маскироваться.

Слабые звуки — скрип сапог, шорох шагов — вернули ее к реальности. Она замерла, ожидая появления всадника. Неожиданно в ней проснулась робость. Теперь, когда лицо ее было открыто миру, волосы струились по плечам и спине, а линии точеной фигуры подчеркивала мягкая ткань платья, девушка лишилась привычной защиты и, следовательно, стала, по ее понятиям, уязвимой.

Подавив желание убежать и спрятаться, Лесса еще раз взглянула на свое отражение в блестящем металле и, окончательно убедившись в своей привлекательности, вскинула голову; от этого движения волосы ее взметнулись вверх, потрескивая и шурша. Она — Лесса Руатанская, наследница старинного и благородного рода. Ей больше не надо скрываться, хитрить, контролировать каждый свой шаг... Теперь она может смело смотреть в лицо миру... и этому всаднику.

Она решительно пересекла комнату и отбросила занавес, закрывавший вход в большую пещеру.

Он сидел возле головы дракона и с удивительно нежным выражением лица почесывал зверю надбровья. Все это совершенно не совпадало с тем, что она слышала о всадниках.

Она, конечно, знала о нерушимых узах между Крылатыми и их драконами, но лишь теперь поняла, что в основе этой связи лежала любовь. Ее поразило, что сдержанный, холодный человек, доставивший ее сюда, способен на такое чувство. Там, во дворе Руата, возле старого стража всадник вел себя весьма бесцеремонно. И неудивительно, что бедный зверь заподозрил в нем обидчика. Драконы — и те проявили больше терпимости, подумала она, невольно шмыгнув носом.

Всадник медленно обернулся, словно не желая расставаться с бронзовым зверем. Заметив ее, он приподнялся; в глазах его мелькнуло удивление — по-видимому, изменившаяся внешность девушки поразила его. Быстрыми легкими шагами он приблизился к Лессе, осторожно взял ее под локоть и повел в спальное помещение.

— Мнемент' мало ел, для отдыха ему нужна тишина, — сказал он приглушенным голосом, как будто не существовало ничего важнее покоя дракона. Он поправил тяжелый занавес, закрывавший проход в пещеру.

Затем всадник молча отодвинул девушку на расстояние вытянутой руки и бесцеремонно осмотрел ее с головы до пят. На лице его отразилось удивление, смешанное с любопытством.

— Ты вымылась... и стала красавицей, да, почти красавицей, — признал он с таким изумлением и снисходительностью, что она, обиженная, резко отпрянула от него. Всадник негромко рассмеялся: — Да, кто бы мог догадаться, что скрывается под грязью и сажей... десяти полных Оборотов, не так ли? Ты, несомненно, достаточно красива, чтобы Ф'нор наконец успокоился.

Возмущенная его поведением, она осведомилась ледяным тоном:

— А что, Ф'нора непременно нужно успокоить?

Всадник стоял, глядя на нее с улыбкой. Она сжала от ярости кулаки и стиснула зубы — чтобы сдержаться и не ударить это насмешливое лицо.

После долгой-долгой паузы он сказал:

— Забудем о Ф'норе. Сначала надо поесть. Кроме того, мне понадобятся твои услуги.

Возмущенный вопль девушки заставил его обернуться. На этот раз он не удержался от раздраженной гримасы, когда резкое

движение растревожило запекающуюся рану на плече. Потом всадник усмехнулся:

— Почему бы тебе не промыть раны, честно заработанные в битве за твои интересы?

Отодвинув свисающую настенную драпировку, он крикнул в отверстие, темнеющее в каменной поверхности:

— Еду для двоих!

Его голос заметался в глубоком каменном колодце, и Лесса услышала далеко внизу эхо.

— Неморт'а коченеет, — продолжал он, доставая что-то с полки, спрятанной под драпировками, — и, значит, скоро начнется Рождение.

При упоминании о Рождении в желудке у Лессы похолодело. От самого мягкого описания этого эпизода в преданиях о драконах стыла кровь, а более реалистичные вселяли панический ужас. В каком-то оцепенении девушка брала предметы сервировки, которые передавал ей всадник, и ставила на стол.

— Что? Испугалась? — усмехнулся он. Опустил драпировку на место и стянул изорванную, окровавленную рубаху.

Тряхнув головой, Лесса переключила внимание на его спину. Мускулистый торс всадника и его широкие плечи были испещрены царапинами и полосками засохшей крови, чернеющими на бледной коже. Рана на плече кровила; очевидно, он содрал засохшую корку, когда стаскивал одежду.

— Мне понадобится вода, — сказала она и, взяв подходящую неглубокую миску, отправилась к бассейну, удивляясь про себя, как могла она согласиться уехать из Руата.

Пусть холод полностью разорен, но он все же был ее родным гнездом, хорошо знакомым ей от главной башни до самого глубокого подвала. В тот момент, когда Фэкс умер и всадник хитро подкинул идею относительно Вейра, она чувствовала себя способной на многое... А что она может сделать теперь? В лучшем случае — не расплескать воду из миски, которая, непонятно почему, задрожала в ее руках.

Она заставила себя сосредоточиться на ране — ужасном порезе, особенно глубоком в месте, где лезвие вошло в тело. Там, где кинжал Фэкса шел на излете, рана была мельче. Промывая ее, девушка ощущала под пальцами мускулистое тело всадника, вдыхала его запах. Удивительно, что этот мужской аромат — смесь запахов пота, кожи и мускуса — не внушал ей отвращения.

Наверно, Ф'лар испытывал сильную боль, когда она удаляла сгустки запекающейся крови, но лицо его оставалось спокойным. Лесса подавила желание разбередить рану, заставить его вскрик-

нуть... пусть почувствует, что нельзя относиться к ней так пренебрежительно. Но она не могла сделать этого. Растревожная и обиженная одновременно, девушка осторожно смазала порез целебной мазью и, прикрыв его подушечкой из мягкой ткани, забинтовала. Закончив работу, Лесса отступила назад. Всадник осторожно согнул руку, стянутую повязкой; мышцы на его спине напряглись.

Когда он взглянул на девушку, глаза его были печальными и задумчивыми.

— Превосходно сделано, моя госпожа. Благодарю, — сказал он, но улыбка его была полна иронии.

Всадник встал, и Лесса испуганно отпрянула в сторону. Не обратив на нее внимания, он направился к сундуку и достал чистую белую рубашку.

Неожиданно раздался приглушенный грохот, становившийся все громче и громче.

Рев драконов?.. — подумала Лесса, пытаюсь совладать с охватившим ее нелепым страхом. Неужели началось Рождение? Тут не было логова старого стража, чтобы спрятаться.

Словно поняв ее замешательство, всадник добродушно рассмеялся и, не сводя с нее глаз, отдернул стенную завесу — как раз в тот момент, когда какой-то шумный механизм выдвинул из колодца поднос с едой.

Стыдясь своего невольного испуга, Лесса с гордым видом усеелась на покрытую шкурой скамью у стены, искренне желая всаднику множества серьезных и болезненных ранений, которые она могла бы перевязывать и ковырять безжалостными руками. Таковой возможности она больше не упустит.

Он поставил поднос на низкий стол и бросил несколько шкур на свою скамью. Перед ней стоял кувшин с кла, лежали мясо, хлеб, аппетитный желтый сыр и даже немного зимних фруктов. Он не начинал есть, она — тоже, хотя один вид сочных плодов наполнил ее рот слюной. Всадник взглянул на нее и нахмурился.

— Даже в Вейре леди должна первой преломить хлеб, — сказал он и вежливо склонил голову.

Лесса вспыхнула; она не привыкла к такому обхождению — и уж тем более не привыкла первой приступать к еде. Она разломала хлеб — такой непохожий на тот, что ей приходилось пробовать раньше. Хлеб был необычным, из муки тонкого помола, без примеси шелухи. Ломтик сыра, который предложил ей всадник, отдавал необычной пряной остротой. Осмелев, она потянулась за самым сочным фруктом.

— Послушай, — сказал всадник, касаясь ее руки, чтобы привлечь внимание девушки.

Она виновато вздрогнула и уронила плод, решив, что допустила какую-то ошибку. Ф'лар поднял золотистый шарик со стола и вернул ей на ладонь, продолжая говорить. Обескураженная, она впилась зубами в сочную мякоть и слушала всадника с широко раскрытыми глазами — почти не понимая слов.

— Послушай меня. Не выдавай своего страха — что бы ни происходило на площадке Рождений. — Он сухо усмехнулся. — И еще запомни: ты должна следить, чтобы она не ела слишком много. Это одна из наших основных забот — удерживать драконов от переедания.

Лесса потеряла интерес к зимним фруктам. Она осторожно положила надкушенный плод на блюдо и попыталась разобраться в том, что скрывалось за словами бронзового всадника, что можно прочесть в его голосе. Она взглянула ему в лицо, впервые ощутив, что с ней говорит реальный человек, личность, а не некий бесстрастный символ сословия избранных.

Его холодность, решила она, связана с осторожностью, а не с отсутствием эмоций. Суровость, по-видимому, призвана компенсировать молодость — ведь он выглядит ненамного старше ее. И в нем чувствовалось что-то угрюмое, но не злое; скорее — какая-то терпеливая задумчивая грусть. Черные волосы обрамляли высокий лоб и волнами падали назад, почти до самых плеч. Он часто сдвигал густые черные брови — хмурясь или надменно выгибая их, когда смотрел на собеседника, словно хищник на жертву. Глаза — янтарные, настолько светлые, что казались золотистыми, — выражали холодную гордость. Губы были тонкими, но правильной формы, и, когда лицо его оставалось спокойным, в их очертаниях, казалось, таилась добрая улыбка. Зачем же он так часто кривит в насмешку рот или неодобрительно сжимает губы? Пожалуй, он красив, откровенно признала Лесса, в нем есть что-то неотразимо притягательное. Она вздохнула — но всадник в этот момент оставался невосприимчив к ее чарам.

* * *

Он имел в виду именно то, что говорил, что произносили его губы. Он не хотел ее пугать. У нее не было причин для страха.

И он действительно очень хотел, чтобы она добилась успеха. Но кого ей нужно удерживать от переедания — и от переедания чего? Мяса домашних животных? Но только что вылупившийся дракон, несомненно, не может съесть целую тушу... И потом, эта

задача казалась Лессе слишком простой. Страж порога в Руате слушался только ее. Она понимала громадного бронзового дракона — и даже сумела заставить его замолчать, когда, посланная за повитухой, пробежала мимо его насеста на башне. Почему же всадник назвал это основной заботой? Нашей основной заботой?

Всадник выжидательно смотрел на нее.

— Нашей основной заботой? — повторила она, и в тоне ее прозвучала невысказанная просьба объяснить эту загадочную фразу подробнее.

— Подробнее — потом. Сначала — о главном, — произнес он, властным взмахом руки отменяя остальные вопросы.

— Но что должно произойти? — настаивала она.

— Я передал тебе то, что когда-то слышал сам. Ни больше, ни меньше. Запомни два правила. Отбрось страх и не разрешай ей переседать.

— Но...

— А вот ты сама должна поесть как следует. Держи. — Он наколол на нож кусок мяса и протянул ей. Под его хмурым взглядом она управлялась с мясом, глотая через силу. Он хотел отрезать ей еще, но она быстро схватила с блюда недоеденный плод и поднесла ко рту. За одну трапезу она уже съела больше, чем в холде за целый день.

— Скоро в Вейр начнут поступать отменные продукты, — заметил он, бросив на поднос недовольный взгляд.

Отменные? Лесса удивилась; по ее мнению, это был пир!

Всадник покачал головой:

— Но ты и к таким непривычна, да? Конечно же, я забыл, что ты оставила в Руате одни сухие кости!

Она напряглась.

— Ты правильно поступила в Руате, я не осуждаю тебя, — добавил он с улыбкой, заметив ее реакцию. — Но взгляни на себя, — он жестом указал на ее тело, и снова странное выражение мелькнуло в его глазах — удивление, смешанное с любопытством и печальной задумчивостью. — Нет, я не мог предположить, что, отмывшись, ты станешь такой хорошенькой... и с такими чудными волосами, — на этот раз в его словах чувствовалось искреннее восхищение.

Она невольно поднесла руку к голове; волосы слегка потрескивали, прилипали к пальцам. Негодование ее исчезло без следа, и она не стала дерзить.

Внезапно неземные протяжные стоны наполнили помещение. Дрожь сотрясла тело Лессы, пробежав от ушей до позвоночника. Она сжала голову обеими руками — гул в черепе почти лишил ее

сознания. И вдруг все прекратилось — так же резко, как началось.

Прежде чем она поняла, что происходит, всадник схватил ее за руку и потащил к сундуку.

— Сними это, — приказал он, дернув за подол зеленого платья.

Пока она в растерянности смотрела на него, всадник достал просторное белое одеяние без рукавов и пояса, состоявшее из двух кусков тонкой материи, скрепленных у плеч и с боков.

— Разденешься сама или тебе помочь? — осведомился он в крайнем нетерпении.

Жуткие звуки снова повторились; под их леденящие переливы пальцы ее задвигались быстрее. Едва она распустила пояс и стянула одежду, как всадник набросил на нее белую хламиду. Ей чудом удалось попасть руками в прорези одеяния; через мгновение они выскочили из комнаты и понеслись по коридору.

Когда они достигли большой пещеры, бронзовый дракон уже стоял посередине, повернув голову к проходу в спальню. Лессе показалась, что он тоже полон нетерпения; его громадные глаза, так восхищавшие девушку, переливчато искрились. Зверь был возбужден, и, по-видимому, очень сильно; заметив людей, он поднял голову, из его горла снова вырвался протяжный звенящий стон.

Внезапно дракон и всадник замерли — несмотря на охватившее обоих нетерпение. Лесса поняла, что они взвешивают ее шансы. Неожиданно громадная голова дракона очутилась прямо перед ней, теплое дыхание зверя с легким запахом фосфина обдало ее. Она поняла, что Мнемент' сообщал своему всаднику: дракон все больше и больше одобряет его выбор, женщину из Руата.

Всадник резко потянул ее за руку — голова ее запрокинулась, — и они втроем с драконом помчались по широкому проходу к карнизу с такой скоростью, что Лесса всерьез опасалась угодить прямо в пропасть. Однако еще на бегу она каким-то образом оказалась на бронзовой шее, а всадник крепко обхватил девушку за талию. В следующий миг они уже плавно скользили над громадной чашей Вейра к противоположной стене кратера. Воздух, наполненный плеском крыльев и драконьих хвостов, сотрясался от звуков, эхом отдававшихся внизу, в каменной долине.

Мнемент' выбрал курс, который, как показалось Лессе, должен был привести его к неизбежному столкновению с другими драконами. Они стремительно неслись к огромному круглому отверстию, темневшему высоко в скале. Словно в волшебном сне, звери один за другим ныряли в проход, повинаясь неслыши-

мой команде. Крылья Мнемент'а, широко расправленные, почти касались стен туннеля.

Воздух в проходе дрожал от грохота крыльев; она почувствовала, как вокруг начало подниматься давление. Затем они ворвались в гигантскую пещеру.

Лесса потрясенно вздохнула; по-видимому, вся гора изнутри полая, решила она. По периметру огромной пещеры, на каменных уступах стен, рядами сидели синие, зеленые, коричневые драконы — и всего два бронзовых зверя, похожих на Мнемент'а. Лесса судорожно вцепилась в шею бронзового дракона; инстинкт подсказал ей, что надвигаются великие события.

Мнемент' по спирали спускался вниз, и теперь Лесса увидела то, что лежало на песчаном полу пещеры, — яйца драконов. Десять огромных пятнистых яиц; их скорлупа подрагивала — очевидно, Рождение могло начаться в любое мгновение. В стороне, на приподнятой части песчаной поверхности, лежало золотое яйцо; оно в полтора раза превосходило по размерам пестрые. А рядом с ним распласталось неподвижное коричневато-желтое тело старой королевы.

Мнемент' завис над золотым яйцом, и Лесса почувствовала, что всадник приподнимает ее. В тревоге она попыталась вцепиться в него, но руки Ф'лара напряглись и безжалостно послали девушку вниз, на песок. Его глаза, горящие яростным янтарным огнем, встретились с ее глазами.

— Помни, Лесса!

Мнемент' просвистел что-то ободряющее, повернув к ней громадный сверкающий глаз, и поднялся ввысь. Лесса в мольбе сжала руки; сейчас она лишена всякой поддержки — даже той твердой внутренней уверенности, которая помогала ей в борьбе с Фэксом. Она увидела, как бронзовый дракон уселся на первом уступе, в некотором отдалении от двух других бронзовых чудищ. Ф'лар спешил, и Мнемент' изогнул свою шею так, чтобы его голова оказалась возле плеча всадника. Человек приподнял руку и рассеянно, как показалось Лессе, погладил своего воздушного скакуна.

Громкие крики отвлекли внимание Лессы, и она увидела, как еще несколько драконов снизились и зависли над полом пещеры. Каждый из всадников опускал на песок молодую женщину — теперь их было двенадцать, считая вместе с Лессой, — и улетал. Новенькие пугливо жались друг к другу. Лесса стала рассматривать их и заметила на глазах девушек слезы. Наверное, ее сердце стучало так же громко, как и их сердца, но ей и в голову не пришло бы искать утешения в слезах. Насколько она могла разгля-

деть, ни одна из девушек не ранена — тогда почему они плачут? Ее переполнило презрение к ним — презрение, которое помогло ей осознать собственную храбрость; она глубоко вдохнула, подавив холодок внутри. Пусть они боятся. Она — Лесса Руатанская, и ей не пристало корчиться от страха.

Внезапно гигантское золотое яйцо резко качнулось. С криками ужаса девушки отпрянули в сторону, прижались к каменной стене. Одна, миловидная блондинка с золотой косой, начала спускаться по ступенькам с возвышения — и вдруг с истерическим визгом бросилась обратно, к стайке своих перепуганных подруг.

Что могло вызвать такой ужас? Бросив взгляд на искаженное лицо девушки, Лесса обернулась и непроизвольно вздрогнула.

Там, на большой песчаной арене, происходило следующее. Некоторые пестрые яйца уже треснули и раскрылись. Молодые драконы, тихо попискивая, вперевалку топали через всю арену — Лесса поглядела вдаль, и у нее перехватило дыхание — к мальчикам, стоящим полукругом у противоположной стены. Их лица казались бесстрастными; самые младшие были в том же возрасте, что и она, Лесса, когда армия Фэкса захватила Руат.

Визг девушек перешел в сдавленные вздохи и всхлипывания, когда один из новорожденных протянул когтистую лапу и схватил мальчика.

Лесса заставила себя не отводить глаз. Она видела, как молодой дракон терзал подростка, потом отшвырнул его в сторону, словно эта ужасная жертва не удовлетворила его. Мальчик не двигался; Лесса заметила, как из его ран на песок сочится кровь.

Второй дракон, покачиваясь на дрожащих лапах, остановился перед другим мальчиком, беспомощно хлопая влажными крыльями, поднимая тощую шею и что-то тревожно высвистывая — звуки казались жалкой пародией на одобрительное урчание, которое Лесса слышала от Мнемента. Мальчик неуверенно поднял руку и стал почесывать гребень над огромным глазом. Замерев, не веря своим глазам, Лесса увидела, как молодой дракон, по свист которого становился все мягче, склонил голову, прижавшись к мальчику. Лицо ребенка осветилось недоверчивой улыбкой, в глазах засверкал восторг.

Оторвав взгляд от этой поразительной сцены, Лесса перенесла внимание на первого дракона, который теперь робко топтался перед другим подростком. Тем временем на арене появились еще два новорожденных. Один сбил попавшегося ему мальчика с ног и наступил на него огромной лапой, не заметив, что когти его исполосовали беднягу. Второй остановился возле израненного ре-

бенка, наклонил голову к лицу мальчика и беспокойно засвистел. Лесса видела, как мальчик поднялся — с трудом, от боли по его щекам катились слезы. Но она расслышала, как он просит дракона не беспокоиться, уверяя, что пустяковые царапины не заслуживают внимания.

Все кончилось очень быстро. Молодые драконы нашли себе напарников, и спустившиеся вниз зеленые всадники унесли тела тех, кто не был избран. Синие, вместе со своими зверями, повели пары из пещеры. Молодые драконы пронзительно кричали, свистели и хлопали влажными крыльями, ковыляя по песку; напарники, которых они только что обрели, старались успокоить и подбодрить их.

Лесса решительно повернулась к подрагивающему золотому яйцу. Теперь она знала, чего следует ожидать, и пыталась сообразить, что предприняли юноши, на которых пал выбор новорожденных драконов, — и, наоборот, каких действий нужно остерегаться.

В золотистой скорлупе появилась трещина, и девушки испуганно закричали. Некоторые в ужасе попадали на пол и лежали там, похожие на свертки белой ткани, остальные, охваченные общим страхом, сбились в кучу, цепляясь друг за друга. Трещина расширилась, и из нее появилась клиновидная голова на гибкой, отливающей золотом шее. Интересно, подумала Лесса с внезапной отрешенностью, сколько времени нужно зверю, чтобы достигнуть зрелости? Ведь при появлении на свет он уже имеет внушительные размеры... Эта голова гораздо больше, чем у новорожденных самцов... а те были достаточно велики, чтобы справиться с крепкими мальчиками десяти Оборотов от роду...

Лесса услышала громкий гул, заполнивший пещеру. Взглянув вверх, она поняла, что звуки издают бронзовые драконы; на свет появлялась их подруга, их королева. Когда скорлупа разлетелась на части и золотистое тело новорожденной самки засверкало на фоне темной стены, гул усилился.

Королева с трудом выбралась из остатков скорлупы и, покачавшись, на мгновение уткнулась головой в песок. Потом, хлопая влажными крыльями, выпрямилась — нелепая, слабая, беззащитная... И вдруг с удивительной быстротой ринулась к охваченным ужасом девушкам. Раньше, чем Лесса успела моргнуть, она отшвырнула первую с такой яростью, что голова у той запрокинулась, шея хрустнула, и на песок рухнуло уже безжизненное тело. Не обращая на нее внимания, самка рванулась ко второй, но, не рассчитав прыжка, упала. Взмахнув когтистой лапой в поисках опоры, она распоролa тело девушки от плеча до бедра.

Вопль смертельно раненной вывел ее подруг из транса. В паническом беспорядке они сначала кинулись врассыпную; затем, спотыкаясь и падая, устремились к выходу, через который мальчики увели молодых драконов.

И когда золотистый зверь, пошатываясь, жалобно крича, двинулся за разбегающейся стайкой белых фигурок, Лесса шагнула вперед. «Почему эта бестолковая дура не отступила в сторону, — подумала она, — ведь новорожденный дракон такой слабый и неуклюжий, что трудно ухитриться попасть ему под ноги...»

Она положила руки на клиновидную голову, размеры которой не уступали ее телу, повернула так, чтобы фасетчатые глаза зверя смотрели ей в лицо... и утонула в их радужном сиянии.

Ощущение счастья охватило Лессу, чувство нежности, теплоты, неподдельной любви и восхищения переполнило разум, сердце и душу. Теперь у нее всегда будет заступник, защитник, близкий друг, понимающий и разделяющий ее желания. «Какая она, Лесса, чудесная! — вдруг вторглась в ее сознание мысль извне. — Какая красивая и добрая, какая умная и отважная!»

Машинально Лесса подняла руку, чтобы почесать нужное место на мягком надбровье. При этом она слегка повернула голову — и вздрогнула, заметив распростертое на песке окровавленное тело.

Новорожденная печально моргнула: она огорчена тем, что заставила Лессу страдать... Лесса со вздохом погладила мягкую шею, доверчиво изогнувшуюся вокруг нее. Самочка пошевелилась, и одно крыло зацепилось за коготь на задней лапе; это причинило ей боль. Осторожно приподняв лапу, Лесса освободила крыло и уложила его вдоль спинной складки.

Теперь самочка издавала довольное, мягкое урчание, непрерывно следя за каждым движением Лессы. Она даже слегка подтолкнула девушку, подставив голову, и Лесса покорно занялась вторым надбровьем.

Внезапно она уловила, что ее подопечная голодна.

— Сейчас мы добудем тебе что-нибудь поесть, — заверила она, с изумлением ощущая происходящую в ней перемену.

Как могла она проявлять такое безразличие к людям? Ведь это грозное маленькое создание только что изувечило — очевидно, до смерти — двух девушек... И тем не менее Лесса ощущала, что все ее симпатии — на стороне зверя. Она должна защищать своего птенца — и это желание казалось ей самым естественным в мире.

Самочка выгнула шею, чтобы заглянуть Лессе в лицо. Она, Рамот'а, ужасно голодна! Она так долго находилась в яйце — со-

всем без пищи! Лесса, пораженная, поинтересовалась, откуда золотистое существо узнало свое имя. Как же она может не знать собственного имени, ответила Рамот'а, ведь оно принадлежит ей и никому больше!

И Лесса снова утонула в сиянии ее великолепных, выразительных глаз.

Не обращая внимания на слетевших вниз бронзовых драконов, не замечая их всадников, Лесса замерла, обхватив руками голову самого чудесного создания на всем Перне. Да, она предвидела и трудности, и победы, которые ждали ее впереди; но сейчас она понимала все ясней и ясней, что Лесса Пернская стала госпожой Вейра — во имя золотой Рамот'ы, отныне и навек.

Часть II

ПОЛЕТ ДРАКОНА

Глава 1

Кипят моря, пески пылают,
Трясутся горы. Драконы знают:
Звезда пришла.
Сталь, камень, пламя пускайте в дело,
Палите траву, держитесь смело
Плечом к плечу.
Следите за небом. Нити все ближе!
Всадники Перна, взмывайте выше:
Звезда пришла.

— Если королева не должна летать, зачем же ей крылья? — спросила Лесса. Ей хотелось, чтобы слова прозвучали спокойно, словно продиктованные только здравым смыслом.

Лесса жаждала получить ответ, но, имея склонность слишком увлекаться, должна была соблюдать осторожность. В отличие от большинства перинитов всадники обладали способностью ощущать сильные эмоциональные движения.

Густые брови Р'гула неодобрительно сдвинулись. Он раздраженно сжал челюсти — и, прежде чем Лесса услышала ответ, она уже его знала.

— Королевы не летают, — категорически заявил он.

— Кроме периода спаривания, — добавил С'лел. Он дремал: сон посещал его легко и часто, хотя он и был моложе бодрого Р'гула.

Сейчас они снова поссорятся, подумала Лесса, застонав про себя. Она могла терпеть их споры с полчасца, но потом ей становилось дурно. Их желание наставлять новую госпожу Вейра в «Обязанностях перед Драконами, Вейром и Перном» слишком часто приводило к продолжительным дискуссиям о мелких деталях формулировок, которые ей надлежало запомнить слово в слово. Иногда — как, например, сейчас — у нее появлялась надежда поймать их на каком-нибудь противоречии и втянуть в сло-

весный поединок, в ходе которого ей могли открыться одна-две новые истины.

— Королева поднимается в воздух только для спаривания, — согласился с поправкой Р'гул.

— Однако, — Лесса была терпелива, но настойчива, — если она может летать в период спаривания, значит, она может летать и в других случаях.

— Королевы не летают, — упрямо повторил Р'гул.

— Йора никогда не садилась на дракона, — пробормотал С'лел, часто моргая. Он всецело погрузился в размышления о прошлом. На его лице появилось выражение смутного беспокойства. — Йора никогда не покидала своего жилища.

— Она водила Неморт'у на площадку для кормления, — раздраженно заметил Р'гул.

К горлу Лессы подкатила горечь, она судорожно сглотнула. Похоже, ей придется снова выставить их отсюда — если не силой, то хитростью. Сообразят ли они, что Рамот'а просыпается слишком уж вовремя? Может быть, лучше разбудить Р'гулова Хат'а? Она усмехнулась про себя с некоторым самодовольством: осознание своей тайной силы, позволявшей ей общаться с любым драконом Вейра — зеленым, синим, коричневым или бронзовым, — мгновенно успокоило ее.

— На площадке для кормления она бывала слишком редко. Только тогда, когда ей хватало сил, чтобы заставить Неморт'у пошевелиться, — негромко возразил С'лел, покусывая нижнюю губу.

Р'гул бросил на С'лела пристальный взгляд, призывая его к молчанию, и, добившись своего, многозначительно постучал по грифельной доске Лессы.

Поддав вздох, она взялась за стило. Она уже переписала эту Балладу девять раз, слово в слово. Десять — магическое для Р'гула число. Традиционные учебные Баллады и Саги Бедствий, как и полное Уложение Законов, были скопированы ею ровно десять раз. Хорошо, если она поняла хотя бы половину, но зато ей удалось выучить их наизусть.

«Кипят моря, пески пылают, трясутся горы», — писала она.

Что ж, весьма возможно. При сильных сдвигах в земных глубинах это бывает. Один из солдат Фэкса в Руате однажды развлекал охрану историями времен своего прапрадеда. Тогда целая прибрежная деревушка к востоку от Форта сползла в море. Невероятной силы приливы были в тот год, а за Истой воздвиглась гора с пылающей вершиной. Через несколько лет она опустилась. Может быть, строка относится к тем событиям. Может быть.

«Пески пылают...» Действительно, говорят, что летом на рав-

нине Айгена невыносимо жарко. Ни тени, ни деревьев, ни пещер — лишь сыпучая голая пустыня. В разгар лета даже всадники избегают тех мест... Стоит вспомнить, что песок на площадке Рождений всегда тоже теплый. Нагревается ли он когда-нибудь так, чтобы воспламениться? И, кстати, что его нагревает? Тот же невидимый внутренний огонь, что подогревает воду в купальных бассейнах всего Бенден-Вейра?

«Драконы знают...» Допускает с полдюжины толкований, а Р'гул не изложил даже традиционного. Означает ли это, что драконы знают о прохождении Алой Звезды? И каким-то образом свидетельствуют это... Каким? Испуская такой же протяжный стон, каким они провожают своего соплеменника, уходящего, чтобы найти смерть в Промежутке? Или драконы знают об Алой Звезде что-то особенное? И у них есть иное предназначение, не считая, конечно, их традиционной обязанности — сжигать в небесах Нити? Баллады умалчивают о подобных вещах, и никто не дает объяснений! И все-таки в этом имеется какой-то первоначальный смысл.

«Сталь, камень, пламя пускайте в дело...» Еще одна загадка. Почему все это перечислено подряд? Возможно, речь идет об огненных камнях? Или о чем? Сочинитель Баллады мог хотя бы намекнуть, в какое время года все это должно происходить. Или он так и поступил, сказав: «палите траву»? Любая растительность привлекала Нити, что и являлось традиционной причиной запрета на зелень вокруг человеческих жилищ. Но и камни не могли помешать Нитям зарыться в почву и начать размножаться. Только фосфиновое пламя, которое выдыхает дракон, пожевавший огненного камня, способно остановить их. Но в нынешние дни никто, даже всадники — за исключением Ф'лара и его людей, — не заботился о тренировках с огненным камнем и еще меньше думал о том, чтобы уничтожать траву около домов. Последнее время скалистыми вершинам, веками очищавшимся до голого камня, позволяли весной покрываться зелеными ростками.

«Плечом к плечу...» Она нацарапала стилем фразу, подумав: а не значит ли это, что ни один всадник не сможет покинуть Вейр незамеченным?

Оправданием нынешнего бездействия Р'гула, предводителя Вейра, служила его собственная идея: если ни лорд, ни простой холдер не будут видеть всадников, то и причины для обид исчезнут. Даже традиционные патрульные полеты проводились теперь над необитаемыми землями, чтобы дать утихнуть разговорам о «паразитирующем» Вейре. Некогда основным их источником был Фэкс, настроенный по отношению к Вейру откровенно вра-

желебно, но и с его смертью движение недовольных не иссякло. Говорили, что его возглавил Ларад, молодой лорд Телгара.

Р'гул, предводитель Вейра. Это казалось ей нелепым. Сейчас требовался совсем другой человек. Но это его Хат' настиг Неморт'у в ее последнем полете. А по традиции (от этого слова Лессу уже мутило из-за всех связанных с ним нелепостей) предводителем Вейра становился всадник дракона, догнавшего королеву. О, внешне Р'гул вполне соответствовал своему титулу — большой, крепкий, энергичный и властный мужчина, с крупным лицом, внушавшим мысль, что его обладатель способен навести порядок... Однако, по мнению Лессы, наведение порядка было направлено совершенно не в ту сторону...

Ф'лар... Да, Ф'лар установил в своем крыле тот порядок, который Лесса одобряла. Потому что он в отличие от предводителя Вейра не только искренне верил в законы и традиции, не только следовал им, но и понимал их. Нередко он вскользь бросал одну-две поясняющие фразы — и ей удавалось проникнуть в смысл невнятных древних текстов. Но по традиции госпожу Вейра мог обучать только предводитель.

Во имя Первого Яйца, почему не Мнемент', бронзовый гигант Ф'лара, догнал Неморт'у? Хат' — благородный зверь, в полном расцвете сил, но ни по величине, ни по размаху крыльев, ни по силе он не мог сравниться с Мнемент'ом. Наверняка в последней кладке Неморт'ы оказалось бы больше десяти яиц, если б ее настиг Мнемент'...

Йора, последняя и самая непопулярная госпожа Вейра, была тучной, глупой и несведущей. На этом сходились все. Считалось, что дракон отражает черты характера своего всадника. Несомненно, королева вызывала у Мнемент'а столь же острое отвращение, какое человек, подобный Ф'лару, мог испытывать к ее наезднице — неезднице, тут же передразнила себя Лесса, с насмешкой глядя на дремлющего С'лела.

Но если Ф'лар пошел на такой риск, на отчаянную дуэль с Фэксом, только для того, чтобы там, в Руате, спасти жизнь Лессы и привезти ее в Вейр в качестве претендентки, если ему удалось все это сделать, то почему, когда она добилась успеха, он не взял власть над Вейром и не сместил Р'гула? Чего он ждал? Он проявил столько страсти, убеждая Лессу бросить Руат и отправиться в Бенден-Вейр. Почему же он занял позицию равнодушной отрешенности — в то время как людская неприязнь к Вейру становилась все сильнее и сильнее?

«Спасти Перн», — вот что сказал Ф'лар. От кого, как не от Р'гула? И лучше бы Ф'лару немедленно начать эту спасательную

операцию. Может быть, он ждет подходящего момента, ждет, когда Р'гул допустит роковой промах? Но со Р'гулом этого не случится, мрачно подумала Лесса, потому что он вообще ни на что не способен, он даже не в состоянии объяснить ей вещи, которые она желала бы знать.

«Следите за небом...» Со своего карниза Лесса могла видеть гигантский прямоугольник Звездной Скалы. Он ясно вырисовывался на фоне неба. Возле этой глыбы всегда стоял в дозоре всадник. Когда-нибудь она поднимется туда. С площадки перед Скалой открывался великолепный вид на хребет Бенден и на высокое плато, простиравшееся до самого подножия Вейра. В прошлый Оборот у Звездной Скалы состоялось нечто вроде торжества, когда восходящее светило на мгновение замерло у вершины Каменного Пальца, отмечая зимнее солнцестояние. Это подтверждало важное назначение Пальца, но не Звездной Скалы. Что ж, добавим еще одну необъяснимую тайну.

«Всадники Вейров, взмывайте выше», — вздохнув, написала Лесса. Множественное число. Вейров, а не Вейра. Р'гул не мог отрицать, что на Перне было пять пустых Вейров, заброшенных невест сколько Оборотов. Ей пришлось выучить их названия — в том порядке, как их основывали. Первый и самый могущественный — Форт, за ним — Бенден, Плоскогорье, жаркий Айген, океанская Иста и расположенный на равнине Телгар. Но Лессе никто не объяснил, почему покинуты пять Вейров и почему огромный Бенден, способный вместить в своих бесчисленных пещерах пятьсот чудовищ, ограничивается всего двумястами. Конечно, Р'гул морочил голову новой повелительнице Вейра баснями о том, что Йора была ленивой неврастеничкой и слишком часто позволяла своей королеве переедать. При этом никто так и не объяснил Лессе, почему это так важно. Наоборот, вопреки наставлениям, все казались довольными, глядя, как лопают Рамот'а. Впрочем, Рамот'а росла — росла так быстро, что не замечать этого было просто невозможно.

Несмотря на присутствие Р'гула и С'лела, нежная улыбка скользнула по губам Лессы. Девушка подняла взгляд от грифельной доски к проходу, который вел из комнаты Совета в большую пещеру, служившую гнездом Рамот'е. И почувствовала, что Рамот'а еще спит. Она страстно желала ее пробуждения, ободряющего внимания радужных глаз, обволакивающего дружелюбия и нежности, которые делали жизнь в Вейре терпимой. Временами Лессе казалось, что в ней соседствуют две женщины: довольная и веселая, когда можно ухаживать за Рамот'ой; мрачная и разочарованная, когда дракон спал. Вздохнув, Лесса отбросила

навевающие уныние мысли и вернулась к уроку, который помогал ей скоротать время.

«Звезда пришла...» Окруженная ночным мраком Алая Звезда, которая появилась впервые больше двух Оборотов назад. Лесса помнила тот рассвет, когда зловещее предчувствие подняло ее с соломенного ложа руатанской сыроварни. Она взобралась на стену — и увидела мерцание Алой Звезды.

И вот она здесь, в Вейре... Но то яркое, деятельное будущее, которое рисовал ей Ф'лар, так и не стало реальностью... Она не может использовать свою тайную силу, не может управлять событиями и людьми на благо Перна. Вместо этого ее засосал круговорот тягучих, бессмысленных дней, заполненных надоевшими до тошноты поучениями Р'гула и С'дела... Ее жизнь ограничена апартаментами госпожи Вейра (правда, несравненно более комфортабельными, чем холодный угол в сыроварне), площадкой для кормления и купальным бассейном. Что за убогий исход — применять свои способности для избавления от нудных уроков так называемых наставников! Скрипнув зубами, Лесса подумала, что, если бы не Рамот'а, она сбежала бы отсюда немедленно. Выгнала бы сына Геммы и завладела Руатом — как, пожалуй, ей и следовало сделать сразу после смерти Фэкса.

Она прикусила губу и усмехнулась. Если бы не Рамот'а, она в любом случае не задержалась бы здесь ни на минуту. Но с того мгновения, как ее глаза встретились на площадке Рождений с глазами молодой королевы, все, кроме Рамот'ы, потеряло значение. Лесса принадлежала ей, Рамот'е, всем своим существом — и мыслями и сердцем. И это могла нарушить только смерть.

Иногда всадник, потерявший дракона, продолжал жить — как Лайтол, управляющий Руата, — но он становился похожим на тень, и существование его превращалось в многолетнюю пытку. Когда же умирал Крылатый, его дракон навсегда уходил в Промежуток — ледяную пустоту, через которую он мгновенно переносил и себя, и своего всадника из одной географической точки Перна в другую. Лесса уже представляла себе главную опасность, подстерегающую в Промежутке: там нельзя находиться больше времени, чем требуется для того, чтобы трижды моргнуть глазом.

И все же единственный полет Лессы на шее Мнемента'а наполнил ее неутолимой жадью повторить приключение. Она наивно полагала, что ее будут обучать, как обучали молодых всадников и их драконов. Но она — фактически самое главное существо в Вейре после Рамот'ы — оставалась на земле, в то время как подrostки, кружась над Вейром в нескончаемых тренировках, то

ныряли в Промежуток, то вновь возникали в воздухе над хребтами и плоскогорьями Бендена.

Рамот'а была самкой, но она, несомненно, обладала такой же врожденной способностью проникать в Промежуток, как и самцы ее племени. Этот вывод, как считала Лесса, подтверждался «Балладой о полете Мореты». Разве Баллады не были инструкциями? Разве они существовали не для того, чтобы каждый молодой перинит, будь он всадником, лордом или простым холдером, мог узнать о своих обязанностях перед Перном и изучить его славную историю? Два старых идиота могут сколько угодно отрицать существование подобной Баллады, но тогда каким же образом Лесса выучила ее?

Она раскопает истину, отыщет и подлинный текст Баллады, но... Это случится лишь тогда, когда Р'гул наконец разрешит ей взять на себя традиционные обязанности хранительницы Архивов. Она не перестанет теревить Р'гула, пока ее не допустят к Архивам — «в свое время», как любит говорить предводитель.

В свое время! — возмущенно подумала она. В свое время! Когда же оно наступит? Когда луны позеленеют? Чего они ждут? И чего ждет высокомерный Ф'лар? Прохождения Алой Звезды, в которое верит он один? Лесса почувствовала, как ее обдало холодом; мысль о зловещей звезде вызывала в ней предчувствие опасности.

Она встряхнула головой, резкое движение привлекло внимание Р'гула. Он оторвался от Записей, которые усердно изучал, и потянул к себе доску, плод стараний Лессы. Шарканье доски по столу разбудило С'лела; престарелый всадник вскинул голову, не в силах сразу сообразить, где находится.

— Хм? Что? Да? — пробормотал он, моргая и уставившись перед собой заспанными глазами.

Это было уже слишком. Лесса мысленно позвала Туэнт'а, бронзового С'лела, который сам только что проснулся. Договориться с драконом не составило труда.

— Туэнт' беспокоится, мне нужно идти, — пробормотал С'лел, устремившись к проходу с не меньшим облегчением, чем испытала Лесса, избавившись от одного из наставников. Она насторожилась, услышав, как тот заговорил с кем-то в коридоре, и обрадовалась, разобрав ответ. Кажется, сейчас ей удастся избавиться и от Р'гула.

В зал вошла Манора, хозяйка нижних пещер, заправлявшая всеми складами для припасов, что располагались на нижнем уровне Вейра. Лесса приветствовала ее с едва скрытым облегче-

нием. Р'гул, который откровенно не переваривал Манору, тут же покинул их.

Манора, статная женщина средних лет, распространяла вокруг себя ощущение уверенности, спокойной силы и невозмутимого достоинства, выкованных нелегкой жизнью. Ее терпение было немым упреком Лессе, склонной к раздражительности и мелочным обидам. Из всех женщин, с которыми Лесса встречалась в Вейре, — когда наставники позволяли ей с кем-нибудь встречаться, — Манора вызывала в ней наибольшее восхищение. Какой-то инстинкт — или горькое предчувствие — подсказывали Лессе, что она никогда не подружится, никогда не будет близка ни с одной женщиной в Бендене. Однако даже чисто формальные отношения с Манорой, по-видимому, доставляли удовольствие им обоим.

Манора принесла записи, в которых отмечалось поступление припасов в склады нижних пещер. В ее обязанности входило представлять госпоже Вейра сведения о хозяйственных делах, и Р'гул настаивал, чтобы этот порядок неукоснительно соблюдался.

— Битра, Бенден и Лемос прислали десятину, но ее недостаточно, чтобы пережить холодный период нынешнего Оборота, — сказала хозяйка, не заглядывая в записи.

— В прошлом Обороте мы тоже получили припасы только из этих трех холдов, но, кажется, еды хватало.

Манора дружелюбно улыбнулась, однако было ясно, что, по ее мнению, Вейр снабжается не слишком щедро.

— Тогда еще оставались запасы консервированных и сушеных продуктов от более щедрых поступлений прежних Оборотов. Это нас и поддерживало. Теперь же их нет. Не считая, конечно, бесчисленных бочек с рыбой из Тиллека... — Она сделала выразительную паузу.

Лессу передернуло. Сушеную рыбу, соленую рыбу и рыбу во всех прочих видах последнее время подавали к столу слишком уж часто.

— Наши запасы зерна и муки совсем скудны — ведь Бенден, Битра и Лемос не выращивают пшеницу.

— Больше всего мы нуждаемся в зерне и мясе?

— Мы могли бы для разнообразия употреблять больше фруктов и корнеплодов, — задумчиво сказала Манора. — Особенно если холодный период затянется, как предсказывают знатоки... Обычно весной и осенью мы посещаем равнину Айгена для сбора орехов и ягод...

— Мы?... Равнину Айгена?... — с недоумением перебила Лесса.

— Да, — ответила Манора, очень удивившись, — мы всегда

там собираем... И еще скашиваем злаки, которые растут на болотах, и потом молотим их...

— Как же вы туда попадаете? — резко спросила Лесса, догадываясь, что ответ может быть только один.

— Летаем со стариками... Они не возражают... И, кроме того, удастся занять зверей чем-нибудь необременительным... Разве ты не знала?

— Что женщины из нижних пещер летают вместе со всадниками? — Лесса сердито сжала губы. — Нет, мне об этом не говорили.

Сострадание и жалость в глазах Маноры не улучшили настроения Лессы.

— Я понимаю, обязанности повелительницы Вейра ограничивают твою свободу... — мягко сказала женщина.

Лесса безжалостно прервала ее, возвращаясь к теме, которой хозяйка хотела избежать:

— А если бы я попросила отвезти меня куда-нибудь... например, в Руат... Мне бы отказали?

Манора бросила на девушку пристальный взгляд, глаза ее потемнели. Лесса ждала. Она намеренно поставила Манору в такое положение, когда та должна была либо солгать, что казалось противным ее природе, либо уклониться от ответа. Последнее могло оказаться не менее поучительным.

— Твое отсутствие может привести к бедствию. К страшному бедствию, — наконец проговорила Манора, лицо ее вспыхнуло. — Ты не должна отлучаться сейчас, когда королева так быстро растет... Ты обязана быть здесь. — Взгляд Маноры, полный мольбы и тревоги, был не менее выразителен, чем ее слова. — Ты должна оставаться тут! — повторила Манора, не скрывая страха.

— Что ж, королевы не летают, — язвительно заметила Лесса.

Она ожидала, что Манора повторит ей реплику С'лела, но женщина неожиданно переключилась на более безопасную тему:

— Даже если мы уменьшим рацион наполовину, нам не протянуть холодный сезон, — выпалила она, нервно перекладывая таблички с записями.

— Когда-нибудь раньше возникала такая же нехватка припасов? Что по этому поводу говорят Записи? — насмешливо поинтересовалась Лесса.

Манора с немим укором подняла на нее глаза, и Лесса покраснела, почувствовав стыд за то, что срывает на женщине свое раздражение. Она раскаялась вдвойне, когда Манора, печально покачив головой, приняла ее безмолвное извинение. Девушка вздохнула и поклялась покончить с господством Р'гула — и над Вейром, и над ней самой.

— Подобного никогда не случилось, — спокойно ответила Манора. — Согласно традиции, зафиксированной в Архивах, — она одарила Лессу неловкой улыбкой, — Вейру всегда поставляли лучшие плоды земли и лучшую часть добычи от охоты. Правда, в последние Обороты поставки постепенно снижались, но тогда этому можно было не придавать значения. Тогда нам не требовалось кормить молодых драконов. А сколько они едят, ты знаешь сама.

Их взгляды встретились в вечном женском восхищении причудами детей, вверенных их заботам. Потом Манора пожала плечами:

— Раньше всадники водили своих зверей на охоту на Плоскогорье или на плато Керун. Теперь же...

Беспомощная гримаса на ее лице как бы продолжила фразу, засвидетельствовав, что нелепый запрет Р'гула лишил Вейр весь ма существенного источника продовольствия.

— Были времена, — продолжала она, и голос ее смягчился, — когда каждый Оборот мы проводили холода в каком-нибудь из южных холдов. Или возвращались в родные места... Семьи гордились женщинами, чьи сыновья стали племенем дракона, — печальная складка прорезала ее лоб. — Перн вертится — времена изменяются.

— Да, — услышала Лесса свой напряженный голос, — Перн, конечно, вертится... а времена — времена изменятся!

Манора озадаченно посмотрела на девушку.

— Даже Р'гул должен понять, что иного выхода у нас нет, — то-ропливо сказала она, стараясь не отвлекаться от интересующей ее темы.

— Иного выхода? Какого же? Снова начать охотиться на Плоскогорье?

— О, нет. На сей счет Р'гул непреклонен. Нет. Нам придется вести меновую торговлю в Форте или Телгаре.

Румянец негодования выступил на щеках Лессы.

— В день, когда Вейру придется платить за то, что он должен получать... — начала она и внезапно замерла на середине фразы, потрясенная как ужасным смыслом произнесенных ею слов, так и эхом слов другого человека, всплывшим в памяти... «В тот день, когда один из моих холдов не сможет прокормиться или достойным образом принять своего законного господина» — так сказал Фэкс. Неужели эти слова вновь предвещают несчастье? Кому? За что?

— Я знаю, знаю, — продолжала Манора, не заметившая потрясения, которое согнало краску с лица собеседницы. — Это не

всем понравится. Но если Р'гул не разрешит охотиться, другого выхода нет. Вряд ли ему понравится голодное урчание в собственном желудке.

Лесса попыталась совладать с охватившим ее ужасом. Она глубоко вздохнула.

— Тогда Р'гул, наверно, перережет себе глотку, чтобы отключить желудок, — с иронией процедила она. Насмешка вернула ее к реальности. Не обращая внимания на испуг и смтение Маноры, она продолжала: — Я полагаю, ты, как хозяйка нижних пещер, обязана выносить такие вопросы на рассмотрение госпожи Вейра?

Манора кивнула, сбита с толку быстрой сменой настроения Лессы.

— А затем я, очевидно, выношу их на рассмотрение предводителя Вейра — который, надо надеяться, — она даже не попыталась скрыть издевку в голосе, — должен принять соответствующие меры?

Манора снова кивнула, ошеломленно глядя на нее.

— Отлично, — беззаботно сказала Лесса, — будем считать, что ты выполнила свою традиционную обязанность. Теперь я должна выполнить свою, верно?

Манора с опаской взглянула на девушку. Лесса ободряюще улыбнулась.

— Предоставь это дело мне.

Хозяйка медленно поднялась. Не отводя глаз от Лессы, она начала собирать свои записи.

— Говорят, в Форте и Телгаре необычайно богатый урожай, — небрежно произнесла она, пытаясь скрыть озабоченность. — В Керуне тоже, несмотря на наводнение...

— Вот как? — вежливо поинтересовалась Лесса.

— Да, — с готовностью подтвердила Манора. — И стада в Керуне и в Тиллеке дали хороший приплод.

— Я рада за них.

Манора опять скользнула взглядом по хрупкой фигурке Лессы; источник ее неожиданной доброжелательности явно казался женщине подозрительным. Она закончила собирать записи, затем аккуратно сложила их стопкой.

— Ты заметила, что К'нет и его всадники ропшут по поводу претов Р'гула? — спросила она, пристально глядя на Лессу.

— К'нет?

— Да. И старый К'ган. О, его нога совсем уже не сгибается, а Тагат' скорее седой от старости, чем синий, но он из вывода

Лидит'ы. А в ее последнем помете были прекрасные звери, — заметила она. — К'ган помнит иные дни...

— До того, как Перн повернулся и времена изменились?

Мягкий голос Лессы на сей раз не обманул Манору.

— Ты — не только госпожа Вейра, ты — женщина, Лесса Пернская, и мужчины давно заметили это. — Хозяйка резко выпрямилась, лицо ее посуровело. — Кое-кто из коричневых всадников, например...

— Ф'нор? — с усмешкой спросила Лесса.

Глаза Маноры гордо сверкнули.

— Он взрослый человек, госпожа, а мы, в нижних пещерах, научились не обращать внимания на кровные узы. Я говорю о нем как о коричневом всаднике — не как о сыне, которого я выносила... И так же, как я сказала бы о Т'саме и Л'раде...

— Ты рекомендуешь людей из крыла Ф'лара, потому что они воспитаны в истинных традициях Вейра? Мужчины, не склонные считаться с моими капризами...

— Я говорю о них потому, что они верят в древние законы. Они считают, что холды должны снабжать и поддерживать Вейр.

— Хорошо. — Лесса усмехнулась, убедившись, что Манору не поймает на такую приманку, как имя Ф'нора. — Я приму твои слова к сведению, так как в мои намерения не входит... — Она резко оборвала фразу и важно кивнула головой. — Спасибо, что ты ввела меня в курс наших продовольственных проблем. Больше всего мы нуждаемся в свежем мясе? — спросила она, поднимаясь на ноги.

— Еще требуется зерно, и было бы желательно получить кое-какие овощи с юга, — официальным тоном ответила Манора.

— Хорошо, — кивнула Лесса.

Манора удалилась с задумчивым видом.

Девушка устроилась в огромном каменном кресле. Поджав под себя ноги и замерев, похожая на хрупкую статуэтку, она долго обдумывала отдельные моменты состоявшейся беседы.

Самым значительным и тревожным показался ей искренний испуг Маноры — тот глубокий ужас, в который повергла женщину одна мысль об отсутствии Лессы в Вейре по любой причине, на любой срок. Ее инстинктивный страх был гораздо более действенным аргументом, чем любая из поучительных сентенций Р'гула. Правда, Манора намекнула на проблемы с Рамот'ой, но ничего определенного выжать из нее не удалось. Хорошо, Лесса откажется от попыток использовать другого дракона — со всадником или без него, — хотя она полагала, что сумела бы это сделать.

Что касается проблемы припасов, то этим она займется. Займется сейчас же и вплотную, тем более что Р'гул, по-видимому, не желает тратить время на подобные мелочи. Надо полагать, у него не возникнет никаких возражений, ибо как возражать против того, чего не знаешь? Она придумает что-нибудь и использует К'нета, Ф'нора и других — ровно столько всадников, сколько понадобится, чтобы обеспечить пристойное снабжение Вейра. Хорошая еда стала привычкой, с которой ей не хотелось расставаться. Она не собиралась проявлять алчность, но небольшая, в пределах разумного, контрибуция, наложенная на обильные урожаи, вряд ли будет тяжелой для правителей холдов.

К'нет, впрочем, молод и может проявить излишнюю горячность. Пожалуй, разумнее остановиться на Ф'норе... Но обладает ли он такой же свободой перемещений, как К'нет, который, в конце концов, бронзовый всадник? Может, выбрать К'гана? Отсутствия удалившегося на покой синего всадника, имевшего в распоряжении массу времени, наверно, вообще никто не заметит...

Лесса улыбнулась про себя, но веселое настроение быстро испарилось.

«В день, когда Вейру придется платить за то, что он должен получить...» Она отогнала прочь дрожь предчувствия, сосредоточившись на чувстве стыда. Нынешняя ситуация как нельзя лучше отмеряла степень ее самообольщения.

Почему она думала, что жизнь в Вейре будет так уж отличаться от жизни в Руат-холде? Неужели воспитание, полученное в раннем детстве, внушило ей подобную почтительность — и надежду? Может ли измениться образ жизни лишь потому, что она, Лесса Руатанская, прошла обряд Запечатления? Как могла она оказаться такой маленькой романтической дурочкой?

Посмотри вокруг, Лесса Пернская, взгляни на Вейр открытыми глазами. Вейр — древний и священный? Да, но ветхий и нищий — и лишенный былого уважения. Ты с восторгом уселась в громадное кресло госпожи Вейра у стола Совета — но разве ты не заметила, что ткань его обивки протерлась и покрыта пылью? Твои ладони с почтением касаются подлокотников, на которых лежали руки Мореты и Торины — но в камень въелась грязь, он нуждается в хорошей чистке. Да, седалище твое покоится на том же месте, которое занимали они, — но не в нем же твой разум!

Нищета Вейра отражала падение его роли в жизни Перна. Все эти пригожие всадники, гордо восседавшие на шеях громадных драконов, так мужественно смотревшиеся в своей кожаной амуниции, — все они, при более внимательном изучении, давали по-

вод к некоторому разочарованию. Они были всего лишь людьми, с обычными для людей амбициями и обычными недостатками; и они не желали отказываться от привычного легкого существования в обмен на тяжкий труд по восстановлению былого могущества Вейра. Они были так далеки, так оторваны от остального рода человеческого, что даже не представляли, как мало думают о них в холдах Перна. И у них не было настоящего вождя...

Ф'лар! Чего он ждет? Чтобы Лесса убедилась в неспособности Р'гула править Вейром? Нет, подумала она, он хочет, чтобы выросла Рамот'а... чтобы Мнемент' догнал ее в брачном полете... И тогда всадник бронзового гиганта станет, по традиции, предводителем Вейра! Он, Ф'лар! Какая приверженность древним традициям, думала Лесса, какой подходящий предлог для смены власти...

Что ж, Ф'лар может обнаружить, что события развиваются не так, как он планировал.

«Меня ослепили глаза Рамот'ы, но теперь я способна разглядеть не только это радужное сияние, — решила Лесса, и ожесточение охватило ее — проломив нежность, которую она испытывала всегда, едва подумав о своем золотом звере. — Да, сейчас я способна различить серые и черные тени и понять, где и как может пригодиться опыт, полученный в годы ученичества в Руате... Конечно, придется управлять чем-то гораздо большим, чем один маленький холд, и влиять на более проникательные умы. Проникательные, острые — но по-своему ограниченные. И риск поражения велик... Но разве я могу потерпеть поражение? — Лесса широко улыбнулась и уперлась в бедра сжатыми кулаками в предвкушении вызова. — Они ничего не смогут сделать с Рамот'ой без меня, а Рамот'а им нужна. Никто не смеет диктовать свою волю Лессе из Руата; они связаны со мной так же прочно, как с Йорой. Только я не Йора!»

Возбужденная, Лесса прыгнула с кресла. Она ощутила, как жизнь кипит в ней, почувствовала свою мощь; сейчас она была сильной — даже сильнее, чем тогда, когда бодрствовала Рамот'а.

Время, время, время... Время Р'гула. Что ж, Лесса больше не будет жить в его времени. Она оказалась просто глупышкой. Теперь она превратится в повелительницу Вейра — такую, какой мечтала стать, увлеченная уговорами Ф'лара.

Бронзовый всадник Ф'лар... Ее мысли постоянно возвращались к нему. Его надо остерегаться. Особенно когда она начнет все «устраивать» по-своему... Но у нее есть преимущество, о котором он не подозревает, — она умеет разговаривать со всеми

драконами, не только с Рамот'ой. Даже с его драгоценным Мнемент'ом.

Лесса откинула назад голову и рассмеялась; звуки раскатились гулким эхом в огромной пустой комнате Совета. Она снова громко расхохоталась — радостно, с наслаждением, которое так редко испытывала. Переполнившее ее веселье разбудило Рамот'у. И радость, принесенная только что принятым решением, сменилась ликованием — ее золотой дракон просыпался!

Рамот'а вздрогнула и потянулась; голод делал ее сон беспокойным. Лесса легко пробежала по проходу, с детским нетерпением спеша окунуться в глубину восхитительных глаз и ощутить излучаемые драконом нежность и дружелюбие.

Громадная золотистая голова Рамот'ы поворачивалась из стороны в сторону, просыпающийся дракон инстинктивно искал свою подругу. Лесса коснулась огромного подбородка, и голова зверя замерла; разошлись веки, прикрывавшие фасетчатые глаза, и Лесса с Рамот'ой... Каждый раз, когда Лесса и Рамот'а встречались взглядами, они тем самым приносили обет взаимной преданности.

Рамот'е опять привиделись те сны, сказала она Лессе, вздрагивая. Там так холодно! Лесса, успокаивая, погладила мягкий пушок на огромном надбровье. Ее связь с Рамот'ой была настолько сильной, что она отчетливо и остро ощущала тревогу, вызванную странными видениями.

Рамот'а пожаловалась на зуд около левого спинного гребня.

— Снова треснула кожа, — сказала ей Лесса, втирая целебное масло в ранку. — Ты растешь так быстро! — добавила она с творческим испугом.

Рамот'а повторила, что чешется ужасно.

— Либо ешь меньше, будешь не так много спать, либо прекрати ночами вырастать из собственной шкуры.

Девушка размазывала густую ароматную жидкость, монотонно декламируя:

— Молодых драконов необходимо ежедневно натирать маслом, так как быстрый рост на ранней стадии развития может излишне растянуть кожу, сделав ее нежной и чувствительной.

«Она чешется, чешется!» — извиваясь, раздраженно бубнила Рамот'а.

— Помолчи. Я лишь повторяю то, чему меня учили.

Рамот'а фыркнула, и поток теплого воздуха плотно прижал одеяние Лессы к коленям.

— Тише. Ежедневное купание является обязательным, и после каждого омовения необходимо тщательно втирать масло. При

плохом уходе шкура взрослого дракона становится недостаточной прочной. Это приводит к многочисленным разрывам кожного покрова, что может оказаться для летающего зверя смертельным.

«Ну, почесши меня, почесши!» — упрашивала Рамот'а, как маленький капризный ребенок.

— Вот уж действительно, летающий зверь!

Рамот'а пожаловалась, что ужасно голодна. Нельзя ли отложить купание и смазывание маслом?

— Едва эта прорва, которую ты называешь желудком, наполняется, ты становишься такой сонной, что с трудом можешь ползать. И ты уже слишком выросла, чтобы таскать тебя на руках.

Едкий ответ Рамот'ы был прерван негромким мужским смехом. Лесса, еле сдерживая раздражение, резко обернулась. Под высокой аркой ведущего к карнизу коридора стоял Ф'лар.

Очевидно, он летал на патрулирование и только что снял тяжелую кожаную одежду, защищавшую его в полете. Жесткая туника облегла его грудь, обрисовывала длинные мускулистые ноги. Красивое лицо с выступающими скулами покраснелось, обожженное мгновенным ледяным холодом Промежутка. В его удивительных янтарных глазах светилось веселье — и, добавила про себя Лесса, самодовольство.

— Какая она холеная, — заметил Ф'лар, приближаясь к ложу Рамот'ы и учтиво склоняя голову перед молодой королевой.

Лесса услышала: сидевший на карнизе Мнемонт' послал приветствие Рамот'е. Та, кокетничая, скосила огромный сверкающий глаз на бронзового всадника. Его улыбка, в которой, как показалось Лессе, промелькнула гордость собственника, удвоила ее раздражение.

— Итак, свита прибыла, чтобы пожелать королеве доброго дня, — насмешливо сказала она.

— Добрый день, Рамот'а, — послушно повторил Ф'лар. Он выпрямился и стоял теперь в небрежной позе, похлопывая себя по бедру толстыми перчатками.

— Ты спешил сюда... и даже не переоделся после полета, — сказала она; ее мягкий тон можно было воспринять как извинение.

— Не важно, я не устал. Обычный патрульный вылет, — миролюбиво ответил Ф'лар. Всадник отступил назад и внимательно посмотрел на Рамот'у. — Она уже крупнее, чем большинство коричневых самцов. — Он повернулся к Лессе и сообщил новости: — Море в Телгаре поднялось, там наводнение. А на болотах Айгена из-за прилива вода стоит по шею дракону.

Он усмехнулся, словно бедствие чем-то обрадовало его.

Лесса постаралась запомнить его замечание, чтобы обдумать позже; по собственному опыту она знала, что Ф'лар не бросает слов на ветер. Временами Ф'лар раздражал ее, однако она предпочитала его компанию обществу других бронзовых всадников.

Рамот'а прервала размышления девушки, язвительно напомнив: если ей нужно купаться перед едой, не могли бы они приступить к этому — прежде чем она умрет от голода? Лесса услышала, как снаружи, на карнизе, Мнемент' одобрительно рыкнул.

— Мнемент' говорит, что нам лучше не спорить с ней, — снисходительно обронил Ф'лар.

Лесса прекрасно слышала, что сказал Мнемент', и с трудом подавила желание сообщить об этом Ф'лару. Когда-нибудь всадник узнает, что она может свободно общаться с любым драконом в Вейре; будет интересно взглянуть на его ошеломленную физиономию. Теперь же она пробормотала с мнимым раскаянием:

— Я так мало забочусь о ней...

Ей казалось, что Ф'лар готов что-то ответить. Он помедлил, его янтарные глаза на мгновение сощурились. Потом, вежливо улыбнувшись, он жестом предложил ей первой выйти в коридор.

С упорством, достойным лучшего применения, Лесса не упускала возможности поддразнить Ф'лара. Когда-нибудь она пробьется через его невозмутимое спокойствие и заденет за живое. Но это потребует усилий — он обладает острым умом.

Они присоединились к Мнемент'у, который ждал на карнизе. Бронзовый дракон парил над Рамот'ой, прикрывая ее, пока она неуклюже планировала вниз, к дальнему краю вытянутой овальной чаши Вейра. Туман, поднимавшийся над теплой водой небольшого озера, колыхался под судорожными взмахами крыльев королевы. Она росла слишком быстро и еще не умела правильно координировать мышечные усилия и свой вес. Для короткого спуска Ф'лар усадил Лессу на шею Мнемент'а, и теперь девушка с волнением наблюдала за неуверенным полетом своей подопечной.

Королевы не летают, потому что не могут, подумала Лесса с горькой беспристрастностью, сравнивая гротескные движения Рамот'ы с плавным скольжением Мнемент'а.

— Мнемент' говорит, что она станет более грациозной, когда повзрослеет, — раздался над ее ухом веселый голос Ф'лара.

— Молодые самцы растут почти так же быстро, но они совсем не... — Лесса резко оборвала фразу. Да, полет самцов не походил на неуклюжие движения Рамот'ы, но она никогда не признается в этом Ф'лару.

— Самцы не вырастают такими большими. К тому же они постоянно тренируются.

— В полетах! — Лесса даже подпрыгнула на шее Мнемента, но, заметив, как у Ф'лара блеснули глаза, крепко сжала губы. Бронзовый всадник слишком скор на насмешки.

Рамот'а окунулась в воду и теперь нетерпеливо ждала, когда ее потрут песком. Левый спинной гребень ужасно чесался. Лесса набрала в руку песок и добросовестно принялась за работу.

Нет, ее жизнь в Вейре не отличалась от той, которую она вела в Руате. Она по-прежнему чистила и скребла. И с каждым днем ей придется скрести все больше и больше, подумала Лесса, посылая золотистого зверя на глубину ополоснуться. Рамот'а погрузилась в воду до кончика носа; ее глаза, прикрытые прозрачным внутренним веком, светились под поверхностью воды, словно огромные драгоценные камни. Рамот'а перевернулась, и у ног Лессы заплескались маленькие волны.

Когда королева покинула озеро, все дела в Вейре приостановились. Лесса заметила женщин, сгрудившихся у входа в нижние пещеры; глаза их были широко раскрыты от восхищения. Драконы восседали на своих карнизах или лениво кружили в небе. Со стороны тренировочной площадки, где располагались помещения для молодняка, придвинулись мальчики со своими зверями.

Неожиданно дракон на возвышенности у Звездной Скалы издал трубный звук. В следующий момент синий зверь уже мчался вниз по широкой спирали.

— Десятина, Ф'лар! Караван уже в Проходе! — широко улыбаясь, объявил всадник.

Но лицо его тут же вытянулось от разочарования — Ф'лар воспринял добрую весть с ледяным спокойствием. Сухо кивнув, он произнес:

— Пусть ими займется Ф'нор.

Он отвернулся от вестника, который уже возносился к пещере Кант'а.

— Кто бы это мог быть? — задумчиво спросила Лесса. — Три холда, которые остались верны нам, уже все прислали.

Ф'лар поднял голову, наблюдая, как его помощник вместе с несколькими зелеными всадниками взвился вверх и перевалил через защищавший Вейр край чаши.

— Скоро узнаем, — заметил он, повернув лицо на восток.

Жесткая улыбка скользнула по его губам. Лесса тоже взглянула на восток, где искушенный взор мог различить слабую искорку Алой Звезды, почти незаметную в свете полуденного солнца.

— Верные будут под защитой, когда Алая Звезда пройдет над нами, — еле слышно пробормотал Ф'лар.

Лесса не знала, почему они оба придавали такое значение этой крохотной точке, мерцавшей на восточном небосклоне. Но, как и Ф'лар, она инстинктивно чувствовала связанную с ней угрозу. В конечном счете Алая Звезда, зловещий символ неведомой опасности — главный аргумент Ф'лара; именно из-за Звезды Лесса оставила Руат и оказалась здесь. Почему бронзовый всадник не поддался тому пагубному равнодушию, которое обессилило остальных обитателей Вейра? Она не могла догадаться — и никогда не спрашивала об этом. Не потому, что питала неприязнь к Ф'лару; просто ей было ясно, что вера его не допускает сомнений. Он знал. И она тоже знала.

И временами это тревожное знание, должно быть, просыпалось в драконах. Перед рассветом они беспокойно ворочались во сне, а те, что уже бодрствовали, тревожно били крыльями и судорожно свивали в кольца огромные хвосты. Манора, хозяйка нижних пещер, тоже верила в надвигающуюся угрозу — как и сын ее, Ф'нор. Возможно, уверенность Ф'лара передалась и его людям. Во всяком случае, он всегда настаивал на безоговорочном выполнении древних Законов, и всадники крыла не только подчинялись его требованиям, но и питали искреннюю привязанность к своему командиру.

Рамот'а выбралась из воды и, полураскрыв крылья, чтобы удержать равновесие, направилась к площадке для кормления. Мнемент' пристроился сбоку. Он позволил Лессе сесть на его переднюю лапу — почва становилась холоднее при удалении от края каменной чаши.

Рамот'а поела, горько сетуя на то, что ей достались не мясные птицы, а какие-то беговые, и затем принялась громко возмущаться — когда Лесса ограничила ее обед шестью птицами.

— Но ты же знаешь, что другим тоже нужна еда, — заметила девушка.

Рамот'а возразила, что она королева, она главнее.

— Тогда завтра ты опять будешь чесаться.

Мнемент' вмешался в их перепалку, предложив уступить Рамот'е свою долю. Два дня назад в Керуне он неплохо перекусил упитанной коровой из местного стада. Лесса бросила на бронзового зверя любопытный взгляд. Интересно, не по этой ли причине все драконы крыла Ф'лара так и лоснятся? Ей стоит присмотреться к тому, кто и как часто посещает площадку для кормления.

Рамот'а снова устроилась на каменном ложе в своей просто-

рной пещере и уже задремала, когда Ф'лар привел к Лессе начальника прибывшего в Вейр каравана.

— Госпожа, — сказал Ф'лар, — это посланец Лайтола, с поручением к тебе.

От сияния, которое испускало золотистое тело королевы, глаза гостя заслезились. Он низко поклонился Лессе.

— Тиларек, госпожа, от Лайтола, управляющего Руата.

Его тон и плавные жесты были полны уважения, но взгляд, брошенный на Лессу, сверкнул откровенным мужским восторгом, граничащим с дерзостью. Тиларек достал из-за пояса свернутое в трубку послание и неуверенно сжал его в кулаке.казалось, он разрывался между приказом вручить его повелительнице Вейра и убеждением в том, что женщины не умеют читать. Поймав веселый подбадривающий взгляд Ф'лара, Лесса властно протянула руку и приняла свиток.

— Королева уже спит, — предупредил Ф'лар и, коснувшись ладонью плеча посланца, подтолкнул его к коридору, ведущему в комнату Совета.

Ловкий ход, подумала Лесса. Он дал Тилареку возможность наглядеться на Рамот'у. На обратном пути руатанец станет рассказывать о необычайной величине и превосходном состоянии молодой королевы, и каждый раз его история будет обрывать все новыми подробностями. Несомненно, Тиларек в своих рассказах не обойдет и госпожу Вейра.

Лесса подождала, пока Ф'лар предложит посланцу вино, затем развернула свиток из тонкой кожи. Радость захлестнула ее — наконец она узнает новости из Руата! Она разобрала первые строки, написанные Лайтолом:

«Ребенок растет крепким и здоровым...»

Дальше! Ее не слишком интересовало здоровье младенца.

«Холд очищен от зелени — от вершин скал до стен мастерских. Урожай был очень богатым, стада множатся. Посылаю десятину, что причитается от холда Руат. Пусть процветает Вейр, защищающий нас».

Лесса тихонько фыркнула. Да, Руат выполнил свой долг — и напомнил, что три другие холда, отдавшие положенную десятину, не прислали слова приветствий. Послание Лайтола заканчивалось на тревожной ноте:

«Весть для осторожных и умудренных. После смерти Фэкса центром недовольных стал Телгар. Мерон, нынешний правитель Набола, тоже очень силен; я чувствую, он стремится стать первым, в Телгаре его тоже опасаются. С тех пор как я говорил с бронзовым всадником Ф'ларом, раздор среди правителей холдов

стал еще сильнее. Вейр должен быть настороже. Если Руат может служить вам, пришлите слово».

Прочитав последнюю фразу, Лесса нахмурилась. Сообщение Лайтола только подчеркнуло тот факт, что лишь считанные холды готовы оказать Вейру какую-либо помощь. Она подняла голову.

— ...и над нами смеялись, мой господин, — говорил Тиларек Ф'лару, промочив горло добрым глотком вина из запасов Вейра, — когда мы делали то, что велит долг и Законы. Но забавно — чем ближе мы подходили к хребту Бенден, тем меньше насмешек слышали. — Он снова глотнул из кубка и задумчиво покачал головой. — Люди плохо понимают вещи, с которыми сталкиваются нечасто. И они действуют так, как будто стремятся причинить зло самим себе... Разве я могу отрубить свою руку, которая держит меч? — Он сделал несколько резких взмахов правой рукой, словно сжимал в ней тяжелый клинок. — Я так долго тренировался и накапливал силу — а с потерей руки не смогу защищать себя в бою... Странно все это... — Он опять покачал головой. — Некоторые люди, мой господин, искренне верят болтовне разных крикунов... Другие верят потому, что боятся не верить...

Тиларек посмотрел на свою большую ладонь и резко стиснул пальцы в кулак, потом снова повернул к Ф'лару раскрасневшееся лицо.

— Однако мне, потомственному солдату, трудно сносить насмешки ремесленников и простых фермеров. Нам, правда, велели держать мечи в ножнах — мы так и поступали. И говорили с людьми спокойно. — Он криво усмехнулся и отвел глаза в сторону. — Правители холдов вооружили всех своих людей... с тех пор, как в последнем Поиске...

Тиларек неожиданно замолк, уставившись на свой кубок. Интересно, что он хотел сказать, подумала Лесса. Губы руатанца твердо сжались; потом он промолвил почти угрожающе:

— Кое-кто пожалеет, когда Нити упадут на зелень, что выросла у его порога...

Ф'лар, любезно улыбаясь, вновь наполнил кубок посланца и стал небрежно расспрашивать об урожае в холдах, которые тот посетил по пути к Бендену.

— Превосходный — обильный и полновесный, — заверил Тиларек. Он разволновался и начал проглатывать слоги: — Г'рят, урожай этого Оборота — самый б'гатый на пам'ти стариков. Виноградники Крома дали вот такие грозди! — Его огромные ладони описали большой круг, и слушатели, чтобы не обмануть ожиданий рассказчика, восхищенно подняли брови. — И я ни'гда не

видел, чтобы колосья телгарской пшеницы были такими тяжелыми и налитыми. Ни'гда.

— Перн процветает, — сухо заметил Ф'лар.

— Прошу извинить меня, — Тиларек взял с подноса сморщенный плод, — я подбирал лучше, чем этот, на дорогах, по которым в холды свозят урожай. — Он в два приема покончил с плодом и вытер пальцы о тунику. Затем, внезапно сообразив, что сказал, посланец торопливо добавил: — Но Руат-холд послал вам все лучшее. Самые лучшие плоды, как и положено. Никакой падалицы — будьте уверены!

— Приятно знать, что Руат хранит верность Вейру — и подтверждает это в полной мере, — успокоил его Ф'лар. — В хорошем ли состоянии дороги?

— О, да. Но с погодой творятся странные вещи. Холодно, потом вдруг тепло... Словно мир забыл, какой нынче сезон. Снега нет, дождей мало. Но ветер! Вы не поверите! Г'рят, побережье сильно пострадало от наводнений. — Он с удивлением округлил глаза, а затем, склонившись к слушателям, многозначительно добавил: — Г'рят, что дымящаяся гора Исты, которая появилась, а п'том... пфф — и вдруг исчезает... появилась снова!

Ф'лар выглядел спокойным, но Лесса уловила блеск неподдельного интереса в его глазах. Слова посланца звучали подобно строфам Баллад, которые Р'гул заставлял ее заучивать. И смысл их был столь же темен.

— Ты должен остаться на несколько дней и хорошо отдохнуть вместе со своими людьми, — радушно пригласил Ф'лар, проводя Тиларека к выходу.

Они миновали пещеру, в которой дремала Рамот'а.

— О, благодарю! Это большая честь для меня — ведь в Вейр можно попасть только один-два раза за всю жизнь, — рассеянно ответил Тиларек, вытягивая шею, чтобы подольше не терять Рамот'у из вида. — Ниг'да бы не подумал, что королевы вырастают такими огромными!

— Она уже сейчас гораздо крупнее и сильнее, чем Неморт'а, — заметил Ф'лар, поручая руатанца заботам подростка, который должен был проводить гостя в отведенные ему покои.

* * *

— Прочти, — нетерпеливо сказала Лесса, протягивая свиток бронзовому всаднику. Они сидели одни в просторной комнате Совета.

Ф'лар пробежал письмо, потом, опершись локтями о край большого каменного стола, кивнул головой.

— Я не ожидал ничего иного, — спокойно произнес он.

— Ну, и?.. — Лесса уставилась на него; глаза ее возбужденно сверкали.

— Время покажет, — невозмутимо ответил Ф'лар, пытаясь разыскать на блюде не слишком помятый плод.

— Тиларек дал понять, что некоторые холды не разделяют мятежных настроений правителей, — заметила Лесса, пытаясь успокоиться.

Ф'лар фыркнул.

— Тиларек г'рит то, что пр'ятно его слушателям, — вымолвил он, передразнивая речь руатанца.

— Тебе будет полезно узнать, — сказал появившийся в дверях Ф'нор, — что не все его люди разделяют это мнение. В конвое немало недовольных. — Ф'нор учтиво, хотя и несколько рассеянно поклонился Лессе. — Они считают, что Руат бедствовал слишком долго, чтобы отдавать Вейру столь большую долю в первый же прибыльный Оборот. И, должен сказать, Лайтол, пожалуй, проявил излишнюю щедрость. Мы будем хорошо питаться... какое-то время.

Ф'лар перебросил брату пергаментный свиток.

— Как будто мы этого не знаем, — пробормотал коричневый всадник, быстро просмотрев послание.

— Но если вам все известно, что же вы намерены делать? Уважение к Вейру упало так низко, что скоро наступит день, когда нам нечего будет есть!

Она швырнула эту фразу, словно камень из пращи, — и с удовольствием заметила, что попала в цель. Оба всадника, обожженные ее словами, повернулись к ней; ярость промелькнула на их лицах. Затем Ф'лар улыбнулся; Ф'нор тоже скривил губы в иронической ухмылке.

— Так что же? — потребовала она.

— Р'гулу и С'лелу придется, наверно, поголодать, — сказал Ф'нор, успокоившись и пожимая плечами.

— Ну а вам двоим?

Ф'лар повторил жест брата и, поднявшись, отвесил Лессе церемонный поклон:

— Так как королева уже крепко спит, прошу у госпожи Вейра разрешения удалиться.

— Убирайтесь вон! — с яростью крикнула Лесса.

Братья повернулись к выходу, усмехнувшись друг другу, слов-

но заговорщики, и тут в комнату ворвался Р'гул. По пятам за ним мчались С'лел, Д'нол, Т'бор и К'нет.

— Что я слышу?! — Р'гул, похоже, был в ярости. — Со всего Плоскогорья десятину доставил только Руат?

— К сожалению, именно так, — спокойно подтвердил Ф'лар, протягивая свиток предводителю Вейра.

Р'гул, хмурясь и шевеля губами, прочитал послание. Затем с отвращением швырнул его С'лелу. Тот развернул письмо и начал читать; остальные столпились за его спиной, заглядывая через плечо.

— Весь прошлый Оборот мы кормили Вейр на десятину от трех холдов, — надменно провозгласил Р'гул.

— В прошлый Оборот в нижних пещерах оставались кое-какие запасы, — вставила Лесса. — Но Манора сообщила мне, что теперь они израсходованы.

— Руат оказался очень щедрым, — быстро возразил Ф'лар. — Полагаю, теперь мы не ощутим недостатка ни в чем.

Лесса замерла на мгновение, подумав, что услышалась. Потом упрямо тряхнула головой и, не обращая внимания на предостерегающие взгляды Ф'лара, ринулась в атаку:

— Припасы из Руата не решат проблемы. В любом случае молодым драконам их не хватит. Есть только один выход. Вейр должен торговать с Телгаром и Фортом, чтобы пережить холодное время.

Ее слова вызвали бурю возмущения.

— Торговать? Никогда!

— Чтобы Вейр опустил до торговли? Только набег!

— Р'гул, мы пойдем в набег первыми! Торговля — не для нас!

Одна мысль о торговле уязвила бронзовых всадников до глубины души. Даже С'лел, казалось, был полон негодования. К'нет пританцовывал от нетерпения, глаза его горели в предвкушении рейда. Лишь Ф'лар оставался спокойным и, скрестив на груди руки, со скукой поглядывал по сторонам.

— Набег? — властный голос Р'гула перекрыл шум. — Набега не будет!

Реакция на его командный тон была мгновенной — в комнате наступила тишина. Потом Т'бор и Д'нол воскликнули одновременно:

— Не будет?!

— Почему не будет? — повторил Д'нол; его лицо покраснело, жилы на шее напряглись.

Нет, не он сейчас нужен здесь, простонала про себя Лесса, пы-

таясь найти взглядом С'лана — но тут она вспомнила, что С'лан, скорее всего, находится на площадке для тренировок. Иногда он и Д'нол выступали против Р'гула в Совете вместе, но в одиночку Д'нолу не выстоять.

Лесса с надеждой взглянула на Ф'лара. Почему он не вмешивается?

— Меня воротит от мяса старых жилистых птиц и быков, от плохого хлеба, от задубевших кореньев, — кричал Д'нол в ярости. — В этот Оборот Перн процветает! Пусть и Вейру достанется что-то — как велят Законы!

— Если сейчас Вейр сделает хоть одно движение, — провозгласил Р'гул, предостерегающе подняв руку, — все лорды поднимутся против нас. — Его рука резко опустилась, словно рассекла стол Совета клинком.

Предводитель, широко расставив ноги и подняв голову, переводил сверкающие глаза с одного мятежника на другого. Он вышался на добрый локоть над невысоким коренастым Д'нолом и стройным Т'бором. Сравнение было не в их пользу: Р'гул имел вид строгого патриарха, выговаривающего заблудшим детям.

— Дороги в отличном состоянии, — продолжал Р'гул поучительным тоном. — Ни дождя, ни снега, которые могли бы остановить наступающую армию. После убийства Фэкса, — его голова слегка повернулась в сторону Ф'лара, — лорды держат наготове всех своих вооруженных людей. Вы помните, конечно, как плохо принимали нас во время последнего Поиска? — Р'гул повторно пронзил каждого бронзового всадника многозначительным взглядом. — Вы знаете настроение в холдах, вы видели их силу. — Он вздернул подбородок. — Неужели вы настолько глупы, что собираетесь сражаться с ними?

— Немного огненного камня... — гневно начал Д'нол и замолк. Его поспешные слова потрясли остальных всадников — как и самого Д'нола. От мысли об умышленном применении огненного камня против человека у Лессы перехватило дыхание.

— Но что-то же нужно делать... — пробормотал вконец запутавшийся Д'нол, бросая отчаянные взгляды то на Ф'лара, то на Т'бора.

«Если Р'гул победит, это будет конец, — подумала Лесса с холодной яростью. — Нужно действовать немедленно!» Сконцентрировавшись, она послала ментальный сигнал Т'бору. По опыту, полученному в Руате, она знала, что легче всего влиять на людей, испытывающих сильные эмоциональные переживания.

Лесса напряглась... Если только ей удастся... Внезапно снаружи раздался трубный рев дракона.

Острая, мучительная боль пронзила ее голову. Ошеломленная, она отпрянула назад, неожиданно натолкнувшись на Ф'лара. Он схватил ее за руку; пальцы всадника сомкнулись, словно железные оковы.

— Ты... ты посмела воздействовать... — свирепо прошипел он ей в ухо, с притворной заботливостью вталкивая Лессу в кресло. Пальцы его продолжали сжимать руку девушки с нечеловеческой силой.

Лесса сидела неподвижно, судорожно сглатывая, потрясенная двойным противодействием. Когда она пришла в себя, критический момент остался позади.

— Сейчас ничего нельзя сделать, — с убеждением говорил Р'гул.

«Ничего...» Слово отдалось похоронным звоном в ушах Лессы.

— Вейру нужно вырастить молодых драконов... Воспитать юношей согласно древним традициям и Законам...

«Пустые традиции, — оцепенело думала Лесса, переполненная горечью. — И сейчас они разрушают Вейр...»

В бессильной ярости она взглянула на Ф'лара. Тот предупреждающе стиснул запястье девушки; пальцы сжимались до тех пор, пока у нее вновь не перехватило дыхание от боли. Сквозь нахлынувшие слезы она увидела, как молодое лицо К'нета искривилось гримасой удивления и стыда. Надежда вновь вспыхнула в ее душе.

С трудом она заставила себя расслабиться. Медленно, медленно... словно Ф'лар действительно испугал ее. Достаточно медленно, чтобы он поверил в ее капитуляцию.

Как только представится удобный случай, она потолкует с К'нетом. Ему понравится идея, которая только что зародилась у нее... К'нет молод, податлив... и, без сомнения, очарован ею... Он превосходно послужит ее целям.

— Не в блеске сокровищ Вейра оплот, — нараспев декламировал Р'гул строки древней Баллады, — жадность несчастье Крылатым несет.

Лесса пристально посмотрела на этого человека — настолько струсившего, что теперь он прикрывал моральное поражение Вейра лицемерной проповедью.

Воздайте почести драконам
В поступках, мыслях и словах.
Они встают живым заслоном
На смертных Перна рубежах —
Там, где решает взмах крыла:
Жить миру иль сгореть дотла.

— Что случилось? Благородный Ф'лар нарушил традицию? — осведомилась Лесса у Ф'нора, когда коричневый всадник начал с изысканной вежливостью объяснять ей причины отсутствия командира.

С некоторых пор Лесса больше не старалась сдерживать язык при встречах с Ф'нором. Коричневый всадник понимал, что не он является мишенью ее сарказма, и редко обижался. Казалось, что сдержанность брата частично передалась ему.

Однако сегодня от обычной терпимости не осталось и следа — на лице Ф'нора застыла маска сурового неодобрения.

— Он выслеживает К'нета, — резко сказал Ф'нор.

В его темных глазах промелькнула озабоченность. Он откинул со лба густые волосы — тем же жестом, что у Ф'лара, — и это вызвало у Лессы еще большее раздражение.

— Действительно? Лучше бы он последовал его примеру, — язвительно заметила она.

Ф'нор сердито нахмурил брови.

«Отлично, — подумала Лесса. — Кажется, мне удалось его достать».

— Пора бы тебе понять, госпожа, что К'нет слишком вольно трактует твои указания. Хищения в разумных пределах, наверное, не вызвали бы протеста, но К'нет слишком молод, чтобы проявлять осмотрительность.

— Мои указания? — спросила Лесса с невинным видом. Несомненно, у Ф'лара и Ф'нора не имелось ни малейших доказательств, чтобы обвинить ее. Уж об этом она могла не беспокоиться. Посмотрев Ф'нору в глаза, она размеренно произнесла: — При чем здесь мои указания? Просто К'нет сыт по горло вашей пассивностью и трусостью.

Ф'нор, сжав зубы, спокойно выдержал взгляд Лессы. Он выпрямился и стиснул руками широкий кожаный пояс всадника так, что побелели костяшки пальцев. Лесса невольно пожалела о своей резкости. Ф'нор относился к ней дружелюбно, всегда старался оставаться любезным и часто развлекал ее забавными ис-

ториями — несмотря на то что она озлоблялась все сильнее и сильнее. По мере того как близился холодный сезон, пища в Вейре становилась скуднее. Старания К'нета не спасали положение. С ледяными ветрами в Вейр вползала безысходность.

Казалось, после неудавшегося мятежа Д'нола всякая решимость покинула всадников, что было заметно даже по состоянию зверей. Шкуры драконов поблекли, движения потеряли былую грацию — и не только урезанный рацион был тому причиной. Их охватила апатия, которая усиливалась с каждым днем. Лесса поражалась: Р'гул как будто и не замечал последствий проявленной трусости; во всяком случае, они, очевидно, его не печалили.

Раздражение снова вспыхнуло в ней; резко повернувшись к Ф'нору, она сказала:

— Рамот'а еще не проснулась. Ты говоришь сейчас только со мной и можешь не демонстрировать вежливость и выдержку.

Ф'нор ничего не ответил. Его затянувшееся молчание начало беспокоить Лессу. Она встала, скользнула ладонями по гладкой ткани блузы, словно желая загладить последние резкие слова, и начала кругами ходить по спальне, изредка заглядывая в большую пещеру, где в глубоком сне лежала Рамот'а. Теперь королева превосходила размерами любого из бронзовых драконов.

«Хоть бы она проснулась, — подумала Лесса. — Когда она бодрствует, все в порядке. Настолько, насколько это возможно. Но она недвижима, как глыба камня».

— Итак, — начала она, стараясь не выказывать раздражения. — Ф'лар наконец что-то начал делать — хотя это и лишает нас одного из источников снабжения.

— Утром пришло сообщение от Лайтола, — отрывисто сказал Ф'нор.

Лесса повернулась к нему в ожидании.

— Телгар и Форт провели переговоры с Керуном, — сурово продолжал коричневый всадник. — Они установили, что причиной... так сказать, некоторых потерь на их полях является Вейр. Почему же ты, — глаза Ф'нора снова сердито сверкнули, — выбрав К'нета, не следила за ним внимательно? Он слишком зелен для таких дел. К'ган, Т'сам или я, наконец, могли бы...

— Ты? Ты не посмеешь чихнуть без указания Ф'лара! — насмешливо воскликнула Лесса.

Ф'нор расхохотался ей в лицо.

— Похоже, Ф'лар переоценил тебя, — презрительно сказал коричневый всадник. — Неужели ты до сих пор не поняла, почему ему приходится выжидать?

— Нет, — крикнула Лесса, — не поняла! Разве я должна дога-

дываться обо всем инстинктивно, как драконы? Клянусь скорлупой Первого Яйца, Ф'нор, никто ничего не объяснял мне! — Она тряхнула головой и продолжала, постепенно успокаиваясь: — Однако мне приятно знать, что у Ф'лара была причина для ожидания. Полагаю, достаточно веская. И надеюсь, что дело еще не зашло слишком далеко. Но мне кажется, что мы уже опоздали. Ты понимаешь — опоздали!

«Он не позволил мне поддержать Т'бора — но даже тогда было слишком поздно», — подумала Лесса, не рискнув высказать упрек вслух. Вместо этого она добавила:

— Было слишком поздно уже тогда, когда Р'гул трусливо запертил...

Ф'нор шагнул к ней; лицо его побледнело от ярости.

— Чтобы спокойно наблюдать, как ускользает тот момент — о, да, очень подходящий момент! — Ф'лару понадобилось больше мужества, чем тебе за все время жизни в Руате!

— Вот как? — бросила Лесса с иронией.

Ф'нор поднял руку с таким угрожающим видом, что она отшатнулась. Но всадник подавил гнев и, покачав головой, отступил назад.

— В том, что происходит, нет вины Р'гула, — сказал он наконец; лицо его внезапно постарело, в глазах застыли боль и тревога. — Было трудно, очень трудно смотреть на все это... смотреть и знать, что нужно выждать.

— Но почему же? — воскликнула Лесса срывающимся голосом.

Ф'нор, однако, больше не нуждался в том, чтобы его подстегивали. Он произнес спокойно и тихо:

— Я думал, что тебе уже все известно. Правда, Ф'лар не любит объяснять кому бы то ни было свои действия...

Лесса кивнула головой и сжала губы, не желая невольным замечанием прервать эти долгожданные откровения.

— Р'гул является предводителем в силу случайного стечения обстоятельств. Он бы, наверное, вполне сгодился, не будь такого длинного Интервала. Архивные Записи предупреждают об опасностях, которые возникают в такие спокойные времена.

— Записи? Опасности? И что ты называешь Интервалом?

— Интервал — это когда Алая Звезда проходит далеко от Перна, так, что Нити не активизируются. Только через две сотни Оборотов, как отмечают Архивы, Алая Звезда возвращается обратно. Ф'лар считает, что миновало почти вдвое больше времени с тех пор, как на Перн упали последние Нити.

С невольной дрожью Лесса взглянула на восток. Ф'нор мрачно кивнул головой:

— Да, за четыреста Оборотов нетрудно распрощаться со страхом и забыть про осторожность. Р'гул — умелый воин и хороший командир, но он должен увидеть, почуять и пощупать опасность, прежде чем признать, что она существует. О, он читал Архивы и изучал Законы — но не вникал в них глубоко... Так, как Ф'лар, так, как сейчас начинаю понимать их я, — добавил он вызывающе, увидев недоверие на лице Лессы. Его глаза сузились, и он ткнул пальцем в ее сторону. — И как можешь понять ты... даже не зная, откуда приходит к тебе понимание.

Лесса отпрянула — не потому, что испугалась резкого жеста Ф'нора, но из-за пронзившего ее холода. Да, коричневый всадник прав. Она ощущала приближение угрозы, хотя и не понимала причины своей уверенности.

— Ф'лон начал обучать его с того дня, как Ф'лар прошел обряд Запечатления и получил Мнемента; в будущем мой брат должен был взять руководство Вейром в свои руки. Потом Ф'лона убили во время нелепой ссоры... — Гнев и сожаление промелькнули на лице Ф'нора, и Лесса с запозданием сообразила, что он рассказывал об отце. — Ф'лар был слишком молод, чтобы принять власть, и прежде, чем кто-либо смог вмешаться, Р'гулов Хат' догнал Неморт'у. И нам пришлось ждать. Но Р'гул не смог развеять печаль Йоры, тосковавшей по Ф'лону, и она быстро угасла. И Р'гул неверно истолковал планы Ф'лона о том, как следует действовать в конце Интервала. Он выбрал тактику полной изоляции, и в результате, — Ф'нор пожал плечами, — Вейр начал быстро терять престиж. Но придет время...

— Время, время, время! — Лесса швырнула это слово, будто ругательство. — Как всегда, время еще не настало! Когда же придет оно — время действовать?

— Послушай меня! — прогремел суровый голос Ф'нора.

Лесса почувствовала себя так, словно он схватил ее за плечи и встряхнул. Она не подозревала, что коричневый всадник обладает такой грозной силой, и посмотрела на него с невольным уважением.

— Рамот'а выросла и готова к своему первому брачному полету. Когда она взлетит, все бронзовые ринутся за ней в погоню. Не всегда королеву получает сильнейший. Иногда им становится тот, чьей победы жаждет Вейр. — Он произнес эти слова медленно и внятно. — Именно так Хат' получил Неморт'у. Старшие всадники хотели Р'гула. Они не желали, чтобы ими командовал девятнадцатилетний мальчишка — пусть даже и сын самого

Ф'лона. Итак, Хат' получил Неморт'у, а старики получили Р'гула. Им достался тот, кого они хотели! И взгляни на результат! — Пренебрежительным жестом он обвел обветшалое убранство комнаты. — Да, Ф'лар поступил правильно, когда отказался бороться за власть. Теперь все решится мирно — и ждать осталось недолго.

— Поздно, слишком поздно, — простонала Лесса, только теперь понимая, что она натворила.

— Может быть, и поздно — из-за того, что ты подговорила К'нета начать грабежи, — саркастически заметил Ф'нор. — Знаешь ли, в них не было никакой необходимости. Наше крыло уже занималось втихомолку подобными делами. Но когда в Вейр стало поступать много припасов, мы сократили свои операции. В данном случае слишком много — означает слишком быстро, поскольку властители холдов стали достаточно дерзкими, чтобы нанести ответный удар. Подумай, Лесса Пернская, госпожа моя, — Ф'нор с улыбкой горечи отвесил ей поклон, — подумай, что тогда сделает Р'гул. Ты ведь не переставала размышлять об этом, верно? Итак, представь себе: что сделает Р'гул, когда хорошо вооруженные лорды заявятся в Бенден требовать удовлетворения?

Лесса зажмурила глаза, потрясенная сценой, которую она представила сейчас слишком ясно. Уцепившись за подлокотники кресла, она медленно опустилась в него, ужаснувшись, к каким последствиям может привести ее авантюра. Да, ей удалось погубить Фэкса, и это наполнило ее излишней самоуверенностью, из-за которой она поставила Вейр на грань катастрофы.

Внезапно в коридоре раздался шум, словно половина обитателей Вейра одновременно взлетели с карниза. Лесса услышала, как снаружи перекликаются драконы: за два прошедших месяца они впервые подали голос.

Сердце ее содрогнулось от страха. Неужели Ф'лару не удалось перехватить К'нета? Неужели юный всадник, по какому-то ужасному стечению обстоятельств, попал в руки лордов? Она вскочила с кресла и вместе с Ф'нором кинулась в вейр королевы.

Однако под аркой прохода показались не Ф'лар и К'нет, преследуемые компанией разъяренных лордов, а Р'гул. Он ворвался в пещеру с побелевшими от злобы глазами, с гневно искаженным лицом. С наружного карниза доносились тревожные крики Хат'а. Предводитель Вейра бросил быстрый взгляд на Рамот'у, погруженную в глубокий сон. Когда он повернулся к Лессе, на его лице промелькнуло холодное, расчетливое выражение. В королевский вейр, мчась со всех ног, влетел Д'нол, торопливо за-

стегилая пряжки куртки. Следом за ним появились С'лан и Т'бор. Бронзовые всадники полукругом расположились перед Лессой.

Р'гул шагнул вперед, протянув руку, словно собирался обнять Лессу; нечто отвратительное, отталкивающее сверкнуло в его глазах. Но прежде чем Лесса испуганно отшатнулась, Ф'нор ловко вклинился между ними, и Р'гул со злостью опустил руку.

— Хат' начал пить кровь? — мрачно спросил коричневый всадник.

— Тинт' и Орт' тоже, — выпалил Т'бор. Глаза его светились странным нервным возбуждением, которое, казалось, охватило всех бронзовых всадников.

Рамот'а беспокойно пошевелилась; все замолкли и пристально уставились на нее.

— Драконы пьют кровь? Что это значит? — вскрикнула Лесса с недоумением. Она понимала — происходит что-то необычайно важное.

— Вызови К'нета и Ф'лара, — скомандовал Ф'нор; тон его был властным — более властным, чем мог позволить себе коричневый всадник в присутствии бронзовых.

Р'гул неприятно рассмеялся.

— Никто не знает, куда они направились. Как их можно найти?

Д'нол попытался протестовать, но предводитель свирепо оборвал его.

— Ты не посмеешь, Р'гул, — сказал Ф'нор с холодной яростью. — Вызови их.

— Нет.

Лесса поняла, что решающий момент наступил. Ее отчаянный призыв к Мнемонт'у и Пиант'у вызвал слабый отклик; затем она ощутила холод и абсолютную пустоту Промежутка, в котором находились драконы.

— Она сейчас проснется, — произнес Р'гул, сверля Лессу взглядом. — Она проснется в скверном настроении. Ты должна позволить ей лишь напиться крови. Я предупреждаю — она будет сопротивляться. Если ты не удержишь ее, она переест и не сможет летать.

— Она поднимется для брачного полета, — крикнул Ф'нор, голос его сорвался от гнева.

— Она поднимется для брачного полета с тем бронзовым, который сможет ее поймать, — с ликованием продолжал Р'гул.

Он хочет, чтобы Ф'лара при этом не было, сообразила Лесса.

— Чем дальше полет, тем лучше выводок. А она не сможет лететь быстро и высоко, если набьет желудок тяжелым мясом. Она

не должна переедать. Ей нужно разрешить только напиться крови. Ты понимаешь?

— Да, Р'гул, — сказала Лесса, — я понимаю. Теперь я тебя понимаю — и слишком хорошо. Ф'лар и К'нет отсутствуют, — голос ее зазвенел, — но твой Хат' все равно не догонит Рамот'у. Если потребуется, я отправлю ее в Промежуток.

Она увидела, как неприкрытый страх стер выражение торжества с лица Р'гула; потом он взял себя в руки. Испуг, вызванный угрозой, сменился злорадной усмешкой. Похоже, он счел ее предупреждение несерьезным?

— Добрый день! — Веселый голос Ф'лара раздался со стороны входа. Рядом с ним, широко улыбаясь, стоял К'нет. — Мнемент' сообщил мне, что бронзовые начали пить кровь. Как любезно с вашей стороны пригласить нас на это представление.

Лесса облегченно вздохнула, ощущая, как тает ее неприязнь к Ф'лару. Выражение его лица, спокойного и одновременно намеренно-надменного, подбодрило девушку.

Глаза Ф'лара скользнули по полукольцу бронзовых всадников, пытаясь определить того, кто вызвал его и К'нета. Внезапно Лесса поняла, что Р'гул боится и ненавидит молодого всадника. И она ощутила перемену и в нем самом — теперь Ф'лар больше не казался пассивным и безразличным. Напротив, его пронизывало напряженное предвкушение победы. Ожидание Ф'лара закончилось.

Рамот'а пробудилась — неожиданно и сразу же стряхнула с себя сон. По ее состоянию Лесса поняла, что Ф'лар и К'нет прибыли вовремя. Золотая королева испытывала муки голода — столь сильные, что Лесса поспешила к ней, пытаясь успокоить свою подопечную. Но Рамот'а не желала успокаиваться.

С неожиданным проворством она вскочила и направилась к карнизу. Лесса побежала за ней; мужчины рванулись следом. Королева раздраженно зашипела на бронзовых, паривших у выхода из тоннеля. Драконы торопливо разлетелись, освобождая ей путь. Их всадники кинулись к широкой лестнице, что вела от королевского вейра на дно чаши.

Лесса почувствовала, как сильные руки Ф'нора поднимают ее и усаживают на шею Кант'а; затем дракон ринулся вслед за другими вниз, к площадке для кормления. Лесса, пораженная, наблюдала, как грациозно, без всякого усилия скользит Рамот'а над разбегающимися в панике неуклюжими птицами... Вдруг она стремительно нанесла удар, схватила жертву за шею и со сложенными крыльями упала на нее, слишком голодная, чтобы тащить птицу куда-то еще, а не съесть на месте.

— Останови ее, — выдохнул Ф'нор, бесцеремонно сталкивая Лессу на землю.

Рамот'а пронзительно закричала, не желая подчиниться приказу своей повелительницы. Она мотала головой и яростно шумела крыльями, в ее глазах сияли, переливались огненные озера. Золотая королева вытянула шею вверх во всю длину и снова закричала — тревожно, протестующе. Гулкое эхо раскатилось внутри чаши Вейра. А вокруг, мощно взмахивая огромными крыльями, метались драконы — синие, зеленые, коричневые, бронзовые — и их ответные крики наполняли воздух подобно раскатам грома.

Теперь Лесса должна была собрать всю свою волю, все умение, накопленное за десять проведенных в Руате Оборотов — голодных, полных лишений и грез о мести. Наступил час испытания ее силы.

Клиновидная голова Рамот'ы таранила воздух, глаза сверкали непокорным огнем. Она больше не казалась дружелюбной доверчивой малышкой, детенышем драконьего племени; она превратилась в неистового демона.

И над залитым кровью полем Лесса скрестила свою волю с волей преобразившейся Рамот'ы. Ментальный приказ Лессы был тверд, без намек на слабость, без крупницы страха или мысли о поражении. И она заставила Рамот'у подчиниться. С хриплым протестующим стоном золотая королева опустила голову к бездыханной птице, язык хлестнул по неподвижной туше, громадные челюсти раскрылись, на мгновение задержавшись над дымящимися внутренностями. Наконец Рамот'а с укоризненным ворчанием впилась зубами в толстую птичью глотку и высосала кровь из туши.

— Держи, держи ее, — пробормотал Ф'нор, о котором Лесса совершенно забыла.

Рамот'а с криком поднялась в воздух, с невероятной силой обрушилась на вторую птицу, визжащую от ужаса, и снова попыталась вцепиться в мягкое брюхо своей жертвы, но Лесса опять проявила свою власть и победила. Испустив пронзительный, раздраженный вопль, Рамот'а неохотно напилась крови.

На третий раз она уже не сопротивлялась мысленным приказам Лессы. Она поняла, что ею движет непреодолимый инстинкт. Пока Рамот'а не попробовала горячей крови, она не испытывала ничего, кроме ярости. Теперь она знала, что ей нужно делать: напиться, а потом лететь — быстро и далеко, прочь от Вейра, прочь от копошащихся внизу слабых бескрылых созданий; лететь, опережая горящих вожделем бронзовых.

Сознание драконов строилось на понятиях «здесь и сейчас» — они не способны были логически размышлять и предвидеть будущее. Но вступившие в союз с ними люди вносили в их существование необходимую долю мудрости и порядка. И это правильно, подумала Лесса и обнаружила, что напевает про себя какую-то мелодию.

Рамот'а без колебаний нанесла четвертый удар и с жадностью припала к горлу птицы. Напряженная тишина опустилась на чашу Вейра; только завывание ветра высоко в скалах и шипенье глотающей кровь королевы нарушали ее.

Тело Рамот'ы начало светиться. Казалось, она стала больше — не от выпитой крови, а из-за вспыхнувшего вокруг нее сияния. Она подняла окровавленную пасть, облизываясь гибким раздвоенным языком. Над площадкой стоял шум от крыльев бронзовых, кружившихся в молчаливом ожидании.

Неожиданно Рамот'а выгнула спину и золотой молнией рванулась в небо. За ней в мгновение ока устремились семь бронзовых; взмахи их могучих крыльев швырнули тучи песка в лица обитателей Вейра, напряженно наблюдавших за происходящим. При виде этого изумительного зрелища Лесса застыла от восхищения; ей почудилось, что душа ее поднимается ввысь вместе с Рамот'ой.

— Оставайся с ней, — прошептал Ф'нор. — Обязательно оставайся с ней. Теперь она не должна выйти из-под твоего контроля.

И он отошел в сторону, смешавшись с остальными людьми Вейра, которые стояли — все как один, — подняв глаза к небу, к исчезающим светящимся точкам стаи, что неслась вслед за своей королевой. Чувства Лессы как-то странно притупились; разумом она понимала, что стоит на земле, но все остальные ощущения говорили ей, что она находится там, наверху, с Рамот'ой. И она, Рамот'а-Лесса, полная безграничной мощи, без усталости машет крыльями в разреженном воздухе, ощущая пьянящий восторг в крови — восторг и желание.

Она скорее почувствовала, чем увидела громадных бронзовых самцов, преследовавших ее. С презрением ощущала она бесплодность их усилий; ее полет был свободным, стремительным, неукротимым.

Обернувшись, поглядывая из-под правого крыла, она резкими насмешливыми криками подзадоривала драконов. Она парила высоко над ними. Внезапно, сложив крылья, она камнем ринулась вниз, с радостным изумлением наблюдая, как они суетливо сворачивают в разные стороны, чтобы избежать столкновения.

Быстрый взмах, потом еще и еще — и вот она снова повисла

над плотной группой самцов, которые пытались набрать потерянную скорость и высоту.

Так Рамот'а неторопливо флиртовала со своими поклонниками, вызывая их на состязание, великолепная, свободная, величественная. Один отступил, выбившись из сил, и она радостным, мощным криком оповестила небо о своем превосходстве. Скоро прекратил погоню второй, и она принялась играть с остальными, ныряя в воздухе и кружась по замысловатой траектории. Она почти забыла об их существовании, поглощенная трепетным восторгом полета.

Наконец ощущение новизны слегка притупилось, и она снизошла до взгляда на преследователей. Ее несколько озадачило, что лишь три громадных зверя продолжали погоню. Она узнала Мнемент'а, Орт'а и Хат'а. Все в расцвете лет; возможно — достойные ее милостей.

Она понеслась вниз, поддразнивая самцов; они явно устали, и это позабавило ее. Хат'а она не выносила. Орт'? Да, Орт' был прекрасным молодым зверем. Она сложила крылья, чтобы проскользнуть между двумя огромными бронзовыми драконами. Когда Рамот'а оказалась рядом с Мнемент'ом, он рванулся к ней. В испуге она попыталась ускользнуть, но обнаружила, что их крылья переплелись, а гибкая шея самца плотно обвилась вокруг ее шеи.

Они быстро понеслись вниз, к земле. Внезапно Мнемент', собрав последние остатки сил, расправил крылья, чтобы сдержать падение. Ошеломленная его атакой, напуганная стремительностью снижения, Рамот'а тоже раскинула громадные крылья. И тогда...

* * *

Лесса зашаталась, отчаянно взмахнув рукой в поисках опоры. Она ощущала, что тело ее разрывается на части, каждый нерв трепетал в безумном напряжении.

— Не падай в обморок, глупышка! Оставайся с ней, — раздался над ухом резкий голос Ф'лара. Его руки поддержали ее.

Туман перед глазами рассеялся, и Лесса увидела покрытые старинными гобеленами стены собственной спальни. Она с ужасом вцепилась в плечи Ф'лара и, коснувшись его гладкой обнаженной кожи, затрясла в замешательстве головой.

— Верни ее обратно! Скорее!

— Как? — закричала Лесса, задыхаясь и глотая слезы. Она не представляла, что могло вывести Рамот'у из состояния блаженства, в котором пребывала ее золотая королева.

— Думай о ней. Оставайся с ней. Она не должна ускользнуть в Промежуток! — Губы Ф'лара почти касались ее уха.

Затрепетав от страха при мысли, что Рамот'а может исчезнуть в Промежутке, Лесса попыталась найти ее: королева по-прежнему летела крыло к крылу с Мнемент'ом.

В этот момент страсть драконов развернулась, словно гигантская спираль, и полностью захватила Лессу. Казалось, гонимая ураганом приливная волна поднялась из глубин ее души, накатила, захлестнула... Стон желания сорвался с губ Лессы, она прижалась к Ф'лару, всем телом ощущая его твердую, как камень, плоть. Его сильные руки поднимали девушку, его губы впились в ее полуоткрытый рот, и она утонула в новом неожиданном приливе...

— Сейчас, — прошептал всадник, — сейчас... Мы вернем их домой целыми и невредимыми...

Глава 3

Всадник, ты един с драконом,
Что летит за королевой,
Дай и мне на миг коснуться
Обжигающей любви...

Ф'лар проснулся внезапно. Он прислушался к удовлетворенному успокаивающему ворчанию Мнемент'а, который устроился на карнизе перед королевским вейром. Внизу, в огромной чаше Бендена, царили мир и тишина.

Да, все было спокойно в Бенден-Вейре — но по-иному, чем раньше. Перебирая в памяти события вчерашнего дня, он позволил довольной улыбке коснуться губ. Все кончилось благополучно — а ведь могло и сорваться!

«Почти сорвалось», — напомнил ему Мнемент'. Ф'лар вновь задумался. Кто же вернул назад его и К'нета? Почему Мнемент' не сообщил имени подавшего сигнал? Бронзовый дракон лишь повторял снова и снова, что его позвали.

Ф'лар почувствовал смутное беспокойство.

— Возможно, Ф'нор? — произнес он вслух. — Конечно, он не забыл, что должен следить за...

«Ф'нор никогда не забывает твоих приказаний, — раздраженно прервал его Мнемент'. — Кант' сообщил мне, что сегодня Звезду видели над самой верхушкой Глаз-Камня. Солнце тогда еще не взошло».

Ф'лар провел по волосам дрогнувшими пальцами. Над верши-

ной Глаз-Камня. Значит, Алая Звезда подходит все ближе и ближе — в точности как предсказывали древние Записи. Близится время, когда ее алый диск подмигнет наблюдателю сквозь отверстие в Глаз-Камне, возвещая скорое появление Нитей.

Теперь уже не приходилось сомневаться, для чего так тщательно расставлены все эти гигантские камни и скалы на ближайших возвышенностях Бендена — как и аналогичные указатели на восточных стенах каждого из пяти покинутых Вейров. Первый — Каменный Палец, на вершине которого восходящее солнце замирало на мгновение в день зимнего солнцестояния. За ним, на расстоянии в две длины дракона, возвышался огромный прямоугольник Звездной Скалы. На полированной поверхности монолита были высечены две стрелы; одна указывала строго на восток, на Каменный Палец, другая, направленная на северо-восток, упиралась в подножие Глаз-Камня, который был прочно и весьма искусно укреплен на Звездной Скале.

Однажды на заре, в не столь отдаленном будущем, он посмотрит сквозь отверстие в Глаз-Камне — и зрачок его злобно уколет луч Алой Звезды. И тогда...

Размышления Ф'лара прервали звуки плещущейся воды. Он улыбнулся, сообразив, что это купается Лесса. Она, наверно, приводит себя в порядок... стоит у зеркала, прелестная, нагая... Он неторопливо потянулся, вспоминая минувшую ночь и стараясь сообразить, о чем может думать сейчас девушка... Пожалуй, у нее не должно быть причин для недовольства. Какой полет! Он тихо рассмеялся.

Со своего покойного насеста на карнизе Мнемент' посоветовал Ф'лару вести себя с Лессой поосторожнее.

«Поосторожнее, хм-м?...» — иронически протянул Ф'лар.

Бронзовый повторил загадочное предостережение. Ф'лар снова усмехнулся — на сей раз собственной самоуверенности.

Внезапно волна тревоги, идущей от Мнемент'а, окатила Ф'лара. Наблюдатели у Звездной Скалы послали разведчика на плато, что простиралось ниже озера Бенден, сообщил бронзовый; там была замечена странная, очень плотная туча пыли.

* * *

Ф'лар торопливо поднялся, собрал разбросанную амуницию и стал натягивать летнюю куртку. Он уже застегивал широкий пояс всадника, когда занавес, закрывавший проход в комнату с бассейном, отдернулся. Перед ним стояла Лесса, полностью одетая.

Как всегда, он поразился хрупкому изяществу фигуры девуш-

ки; тело ее казалось неподходящим вместилищем для столь сильного и непокорного духа. Ее волосы, только что вымытые, темным ореолом окружали узкое лицо. Взгляд, строгий, сосредоточенный, не сохранил и намека на страсть, вызванную брачным полетом драконов, толкнувшим их вчера в объятия друг друга. Твердо сжатые губы, упрямо вздернутый подбородок... ни теплоты, ни дружелюбия в слегка прищуренных глазах... Не об этом ли предупреждал Мнемент'? Что с ней случилось?

От бронзового сна пришел тревожный сигнал, и Ф'лар стиснул зубы. Выяснение отношений придется отложить на будущее. Он посылал мысленные проклятия Р'гулу, который обращался с ней, как с несмышленым ребенком. Этот глупец едва не растоптал гордую душу Повелительницы Вейра — как, впрочем, чуть не погубил и сам Вейр.

Что ж, теперь предводителем Вейра стал он, Ф'лар, бронзовый всадник Мнемент'а; пришла пора перемен.

«Пришла, — подтвердил Мнемент', — хотя и несколько поздно. Лорды уже собирают отряды на плато за озером».

— Неприятности, — сообщил Ф'лар Лессе вместо приветствия. Казалось, новость не слишком встревожила ее.

— Повелители холдов намерены предъявить счет? — холодно осведомилась она.

Ф'лара восхитило ее самообладание. Кивнув, он сказал:

— Лучше бы я сам продолжал набеги на поля. К'нет еще слишком молод, и его иногда заносит... В такое дело нельзя вкладывать слишком много восторженной бесшабашности.

Улыбка промелькнула на ее губах, заронив сомнения в душу Ф'лара. Возможно, она как раз и добивалась предельного обострения ситуации. Но если бы Рамот'а не поднялась вчера в брачный полет, сегодня события могли сложиться совсем иначе... Интересно, понимает ли она это?

Мнемент' сообщил, что на карнизе королевского вейра появился Р'гул. Грудь вперед, глаза сверкают гневом, заметил бронзовый, он еще чувствует свою власть.

— Которой у него уже нет, — вслух сказал Ф'лар. Последние остатки сонливости покинули его, мысли стали четкими и ясными. События разворачивались стремительно, чем он был вполне доволен.

— Р'гул?

Она удивительно догадлива, подумал Ф'лар и кивнул в сторону королевского вейра:

— Пойдем!

Сцена, которую он собирался сейчас разыграть, должна иску-

пить позорный эпизод в комнате Совета два месяца назад. Ф'лар знал, что воспоминания о том дне терзают девушку не меньше, чем его самого.

Они переступили порог пещеры Рамот'ы одновременно с Р'гулом, ворвавшимся с противоположной стороны; за ним следовал взерошенный К'нет.

— Дозор сообщил мне, — начал Р'гул, — что к Проходу приближаются отряды вооруженных людей под знаменами многих холдов. И К'нет сообразил, — на лице Р'гула выступила краска гнева, — что устраивал постоянные набеги на стада и поля — вопреки здравому смыслу и моему приказу. Ну, с ним мы разберемся позже, — с угрозой добавил он, кивнув в сторону провинившегося всадника, — конечно, если от Вейра останется хоть что-то после визита лордов.

Он повернулся к Ф'лару и, увидев, что тот улыбается, грозно нахмурил брови.

— Почему ты торчишь здесь? — зарычал Р'гул. — Не вижу повода для смеха! Лучше подумай, как их успокоить!

— Нет, Р'гул, — спокойно возразил Ф'лар; его улыбка стала еще шире. — Время нашего унижения кончилось!

— Ты что? Сошел с ума?

— Не думаю. А вот ты, кажется, забыл, что потерял право приказывать здесь, — отчеканил Ф'лар, и лицо его внезапно окаменело.

Выкатив глаза, Р'гул уставился на бронзового всадника, словно видел его впервые. Ф'лар покачал головой.

— Ты запомнил еще одно важное правило, — безжалостно продолжал он. — Политика Вейра меняется, когда к власти приходит новый предводитель. Теперь предводитель Вейра — я, Ф'лар, всадник Мнемента.

Голос его зазвенел, подобно удару колокола, и в эту минуту в комнату вошли С'лел, Д'нол, Т'бор и С'лан. Они замерли на пороге, потрясенные открывшимся перед ними зрелищем.

Ф'лар спокойно ждал; он хотел, чтобы всадники поняли смысл происходящего. Должны же они осознать, что власть действительно перешла в его руки. Наконец он произнес вслух:

— Мнемента, нужно созвать всех командиров крыльев и остальных коричневых всадников. Мы должны провести кое-какие приготовления, прежде чем наши гости доберутся до нас. — Он повернулся к проходу. — Королева спит, поэтому прошу всех перебраться в комнату Совета. После тебя, госпожа Вейра.

Он отступил на шаг, сделав плавный жест в сторону арки, и за-

метил, как вспыхнули щеки Лессы. Девушка все же не сумела сдержаться волнения.

Они успели занять свои места у стола Совета раньше, чем начали появляться коричневые всадники. Ф'лар обратил внимание на почти неуловимые изменения в ее осанке. Она словно стала выше, подумал он. И атмосфера безысходности и отчаяния, что царила в Бендене уже несколько месяцев, сменилась напряженным ожиданием. Казалось, гордый дух Вейра возрождается прямо на глазах.

Появились Ф'нор и Т'сам, его личные помощники. Они шли, уверенно расправив плечи, — как воины, готовые к схватке; в глазах сверкал вызов. Т'сам замер у входа, а Ф'нор обошел стол, чтобы занять пост за креслом брата. Внезапно он остановился около Лессы и отвесил ей глубокий поклон. Ф'лар увидел, как она покраснела и опустила глаза.

— Кто движется к Проходу в Вейр, Ф'нор? — спокойно спросил новый предводитель.

— Лорды Телгара, Набола, Форта и Керуна, если судить по знаменам наиболее многочисленных отрядов, — ответил ему в тон коричневый всадник.

Р'гул приподнялся в кресле, словно хотел возразить Ф'нору, но слова застыли на его губах, когда он заметил выражение на лицах бронзовых всадников. С'лел, сидевший рядом с ним, проормотал что-то себе под нос и закусил нижнюю губу.

— Предполагаемые силы?

— Свыше тысячи. Все отлично вооружены и наступают в полном порядке, — бесстрастно доложил Ф'нор.

Ф'лар бросил на брата укоризненный взгляд. Конечно, спокойствие предпочтительнее страха, но нельзя отрицать, что ситуация становится крайне напряженной.

— Они выступили против Вейра? — затаив дыхание, спросил С'лел.

— Кто мы — Крылатые или жалкие трусы? — прервал его Д'нол; он вскочил и грохнул по столу кулаком. — Они оскорбляют Вейр!

— В этом нет сомнения, — кивнул Ф'лар.

— С этим пора кончать! Хватит терпеть! — страстно продолжал Д'нол, воодушевленный явным одобрением Ф'лара. — Немного огня...

— Прекрати, — жестко прервал его Ф'лар. — Мы — Крылатые! Помните это все — и помните также, что наше племя дало клятву защищать, — последние слова он произнес нараспев, пронзая каждого поочередно грозным взглядом. — Ясно?

Глаза его остановились на растерянном лице Д'нола. Выдержав паузу, он покачал головой и продолжал:

— Сейчас не время для пустой болтовни. Нам не нужен огненный камень, чтобы привести в чувство этих глупцов. — Он откинулся в кресле и спокойно произнес: — Во время Поиска я заметил... как и вы все, должно быть... что простые холдеры вовсе не потеряли, так сказать, почтительного уважения к драконам.

Т'бор усмехнулся; кто-то хихикнул, припомнив, наверное, какой-то забавный эпизод.

— Да, они охотно следуют за своими лордами, побуждаемые искренним негодованием и большим количеством молодого вина. Они полны отваги, пока болтаются возле стен холда. Но совсем другое дело встретиться с живым драконом — на жаре, уставшими и с похмелья... — Он снова кивнул головой, чувствуя, с каким напряженным вниманием слушают всадники; потом сухо рассмеялся. — Что касается их кавалеристов, то они будут слишком заняты своими скакунами и вряд ли смогут участвовать в сражении.

Однако, сколь бы многообещающими ни казались эти соображения, имеются еще более мощные факторы, работающие в нашу пользу. Сомневаюсь, что любезные лорды потрудились о них подумать. Пожалуй, я даже уверен, что они наверняка забыли о них... — он насмешливо оглядел сидящих за столом, — как они постарались ради своего спокойствия и удобства забыть о драконах и древних традициях. Настало время вновь напомнить им о долге.

В голосе его зазвенел металл. Одобрительный шум раздался в ответ.

— Они стоят здесь, у наших ворот. Их путь до Бенден-Вейра был долгим и трудным. Некоторым отрядам потребовалось для этого много недель. Но если лорды со своими людьми тут, то кто же защищает их холды? Кто охраняет их жилища, их семьи и возлюбленных?

Ф'лар услышал злой смешок Лессы. Она соображала быстрее, чем любой из бронзовых всадников. Тогда, в Руате, он сделал отличный выбор, хотя при этом ему пришлось обгадить свои руки кровью, да еще во время Поиска!

— Госпожа Вейра уже поняла мой план. Т'сам, ты займешься его выполнением. Иди и действуй! — резко приказал он, и Т'сам бросился к выходу.

— Я ничего не понимаю, — пробормотал С'лел, в замешательстве моргая глазами. — И я...

— Тогда позвольте мне дать объяснения, — быстро перебила

его Лесса. Ее тон, нарочито мягкий и рассудительный, свидетельствовал — как уже было известно Ф'лару, — что девушка разъярена до предела.

Он не мог винить ее за желание отыграться на С'леле, но при определенных обстоятельствах ее мстительность могла стать пагубной для Вейра.

— Пожалуйста, поподробнее, — жалобно сказал С'лел, — мне не нравятся все эти разговоры. Про холдеров у Прохода. Про драконов и огненный камень. Я не понимаю, как...

— Это же совсем просто, — мягко заверила его Лесса, не дожидаясь разрешения Ф'лара. — Мне даже неловко, что приходится объяснять такие...

— Госпожа! — резко остановил ее Ф'лар.

Лесса не обернулась на предводителя, но и не рискнула издеваться над С'лелом.

— Лорды оставили владения без охраны, — сказала она. — Похоже, они не учли, что драконы могут достичь любой точки Перна в считанные секунды. Т'сам, если я правильно поняла, отправился в незащищенные холды, чтобы набрать заложников. И это гарантирует должное почтение со стороны лордов к неприкосновенности Бендена. — Ф'лар кивнул, подтверждая ее слова. — Однако вина лордов в том, что они потеряли уважение к Вейру, не столь уж велика. Сам Вейр...

— Вейр, — перебил Ф'лар, — готов теперь отстаивать свои традиционные права и привилегии. Но до того, как мы обсудим эту проблему, я хочу попросить госпожу Вейра, чтобы она поприветствовала наших невольных гостей, когда Т'сам привезет их сюда. Стоило бы сказать им несколько слов, дабы подкрепить урок, который мы сегодня преподнесем всему Перну.

Глаза девушки вспыхнули; она улыбнулась с таким мстительным удовлетворением, что Ф'лар засомневался: разумно ли посылать сейчас Лессу к незащищенным заложникам?

— Я надеюсь, что благоразумие и такт нашей повелительницы помогут ей надлежащим образом справиться с этим делом, — многозначительно произнес он, в упор посмотрев на Лессу. Он не отводил взгляда, пока девушка не кивнула, едва склонив голову, в знак того, что поняла его предостережение.

Когда она вышла, Ф'лар велел Мнемента'у приглядеть за ней.

Бронзовый ответил, что это пустая трата времени. Разве Лесса не продемонстрировала сообразительности больше, чем любой обитатель Вейра? А инстинктивная осторожность заложена в ней с детства.

Ф'лар напомнил дракону, что осторожность Лессы уже приве-

ла их к нынешнему нападению, и повернулся к Р'гулу. Бывший предводитель заметно нервничал, и понять его путаную речь было не просто.

— Замолчи! — выкрикнул К'нет. — Мы не дожили бы до сегодняшнего позора, если б поменьше слушали тебя! Теперь — убирайся хоть в Промежуток! Предводитель Вейра — Ф'лар, и надо сказать, замена произошла вовремя!

— К'нет! Р'гул! — призвал их к порядку Ф'лар, перекрикивая одобрительные возгласы, вызванные дерзкими словами молодого всадника. Добившись полной тишины, он сказал: — Сейчас я дам вам распоряжения — и надеюсь, что они будут исполнены в точности.

Он посмотрел на каждого, чувствуя, что власть его не вызывает больше сомнений. Затем быстро и кратко изложил свой план, с удовольствием наблюдая, как неуверенность и раздражение сменяются восхищением и готовностью к действиям. Убедившись, что все хорошо поняли задачу, он спросил у Мнемент'а, какие новости.

Наступающая армия уже пересекла озерное плато, авангард двигался по дороге к тоннелю, который был единственным наземным входом в Вейр. К'нет привез около десятка заложниц. Мнемент' добавил, что пребывание в Вейре уже позволило им усвоить весьма полезный урок. Каким же образом? — поинтересовался Ф'лар. Мнемент' загрохотал в приступе веселья. Там, рядом, кормится пара зеленых, сообщил он. Обычное дело, но это зрелище почему-то крайне устрасило женщин.

Она дьявольски умна, подумал Ф'лар, стараясь, чтобы Мнемент' не почувствовал его тревоги. Бронзовый весельчак, кажется, одинаково очарован и королевой, и ее всадницей. Чем смогла она привлечь зверя?

— Наши гости уже доставлены на плато за озером, — сказал он, окидывая взглядом сидевших за столом. — Вы знаете свои задачи. Поднимайте крылья в полет!

Он вышел, не оглядываясь, превозмогая желание бегом броситься на карниз. Ему совсем не хотелось, чтобы несчастные женщины перепугались до смерти.

Внизу, в долине у озера, заложников стерегли четыре маленьких зеленых — правда, непосвященным они должны показаться огромными. Видимо, женщины были слишком потрясены пленением, чтобы обратить внимание на молодость всадников, едва вышедших из подросткового возраста. Ф'лар заметил изящную фигурку Лессы, сидевшей в стороне от основной группы. До него донеслись приглушенные расстоянием рыдания. Взгляд его про-

бежал дальше, к площадке для кормления, где зеленый дракон, сбив с ног жирную птицу, вцепился ей в горло. Другой зверь, пристроившись высоко на уступе скалы, терзал свою добычу, с жадностью заглатывая огромные куски мяса. Ф'лар пожал плечами и поднял Мнемент'а в воздух, освобождая карниз для парящих в ожидании драконов, готовых подобрать своих всадников.

Пока Мнемент' описывал круг над водоворотом крыльев и сияющих тел, Ф'лар одобрительно покачивал головой. От апатии не осталось и следа; казалось, долгий стремительный брачный полет влил новую энергию в зверей и в их всадников.

Мнемент' насмешливо фыркнул. Не обращая на него внимания, Ф'лар наблюдал, как Р'гул собирает свое крыло. Этот человек потерпел моральное поражение. Какое-то время за ним придется приглядывать. Но когда начнут падать Нити, он переменится — и доверие между ними будет восстановлено.

Мнемент' спросил, возьмут ли они с собой госпожу Вейра.

— Нет, — резко ответил Ф'лар, — дальнейшее ее пока не касается.

Крылья Д'нола и Т'бора, выравнивая строй, потянулись в безоблачное небо. Оба всадника были отличными командирами. К'нет повел сдвоенное крыло вдоль края скалистой чаши; внезапно люди и драконы исчезли, чтобы появиться позади приближающейся армии. Старик К'ган, синий всадник, собирал молодежь.

Ф'лар велел бронзовому передать Кант'у сигнал для Ф'нора. Пора начинать. Он бросил последний взгляд на дно чаши. Камни, закрывающие проходы в нижние пещеры, были установлены и укреплены. Затем он послал Мнемент'а в Промежуток.

Глава 4

Над чашею Вейра взлетают драконы —
Бронза, коричневый, синий, зеленый...
Всадникам Перна приветствие крикни!
Миг — и исчезли. Миг — и возникли.

Ларад, лорд Телгарский, оглядел монолитную громаду Бенден-Вейра. Каменные стены, изрезанные вертикальными бороздами, напоминали замерзшие водопады на закате. И выглядели столь же гостеприимно. Давно забытый ужас шевельнулся в глубине его души — ужас перед богохульством, которое он и его ар-

мия собирались совершить. Лорд решительно подавил колебания.

Вейр изжил себя и стал бесполезным. Это очевидно. Холдеры больше не обязаны отдавать плоды своего труда ленивым обитателям Бендена. Холдеры были терпеливы. Много Оборотов они поддерживали Вейр в память о прошлом, в соответствии с древними традициями. Но всадники преступили границы благоразумия.

Для начала — этот их нелепый Поиск. Ну, пусть отложено королевское яйцо. Зачем же всадникам нужно похищать красивейших девушек в холдах, когда в Вейре полно женщин? С какой целью они увезли Килару, его сестру? Девушка с таким нетерпением ожидала брачного союза с Брантом Айгенским, а вместо этого, соблазненная какими-то загадочными посулами всадников, отправилась в каменную дыру Бендена. И до сих пор от нее нет никаких известий.

А убийство Фэкса! Конечно, он был слишком честлюбив и опасен, но в нем текла благородная кровь. Никто не просил Вейр вмешиваться в дела Плоскогорья.

Теперь начались постоянные мелкие кражи. Это уже слишком! Конечно, холдер может закрыть глаза на пропажу нескольких телят. Но когда дракон внезапно возникает прямо из воздуха (способность, которая сильно беспокоила Ларада) и хватает лучших племенных быков из тщательно оберегаемого стада, тут уж терпению приходит конец!

Вейру нужно смириться с тем, что он занимает второстепенное положение на Перне. Его обитателям придется приносить пользу, ибо никто больше не станет платить десятину — в том числе и Битра, Бенден и Лемос. Этим холдам только на руку освободиться от власти Вейра, пережитка древних суеверий.

И тем не менее, чем ближе они подходили к гигантской горе, тем больше сомнений испытывал Ларад. К примеру, как армия проникнет внутрь горного массива? Обернувшись, он махнул рукой Мерону, так называемому лорду Наболскому, чтобы тот подъехал ближе. Он совершенно не доверял остролицему пройдохе, бывшему управляющему, в жилах которого не было ни капли благородной крови.

Мерон хлестнул своего скакуна и поравнялся с Ларадом. Указав рукой на огромный конус Вейра, телгарец спросил:

— Можем ли мы проникнуть внутрь другим путем, не через тоннель?

Мерон покачал головой.

— Иной дороги нет. Во всяком случае, так говорят местные.

Казалось, это не пугало Мерона. Заметив колебания Ларада, он сказал:

— Я послал отряд на южный склон. Он более пологий и, возможно, там удастся взобраться наверх.

— Ты послал отряд, не посоветовавшись с остальными лордами? Если не ошибаюсь, военачальником выбрали меня.

— Верно, — согласился Мерон, оскалив зубы в ухмылке, которую можно было, при желании, считать дружелюбной. — Но я решил, что стоит поторопиться...

— Возможно, ты прав; но следовало известить остальных.

Ларад скользнул взглядом по огромному конусу — от подошвы до скалистых остроконечных зубьев на краю чаши.

— Они нас уже заметили, можешь не сомневаться, — заверил его Мерон. В глазах его, обращенных к безмолвным вершинам Вейра, мелькнуло презрение. — Объяви наш ультиматум, и этого будет достаточно. Перед такой силой им не устоять. Они нас боятся и уже не раз проявляли трусость. Я дважды встречался с бронзовым всадником, они зовут его Ф'ларом. Должен сказать, я не слишком с ним церемонился, но этот бронзовый все стерпел. Разве мужчина может так себя вести?

Мерон сплюнул на обочину дороги, и в тот же момент небо над ними наполнилось громовыми криками и шелестом крыльев. Поток ледяного ветра окатил обоих, прервав беседу. Пытаясь успокоить испуганного скакуна, Ларад на мгновение поднял голову вверх и увидел стаю крылатых чудовищ, тучей заслонивших солнце. Казалось, они находились всюду — разных размеров и расцветок, огромные, страшные, неукротимые. Отряды смешались, сломав строй; со всех сторон раздавались вопли объятых ужасом людей и пронзительный визг животных.

С большим трудом Лараду удалось справиться со своим скакуном и заставить его развернуться. Теперь фронт несущейся крылатой армады находился прямо перед ним.

«Клянусь Пустотой, нас породившей, — подумал он, пытаясь обуздать страх, — я совсем забыл, какие они огромные, эти драконы!»

Впереди, низко над землей, выстроившись плотным треугольником, мчались четыре бронзовых чудовища. Их крылья синхронно взбивали воздух, выписывая крестообразный узор. Выше и позади них, на расстоянии длины дракона, располагалась шеренга коричневых зверей; они двигались широким строем, подпирая бронзовый треугольник. Остальные чудовища, коричневые, синие и зеленые, парили еще выше. Взмахи огромных крыльев гнали потоки холодного воздуха на скопище испуган-

ных, мечущихся людей и животных, в которое превратилась армия за несколько мгновений.

«Откуда идет этот пронизывающий холод?» — подумал Ларад. Он рванул узду, инстинктивно пытаясь отвернуть в сторону.

— Надо спешиться и убрать подальше верховых животных, чтобы мы могли поговорить! — крикнул ему Мерон. Скакун под ним бестолково крутился, испуская тревожный визг.

Ларад подал знак пехотинцам. Солдаты, по двое с каждой стороны, повисли на поводьях, пытаясь удержать испуганных животных.

«Еще один просчет, — мрачно подумал Ларад, спрыгивая на землю. — Мы забыли об ужасе, который драконы внушают всему живому на Перне. Включая человека».

Поправив меч и натянув на руки перчатки, он кивнул головой остальным повелителям холдов и медленно двинулся вперед — туда, где его уже ждали всадники, спокойно и величественно восседавшие на шеях покорных им чудовищ.

* * *

Увидев, что лорды спешили, Ф'лар велел Мнемент'у передать приказ трем первым шеренгам приземлиться. Гигантской волной драконы опустились на землю, с шуршанием складывая крылья.

Мнемент' сообщил, что звери довольны и очень возбуждены. Все это намного забавнее Игр. Ничего забавного, оборвал его Ф'лар, пытаясь сквозь тучи поднявшейся пыли разглядеть группу людей в богатых одеждах.

— Ларад Телгарский, — представился человек, стоявший перед Ф'ларом. Он был еще сравнительно молод, но обладал уверенной, мужественной манерой держаться и решительным голосом.

— Мерон Наболский.

Ф'лар узнал его — смуглого остролицего человека с бегающими глазами. Негодяй, но дерзкий и безжалостный воин.

Мнемент' передал сообщение из Вейра, весьма необычное. Ф'лар едва заметно кивнул головой и перевел взгляд на очередного лорда. Наконец представления были закончены.

— Мне доверили сказать тебе следующее, — начал Ларад Телгарский. — Повелители холдов пришли к единодушному мнению, что притязания Вейра стали неприемлемыми. Ваше предназначение исчерпано, история — завершена. Больше не будет

Поисков в наших холдах, набегов на наши стада и амбары, выплаты десятины. Мы так решили.

Ф'лар слушал с учтивым вниманием. Молодой лорд сказал хорошо, четко и немногословно. Ф'лар покачал головой, внимательно изучая стоявших перед ним людей. Их суровые, властные лица выражали негодование и убежденность в собственной правоте.

Он выпрямился и громко произнес:

— Я, Ф'лар, предводитель Вейра, отвечаю вам, хранители холдов. Ваша жалоба выслушана. Теперь вы должны выполнить мой приказ.

Его властный, звенящий металлом голос раскатился над плато и достиг вооруженной толпы. Внезапно Мнемент' поднял голову — и громоподобный рык дракона потряс воздух, словно грозное эхо слов всадника.

— Сейчас вы повернетесь и отправитесь обратно в ваши холды. Там вы проверите свои амбары и осмотрите свои стада. Вы соберете справедливую десятину и отправите ее в Вейр через три дня после вашего возвращения.

— Предводитель Вейра приказывает лордам платить десятину? — насмешливо спросил Мерон, в его улыбке сквозил неприкрытый вызов.

По сигналу Ф'лара еще два крыла возникли в небесах и зависли над отрядом солдат из Набола.

— Предводитель Вейра приказывает лордам платить десятину, — подтвердил Ф'лар. — Я очень сожалею, но пока все положенное не будет выплачено, прекрасные леди из Набола, Телгара, Форта, Айгена и Керуна будут гостить у нас. А также леди из холда Балан, холда Гар, холда...

Он сделал паузу. Услышав перечень заложников, лорды возбужденно и злобно загалдели. Ф'лар велел передать краткое распоряжение в Вейр.

— Блеф! — с издевкой выкрикнул Мерон, выступая вперед. Рука его сжимала рукоять меча. — Я могу поверить в набеги на поля и стада, такое случалось и раньше. Но холды все-гда были неприкосновенны! Они бы не осмелились...

По команде Ф'лара Мнемент' подал сигнал, и над плато появилось крыло Т'сама. На шеях драконов, перед каждым всадником, сидели женщины. Крыло повисло низко над землей, так что лорды могли различить перепуганные лица женщин. Несколько бедняжек бились в истерике.

Смятение и ненависть исказили черты Мерона.

Ларад с трудом оторвал глаза от своей леди. Спокойная и сме-

лая маленькая женщина не рыдала и не падала в обморок, что, впрочем, являлось слабым утешением. Ларад совсем недавно сделал ее своей женой и очень любил.

— Победа за вами, — с унынием признал он. — Мы уйдем и вышлем десятину.

Он хотел было повернуться, когда вперед выскочил разъяренный Мерон.

— И мы покорно подчинимся? Кто такой этот всадник? Почему он командует нами?

— Заткнись! — велел Ларад, хватая наболца за плечо.

Ф'лар повелительным жестом поднял руку, призывая к вниманию. Появилось новое крыло, пленившее незадачливых альпинистов Мерона. Лица и одежда некоторых солдат хранили явные следы столкновения с южным склоном Бендена.

— Крылатые приказывают. И ничто не может ускользнуть от их внимания, — холодно прозвучал голос Ф'лара. — Вы вернетесь в свои холды. Вы пришлете надлежащую десятину — и мы узнаем, если это не будет выполнено. Затем, под угрозой применения огненного камня, вы пошлете людей для очистки от зелени холдов, селений и ферм. Любезный Ларад, обрати внимание на южное предместье твоего холда; оно в высшей степени уязвимо. Не забудьте, лорды, расчистить ямы для огненного камня — вы допустили, чтобы их забили мусором. Отправьте людей в карьеры, пусть ломают камень и укладывают его в кучи.

— Десятина — пусть, но остальное... — попытался перебить Ларад.

Рука Ф'лара поднялась к небу.

— Взгляни вверх, лорд Телгарский. Смотри хорошо. Алая Звезда видна уже днем и ночью. Горы за Истой дымятся и извергают потоки лавы. Моря бушуют, и высокие приливы гонят воду на побережье. Неужели вы забыли учебные Баллады? Неужели не помните предназначение драконов? Можете ли вы отвергать знаки, что предвещают нашествие Нитей?

Ф'лар понимал, что Мерон не поверит ему, пока серебряные Нити не коснутся стен холда Набол. Но остальные обладали гораздо большим воображением — или, вернее, большим здравомыслием. Теперь, пожалуй, стоило немного подбодрить лордов.

— Наша новая королева, — сказал он, — поднялась для брачного полета уже на второй год. Она взвилась высоко, и полет ее был долог.

Внезапно стоявшие перед ним люди подняли головы, уставившись в небо. Их глаза широко раскрылись, и даже Мерон казался теперь испуганным. Ф'лар услышал за спиной вздох Р'гула, но,

опасаясь, что это какая-то хитрость, упрямо смотрел перед собой. Вдруг краем глаза он уловил золотое сверкание в вышине.

«Мнемент'!» — позвал он, и бронзовый дракон загрохотал, переполненный восторгом. Ф'лар поднял голову.

Королева, величественная, золотистая, плавно скользила в прозрачном воздухе. На ее изогнутой шее отчетливо выделялась фигурка Лессы, облаченной в белое ниспадающее платье. Прекрасное и яркое зрелище, нехотя признал Ф'лар. Рамот'а парила, едва пошевеливая крыльями, размах которых превышал размах крыльев Мнемент'а. По тому, как она выгибала шею, купаясь в теплых воздушных потоках, было ясно, что настроение у нее превосходное и игривое.

Потрясенные лорды молчали. Хотя вид золотой королевы явно произвел на них впечатление, Ф'лар в ярости стиснул кулаки. Непокорная девчонка! Почему она выбрала для своих эскапад именно этот момент, когда его энергию и внимание полностью поглотил нелегкий поединок с упрямыми, недоверчивыми холдерами? Ему хотелось броситься в погоню за ней, но сейчас он не мог выпустить ситуацию из-под контроля. Сначала он должен убедиться, что армия повернула назад, он обязан продемонстрировать лордам всю мощь и величие Вейра...

Ф'лар резко повернулся к Лараду. Молодой лорд встряхнул головой, словно возвращаясь к реальности после чудесного сна, и спросил:

— Итак, Нити приближаются?

Ф'лар кивнул.

— Пусть арфисты ваших холдов расскажут людям обо всех знамениях. Вам же, любезные лорды, следует привести в порядок свои владения. Вейр поклялся защищать Перн и обязан подготовить его к обороне. Мы ждем вашей помощи, — он сделал многозначительную паузу, — но если будет нужно, заставим вас выполнить свой долг.

С этими словами он вскочил на шею Мнемент'а, пытаясь отыскать королеву в сияющей голубизне неба. Ф'лар разглядел блеск золотистых крыльев, когда Рамот'а разворачивалась, чтобы набрать высоту. Скрипнув зубами, он приказал бронзовому взлетать. Позади замелькали огромные крылья, изогнутые шеи, могучие тела; армада неслась под трубные звуки, вырывавшиеся из глоток драконов; казалось, в воздух устремились тысячи зверей, а не жалкие полторы сотни, которыми мог в действительности похвалиться Бенден-Вейр.

Убедившись, что завершающая фаза его плана разворачивается вполне успешно, Ф'лар велел бронзовому лететь за королевой,

которая в это время резвилась в воздушных потоках высоко над Вейром.

Когда он доберется до девчонки, то скажет ей пару слов...

Мнемент' с иронией заметил, что мысль насчет пары слов кажется ему довольно удачной. Лучше спокойно поговорить, чем с яростью гоняться за юными созданиями, которые всего лишь пробуют крылья. Бронзовый напомнил разгневанному всаднику, что вчера королева летала далеко и быстро, но, кроме крови четырех птиц, она ничего не ела с тех пор. Вряд ли у нее возникнет желание отправиться в продолжительный полет, пока она не закусит чем-нибудь существенным. Если же Ф'лар будет настаивать на необдуманном и абсолютно ненужном преследовании, то Рамот'а, вместе с повелительницей Вейра, может просто удрать в Промежуток.

Представив, что эта необученная парочка ринется в ледяной мрак Промежутка, Ф'лар похолодел. Пожалуй, решил он, мнение дракона в данный момент заслуживает большего доверия, чем его собственное, продиктованное гневом и тревогой.

Мнемент' описал широкий круг и приземлился у Звездной скалы. Вершина пика Бенден служила отличной позицией, с которой Ф'лар мог одновременно следить и за королевой, и за отступающей армией.

В огромных глазах Мнемент'а, казалось, замелькали огненные круги; дракон настраивал свои фасетчатые глаза на дальнейшее состояние. Вскоре он доложил Ф'лару, что всадник Пиант'а считает целесообразным прекратить наблюдение за войском холдеров. Вид драконов вызывает ужас у людей и животных; если начнется паническое бегство, не миновать жертв.

Ф'лар приказал К'нету немедленно расставить посты на высотах Бендена и следить за холдерами издалека, пока армия не расположится на ночлег. Но за отрядом из Набола он велел присматривать повнимательней.

Теперь его мысли полностью заняли парившая в вышине королева и ее всадница. Гнев его еще не остыл.

«Лучше бы ты научил ее летать в Промежутке, — заявил Мнемент', сверкая громадным глазом над плечом Ф'лара. — У нее хватит ума разобраться с этим самостоятельно. Интересно, что мы тогда будем делать?»

Ф'лар сдержал возражения, готовые сорваться с его губ, и, затаив дыхание, наблюдал за королевой. Внезапно Рамот'а сложила крылья и золотистой молнией ринулась к скалам Бендена. Затем, без видимых усилий, круто развернулась у самой земли и взмыла вверх.

В сознании Мнемент'а проплыли картины их вчерашнего полета — стремительного, необузданного первого брачного полета молодой королевы. Ф'лар глубоко вздохнул, и вдруг нежная улыбка осветила его лицо. Он подумал, как жаждала Лесса подняться в воздух, как обидно ей было наблюдать за тренировками юных всадников... наблюдать прикованной к земле, оставаясь бескрылой и связанной цепями нелепого запрета.

Что ж, он не Р'гул, полный сомнений и нерешительности.

«А она — не Йора, — с иронией напомнил Мнемент' и добавил через мгновение: — Я позову их».

Ф'лар увидел, как Рамот'а начала послушно скользить вниз; ее крылья трепетали и выгибались, гася огромную скорость. Да, голодная или сытая — летать она могла!

Оседлав шею бронзового, он махнул Лессе рукой, показывая, чтобы она направлялась к площадке для кормления. Девушка ответила кивком и быстрым взглядом темных глаз; лицо ее горело восторгом.

Рамот'а опустилась, и девушка прыгнула на землю, жестом отослав золотого дракона к охваченному паникой стаду. Затем она повернулась к снижавшемуся Мнемент'у. Ее подбородок был воинственно вздернут, плечи расправлены, стройная фигурка напряжена. Она приготовилась к выговору — и, подобно каждому молодому обитателю Вейра, вынесла бы без звука любое наказание. Но она не раскаивалась ни в чем!

Восхищение силой духа и неукротимостью этой хрупкой юной женщины стерло последние следы гнева в душе Ф'лара. Улыбаясь, он шагнул к Лессе. Она отступила назад, удивленная и испуганная его улыбкой.

— Королевы тоже могут летать! — выпалила она, вызываясь сверкнув глазами.

Улыбка еще шире расплылась по лицу Ф'лара. Он положил руки на плечи девушки и ласково встряхнул ее.

— Конечно, они могут летать, — подтвердил он, и голос его, полный уважения и гордости, чуть дрогнул. — Для того и даны им крылья!

Часть III

ПЫЛЬ ПАДАЕТ

Глава 1

Этот Палец тычет в звезды,
Если ткнет он в Алый Глаз,
Вейры — в воздух! Вейры — в воздух!
Нити падают! Атас!!!

— Ты все еще сомневаешься, Р'гул? — казалось, Ф'лара слегка забавляет упорство пожилого всадника.

— Р'гул, на чеканном лице которого застыло упрямое выражение, не обратил внимания на насмешку. Он стиснул зубы — так, словно мог раздавить ими власть Ф'лара над ним подобно лесному ореху, — затем сказал:

— В небесах Перна на протяжении четырехсот Оборотов не появлялись Нити. Их больше не существует!

— Вполне может быть, — миролюбиво согласился Ф'лар. Однако его янтарные глаза обдали собеседника холодом. Стало ясно, что он не пойдет на компромисс.

«Слишком похож на Ф'лона, своего отца, — решил Р'гул, — даже больше, чем подобает сыну». Всегда слишком самоуверен, а на то, что делают и думают другие, смотрит с презрением... едва уловимым, однако же заметным. Дерзок... Высокомерен... и, кстати, не обошлось без интриг с молодой госпожой Вейра... Он, Р'гул, не жалея сил наставлял ее, чтобы сделать одной из лучших повелительниц за многие Обороты. Когда он завершил ее обучение, девушка знала все необходимые Баллады и Саги слово в слово. А затем глупышка переметнулась к Ф'лару... у нее не хватило здравого смысла оценить достоинства более взрослого, более опытного мужчины. Может быть, она чувствовала себя обязанной Ф'лару, который нашел ее во время Поиска?

— Надеюсь, ты согласен с тем, — произнес Ф'лар, — что, когда солнце на восходе касается Каменного Пальца, наступает зимнее солнцестояние?

— Любой глупец знает, для чего служит эта скала, — проворчал Р'гул.

— Но ты-то, старый дурак, не хочешь согласиться, что Глаз-Камень поставили на Звездную Скалу, чтобы отметить начало Прохождения Алой Звезды! — взорвался К'нет.

Р'гул покраснел и приподнялся в кресле, намереваясь дать нагоняй мальчишке за подобную наглость.

— К'нет! — раздался властный голос Ф'лара. — Тебе так понравилось летать на патрулирование Айгена, что ты хочешь еще пару недель позаниматься этим?

К'нет торопливо сел; лицо его залилось краской.

— Ты же знаешь, Р'гул, древние Баллады подтверждают мои выводы, — продолжал Ф'лар с обманчивой мягкостью. — Скала Палец нацелена на определенную точку в небесах. «Если ткнет он в Алый Глаз, Вейры...»

— Не читай мне стихов, которым я обучил тебя в юности! — вскипел Р'гул.

— Тогда поверь в то, чему сам учил, — бросил Ф'лар, и глаза его угрожающе сверкнули.

Р'гул, ошеломленный таким резким тоном, откинулся на спинку кресла.

— Ты не можешь отрицать, Р'гул, — спокойно продолжал Ф'лар, — что полчаса назад, когда восходящее солнце зависло над Пальцем, Алая Звезда появилась точно в отверстии Глаз-Камня.

Всадники, бронзовые и коричневые, собравшиеся в комнате Совета, одобрительно загудели. Было ясно, что их возмущает постоянное противодействие, которое Р'гул оказывал новому предводителю Вейра. Даже старый С'лел, некогда верный сторонник Р'гула, теперь предпочитал соглашаться с большинством.

— Никаких Нитей не было уже четыреста лет. Их не существует, — пробормотал Р'гул.

— Тогда, дорогой мой наставник, — весело сказал Ф'лар, — все, чему ты нас учил, — ложь. И драконы, и мы сами — паразиты, которых кормит Перн, пережиток старины. В точности как утверждают владыки некоторых холдов. А посему, — молодой всадник усмехнулся, — я не собираюсь держать тебя здесь вопреки твоей совести. Ты можешь покинуть Вейр и поселиться, где пожелаешь.

Кто-то рассмеялся.

Р'гул был слишком поражен словами молодого предводителя, чтобы обидеться на насмешку. Покинуть Вейр! Он что, рехнулся? Куда он пойдет? Вейр был его жизнью. Поколения его пред-

ков по мужской линии были всадниками. Не все, правда, бронзовыми, но большинство. Отец его матери был предводителем Вейра, как и он сам — пока Мнемент' Ф'лара не догнал новую королеву.

Всадники никогда не покидали Вейр просто так. Да, это случилось, но лишь в тех случаях, когда по собственной небрежности они теряли драконов — как этот Лайтол из Руата. Но разве он в состоянии покинуть Вейр вместе с драконом?

Чего, собственно, Ф'лар от него хочет? Разве не достаточно, что он сместил Р'гула, что теперь он — предводитель Вейра? И разве гордость его не тешит победа над лордами Перна, которые вознамерились было силой обуздать Вейр и всадников? Неужели Ф'лар желает властвовать над каждым всадником, над телом его и волей? Р'гул долго сидел с застывшим взором, не веря самому себе.

— Я не думаю, что мы — паразиты или пережиток. — Мягкий убедительный голос Ф'лара нарушил тишину. — Миновало чetyреста Оборотов, Долгий Интервал. Такое бывало. Алая Звезда не всегда проходит достаточно близко, чтобы уронить Нити на Перн... Вот почему наши предки установили Палец и Глаз-Камень таким образом, чтобы точно отметить начало Прохождения. И еще одно... — Лицо его стало серьезным. — Были и раньше времена, когда вымирали почти все драконы — а вместе с ними и почти весь Перн — из-за таких упрямцев. — Ф'лар улыбнулся и, кивнув в сторону Р'гула, небрежно откинулся в кресле. — Так что я бы не спешил записываться в число скептиков. А ты, Р'гул?

В комнате Совета воцарилась напряженная тишина. Р'гул услышал чье-то напряженное дыхание и через мгновение сообразил, что оно вырывается из его собственной груди. Он взглянул в непреклонное лицо молодого предводителя Вейра и понял, что тот не бросал пустых угроз. Или он полностью подчинится власти Ф'лара — хотя одна мысль об этом глубоко ранила его, — или станет изгнанником. Куда же он направится? В один из других Вейров, заброшенных в течение сотен Оборотов? Но, с яростью подумал Р'гул, разве этот факт не является свидетельством того, что с Нитями покончено навсегда? Эти пять пустых Вейров? Он склонил голову. Нет, во имя Первого Яйца, он не уйдет! Надо выждать благоприятного случая — а до того, подобно Ф'лару, прибегнуть к обману. Когда весь Перн отвернется от этого самонадеянного юнца, он, Р'гул, будет на месте и попытается хоть что-нибудь спасти от разрушения.

— Крылатый живет в своем Вейре. — Р'гул поднял голову и, собрав все свое достоинство, взглянул в лицо Ф'лара.

— И признает власть его предводителя? — в тоне молодого всадника прозвучал не вопрос, а приказ.

Чтобы не осквернять язык ложью, Р'гул коротко кивнул. Ф'лар пристально посмотрел на него, и Р'гул забеспокоился: может быть, этот человек способен читать его мысли так же свободно, как его собственный дракон? Ему удалось выдержать взгляд предводителя, не опустив глаз. Его время придет. Он готов ждать.

По-видимому, удовлетворенный его капитуляцией, Ф'лар поднялся и стал распределять маршруты патрулирования.

— Т'бор, ты будешь наблюдать за погодой. Как обычно, следи за караванами, что везут десятину. Ты получил утренние донесения?

— На рассвете погода была хорошей — в областях Телгара и Керуна... разве что слишком холодно, — сказал Т'бор, усмехнувшись. — Зато дороги, по которым идут караваны, хороши — твердые, замерзшие. Скоро они достигнут Вейра.

Его глаза блеснули в предвкушении пира, которым по традиции отмечалась доставка свежих припасов. Судя по лицам всадников, многие разделяли это настроение.

— Отлично, — кивнул Ф'лар. — С'лан и Д'нол — вам нужно продолжать поиск подходящих мальчишек. Старайтесь выбирать подростков, но не оставляйте без внимания любого, в ком обнаружите ментальную силу. Конечно, лучше было бы осуществить Запечатление ребят, воспитанных в традициях Вейра, но их слишком мало в нижних пещерах... Мы сильно отстаем от холдов в производстве потомства. — Ф'лар улыбнулся уголком рта. — Да и драконы вырастают быстрее, чем их всадники. Нам нужно больше молодых мужчин для Запечатления, когда Рамот'а отложит свой первый выводок. Осмотрите южные холды — Исту, Нерат, Форт и Южный Болл — там зрелость наступает раньше. Вы можете поговорить с мальчиками под предлогом проверки, как идут работы по очистке холдов от растительности. Возьмите с собой огненный камень и сделайте пару заходов над теми возвышенностями, что не были очищены вовремя. Огнедышащие звери производят впечатление на молодых.

Ф'лар бросил взгляд на Р'гула, пытаясь уловить реакцию бывшего предводителя. Р'гул был категорически против поисков кандидатов за пределами Вейра. Во-первых, утверждал он, вполне достаточно восемнадцати мальчиков, подрастающих в нижних пещерах. Правда, некоторые мальчики еще слишком юны, чтобы проверить их способности, но Р'гул не допускал мысли, что Рамот'а отложит больше дюжины яиц, как всегда делала

Неморт'а. Во-вторых, Р'гул стремился избегать любых действий, способных вызвать раздражение лордов.

Теперь он не возразил ничего, и Ф'лар продолжил:

— К'нет, лети в карьеры. Я хочу, чтобы ты проверил каждый склад огненного камня и выяснил размеры наших запасов. Р'гул, продолжай обучать молодежь распознаванию ориентиров. Они должны четко усвоить, где находятся контрольные точки. Если им придется стать посыльными или доставлять припасы, нужно, чтобы они действовали быстро и уверенно; времени на вопросы не будет.

Ф'нор, Т'сам, — повернулся Ф'лар к своим коричневым всадникам, — сегодня вам придется иметь дело с мусором. — Он усмехнулся при виде их смятения. — Проведайте соседний Вейр, Исту. Расчистите пещеру молодняка и несколько вейров, чтобы разместить два крыла. Ф'нор, не пропускай ни одной Записи. Их нужно сохранить. На сегодня все, всадники. — Он поднялся и широкими шагами направился из комнаты Совета в королевский вейр.

Рамот'а еще спала, ее шкура сияла, отливая то светлым золотом, то более темными, почти бронзовыми оттенками. Верный признак того, что она ждет потомство. Когда всадник проходил мимо, кончик ее длинного хвоста слегка шевельнулся.

Все драконы в такое время испытывают беспокойство, припомнил Ф'лар. Но когда он однажды спросил Мнемент'а, бронзовый не смог объяснить причины. Дракон вдруг просыпается, потом снова засыпает... вот и все. Ф'лар не стал больше приставать с вопросами; ему пришлось удовлетвориться тем неясным соображением, что тревога зверей является инстинктивной.

Лессы в спальне не было; в комнате с бассейном царил тишина. Ф'лар прислушался, не раздастся ли плеск воды, и насмешливо фыркнул. Эта девушка моется каждую минуту, словно хочет содрать свою кожу. Конечно, в Руате ей приходилось жить в грязи, чтобы не привлекать излишнего внимания... но купаться дважды в день! Он начинал подозревать, что эта подчеркнутая страсть к чистоте является обидным намеком, адресованным лично ему... таким тайным оскорблением — вполне в стиле Лессы.

Ф'лар вздохнул. Лесса... Когда же сердце девушки обратится к нему? Сможет ли он коснуться его невидимых, скрытых струн? Она теплее относилась к его брату Ф'нору и К'нету, самому молодому из бронзовых всадников... Она улыбалась им чаще, чем Ф'лару, с которым делила постель.

Он раздраженно оглядел комнату. Куда же Лесса исчезла сегодня — как раз в тот момент, когда он, отправив все крылья на

патрулирование, собирался поговорить с ней о полетах в Промежутке?

Рамот'а скоро слишком отяжелеет для таких дел. Но он дал Лессе обещание и собирался его сдержать. Последнее время она стала носить кожаную одежду всадника... наверняка чтобы напомнить ему кое-что. И по некоторым ее замечаниям Ф'лар понял, что девушка не станет долго дожидаться и рискнет обойтись и без его помощи. Ему совсем не хотелось, чтобы она ринулась в Промежуток без всякой подготовки.

Он вновь пересек королевский вейр и заглянул в проход, ведущий в зал, где хранились Архивы. Частенько там можно было застать Лессу, склонившуюся над заплесневелыми пергаментами. Листы древних Записей портились, строчки становились неразборчивыми; пора подумать о том, чтобы как-то восстановить их... Но любопытно: более ранние Записи находились в лучшем состоянии... еще одно забытое искусство древности.

Однако где же она? Ф'лар отбросил со лба густую прядь волос характерным жестом, выдававшим его раздражение или озабоченность. В проходе было темно — значит, в зале Архивов никого нет.

«Мнемент', — беззвучно позвал он бронзового, который наслаждался теплом солнечных лучей на карнизе королевского вейра, — чем занята девушка?»

«Лесса, — ответил дракон, с подчеркнутой учтивостью выделяя имя госпожи Вейра, — беседует с Манорой. Она оделась в дорожный костюм», — добавил он после небольшой паузы.

Ф'лар не без иронии поблагодарил его и торопливо двинулся по коридорам в нижние пещеры. Завернув за последний поворот, он едва не сбил с ног Лессу.

«Ты же не спрашивал, где она», — пожаловался Мнемент' в ответ на проклятие Ф'лара. Столкновение было столь сильным, что Лесса с трудом удержалась на ногах. Она уставилась на Ф'лара, недовольно сжав губы и сердито сверкая глазами.

— Почему мне не дали взглянуть на Алюю Звезду сквозь Глаз-Камень? — гневно выпалила девушка.

Ф'лар поднял руку к волосам. Столкнуться с Лессой, когда она так раздражена... это завершало список утренних испытаний.

— Слишком многие хотели посмотреть... всем не разместиться на скале, — пробормотал он, решив, что сегодня ей не удастся вывести его из равновесия. — А ты... ты и так все знаешь.

— И все же мне хотелось бы увидеть, — сухо сказала она и, обойдя Ф'лара, шагнула в сторону вейра. — Конечно, если я имею на это право — как госпожа Вейра и его архивариус.

Он схватил девушку за руку и почувствовал, как напряглось ее тело. Стиснув зубы, Ф'лар в сотый раз после брачного полета Рамот'ы пожалел, что Лесса была девственницей. Тогда ему и в голову не пришло сдерживать свой темперамент, подогретый брачными играми драконов, и первый женский опыт Лессы получился... несколько бурным. Откровенно говоря, не будь происходящее связано с Рамот'ой и Мнемент'ом, он назвал бы это просто насилием. Ф'лара удивило, что он оказался первым — учитывая, что свою юность Лесса провела, прислуживая похотливым управляющим и воякам Фэкса. Видимо, никто не смог проникнуть под завесу лохмотьев и слой грязи, под эту непроницаемую маскировку...

С тех пор Ф'лар стал гораздо более внимательным и ласковым с ней. И он знал, что однажды, так или иначе, его старания будут вознаграждены. Он гордился тем, что не был новичком в искусстве любви, — и именно это позволяло ему надеяться на ответное чувство.

Глубоко вздохнув, он подавил гнев и отпустил ее руку.

— Как удачно, что ты надела костюм для полетов, — сказал он. — Когда крылья улетят на патрулирование и Рамот'а проснется, я собираюсь рассказать тебе кое-что о полетах в Промежутке.

Наградой ему было восхищенное сияние ее глаз, заметное даже в полутьме прохода. Девушка взволнованно задышала.

— Больше откладывать нельзя, иначе Рамот'а окажется неспособной к полету, — дружелюбно продолжал Ф'лар.

— Ты серьезно? — в ее тихом голосе не было обычных язвительных ноток. — Ты начнешь учить меня сегодня?

Ему хотелось увидеть сейчас ее лицо. Раз или два Ф'лар замечал, как на нем мелькнула нежность. Он многим пожертвовал бы, чтобы это чувство было обращено к нему. Однако, усмехнувшись он про себя, следует быть довольным, что ее нежность направлена только на Рамот'у, а не на другого мужчину.

— Да, дорогая моя госпожа, я говорю серьезно. Сегодня я научу тебя летать в Промежутке. Хотя бы затем, — он церемонно поклонился, — чтобы ты не попыталась сделать это самостоятельно.

Услышав ее негромкий смешок, Ф'лар понял, что шутка не вызвала раздражения.

— Но сейчас, — сказал он, жестом приглашая ее первой проследовать в вейр, — я бы чего-нибудь поел. Мы встали раньше, чем женщины на кухне.

Впрочем, когда они вошли в хорошо освещенную пещеру Рамот'ы, Ф'лар поймал косой взгляд девушки, брошенный на

него. Значит, так легко она не простит, что ее забыли включить утром в группу наблюдателей у Звездной Скалы, — и уж конечно, такую вину не искупишь полетом в Промежуток.

Как все тут изменилось, подумал Ф'лар, оглядывая комнату, пока Лесса, открыв дверцу шахты, заказывала еду. Когда Йора была госпожой Вейра, спальню наполнял разный хлам, грязная одежда и немытая посуда. Упадок Вейра являлся ее виной — в той же степени, что и Р'гула; косвенно она поощряла праздность, обжорство и лень.

Если бы он, Ф'лар, был хоть на несколько лет старше, когда погиб Ф'лон, его отец... Йора казалась ему омерзительной, но когда драконы поднимаются в брачном полете, привлекательность партнера не имеет значения...

Лесса вытащила из шахты подъемника поднос с хлебом, сыром и кружками кла, горячившего кровь, проворно накрыла на стол.

— Ты тоже не завтракала? — спросил Ф'лар.

Она энергично замотала головой; тяжелый жгут, в который она заплела свои густые прекрасные волосы, хлестнул по плечам. Такая прическа была слишком строгой для узкого лица девушки, но она скрывала, если это входило в планы Лессы, ее женственность и изысканную прелесть утонченных черт. В который раз Ф'лар изумился, как могло это хрупкое нежное тело заключать в себе столько силы... Сколько пронизательного ума и решительности скрывалось за гладким лбом... и хитрости — да, хитрости, вот верное слово! Ф'лар не допустит ошибки, которую совершили другие — те, кто недооценил ее способности.

— Манора позвала меня, чтобы засвидетельствовать рождение ребенка Килары.

Ф'лар сохранил на лице выражение вежливого интереса. Он прекрасно знал о подозрениях Лессы, считавшей, что он и есть отец ребенка, — и втайне признавался себе, что так действительно могло случиться. Правда, он сомневался. Килара была одной из девушек-кандидаток, обнаруженных во время того же Поиска три года назад, когда он нашел Лессу. Как и другие, пережившие церемонию Запечатления, Килара решила, что некоторые стороны жизни Вейра весьма соответствуют ее темпераменту. Она переходила из вейра в вейр, от одного всадника к другому. Она соблазнила даже Ф'лара — правда, он не слишком сопротивлялся, если говорить начистоту. Теперь, став предводителем Вейра, он счел благоразумным игнорировать ее попытки восстановить эти отношения. Наконец Килара попала в руки Т'бора, который дер-

жал ее в своем вейре до тех пор, пока заметная беременность не заставила его отправить женщину в нижние пещеры.

Помимо любвеобильности — не меньшей, чем у зеленого дракона, — Килара была сообразительной и честолюбивой. Из нее вышла бы хорошая госпожа Вейра, и Ф'лар поручил Лессе и Маноре заронить эту мысль в голову женщины. В качестве госпожи Вейра... другого Вейра... она могла бы использовать свой ум и силу на благо Перна. Жизнь не преподала Киларе таких уроков терпения и сдержанности, как Лессе, и она не обладала ее хитростью. К тому же она заметно побаивалась Лессы — и, как подозревал Ф'лар, тут не обошлось без намеренного влияния его подруги. Но в данном случае он не возражал против ее вмешательства.

— Чудесный мальчик, — заметила Лесса.

Ф'лар спокойно потягивал кла. Ей не удастся навязать ему ответственность за это дитя.

После долгой паузы Лесса добавила:

— Она назвала его Т'кил.

Ф'лар сдержал улыбку. На этот раз ей не удалось вывести его из себя.

— Очень благоразумно с ее стороны.

— О?

— Да, — мягко подтвердил Ф'лар. — Имя Т'лар могло бы кое-кого и смутить, если бы Килара, по традиции, использовала вторую половину своего имени. А «Т'кил» — это может указывать как на отца, так и на мать.

— Пока шел Совет, — сказала Лесса, — мы с Манорой проверили запасы провизии. Убогое зрелище. Но караваны с десятиной, которую лорды так любезно выслали нам, — голос ее стал резким, — появятся через неделю. Скоро у нас будет хлеб, пригодный для еды, — добавила она, с гримасой отвращения накладывая сыр на кусок ломкого, сухого и серого хлеба.

— Превосходно, — согласился Ф'лар.

Она помолчала.

— Алая Звезда появилась вовремя? И там, где предсказывают архивные Записи?

Ф'лар кивнул.

— Значит, сомнения Р'гула растаяли под ее сиянием?

— Если бы, — улыбнулся Ф'лар, не обращая внимания на сарказм молодой женщины. — Ничуть! Но теперь его возражения станут не такими громогласными.

Лесса с трудом прожевала хлеб и покачала головой.

— Тебе стоило бы полностью пресечь их, — безжалостно зая-

вила она, сделав движение ножом, словно протыкала им сердце. — Он никогда добровольно не признает твою власть.

— Нам нужен каждый бронзовый всадник... ведь их только семь, ты же знаешь, — напомнил он. — Р'гул — хороший командир крыла. Он уgomонится, когда начнут падать Нити. Это рассеет его сомнения.

— Алая Звезда в отверстии Глаз-Камня — разве не доказательство? — Бездонные глаза Лессы расширились.

Ф'лар втайне согласился с ней — было бы мудрее отделаться от сварливого упрянца. Но пожертвовать командиром крыла он не мог; в будущем, неясном и страшном, каждый всадник и каждый дракон могли оказаться незаменимыми.

— Я не доверяю ему, — мрачно произнесла Лесса.

Она отхлебнула теплого кла, ее серые глаза над краем кружки затуманились. «Словно она и мне не доверяет», — мелькнула мысль у Ф'лара.

Да, она и ему верила только до определенного момента. Она явно дала это понять — и, говоря откровенно, Ф'лар не мог ее винить. Она признавала, что все его усилия направлены на безопасность и сохранение драконов и людей Вейра — а следовательно, на безопасность и сохранение всего Перна. Чтобы действовать эффективно, он нуждался в ее поддержке, полной и безоговорочной. Правда, она умела подавлять свою антипатию к нему. На Советах, когда обсуждались дела Вейра, она поддерживала Ф'лара искренне и убедительно. Однако он всегда искал скрытый смысл в ее словах и видел затаившуюся в глазах подозрительность. Пока дела обстояли именно так. Она проявляет терпимость, не более, а он жаждал добиться искреннего сопереживания.

— Скажи мне, — произнесла Лесса после долгой паузы, — солнце коснулось Каменного Пальца до того, как Алая Звезда появилась в отверстии Глаз-Камня, или после?

— По правде говоря, я не знаю, я сам не видел этого. Совмещение длится лишь несколько мгновений... Но хроники сообщают, что оба события должны происходить одновременно.

Лесса нахмурилась.

— Чем же ты занимался в это время? Р'гулом?

Она явно рассердилась, и Ф'лар безуспешно пытался заглянуть ей в глаза.

— Я — предводитель Вейра, — сухо напомнил он. Поистине, эта женщина несносна.

Лесса удостоила его долгим тяжелым взглядом и склонилась над тарелкой, заканчивая трапезу. Ела она очень мало, быстро и

опрятно. Того, чем она довольствовалась в течение дня, вряд ли хватило бы, чтобы накормить больного ребенка. Если сравнить с Йорой... но вряд ли имело смысл сравнивать Лессу с Йорой.

Он закончил завтрак и рассеянно поставил кружку на пустой поднос. Она молча поднялась и убрала со стола.

— Как только крылья покинут Вейр, мы тоже отправимся, — сказал Ф'лар.

— Да, ты уже говорил. — Она кивнула в сторону спящей королевы, чье золотистое тело виднелось под аркой сводчатого прохода. — Но нам все равно нужно дождаться, пока проснется Рамот'а.

— Наверно, уже скоро. Она шевелит хвостом целый час.

— Да... как обычно в это время.

Перегнувшись через стол и в задумчивости сдвинув брови, Ф'лар наблюдал, как золотистый раздвоенный кончик хвоста королевы судорожно дергается из стороны в сторону.

— Мнемент' просыпается так же. Беспокоится. И всегда — на рассвете или ранним утром. Словно начало дня ассоциируется у них с чем-то неприятным...

— С восходом Алой Звезды, — вскользь бросила Лесса.

Что-то изменилось в тоне девушки, и Ф'лар быстро поднял на нее взгляд. Теперь на лице ее нельзя было заметить и следа раздражения из-за пропущенного утром зрелища. Глаза Лессы уставились куда-то в пустоту; лоб, вначале гладкий, прорезали морщинки тревоги; губы плотно сжались.

— На рассвете... Да, на рассвете сны предостерегают нас... — пробормотала она.

— О чем ты? — спросил он удивленно.

— Это случилось утром... за несколько дней до того, как ты и Фэкс нагрянули в Руат... Что-то разбудило меня... какое-то очень сильное воздействие... Оно создавало ощущение ужасной угрозы... — Лесса помолчала. — Алая Звезда только что взошла на северо-востоке.

Она судорожно прижала руки к груди; внезапно тело ее содрогнулось. Девушка в упор посмотрела на Ф'лара.

— Вы с Фэксом тоже пришли с северо-востока, из Крома, — резко сказала она.

— Да, все так и было. — Он улыбнулся ей, живо представив то утро. — Пожалуй, я оказал тебе неплохую услугу, — добавил он и, в подтверждение своих слов, обвел широким жестом огромную пещеру. — Но ты, кажется, вспоминаешь об этом без особого удовольствия?

Она смерила его холодным непроницаемым взглядом.

— Опасность приходит под разными масками.

— Согласен, — дружелюбно ответил Ф'лар, полный решимости не поддаваться и сохранить самообладание. — Случались ли у тебя еще такие же внезапные пробуждения? — небрежно осведомился он.

Абсолютная тишина повисла в комнате. Удивленный, он взглянул на Лессу. Все краски исчезли с ее лица.

— В тот день, когда Фэкс напал на Руат-холд... — прошептала она едва слышно.

Глаза девушки были широко открыты и неподвижны, пальцы с побелевшими костяшками вцепились в край стола. Она молчала так долго, что Ф'лар уже начал беспокоиться.

— Расскажи, — мягко попросил он.

Она заговорила — невыразительным, бесстрастным голосом, словно читала одну из традиционных Баллад или рассказывала историю, произошедшую совсем с другим человеком.

— Я была ребенком... одиннадцать... всего одиннадцать Оборотов... Я проснулась на рассвете...

Голос ее затих. Глаза по-прежнему смотрели куда-то в пространство, словно наблюдая события, случившиеся давным-давно. Страстное желание утешить ее охватило Ф'лара. Внезапно он понял, какой неизбывный ужас носит она в сердце; его поразило, что он не подумал об этом раньше.

Мнемент' сообщил ему, что Лесса очень обеспокоена. Не хватает только, чтобы ее душевные страдания пробудили Рамот'у, укоризненно добавил бронзовый. Потом его тон изменился. Он передал, что Р'гул наконец-то вылетел вместе со своими юными учениками — но в таком настроении, что Хат', его дракон, совершенно сбит с толку... Неужели Ф'лару нужно перебудоражить всех и каждого в этом Вейре?

— О, помолчи, — тихо бросил Ф'лар.

— Что? — спросила Лесса; голос ее был уже нормальным.

— Я не тебе, дорогая моя госпожа, — заверил он, ласково улыбнувшись и стараясь показать, что не заметил ее странного оцепенения. — Мнемент' последнее время слишком часто лезет с советами.

— Каков всадник, таков и дракон, — съязвила она.

Рамот'а гулко зевнула. Лесса мигом вскочила и бросилась к ней. Стройная изящная фигурка девушки застыла перед шести-футовой головой зверя.

Она смотрела в сияющие переливчатые глаза Рамот'ы, не замечая, как нежность и обожание проступают на ее лице. Ф'лар

скрипнул зубами... Он ревновал... Да, во имя Первого Яйца, он ревновал к дракону, на которого изливалась вся эта любовь!

В его сознании возник прерывистый гул — то, что заменяло Мнемент'у смех.

— Она голодна, — сообщила Лесса Ф'лару; мягкая линия рта и сияние серых глаз еще хранили отголосок нежности, вызванной пробуждением ее королевы.

— Она всегда голодна, — заметил он и последовал за ними к выходу из вейра.

Мнемент' галантно парил над самым карнизом, ожидая, когда взлетит Рамот'а. Королева скользнула вниз, в огромную чашу Бендена, промчалась над озером, окутанным туманом, и приземлилась у площадки кормления на противоположном конце вытянутого овала, образующего дно Вейра. В испещренных бороздами отвесных стенах зияли отверстия тоннелей, ведущих в вейры; карнизы перед ними были пусты. Раньше в это время дня на них всегда сидели несколько драконов, греющихся в лучах зимнего солнца.

Ф'лар оседлал гладкую бронзовую шею Мнемент'а и, любуясь полетом королевы, с надеждой подумал о потомстве, зреющем в ее чреве. Он верил, что первый же выводок Рамот'ы затмит воспоминания о жалкой дюжине яиц, которые обычно откладывала Неморт'а.

Пожалуй, он мог в этом не сомневаться — после великолепно-го брачного полета Рамот'ы с его Мнемент'ом. Бронзовый самодовольно поддакнул ему, и оба окинули молодую королеву взглядами собственников. Она была вдвое больше Неморт'ы, с крыльями раза в полтора длиннее, чем у Мнемент'а — самого крупного из семи бронзовых самцов. Ф'лар надеялся заселить с помощью Рамот'ы пять пустующих Вейров — так же, как надеялся на себя и Лессу. Вдвоем они восстановят гордость и славу Племени Дракона — и всего Перна. Главное, чтобы ему хватило времени выполнить задуманное. Алая Звезда сверкнула в отверстии Глаз-Камня. Скоро начнут падать Нити... Когда же? Он не знал. Может быть, в Архивах одного из заброшенных Вейров он найдет ответ?

Мнемент' приземлился. Ф'лар спрыгнул с изогнутой шеи бронзового и встал рядом с Лессой. Все трое наблюдали, как Рамот'а, ухватив передними лапами пару крупных птиц, поднималась к ближайшему карнизу.

— Неужели ее аппетит никогда не уменьшится? — спросила Лесса; тревога и ласка звучали в ее голосе. Раньше Рамот'а ела, чтобы расти. Теперь, достигнув полной зрелости, она продолжа-

да есть ради своего потомства. И занималась этим весьма добро-совестно.

Ф'лар рассмеялся и присел на корточки. Подобрав несколько драконьих чешуек, он стал швырять их вдоль ровной поверхности площадки, по-мальчишески считая клубы взбиваемой пыли.

— Придет время, когда она перестанет съедать все, что попадает на глаза, — заверил он Лессу. — Но она еще очень молода...

— И должна набираться сил, — закончила Лесса, подражая менторскому тону Р'гула.

Ф'лар взглянул на нее снизу вверх, щурясь в лучах зимнего солнца, повисшего над краем чаши.

— Она уже выросла и выглядит превосходно — особенно если сравнивать с Неморт'ой. Впрочем, какое тут может быть сравнение. — Он презрительно фыркнул. — Однако перейдем к делу. Посмотри-ка сюда.

Он показал пальцем на полосу разглаженного песка, и Лесса увидела, что его игра с чешуйками не была праздным занятием. Перед ней возник план, который всадник быстро дополнил с помощью нескольких линий и камешков.

— Чтобы дракон мог летать в Промежутке, он должен знать, куда направляться. И ты, кстати, тоже. — Он усмехнулся, заметив, как сердито блеснули ее глаза. — Да, последствия не точно рассчитанного прыжка могут оказаться трагическими. Если всадник плохо представляет себе опорные точки, то может застрять в Промежутке вместе с драконом. Эти точки — или опознавательные ориентиры — изучают все юноши. Посмотри, — он показал на свой чертеж, затем вытянул руку в сторону пика Бенден, — вот первая точка — Звездная Скала и Каменный Палец рядом с ней. Когда мы взлетим, ты поднимешься рядом со Звездной Скалой — так, чтобы увидеть отверстие в Глаз-Камне. Пусть эта картина навечно сохранится в твоей памяти. Передай ее Рамот'е — и она всегда приведет тебя домой.

— Понятно, — кивнула девушка. — Но как я получу представление о тех местах, которые никогда не видела?

Ф'лар улыбнулся.

— Тебя будут обучать. Сначала твой инструктор, — он ткнул себя в грудь, — а затем ты посетишь все опорные точки, причем их мысленные образы Рамот'а получит от своего инструктора. — Ф'лар указал на Мнемент'а.

Бронзовый опустил клиновидную голову — так, что один его огромный радужный глаз засиял прямо перед лицами людей, — и издал негромкое довольное рычание.

При виде сверкающего глаза, повисшего перед ней, словно

инкрустированное драгоценными камнями круглое зеркало, Лесса рассмеялась и с неожиданной нежностью погладила мягкий нос зверя.

Пораженный Ф'лар поперхнулся. Он знал, что Мнемент' питает к молодой госпоже Вейра исключительную привязанность, но никак не ожидал, что она отвечает бронзовому взаимностью. Почему-то на сердце у него стало тяжело.

— Итак, — произнес он, и сам удивился, насколько неестественно зазвучал его голос, — мы заставляем молодых всадников совершать путешествия ко всем основным опорным точкам — ко всем холмам и Вейрам по всему Перну, — чтобы они запечатали их в памяти. Когда всадник запоминает главные ориентиры, ему сообщают ряд дополнительных точек. Таким образом, чтобы отправиться в Промежуток, нужно лишь четко представлять образ места, куда ты хочешь попасть. Кроме того, всегда нужно появляться над опорной точкой сверху, в открытом небе.

Лесса задумчиво нахмурилась.

— Лучше завершить прыжок в воздушном пространстве, — он взмахнул рукой над головой, — чем под поверхностью земли. — Ф'лар хлопнул ладонью по своему чертежу, подняв облачко пыли.

— Но в тот день, когда лорды попытались атаковать Вейр, крылья отправлялись в Промежуток прямо из чаши, — напомнила Лесса.

Да, ей не откажешь в сообразительности, подумал Ф'лар. Пристально посмотрев на девушку, он пояснил:

— Иногда приходится поступать так... но на риск идут только самые опытные всадники. — Он помолчал. — Однажды мы наткнулись на дракона и всадника, погребенных в скале. Они оба... были очень молоды. — Глаза его помрачнели.

— Мне все понятно, — торжественно заверила Лесса. Она посмотрела вверх и кивнула в сторону Рамот'ы, которая несла очередную жертву на залитый кровью карниз. — Это уже пятая!

— Уверяю тебя, сегодня ей придется сбросить лишний вес, — заметил Ф'лар. Он встал и хлопнул перчатками по коленям, отряхивая пыль. — Выясни, в каком она настроении.

Лесса послала безмолвный вопрос: «Наелась?»

И сурово сжала губы — Рамот'а с негодованием отвергла бестактное предположение. Королева вновь ринулась вниз, схватила огромную птицу и взмыла в шквале серых, коричневых и белых перьев.

— Она не так голодна, как хочет показать, — усмехнулся Ф'лар, заметив, что Лесса пришла к тому же выводу. В глазах ее сверкнуло нетерпение.

— Если ты быстро покончишь с птицей, Рамот'а, у нас, может быть, останется время, чтобы поучиться летать в Промежутке, — громко сказала девушка — так, чтобы слышал Ф'лар. — Торопись, иначе наш любезный предводитель Вейра передумает.

Оторвавшись от трапезы, Рамот'а повернула голову в сторону двух всадников, которые стояли на краю площадки кормления. В солнечных лучах глаза ее переливались неярким пламенем. Она вновь принялась за еду, но Лесса уловила разговарившуюся искорку интереса и поняла, что дракон подчинится.

* * *

Холодный ветер высоты обжигал лицо. Лесса радовалась, что ее согревают меховая подкладка одежды и тепло огромной золотистой шеи, на которой она восседала. Она не решалась думать о ледящем холоде Промежутка, который испытала только один раз. Склонив голову, девушка взглянула вниз, где парил бронзовый Мнемент'.

«Ф'лар говорит мне, чтобы я передал Рамот'е сообщение для тебя, — уловила она мысль дракона. — Он просит, чтобы ты запечатлела в памяти вид с высоты на Звездную Скалу — ориентир нашего Вейра. Мы полетим к озеру на плоскогорье, а затем ты должна будешь вернуться через Промежуток точно в эту точку. Ты все поняла?»

Бронзовый закончил передачу, но его теплое дружелюбие все еще обволакивало Лессу. Она улыбнулась в предвкушении прыжка и энергично кивнула головой. Какая удача, что ее дар позволяет напрямую говорить с любым драконом! Сколько времени это экономит!

Она снова посмотрела вниз на Мнемент'а. Дракон взмахнул крыльями, отливавшими в солнечном свете зеленовато-коричневыми оттенками, и грациозно устремился по плавной кривой к озеру, находившемуся на плато у подножия пика Бенден. Его огромное тело мелькнуло над самым краем чаши, и на какой-то миг Лессе показалось, что столкновение неизбежно. Рамот'а ринулась следом. При виде остроконечных скал, проносящихся под крыльями дракона, у девушки захватило дыхание. Возбуждение и пьянящий восторг переполнили ее.

Мнемент' замер у дальнего берега озера, поджидая золотую королеву. Он снова напомнил Лессе, что она должна четко представить себе место, куда хочет попасть. И приказать Рамот'е очутиться там.

Лесса закрыла глаза — и плоская вершина Звездной Скалы с

торчащим прямоугольником Глаз-Камня всплыла в ее памяти. В следующее мгновение ужасный, пронизывающий до костей холод Промежутка окутал ее. Но прежде чем она успела осознать что-либо, кроме ледяного прикосновения и мрака безбрежной пустоты, под крыльями Рамот'ы возникла чаша Бендена.

Лесса торжествующе вскрикнула. Как все просто, как невероятно просто! Рамот'а казалась разочарованной.

Чуть позади них возник Мнемент'. «Теперь попробуй вернуться к озеру», — передал он, и Рамот'а снова ринулась в черную пропасть, не дождавшись конца фразы.

Разъяренный Мнемент' тут же очутился рядом. «Ты не представляла мысленно точку переноса! — загрохотало в голове Лессы. — Не думай, что после единственной удачной попытки ты достигла совершенства! Ты еще не изведала опасности и ужаса, скрытых в Промежутке! Никогда — слышишь? — никогда не забывай представить место, куда хочешь перенестись».

Лесса взглянула на Ф'лара. Даже на расстоянии двух размахов крыльев она видела, как гнев исказил его лицо, ощущала сверкающую в глазах ярость. И страх. Всепоглощающий страх за нее... Или за Рамот'у? За родоначальницу бесчисленных поколений драконов, которые владели его душой и сердцем?

«Ты должна следовать за нами, — продолжал Мнемент' более спокойно. — Сейчас мы совершим несколько прыжков между двумя точками, с которыми ты уже познакомилась. Потом пройдемся по другим ориентирам вокруг Бендена».

Этим они и занимались все утро, добравшись до самого Бенден-холда, откуда лик Вейра казался далекой неясной тенью на фоне полуденного неба. Теперь Лесса не забывала перед каждым прыжком представить вид местности, над которой они должны вынырнуть из Промежутка.

Как интересно, изумительно интересно, призналась она Рамот'е. Но та пренебрежительно фыркнула. Несомненно, полеты в Промежутке предпочтительнее нудных и отнимающих время способов передвижения, которыми приходилось пользоваться другим обитателям Перна. Однако Рамот'а не считала интересным прыгать из Бенден-Вейра и обратно. Ей было скучно.

Наконец Рамот'а зависла рядом с Мнемент'ом над Звездной Скалой. Бронзовый сообщил Лессе, что первое занятие прошло весьма удовлетворительно. Завтра они потренируются в более далеких прыжках.

Завтра, хмуро подумала Лесса, случится что-нибудь непредвиденное. А может быть, наш предводитель Вейра, такой занятой,

решил, что выполнил свое обещание, дав ей первый урок. И на этом все кончится. Вместе с мечтой о полетах в далекие края.

Но один прыжок она могла совершить из любого места Перна — и не промахнуться.

Лесса мысленно представила себе Руат — так, как выглядел холд с возвышающихся за ним скал. Она передала его изображение Рамот'е. Чтобы все было ясно, Лесса представила полосу каменной террасы под стенами холда, сложный узор зияющих ям для огненного камня, россыпи ферм на берегу Тиллека... До нашествия Фэкса долина Руата кипела жизнью...

Она послала Рамот'у в Промежуток.

На этот раз холод длился целую вечность. Ужас охватил Лессу, ей казалось уже, что они навсегда затерялись в черной бездне Промежутка... Но внезапно неяркий свет разлился вокруг — они были в небе над холдом. Восторг охватил девушку. Какое ей дело до Ф'лара, слишком мнительного и осторожного! С Рамот'ой она может прыгать куда угодно!

Она узнавала характерный профиль обрамляющих Руат скал, каменные столбы Прохода, меж которыми змеилась дорога в Кром... их черные конусы резко выделялись на фоне светлеющего сероватого неба. Предрассветное время, час последних снов... Она подняла голову — Алая Звезда больше не сияла на утреннем небосклоне. И воздух... он был другим! Холодным, да — но не зимним! Скорее — влажным и прохладным, как ранней весной...

В испуге Лесса взглянула вниз, решив, что каким-то образом допустила ошибку. Но нет, она парила над Руат-холдом. Башня, контуры внутреннего двора, широкая дорога, сбегавшая вниз к мастерским... все было именно таким, как она помнила. Струйки дыма тянулись из труб далеких ферм; люди готовились встретить новый день.

Рамот'а заметила ее сомнения и начала требовать объяснений.

«Это Руат, — решительно подтвердила Лесса. — Сделай круг над скалами... Видишь, вот ряды ям для огненного камня... они расположены точно так, как я представляла...»

Внезапно у Лессы перехватило дыхание и ледяной холод ужаса сковал мышцы.

Внизу, в неярком свете раннего утра, она увидела размытые контуры серой змеи, медленно переползавшей через скалистый гребень над Руатом... Воинский отряд, и довольно большой... Люди двигались тихо, украдкой, словно преступники.

Она не хотела привлекать их внимания и приказала Рамот'е парить в вышине кругами. Удивившись, та повиновалась.

Кто же мог подготовить нападение на Руат? Это казалось неве-

роятным! Ведь Лайтол, бывший всадник, уже успел один раз проучить любителей чужого добра. Неужели среди властителей холдов снова могла зародиться мысль о захвате — теперь, когда предводителем Вейра стал Ф'лар? И кто из лордов рискнул пойти на такую глупость — затеять войну зимой?

Нет, не зимой. Воздух, несомненно, был весенним.

Люди продолжали осторожно пробираться мимо ям для огненного камня, скапливаясь у обрыва над Руатом. Неожиданно Лесса поняла, что они уже спускают веревочные лестницы вниз, прямо к открытым окнам внутренних помещений холда.

Она судорожно вцепилась в шею Рамот'ы, потрясенная внезапным озарением.

Это Фэкс со своими людьми — Фэкс, тринадцать Оборотов назад захвативший Руат! Проклятый Фэкс, чьи кости почти три Оборота гниют в земле!

Да, там был еще часовой на главной башне; Лесса могла различить белое пятно его лица. Он стоял, повернувшись к обрыву, и спокойно смотрел на спускавшихся вниз солдат. Наверно, пересчитывал в уме монеты, которыми оплатили его молчание.

Но страж порога — чуткий, обученный поднимать тревогу при виде чужих, — почему молчал он?

«Потому, — сообщила Рамот'а с холодной логикой своего племени, — что он ощущает наше присутствие. Всадник и дракон в небе — разве может угрожать холду опасность?»

«Нет, нет! — мысленно простонала Лесса. — Что же мне делать? Как разбудить их? Где та девочка, которой я была тогда? Я помню, все помню! Я спала, потом проснулась и кинулась из комнаты. Что-то напугало меня. Лестница... Я спустилась вниз и чуть не упала. Мне надо было добраться до конуры стража... до его логова...»

Лесса прижалась к шее Рамот'ы, словно в поисках опоры. Тайны ее детства вдруг стали прозрачными, как воды горного потока. Она сама послала то предупреждение, которое заставило ее пробудиться от ужаса тринадцать Оборотов назад! И страж не подал сигнала потому, что она парила на драконе над башнями Руата!

В безмолвном оцепенении Лесса наблюдала, как маленькая фигурка в серой тунике выскочила из дверей главного зала, торопливо скользнула вниз по холодной каменной лестнице, запнувшись на последней ступеньке, и, перебежав двор, исчезла в логове стража. Лессе показалось, что она расслышала жалобный детский плач. Едва девочка скрылась в своем ненадежном убежище, как солдаты Фэкса ворвались в открытые окна холда и начали расправу над ее спящей семьей.

«Назад, в Бенден!» — в паническом ужасе приказала Лесса. Перед ее застывшими глазами возник образ путеводных камней на вершине хребта — спасительный символ дома, который указывал направление дракону и помогал сохранить рассудок самой всаднице.

На этот раз ледяное дыхание Промежутка позволило ей обрести равновесие. Через несколько мгновений они зависли над зимним Вейром, таким спокойным и мирным, что их прыжок сквозь время в Руат мог показаться кошмарным сном. Впрочем, на Рамот'у этот полет не произвел особого впечатления. Она отправилась туда, куда ей велели, и не совсем понимала, почему их путешествие так взволновало Лессу.

Ф'лара и Мнемент'а нигде не было видно. Рамот'а предположила, что бронзовый мог последовать за ними в Руат, и если Лесса даст ей правильные ориентиры, она готова совершить вторую попытку.

Девушка снова представила Руат — не идиллическую цветущую долину своего детства, а серый мрачный холд с Алой Звездой, мерцающей на предрассветном небосклоне.

И вновь она очутилась там, в сумрачном небе, нависшем над остроконечными скалами и быстрым потоком Тиллека. Растительность покрывала камни холда, полуразрушенную кирпичную кладку и обвалившиеся ямы; убогие фермы и жалкие поля виднелись внизу, окруженные остатками некогда знаменитых руатанских садов... Картина полного упадка, которого она добивалась долгие годы, стараясь лишить Фэкса малейшей выгоды от завоевания Руата...

Смутная тревога наполнила ее сердце. Лесса разглядела тонкую фигурку, скользнувшую во двор из кухни, увидела стража, ползшего за ней, пока натянутая цепь не остановила зверя... Кутаясь в лохмотья, девушка поднялась на башню и встала у парапета, вглядываясь в изломанные силуэты возвышавшихся на востоке гор... потом повернулась к северо-востоку.

У Лессы закружилась голова. Она снова попала в Руат прошлых дней! На этот раз она вернулась на три Оборота назад, чтобы увидеть жалкую служанку в грязном тряпье, строящую планы мести Фэксу...

Холод Промежутка охватил ее, когда Рамот'а устремилась обратно к надежным и вечным камням Бендена. Вцепившись в ее шею дрожащими руками, Лесса вгляделась в знакомую чашу Вейра, страстно надеясь, что им удалось избежать нового смещения во времени. Внезапно в небе чуть ниже Рамот'ы возник Мнемент'; девушка не смогла сдержать возглас облегчения.

«Возвращайтесь в свой вейр!» — ударил в голову яростный приказ Мнемента. Лесса испытала слишком сильное потрясение, чтобы возражать. Они скользнули вниз, к своему карнизу, затем Рамот'а поспешно освободила место для приземляющегося бронзового.

Ф'лар, с перекошенным от бешенства лицом, надвигался на нее, словно грозовая туча. Лесса не пыталась ускользнуть, когда могучие руки всадника сжали ее плечи. Он сильно встряхнул ее и прошипел прерывающимся от гнева голосом:

— Как ты посмела рисковать своей жизнью и жизнью Рамот'ы? Почему ты все делаешь мне назло? Или тебе не ясно, что случится с Перном, если мы потеряем королеву? Где ты была? — при каждом вопросе он тряс ее так, что у девушки дергалась голова.

— В Руате, — выдавила Лесса, стараясь удержаться на ногах. Она попыталась схватить его за руки, но всадник тряхнул ее снова.

— В Руате? Мы были там — и не нашли тебя! Куда ты отправилась?

— В Руат! — закричала Лесса, отчаянно цепляясь за него. Ноги ее подгибались, мысли путались от непрерывной тряски.

«Она действительно была в Руате», — раздался бесплотный голос Мнемента.

«Мы летали туда дважды», — уточнила Рамот'а.

Слова драконов, спокойные и холодные, дошли до сознания Ф'лара, и он перестал трясти Лессу. Обессиленная, девушка повисла в его руках, глаза ее были закрыты, лицо смертельно побледнело. Ф'лар поднял ее и бросился в вейр королевы; драконы последовали за ним. Опустив Лессу на ложе, он плотно закутал ее в меховое покрывало, подошел к шахте подъемника и велел прислать наверх горячего кла. Затем Ф'лар повернулся к девушке.

— Ну, что же все-таки случилось? — спросил он.

Лесса не смотрела на него, но Ф'лар заметил, как ее беспокойный взгляд бежал комнату. Она несколько раз моргнула, словно пыталась стереть проплывавшие перед глазами видения.

Наконец, немного успокоившись, девушка тихо прошептала:

— Я действительно была в Руате. Только... я была в прежнем Руате.

— В прежнем Руате? — с удивлением повторил Ф'лар; гнев и раздражение моментально покинули его.

«Да, это не подлежит сомнению», — подтвердил Мнемента, посылая своему всаднику несколько картин, заимствованных из памяти Рамот'ы. Потрясенный, Ф'лар медленно опустился на край постели и всмотрелся в бледное лицо девушки.

— Ты была в Промежутке между временами?

Она медленно кивнула. Ужас в ее глазах начал таять.

— Промежуток между временами, — пробормотал Ф'лар. — Интересно...

Мысли у него в голове скакали и мчались, словно струи горного потока в тесном ущелье. В борьбе за выживание открытие Лессы вполне могло склонить чашу весов в пользу Вейра. Он еще не придумал, как использовать такую замечательную возможность, но был уверен, что Племя Крылатых должно извлечь из нее пользу.

В шахте загрохотал подъемник. Всадник снял с его платформы кувшин и налил две кружки. Руки Лессы дрожали так сильно, что она не могла поднести напиток к губам. Ф'лар помог ей, раздвигая над тем, не связан ли сильный шок с перемещением в Промежутке между временами. Если подобное путешествие вызывает такие последствия, вряд ли здесь удастся что-либо выиграть.

Теперь Лессу била дрожь. Он обнял ее, ощутив сквозь мех тепло хрупкого тела, и заставил сделать несколько глотков. Дрожь постепенно стихала; отхлебнув кла, девушка сделала несколько глубоких вдохов, медленных и трудных, пытаясь успокоиться. Ф'лар почувствовал, как напряглись ее плечи, и опустил руку. «Ощущала ли она привязанность хоть к кому-нибудь после того, как Фэкс захватил Руат? — подумал Ф'лар. — Скорее всего, нет, если говорить о людях. Ей исполнилось тогда одиннадцать, совсем ребенок... Неужели ненависть и жажда мести были единственными чувствами, которые испытывала взрослевшая девушка?»

Она взяла кружку из его пальцев, сделала глоток и опустила, осторожно покачивая в ладонях, словно хрупкий глиняный сосуд, заключал в себе что-то важное.

— Рассказывай, — спокойно произнес Ф'лар.

Она снова сделала долгий глубокий вдох и начала рассказ, сжимая кружку побелевшими пальцами. Ф'лар чувствовал, что смятение еще не покинуло ее; просто теперь она могла его контролировать.

— Нам с Рамот'ой надоели эти ребяческие упражнения, — чистосердечно призналась девушка.

Возможно, это приключение заставит ее стать осмотрительней, но вряд ли сделает более послушной, мрачно отметил Ф'лар. Он сильно сомневался, что такие обстоятельства вообще существуют.

— Я передала Рамот'е картину Руата... я хотела попасть туда. — Она не смотрела на Ф'лара, низко склонив голову. — Мне вспомнился Руат — таким, как во времена моего детства... и я нечаянно отправила Рамот'у в тот... в тот день, когда напал Фэкс.

Теперь Ф'лару стала ясна причина ее потрясения.

— И... — подсказал он, стараясь говорить спокойно.

— И я увидела себя... — Голос ее сорвался. Прикрыв глаза ладонью, она с усилием продолжала: — Я послала Рамот'е мысленный образ холда... если смотреть с высоты, со скал над ямами для огненного камня... Мы появились над ними... Начинало светать, и в небе не было Алой Звезды. — Она опустила руку и бросила на всадника быстрый взгляд, словно ожидала возражений. — Я увидела людей... много людей... они крались мимо ям, потом начали спускать лестницы к верхним окнам холда... Я видела, как часовой на башне наблюдал за ними... Просто наблюдал! — Лесса стиснула зубы, и в глазах ее сверкнула ненависть. — И я увидела себя... девочку, бежавшую в логово стража... А знаешь, почему он не поднял тревогу? — Голос ее понизился до шепота.

— Почему же?

— В небе парил дракон... дракон Лессы Руатанской! — Она отшвырнула кружку на покрывало, словно желая таким же образом избавиться от горького знания. — И страж не издал ни звука... бедный глупый зверь... он думал, что все в порядке, раз в небе находится кто-то из рода руатанских властителей... А значит, я сама, — тело ее напряглось, судорога пробежала по лицу, — именно я виновата в том, что вырезали мою семью... Не Фэкс! Если бы я не совершила эту глупость... если бы меня и Рамот'ы там не было и страж поднял тревогу...

Казалось, сейчас у нее начнется истерика. Ф'лар резко ударил девушку по щеке, потом, схватив вместе с покрывалом, сильно встряхнул. Гнев его давно прошел, уступив место щемящей нежности и беспокойству. Да, она была непокорной, неуправляемой, упрямой — но это привлекало его не меньше, чем ее странная сумрачная прелесть. Ее капризы могли привести в бешенство кого угодно — но они являлись неотъемлемой частью ее натуры, ее индивидуальности, ее души... Сегодня ей пришлось пережить страшное потрясение; и чем быстрее она сможет восстановить присущую ей твердую уверенность, тем лучше.

— Послушай, Лесса, — резко произнес Ф'лар, — Фэкс все равно перебил бы твою семью. Он тщательно спланировал нападение и нанес удар именно в то утро, когда на башне дежурил подкупленный часовой... он сумел найти такого среди охраны Руата. Вспомни, ведь уже рассвело, а страж порога — ночной зверь и плохо видит при свете дня. Твое присутствие там ничего не изменило; в любом случае оно не было решающим фактором. Все, что ты сделала — и это очень важное обстоятельство, — ты спасла се-

бя, невольно послав предупреждение ребенку, которым была в то время. Что же здесь плохого?

— Я могла бы крикнуть, — обреченно пробормотала Лесса, но безумный блеск в ее глазах погас, и лицо слегка порозовело.

— Что ж, если тебе доставляет удовольствие мучить себя... — Он пожал плечами с показным безразличием.

«Ничего нельзя изменить, — добавила Рамот'а. — Мы посетили Руат, затем Фэкс захватил его. Значит, оба события были неизбежны — как в тот день, тринадцать Оборотов назад, так и сегодня. Иначе каким образом смогла бы Лесса выжить — а потом появиться в Вейре, чтобы пройти вместе со мной, Рамот'ой, обряд Запечатления?»

Ф'лар испытующе посмотрел на Лессу, пытаясь понять, какое впечатление произвела на нее отповедь королевы.

— Рамот'а любит оставлять за собой последнее слово, — сказала девушка, и тень прежней насмешливой улыбки мелькнула на ее губах.

Ф'лар позволил себе немного расслабиться. Пожалуй, с ней все будет в порядке, решил он, но нужно заставить ее выговориться до конца, чтобы выяснить все обстоятельства этого странного происшествия.

— Ты сказала, что вы посетили Руат дважды. — Он откинулся на подушку, пристально наблюдая за девушкой. — Когда же во второй раз?

— Угадай, — сказала она; ее губы снова дрогнули в улыбке.

— Не знаю, — солгал Ф'лар.

— Мы попали в то утро, когда я проснулась с ощущением угрызения, которую несет Алая Звезда... За три дня до того, как вы с Фэксом появились с северо-запада.

— Можно предположить, — заметил Ф'лар, — что оба раза ты была обязана этими предчувствиями самой себе.

Она кивнула.

— У тебя возникали еще такие предчувствия... или, скажем определеннее, предостережения?

Лесса вздрогнула; в ее ответе прозвучал былой сарказм:

— Нет; но если хочешь испытать такое, отправляйся туда сам. Я больше не хочу.

Ф'лар сердито нахмурился.

— Мне хотелось бы, однако, знать, — торопливо добавила Лесса, — как все это могло случиться?

— Я никогда не сталкивался с упоминанием о подобном событии, — чистосердечно признался Ф'лар. — Но раз ты это сделала — значит, это возможно. Ты говоришь, что представила Ру-

ат — таким, каким он выглядел в определенный день. Конечно, день должен запомниться. Ты думала о весне, о предрассветном времени, о ямах для огненного камня — помню, ты говорила об этом... Значит, как обычно, нужно указать ориентиры такого знаменательного дня, чтобы перенестись в прошлое через Промежуток между временами.

Девушка задумчиво кивнула.

— Второй раз ты действовала таким же образом, чтобы попасть в Руат — в тот Руат, который ты запомнила три Оборота назад... И снова была весна...

Он потер ладони, затем звонко хлопнул ими по коленям и встал.

— Я вернусь, — сказал он и вышел из комнаты, не обращая внимания на ее предостерегающий вскрик.

Ф'лар прошел мимо Рамот'ы, уже свернувшейся в своем вейре. Несмотря на утомительные утренние упражнения, шкура ее отливала золотом. Королева проводила его сонным взглядом; ее сияющие глаза уже затягивала пленка внутреннего века.

Мнемент' ждал своего всадника на карнизе. Как только Ф'лар оказался на шее дракона, зверь кругами взмыл вверх и завис над Звездной Скалой.

«Ты хочешь повторить трюк Лессы», — уверенно сообщил Мнемент'; казалось, его не смущает предстоящее путешествие.

Ф'лар нежно похлопал по громадной изогнутой шее.

«Ты понимаешь, что сделали Рамот'а и Лесса?»

«Кто угодно способен это понять, — ответил бронзовый, совершая некое мысленное движение, сходное с пожатием плеч. — В какое время ты хочешь попасть?»

Об этом Ф'лар не имел ни малейшего представления. Теперь же память вернула его в тот летний день, когда бронзовый Хат' догнал в брачном полете Неморт'у — в день, когда Р'гул стал предводителем Вейра вместо его отца, Ф'лона.

Только обжигающий холод Промежутка подтвердил, что перенос совершен; они по-прежнему парили над Звездной Скалой. Ф'лар забеспокоился — ему показалось, что они потерпели неудачу. Затем он ощутил по-летнему теплый воздух и увидел, что солнце давно перевалило за полдень. Лежащий внизу Вейр казался безлюдным; не видно было ни драконов, греющихся на карнизах, ни женщин, занятых своими делами у входов в нижние пещеры.

Вдруг со стороны тоннеля, ведущего в помещения молодняка, появились две фигуры — подросток и молодой бронзовый дракон. Рука мальчика безвольно касалась шеи зверя; он шел, едва

переставляя ноги. Чувство глубокого горя и подавленности окутало парящих в вышине наблюдателей. Пара остановилась у озера; мальчик, не отводя глаз, долго смотрел в тихие голубые воды, затем повернул голову в сторону королевского вейра.

Ф'лар знал, что этим мальчиком был он сам. Сожаление охватило его. Если бы он мог утешить подростка, переполненного обидой и горем... если бы он мог сказать ему, что власть над Вейром вернется к роду Ф'лона...

Внезапно, словно испугавшись этих мыслей, Ф'лар приказал Мнемент'у вернуться назад. Ледяное дыхание Промежутка обожгло лицо и тут же сменилось порывом знобящего зимнего ветра.

Мнемент' широко распростер крылья, медленно планируя вниз, к вейру молодой королевы. Оба — и всадник, и дракон — хранили молчание, потрясенные мелькнувшим видением прошлого.

Глава 2

Во славу Вейра и на благо Холда
Взмывайте вверх, за вашей королевой.
Стремительней, чем молния из злата,
Летит она, пронизывая небо.

Ее догонит лишь один счастливец
И воедино с золотой сольется.
Три месяца продлится ожиданье
И пять недель, томительных и жарких.

И будет день — торжественный, счастливый,
Великий день — Рождение драконов,
Которым суждено парить над Перном
Во славу Вейра и на благо Холда.

— Не понимаю, зачем ты велел Ф'нору привезти эту рухлядь из Исты, — раздраженно воскликнула Лесса. — Здесь нет ничего, кроме скучных записей о количестве мер зерна, что пошли на выпечку хлеба за день.

Ф'лар поднял на нее глаза, оторвавшись от старого пергамента. Вздохнув, всадник откинулся в кресле и потянулся так, что затрещали кости.

— А я-то думала, — сказала Лесса, и на ее узком подвижном лице проступило уныние, — что такие священные хроники — кладезь человеческой мудрости, вершина знаний о драконах. Во всяком случае, меня учили верить в это, — ядовито добавила она.

— Правильно, — усмехнулся Ф'лар. — Только нужные знания нам предстоит откопать.

Лесса сморщила нос:

— Фу... Они пахнут так, словно кожа выделана нашими ремесленниками, но полсотни Оборотов назад... Думаю, лучше всего было бы закопать их поглубже.

— Вот еще один вопрос, который я надеюсь выяснить: старый метод предохранения пергамента от тления.

— Нелепо использовать для записей пергамент. Должно же быть что-то получше... Мы становимся, дорогой мой предводитель Вейра, слишком привязанными к кожа и шкурам.

Ф'лар расхохотался, но девушка смотрела на него с бесстрастной серьезностью. Вдруг она вскочила, воспламененная новой идеей:

— Знаешь, ты ничего тут не найдешь. Тех указаний и фактов, которые ищешь. Я ведь догадываюсь, что именно ты хочешь обнаружить... но этого в Записях просто нет!

— Пожалуйста, объясни.

— Пора смириться с неприятной истиной!

— Какой же?

Она отмахнулась от его вопроса и возбужденно продолжала:

— Мы оба решили, что Алая Звезда несет угрозу и вскоре появятся Нити. Но что лежит в основе такого предположения? Только наше тщеславие и жажда власти! Затем мы отправились в более ранние времена, в самые критические моменты твоей жизни и моей... и невольно убедили в этом самих себя. Ты, например, внушил подростку Ф'лару, что ему назначено судьбой стать предводителем Вейра, — в словах ее прозвучала явная насмешка. — Возможно, — продолжала она, сделав паузу, — наш осторожный Р'гул прав в своих сомнениях, и никаких Нитей больше не существует. Вот почему драконов осталось так мало... они просто чувствуют, что больше не нужны Перну. Как и мы — древний пережиток... паразиты.

Ф'лар не мог сказать, сколько времени он сидел молча, глядя в ее лицо, возбужденное и презрительное, и размышляя над ответом.

— Все возможно, госпожа Вейра, — раздался наконец его спокойный голос. — Даже то, что одиннадцатилетняя девочка, напуганная до смерти, сумела составить план мести убийце, уничтожившему ее семью, и добиться успеха. Хотя шансы ее были близки к нулю.

Она невольно подалась вперед, пораженная его словами.

— Я хотел бы верить, — твердо продолжал всадник, — что в

жизни есть более важные вещи, чем выращивание драконов и участие в весенних Играх. Мне этого мало. И я заставил других взглянуть дальше... за пределы сегодняшнего дня, сиюминутных интересов и мелких проблем. Я дал им цель, дело. Надеюсь, это пошло всем на пользу — и всадникам, и обитателям холдов.

Ф'лар положил ладонь на кипу громоздящихся на столе старых пергаментов. Лицо его было спокойным и задумчивым.

— Я не ищу в этих Архивах оправдания своим действиям; мне нужны факты. Тут написано, что были длинные Интервалы, во время которых Вейры приходили в упадок... что Алая Звезда пройдет близко к Перну и сбросит Нити, если в день зимнего солнцестояния ее видно сквозь отверстие в Глаз-Камне... Эти факты — наше древнее знание, и я верю в них... верю, что Перн в опасности. Это моя уверенность... моя, а не того юнца, которым я был пятнадцать Оборотов назад. Я, Ф'лар, бронзовый всадник, предводитель Вейра, уверен в этом!

Он увидел, как в глазах Лессы мелькнула тень сомнения, но почувствовал, что его аргументы начинают ее убеждать.

— Однажды ты поверила мне, — мягко произнес он, — когда я обещал, что ты станешь госпожой Вейра. Ты поверила — и теперь... — Он обвел широким жестом зал Архивов — как доказательство своих слов.

На губах Лессы мелькнула слабая улыбка.

— Я пошла за тобой потому, что не знала, как жить дальше... что мне делать после того, как я увидела Фэкса мертвым у моих ног.

Ф'лар отодвинул в сторону толстый журнал и, облокотившись о стол, подался к девушке. Глаза его сверкнули.

— Верь мне, Лесса, пока не появятся факты — реальные факты, а не рассуждения, способные разрушить твою веру. Я уважаю твои сомнения; в них нет ничего плохого. Сомнения иногда ведут еще к большей вере. Подожди до весны. И если к тому времени не упадут Нити... — Он пожал плечами.

Лесса долго смотрела на всадника, потом медленно склонила голову в знак согласия. Ф'лар постарался скрыть вздох облегчения. Лесса, как убедился Фэкс, была безжалостным противником. Но она могла стать и мудрым союзником.

— А теперь вернемся к нашим скучным Записям. — Он улыбнулся девушке. — Они, знаешь ли, многое говорят мне — о месте, времени, длительности атак Нитей.

— Но ты же искал сроки, когда начнется их падение...

— Во всяком случае, не сейчас. Когда держится такой холод, Нити становятся ломкими и превращаются в пыль, которую сно-

сит ветер. Сейчас они безвредны. Однако в теплом воздухе — жизнеспособны и смертельно опасны. Посмотри. — Ф'лар, сжав кулаки, развел их в стороны. — Моя правая рука — Алая Звезда; левая — Перн. Алая Звезда вращается в противоположном нам направлении и очень быстро... — Он покрутил кулаком, приподняв его.

— Откуда ты знаешь это?

— Из схемы, вырубленной на стене Форт-Вейра. Вспомни, Форт — самый первый Вейр.

Лесса кивнула.

— Итак, Звезда проходит около Перна, и Нити срываются вниз волнами, каждая из которых падает в течение шести часов. Они следуют друг за другом с интервалом в четырнадцать часов...

— Атаки продолжаются по шесть часов?

— Да, — кивнул Ф'лар, — когда Алая Звезда ближе всего к нам.

Он начал рыться в листах пергамента на столе, и какой-то предмет с металлическим звоном упал на каменный пол. Лесса с любопытством потянулась за ним; в ее руках оказалась тонкая блестящая пластинка.

— Что это? — Она провела пальцем по четкому рисунку на одной стороне пластины.

— Не знаю. Ф'нор привез это из Форты. Пластинка была прибита к крышке сундука с Записями. Ф'нор подумал, что на ней может оказаться что-то важное, и прихватил с собой. Он сказал, что такая же пластинка врезана в каменную стену под чертежом с Алой Звездой.

Лесса вертела пластинку в руках, пытаясь разобрать древние письмена.

— Начало тут вполне понятное: «Отец отца матери, который навечно отбыл в Промежуток, сказал, что знает ключ к тайне. Мысль явилась к нему в час съесты — и он произнес то, что произнес: АРРЕНИУС? ЭВРИКА! МИКОРИЗА...» Да тут — полная бессмыслица, — фыркнула Лесса. — Съесты и эти три последних слова... таких ведь нет в перинитском языке!

— Я размышлял над этим текстом, — сказал Ф'лар, бросив взгляд на пластинку, словно хотел еще раз убедиться в правильности своих выводов. — Отбыть навечно в Промежуток — значит умереть — так? Люди не улетают туда навсегда по своей воле. Значит, перед нами предсмертные слова, послушно записанные правнуком... который к тому же не слишком хорошо владел стилем. Написать «в час съесты» вместо «в час смерти»... — Он снисходительно улыбнулся. — Что касается остальной части надписи, которая идет после этой нелепицы, то она, как всякий пред-

смертный бред, раскрывает тайны, хорошо известные нам. Читай дальше.

— «Извергающие пламя огненные ящерицы способны уничтожать гифы. Итак — *quod erat demonstrandum*, что и требовалось доказать!» Что это?

— Трудно сказать. Возможно, наивная радость древнего всадника, впервые столкнувшегося со способностями драконов. Но он даже не знает правильного названия для Нитей. — Ф'лар пожал плечами.

Лесса внимательно рассматривала пластинку. Блестящий гладкий металл мог заменить зеркало, если бы его не покрывали строки текста и нанесенные ниже рисунки. Смочив кончик пальца, она попыталась стереть надпись. Однако буквы оставались четкими.

— Возможно, они были наивными, но их способ записи превосходит все, что я видела. Текст отлично сохранился, — пробормотала девушка.

— Отлично сохранившийся бред, — прокомментировал Ф'лар, возвращаясь к своим пергаментам.

— Может быть, это отрывки старой Баллады, — предположила Лесса, со вздохом откладывая пластинку. — И тут какой-то рисунок... непонятный и не очень красивый.

Ф'лар расстелил на столе карту, изображавшую Северный континент Перна, исчерканный горизонтальными стрелками.

— Посмотри, — сказал он, — здесь представлены направления атак, а на этой карте, — он вытащил второй лист, на котором континент покрывали вертикальные линии, — нарисованы часовые пояса. Ты можешь убедиться, что только определенные участки Перна подвергаются нападениям с четырнадцатичасовым перерывом. На основе этой схемы были размещены Вейры.

— Шесть Вейров, — пробормотала Лесса, — две-три тысячи драконов...

— Я знаю, — подтвердил Ф'лар бесстрастно. — Таким образом, любой из Вейров мог отбить самую свирепую атаку. Но это не значит, что нам нужно не менее двух тысяч зверей. Пользуясь этими графиками, мы сможем продержаться, пока не повзрослеют первые выводки Рамот'ы.

Лесса с недоумением взглянула на него.

— Не слишком ли ты рассчитываешь на ее возможности?

— Я больше рассчитываю на факты, которые зафиксированы в этих Архивах! — нетерпеливо отмахнулся Ф'лар. — Я говорю, конечно, не о количестве мер зерна, пошедших на выпечку хлеба. Тут есть и другое. Время, когда крылья вылетали на патрули-

рование, длительность полетов, количество раненых всадников... Скорость размножения в период Прохождения, который длится почти пятьдесят Оборотов, и темп их воспроизводства в Интервалах... Да, здесь все сказано. Из того, что я здесь вычитал, — он с силой хлопнул ладонью по стопке пыльных пергаментов, — следует, что Неморт'а должна была спариваться дважды за Оборот в течение последних десяти. И если бы каждый раз она приносила свою дюжину яиц, мы имели бы теперь на двести сорок драконов больше... Однако госпожой Вейра у нас была Йора, а предводителем — Р'гул, и за время долгого Интервала мы впали в немилость у всей планеты... — Он сделал паузу, затем махнул в сторону коридора, ведущего в королевский вейр. — Но теперь у нас есть Рамот'а — и она принесет не жалкую дюжину, она отложит золотое яйцо, попомни мои слова! Она будет часто подниматься в брачный полет и давать обильное потомство. Когда Алая Звезда подойдет к нам ближе всего и атаки станут частыми, мы будем готовы.

Лесса уставилась на всадника, ее глаза недоверчиво расширились.

— Благодаря Рамот'е?

— Да, и благодаря королевам из ее выводков. Не веришь? Тогда прочитай в Архивах о Фарант'е, приносившей по шестьдесят яиц за раз, и среди них — несколько королевских!

Изумленная Лесса медленно покачала головой.

— Вспомни: «И будет день — торжественный, счастливый, Великий день — Рождение драконов», — нараспев произнес Ф'лар.

— Но до кладки еще много недель, а потом яйца должны созреть...

— Ты навещала в последние дни площадку Рождений? Советую надеть сапоги. Сквозь подошву сандалий песок обожжет тебе ноги.

Он откинулся в кресле, забавляясь ее озадаченным видом. Лесса покачала головой.

— Но тебе еще нужно провести обряд Запечатления и подождать, пока вырастут всадники...

— А как ты думаешь, почему я стараюсь найти мальчиков постарше? Драконы взрослеют намного раньше своих всадников.

— Но ты нарушаешь традиции...

Он прищурил глаза, играя стилем.

— Эти традиции возникли много поколений назад... Но приходит время, когда человек становится слишком привержен традициям, слишком — как ты сказала? — слишком привязан к шкурам. Да, древние Законы рекомендуют использовать детей, ро-

дившихся в Вейре, — потому что это удобнее. Способности к общению с драконами усиливаются, если отец и мать выросли в Вейре. Но не всегда воспитанник Вейра — лучший. Ты, например...

— В роду руатанских властителей текла кровь Вейра, — гордо сказала Лесса.

— Разумеется. Но посмотри на молодого Натона — он вырос в мастерских Набола и все же, как говорил мне Ф'нор, может понять Кант'а.

— О, это совсем не трудно, — перебила Лесса и тут же прикусила язык.

— Что ты имеешь в виду? — Ф'лар в изумлении поднял брови. — Неужели...

Его перебил пронзительный трубный рев. Мгновение он напряженно прислушивался, затем с улыбкой пожал плечами.

— Опять гоняются за какой-то зеленой...

— Еще один вопрос, на который твои Архивы не дают ответа. Почему только золотой дракон способен к размножению?

— Ну, во-первых, огненный камень подавляет у самок способность к воспроизводству, — ответил Ф'лар. — Если бы зеленые не жевали камень, они тоже могли бы откладывать яйца. Но их приплод слишком мелкий, а нам нужны крупные звери. А во-вторых, — продолжал всадник с озорной улыбкой, — если бы зеленые могли размножаться, то, учитывая их количество и любвеобильность, мы мигом оказались бы по уши в драконах.

К трубному реву первого дракона присоединился другой, затем — третий, четвертый, пока их голоса не слились в громоподобный низкий гул, который, казалось, порождали сами скалы Вейра. Удивление на лице Ф'лара сменилось торжеством. Он вскочил и бросился к проходу на карниз.

— В чем дело? — закричала Лесса, подбирая длинный подол платья и устремляясь следом. — Что происходит?

В вейре королевы гул, отраженный от стен, стал оглушающим. Лесса увидела, что каменное ложе Рамот'ы опустело. Где-то впереди в коридоре она слышала топот сапог Ф'лара. Рев превратился в вой — высокий, почти на пороге слышимости. У Лессы заложило в висках; обеспокоенная и испуганная, она побежала за Ф'ларом.

Когда она очутилась на карнизе, чаша гудела от грохота крыльев драконов, устремившихся к верхнему входу на площадку Рождений. К обрамленному аркой нижнему входу текли возбужденные, галдящие обитатели Вейра — всадники, женщины, дети. Лесса заметила Ф'лара, пробравшегося сквозь толпу, и крикну-

ла, чтобы он подождал ее. Но Ф'лар, конечно, ничего не услышал в царившем вокруг шуме.

Лесса торопливо направилась к лестнице. Она кипела от ярости; ей пришлось спуститься вниз, к площадке для кормления, а затем снова подняться по каменным ступеням, ведущим к проходу на площадку Рождений. Взираясь по лестнице, Лесса сообразила, что она, госпожа Вейра, прибудет на место одной из последних.

Почему же Рамот'а не сообщила, что ее время подошло? Неужели она не хотела видеть Лессу в такой момент?

«Дракон знает, что надо делать», — достигла ее сознания спокойная мысль Рамот'ы. «Ты могла хотя бы сказать мне!» — чуть не вскричала вслух Лесса; она чувствовала себя оскорбленной. Ф'лар рассказывал ей байки о легендарных королевах древности и их огромном потомстве — а в это время ее Рамот'а откладывала первое яйцо! Такой поворот событий мог вывести из себя кого угодно!

Тут Лесса вспомнила замечание Ф'лара о состоянии песчаной площадки Рождений. Она вступила в огромный каменный зал и сразу же почувствовала жар сквозь подошвы сандалий. Люди широким кругом толпились в дальнем конце пещеры, переминаясь с ноги на ногу. У Лессы возникло подозрение, что она вообще ничего не увидит; шеренги рослых всадников отгораживали от нее Рамот'у.

— Пропустите меня! — громко закричала она, колотя маленькими кулачками в широкие спины мужчин.

Всадники расступились, образовав проход, и она двинулась к площадке Рождений — не глядя по сторонам, сердитая и взъерошенная. Горячий песок заставлял идти торопливым семенящим шагом, и Лессе казалось, что она выглядит нелепо в такой важный момент.

Внезапно она остановилась, забыв про обжигающий ноги песок. Перед ней сверкала целая груда драконьих яиц. Рамот'а золотистым кольцом свернулась вокруг кладки; она выглядела одновременно довольной и встревоженной. Ее огромное крыло непрерывно двигалось, то открывая, то снова прикрывая яйца, так что их трудно было сосчитать.

«Никто их не тронет, глупышка! Перестань суетиться», — передала Лесса.

Рамот'а послушно сложила крылья. Однако ее материнское беспокойство, по-видимому, требовало выхода — она вытянула шею над кучей пестрых яиц, оглядывая пещеру и время от времени выбрасывая длинный, раздвоенный на конце язык.

Мощный вздох, словно порыв ветра, пронесся под сводами каменного зала. Теперь, когда Рамот'а сложила крылья, среди пестрых яиц можно было разглядеть одно очень крупное — сияющее ярким золотом. Королевское яйцо!

Кто-то схватил Лессу за плечи и от избытка чувств закружил в танце. Горячие губы прижались к ее щеке. Не успела девушка коснуться земли, как опять попала в чьи-то объятия — ей показалось, к Маноре. Ее поздравляли, перебрасывали из рук в руки, обнимали, толкали — пока она, измученная этим гамом, суетой и болью в ногах, не начала энергично пробираться вперед.

Лесса вырвалась из ликующей толпы и перебежала через площадку к Рамот'е. Склонившись над яйцами, она заметила, что их скорлупа кажется мягкой; они еле заметно пульсировали, полные не видимой пока жизни. Лесса могла поклясться, что в день Запечатления Рамот'ы скорлупа яиц была твердой. Ей хотелось коснуться их и проверить свое наблюдение, но она не осмелилась.

«Можешь потрогать», — снисходительно разрешила Рамот'а, ласково коснувшись языком плеча девушки.

Яйцо на ошупь было мягким, и Лесса отдернула руку, опасаясь его повредить.

«Они скоро затвердеют от тепла», — сообщила Рамот'а.

— Я так горжусь тобой, — полушепотом выдохнула Лесса, с любовью всматриваясь в огромные сияющие глаза своей подруги. — Ты самая замечательная из всех королей! Ты сможешь заселить драконами все пустые Вейры — я уверена!

Рамот'а царственно склонила голову, затем, изогнув гибкую шею, удовлетворенно оглядела свои сокровища. Внезапно она громко зашипела, приподнялась и захлопала крыльями; через мгновение к сверкающей груди добавилось еще одно яйцо.

Песок обжигал ноги, и обитатели Вейра, выразив почтение королеве, начали расходиться. Рамот'е требовалось несколько дней, чтобы завершить кладку, и ждать не было смысла. Рядом с золотым уже лежали семь яиц, что предвещало солидный итог. Пока всадники заключали пари, Рамот'а отложила девятое пестрое яйцо.

— Как я и предполагал, королевское яйцо, клянусь Скорлупой! — услышала Лесса над ухом голос Ф'лара. — Готов поспорить, что будет не меньше десятка бронзовых!

Лесса заглянула в сверкающие торжеством глаза всадника; сейчас ее переполнял такой же восторг. Она повернула голову и увидела Мнемент'а, гордо восседавшего на скальном уступе.

Почти произвольно Лесса накрыла своей ладонью большую руку Ф'лара.

— Я верю в тебя, верю, — шепнула девушка.

— Только теперь? — насмешливо спросил Ф'лар, но глаза его светились лаской, и широкая, мальчишеская улыбка расплывалась на лице.

Глава 3

Всадник, ищи и учись, наблюдай,
Ни Оборота не потеряй!
Бойся ошибок на старом пути —
Думай и пробуй, чтоб правду найти.

В течение следующих месяцев распоряжения Ф'лара вызывали среди обитателей Вейра бесконечные споры и ропот. Лессе, однако, они казались логичным продолжением их разговора, состоявшегося в тот день, когда Рамот'а начала кладку. Она принесла сорок одно яйцо.

Ф'лар ломал старые традиции — и это не нравилось многим, не только консервативному Р'гулу.

Лесса, питавшая стойкое отвращение к избитым истинам, упорно поддерживала Ф'лара. Она все больше верила ему — по мере того, как его предсказания одно за другим сбывались. И в их основе лежали не смутные предчувствия, которым девушка больше не доверяла после путешествия в прошлое, а реальные факты.

Как только скорлупа яиц затвердела, Ф'лар привел будущих всадников на площадку Рождений. Очень немногие из этих шестидесяти с лишним ребят были воспитаны в Вейре; большинству из них уже исполнилось шестнадцать. Подросткам следовало привыкнуть к виду яиц и к мысли, что скоро из них появятся на свет молодые драконы, жаждущие обрести друга. Раньше, согласно обычаю, мальчики впервые видели яйца в день Запечатления. Взволнованные и слишком перепуганные, они часто получали ранения лишь из-за того, что не догадывались уступить дорогу неуклюжим новорожденным.

На Лессу была возложена особая задача. Ей удалось уговорить Рамот'у, чтобы та разрешала приближаться к драгоценному золотому яйцу Киларе. Что касается самой Килары, то ее не пришлось долго упрашивать. Отняв своего сына от груди, она часами пропадала на площадке Рождений вместе с Лессой. Несмотря на привязанность, которую молодая женщина питала к Т'бору, она

явно предпочитала ему общество Ф'лара. Так что Лесса с удвоенной энергией помогала осуществлению планов предводителя Вейра в отношении Килары: успех означал отъезд соперницы вместе с молодой королевой в Форт-Вейр.

Поиски способной молодежи, которые, по указанию Ф'лара, проводились во всех холдах, имели кое-какие отрицательные последствия. Незадолго до обряда Запечатления Лайтол, управляющий Руата, прислал еще одно письмо.

— Кажется, он получает удовольствие, сообщая плохие новости, — сказала Лесса, когда Ф'лар вручил ей пергамент с посланием.

— Он мрачный человек, — согласился Ф'нор, только что прилетевший из Руата. — Жаль малыша, ему приходится расти под присмотром такого пессимиста!

Лесса хмуро взглянула на коричневого всадника. Ей по-прежнему было неприятно любое упоминание о сыне Геммы, который владел теперь ее родовым холдом. Но все же... все же... Она словно чувствовала себя виновной в смерти его матери — кому же, как не ему, Джексому, пристало править в Руате? И, кроме того, она не могла одновременно владеть холдом и оставаться госпожой Вейра.

— Думаю, нам следует благодарить Лайтола за это предостережение, — сказал Ф'лар. — Я подозревал, что Мерон еще доставит нам неприятности.

— У него алчные глаза, как у Фэкса, — заметила Лесса.

— Не стану спорить, — ответил Ф'лар, — и готов признать, что он опасен. Я не могу позволить ему распространять лживые слухи — что мы-де умышленно забираем в Бенден юношей благородного происхождения, чтобы обескровить древние роды. — Ф'нор фыркнул. — Среди них гораздо больше сыновей ремесленников, чем отпрысков благородных семейств!

— Он слишком много болтает о том, что Нити никогда не появятся, — сказала Лесса, раздраженно швырнув пергамент на стол.

— Появятся — в свое время, — спокойно произнес Ф'лар. — Мы получили отсрочку благодаря холодной погоде. Вот если они не появятся весной, тогда будет причина для беспокойства. А пока... — Он пожал плечами и, задумавшись на мгновение, сказал: — Впрочем, мы можем кое-что предпринять, чтобы заткнуть рот Мерону...

Итак, когда приблизился срок Запечатления, он нарушил еще одну традицию, разослав всадников за отцами юношей, которым предстояло пройти обряд.

Громадная пещера оказалась почти заполненной, когда холдеры и обитатели Вейра расселись на каменных скамьях, ярусами поднимавшихся над горячим песком площадки Рождений. Лесса заметила, что на этот раз подростки не испытывали страха. Конечно, они казались взволнованными и напряженными, но смертельного ужаса не было и в помине. Когда молодые драконы, едва координируя свои движения, заковыляли по площадке, Лессе почудилась некая целенаправленность в их движениях — словно их запечатлили заранее. Юноши либо отходили в сторону, либо с готовностью выступали вперед, когда удовлетворенно урчащий новорожденный делал свой выбор. Запечатление происходило быстро и без несчастных случаев. И вскоре торжественная процессия из спотыкающихся молодых драконов и охваченных гордостью юных всадников потянулась с площадки Рождений к помещениям молодняка. Затем из своей скорлупы вырвалась королева и, под одобрителный свист драконов, без ошибочно двинулась к Киларе.

— Все закончилось слишком быстро, — разочарованно сказала Лесса Ф'лару вечером.

Он довольно рассмеялся, пользуясь редкой возможностью расслабиться после напряженного дня. Все прошло так, как было запланировано. Людей из холдов уже развезли по домам — потрясенных, трепещущих, восхищенных честью, которую оказали им Вейр и его предводитель.

— Потому что на этот раз все проходило под твоим наблюдением, — ответил Ф'лар, пытаясь уложить на место прядь ее пышных волос, упавшую на лицо. Он вновь засмеялся. — А ты заметила, что Натон...

— Н'тон, — поправила она.

— Да, Н'тон... запечатлил бронзового!

— Как ты и предсказывал, — кивнула Лесса.

— А Килара со своей Придит'ой станет теперь госпожой Вейра...

Приложив героические усилия, Лесса заставила себя не обращать внимания на эти слова.

— Интересно, кто из бронзовых догонит новую королеву, — тихо пробормотал всадник.

— Будем надеяться, что Орт' Т'бора, — сухо сказала Лесса, сдерживая гнев.

Он ответил тем единственным способом, которым на его месте воспользовался бы любой благоразумный мужчина.

Пепельным снегом, угольным крошесом
Кружится черная пыль пустоты:
Смертью убитой поля запорошены —
Смертью, примчавшейся с Алой Звезды.

Лесса проснулась внезапно. В глазах у нее стоял туман, голова болела, во рту пересохло. Она попыталась восстановить череду кошмарных ночных видений, стремительно улетающих из памяти. Отбросив со лба прядь волос, она с удивлением ощутила холодящий влажный пот.

— Ф'лар, — неуверенно позвала она. Очевидно, он уже встал. — Ф'лар! — крикнула она громче.

«Он идет», — сообщил Мнемонт'. Лесса почувствовала, как дракон садится на карниз. Она коснулась сонного сознания Рамот'ы и поняла, что королеву тоже беспокоят неясные пугающие видения. Рамот'а на мгновение проснулась, затем снова провалилась в тревожный сон.

Обеспокоенная своими смутными страхами, Лесса встала и оделась, впервые пожертвовав утренним купанием. Открыв шахту подъемника, она заказала завтрак и в ожидании принялась заплетать волосы.

Поднос на платформе и вошедший Ф'лар появились одновременно. Оглянувшись через плечо, всадник посмотрел на Рамот'у.

— Что с ней?

— Отголоски моего кошмара... я проснулась в холодном поту.

— Ты спокойно спала, когда я уходил, чтобы разослать патрули. — Ф'лар недоуменно пожал плечами. Потом на лице его вспыхнуло оживление. — Знаешь, молодые драконы растут так быстро, что уже могут немножко летать. Они только едят да спят, а от этого...

— Драконы как раз и растут, — закончила Лесса, задумчиво глотая горячий дымящийся кла. — Ты будешь очень осторожно обучать их, не так ли?

— Имеешь в виду тот случай... с полетом в прошлое? — Ф'лар жестко усмехнулся. — Да, конечно, надо исключить такую возможность. Я вовсе не хочу, чтобы всадники от скуки прыгали туда-сюда по времени. — Он смерил ее пристальным взглядом.

— Ну, я была не виновата в том, что никто не научил меня летать раньше, — бросила Лесса. — С другой стороны, если бы меня обучали как положено, с самого дня Запечатления, мы никогда не узнали бы о такой возможности.

— Верно, — согласился он.

— Но я думаю, что сделанное однажды всегда кто-то может повторить... возможно, уже повторил.

Ф'лар отхлебнул и сморщился — горячий кла обжигал рот.

— Не представляю, как это осторожно выяснить. — Он нахмурил брови. — Смешно думать, что мы были первыми... в конце концов, речь идет о способности, искони присущей драконам, — иначе мы не попали бы в прошлое...

Лесса вздохнула и, подперев подбородок кулачком, уставилась в кружку с кла. Казалось, она хотела что-то сказать, но вдруг решила оставить эту тему.

— Ну, что же ты, — поощрил ее улыбкой Ф'лар.

— Знаешь... — она медлила, колеблясь, — наша уверенность в том, что Нити упадут на Перн, связана, быть может, с путешествием в прошлое... в те времена, когда Нити действительно падали... Один из нас мог... — Она подняла на Ф'лара растерянный взгляд. — Наверно, я говорю глупости?

— Милая моя девочка, нам надо теперь обдумывать каждую новую идею... каждую случайную деталь — даже твой беспокойный сон, который, мне кажется, вызван стаканом вина, выпитым за ужином... Мы должны предчувствовать опасность... не пропустить ее.

— Меня преследует мысль, что эта способность летать в Промежутке между временами... что она имеет какое-то особое значение, — задумчиво сказала Лесса.

— Вот это и есть настоящее предчувствие, дорогая моя госпожа Вейра.

— Почему же?

— Не почему, — загадочно поправил Ф'лар, — а когда.

Что-то неясное зашевелилось в глубине его сознания. Он попытался нащупать, поймать это ощущение... еще немного — и ему удастся...

Мысль Мнемента прервала размышления Ф'лара. Бронзовый доложил о прибытии Ф'нора.

* * *

— Что с тобой? — спросил Ф'лар брата, когда тот, кашляя и отплевываясь, перешагнул порог королевского вейра.

— Пыль, — коротко ответил коричневый всадник, хлопая по рукавам и груди кожаными перчатками. — Облака пыли в воздухе, но Нитей нет, — добавил он, отряхивая штаны. Клубы тонкой черной пыли медленно оседали на пол.

Внезапно Ф'лар почувствовал, как все его мышцы напряглись. Сузившимися глазами он следил за клубящейся в воздухе пылью, потом перевел взгляд на лицо Ф'нора.

— Где ты ее подцепил? — требовательно спросил он, кивнув в сторону темного облачка.

— Над Тиллеком, — удивленно ответил Ф'нор. — Пыльные бури прошли по всему северу. Но я пришел, чтобы... — Он осекся, почувствовав неестественную напряженность Ф'лара. — Да что там такое, с этой пылью? — с недоумением спросил он.

Ф'лар повернулся и бросился к лестнице, что вела в зал Архивов. Его сапоги гулко грохотали по каменному полу. Встревоченные Лесса и Ф'нор кинулись за ним.

— Ты сказал — над Тиллеком? — повторил Ф'лар, сдвигая на столе стопки пергаментов, чтобы разложить карты. — Почему ты не доложил раньше? Как долго идут эти бури?

— Докладывать о пыльных бурях? Ты же велел следить за продвижением масс теплого воздуха!

— Как долго они идут? — Голос Ф'лара внезапно стал хриплым.

— Около недели.

— Точнее!

— Первая буря прошла над верхним Тиллеком шесть дней назад. О ней сообщили из Битры, Верхнего Телгара, Крома и Плоскогорья, — кратко доложил Ф'нор.

Он с надеждой взглянул на Лессу, словно ждал от нее объяснений, но девушка тоже с напряженным вниманием изучала карты. Ф'нор уставился на них, пытаясь сообразить, для чего на изображение Северного континента Перна наложена сетка странных линий... Но это было выше его разума.

Ф'лар делал торопливые пометки, отбрасывая одну карту за другой. Наконец он выпрямился, недовольно хмурясь.

— Слишком все сложно... запутано... Тяжело все понять с ходу, — пробормотал предводитель Вейра. Он отложил стило, в задумчивости потирая подбородок.

— Но ты же приказал наблюдать за теплым воздухом... — робко сказал Ф'нор, понимая, что каким-то образом подвел брата.

Ф'лар помотал головой.

— Здесь нет твоей вины, Ф'нор. Я должен был спросить сам... — Он повернулся к коричневому всаднику, положил обе руки на его плечи и заглянул в лицо. — Нити падали, — мрачно заявил он. — Падали в морозном воздухе... замерзали и развеивались ветром... развеивались в пыль. — Он хлопнул ладонью по рукаву кожаной куртки Ф'нора.

— «Пепельным снегом, угольным крошевом...» — нараспев продекламировала Лесса. — В Балладе о полете Мореты часто упоминается черная пыль.

— Если бы Морета была с нами... — Ф'лар опять склонился над картами, в голосе его звучало сожаление. — Она могла говорить со всеми драконами любого Вейра!

— Но я тоже могу! — воскликнула Лесса.

Медленно, словно не поверив своим ушам, Ф'лар обернулся к ней:

— Что ты сказала?

— Что могу говорить с любым драконом в Вейре!

Не спуская с девушки изумленных глаз, Ф'лар медленно опустился в кресло.

— И как давно ты владеешь этой способностью? — выдавил он.

Что-то в его тоне заставило Лессу покраснеть, как провинившегося подростка.

— Я... я всегда понимала их... даже стража порога в Руате. — Она сделала невольный жест рукой к западу, в сторону родного холда. — Там я говорила с Мнементам... И когда попала сюда, я могла... — Она запнулась под холодным взглядом Ф'лара. Холодным и презрительным.

— Я думал, ты поверила в меня, согласилась помогать, — медленно произнес он.

— Прости, Ф'лар! Я не думала, что от этого может быть какая-нибудь польза...

Ф'лар вскочил на ноги, глаза его гневно сверкнули.

— Я не мог придумать, как руководить крыльями во время боя... как поддерживать связь с Вейром, чтобы вовремя получать подкрепления и огненный камень. А ты... ты нарочно скрывала...

— Не нарочно! — закричала она. — И я попросила прощения! Я жалею, что не сказала об этом раньше! Но ты... ты... самоуверенный, советуешься лишь сам с собой! Ты... ты — как Р'гул, скрываешь от меня все, не говоришь и половины того, что мне надо знать! Ты — Ф'лар, предводитель Вейра, и ты многое можешь... Откуда я знала, что ты не владеешь этим умением?

Ф'лар схватил ее за плечи и встряхнул.

— Хватит! Нам нельзя тратить время на детские споры! — Внезапно зрачки его расширились, лицо побелело. — Тратить время? Вот оно что!

— Ты хочешь отправиться через Промежуток назад? — выдохнула Лесса.

— Да, в прошлое!

— О чем вы говорите? — спросил Ф'нор. Он был совершенно сбит с толку.

Взяв стило, Ф'лар повел им вдоль горизонтальной линии на карте:

— Смотри! Сегодня на рассвете Нити начали падать на Нерат...

Ф'нор похолодел. На рассвете в Нерате? Значит, огромный лес будет уничтожен...

— Но мы отправимся назад через Промежуток между временами и будем там в момент, когда начнут падать Нити. Мы сдвинемся на два часа назад, Ф'нор! Драконы способны летать не только в то место, куда мы их направляем, но и в нужное нам время!

— Место? Время? — недоуменно повторил Ф'нор. — Но не опасно ли это?

— Возможно. Зато мы спасем Нерат! — Ф'лар повернулся к Лессе: — Поднимай Вейр! Прикажи вылетать всем драконам, старым и молодым — всем, кто может держаться в воздухе. Пусть всадники берут с собой мешки с огненным камнем.

Он наклонился над картой, потом повелительным жестом позволил Ф'нору.

— Если на рассвете Нити упали на Нерат, то сейчас наступит черед Керуна, а затем — Исты. Бери два крыла и отправляйся в Керун. Будите людей. Пусть зажигают огненный камень в ямах. Пошли несколько юношей в Исту и Айген... пусть готовятся. Я пришлю тебе подкрепление, как только смогу. Иди! — Он хлопнул брата по спине, потом стиснул пальцами толстый кожаный наплечник, задержав его на мгновение: — Да, еще... твой Кант' должен постоянно поддерживать связь с Лессой.

Ф'нор направился к выходу.

— Мнемент' сообщает, что сегодня дежурит Р'гул, и он хочет знать... — начала Лесса.

— Пошли, девочка, — сказал Ф'лар; глаза его сверкали от возбуждения.

Он схватил в охапку карты и потянул ее вверх по лестнице.

Они вошли в королевский вейр одновременно с Р'гулом и Т'самом. Пожилой всадник недовольно ворчал по поводу поднявшейся суматохи.

— Хат' велел мне поторапливаться, — раздраженно заявил он. — Виданое ли дело — твой собственный дракон начинает...

— Р'гул, Т'сам, поднимайте крылья в воздух, — прервал Ф'лар его брюзжание. — Каждый должен взять огненный камень — столько, сколько может нести дракон. Сбор — над Звездной Скалой. Я присоединюсь к вам через несколько минут. Мы отправляемся в Нерат... в предрассветный Нерат.

— Но, Ф'лар, — возразил Т'сам, глаза которого выкатились от

изумления, — рассвет в Нерате наступил два часа назад — так же, как и у нас!

— И тем не менее мы попадем именно в это время. Слушайте, всадники, и попытайтесь понять. Драконы могут перемещаться в Промежутке между временными точками точно так же, как между пространственными. Мы отправимся в прошлое, чтобы выжечь Нити в небе над Нератом!

Ф'лар двинулся в спальню, не обращая внимания на Р'гула, требовавшего подробных объяснений. Т'сам, подхватив мешки для огненного камня, понесся обратно к карнизу, рядом с которым парил его Мунт'.

— Иди же, старый глупец, — резко бросила Лесса. — Ты ошибался — Нити уже над Перном. Будь всадником — или отправляйся в Промежуток и пропади там пропадом!

Проснувшаяся Рамот'а подтолкнула пожилого всадника огромной головой, и бывший предводитель Вейра очнулся от шока. Не говоря ни слова, он повернулся и последовал по проходу за Т'самом.

Ф'лар вышел из спальни, одетый в толстую кожаную куртку, штаны и тяжелые сапоги. Махнув Лессе рукой, он сказал:

— Не забудь сообщить об атаке во все холды. Она прекратится часа через четыре, и самая западная точка, где могут выпасть Нити, это Иста. Но я хочу, чтобы каждый холд, ферма и мастерская были предупреждены.

Лесса кивнула, сосредоточенно глядя ему в лицо, стараясь не пропустить ни слова.

— К счастью, период Прохождения только начался, так что следующее нашествие повторится лишь через несколько дней. Я подсчитаю точнее, когда вернусь. Передай Маноре — пусть соберет женщин и готовит мазь, нам понадобятся целые бочки. Нити будут хлестать драконов, это очень больно... И самое главное... — он помедлил секунду, — если что-нибудь случится со мной, тебе нужно подождать, пока бронзовому исполнится хотя бы год, прежде чем он догонит Рамот'у...

— Никто не догонит Рамот'у, кроме Мнемент'а! — закричала Лесса, яростно сверкая глазами.

Ф'лар прижал девушку к груди и впился в побелевшие губы, словно хотел испить всю ее нежность и силу. Затем он выпустил ее — так резко, что Лесса отшатнулась назад, прямо на опущенную голову Рамот'ы. Она на миг прильнула к дракону в поисках утешения и опоры.

«Посмотрим, сумеет ли Мнемент' меня догнать», — игриво заявила Рамот'а.

Лети, уворачивайся, кружись —
Вы оба должны уцелеть.
Беги в Промежуток и вновь вернись —
Чтоб сжечь серебристую смерть.

Дракон и всадник — не важен цвет,
Важна команда «Лети».
Ведь если с неба несется смерть —
Вы встанете на пути.

Торопливо шагая по коридору с мешками для огненного камня, хлопавшими его по коленям, Ф'лар вдруг почувствовал благодарность к своим наставникам. Он вспомнил часы утомительного патрулирования над каждым холдом и каждой долиной Перна. Зато теперь он мог ясно представить Нерат. Он видел цветущие винные лозы, которые в это время года опутывали деревья в лесу... Их огромные бутоны бледно-палевого оттенка распустятся с первыми лучами солнца и засверкают, словно глаза драконов, среди темной зелени...

Мнемент' нетерпеливо парил над карнизом. Ф'лар вскочил на бронзовую шею и взмыл вверх. Воздух под ним бурлил; мелькали крылья всех цветов, раздавались выкрики и команды. Возбуждение наэлектризовало Вейр, но Ф'лар не ощутил паники в царившей вокруг суматохе. Драконы и всадники появлялись из проемов в стенах каменной чаши. Женщины носились внизу от одной пещеры к другой. Игравших у озера детей отправили собирать дрова для костра. Юноши, под наблюдением старого К'гана, выстроились около помещений молодняка. Ф'лар взглянул вверх и довольно кивнул: одно крыло уже висело плотным строем над Звездной Скалой, второе — пристраивалось рядом. Он узнал коричневого Кант'а с Ф'нором, восседавшим на его шее... И тут оба крыла исчезли.

Он велел Мнемент'у подняться выше. Ветер был холодным, насыщенным влагой. К последнему снегопаду? Самое для него время.

Крылья Р'гула и Т'бора развернулись слева от него, Т'сама и Д'нола — справа. Ф'лар отметил, что каждый дракон был тяжело нагружен мешками с камнем. Затем он передал Мнемент'у мысленный образ влажного леса ранней весной в Нерате — перед самым рассветом, с цветами на винных лозах, сверкающими каплями росы, — и моря, накатывающего вал за валом на скалы Верхнего Мелководья...

Он почувствовал жгучий холод Промежутка. И ощутил внезапный страх. Не слишком ли он рискнул, ринувшись в Промежуток между временами, чтобы опередить Нити в Нерате? Возможно, он послал всех на смерть...

Внезапно они оказались там — в сумеречном свете, предвестнике дня. До них доносились пьянящие лесные ароматы. Было тепло, и это таило опасность. Ф'лар взглянул вверх, на северный небосклон. Угрожающе мерцая, сияла Алая Звезда.

Вокруг зазвучали изумленные голоса — всадники поняли, что временной переход завершился успешно. Мнемент' передал Ф'лару, что драконы тоже удивлены — тем, что люди разволновались из-за такого пустяка.

— Слушайте меня, всадники! — закричал Ф'лар, напрягая голос. Он подождал, пока люди и драконы не собрались вокруг него плотным облаком, и в нескольких словах объяснил, что они проделали и зачем. Всадники молчали, но многие обменивались неуверенными взглядами.

Ф'лар велел отряду развернуться в воздухе несколькими уступами, сохраняя дистанцию в пять размахов крыльев.

Взошло солнце.

Наискосок над морем, словно стена разреженного тумана, беззвучно неслись Нити — прекрасные, коварные, смертельно опасные. Эти гифы, нахлынувшие из космического пространства, отсвечивали серебром; проникая в теплую, животворную атмосферу Перна, они превращались из твердых замороженных зерен в гибкие волокна. Начисто лишённые разума, они, словно страшный ливень, падали на Перн со своего бесплодного мира в поисках органической материи, необходимой им для развития и роста. Опускаясь на плодородную почву, Нить зарывалась в нее, стремительно размножаясь и превращая землю в пустыню черной пыли. Из Южного, необитаемого, континента они уже высосали все соки. Нити поистине были паразитами Перна.

Хриплый крик восьми десятков людей разорвал рассветный воздух над зелеными холмами Нерата — будто Нити могли услышать и понять этот вызов. Драконы, изогнув гибкие шеи, повернули к всадникам разверстые пасти; туда полетел огненный камень. Громадные челюсти дробили куски, размалывая в порошок. Чудовишные глотки, конвульсивно сжимаясь, проталкивали его внутрь. Теперь драконы могли извергать струи газа; воспламеняясь в воздухе, он превращался в прожорливое пламя, опалющее Нити.

С того мгновения, как смертоносная метель забушевала над теплыми берегами Нерата, драконы действовали, повинаясь

древнему инстинкту. Мнемент', рассекая воздух могучими взмахами крыльев, изрыгая языки пламени, взмыл вверх, наперерез серебристому блеску. Встречный ветер швырнул пары фосфина Ф'лару в лицо; он едва не задохнулся и, нагнувшись, прильнул щекой к бронзовой шее. Нить упала на крыло дракона. Пронзительно крикнув, Мнемент' нырнул в холодное черное безмолвие Промежутка. В следующее мгновение они снова были в небе над Нератом. Ф'лар услышал, как с треском отвалилась замерзшая Нить.

Вокруг Ф'лара драконы то исчезали в Промежутке, то появлялись вновь, извергая пламя. Постепенно он начал улавливать систему в их действиях, в их инстинктивных перемещениях и маневрах. Вопреки тому, что он знал из Архивов, Нити концентрировались в полосы и облака; они падали не сплошной равномерной пеленой дождя, но неслись подобно порывам снежного вихря, то сбиваясь в сторону, то неожиданно устремляясь вперед.

Ф'лар следил за сражением, похожим на танец огней в воздухе, и восхищался слаженными действиями крылатых гигантов. Вот дракон устремляется к очередной полосе, ныряет под нее, раскрывает огромную пасть... Языки пламени бегут по серебристому волокну вверх, вверх... оно обугливается, сжигается... Иногда клубок Нитей вклинивается между всадниками; один из драконов подает знак, устремляется в погоню, выжигает...

Постепенно всадники оттесняли Нити прочь от влажного субтропического леса, сверкающего свежей весенней зеленью. Ф'лар не хотел думать о том, что может сделать всего одна Нить с буйной цветущей растительностью джунглей. Потом он вышлет сюда патрули, чтобы с малой высоты обыскать и проверить каждый фут почвы. Одна Нить, всего одна, могла навсегда погасить палевые соцветия винных лоз.

Где-то слева страшно взревел дракон. Прежде чем Ф'лар узнал его, зверь исчез в Промежутке. Возгласы боли, стоны людей и пронзительный трубный рев драконов оглушали его. Ф'лар закрыл ладонями уши, пытаясь сосредоточиться. Мнемент'... вспомнит ли Мнемент' потом эти крики? Сейчас Ф'лару хотелось забыть их, забыть навсегда.

Внезапно он, Ф'лар, бронзовый всадник, почувствовал себя лишним. Этот бой вели драконы. Человек подбадривал зверя, упокаивал, когда его обжигали Нити, но полностью полагался на его инстинкт и реакцию.

Жгучий огонь коснулся щеки Ф'лара и, словно струя разъедающей кислоты, вгрызся в плечо. Крик удивления и муки сорвался с губ всадника, и Мнемент' перенес его в спасительный

Промежуток. Неистово размахивая руками, Ф'лар отталкивал Нить, чувствуя, как она крошится и превращается в пыль в жутком холоде. Они вновь появились над Нератом, и теплый влажный воздух успокоил боль. Мнемент' сочувственно заурчал и, выдыхая пламя, метнулся к очередной серебристой полосе.

Прошли мгновения — или часы, — прежде чем Ф'лар с изумлением увидел внизу залитую солнцем поверхность моря. Теперь Нити падали в воду, в соленую воду, где они были безвредны. Побережье Нерата тянулось по правую руку, плавно изгибаясь к западу.

Ф'лар почувствовал усталость и боль. В возбуждении безумной схватки он забыл о кровавых рубцах на щеке и плече. Теперь, когда они с Мнемент'ом медленно скользили в прозрачном воздухе, раны начали кровоточить и жечь.

Он велел Мнемент'у подняться выше и бросил взгляд на зеленую равнину. Над землей не было видно падающих Нитей. Драконы под ним плавно парили над самыми древесными кронами в поисках потревоженной растительности и внезапно рассыпающихся в прах стволов.

«Назад, в Вейр», — приказал он Мнемент'у, тяжело вздохнув. Нырив в Промежуток, Ф'лар почувствовал, как бронзовый передал команду дальше. Он так устал, что даже не попытался воспроизвести мысленный образ Звездной Скалы Бендена, надеясь, что Мнемент' сам доставит его назад сквозь время и пространство.

Глава 6

Воздайте почести драконам
В поступках, мыслях и словах.
Они встают живым заслоном
На смертных Перна рубежах —
Там, где решает взмах крыла:
Жить миру иль сгореть дотла.

Подняв лицо к Звездной Скале на пике Бенден, Лесса следила с карниза королевского вейра за четырьмя крыльями, пока они не исчезли в Промежутке.

Прижимая ладонь к груди, чтобы успокоить тревожно бьющееся сердце, Лесса сбегала по лестнице на дно Вейра. Она заметила пылающий у озера костер, увидела Манору, которая четким спокойным голосом раздавала приказания женщинам.

Старый К'ган уже выстроил юношей. Чуть поодаль толпились мальчишки, глаза их сверкали завистью. Ничего, подумала Лес-

са, они еще успеют ринуться в бой с Нитями на огнедышащих драконах. Если древние Архивы не лгут, для этого у них будет много времени — почти вся жизнь.

Приблизившись к строю юных всадников, Лесса вздрогнула, но заставила себя успокоиться и улыбнуться им. Она дала каждому задание и разослала их предупредить холды, быстро проверяя драконов — следовало убедиться, что юноши дают зверям верные ориентиры. Вскоре в жилищах людей, в мастерских и на фермах вскипит и разольется тревога...

Кант' сообщил ей, что Нити надвигаются на Керун со стороны Нератского залива. По мнению Ф'нора, двух крыльев недостаточно для защиты великолепных керунских лугов. Лесса остановилась, соображая, кто еще остался в Вейре.

«Крыло К'нета еще здесь, — напомнила ей Рамот'а. — Они висят над пиком».

Лесса взглянула вверх и увидела, как бронзовый Пиант' покачал крыльями в ответ. Она велела ему направляться в Керун, в район Нератского залива. Драконы послушно взвились вверх и растаяли в голубом весеннем небе.

Со вздохом повернувшись к Маноре, Лесса вдруг услышала шум крыльев и трубный рев. Солнце над Вейром затмило многоцветное облако. Решив, что отряд К'нета почему-то вернулся назад, Лесса уже собиралась сделать Пиант'у выговор, но сообразила, что в воздухе гораздо больше драконов, чем в крыле, посланном в Керун.

«Что случилось? Ведь вы только что улетели!» — мысленно вскричала она, различив бронзовый блеск крыльев Мнемент'а, которого невозможно было не узнать.

«Для нас прошло два часа», — передал Мнемент', и чувство огромной усталости, которую испытывал бронзовый, затопило Лессу.

Некоторые драконы быстро снижались. По неуклюжим осторожным движениям зверей можно было понять, что их задели удары Нитей. Женщины, подхватив горшки с мазью и чистые тряпки, жестаи подзывали раненых и накладывали целебную мазь на кровоточащие рубцы, покрывавшие крылья, словно черно-красный узор.

Не обращая внимания на собственные раны, всадники помогали облегчить муки зверей. Лесса, вполглаза наблюдая за Мнемент'ом, решила, что бронзовый, вероятно, почти не пострадал — иначе Ф'лар не стал бы так долго держать его в воздухе. Вместе с Т'самом она занялась жестоко исполосованным кры-

лом Мунт'а, а когда снова подняла голову, в небе над Звездной Скалой никого не было.

Закончив возиться с Мунт'ом, Лесса отправилась на поиски бронзового и его всадника. Разыскав их в толпе, она обнаружила рядом Килару — втиравшую мазь в плечо и щеку Ф'лара. Закипая, Лесса двинулась по песку к этой парочке, как вдруг ее настиг настойчивый зов Кант'а. Она увидела, как взметнулась вверх голова Мнемент'а, тоже уловившего сигнал коричневого.

— Ф'лар, Кант' говорит, что им нужна помощь! — закричала Лесса. Она не обратила внимания, но Килара торопливо скрылась в толпе всадников и женщин.

Кажется, раны Ф'лара были не опасны, и Лесса успокоилась. Килара уже обработала наиболее тяжелые ожоги, и кровотечение остановилось. Кто-то сунул предводителю кружку с кла и новую куртку — вместо старой, иссеченной ударами Нитей. Повернувшись к Лессе, он нахмурился, и тут же лицо его исказилось от боли в обожженной щеке. Торопливо отхлебнув дымящийся кла, он послал вопрос Мнемент'у:

«Сколько осталось здоровых? Ладно, не считай. Поднимай всех с новым запасом огненного камня».

— С тобой все в порядке? — спросила Лесса, положив ладонь на его руку. Не мог же он снова уйти, не сказав ей ни слова!

Ф'лар устало улыбнулся в ответ на встревоженный взгляд девушки, сунул ей пустую кружку и, низко наклонившись, коснулся здоровой щекой тонких пальцев. Затем он вскочил на шею Мнемент'а и подхватил поданные кем-то мешки с огненным камнем.

Многоцветным облаком драконы вновь поднялись из чаши Вейра. Их было немногим больше шестидесяти — там, где несколькими минутами раньше парило восемьдесят.

Так мало драконов. Так мало всадников! Сколько же они продержатся при таких потерях?

Кант' сообщил, что Ф'нору нужен еще огненный камень. Лесса тревожно оглядела Вейр. Ни один из юношей-посыльных еще не вернулся. Позади нее раздалось урчание дракона, и девушка стремительно обернулась. Но это была всего лишь малышка Придит'а, которая неуклюже ковыляла к площадке кормления, игриво подталкивая головой Килару. Все остальные драконы были ранены, слишком юны или — взгляд Лессы упал на К'гана — слишком стары.

— К'ган, сможешь ли ты доставить огненный камень Ф'нору?

— Конечно, — заверил ее старый всадник, гордо выпятив грудь и сверкая глазами.

Лесса не рассчитывала, что придется послать его в бой, но она не могла лишиться старика подобной возможности. Он ждал ее всю жизнь.

Она улыбнулась и вместе с К'ганом начала укладывать тяжелые мешки на шею Тагат'а. Старый синий дракон фыркал и пританцовывал, словно опять был молод и полон сил. Она передала ему ориентиры керунского побережья — мысленный образ, посланный Кант'ом. Через мгновение синий всадник взвился в воздух и исчез над Звездной Скалой.

«Это нечестно! — сварливо заявила Рамот'а. — Опять им — все самое интересное!» Лесса видела, как рассыпается по кромке Вейра солнечное сияние, отраженное золотыми крыльями.

«Будешь жевать огненный камень — превратишься в глупую зеленую», — колко ответила Лесса. В душе ее немало позабавила ворчливая жалоба королевы.

Затем Лесса обошла раненых. Герет'а, грациозная зеленая красавица молодого Б'фола, стонала и трясла головой — ее левое крыло, изъеденное Нитями до самых костей, волочилось по земле. Ранение было очень серьезным; пройдет немало недель, прежде чем она сможет взлететь. Лесса поймала полный муки взгляд Б'фола и быстро отвела глаза.

Вскоре она выяснила, что среди людей раненых было больше. Всадник из крыла Р'гула держался за голову, меж его пальцев проступала кровь. Другой, с лицом, исполосованным шрамами, мог потерять глаз. Манора почти до бесчувствия напоила его отваром из целебных трав. Кто-то громко стонал, прижимая к груди руку, покрытую глубокими ожогами. Хотя большинство ран были не слишком серьезными, их количество привело Лессу в смятение. Сколько еще всадников и драконов будет выведено из строя в Керуне?

Из ста семидесяти двух драконов пятнадцать уже не в состоянии взлететь — правда, через пару дней кое-кому, пожалуй, удастся подняться в воздух.

Лесса подумала, что некоторые всадники могли бы попробовать летать с драконами своих раненых товарищей. Например, молодой Н'тон, который хорошо понимал Кант'а и уже летал на нем. Если, кроме Н'тона, найдется еще десяток-другой людей, способных к мысленной связи с чужими зверями, такая гибкость принесет немалую пользу.

Но Алая Звезда только начинает свой проход мимо Перна, и

продлится он пятьдесят Оборотов. В дальнейшем атаки станут более частыми. Насколько частыми? Ф'лар что-то говорил об этом... но сейчас его не было рядом.

Остается надеяться, что предводитель Вейра сумеет что-нибудь придумать. Он многое предусмотрел — например, появление Нитей над Нератом... Многое — но не все, поправила себя Лесса. Он забыл предупредить людей насчет черной пыли. И если бы он научил всадников доверять безошибочному инстинкту драконов, после сегодняшней битвы наверняка было бы меньше раненых. Однако догадки его в основном оказались правильными. Нет, не догадки. Он не гадал. Он изучал и планировал. Он думал и рассчитывал. Он рылся в старых пыльных пергаментях, чтобы выяснить, где и когда Нити нанесут следующий удар. Он...

Пронзительный крик прокатился над чашей Вейра, и в небе над Звездной Скалой возник синий дракон.

«Рамот'а!» — позвала Лесса подругу, еще не сообразив, что происходит. В следующий миг королева уже была в воздухе. Синий пытался погасить скорость судорожными взмахами одного крыла; второе беспомощно свисало вниз, словно огромное треугольное полотнище. Всадник, соскользнув с надежной опоры плеча дракона, изо всех сил цеплялся за его шею.

Зажав ладонью рот, Лесса с ужасом смотрела на них. В чаше воцарилась тревожная тишина, которую нарушал только шелест громадных крыльев Рамот'ы. Королева быстро набрала высоту и теперь парила рядом с искалеченным синим, пытаясь поддержать его.

У людей перехватило дыхание — всадник соскользнул с шеи дракона и приземлился на широкие плечи Рамот'ы. Синий камнем упал вниз. Рамот'а плавно опустилась рядом и, негромко урча, вытянула шею; человек скатился на землю.

Это был К'ган. У Лессы захолонуло сердце, когда она увидела исполосованное ударами Нитей лицо старого арфиста. Встав на колени, девушка приподняла его голову. Люди обступили их безмолвным кольцом.

Манора, как всегда, невозмутимая, шагнула вперед и, наклонившись, прижала ладонь к сердцу всадника. Она взглянула на Лессу; слезы выступили на ее глазах. Медленно покачав головой, женщина стала осторожно покрывать мазью кровавые рубцы.

— Слишком стар... не может выдохнуть пламя... не может быстро уйти в Промежуток... — бормотал К'ган, едва шевеля губами. — Стар, слишком стар... Но... но... Следите за небом. Нити

все ближе... Палите траву, держитесь смело... — Он шептал строфы древней Баллады, потом голос его стих и веки сомкнулись.

Лесса запрокинула голову, рыдания душили ее. Внезапно жуткий звенящий вопль прорезал тишину. Тагат' в невероятном прыжке ринулся вверх и растаял в безбрежной голубизне неба. Отказываясь поверить в неизбежное, Лесса закрыла глаза; по щекам ее катились слезы.

Приглушенный стон пронесся над Вейром, словно отрывистое завывание осеннего ветра. Драконы провожали соплеменника в вечную холодную тьму Промежутка...

— Он... умер? — спросила Лесса, заранее зная ответ.

Манора кивнула и, склонившись над телом всадника, прижалась лицом к его груди.

Медленно поднявшись на ноги, Лесса вытерла окровавленные руки подолом платья. Она попыталась сосредоточиться на делах, которыми ей предстояло заняться днем, но мысли ее возвращались к К'гану. Умер всадник. И погиб его дракон. Жадные шупальца Нитей унесли первые жертвы. Сколько еще людей и драконов распростятся с жизнью в этот жестокий Оборот? Как долго сможет продержаться Вейр?

Она отошла в сторону, пытаясь успокоиться и подавить терзавшие душу сомнения. Высоко в воздухе над пиком Бендена парила Рамот'а. Неужели ей придется увидеть эти золотые крылья исполосованными черно-красным узором от ударов Нитей? Неужели Рамот'а тоже исчезнет в ледяном забвении Промежутка?

Нет, Рамот'а не исчезнет. По крайней мере, пока жива она, Лесса.

Как-то давным-давно Ф'лар сказал, что ей нужно бросить взгляд за пределы Руата, что жажда мести не может заполнить ее жизнь целиком. Как всегда, он был прав. Теперь она, госпожа Бенден-Вейра, последнего и единственного оплота Перна, понимала, что в жизни есть нечто большее, чем месть, вражда или ненависть. Попытка достичь невозможного — вот в чем заключается смысл жизни! Достигнуть — или умереть в борьбе!

Она выбрала свой удел. Повелительница Вейра, подруга и помощница его вождя, способная влиять на события и судьбы людей в грядущие Обороты смятения и горя... готовая защитить Перн от смертельной угрозы, сохранить цветение жизни на планете... Да, такова ее судьба, ее предназначение. Ее долг.

Лесса подняла голову и, вытерев слезы, прошептала слова прощания. Старый К'ган заслужил их.

Если Нити прольются над Перном
серебряным стоном,
Между смертью и Перном раскроются
крылья дракона.

Как и предсказывал Ф'лар, атака закончилась к полудню, и вскоре Рамот'а звонким криком приветствовала усталых драконов и всадников.

Убедившись, что Ф'лар не задет, что ожоги Ф'нора не слишком серьезны и что Килара отослана предусмотрительной хозяйкой нижних пещер на кухню, Лесса занялась организацией ухода за ранеными и утешением страдальцев — и двуногих, и крылатых.

С наступлением сумерек в Вейре наступила тревожная тишина — болезненный покой тел и душ, обладатели которых слишком устали или были слишком изранены, чтобы говорить. Звук собственного голоса казался Лессе неуместно громким, когда она обходила вейры, составляя список раненых зверей и людей. К'ган был единственным погибшим, но еще семь человек, получивших сильные ожоги, полностью вышли из строя на несколько месяцев. Четыре дракона, жестоко исхлестанные Нитями над Керуном, тоже не скоро поднимутся в небо.

Лесса пересекла дно чаши и стала медленно подниматься в свой вейр, страхась сообщить Ф'лару эти новости. Она заглянула в спальню, но комната была пуста. Лесса проскользнула мимо Рамот'ы, уже погрузившейся в сон, и заглянула в помещение Совета. Тоже пусто. Озадаченная и слегка встревоженная, она бежала по ступенькам в зал Архивов и увидела Ф'лара, склонившегося над заплесневелыми пергаменами. Предводитель поднял к ней изможденное лицо.

— Что ты тут делаешь? — с удивлением спросила Лесса. — Тебе надо как следует выспаться.

— Тебе тоже, — произнес он, усмехнувшись.

— Я помогала Маноре разместить раненых...

— Каждый должен заниматься своим делом. — Ф'лар откинулся на спинку кресла, осторожно растирая ладонью мышцы поврежденного плеча. — Я не могу спать, — признался он. — И я решил посмотреть, не найдутся ли в Архивах новые ответы. Вдруг...

— Ответы? Какие еще ответы? — воскликнула Лесса, разом разозлившись на него. Можно подумать, в этих Архивах есть ответы на все вопросы. Похоже, чудовищная ответственность за защиту Перна от Нитей становилась для предводителя непосиль-

ной. Впрочем, может быть, так сказывалось потрясение от первой битвы, не говоря уже об изнурительном путешествии через Промежуток между временами, чтобы опередить падение Нитей в Нерате.

Ф'лар снова улыбнулся и жестом пригласил ее присесть рядом.

— Мне нужно знать лишь одно — как единственный Вейр, ослабевший за сотни Оборотов, может защитить Перн.

Лесса подавила страх, холодной волной затопивший сердце.

— Ну, ты научился предсказывать время атак и можешь планировать отпор заранее, — отважно заявила она. — Ты сумеешь сохранить драконов и людей... пока сорок молодых из выводка Рамот'ы не подрастут.

Ф'лар насмешливо приподнял левую бровь:

— Будем честными друг с другом, Лесса... Это далеко не так.

— Но и раньше случались долгие Интервалы, — запальчиво начала она. — Перн пережил их — значит, мы тоже выстоим!

— Раньше Перн охраняли шесть Вейров. А за двадцать Оборотов до Прохождения производительность королев резко увеличивалась. И их было шесть — а не одна золотая Рамот'а. Йора, о, эта ленивая Йора! Будь ты проклята! — Он вскочил и раздраженно зашагал от стены к стене, отбросив прядь черных волос со лба.

Лесса разрывалась между желанием успокоить его и леденящим ужасом, снова поднимавшимся изнутри, — ужасом, лишавшим четкости ее мысли.

— До сих пор ты не испытывал сомнений... — прошептала она.

Ф'лар стремительно обернулся к ней:

— Да, пока я не столкнулся с Нитями в действительности, не узнал их и не подсчитал число раненых! Время работает против нас. Пусть даже нам удастся посадить на свободных драконов других всадников... Все равно мы будем вынуждены постоянно держать большие силы в воздухе и одновременно проверять почву. — Он заметил, как Лесса озадаченно нахмурилась, и пояснил: — Завтра леса Нерата нужно обойти пешком. Неужели ты думаешь, что нам удалось перехватить и сжечь все Нити в воздухе?

— Пусть этим займутся холдеры! Не собираются же они сидеть в безопасности за каменными стенами, когда Вейр истекает кровью! Пусть они...

Резким жестом Ф'лар оборвал ее:

— Конечно, холдеры окажут помощь. Завтра я собираю большой Совет — всех правителей холдов и главных цеховых мастеров. Но ведь нужно не только найти зарывшуюся глубоко в землю Нить — нужно ее уничтожить! Огонь драконов эффективен в небе и на поверхности земли — но не тремя футами ниже!

— О, я об этом не подумала... Но ведь существуют огненные ямы...

— Только на возвышенностях вокруг холдов, но не в лесах Нерата и не на заливных лугах Керуна.

Лесса печально опустила голову.

— Я думала, что наши драконы — все, что нужно несчастному Перну для защиты от Нитей, — медленно произнесла она. — Наверно, я не слишком дальновидна...

— Есть и другие способы. — Ф'лар пожал плечами. — Или же были. Они должны существовать! Я часто встречался с упоминаниями о том, что холды создавали наземные группы, которые выжигали Нити. Каким образом — нигде не сказано; очевидно, это было общеизвестно. — Он с отчаянием вскинул руки и вновь бессильно уронил их. — Даже пятьсот драконов не смогли бы сжечь все Нити, упавшие сегодня! И однако в древности сумели сохранить Перн... Каким образом?

— Север Перна, да... но не Южный континент. Ведь он необитаем?

— Уже сто тысяч Оборотов Южный континент никого не волнует, — фыркнул Ф'лар. Он с отвращением посмотрел на Записи, молчаливыми стопками лежавшие на длинном столе. — Ответ должен быть где-то там, в них...

В голосе его послышались нотки отчаяния. Очевидно, он винил себя в том, что не сумел вовремя извлечь из этих пыльных груд нужную подсказку.

— Даже тот, кто их написал, не смог бы прочесть и половины, — мрачно сказала Лесса. — Пока нам больше помогли твои собственные идеи. Ты составил карты, отметил на них время атак — и смотри, как они выручили нас сегодня утром!

— Я слишком привязан к шкурам, да? — спросил Ф'лар; странное выражение появилось на его лице — улыбка вместе с гримасой боли. Он осторожно потрогал рубец на щеке.

— Несомненно, — подтвердила она с апломбом. И, кивнув в сторону пергаментов, добавила: — Старый хлам! Слишком много пропущенного, неясного!

— Отлично сказано, девочка! Итак, давай забудем про их смутные указания и намеки; попытаемся выработать свои принципы обороны. Перед нами стоят три проблемы. Во-первых, нам требуется больше драконов. Во-вторых, они нужны немедленно. В-третьих, надо придумать способ уничтожения Нитей, которые зарылись глубоко в почву...

— В-четвертых, — подхватила Лесса, — нам нужно выспаться, иначе завтра мы ничего не будем соображать!

Ф'лар, расхохотавшись, сжал ее в объятиях.

— У тебя одно на уме, малышка, верно? — поддразнил он, целуя нежную шею.

Лесса уперлась руками в его грудь, безуспешно пытаясь вырваться. Для раненого он проявлял слишком большую резвость — в том числе и с Киларой. О чем думала эта ненасытная, перевязывая его раны?

— В мои обязанности входит забота о предводителе Вейра, — сухо сообщила Лесса.

— Но ты часами торчишь около синих всадников, оставив меня нежным заботам Килары...

— Не похоже, чтобы ты возражал...

Ф'лар, откинув голову назад, расхохотался.

— Придется мне восстановить Форт-Вейр и переселить Килару туда, — насмешливо пообещал он.

— Никаких возражений. Пусть Килара как можно скорее окажется подальше отсюда — за тысячи миль и за десятки Оборотов.

Руки Ф'лара опустились, рот в изумлении приоткрылся. Он что-то хрипло выкрикнул, потом произнес медленно, по слогам:

— Что — ты — ска-за-ла?

— Сказала? — глаза Лессы недоуменно расширились.

— Ты сказала — за десятки Оборотов отсюда! Вот оно! Мы отправляем Килару в прошлое через Промежуток между временами — вместе с ее королевой и молодыми драконами. — Ф'лар возбужденно шагал по комнате, размахивая руками. — Нет, лучше я пошлю с ними одного бронзового постарше... и, конечно, Ф'нора...

— Отправить Килару в прошлое... куда? Нет, в какое время? — поправила себя Лесса.

— Правильное замечание! — Ф'лар вытащил свои карты. — Очень правильное! Куда же мы должны их отправить, чтобы не вызвать опасных искажений? В один из старых Вейров? Скажем, Плоскогорье — места безлюдные и удаленные... Но нет, там нашли остатки костров, и никому не ведомо, кто разводил их и зачем... Кстати, если бы мы отправили их в прошлое, то к сегодняшнему дню имели сорок взрослых драконов... а это не так. Значит, они не могут быть в двух местах одновременно... — Он потряс головой, ошеломленный этим парадоксальным выводом.

Белый контур заброшенного Южного материка привлек внимание Лессы.

— Пошли их сюда, — с милой улыбкой предложила она, указывая пальцем.

— Но там ничего нет...

— Все, что нужно, они возьмут с собой. Вода там есть, Нити не могут ее уничтожить. Остальное можно привезти — корм для скота, зерно...

Ф'лар сосредоточенно сдвинул брови, глаза его сверкнули. От уныния, владевшего им еще недавно, не осталось и следа.

— Десять Оборотов назад юг был чистым от Нитей... они наверняка погибли за время долгого Интервала. За десять Оборотов Придит'а вырастет... принесет несколько кладок. Возможно, будут еще королевы...

Вдруг он с сомнением покачал головой.

— Но там нет Вейра... Нет пещер, нет площадки Рождений, нет...

— Откуда ты это знаешь? — возразила Лесса. В этой идее было слишком много привлекательного, чтобы она согласилась отступить. — Да, Южный континент не упоминается в Архивах — но в них так много пропущено! Откуда мы знаем, что жизнь на юге не возродилась вновь — за сотни Оборотов после падения последних Нитей? Нить не может существовать, не имея органических веществ для питания. Они уничтожают всю растительность, а потом высыхают, и ветер сдувает их прочь.

Ф'лар в восхищении посмотрел на свою подругу.

— Интересно, — спросил он, — почему раньше никто не задавался такими вопросами?

— Приверженность к шурам, вот в чем дело. — Лесса погрозила ему пальцем. — Ну и, конечно, отсутствие необходимости.

— Необходимость? Может быть, ревность? Она тоже на многое способна. — Ф'лар лукаво ухмыльнулся.

— Благо Вейра — вот что меня заботит, — сообщила Лесса, уворачиваясь от его протянутых рук.

— Хорошо. Завтра я отправлю тебя с Ф'нором на юг. Взгляни сама — ведь это твоя идея.

Лесса оцепенела.

— А ты? — выдавила она наконец.

— Уверен, что могу передать это дело под твое умелое и заинтересованное руководство. — Он рассмеялся и, поймав ее за плечи, прижал к себе, заглядывая в лицо сияющими глазами. — Завтра мне предстоит сыграть роль безжалостного и твердого предводителя Вейра, под мощным напором которого лорды распахнут двери своих внутренних холдов... К тому же я надеюсь, что кто-нибудь из мастеров может знать решение нашей третьей проблемы — как уничтожить зарывшуюся в почву Нить.

— Но...

— И тебе, и Рамот'е будет полезно развеяться. — Он еще крепче обнял хрупкое тело девушки, любуясь ее лицом. — Лесса, ты

моя четвертая проблема. — Ф'лар склонился к ней, пытаясь поймавать губы.

При звуке торопливых шагов в проходе он раздраженно сдвинул брови и отпустил Лессу.

— Кто там? В такое время? — пробормотал он, готовый гневно обрушиться на позднего гостя. — Кто идет?

— Ф'лар? — это был голос Ф'нора, тревожный, хриплый.

По выражению лица Ф'лара Лесса поняла, что даже его брат не избежит выговора, — и почему-то это доставило ей удовольствие. Но когда Ф'нор ворвался в комнату, предводитель и госпожа Вейра застыли в изумленном молчании. Что-то с коричневым всадником было не так. И пока Лесса пыталась разобраться в потоке его бессвязных восклицаний, эта странность внезапно дошла до ее сознания. Ф'нор был загорелым! Без повязки на лице и малейших следов полученной утром раны! Той раны, которую она сама перевязывала днем!

— Ф'лар, так нельзя! Невозможно жить сразу в двух временах! — в смятении воскликнул Ф'нор. Он покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за гладкий камень стены. Под глазами коричневого всадника пролегли тени, заметные, несмотря на загар. — Я не знаю, как долго удастся нам протянуть... Это действует на всех... В некоторые дни особенно сильно.

— Я не понимаю...

— С драконами все в порядке, — заверил Ф'нор с горькой улыбкой. — Их это не беспокоит... для них этой проблемы не существует. Но люди... всадники... они стали полуживыми теньями... словно лишились драконов... и, боюсь, часть из них потеряна навсегда. Кроме Килары, — в его запавших глазах мелькнула неприязнь. — Ей ни до чего нет дела... Единственное, чего она хочет, — это вернуться и посмотреть на саму себя. Эгоизм этой женщины погубит нас.

Вдруг глаза его застыли, рот приоткрылся, словно всадник прислушивался к чему-то. Он повернулся к Ф'лару:

— Больше я не могу оставаться... Я уже здесь... Слишком близко... и это вдвойне плохо. Но мне надо было тебя предупредить. Обещаю, Ф'лар, мы постараемся выдержать так долго, как сможем... однако не рассчитывай на большой срок... Мы попытаемся... попытаемся!

И, прежде чем Ф'лар шевельнулся, коричневый всадник шагнул за порог и скрылся в полумраке коридора.

— Но он ведь еще никуда не отправился! — истерически вскричала Лесса. — Он же еще здесь, здесь!

Часть IV

ХОЛОД ПРОМЕЖУТКА

Глава 1

Ф'лар, хмуря брови, с тревогой смотрел вслед брату.

— Что случилось? — покачала головой Лесса. — Ведь мы ничего не сказали ему. Мы только еще обсуждаем эту идею, а он как будто почувствовал и пришел предупредить... И потом... — она коснулась щеки, — эта рана от удара Нити, я сама перевязывала ее днем... Куда же она делась? Куда? Вот если бы он отсутствовал долго, тогда другое дело.

Лесса опустила с каменную скамью и подобрала ноги.

— Однако... — задумчиво произнес Ф'лар. — Наше предприятие, еще не начавшись, терпит провал... Мы отправили его на десять Оборотов в прошлое... — Ф'лар помолчал, размышляя. — Но у нас сейчас нет другого выхода; мы должны продолжать эксперимент.

— Но что же все-таки случилось?

— Мне кажется, я догадываюсь. — Он сел рядом с Лессой и пристально посмотрел ей в глаза. — Помнишь, ты была очень подавлена, когда вернулась из путешествия в Руат... тогда, в самый первый раз. Теперь я думаю, что испытанное тобой потрясение вызвано не только сценой захвата твоего холда... не только мыслью, что именно твое присутствие вызвало катастрофу. Скорее это связано с почти мгновенным переходом из одного времени в другое... — Он замолчал, не находя для объяснения слов.

Девушка взглянула на Ф'лара с таким ужасом, что он неловко рассмеялся.

— Да, видимо, этого достаточно, чтобы сойти с ума, — пробормотал он. — Думать о том, что ты можешь вернуться в прошлое... и увидеть себя — более молодого...

— Так вот что имел в виду Ф'нор, когда говорил о Киларе, — предположила Лесса. — О том, что она хотела бы вернуться... куда? Назад, чтобы посмотреть на ребенка, которым была когда-то? На эту противную деточку? Подумать только! — Лесса была в

ярости. — Мерзкая себялюбивая тварь! Наверняка она все испортит!

— Пока еще нет, — возразил Ф'лар. — Смотри, хотя Ф'нор предупредил, что ситуация становится отчаянной, он не сообщил, что все-таки удалось сделать. Однако шрам от удара Нити исчез, значит, прошло несколько Оборотов. Если Придит'а успела отложить хотя бы одну кладку, если сорок драконов из выводка Рамот'ы заметно повзрослели и могут принять участие в бою через три дня — мы все же кое-чего достигли. А это значит, госпожа Вейра, — и он увидел, как Лесса выпрямилась, услышав свой титул, — мы должны действовать так, словно Ф'нор не возвращался. И завтра, когда ты полетишь на Южный континент, моя госпожа, ты даже не вспомнишь об этом. Ты понимаешь меня?

Лесса согласно кивнула и, не сумев сдержать вздох, сказала:

— Я не знаю, радует меня или огорчает то, что мы заранее, еще не прилетев туда, знаем, что найдем на Южном континенте подходящее место для Вейра. — Она взволнованно посмотрела на Ф'лара. — Узнавать неведомое — в этом есть своя прелесть.

— Во всяком случае, — сказал Ф'лар с иронической усмешкой, — пока мы нашли решение только для проблем номер один и номер два. И то частичное.

— Лучше бы ты подумал, как справиться с четвертой проблемой, — предложила Лесса. — И окончательно!

Глава 2

Ткач, Арфист, Кузнец и Фермер,
Лорд, Горняк, Солдат, Целитель!
В Вейр быстрее собирайтесь,
Слову Всадника внимлите.

Когда на следующее утро они разговаривали с Ф'нором, им удалось избежать упоминаний о его невероятном появлении накануне. Ф'лар попросил коричневого Кант'а прислать своего всадника в королевский вейр, как только он проснется, и был приятно удивлен тем, что брат явился почти тотчас. И если коричневый всадник заметил любопытные взгляды, которыми то и дело буравила его Лесса, он не придал этому значения. Собственно, после того как Ф'лар сказал ему о планируемой разведке и изложил идею о возможности основать новый Вейр в прошлом, десять Оборотов назад, Ф'нор окончательно забыл обо всем остальном — и даже о своих ранах.

— Я охотно отправлюсь туда, если ты пойдешь вместе с Киларой Т'бора, — заявил он брату. — Не хотелось бы ждать, пока Н'тон и его бронзовый настолько повзрослеют, чтобы заняться этой проблемой. Ну а Килара и Т'бор... фактически они уже готовая пара. Что касается меня... я — человек терпеливый, но есть же пределы тому, что можно сделать ради любви к драконам.

Ф'лар расхохотался. Килара испробовала свои чары на каждом всаднике, и только Ф'нор оказался тверже скалы. Но она явно решила во что бы то ни стало сломить его сопротивление.

— Пожалуй, двух бронзовых хватит, — сказал предводитель Вейра, все еще усмехаясь. — У Придит'ы тоже должна быть возможность выбора, когда наступит брачная пора. — Он оценивающе посмотрел на Ф'нора.

— Даже ты не можешь превратить коричневого в бронзового! — воскликнул Ф'нор с такой тревогой, что Ф'лар окончательно потерял сдержанность и покотился со смеху. — Да прекратите вы!

На этот раз расхохоталась Лесса.

— Ну и парочка, — огрызнулся Ф'нор, вставая. — Госпожа Вейра, если мы собираемся на юг, то пора трогаться в путь. А нашему предводителю надо дать время успокоиться перед встречей с лордами, не то они подумают, что он псих, потому что все время хихикает. Я схожу к Маноре за припасами. Ну, Лесса? Ты лежишь со мной?

Сдерживая улыбку, Лесса схватила свой подбитый мехом плащ и побежала за ним. По крайней мере, у ее нового приключения было веселое начало.

С кувшином кла и кружкой в руках Ф'лар двинулся в комнату Совета. Он думал о том, следует ли сообщать властителям холдов и мастерам о попытке основать новый Вейр на юге. О способности драконов перемещаться во времени так же свободно, как в пространстве, еще не знал никто из чужих. Пожалуй, если бы он был уверен, что его предприятие увенчается успехом... Да, в этом случае сообщение о нем внесло бы определенный оптимизм в предстоящую встречу. Но в данный момент ситуация еще неясна... Что ж, придется использовать другой путь, чтобы вселить уверенность в холдеров. Например, карты с направлениями атак и точно рассчитанным временем.

Гости не заставили себя ждать. Многим не удавалось скрыть страх и потрясение, охватившее их теперь, когда Нити вновь ринулись с Алой Звезды, угрожая существованию жизни на Перне. Это будет тяжелый разговор, сурово решил Ф'лар. На миг его кольнуло сожаление — как хорошо было бы отправиться с Лес-

сой на юг... Но он быстро подавил это чувство и склонился над картами, разложенными на столе.

Скоро собрались все, кроме двоих — Мерона Наболского, которого Ф'лар не слишком жаждал видеть, так как от этого человека всегда можно было ждать неприятностей, и Лайтола из Руата. За Лайтолом Ф'лар послал буквально в последний момент; ему не хотелось, чтобы Лесса встречалась с ним. Она все еще с горечью вспоминала свой отказ от родного холда в пользу сына Геммы, и Ф'лар не хотел лишний раз напоминать ей об этом. Но Лайтол как управляющий Руата имел право присутствовать на совещании. К тому же, как бывший всадник, он являлся самым ценным союзником Вейра — равно как и Ларад Телгарский.

Вошел С'лел и, следом за ним, Мерон. Владелец Набола был раздражен срочным вызовом в Вейр; это чувствовалось по его походке, колющему взгляду, надменной осанке. Но он был столь же любопытен, сколь хитер. Кивнув Лараду и начисто проигнорировав остальных, он занял свободное место.

Предводитель Вейра ответил на приветствие С'лела и жестом пригласил его сесть. Ф'лар тщательно продумал размещение гостей в комнате Совета, перемешав лордов и мастеров с бронзовыми и коричневыми всадниками. Теперь в просторной пещере едва можно было пошевелиться — но зато, если страсти накалятся, никому не удастся незаметно вытащить кинжал и пустить его в ход.

Вдруг в комнате наступила тишина, и Ф'лар, подняв глаза, увидел, что на пороге стоит Лайтол. Руатанец медленно поднял руку, с подчеркнутым уважением приветствуя предводителя Вейра. Отвечая ему, Ф'лар заметил, что левая щека бывшего всадника непрерывно дергается в тике. Взгляд его, потемневший от боли, блуждал по комнате. Он поздоровался с Ларадом, Зургом — мастером-ткачом из Руата, и всадниками крыла, в котором летал когда-то. Скованной походкой он подошел к оставленному для него месту и опустился в кресло, невнятно приветствовав сидевшего рядом Т'сама.

Ф'лар поднялся.

— Я рад, что все вы прибыли сюда, любезные лорды и мастера. Знайте, что Нити вновь падают на Перн. Первая атака отбита в небе вчера утром. Лорд Винцет, — (несчастный властитель Нерата поднял голову), — теперь мы направили патрули, чтобы на малой высоте обследовать влажные леса и убедиться, что там нет зарывшихся Нитей.

Винцет нервничал. Лицо его побледнело при мысли, что могли сотворить Нити с его плодородным обширным владением.

— Нам понадобится помощь твоих лучших следопытов...

— Помощь? Но ты сказал, что атака в небе отбита?

— Мы не можем рисковать, — твердо произнес Ф'лар.

Винцет произвольно сглотнул и оглядел комнату в поисках поддержки. Но лорд Нератский не нашел ее; в подобном положении скоро мог оказаться каждый.

— Я направлю патрули в Керун и в Айген. — Ф'лар посмотрел сначала на лорда Кормана, затем — на Бангера; оба мрачно кивнули. — Позвольте в качестве утешения сообщить вам, что в течение трех дней и четырех часов дальнейших атак не предвидится. Затем, — Ф'лар положил ладонь на карту, — Нити начнут выпадать в Телгаре, продвинувшись на запад через южную горную часть Крома и далее — к Руату и Наболу.

— Почему ты в этом уверен?

Ф'лар узнал надменный голос Мерона Наболского.

— Нити не падают случайно, словно камешки в детской игре, — ответил он. — Путь их предопределен, и время атаки вполне предсказуемо. Каждое нападение длится шесть часов. В течение следующих Оборотов интервалы между ними будут постепенно сокращаться — по мере того как Алая Звезда приближается к Перну. Затем, сорок Оборотов подряд, Нити будут падать каждые четырнадцать часов.

— Так говоришь ты, — усмехнулся Мерон, и среди собравшихся пробежал легкий ропот в поддержку.

— Так гласят обучающие Баллады, — твердо сказал Ларад.

Мерон пристально посмотрел на лорда Телгара и продолжал:

— Я припоминаю одно из твоих предсказаний — о том, что Нити начнут падать сразу после зимнего солнцестояния...

— Они падали, — прервал его Ф'лар. — В виде черной пыли над северными холдами. Мы должны благодарить судьбу за эту отсрочку — нынешний Оборот был очень холодным.

— Пыли? — изумился Нессел Кромский. — Эта пыль была Нитями? Ее полно в моем холде... Она опасна?

Ф'лар посмотрел на встревоженное лицо лорда. Этот пожилой человек происходил из семьи Фэкса и находился под сильным влиянием Мерона; всю жизнь он учился на кровавых деяниях своего родственника, но не обладал достаточным умом, чтобы превзойти его.

Ф'лар усмехнулся.

— Сколько времени носится черная пыль по твоему холду, Нессел? Несколько недель? Причинен ли какой-нибудь вред?

Нессел нахмурился.

— Я хотел бы взглянуть на твои карты, предводитель Вейра, —

сгладил ситуацию Ларад Телгарский. — Можно ли с их помощью точно определить время появления Нитей над нашими холдами?

— Да, — подтвердил Ф'лар. — И вы должны знать, что всадники прибудут незадолго до начала атаки. Однако нужны дополнительные меры — и ради этого я собрал вас на Совет.

— Постой, — прорывал Корман Керунский. — Я тоже хочу получить такие карты, как у тебя! И я хочу знать, что означают значки на них — все эти полосы и линии. Я хочу...

— Конечно, ты их получишь. Я собираюсь поручить мастеру Робинтону, — Ф'лар склонил голову, повернувшись к одному из самых уважаемых членов цеха арфистов, — проследить за копированием карт и разъяснить, как пользоваться ими.

Робинтон, высокий сухопарый человек с угрюмым морщинистым лицом, низко поклонился. Ироническая улыбка заиграла на его губах при виде того, с какой надеждой глядели на него лорды. Его ремесло, как и занятия всадников, до сих пор частенько подвергалось насмешкам, и внезапно вспыхнувшее уважение завывало мастера. Он тонко воспринимал юмор и обладал живым воображением. К тому же обстоятельству, в которых очутился неверующий Перн, были буквально воплощением жестокой иронии, а потому в нем проснулось врожденное чувство справедливости. Мастер отвесил присутствующим глубокий поклон и кротко проговорил:

— Воистину ваше доверие, милорды, оказано достойным.

Его голос был глубоким и ясным, слова звучали удивительно четко.

Ф'лар с трудом удержал на языке готовый сорваться ответ и лишь бросил на старого арфиста острый взгляд, чтобы показать, что он понял двойной смысл фразы. Как и Ларад, который внимательно посмотрел на мастера и откашлялся.

— Итак, у нас будут свои карты, — произнес Ларад, опережая Мерона, открывшего было рот. — И когда посыплются Нити, нас прикроют всадники. О каких же дополнительных мерах ты говоришь? К чему они?

Все глаза вновь обратились к Ф'лару.

— У нас один Вейр, а раньше их было шесть.

— Но говорят, что Рамот'а отложила больше сорока яиц, — сказал кто-то в глубине комнаты. В его голосе звучал неприкрытый страх. — Разве этого не достаточно?

— Сорок драконов, не достигших зрелости, — разве это много? — возразил Ф'лар. В душе он надеялся, что его южное предприятие все же будет успешным. — Правда, драконы растут быстро, и сейчас, когда Прохождение только началось, а Нити па-

дают не слишком часто, сил у нашего Вейра хватит — конечно, если вы будете помогать нам на земле. По традиции, — он снова поклонился в сторону Робинтона, хранителя древних заветов, — вы, лорды, отвечаете только за свои жилища, которые, я не сомневаюсь, должным образом защищены голым камнем и огненными ямами. Однако наступает весна, и возвышенности покрываются зеленью, а на пашнях всходят злаки. Один Вейр не в состоянии патрулировать такую огромную площадь. Силы драконов и всадников не беспредельны.

Испуганный и злобный шепот пронесся по комнате.

— Вскоре Рамот'а опять поднимется в брачный полет, — сухо продолжал Ф'лар. — В прежние времена королевы начинали откладывать крупные выводы за много Оборотов до начала Прохождения — и к критическому моменту Вейры всегда были в полной готовности. К несчастью, Йора была больной и старой, и Неморт'а не могла...

Внезапно его перебили. Кто-то в глубине комнаты зло произнес:

— Вы, всадники, слишком важничаете... и слишком мало занимаетесь делом. Мы погибнем из-за вас!

Поднялся шум.

— Вините себя. — Спокойный голос Робинтона прорезал негодующие выкрики. — Вы оказывали Вейру уважения не больше, чем конуре стража порога у ворот ваших холдов! А теперь, когда в ваши дома забрались воры, вы готовы обвинить в своих бедах зверя, полумертвого от голода? Но вы же сами загнали стража в конуру и кормили объедками — только за то, что он пытался предупредить вас. Пытался заставить готовиться к вторжению. Что же, теперь вы прибьете его? — Арфист перевел дух, оглядывая комнату сверкающими глазами. — Нет, слабость Вейра — на вашей совести, и нельзя ставить ее в вину всадникам, которые честно исполняли свой долг в течение сотен Оборотов, сохраняя род драконов... Кто из вас проявил щедрость в отношении Вейра? Кто поддержал его? Я знаю от своих арфистов, как часто избивали их за пение старых Баллад — а ведь они тоже исполняли свой долг! Так что теперь, любезные лорды, вам, в ваших каменных холдах, остается только корчиться от стыда да смотреть, как Нити пожирают урожай на ваших полях!

Робинтон встал и гордо выпрямился.

— Нет никаких Нитей! Арфисты пугают нас! Все это сказочки! Старые сказочки! — тонко провизжал он, в совершенстве подражая голосу Нессела Кромского. — Эти всадники сосут из нас людей и зерно. — Теперь голос Робинтона имитировал монотонный

вкрадчивый тенор, который мог принадлежать лишь Мерону. И вдруг арфист загремел: — А теперь горькая истина ясна всем — и проглотить ее так же трудно, как чертополох! За те почести, что вы оказывали Вейру и всадникам, право же, не стоит защищать ваши владения — и пусть смертельный дождь Нитей превратит их в пыль!

— Битра, Лемос и мой холд всегда выполняли свой долг по отношению к Вейру! — выпалил сухой жилистый Райд, владетель Бендена.

Робинтон повернулся к нему и смерил лорда долгим сверкающим взглядом.

— Да, вы исполнили свой долг... Из всех Великих Холдов — только вы трое остались верны! Но остальные! — И его голос загремел негодованием. — Я, арфист, знаю, что вы думали и говорили о Вейре! Я слышал даже самые первые шепотки, когда вы только начинали готовить нападение на Вейр! — Он резко рассмеялся и указал длинным пальцем в лицо Винцета: — Где бы вы были сегодня, лорд Винцет, если бы Вейр не вышвырнул вас прочь от своего порога, хотя для этого ему пришлось взять вашу леди в заложницы? Где были бы вы все?! — И его указующий перст очертил круг виновных, включивший всех лордов до единого. — Вы осмелились восстать против Вейра, потому что Нитей больше нет, не так ли? Но Нити — Нити падают!

Он уперся кулаками в бока и обвел собравшихся пристальным взглядом. Ф'лар готов был аплодировать. Да, этот мастер недавно возглавлял цех арфистов, и следовало благодарить судьбу, что такой человек являлся сторонником Вейра.

— А теперь, в этот критический момент, вы пытаетесь протестовать против мер, которые предлагает Вейр ради вашей же безопасности? — Вкрадчивый голос Робинтона источал иронию. — Слушайте, что говорит вам предводитель Вейра, и избавьте его от мелочных придилок! — Арфист повернулся к Ф'лару, и тон его внезапно изменился; теперь он был полон уважения. — Ты просил нашего содействия, любезный Ф'лар? Какого рода помощь мы должны оказать?

Ф'лар откашлялся и удовлетворенно кивнул.

— Мне нужно, чтобы холды следили за своими полями и угодьями во время атак и после прохода Нитей. Все места, где Нити опустились на землю, должны быть найдены, помечены, а Нити — уничтожены. Чем быстрее это будет выполняться, тем легче справиться с угрозой.

— У нас нет времени рыть огненные ямы по всей территории...

к тому же мы потеряем половину пахотных земель! — воскликнул Нессел.

— Раньше пользовались другими способами. Я думаю, наш мастер-кузнец должен знать о них. — Ф'лар поклонился в сторону Фандарела.

Мастер-кузнец славился не только своим искусством, но и внушительным внешним видом. Его массивные плечи заставили соседей потесниться на своих стульях. Он поднялся, похожий на огромный древесный ствол, и засунул ладони за широкий пояс, охватывавший его тело в том месте, где полагалось находиться талии. Его голос, привыкший перекрывать рев пламени в горнах и грохот молотов, показался слишком резким и грубым после великолепной дикции Робинтона.

— Да, в прежние времена были машины, это точно, — согласился он, задумчиво нахмутив брови. — Отец рассказывал мне о них... забавные игрушки... В кузнечных залах могли сохраниться чертежи... а могли и не сохраниться. Пергаменты теперь не слишком хороши. — Он искоса взглянул на мастера, возглавлявшего цех кожевников.

— Сейчас нам в первую очередь следует беспокоиться о сохранности собственной шкуры, — торопливо бросил Ф'лар. Ему совсем не хотелось, чтобы представители разных ремесел затеяли свару.

Что-то заклокотало в горле Фандарела — не то смех, не то невнятный возглас согласия. Он кивнул головой.

— Я обдумываю это дело. И все мои парни тоже, — заверил кузнец предводителя Вейра. — Не так просто выжечь Нить, не разрушив при этом почву. Правда, есть горючие жидкости... и еще кислота, которой мы пользуемся, чтобы вытравлять рисунки на металле. Мы называем ее ашенотри... Есть и черная густая вода, выступающая на поверхности водоемов в Айгене и Болле. Она прекрасно горит. И если, как ты говоришь, холод превращает Нити в пыль, можно попробовать использовать лед из северных земель. Как, однако, доставить все это туда, где падают Нити? Задача сложная, очень сложная... Вот если бы можно было заставить Нити падать туда, где нам это удобно... — Он скорчил жуткую гримасу.

Ф'лар смотрел на него в удивлении. Может быть, этот человек пошутил? Но нет, он говорил совершенно серьезно. Сейчас кузнец старательно скреб голову, и его толстые пальцы со скрежежом проридались сквозь жесткие волосы.

— Интересная проблемка... очень интересная, — бормотал он,

явно увлеченный. — Я займусь ею всерьез, — и он плюхнулся на скамью, дрогнувшую под весом его огромного тела.

Мастер-фермер нетерпеливо поднял руку.

— Помнится, в свое время я наткнулся на записи о песчаных червях Айгена, — сообщил он. — Их, кажется, разводили для защиты от Нитей...

— Никогда не слышал, чтобы из Айгена исходило что-нибудь полезное, только песок и жара, — иронически заметил кто-то.

— Нам надо выслушать все предложения, — резко сказал Ф'лар, пытаясь разглядеть насмешника. — Пожалуйста, мастер, найдите эти записи. А ты, лорд Бангер Айгенский, попытайся разыскать этих червей.

Бангер, чрезвычайно удивленный, что в его засушливом холде нашлось нечто важное, с готовностью кивнул.

— Пока у нас нет более эффективных средств борьбы с Нитями, все должны находиться в постоянной готовности: каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок. Нужно организовать поиск Нитей и выжигать их в земле, раскладывая сверху костры из огненных камней. Я не хочу, чтобы пострадал хоть один человек, но мы знаем, как быстро Нити зарываются в почву; нельзя позволить им размножаться. Помните, вам есть что терять. — Ф'лар выразительно посмотрел на лордов.

Напряженность и раздумье воцарились в комнате Совета.

Поднялся Зург, мастер-ткач.

— Мне тоже есть что предложить — ведь мы, ткачи, всю жизнь имеем дело с нитями. — Голос Зурга был сухим и спокойным, но глаза, окруженные лучиками морщин, метались по лицам холдеров и обитателей Вейра. — В Руате я как-то видел гобелен... не знаю, где он сейчас находится... — Зург метнул лукавый взгляд на Мерона Наболского, затем на Баргена из Плоскогорья, унаследовавшего титул и владение Фэкса. — Древняя работа, почти такая же древняя, как и род драконов. Там, среди прочего, было изображение человека с мешком или ящиком на спине; в руках он держал трубку, из которой бил язык пламени... великолепные краски, оранжевый тон... Их секрет сейчас утерян. Да, так вот — человек направлял пламя к земле, а вверх мчались драконы в плотном строю, в основном бронзовые. Я хорошо запомнил эту работу; меня поразили и качество исполнения, и ее содержание... Сколь многого нам теперь недостает...

— Огнемет? — громко произнес кузнец. — Да, огнемет, — повторил он задумчиво. — Метатель пламени. Над этим нужно поразмыслить. — Он опустил голову, поглощенный новой идеей; кажется, больше его ничего не интересовало.

— Увы, любезный Зург, много секретов утрачено за последние Обороты, — заметил Ф'лар. — Но если мы хотим выжить, эти знания необходимо возродить — и как можно быстрее. Я очень хотел бы взглянуть на гобелен... — Ф'лар обвел взглядом лордов, унаследовавших холды Фэкса. — Неплохо бы увидеть его в Руате... или в мастерских Зурга и Фандарела.

Послышалось шарканье ног, приглушенный кашель, но никто не признался, что владеет гобеленом.

— Я должен увидеть руатанский гобелен! — внезапно рявкнул Фандарел.

— Надеюсь, скоро гобелен будет в твоих руках, — заверил Ф'лар кузнеца. Потом он перенес внимание на владельцев холдов: — Итак, любезные лорды, теперь вы понимаете, что нас ждет. Я оставляю на ваше усмотрение, что следует сделать для защиты поселений. Мастерам нужно привлечь к работам самых толковых людей и просмотреть все Архивы в холдах и цехах — возможно, там найдется кое-что полезное. Через три дня мы будем отбивать атаку над Телгаром, Кромом, Руатом и Наболом. Лорды Нерата, Керуна и Айгена, я в вашем распоряжении. Давайте постараемся обезвредить Нити, попавшие в вашу землю.

Внезапно Ф'лар поймал взгляд брата; тот стоял в тени прохода, пытаясь привлечь к себе внимание. Коричневый всадник сиял торжествующей улыбкой; было ясно, что новости просто распирают его. Ф'лар удивился — утренняя экспедиция на юг вернулась поразительно быстро. Но потом он заметил, что на загорелом лице Ф'нора нет раны. Ф'лар сделал знак брату, чтобы он ушел в королевский вейр и подождал там.

— Итак, лорды и мастера, в распоряжении каждого из вас будет молодой дракон, и вы сможете быстро передать любое сообщение. А теперь прошу вас немедленно приняться за работу.

Он покинул комнату Совета, миновал коридор, пустую пещеру Рамот'ы и, отодвинув тяжелый занавес, вошел в спальню — как раз в тот момент, когда Ф'нор наливал себе кружку вина.

— Поздравляю! — воскликнул он, едва предводитель Вейра шагнул через порог. — Не пойму только, как ты догадался, что нужно послать тридцать два юноши для Запечатления... Но как бы то ни было, Придит'а отложила ровно тридцать два яйца за четыре дня. При появлении первых я едва сдержался, чтобы не броситься сюда.

Ф'лар тепло поблагодарил брата, радуясь, что хоть эта задумка имела успех. Теперь ему нужно было выяснить, сколько же времени Ф'нор оставался на юге до своего визита прошлой ночью.

Лицо этого, более раннего, Ф'нора не выражало никаких признаков напряженности или уныния. Скорее наоборот.

— Тридцать два яйца, — задумчиво протянул Ф'лар. — Нет ли среди них золотого?

Лицо Ф'нора вытянулось.

— Нет... Золотого нет. А я так надеялся... Но зато четырнадцать бронзовых! — гордо добавил он.

— Превосходно. А как идут прочие дела в Вейре?

Ф'нор нахмурился, вопрос привел его в замешательство.

— Килара... в общем, с ней проблемы. Постоянно какие-то неприятности. Т'бору с ней невесело, и он стал таким вспыльчивым, что все держатся от него подальше. Зато молодой Н'тон уже прекрасно командует крылом, — лицо Ф'нора заметно посветлело, — а его бронзовый может опередить т'боровского Орт'а, когда Придит'а в следующий раз поднимется в брачный полет.

— Как с припасами?

Ф'нор расхохотался:

— Можем поделиться с вами зеленью и фруктами! Они гораздо вкуснее, чем те, что растут на севере! Мы питаемся отлично, как положено всадникам. Если наладить переброску продуктов сюда, в Вейр, караваны с десятиной, пожалуй, будут ни к чему.

— В свое время, всему свое время. Теперь отправляйся обратно. Ты же знаешь, что эти визиты должны быть короткими.

— Да, это так. Ты прав, — недовольно поморщился Ф'нор. — Но ведь сейчас меня нет в Вейре.

— Верно, — согласился Ф'лар, — но смотри, не ошибись... твой следующий визит сюда не должен по времени накладываться на предыдущий.

— Хм-м... Правильно. Я все время забываю, что время ползет для нас и летит для тебя. Не беспокойся. Я не появлюсь здесь до второй кладки Придит'ы.

Весело попрощавшись, Ф'нор вышел из вейра. Ф'лар в раздумье проводил его взглядом и не спеша направился в комнату Совета. Тридцать два новых дракона, из них — четырнадцать бронзовых... существенная прибавка. Похоже, риск того стоил. Но не возрастет ли он в дальнейшем?

Сзади кто-то негромко кашлянул. Ф'лар обернулся и увидел Робинтона, стоявшего под аркой, которая вела в комнату Совета.

— Прежде чем заняться копированием карт и обучением остальных, я хотел бы разобраться с ними сам. Поэтому, уважаемый предводитель, я позволил себе остаться.

— Ты настоящий воин, мастер.

— Мы бьемся за благородное дело. — Глаза Робинтона сверк-

нули. — Я долго мечтал о возможности выступить перед столь благодарным слушателем.

— Чашу вина?

— Благодарю. Гроздь Бендена — предмет зависти всего Перна.

— Если вкус достаточно развит, чтобы оценить столь тонкий букет.

— Вкус можно воспитать.

Интересно, подумал Ф'лар, когда он прекратит играть словами. Арфист задержался не из-за карт, его явно тяготили другие заботы.

— Мне вспомнилась Баллада, над которой я ломал голову, когда стал мастером своего цеха. Однако я так и не смог объяснить ее, — сказал он, неторопливо, с видом знатока, наслаждаясь вином. — Непростая песня — и по мелодии, и по содержанию. Понимаешь, мой лорд, хороший арфист может предсказать, что будет принято, а что — отвергнуто... Иногда — силой. — Лицо Робинтона передернулось. — Обнаружив, что эта Баллада лишает душевного покоя равно как певца, так и слушателей, я исключил ее из употребления. Но теперь она может возродиться — как тот гобелен.

После гибели К'гана его инструмент висел в комнате Совета, пока не будет избран новый арфист Вейра. Гитара была древней и потому весьма хрупкой; старый К'ган держал ее в чехле. Робинтон с почтением взял инструмент, слегка тронул струны и, оценив звучание, удивленно поднял брови.

Он извлек аккорд, прозвучавший резким диссонансом. Расстроен инструмент, подумал Ф'лар, или арфист случайно задел не ту струну. Но Робинтон повторил отрывок странной мелодии, неблагозвучной и тревожной.

— Я говорил тебе — песня непростая. Не знаю, сможешь ли ты ответить на вопросы, которые задаются в ней. Много раз я пытался разобраться с этой головоломкой, но... Вот послушай...

Он запел:

Ушли далеко, ушли без возврата.
Пыльное эхо гаснет, как в вате.
Мертвый, пустой ты стоишь, всем открытый ветрам,
Обезлюдевший Вейр.

Где вы, драконы? Ушли в одночасье.
Ваши следы размыают в ненастье
Злые дожди. Только брошена кукла в углу,
И пролито вино.

Быть может, иные миры беззащитны
И в страхе пред Нитями молят защиты?
Может быть, надо спасти изнемогших в борьбе?
Почему вы ушли?

Последний печальный аккорд замер...

— Эта песня была впервые записана примерно четыреста Оборотов назад, — сказал Робинтон, нежно покачивая гитару в руках. — Алая Звезда только что удалилась на безопасное расстояние, и люди испытали новое потрясение — бесследно исчезли обитатели пяти Вейров. О, я думаю, в то время у них было сколько угодно объяснений — истинных или ложных, — но в Архивах нет ни одного. — Робинтон сделал паузу.

— Я тоже ничего не нашел, — ответил Ф'лар. — А ведь я велел привезти сюда Записи из других Вейров, чтобы составить точное расписание атак. И все они заканчиваются одним... — Он рубанул рукой воздух. — В Архивах Бендена нет никаких упоминаний о болезнях, смерти, пожаре или катастрофе — ни одного слова, которое объясняло бы внезапно прервавшуюся связь между Вейрами. Архивы Бендена продолжали постоянно пополняться, но туда поступали сведения только о Бендене. Лишь одна запись свидетельствует, да и то косвенно, о новом расписании маршрутов патрулирования Перна... И это — все.

— Странно, — задумчиво протянул Робинтон. — Как только миновала угроза с Алой Звезды, драконы и всадники могли навсегда отправиться в Промежуток... Зачем? Ну, например, за тем, чтобы облегчить бремя холдов. Но я просто не способен в это поверить. В Записях нашего цеха не упоминается о том, что урожаи были плохими... или, скажем, что произошли какие-то природные катастрофы... Люди умеют проявлять благородство — а племя Крылатых славится благородством по всему Перну... Но массовое самоубийство? Я не верю в это... Во всяком случае, для всадников такое поведение нетипично.

— Благодарю, — произнес Ф'лар с мягкой иронией.

— Не стоит благодарности, — ответил Робинтон с поклоном.

Ф'лар задумчиво скользнул взглядом по столу, на котором все еще лежали карты и громоздились стопки пергаментов, принесенные из зала Архивов.

— Загадочное дело, — вымолвил он. — Народ Дракона куда-то исчез. Постепенно Перн забыл о нем. Лишь Бенден продолжал жить... но мы не беспокоили холдеров — во всяком случае, последние Обороты перед угрозой.

— Что ж, ваша изоляция принесла пользу. Мошь Вейра, его возможности были забыты — но ты напомнил о них, когда начался этот нелепый мятеж лордов, — заметил Робинтон с озорной улыбкой. — Я чуть не умер со смеху! Выкрасть их женщин — в течение одного взмаха крыльев дракона! — Он вновь засмеялся, потом лицо его стало серьезным. — Я, певец и сказитель, привык улавливать то, что не произносится вслух. И я подозреваю, мой

лорд, что ты многое приукрасил на этом Совете. Ты можешь быть уверен во мне, в моей осторожности, в моей преданности и в поддержке всего нашего цеха, отнюдь не бесполезного. Говори откровенно, чем мои арфисты могут вам помочь? Вселить в людей бодрость? — Он тронул струны, и в комнате прозвучали энергичные аккорды марша. — Взбудоражить кровь смельчаков Балладами о славе и победах? — Под его пальцами гитара запела протяжно и сурово, потом раздался бодрый мотив. — Или укрепить их дух и тело в преддверии невзгод?

— Если бы все твои арфисты обладали такой же властью над человеческими душами, какую имеешь ты, мне не о чем было бы беспокоиться. Но, к сожалению...

— А! Значит, несмотря на уверенный тон и волшебные карты, ситуация почти безнадежна? — Мрачный аккорд гитары подчеркнул его последние слова.

— Пока нет. Но она может таковой оказаться.

— Огнеметы, о которых толковал Зург, они могут существенно помочь делу?

— Даже от песчаных червей Айгена будет прок. Но Перн вращается по неизменной орбите, и Алая Звезда подходит все ближе... Значит, интервал между атаками будет сокращаться, а у нас лишь семьдесят два молодых дракона — в дополнение к тем, которых мы имели вчера. Один уже мертв, а некоторые не смогут летать несколько недель.

— Семьдесят два? — удивленно переспросил Робинтон. — Но Рамот'а принесла только сорок, и они еще слишком молоды, чтобы грызть огненный камень.

Ф'лар в общих чертах поведал арфисту об экспедиции Ф'нора и Лессы, исследующих Южный материк. Он рассказал о недавней встрече с Ф'нором и о некоторых успехах проекта после первой кладки Придит'ы.

Робинтон прервал его, удивленно подняв брови.

— Но как же Ф'нор мог говорить тебе об этом, когда он и Лесса еще даже не отыскивали на юге место для нового Вейра?

— Драконы обладают способностью перемещаться во времени — так же, как в пространстве, — пояснил Ф'лар. — Понятия «где» и «когда» для них равнозначны.

Глаза Робинтона расширились.

— Именно так мы отразили атаку Нитей над Нератом вчера утром. Мы перепрыгнули назад на два часа и встретили Нити в воздухе.

— Вы действительно можете перемещаться в прошлое? Как далеко?

— Пока не знаю. Когда я учил Лессу летать в Промежутке, она

случайно вернулась в Руат на тринадцать Оборотов назад. В то утро, когда люди Фэкса захватили холд. После ее возвращения я сам попробовал прыгнуть через межвременной Промежуток в прошлое — примерно на десять Оборотов. Для дракона такое путешествие не представляет труда, но оно пагубно влияет на нервную систему всадника, невероятно истощая ее. Вчера, после битвы над Нератом, я чувствовал себя так, словно меня подвесили на крюк в копильне, чтобы пополнить к зиме запасы сушеного мяса, — невесело рассказывал Ф'лар. — Частично мы добились успеха, послав Килару с Придит'ой и другими молодыми драконами в прошлое. Я знаю это, потому что из слов Ф'нора ясно: он выдержал там несколько Оборотов. Конечно, истощение людей все усиливается, но у нас будет еще семьдесят два взрослых дракона — значительная поддержка.

— Пошли всадника в будущее и выясни, достаточно ли этого, — с готовностью предложил Робинтон. — Не нужно будет ломать голову.

— Я не знаю, как попасть во время, которое еще не наступило. Видишь ли, дракону нужно давать ориентиры. А как можно передать мысленный образ того, что еще не существует?

— Есть же воображение... воспользуйся им.

— А риск потерять всадника и дракона? Нет, не могу. У меня их не так много. Я должен продолжать южный проект... собственно, судя по визитам Ф'нора, я это уже сделал — когда решил начать. — Ф'лар поднялся. — Следовательно, мне остается только отдать распоряжения о подготовке вещей и грузов. Мы с тобой займемся картами позже.

Только после дневной трапезы, которую Робинтон разделил с предводителем Вейра, арфист научился определять время и место атак. Затем он откланялся и отбыл, чтобы приступить к копированию карт.

Глава 3

Была весна, когда над океаном
Крылом к крылу, быстрее корабля
Стремглав неслись Рамот'а с верным Кант'ом
Узнать, жива ли Южная земля.

Лесса и Ф'нор, которых драконы плавно поднимали к вершине Звездной Скалы, еще успели заметить первых мастеров и лордов, прибывающих на Совет.

Чтобы очутиться на Южном континенте в нужном времени,

они решили вначале перенестись на десять Оборотов назад в Бенден-Вейр, образ которого был надежно запечатлен в памяти Ф'нора. Затем они собирались направиться к той части побережья заброшенного материка, о которой Архивы сообщали достаточно сведений, чтобы дать драконам нужные ориентиры.

Ледяной холод Промежутка дважды принял всадников в свои объятия — и наконец они зависли над бурным морским простором. Впереди таился Южный континент, казавшийся в этот пасмурный день багровой полосой, очерчивающей свинцовую поверхность воды. Лесса почувствовала смутное беспокойство, пришедшее на смену неприятным ощущениям, которые вызывал временной сдвиг. В следующий миг Рамот'а, мощно взмахивая крыльями, устремилась к отдаленному берегу. Кант' из всех сил старался не отставать.

«Он всего лишь коричневый», — мягко пожурела Лесса свою подругу.

«Раз он летит со мной, — холодно заметила Рамот'а, — ему придется пошевеливаться».

Лесса улыбнулась; очевидно, Рамот'а была обижена, что ей не удалось поучаствовать в сражении с Нитями. Да, драконам-самцам приходится с ней нелегко.

Они заметили стаю цеппи; значит, на материке есть растительность. Эти летающие создания всегда держались поблизости от зарослей, хотя многие из них были хищниками, а некоторые при необходимости могли питаться чем попало.

Через Кант'а Лесса обратилась к Ф'нору:

«Как ты думаешь, откуда взялась растительность на Южном континенте? Ведь он был полностью сожжен Нитями!» — «Ты замечала когда-нибудь, как раскрываются осенью стручки и семена разносятся ветрами? Вот ответ на твой вопрос». — «Но как может прорасти семя в бесплодной земле?»

«Даже на горных вершинах нашего материка, которые были оголены Нитями, прорастает молодая зелень. И для этого надо много меньше времени, чем сотни Оборотов, — напомнил Ф'нор. — Видимо, таким же образом возрождается жизнь и здесь, на юге».

Хотя Рамот'а задала стремительный темп, потребовалось довольно много времени, чтобы добраться до побережья. Голые, пустые утесы угрожающе вздымались из морских волн. Лесса велела Рамот'е подняться выше, ей хотелось бросить взгляд на скрывавшееся за скалами плоскогорье. Но с большой высоты в неярком свете хмурого дня поверхность материка казалась серой и пустынной.

Внезапно сквозь пелену облаков пробилось солнце, и серая равнина заиграла живыми, яркими зелеными и коричневыми красками. Первым откликнулся на торжествующий возглас Лессы Ф'нор, потом затрубили драконы. Цеппи, напуганные непривычными звуками, закружились над тропическим лесом.

От побережья в глубь материка местность плавно понижалась и переходила в плато, поросшее травой; за ним начинались джунгли, напоминавшие могучие леса центрального Болла. Земли выглядели столь плодородными, что Лесса невольно начала ломать голову, по какой же причине могла закончиться неудачей попытка основания Южного Вейра.

Они приземлились на плато у небольшого озера. День был сумрачным, но довольно теплым, и, пока Лесса с Ф'нором перекусывали, оба дракона плескались в прозрачной воде. Тревога не оставляла Лессу, и хлеб с мясом не вызывали у нее аппетита. Она заметила, что Ф'нор тоже обеспокоен; исподтишка он бросал внимательные взгляды то на озеро, то на опушку джунглей.

— Что с нами? — вопросительно подняла брови Лесса. — Цеппи не полезут, они ланически боятся драконов, и до прохождения Алой Звезды еще целых десять Оборотов.

Ф'нор пожал плечами, смущенно заталкивая недоеденный хлеб обратно в сумку с провизией.

— Тут слишком пустынно, — заявил он, оглядываясь вокруг.

Заметив спелые плоды, свисавшие с ветвей лунного дерева, всадник проворно забрался наверх по бугристому, покрытому лианами стволу.

— Совсем спелый и пахнет отлично, — сказал он, вернувшись к Лессе и ловко разрезая на ломти продолговатый оранжево-красный плод. С улыбкой вручив девушке первый кусок, он воскликнул: — Съедем и умрем вместе!

Лесса расхохоталась, и они одновременно впились зубами в сочную мякоть. Брызнул сладкий сок, и Ф'нор удовлетворенно прикрыл глаза; плоды этой дикой земли были восхитительны.

— Уми, как и я, счастливой! — Он швырнул корку в озеро и потянулся за следующим ломтем.

Этот эксперимент вселил в них некоторую уверенность; они почувствовали, что могут теперь обсудить причины своего беспокойства.

— Я думаю, — предположил Ф'нор, — что пейзаж слишком непривычен для нас. Здесь нет скал и пещер, вокруг такое безмолвие... и до остальных людей — почти полмира.

Лесса кивнула головой и спросила вслух:

— Рамот'а, Кант', вас не тяготит отсутствие Вейра?

«Мы не всегда жили в пещерах, — ответила Рамот'а с некоторым высокомерием. Она плеснула крыльями по воде, подняв тучу брызг. — Здесь теплое солнце и приятная вода. Мне бы тут понравилось... но я не хочу перебираться сюда надолго».

— Она все еще не в духе, — шепнула Лесса Ф'нору. — Здесь будет жить Придит'а, — успокоила она королеву, — а у тебя уже есть свой Вейр.

Рамот'а нырнула и вместо ответа в раздражении выбросила вверх фонтан воды.

Кант' сообщил, что не имеет никаких возражений против того, чтобы жить без Вейра. На земле спать мягче, чем на камне, и в ней легко выкопать уютное лежбище. Нет, он не будет скучать по пещерам, пока тепло и хватает еды.

— Нам придется доставить сюда несколько хороших производителей, чтобы развести молочное стадо, — задумчиво произнес Ф'нор. — Думаю, это плато со всех сторон замкнуто скалами и попасть сюда можно только по воздуху. Отличное место для нас! Озеро, много свободного пространства, плодородная земля... Встаешь утром и собираешь завтрак прямо с дерева.

— Пожалуй, юношам из холдов будет здесь неудобно, — сказала Лесса. — Смогут ли они чувствовать себя в безопасности вдали от скал и надежных пещер? — Она коротко рассмеялась. — Детские привычки сидят в нас крепко! Даже мне эти открытые пространства, тихие и безлюдные, кажутся... почти непристойными! — Она слегка вздрогнула, разглядывая широкую равнину за озером.

— Я бы сказал — плодородными и чудесными! — поправил Ф'нор, взрезая еще один оранжево-красный плод. — Изумительный вкус! Тот же сорт, что растет в Нерате, но гораздо сочнее и слаще.

— Подозреваю, что Нерат лучшее оставляет себе, — улыбнулась Лесса.

Они расправились со вторым плодом и поднялись.

Дальнейшее обследование подтвердило догадку Ф'нора. Плато было изолированным и достаточно обширным для большого стада животных, которыми драконы смогут питаться. С одной стороны оно заканчивалось отвесным обрывом, под которым волновалось зеленое море джунглей, с другой — береговыми утесами. В лесу достаточно материала, чтобы построить жилища для людей. Что касается драконов, то Рамот'а и Кант' согласились, что им будет удобно спать на земле, под густым пологом древесных крон. Эта часть континента напоминала Верхний Нерат, и, по-видимому, здесь не бывало ни сильной жары, ни холодов.

Можно было возвращаться. Однако, если Лесса с радостью покинула безлюдное плато, Ф'нор, наоборот, старался задержаться тут подольше.

— На обратном пути мы можем переместиться сразу через пространственный и межвременной Промежуток, — сказала Лесса. — Мы попадем в Вейр во второй половине дня, когда холдеры уже разъедутся.

Ф'нор неохотно кивнул, и Лесса приготовилась к путешествию. «Почему, — подумала она, — перемещение во времени вызывает такое беспокойство? Ведь драконы на это совершенно не реагируют...» Рамот'а, почувствовав тревогу всадницы, ободряюще заурчала. Затем цветущая земля под крылом дракона исчезла, и после долгих, бесконечных секунд в ледяной тишине Промежутка они очутились в залитом солнцем небе над Вейром.

Лесса увидела тюки и мешки, разбросанные перед нижними пещерами, и всадников, нагружавших своих драконов.

— Что случилось? — воскликнул Ф'нор.

— Кажется, Ф'лар не сомневается в успехе нашей экспедиции, — успокоила его Лесса.

Мнемент', наблюдавший за этой суетой с карниза королевского вейра, приветствовал путешественников и передал, что предводитель ждет их. Они нашли Ф'лара в комнате Совета. Как обычно, он сидел, согнувшись над старыми пергаментами, которые принес сюда из зала Архивов.

— Ну, что? — нетерпеливо воскликнул он, широко улыбаясь вошедшим.

— Пышный, зеленый и пригодный для жизни, — провозгласила Лесса, торжественно простирая руку на юг. От ее внимательного взгляда не укрылось, что за время их отсутствия что-то произошло. Ф'лар получил какие-то новые известия. Она надеялась, что предводитель будет осторожен в своих речах; Ф'лар неглуп и весьма проницателен. Он может легко обо всем догадаться. Могло ли подобное знание будущего представлять для него опасность?

— Вот то, что я надеялся услышать, — произнес Ф'лар. — Ну, расскажите мне подробнее, что вы видели. Было бы неплохо заполнить пробелы в картах.

Лесса предоставила возможность отчитываться Ф'нору — как опытному наблюдателю. Ф'лар внимательно слушал, кое-что пометая на лежащем перед ним листе пергамента.

— На всякий случай я уже велел упаковывать снаряжение и припасы, — сказал он. — У нас мало времени, Ф'нор, чтобы все подготовить и отправить на десять Оборотов в прошлое тебя и

твой отряд. Мы не можем терять ни мгновения — через три дня нам потребуется много драконов, чтобы защитить Телгар. — Он потер лоб ладонью, словно вспоминая что-то, потом кивнул: — Да, с тобой пойдут еще тридцать два мальчика — будущие всадники потомства Придит'ы.

— Тридцать два? Нам нужно хотя бы пятьдесят! — воскликнул Ф'нор.

— Если не хватит, пошлешь за пополнением. — Ф'лар небрежно пожал плечами. — Помни, у тебя будет время. Целых десять Оборотов!

Потом он начал давать Ф'нору инструкции. Коричневый всадник должен взять сорок молодых драконов из первого выводка Рамот'ы, Килару с золотой Придит'ой, Т'бора и его бронзового Пиант'а. Помощь в переброске снаряжения и трех десятков мальчиков окажет крыло Ф'лара.

— Я хотел бы послать еще бронзовых, но мне дорог каждый дракон, чтобы найти все Нити, зарывшиеся в Керуне и Нерате... В лесу уже обнаружили несколько — и мне сообщили, что Винцет сходит с ума от страха.

— Как прошла утренняя встреча? — вспомнил Ф'нор.

— Нормально... сейчас тебе не стоит думать о ней. К вечеру ты должен отправиться в путь.

Лесса окинула предводителя Вейра пристальным взглядом, решив как можно скорее расспросить его об утренних событиях. Но Ф'лар, едва заметно покачав головой, придвинул ей чистый лист и стило.

— Я хочу, чтобы ты набросала мне кое-какие ориентиры, Лесса, — в глазах его было предостережение.

Вздыхнув, она взяла стило и быстро изобразила, что могла. Ф'нор добавил две-три детали. Получилась довольно сносная карта выбранного ими плато. Окинув ее критическим взглядом, Лесса уже собиралась протянуть лист Ф'лару, как внезапно все поплыло у нее перед глазами. Она ощутила сильное головокружение, попыталась встать — и рухнула на руки Ф'лара.

Бронзовый всадник поднял ее хрупкое тело и обменялся тревожным взглядом с братом. Они быстро прошли по коридору в королевский вейр, потом — в спальню, где Ф'лар осторожно уложил Лессу на кровать.

— А ты как себя чувствуешь? — спросил он Ф'нора.

— Немного устал... и только, — ответил коричневый всадник и крикнул в шахту подъемника, чтобы наверх прислали Манору и кувшин горячего кла.

— Мне это не нравится, — пробормотал Ф'лар, вспомнив, что

говорил ему брат прошлой ночью о нервном истощении участников южной экспедиции. С ними все ясно. Они пробыли в прошлом довольно долго... несколько месяцев или даже Оборотов... Но почему у Лессы такая реакция, и так быстро?

— Перемещение во времени вызывает странное чувство... — задумчиво произнес Ф'нор. — Все время кажется, что ты теряешь свою цельность... Вот вчера, когда ты сражался над Нератом...

— Я сражался и рисковал жизнью, — напомнил Ф'лар, — а вы совершили безопасную прогулку. Нет, тут что-то не так... Может быть, эти путешествия во времени вызывают какую-то душевную травму... Послушай, Ф'нор, когда вы обоснуетесь в новом Вейре, здесь будешь появляться только ты. Я передам этот запрет через Рамот'у всем драконам. Пусть ни у кого из всадников не возникнет и мысли о возвращении — как бы ему ни хотелось этого... Не стоит рисковать без необходимости.

— Согласен.

— Еще одно, Ф'нор... Тщательно рассчитывай время, когда соберешься посетить меня. Я не знаю, что произойдет, если ты столкнешься сам с собой в коридоре... А я не могу тебя потерять...

Ф'лар крепко сжал рукой плечо брата и неловко усмехнулся; такое проявление нежности для него было редкостью.

— Запомни, Ф'нор... Я провел все утро в комнате Совета, а ты вернулся из путешествия в середине дня. И не забывай — у нас всего три дня. Но у тебя — десять Оборотов.

Ф'нор согласно кивнул и вышел. У лестницы он встретил Манору. Женщина не смогла установить причину недомогания Лессы. В конце концов она решила, что во всем виновато напряжение вчерашнего дня, когда Лессе пришлось передавать сообщения между драконами и всадниками... Очевидно, ей нужен только отдых. Когда Ф'лар покинул спальню, чтобы попрощаться с отлетающими на юг, дыхание Лессы стало спокойным, хотя бледность еще не покинула лица девушки. Манора окончательно успокоила его, сказав, что обморок перешел в обычный сон.

* * *

Едва последний, тяжело нагруженный дракон исчез в небе над Звездной Скалой, как вниз скользнул юный всадник, назначенный посыльным в Нерат. Лицо его было белым от страха.

— Предводитель, обнаружено много зарывшихся в землю Нитей! Их никак не выжечь огнем! Лорд Винцет хочет видеть тебя!

Ф'лар отлично понимал состояние Винцета. Спокойно кивнув юноше, он сказал:

— Перекуси, парень, прежде чем отправишься обратно. И передай Винцету, что я скоро вылечу к нему.

Он снова поднялся в спальные покои, где тихо урчала Рамот'а, устраиваясь на отдых.

Лесса все еще спала. Темные волосы разметались по подушке, рука под щекой... Хрупкая и беззащитная, как ребенок... его подруга, его женщина, самое дорогое для него существо... Ф'лар улыбнулся. Значит, вчера она приревновала его к Киларе... глупышка! Разве она не понимает, что яркая, чувственная Килара не имеет в его глазах и десятой доли ее привлекательности... ее очарования... Даже характер Лессы, непокорный и упрямый, придавал их отношениям неожиданную и пьянящую остроту... Ф'лар склонился над ней и нежно поцеловал в губы. Она шевельнулась, вздохнув и улыбнувшись во сне.

Ф'лар покинул ее с неохотой и вновь погрузился в неприятности этого дня. Он приказал Мнемент'у связаться с молодым драконом в мастерской Фандарела.

«Я хочу, чтобы мастер прибыл в Нерат с запасом ашенотри, кислоты, что используется кузнецами для травления, — передал он. — Посмотрим, как она действует на Нити».

Затем он направился в комнату Совета, все еще надеясь обнаружить среди неразборчивых старых Записей подсказку, в которой так отчаянно нуждался.

* * *

Фандарел действительно обладал железной волей. Стоя рядом с Ф'ларом на краю ямы, он спокойно глядел на серебристую паутину извивающихся и растущих на глазах Нитей.

— Сотни, тысячи только в одной этой норе! — восклицал лорд Винцет Нератский дрожащим от горя голосом. Он в смятении обводил взглядом посадки молодых деревьев, в которых его люди нашли гнездо Нитей. — Этот сад погибнет, пока вы совещаетесь! Делайте же что-нибудь! Сколько еще деревьев будет уничтожено? Сколько Нитей ускользнуло вчера от пламени? Где дракон, который их выжжет? Почему вы бездействуете?

Ф'лар и Фандарел не обращали внимания на его причитания. Находясь совсем рядом с древним врагом Перна, они оба испытывали к нему отвращение и какой-то странный интерес.

Страх Винцета был вызван паникой, а не объективными причинами: это гнездо было единственным на всем склоне холма.

Ф'лару не хотелось думать о том, сколько еще Нитей могло достигнуть теплой и плодородной почвы Нерата. Если бы вчера утром они успели расставить наблюдателей, чтобы проследить падение отдельных Нитей! По крайней мере, не следует повторять подобную ошибку через три дня — в Телгаре, Кроме и Руате. Но всех этих мер недостаточно. Совершенно недостаточно.

Фандарел махнул рукой двум своим помощникам. Они подтащили к яме странное устройство — большой металлический резервуар, к которому была припаяна труба с широким наконечником. С другой стороны резервуара выступал патрубок с насаженным на него коротким цилиндром, снабженным поршнем. Один из ремесленников взялся за его рукоятку и начал энергично накачивать воздух, второй направил трубу в сторону ямы. По команде качавшего он повернул кран у основания трубы, стараясь держаться подальше от наконечника. Струя маслянистой жидкости вырвалась из широкого раструба и упала вниз, в разрытое гнездо. Как только она коснулась переплетения Нитей, яму заволочло паром.

Вскоре от извивающихся серебристых колец осталась лишь груда почерневшего шлака. Фандарел приказал убрать резервуар и долго смотрел вниз, на все еще дымящиеся мертвые пряди. Наконец, отыскав длинную палку, он ткнул ею в дно ямы. Ни одна из Нитей не дернулась.

— Хм-м, — проворчал кузнец с явным удовлетворением. — Однако мы не можем слоняться по лесу и разрывать каждую нору... Тут нужно что-то другое.

Лесники проводили их ко второму, еще не тронутому гнезду на опушке леса. Нити проникли в землю возле громадного дерева, которое уже зачахло.

Фандарел проделал палкой небольшое отверстие во влажной мягкой почве и сделал знак своим людям. На этот раз трубу вставили в отверстие в земле, и Фандарел приказал качать воздух, медленно отсчитывая время. Когда, по его расчетам, все было кончено, он велел лесникам копать яму. Через несколько минут гнездо было вскрыто. И на этот раз после действия кислоты от Нитей осталась лишь обугленная, почерневшая масса. Лицо Фандарела расплылось в улыбке, скорей напоминавшей гримасу. Он недовольно покрутил головой.

— Все равно, слишком долго. Нужно разыскивать их еще на поверхности... — кузнец насупил косматые брови.

— Еще лучше уничтожать их в воздухе, — затараторил Винцет. — Иначе эта едкая дрянь сожжет мои деревья не хуже Нитей! Что будет с моими садами? Что будет, я вас спрашиваю?

Фандарел резко повернулся, словно впервые заметив расстроенного нератского лорда.

— Приятель, этой кислотой в разведенном виде вы удобряете землю весной. Конечно, небольшой участок выжжен на несколько лет, но зато мы спалили все Нити. — Он посмотрел вверх, почесывая голову. — Если бы нам удалось распылить кислоту высоко в воздухе... Облако опустилось бы вниз, и никакого вреда для посадок, только польза — поскольку заодно мы бы улучшили состав почвы. Но смогут ли драконы поднять в небо такие аппараты? Они слишком тяжелые и громоздкие... — Фандарел повернулся спиной к лорду Нерата и осведомился у Ф'лара, найден ли гобелен.

— Я жду известий, — кратко ответил всадник. — Но твой распылитель кислоты сработал отлично. Нити погибли.

— Песчаные черви — тоже неплохое средство... но все это недостаточно эффективно, — буркнул Фандарел. Кивнув своим помощникам, он зашагал к драконам.

Робинтон ожидал их возвращения в Вейре; за внешним спокойствием арфиста скрывалось сильное волнение. Однако он вежливо осведомился об успехах Фандарела. Мастер-кузнец пожал плечами и нехотя проворчал:

— Мой цех работает, все заняты делом.

— Мастер Фандарел слишком скромн, — добавил Ф'лар. — Ему удалось собрать превосходное приспособление, которое распыляет кислоту в норы Нитей и сжигает их в земле.

— Громоздко и неэффективно. Огнемет — другое дело. Метатель пламени... мне нравится эта идея! — Кузнец тряхнул головой. Глаза его засверкали неукротимым огнем, сразу же преобразив грубое, неподвижное лицо ремесленника. — Я пошел, — сказал он и, отвесив поклон арфисту и предводителю Вейра, двинулся к лестнице.

— Кажется, огнемет завладел мыслями нашего мастера-кузнеца, — заметил арфист. Сквозь насмешливый тон в его голосе читалось уважение к Фандарелу. — Пожалуй, стоит сложить о нем приличествующую случаю Сагу. Я дам задание своим помощникам. Они сделают это. — Робинтон повернулся к Ф'лару и пристально посмотрел на него. — Мне кажется, что ты уже приступил к своему южному предприятию?

Ф'лар невесело кивнул.

— Твои сомнения растут?

— Эти перемещения через межвременной Промежуток слишком дорого стоят, — признал всадник, бросив тревожный взгляд в сторону спальни.

— Госпожа Вейра нездорова?

— Сейчас она спит, но сегодняшнее путешествие сильно повлияло на нее. Нам нужно найти другое решение, не столь опасное! — Ф'лар ударил кулаком по ладони.

— Помнишь песню о покинутых Вейрах? Я еще не окончательно решил эту головоломку, но кое-что все-таки сделал, — бодро сообщил Робинтон. — Нашел запись. Четыреста оборотов назад тогдашний мастер-арфист был приглашен в Форт-Вейр — вскоре после того, как Алая Звезда исчезла с вечернего небосклона Перна. Он и написал эту песню.

— И что же в ней?

— Только констатация факта. И в дальнейшем — никаких упоминаний об этом необычном визите. Хотя любая из таких встреч имеет свою цель, которая заносится в наши Архивы. Но в данном случае объяснения отсутствуют, как будто его пригласили в Форт выпить чашку кла. Но, — Робинтон многозначительно поднял брови, — спустя десять месяцев к обязательным обучающим Балладам была добавлена песня о покинутых Вейрах.

— Ты считаешь, что все эти события взаимосвязаны?

— Да. Но как?

Ф'лар налил Робинтону чашу вина.

— Я тоже просматривал старые Записи, но не обнаружил ничего интересного. — Он пожал плечами. — Вроде все шло своим чередом — вплоть до самого момента исчезновения. Есть записи о прибывших караванах с продовольствием, перечень запасов, списки раненых людей и зверей... А затем, в середине холодного периода, Записи обрываются — всюду, кроме Бендена.

— Почему же из всех шести Вейров сохранился именно Бенден? — задумчиво произнес Робинтон. — Если необходимо оставить один Вейр, то островная Иста — куда лучший выбор. Бенден находится слишком далеко на севере, и климат тут суров...

— Но Бенден расположен высоко в горах и хорошо изолирован. Скажем, какая-нибудь эпидемия, поразившая остальные Вейры, могла не добраться сюда.

— И никаких объяснений по этому поводу? Не могли же драконы, всадники, женщины и дети упасть замертво и в одно мгновение испариться — даже не оставив тысяч гниющих на солнце трупов?

— Ну, тогда попытаемся понять, зачем позвали арфиста. Может быть, ему велели создать обучающую Балладу, рассказывающую об этом исчезновении?

— Не думаю, — фыркнул Робинтон. — Она же не отвечает ни на один вопрос! Она их ставит!

— Чтобы мы попытались найти ответ? — негромко предположил Ф'лар.

— Да! — Глаза Робинтона сверкнули. — Именно! Эта мелодия... ее трудно забыть... Значит, такова была цель — чтобы песню помнили, помнили сотни Оборотов! И ответили на вопросы, заданные в ней.

— О каких вопросах идет речь? — осведомилась бесшумно вошедшая Лесса.

Мужчины встали. Ф'лар с необычайной заботливостью пододвинул ей кресло и налил вина.

— Я еще могу держаться на ногах, — заметила Лесса, слегка обескураженная такой любезностью. Улыбнувшись Ф'лару, она произнесла, уже мягче: — Я выпалась и чувствую себя намного лучше. Что вы здесь так бурно обсуждали?

Ф'лар быстро обрисовал ей ситуацию. Когда он упомянул песню о покинутых Вейрах, Лесса вздрогнула.

— Я тоже не могу забыть ее мелодию... Наверное, что-то важное сообщается в ней... Но это нужно понять. — Обхватив ладонями чашу с вином, Лесса невидящим взглядом уставилась в стену. — Быть может, иные миры беззащитны и в страхе пред Нитями молят защиты? — медленно продекламировала она и повторила: — В страхе пред Нитями молят защиты?..

Внезапно глаза ее сверкнули.

— Ушли далеко, ушли без возврата! — закричала она, вскочив на ноги. — Вот что! Все пять Вейров отправились в будущее! Но в какое время?

Ф'лар, изумленный услышанным, резко повернулся к ней.

— Да, конечно! Они направились в будущее, к нам! Туда, где надо спасти изнемогших в борьбе... Пять Вейров, полные драконов, — повторила Лесса взволнованно.

— Нет, невозможно! — воскликнул Ф'лар; на лбу его выступила испарина.

— Но почему? — возразил Робинтон. Пальцы его тряслись. Пытаясь скрыть дрожь, он ухватился за край стола. — Разве это не решает наши проблемы? И разве это не объясняет, почему они исчезли так неожиданно, не оставив никаких сообщений, кроме песни, полной загадок?

Ф'лар откинул со лба темную прядь густых волос.

— Да, объясняет, — признал он. — Ясно, что они не могли оставить никаких указаний — иначе все предприятие оказалось бы под угрозой. Точно так же, как я не мог рассказать Ф'нору о трудностях, с которыми ему предстоит столкнуться. Но каким же образом они попадут сюда — если намеревались перенестись в на-

ше время? Как они узнали, что нам нужна помощь — и когда нужна? Как смогли дать ориентиры драконам — ориентиры во времени, которое еще не наступило?

— Кто-то отправился к ним и сообщил эти ориентиры, — тихо произнесла Лесса.

— Ты сошла с ума! — закричал Ф'лар, лицо его исказила тревога. — Не смей даже думать об этом! Ты уже забыла, что с тобой случилось сегодня? Прыжок на десять Оборотов в прошлое оставил тебя без сил, а ты рассуждаешь о том, что надо отправиться на четыреста Оборотов назад! Во время, которое мы даже приблизительно не можем себе представить!

— Но разве Перн не стоит того? — печально спросила она.

Ф'лар схватил ее за плечи, встряхнул, потом прижал к груди. Страх застыл в его глазах.

— Перн не может потерять тебя и Рамот'у... И я не могу... — Голос всадника стал тихим и напряженным. — Лесса, Лесса, не смей так говорить, не перечь мне!

— Э-э, возможно, найдется безопасный способ осуществить это дело... причем — в ближайшее время, моя госпожа. — Робинтон явно хотел разрядить обстановку. — Кто знает, что ждет нас завтра? Во всяком случае, нельзя ничего предпринимать, не обдумав все, вплоть до мелочей.

Лесса пристально посмотрела на Робинтона.

— Вина? — предложил арфист, приподнимая кувшин. Рубиновая струйка потекла в чашу, и ее плеск разбил оцепенение, охватившее Лессу и Ф'лара.

— Рамот'а не боится. Она готова попробовать, — сказала Лесса, упрямо сжав губы.

Ф'лар метнул свирепый взгляд на золотую королеву, которая, изогнув шею, наблюдала за людьми из своего вейра.

— Рамот'а молода и безрассудна! — отрубил он — и тут же уловил мысли Мнемента.

Лесса откинула голову и расхохоталась. Гулкое эхо ответило ей, прокатившись под высокими сводами зала.

— Я тоже не прочь немного посмеяться, — язвительно заметил Робинтон.

— Прости, мастер. Мнемент' сообщил Ф'лару, что он не так молод и не слишком безрассуден, но тоже не боится. Он говорит, что это всего лишь один длинный шаг, — объяснила Лесса, утирая с глаз слезы.

Ф'лар угрюмо заглянул в проход, в конце которого, на своем обычном месте, отдыхал Мнемент'.

«Приближается дракон с грузом, — невозмутимо сообщил

бронзовый. — Молодой Б'рант на своем Фэнт'е, с ним — Лайтол».

— Наверно, нас опять ждут плохие вести, — раздраженно заметила Лесса. Улыбка исчезла с ее губ.

— Лайтолу нелегко летать на чужом драконе и посещать Вейр, Лесса Руатанская, — жестко произнес Ф'лар. — Не усугубляй его муки злыми насмешками.

Лесса опустила глаза. Выговор, сделанный в присутствии Робинтона, обидел ее.

Тяжело ступая, Лайтол вошел в королевский вейр, поддерживая за один конец огромный, свернутый трубкой ковер. Другой конец тащил юный Б'рант. От напряжения лоб его покрылся потом. Середина длинного свертка провисала, шаркая по гладким каменным плитам.

Управляющий Руата отвесил глубокий поклон Рамот'е и жестом попросил молодого всадника развернуть гобелен. Когда громадное полотнище раскинули на полу вейра, Ф'лар понял, почему мастер Зург запомнил его. Да, эта вещь была старой, но краски оставались яркими и полными жизни. Главное, однако, заключалось в том, что изобразили мастера древности.

— Мнемент', пошли кого-нибудь за Фандарелом, — вслух приказал Ф'лар. — Пусть передадут, что в Вейр доставлен гобелен с изображением огнемета.

— Его похитили из Руата! — с негодованием вскричала Лесса. — Я помню его с детства — он висел в главном зале и ценился больше всего остального богатства моей семьи! Где ты нашел его? — она повернулась к Лайтолу, сверкая глазами.

— Госпожа, теперь он снова вернется туда, где находился сотни Оборотов, — бесстрастно сказал управляющий. Он присел на корточки и благоговейно коснулся пальцами плотной ткани. — Работа великих мастеров... Какие краски, узор, рисунок! Целая жизнь ушла на подготовку ткацких станков для него, а чтобы выполнить такую работу, нужны усилия всего цеха!

Ф'лар прошелся вдоль края огромной шпалеры и с сожалением покачал головой. Гобелен лежал на полу, что мешало оценить это великое произведение искусства. Но изображение можно было рассмотреть хорошо.

В верхней части картины сверкала бронзой армада из трех плотно сомкнутых крыльев. Драконы, извергая пламя, испепеляли серебристые пряди Нитей, которые опускались с сияющего голубого неба. Осень, решил Ф'лар, несомненно, осень; в более теплую погоду небеса не могли бы отливать такой пронзительной голубизной. Его внимание привлекла нижняя половина гобеле-

на. Склоны гор, покрытые лесами с желтеющей листвой, подтвердили его догадку. Очертания скал, их серый цвет говорили, что здесь изображена долина Руата. В центре, из распахнутой двери холда выходили люди, стигбаясь под тяжестью цилиндров, закрепленных на их спинах. Да, именно об этом говорил Зург! Трубки в руках защитников холда испускали струи огня, направленные на Нити, которые извивались и корчились, безуспешно пытаясь зарыться в землю.

Лесса, внимательно изучавшая изображение холда, вскрикнула. Ф'лар посмотрел на нее с тревогой.

— Что? Ты узнала свой Руат?

— Да... и в то же время — нет, — озадаченно ответила она, разглядывая детали бронзового орнамента двери холда.

Лайтол хмуро посмотрел на госпожу Вейра и подтвердил, указав на вытканную дверь:

— Действительно, это наша дверь. Я перешагнул ее порог всего час назад. Однако если приглядеться — пожалуй, есть какие-то отличия. — Он мрачно уставился на ковер у своих ног.

— Главное, что тут изображены устройства, которые хочет изучить Фандарел, — сказал Ф'лар, разглядывая огнемёт. Смогут ли мастер-кузнец изготовить такие же? Если Фандарел откажется, их не сделает никто.

Однако кузнец, полный ликования, был далек от сомнений. Прилетев в Вейр, он улегся на ковер и, уткнувшись носом в ворс, начал изучать детали конструкции. Он ворчал, кричал и бормотал; наконец, усевшись на гобелен рядом с изображением огнемёта, принялся набрасывать чертеж.

— Это было сделано... Значит, может быть сделано... И будет сделано! — громыхал он, пока стило в огромных пальцах с удивительной лёгкостью скользило по пергаменту.

Узнав от молодого Б'ранта, что ни он, ни Лайтол еще не ели, Лесса велела поднять наверх кла, хлеб и мясо. Стигаясь под тяжестью подносов, она с улыбкой подносила мужчинам еду, несколько раз сбегав к шахте подъемника за добавкой. Лайтолу Лесса уделила подчеркнутое внимание — гораздо большее, чем самому предводителю Вейра. Наконец она двинулась в наступление на Фандарела — маленькая фигурка против могучего, крижистого дуба — и заставила кузнеца оторваться от гобелена, чтобы немного поесть и выпить кла.

Спустя час Фандарел решил, что с набросками покончено, и немедленно исчез. Он торопился обратно в мастерскую, к своим помощникам.

Ф'лар покачал головой.

— Пожалуй, не стоит спрашивать, когда он вернется. Кажется, наш мастер так погружен в свои мысли, что ничего не слышит, — пошутил предводитель Вейра.

— Если вы не возражаете, я тоже удалюсь, — сказала Лесса, улыбнувшись мужчинам. — Уважаемый Лайтол, Б'ранта тоже нужно отпустить. Кажется, он совсем засыпает.

— Нет-нет, моя госпожа, — поспешно заверил юноша, широко раскрыв глаза и выпрямившись.

Лесса рассмеялась и исчезла в своей спальне. Ф'лар задумчиво посмотрел ей вслед.

— Этот послушный тон вызывает у меня тревогу, — поделился он своими сомнениями с Робинтоном.

Арфист сочувственно посмотрел на Ф'лара.

— Мне тоже пора откланяться, — произнес он, встав. Лайтол и Б'рант последовали его примеру.

Ф'лар остался один в большой пещере, на полу которой яркими красками сверкал гобелен. Чуть дальше, в уютном каменном углублении, спала Рамот'а.

Предводитель Вейра медленно окинул взглядом древний Руатхолд, горы и мчащихся в вышине драконов; затем поднял глаза на золотую королеву.

— Она молода, но отнюдь не глупа, — пробормотал всадник, качая головой. В поисках утешения он обратился к Мнемент'у. Но его бронзовый, сладко дремавший на карнизе королевского вейра, не ответил.

Глава 4

Чернее, чем черная чернота,
Стылой стужи бездонней,
Мертво стискивает Пустота...
Дрогнул — погиб. Но выносят тебя
Хрупкие крылья драконьи.

— Я хочу, чтобы этот гобелен вернулся в Руат, — заявила Лесса Ф'лару на следующий день. — Он должен храниться на своем месте.

Они заходились проводить раненых и уже успели поспорить из-за Н'тона, которого Ф'лар отправил на юг. Лесса хотела, чтобы он попытался летать на другом драконе. Ф'лар же считал, что на юге Н'тон научится командовать крылом и достигнет зрелости, имея в запасе десять Оборотов.

Овладевшая Лессой идея о путешествии в далекое прошлое встревожила Ф'лара очень сильно. Зная ее нрав, неуступчивый и упрямый, он понимал, что прямой запрет не остановит девушку. Он вновь и вновь напоминал Лессе о трудностях, с которыми столкнулся Ф'нор, несколько раз посетовал на его измученный вид... Затем стал расспрашивать об ощущениях, испытанных Лессой во время трех предыдущих путешествий. Девушка погрузилась в глубокое раздумье, но она ничем не дала понять, что разгадала маневры предводителя Вейра.

Поэтому, когда Фандарел прислал сообщение, что готов продемонстрировать новое устройство, Ф'лар, собираясь в путь, не стал возражать против желания Лессы торжественно возвратить похищенный гобелен в Руат.

Никому не доверяя, она сама проследила, чтобы свернутый гобелен надежно закрепили на спине Рамот'ы. Через несколько минут золотой дракон, мощно взмахивая крыльями, поднялся к Звездной Скале и исчез. На карниз, с которого Ф'лар наблюдал за королевой и ее всадницей, опустился Р'гул. Он сообщил, что в проходе появился караван с огненным камнем. Из-за этого и множества других мелких дел Ф'лар попал в мастерскую Фандарела только около полудня. Кузнец продемонстрировал ему первую, пока еще несовершенную модель огнемета, который посылал пламя на три-четыре фута.

И лишь во второй половине дня Ф'лар снова очутился в Вейре.

Р'гул передал, что его дважды разыскивал Ф'нор.

— Дважды?

— Да, я же сказал. Со мной он говорить не пожелал. — Р'гул был явно обижен.

Стемнело. Лесса все еще не возвращалась. Перед вечерней трапезой Ф'лар послал в Руат молодого всадника, и тот сообщил, что Лесса действительно доставила гобелен. Она подняла на ноги и загоняла весь холд, пока огромное яркое полотнище не закрепили на стене зала. Потом несколько часов она изучала его, то присаживаясь на скамью, то безостановочно вышагивая вдоль сверкающего яркими красками старинного полотна.

Наконец она вышла во двор, и через мгновение Рамот'а поднялась в небо над башнями холда. Лайтол был уверен, что Лесса направляется обратно в Бенден-Вейр.

— Мнемент', — вскричал Ф'лар, едва посыльный закончил свой доклад, — Мнемент', где они?

Ответ бронзового последовал не скоро.

«Я не слышу их», — наконец передал он, и его беззвучный

мысленный голос показался Ф'лару тихим и полным такой тревоги, какую только мог испытывать дракон.

Ф'лар, вцепившись обеими руками в край стола, устоял на пустой вейр королевы. Охваченный ужасом и мукой, он понял, куда отправилась Лесса.

Глава 5

Холодный, как смерть, и несущий смерть,
Останься — потерянный, чтоб умереть.
Храбрый, помедли. Вспомни Закон:
Путь твой издревле предопределен.

Воздух под ними пронзала главная башня Руата. Лесса попросила Рамот'у взять левее, не обращая внимания на раздраженную воркотню. Она понимала, что королева тоже охвачена нервным возбуждением.

«Правильно, малышка, это как раз тот угол, под которым на гобелене изображена дверь холда... но в те времена, когда его ткали, над дверью не было навеса и колонны еще не украшала резьба... Башни, ворот и внутреннего двора тоже не было...» Она погладила удивительно нежную кожу изогнутой золотистой шеи и усмехнулась, пытаясь скрыть охвативший ее страх... страх перед тем, что она готовилась совершить.

Лесса старалась убедить себя, что имеет достаточно оснований для риска. Несомненно, строки Баллады «...иные миры беззащитны И в страхе пред Нитями молят защиты» намекали на прыжок, совершенный через межвременной Промежуток. А гобелен дал необходимые для путешествия ориентиры. О, какую благодарность она испытывала к ткачу, который с такими подробностями воспроизвел внешний вид холда! Надо будет сказать ему, что он отлично выполнил работу. Она надеялась, что получит такую возможность... Ну, хватит думать об этом. Конечно, она увидит ткача... Ведь Вейры исчезли четыреста Оборотов назад! Она знает, что люди и драконы отправились в будущее... и она знает, как попасть в прошлое, чтобы доставить их сюда, в ее время. Значит, она должна сделать это... Все просто, но только они с Рамот'ой способны одолеть такой путь... Все кончится успешно, потому что... потому что это уже сделано. Ведь Вейры исчезли! Лесса улыбнулась и несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь унять сотрясавшую ее дрожь.

— Ну, малышка, золотая моя, теперь у тебя есть ориентиры, — пробормотала она. — Ты знаешь, куда я хочу попасть. Вперед!

Холод был невыносимым, еще более пронизывающим и ужасным, чем она могла представить. Он сжал Лессу в ледяных тисках — не тот холод, что морозит тело, нет, нет, это было нечто иное, нечто такое, что невозможно себе представить, — необозримое, не ведающее границ, чудовищно холодное отсутствие всего. Ни света. Ни звука. Ни прикосновения. Они неподвижно висели во мраке и пустоте, все дольше и дольше — пока Лесса не почувствовала ужас, способный свести с ума. Она знала, что сидит на теплой шее Рамот'ы, вцепившись руками в складки ее кожи, но ноги и пальцы не ощущали ничего, словно громадное тело дракона растаяло, испарилось во тьме. Не желая сама того, она закричала. Губы ее шевельнулись, но ни звука, ни шороха не прозвучало в ледяной тишине. Лесса подняла бесплотную руку, пытаясь коснуться щеки... мысли ее мутились...

«Я здесь, — прозвучал у нее в голове зов Рамот'ы. — Я здесь, вместе с тобой!» — словно теплый луч коснулся сердца! Рамот'а рядом, рядом — и лишь эта мысль удерживала девушку от потери рассудка в ужасающей, вечной и вневременной пустоте Промежутка.

* * *

Кто-то догадался послать за Робинтоном. Мастер-арфист застал Ф'лара неподвижно сидящим за столом; лицо всадника было мертвенно-бледным, взгляд блуждал по опустевшему королевскому вейру. Появление арфиста, его спокойный голос, казалось, вывели Ф'лара из ступора. Повелительным жестом он отослал провожатых Робинтона прочь.

— Она исчезла... Я знаю — она попыталась достигнуть прошлого... через четыреста Оборотов назад! — резко сказал Ф'лар.

Арфист опустил в кресло напротив предводителя Вейра и в упор посмотрел на его искаженное горем лицо.

— Она повезла гобелен обратно в Руат, — продолжал Ф'лар тем же резким, прерывающимся голосом. — Я говорил ей о Ф'норе. О том, как это опасно. Она не возражала, не спорила. Но я знаю, она боялась долгого полета в межвременном Промежутке... Да, боялась — если что-то вообще способно напугать ее... — Ф'лар стукнул кулаком по столу. — Я должен был предвидеть! Когда она считает, что права, то не останавливается ни перед чем! Она просто делает, не думая о последствиях!

— Госпожа Вейра — умная женщина, — возразил Робинтон. —

Она не пойдет на такой прыжок с риском для жизни, не имея ориентиров. По крайней мере, мне так кажется.

— Но на этот раз их понесло туда, где брошена кукла в углу! Вот и все ее ориентиры! — не сдержавшись, крикнул Ф'лар.

— Подожди, мой господин, — остановил его Робинтон. Он задумался, потом, прищелкнув пальцами, сказал: — Вчера, когда мы разглядывали гобелен, ее очень интересовало изображение двери холда... Помнишь, она обсуждала это с Лайтолом?

Ф'лар вскочил на ноги и, схватив арфиста за руку, бросился к выходу.

— Вперед! Нам нужно попасть в Руат!

* * *

Лайтол зажег все светильники в главном зале. Теперь Ф'лар и Робинтон могли рассмотреть все, даже самые мелкие детали тканного на гобелене рисунка.

— Она провела здесь почти весь день, изучая его, — сказал управляющий, печально покачивая головой. — Ты уверен, что она решилась на этот невероятный прыжок?

— В этом нет никаких сомнений. Мнемент' не слышит ни ее, ни Рамот'у. Хотя он утверждает, что может уловить отголоски мыслей Кант'а, находящегося за десять Оборотов от нас на Южном материке. — Ф'лар расхаживал перед гобеленом, бросая фразы через плечо. — Так что же с этой дверью, Лайтол? Думай, дружище!

— Она почти такая же, как сейчас... но колонны еще не украшены резьбой... И нет башни, не поставлены ворота...

— Ах, вот оно что... Зург сказал, гобелен очень древний. И Лесса, подумав, что ему не меньше четырехсот Оборотов, решила использовать его в качестве ориентира.

— Тогда в чем же дело? Она там — и в безопасности! — воскликнул Робинтон, с облегчением опускаясь на скамью.

— Нет, арфист... ты заблуждаешься. Не так все просто, — пробормотал Ф'лар.

Робинтон поймал его полный тревоги взгляд и заметил отчаяние, искажившее лицо Лайтола.

— Но почему?

— В Промежутке нет жизни... Нет ничего, — выдавил из себя Ф'лар. — Чтобы попасть через Промежуток из одного места в другое, требуется время... очень небольшое, успеваешь только трижды моргнуть глазом. Человек способен это выдержать. Но прыжок на четырехста Оборотов... — Голос его прервался.

Тот, кто хочет, —
Тот посмеет.
Кто рискнет —
Тот одолеет.
Тот, кто любит, —
Тот живет.

Внезапно она слышала голоса. Они громом отозвались в голове, пронизали виски болью, поднялись до пронзительного визга и сошли на нет. Она судорожно ловила воздух ртом, кровать вращалась и качалась под ней. Тошнота подступала к горлу, боль снова ударила в голову — пронзительная, нестерпимая; она вцепилась в край постели и закричала, опускаясь во мрак беспмятства.

И все же существовало нечто... ее заставила очутиться здесь какая-то причина. Она пыталась заговорить, рассказать... Она чувствовала, как пытается войти в контакт с ней Рамот'а... Цепляясь за ментальные сигналы дракона, как за спасительный якорь, Лесса надеялась, что Рамот'е удастся вырвать ее из этой мучительной, безбрежной пустоты. Но сознание снова и снова отключалось, в изнеможении она раз за разом проваливалась в бездонную яму, падая туда все глубже и глубже... и лишь отчаянная необходимость передать нечто важное вырывала ее из забытья на считанные мгновения.

Наконец она ощутила, что к ней прикасаются чьи-то нежные, осторожные пальцы, почувствовала, как в рот льется что-то жидкое, теплое... Жидкость смочила воспаленное горло, она попыталась сглотнуть и забилась в приступе кашля. Но кровать под ней перестала вращаться, мир, казалось, обрел устойчивость и прочность. Обессиленная, она попыталась приподнять веки. Стоявшие у постели фигуры больше не качались и не кружились.

— Кто... вы? — удалось выдать ей.

— О, Лесса! Ты очнулась, моя дорогая...

— Это имя? Мое имя? — озадаченно спросила она.

— Так говорит твоя Рамот'а... — ответил ей ласковый голос. —

Я — Мардра из Форт-Вейра.

— Ох, как Ф'лар рассердится на меня, — простонала Лесса. Память стремительно возвращалась к ней. — Он начнет меня трясти... Он всегда так делает, когда я не слушаюсь... Но я была права... была права... Мардра?... О, эта... ужасная... пустота. —

Она чувствовала, что засыпает, что не в силах сопротивляться охватившей ее слабости. Тихий, теплый сон сомкнул над ней свои крылья...

* * *

Лесса открыла глаза. Комната, слабо озаренная парой светильников, была похожа и не похожа на ее спальню в Бенден-Вейре. Девушка лежала неподвижно, пытаясь уловить различия. Да, тут были очень гладкие, прекрасно отшлифованные стены... комната казалась больше, сводчатый потолок плавно изгибался... Глаза ее привыкли к слабому свету, и теперь она могла различить предметы обстановки... почти такие же, как дома, но более изящные...

Она беспокойно пошевелилась.

— Ну, наконец-то ты проснулась, таинственная гостья, — произнес мужской голос. Сквозь раздвинутые занавески из наружного вейра лился далекий свет. Лесса скорее почувствовала, чем увидела, что кто-то стоит у ее ложа.

Женщина, вынырнув из-за спины мужчины, склонилась над ней.

— Я помню тебя. Ты Мардра, — медленно произнесла Лесса.

— Верно. А это — Т'рон, предводитель Форт-Вейра.

Мужчина кивнул, зажег новый светильник и оглянулся через плечо на Лессу, чтобы убедиться, что свет не беспокоит.

— Рамот'а! — Лесса резко села в постели, внезапно сообразив, что ментальный образ, пришедший из наружного вейра, принадлежит другому дракону.

— О, твоя королева! — засмеялась с веселым испугом Мардра. — От горя она скоро съест в нашем Вейре абсолютно все. Моей Лорант'е пришлось позвать других золотых, чтобы привести ее в чувство.

— Она сидит на Звездной Скале, словно это ее собственность, и постоянно причитает, — добавил Т'рон менее доброжелательно. Он насторожился. — Ха! Кажется, перестала!

— Вы можете лететь? — выпалила Лесса.

— Лететь? Зачем и куда, моя дорогая? — спросила Мардра озадаченно. — Ты все говорила и говорила, что надо лететь, о том, что Нити приближаются, об Алой Звезде в отверстии Глаз-Камня... Ты забыла, что Прохождение окончилось два месяца назад?

— Нет, нет... все началось снова... Поэтому я вернулась в прошлое через межвременной Промежуток...

— Прошлое? Межвременной Промежуток? — воскликнул Т'рон, придвигаясь к кровати и внимательно разглядывая Лессу.

— Пить... дайте мне пить, — пробормотала Лесса, чувствуя, как внезапно пересохло горло. Она приподнялась в постели. — Я знаю, в моих словах много непонятного... Я еще не совсем здорова. Но поверьте, я не сумасшедшая. Просто все очень сложно.

— Сложно, — согласился Т'рон и крикнул в шахту подъемника, чтобы прислали кля. Он подтащил кресло к кровати и уселся поудобнее, готовясь выслушать Лессу.

— Мы верим тебе, — успокоила ее Мардра, бросив предостерегающий взгляд на своего друга. — Ты совершенно нормальна — иначе как бы ты могла летать на золотом драконе?

— Да, это так, — согласился Т'рон.

Лесса дождалась, пока появится кля. Получив кружку, она с жадностью выпила ароматную жидкость и благодарно кивнула головой. А затем глубоко вздохнула и начала рассказ о долгом Интервале между прохождениями Алой Звезды, об упадке единственного Вейра Перна, о том, как Йора потеряла контроль над своей королевой и потомство Неморт'ы стало катастрофически уменьшаться. Она рассказывала, как запечатлила Рамот'у и после смерти Йоры стала госпожой Бенден-Вейра. Как взбунтовались правители холдов и как Ф'лар перехитрил их и взял в свои руки власть над Бенденом и всем Перном, чтобы подготовиться к нашествию Нитей. Как она училась летать в Промежутке и случайно попала в прошлое, в Руат, гибнущий под мечами солдат Фэкса.

— Он напал на Руат? На холд моей семьи? — в ужасе вскричала Мардра.

— О, Руат дал Вейрам многих выдающихся повелительниц, — сказала Лесса, лукаво улыбнувшись.

Т'рон, внимательно слушавший девушку, расхохотался.

— Она тоже руатанка, не сомневаюсь! — бросил он Мардре.

Лесса продолжала свою историю. Она говорила о том, что оскудевший Бенден не в состоянии защитить Перн от новой атаки Нитей, об арфисте Робинтоне и его песне исчезнувших Вейров и о громадном гобелене из Руата...

— Гобелен? — с изумлением спросила Мардра, касаясь щеки пальцами. — Опиши его мне!

И когда Лесса сделала это, она наконец поняла, что ей поверили. Лицо Т'рона посуровело, на глазах Мардры выступили слезы.

— Это правда, правда! — воскликнула она. — Мой отец действительно заказал такой гобелен! Он рассказывал мне недавно, что там будет изображено — последняя битва с Нитями, которая

произошла над Руатом... — Мардра повернулась к Т'рону, глаза ее сверкнули в полутьме комнаты. — Она говорит правду. И гобелен... Как иначе она могла бы узнать про него?

— Вы можете расспросить мою Рамот'у, — добавила Лесса. — Драконы не умеют лгать.

— Моя дорогая, мы не сомневаемся в твоих словах, — сказала Мардра. — Но то, что ты совершила... Это великий подвиг!

— Не думаю, что я рискну повторить его когда-нибудь, — ответила Лесса, опустив глаза. — После того, что было со мной...

— Да, такой шок делает прыжок в будущее непростой задачей, — задумчиво произнес Т'рон. — Ведь твоему Ф'лару нужны полные сил всадники, а не калеки...

— Но вы полетите? Правда? — встрепелась Лесса.

— Скорее всего, мы это сделаем, — мрачно произнес Т'рон; губы его искривились в невеселой усмешке. — Ты сказала, что мы покинули Вейры... покинули их, не оставив никаких объяснений. Мы отправились куда-то... вернее, в когда-то, и затем...

Он умолк, и внезапно всех их поразила одна и та же мысль. Да, Вейры были покинуты, но Лесса ничем не могла доказать, что их обитатели живыми и здоровыми достигли ее эпохи.

— Мы должны найти выход! Должны! — в смятении закричала она. — И нельзя ждать! Нельзя терять время!

Т'рон покачал головой.

— На этом конце истории времени предостаточно, моя дорогая. — Он снова печально улыбнулся. — Но я думаю, тебе пора отдохнуть.

Казалось, вожди Форт-Вейра больше озабочены здоровьем Лессы, чем она сама. По словам Мардры, Лесса пролежала без сознания несколько недель; в бреду она кричала, что падает, падает в бесконечную ужасающую пустоту, где нет ни света, ни звука... ничего, кроме холода и тьмы. Рамот'а тоже пострадала от слишком длительного пребывания в Промежутке; когда она появилась в небе над древним Руатом, от полной сил золотой королевы оставался лишь бледно-желтый призрак.

Правитель Руата, отец Мардры, был страшно поражен, когда на каменные плиты его холда опустился изможденный дракон, на шее которого лежала потерявшая сознание юная женщина. К счастью, он без промедления послал за помощью в Форт-Вейр. Рамот'у и Лессу перевезли туда, а руатанский лорд и другие немногочисленные свидетели происшествия хранили молчание.

Когда Лесса достаточно окрепла, Т'рон созвал Совет предводителей Вейров. Как ни странно, никто из них не возражал про-

тив переселения; их беспокоило только, как избежать губительного шока, связанного с долгим пребыванием в Промежутке.

Лесса быстро поняла, почему всадники с такой готовностью согласились тронуться в рискованное путешествие. Большинство из них родились в период нынешнего Прохождения и провели жизнь в сражениях с Нитями. Но теперь, уже четыре месяца, они занимались лишь повседневным патрулированием; однообразие и скука утомили их. Учебные тренировки были плохой заменой настоящих битв. К тому же холдеры, которые еще недавно носили всадников на руках, становились все более равнодушными по мере удаления Алой Звезды. Вожди видели, как забвение и скука подкрадываются к их Вейрам, словно изнурительная болезнь. Предложение Лессы обещало лучшее будущее, чем медленное угасание и деградацию в течение предстоящего длительного Интервала.

В совещании участвовал только один представитель Бендена — его предводитель. Так как этот Вейр существовал во время Лессы, его обитателям следовало оставаться в неведении относительно планов переселения. Даже слухи о присутствии Лессы в Форт-Вейре не должны были дойти до Бендена. В будущем не сохранились никаких упоминаний о ее путешествии.

Лесса настояла, чтобы в Форт вызвали мастера-арфиста, так как Записи говорили, что он был вызван. Но когда музыкант попросил ее пересказать песню о покинутых Вейрах, девушка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Ты напишешь ее — ты или твои ученики, когда будут обнаружены опустевшие Вейры, — сказала она. — Вы должны создать эту Балладу сами, а не повторять мои слова.

Арфист сжал ладонями виски, лицо его стало задумчивым.

— Трудная задача — написать песню, которая через четыреста Оборотов даст ключ к разгадке...

— Да, сделать это трудно, но необходимо, — согласилась Лесса. — И не забудь включить ее в число обучающих Баллад — она должна сохраниться в памяти многих поколений. И еще... В ней был вопрос — тот вопрос, на который я сумела ответить.

Музыкант усмехнулся, и она поняла, что ему достаточно этого намека.

Споры о том, как обеспечить безопасность перелета, становились все более жаркими. Столь длительный путь разумно было бы проделать по частям, чтобы не подвергаться долгое время губительному влиянию Промежутка. Но это разумное предложение казалось невыполнимым. Не существовало никаких упоминаний, что Вейры задерживались где-то на пути в будущее, а Лес-

са преодолела его одним огромным скачком и, конечно, не могла сообщить ориентиры для остановок.

— Ты говорила, что прыжок на десять Оборотов не вызывает затруднений? — спросил Т'рон у Лессы, когда предводители Вейров и мастер-арфист собрались в очередной раз, чтобы обсудить казавшуюся безвыходной ситуацию.

— Да. Он занимает... ну, примерно вдвое больше времени, чем путь из одного места Перна в другое.

— Хм-м... Значит, на тебя повлияла длительность прыжка. Может быть, перемещения на двадцать — двадцать пять Оборотов окажутся безопасными?

— Возможно, — кивнул головой Д'рам, осторожный предводитель Исты. — Но откуда мы знаем, что наше путешествие закончится успешно? Полеты в Промежутке — рискованное дело. Люди часто пропадают без следа.

— Правильное замечание, Д'рам, — согласился Т'рон. — Но я чувствую, должны быть еще доказательства, что мы отправились — точнее, отправимся — в будущее. Например, эта песня, которая сохранилась за четыреста Оборотов...

— Она говорит лишь о том, что мы рискнули двинуться в путь, — мрачно заметил Д'рам. — Но откуда нам известно, что Вейры благополучно достигли времени Лессы? Ведь этого еще не случилось.

Не один Т'рон искал ответ на подобные вопросы. Внезапно вождь Форта с силой опустил кулаки на стол.

— Клянусь, быстрая смерть в Промежутке лучше медленного прозябания тут! Что нам остается? Жить, словно бескрылые ящерицы, пока не наступит старость и Промежуток не поглотит нас навсегда? Я говорю — рискнем! Мы — всадники, и наше дело — биться с Нитями, верно? Так отправимся же на новую охоту... туда, где Алая Звезда снова сияет на небосклоне!

Лесса, встревоженная возражениями Д'рама, немного успокоилась. Однако страх, сжимавший ее сердце, не исчез — она понимала, что нельзя исключить возможность, о которой говорил предводитель Исты. Она могла рисковать собой — но не Вейрами. Послать в Промежуток — возможно, на смерть — всадников и драконов, детей, женщин... Нет, это казалось невозможным.

Внезапно напряженную тишину прорезал голос арфиста.

— Пожалуй, я мог бы помочь вам с этими ориентирами... Вернее — обратить ваше внимание на слова Т'рона. В них есть все, что нужно. Вслушайтесь: отправимся туда, где Алая Звезда вновь сияет на небосклоне! Вот ваша опорная точка! Она поведет вас

вперед, в будущее, на двадцать Оборотов или на двести — как хотите.

Глаза мастера сверкали, удивленная улыбка осветила его лицо. Всадники зашумели. Кто-то вскочил, возбужденно размахивая руками. Да, решение было найдено, надежное и простое! Звездное небо Перна, в котором Алая Звезда то ярко сияла, то, удаляясь, превращалась в едва заметную точку, могло служить таким же надежным ориентиром, как и поверхность планеты. Итак, древний враг всадников будет помогать и направлять их на этом необычном пути.

На вершине близ Форта возвышались огромные камни-указатели — такие же, как в Бендене и других Вейрах. Их установили для того, чтобы отмечать периоды приближения и удаления Алой Звезды, кружившей вокруг Солнца по причудливо вытянутой орбите. Сверившись с Архивами, в которые регулярно заносились сведения о местоположении и яркости Алой Звезды на протяжении каждого цикла из двухсот Оборотов, нетрудно было разбить весь путь на небольшие интервалы.

В пяти Вейрах насчитывалась тысяча восемьсот драконов; такое огромное количество было опасно сосредотачивать в одном месте. Поэтому каждый Вейр отправлялся в путешествие самостоятельно, сдвигаясь по времени прыжками в двадцать-тридцать Оборотов.

Казалось, Лесса только теперь поняла, какая бездна отделяет ее от родной эпохи. Разлука с Ф'ларом длилась уже месяц, и она скучала по нему гораздо больше, чем могла себе представить. Беспокоила ее и Рамот'а. Приближалось время очередного брачного полета, а Мнемент' находился так далеко... Говоря по правде, в Форт-Вейре нашлось бы немало драконов и бронзовых всадников, готовых послужить партнерами гостям из будущего, но Лессу они не интересовали.

Последнюю неделю она, вместе с Т'роном и Мардрой, занималась подготовкой к великому исходу. Сборы велись в тайне от холдеров. Перн не должен был знать о том, куда исчезли его защитники. В наследство грядущим векам оставался лишь гобелен и песня о покинутых Вейрах.

Когда Лесса взлетела в ночное небо над Звездной Скалой Форта, чтобы занять свое место рядом с Т'роном и Мардрой, она испытала такое облегчение, что едва не расплакалась. Напряжение покинуло ее, и гигантский путь, расстилавшийся впереди, уже не вызывал страха. Четыре остальных Вейра тоже поднялись в воздух; над Айгеном и Истой, Телгаром и Плоскогорьем заплескали, зашумели сотни огромных крыльев.

Лесса глубоко вздохнула и, зажмурившись, представила звездное небо с неяркой точкой Алой Звезды — там, где она будет через двадцать пять Оборотов.

Глава 7

У самой черной ночи есть рассвет,
И солнце прогоняет липкий страх.
Когда же боль моя сойдет на нет?
Когда найду покой в родных стенах?

Они совершили одиннадцать прыжков; во время кратких остановок бронзовые предводители Вейров обязательно переговаривались с Лессой. Из тысячи восьмисот драконов лишь четыре исчезли в Промежутке — это были самые старые, одряхлевшие звери. Перед последним прыжком, который составлял всего двенадцать Оборотов, было решено устроить привал. И люди, и драконы нуждались в отдыхе и еде.

— Проще пройти сотню Оборотов, чем последние двенадцать, — заметил Т'рон, пока Мардра разливала в кружки дымящийся кла. — Мы уже в твоём времени, Лесса. — Он поднял взгляд на горевшую в предрассветном небе Алую Звезду — путеводный огонь, что вел их из столетия в столетие. — Куда же мы отправимся теперь?

— Я хочу, чтобы мы попали в Руат до того, как Ф'лар обнаружит мое исчезновение, — сказала девушка. Она тоже посмотрела вверх и, вздрогнув, отхлебнула горячий напиток. — Я уже видела эту звезду точно такой один раз... нет, два раза, в Руате. — Лесса прикрыла глаза; призрачные образы ожили под ее сомкнутыми веками. Она снова увидела то далекое утро, когда совсем еще юная девушка проснулась от смутного ощущения угрозы; бронзового Мнемента, плавно спускавшегося к башням Руата; сраженного кинжалом Фэкса в луже крови и сильные руки всадника, поднявшие ее на шею дракона... Внезапно Лессой овладело странное беспокойство — и она снова ощутила резкую слабость и головокружение.

— С тобой все в порядке, Лесса? — с тревогой спросила Мардра. — Ты так побледнела и дрожишь... — Она взяла Лессу за руку, притянула ее к себе, словно пытаясь согреть.

— Двенадцать Оборотов назад я была в Руате, — пробормотала Лесса, едва шевеля непослушными губами. — Я была там дважды, и оба раза попала в одно и то же время... Давайте полетим

далее. Три Лессы — для одного утра это слишком много... Я должна вернуться... домой, к Ф'лару. Ф'лар... мой Ф'лар... он будет так сердиться...

Она прижала ладонь к губам, пытаясь подавить рыдание. Т'рон и Мардра встревоженно переглянулись. Предводитель Форт-Вейра вскочил на ноги и приказал гасить костры. Через несколько минут всадники, готовые к последнему прыжку в будущее, поднялись в воздух.

Голова Лессы раскалывалась от боли. Неимоверным усилием она все-таки успела передать образ весеннего Руата: цветущие сады, двор, залитый лучами заходящего солнца, главная башня, дверь в обрамлении резных колонн...

Глава 8

Капелька крови в небе холодном плывет,
Всадников алая вспышка манит туда.
За Оборотом уносится прочь Оборот,
А смельчаков поджидает злая Звезда.

Ф'лар, уткнувшись лицом в сжатые кулаки, сидел за столом в главном зале Руат-холда. Лайтол и Робинтон заставили его поесть и выпить вина. Разумом Ф'лар понимал, что должен сохранить бодрость, должен бороться, но душевные силы почти оставили его. Гибель Лессы была катастрофой. То, что еще оставалась Придит'а, способная продолжить род драконов, не успокаивало Ф'лара. Он медлил с отправкой сообщения Ф'нору; ему казалось, что, вызвав Придит'у с Киларой, он потеряет последнюю надежду увидеть Лессу. Он все еще не мог смириться с тем, что она навсегда ушла в Промежуток вместе со своей золотой королевой.

Лицо Лессы, то нежное, печальное, то упрямое и решительное, мерцало перед ним в полутьме огромного зала. Лесса, Лесса, зачем ты сделала это! Он проклинал ее безумную опрометчивость, но в следующий миг был готов целовать следы ее ног на камнях Вейра; горе и гнев переполняли его сердце.

— Я повторяю, Ф'лар, тебе нужен сон — больше, чем вино. — Настойчивый голос арфиста прервал его мысли. Внезапно всадник обнаружил, что пытается приподнять кувшин с вином, ручку которого крепко держал Робинтон.

— Что?

— Пойдем. Я провожу тебя в Бенден. Не могу оставить одного. За эти часы, предводитель, ты постарел на несколько лет.

— Но как ты не можешь понять! — закричал Ф'лар; он вскочил со скамьи, готовый излить бессильную ярость на любого, кто окажется рядом.

Робинтон, сочувственно покачав головой, положил ладонь на плечо всадника.

— Мой лорд, даже у мастера-арфиста всего Перна не хватает слов и струн, чтобы выразить тебе свое сострадание. Но ты должен послать; тебе предстоит пережить завтрашний день и послезавтрашний... И сразаться с Нитями. Крылатые и драконы не могут лишиться вождя в эти тяжелые времена. — Голос его затих. Потом он решительно произнес: — Завтра ты должен послать за Ф'нором... и за Придит'ой.

Страхнув руку арфиста, Ф'лар резко повернулся и зашагал к двери Руат-холда.

Глава 9

Подари, певец, нам песню
О добре и силе,
О надежде, что вернули
Нам драконьи крылья.

Под ними вырисовывались очертания главной башни Руата и высокие стены, окружавшие двор; косые лучи заходящего солнца падали на серые камни и отшлифованные плиты, заливая их красноватым светом заката.

В прозрачном воздухе разносился отчаянный трезвон колокола на башне. В вышине он был едва различим, заглушаемый шелестом тысяч крыльев. Сотни драконов нависли над холдом; отряд за отрядом, крыло за крылом в боевом порядке появлялись из ледяной тьмы Промежутка, заполняя небо над долиной от западных остроконечных вершин до черных скалистых столбов Прохода. Полоса яркого света упала на плиты двора из открывшейся двери.

Лесса велела Рамот'е опуститься возле башни и, спрыгнув на землю, бросилась навстречу человеку, торопливо спускавшемуся по ступеням высокого крыльца. Она различила коренастую фигуру Лайтола и яркое пламя светильника, который он держал в вытянутой руке. Прежняя неприязнь к управляющему Руата оставила Лессу; теперь она была готова расцеловать старика.

— Ты ошиблась, Лесса! — закричал Лайтол. Шум от крыльев драконов, садившихся на гладкие плиты двора, заглушал его слова. — Ты ошиблась на два дня в последнем прыжке! — снова повторил он.

— Ошиблась? Как же я могла... — выдохнула девушка, покачавшись. Голова у Лессы еще кружилась, и несколько шагов, которые она пробежала по двору, почти лишили ее сил. Лайтол приблизился и осторожно взял ее за руку. Со стороны ворот подошли Т'рон и Мардра.

— Не волнуйся, ничего страшного не произошло, — сказал управляющий Руата, глаза его искрились весельем, на губах расплывалась улыбка. — Ты просто проскочила через день. Отправляйся в Промежуток и вернись на два дня назад. Вот и все. — Лайтол смотрел на озадаченное лицо девушки, и его улыбка становилась все шире. — Все в порядке, — повторил он, сжимая ее руку. — Выбери такой же час и то же место, но мысленно представь Ф'лара, Робинтона и меня здесь, на плитах двора. Представь Мнемента на главной башне и синего дракона, сидящего на стене. И отправляйся!

«Мнемента тут?» — в ментальном сигнале Рамот'ы ощущалось нетерпение. Она вытянула в сторону Лессы клиновидную голову, и ее громадные глаза засияли искрящимся огнем.

— Не понимаю... — простонала Лесса, поднимая ладони к вискам. Головокружение почти прекратилось, но привычная ясность мысли не вернулась к ней.

— Все просто, — повторил Лайтол. — Сделай так, как я говорю. — В поисках поддержки он повернулся к Т'рону. — Все как предупреждал Ф'лар. Совершив прыжок в недавнее прошлое, рискуешь оказаться в двух местах одновременно — а это вызывает сильнейшее потрясение. Наверно, Лесса опять его испытала, когда вы остановились двенадцать Оборотов назад.

— Ты знаешь об этом? — вскричал пораженный Т'рон.

— Конечно. Отправляйтесь же назад на два дня. Понимаешь, я знаю, что вы поступите так. В том, более раннем времени, увидев вас, я удивлюсь. Но сейчас, этим вечером, мне уже известно, что вы появились над Руатом двумя днями раньше. Отправляйтесь скорее, прошу вас. — Лайтол посмотрел на Лессу. — Ф'лар почти обезумел... Он думает, что ты погибла...

Глаза Лессы наполнились слезами.

— Ф'лар опять станет трясти меня. — Она всхлипнула, словно обиженный ребенок.

— Лесса! — Т'рон взял ее за руку и повел к Рамот'е. Золотая

королева опустила шею и присела, помогая девушке взобраться на свое место.

Теперь Т'рон взял командование на себя. Через своего Фидрант'а он сообщил всадникам ориентиры, переданные Лайтолом, добавив к ним с помощью Рамот'ы образ Мнемент'а.

Холод Промежутка привел Лессу в чувство. Ледяная безбрежная тьма на миг сомкнулась вокруг нее, чтобы снова смениться теплым весенним небом Руата. Драконы, словно гигантские разноцветные птицы, плыли в воздухе, их трубные голоса звучали аккордами торжественного гимна. Внизу промелькнули сумрачные остроконечные скалы, башни и стены холда, двор — с полосой света, льющегося из распахнутой настежь двери... Лайтол, в изумлении поднявший голову... высокий Робинтон... и Ф'лар!

Голос Мнемент'а прокатился над холдом. Рамот'а поспешно ринулась вниз, и, едва Лесса ступила на каменные плиты, ее королева взмыла к верхушке башни. Сплелись шеи, бронзовая и золотая, сияющие глаза драконов пригасили блеск, затянулись дымкой...

Лесса стояла там, где ее оставила Рамот'а, не в силах двинуться, пошевелиться... Она смутно чувствовала, что рядом были Т'рон, Мардра, еще какие-то люди, всадники, женщины... Но видела она только Ф'лара, бегущего через двор. Ей хотелось шагнуть к нему, протянуть руки, но странная слабость сковала ее тело.

Он схватил ее, прижал к груди — так крепко, словно боялся, что она может выскользнуть из его объятий и вновь раствориться в ледяном мраке Промежутка. Казалось, обычная сдержанность и холодная ирония покинули его; радость, изумление, страх затопили сердце Ф'лара.

— Лесса, Лесса... — Его хриплый голос звучал как мольба. Он коснулся ладонью ее виска, щеки, шеи... потом жадно приник к губам, нежным и сухим, хранившим вкус ветров времени. Он целовал ее снова и снова — и вдруг оторвал от себя, крепко сжав руками плечи девушки. — Лесса, если ты когда-нибудь еще... — начал Ф'лар, подкрепляя каждое слово добрым рывком.

Вокруг раздался смех, и всадник поднял голову, с недоумением воззрившись на незнакомых улыбающихся людей.

— Я говорила вам, что он будет трясти меня, — сказала Лесса, смахивая с ресниц слезы. — Но, Ф'лар, послушай... я привела их... привела всех, кроме Бенден-Вейра. Вот почему были оставлены пять Вейров... Я позвала их — и они здесь.

Ф'лар оглядел небо поверх голов окруживших его всадников. Тучи драконов, крыло к крылу, спускались в долину Руата. Они

были повсюду — зеленые и синие, коричневые и бронзовые, золотые — целое крыло золотых королей!

— Ты привела Вейры? — ошеломленно переспросил Ф'лар.

— Да, ты же видишь! Вот Мардра и Т'рон из Форты, Д'рам — предводитель Исты и...

Ф'лар прервал ее, обняв хрупкие плечи, и повернулся к всадникам, приветственно поднимая руку.

— Смогу ли я сказать, как благодарен вам? — произнес он и замолчал — может быть, впервые в жизни не сумев выразить словами то, что переполняло его сердце.

Т'рон выступил вперед и крепко пожал руку молодого вождя Бендена.

— Мы привели тебе тысячу восьмьсот драконов, семнадцать золотых королей и весь народ наших Вейров.

— И еще огнеметы — их тоже привезли! — возбужденно встала Лесса.

— Но рискнуть на такой перелет... Это... это... — в восхищении пробормотал Ф'лар.

Т'рон рассмеялся.

— Лесса, твоя Лесса вела нас!

— А путь указывала Алая Звезда! — добавила девушка.

— Мы — всадники, племя Крылатых, — торжественно произнес Т'рон, — как и ты, Ф'лар Бенденский. И если Нити снова летят сквозь небеса Перна, мы должны быть здесь и сражаться с ними. Это — дело всадников! В любое время, в любом Обороте!

Глава 10

Бей, барабанщик! Труби, горнист!

Солдат, вперед! Играй, арфист!

Сжигайте траву — нас пламя спасет.

Проклятье Звезде, что над нами встает!

В тот предзакатный час, когда пять Вейров возникли в небе Руата, Ф'нор и его молодые всадники возвратились в Бенден с Южного материка. Их терпение и силы были на исходе; с облегчением увидели они знакомые очертания скалистых пиков и стены с чернеющими отверстиями пещер, покинутые ими два дня — и четыре Оборота назад.

Когда Ф'лар и его повелительница вошли в полумрак королевского вейра и направились к комнате Совета, Р'гул приветствовал их новостями о появлении Ф'нора с отрядом из семидесяти

двух новых драконов. Он добавил, что их всадники вряд ли смогут участвовать в битве над Телгаром.

— В жизни не видел настолько измученных и истощенных людей. Не понимаю, что с ними случилось, — заметил Р'гул. — Там, на юге, столько солнца, изобилие еды и, кстати, никаких обременительных трудов.

Ф'лар и Лесса переглянулись.

— Ну, ты же знаешь, что заботы о молодых драконах отнимают много сил, — протянул Ф'лар. — К тому же межвременные прыжки — довольно утомительное занятие. Ты сам выглядел бы не лучше.

— Я воин, а не слабая женщина, — проворчал старый всадник. — Чтобы довести меня до такого состояния, нужно что-то пострашнее блошиных скачков из Оборота в Оборот.

— Скоро они придут в себя, — сказала Лесса.

— Им стоит поторопиться. — Р'гул озабоченно потер подбородок, — если мы хотим очистить небеса Перна от Нитей.

— С этим больше не будет никаких проблем, — спокойно заверил его Ф'лар.

— Никаких проблем? Когда в Вейре всего полторы сотни драконов?

— Уже больше двухсот, — поправила его Лесса.

Не обращая на нее внимания, Р'гул спросил с тревогой:

— А огнеметы? Удалось кузнецу сделать огнеметы?

— Конечно, — подтвердил Ф'лар, широко улыбаясь.

Огнеметы, доставленные из прошлого, уже были переданы Фандарелу. Без сомнения, сейчас работали каждый горн и каждая кузница на континенте; через несколько часов старинное оружие наверняка удастся воспроизвести. Как сказал Т'рон, в его времена холды имели множество огнеметов, чтобы уничтожать Нити на земле. За время долгого Интервала это устройство вышло из употребления и было прочно забыто. Но Д'рам, очень заинтересовавшийся распылителем кислоты, добавил, что изобретение Фандарела нравится ему больше огнемета, так как с его помощью можно удобрять почву.

— Ну, что ж, — Р'гул уныло закивал головой, — пара-другая огнеметов не будут лишними под Телгаром.

Лесса фыркнула.

— Нам удалось найти кое-что получше, — бросила она и торопливо скрылась в своей спальне. Затем из-за плотного занавеса донеслись звуки, походившие не то на смех, не то на сдавленные рыдания.

Р'гул нахмурился. Эта девчонка слишком молода, чтобы вы-

полнять обязанности госпожи Вейра в такое время. Никакой серьезности!

— Она понимает, в каком ужасном положении мы оказались? — раздраженно спросил он Ф'лара. — Даже с подкреплением, которое привел Ф'нор, — и то если они смогут летать. Ты должен был запретить ей покидать Вейр!

Ф'лар пропустил мимо ушей замечание старого всадника и потянулся к кувшину с вином.

— В свое время ты утверждал, что пять Вейров опустели потому, что Нити никогда больше не упадут на Перн, — произнес предводитель Бендена, наливая в чашу рубиновый напиток.

Р'гул откашлялся, но ничего не сказал. Вероятно, он полагал, что принесенные им извинения вряд ли окажутся эффективным средством против Нитей.

— Выяснилось, что в твоих словах был резон, — продолжал Ф'лар, наполняя чашу Р'гула. — Но кое-что ты истолковал неверно. Вейры действительно опустели, когда закончилось последнее нашествие Нитей. Затем... затем они направились сюда. К нам.

Р'гул замер, не успев донести чашу до рта. Выпучив глаза, он с тревогой уставился на Ф'лара. Пожалуй, этот бронзовый тоже слишком молод для страшной ответственности, свалившейся на него. Но, похоже, он... Он в самом деле убежден в том, что говорит.

— Ты можешь мне не верить, Р'гул, но через день ты убедишься сам. Пять Вейров больше не пустуют. Их пещеры полны всадников и драконов. И они присоединятся к нам в Телгаре — тысяча восемьсот человек, отважных, с огромным боевым опытом.

Р'гул с жалостью посмотрел на своего обезумевшего вождя. Потом аккуратно поставил чашу на стол, повернулся и вышел из комнаты Совета. Он не желал спорить с человеком, лишившимся рассудка, — и еще меньше хотел подвергаться насмешкам. Лучше посвятить время разработке плана... да, плана, как снова взять в свои руки руководство Вейром.

На следующее утро, увидев стаю огромных бронзовых драконов, которые принесли на совещание в Бенден предводителей пяти Вейров и командиров десятков крыльев, Р'гул незаметно удалился к себе и в уединении опустошил пару кувшинов вина. На Совете он не присутствовал.

Лесса обменялась приветствиями со своими друзьями, а затем, одарив мужчин ласковой улыбкой, покинула их, чтобы покорить Рамот'у.

Ф'лар задумчиво посмотрел ей вслед. Этим утром Лесса была

очаровательна, и Ф'лар испытывал тревогу. Покачив головой, он пожал руки только что прибывшим Робинтону и Фандарелу, а потом пригласил гостей пройти в комнату Совета.

Оба мастера почти ничего не говорили на этой встрече, но не пропустили ни единого слова. Фандарел, поворачивая огромную голову то к одному, то к другому оратору, иногда приставлял к уху заскорузлую ладонь, и глаза его вспыхивали отблесками бесчисленных горнов, у которых он провел добрую половину жизни. Робинтон сидел спокойно, на лице его блуждала мечтательная улыбка. Казалось, арфист был восхищен предками, этими могучими всадниками и великолепными драконами, прибывшими из глубины времен ради спасения Перна. Достойный сюжет для Баллады!

Гости быстро переубедили Ф'лара, готового отдать власть над Бенденом в другие, более опытные руки.

— Не вижу необходимости, — возразил Т'рон, который как предводитель самого древнего Вейра говорил первым. — Ты хорошо провел бои в Нерате и Керуне. Действительно хорошо.

— Двадцать восемь всадников не смогут вылететь в Телгар... Нитям удалось кое-где достигнуть нератских садов... И ты считаешь, что я действовал правильно?

— Конечно. А ты чего ждал? В первом сражении, когда каждый всадник зелен, как птенец? — Т'рон иронически усмехнулся. — Нет, друг, Вейр выполнил главную задачу — вовремя прикрыл Нерат... каким бы способом ты ни привел туда своих людей. Я полагаю, ты действовал неплохо, совсем неплохо. — Остальные четыре предводителя выразили согласие с мнением Т'рона молчаливыми кивками или одобрительными восклицаниями. Вождь Форты торжественно продолжил: — Бенден доказал свою храбрость, однако у него недостаточно сил. Ф'лар, мы окажем тебе помощь, пока Бенден не обзаведется нужным числом всадников и драконов. Долго ждать не придется — королевы обожают эти времена!

Озорная улыбка появилась на лице Т'рона, и в комнате раздались смешки. Очевидно, бронзовые всадники относились к королевским забавам с полным одобрением.

Ф'лар тоже улыбнулся, подумав, что Рамот'а скоро поднимется во второй брачный полет. И Лесса... О, сегодня она была так обманчиво послушна! Придется приглядывать за ней в оба глаза.

— Мы передали все привезенные огнеметы в мастерские Фандарела, — продолжал Т'рон, — и я надеюсь, что все наземные отряды северных холдов к завтрашнему дню будут вооружены.

— Мой цех не подведет, — проворчал Фандарел.

— Постарайся приготовить несколько распылителей кислоты... так, чтобы можно было поднять их в воздух, — напомнил Д'рам.

Кузнец молча кивнул.

— Мы условились, — Т'рон окинул взглядом лица всадников, — что все Вейры встречаются в полном составе над Телгаром через три часа после рассвета и двигаются вслед за Нитями в Кром, сжигая их. — Он показал направление на карте, потом повернулся к вождю Бендена. — Отличная выдумка, Ф'лар, эти твои карты! У нас таких не было.

— Как же вы узнавали о предстоящих атаках?

Т'рон пожал плечами:

— Они следовали с такой регулярностью, что даже мальчишки в Вейрах знали, когда начнется следующая. Но вот правильно определить место... Нет, твой способ гораздо лучше!

— Намного точнее, — одобрительно добавил вождь Телгара. Большая часть района предстоящей атаки находилась под защитой его Вейра.

— Завтра, когда все Вейры соберутся вместе, мы заодно обсудим с холдерами кое-какие вопросы снабжения, — усмехнулся Т'рон. — Десятина, обильная десятина, как в старые времена! — Он в предвкушении потер ладони. — Как в старые добрые времена!

— Есть еще Южный Вейр с прекрасными угодьями, — напомнил Ф'нор. — Он покинут шесть Оборотов назад по нашему времени; там остались большие стада. Они наверняка умножились. А еще на юге множество великолепных плодов.

— Отличная мысль, — согласился Ф'лар. Он улыбнулся брату и спросил: — Значит, ты считаешь, что наш южный проект стоит продолжать?

— Да, конечно. Отличное место для молодых драконов... и для Килары тоже. — Ф'нор раздраженно махнул рукой, словно отгонял надоедливую мошку.

Они обсудили, сколько людей нужно послать на юг, чтобы доставить во вновь заселенные Вейры первоочередные припасы, и на этом закончили совещание.

— Несколько выбивает из колеи, — заметил Т'рон, потягивая вино в компании с Д'рамом, — когда обнаруживаешь, что твой дом, покинутый вчера в полном порядке, сегодня превратился в заброшенный сарай. — Он хмыкнул. — Наши женщины, надо сказать, несколько расстроились.

— Но мы же привели в порядок кухни и склады Форты, — воз-

разил Ф'лар. Спокойный отдых ночью почти снял его напряжение и усталость.

Т'рон откашлялся.

— Если верить Мардре, дружище, ни один мужчина ничего не может привести в порядок.

Он задумчиво отхлебнул вина, разглядывая уютную комнату Совета.

Ф'лар улыбнулся. Его взгляд скользнул по гладким каменным стенам, в которых были вырублены ниши, заполненные посудой или стопками документов, по гобеленам, украшенным изображениями разноцветных драконов, массивным креслам с резными спинками, сводчатому потолку, большому каменному столу... Карты и листы пергамента были сдвинуты на край, чтобы освободить место для кувшинов со знаменитым бенденским вином и подносов с фруктами. Ф'лар подумал, что эти прекрасные плоды, вероятно, привезены с юга, и посмотрел на брата.

Лицо Ф'нора еще хранило следы перенесенных страданий. Наверное, пройдет не один день, пока он сможет полностью прийти в себя... а кое-что уже никогда не вернется — ведь он стал на четыре Оборота старше. И все же, думал Ф'лар, эти Обороты не прошли зря. Конечно, пополнение, выращенное на юге, — не слишком большая сила по сравнению с пятью Вейрами, прибывшими к ним на помощь. Но два дня назад, замышляя это предприятие, они еще ничего не знали ни о руатанском гобелене, ни о песне про покинутые Вейры... Ф'лар встряхнул головой и повернулся к Ф'нору.

— Сможешь ли ты вылететь завтра? — спросил он брата, с неожиданной болью изучая его изможденное, постаревшее лицо.

— Я не пропустил бы этой битвы, даже если бы не имел дракона, — решительно заявил Ф'нор.

Ф'лар кивнул, зная, что отговаривать брата бесполезно.

— Кстати, завтра нам понадобится Лесса, — вспомнил он — и с гордостью сказал Т'рону: — Ты знаешь, она может говорить с любым драконом.

— У нее необычайный дар, — согласился Т'рон. — Конечно, мы будем рады видеть ее. И Мардра не возражает. — Заметив озадаченное выражение на лице Ф'лара, он пояснил: — Мардра, старшая госпожа Вейра, командует в бою крылом золотых.

Изумлению Ф'лара не было предела.

— Крылом золотых? В битве с Нитями?

— Конечно. — Т'рон с Д'рамом удивленно переглянулись. — Разве ваши королевы не участвуют в сражениях?

Ф'лар печально покачал головой:

— Наши королевы... Трон, на протяжении многих поколений в Бендене был только один золотой дракон. И некоторые уже стали считать, что королева не должна подниматься в воздух — кроме периода брачного полета, разумеется.

Предводитель Форта положил руку на плечо Ф'лара; он казался удрученным.

— Я только сейчас понял, как вас мало... Но ничего, теперь все изменится, — его энтузиазм явно брал верх. — Знаешь, золотые могут взять большой груз и очень полезны с огнеметами. Они летят низко, под другими крыльями, и уничтожают Нити, пропущенные верхним заслоном. Вот почему Д'рам так интересовался распылителем кислоты. С ним не подпалишь волосы на головах холдеров... Превосходное средство — особенно когда находишься над возделанными полями.

— Значит, вы позволяете своим королевам сражаться с Нитями? — настойчиво переспросил Ф'лар, не обращая внимания на улыбку брата.

— Позволяем? — воскликнул Д'рам. — Да их невозможно удержать! Разве ты не помнишь Балладу?

— Полет Мореты?

— Вот именно!

Лицо Ф'лара вытянулось, а Ф'нор откровенно расхохотался. Предводитель Бендена отбросил со лба прядь черных волос и добрым глотком вина смочил пересохшее горло, пытаясь скрыть замешательство. Потом он кивнул Д'раму:

— Спасибо. Я поразмышляю над этим.

Он проводил новых друзей к их драконам и весело помахал на прощанье Фандарелу и Робинтону. Казалось, тяжелый груз свалился с его плеч. Ф'лар чувствовал себя помолодевшим и беззаботным, несмотря на завтрашнее сражение. Он спросил у Мнемента, где Лесса.

«Купается», — сообщил бронзовый.

Поднявшись в королевский вейр, Ф'лар услышал, как плеск воды за занавесом внезапно прекратился. Крикнув, чтобы прислали горячего кла, он сел в кресло, откинулся на спинку и вытянул ноги.

— Как прошел Совет? — раздался позади мягкий голос Лессы, появившейся из купальни. Она обернула вокруг тела большое полотенце; белая ткань обрисовывала контуры ее изящной фигуры.

— Отлично. — Ф'лар пристально посмотрел на свою подругу. — Завтра... ты понадобишься нам в Телгаре.

Она ответила ему таким же пристальным взглядом, потом лукаво улыбнулась.

— Среди всех золотых всадниц только я могу говорить с любым драконом.

— Это правда, — беспечно согласился Ф'лар, — и потому ты представляешь особую ценность. Значит, придется...

— Я тебя ненавижу! — вскричала Лесса, безуспешно попытавшись увернуться от него.

Ф'лар крепко обнял ее и шепнул:

— Даже если я скажу, что Фандарел уже приготовил для тебя огнемёт? И что ты можешь присоединиться к крылу золотых?

Лесса перестала вырываться из его объятий и недоверчиво уставилась Ф'лару в глаза. В них плясали искорки смеха.

— А знаешь ли, — продолжал он, — мы решили, что Южный Вейр снова будет заселен. Ф'нор советует отправить туда Килару. В конце концов, все мы нуждаемся в покое и мире в перерывах между сражениями...

Полотенце упало на пол, и Лесса ответила на его поцелуй с такой же страстью, как в тот миг, когда бронзовый дракон догнал ее королеву.

Глава 11

Над чашею Вейра взлетают драконы —
Бронза, коричневый, синий, зеленый...
Всадникам Перна приветствие крикни!
Миг — и исчезли. Миг — и возникли.

Примерно через три часа после рассвета двести шестнадцать драконов зависли над пиком Бендена. Ф'лар, на бронзовом Мнемент'е, производил смотр своих сил.

Внизу, в чаше Вейра, собрались женщины, дети и несколько всадников, получившие ранения в двух первых битвах. Там были все — кроме Лессы и Рамот'ы, которые отправились в Форт-Вейр, место сбора крыла золотых. Несмотря на принятое вчера решение, Ф'лар испытывал беспокойство. Лесса, его хрупкая маленькая Лесса тоже будет сражаться! Разумом он понимал, что прошли времена, когда на Перне была лишь одна королева, что Лесса, нырнувшая на четыреста Оборотов в прошлое, способна позаботиться о себе и своем драконе... Но если с ней что-нибудь случится...

Он убедился, что каждый всадник взял полный груз огненного камня, что все драконы имеют хороший цвет, что молодежь помнит нужные ориентиры. Звери, прибывшие с юга, выглядели прекрасно, но с лиц их всадников еще не исчезли следы перенесенных тягот. Может быть, стоило оставить их в Вейре? Он медлил — а ведь Нити вот-вот появятся в голубых небесах Телгара!

Наконец он дал команду отправиться в Промежуток. Мир исчез и появился вновь; всадники парили теперь к югу от Телгархолда. Они не были первыми — на западе, на востоке и на севере по небосклону плыли громадные разноцветные клинья, насчитывающие сотни драконов.

«Где она? — спросил Ф'лар у Мнемента. — Скоро нужно будет передавать сообщения...»

«Она близко», — ответил бронзовый.

Прямо над холдом возникло еще одно крыло. Даже с большого расстояния Ф'лар мог различить золотой блеск драконов, сверкавших в ярком утреннем свете. Гул и трубные звуки наполнили воздух — Вейры приветствовали своих королей. И хотя сердце Ф'лара по-прежнему сжимала тревога за Лессу, он тоже улыбнулся при виде этого великолепия и мощи.

Внезапно восточные отряды взмыли вверх. Нити приближались, и драконы почуяли своего древнего врага. Мнемента вытянул шею, его громоподобный рев присоединился к боевому кличу двух тысяч собратьев. Бронзовый повернул голову с распахнутой пастью к своему всаднику, требуя огненный камень. Сотни зверей повторили это движение, сотни громадных челюстей раздробили камень, сотни глоток протолкнули обломки внутрь.

Нити! Теперь Ф'лар отчетливо видел их на фоне голубого весеннего неба. Внезапно сердце его забилося сильнее — но не от тревоги или страха; пьянящая, буйная радость охватила его! Он был всемогущ сейчас — когда хрупкое тело человека слилось воедино с огромным стремительным зверем...

Мнемента снова повернул голову за камнем, а затем ринулся вперед, набирая скорость для прыжка вверх. Восточный небосклон уже затопили струи оранжево-красного огня и плававшие пряди Нитей. Драконы исчезали и появлялись вновь, ныряли вниз, извергали пламя, уклонялись... Над самыми вершинами скал носились золотые королевы, сжигая редкие Нити, устремившиеся к вождьенной земле. Сверкали крылья, клубился огонь, рев потрясал воздух... Так началась Телгарская битва.

Ф'лар дал команду набирать высоту, чтобы встретить чудовищный дождь у самых врат Перна. И когда Мнемент' взмыл вверх, Ф'лар вызывающе погрозил кулаком алому глазу Звезды, мерцающему в небе над ним.

— Придет время, — яростно закричал он, — и мы не станем покорно сидеть здесь, ожидая, когда ты пошлешь на Перн смерть... Мы доберемся до тебя там, где ты кружишь... и выжжем Нити в их собственном мире!

Что ж, сказал он себе, если люди и драконы могут прыгнуть на четырехста Оборотов в прошлое и в мгновение ока перемещаться через моря и земли, то эта угроза не является бесплодной мечтой. Ибо что такое путешествие из одного мира в другой? Просто еще один долгий шаг, скачок через черную бездну космоса.

Ф'лар улыбнулся. Пожалуй, ему лучше не обсуждать с Лессой эту дерзкую идею.

«Впереди Нить», — предупредил Мнемент'.

Извергая пламя, бронзовый дракон бросился в атаку, и Ф'лар крепче сжал коленями его мощную шею. Он, всадник Перна, прекрасного и любимого, находился сейчас в том времени и в том месте, где ему надлежало быть. И эта мысль наполнила его счастьем.

Странствия
дракона

Пролог

Ракбат из созвездия Стрельца был желтой звездой типа G. В его систему входили два пояса астероидов, пять планет — и еще одна, блуждающая, притянутая и связанная узами тяготения в последние тысячелетия. Когда люди впервые обосновались на третьей планете системы Ракбата, получившей название Перн, они не обратили большого внимания на странную бродяжку, которая вращалась вокруг центрального светила по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. В течение нескольких поколений люди даже не думали об этой алой звезде — пока однажды она не подошла близко к Перну.

Когда влияние остальных тел системы Ракбата не могло помешать сближению планет, чуждая жизнь, безжалостная и хищная, стремилась преодолеть узкий промежуток пространства и перелететь в более гостеприимный мир. Кто знает, сколько тысячелетий Алая Звезда с неотвратимой регулярностью наносила эти смертоносные удары... но теперь на Перне были люди.

Потери, которые понесли колонисты во время первой атаки, были устрашающими. Началась длительная борьба за выживание, отчаянное сражение со смертью, спутанными серебряными нитями рассекающей небеса Перна. И во время этих горестных трудных лет связь с материнской планетой была окончательно утрачена.

В свое время периниты разобрали транспортные корабли и отказались от многих технологических достижений — все это казалось ненужным и неуместным на благодатной девственной планете. Теперь же, чтобы защититься от вторжения Нитей, наиболее изобретательные из колонистов разработали стратегию, рассчитанную на века. Первая стадия планомерной защиты заключалась в совершенствовании уникального биологического вида, обитавшего на планете, ставшей для людей родиной. Мужчин и женщин, способных к глубокому сопереживанию, обладающих врожденным даром телепатии, обучали использовать этих необычных животных и помогать им. Драконы, названные так в па-

мать о сказочных созданиях из земных легенд, обладали двумя чрезвычайно полезными свойствами: они почти мгновенно перемещались из одного места в другое и умели выдыхать пламя — после того как заглатывали местный минерал, содержащий фосфин. Таким образом, драконы могли сжигать Нити еще в воздухе, не допуская их падения на почву.

Чтобы реализовать эту первую стадию, потребовалось несколько поколений. Одновременно была запущена и вторая — наземная — стадия проекта, вот только ее окончательное завершение требовало много большего времени. Зато она гарантировала надежную защиту от вторжения смертоносных Нитей. Они представляли собой микозные гифы, способные путешествовать в космическом пространстве и с бессмысленной прожорливостью поглощающие любую органическую материю. Попадая на плодородную поверхность Перна, они зарывались в мягкую почву и начинали стремительно размножаться.

Организаторы этого двухстадийного проекта не надеялись, что вторая часть плана даст быстрые результаты; поначалу главный эффект был достигнут лишь в психологическом отношении. Для этого существовали драконы. Периниты видели, как клубки Нитей пылают в воздухе и серым пеплом падают вниз; видимые результаты сражения успокаивали людей и наполняли их гордостью. Однако низменный Южный материк, на котором была запущена вторая стадия проекта, оказался совершенно не приспособленным для обороны; всех колонистов пришлось переселить на Северный континент, где могучие горные хребты с естественными пещерами в годину бедствий служили защитой. Новые поселения на севере создавались тяжким трудом, и вскоре предназначение Южного материка было забыто — как, впрочем, и сама Земля. С каждым новым поколением воспоминания о материнской планете все больше окутывались туманом, превращаясь в легенды, пока и вовсе не исчезли из истории Перна, канув в забвение.

Форт, самое первое поселение, вырубленное в восточном склоне Великого Западного хребта, вскоре стал слишком тесным для колонистов. Второй город был заложен дальше на севере, около большого озера, где в скалах обнаружилось множество пещер. Однако через несколько поколений холд Руат тоже оказался переполненным.

Поскольку Алая Звезда всходила на восточном небосклоне, было решено направить экспедиции в восточные горы, чтобы разведать места, удобные для наблюдательных пунктов и убежищ. Единственным подходящим местом были пещеры, так как

только камень и металл (которым, к сожалению, Перн оказался не очень богат) могли защитить от обжигающих ударов Нитей.

К тому времени благодаря селекции крылатые длиннохвостые огнедышащие драконы достигли таких размеров, что содержать их в тесноте пещерных городов-холдов стало невозможно. Тогда периниты обратили внимание на кратеры древних потухших вулканов, внутренние склоны которых были источены огромными пещерами. Одна такая вершина находилась вблизи Форты; другую обнаружили в горах Бендена на восточной оконечности материка. Их приспособили для обитания, но на это ушли последние запасы горючего для гигантских горнопроходческих машин, и все остальные холды и Вейры пришлось высекать в скалах вручную.

У всадников, летавших на драконах, и у людей, обитавших в холдах, были различные задачи; у обеих групп сложился свой жизненный уклад, и постепенно, постепенно привычки становились обычаями — пока не превратились в традицию, нерушимую, как закон.

Затем наступил период, равный двум сотням Оборотов Перна вокруг светила, когда Алая Звезда, одинокая замерзшая странница, находилась в дальнем конце своей эллиптической орбиты. На почву Перна больше не падали Нити. Люди успокоились, они обрели наконец ту жизнь, о которой мечтали, когда впервые высадились на гостеприимной, плодородной планете. Они стерли следы опустошения, разбили фруктовые сады, вспахали поля и намеревались восстановить на склонах гор уничтоженные Нитями леса. Они даже сумели позабыть о том, что были на грани вымирания. Потом Нити вернулись опять — началось новое Прохождение, пятьдесят Оборотов ужаса, падающего с небес. И периниты благословляли своих далеких предков, чья мудрая предусмотрительность спасла их спустя много поколений. Огненным дыханием драконы уничтожали в воздухе падающие Нити, защищая поселения людей.

В течение мирного Интервала род драконов множился и процветал; были основаны четыре новых лагеря в кратерах вулканов. Правда, за это время люди полностью забыли о второй части защитной стратегии.

К моменту, когда Алая Звезда в третий раз сблизилась с Перном, на планете уже сложилась прочная политико-экономическая структура, позволяющая успешно бороться с регулярными бедствиями. Шесть Вейров — так стали называть лагеря всадников в кратерах потухших вулканов — взяли под защиту весь Северный континент, разделив его на шесть областей. Остальное

население должно было оказывать поддержку Вейрам, так как обитавшие в них воины не могли тратить силы и время на поиски пропитания — тем более что вблизи вулканических пиков не нашлось пригодной для обработки земли. В мирные периоды всадники растили драконов и обучали молодежь; во время Прохождения они сражались с Нитями.

В районах, изобиловавших естественными пещерами, в плодородных долинах рек росли города-холды. Некоторые из них, расположенные в стратегически важных точках, развивались особенно быстро. Чтобы управлять ими, требовались сильные люди, способные справиться с ужасом и отчаянием, которые охватывали население во время атак Нитей. И были нужны мудрые администраторы — чтобы собрать и сохранить запасы продовольствия на весь период, когда не представлялось возможным вырастить урожай. Людей, обладавших способностями к работе с металлом, умевших разводить домашних животных, ловить рыбу, ткать, добывать руду (там, где она была), объединили в цеха. Каждый цех включал в себя несколько мастерских, расположенных, как правило, в самых больших холдах. Одна из мастерских считалась главной — там ремесленники совершенствовали свое искусство, там обучали молодежь, передавая из поколения в поколение секреты своего ремесла. Чтобы лорды, правившие холдами, на землях которых находились мастерские, не могли прибрать к рукам их продукцию, ремесленникам было предоставлено самоуправление. Они подчинялись только главному мастеру своего цеха, которого выбирали из числа наиболее опытных и уважаемых людей. Главный мастер полностью отвечал за продукцию цеха, ее качество и распределение; мастерские работали для всего Перна.

Со временем, конечно, права и привилегии властителей холдов и главных мастеров возросли — равно как и привилегии всадников, под защитой которых находились все поселения на планете.

Итак, Алая Звезда с непреклонным постоянством раз за разом сближалась с Перном и удалялась от него, будто предоставляя истерзанной планете передышку. Случалось так, что под влиянием остальных пяти спутников Ракбата она проходила слишком далеко от Перна, чтобы сбросить на него смертоносные гифы. Иногда же влияние планет системы словно подталкивало Алую Звезду к несчастному обитаемому миру, и тогда Нити безжалостным дождем сыпались на его почву. Страх порождает фанатичную веру, и периниты не были исключением. Лишь всадники могли защитить Перн, и их положение в колонии становилось прочнее с каждым Оборотом.

Но человечество так часто стремится забыть неприятное, предать забвению нежелательное... Казалось, если игнорировать зло, то сама причина древнего ужаса исчезнет, пропадет, канет в небытие...

Однажды Алая Звезда прошла далеко от Перна, и небо его осталось чистым. Наступила эпоха процветания; люди множились, занимали все новые и новые богатые земли, врубались в твердые скалы, служившие надежным укрытием для городов-холдов, покрывали долины рек садами и пашнями. Периниты были так заняты, так увлечены, что не замечали, как уменьшается число драконов, как приходит в упадок последний Вейр — единственный Вейр, оставшийся на всем Перне. Долгое, долгое время Алая Звезда, ужас прошлого, не восходила на рассветном небосклоне. И если даже она когда-нибудь появится — кто станет думать о столь отдаленном будущем?

Итак, сменилось пять поколений, и потомки отважных всадников впали в немилость. Забылись легенды об их храбрости, героические баллады давних лет стали считаться пустой похвалой, и лишь пять таинственно опустевших Вейров напоминали о былом величии племени драконов.

Но путь, которым следовала Алая Звезда, с безжалостной неотвратимостью должен был снова привести ее к Перну. Наступило время, и зловещий алый глаз вновь вспыхнул на рассветном небе обреченной планеты — однако его мерцающий свет пробудил у людей лишь смутное беспокойство. Только один из немногих оставшихся на обреченной планете бронзовых всадников — Ф'лар, всадник Мнемент'а, — верил, что в древних сказаниях сокрыта истина. Он передал эту веру Ф'нору, всаднику Кант'а, своему брату по отцу. Вера в высокое предназначение всадников зажгла их сердца; каким бы страшным ни было грядущее, оно казалось им лучше бесцельного прозябания в единственном Вейре Перна.

Когда на площадку Рождений Бенден-Вейра легло последнее золотое яйцо умирающей королевы драконов, Ф'лар и Ф'нор решили воспользоваться случаем и обрести власть над Вейром. По древнему обычаю, всадники вылетали в Поиск, чтобы найти девушку, способную запечатлеть молодую королеву в момент ее появления из яйца. В Руат-холде братья обнаружили юную девушку, одаренную необычайной телепатической мощью и силой духа. Лесса была единственным потомком гордых лордов Руата; вся ее семья погибла десять Оборотов назад, при нападении на холд.

Лесса запечатлила золотую Рамот'у, новую королеву, и стала госпожой Бенден-Вейра. Когда молодая королева поднялась в свой первый брачный полет, Мнемент', бронзовый дракон

Ф'лара, догнал ее. По освященной тысячелетиями традиции Ф'лар стал предводителем Вейра, возглавив всех всадников Перна. Втроем Лесса, Ф'лар и Ф'нор сумели убедить властителей холдов и мастеров в том, что на Перн надвигается страшная опасность. Они начали готовить почти беззащитную планету к обороне. Однако было ясно, что две сотни драконов Бенден-Вейра не смогут спасти разросшиеся поселения перинитов. В старые времена для защиты колонии требовалось шесть полных Вейров, а обитаемая область была тогда намного меньше.

Во время тренировочного полета Лесса случайно обнаружила, что драконы могут не только почти мгновенно перемещаться в пространстве, но и путешествовать во времени. Тогда, рискуя своей жизнью — и жизнью единственной на планете королевы драконов, продолжательницы их рода, — Лесса отправилась в прошлое, на четыреста Оборотов назад, в ту эпоху, когда заканчивалось последнее Прохождение Алой Звезды, когда все Вейры Перна — и Бенден, и пять других — были заполнены всадниками и драконами.

Вожди пяти Вейров, предчувствуя, что после долгих лет героических битв их ожидает период застоя и упадка, согласились помочь своим потомкам и отправились вместе с Лессой в ее время.

Семь Оборотов прошло с тех пор, как завершилось это великое переселение. Первоначальный восторг и благодарность, которые испытывали холды и цеха к своим спасителям, успели остыть. Да и Древним всадникам, выходцам из прошлого, не нравился новый Перн и та эпоха, в которой они очутились. Слишком много изменений произошло за четыреста Оборотов — изменений, которые неизбежно вели к конфликту между прошлым и настоящим.

Глава 1

Холд Форт, мастерская Робинтона, утро.

Бенден-Вейр, послеполуденное время.

*Холд Телгар, главная мастерская
кузнечного цеха,*

позднее утро (по времени Телгара)

«Как начать?» — размышлял Робинтон, мастер-арфист Перна. Он задумчиво хмурился, склонившись над влажной поверхностью песка, заполнявшего неглубокий прямоугольный лоток на его рабочем столе. Длинное, вытянутое лицо мастера избороди-

ли глубокие морщины; колючие голубые глаза, обычно взиравшие на мир с нескрываемым интересом, потемнели, подернулись дымкой, выдававшей внутреннее напряжение.

На миг он представил, как песок, в такт его невнятного бормотанию, покрывается словами и нотами... словно он, первейший на всем Перне сочинитель Баллад, Саг и песен, научился творить мыслью... Робинтон усмехнулся. Все-таки ему нужно придумать эту новую Балладу, которую предстоит впервые исполнить на предстоящем вскоре бракосочетании лорда Асгенара, правителя Лемоса, и сестры лорда Ларада Телгарского. Он получил уже немало сообщений от бродячих музыкантов своего цеха, а также по барабанной связи, о воцарившихся повсюду смятении и недовольстве. И Робинтон хотел воспользоваться подходящим случаем, чтобы напомнить гостям — каждому лорду и каждому мастеру, приглашенному на торжество, — об их долге перед всадниками Перна.

Итак, он выберет темой своей Баллады, решил Робинтон, это фантастическое путешествие сквозь время, которое совершила Лесса, госпожа Бенден-Вейра, вместе со своей золотой королевой Рамот'ой. Он хорошо помнил, какую радость и облегчение испытали лорды и мастера, когда пять Древних Вейров, завершив путь в четыре сотни Оборотов, прибыли на защиту Перна.

Да, но как воссоздать в мелодии очарование тех неистовых дней? Какие ритмы способны оживить былой восторг? Даже самые волнующие аккорды не смогут передать удар крови в виске, затаенный вздох, трепет ужаса и воскрешенную робкую надежду — все, что случилось в то утро, после падения Нитей на Нерат, когда Ф'лар собрал в Бенден-Вейре перепуганных лордов и мастеров... когда он сумел вдохнуть мужество в их сердца.

Нельзя, однако, сказать, что властители холдов внезапно осознали свой долг перед Вейром. Слишком реальна была опасность... и перед глазами лордов, несомненно, стояли их цветущие поля, опаленные ударами Нитей, которые они считали мифом; они ясно представляли тысячи нор, заполненных молниеносно размножающимися паразитами, и предчувствовали, что вся их дальнейшая жизнь пройдет в каменных мешках холдов, за железными дверями и ставнями. В тот день они были готовы продать Ф'лару свои тела и души, только бы он защитил их от Нитей. И Лесса — да, Лесса, сумела спасти их, едва не расставшись с жизнью.

Робинтон посмотрел на ровную поверхность песка в лотке; яркие картины, всплывшие перед его глазами, внезапно потускнели.

— Песок памяти высыхает быстро, — вполголоса пробормотал

он, окинув взглядом густо населенную долину, лежавшую за окном; она тянулась к скалистому обрыву, над которым располагался Форт, старейший из Великих Холдов Перна. На гребне горы стоял часовой. Обычно там было не меньше шести стражей, наблюдавших за небом; однако уже наступило время посева, и лорд Грож послал на поля всех, кто мог держаться на ногах, — даже детей, очищавших от буйной весенней травы камни защитной полосы и стены холда. Ближе к лету он, пожалуй, не рискнет приостановить эту работу, как бы ему ни хотелось подготовить побольше земли...

Сам Грож, несомненно, сейчас был в поле, разъезжая от участка к участку на одном из этих длинноногих животных, выведенных Согрейни, мастером-скотоводом. Властитель Форта казался неутомимым; его выпуклые голубые глаза никогда не пропускали плохо обрезанное дерево или невскопанную полосу земли. Он был дородным мужчиной с седоватыми волосами, аккуратно схваченными кожаной лентой, и весьма легко впадал в гнев. Однако, несмотря на свой напыщенный вид и раздражительность, он не требовал от холдеров, да и от своих детей и воспитанников, ничего такого, чего не смог бы сделать сам. Правда, лорд отличался довольно консервативным образом мыслей, но он признавал границы своих возможностей, и это знание придавало ему уверенность.

Робинтон поджал нижнюю губу; удивительно, как человек, подобный лорду Грожу, пренебрег одной из своих традиционных обязанностей — уничтожением зелени вблизи мест обитания людей! Или это был его ответ на жалобы Вейра по поводу необъятности лесных угодий Форт-холда, которые они должны защищать? Вождь Форт-Вейра Т'рон и Мардра, его подруга, уже не так тщательно следили за тем, чтобы ни одна нора Нитей в буйных субтропических лесах не осталась без внимания всадников. Однако сам Грож проявлял прежнее усердие, когда Нити падали в его леса, — туда немедленно отправлялись наземные команды с огнеметами. У Грожа было несколько отрядов наблюдателей и скороходов, которые действовали на земле не менее эффективно, чем всадники — в воздухе; каждую Нить, которой удавалось избежать огненного дыхания драконов, разыскивали и уничтожали.

Но в последнее время до Робинтона стали доходить очень неприятные слухи — причем не только из Форт-холда. Рано или поздно арфист оказывался в курсе любой сплетни, произнесенной самым тихим шепотом, а уж он-то умел отличить истину от наговора и клеветы от преступной небрежности. Хотя Робинтон

не отличался склонностью к панике — что не раз подтверждалось в течение долгих лет, — сейчас в его сердце начинал закрадываться холодок тревоги.

Мастер-арфист откинулся в кресле, разглядывая яркое голубое небо за окном, свежую зелень полей и золотистое цветение плодовых деревьев, сверкающие чистые камни небольших холдов, что выстроились вдоль дороги, ведущей к главному поселению, мастерские цехов, сгрудившиеся у подножия широкой защитной полосы, обегавшей стены большого внешнего двора Форты. Если его подозрения не беспочвенны, то что мог он сделать? Заклеймить нерадивых в очередной Балладе? Написать сатиру? Робинтон фыркнул. Лорд Грох был слишком прямолинейным человеком, чтобы разгадывать метафоры, и слишком справедливым, чтобы лезть в перебранку. К тому же — Робинтон раздраженно нахмурился — если Грох и проявил небрежность, то лишь в ответ на гораздо большую небрежность Вейра. Мастер невольно содрогнулся, представив, что могут сделать несколько пропущенных Нитей с огромными лесными массивами на юге.

Да, он может написать Балладу и спеть ее Мардре и Т'рону, вождям Вейра, — но это будет пустым звуком. С недавних пор Мардра стала очень раздражительной. Ходят разные слухи... Возможно, они верны; тогда ей должно хватить здравого смысла, чтобы аккуратно освободить вакансию предводителя и позволить другим мужчинам искать ее благосклонности — уж если Т'рон получил отставку. Странное дело... Стоит послушать болтовню женщин в холде — и каждому станет ясно, что предводитель Форты по-прежнему крепок и силен... Даже слишком силен — кое в чем ему приходится сдерживать себя. Лорду Гроху не очень нравится, что чуть ли не половина его подданных носит семя Крылатых...

Еще один тупик, подумал Робинтон с угрюмой улыбкой. Обычаи холда отличаются от морали Вейра... Может быть, стоит послать слово Ф'лару Бенденскому? Впрочем, бесполезно. Он ничем не сумеет помочь... Вейры автономны, и любой совет Ф'лара будет воспринят как оскорбление... причем не только Т'роном. Арфист знал, что в этой ситуации вождь Бендена встанет на сторону холдеров.

Не первый раз за последние месяцы Робинтон горько пожалел, что молодой вождь Бендена столь поспешно распростился с верховной властью семь Оборотов назад, когда Лесса привела из прошлого Вейры Древних. До этого Ф'лар сумел за несколько недель объединить весь Перн и поднять его на борьбу с надвигающейся угрозой. Все соединились в едином порыве — каждый

лорд, каждый мастер, холдер, ремесленник... Этот союз распался, когда предводители Древних восстановили традиционный протекторат над холдами и благодарный Перн подтвердил все их привилегии. Однако за прошедшие четыре сотни Оборотов многое изменилось, и Древним предстояло это узнать...

Вероятно, наступило время напомнить лордам о тех днях, когда их спасение зависело лишь от хрупких крыльев драконов да двух сотен всадников, верных долгу.

Ну, у арфиста тоже есть долг, подумал Робинтон, разглаживая мокрый песок. И обязательства, которые нужно выполнять.

Через двенадцать дней Ларад, лорд Телгарский, выдаст свою сводную сестру Фамиру за лорда Асгенара, повелителя Лемоса. И мастер-арфист просто обязан появиться на празднике с новыми, подходящими к случаю, песнями. Там будут и Ф'лар с Лессой — холд Лемос находится под защитой Бенден-Вейра. Там соберется вся знать — вожди Вейров, лорды и мастера, — чтобы почтить своим присутствием торжество.

— Гости послушают веселые песни арфиста... а в промежутках между пением сам арфист хорошенько закусит, — хихикнул Робинтон в предвкушении пира и занес над песком стило.

Ради Лессы стоит постараться. Ее тема должна звучать нежно, призывно... но ни в коем случае не упрощенно. Она уже стала легендой... Арфист невольно улыбнулся, представив хрупкую, невысокую госпожу Бендена, с ее белой кожей, облаком пышных темных волос, искрящимися серыми глазами и острым язычком. Не было на Перне человека, который отказал бы ей в уважении... или отважился рассердить — кроме Ф'лара, конечно.

Теперь надо подобрать мелодический ряд для предводителя Бендена — жесткие глаза цвета янтаря, сухой, резкий профиль воина, врожденное, почти неосознанное чувство превосходства... Тут надо что-то боевое, звенящее, как набат... Стоит ли включать эпизод о том бескровном столкновении на склонах Бендена? В конце концов, это всего лишь небольшие трения между лордами и вождем Вейра... Сейчас ясно, что без всадников плодородная земля Перна стала бы пустыней после первой же атаки Нитей — даже если каждого мужчину, женщину и ребенка вооружить огнеметом. Одна Нить, хорошо укоренившись, способна дать потомство, пожирающее поля, луга и леса Перна со скоростью летящего дракона, уничтожающее все живое — кроме твердой скалы, воды и металла... Робинтон покачал головой, уstraшенный собственной фантазией.

Так... Теперь Фандарел, мастер-кузнец. Огромный, с громopodobным голосом, бесконечно любознательный, всегда в де-

лах... Большие руки, но искусные, чуткие... Главную тему поведет барабан... Только подумать, как обманчива внешность кузнеца! Любой решит, что такой гигант с медленными, осторожными движениями — тугодум...

Печальные, тихие аккорды... Это Лайтол, который был всадником Бендена и потерял своего дракона Ларт'а во время Весенних Игр... Несчастный случай... сколько же прошло с тех пор? Четырнадцать? Пятнадцать Оборотов? Лайтол покинул Вейр — жизнь там каждое мгновение напоминала бы о его страшной потере — и стал ткачом. Когда Ф'лар отправился в Поиск и встретил Лессу, бывший всадник возглавлял ткацкую мастерскую в холде Плоскогогорье. Потом Лесса отказалась от прав на Руат в пользу юного Джексома... Да, а Ф'лар назначил Лайтола управляющим холда. Он и сейчас там, со своим воспитанником... мальчику скоро исполнится двенадцать Оборотов.

А как выразить тот уважительный трепет, который люди Перна испытывают перед драконами? Не существует мелодии достаточно величественной, чтобы по заслугам воспеть этих огромных крылатых зверей, которых всадники запечатали — мальчик становился единым ментальным целым с драконом сразу после того, как новорожденный дракон выбирался из яйца... Вместе с людьми драконы бились с Нитями, уничтожая их огненным дыханием. Люди любили их, холили и преклонялись перед ними. Дракон и всадник, защитники Перна... Их объединяла на всю жизнь нерасторжимая мысленная связь, неизмеримо превосходившая обычную речь... «На что это может быть похоже?» — подумал Робинтон, вспомнив мечту своей юности — стать всадником. Неким таинственным образом драконы Перна могли попадать в Промежуток, в ледяной безбрежный мрак, лежащий за пределами видимого мира. Прыжок сквозь Промежуток позволял им в мгновение ока переноситься с одного места в другое... даже путешествовать во времени!

Арфист вздохнул. Это потрясало воображение! Но рука его потянулась к песку, и вот стило начертило первое слово, первую ноту... будто песня могла воскресить детские надежды Робинтона.

Он едва успел перенести начальную строфу на мягкую глину, чтобы сохранить текст, когда первый удар барабана прервал его труды. Робинтон выбежал в маленький внутренний дворик и, склонив голову, прислушался: все верно, код его цеха... Он так сконцентрировался на передаче, что даже не заметил, как над зданиями мастерской вновь повисла тишина.

— Нити?

Горло его внезапно пересохло. Ему не надо было заглядывать в

таблицы с расписанием атак, чтобы понять: Нити на побережье Тиллек-холда начали падать слишком рано.

На противоположном конце долины, на стене Форт-холда, безразличный к чужому бедствию, монотонно вышагивал часовой.

* * *

Воздух в огромной чаше Бендена уже был напоен теплом весеннего полдня, когда Ф'нор, вслед за своим огромным коричневым Кант'ом, вылез на карниз. Всадник зевнул и потянулся — так, что хрустнуло в спине. Вчерашний день он провел на западном побережье в поисках подходящих для Запечатления ребят — и девушек тоже, потому что на площадке Рождений Бенден-Вейра зрело новое золотое яйцо. В Бендене, несомненно, рождается больше драконов и больше королев, чем во всех Вейрах Древних, подумал Ф'нор.

— Хочешь есть? — спросил он своего коричневого, бросив взгляд вниз, на дно скалистой чаши Вейра, на загон для скота.

— Хочу спать, — ответил Кант', хотя спал он так же долго и глубоко, как его всадник. Коричневый дракон выбрал место поудобнее, вздохнул и улегся на карнизе, нагретом солнечными лучами.

— Лентяй несчастный, — сказал Ф'нор, нежно улыбаясь своему зверю.

Солнце освещало противоположную сторону жерла потухшего вулкана, гигантской котловины, которая служила жилищем всадникам на восточном побережье Северного материка Перна. В скалистых стенах темнели отверстия, ведущие в вейры — логова драконов; блики, вспыхивающие на прожилках слюды, слепили глаза. Гладь озера, переполненного весенними водами, сверкала — там купались две зеленых, пока их всадники болтали, развалившись на травяном откосе. По другую сторону, там, где находились помещения молодняка, выстроились полукругом около своего наставника подростки.

Улыбка Ф'нора стала еще шире. Он опять лениво потянулся, вспоминая утомительные часы занятий в такой же группе двадцать Оборотов назад. Да, для нынешнего поколения уроки приобрели гораздо больший смысл. В его время серебряные Нити, про которые говорилось в учебных Балладах, не падали с Алой Звезды добрых четырехста Оборотов... Нити, пожирающие плоть людей и животных, травы, злаки и леса Перна... Тогда лишь Ф'лар, его брат по отцу, всадник бронзового Мнемента, верил,

что в этих легендах скрыта правда... единственный из всех всадников последнего Вейра на планете. Теперь существование Нитей являлось очевидным фактом; они падали с небес Перна с удручающей регулярностью. И их уничтожение опять наполнило смыслом жизнь всадников. Приемы, которые постигали сейчас эти парни, могли спасти их шкуры, их жизни и, что было гораздо важнее, их зверей.

«Они стараются», — сообщил Кант', складывая крылья вдоль спины и подвернув хвост под брюхо. Он опустил огромную голову на передние лапы; фасетчатые глаза дракона сияли над самым плечом Ф'нора.

Всадник протянул руку и начал почесывать его надбровье — пока в горле Кант'а не родился низкий довольный рокот.

— Ах ты, ленивец!

«Когда я работаю — я работаю, — возразил Кант'. — Как бы ты узнал без моей помощи, который из мальчишек, рожденных в холдах, сумеет стать хорошим всадником? И разве не я нашел девицу для королевы?»

Ф'нор снисходительно рассмеялся, но это было правдой; всадники Бенден-Вейра высоко ценили способность Кант'а обнаруживать подходящих кандидатов для новорожденных драконов и новых королей.

Затем Ф'нор нахмурился, вспомнив странную враждебность мелких холдеров и ремесленников, с которой он столкнулся на землях Южного Болла. Да, люди вели себя явно враждебно, пока... пока не узнавали, что он из Бендена. Что ж, у Древних свой путь... Южный Болл находится под защитой Форт-Вейра. По традиции — Ф'нор сухо усмехнулся, так как предводитель Форты Т'рон мнил себя непогрешимым хранителем традиций и обычаев, — по традиции Вейр, который защищает земли холда, имеет право первоочередного выбора будущих всадников. Но пять Древних Вейров редко искали кандидатов вне своих нижних пещер. Конечно, думал Ф'нор, королевы Древних не способны приносить столько яиц, как в Бендене и Южном... и в их кладках совсем мало золотых. Собственно говоря, после того как семь Оборотов назад Лесса привела Древних, в их Вейрах появились только три молодые королевы.

Ну, пусть Древние следуют своими путями, если им так нравится; сам Ф'нор был согласен с Ф'ларом. Во имя общих интересов новорожденным драконам надо предоставить самый широкий выбор. И хотя женщины в нижних пещерах Бендена ничего не имели против поддержания традиций, они не могли угнаться за королевами крылатого племени.

Предположим, размышлял коричневый всадник, кто-нибудь из предводителей Древних — Г'нариш из Айгена или Р'март из Телгара — объявит открытым брачный полет молодой королевы своего Вейра. Тогда бронзовые Бендена получают право участвовать в нем, и кладки станут обильнее, а размеры драконов увеличатся... Древние не смогут этого не заметить. Разве можно улучшить породу без притока свежей крови?

Порыв ветра принес едкий аромат бальзама, и Ф'нор сморщился. Он совсем забыл, что женщины уже несколько дней готовили анестезирующую мазь — универсальное средство от ожогов Нитей и других болезненных ран. На самом деле именно поэтому он вчера отправился в Поиск. Запах бальзама казался неистребимым и проникал всюду. В последние дни и хлеб и мясо были буквально пропитаны острым запахом лекарства. Приготовление бальзама — процесс столь же длительный, сколь и неприятный; в этот период многие всадники старались пореже появляться в Вейре.

Ф'нор посмотрел на противоположную стену, где темнело отверстие королевского вейра. Рамот'а, конечно, была на площадке Рождений, около своей последней кладки, а вот бронзового Мнемента на его любимом уступе перед входом в Вейр не было. Они с Ф'ларом уже умчались куда-то — спасаясь то ли от запаха бальзама, то ли от переменчивого настроения Лессы. Она добросовестно выполняла все обязанности старшей госпожи Вейра, даже самые неприятные, но это не значило, что хлопоты по хозяйству приводят ее в восторг.

Бальзам пах отвратительно; но, несмотря на это, Ф'нор почувствовал голод. Последний раз он ел вчера после полудня, а так как сдвиг по времени между Южным Боллом на западе и Бенде-ном на востоке составлял шесть часов, всадник пропустил обеденное время в своем Вейре.

Почесав на прощанье надбровье коричневого, Ф'нор сказал, что пойдет немного закусить, и двинулся вниз по крутым ступенькам, вырубленным в скале. Одной из привилегий помощника предводителя Вейра являлся выбор жилья. Рамот'а считала, что, кроме нее, Бендену вполне достаточно двух младших королев; таким образом, еще два королевских вейра, соединенных лестницами с дном чаши, пустовали. Ф'нор занял один из них и теперь мог не беспокоить Кант'а, когда собирался посетить нижние уровни.

Он подошел к широкому проему, ведущему в нижние пещеры; от запаха бальзама, кипевшего в котлах, глаза заслезились. Прихватив кружку кла, хлеб и фрукты, Ф'нор поспешно направился

к юным всадникам, столпившимся вокруг наставника. Наблюдение за тренировками молодежи было его обязанностью; особенно внимательно он следил за подростками, которые родились вне стен Бендена. Этим юным отпрыскам холдеров и ремесленников требовалось время, чтобы освоиться с жизнью в Вейре. Часто свобода, как неразбавленное вино, ударяла в головы мальчишек — особенно после того, как они совершали первые полеты в Промежутке. Чтобы оказаться в любом месте Перна, следовало просто ясно представить его себе и сосчитать до трех. Немалый соблазн! И Ф'нор был полностью согласен с Ф'ларом, который утверждал, что к обряду Запечатления нужно готовить ребят постарше — хотя Древние считали подобную практику предосудительной. Но, во имя Первого Яйца, к двадцатому Обороту парень уже понимает лежащую на всадниках ответственность — даже если родился в холде! Зрелость, эмоциональная устойчивость сами по себе не могут, конечно, избавить от шока, который испытывает человек во время Запечатления, но юноша гораздо быстрее начинает понимать значение установившегося мысленного и духовного контакта, взаимопроникновения чувств, связывающих его отныне и до самой смерти с запечатленным драконом. Юноша в отличие от мальчика способен контролировать своего подопечного, пока зреет комплекс необходимых инстинктов и устанавливаются защитные барьеры. У любого из новорожденных не слишком много разума, и если глупый подросток позволит своему малышу переест, весь Вейр будет мучиться от боли в желудке. Ведь даже взрослые звери живут только настоящим моментом — нисколько не думая о будущем и сохраняя память о прошлом лишь на уровне инстинктов. И это хорошо, подумал Ф'нор. Хорошо для драконов, которые принимают на себя основной удар Нитей. Будь их разум более острым, они, возможно, отказались бы сражаться.

Ф'нор сделал глубокий вдох и, прикрыв ладонью глаза, вошел в кухню, расположенную в пещере чудовищных размеров. Он осмотрелся; пожалуй, в этом зловонном производстве участвовала половина женского населения Вейра. Огромные котлы кипели на очагах, тянувшихся вдоль противоположной стены; одни женщины сидели у широких столов, перебивали и крошили корни, из которых затем экстрагировали бальзам, другие мешали варево в котлах, постепенно переливая его в большие горшки. У них были черпаки на длинных ручках, рот и нос закрывали повязки из ткани. Глаза слезились от едких паров. Ребята постарше занимались транспортировкой: подтаскивали из кладовых уголь и отно-

сили в самые холодные камеры загустеваящий бальзам. Все было при деле.

К счастью, дежурный очаг, на котором остатки обеда сохраняли горячими, находился около самого входа. Над тлеющими углями на крючьях висели большой горшок с кла и кастрюля с тушеным мясом. Ф'нор еще раз наполнил кружку и оглянулся — кто-то позвал его по имени. Манора, его мать! Сейчас она кивала, подзывая его. Лицо хозяйки нижних пещер, обычно безмятежно-спокойное, выглядело несколько растерянным.

Ф'нор послушно подошел к столу, у которого Манора, Лесса и еще одна молодая женщина изучали поверхность небольшого металлического черпака. Лицо девушки показалось ему знакомым, но имени он вспомнить не мог.

— К вашим услугам, Лесса, Манора... — Он склонил голову, пытаясь вспомнить имя девушки.

— Неужели ты забыл Брекку, Ф'нор? — Лесса с упреком приподняла бровь.

— Ты думаешь, я могу разглядеть что-нибудь в этом тумане? — Ф'нор демонстративно вытер глаза рукавом. — Я не видел тебя, Брекка, с тех пор, как мы с Кант'ом привезли тебя из мастерской на Запечатление малышки Вирент'ы.

— Ф'нор, ты такой же, как Ф'лар, — заявила Лесса раздраженно. — Помнишь имя дракона, но не всадника.

— Как поживает Вирент'а, Брек? — спросил Ф'нор, пропуская мимо ушей замечание Лессы.

В ответ девушка улыбнулась с пугливым смущением и бросила отчаянный взгляд на Манору; ей явно не хотелось привлекать внимание всадника. На вкус Ф'нора, она была слишком худошавой, немного повыше Лессы; свежее, милое личико обрамляли завитки темных кудрей. Очень привлекательная девушка, решил Ф'нор, и скромная... Интересно, как она ладит с Киларой, капризной, самовластной госпожой Южного Вейра? Он слышал, что Брекка перебралась туда, когда Вирент'а подросла... кажется, это было не так давно...

Лесса грохнула на стол перед ним пустой ковш.

— Погляди-ка, Ф'нор. Внутренняя поверхность растрескалась, и бальзам меняет цвет... с ним что-то происходит.

Ф'нор сочувственно свистнул.

— Ты не знаешь, чем Фандарел покрывает металл? — спросила Манора. — Нельзя и дальше портить мазь. Я не смею пользоваться металлической посудой, но выкидывать ее жалко...

Ф'нор поднес ковш к свету. С одной стороны тусклую внутреннюю поверхность пересекали тонкие трещины.

— Видишь, что происходит с бальзамом? — Лесса подтолкнула к нему маленький котелок.

Обычно снадобье, застывая, превращалось в бледно-желтую мазь; но находившееся в котелке вещество отливало красным. Довольно угрожающий цвет, подумал Ф'нор. Он принюхался, затем опустил в котелок палец и почувствовал, как привычное онемение охватывает кожу.

— Он действует. — Ф'нор пожал плечами.

— Да, конечно. Но что случится с открытой раной, если на нее попадет мазь с примесью неизвестного вещества? — спросила Манора.

— Действительно... А что сказал Ф'лар?

— О, Ф'лар... — на прелестном лице Лессы появилась недовольная гримаска. — Он умчался в Лемос, поглядеть, что научились делать мастера Асгенара из перемолотых листьев и древесных ветвей.

Ф'нор ухмыльнулся.

— Вечно он куда-то пропадает... как раз тогда, когда нужен, — правда, Лесса?

Глаза госпожи Бендена сузились, и острый ответ уже был готов сорваться с ее губ... Но вдруг она поняла, что Ф'нор ее дразнит.

— Вы оба стоите друг друга, — со вздохом сказала Лесса коричневому всаднику, так похожему на ее возлюбленного. Впрочем, если внешнее сходство их было очевидным — черные густые волосы, резкие черты лица, крепкие сухошавые фигуры (Ф'нор был немного шире в кости), — то характером и темпераментом они отличались очень сильно. Ф'нор, не так склонный к самоанализу, обладал более живым, легким нравом по сравнению с братом, который был старше на три Оборота. Лесса иногда ловила себя на том, что рассматривает Ф'нора как естественное продолжение вождя Бендена — и, вероятно, по этой причине могла шутить и беззлобно пикироваться с ним. Она нелегко сходилась с людьми.

В ответ на комплимент Ф'нор склонился перед госпожой Вейра.

— Ну, ладно. Я не прочь отправиться в мастерскую Фандарела с вашим поручением. Мы ведем Поиск, и я полагаю, что с тем же успехом могу искать в Телгаре, как и в любом другом месте. Думаю, Р'март не обидится. — Он взял черпак, еще раз осмотрел его, затем обвел глазами кипящую суетой кухню и покачал головой. — Я покажу ваш ковшик Фандарелу, но мне кажется, что снадобьем, которое вы уже наварили, можно смазать каждого дракона во всех шести... прошу прощения... в семи Вейрах. — Ф'нор улыбнулся Брекке.

Странно... Почему девушка держится так скованно? И что она тут делает? Младшая госпожа Южного варит лекарство в Бендене... Очень странно.

— Бальзама никогда не бывает слишком много, — сухо заметила Манора.

— Не только этот черпак покрылся трещинками. — Тон Лессы был непререкаем. — Нам придется опять собирать корни и делать мазь, чтобы возместить потерянное...

— В Южном как раз поспевает второй урожай, — сказала Брекка и вспыхнула.

Но Лесса, кажется, не рассердилась на то, что ее прервали. Бросив на девушку благосклонный взгляд, она заметила:

— Я не хочу посягать на твои запасы, Брек... Ведь в Южном ты нянчишься с кучей остолопов, которые не смогли увернуться от Нитей и свалились на твою шею. Поэтому...

— Я возьму ковшик! Я возьму его! — Ф'нор воздел руки к закопченному своду пещеры. — Но за это я должен получить что-нибудь посуущественней кружки кла и куска сухого хлеба.

Лесса, мигая покрасневшими глазами, повернулась к широкой арке входа; послеполуденное солнце заливало светом котловину Бендена.

— В Телгаре сейчас только полдень, — терпеливо объяснил Ф'нор. — Вчера я весь день был в Поиске, в Южном Болле, и совершенно выбился из режима... — Он протяжно зевнул.

— Да, я забыла... И Поиск был удачным?

— Кант' ни разу не наострил уши... Теперь дайте мне поесть... где-нибудь подальше от этих ароматов. Не знаю, как ты их выносишь...

Лесса фыркнула:

— Потому что я не могу выносить стоны всадников, которым не хватило мази!

Ф'нор улыбнулся своей госпоже, потом его улыбка стала еще шире, когда он заметил робкое изумление в глазах Брекки, наблюдавшей эту дружескую перепалку. Ф'нор искренне почитал Лессу — не только как повелительницу Бендена, но прежде всего как незаурядную личность. Его радовала стойкая привязанность Ф'лара к своей подруге; было ясно, что ни один бронзовый, кроме Мнемент'а, не имеет шансов догнать Рамот'у в брачном полете. Лесса оказалась превосходной госпожой Вейра — под стать Ф'лару, лучшему из бронзовых всадников; вместе они составляли великолепную пару — к немалой выгоде Бендена и всего Перна. В том числе — и трех холдов, находившихся под защитой Бенден-Вейра. Затем Ф'нор вспомнил о странном поведении жите-

лей Южного Болла и уже собирался рассказать о нем Лессе, когда Манора прервала его размышления.

— Цвет снадобья очень беспокоит меня, Ф'нор, — промолвила хозяйка нижних пещер. — Покажи Фандарелу вот это. — Она положила в корзину два небольших горшка, наполненных желтой и красноватой мазью. — Пусть он сам увидит, что случилось. Брекка, ты не будешь так добра помочь Ф'нору?

— Благодарю, я справлюсь, — пробормотал коричневый всадник, разворачиваясь к выходу с черпаком под мышкой и корзиной в руках. Как всякая мать, Манора считала, что ее сын до сих пор не в состоянии позаботиться о себе сам. Он устремился к дежурному очагу.

— Ф'нор, не урони ковш, когда пойдешь в Промежуток! — полетел ему вдогонку последний совет.

Ф'нор хихикнул про себя. Мать всегда мать, подумал он, и Лесса, без всякого сомнения, так же тряслась бы над Фелессаном, своим единственным ребенком. Хорошо, что в Вейрах существовала традиция усыновления; Фелессану гораздо спокойнее живется с приемной матерью, чем жилось бы с Лессой — если бы ей пришлось в голову взяться за его воспитание. Он хороший парнишка... самый подходящий для Запечатления бронзового дракона из всех ребят, которых Ф'нор видел за последние Обороты.

Ф'нор выловил добрый кусок мяса и, запустив в него зубы, продолжал размышлять о женских капризах. Все девушки, которых он встречал, жаждали попасть в Бенден-Вейр. Они не хотели рожать детей, одного за другим, до самой старости — точнее, до тех пор, пока их тело не превратится в развалину. В Вейрах женщины были свободны в своих привязанностях и вели деятельную жизнь. Та же Манора, которая видела, наверно, вдвое больше Оборотов, чем последняя жена лорда Сайфера из Битры, выглядела моложе. Ну, всадник предпочитает сам искать любовь; женская навязчивость претит ему. К тому же в нижних пещерах Вейра хватает свободных девушек...

Кла пах все тем же едким снадобьем; Ф'нор не смог его одолеть. Он быстро дожевал мясо, глотая большие куски и стараясь не обращать внимания на их вкус. Ладно, хватит! Может быть, в кузечной мастерской Телгара ему удастся что-нибудь перехватить.

— Кант'! Манора дала нам поручение! — сообщил он коричневому, выбираясь из нижних пещер. Как все-таки женщины выносят этот запах?

Дракон тоже не мог понять. Испарения кипящего бальзама не

дали ему заснуть на теплом карнизе. Предложение побыстрее убратъся из Бендена было одобрено им сразу и бесповоротно.

Они висели над Телгар-холдом, купавшимся в щедром сиянии утреннего солнца. Ф'нор направил дракона вдоль узкой долины к группе построек, растянувшихся слева от Водопадов.

Солнечный свет искрами дробился на водяных колесах, которые неустанно вращались водяным потоком, падавшим с трехступенчатого каскада, и раздували огонь в горнах мастерской. Из труб массивных зданий поднимались струйки дыма; пахло металлом и горючим камнем. Когда Кант' спустился ниже, Ф'нор увидел вдалеке облако пыли — от ближайшей переправы через главную реку Телгара шел обоз с рудой. Фандарел установил на баржах колеса, и теперь руда из копей Крома и Телгара попадала в кузнечные мастерские вдвое быстрее.

Кант' издал приветственный крик, на который немедленно ответили два дракона, зеленый и коричневый, восседавшие на небольшом утесе рядом с главной мастерской.

«Бет'а и Севент' из Форт-Вейра», — сообщил своему всаднику Кант'.

Ф'нор их не знал. Времена, когда человек мог запомнить каждого дракона и всадника на Перне, миновали.

— Присоединишься к ним? — спросил он коричневого.

«Они — вместе», — многозначительно ответил Кант'. Ф'нор усмехнулся.

Словно подтверждая это, зеленая Бет'а придвинулась к коричневому Севент'у; тот развернул крыло, нежно прикрыв им подругу. Разглядывая блестящую шкуру самки, Ф'нор подумал, что всадникам не стоило позволять паре в таком состоянии покидать Вейр.

Когда они пролетали над скалой, Ф'нор похлопал Кант'а по мощной шее, но тот, видимо, не нуждался в утешении. «Еще бы, — подумал Ф'нор с легким самодовольством, — он не испытывает недостатка в партнершах!» Зеленые всегда оказывали предпочтение коричневому — такому же огромному, как самые большие бронзовые драконы на Перне.

Кант' приземлился, и всадник спрыгнул вниз. Пыль, поднятая крыльями дракона, взметнулась в воздух, завихрилась клубами, и Ф'нор бросился вперед, прикрывая ладонью лицо. По пути в главную мастерскую он миновал несколько навесов, под которыми кипела работа. Большинство операций, выполнявшихся чумазыми, потными работниками, были ему знакомы, но возле одного навеса он задержался. Ф'нор смотрел, пытаясь сообразить, для чего ремесленники протягивают металлические прутья сквозь

пластину с отверстиями, — пока не понял, что материал превращается в тонкую проволоку. Он собирался спросить о деталях процесса, но вовремя заметил угрюмое, замкнутое выражение на лицах кузнецов. Приветливо кивнув им, Ф'нор двинулся дальше, встревоженный подчеркнутым безразличием — нет, скорее неприязнью, — которое он вызывал. Он начал жалеть, что согласился выполнить просьбу Маноры.

Но мастер-кузнец Фандарел был, вероятно, единственным человеком, который мог объяснить, почему металл изменил цвет жизненно необходимой мази. Ф'нор приоткрыл корзинку и заглянул внутрь — оба горшочка находились на месте. Этот почти инстинктивный жест заставил его усмехнуться — словно на миг вернулись детские опасения потерять нечто важное, доверенное ему.

Вход в главную мастерскую выглядел впечатляюще — под массивной аркой могла бы пройти в ряд, не поцарапав шкуры, четверка быков. Может быть, мастер-кузнец Перна был под стать двери своего цеха. Проходя в темный зев пещеры, Ф'нор в который раз любовался на необъятные створки ворот в виде широко распростертых крыльев дракона. Творение природы, с великим искусством повторенное в металле — для пользы людей...

Огромный зал наполняли потоки света, струившиеся сквозь прорезанные под самым потолком окна; бронзовые ставни, обращенные к востоку, горели под утренним солнцем. Его лучи играли на клинках, лезвиях, панцирях — образцах оружия и других предметах из металла, выставленных в центре помещения на высоких открытых стеллажах. У верстаков и станков суетились люди — сверлили, полировали, гравировали, наводили последний глянец на почти готовые изделия.

Внезапно грохот и визг металла смолкли. Вначале Ф'нор решил, что работы прервало его появление; потом он заметил двух всадников, явно угрожавших мастеру Терри. Ф'нор почувствовал, что весь огромный зал с напряженным вниманием следит за этой троицей. Возмущение охватило Ф'нора — Терри был первым и самым талантливым помощником Фандарела. Не задумываясь, бенденский всадник шагнул вперед; подбитые металлом подошвы его сапог высекали искры из гладких плит пола.

— Добрый день тебе, Терри, и вам, мои господа, — сказал он, с любезным видом приветствуя всадников. — Ф'нор, всадник Кант'а, из Бендена.

— Б'най, всадник Севент'а, из Форта, — представился более рослый, с сединой. Очевидно, седой был недоволен вмешатель-

ством Ф'нора. Он держал изукрашенный самоцветами нож превосходной работы и раздраженно похлопывал клинком по ладони.

— Т'реб, всадник Бет'ы, тоже из Форта. И если твой Кант' — бронзовый, то Бет'а шлет ему самые сердечные приветы.

— Кант' не охотится в чужих владениях, — с открытой улыбкой произнес Ф'нор, но про себя отметил, что любовные шашни зеленой изрядно подогрели и ее всадника.

— Кто знает, чему там у вас учат, в Бенден-Вейре. — Т'реб не пытался скрыть презрения.

— Хорошим манерам, например, — с холодной вежливостью ответил Ф'нор. Зеленый всадник зло уставился на него, уловив завуалированную насмешку. Ф'нор равнодушно отвернулся и протянул руку Терри: — Мой добрый мастер, рад тебя видеть. Могу ли я перемолвиться парой слов с Фандарелом?

— Он работает в...

— А нам ты говорил, что его нет в мастерской! — перебил Т'реб, ухватив Терри за лямки толстого кожаного фартука.

Реакция Ф'нора была мгновенной. Его пальцы поймали запястье Т'реба, сжав его с такой силой, что рука зеленого всадника оказалась парализованной.

Освободившись, Терри сделал шаг назад, сжав зубы; глаза кузнеца потемнели от гнева.

— Кажется, манеры Форт-Вейра оставляют желать лучшего, — заметил Ф'нор.

Его зубы сверкнули в улыбке — такой же жесткой, как хватка, с которой он сжимал руку Т'реба. Но тут вмешался Б'най, второй всадник из Форта.

— Т'реб! Ф'нор! — Он попытался развести их. — У его зеленой вот-вот начнется течка, Ф'нор. Понимаешь, каково ему сейчас?

— Значит, надо было оставаться в Вейре.

— Форт не нуждается в советах Бендена! — закричал Т'реб, пытаясь оттолкнуть своего приятеля. Рука его потянулась к поясу, к ножу.

Ф'нор отступил, заставив себя успокоиться. Нелепый случай! Не подобает всадникам ссориться, как вздорным бабам. Но никому не позволено обходиться грубо с одним из лучших мастеров Перна! Снаружи раздался рев драконов.

Не обращая внимания на Т'реба, Ф'нор сказал седому всаднику:

— Забирай его отсюда, да поскорее! Его самка готова подняться. Но рассвирепевший Т'реб не собирался молчать.

— Не учи меня, как обращаться с драконом, ты...

Конец фразы покрыл второй трубный вопль, к которому добавился бас Кант'а.

— Не глупи, Т'реб, — сказал Б'най. — Пойдем! Быстрей!

— Я не остался бы здесь, если б ты не захотел этот кинжал. Забирай его — и идем.

Клинок, который выронил Б'най, лежал на полу, у ног Терри. Кузнец нерешительно поднял его, и Ф'нору вдруг стало ясно, почему в зале царило такое мрачное напряжение. Всадники из Форта собирались забрать нож! Он припомнил, что слухи о вымогательстве не первый Оборот гуляют по Перну.

— Вам лучше уйти, — сказал он сквозь зубы и шагнул вперед, прикрывая Терри.

— Мы пришли за ножом! И мы уйдем с ним! — С неожидан-ным проворством зеленый всадник проскользнул мимо Ф'нора и выхватил клинок из рук Терри, порезав ему палец.

Ф'нор снова поймал запястье Т'реба и начал выкручивать, заставляя выпустить нож.

Т'реб пронзительно вскрикнул от ярости, и, прежде чем Ф'нор успел увернуться, а Б'най — помешать, зеленый всадник вонзил свой собственный клинок в плечо Ф'нора, потом злобно дернул его вниз. Лезвие вспороло руку и уперлось в кость.

Содрогнувшись от боли, Ф'нор отшатнулся. Он услышал жалобный вскрик Кант'а, вопль зеленой, трубный рев коричневого.

— Забери его отсюда, — выдохнул он Б'наю.

Подскочивший Терри поддержал раненого всадника.

— Убирайтесь вон! — повторил кузнец хриплым голосом. Он повелительно махнул своим людям, и ремесленники бросились на помощь. Но Б'най, схватив Т'реба за плечо, потащил его из зала.

Ф'нор сопротивлялся попыткам Терри уложить его на топчан, стоявший у стен. Всадник напал на всадника! Это было плохо, очень плохо... Но еще больше Ф'нора потрясло то, что всадник ради обладания красивой игрушкой пренебрег своим зверем.

Зеленая визжала не переставая, с яростной настойчивостью обиженного животного. Ф'нор желал теперь только одного — чтобы и Т'реб, и Б'най, и их звери побыстрее убрались в Промежуток. Длинная тень пересекла створку двери, снаружи послышалось озабоченное урчанье Кант'а. Вопли зеленой внезапно стихли.

— Они ушли? — спросил Ф'нор дракона.

«Ушли, — ответил Кант', вытягивая шею и пытаясь рассмотреть своего всадника. — Ты ранен».

— Со мной все в порядке... Все в порядке... — шептал Ф'нор, обвиснув в руках Терри. В надвигающемся беспамятстве он чувствовал, как его поднимают, затем под лопатками оказалась твердая поверхность скамьи... Манора будет сердиться, что он так и не повидался с Фандарелом... Это было его последней сознательной мыслью.

Вечер, встреча предводителей в Форт-Вейра

Мнемент' вынырнул из Промежутка так высоко над вершиной Форт-Вейра, что огромный пик казался едва различимой точкой, темнеющей на почти невидимой внизу земле. Ф'лар удивленно вскрикнул; ледяной воздух высоты обжег его горло.

«Тебе нужно быть холодным и спокойным, — заметил Мнемент', к изумлению своего всадника. — На этой встрече должен командовать ты».

И бронзовый дракон начал долгий спуск по спирали к чаше Вейра.

По долгому опыту Ф'лар знал, что никакие уговоры не влияют на Мнемент'а, когда его тон становится столь непрекращаемым. Он не мог понять, чем вызвано заявление дракона, однако чувствовал, что бронзовый прав. Пожалуй, он немногого добьется, если начнет спорить с Т'роном и остальными предводителями. Или потребует справедливости по отношению к своему раненому помощнику. Или выкажет недовольство скрытым пренебрежением, заключавшимся в выборе времени этого совещания. Т'рон, вождь Вейра, к которому принадлежал преступивший закон всадник, порядком задержал ответ на вежливую просьбу Ф'лара о немедленной встрече всех предводителей для обсуждения инцидента в мастерской. И когда ответ наконец пришел, выяснилось, что Совет назначен на вечер по времени Форт-Вейра — в Бендене это соответствовало глубокой ночи. Час, очень неудобный для Ф'лара и не слишком подходящий для остальных восточных Вейров — Айгена, Исты и даже Телгара. Возможно, Д'рам из Исты, Г'нариш из Айген-Вейра и Р'март Телгарский найдут что сказать Т'рону по этому поводу, хотя для них разрыв во времени не был так велик, как для Бендена. По видимому, Т'рон надеялся вывести Ф'лара из равновесия. Следовательно, Ф'лар должен быть спокойным и дружелюбным. Он принесет извинения Д'раму, Р'марту и Г'наришу за причиненные им неудобства и намекнет, что понимает, кто виноват в этом.

Если рассуждать здраво, думал Ф'лар, главным во всей этой истории было не нападение на Ф'нора. Основным был вопрос о нарушении двух важнейших законов Вейра — настолько серьезных и прочно укоренившихся в сознании каждого всадника, что преступить их казалось невозможным.

Всадник не должен допускать, чтобы зеленая самка или золо-

тая королева покидали Вейр накануне брачного полета. То, что зеленая, жевавшая огненный камень, была стерильной, не играло никакой роли. Ее эмоции могли завести даже самых пассивных самцов. И некоторые зелено-коричневые пары в период спаривания были не менее шумными, чем бронзово-золотые. Стада на пастбищах разбегались в панике, а птицы и цеппи впадали в настоящую истерику. Люди тоже испытывали возбуждение, что иногда приводило к неприятным последствиям для молодых холдеров. Всадников драконы свадьбы не беспокоили; в Вейрах давно привыкли не сдерживать сексуальное влечение. Однако ради спокойствия холдов никто не стал бы выпускать своего дракона из Вейра в таком состоянии.

И хотя Ф'лар не задумывался над этим, второе ограничение с неизбежностью вытекало из первого. С момента, когда всаднику разрешали путешествовать в Промежутке, что считалось признаком зрелости, ему следовало избегать столкновений — особенно с тех пор, как поединки стали распространенным обычаем в холдах и мастерских. Все разногласия между всадниками разрешались только в рукопашных схватках без оружия, происходивших под наблюдением строгих судей. Если человек погибал, его дракон навсегда уходил в ледяную тьму Промежутка, что грозило остальным зверям сильнейшим стрессом. Когда всадник был серьезно ранен или надолго терял сознание, его дракон впадал в неистовство и становился неуправляемым. Поэтому поединки с оружием, которые могли повлечь ранение или смерть всадника, находились под абсолютным запретом.

Итак, человек из Форт-Вейра нарушил оба закона — причем умышленно, судя по свидетельству Терри и остальных кузнецов. Ф'лар не испытывал удовлетворения от того, что провинившийся всадник был обитателем Форта, — хотя из-за этого Т'рон, часто критиковавший недостаточную приверженность Бендена старинным традициям, угодил в незавидное положение. Обычно Ф'лар пытался доказать, что его новации не затрагивают духа Законов Вейра — и тем не менее пятеро предводителей Древних категорически отклоняли любое его предложение. Т'рон отличался особенной активностью. Он постоянно бубнил о неподобающем поведении современных холдеров и ремесленников, невыносимо дерзком — вернее, лишенном былого раболепия, мысленно поправился Ф'лар — и несравнимом с покорностью перинитов далекого прошлого.

Интересно посмотреть, размышлял предводитель Бендена, как Т'рон, такой страстный хранитель традиций, объяснит действия своих всадников. Ведь сейчас они обвиняются в гораздо

более серьезном нарушении законов Вейра, чем все нововведения Ф'лара, вместе взятые.

Восемь Оборотов назад здравый смысл продиктовал ему политику открытых дверей — в Бендене было недостаточно мальчиков подходящего возраста, поэтому он стал набирать ребят для обряда Запечатления в холдах и мастерских. Если бы Древние разрешили своим молодым королевам свободно летать с бронзовыми из других Вейров, кладки у них стали бы такими же обильными, как в Бендене. Однако Ф'лар мог понять их чувства — бронзовые драконы Бендена и Южного были крупнее, чем большинство бронзовых из старых Вейров. Следовательно, королевы отдали бы предпочтение им. Но, во имя Первого Яйца, предложение Ф'лара не относилось к старшим королевам! Он вовсе не собирался бросать вызов предводителям Древних и посягать на их власть! Просто свежая кровь позволила бы улучшить породу драконов — а разве это не выгодно для всех Вейров?

А приглашение холдеров на обряд Запечатления? Это оказалось важным дипломатическим ходом. Не было перинита, который не лелеял бы мечту запечатлеть дракона. Каждый жаждал связать свою жизнь с одним из этих огромных зверей, обрести доброго друга, вызывающего любовь и восхищение, во мгновение ока пересекать на его спине Перн. Каждый надеялся, став всадником, никогда не испытывать одиночества — обычного состояния для многих людей. И независимо от того, являлись ли холдеры непосредственными участниками обряда или простыми зрителями, акт Запечатления вызывал у них священный трепет. Они видели своими глазами, что удача может улыбнуться и их сыновьям, а не только счастливым, которые родились и выросли в Вейре. Ф'лар предполагал, что так могли возникнуть новые связи — между всадниками и теми, кто дал им жизнь и заботился об их пропитании.

А посыльные, приданные каждому крупному холду и самым большим мастерским? Чрезвычайно полезная мера — даже когда Бенден был единственным пристанищем драконов на Перне. Северный континент обширен, и передача сообщения с одного конца на другой занимала многие дни. Связь с помощью барабанов, разработанная цехом арфистов, значительно уступала крыльям дракона; зверь мог почти мгновенно перенести себя, всадника и неискаженное послание в любую точку планеты.

Ф'лар прекрасно сознавал и опасность изоляции. Из-за этого едва не погиб Бенден-Вейр в те далекие дни, семь Оборотов назад, перед падением на Перн первых Нитей. А вместе с единственным Вейром погибла бы вся планета! Еще тогда Ф'лар почув-

ствовал, что всадники должны разорвать кольцо высокомерной замкнутости и отчуждения. Но Древние так цеплялись за свою обособленность... которая, кстати, была благодатной почвой для инцидентов, подобных случившемуся у кузнецов Телгара. Т'реб и его до предела возбужденный дракон прямо-таки свалились на мастерскую, а затем всадник потребовал — не попросил! — у кузнецов клинок, предназначенный их цехом в подарок могущественному лорду!

С такими мыслями, наполненными скорее разочарованием, чем жадой мести, Ф'лар быстро скользил на Мнемент'е вниз, к скалистым зубчатым стенам Форт-Вейра. Звездная Скала и сторожевой всадник рядом с ней ясно вырисовывались на фоне угасающего заката. За ними угадывались очертания трех бронзовых — один огромный, на добрую половину хвоста длиннее остальных. Должно быть, Орт'; значит, Т'бор уже прибыл из Южного Вейра. Но бронзовых — только три? Кого же еще нет?

«Салт' из Плоскогорья и Брант' с Р'мартом из Телгар-Вейра отсутствуют», — сообщил своему всаднику Мнемент'.

Значит, вожди Плоскогорья и Телгара еще не прибыли? Ну, Т'кул может запаздывать с какой-то целью. У него своеобразное чувство юмора, и, скорее всего, он рассчитывает этой ночью хорошо повеселиться. Ему подвернулся шанс подколоть Ф'лара с Т'бором и порадоваться неприятностям у Т'рона. Ф'лар никогда не испытывал дружеских чувств к грубоватому смуглому предводителю Плоскогорья. Но его удивило, что Мнемент' не назвал Т'кула по имени. Обычно драконы игнорировали имена тех людей, которые не внушали им симпатии. Но проявить подобное пренебрежение к вождю Вейра... Очень необычно для дракона!

Ф'лар надеялся, что Р'март Телгарский появится вовремя. Р'март и Г'нариш из Айгена были самыми молодыми из предводителей Древних Вейров. И хотя в многочисленных спорах с вождями Бендена и Южного они обычно поддерживали своих современников, Ф'лар заметил, что оба молодых всадника прислушивались к некоторым его предложениям. Может ли он надеяться на их поддержку в этот день — точнее, в эту ночь? Как бы он хотел, чтобы Лесса сейчас была с ним! Она могла оказать ментальное влияние на противоборствующую сторону и нередко получала полезную информацию от чужих драконов. Лесса занималась этим крайне осторожно; всадники способны были ощутить, что на них оказывается мысленное воздействие.

Мнемент' уже спустился в чашу Форта и повернул к карнизу вейра старшей королевы, где мог приземлиться без помех. Фидрант'а не было на насиженном месте; возможно, он находился

рядом со своей подругой, или же Мардра, старшая госпожа Вейра, покинула королевские покои. Она оказалась не менее упрямой, чем Т'рон, хотя и не такой обидчивой. В первые дни после того, как Вейры Древних совершили прыжок во времени, Мардра и Лесса очень сблизились. Но постепенно дружелюбие повелительницы Форта перешло в открытую неприязнь. Мардра, яркая, красивая женщина с пышной фигурой, как и Килара из Южного, пользовалась большим успехом у бронзовых всадников. Ф'лар быстро понял, что главная черта ее натуры — инстинкт собственности; к тому же она не обладала развитым интеллектом. Необычная сумрачная красота Лессы, ее утонченность, легенды, которые слагали в Вейрах о ее небывалом полете сквозь сотни Оборотов, — все это вызывало у Мардры только зависть. Очевидно, она не могла представить себе, что Лесса не собирается отбивать у нее поклонников. К тому же их общее руатанское происхождение... поистине, смехотворный повод, чтобы возненавидеть Лессу! Мардра вбила себе в голову, что Лесса, последняя, в чьих жилах текла чистая кровь руатанских лордов, не имела права отказываться от родового холда в пользу юного Джексама. Конечно, сама госпожа Форта не претендовала на Руат, считая свое положение более высоким. Но подобные измышления подогревали ее ненависть к Лессе.

Итак, пожалуй, неплохо, что женщины не будут участвовать в этой встрече. Стоит свести Мардру с Лессой в одной комнате — и проблемы неизбежны. Если добавить к ним Килару из Южного, которая озабочена лишь тем, чтобы обратить на себя внимание, — и разумного разговора просто не получится. Надира из Айген-Вейра любила Лессу, но никогда не пыталась ее поддерживать. Беделла из Телгара была глупа, а Фанна из Исты — робка и молчалива. Мерики из Плоскогогорья отличалась таким же резким нравом, как и ее Т'кул.

Этот спор должны были разрешить мужчины.

Поблагодарив Мнемента, Ф'лар соскользнул с теплого плеча зверя на карниз и споткнулся, попав каблуком сапога в глубокую выбоину, оставленную на скале когтями сотен драконов. Т'рон мог бы подвесить тут светильник, раздраженно подумал вождь Бендена и тут же одернул себя. Еще одна маленькая уловка, чтобы вывести его из равновесия.

Когда Ф'лар вошел в обширный покой, Лорант'а, старшая из королев Форт-Вейра, торжественно приветствовала его. Он ответил с искренней сердечностью, стараясь скрыть облегчение — следов Мардры нигде не было видно. Вероятно, она скрывалась за занавесью спальни, и наверняка ее не обрадовал оттенок ува-

жения, прозвучавший в приветствии Лорант'ы. Скорее всего, выбор неудобного времени был ее идеей. Для западных Вейров наступил послеобеденный час; те, кто прибыл из более поздних временных поясов, могли рассчитывать только на кружку вина. Таким образом, Мардре не требовалось изображать радушную хозяйку.

Лессе такое и в голову бы не пришло. Ф'лар знал, как часто его импульсивная подруга сдерживает свой острый язычок, когда дело касается Мардры. Воистину, терпение Лессы к снисходительно-надменной госпоже Форта было беспредельным — принимая во внимание ее темперамент. Ф'лар подозревал, что Лесса до сих пор ощущает свою ответственность за то, что вырвала Древних из их родной эпохи. Но, в конце концов, они сами приняли это решение.

Ладно, если Лесса готова терпеть обидную снисходительность Мардры, он, Ф'лар, может попытаться поладить с Т'роном. Этот человек знал, как сражаться с Нитями, и Ф'лар многому у него научился. Предводитель Бендена усмехнулся и в приятном расположении духа двинулся по короткому коридору в комнату Совета Форт-Вейра.

Т'рон, сидевший в большом каменном кресле во главе стола, сухо кивнул, когда Ф'лар переступил порог. Пламя светильников, закрепленных на стенах, отбрасывало неровные тени на его суровое, резко очерченное лицо. Внезапно Ф'лар подумал, что этот человек не знал в жизни ничего, кроме непрерывной борьбы с Нитями. Он родился, когда Алая Звезда начала свой долгий Проход около Перна, и сражался до тех пор, пока она не завершила этот смертоносный путь длиной в пятьдесят Оборотов. А затем Лесса позвала его сюда... Ф'лар знал, что даже семь коротких Оборотов, наполненных битвами с Нитями, могут утомить кого угодно. Но сейчас не стоило думать об этом.

Д'рам и Г'нариш также ограничились сухими кивками. Т'бор, однако, сердечно приветствовал Ф'лара, его глаза блестели от возбуждения.

— Добрый вечер, — произнес Ф'лар, в свою очередь склонив голову. — Приношу всем мои извинения. Моя просьба об экстренной встрече оторвала вас от собственных дел или отдыха, но ситуация слишком серьезна, чтобы ждать очередного Совета в день солнцестояния.

— Это заседание в Форт-Вейре провожу я, Ф'лар Бенденский, — резким холодным тоном прервал его Т'рон. — И я буду ждать Т'кула и Р'марта, прежде чем приступить к обсуждению твоей... твоей жалобы.

— Согласен.

Т'рон удивленно посмотрел на Ф'лара, явно не ожидая такого ответа. Вождь Бендена сел рядом с Т'бором, приветливо кивнув ему головой. Вероятно, предводитель Форта сам был не прочь затеять спор; бросив на Ф'лара раздраженный взгляд, он сказал:

— В следующий раз, когда ты снова решишь вытащить нас из наших Вейров, обратись сначала ко мне. Запомни, что Форт — старейший Вейр Перна. Не нужно нарушать порядок и рассылать своих посыльных ко всем подряд.

— Не вижу, чтобы Ф'лар нарушил порядок, — возразил Г'нариш, явно удивленный словами Т'рона. Г'нариш, невысокий плотный человек, на несколько Оборотов моложе Ф'лара, был самым младшим среди предводителей Древних Вейров. — Любой из нас может созвать общее собрание, если того требуют обстоятельства. — Он подчеркнул свои слова коротким кивком.

— Твой всадник был зачинщиком ссоры, Т'рон, — строго произнес Д'рам, мускулистый мужчина неопределенного возраста; копна его рыжих волос, однако, уже серебрилась на висках. — Ф'лар действовал в рамках своих прав.

— За тобой оставался выбор места и времени, Т'рон, — добавил Ф'лар со всей возможной вежливостью.

Т'рон помрачнел еще больше.

— Р'март Телгарский предложил встретиться здесь, — раздраженно буркнул он.

— Вина, Ф'лар? — искривила злая усмешка губы Т'бора, и Т'рон, поняв свой промах, немедленно протянул руку к кувшину. Вождь Южного покачал головой: — Конечно, этому вину далеко до бенденского, но оно неплохое. Совсем неплохое.

Ф'лар потянулся за кубком, бросив на Т'бора предостерегающий взгляд, но молодой всадник следил за реакцией Т'рона. Десятина, которую жители Бенден-холда платили другим Вейрам, не включала их знаменитое крепкое вино; оно предназначалось только тем, кто защищал земли холда.

— Когда же мы попробуем вина Южного, которые ты так расхваливал, Т'бор? — спросил Г'нариш, инстинктивно стараясь снять растущее напряжение.

— Сезон только еще начался, — заметил Т'бор, всем своим видом подчеркивая, насколько оскорбителен холодный прием, ожидавший гостей как снаружи, так и внутри Форт-Вейра. — Но скоро мы начнем давить виноград и, когда вино созреет, не забудем вас, северян.

— Ты имеешь в виду, что выделишь нам остатки со своего стола? — произнес Т'рон, тяжело уставившись на Т'бора.

Тот ухмыльнулся.

— Понимаешь, мы очень заботливо ухаживаем за ранеными всадниками, так что мне приходится учитывать их интересы. А им надо немало вина, чтобы забыть о своих бедах. К тому же, вспомни, Южный Вейр находится на полном самообеспечении.

Ф'лар наступил на носок сапога Т'бора, когда тот, как ни в чем не бывало, повернулся к Д'раму и осведомился, обильна ли последняя кладка в Иста-Вейре.

— Да, благодарю, — спокойно ответил Д'рам, но Ф'лар догадывался, что произошедший обмен колкостями не понравился вождю Исты. — Мират'а Фанны отложила двадцать пять яиц, и готов поручиться, что среди них полдюжины бронзовых.

— Бронзовые Исты — самые быстрые на Перне, — с уважением сказал Ф'лар.

Рядом с ним беспокойно заерзал Т'бор, и вождь Бендена поспешно передал Мнемент'у: «Попроси Орт'а, чтобы он утихомирил своего всадника. Не надо раздражать Д'рама и Г'нариша; они, похоже, на нашей стороне». Вслух же Ф'лар заметил:

— Бронзовых никогда не бывает слишком много для любого Вейра. Их едва хватает, чтобы осчастливить всех королев.

Он откинулся назад, уголком глаза наблюдая за Т'бором, чтобы уловить, как онотреагирует на переговоры драконов. Вдруг вождь Южного вздрогнул, затем едва заметно пожал плечами; взгляд его скользнул с Д'рама на Т'рона и вновь вернулся к Ф'лару. Казалось, молодой всадник готов скорее взбунтоваться, чем послушаться. Ф'лар спокойно повернулся к Д'раму:

— Достаточно ли у вас юношей для Запечатления? Я знаю одного парнишку...

— Д'рам верен традициям, — обрезал его Т'рон. — Для Запечатления лучше подходят рожденные в Вейре!

— Ты так полагаешь? — Т'бор бросил на вождя Форта злой взгляд.

Д'рам торопливо откашлялся и слишком громким голосом заявил:

— К счастью, в наших нижних пещерах достаточно ребят подходящего возраста. И после последнего Запечатления в Вейре Г'нариша осталось несколько мальчиков, которых он готов отправить к нам, в Исту. Но я благодарен тебе, Ф'лар, за предложение. Ты поступаешь благородно — ведь в Бендене тоже созревает новая кладка. И, я слышал, там есть золотое яйцо?

Д'рам не выказывал зависти к королевским яйцам, которыми славился Бенден, хотя Мират'а не отложила ни одного золотого с тех пор, как вышла из межвременного Промежутка.

— Нам хорошо знакомо великодушие Ф'лара Бенденского, — насмешливо сказал Т'рон. Взгляд его метался по обширной комнате, избегая встречи с глазами Ф'лара. — Он и его люди оказывают помощь всем и всюду — даже там, где их не просят.

— Я бы не назвал инцидент в кузнице непрошеным вмешательством, — резко заметил Д'рам; лицо его посуровело.

— Кажется, мы собирались дожидаться Т'кула и Р'марта, — напомнил Г'нариш, обеспокоенно посмотрев в сторону прохода.

Итак, отметил Ф'лар, Д'рам и Г'нариш расстроены тем, какой поворот принимают события.

— Я хорошо помню собрания, которые Т'кул пропустил, но с трудом припоминаю те, где он присутствовал, — заметил Т'бор.

— Но Р'март приходит всегда, — сказал Г'нариш.

— Однако пока нет ни того ни другого, — произнес, поднимаясь, Т'рон. — И я больше не намерен их ждать.

— Тогда зови Б'ная и Т'реба, — с тяжелым вздохом предложил Д'рам.

— Они не в состоянии присутствовать на этой встрече. — Казалось, Т'рона удивляет требование предводителя Исты. — Их драконы только что вернулись из предзакатного полета.

Д'рам удивленно посмотрел на Т'рона:

— Тогда почему же ты назначил встречу на эту ночь?

— По настоянию Ф'лара.

Т'бор громко возмутился — прежде чем Ф'лар успел остановить его. Вождь Исты призвал молодого всадника к спокойствию и сам напомнил Т'рону, что время устанавливал он сам, а не Ф'лар Бенденский.

— Ну, ладно, раз мы здесь, то давайте покончим с этим делом, — раздраженно выпалил Т'бор, хлопнув по столу ладню. — В Южном уже глубокая ночь, и я хотел бы...

— Совещание в Форт-Вейре веду я, — властно напомнил Т'рон; покрасневшее лицо и сердитый блеск глаз выдали, что он едва сдерживает гнев.

— Так веди его, — ответил Т'бор. — Расскажи нам, почему твой зеленый всадник вывел самку из Вейра, когда она вот-вот должна подняться в брачный полет!

— Т'реб не знал, что ее срок почти...

— Чепуха! — прервал Т'бор, в упор уставившись на предводителя Форты. — Ты не раз заявлял, что с почтением относишься к традициям и что всадники вашего Вейра отличаются прекрасной выучкой. Пожалуй, не стоит ссылаться на то, что такой опытный всадник, как Т'реб, не сумел определить состояние своего зверя!

Ф'лар почувствовал, что такой вспыльчивый союзник, как Т'бор, может только повредить делу.

— У зеленой окраска меняется довольно заметно, — согласился Г'нариш с явной неохотой. — Обычно за день до того, как она поднимается в брачный полет.

— Но не весной, — быстро возразил Т'рон. — И не тогда, когда она потеряла аппетит из-за нанесенных Нитями ударов. Такое может произойти очень быстро — что и случилось! — Т'рон почти кричал, словно правдоподобие его объяснений зависело от громкого голоса, а не от логики.

— Что ж, это возможно, — согласился Д'рам, медленно кивая головой. Затем он повернулся к Ф'лару.

— Я допускаю подобную вероятность, — спокойно сказал предводитель Бендена. Увидев, что Т'бор открыл рот и готов возразить, он пнул его под столом ногой. — Однако, по свидетельству мастера Терри, мой всадник неоднократно предлагал Т'ребу вернуться в Вейр. А тот упорствовал в своих домогательствах и пытался забрать нож.

— И ты веришь слову холдера больше, чем слову всадника? — с негодованием воскликнул Т'рон.

— Какая выгода уважаемому мастеру кузнечного цеха, — Ф'лар намеренно подчеркнул положение Терри в обществе, — давать ложные показания?

— Эти кузнецы — самые отъявленные скряги на Перне! — Голос Т'рона звучал так, словно ему нанесли оскорбление. — Хуже нет — иметь с ними дело, когда приходит время выплачивать десятину!

— Кинжал, украшенный драгоценными камнями, не имел отношения к положенной десятине.

— Какая разница?

Ф'лар пристально посмотрел на вождя Форт-Вейра. Итак, Т'рон пытается взвалить вину на Терри! Хотя знает, что проступок совершен его всадником. Почему же он не желает признать это и наказать своего человека?

— Разница заключается в том, что этот кинжал изготовили по заказу Ларада Телгарского в качестве свадебного дара Асгенару, лорду Лемоса. Клинок не принадлежал Терри, кузнец не мог им распоряжаться. Он был собственностью властелина холда. Поэтому твой всадник был...

Предводитель Форты прервал Ф'лара; на лице его мелькнула едва уловимая неприятная усмешка:

— Конечно, ты вправе защищать своего всадника, Ф'лар Бенденский. Но принять сторону лорда и выступить против своего

племени... против Крылатых... — Т'рон повернулся к Д'раму и Г'наришу, демонстративно пожав плечами.

— Если бы здесь был Р'март, ты... — начал Т'бор, но вождь Исты жестом велел ему замолчать.

— Внимание, мы обсуждаем здесь не право собственности на этот нож, а серьезное нарушение правил Вейра, — сурово сказал он, предупреждая возражения Т'бора. Затем пожилой всадник повернулся к Ф'лару: — Думаю, ты должен признать, что у зеленой, израненной Нитями и истощенной из-за отсутствия аппетита, может неожиданно начаться течка.

Ф'лар чувствовал, что Т'бор станет отрицать такую возможность. Он также понял свою ошибку: он указал, что кинжал был изготовлен для властителя холда. Ему не следовало защищать холдера, который не находится под покровительством Бенден-Вейра. Вот если бы здесь был Р'март, он мог замолвить слово за телгарского лорда... Что касается Д'рама, то инцидент явно беспокоил его, и предводитель Исты, закрывая глаза на факты, пытался найти смягчающие вину обстоятельства. Сумеет ли Ф'лар убедить его, что дело надо рассмотреть беспристрастно? Да и можно ли доказать что-нибудь человеку, не желающему верить в то, что и всадники способны совершать ошибки?

Ф'лар медленно, глубоко вздохнул, пытаясь справиться с раздражением.

— Я готов признать, что в подобной ситуации у зеленой может внезапно возникнуть тяга к брачным играм, — спокойно сказал он. Сзади раздалось едва слышное проклятие Т'бора. — Однако именно по этой причине Т'реб должен был держать свою самку в Вейре.

— Т'реб — всадник Форт-Вейра, — запальчиво начал Т'бор, вскакивая с места. — И я уже не раз говорил, что...

— Успокойся, Южный, — громко произнес Т'рон. Глаза его впились в лицо бенденца. — А ты, Ф'лар, всегда можешь уследить за своими всадниками?

— Хватит, Т'рон! — Д'рам тоже поднялся на ноги.

Пока два предводителя Древних мерялись взглядами, Ф'лар шепнул Т'бору:

— Держи себя в руках. Разве ты не понимаешь, что он старается разозлить нас?

— Мы хотим разобраться в этом деле, Т'рон, — настойчиво произнес Д'рам. — И так как ты являешься заинтересованной стороной, то будет лучше, если вести Совет буду я. Если ты позволишь, конечно.

По мнению Ф'лара, подобное заявление было равносильно

признанию серьезности инцидента. Вождь Исты повернулся к нему; его карие глаза светились сочувствием, и на какой-то миг Ф'лар поверил, что пожилой всадник сумеет преодолеть объединявшую Древние Вейры солидарность. Однако слова Д'рама быстро рассеяли эту надежду.

— Ты утверждаешь, Ф'лар, что кузнец вел себя правильно, однако я не могу согласиться с этим. — Заметив нетерпеливое движение Ф'лара, предводитель Исты поднял руку: — Позволь мне закончить. Мы пришли, чтобы помочь вам в эти трудные времена, и, конечно, ожидали, что нас будут поддерживать должным образом. Но размер десятины, которую холды и мастерские платят Вейрам, оказался меньше ожидаемого. Сейчас Перн намного богаче, чем четыреста Оборотов назад, а разве десятина выросла? На континенте в четыре раза больше населения, чем в наше время, и площадь возделанных земель увеличилась многократно. Вейрам теперь приходится гораздо тяжелее... Так что я, — он невесело улыбнулся, — не разделяю твоего мнения. Если всаднику понравился нож, то этот кузнец, Терри, должен был отдать его без лишних слов. Раньше ремесленники всегда так поступали. — Д'рам нахмурился, размышляя, затем лицо его просветлело. — Если бы не возник спор, Т'реб и Б'най смогли бы вернуться в Вейр раньше, чем у зеленой наступил бы срок. Твоему Ф'нору не следовало затевать позорную ссору. Да, именно так! А кузнец не должен был противоречить всаднику — вот из-за чего все началось!

Д'рам расправил плечи и облегченно оглядел членов Совета, словно снимая с них ответственность за неразумное поведение ремесленника. Т'бор отвел глаза и раздраженно шаркнул сапогами по каменному полу. Д'рам глубоко втянул воздух.

«Неужели у него хватит совести настаивать на таком решении?» — подумал Ф'лар.

— Конечно, мы не можем допустить повторения таких случаев. Нельзя, чтобы зеленая перед началом течи покидала Вейр... И всадники не должны встречаться вооруженными в поединке...

— В поединке! — взорвался Т'бор. — Не было никакого поединка! Т'реб неожиданно выхватил клинок и проткнул руку Ф'нору. Тот даже не успел достать свой нож! Это не поединок! Это предательство, ничем не оправданное нападение!

— Вряд ли всадник может отвечать за свои действия, когда его зеленая в таком состоянии, — громко сказал Т'рон, стараясь заглушить слова предводителя Южного.

— Ее нельзя было забирать из Вейра! Вот с чего все началось! Такова правда — как бы ты ни старался смотреть на нее сквозь

пальцы, Т'рон! — со злостью выкрикнул Т'бор. — При чем здесь Терри? Вина лежит на твоём всаднике!

— Тихо! — рявкнул Д'рам, заставив замолчать молодого всадника; из вейра донесся раздраженный свист Лорант'ы.

— Ну, — объявил Т'рон, вставая, — я не хочу больше беспокоить нашу королеву. Ты просил о встрече, Бенден, — и ты ее получил. В твоей жалобе не больше смысла, чем воздуха в Промежутке. Совет закончен.

— Как закончен? — с удивлением повторил Г'нариш. — Но... но мы же ничего не решили! — Вождь Айген-Вейра недоуменно перевел взгляд с Т'рона на Д'рама. — Всадник из Бендена ранен! И если это было нападение...

— Насколько сильно он ранен? — спросил Д'рам, быстро повернувшись к Ф'лару.

— Хорошо, что ты наконец додумался об этом спросить! — выкрикнул Т'бор.

— К счастью, — Ф'лар бросил строгий взгляд на сердитое, разгоряченное лицо Т'бора, — к счастью, рана не такая серьезная, как мы думали поначалу. Он не потеряет способности владеть рукой.

Г'нариш со свистом втянул воздух.

— Вот как... Я считал, он только оцарапан. Думаю, мы должны...

— Когда зеленая в таком состоянии... — прервал Д'рам предводителя Айгена, но, заметив, что лицо Т'бора искажила неприкрытая ярость, замолчал. Потом он перевел взгляд на Ф'лара и нерешительно произнес: — Конечно, всадник никогда не должен забывать о своей цели... об ответственности за своего дракона и свой Вейр... Я думаю, ты потолкуешь с Т'ребом, Т'рон?

Глаза Т'рона сверкнули.

— Потолковать с ним? Да, обязательно. Можете быть уверены, я скажу ему все, что нужно. И Б'наю тоже.

— Хорошо, — сказал Д'рам с видом человека, успешно разрешившего трудную задачу. Он кивнул остальным предводителям. — Нам всем следует предупредить своих всадников... чтобы избежать повторения. Это было бы мудро. Согласны? — Он продолжал кивать головой, словно предлагая присутствующим последовать этому совету. — Но должен заметить... с некоторыми из этих высокомерных холдеров и мастеров трудно иметь дело. Они используют любой повод, чтобы обвинить нас в чем угодно. — Д'рам тяжело вздохнул и запустил пальцы в шевелюру. — Не понимаю, как холдеры способны забыть, скольким они обязаны всадникам!

— Четыреста Оборотов — большой срок, — заметил Ф'лар. — Люди многому научились.

Он повернулся к предводителю Южного.

— Пойдем, Т'бор? — Его сухой тон прозвучал, словно приказ. — Передайте мои приветствия повелительницам ваших Вейров, всадники. Доброй ночи!

Он вышел из зала Совета. Т'бор, бормоча сквозь зубы проклятия, последовал за ним в коридор, который вел к карнизу. Внезапно он схватил Ф'лара за рукав куртки:

— Этот старый глупец нес чушь, разве не так?

— Допустим.

— Тогда почему же ты...

— Не утер ему нос? — закончил Ф'лар, повернувшись к спутнику в темноте коридора. — Запомни, всадники не сражаются друг с другом. Особенно предводители Вейров.

Т'бор возмущенно фыркнул.

— Как ты мог упустить такую возможность? Когда я думаю о том, сколько раз он поучал тебя... нас... — Голос Т'бора прервался от ярости. — Не понимаю, как холдеры способны забыть, скольким они обязаны всадникам! — передразнил он Д'рама. — Если они действительно хотят знать...

Положив руку на плечо молодого всадника, Ф'лар резко встряхнул его.

— Ты можешь убедить человека, который не желает слушать? Мы никогда не докажем им, что виноват Т'реб, а не Терри с Ф'нором. Но дело совсем не в этом...

— Что? — Т'бор с недоумением уставился на Ф'лара.

— Не важно, кто виноват и из-за чего случилась ссора... Меня гораздо больше беспокоит то, что такое вообще могло произойти.

— Странное соображение... и столь же непонятное для меня, как логика Т'рона.

— Все очень просто. Всадники не сражаются друг с другом. Предводители Вейров не устраивают перепалок, словно женщины из нижних пещер... А Т'рон — Т'рон! — пытался раздражить меня! Похоже, он ждал, что я сам брошусь на него с ножом.

— Ты смеешься! — обиженно произнес молодой всадник.

— Запомни: Т'рон считает себя старшим среди предводителей Вейров. Старшим — и, следовательно, непогрешимым.

Т'бор недоверчиво хмыкнул. Ф'лар усмехнулся.

— Это так, — продолжал он. — Я никогда не искал повода, чтобы бросить ему вызов. И не забывал, что Древние многому научили нас. Они научили нас сражаться с Нитями.

— В самом деле? Разве их драконы могут сравниться с нашими?

— Не важно, Т'бор. Наши Вейры настолько превосходят Древние — и по размерам драконов, и по числу королей, — что одно это наводит на грустные мысли. Тем не менее мы не можем бороться с Нитями без них. Они нужны нам больше, чем мы им. — В полумраке коридора Т'бор увидел на лице вождя Бендена горькую усмешку. — Д'рам был отчасти прав. Всадник никогда не должен забывать о своей цели и о своей ответственности. Но Д'рам сказал — «за дракона и Вейр», а это неверно. Мы отвечаем за Перн и его народ, который обязаны защищать... вот что главное.

Они двинулись к карнизу и увидели, как драконы плавно скользнули с высоты им навстречу. Через несколько мгновений над Форт-Вейром сомкнулись темные крылья ночи, такие же непроницаемые, как мрак, охвативший душу Ф'лара.

— Древние Вейры стали замыкаться, уходить в себя. Но мы, всадники Бендена и Южного, живем в своем времени... Мы понимаем людей Перна — и мы должны сделать так, чтобы Древние понимали их тоже.

— Пусть так... но сегодня Т'рон был несправедлив.

— И ты считаешь правильным заставить его признаться в этом?

Т'бор выругался, и Ф'лар решил, что гнев его молодого спутника остыл. У вождя Южного было доброе сердце. Настоящий всадник, отличный воин, за которым крылья без колебаний шли в любое сражение. На земле он был не так предусмотрителен, как в небесах, однако сумел превратить свой Вейр в процветающее хозяйство, полностью себя обеспечивающее. Выросший и возмужавший в Бендене, он инстинктивно тянулся к Ф'лару, полагаясь на опыт и ум старшего товарища. Килара, госпожа Южного, была для него не слишком надежной опорой.

Иногда Ф'лар жалел, что в свое время Т'бор оказался единственным всадником, который сумел справиться с этой взбалмошной женщиной. Но насколько глубока их связь? Т'боров Орт' неизменно обгонял любого бронзового, претендовавшего на милости Придиг'ы, золотой королевы Килары, но сама женщина дарила постель со многими.

Т'бор был вспыльчив и не являлся приверженцем тонкой дипломатии, но он оказался надежным союзником, и Ф'лар испытывал к нему благодарность. Если бы только этим вечером он вел себя поосмотрительнее...

— Ладно, обычно ты знаешь, что делаешь, — неожиданно согласился вождь Южного. — Однако я перестал понимать Древних... и не уверен, что хочу этого.

Мнемент' спустился к карнизу и вытянул лапу. Всадники слышали, как за ним взбивают воздух крылья Орт'а.

— Передай Ф'нору, чтобы он скорее выздоравливал. Я знаю, что у тебя, в Южном, он попал в хорошие руки, — сказал Ф'лар, вскарабкавшись на плечо Мнемент'а. Он направил дракона в сторону, освобождая путь Орт'у.

— Мы быстро поставим его на ноги, — ответил Т'бор. — Я знаю, что он нужен тебе.

«Да, — подумал Ф'лар, когда его бронзовый взмыл над чашей Форт-Вейра, — он мне нужен. Сегодня мне пригодился бы его совет...»

Впрочем, если бы инцидент произошел с другим человеком и Ф'нор не пострадал, его все равно нельзя было бы привести на это собрание... И вспыльчивый Т'бор возмущался бы не меньше, хотя это играло только на руку Т'рону... Но можно ли винить молодого всадника? Он так жаждал добиться справедливости... Нельзя, однако, послать дракона в место, которого ты никогда не видел. И самые горячие призывы Т'бора тут не помогут. Странно, раньше он не был таким вспыльчивым — когда жил в Бендене и командовал вторым крылом. Должно быть, связь с Киларой изменила его. Эта женщина способна заморочить голову кому угодно... даже Д'раму.

Ф'лар мысленно представил невероятную картину: Килара, роскошная чувственная блондинка, обольщает сухаря Д'рама... Нет, она даже не посмотрит на предводителя Исты. Хорошо, что ее вовремя убрали из Бендена. Кажется, она попала в Вейр тогда же, когда и Лесса... в том же Поиске... Откуда она? О да, из Телгар-холда! Тут Ф'лар вспомнил, что она родная сестра нынешнего телгарского лорда. Жизнь в Вейре вполне устраивала Килару. В холде или мастерской женщине с таким темпераментом давно бы перерезали горло.

Мнемент' нырнул в Промежуток, и холод чудовишной бездны тупой болью отдался в костях. Затем они повисли над Звездной Скалой Бендена, у которой неизменно дежурил часовой.

«Лессе не понравится мой рассказ об этой встрече, — подумал Ф'лар. — Особенно поведение Д'рама, он всегда был честен. Правда, Г'нариш... Да, Г'нариш испытывал стыд. Может быть, при следующей встрече он примет сторону Бендена и Южного...»

Ф'лар искренне надеялся, что поводов для подобных неприятных встреч больше не будет.

Утро над холдом Лемос

Рамот'а, золотая королева Бендена, лежала, свернувшись в кольцо, на площадке Рождений под сводом огромной пещеры, когда ее настиг отчаянный призыв зеленой из Лемос-холда.

«Нити над Лемосом! Нити падают на Лемос!» Получив ментальный сигнал, Рамот'а испустила звенящий металлом крик; отразившись от каменных стен чаши Вейра, он долетел до каждого всадника и дракона.

И прежде чем первое эхо вернулось назад, люди уже стремительно вскакивали с постелей, покидали купальни, опрокидывали столы, расшвыривая кушанья и посуду. Ф'лар, умиротворенно наблюдавший за тренировкой молодых, был, к счастью, одет для полета, так как собирался вскоре отправиться в Лемос. Его дракон, величественный бронзовый Мнемент', лениво грелся на солнце, устроившись на карнизе. Он ринулся вниз с такой скоростью, что концом левого крыла пропахал в песке, покрывавшем дно чаши, узкую траншею. Через мгновение Ф'лар был у него на шее; Рамот'а еще не успела покинуть пещеру, как они уже разворачивались над Глаз-Камнем.

«Атака на северо-востоке от Лемоса», — сообщил Мнемент', приняв сигнал Рамот'ы. Королева торопливо поднялась в воздух, направившись к карнизу своего вейра за Лессой. Из каждого пещерного тоннеля теперь стремительно вылетали драконы; их всадники затягивали ремни кожаных курток и прилаживали удобнее объемистые мешки с огненным камнем.

Ф'лар не тратил время на размышления о том, почему атака началась на несколько часов раньше графика и каким образом Нити оказались на северо-востоке вместо юго-запада. Он лишь проверил, пересчитывая взмывающих драконов и суетившихся внизу всадников, хватит ли у него людей, чтобы сформировать полное крыло. Несколько минут Ф'лар колебался, стоит ли поднимать в воздух молодежь. Юные всадники могли бы перебросить в район атаки наземные команды с огнеметами. Наконец он приказал Мнемент'у вести крыло в Промежуток.

Это действительно была атака. Огромное облако Нитей опускалось прямо на нежную листву деревьев, на посадки, которые были одним из первых начинаний молодого лорда Асгенара. Драконы, выдыхая пламя, с трубными криками появлялись из Промежутка, зависая над весенним лесом, прежде чем ринуться навстречу врагу.

Надежда, что им удастся отстоять лес, была невелика. Видимо, гонец, зеленый всадник, преувеличивал возможности Бендена. При мысли о том, что способны сотворить Нити с деревьями, Ф'лара бросило в дрожь.

Прямо над ним раздался пронзительный вопль дракона. Ф'лар не успел поднять голову, чтобы посмотреть, какой зверь ранен, — а дракон и его всадник уже исчезли в Промежутке. Его чудовищный холод умертвит и разрушит Нить раньше, чем она успеет вгрызться в кожу и плоть.

Но кому же не повезло?

«Вириант', коричневый Р'нора», — сообщил Мнемент', взмывая ввысь в поисках жертвы. Гибкая шея дракона вытянулась, огромные глаза уставились на верхушки деревьев. Внезапно, с предупредительным криком, он сложил крылья и ринулся вниз, к лесному великану с необъятной кроной. Мнемент' изрыгнул огонь, и Ф'лар с улыбкой удовлетворения заметил, как пламя охватило Нить; через мгновение на листья осела безвредная черная пыль.

«У Вириант'а обожжен конец крыла, — раздался беззвучный голос Мнемент'а. — Но он вернется. Он нужен здесь. Странная атака».

— Странная — и к тому же она началась слишком рано, — согласился Ф'лар, едва шевельнув губами; дракон мчался вверх, и неистовый ветер бил в лицо.

Внезапно бронзовый повернул к плотному серебристому клубку. Хотя Ф'лар был предупрежден, пары фосфина едва не задушили его. Он поднял руку, чтобы защитить глаза от искр и обугленных частиц Нити. Затем огромная пасть дракона раскрылась, и зверь изогнул шею, потянувшись за очередной порцией камня — перед тем как ринуться к ближайшему скоплению Нитей.

Времени для раздумий не было; мир вокруг кипел непрерывным стремительным действием. Нырок. Пламя. Голова Мнемент'а поворачивается за огненным камнем. Юный всадник бросает новый мешок. Поймать его. Снова нырок... поворот... огонь. Брызги пламени, расцветающие в небе. Солнечные блики отсвечивают на зеленых, синих, коричневых, бронзовых спинах... Звери взлетают, падают вниз, изрыгают пламя... Он узнавал драконов, исчезающих во мраке и холоде Промежутка, раньше, чем Мнемент' сообщал их имена. Он успевал одновременно вести счет потерь и, другой частью сознания, следить за движением крыла, перегруппировывать всадников, когда их строй оказывался слишком редким или, наоборот, сгушался. Иногда ему удавалось заметить блеск золотой королевской чешуи — там, далеко внизу,

парила Рамот'а, перехватывая Нити, прорвавшиеся сквозь верхний пояс обороны.

Шло время. Атака прекратилась, и драконы начали по спирали спускаться вниз, к наземным отрядам Лемос-холда. Итоги схватки, подведенные Мнемент'ом, почти повергли Ф'лара в отчаяние.

«Девятерых слегка задело, у четырех повреждены концы крыльев. Двое, Сорент' и Релт', получили серьезные раны... двоим всадникам обожгло лица».

Повреждения кончиков крыльев были очень неприятными. Надо наказывать всадников, которые допускают такое! Но, с другой стороны, они не устраивали воздушные игры, они сражались... Ф'лар стиснул зубы.

«Сорент' сказал, что они, вынырнув из Промежутка, налетели на клубок Нитей, которого не должно было быть в этом месте... Нити падали неправильно, — сообщил Мнемент'. — И то же самое случилось с Релт'ом и его Т'гором».

Доклад бронзового окончательно расстроил Ф'лара; он знал, что Р'мел и Т'гор, всадники раненых драконов, не склонны к фантазиям.

«Почему атака началась утром на северо-востоке, когда по графику падение Нитей ожидалось только вечером и на юго-востоке Лемоса?» — с беспокойством подумал он. Ф'лар уже собирался попросить бронзового, чтобы тот вызвал Кант'а. Но затем вспомнил, что Ф'нор ранен и находится сейчас за полмира от него, в Южном. Ф'лар выругался, от души пожелав Т'ребу из Форт-Вейра навсегда застрять в Промежутке вместе со своим предводителем. Почему Ф'нора нет рядом, когда он так нужен? Да еще этот Т'рон, старательно сваливавший вину со своего всадника на Терри... И надуманные, смешные споры, единственная цель которых — выгородить всадника Форта...

«Ламант'а летает уже совсем хорошо», — произнес бронзовый, прервав мысли своего всадника.

Это неожиданное замечание отвлекло Ф'лара; он бросил взгляд вниз, на молодую королеву.

— Нам повезло, сегодня многие смогли вылететь, — ответил он, удивленный легкомысленным тоном бронзового дракона. Впрочем, Ламант'а появилась на свет после второго брачного полета Мнемент'а с Рамот'ой.

«И Рамот'а отлично летает, хотя только что покинула площадку Рождений. — Бронзовый на мгновение замолчал, потом не без гордости добавил: — Тридцать восемь яиц — и одно королевское!»

— Кажется, мы с тобой и намеревались тогда потрудиться ради третьей королевы, — произнес Ф'лар; в ответ раздалось довольное громыхание Мнемента.

Рамот'а не одобряла полетов бронзовых драконов ее Вейра с разными королевами: она предпочитала постоянство. Сама она летала только с Мнемент'ом, хотя тот иногда был не прочь попытаться счастья на стороне. Участие в брачных полетах с разными самками являлось для дракона признаком зрелости. И в Бендене появилась вторая королева, что позволяло дать выход энергии бронзовых и улучшить породу. Но нужна ли третья?

Теперь, после совета, который состоялся прошлой ночью в Форте, Ф'лар заколебался, стоит ли искать пристанище для новой королевы в Древних Вейрах. Их предводители могут неверно его понять... скажем, решат, что причиной является ревность Лессы. К тому же королевы Бендена — как и бронзовые драконы — были крупнее королей и бронзовых Древних. Еще один повод для скрытого недоброжелательства... Возможно, Р'март Телгарский не обидится, если предложить молодую самку ему? Или Г'наришу? Но у того в Айген-Вейре уже немало королей. Ф'лар усмехнулся, представив физиономию Т'рона, когда тот услышит, что Бенден раздает золотых драконов. «Бенден известен своей щедростью, — наверно, заявит вождь Форты, — но не настолько же! Что-то здесь нечисто. К тому же это нарушает традиции!»

Но тут он не прав. Подобные случаи имели место в прошлом. И Ф'лар легко переспорил бы Т'рона. Во всяком случае, гораздо легче, чем Рамот'у — если этот план вызовет ее неодобрение. Он посмотрел вниз: королева, сверкая крыльями, мчалась впереди; молодые звери, составлявшие ее свиту, попевали за ней с трудом.

Итак, началось беспорядочное падение Нитей! Ф'лар стиснул зубы. Нарушено расписание, график атак — временные таблицы, которые он составил семь Оборотов назад, по крупницам выуживая сведения из старых Записей, что описывали былые нашествия. Это его открытие Древние приветствовали с энтузиазмом и широко использовали — хотя вряд ли подобное расписание можно было считать традиционным. Зато оно оказалось полезным.

Но как могли Нити, не обладавшие ни разумом, ни интеллектом, нарушить его? Почему изменилось место и время атаки? Ведь последнее падение в районе Бендена произошло точно по графику!

Возможно, он неверно истолковал составленные им таблицы? Перед глазами Ф'лара всплыла тщательно вычерченная карта...

Нет, не может быть! И если бы даже он ошибся, Лесса поправила бы его.

Тем не менее он проверит еще раз... проверит дважды, как только вернется в Бенден. Для этого, однако, нужно поточнее определить границы падения. Ф'лар встряхнул головой и велел Мнемент'у найти Асгенара, лорда Лемоса.

Бронзовый послушно развернулся; неторопливый спуск перешел в стремительное падение. Ф'лар, вцепившись руками в складку кожи на шее дракона, благодарил судьбу, что ему придется иметь дело с молодым Асгенаром, а не с Сайфером из холда Битра или Райдом Бенденским. Первый стал бы произносить пустые и напыщенные речи, а второй воспринял бы неурочную атаку Нитей как очередное оскорбление, нанесенное всадниками. Эти лорды, Сайфер и Райд, иногда злоупотребляли терпением Ф'лара. Правда, Битра и Бенден, как и Лемос, исправно платили десятину Вейру еще в те времена, когда он был единственным пристанищем драконов на Перне. Но Райд и Сайфер отличались неприятной привычкой слишком часто напоминать о своих благодеяниях. Асгенар, напротив, был молод и получил власть над Лемосом от Конклава лордов всего лишь пять Оборотов назад. В его отношениях с Вейром, который защищал земли холда от Нитей, бывшие услуги не могли быть приняты во внимание.

Мнемент' скользил к Великому Озеру, отделявшему земли Лемоса от верхнего Телгара. Нашествие Нитей не затронуло пышные рощи, покрывающие северные берега. Мнемент' стремительно мчался вниз, заставляя Ф'лара пригибаться к могучей шее. Несмотря на усталость и беспокойство, настроение у всадника было приподнятое — как всегда во время полета, когда его охватывало чувство слияния с огромным бронзовым зверем, повелевавшим воздухом и ветрами, он словно становился частью Мнемент'а, могучего, свободного, неукротимого...

На холме, нависавшем над широким лугом, что лежал за озером, Ф'лар заметил зеленого дракона. Должно быть, Асгенар где-то рядом... При виде этого зрелища Ф'лар насмешливо скривил губы. Пусть его осуждают Древние, пусть шепчутся, что он позволил холдерам взгромоздиться на спины драконов... Но в ином случае Нити остались бы незамеченными — и упали на поросшие строевым лесом горные склоны.

Деревья! Еще одна кость, из-за которой постоянно грызутся Вейр и Холд, причем сам Ф'лар в данном случае поддерживал лордов. Четыреста Оборотов назад таких строевых лесов не существовало — они просто не успели вырасти. Но теперь их нужно было защищать — на расстоянии тысяч и тысяч длин дракона...

Гигантский труд! Ну, Древним тоже требовалось дерево — недаром они заваливали Бендарека, помощника Фандарела, бесчисленными требованиями. И в то же время не соглашались создать для него новый цех, который мог бы объединить мастеров по дереву. Наверно, поэтому, подумал Ф'лар, Бендарек предпочел остаться вблизи лемосских лесов, под крылом Бенден-Вейра, где никто не мешал ему развернуть собственную мастерскую. Во имя Первого Яйца, зачем эти Древние беспокоятся из-за таких пустяков?

Мнемент' приземлился; поток воздуха, который гнали могучие крылья, примял высокие луговые травы. Ф'лар соскользнул с шеи бронзового и направился к Асгенару; сзади раздался трубный рев — Мнемент' приветствовал зеленую и ее всадника, Ф'рада.

«Ф'рад хочет предупредить тебя, что Асгенар...»

— Немногое ускользнуло от сетей Бендена, — прервав мысль дракона, произнес Асгенар. Молодой человек вытирал с лица копоть и пот; кажется, он был единственным лордом, который лично возглавлял свои отряды наземной обороны. Остальные властители предпочитали руководить, оставаясь в безопасной глубине внутренних холдов. — Да, немногие Нити достигли земли, хотя атака была внезапной. Но что ты скажешь об этих неожиданных изменениях?

— Изменениях? — медленно повторил Ф'лар. Внезапно он понял, что Асгенар имеет в виду не только события сегодняшнего утра.

— Да! До сих пор мы полагали, что твои таблицы абсолютно надежны, особенно когда Древние проверили и подтвердили твои расчеты. — Асгенар бросил на Ф'лара пронизательный взгляд. — Только не думай, что я в чем-то обвиняю тебя, Ф'лар. Ты был всегда честен с нами... и я рад, что Лемос лежит под крылом Бендена. Человек, который имеет дело с твоим Вейром, чувствует себя надежно. А у моего друга, лорда Ларада, нередко случаются споры с Т'кулом, предводителем Плоскогорья... Впрочем, это для тебя не новость. И знаешь, после тех внезапных атак — в Тиллеке и Верхнем Кроме — Ларад выставил собственных наблюдателей... — Асгенар внезапно остановился, заметив напряженное молчание Ф'лара. — Я не собираюсь критиковать действия Вейров, — произнес молодой лорд с легким поклоном, — но слухи летят быстрее дракона, и, естественно, мне известно о других таких же случаях. Я понимаю, что Вейры не хотят зря тревожить холдеров, однако... Скажем, небольшое предупреждение — это было бы вполне уместно.

— Никто не мог предвидеть сегодняшней атаки. — Ф'лар гово-

рил неторопливо, но мысли его стремительно кружились, словно дракон, спускавшийся в родной Вейр. Почему никто ничего ему не сообщил? Р'март Телгарский отсутствовал на вчерашней встрече в Форте... Может быть, он в этот час бился с Нитями? А Т'кул? Что случилось с ним?

Пожалуй, им предстоит объяснить, почему его, Ф'лара, не предупредили прошлой ночью о неожиданных падениях... И доводы должны быть вескими! Ну, с Т'кулом все ясно, он никому не доверяет... Но Р'март! Почему Р'март не дал ему знать?

— Но Бенден-Вейр не застанешь спящим... Леса спасены, и однажды они нам пригодятся, а, Ф'лар? — Асгенар говорил, лаская взглядом свои деревья, возносившие к голубому небу стройные вершины.

— Да, конечно... Получил ли ты доклады с переднего фронта падения? Есть ли в том районе скороходы и наблюдатели?

— Туда уже добрались твои золотые королевы. — Асгенар, ухмыльнувшись, стал раскачиваться с носков на пятки. Кажется, поразительные события сегодняшнего утра не поколебали его уверенности. Ф'лар невольно позавидовал ему.

Бронзовый всадник опять возблагодарил судьбу, которая свела его этим утром с Асгенаром, а не занудным, педантичным Райдом или подозрительным Сайфером. И он от всего сердца надеялся, что не обманет доверия молодого лорда. Что ж, будущее покажет... Пока же его волновал только один вопрос: что же произошло с Нитями?

Внезапно вождь Бендена и властелин Лемоса замерли в тревожном ожидании. На северо-востоке над массивом деревьев медленно летел синий дракон, внимательно вглядываясь в листву. Когда зверь исчез, Асгенар поднял испуганные глаза на Ф'лара.

— Ты думаешь, эти странные внезапные атаки предвещают гибель наших лесов?

— Тебе известно мое мнение на этот счет, Асгенар. Древесина — слишком ценный товар, чтобы жертвовать им без крайней необходимости.

— Но тогда каждому дракону придется защищать...

— Так ты за или против? — шутливо спросил Ф'лар. Он сжал плечо Асгенара. — Прикажи своим лесникам, пусть ведут постоянные наблюдения. Все будет зависеть от их бдительности.

— Значит, ты не знаешь, как изменилась периодичность атак?

Ф'лар медленно покачал головой, потом кивнул в сторону зеленого всадника.

— Я оставляю у тебя остроглазого Ф'рада. Он поможет.

Встревоженное лицо молодого лорда расцвело в широкой улыбке:

— Благодарю. Поверь, я не стану злоупотреблять твоим доверием.

Ф'лар бросил на него недоумевающий взгляд:

— О чем ты говоришь?

— Ну, это же не слишком нравится Древним, верно? — Он криво усмехнулся. — Мгновенно переместиться в любое место на Перне... большой соблазн!

Ф'лар расхохотался, вспомнив, что Асгенар, лорд Лемоса, собирается взять в жены Фамиру, сестру Ларада Телгарского. Немало дремучих лесов и крутых горных хребтов разделяло их холды!

Над ними закружилась тройка драконов; всадники докладывали о действиях наземных команд. Они обнаружили только девять нор — все уже обезврежены с минимальными потерями для лесного хозяйства. Затем примчался скороход. Пересекая луг, бегун старался держаться подальше от расположившихся там зверей. Хотя каждый перинит знал, что драконы не причиняют вреда людям, многие не могли преодолеть страха. Смущенные таким недоверием звери заволновались, и Ф'лар, неторопливо направившись к своему бронзовому, принялся нежно почесывать выступавший над глазом гребень — пока Мнемонт', посвистывая от удовольствия, не зажмурил сверкающее око.

Скороход прибыл издалека; с трудом выговорив доверенное ему послание, человек упал на землю, его грудная клетка ходила ходуном, словно кузнечные мехи. Асгенар, сбросив верхнюю куртку, наклонился над бегуном, прикрыл его и напоил из своей фляги.

— Две норы на южных склонах уничтожены, — сообщил он вождю Бендена, поднимавшемуся обратно на холм. — Значит, лес удалось спасти. — Асгенар облегченно вздохнул и сделал глоток из фляги. Затем поспешно протянул ее всаднику. Когда тот вежливо отказался, лорд добавил: — Зима может оказаться тяжелой, и эта древесина еще пригодится моим людям. Уголь слишком дорог!

Ф'лар кивнул. Возможность свободно заготавливать дрова очень выручала жителей холдов, хотя такие соображения беспокоили далеко не всех властителей. Мерон из холда Набол, например, запрещал своим людям рубить лес на дрова, заставляя их платить за дорогой уголь и увеличивая таким образом свои доходы.

— Этот бегун добрался сюда с южных склонов? Быстрый парень!

— Мои скороходы — лучшие на всем Перне. Мерон Наболский дважды пытался переманить от меня этого человека.

— И что же?

Лорд Асгенар усмехнулся:

— Кто поверит Мерону? Мой бегун слышал немало историй о том, как Мерон обращается со своими людьми.

Казалось, он хотел добавить еще пару слов по этому поводу, но остановился, бросив настороженный взгляд на лесную опушку, словно заметил что-то в непролазных зарослях.

— В чем Перн действительно нуждается — так это в быстрых средствах связи, — заметил всадник, засмотревшись на тяжело дышавшего человека.

— Быстрых? — Асгенар громко рассмеялся. — Неужели весь Перн заразился от Фандарела его болезнью?

— Перн много выиграет от такой болезни.

Ф'лар подумал, что должен связаться с кузнецом, когда вернется в Вейр. Сейчас больше, чем когда-либо, Перну нужен его талант.

— Да, но станет ли ему в результате лучше? — улыбка Асгенара медленно погасла. С деланой небрежностью он произнес: — Слышал ли ты, что решили относительно цеха Бендарека?

— Еще нет.

— Я не настаиваю, чтобы его главная мастерская располагалась в Лемосе, однако... — настойчиво и серьезно начал молодой лорд.

Ф'лар прервал его, подняв руку:

— Я тоже, хотя мне стоило немалых трудов, убедить остальных в своей искренности. На землях твоего холда огромные запасы леса, и мастерская Бендарека должна быть рядом... В конце концов, он сам пришел в Лемос!

— Что бы я ни предложил, я слышу одни насмешки и возражения! — Серые глаза Асгенара вспыхнули гневом. — Ты же знаешь, мастер не обязан подчиняться лорду холда. И Бендарек столь же беспристрастен, как и Фандарел, — и столь же справедлив... Однако в его цехе многие заинтересованы. Но люди думают только о древесине, о досках и дровах, об этих новых листах для письма и всем прочем, что-там-еще-можно-выжать-из-этого-леса.

— Я знаю, знаю, Асгенар. Ларад Телгарский и лорд Корман из Керуна на твоей стороне... во всяком случае, так они меня заверили.

— Когда в Телгаре соберется Конклав, я хочу говорить... Надеюсь, лорды Райд и Сайфер поддержат меня... как-никак, мы все трое — с востока.

— Не лорды и не предводители Вейров должны принимать такие решения, — ответил Ф'лар молодому человеку, — а другие мастера. Так считает Фандарел, и я с ним согласен.

— Тогда что же тормозит дело? Все мастера соберутся на моей свадьбе в Телгаре. Пусть они решат раз и навсегда — и оставят Бендарека в покое! — Расстроенный Асгенар всплеснул руками. — Надо наконец узаконить его собственную мастерскую. Все заинтересованы в его продукции, но вопли и крики только мешают ему делать важную работу!

— Любое решение, способное подтолкнуть нас вперед, будет верным. — «Особенно сейчас», добавил про себя Ф'лар, вспомнив об утренних событиях. — Однако изменения беспокоят некоторых лордов и предводителей Вейров. Иногда я думаю, что лишь цеха ремесленников заинтересованы в прогрессе. Лишь они способны проявлять достаточную гибкость и правильно судить, что для нас полезно, а что — нет. Тогда как властители холдов и... — Ф'лар внезапно замолк.

К счастью, с севера показался еще один скороход. Молодой бегун тяжело дышал, ноги его дрожали. Он миновал зеленого дракона, направившись прямо к своему лорду.

— Господин, северный район очищен. Выжжены три норы, все в порядке.

— Молодец, парень. Ты отлично бегаешь.

Юноша, покраснев от похвалы и натуги, отсалютовал вождю Бендена и своему лорду. Затем, сделав несколько глубоких вдохов, он перешагнул через распростертого на земле первого посылного, наклонился и стал массировать ноги.

Асгенар улыбнулся Ф'лару.

— Не стоит снова повторять все, что связано с цехом Бендарека. Мы согласны в главном. Если бы только удалось доказать это остальным!

Коротко рыкнул Мнемент'. Он передал, что, по сообщениям воздушных патрулей, небо очистилось. Бронзовый так важно протянул Ф'лару переднюю лапу, что Асгенар расхохотался.

— Кажется, нас поторапливают, — заметил он. — Ну, когда же нам ждать следующей атаки?

Ф'лар покачал головой.

— Тут остается Ф'рад. Думаю, у тебя есть дней семь передышки. Если будут новости, я сообщу.

— Ты прилетишь на праздник в Телгар через шесть дней?

— Непременно! Иначе Лесса снимет с меня скальп!

— Передай привет твоей госпоже!

Мнемент' вознесся в небеса по пологой кривой, что позволило его всаднику бросить еще один внимательный взгляд на лесные уголья Лемоса. Ключья дыма клубились на севере и дальше, на востоке, но Мнемент', казалось, не обращал на них внимания. Ф'лар послал его в Промежуток. Ужасный холод ледяными пальцами впился в свежие шрамы от ударов Нитей на лице. Через три вдоха, миновав расстояние в сотни тысяч длин дракона, они вынырнули над чашей Бендена. Рев Мнемент'а, словно удар медного гонга, раскатился над ней — сигнал о том, что дракон благополучно вернулся и... голоден. На мгновение бронзовый застыл в воздухе, но вот раздался ответный крик Рамот'ы, и стройная фигура Лессы появилась на карнизе королевского вейра. Пока Мнемент' планировал на дно чаши, госпожа Вейра сломя голову помчалась вниз по крутым ступенькам — точно так же, как бегал Фелессан, их сын, за что ему порядком доставалось.

Выговоры тут бесполезны, подумал Ф'лар. Затем он увидел, что Лесса держит в руках, и сердито шлепнул Мнемент'а по гладкой шее:

— Как трогательно! Ты заботаешься обо мне, словно о немысленном мальчишке!

Бронзовый развернул крылья и, аккуратно приземляясь на площадку для кормления, подвел итог:

«Удары Нитей причиняют боль».

— Я не хочу огорчать Лессу! Ничем, никогда!

«А я не хочу злить Рамот'у».

Ф'лар соскочил с шеи бронзового, стараясь не обращать внимания на боль в обожженных холодом рубцах. Это был один из тех немногих случаев, когда постоянная связь между всадником и драконом приводила к определенным неудобствам. Особенно если Мнемент' брал инициативу на себя — что, вообще говоря, не являлось характерной чертой драконов.

Мнемент' неуклюже подпрыгнул вверх, освобождая дорогу Лессе. Она еще не успела сбросить полетное снаряжение и, в своей плотно обтягивающей кожаной куртке, выглядела моложе, чем любая из повелительниц Вейров. Ф'лар гордо поднял голову. Лесса мчалась к нему через площадку; косы, которые она заплела перед полетом, били ее по спине. Ни рождение сына, ни семь прошедших Оборотов не добавили веса ее гибкому, стройному телу, но линии груди и бедер стали более плавными, округлыми. А в ее огромных глазах появилось выражение, которое он затруднялся определить: нечто такое... Нечто предназначенное только ему... ему одному.

— И ты еще ругаешь всадников, которые не обращают внимания на раны! — задыхаясь, выпалила она, останавливаясь рядом с Ф'ларом. Прежде чем он сам успел заикнуться, что у него лишь несколько легких ожогов, Лесса уже накладывала целебный бальзам из горшочка. — Я промою ранки, когда прекратится боль... Ты не мог бы наклониться? С Вириант'ом все будет в порядке, но Сорент' и Релт' получили ужасные раны... Пора бы этому мастеру Фандарела — ну, который шлифует стекла, кажется, Вансор? — пора бы ему закончить свое устройство для дальновидения... о котором он постоянно болтает... Плохо с П'ратаном... Манора считает, что ему удастся сохранить зрение... но надо ждать и постоянно наблюдать за его глазами. — Лесса закончила обрабатывать ожоги Ф'лара и остановилась, чтобы глубоко вздохнуть. — Может, это и к лучшему. Если он не прекратит свои набегі за новыми девушками, мы не сможем воспитать всех его детей. Эти девицы из холдов не признают абортів! — Губы ее сжались в тонкую линию, и Ф'лар понял, что она коснулась болезненной темы.

— Лесса! Не думай об этом! — Ф'лар обнял ее, заставляя взглянуть ему в глаза. Ей, обреченной на бесплодие, было тяжело говорить о прерывании беременности. Расстанется ли она когда-нибудь с желанием иметь еще одно дитя? Разве она забыла, что чуть не умерла, рожая Фелессана? Он было успокоился, надеясь, что все в прошлом... Он не мог потерять Лессу... даже мысль об этом ужасала его. Ф'лар нежно коснулся разметаившихся по плечам кос: — Тот, кто много раз отправлялся в Промежуток, что-то теряет. И госпожа Вейра должна понимать такие вещи.

— Но на Килару это, кажется, не действует! — с негодованием воскликнула Лесса. Она отвернулась, уставившись на Мнемента, терзавшего жирную птицу, и по ее глазам Ф'лар догадался, что она сейчас представляет на месте этой жертвы Килару.

— Вот как! — нарочито рассмеялся он. — Сердце мое, я бы предпочел, чтобы у нас вообще не было детей, — лишь бы ты ничем не напоминала Килару!

— Мы можем поговорить о более важных вещах, чем Килара, — заявила его подруга, вновь поворачиваясь к нему; настроение ее переменялось. — Что сказал лорд Асгенар об этой атаке? Я хотела присоединиться к вам на холме, но Рамот'а решила, что не может надолго покидать яйца... вдруг кто-нибудь утащит одно! Я разослала сообщения в другие Вейры о том, что случилось утром. Им следует быть настороже.

— Им следовало бы вовремя известить нас! — со злостью ответил Ф'лар, и Лесса, вздрогнув, удивленно посмотрела на него.

Ф'лар пересказал ей то, что услышал на горном лугу от молодого лорда Лемоса.

— И Асгенар считал, что нам все известно? Что мы уже составили новые таблицы и готовы опять надежно предсказывать падения Нитей? — с возмущением произнесла Лесса; глаза ее сузились от гнева. — Второй раз я никогда не отправилась бы назад, чтобы привести этих Древних... Ты должен найти выход... найти путь, чтобы мы могли бороться! — Она подчеркнула «мы», и было ясно, кто имелся в виду.

— Ты слишком веришь в меня, любимая. — Он ласково притянул Лессу к себе. — Однако Древние — здесь, и нам приходится иметь с ними дело.

— Конечно! Мы заставим их...

— Лесса, милая, ты не превратишь неуклюжего стража порога в дракона...

«А кто хочет этим заняться?» — спросил Мнемент'. Бронзовый уже утолил голод.

Его ироническое замечание рассмешило Лессу. Ф'лар почувствовал, что его настроение тоже поднялось. Обняв Лессу за плечи, он повел ее к лестнице в королевский вейр.

— Ну ладно, я уверена, что мы сможем со всем справиться, — заметила она, принаравливаясь к широкому шагу Ф'лара. — И я не жду ничего хорошего от Т'кула... Но Р'март Телгарский? Он-то мог нас предупредить?

— Когда ты отправила посыльных?

Лесса, прищурившись, взглянула на солнце.

— Только что. Я хотела получить последние данные от патрулей.

— Я голоднее Мнемент'а. Накорми меня...

Бронзовый дракон взлетел на карниз, устроившись на привычном месте. Вдруг он забил крыльями, тревожно вытянув шею в сторону туннеля — единственного наземного входа в Вейр.

— Это только обоз с вином из Бендена, глупыш, — успокоила его Лесса.

Мнемент' ответил громоподобным трубным криком и стал приводить себя в порядок. Обозы с вином его совершенно не интересовали.

Они шагнули на карниз. Внезапно Ф'лар почувствовал, как плечи Лессы напряглись под его рукой.

— Сюда направляется Фидрант'... Он говорит, что Т'рон очень взволнован.

— Т'рон взволнован? — Ф'лар удивленно поднял брови.

— Вот именно. — Лесса шагнула к проходу в королевский вейр, бросив через плечо: — Сейчас я накрою на стол. — Она вне-

запно остановилась и, бросив на Ф'лара пристальный взгляд, добавила: — Держи себя в руках. Я думаю, Т'кул никому ничего не сказал. В том числе и Т'рону.

Ф'лар ждал, стоя рядом с Мнемент'ом, пока Фидрант' не скользнул вниз, к скалистому уступу. Бронзовый подвинулся, освобождая место для гостя. Огромные тела драконов загроздили весь карниз, и Т'рон, размахивая пачкой пергаментных листов, прыгнул на землю прямо перед вождем Бендена.

— Я нашел! Я нашел сведения, которые ты забыл включить в свои непогрешимые таблицы!

— Что ты нашел, Т'рон? — спросил Ф'лар, стараясь подавить неприязнь к этому человеку. Если Т'рон нашел что-то полезное, не стоит сердиться на него за это.

Т'рон снова взмахнул стопкой Записей, пахнувших старой кожей.

— Тут данные из Архива Форта, которые ты не учел!

— Раньше ты никогда не упоминал об этом, Т'рон, — спокойно произнес Ф'лар.

— Не хитри, Бенден! Ты только что послал людей с сообщением о внезапной атаке над Лемосом! Твои таблицы не могли ее предсказать! А здесь, может быть, скрывается ответ! — Т'рон потряс пергаментными листами.

— А как ты оцениваешь то, что Нити уже падали вне графика в последние дни — над Тиллеком и Верхним Кромом?

Изумление и ужас, промелькнувшие на лице Т'рона, были искренними; нет, он тоже ничего не знал.

— Ты бы лучше послушал, что говорят холдеры, — добил его Ф'лар. — Я узнал об этих случаях от Асгенара, потому что ни Т'кул, ни Р'март ничего не сообщили другим Вейрам — чтобы мы подготовились и были начеку. Хорошо еще, что мой остроглазый Ф'рад...

— Ты снова оставляешь в холдах всадников?

— Я всегда шлю человека за день до падения... и без этого леса Асгенара уже превратились бы в пепелище.

Прежде чем прозвучали эти слова, Ф'лар уже сожалел о них. Т'рон начнет сетовать по поводу необъятности лесных угодий и чрезмерных трудов своих всадников. Чтобы отвлечь его внимание, Ф'лар потянулся за стопкой листов из Архивов Форта. Т'рон быстро отвел руку за спину.

— Сначала ты должен получить мое разрешение...

— Разве я должен всегда спрашивать твое разрешение? — и эти слова вылетели раньше, чем Ф'лар успел придать им менее обидный смысл. Он постарался придать лицу невозмутимость, наде-

ясь, что Т'рон не усмотрит в его поведении оскорбительного намека. — Мне кажется, что эти Записи плохо сохранились... Но если ты сумел их прочесть и они объясняют внезапную утреннюю атаку, то мы все будем в долгу перед тобой.

— Ф'лар! — из коридора донесся голос Лессы. — Вспомни, что у нас гости! Стол накрыт, кла уже остывает, а по времени Т'рона сейчас раннее утро.

— Да, пора бы выпить кружку-другую, — согласился Т'рон. Видимо, приглашение Лессы, прервавшее спор, доставило ему такое же облегчение, как и Ф'лару.

Предводитель Бендена вежливо склонил голову:

— Прошу извинить... Наш посланец разбудил тебя...

— При таких новостях извинения излишни.

Это было трудно объяснить, но Ф'лару стало легче, когда он понял, что Т'рону ничего не известно о двух внезапных атаках. Вождь Форты явно собирался покуражиться над ним, свалив на Ф'лара и Бенден ответственность за неверные расчеты. Иначе он не стал бы так спешить с визитом — свидетельством тому была неторопливость, проявленная им в прошлый раз, когда разбирались конфликт в кузнечной мастерской.

Мужчины шагнули в королевский вейр. Поджидавшая их Лесса уже сидела за столом — тщательно одетая, с волосами, уложенными под плотную сетку. Взглянув на нее, вряд ли кто-нибудь мог догадаться, что все утро она провела в полете, отражая атаку Нитей.

Итак, Лесса, кажется, решила опять попробовать на Т'роне свои чары? Прелестно! Несмотря на удручающие события, с которых начался день, Ф'лар был готов поразвлечься. Правда, он сомневался, что затеянная его подругой игра поможет преодолеть неприязнь предводителя Форты. Ходили слухи, что Т'рон и Мардра — не в самых лучших отношениях; но сколько было правды в этих слухах?

— Где Рамот'а? — спросил Т'рон, окидывая взглядом пустую пещеру.

— На площадке Рождений, конечно. Нянится со своей последней кладкой. — В ответе Лессы прозвучало точно дозированное легкомыслие.

Но Т'рон нахмурился. Несомненно, он вспомнил, что в теплых песках Бендена зреет очередное золотое яйцо и что королевы Древних не могут похвастать такой же плодовитостью.

— Я виновата, что подняла тебя так рано... — С очаровательной улыбкой она положила на тарелку Т'рона очищенные фрук-

ты и налила заваренный по его вкусу кла. — Однако мы нуждаемся в твоём совете и помощи.

Т'рон буркнул нечто похожее на благодарность и осторожно опустил листы на стол — оборотной стороной вверх.

— Падения могут начинаться когда угодно. У нас хватит сил — если, конечно, мы не будем защищать все эти нескончаемые леса. — Т'рон поднял кружку; его пристальный взгляд сверлил Ф'лара сквозь пары горячего кла.

— И что же? Останемся без древесины? — жалобно сказала Лесса, лаская ладонью подлокотник резного кресла — изумительное творение Бендарека. — Может быть, старые каменные кресла нравятся тебе и Мардре, — продолжала она нежным вкрадчивым голосом, — но у меня в них вечно мерзла спина.

Т'рон фыркнул от удивления. Он явно размяк; глаза его блуждали по соблазнительной фигурке госпожи Бендена. Внезапно Лесса наклонилась вперед и схватила пачку листов, одарив попусту Т'рона восхищенной улыбкой.

— Прости, я занимаю болтовней твоё дорогое время... Нашел ли ты здесь какое-нибудь указание, пропущенное нами?

Ф'лар скрипнул зубами. Он мог поклясться, что изучил каждое разборчивое слово на этих заплесневелых пергаментях. Как может она намекать на подобную небрежность?

Но когда Т'рон, шелкнув по стопке листов, заговорил, Ф'лар простил свою хитроумную подругу.

— Конечно, пергамент плохо сохранился, — сказал вождь Форты с обиженным видом, словно в том были повинны бенденцы, а не четыреста пролетевших Оборотов, — но когда прибыл посыльный с новостями, я вспомнил, к счастью, что видел Записи о необычном Прохождении. Тогда весь предыдущий опыт оказался бесполезным... Кстати, вот почему мы никогда не занимались составлением графика атак... и прочей такой ерундой.

Ф'лар хотел поинтересоваться, почему никто из Древних до сих пор не упоминал об этом факте, но предостерегающий взгляд Лессы остановил его. Он смолчал.

— Смотри, здесь... в этой строке пропуск... но вставь слова «непредсказуемые сдвиги» — и фраза обретет смысл.

Лесса перевела с пергамента на Т'рона засветившиеся благоговейным восторгом глаза; её притворство было неприятно Ф'лару.

— Он прав, Ф'лар... Это действительно имело бы смысл... Смотри... — Ловко выдернув лист из пальцев Т'рона, попытавшегося оказать слабое сопротивление, она протянула его Ф'лару. Тот взял пергамент.

— Да, ты прав, Т'рон. Совершенно прав. В свое время я был вынужден оставить эту старую кожу... я не смог разобрать написанное.

— Конечно, четыреста Оборотов назад, когда я впервые взял ее в руки, читать было полегче. — Лицо Т'рона сияло самодовольством.

— Непредсказуемые сдвиги... но ничего не сказано, какой величины, — продолжал Ф'лар.

Т'рон нахмурился, словно вождь Бендена нанес ему оскорбление, и Лесса одарила его обольстительной улыбкой.

— Может быть, стоит еще поискать, Т'рон... вдруг найдутся еще какие-то ключи к разгадке. Почему нарушился график атак, которому Нити следовали семь Оборотов? Ты говорил мне, что и в ваше время падения подчинялись определенному ритму... Он очень отличался от того, что сейчас?

Предводитель Форта в раздумье сдвинул брови.

— Нет, — подтвердил он догадку Лессы. Затем, стукнув кулаком по пачке старых кож, прорычал: — Старый хлам! В самый нужный момент мы не можем ничего узнать! Недаром потеряно столько знаний, столько боевых приемов...

Снаружи затрубил Мнемент', потом к нему присоединился Фидрант'. Лесса, прислушиваясь, склонила голову.

— Д'рам и Г'нариш, — сказала она. — Не думаю, что стоит ждать Т'кула, но Р'март всегда был точным.

Д'рам из Исты и Г'нариш из Айгена вошли вместе. Оба всадника были взволнованы и не стали тратить время на приветствия.

— Что случилось? Неожиданная атака? Как это могло произойти? — начал Д'рам, оглядывая комнату. — А где же Т'кул и Р'март? Ты послал за ними? Какие потери понесли твои крылья? Сколько Нитей вы пропустили?

— Ни одной. Мы успели к самому началу падения. И потери наши невелики... Ценю твое внимание, Д'рам. Я послал сообщения во все Вейры.

В коридоре раздались торопливые шаги. Всадники повернулись к дверному проему, ожидая, что сейчас войдет один из отсутствующих предводителей. Но это был юноша-посыльный.

— Мое почтение, господа, — выдохнул он. — Весть от Р'марта! Он тяжело ранен... и в Телгар-Вейре еще много израненных людей и драконов. Ужасно! Говорят, половина холдов в Верхнем Кроме потеряла посевы...

Мужчины вскочили на ноги.

— Я пошлю помощь в Телгар, — начала Лесса, но хмурый

взгляд Т'рона и странное выражение на лице Д'рама остановили ее. Она нетерпеливо вздохнула. — Вы же слышали, что сказал этот парень. Ранены люди и драконы, в Вейре беспорядок... Разве можно считать вмешательством помощь во время бедствия? Конечно, Вейры автономны... но нельзя же доводить древние традиции до абсурда!

— Она права, — поддержал ее Г'нариш, и Ф'лар вновь ощутил симпатию к молодому всаднику.

Лесса вышла из комнаты, пробормотав, что надо бы ей самой слетать в Телгар. По знаку Ф'лара юноша-посыльный бросился вслед за ней.

— Т'рон обнаружил ссылку на изменение ритма атак в старых Архивах Форты, — произнес Ф'лар, поворачиваясь к гостям. — Д'рам, может быть, и ты вспомнишь что-нибудь? Ты встречался с подобными указаниями в Архивах Исты?

Д'рам, пожав плечами, вопросительно взглянул на Г'нариша; тот покачал головой.

— Нам придется выставить наблюдательные посты на всем Перне, — осторожно начал Ф'лар, подбирая слова.

Но Т'рон сразу же понял. Его кулак с грохотом опустился на стол — так, что подпрыгнули глиняные кружки.

— Ищешь повод, чтобы снова держать драконов в холдах и мастерских? Нет, Бенден! Крылатые должны жить в своих Вейрах!

— Но почему же не держать наблюдателей в стратегически важных точках? — спросил Г'нариш. Молодой предводитель Айгена улыбнулся с легкой нервозностью, когда остальные обернулись к нему. — Сейчас холды стали богаче, их население выросло. Они могли бы просто снабжать наши посты продовольствием.

— И лорды готовы это делать, — продолжал Ф'лар мысль вождя Айгена. — У них есть свои наблюдатели, отряды бегунов-скоороходов, связь с помощью барабанов... Их люди могут зажигать сигнальные костры, когда Нити покажутся на горизонте. С помощью холдеров каждый наш пост будет контролировать обширную территорию. Мы найдем занятие для молодых — это удержит юнцов от озорства и даст им отличную практику. Мы получим ценные сведения — ведь чтобы знать, как нарушился ритм падений, нужно фиксировать время, место и продолжительность каждой атаки. — Ф'лар заставил говорить себя спокойней. Он посмотрел на помрачневшее лицо Т'рона и улыбнулся. — Я не думаю, что ситуация настолько серьезна, как показалось вначале. Тем более если подобные сдвиги наблюдались и раньше. Но поискать указаний в старых хрониках стоило бы... Может быть, мы узнаем, сколько времени длится нарушение ритма...

— Т'кулу надо было известить нас... как сделал ты, — пробормотал предводитель Исты.

— Не будем слишком придираться к нему, — терпеливо сказал Ф'лар. — Т'кул — это Т'кул... Гораздо важнее другое: мы больше не можем предсказывать атаки Нитей.

— Боюсь, это не понравится владельцам холдов, — покачал головой Г'нариш, представив физиономию Кормана Керунского — самого склочного лорда из всех, чьи владения защищал Айген-Вейр.

— Ох... Если мы скажем им, что ожидаем изменений в ближайшее время...

— Но у них всех есть расписание! — брызгал слюной Т'рон. — Они же не дураки!

— Это мы — люди дракона, а не они, Т'рон. Если они о чем-то не знают, им и незачем знать об этом. Меньше знаешь — меньше беспокоишься, — твердо ответил Ф'лар. — Не их дело — требовать от нас объяснений, в конце концов.

— Ага, теперь ты заговорил по-другому, Ф'лар, — усмехнулся Д'рам.

— Я никогда не объяснял своих действий, Д'рам, если ты это имеешь в виду. Я говорил, что им следует сделать, — и они повиновались.

— Семь Оборотов назад они были изрядно напуганы, — заметил Г'нариш. — Они боялись настолько, что приняли нас с распростертыми объятиями и предоставили нам все свои запасы.

— Если они хотят, чтобы мы защитили все пахотные земли и леса, пусть делают то, что им велено. Или им придется покинуть дальние поселения. — Ф'лар резко рубанул рукой воздух.

— Пусть только Отерел из Тиллека или этот болван Сангел из Болла начнут обсуждать мои приказы! — прорычал Т'рон, поднимаясь. — Я сам сожгу их леса!

— Итак, все согласны, — быстро сказал Ф'лар. — Мы установим посты и наладим их снабжение с помощью ближайших холдов. Думаю, Р'март не станет возражать.

— А Т'кул? — спросил Г'нариш.

Д'рам посмотрел на Т'рона.

— Мы объясним ему ситуацию...

— Да, так будет лучше, — согласился Ф'лар. — Он уважает вас обоих. Но благоразумнее не упоминать о...

— С Т'кулом мы разберемся без твоих советов, Ф'лар, — резко оборвал Д'рам вожда Бендена.

И тот понял, что терпение Древних на пределе. Они не хотели слышать даже намеков на нерадивость тех, кого считали своими.

Все повторяется — как на прошлой встрече в Форт-Вейре несколько дней назад.

Внезапно прикрывавший вход занавес резко качнулся, и в комнате появилась Лесса. Лицо ее горело, глаза сияли. Всадники, прощаясь, низко склонили головы.

— Не уходите, Д'рам, Т'рон, — воскликнула она. — У меня добрые вести из Телгара!

Но предводители Форты и Исты уже направлялись к выходу. Ф'лар взглядом дал Лессе понять, что удерживать их не стоит.

— Как Р'март? — спросил Г'нариш, пытаясь замаять неловкость.

Лесса очаровательно улыбнулась ему.

— О, этот посланец — совсем мальчишка... он все преувеличил. Рамот'а поговорила с Солт'ой, старшей королевой Телгара. Р'март ранен, но опасность не так велика. Беделла дала ему слишком много сонного зелья, а когда он потерял сознание, напугалась и забыла сообщить в другие Вейры. Помощник Р'марта думал, что послания отправлены, — он слышал, как Р'март говорил об этом Беделле. — Лесса презрительно пожала плечами, обозначив свое невысокое мнение о госпоже Телгара. — Х'агес сказал, что будет очень благодарен вам, если вы поможете ему советом.

— Х'агес — помощник Р'марта, — объяснил Г'нариш. — Неплохой всадник, но не очень инициативный. Скажи, Ф'лар, Нити сильно тебя задела?

— Пустяки.

— Да, маленькие такие кровавые пустячки, — возмутилась Лесса. — И ты до сих пор ничего не съел!

— На обратном пути я загляну в Телгар и потолкую с Х'агесом, — дипломатично сказал Г'нариш.

— Мне хотелось бы сопровождать тебя, если не возражаешь.

— Я возражаю! — выпалила Лесса. — Г'нариш прекрасно справится один. Я провожу его на карниз, а ты — ты сейчас сядешь за стол и примешься за еду. — Ее безапелляционный тон заставил Г'нариша рассмеяться, но Лесса уже подхватила его под руку и повела по коридору. — Я еще не успела приветствовать твоего Гиармат'а, — она нежно улыбнулась Г'наришу, кокетничая напропалую, — а ты же знаешь, он — мой самый любимый бронзовый...

Она так откровенно флиртowała с молодым всадником, что Ф'лар не удивился бы, услышав возмущенный рев Рамот'ы. И если бы Гиармат' имел хоть малейший шанс догнать королеву Бендена! Но тут раздалось громыхание развеселившегося Мнемента.

«Ешь! — посоветовал бронзовый. — Пусть Лесса льстит Г'наришу. Гиармат' все понимает. Как Рамот'а. Как я».

— Чем приходится заниматься ради своего Вейра! — воскликнула Лесса, вернувшись через несколько минут.

Ф'лар развел руками.

— Молодой Г'нариш ближе к нам, чем к Древним, — заметил он, — хотя парень еще этого не понимает.

— Значит, мы должны помочь ему!

— Несомненно, — согласился Ф'лар, поймал ее за руку и протянул к себе.

Как всегда, Лесса несколько мгновений сопротивлялась, сердито глядя на своего друга, потом затихла у него на груди.

— Посты, сигнальные огни, барабаны — всего этого недостаточно, Ф'лар, — задумчиво сказала она. — В наши дни Перн стал так велик...

— Конечно. Чепуха для твоего глупого Г'нариша и остальных... Значит, ты все поняла?

Она кивнула. Нежно поглаживая ее темные волосы, Ф'лар произнес:

— Что же все-таки произошло? Расчеты казались незыблемыми, как скалы Бендена... и тем не менее график атак нарушен. До сих пор не могу поверить...

Лесса резко отстранилась:

— Во имя Первого Яйца, предводитель, ты меня удивляешь! С какой стати ты решил, что ритм падения Нитей не может измениться? Потому, что ты собрал и изучил пачки хроник на вонючей коже, или потому, что Древние считают их непогрешимыми? Вспомни, ведь были такие Интервалы, когда Нити вообще не падали! Почему же в период Прохождения время между атаками Нитей не может стать больше или меньше?

— Ты знаешь причину?

— Ты знаешь причину! Почему бы нет? Причина — то же влияние, которое действует на Алую Звезду и иногда не дает ей приблизиться к нам, чтобы сбросить Нити. Может быть, какое-то массивное тело...

— Где?

— Откуда я знаю? — Лесса раздраженно пожала плечами. — Я ведь не остроглазый Ф'рад... Надо попробовать разобраться... Или за семь Оборотов ты так привык к этим графикам, что теперь не можешь поработать головой?

— Лесса...

Вдруг она прижалась к нему, полная раскаяния. Обняв хруп-

кие плечи, Ф'лар думал, что насмешки его подруги не лишены основания. Мягкие губы коснулись его уха.

— Мне не надо было так говорить, — с сожалением шепнула Лесса.

— Почему же? Ты сказала правду.

— Я не должна унижать тебя... никогда. Ты сделал все, чтобы уговорить этих тупых, недалеких...

Ф'лар остановил ее поцелуем, нежным, бережным. Глаза Лессы затуманились, когда он снова принял к ее губам. Внезапно он вздрогнул — руки Лессы, обвивавшие его шею, коснулись нанесенного Нитью ожога.

— О, прости! Я сейчас... — Лесса соскользнула с его колен и бросилась к нише, где стояла банка с мазью.

— Я прощаю тебя, мое сердце, за все сегодняшние выходки, — с полной серьезностью заверил Ф'лар. — Конечно, легче заморочить голову мужчине, чем сражаться с ним. — Он вздохнул. — Хотелось бы мне, чтоб Ф'нор сегодня был с нами...

— Этот Т'рон — старый глупец! — Губы Лессы сурово сжались. — Не стоило Ф'нору связываться с его всадником. Пусть Т'реб забрал бы клинок!

— Ф'нор вел себя правильно, — решительным тоном возразил Ф'лар.

— Тогда он мог бы действовать порасторопнее... Как, впрочем, и ты... — Ее пальцы осторожно коснулись подживающего шрама.

— Хм-м... Что ж, я не сумел увернуться от Нити, но свалил на Древних ответственность за весь Перн. Мы увязли в мелких дрязгах, разбираясь, кто виноват в этой дурацкой истории, там, в мастерской... На самом же деле есть только одна проблема: как примирить старое с новым. И возможно, Лесса, критическое положение, в котором мы снова очутились, даст нам преимущество.

Она услышала звон металла в его голосе и одобрительно улыбнулась.

— Только покончив со старыми традициями, мы поймем, какими бессмысленными и пустыми были некоторые из них... например, ограничение контактов между холдами, цехами и Вейрами. Мы можем за несколько секунд очутиться в любом месте, а ремесленнику надо странствовать много дней, чтобы потолковать с соседом. Нет, я никогда не отзываю всадников из мастерских и холдов, как бы ни настаивали Древние! Никакие сигнальные костры и скороходы не помогут, если мы порвем эту связь! Вот если бы Фандарел придумал что-нибудь новое... В чем дело? Что ты нашла здесь смешного?

— Я знала, знала! Я знала, что ты захочешь увидеть кузнеца и арфиста, и послала за ними! Но пока ты не поешь — никаких бесед!

Ф'лар с улыбкой повиновался. Запивая хлеб горячим кла, он размышлял о причинах своего оптимизма — сейчас, когда проблемы Перна вновь слетелись на карниз его вейра.

Глава 4

Полдень в Южном Вейре

Килара вертелась перед зеркалом, изгибаясь, чтобы рассмотреть свое отражение в полированном металле. Тяжелая ткань нового красного платья колыхалась, как морские волны.

— Так я и знала! Говорила же ему, что подол подрезан неровно! — На мгновение она замерла, вглядываясь в зеркало. Затем, преодолевая раздражение, улыбнулась. Килара проводила здесь долгие часы, тщательно выбирая позы и выражения лица — величественные, соблазнительные, задумчивые.

— Женский гнев — слишком сильное оружие, дорогая, — часто повторяла ей кормилица. — Старайся всегда выглядеть милой, очаровательной. Подумай, что случится, если твое лицо забудет про улыбку!

Она приняла несколько изящных поз, скосила глаза, пытаясь разглядеть в зеркале свой профиль, и снова увидела злосчастный подол. Настроение было испорчено.

— Ранелли! — позвала она. Старуха не ответила сразу, и Килара разозлилась еще сильнее. — Ранелли!

— Иду, моя малышка. Старым костям трудно шевелиться быстро! Иду! Вышла бы ты лучше на воздух. Такой аромат от цветущих деревьев! Ну и чудеса! Чтобы лунное дерево выросло до таких размеров! — Ранелли продолжала свой бесконечный невнятный монолог, словно звук ее имени поворачивал какой-то невидимый выключатель у нее в голове. Кстати, Килара верила, что так оно и есть.

— Эти портные всегда так небрежны... никакой тонкости в работе, — бормотала старуха, пока воспитанница не приказала ей замолчать и приняться за дело. Ранелли с криком опустилась на колени и начала подрезать подол. Согнувшись над краем платья, она снова зажужжала:

— И швы, швы... так и торчат... сделаны в спешке, стежки слишком крупные, нить грубая... никакой тонкости...

— Мастер обещал сделать платье за три дня... и когда я пришла за ним, при мне заканчивал работу. Что же делать! Мне срочно нужен новый наряд.

Руки Ранелли остановились; она пристально, с укором посмотрела вверх.

— Раньше ты никогда не уходила из Вейра, не сказав ни слова!

— Я хожу, куда мне нравится, — резко сказала Килара, топнув ногой. — Я не ребенок, чтобы просить у тебя разрешения. Здесь, в Южном, я госпожа Вейра! И никто не смеет мне противоречить! Не забывай этого!

— Никто не посмеет забыть, моя крошка...

— Ни один в этом Вейре...

— ...никто не посмеет нанести такое оскорбление... не то... не то...

— ...они узнают, что такое кровь Телгара! Я научу их хорошим манерам! А тех...

— ...кто невежлив с моей малышкой, тех...

— Хватит возиться, Ранелли, сколько можно... Я должна отлично выглядеть, когда появлюсь дома... — Перегнувшись в талии, поворачивая голову то так, то эдак, Килара разглядывала свои густые, волнистые, светлые волосы. — Да, вот единственная приятная вещь в этом ужасном месте. Солнце... Смотри, как играет свет в моей прическе!

— О, твои волосы — словно поток солнечных лучей, моя красавица, и я расчесываю их, чтобы они ярче сверкали... Расчесываю утром и вечером... никогда не пропускаю... если только ты не уходишь куда-нибудь. Знаешь, утром он искал тебя...

— Не обращай внимания... Режь ровнее!

— О, я все сделаю для тебя... Лучше сними его. Прямо сейчас... О-о-о, моя драгоценная, моя крошка! Как он с тобой обращается! Такие отметины...

— Успокойся! — Килара переступила через сброшенное платье; она хорошо понимала, что синяки не украшают ее прекрасную кожу. Что ж, еще одна причина, чтобы заказать новое платье... Она нырнула в свободную льняную тунику, которую сняла перед примеркой. Хотя это одеяние не имело рукавов, его складки почти полностью прикрывали большой синяк на правом предплечье. Ну, это она всегда сумела бы объяснить естественными причинами... на деревьях здесь столько сучков... Правда, она не слишком заботилась о том, что подумает Т'бор; к тому же всегда можно обвинить его самого. После кувшина молодого вина он мало что помнит...

— Нехорошо это, нехорошо, — продолжала бормотать Ранел-

ли, подобрав красное платье и шаркая в свой угол. — Ты теперь — из племени Вейра. Нехорошо всадникам иметь дело с холдерами. И тебе тоже. Если кто-нибудь...

— Замолчи, старая ведьма! Говорю тебе, я — госпожа Вейра и могу делать, что хочу. Не то что моя мать. И я не нуждаюсь в твоих советах!

— Это-то я знаю, — сказала старуха так резко, что Килара с удивлением уставилась на нее.

Ну вот, опять она нахмурилась, на лбу появились морщинки. Нельзя, нельзя... так лицо выглядит совсем непривлекательным... Ладони Килары скользнули вниз, от груди к плоскому животу, натягивая тонкую льняную ткань. Талия тонкая, стройная... хоть она выносила пятерых. Но больше детей не будет. Теперь ей известен способ: чуть-чуть задержаться в Промежутке, и...

Рассмеявшись, она сделала пируэт, изогнув руки над головой... Ушибленное предплечье отозвалось болью. Килара зашипела сквозь зубы.

Значит, Мерон не хочет... Она томно улыбнулась. Он захочет — потому что этого хочет она!

«Он не всадник», — сообщила Придит'а, просыпаясь. В тоне золотой королевы не было осуждения, только констатация факта. Главным образом того обстоятельства, что ей, Придит'е, надоели прогулки, которые чаще заканчивались в холдах, чем в Вейрах. Когда, следуя капризу Килары, они посещали других драконов, Придит'а ничего не имела против. Но холод, где придется выслушивать бессвязную испуганную болтовню стража порога... О, это совсем другое дело!

— Да, он не всадник, — с подчеркнутой покорностью согласилась Килара, но приятные воспоминания о последней встрече вызвали улыбку на ее полных красных губах. Это придает лицу мягкий, таинственный и заманчивый вид, решила она, поворачиваясь к зеркалу. Она шагнула поближе, но поверхность металла покрывали пятнышки ржавчины — из-за этого кожа казалась нечистой. Скорчив гримасу, Килара отвернулась. Ах, если бы она сумела найти мужчину, который понимал и обожал ее, как верный дракон! Например, Ф'лар...

«Мнемент' — для Рамот'ы, — донеслась к ней мысль Придит'ы. — У меня снова чешется».

Вооружившись щеткой с длинной ручкой, Килара отправилась на поляну, служившую старшей королеве Южного вейром. Днем солнце так нагревало почву, что та не успевала остыть за ночь. Хорошее место для лежбища; драконы любили тепло. Во-

круг клонились ветви огромных лунных деревьев, усыпанные розовыми гроздьями цветов. В воздухе стоял одуряющий аромат.

— Мнемент' мог бы стать твоим, глупышка, — заметила Килара своей королеве, почесывая ей спину щеткой.

«Нет. Я не могу состязаться с Рамот'ой».

— Огонь брачного полета добавил бы тебе сил, — со вздохом сказала Килара, мечтая однажды обрести мужество и попытаться счастья. — Для вашего рода тут нет ничего необычного в том, чтобы уступить отцу или подняться в брачном полете с матерью.

«Ты — моя мать», — ответила Придит'а, повернув к своей всаднице голову с большими опалесцирующими глазами. Восхищение, любовь, благоговейная привязанность и удовольствие слились в беззвучном голосе дракона.

Забыв про досадный изъян в новом платье и обидные намеки кормилицы, Килара нежно улыбнулась своей королеве. Разве можно сердиться на нее, когда она смотрит таким взглядом! Когда она так любит, так обожает Килару! Протянув руку, женщина стала благодарно почесывать чувствительное надбровье зверя, пока глаза Придит'ы не закрылись от удовольствия. Килара прижалась к огромной клиновидной голове, примирившись и с собой, и со всей вселенной, согретая бальзамом любви Придит'ы, неподвластная раздражению и гневу...

Затем она услышала вдалеке голос Т'бора — он давал какие-то распоряжения подросткам, — и очарование прошло. Резко выпрямившись, Килара с тоской подняла глаза к небу. Во имя Первого Яйца, почему судьба предназначила ее Т'бору? От него не много радости в постели... Она никогда не испытывала с ним того, что с Мероном, — кроме тех мгновений, когда Орт' догонял Придит'у, конечно... Но Мерон прекрасно справлялся и без дракона. Мерон был жесток и честолюбив. Может быть, вместе они могли бы править всем Перном.

— Добрый день, Килара.

Она не ответила на приветствие. Нарочито веселый тон Т'бора подсказал ей, что вождь Южного не намерен сегодня ссориться с ней. В очередной раз она удивилась, чем он мог в свое время привлечь ее, — хотя Т'бор был высок, и лицо его в отличие от лиц многих всадников не носило следов ударов Нитей. Правда, тонкие шрамы часто придавали им скорее мужественный, а не отталкивающий вид. Т'бор не был ранен, но вечно нахмуренные брови и напряженный блеск глаз портили впечатление от его внешности.

— Добрый день, Придит'а, — добавил бронзовый всадник.

«Он мне нравится, — сообщила Придит'а своей подруге. —

И он так искренне относится к тебе... Ты могла бы быть с ним добрее».

«Доброта ничего нам не дает», — мысленно ответила Килара и с подчеркнутой неторопливостью повернулась к предводителю Южного:

— Чего тебе?

Т'бор вспыхнул — как всегда, когда слышал в ее голосе эти нотки. Она стремилась унижить его.

— Я хочу знать, сколько у нас свободных вейров. Телгар просил сообщить.

— Спроси у Брекки. Откуда мне знать?

Кровь еще сильнее прилила к лицу Т'бора.

— По обычаю госпожа Вейра занимается такими делами...

— Обычаи — для этой... недобитой Нитями! Ее и спрашивай! Я не знаю. И не понимаю, почему Южный должен постоянно принимать всех болванов, которые не сумели увернуться от ожога.

— Ты отлично знаешь, Килара, почему Южный Вейр...

— Да, да... За семь Оборотов у нас не было потерь...

— ...потому что тут нет постоянных, изматывающих атак Нитей, как на Северном континенте.

— Хорошо. И все же я не понимаю, почему их раненые должны объедать нас.

— Килара! Прекратим этот спор.

Усмехнувшись, Килара отвернулась от него. Подразнить Т'бора — в таком удовольствии она не могла себе отказать!

— Спроси у Брекки, говорю тебе. Думаю, ей приятно замечать меня... во всех отношениях. — Она бросила взгляд через плечо, наблюдая, понял ли Т'бор намек. Килара была уверена, что Брекка спит с ним. Дурочка Брекка, мечтающая о Ф'норе! Неплохая пара любовников!

— Брекка — настоящая женщина и гораздо больше тебя похожа на госпожу Вейра, — сдержанно сказал Т'бор.

— Ты... ты заплатишь за это! Негодяй, сопливый шенок...

От ярости она не находила слов — замечание Т'бора ударило по самому больному месту. Внезапно Килара разразилась издевательским смехом: Брекка — госпожа Вейра! Ничего себе — искусная любовница!.. Тошная, как мальчишка! Даже Лесса выглядела более женственной!

Мысль о Лессе мгновенно отрезвила ее. Она снова попыталась убедить себя, что Лесса уже не сможет воспрепятствовать ее планам. Лесса теперь пресмыкается перед Ф'ларом... мечтает опять понести от него и разыгрывает образцовую госпожу Вейра. Она не видит дальше собственного носа. Дура! Могла бы править

всем Перном! Что ж, у нее был шанс — и она его потеряла. Отступила... привела сюда Древних... А ведь была госпожой единственного на планете Вейра! Кто мог оспаривать ее абсолютную власть?.. Но она, Килара, не совершит подобной глупости, не останется в этой дыре на краю света, чтобы растрачивать молодость на заботы о раненых и возделывание земель, которые их кормят... Ее это не привлекает! Посмотрим, посмотрим... Каждое яйцо трескается по-своему, но если помочь ему разбиться в нужное время, все пойдет по-другому!

И Килара была готова разбить несколько яиц так, чтобы извлечь из этого выгоду. Благородный Ларад, лорд холда Телгар, мог забыть о том, что Килару, единственную родную сестру, нужно пригласить на свадьбу. Но сама-то она помнила об этом. И разве требуется ей особое приглашение, если ее сводная сестра выходит замуж за повелителя холда Лемос?

Брекке меняла повязку на руке Ф'нора, когда услышала, что ее зовет Т'бор. При звуке его голоса девушка вздрогнула, выражение беспокойства и жалости мелькнуло на ее лице.

— Я в вейре Ф'нора, — откликнулась она, повернув голову к распахнутой двери.

— Традиции хорошо принялись на плодородных землях юга, — заметил Ф'нор. — Даже деревянную хижину мы продолжаем называть вейром.

Брекке улыбнулась. Заметное достижение! Раньше она почти не воспринимала его шуток. Может быть, потому, что Килара взвалила на плечи младшей госпожи всю ответственность за Южный?

— Вейр — место, где живут драконы, — сказала Брекке, — и не важно, как он устроен.

Т'бор, наклонив голову, переступил порог.

— Как рука, Ф'нор?

— Выздоровливает благодаря заботам Брекке. — Ф'нор хитро усмехнулся девушке. — Говорят, что в Южном любая рана заживает вдвое быстрее.

— И поэтому многие возвращаются сюда снова. — Взгляд Т'бора оставался серьезным. — Брекке, сколько раненых мы можем еще разместить?

— Здесь только четверых, но Варина может устроить на западной стороне по меньшей мере двадцать вейров, — медленно ответила девушка; видимо, она надеялась, что раненых будет не слишком много.

— Р'март просил принять десятерых... но только один ранен серьезно.

— Тогда ему лучше расположиться здесь.

Ф'нор пустился в рассуждения, что Брекка слишком разбирается. С самого начала ему было ясно, что она обладает минимумом привилегий и тащит на себе всю работу, которой положено заниматься старшей госпоже Вейра. Вирент'а, королева Брекки, еще росла и нуждалась в ее заботах. К тому же девушка воспитывала маленькую Миррим и ухаживала за тяжело ранеными. Не многие настоящие лекари могли бы с ней сравниться — она обладала удивительным чутьем и бесконечным терпением. Она всегда появлялась в тот момент, когда требовалось наложить свежую мазь на рану или успокоить горящего в лихорадке больного. Мягкие, уверенные движения ее рук вселяли надежду и бодрость... Но она умела и прикрикнуть на слишком капризных пациентов.

Т'бор слушал, уставившись в пол; слова Ф'нора не были для него открытием. Да, сотни Оборотов всадники лечились и выздоравливали в собственных Вейрах. Почему Южный должен обременять себя ранеными? Молодой предводитель поднял виноватые глаза на девушку.

— Я благодарен тебе за помощь, Брекка, — сказал он, — очень благодарен. Конечно, заботиться о раненых из шести Вейров...

— Бенден присылает совсем немного, — быстро возразила Брекка, бросив взгляд на Ф'нора.

— Да, пожалуй, — согласился тот. — Половина ваших гостей — из Форта. Они могли бы с таким же успехом греться на берегах Южного Болла.

— Ну, Т'рон... — нерешительно начал Т'бор.

— Дело не в нем, — прервала предводителя Брекка.

Тон девушки был так резок, что Ф'нор, удивленный, склонился к ней:

— Ты ничего не скрываешь, маленькая госпожа?

— Что ты имеешь в виду, Брекка? — нахмурился Т'бор.

Лицо девушки вспыхнуло.

— Видишь ли... Всадники с самыми серьезными ожогами... они из крыла Мардры. И мне кажется, они летали высоко... может быть, в первом поясе обороны...

— И что же, сама Мардра вела их? Значит, ее Лорант'а сжигает Нити и жует огненный камень, словно бесплодная зеленая самка? Вот почему она так редко поднимается в брачный полет!

— Я не говорила, что Лорант'а жует камень, — покачала головой Брекка. — Мардра в своем уме и не собирается уступать место госпожи Форта кому-нибудь помоложе... Нет, она использовала огнемёт.

— На верхнем уровне? Где Нити падают гуще всего? — Ф'нор был ошеломлен. Королевы всегда летали у самой земли, вылавливая отдельные Нити, с которыми не успели расправиться наверху боевые драконы. — Ты знал об этом? — Коричневый всадник повернулся к Т'бору.

Тот пожал плечами:

— Знал, не знал... Что я могу сделать?

— Но ведь речь идет не только о пренебрежении традициями... которые, по словам Т'рона, свято соблюдают все всадники Фор-та. Нарушен здравый смысл! И ты считаешь, мы не должны вмешиваться?

Предводитель Южного уставился на Ф'нора тяжелым взглядом; глубокие морщины, прорезавшие лицо Т'бора, делали его старше на много Оборотов.

— Я рассказывал тебе, чем закончился тот фарс... встреча предводителей в Форт-Вейре, когда Т'рон настоял, что во всем виноват Терри. — Т'бор стиснул кулаки, губы его с отвращением искривились. — Вейр — превыше всего, даже здравого смысла! Каждый занимается своими собственными делами, несогласных — в Промежуток! Что ж, я буду заниматься только своими делами... И добьюсь покорности! От всех! Не исключая Килары!

— Во имя Яйца, при чем здесь Килара?

Т'бор задумчиво посмотрел на Ф'нора. Потом, пожав плечами, сказал:

— Килара хочет отправиться на торжество в Телгар, через четыре дня. Нас не пригласили, и я не обижен. Южный Вейр не связан с Телгар-холдом, а свадьба — это занятие холдеров... Но Килара настаивает... и я уверен, она задумала какую-то каверзу... Вместе с лордом Наболским.

— С Мероном? — Ф'нору казалось, что из-за этого типа вряд ли стоит беспокоиться. После бескровного сражения под Бенден-Вейром, восемь Оборотов назад, он потерял всякий авторитет. Ни один лорд с тех пор не заключил союза с Наболом. Даже Нессел, властелин Крома, который отнюдь не блистал разумом. — Я никогда не понимал, о чем думали в Конклаве лордов, когда подтверждали его права на Кром.

— Мы должны остерегаться не Мерона — Килары! К чему бы она ни приложила руку, все становится кривым...

Ф'нор задумчиво кивнул головой:

— Да, мне было бы спокойней, если бы она собиралась, скажем, в Форт-холд. Лорд Грож считает, что ее давно пора придушить. Но она сестра Ларада Телгарского, и, будем надеяться, он сам сумеет присмотреть за ней. Ф'лар с Лессой тоже будут в Тел-

гаре. Она не рискнет связываться с Лессой. В конце концов, что может она натворить? Заставит Нити чаще валиться нам на головы?

Брекка побледнела, глубоко, со сдавленным всхлипом втянув воздух. Лицо Т'бора передернулось.

— Нет, конечно, — с мрачной обреченностью произнес молодой вождь Южного. — Никто не знает, чем это вызвано.

— А что случилось? — Ф'нор встал, мягко отстранив руки Бреки.

— Ты не знаешь, что нарушился ритм атак?

— Нет.

Он посмотрел на девушку; казалось, Брекке интересует только ее сумка с лекарствами. Не поднимая головы, она спокойно сказала:

— У тебя был жар, Ф'нор, когда пришли новости с севера. Я не хотела тебя беспокоить.

Т'бор фыркнул, словно замешательство Ф'нора доставило ему удовольствие.

— Да и зачем? Вспомни, даже таблицы Ф'лара не включают расчетов для Южного материка. Кого заботит, что творится в этой части мира! — С этими словам Т'бор вышел из вейра.

Ф'нор шагнул следом, но Брекка поймала его за руку:

— Нет, Ф'нор, не надо! Не стоит давить на него!

Он опустил глаза на взволнованное лицо девушки. Что с ней происходит? Неужели она любит Т'бора?

— Хорошо. Тогда расскажи мне все сама. У меня ранена рука, но с головой полный порядок.

Не перебивая, Ф'нор выслушал историю о событиях в Бенден-Вейре, когда Нити неожиданно упали на леса Лемоса. Потом кивнул головой:

— Что ж, может быть, это добавит Древним немного разума... Но поведение Т'бора мне непонятно. Разве нас, на севере, не беспокоит все происходящее здесь?

Брекка коснулась ладонью его здоровой руки, словно призывая к спокойствию.

— Поверь, ему нелегко с Киларой... Жизнь с ней слишком напоминает изгнание.

— Я знаю! — В Бендене у Ф'нора были свои проблемы с Киларой. Многие всадники вздохнули спокойно, когда она стала госпожой Южного Вейра.

— Ты видишь, сколько сделал Т'бор в Южном за эти Обороты, — продолжала Брекка.

Да, Вейр процветал; Т'бор оказался рачительным хозяином.

— Закончил ли он исследование континента? — спросил ко-

ричный всадник. Он не помнил ни одного отчета, приходившего в Бенден.

— Не думаю. Западные пустыни ужасны. Несколько раз всадники пытались разведать те места, но ветры вернули их назад. А на востоке — лишь океан. Возможно, пустыни простираются всюду вдоль побережья. Край света, ничего больше...

Ф'нор согнул забинтованную руку, глаза его сверкнули.

— Послушай меня, Ф'нор, командир крыльев Бендена, — сердито сказала Брекка, безошибочно угадывая, куда устремились мысли всадника. — Твоя рана еще не затянулась, и ты не можешь уходить в Промежуток. Сильный холод ужасно действует на открытые раны... Не пытайся хитрить со мной!

— О, Брекка, милая, я не знал, как ты заботаешься обо мне! — воскликнул Ф'нор, весьма довольный этой суровой отповедью.

Девушка окатила его таким пронизывающим взглядом, что улыбка Ф'нора увяла. Потом, будто раскаиваясь в столь откровенном проявлении чувств, она шутливо подтолкнула его к двери:

— Иди! Забирай своего бедного одинокого зверя и ложись на берегу под солнцем. Слышишь, Кант' зовет тебя?

Она вышла вместе с ним из вейра и была уже на середине поляны, когда Ф'нор сообразил, что не слышал беззвучного голоса Кант'а.

— Брекка?

Она нерешительно обернулась — уже на самой опушке под деревьями.

— Ты можешь говорить с другими драконами?

— Да. — Она повернулась и исчезла среди огромных стволов.

— Клянусь Яйцом! — Ф'нор был поражен. — Почему ты не сказал мне? — напустился он на своего коричневого, разомлевшего на теплой земле позади вейра.

«Ты не спрашивал, — ответил Кант'. — Я люблю Брекку».

— Невозможный зверь, — сказал Ф'нор и посмотрел на край поляны — туда, где в роще цветущих деревьев исчезла Брекка. Брекка?! Пораженный, он уставился на Кант'а. Драконы очень редко называли людей именами — это служило признаком особой интимности. Обычно звери передавали облик человека, добавляя местоимение «он» или «она», смотря по обстоятельствам. И то, что Кант' столь фамильярно упомянул обитателя другого Вейра, было удивительно. Надо рассказать Ф'лару!

«Я хочу в воду», — с такой тоской произнес Кант', что его всадник невольно расхохотался.

— Иди, купайся! Я посмотрю.

Голова коричневого нежно ткнулась в здоровое плечо Ф'нора.
«Твоя рана почти зажила. Хорошо. Скоро мы вернемся в свой Вейр. Будем опять жечь Нити».

— Только не говори мне, что ты знал о нарушении графика...

«Знал», — прервал его короткий ответ Кант'а.

— Тогда почему же ты, червяк с крыльями, глупый, как скорлупа...

«Иногда дракон знает, что лучше для его всадника. Ты должен выздороветь, чтобы драться с Нитями. Я хочу плавать».

Дальнейшие споры были бесполезны, и Ф'нор взгрозился на шею дракона. Они отправились к берегу — долгий путь для любого, кто привык мгновенно перемещаться в пространстве, — затем повернули на запад и летели вдоль песчаной линии пляжей, пока Ф'нор не нашел уединенную бухточку. Здесь было достаточно глубоко, чтобы Кант' мог поплавать. Высокие дюны, вероятно, нагроможденные зимними штормами, защищали берег с юга. А на востоке, далеко-далеко, Ф'нор различил с высоты пурпурные скалы плоскогорья, на котором располагался Южный Вейр.

Кант' приземлился у подножия дюны, и всадник соскользнул на чистый, мелкий песок. Затем дракон, сделав длинный планирующий прыжок, плюхнулся в воду. Ф'нор следил за ним с наслаждением. Словно огромная рыба, Кант' то вздымался вверх из голубых морских волн, то переворачивался на поверхности и уходил в глубину. Когда коричневый решил, что достаточно освоился, он взлетел в воздух, тяжело хлопая мокрыми крыльями. Легкий бриз принес его, наполовину высохшего, прямо к ногам Ф'нора.

Кант' принялся валяться в песке, засыпав всадника до самой макушки. Возмущенный Ф'нор хотел снова послать его ополоснуться, но зверь отказался. Теплый песок так приятно грел кожу... Ф'нор смягчился и, когда Кант' уютно устроился в неглубокой ложбинке, прикорнул сам меж завитков хвоста. Вскоре солнце убаюкало обоих путешественников.

«Ф'нор, — осторожный призыв Кант'а пробудил всадника от сладкой дремы, — не шевелись».

Сон слетел мгновенно — хотя тон дракона казался веселым, а не тревожным.

«Осторожно открой один глаз».

Это было все, что мог сделать Ф'нор, не поднимая головы. Прямо перед ним стоял золотой дракончик — такой крохотный, что вполне поместился бы на его плече. Круглые глазки, похожие на искрящиеся зеленым огнем самоцветы, рассматривали всад-

ника с осторожным любопытством. Внезапно маленькие крылья, не больше ладони Ф'нора, развернулись в сверкающие на солнце полупрозрачные треугольники.

— Не уходи, — прошептал Ф'нор, инстинктивно посылая ментальный сигнал, в котором смешались восхищение и доброжелательность. Наяву ли это? Он не мог поверить своим глазам.

Крылышки перестали трепетать. Крошечный дракон склонил головку.

«Не уходи, малышка, — добавил Кант' с той же осторожностью. — Мы с тобой одной крови».

Миниатюрный дракончик колебался, полный недоверия к человеку и огромному зверю. Его крылья оставались поднятыми, хотя напряжение, предвещающее полет, ослабло. Ф'нор чувствовал, как любопытство маленького дракона сменилось нерешительностью, сомнение стало сильнее. Он осторожно придвинулся на длину руки и заглянул всаднику в лицо.

Удивление и недоверие достигли предела — и тут Ф'нор все понял.

— Я — не твоей крови, малышка, — мягко сказал он. — Взгляни на этого великана. Вот твой родич.

Крошечная головка вновь настороженно приподнялась. Глаза удивленно сверкнули — кажется, сомнение зверька не стало меньше. Ф'нор сказал Кант'у, что вряд ли такое утверждение может показаться правдоподобным существу, которое в сотни раз меньше его размерами.

«Тогда отодвиньтесь подальше, — предложил Кант'. — Маленькая сестра, иди с человеком».

Золотой дракончик парил над Ф'нором, пока тот медленно, осторожно поднимался. Всадник отошел подальше от огромного тела Кант'а; маленький дракон следовал за ним. Ф'нор повернулся и вытянул руку в сторону коричневого; дракончик описал в воздухе полукруг, бросил взгляд на лежащего гиганта и внезапно исчез.

— Вернись! — закричал Ф'нор. Может быть, он видел все во сне?

Кант' рыкнул в восторге.

«Думаешь, тебе понравилось бы встретить человека, который больше тебя настолько, насколько я больше ее?»

— Кант', понимаешь ли ты — мы видели фэйра! Огненную ящерицу!

«Несомненно».

— Огненная ящерица! На расстоянии руки! Да ты знаешь, сколько людей пыталось поймать ее? — Ф'нор, потрясенный, за-

молчал. Вероятно, он был первым человеком, который видел фэйра так близко. И эта очаровательная маленькая красotka обладала чувствами, понимала простые команды и затем — затем ушла в Промежуток!

«Да, она ушла в Промежуток», — подтвердил Кант', не двигаясь.

— Ты, груда песка... Ты понимаешь, что это значит? Легенды говорят правду! Ваш род произошел от этих существ... таких же крохотных, как она!

«Я не помню», — ответил Кант', но что-то в его тоне насторожило Ф'нора. Кажется, эта гипотеза все же поколебала благодущное спокойствие дракона.

Коричневый всадник усмехнулся и ласково погладил шею зверя.

— Откуда тебе помнить, громадина? Даже мы, люди, растеряли столько знаний... а ведь у нас есть Записи.

«Существуют другие способы запомнить важные вещи», — сказал Кант'.

Ф'нор покачал головой.

— Подумать страшно! Вывести создание твоих размеров из крошечного фэйра! — Благоговейный ужас охватил его, когда он представил, сколько для этого понадобилось времени.

«Я приношу пользу. Они — нет», — изрек Кант'.

— Готов спорить, их многому можно научить... и быстро! — Эта мысль захватила Ф'нора. — Как ты думаешь?

«Зачем?»

Ф'нор прислонился к клиновидной голове дракона, протянул руку, поглаживая его под челюстью. Зверь был огромен. Гордость и восторг охватили всадника.

— Наверно, глупо спрашивать тебя об этом, Кант'?

«Да».

— И все же хотелось бы знать... смог бы я обучить ее?

«Чему?»

— Конечно, не таким вещам, которые ты способен делать лучше... Хотя подожди! Возможно, я сумел бы научить ее передавать послания... Ты сказал, она ушла в Промежуток? Интересно, можно ли сделать так, чтобы она сама отправлялась в нужное место и потом приходила обратно... Впрочем, о чем я говорю? Ее нет, и мы не знаем, вернется ли она сюда снова.

Грубая реальность разрушила мечты Ф'нора.

«Она вернулась», — с необычной мягкостью сообщил Кант'.

— Где?

«Над твоей головой».

Очень медленно, осторожно Ф'нор поднял руку, вытянув ее перед собой ладонью вниз.

— Маленькая красавица, или сюда... Мы восхищаемся тобой... Мы не причиним тебе вреда... — Он постарался окрасить восторгом и дружелюбием ментальный призыв, сопровождавший слова. Золотая искорка дрожала в углу его глаза. Затем ящерка опустилась на уровень лица Ф'нора, оставаясь вне пределов досягаемости. Всадник почувствовал изумление Кант'а — кажется, крошечное создание оказалось равнодушным к лести.

«Она голодна», — передал дракон.

Стараясь не делать резких движений, Ф'нор шагнул к сумке и достал мясную колбаску. Оторвал кусочек, положил на камень у своих ног и отступил назад.

— Это для тебя, крошка.

Приглядываясь, ящерка парила над приманкой, потом метнулась вниз, схватила мясо крохотными коготками и опять исчезла.

Ф'нор, решив подождать, присел на корточки.

Через секунду ящерка вернулась; теперь ее главной эмоцией был голод — чудовищный голод, на фоне которого Ф'нор различил жалобную просьбу. Отрывая следующий кусок, он старался заглушить ликование. Если голод может связать их... Всадник терпеливо скармливал маленькому файру кусок за куском, помещая их все ближе к себе; наконец он заставил ящерку взять последний кусочек прямо из его рук. Она просительно подняла голову — хотя съела столько, что этого хватило бы взрослому человеку, — и Ф'нор рискнул осторожно погладить пальцем крохотное надбровье.

Существо не противилось ласке. Внутренние веки маленьких опалесцирующих глаз медленно сомкнулись.

«Она только что вылупилась. Ты запечатлил ее», — в беззвучном голосе Кант'а сквозила нежность.

— Вылупилась?

«Конечно. Она — нашей крови и должна появляться из яиц», — добавил Кант' с непререкаемой уверенностью.

— Тут есть и другие?

«Да. Внизу, на берегу».

Ф'нор повернул голову — осторожно, чтобы не спугнуть ящерку, — и бросил взгляд через плечо. До сих пор его внимание было безраздельно поглощено сказочным существом, которое устроилось на его руке. Теперь всадник различил жалобные, резкие крики, что неслись из висевшего над бурунами облака мельтешащих тел и сверкающих крыльев. Казалось, сотни файров метались над берегом у верхней отметки прилива, на расстоянии двадцати длин дракона от него.

«Не шевелись, — предостерег Кант', — потеряешь ее».

— Но если они появляются на свет из яиц... если их можно запечатлеть... Кант', поднимай Вейр! Сообщи Придит'е! Сообщи Вирент'е! Пусть приходят сюда! Пусть привезут еды! Скажи, чтобы они поторопились. Скорее, или будет слишком поздно!

Он посмотрел на пурпурное пятнышко Вейра на горизонте, словно мысль его могла перебросить мост над морскими волнами. Неистовство на берегу продолжалось, и теперь у Ф'нора была новая причина для беспокойства. К бухте устремились цеппи, хищники и пожиратели падали; он различал угрожающие взмахи их крыльев в ярком полуденном небе. Первая стая уже кружилась в вышине, готовая пикировать на слабых, беззащитных новорожденных. Ф'нор хотел броситься на помощь, но Кант' повторил предупреждение. Нельзя рисковать хрупкой связью с маленькой королевой... нельзя передать ей волнение и страх... Ф'нор закрыл глаза. Он не мог смотреть.

Первый вскрик боли пронзил его — и золотая ящерка испуганно вздрогнула. Неожиданно она метнулась в складки его рубахи и, трепеща, прильнула к груди. Ф'нор поднял веки. К его удивлению, цеппи еще не устремились вниз; они хищно кружили над берегом, опускаясь все ниже и ниже. Зато новорожденные с жадной, голодной торопливостью рвали друг друга. Всадник содрогнулся, и маленькая королева тревожно забила крылышками; в ее писке — тонком, похожем на свист флейты — звучало страдание.

— Со мной ты в безопасности. Тебе лучше остаться здесь. Никто не тронет тебя, пока ты со мной, — повторял Ф'нор снова и снова, а Кант' успокоительно посвистывал в такт.

Резкие крики цеппи, бросившихся в атаку, сменились пронзительным воем ужаса. Ф'нор посмотрел вверх, оторвав взгляд от резни на берегу. В небе плыл зеленый дракон, исторгая пламя и разгоняя крылатых хищников. Зеленая зависла над пляжем, выткнув вниз шею. Она была без всадника.

Только теперь Ф'нор заметил три нагруженные мешками фигуры, появившиеся на вершине дюны. Скользя, скатываясь по песку, они устремились прямо к многокрылому шумному скопищу терзавших друг друга фэйров. Казалось, люди с разбега врежутся в самую середину стаи; но в двух шагах они ухитрились остановиться.

«Брека говорит, что привела всех, кого смогла», — сообщил Кант'.

— Брека? Почему ты позвал ее? У нее и так достаточно дел.

«Она — самая лучшая», — ответил коричневый, не обратив внимания на выговор Ф'нора.

— Неужели слишком поздно? — Ф'нор опять взглянул на небо и вершины песчаных дюн. Может быть, появится кто-нибудь еще?

Брекка двинулась к сражающимся ящеркам; руки ее были вытянуты вперед. Еще два человека следовали за ней. Кого она привела? Где остальные всадники?

Два дракона возникли в воздухе, сделали круг и стремительно приземлились. Их седоки, соскользнув на песок, помчались к Брекке. Зеленая наверху перестала жечь надоедливых цеппи и затрубила. Драконы поспешили на помощь.

«У Брекки один. И у девочки... самец, сильно израненный. Брекка говорит, что многие погибли».

Ф'нор почувствовал горечь во рту. Почему их смерть причиняет ему страдание? Из-за того, что он увидел подтверждение легенды об огненных ящерцах, прародителях драконов? Но ведь эти создания столетиями рождались на теплых пляжах юга — и гибли в челюстях цеппи и своих собратьев... никем не увиденные и не оплаканные.

«Сильные выживали», — холодно напомнил Кант'.

Они спасли семерых; два файра были тяжело ранены. Миррим — девочка, воспитанница Брекки, — запечатлила троих: двух зеленых и коричневого самца с располосованным острыми когтями животом. У Брекки был бронзовый, совершенно невредимый. Всаднику, который привез ее, тоже достался бронзовый; еще двое запечатлили синих. У одного синего было вывихнуто крыло, и Брекка опасалась, что он никогда не сможет нормально летать.

— Семеро из полусотни, — грустно подвела итог девушка после того, как кучка мертвых тел запылала под струями огнеметов. — Представляю, сколько бы их выжило, если бы ты не вызвал нас.

В мешках Брекки и ее спутников нашлось достаточно мяса, чтобы накормить новорожденных до полусонного состояния. Ящерки не сопротивлялись, когда люди, взяв их на руки, двинулись к драконам; огромные звери взмыли вверх и исчезли один за другим.

Ф'нору предстоял более долгий путь. Кант', мощно рассекая крыльями воздух, летел на восток. Маленькая королева уютно устроилась на плече всадника, вцепившись коготками в кожаную перевязь; она казалась такой довольной, словно нашла свой родной Вейр. «Вейр — там, где обитает дракон, пусть даже из дерева выстроен он», — промурлыкал Ф'нор, вспомнив недавний разговор с Бреккой.

Когда коричневый начал описывать круги над Южным, Ф'нору стало ясно, что новости уже разошлись по Вейру. Здесь чувствовалась аура такого возбуждения, что он забеспокоился, как бы его испуганный фэйр не удрал в Промежуток.

«Ни один дракон не пойдет туда с набитым животом, даже огненная ящерица», — мудро заметил Кант'. Затем он вытянулся в нагретой солнцем ложбине своего вейра и прикрыл глаза.

— Тебе не кажется, что он ревнует, а? — спросил Ф'нор, переступая порог хижины, в которой Брекка принимала пациентов. Девушка перевязывала крыло синему фэйру.

— Вирент'а тоже интересовалась ими... пока ящерицы не уснули, — сказала Брекка, сверкнув на него зелеными глазами. — А ты же знаешь, какая она сейчас обидчивая... Но, право, к чему драконам ревновать? Это же игрушки, Ф'нор. Для драконов они — все равно что куклы для нас, только могут чувствовать. В лучшем случае — малыши, которых надо учить и защищать.

Ф'нор посмотрел на Миррим, воспитанницу Брекки. Две зеленые ящерицы спали на ее плечах. Раненый коричневый, обмотанный бинтами от шеи до хвоста, дремал на коленях девочки. Миррим сидела, выпрямив спину, не шевелясь; похоже, она готова была сохранять эту позу до рассвета. Глаза ее светились от счастья.

— Не слишком ли она молода? — пробормотал Ф'нор, кивнув в сторону девочки. — Запечатление отнимает много сил.

— Разве возраст мешает иметь любящее сердце? И всегда ли зрелость приносит сострадание? Почему одни мальчишки Вейра — обычные мальчишки, никогда не помышлявшие об удаче, — уходят с бронзовыми, а другие плетутся с арены в одиночку? — Брекка покачала головой и тихо добавила: — Ты видишь, Миррим запечатлила троих, а мы, остальные, хотя и пытались привлечь их внимание, унесли по одному. Эти создания умирали у наших ног, однако...

— Что бы ни случилось в моем Вейре, я узнаю об этом последней, — раздался громкий голос Килары. Она стояла на пороге хижины, подбоченившись, с красным от злости лицом.

— Я собиралась пойти к тебе — после того, как закончу перевязку, — спокойно ответила Брекка, но Ф'нор заметил, как напрыглись плечи девушки.

Килара надвигалась на нее с таким угрожающим видом, что Ф'нор счел уместным быстро вклиниться между женщинами. Он помнил, что Килара отличалась слишком горячим нравом.

— Все произошло чересчур быстро, Килара, — сказал всадник, дипломатично улыбаясь. — Хорошо, что мы успели спасти хотя

бы этих. Ты не слышала сигнала Кант'а? Очень жаль. Может, и тебе удалось бы запечатлеть файра.

Килара остановилась с разгона, ее просторная юбка облепила ноги. Она посмотрела на Ф'нора, раздраженно теребя рукав, — при этом, однако, не забывая прикрывать синяк на предплечье. Было ясно, что Брекка находится под надежной защитой. Килара развернулась и заметила Миррим. Она величественно направилась к девочке; уstraшенная ее суровым видом, та виновато оглянулась на Брекку. Нараставшее в комнате ментальное напряжение разбудило файров. Две зеленых зашипели на Килару, но в этот момент ее внимание привлек хрустальный блеск чешуи бронзового, свернувшегося на плече Г'зела.

— Я хочу бронзового! Конечно же! Бронзовый — какая прелесть! — жадно воскликнула она.

В тоне ее голоса, в хищном блеске глаз было что-то отвратительное, непристойное. Ф'нор вздрогнул, ощутив, что волосы на затылке встали дыбом.

— Бронзовый дракончик на моем плече будет прекрасно смотреться, — продолжала Килара, направляясь к несчастному Г'зелу; в ее намерениях сомневаться не приходилось. Г'зел был всего-навсего зеленым всадником, да еще чужаком в Южном, прибывшим на лечение. Вряд ли он мог дать отпор госпоже Вейра, тем более — в таком состоянии. Всадник, однако, поднял руку, призывая к осторожности.

— Я же сказал, они все запечатлены, Килара, — быстро произнес Ф'нор. — Не советую тебе его трогать.

— Запечатлены, говоришь? — Женщина колебалась; потом, фыркнув, заявила: — Это всего лишь ящерицы!

— А как ты думаешь, из каких животных Перна были выведены драконы?

— Ха! Сказки для младенцев! Сделать боевого дракона из ящерицы? Чушь! — Она потянулась к крошке-бронзовому.

Тот расправил крылья и угрожающе зашипел.

— Если он цапнет тебя, не вини Г'зела, — со всей возможной любезностью предупредил Ф'нор, стараясь сдержать гнев. У него чесались кулаки, но, к сожалению, нельзя воздействовать на госпожу Вейра силой — она находится под защитой своей королевы. Впрочем, словом тоже можно нанести удар.

— Откуда ты знаешь, что они похожи на драконов? — возразила Килара, бросив на коричневого всадника подозрительный взгляд. — Раньше никто не имел с ними дела. Вы только что поймали их.

— Конечно, ни в чем нельзя быть уверенным, — спокойно от-

ветил Ф'нор. Раздражение его внезапно прошло, и он решил развлечься. Одно удовольствие поглядеть, как Килару корежит от зависти! Он решил подбросить дров в этот костер: — Да, я не уверен... и все же — какое сходство! Посмотри-ка, вот моя маленькая королева...

— Ты? Запечатлил королеву? — у Килары перекошилось лицо, когда Ф'нор небрежно расстегнул рубашку и продемонстрировал сонную золотую ящерку.

— Сначала она испугалась и ушла в Промежуток. Мы ощутили ее страх — страх и любопытство. И она явно различала наши эмоции и чувствовала, что ей не причинят зла. Она вернулась, очень голодная, и я покормил ее. Кант' сказал, что ящерка только что вылупилась. Вот и вся история. Нам удалось запечатлить и спасти этих семерых, остальные растерзали друг друга. Сколько времени они останутся с нами, нуждаются ли они в пище и общении — кто знает? Но драконы не отрицают кровного родства с этими созданиями, у них есть свои способы проверки.

— Как же вам удалось их запечатлить? — дрожащими губами пробормотала госпожа Южного. — До сих пор никто не ловил файров...

Ради того, чтобы Килара день за днем жарилась на песчаном берегу и оставила в покое Вейр и Брекку, Ф'нор был готов рассказать ей что угодно, даже дважды.

— Чтобы запечатлить их, нужно найти кладку и быть рядом, когда они начнут появляться на свет — так же, как с драконами. Если повезет, получишь файра... а остальные — те, кто выжил, — останутся, я думаю, дикими. И поймать их уже невозможно — они тут же скроются в Промежутке. — Ф'нор закончил объяснения. «Раньше в Промежутке наступит теплая ночь, чем ты разыщешь кладку, дорогая», — добавил он про себя.

Килара тяжелым взглядом обвела Миррим, затем Г'зела; молодой всадник в смущении начал переминыться с ноги на ногу, а маленький бронзовый файр тревожно забил крылышками.

— Ну, хватит сказок. В Вейре много работы, и мы не можем растрчивать время на бесполезных зверюшек. И если кто-нибудь станет увиливать от дела, я...

— Только работа... и никаких блужданий по пляжам, да, Килара? — ухмыльнулся Ф'нор. — Пока ты первой не наткнешься на кладку, верно?

— У меня найдутся занятия получше, — прошипела женщина и, колыхая юбкой, величественно выплыла из хижины.

— Мне кажется, стоит предупредить файров, — весело сказал Ф'нор, чтобы разрядить напряжение.

— Нельзя спастись от тех, кто похож на Килару. — Брекка осторожно протянула всаднику забинтованного синего файра. — Можно только научиться терпеть их.

Г'зел издал странный звук, словно у него запершило в горле, и вскочил с табурета; потревоженный бронзовый недовольно свистнул.

— Как ты можешь говорить так, Брекка! Она — подлая, подлая... и ненавидит тебя! — закричала Миррим и тут же стихла под суровым взглядом своей приемной матери.

— Не суди, если не имеешь сострадания, — покачала головой Брекка. — Я тоже не позволю бросить дело ради игр с этими красавцами. Не знаю, стоило ли спасать их.

— Не суди, если не имеешь сострадания, — парировал Ф'нор.

— Они нуждались в нашей помощи, — сказала Миррим с таким волнением, что тут же сконфузилась и сделала вид, что страшно занята со своим коричневым.

— Да, нуждались, — согласился Ф'нор, чувствуя, как тело золотой ящерики доверчиво прильнуло к его груди. — А настоящие люди дракона, в одиночку или все вместе, должны ответить на крик о помощи.

— Миррим запечатлила троих, хотя родилась не в Вейре, — сухо заметила Брекка. — И если не только всадники способны ловить файров, то для их спасения не жалко никаких усилий.

— Почему?

Брови Брекки слегка шевельнулись, словно она удивилась, как он мог не понимать очевидных вещей.

— Ф'нор, Ф'нор... Знаешь ли ты холдера, который не мечтал бы поймать файра — просто потому, что они похожи на маленьких драконов? Нет, не перебивай меня... Я вспоминаю своих братьев... Ночь за ночью они обсуждали, где найти, как поймать огненную ящерицу! Не думаю, что кому-то хоть раз улыбнулась удача... Но, быть может, правдива старая легенда о том, что драконы — наши драконы — были выведены из файров. — Взгляд девушки смягчился, и она нежно погладила крошку-бронзового, дремавшего на сгибе ее руки. — Значит, поколения холдеров были на правильном пути. И теперь их мечта близка к осуществлению. Эти создания, подобно драконам, пленяют сердца людей... — Брекка смущенно улыбнулась и вдруг вскинула на Ф'нора заблестевшие глаза. — Подумай только — у каждого холдера будет свой крохотный дракон... Неплохо, верно?

— Брекка, неужели ты думаешь, что очаровательные ящерики сумеют вселить в сердце Мерона Наболского или Винцета Нератского любовь к всадникам? — Ф'нор покачал головой, стара-

ясь не рассмеяться. Девичьи мечты... Эта Брекка — тихий омут, где пловец подстерегает множество неожиданностей.

Девушка обожгла Ф'нора столь суровым взглядом, что он пожалел о своих словах.

Г'зел нерешительно кашлянул.

— Прости, Ф'нор... Я думаю, Брекка права. Я родился в холде, ты — в Вейре. Ты не можешь представить, что я чувствовал, мечтая о всадниках, о драконах... Я не знал, что тоже способен на такое, — пока не запечатлил Рот'а. — Он сделал паузу, снова переживая этот момент, лицо его озарилось улыбкой. — Стоит попробовать. Пусть файры бессловесны... Они не драконы и многого не понимают... Все равно стоит попробовать. Взгляни, Ф'нор, на очаровательное создание на моем плече. Эта кроха меня обожает. Он готов был вцепиться в лицо госпожи Вейра, лишь бы не покидать меня. Ты, всадник, привык к такой любви с детства... Ты не понимаешь, как... как захватывает это другого человека.

Ф'нор поглядел вокруг, на Брекку, на Миррим, на остальных всадников.

— Неужели вы все — из холдов? Я не представлял себе... Если человек становится всадником, так быстро забываешь, что когда-то он принадлежал к другому роду...

— Я выросла в мастерской, — произнесла Брекка, — но все, что сказал Г'зел, верно и для холда, и для цеха.

— Может быть, стоит подсказать Т'бору, что патрули Южного теперь должны наблюдать не только за небом, но и за пляжами на побережье? — предложил Ф'нор с хитрой усмешкой.

— Не беспокойся... До этого Килара додумается сама... — едва слышно пробормотал тоненький голосок — кажется, из угла, где Миррим баюкала своего раненого файра.

Глава 5

Середина утра в холде Руат.

Ранний вечер в Бенден-Вейре

Удовольствие Джексома от полета на драконе, от того, что его пригласили в Бенден-Вейр, было безнадежно испорчено строгим выговором опекуна. Джексому следовало бы помнить, что нельзя заставлять Лайтола беспокоиться за него и что его, Джексома, безопасность является гораздо более важным делом, чем вредная детская привычка убегать в неиспользуемые, пустынные коридоры холда и бродить там часами. После таких выволочек Джексом

всегда ходил подавленным. Он вовсе не собирался раздражать Лайтола, но, казалось, он никогда не сможет угодить ему, как бы ни старался. Существовало такое неимоверное количество вещей, которые он, Джексом, лорд холда Руат, должен знать, должен делать, должен понимать, что голова просто шла кругом — и ему приходилось скрываться куда-то, где он мог снова стать самим собой, где он мог думать. А единственным безлюдным местом, куда никто не придет и не побеспокоит тебя, никто не прервет твоих размышлений, были глубокие тоннели и переходы, выдолбленные в самой толще скального монолита — который, собственно, и являлся Руат-холдом. И хотя мальчик мог заблудиться там или попасть в завал, Джексом не думал об опасности (правда, ни в памяти людей, ни в Архивах холда не сохранилось данных о случаях оседания руатанских пещер). Он превосходно ориентировался в этом лабиринте. Кто знает? Однажды его исследования могут спасти Руат... От другого захватчика — вроде Фэкса, его отца... Здесь у Джексома обычно случалась заминка. Отец, которого он никогда не видел, мать, умершая при родах, — это они сделали его лордом Руата, хотя мать сама родилась в холде Кром, а отец — из Плоскогорья. Лишь Лесса, нынешняя госпожа Бенден-Вейра, была последней законной наследницей руатанской линии. Правда, леди Гемма состояла в каком-то дальнем родстве с лордами Руата, но очень уж дальнем... Тут существовало противоречие, неясное ему.

Сейчас Джексом переменял потрепанное повседневное платье на прекрасный новый наряд: штаны, рубашу, куртку из кожи, высокие башмаки до колен. Но даже они не спасут от чудовищного холода Промежутка. Джексом содрогнулся от ужаса. Кажется, что тебя подвесили в нигде, в никогда... Твое горло оледенело, внутренности смерзлись, и ты боишься лишь одного — не увидеть вновь света дня... или хотя бы ночной тьмы, в зависимости от времени суток в том месте, куда направляешься. Однако Фелессану он все же завидовал — хотя не было никаких гарантий, что его друг пройдет Запечатление и станет всадником. Но Фелессан жил в Вейре — в Бенден-Вейре, у него были мать и отец, и его окружали всадники, и...

— Лорд Джексом! — Зов Лайтола донесся с большого внешнего двора Руат-холда, и мальчик бросился туда, вдруг испугавшись, что опекун улетит без него. Всего лишь зеленая, подумал Джексом с некоторым разочарованием. Могли послать как минимум коричневого — для Лайтола, управляющего Руата, который раньше и сам был всадником. Затем Джексома охватило раскаяние. Ларт', дракон Лайтола, погиб, и с ним умерла половина

души человека; мрачной тенью бродит он теперь среди живых, не в силах забыть свою потерю. Для него полет на чужом драконе, какого цвета бы он ни был, — тяжелое испытание.

Зеленый всадник добродушно усмехнулся, когда Джексом вскарабкался наверх по передней ноге зверя.

— Доброе утро, Джералт, — сказал юный лорд, порядком удивленный. С этим юношей он играл в нижних пещерах всего два Оборота назад. Теперь прежний подросток превратился в настоящего всадника.

— Зови его Д'ралт, лорд Джексом, — поправил Лайтол своего воспитанника.

— Все в порядке, Джексом, — сказал Д'ралт и затянул на талии мальчика предохранительный пояс.

Джексом был готов утопиться; Лайтол сделал ему замечание в присутствии Дже... нет, Д'ралта, а сам он забыл о почетном имени молодого всадника! Расстроенный, он не испытал ни трепета восторга при взлете, ни удовольствия от вида больших башен Руата, проваливающихся вниз, от созерцания долины, извилистой, словно гибкая шея дракона... Но пока они кругами поднимались вверх, Джексом, чтобы сохранить равновесие, прижал ладони к неожиданно мягкой коже зверя; тепло огромного тела, казалось, успокоило его. Затем он увидел растянувшихся в ряд крестьян на полях — задрав головы, люди смотрели вверх, на дракона. Знают ли эти хвастливые мальчишки из холда, что он, Джексом, лорд Руата, мчит на его спине? Джексом окончательно пришел в себя.

Стать всадником... Несомненно, это самое прекрасное на свете! Джексома охватила жалость к Лайтолу — он обладал этим счастьем и утратил его... Ему, наверно, так мучительно парить в небе на чужом драконе... Если бы он мог помочь своему воспитателю! Лайтол был справедливым, и если он требовал, чтобы Джексом стал совершенством во всех отношениях, то лишь потому, что альтернативы не существовало. Джексом — лорд холда Руат; большая честь — не меньшая, чем стать всадником.

Раздумья Джексома были внезапно прерваны — дракон нырнул в Промежуток.

Медленно сосчитать до трех, мелькнуло в голове Джексома, — и все закончится. Он потерял ощущения света и звука — и даже мягкой кожи зверя под ладонями. Он попытался считать, но не смог. Его сознание тоже казалось застывшим, замороженным; но в тот момент, когда он был готов взорваться воплем ужаса, прохладный вечерний воздух заполнил легкие. Они парили над Бенденом, и никогда еще чаша Вейра, с ее обрывистыми стенами,

расцвеченными лучами солнца, не казалась столь гостеприимной. Черные отверстие провалы тоннелей, ведущих в логова драконов, беззвучно приветствовали его, ошеломленного, дрожащего.

Когда они по спирали спускались вниз, Джексом увидел бронзового Мнемента — самого большого дракона, когда-либо появлявшегося на свет из яйца, — он отдыхал на карнизе своего вейра. Она, золотая королева Бендена, — на площадке Рождений, догадался Джексом. Там, на теплых песках, под сводами необъятной пещеры, зрела новая кладка. Скоро Запечатление. В кладке есть королевское яйцо... Джексом слышал, что во время Поиска была отобрана одна из руатанских девушек. Госпожа Бендена — тоже из Руата. Его холд дал Перну много повелительниц... Мардра, конечно, не столь прославлена, как Лесса или Морета, но и она из Руата. У нее, правда, были забавные представления о холде... и она всегда раздражала Лайтола. Джексом знал это наверняка — он видел, как начинает дергаться в тике щека опекуна. Когда приходила Лесса, такого не было. Но Лесса давно уже не появлялась в Руате.

Когда они в очередной раз повернули, юный руатанский лорд увидел ее. Вместе с Ф'ларом она стояла на карнизе королевского вейра. Зеленая испустила переливчатую трель; в ответ раздался низкий рык Мнемента. Грохочущее эхо заматалось меж стен чаши. Значит, Рамот'а, королева, уже знает об их прибытии.

Джексом почувствовал себя гораздо уверенней — особенно когда заметил маленькую фигурку, промчавшуюся по дну котловины к лестнице, что вела в королевский вейр. Фелессан! Его друг! Они не виделись несколько месяцев. Джексом не возражал бы, если б полет длился бесконечно, но ему не терпелось встретиться с Фелессаном.

Под строгим взглядом Лайтола Джексом с некоторой нервозностью выполнил положенные поклоны перед госпожой и проводителем Вейра. Он часто репетировал эти церемониальные движения и питал искреннее почтение к Лессе и Ф'лару, но сейчас, путаясь в словах традиционного приветствия, чувствовал себя глупо.

— Ты приехал! Ты приехал! Я сказал Гандидану, что ты здесь! — Фелессан, перепрыгивая через две ступеньки, взлетел на карниз и бросился к другу, едва не сбив Джексома с ног. Фелессан был на три Оборота младше, но он родился в Вейре и мог бы уже научиться вести себя прилично — тем более что Лесса и Ф'лар, по обычаю, передали его на воспитание приемной матери. Может быть, не все придирки Мардры несправедливы. Она всегда гово-

рила, что манеры людей из новых Вейров оставляют желать лучшего.

Фелессан, словно почувствовав молчаливое осуждение приятеля, подтянулся и безукоризненно вежливо склонился перед Лайтолом.

— Добрый день, господин мой Лайтол. Прими мою благодарность за то, что ты взял с собой лорда Джексома. Можем мы идти?

И, прежде чем кто-нибудь из взрослых успел ответить, он взял Джексома за руку и потащил к лестнице.

— Не лезь в неприятности, Джексом, — напутствовал их Лайтол.

— Здесь трудно влипнуть в какую-нибудь историю, — засмеялась Лесса.

— Сегодня утром я перерыл весь холд, пока нашел его в заброшенных коридорах...

Ну, почему Лайтол должен обо всем рассказывать Лессе? Джексом застонал про себя, вспомнив укоризненный взгляд опекуна.

— Ты что-нибудь нашел? — спросил Фелессан, как только они одолели лестницу.

— Нашел?

— Да, в тех заброшенных коридорах. — Глаза Фелессана расширились, в голосе зазвучали интонации Лайтола.

Джексом с разбега пнул булыжник и, оценив расстояние, на которое отлетел камень, довольно кивнул.

— О, только пустые комнаты и переходы, полные пыли и мусора. Старый тоннель никуда не ведет... там тупик. Ничего стоящего.

— Пойдем, Джекс.

Загадочный тон Фелессана заставил Джексома повнимательнее взглянуть на приятеля.

— Куда?

— Я покажу тебе.

Мальчик повел Джексома в нижние пещеры, в главный зал — большую камеру со сводчатым потолком, служившую для трапез и вечерних бесед. В воздухе стоял запах теплого хлеба и вареного мяса. Приготовления к обеду шли полным ходом; столы были уже накрыты, женщины и девушки сутились вокруг, не забывая работать языками. Фелессан, прошмыгнув мимо длинного стола, ухватил с тарелки пригоршню сырых овощей.

— Не растаскивай обед, ты, недомерок! — закричала одна из женщин, замахиваясь половником вслед удиравшей парочке. — И добрый день тебе, лорд Джексом, — добавила она тоном ниже.

Отношение обитателей Вейра к нему и к Фелессану не пере-

ставало удивлять Джексома. Разве Фелессан не был так же важен, как и лорд холда? Но никто не присматривал за ним постоянно, никто не боялся, что он вдруг рассыплется на части.

— Ты счастливый, — вздохнул Джексом, прожевав свою долю добычи приятеля.

— Почему? — с удивлением спросил младший.

— Ты... ты живешь, просто живешь, и все...

Фелессан пожал плечами, с удовольствием хрупая сочным клубнем. Он повел Джексома дальше, в следующее помещение, которое было ненамного меньше главного зала — только потолок пониже. Широкий каменный балкон с перилами опоясывал его на высоте двух человеческих ростов; с него можно было попасть в отдельные спальни, кольцом окружавшие пещеру. Сама пещера предназначалась для разных домашних дел, но сейчас у прялок и ткацких станков никого не было — женщины собирали обед. Около большого бассейна, в дальнем конце пещеры, группа мальчишек — примерно возраста Фелессана — собралась в тесный кружок. Один из них отпустил какую-то шутку — громко, специально для того, чтобы ее услышали, но, к счастью, все потонуло во взрывах громкого хохота.

— Пойдем, Джексом, скорей! Пока кто-нибудь из этих сосунков не увязался за нами.

— Но куда?

Фелессан повелительно взмахнул рукой, призывая друга к молчанию. Он быстро посмотрел назад, словно боялся, что за ними следят, и со всех ног бросился по коридору, погруженному в полумрак. Джексом ускорил шаги, чтобы не отстать.

— Эй, я не хочу и тут попасть в переделку, — сказал он, сообщив, что Фелессан ведет его все глубже и глубже в лабиринт коридоров.

Одно дело, полагал Джексом, искать приключений в своем родном холде, но совсем другое — вторгаться непрошеным гостем в чужой дом, тем более — в Вейр. Это походило на святотатство; так говорил его опекун, сам бывший всадник. И даже если бы Джексом согласился снести его гнев, он ни за что, ни за что не рискнул бы рассердить Лессу... или — он произнес мысленно имя — самого Ф'лара!

— В переделку? Нас никто не поймает. Все слишком заняты обедом. И потом... мне тоже придется остаться, если ты не пойдешь. — Мальчишка хитро усмехнулся. — Ну, давай!

Они вышли к развилке; левый проход вел глубже в Вейр, другой, почти не освещенный, заворачивал вправо. Джексом зако-

лебался. Было ясно, что этот коридор давно не использовали. Кто станет зря жечь масло в светильниках?

— Что случилось? — спросил Фелессан, покосившись на своего нерешительного гостя. — Боишься?

— Боюсь? — Джексом быстро шагнул к приятелю. — При чем здесь страх?

— Тогда идем. И потише...

— Почему? — спросил Джексом шепотом.

— Увидишь. Только не шуми, ладно? И возьми это.

Из тайника в стене Фелессан достал два маленьких светильника. Запалив фитили от пламени ближайшего факела, он сунул один светильник в руки Джексому, другой оставил у себя. Какие бы возражения ни роились в голове руатанского лорда, мерцавший в глазах приятеля вызывающий огонек решил дело. И когда Фелессан, повернувшись, двинулся по коридору, Джексом пошел за ним. Видимо, это место давно не посещалось взрослыми; все отпечатки в пыли, покрывавшей пол, были маленькими. Следы Фелессана? Куда он ведет его?

Они миновали ниши с наглухо запертыми дверьми; их бронзовые потемневшие створки отсвечивали в слабом пламени светильников, бросая на стены зловещие блики. Почему Фелессан не взял светильники побольше? В этих скоро кончится масло... Долго ли им еще идти? Джексому не хотелось бродить по заброшенным залам и пустым коридорам без света... Сердце его учащенно билось, пугающие тени метались по стенам, воображение населяло каждый темный угол неведомой опасностью... Но он ни о чем не спрашивал. Что тут было раньше, для чего предназначался весь этот лабиринт в глубоком чреве Вейра? Слева выплыл огромный прямоугольник мрака... вход в какую-то гигантскую пещеру. Джексом судорожно сглотнул, но Фелессан целеустремленно шагал дальше; слабый огонек светился впереди и на миг замер у разверстого зева бокового прохода.

— Поторопись, — резко приказал мальчик.

— Зачем? — Джексом с удовольствием отметил, что голос его не дрожит.

— Потому что в это время она всегда ходит к озеру... и это единственная возможность для нас.

— Возможность? Для чего? И кто это — она?

— Рамот'а, тугодум. — Фелессан неожиданно остановился, и Джексом налетел на него. Огонь светильника заколебался, замерцал, потом язычок пламени снова стал ровным.

— Рамот'а?

— Конечно! Или ты боишься пробраться туда, где можно поглядеть на яйца?

— На ее яйца? Честно? — Благоговейный ужас боролся в его душе с жадным любопытством. Как будут завидовать мальчишки Руата!

— Честно! Пойдем, скорей!

Теперь Джексом без страха шел по незнакомым коридорам — конец пути обещал так много... К тому же Фелессан, видимо, хорошо знал дорогу. Их ноги взбивали пыль, что копилась тут сотни Оборотов; огоньки светильников стали почти не видны, но впереди показался слабый проблеск света.

— Нам туда, — показал Фелессан.

— А ты был когда-нибудь на Запечатлении?

— Еще бы! Вся наша шайка глядела на последнее. Ого-го, там было на что посмотреть! Потрясающе! Сначала яйца раскачивались туда-сюда, а потом появились трещины, такие большие... Понимаешь, крак! — и вниз по яйцу, вот так... — Фелессан провел пальцем по округлому корпусу своего светильника; его глаза горели от возбуждения. — А потом, потом... — голос мальчишки понизился до драматического шепота, — одно огромное, величинной с целого дракона, вдруг как расколется... и оттуда — голова... Знаешь, какого цвета был первый?

— Разве цвет нельзя определить по скорлупе?

— Нет, только у королев... Их яйца — самые большие и светятся по-особенному... Ну, увидишь.

Джексом сглотнул, чувствуя, что теперь его ничто не остановит. Ни один парень в холде не видел яиц дракона, не был на Запечатлении... Если немного приврать...

— Эй, не наступай мне на пятки, — прошипел Фелессан.

Лучик света впереди стал ярче, расплылся в пятно, которое блестящим неровным прямоугольником легло на стену. Смешавшись с ним, желтоватый свет от глиняных светильников позволил различить конец коридора — хаос камней, смешанных с песком. Старый оползень... Но Джексома это уже не волновало. Он мог разглядывать пестрые яйца дракона, созревающие на теплом песке площадки Рождений! Щель в стене, к которой приникли мальчишки, была достаточно широка для двоих. Джексом смотрел, как зачарованный.

— А где королевское яйцо? — спросил он благоговейным шепотом.

— Теперь можешь говорить громче. Понял? Видишь, площадка пуста... Рамот'а уже ушла к озеру.

— Где же королевское яйцо? — повторил Джексом, со стыдом услышав собственный срывающийся голос.

— Отсюда не видно... Оно там, с другой стороны...

Джексом вытянул шею, пытаясь поймать блеск золотого яйца.

— Ты очень хочешь его увидеть?

— Еще бы! Когда шел Поиск, из нашего холда взяли Талину. Она будет госпожой Вейра. Королевы всегда выбирают девушек из Руата.

Фелессан пристально посмотрел на приятеля, потом пожал плечами. Повернувшись боком, он втиснулся в щель, ловко проскользнув меж зазубренных камней.

— Давай! — поторопил он друга хриплым шепотом.

Джексом подозрительно уставился на щель. Он был крупнее и выше Фелессана. Сравнив размеры своего тела и щели, он сделал глубокий выдох и ринулся вперед. Левая рука и нога прошли прекрасно, но грудь застряла в тесном проломе. Фелессан, вспомнив о долге хозяина, схватил его за руку и дернул изо всех сил. Джексом мужественно сдержал крик боли, когда каменное острие впилось в кожу на груди, а другое оцарапало колено.

— А, тухлая скорлупа! Прости, Джекс, я не хотел!

— Я же не просил тебя тянуть! — Но, заметив виноватое выражение на лице мальчишки, юный руатанский лорд добавил: — Ничего. Я думаю, все в порядке.

Фелессан расстегнул его рубашку и стал ладонью стирать кровь с груди. Джексом зашипел от боли и отбросил руку приятеля. Хватит, он достаточно намучился, когда камень прорвал ткань и разорвал кожу. Потом он увидел большое золотое яйцо, покоившееся чуть в стороне от пестрой груди.

— Оно... оно... так блестит, — пробормотал Джексом; его терзали страх, любопытство и нарастающее чувство, что он совершает святотатство. Только рожденные в Вейре имели право видеть яйца.

— И самое большое к тому же, — рассудительно заметил Фелессан. — Куда больше, чем последнее королевское яйцо в Форте. Их порода мельчает.

— А Мардра говорит, что драконы Бендена слишком большие и неповоротливые... не могут быстро маневрировать в воздухе.

— Мардра! Н'тон сказал, что у нее шило в заднице... И как она обращается с Т'роном!

Эту тему Джексому развивать не хотелось. Как-никак, Руат был под защитой Форт-Вейра, и хотя он сам не особенно жаловал Мардру, ему не следовало прислушиваться к таким разговорам.

— Смотри, а вот это совсем крохотное... вроде яйца стража порога. Вдвое меньше остальных.

Он коснулся гладкой скорлупы яйца, которое тоже лежало в стороне, около самой стены.

— Эй, не трогай его! — испуганно воскликнул Фелессан.

— Почему? Разве я могу чем-нибудь повредить ему? Крепкое, как кожа. — Джексом осторожно постучал по скорлупе костяшками пальцев, затем положил ладонь на пеструю поверхность. — Теплое!

Фелессан попытался оттолкнуть его прочь от яйца.

— Нельзя касаться яиц! Никогда! Пока не наступит твой Оборот. И ты — не из Вейра!

Джексом презрительно посмотрел на него.

— Ты боишься? — Он снова погладил яйцо, показывая, что уж ему-то страх неведом.

— Я не боюсь. Но ты не должен трогать яйца, — и Фелессан шлепнул нечестивца Джексома по руке, — пока тебя не выберут для Запечатления. А тебя не выбрали... и меня тоже — пока.

— Зато я — лорд.

Джексом гордо выпрямился. Он не в силах был бороться с желанием еще раз погладить маленькое яйцо. Оно выглядело таким одиноким, заброшенным — в стороне от остальной пестрой группы. К тому же, хотя быть повелителем целого холда очень почетно, он втайне завидовал Фелессану. Вот если бы хоть на миг представить себе, что он тоже может стать всадником...

— То, что ты — лорд, будет стоить дешевле горсти песка в Айгене, если Рамот'а вернется и застучает нас здесь, — напомнил Фелессан и резко потянул его к щели в стене.

Неожиданно в дальнем конце пещеры послышался шум, и мальчики испуганно переглянулись. На песке у зияющего провала главного входа задвигались тени. Этого было достаточно. Мальчишки наперегонки бросились к спасительной щели. Фелессан, более проворный и быстрый, первым протиснулся в нее. На этот раз Джексом не возражал, когда приятель, сопя от усилий, тащил его сквозь пролом. Они даже не решились поглядеть, действительно ли в пещеру вернулась Рамот'а. Подхватив светильники, они побежали в спасительную тьму коридора. Там, где поворот туннеля скрыл от них полоску света, падавшую из щели, Джексом остановился. Грудь его тяжело вздымалась, пот жег царапины.

— Пошли, — позвал Фелессан, обернувшись к приятелю.

— Не могу... Грудь... — Он опустил на корточки.

— Так плохо? — Фелессан приподнял свою лампу; кровь сочи-

лась из глубоких порезов, расплываясь на бледной коже Джексома. — Да, неважно выглядит... Пожалуй, лучше отвести тебя к Маноре.

— Я... я... только... чуть отдохну.

Огонек светильника Джексома заколебался в такт его тяжело-му дыханию и погас.

— Теперь нам придется идти медленно, — сказал Фелессан дрогнувшим голосом.

Джексом встал на ноги, храбро поборов панику. Он чувствовал ледяной ком в животе и жжение в груди; пот каплями выступил на лбу.

— Идем быстрее, — сказал он, сжав бесполезную лампу, и побрел по коридору.

Они шагали, придерживаясь внешней стены; вдоль нее тянулась цепочка следов, их вид придавал мальчишкам мужества.

— Что-то больно долго идем, — заметил Джексом, когда огонек второго светильника начал угрожающе мигать.

— А...а... Нет, пожалуй. Но...

— В чем дело? — Джексом почувствовал неуверенность в голосе Фелессана.

— Мы... Кажется, мы потеряли след.

Им не пришлось долго брести назад; огонек погас, и приятели очутились в темноте.

— Что нам делать, Джексом?

— Ну, в Руате, — произнес Джексом, глубоко вздохнув, чтобы голос снова не подвел его, — когда я теряюсь, Лайтол посылает людей на поиски.

— Значит, ты потеряешься, как только Лайтол соберется домой. Он никогда не задерживается у нас надолго.

— Если только его не пригласили пообедать... и он не согласился. Правда, ты говорил, что обед совсем скоро... — сказал Джексом, с горечью чувствуя, что зря ввязался в такую непродуманную экспедицию. Он снова вздохнул — на этот раз потому, что вспомнил про обед. — Ты хоть представляешь, где мы теперь?

— Нет. — Казалось, это признание было исторгнуто из глубины души Фелессана. — Я всегда шел по следам. И сейчас тоже. Здесь были следы. Ты же их видел.

Джексом неопределенно помотал головой. Соглашаться ему не хотелось — это значило бы, что он также повинен в том, что они сбились с пути.

— А другие коридоры, которые мы проходили по дороге к дыре? Куда они ведут? — спросил он наконец.

— Не знаю. Здесь страшно много пустых вейров... и я... я никогда не ходил дальше той щели.

— Так что с другими коридорами? Как далеко они ведут?

— Гандидан всегда рассказывал, куда он ходил, но... но... Я ничего не помню-ю-ю!

— Ради Яйца, не реви!

— Я не реву! Я голодны-ы-ы-ый!

— Голодный? Отлично! Можешь ты учуять запах обеда? Когда мы шли по этим страшным ходам, мне кажется, даже там пахло едой.

Они дружно засопели, втягивая носами воздух. Пахло плесенью, и ниоткуда не тянуло упоительным ароматом тушеного мяса. Тут Джексом вспомнил, что иногда можно найти выход по дуновению свежего воздуха. Однако затхлый, застоявшийся воздух был неподвижен. Мальчик вытянул руку, чтобы коснуться стены; гладкий холодный камень под пальцами успокаивал. В Промежутке ничего нельзя ощутить, а этот тоннель был почти таким же темным. В груди пульсировала боль — в такт ударам крови в висках.

Со вздохом Джексом оперся спиной о гладкую стену и, съехав вниз, шлепнулся на каменный пол.

— Джекс?

— Все в порядке. Я просто устал.

— Я тоже. — Фелессан облегченно засопел и опустил рядом, прижавшись к плечу Джексома. Чувствуя тепло друг друга, они понемногу успокоились.

— Хотел бы я знать, на что это было похоже... — мечтательно произнес Джексом.

— Что — это? — переспросил Фелессан с некоторым удивлением.

— Вот это место... Когда все Вейры и холды были полны народа... Когда эти коридоры сияли светом и...

— Ими никогда не пользовались!

— Ерунда. Никто зря не долбит проходов в камне. И Лайтол говорил, что в Бендене больше пятисот вейров, а занята только половина.

— У нас теперь четыреста одиннадцать драконов!

— Да, конечно, но десять Оборотов назад не было и двухсот... Зачем же столько вейров, если они не использовались раньше? И зачем эти залы, и ненужные комнаты, и коридоры... тысячи и тысячи шагов... зачем все это в Руате, если там никогда не жили люди?

— Ну?

— Я думаю, куда они все подевались? А главное, как они вырезали изнутри целые горы?

Определенно, такие материи никогда не волновали Фелессана. Но Джексом не мог остановиться.

— А ты замечал — одни стены гладкие, как...

Гладкие! Он замолчал, ошеломленный догадкой. Потом обернулся и робко провел ладонью по стене. Она была гладкой. Джексом сглотнул; царапины на груди стали печь еще сильнее.

— Фелессан?

— Что... что случилось?

— Эта стена гладкая.

— Что с того?

— Но она гладкая! Не шершавая!

— Это что-нибудь значит? Скажи! — потребовал Фелессан почти сердито.

— Она гладкая. Это старая стена.

— Ну?

— Мы в старой части Бендена. — Джексом встал и сделал несколько шагов, касаясь стены пальцами.

— Эй, Джекс! — Джексом услышал, как копошится Фелессан, поднимаясь. — Не уходи, Джексом! Я не вижу тебя!

Джексом протянул руку назад, схватил Фелессана за рукав и притянул к себе.

— Держись за меня. Если это старый коридор, рано или поздно он выведет куда-то. Либо в тупик, либо в жилое место... Должен вывести!

— А откуда ты знаешь, что мы идем в верном направлении?

— Я не знаю... Но лучше идти, чем просиживать тут задницу и сосать палец от голода.

Джексом двинулся вперед, держась одной рукой за стену и ухватив другой Фелессана за пояс.

Они прошли не больше двадцати шагов, когда ладонь Джексома нащупала щель. Длинный паз, прорезавший стену перпендикулярно полу. Он резко остановился.

— Эй, предупреждать надо! — вскрикнул Фелессан, ткнувшись носом в спину приятеля.

— Я что-то нашел...

— Что?

— Щель... края ровные, идет вверх и вниз... — Джексом протянул обе руки, пытаясь ощупать паз, который мог быть дверным проемом.

На высоте плеча, как раз за вторым краем прямоугольной выемки, его пальцы наткнулись на квадратную пластинку. Почти

инстинктивно Джексом надавил ее, и вдруг стена, перегораживающая коридор, начала с грохочущим стоном сдвигаться вбок. За ней блеснул свет.

У мальчиков было только несколько секунд, чтобы разглядеть чудесный свет, вспыхнувший по другую сторону порога; затем инертный газ, заполнявший помещение, хлынул наружу и погрузил их в беспамятство. Но светлое сияние не исчезло и привело к ним спасателей.

* * *

— Сегодня утром я перерыл весь холд, пока нашел его в заброшенных коридорах, — сказал Лайтол Лессе, наблюдая за мальчишками, бежавшими к нижним пещерам.

— Ты забыл времена собственного детства. — Ф'лар рассмеялся и церемонным жестом пригласил управляющего Руат-холда в вейр. — Разве ты не исследовал дальние коридоры, когда был подростком?

Лайтол нахмурился, потом фыркнул, сдерживая улыбку.

— Тут есть небольшая разница... Я не был наследником холда.

— Но, Лайтол, сейчас неважно, наследник он или нет. — Лесса подхватила гостя под руку. — Джексом — мальчишка, такой же, как другие. Только не подумай, что я упрекаю тебя. Он прекрасный паренек, быстро растет... Ты можешь им гордиться.

— Держится как настоящий лорд, — рискнул добавить Ф'лар.

— Я делаю все, что могу...

— И делаешь превосходно, — с воодушевлением провозгласила Лесса. — Как он вырос — с тех пор, как я видела его в последний раз!

Внезапно щека Лайтола передернулась, и Лесса почувствовала беспокойство. Может быть, Мардра недовольна мальчиком? Этой вздорной бабенке лучше бы не вмешиваться, не то... Но она тут же сурово напомнила себе, что и ее можно обвинить в намеренном вмешательстве — прямо сейчас. Ведь это она попросила привезти Джексома в Бенден. Когда Мардра узнает, что мальчик был тут вместе с Лайтолом...

— Я рад, госпожа, что ты довольна, — сказал бывший всадник. И то, как он подчеркнул обращение к ней, только усилило подозрение Лессы.

Они переступили порог вейра. Из-за стола, приветствуя Лайтола, поднялся Робинтон. А вот лицо Фандарела приняло похоронное выражение, и только потом он через силу улыбнулся. Видимо, Лайтол показался ему неподходящим собутыльником.

Пока Ф'лар рассаживал гостей, Лесса налила вина.

— Караван с новым урожаем уже прибыл, но вино пока не отстоялось, — с улыбкой сказала она Робинтону. Про арфиста сплетничали, что в Бенден его притягивают не хорошая компания и не дела, а запотевшие кувшины да объемистые бурдюки. — Придется тебе иметь дело с остатками прошлогодней десятины.

— Вино Бендена так же приятно мне, как и его хозяйка... — По-видимому, хитрец решил, что его тонкий комплимент заслуживает вознаграждения — и тут же принял к чаше.

— Я счастлив видеть вас здесь, — начал Ф'лар, взяв руководство в свои руки. — И прошу извинить, если мое приглашение оторвало вас от дел. Однако...

— Посетить Бенден — такое удовольствие... — промурлыкал Робинтон и с заблестевшими глазами снова потянулся к вину.

— У меня есть кое-какие новости, так что мы не потратим времени зря, — громыхнул Фандарел. — Рад встретиться с вами.

— И я тоже, — мрачно сказал Лайтол; щека его дернулась от тика.

— Я должен сообщить вам очень серьезные известия, — продолжал Ф'лар, терпеливо выслушав реплики гостей, — и узнать ваше мнение. Нити упали преждевременно...

— И не раз! — добавил Робинтон; в его голосе не осталось и следа недавнего легкомыслия. — Барабаны принесли вести из Тиллека и Крома.

— Я бы хотел, — сухо сказал Ф'лар, сверкнув зубами в гримасе, — чтобы меня тоже сочли достойным доверия. Тебя не удивляет молчание Вейров, Робинтон?

Он считал мастера-арфиста своим другом.

— Мой цех связан обязательствами с Фортом, мой дорогой Ф'лар, — ответил мастер со странной улыбкой. — Впрочем, предводитель Т'рон не склонен придерживаться обычаев в той их части, где говорится, что к советам мастера-арфиста надо прислушиваться, особенно когда все обстоит благополучно. У меня не было возможности связаться с Бенден-Вейром быстро и тайно.

Ф'лар глубоко вздохнул: Робинтон подтвердил тот факт, что Т'рон ничего не знал.

— Т'кул ничего не сделал, чтобы предупредить остальных предводителей о неурочном появлении Нитей над Тиллеком.

— Это меня не удивляет, — цинично ухмыльнулся арфист.

— Только сегодня мы узнали, что Р'март был настолько изранен в битве над Кромом, что был не в состоянии разослать посыльных.

— Ты хочешь сказать, что безмозглая госпожа Беделла забыла это сделать? — перебила Лесса.

Ф'лар не стал спорить и продолжил:

— Мы, в Бендене, впервые узнали об изменении ритма атак, когда Нити появились утром на северо-востоке Лемоса — хотя по расписанию падение ожидалось на юго-западе, вечером. Я всегда посылаю в холды наблюдателей за день до атаки, поэтому нас вовремя известили. Леса Лемоса удалось отстоять.

— Ты думаешь, таблицы неверны? — воскликнул Лайтол. Недобрая весть согнала краски с лица управляющего Руата. — Я слышал разное... и считал все это сплетнями.

Наблюдая за реакцией Лайтола, Ф'лар сурово покачал головой.

— На них нельзя больше полагаться; что-то изменилось, — сказал он. — Напомню вам, как Лесса напомнила мне, что путь Алой Звезды иногда искажается, и тогда она проходит далеко от Перна. Какие-то небесные тела влияют на нее — и могут вызывать изменения в периодичности атак. Такое предположение, по крайней мере, логично. Что касается таблиц... Что ж, наберем данных и составим новые таблицы.

Лайтол непонимающе уставился на него.

— Но сколько это займет времени? Теперь, после трех атак, ты должен что-то предвидеть... У меня засажены новые участки... Как защитить их, если не знаешь, когда и где упадут Нити? — Он с трудом взял себя в руки. — Прости... но... но... Это ужасные новости. Не знаю, как остальные лорды воспримут их... вдобавок ко всему остальному. — Он быстро глотнул вина.

— Что ты подразумеваешь под остальным? — вздрогнув, спросил Ф'лар.

— Ну... то, как ведут себя Вейры... Несчастье в долине Эсвай... и эти плантации лорда Сангела...

— Расскажи-ка мне про долину Эсвай и лорда Сангела.

— Разве ты не слышал? — с явным удивлением спросил Робинтон. — Что, Вейры совсем не общаются друг с другом?

— Вейры независимы. — Нахмурившись, Ф'лар стиснул свою чашу. — Мы не вмешиваемся...

— Ты хочешь сказать, что Древние свели контакты с нами к необходимому минимуму, — с железной логикой закончила Лесса. — И нечего хмуриться на меня, ты знаешь, что это так! — Она нахмурилась, вспоминая. — Впрочем, Д'рам и Т'рон, кажется, не меньше нас были потрясены нерадивостью Т'кула. Никому не сообщить о преждевременной атаке! Ну, ладно... Так что же случилось в Эсвае и Южном Болле?

Бесстрастным голосом Робинтон начал рассказ:

— Несколько недель назад Т'кул отказался помочь Мерону Наболскому очистить несколько нор на заросших лесом склонах над долиной Эсвай. Процедил, что это — дело наземных отрядов и что люди Мерона слишком ленивы. Пришлось спалить лес полностью — Нити стремительно размножались. Лайтол знает про этот случай, он посылал помощь... Я встречался с людьми из Эсвая; они потеряли все и очень злы на всадников... Затем, спустя пару недель, Т'рон увел свои крылья по окончании атаки, ни слова не сказав старшим наземных команд. Они были вынуждены сжечь дотла три плантации лунных деревьев, совсем взрослых. Когда лорд Сангел обратился к Т'рону с протестом, тот заявил, что почва была чистой. Так доложили ему наблюдатели... А вот другая история, она тоже вписывается в общую картину. Я слышал о девушках, похищенных под предлогом Поиска...

— Девушки всегда рады попасть в Вейр, — с иронией прервала Лесса арфиста.

— В Бенден-Вейр? Возможно, — согласился Робинтон. — Но мои странствующие музыканты рассказывали о молодых женщинах, оторванных от своих мужей и младенцев. И они вовсе не рвались в наложницы к вождям Древних. Лесса, госпожа моя, все это вызывает ненависть. И раньше существовали зависть, чувство обиды — ведь жизнь в Вейре совсем не такая, как у простых людей. Всадники обладают привилегиями... они могут пересечь континент быстрее, чем холдер доберется к порогу собственного дома... — Арфист всплеснул ладонями. — И самое страшное, что Древние абсолютно уверены в своих правах! Очень опасное заблуждение, чреватое взрывом. Их отношения с цехами тоже накалены. Тот случай с ножом в мастерской Фандарела — лишь одна строка в списке грабежей. Обычно ремесленники уступают... но мастер-ткач Зург и мастер-кожевник Белесдан просто в ужасе от размеров этих дополнительных поборов.

— Вот почему Зург был так холоден со мной, когда я попросила ткань на платье! — воскликнула Лесса. — Правда, потом он смиловился и даже сам помог выбрать...

— Я уверен, что в Бендене никто не злоупотребляет привилегиями. — Робинтон слегка склонил голову перед Лессой. — Никто в Бендене... Однако, — арфист оскалил зубы и воинственно выдвинул челюсть — точь-в-точь как Т'рон, — Бенден населяют отступники, забывшие древние обычаи, нерадивые и небрежные! Подумать только, они позволили своим холдам сохранить огромные владения — даже леса! Их всадники днюют и ночуют в холдах и мастерских! А потом там рождаются ублюдки — кто-знает-чи! И с каждым Запечатлением этих ублюдков все больше в са-

мом Вейре!.. Но зато к Бенден-Вейру, — Робинтон опять стал серьезным и очень сердитым, — с уважением относится весь остальной Перн.

— Как всадник, я несу ответственность за все обиды, причиненные холдерам, — произнес Ф'лар. Он был так расстроен, что голос его звучал едва слышно.

— Как вождь Вейра, ты несешь ответственность за правильную оценку ситуации, — парировал Робинтон. — Семь Оборотов назад, когда один Бенден противостоял Нитям, ты сказал, что лорды и мастера не сумеют справиться с бедствием, цепляясь за прошлое. Теперь они кое-чему научились. Но Древние не только цепляются за прошлое; дело обстоит хуже — они полностью утратили гибкость. Они не желают и не могут приспособиться к нашему Обороту. Все, чего мы достигли за четыре века, — с их точки зрения, неверно, неправильно и должно быть отставлено в сторону, убрано с их дороги. Перн растет — растет и изменяется. Они — нет. Они настолько далеки от наших холдов и мастерских, что я опасаясь — нет, я просто боюсь! — что взаимная неприязнь приведет к взрыву.

— Их отношения могут измениться, если возникнет новая опасность, — сказала Лесса. — Например, неожиданное падение Нитей.

— Кто будет изменяться? Вожди Древних? Властители холдов? Не рассчитывай на это, госпожа моя.

— Я вынужден согласиться с Робинтоном, — устало произнес Лайтол. — Мы не видим даже намека на сближение с Древними. Они невыносимы, вздорны и придирчивы. Я понял, что даже я, бывший всадник, возмущен претензиями со стороны Вейров ко мне — управляющему. Больше того, мне кажется, что они уже не способны выполнять свои прямые обязанности. Кстати сказать, что уже было сделано для преодоления этого кризиса? Они собираются делать хоть что-нибудь?

— Помощь Вейров я тебе гарантирую, — сказал Ф'лар управляющему Руата; во что бы то ни стало следовало заставить Лайтола перестать упираться. — Сегодня утром они получили хорошую встряску и готовы работать. Руата находится под защитой Форта, и Т'рон обещал выслать дозорных на высоты. А тебе нужно поставить своих наблюдателей у сигнальных костров... пусть зажигают огни при появлении Нитей.

— Значит, я должен полагаться на сигнальные огни и на людей, получивших взбучку? — Глаза Лайтола недоверчиво блеснули.

— Огонь не годится, — протянул Фандарел. — Дождь потушит его. Туман скроет.

— Я с радостью предоставлю всех своих барабанщиков, если это может помочь, — вставил Робинтон.

— Ф'лар, — Лайтол уставился в пол, голос его звучал принужденно, — ты всегда отправляешь дозорных в холды перед началом атаки... Может быть, Древние тоже согласятся на это? Хотя до тех пор, пока не будут составлены новые таблицы... Я чувствовал бы себя уверенней, если б имел надежную связь с Вейром.

— Как я не раз говорил, — тон Фандарела был таким злоеющим, что все вздрогнули, — главной проблемой является прискорбное отсутствие на этой планете надежной связи. Но мой цех сумеет ее наладить. Вот те новости, которые я принес.

— Что? — Лайтол вскочил на ноги.

— Почему же ты не сказал раньше? Ты, телгарская наковальня! — возмутился арфист.

— Как быстро ты сможешь оборудовать главные холды и все Вейры? — спросил Ф'лар, заглушив вопросы остальных.

Фандарел взглянул прямо в глаза предводителя Бендена и сокрушенно покачал головой:

— Это потребует времени... к несчастью, большего, чем мы располагаем. К тому же мои мастерские заняты производством огнеметов. Много ли внимания могу я уделять своим маленьким игрушкам?

— Но все же...

— Устройства, которые посылают и принимают письменные сообщения, изготовить недолго, но их надо соединить проволокой... Вот на это нужно время.

— И люди, готов поспорить, — добавил Лайтол и сел, уныло уставившись в пол.

— Не больше, чем для сигнальных костров, — спокойно ответил ему Фандарел. — Если каждый холд, каждый Вейр будут работать сообща. Так было раньше, — кузнец сделал многозначительную паузу, посмотрев на Ф'лара, — когда Бенден объединил нас.

Лицо Лайтола просветлело; он схватил Ф'лара за руку.

— Скажи свое слово, Ф'лар Бенденский! Властители холдов послушают тебя, потому что они тебе доверяют!

— Ф'лар не может обратиться к лордам, связанным с другими Вейрами, — напомнила Лесса, но в ее глазах тоже засветилась надежда. — Что скажут вожди Древних?

— Да пусть хоть уболтаются! — насмешливо усмехнулся Робинтон. — Вперед, Ф'лар, вперед! Сейчас не время соблюдать традиции — по крайней мере те, которые больше не нужны. Переступи через них, всадник! Ты сделал это раньше — и мы выиг-

рали. Ради Перна, всего Перна, а не только Вейра, — он наставил длинный палец на Ф'лара, — не только холда, — указующий перст арфиста повернулся к Лайтолу, — не только цеха, — он ткнул пальцем в Фандарела. — И вспомните: когда семь Оборотов назад мы, пятеро, объединили свои знания, нам удалось выбраться из очень тяжелой ситуации.

— И я подготовила почву для следующей! — с горечью сказала Лесса.

Раньше чем Ф'лар успел ответить, палец Робинтона был направлен на госпожу Бендена.

— Лишь глупцы тратят время, терзаясь воображаемой виной, Лесса. Ты отправилась назад и привела к нам Древних — чтобы спасти Перн! Теперь перед нами другая проблема — и решать ее следует иначе. — Он склонил голову, глаза его внезапно заблестели. — У нас появилась превосходная возможность — эта свадьба в Телгаре. Там будет множество лордов и мастеров, гордость и слава Перна. Давайте, госпожа моя Лесса, господин мой Ф'лар, используем это торжество и попытаемся склонить их в свою веру... Пусть Бенден и его холды послужат примером; остальные последуют за ними.

Арфист откинулся на спинку кресла, с выжидательной улыбкой оглядывая собеседников.

Ф'лар тихо произнес:

— Недовольство, по-видимому, всеобщее... Нужно нечто сильнее слов, чтобы обратить всех в нашу веру.

— Цеха поддержат тебя, предводитель, до последней мастерской, — сказал кузнец. — Ты отстаиваешь дело Бендарека. Ф'нор во имя справедливости защищал Терри от всадников... Как он сейчас? — Фандарел посмотрел на Лессу.

— Вернется через неделю-другую.

— Он нам нужен, — сказал Робинтон. — Холдеры считают его героем, и в Телгаре он был бы очень полезен. Ну, Ф'лар, решай, мы в твоём распоряжении.

Все повернулись к предводителю Бендена; Лесса положила руку на его колено, ее глаза пылали. Прекрасно! Наконец свершится то, чего она желала, к чему стремилась, — Ф'лар возьмет в свои руки ответственность за судьбы Перна. Он должен сделать это, должен завершить работу, которую, как он думал когда-то, смогут лучше выполнить другие, более опытные вожди. Но время расставило по местам.

— Я думаю о твоём приборе, Фандарел... этом передатчике посланий. Ты мог бы продемонстрировать его работу в Телгаре во время праздника? — спросил Ф'лар.

Робинтон завопил так, что эхо долетело до площадки Рождений, вызвав тревожный свист Рамот'ы. Кузнец оскалил зубы и сжал огромные кулаки, готовый сокрушить любое препятствие. Щека Лайтола судорожно дернулась в последний раз; лицо его застыло.

— Превосходная идея! — воскликнул арфист. — Надежда — великая сила! Если холды смогут сами поддерживать связь, половина проблем будет решена!

— Ты можешь сделать это, Фандарел? — настойчиво спросил Ф'лар кузнеца.

— К Телгару несложно протянуть проволоку... расстояние небольшое... Да, смогу.

— Как работает твой прибор? Не представляю, каким образом письмо пересылается по проволоке.

Фандарел кивнул в сторону арфиста.

— Благодарю Робинтона. Теперь у нас есть код, который позволяет составлять длинные и сложные сообщения. Нужно обучить людей понимать их, посылать и получать. Если у тебя найдется час времени...

— У меня найдется столько времени, сколько тебе нужно, — заверил кузнеца Ф'лар.

— Давайте приступим завтра утром, — с энтузиазмом сказала Лесса. — Думаю, за ночь ничего не случится.

— Хорошо. Я подготовлю демонстрацию. И поставлю больше людей вытягивать проволоку.

— А я переговорю с лордом Сангелом из Южного Болла и с лордом Грожем из Форта, — произнес Лайтол, вставая. Он поклонился Лессе. — Всегда к твоим услугам, моя госпожа. Я позволю лорда Джексома и, с твоего позволения, отправлюсь в обратный путь.

— Разве вы не останетесь на обед?

Лайтол с сожалением покачал головой.

— Надо сделать так много... Прости меня.

Однако ему покинуть Бенден не удалось — ни Джексома, ни Фелессана нигде не было. Лесса спустилась в нижние пещеры и принялась за дело сама. Одна из женщин Маноры вспомнила, как они стянули овощи со стола и удрали в жилую пещеру — к другим мальчишкам, как она решила. Ребятишек тут же призвали пред грозные очи госпожи Вейра, учинившей суровый допрос. Гандидан, заводила компании, признался, что видел, как ребята прошмыгнули к дальним коридорам.

— Гандидан, — строго сказала Манора, — ты опять рассказывал Фелессану байки насчет той дыры?

Паренек виновато опустил голову.

— Хм-м... — Манора задумалась, потом взглянула на встревоженных родителей: — Я полагаю, Ф'лар, они отправились поглазеть на яйца.

— Что? — с испугом воскликнула Лесса.

Мальчишки, сбившись в кучку, замерли, полные раскаяния.

Ф'лар громко расхохотался:

— Так вот где они!

— Где же?

— В заброшенном коридоре позади площадки Рождений. Не беспокойся, Лесса. Там есть пролом в стене... помнишь, Лайтол? Все мы в возрасте Фелессана бегали к нему.

Арфист ухмыльнулся; мальчишки стояли, разинув рты; Лайтол, однако, нахмурился еще сильнее.

— Сколько прошло времени, Гандидан? — спросила Манора, подняв к себе лицо мальчика. Когда он наконец ответил, хозяйка нижних пещер окинула всю компанию суровым взглядом и повернулась к Ф'лару: — Я думаю, нам лучше отправляться на поиски. Если у них кончилось масло в светильниках — а так и было скорее всего, — в темноте легко пропустить нужный поворот.

Желающих участвовать в поисках набралось с избытком; Ф'лар быстро разбил их на группы и разослал по всем направлениям. В пустынных коридорах и залах, где сотни Оборотов не звучали человеческие голоса, засверкали огни факелов, послышался шум шагов, раздались крики. Прошло немного времени, и Ф'лар с Лайтолом вышли со своей группой на путеводный свет. Заметив маленькие фигурки, распростертые на каменном полу, Ф'лар отправил посыльного к Лессе.

— Что с ними? — Обхватив за плечи своего подопечного, Лайтол озабоченно нащупывал пульс. — Кровь? — Он поднял испачканную ладонь, его щека дернулась.

Итак, решил Ф'лар, сердце Лайтола оттаяло. Лесса была не права, когда думала, что такой черствый человек не сумеет позаботиться о ребенке. Конечно, Джексом — чувствительный мальчик и нуждается в любви... Однако любовь может проявляться по-разному.

Взмахом руки он велел поднести светильники ближе, потом закатал пыльную рубашку мальчика. На груди темнели запечшиеся порезы.

— Обычные царапины, не больше. Должно быть, налетел в темноте на стену. Не беспокойся, Лайтол, пульс нормальный... — Ф'лар обернулся и крикнул: — Эй, есть у кого-нибудь бальзам?

— Не похоже, что он спит, — пробормотал Лайтол, встряхнув

расслабленное тело мальчика — сначала осторожно, потом сильнее. — Не могу его разбудить!

— У Фелессана на груди ничего нет, — сказал вождь Бендена, раздев сына.

Окутанные облаком пыли, прибежали Манора и Лесса. Осмотрев мальчишек, хозяйка нижних пещер решила, что с ними все в порядке; по ее указанию двое мужчин понесли их в обитаемую часть Вейра. Затем Манора повернулась к толпе любопытных, запрудивших коридор.

— Все закончено. Возвращайтесь назад. Силон, поднимай ноги выше, не надо так пылить. — С облегчением вздохнув, она посмотрела на Ф'лара и гостей: — Обед готов, мои господа.

Но вождь Бендена и кузнец дружно устремились к таинственной двери. Лесса и Лайтол с Робинтоном последовали за ними.

Сокрушенно покачав головой, Манора двинулась обратно, подгоняя стайку мальчишек.

— Этот свет дает не огонь, — заявил кузнец, внимательно осмотрев комнату. — И стены тут гладкие. Значит, мы в самой древней части Вейра. — Он хмуро посмотрел на Ф'лара и обвиняющим тоном спросил: — Ты знал об этом помещении?

— Ходили всякие слухи, но я никогда не забирался так далеко. А ты, Лайтол? — Ф'лар обернулся в сторону входа.

Управляющий Руата раздраженно фыркнул в ответ. Однако теперь, когда стало ясно, что с Джексом все в порядке, он не мог противостоять искушению и перешагнул порог. Робинтон бросил взгляд на его осунувшееся лицо и хитро усмехнулся.

— На твоём месте, Лайтол, я позволил бы мальчишке лазать, где он хочет. Вдруг ему и в Руате удастся найти комнату с сокровищами? Кто под солнцем Перна мог хотя бы придумать такое? — Он широким жестом обвел залитую светом камеру. — Ну, Лесса, ты наш главный специалист по настенным росписям, что скажешь?

Арфист указал на непонятный рисунок: разноцветные шары, связанные стержнями. Чертеж шел от пола до потолка и походил на веревочную лестницу со сложным переплетением.

— Трудно назвать это искусством, но цвета очень чистые, — сказала Лесса, рассматривая стену; потом коснулась ее пальцами. — Краска затвердела, как камень... А здесь — смотрите! Часть рисунка стерта! Кому-то он не понравился, но исправления больше похожи на каракули... Сделаны неровно и даже не раскрашены!

Фандарел тщательно изучил рисунок, водя носом в дюйме от стены.

— Странно, очень странно, — пробормотал кузнец.

Затем он приступил к осмотру остальных чудес. Его огромные руки благоговейно ласкали металлические столы, ящики и подвесные полки. На лице застыл такой восторг, что Лесса едва удержалась от смеха.

— Просто поразительно... Крышка сундука сделана из цельного листа... я не вижу никаких швов... а тут, тут... как соединено... без всяких заклепок... — бормотал Фандарел, кудахча над сокровищами, затем поднял затуманенные глаза к потолку: — Это было сделано — значит, это можно сделать. Я должен подумывать...

Ф'лар больше заинтересовался странным рисунком. В каракулях ощущалось что-то мучительно знакомое.

— Лесса, ручаюсь, я видел это раньше...

— Но мы же никогда здесь не были! Никогда!

— Я вспомнил! Это похоже на металлическую пластинку с чертежом и надписью, которую Ф'нор нашел в Форт-Вейре... Ту, где упоминалось про огненных ящериц... Смотри, и здесь надпись. — Он провел пальцем по буквам старинного шрифта, сложившимся в слово «эврика». — Такая же, как на пластинке, я уверен! И ее добавили после того, как рисунок на стене был закончен!

— Если его можно назвать рисунком, — с сомнением сказала Лесса. — Но я думаю, что ты прав. — Она отступила назад, разглядывая стену. — Интересно, зачем они так скрутили эту часть лесенки? И вон там, выше...

— В этой комнате еще много, много загадок, — протянул Фандарел. Он открыл дверцу металлического шкафа, не сразу победив в борьбе с магнитной защелкой, затем закрыл ее и открыл опять. По лицу кузнеца разлилась торжествующая улыбка — видимо, конструкция привела его в восторг. И тут он увидел странное устройство, покоившееся на полке.

Мастер в изумлении выдохнул воздух и потянулся к таинственному прибору дрожащими руками.

— Осторожнее, — ухмыльнулся Робинтон, — как бы эта штука не вспорхнула под потолок.

Хотя прибор был не меньше локтя в длину, огромные ладони кузнеца словно обволокли его со всех сторон. Его пальцы ощупали небольшую трубку, подставку, сферическое зеркальце, блестящие рукоятки...

— Они умели соединять металл без шва... Хм-м... — Кузнец осторожно повернул к себе верхний конец трубки. — Там стекло. Превосходной шлифовки! Значит, сквозь него можно глядеть? —

Он начал вращать оправу, в которой поблескивала линза, потом осмотрел нижнюю часть прибора — там, где трубка подходила к выступающей под ней пластинке. Затем, придерживая свое соприкосновение обеими руками, Фандарел поднес его к правому глазу. — Надо положить туда что-нибудь... — Он выпрямился, свел в раздумье брови. — Недавно Вансор показывал мне старинный чертеж, сильно поврежденный... Устройство, которое увеличивает предметы в сотни раз по сравнению с их истинными размерами... — Его пальцы коснулись маленьких рукояток, выступавших из трубы. — Но нужно очень много времени, чтобы сделать линзы, отполировать зеркала... Хм-м... — Кузнец снова склонил голову, осторожно вращая то одну, то другую рукоятку. Он коснулся зеркала в основании инструмента, быстро протер его от пыли рукавом и поглядел на него — сначала невооруженным глазом, затем — через трубку. — Поразительно! Я вижу каждую щербинку в стекле! — Кузнец выдернул жесткий короткий волос из собственной шевелюры и сунул его на пластинку, под нижний конец трубки. Еще одно движение пальцев, нежно сжимающих крохотную блестящую рукоятку — и он испустил торжествующий рев: — Смотрите! Смотрите! Мой волос! Поглядите, какой огромный! Видите, пылинки — словно камни, видите — чешуйки... И кончик, видите — оборванный кончик!

Просияв от радости, он схватил Лессу, едва не выдавив ей глаз верхней частью трубки.

— Гляди! Если не можешь видеть ясно, покрути эту ручку.

Лесса заглянула в трубу, коснулась рукоятки и с испуганным восклицанием отпрыгнула назад. Робинтон немедленно занял ее место, опередив Ф'лара.

— Невероятно... — пробормотал он и быстро посмотрел на настоящий волос.

— Не позволишь ли мне?... — отдельно произнес Ф'лар. Любопытный арфист поднял голову, его губы растянулись в виноватой улыбке.

Ф'лар приблизил зрачок к отливающей синевой линзе. Ему пришлось несколько раз поглядеть на образец, чтобы поверить в то, что показывал прибор. Волосок превратился в толстую грубую веревку, пылинки на ней искрились в отраженном зеркалом свете, разлохмаченный конец выглядел так, словно его обрезали тупым ножом.

Предводитель Бендена поднял голову и повернулся к Фандарелу. Его голос был тих — может быть, потому, что он впервые произнес вслух эти полные хрупкой надежды слова:

— Если существуют способы сделать крохотное большим, зна-

чит, можно приблизить далекие предметы — так, чтобы рассмотреть их подробно?

Он услышал, как Лесса и Робинтон затаили дыхание, и взглядом снова попросил кузнеца дать ответ — тот ответ, который был ему так нужен.

— Я верю, что есть такой способ, — произнес Фандарел в напряженной тишине.

— Ф'лар?

Он посмотрел на побледневшее лицо Лессы — ее глаза потемнели от ужаса, руки приподнялись, словно крылья испуганной птицы.

— Ты не должен думать об этом! Идти на Алую Звезду... — Ее голос сорвался.

Ф'лар взял ее ладони, холодные и напряженные, в свои руки. И хотя он смотрел в глаза Лессы, слова его предназначались всем:

— Наша главная задача — избавиться от Нитей. Почему же не решить ее там, откуда они приходят? Дракон может попасть куда угодно — нужно только увидеть это место!

* * *

Джексом проснулся и мгновенно понял, что находится не в своем холде. Он приоткрыл глаз и с облегчением вздохнул. Вместо темноты, которой он с тайным страхом ждал, над ним простирался купол каменного потолка, ярко освещенный огнями глиняных ламп.

— С тобой все в порядке, паренек? Грудь болит? — Манора склонилась над ним.

— Вы нашли нас? Что с Фелессаном?

— Ничего страшного, кроме аппетита. Он обедает. Как твоя грудь?

— Моя грудь? — Он запаниковал, припомнив, где получил эти царапины. Но Манора выжидающе смотрела на него. Джексом ощупал ребра. — Почти не больно... И спасибо вам за внимание, моя госпожа.

Его вежливую скороговорку прервало требовательное урчание в животе. Юный лорд смутился.

— Я думаю, тебе тоже стоит поесть, а?

— Но Лайтол... он не сердится на меня? И предводитель Вейра? — рискнул спросить Джексом.

Манора одарила его ласковой улыбкой, пригладив растрепанные волосы мальчика.

— Не волнуйся, лорд Джексом, — нежно сказала она. — Воз-

можно, одно-два строгих слова... Лайтол вышел из себя от беспокойства.

Перед мысленным взором Джексома предстало невероятное видение: два Лайтола, бок о бок, с дергающимися в унисон щеками. Он прикрыл глаза и застонал.

— Однако я не советую тебе совершать такие опасные прогулки... — Манора усмехнулась. — Теперь этой игрой занялись взрослые.

Знала ли она о щели, о том, что они подглядывали? Это не давало Джексому покоя. Он обмирал от страха, ожидая услышать от нее, что Фелессан сознался в их преступлении. Затем до него дошло то, что она сказала. Их всего лишь немножко поругают... Он чувствовал, что может верить Маноре. Если она знала про все и не рассердилась... Но если она ничего не подозревает, а он начнет задавать вопросы — тогда она может и рассердиться.

— Ты нашел эти комнаты, лорд Джексом. На твоём месте я бы очень гордилась.

— Комнаты?

Она снова улыбнулась и убрала ладонь со лба мальчика.

— Я думаю, ты проголодался. Пойдем.

Манора повела его вдоль балкона, опоясывающего спальный уровень; ее рука была прохладной и мягкой. Должно быть, уже поздно, думал Джексом, пока они проходили мимо плотно задернутых занавесей спален. Внизу блики большого очага падали на неровные стены и стол, у которого собрались женщины; они что-то шили. Заметив Джексома с Манорой, некоторые отвлеклись от работы и заулыбались.

— Ты сказала — комнаты? — с вежливой настойчивостью повторил Джексом.

— Позади камеры, которую ты открыл, есть еще две — и развалины лестницы, ведущей вверх.

Джексом присвистнул.

— А что там было?

Манора тихо рассмеялась.

— Никогда еще я не видела кузнеца таким взволнованным. Они нашли несколько странных инструментов, мелкие осколки и куски стекла... Я не очень в этом разбираюсь.

— Комната Древних? — Джексом был поражен размахом своего открытия. А он успел бросить только один взгляд!

— Древних? — Манора едва заметно нахмурилась. Джексом решил, что ему показалось; Манора никогда не выглядела хмурой. — Я бы сказала — наших предков.

Когда они вошли в большую пещеру, Джексом заметил, что их

появление прервало оживленную беседу взрослых, сидевших вокруг больших обеденных столов. Джексом привык быть в центре внимания. Он расправил плечи и пошел размеренным шагом, с достоинством кивая головой или улыбаясь в знак приветствия тем, с кем был знаком. Повелитель холода должен вести себя, как приличествует его рангу, даже если ему еще нет полных двенадцати Оборотов.

Снаружи царила почти полная темнота, но Джексом мог видеть мерцающие глаза драконов, сидевших на своих карнизах вокруг чаши Вейра. Он ощущал беззвучные порывы ветра, когда звери взмахивали огромными крыльями, и слышал приглушенное мелодичное воркование. Джексом посмотрел вверх, на Звездную Скалу; рядом с ней, на фоне белесого неба, вырисовывался огромный силуэт сторожевого дракона.

Они ступили на лестницу. Теперь снизу доносился безостановочный топот скота в загоне у площадки кормления. В озере, лежавшем в центре котловины, отражались звезды.

Джексом ускорил шаги, Манора едва поспевала за ним. В темноте нетрудно забыть про достоинство лорда — к тому же сейчас он был очень голодным лордом.

С карниза королевского вейра раздался приветственный крик Мнемента. Джексом, расхрабравшись, уставился в сверкающие глаза дракона. Внезапно внутреннее веко прикрыло один из них — зверь с поразительной точностью имитировал человеческое подмигивание.

Джексома терзало любопытство. Обладали ли драконы чувством юмора? У стража порога его, безусловно, не было, а ведь они — родичи драконов.

«Очень далекие».

— Прошу прощения? — испуганно спросил Джексом, повернувшись к Маноре.

— За что, мой юный лорд?

— Ты ничего не говорила?

— Нет.

Джексом посмотрел назад, на гигантскую тень дракона, но голова Мнемента была опущена. Затем он учуял запах жареного мяса и пошел быстрее.

Они шагнули в вейр, и Джексом увидел огромное тело золотой королевы. Неожиданно вина и страх пронзили его. Но она спала и даже как будто улыбалась во сне — с невинным спокойствием младенца, словно новорожденный ребенок его кормилицы.

Джексом отвел взгляд и увидел лица взрослых за столом. Это было уже чересчур. Он ожидал встретить Ф'лара, Лессу, Лайтола

и даже Фелессана. Но там были и арфист с кузнецом! Только многолетняя муштра позволила ему с подобающей вежливостью ответить на приветствия этих великих людей. Он даже не осознал, как Лесса и Манора пришли ему на помощь.

— Ни слова больше, Лайтол, пока ребенок не поест, — твердо сказала госпожа Бендена, ее рука мягко усадила маленького лорда в кресло рядом с Фелессаном. Тот на секунду оторвался от ложки, чтобы скорчить гримасу, которая, вероятно, должна была Джексома успокоить. — Мальчик пропустил полдневную еду в Руате и, наверно, умирает от голода. С ним все в порядке, Манора?

— Так же, как и с Фелессаном.

— Он выглядел несколько вялым, когда вы вошли в вейр...

Лесса наклонилась, разглядывая Джексома, который вежливо представил на обозрение свою физиономию. Он очень хотел есть, но старался работать челюстями неторопливо.

— Как ты себя чувствуешь?

Джексом попытался проглотить непрожеванные овощи и закашлялся. Заботливый Фелессан тут же налил воды в его кружку, а Лесса ловко похлопала между лопаток. Наконец он отдышался и подтвердил, что благодаря заботам доброй госпожи чувствует себя превосходно. Ф'лар расхохотался и напомнил доброй госпоже, что ребенку надо спокойно поесть.

Мастер-кузнец постучал толстым, похожим на корявую ветку пальцем по большому чертежу на выцветшей коже. Она была расстелена на столе, закрыв его почти целиком — кроме того места, где устроились мальчики. В другой руке мастер бережно держал какой-то тщательно завернутый предмет. Джексом так и не удалось разглядеть, что это такое.

— Насколько я могу судить, тут имеется ряд помещений на уровнях выше и ниже тех, которые нашли ребята.

Джексом вытаращился на план и краем глаз поймал взгляд Фелессана. Тот тоже едва не подпрыгнул от возбуждения, но жевать не перестал. Джексом сунул в рот очередную ложку — мясо, тушенное с овощами, было очень вкусным — и горько пожалел, что план лежит вверх ногами к нему.

— Готов поклясться, что выше на той стороне нет входов в вейр, — пробормотал Ф'лар, качая головой.

— Здесь есть вход на уровне земли, — сказал Фандарел, тыкая пальцем в какое-то место на плане. — Мы нашли его. Завален камнями — намеренно или случайно, кто знает.

Джексом обеспокоенно взглянул на Фелессана, склонившегося над тарелкой. Что означали рожи, которые тот ему корчил? То ли он во всем признался, то ли не сказал ни слова?

— Шов тщательно заделан и едва различим, — заметил арфист. — Какое-то прозрачное и прочное вещество, гораздо прочнее любого известкового раствора, какой мне доводилось видеть.

— Никто не сумел бы отбить его, — прогрохотал Фандарел, кивая головой.

— Почему же они запечатали выход в чашу? — спросила Лесса.

— Чтобы эта часть Вейра осталась недоступной, — предположил Ф'лар. — Во имя Скорлупы, никто даже близко не подходил туда — может быть, сотни, тысячи Оборотов! Даже отпечатков в пыли не осталось!

Джексом нервничал все сильнее. Затянувшееся ожидание заслуженной выволочки становилось нестерпимым. Он уткнулся в тарелку. Он не сможет вынести презрения Лессы. Он боялся посмотреть в глаза Лайтолу. Что будет, когда тот узнает о кошунственном проступке своего подопечного? Как мог он, Джексом, оставаться глухим к поучениям своего наставника?

— Да, в этих пыльных, старых Записях нашлось немало интересного. А мы-то считали их просто заплесневелым хламом! — послышался голос Ф'лара совсем рядом.

Джексом рискнул приподнять лицо. Он увидел, как вождь Вейра треплет шевелюру Фелессана, потом Ф'лар добродушно ухмыльнулся ему, Джексому. Значит, никто из взрослых не знал, что они делали на площадке Рождений! Джексом облегченно вздохнул.

— Пожалуй, мальчишки нашли нам целый склад сокровищ, а, Фандарел?

— Я надеюсь, что эти удивительные вещи — далеко не все на следие, ожидающее нас в забытых коридорах и покинутых комнатах, — гулким басом ответил кузнец. С рассеянной нежностью он погладил гладкий металл увеличивающего устройства, что покоилось у него на коленях.

Глава 6

*Южный Вейр, утро.
Холд Набол, раннее утро*

Триумф, вкус которого был приправлен потом и соленым ветром, обжигающим солнцем и колючими песчинками, — вот какое чувство охватило Килару и заставило позабыть все мелкие огорчения: перед ней, выкопанные из песка, лежали маленькие разноцветные яйца.

— Пусть они подавятся своими семью, — пробормотала она, бросив взгляд на север, где лежал Вейр. — Великолепный выводок! И одна золотая!

В возбуждении она разразилась хриплым смехом. Ну, посмотрим, что будет, когда Мерон увидит этих красавцев! Килара не сомневалась, что лорд Наболский ненавидел всадников из зависти. Он часто заявлял, что Запечатление не должно быть привилегией лишь одной общины Перна — к тому же постепенно вырождающейся. Теперь поглядим, сумеет ли могущественный Мерон запечатлеть хотя бы огненную ящерицу! Килара не могла с уверенностью сказать, что принесло бы ей больше удовольствия — его успех или его провал. В любом случае она выигрывала. В голове у нее мелькнула забавная мысль. Предположим, он сумеет запечатлеть фэйра — скажем, бронзового, — а на ее плече будет восседать королева... и если эти двое спарятся... Вероятно, ощущения будут столь же восхитительными, как во время брачного полета драконов. А если учесть природные способности Мерона... Чувственная улыбка скользнула по губам Килары.

— Вы стоите этого, — сказала она яйцам.

Женщина коснулась их, ощутив твердеющую скорлупу, потом осторожно переложила тридцать четыре яйца в сумку, в несколько слоев. Она завернула свою добычу в шкуру и в шерстяной плащ. Килара достаточно долго исполняла обязанности госпожи Вейра и знала, что резкое охлаждение яиц может погубить выводок — особенно сейчас, когда время Рождения приближалось.

Так будет надежнее, решила она.

Придир'а с терпением относилась к поискам яиц фэйров, которыми занималась ее всадница. Она послушно приземлялась в сотнях бухточек вдоль западного побережья и ждала, с удовольствием греясь в лучах жаркого солнца, пока Килара ворошила горячий песок, высматривая признаки кладки. Но теперь, когда Килара дала ей ориентиры Набола, а не Южного Вейра, Придир'а встревоженно фыркнула.

По времени Набола еще только занималось раннее утро, когда пронзительный вопль стража порога возвестил прибытие Килары. Охрана слишком хорошо знала повелительницу Южного Вейра; ворота немедленно открылись, и один из солдат, не слишком богатый разумом, был послан разбудить лорда. Килара, возбужденная, не обратила внимания на сердито нахмуренные брови Мерона, появившегося на лестнице, ведущей из внутренних покоев холда в главный зал.

— Я принесла тебе яйца огненных ящериц, Мерон Наболский! — воскликнула она, показывая на сверток, который нес за

ней солдат. — Нужно несколько тазов с теплым песком — немедленно, или мы их потеряем!

— Тазы с песком? — повторил Мерон с недоумением.

Он еще наполовину не проснулся... наверно, оставил кого-то в постели, решила Килара, но главная мысль заглушила все остальное; она жаждала поскорее получить свое сокровище и исчезнуть.

— Да! И быстрее, глупец! Я нашла кладку фэйров. Яйца вот-вот проклюнутся. Такой шанс бывает раз в жизни! Ты, там, — Килара повелительно махнула рукой домоправительнице холда, которая, застегивая на ходу платье, торопливо вошла в зал, — окати кипятком самый чистый песок, какой сможешь найти, и неси сюда!

Килара, высокорожденная сестра лорда Ларада, знала, как следует обращаться к простолюдинам; домоправительнице она показалась копией ее собственного вспыльчивого повелителя — только в женском варианте. Напуганная старуха со всех ног бросилась к двери, не дожидаясь приказа Мерона.

— Яйца фэйров? О чем ты болтаешь, женщина?

— Ты не слышал про огненных ящеров? Их можно запечатлеть, подобно драконам... Улови их разум в момент Рождения, накорми, пообещай всякую чушь — и они твои, на всю жизнь. — Килара осторожно выкладывала яйца на теплые камни огромного очага. — И я сумела привезти их сюда вовремя, — с торжеством сообщила она. — Собирай своих людей, быстро! Попробуем запечатлеть как можно больше фэйров.

— Я пытаюсь понять, — сквозь зубы произнес Мерон, бросив на нее злобный взгляд, — какую пользу это может принести мне?

— Пошевели мозгами, — резко ответила Килара, не обращая внимания на раздраженный тон властелина Набола. — Огненные ящеры — прародители драконов, и они обладают всеми их способностями.

— Они могут перемещаться в Промежутке? Они говорят со своими хозяевами?

— Да! Да!

— Золотое яйцо! — вскричал Мерон, протянув руку; его маленькие глаза блеснули жадностью.

Килара оттолкнула его руку прочь.

— Золотое — для меня. Твое — бронзовое. Я почти уверена, что из этого... нет, из этого — вылупится бронзовый!

Слуги принесли нагретый песок и высыпали его на теплые камни камина.

Люди Мерона спустились в зал по лестнице из внутренних по-

коев холда; все — в тяжелом снаряжении, готовые к отражению атаки Нитей. Килара властно велела им разоблачиться и начала свои объяснения — каким образом можно запечатлеть огненную ящерицу.

— Никто не может поймать файра, — раздался чей-то шепот сзади.

— Я могу, — огрызнулась Килара, — но сомневаюсь, что ты на это способен — кем бы ты ни был.

Древние правы, подумала она. Лорды слишком надменны и самонадеянны; они плохо обучают своих людей. В холде ее отца никто не смел вымолвить слово, когда он говорил. И в Вейрах не прерывают их повелительниц.

— Вы должны действовать быстро, — сказала она. — Файры будут очень голодны, они хватают и едят все, до чего могут дотянуться. Если вы не остановите их вовремя, они станут каннибалами.

— Я хотел бы оставить себе этих, — тихо произнес Мерон, с нежностью поглаживая три яйца, скорлупа которых отливала бронзой.

— Убери руки, они слишком холодные, — громко предупредила Килара; голос ее был ровным и спокойным. — Нам потребуется мясо, много красного мяса. Лучше всего — от только что забитых животных.

Спустя некоторое время появилось большое плоское блюдо, заваленное сочащимися кровью кусками — мясо было еще теплым, парным. Килара потребовала принести еще два таких же. Зал наполнился терпким ароматом крови и запахом пота, исходящим от столпившихся у камина людей. Напряжение росло.

— Я хочу пить, Мерон, — сказала Килара. — Пусть принесут охлажденного вина, хлеб и фрукты.

Она поела — неторопливо, изящно, со скрытым изумлением взирая на застольные обычаи здешнего холда. Кто-то пустил по кругу хлеб и кувшин с кислым вином; мужчины ели, оставаясь на ногах. Время тянулось медленно.

— Ты ведь говорила, что они вот-вот вылупятся, — наконец удручено произнес Мерон. Он казался обеспокоенным — как и его люди; и, похоже, первоначальный энтузиазм повелителя Набола несколько поуменился.

Килара одарила его пренебрежительной улыбкой.

— Так и есть, уверяю тебя. Вам, лордам, надо научиться терпению. Оно необходимо, если хочешь иметь дело с родом драконов. Ты не можешь лупить их, как зверей, которые бегают по земле. Но дело того стоит.

— Ты уверена? — В глазах Мерона вспыхнуло раздражение.

— Через несколько дней ты придешь в Телгар, и на твоей руке будет сидеть фэйр... Подумай, какое впечатление это произведет на всадников!

Слабая улыбка на лице Мерона подсказала Киларе, что удар нанесен верно. Да, Мерон будет терпелив, очень терпелив, если это позволит ему почваниться перед всадниками.

— Они будут полностью в моем распоряжении? — спросил он, лаская взглядом бронзовую тройцу.

Килара не скупилась на обещания, хотя отнюдь не была уверена, что фэйры способны проявлять преданность и достаточный интеллект. Впрочем, Мерону требовался не интеллект, а покорность. Или хотя бы послушание. Килара покачала головой. Она знала: если фэйры не оправдают ожиданий Мерона, то не по своей вине.

— С такими посланцами я получу немало преимуществ, — произнес Мерон так тихо, что она едва разобрала слова.

— Ты получишь кое-что более важное, чем преимущества, — так же негромко ответила она. — Контроль!

— Да, надежная, безотказная связь фактически означает, что я смогу контролировать кое-что. Если взять, к примеру, Т'кула, предводителя Вейра Плоскогорье...

Одно из яиц треснуло, и Мерон вскочил с кресла. Охрипшим внезапно голосом он приказал своим людям подойти поближе.

— Повтори им, госпожа Вейра, повтори еще раз, как они должны действовать, чтобы изловить огненных ящеров!

Но даже после девяти Оборотов, проведенных в Вейре, Килара не знала, почему драконы выбирали одних кандидатов, а других, не менее достойных, отвергал весь выводок. Она также не могла понять, по каким причинам королевы неизменно предпочитали женщин, воспитанных вне стен Вейра. Ей вспомнилось, как по-мальчишески тонкая Брекка запечатлила Вирент'у, хотя там были три другие девушки, любая из которых, по мнению Килары, представляла больший интерес для королевы драконов. Но Вирент'а направилась прямо к этой простолюдинке, выросшей в мастерской какого-то маленького холда... Все три отвергнутые претендентки остались в Южном Вейре — девушки всегда так поступали, — и одна из них, Варина, была избрана на следующем обряде Запечатления. Что касается юношей, родившихся в Вейре, то им, как правило, пара находилась, причем новорожденные драконы не обращали внимания на мальчиков моложе двенадцати Оборотов. Неудачников, которым за несколько Оборотов так и не удавалось запечатлить дракона, никогда не заставляли поки-

нуть Вейр, но чаще всего они уходили сами — чтобы найти приют в мастерских.

Теперь и в Бендене, и в Южном Вейре королевы откладывали много яиц — больше, чем женщины успевали рожать детей. Нужно было регулярно прочесывать весь Перн, чтобы найти подходящих кандидатов, а это вызывало недоумение холдеров. Они не понимали, что выбор на площадке Рождений делает не человек, а дракон, причем бронзовые и коричневые особенно привередливы. Их вкусы было невозможно понять. Часто они обходили вниманием видных, рослых юношей, предпочитая заморышей.

Килара оглядела зал, задерживая взгляд на грубых, озадаченных лицах мужчин. Оставалось надеяться, что огненные ящеры не столь разборчивы, как драконы; в пестрой компании собравшихся вряд ли можно было найти достойных кандидатов. Затем Килара вспомнила, что эта девчонка, приемыш Брекки, сумела запечатлеть сразу троих фэйров. Обстоятельство, несомненно, благоприятное; значит, любое существо на двух ногах в этой комнате все-таки имело определенные шансы. Вероятно, эти представители драконьего рода не требовали наличия у кандидатов особых качеств; для них и дети, и простые периниты, холдеры и ремесленники, были ничем не хуже людей благородной крови.

— Вы не должны пытаться изловить их, — поправила Килара Мерона, подарив ему злорадную улыбку. Пусть этот надменный лорд почувствует, что Запечатление — нечто большее, чем обычное присутствие в момент появления выводка на свет. — Вы должны заманить их обещанием привязанности, любви... Думайте об этом и помните, что нет иного способа привлечь дракона.

— Это фэйры, а не драконы, — возразил Мерон.

— Для нас это одно и то же, — резко сказала Килара. — Теперь будьте внимательны — или вы упустите их.

Хотела бы она знать, стоило ли проливать пот и вкладывать столько труда, чтобы принести ему дар, ценность которого он, кажется, не мог представить. И даже если она получит золотую, а Мерон — бронзового и они когда-нибудь спарятся, это не искупит всех ее хлопот.

— Выбросьте из головы страх и мысли о выгоде, — втолковывала она стоявшим вокруг мужчинам. — Первое оттолкнет дракона, второго он просто не поймет. Как только фэйр приблизится к вам, дайте ему пищу. Попробуйте накормить его из собственных рук и осторожно ведите в тихое место. Продолжайте кормить и думайте о том, как вы его любите, как хотите, чтобы он остался с вами, и каким счастьем наполняет вас общение с ним.

Не пытайтесь вообразить что-нибудь другое, иначе фэйр уйдет в Промежуток. Существует очень небольшое время между появлением фэйра на свет и моментом, когда он утолит первый голод; только в эти мгновения можно его запечатлеть. Вы либо успеете, либо нет. Это все.

— Вы слышали, что она сказала. Теперь действуйте. Делайте все верно. Если кто-нибудь упустит ящерицу... — Голос Мерона стал угрожающим.

Килара расхохоталась, разбив воцарившуюся напряженную тишину. Она смеялась над озадаченным Мероном, смеялась до тех пор, пока лорд Набола, раздражение которого превысило осторожность, не схватил ее за руку. Он показал на яйца, содрогавшиеся от усилий заключенных в них фэйров пробить скорлупу и выбраться наружу.

— Перестань кудахтать! Гляди... начинается!

— Смех лучше, чем угрозы, лорд Мерон. Даже ты не сможешь ничего приказать созданиям драконьего рода... И скажи мне, славный лорд Мерон, какому наказанию ты подвергнешь себя, если сам упустишь фэйра?

Мерон больно сжал ее руку, его глаза не отрывались от трещины, появившейся на одном из выбранных им яиц. Он потянулся к мясу, затем опустился на колени около камина. Кровь с большого куска медленно закапала на песок, когда он судорожно стиснул мясо в неимоверном усилии Запечатления.

Стараясь казаться спокойной, Килара медленно поднялась с кресла, шагнула к столу, на котором стояли подносы, и выбрала кусок посочнее. Потом она неторопливо двинулась обратно к очагу, сделав мужчинам знак приготовиться.

Она не могла сдержать возбуждения и услышала, как Придит'а, расположившаяся на высотах Набола, испустила тревожный свист. С тех пор как эта девчонка, воспитанница Брекки, запечатлила сразу трех огненных ящериц, Килара страстно желала заполучить одно из этих изяшных созданий. Очевидно, это желание было определенной формой самозащиты. Килара никак не могла понять, что ее властная натура подсознательно восстает против эмоционального симбиоза с драконом. В то же время инстинктивно она сознавала, что только как госпожа Вейра, как всадница королевы, она сумеет достичь беспримерного могущества и полной свободы, на которые в иной ситуации не могла рассчитывать ни одна женщина Перна. Склонная к самообману, Килара старалась игнорировать очевидный факт — то, что в их союзе доминировала Придит'а. Она была единственным живым созданием, чье доброе мнение оставалось для нее важным. Ог-

ненная ящерица представлялась ей миниатюрной копией дракона; она хотела насладиться властью над этим существом — властью, которой она никогда не смогла бы получить над Придит'ой.

И то, что она преподнесла яйца фэйров именно лорду, причем наиболее презируемому — Мерону Наболскому, — было мстью. Мстью за все воображаемые обиды и оскорбления, которые, как казалось Киларе, постоянно наносили ей и всадники, и прочие периниты. За ее недавний позор, когда эта малолетка, питомица Брекки, похвалялась своими фэйрами.

Ну, больше такого не будет! Она теперь знает, что надо делать, — и она выиграла!

Золотое яйцо покачнулось; большая щель расколола его по всей длине. Показался крохотный золотистый клювик.

— Корми ее! Не теряй времени! — раздался хриплый шепот Мерона.

— Мне не нужны твои советы, глупец! Занимайся своим делом!

Маленькая голова протиснулась в щель, затем высунулись лапки; коготки яростно скребли по мокрой скорлупе, пытаясь стряхнуть ее. Не обращая внимания на поднявшийся вокруг шум, Килара сконцентрировалась на одной мысли. Она так рада видеть малышку... приветствовать ее... Она восхищается новорожденной...

Крохотная королева, длиной не больше ладони ребенка, освободилась от скорлупы и завертела головой, разыскивая что-нибудь съедобное. Килара быстро отщипнула кусочек мяса и положила перед ней; зверек двинулся вперед, уткнувшись в пищу. Второй кусок Килара бросила в нескольких дюймах от первого, стараясь направить ящерку к себе. Фэйр пронзительно вскрикнул, прыгнул и вцепился в мясо; движения ящерицы стали более уверенными, крылья расправились и сошли на глазах. Голод, голод — только это желание билось в маленькой головке, и Килара, пытаясь успокоить новорожденную, сосредоточилась на мыслях о любви и радости, которые она испытывает.

Пять кусков-приманок — и королева фэйров оказалась у нее на руке. Килара осторожно поднялась, держа мясо у разинутой пасти ящерки, и двинулась прочь от очага и царившего там хаоса.

Да, там был хаос, суматоха и паника, несмотря на все ее советы. Три яйца Мерона треснули почти одновременно. Двое новорожденных немедленно вцепились друг в друга, пока Мерон неуклюже пытался повторить действия Килары. С его жадностью он, вероятно, потеряет всех троих, подумала женщина с мстительным удовлетворением. Затем она заметила, как из несколь-

ких яиц показались другие бронзовые. Ну что ж, значит, у ее королевы есть надежда обзавестись парой, когда придет время.

Два человека ухитрились заманить ящериц на руки; они последовали примеру Килары и выбрались из сгрудившейся у камина толпы, подальше от воплей голодных фэйров и испуганных криков людей.

— Как долго нужно их кормить, госпожа? — спросил один счастливчик; глаза его сияли радостным изумлением.

— До тех пор, пока они способны раскрыть пасть. Затем они уснут и останутся с вами. Когда пробудятся, накормите их снова. Если будут жаловаться на зуд, купайте их и натирайте маслом. У них должна быть прочная кожа; если она начнет трескаться в Промежутке, страшный холод может убить и ящерицу, и дракона... — Килара вспомнила, как часто она читала подобные представления юным всадникам. Ну, теперь этим занимается Брекка, хвала Первому Яйцу!

— Но что делать, если они уйдут в Промежуток? Как удержать их?

— Вы не можете удержать дракона; это он остается с вами. Его нельзя посадить на цепь, словно стража порога.

Ей стала надоедать роль наставницы. С отвращением оглянувшись на останки фэйров, погибших на камнях очага, она направилась по лестнице внутрь холда. Не имело смысла оставаться здесь; лучше подождать в покоях Мерона и выяснить, сумел ли он запечатлить огненную ящерицу.

Придит'а сообщила, что она весьма опечалена: ей пришлось доставить выводок туда, где почти всех фэйров ждала смерть от жестоких рук у холодного чужого очага.

«Пожалуй, в Южном нам удалось бы сохранить больше, — согласилась Килара. — Зато на этот раз нам досталась прелестная малышка».

Придит'а проворчала что-то, но, кажется, это не имело отношения к новорожденному фэйру, и Килара не обратила на нее внимания.

Глава 7

Бенден-Вейр, утро.

Кузнечная мастерская Телгара, раннее утро

Ф'лар получил послание Ф'нора, пять мелко исписанных листов, в тот момент, когда собирался в мастерскую Фандарела, чтобы осмотреть устройство, предназначенное для передачи сообщений. Лесса была уже в воздухе и ждала его.

— Ф'нор сказал, что это срочно. Дело в том... — начал Г'наг.

— Я прочитаю, как только смогу, — прервал посланца Ф'лар. Кое-что не следовало говорить вслух. — Благодарю тебя — и про- сти, спешу.

— Но, Ф'лар... — Остаток фразы заглушил лязг когтей Мне-мент'а о камень. Дракон двинулся к скалистому гребню и в сле- дующий миг ринулся вверх.

Ф'лар чувствовал, что дракон поднимается очень осторожно, и это не улучшило его настроения. Пожалуй, Лесса была права, когда вчера советовала ему не слишком долго болтать и не слиш- ком много пить с Робинтоном. У этого арфиста вместо желудка бочонок для вина. Фандарел удалился в полночь, забрав свое ме- ханическое сокровище. По словам Лессы, она была готова дер- жать пари, что кузнец никогда не спит, как и прочие работники в его мастерской. Сама она ушла не раньше, чем добилась от Ф'лара обещания не засиживаться допоздна с Робинтоном.

И он собирался сдержать слово, однако арфист рассказывал так много интересного о разных холдах, о мелких владетелях и их влиянии на могущественных лордов... Эти сведения были необ- ходимы Ф'лару, если он действительно решится выполнить задум- манное.

У всадников зрелого возраста почтение к традиционным мето- дам обороны вошло в плоть и кровь. Семь Оборотов назад, когда Ф'лар смирился с тем, что один Вейр не способен спасти Перн, что приготовления к защите идут слишком медленно, он перенял многие приемы Древних. И теперь от всего этого было непросто отказаться. Он сам — и остальные всадники Бендена — познали у Древних искусство борьбы с Нитями. Теперь им были ведомы все уловки врага, они научились оценивать особенности атак, уз- нали, как сберечь силы всадников и зверей, как предохраняться от паров фосфина и ударов Нитей. Ф'лар не мог сказать, в какой момент ученики превзошли учителей, но теперь Бенден и Юж- ный Вейр стали сильнее, они оказались способны на большее, интеллект их драконов был выше. Во имя благодарности и ува- жения к своим наставникам Ф'лар был готов не замечать их не- достатков. Но он мог поступать так до тех пор, пока ошибки, не- надежность и обособленность пришельцев из прошлого не заста- вили его трезво оценить результаты их действий. Несмотря на разочарование, что-то в душе Ф'лара — то ли внутренняя сила, делающая человека героем, то ли тот идеальный образ, с кото- рым он сверяет свои достижения, — стремилось к объединению всех всадников; он жаждал сломить неподатливость Древних, их

упорную приверженность к старомодным обычаям и отрицание нового.

Эта цель мешала выполнению главной его задачи: он знал, что бездонное пространство, разделяющее Перн и Алую Звезду, в Промежутке можно преодолеть всего лишь за один шаг. И когда-нибудь человеку придется его сделать, если он хочет навсегда освободиться от ига Нитей.

Солнце еще только всходило над краем котловины Вейра. Ледяной воздух вызвал тянущую боль в шрамах на лице, но охладил лоб. Всадник наклонился вперед, устраиваясь поудобнее на шее Мнемента, и свернутое в трубку послание Ф'нора вдавилось в ребра. Что ж, попозже он выберет время и ознакомится с новой затеей Килары.

Он чуть приподнял веки, сомкнутые из-за головокружительной скорости, и бросил взгляд вниз. Да, Н'тон уже направил группу всадников и драконов, чтобы распечатать заваленный камнями вход в заброшенную часть подземного лабиринта. Когда свет и свежий воздух заполнят коридоры, работа пойдет быстрее. Люди старались держаться подальше от площадки Рождений, чтобы Рамот'а не беспокоила о зреющих там яйцах.

«Она знает об этом», — информировал Мнемента своего всадника.

— Да? И что же?

«Она удивлена».

Теперь они были прямо над Звездной Скалой, над стражем, который помахал им рукой. Ф'лар взглянул на Палец и задумчиво сдвинул брови. Интересно, будь у него подходящие линзы, чтобы вставить в отверстие Глаз-Камня, смог бы он разглядеть поверхность Алой Звезды? Нет, конечно, — в это время года под таким углом Звезду не увидишь... Ну, что ж...

Ф'лар посмотрел вниз, на разворачивающуюся под ним панораму. Необъятная чаша Вейра венчала горную вершину; справа — там, где был прорублен тайный тоннель, — начиналась дорожка, змеившаяся вдоль склона горы; она вела вниз, к озеру на плато. Вода сверкала на солнце, словно гигантский глаз дракона. Ф'лар вспомнил о Нитях, которые в последнее время падали все беспорядочней, и его охватило беспокойство. Он увеличил число патрулей и послал дипломатичного Н'тона (к сожалению, Ф'нора под руками не оказалось) в холды, которые находились под защитой Бенден-Вейра, чтобы разъяснить необходимость этой меры. Лорд Райд прислал сухой официальный ответ, подтвердив, что ознакомился с посланием; Сайфер из Битры разразился вздорными упреками — хотя старый глупец вполне мог задумать-

ся, поразмышлять ночью и сообразить, что альтернативы у него нет.

Рамот'а внезапно опустила крылья и исчезла. Мнемент' последовал за ней в леденящий холод и мрак Промежутка. Спустя мгновение они уже кружили над цепью прозрачных телгарских озер, отливавших в лучах утреннего солнца глубокой голубизной. Рамот'а планировала вниз; с высоты ее золотистое сверкающее тело в обрамлении зеркала воды выглядело словно рисунок на старинном гобелене.

Она почти вдвое больше любой другой королевы, взволнованно подумал Ф'лар, восхищенный этим великолепным зрелищем.

«У хорошего всадника и дракон хорош», — философски заметил Мнемент'.

Рамот'а заложила крутой вираж, сближаясь со своим бронзовым приятелем. Оба дракона, уравнив скорости, крыло к крылу понеслись к верхней части озерной долины, где находились кузнечные мастерские. Дальше местность плавно понижалась в сторону побережья; река, которая питала озера, струилась мимо обработанных земель и обширных пастбищ, сливаясь наконец с рекой Большой Данто, устремлявшейся прямо к морю.

Когда они приземлились перед мастерскими, в дверях одного из зданий поменьше, стоявшего за рощей чахлах деревьев, показался Терри. Помощник Фандарела бросился к ним, приветственно размахивая руками. Сегодня работа в мастерских началась рано; грохот металла и пронзительный визг сверл неслись из каждого здания. Кажется, всадники застрянут здесь надолго, вынесли вердикт драконы; ну, что ж, в таком случае они отправятся поплавать. Поднявшись в прозрачный утренний воздух, звери устремились в сторону озер.

Когда Ф'лар догнал Лессу, на губах ее блуждала усмешка, глаза искрились весельем.

— Вот взяли и полетели плавать! — прокомментировала она, обнимая Ф'лара рукой за талию.

— А мы тут должны трудиться, да? — Ф'лар скорчил гримасу притворного недовольства, потом притянул Лессу к себе, и они зашагали навстречу кузнецу.

— Вы прибыли вовремя, — сообщил Терри, вежливо поклонившись; рот его растянулся до ушей в улыбке.

Ф'лар поздоровался, потом кивнул головой в сторону ближайшего строения:

— Фандарел уже кончил возиться с дальновидящими стеклами?

— Не совсем. — На усталом лице Терри мелькнула усмешка. — Но в эту ночь его нельзя было даже силой оторвать от работы.

Лесса рассмеялась, но кузнец внезапно стал серьезным:

— Я не преувеличиваю, правда... Когда смотришь в приближатель... Знаете, это может очаровать или напугать кого угодно. Вансор был просто потрясен. Он бредил потом всю ночь, плакал и говорил, что чувствует себя слепым...

Когда они приблизились к дверям небольшого здания, Терри повернулся к Ф'лару; он выглядел смущенным.

— Я хочу сказать тебе... я ужасно себя чувствую из-за этой истории с Ф'нором. Лучше бы я сразу отдал им этот проклятый кинжал... но он предназначался в качестве свадебного подарка от лорда Ларада лорду Асгенару, и я просто не мог...

— Ты был прав, — ответил Ф'лар, ободряюще похлопав кузнеца по плечу.

— И все же, если бы я уступил...

— Если бы небеса упали, мы не беспокоились бы о Нитях. — Тон Лессы был столь резок, что Терри сразу же прекратил свои извинения.

Здание мастерской, снаружи выглядевшее двухэтажным — если судить по расположению окон, — в действительности состояло из одного большого зала. В его противоположных концах находились два очага; у дальнего притулился маленький кузнечный горн.

Стены, сложенные из черного камня, были отполированы так тщательно, что швы почти невозможно было разглядеть; на гладкой поверхности высечены чертежи и справочные таблицы. В центре зала возвышался длинный стол, на концах которого располагались глубокие лотки с песком. Посреди стола громоздилась куча пергаментных свитков, листов бумаги и причудливых инструментов. Фандарел, широко расставив ноги, набычившись, стоял напротив двери: руки сжимают широкий ремень, подбородок выпячен, брови нахмурены. Он с воинственным видом разглядывал набросок, сделанный мелом на черном камне стены.

— Эта штука должна быть связана с углом зрения, Вансор, — сердито пробормотал он, словно чертеж сопротивлялся его воле. — Вансор?

— Вансор в Промежутке, мастер, — негромко произнес Терри, указывая на человека, который спал под грудой шкур на топчане в углу комнаты.

Ф'лар не раз любопытствовал, где живет Фандарел, — ведь залы мастерских издавна предназначались только для работы. Обычный дом вряд ли был достаточно просторным обиталищем для огромного мастера-кузнеца. Теперь Ф'лар вспомнил, что ви-

дел такие же топчаны во всех помещениях; несомненно, кузнец и многие его помощники ночевали прямо в мастерских. Что касается самого Фандарела, то он, вероятно, спал только тогда, когда валился с ног. Другой человек при таком образе жизни через полгода сгорел бы дотла, но мастер-кузнец не жаловался на здоровье.

Фандарел бросил взгляд на спящего, с сожалением хмыкнул и только тогда заметил Лессу и Ф'лара. Он кивнул госпоже Вейра, и его хмурое лицо расцвело в улыбке.

— Вы прибыли рановато, однако мне удалось кое-чего добиться с этим приближателем, — сообщил он, показывая на чертеж. Лесса и Ф'лар послушно взглянули на путаницу окружностей и прямых линий, изображенных на черной стене. — К сожалению, создание даже самых совершенных устройств зависит от слабого человеческого разума и тела... Я прошу извинения...

— Почему же? Утро только наступило, — ответил Ф'лар, придавая лицу самое строгое выражение. — Я подожду до ночи — прежде чем обвинить тебя в промедлении.

Терри попытался скрыть смех; он судорожно вздохнул и, прижав ко рту ладонь, разразился приглушенным кудахтаньем. Лесса вздрогнула — внезапно Фандарел тоже издал громоподобный хриплый рев, который, вероятно, заменял ему смех. Радостно рыча, он игриво шлепнул Ф'лара по плечу, едва не сломав ему лопатку, и выдавил:

— Меня... хрр-хрр... до ночи... в промедлении... — Он снова зашелся в приступе хохота.

— Этот человек сошел с ума, — с сожалением произнес Ф'лар, продолжая игру. — Видимо, мы возложили на него слишком много...

— Ерунда, — заметила Лесса, критически рассматривая корчившегося от смеха кузнеца. — Он просто давно не спал и, насколько я понимаю, забыл про еду. Не так ли, Терри?

Помощник мастера в затруднении устремил взгляд к потолку. Лесса покачала головой.

— Поднимай-ка ваших поваров. Даже он, — Лесса ткнула пальцем в согнувшегося пополам Фандарела, — не сможет работать, если хотя бы раз в неделю не набьет пищи бурдюк, который называет животом.

Это замечание dokonало Терри, и он начал хохотать так, что на глазах выступили слезы. Лесса с сожалением посмотрела на него.

— Ладно, я разбужу их сама. Вы, мужчины, в таких делах совершенно бесполезны.

Она повернулась и шагнула к двери. Замотав головой, Терри

придержал ее за руку и ткнул кнопку в основании квадратного ящика, висевшего на стене. Затем, вытерев глаза ладонью, он громким голосом велел принести завтрак для главного мастера и еще четырех человек.

— Что это? — удивленно спросил Ф'лар. Казалось, эта штука не может передать сообщение даже на длину руки — не то что в Телгар.

— О, громкоговоритель! Очень полезная вещь, если вы не умеете реветь, как наш мастер. — Терри ухмыльнулся. — Мы поставили их в каждом зале. Избавляет от лишней беготни.

— Как-нибудь я займусь им повнимательнее, и тогда мы получим возможность связываться с любой областью, — добавил глава кузнецов. Он помотал головой. — Конечно, человек должен иногда спать; но смех тоже хорошо очищает душу.

— Это и есть передатчик посланий, который ты собирался нам показать? — с некоторым сомнением спросил Ф'лар.

— Нет-нет, — заверил его Фандарел, почти с раздражением отмахиваясь от ящика. Он шагнул к столу и показал на сложное сооружение из витой проволоки и керамических сосудов: — Вот он!

Лессе и Ф'лару было трудно понять что-нибудь в этой загадочной мешанине.

— Тот ящик на стене кажется более полезным, — сказал наконец Ф'лар и протянул руку, чтобы коснуться пальцем жидкости в сосуде.

Кузнец сжал его запястье.

— Это обжигает кожу не хуже, чем чистая ашенотри, — предупредил он. — Собственно, здесь почти то же самое. Теперь погляди сюда. В этих трубках заключены полоски металла, цинк и медь в каждой; они погружены в серную кислоту, которая заставляет металлы вступать в химическую реакцию. В результате возникает некая сила... Некая форма движения, которую я назвал химической энергией. Ею можно управлять. Вот здесь, смотри. — Он положил ладонь на металлическую рукоятку, которая нависала над полоской тонкого серого материала, закрепленной в двух роликах. Кузнец нажал ручку. Устройство негромко загудело. Он постучал по рукоятке, и на медленно движущейся серой ленте появилась серия красных штрихов разной длины. — Видишь, это послание. Арфисты придумали код, чтобы передавать сообщения с помощью барабанов — различной частота и длительность звука для каждой буквы. Здесь то же самое. Немного практики — и ты сможешь читать эти знаки так же легко, как обычное письмо.

— Но я не вижу особого смысла, чтобы писать таким образом. — Ф'лар указал на ленту между роликов. — Ведь ты говорил мне...

— Да-да, конечно. Но когда я нажимаю на эту ручку, другие устройства в Кrome и Айгене воспроизводят такую же надпись.

— Пожалуй, это быстрее полета дракона, — с благоговением прошептала Лесса. — Что здесь сказано? И как получаются эти линии? — Она осторожно коснулась пальцем ленточки, и на ее поверхности появилось красное пятно.

Кузнец удовлетворенно хмыкнул.

— Такой материал изготовить нетрудно. Он легко реагирует даже со слабыми кислотными выделениями твоей кожи.

— Вот явное свидетельство — какой у тебя характер, моя дорогая, — усмехнулся Ф'лар.

— Приложи свой палец, и увидим, что будет, — велела Лесса, сверкнув глазами.

— То же самое, — заметил мастер. — Эта лента сделана из натурального продукта, литмуса, его добывают в Айгене, Керуне и Тиллеке. Мы использовали его и раньше — для проверки кислотности растворов. Тут, под рукояткой, находится пропитанный кислотой стержень; когда он касается ленты, на ней возникает метка, и мы можем прочесть послание.

— А зачем эта проволока?

Кузнец приподнял моток прекрасно выделанной проволоки, присоединенной одним концом к устройству, другой был протянут к окну в стене мастерской. Теперь Ф'лар и Лесса обратили внимание на столбы, которые тянулись к далеким горам в направлении Крома.

— Она связывает наш передатчик посланий с таким же прибором в Кrome. Другая линия ведет к Айгену. Я могу послать сообщение в Кром, в Айген или в оба пункта одновременно с помощью специального переключателя.

— Куда же ты послал это? — спросила Лесса, показав на ленту.

— Никуда, моя госпожа. Переключатель стоял в положении приема. Видишь, как это удобно. — Фандарел легким движением пальцев покрутил ручку переключателя.

В этот момент две женщины в тяжелых кожаных одеяниях, которые носили работники мастерской, вошли в комнату с подносами в руках. Одна из них поставила тяжелый поднос на край стола рядом с песчаным лотком. Затем отпихнула разглядывавшую передатчик Лессу и повелительным жестом приказала своей помощнице подождать, пока на столе будет очищено место для второго подноса. С полным пренебрежением сдвинув в сторону

бумаги и инструменты, она пару раз взмахнула полотенцем и удовлетворенно кивнула головой. Второй поднос был водружен на стол, после чего обе женщины стремительно исчезли — прежде чем Лесса, пораженная такой грубостью, успела произнести хотя бы слово.

— Я вижу, ваши женщины отлично обучены, Фандарел, — мягко сказал Ф'лар, поймав негодующий взгляд своей подружки. — Не говорят, не кокетничают и не претендуют на внимание.

Терри хихикнул, освободил одно кресло от груды одежды и предложил Лессе сесть. Ф'лар поднял перевернутый табурет, в то время как Терри вытащил из-под стола еще один, ловко зацепив его ногой, и уселся. Движения его свидетельствовали о долгой практике. Фандарел, когда еда оказалась наконец перед ним, набросился на горячее.

— Значит, связь осуществляется по проволоке, — сказал Ф'лар, отхлебнув кла, который Лесса разлила по кружкам. — И сколько же понадобилось времени, чтобы протянуть линию отсюда, скажем, в Кром?

— Мы не совались в эту работу, — ответил Терри вместо своего мастера, чей рот был набит едой. — Столбы ставили работники из обоих холдов, и теперь их владельцы могут связаться друг с другом в любой момент. Было довольно трудно наладить производство проволоки и изготовить ее в нужном количестве.

— Вы просили Ларада о помощи? Он согласился?

Терри скорчил гримасу.

— Лорд Ларад интересуется больше тем, сколько огнеметов мы можем для него изготовить или как получить урожай побогаче.

Лесса поднесла ко рту кружку и с трудом проглотила кислый напиток. Хлеб был комковатый и плохо пропеченный, в мясных колбасах попадались огромные куски несъедобных хрящей, но оба кузнеца ели с аппетитом. Итак, небрежность и неряшливость слуганок — да еще такая пища...

— Если лорд поставляет вам такие припасы в обмен на метатели пламени, я бы на вашем месте отказалась иметь с ним дело, — выпалила Лесса. — Смотрите, даже фрукты гнилые!

— Лесса!

— Хотела бы я знать, как вы сумели столько достичь, если вас почти не кормят. Собственно, как вы вообще сумели выжить? — продолжала она, игнорируя возглас Ф'лара. — Как зовут твою жену? — Она повернула голову к Фандарелу.

— Лесса! — повторил Ф'лар, и строгие нотки скользнули в его голосе.

— Не надо жены, — пробормотал кузнец, — я... — Остальное

разобрать было невозможно, так как он продолжал энергично жевать.

— Ну, тогда вашей домоправительнице следует лучше присматривать за питанием.

Терри проглотил кусок и сказал:

— Наша домоправительница — неплохая кухарка, но она предпочитает пачкать пергамент, записывая, когда и сколько мы съели.

— Но какая-нибудь другая женщина могла бы...

Терри скривил рот.

— Мы так загружены всеми этими дополнительными проектами, — он кивнул в сторону передатчика, — что любой, кто может оказать помощь в работе...

— Что ж, у меня достаточно женщин в нижних пещерах, — задумчиво сказала Лесса. — И я, пожалуй, pošлю сюда Кеналу вместе с двумя ее подружками. Однако, — добавила она многозначительно, — они получат приказ заниматься только вашим питанием — и ничего больше!

Терри вздохнул с явным облегчением и отодвинул в сторону тарелку с колбасками.

— А сейчас я пойду и сама приготовлю кла, — продолжала Лесса; ее негодование показалось Ф'лару забавным — уж он-то знал, кто управляет домашним хозяйством Бендена! — Да, приготовлю сама! Как можете вы пить такую гадость! Не понимаю!

Она выскочила с кувшином за дверь, и последние слова ее сердитого монолога долетели до изумленных слушателей уже со двора.

— Пожалуй, она права, — сказал Ф'лар, улыбаясь. — Даже в самые тяжелые времена Вейр не получал ничего подобного.

— По правде говоря, раньше я не обращал внимания на еду, — сообщил Терри, пристально рассматривая содержимое своей тарелки.

— Это заметно.

— Мне и при таком питании удастся сохранить форму, — примирительно заметил Фандарел и одним богатырским глотком осушил полкружки кла.

— Но в самом деле, разве вам так трудно найти подходящих женщин?

— Видишь ли, нас в первую очередь интересуют те, кто имеет сноровку и способности к ремеслу, — вступился Терри за своего главного.

— Я не собираюсь критиковать ваши обычаи, мастер Терри, — мягко заметил Ф'лар.

За столом наступило молчание. Затем Терри хлопнул ладонью по стопке пергаментных листов и сообщил:

— Мы начали просматривать старые Записи. Тут много неожиданного. Мы узнали, как решить такие проблемы, о которых и не подозревали... Мы даже не могли их себе представить...

— Но в Архивах нет указаний, как справиться с нашей сегодняшней бедой, — добавил Фандарел.

— Надо бы выбрать время и все скопировать, — продолжал Терри. — Некоторые места уже сейчас почти невозможно прочитывать.

— Готов поспорить, что мы потеряем больше, чем сумеем сохранить и пустить в дело, — заметил Фандарел. — Некоторые пергаменты протерты до дыр... сведения утеряны...

Ф'лар посмотрел на кузнецов; казалось, они обмениваются репликами из длинной, хорошо отрепетированной и часто повторяемой жалобы.

— Вам не приходило в голову, что мастер-арфист мог бы помочь разобраться с вашими Записями? — спросил он.

Фандарел и Терри обменялись удивленными взглядами.

— Да, я вижу, вы к нему не обращались. Интересно, мастера разных цехов хотя бы иногда разговаривают друг с другом? — Ф'лар усмехнулся, припомнив, как отреагировал глава кузнецов на слова Робинтона прошлым вечером. — Напомню, что мастерские арфистов обычно переполнены учениками, которые переписывают все, что Робинтон сумеет для них найти. Они могли бы выполнить для вас работу по копированию Архивов.

— Пожалуй, это бы здорово помогло, — нерешительно сказал Терри, заметив, что его мастер не возражает.

— Так ты согласен или сомневаешься? Может быть, Записи хранят какие-нибудь секреты вашего цеха?

— О, нет. Ни главный мастер, ни я сам не пользуемся волшебством и тайными заклетьями, что передаются на смертном одре от отца к сыну...

— Не надо сыновей! — Кузнец фыркнул так, что верхний лист в кипе бумаг спланировал на пол.

— Такой способ обучения секретам мастерства подходит тем, кто рассчитывает умереть в собственной постели... и к тому же надеется, что судьба подарит ему достаточное время. Но Фандарел и я — мы готовы передать все наши знания в любой момент всем, кто в них нуждается.

Ф'лар смотрел на сутулого помощника мастера-кузнеца со все возрастающим уважением. Он знал, что Фандарел полностью полагается на исполнительность Терри и его такт в общении с

людьми. Но теперь Ф'лару стало ясно, что этот человек был предназначен не только для того, чтобы латать дыры в теоретических построениях Фандарела и слепо выполнять его инструкции. Терри, несомненно, обладал оригинальным и независимым умом — своеобразным, но столь же гибким и изощренным, как у его мастера.

— Знания не должны теряться и исчезать, — продолжал Терри менее торжественно, но по-прежнему пылко. — Некогда мы знали намного больше, чем сейчас. И все, что мы теперь имеем, — только драгоценные частички, осколки, добытые великими трудами в процессе независимого развития.

— Мы справимся, — вымолвил Фандарел, и нерушимый оптимизм кузнеца, словно монолитная глыба, подпер хрупкую конструкцию его помощника.

Ф'лар почувствовал, что пришло время сменить тему.

— У вас хватит людей и материалов, чтобы установить такое же устройство в Телгар-холде за два дня? — спросил он.

— Мы могли бы снять работников с производства огнеметов. К тому же, если вызвать людей из мастерских Айгена, Лемоса и самого Телгара... — Кузнец бросил взгляд на Ф'лара и добавил: — Но на спинах драконов они придут гораздо быстрее.

— Это я беру на себя, — пообещал Ф'лар.

На лице Терри отразилось облегчение.

— С Бенден-Вейром легко иметь дело, — произнес он. — Ты видишь, что нужно делать, и делаешь это быстро и надежно.

— У вас бывают сложности с Р'мартон? — с интересом спросил Ф'лар.

— Не в том дело, — серьезно сказал Терри, наклонившись вперед. — Ты постоянно обеспокоен тем, что происходит, что случается в мире.

— Боюсь, я не совсем понимаю...

— Я вижу всадников из разных Вейров и вижу, что нам предстоит... Древние сражаются с Нитями на протяжении всей своей жизни. Это все, что они знают. Они устали — и не только потому, что перепрыгнули на четыреста Оборотов вперед. Они устали сердцем, устали до мозга костей... Слишком часто поднимались они по тревоге, слишком много потеряли друзей и драконов, изуродованных, исхлестанных Нитями... Их мир покоится на обычаях — так безопаснее, это требует меньше энергии... Их мозги околели от непрерывных полетов в Промежутке, хотя сообщают они достаточно быстро, чтобы разубедить вас в чем угодно. Сколько они помнят себя, тут всегда были Нити. Они не могут вообразить, представить другое время — четыре сотни

Оборотов без Нитей. Но мы можем — мы жили в нем, как наши отцы и отцы отцов. Мы и они существуем в различном ритме; наши холды и мастерские отвергли древний ужас и пошли по другому пути, с которого нам уже не свернуть. Да, мы живы только потому, что Древние в своем прошлом сражались — как сражаются сейчас. И тем не менее мы нашли новую дорогу, а они принимают лишь единственную реальность, которая им известна, — ту, где они сражаются с Нитями. Они просто не способны понять, что мы можем пойти дальше — и уничтожить Нити навсегда.

Ф'лар серьезно посмотрел на Терри.

— Я не могу смотреть на Древних только так, как ты, — медленно сказал он.

— Терри абсолютно прав, Ф'лар, — раздался сзади голос Лессы. Она застыла на пороге с кувшином в руках, но теперь быстро подошла к столу и наполнила кружку кузнеца. — Именно такими соображениями мы должны руководствоваться в делах с ними. — Она тепло улыбнулась Терри, наливая ему дымящийся напиток. — Ты был красноречив, словно арфист. Ты уверен, что правильно выбрал цех?

— Вот это кла! — громогласно объявил Фандарел, опрокинув в рот содержимое кружки.

Ф'лар улыбнулся своей подруге.

— Ты уверена, что быть госпожой Вейра — твое истинное предназначение? — Он подставил свою кружку, с удовольствием вдохнув запах свежесваренного кла. Потом обернулся к Терри: — Удивительно, что никто из нас не понимал раньше подобных вещей — особенно после недавних событий. Человек же может сражаться день за днем, Оборот за Оборотом... хотя Вейры Древних как будто стремятся именно к этому... Кажется, они с охотой пошли на прыжок в наше время... — Он вопросительно посмотрел на Лессу.

— О, для них в этом было нечто новое, возбуждающее, — ответила она. — Однако задача осталась прежней — они боролись с Нитями на протяжении двух поколений в прошлом и продолжают бороться сейчас. Некоторые всадники Древних воюют уже пятнадцать-двадцать Оборотов, а мы только около семи.

Кузнец положил на стол огромные ладони, оттолкнулся и встал на ноги.

— Ну, болтовня не творит чудес; пора приниматься за дело. Чтобы покончить с Нитями, мы должны ликвидировать их источник. — Он бросил взгляд в сторону спящего. — Терри, налей кружку этого превосходного кла для Вансора, и попробуем с новыми силами приступить к работе.

Когда Ф'лар поднимался, за поясом у него хрустнул свиток с посланием брата.

— Подождите... я хочу взглянуть, что пишет Ф'нор.

Развернув письмо, Ф'лар пробежал мелко исписанные страницы, слова «огненная ящерица» бросились ему в глаза прежде, чем он осознал их смысл.

— Хм-м... Запечатление? Огненные ящерицы? — воскликнул он, разворачивая письмо так, чтобы Лесса могла его видеть.

— Никто не может поймать огненную ящерицу, — заявил Фандарел.

— Но Ф'нор смог, — возразил Ф'лар. — И Брекка, и Миррим.

— Воспитанница Брекки, — ответила Лесса. — Дочь Л'трела и одной из его женщин... той или другой... Да, Киларе это, наверно, сильно не понравилось!

Ф'лар прервал ее, предостерегающе подняв руку, и протянул листки Фандарелу. Теперь кузнец был полон любопытства.

— Какое отношение файры имеют к драконам? — спросил Терри.

— Судя по словам Ф'нора, большее, чем мы думали раньше. — Вождь Бендена дочитал последнюю страницу послания и тоже отдал ее Фандарелу. — Ну, что скажешь?

Кузнец в раздумье нахмурился, затем вдруг широко ухмыльнулся.

— Спроси мастера-скотовода. Он занимается животными, а я — машинами.

Отсалютовав Лессе своей кружкой, Фандарел шагнул к стене, к чертежу, который он изучал, когда вошли гости.

— Превосходный ответ. — Ф'лар со смехом повернулся к Лессе и Терри.

— Ты помнишь эту странную металлическую пластину с непонятными словами? — Лесса задумчиво уставилась в пол. — Ту, что нашли в Форт-Вейре? В ней упоминались огненные ящерицы. Одна из немногих фраз, смысл которой ясен.

— И что же?

— Я не хочу возвращать ее обратно в Форт. Это сообщение может оказаться более важным, чем мы думали.

— Там должны быть вещи и поинтереснее, — хмуро сказал Ф'лар. — Не забывайте, это первый Вейр. Кто знает, что там можно отыскать!

Лесса кивнула, подумав о Мардре и Т'роне.

— Т'рона, пожалуй, удастся уговорить.

— Лесса, сейчас не до этой ерунды!

— Если фэйры так похожи на драконов, то можно ли обучить их передавать послания? — спросил Терри.

— Кто знает? — произнес кузнец, отрывая взгляд от чертежа. — И стоит ли тратить на это время?

Глава 8

Южный Вейр, утро.

Цех скотоводов в Керуне, день

— Нет, Ранелли, я не видела Килару все утро, — терпеливо повторила Брекка старухе, уже четвертый раз.

— А еще тебе не мешало бы получше смотреть за своей собственной бедной королевой — вместо того, чтобы заниматься всякими глупостями... этими надоедливymi порхающими недомерками... — пробормотала в ответ Ранелли и, ворча что-то под нос и прихрамывая, вышла из главного зала Вейра.

Брекка наконец получила возможность взглянуть на рану коричневого Миррим. Фэйр с таким усердием поглощал лакомые кусочки из рук своей заботливой сиделки, что едва приоткрыл веки, когда Брекка осматривала его. Он был немного вялым — Миррим поила его успокаивающим боль отваром из трав, который, видимо, действовал на фэйра так же хорошо, как на людей и драконов.

— С ним все будет в порядке, малышка, — сказала Брекка встревоженной воспитаннице; та глубоко, с облегчением, вздохнула, и зеленые фэйры затрепетали на плечах девочки. — Старайся не перекармливать их — иначе начнет трескаться кожа.

— Ты думаешь, они останутся? — с тревогой спросила Миррим.

— Конечно. Ты так заботаешься о них. Они никогда тебя не покинут. Но у тебя есть работа... И, честно говоря, я не могу освободить тебя от нее.

— Все потому, что Килара...

— Миррим!

Пристыженная девочка опустила голову; ее очень обижало, что Килара только раздает приказы, а всю работу оставляет для Брекки. Это было нечестно. Миррим очень, очень радовалась, что маленькие фэйры предпочли ее этой женщине.

— А что наговорила старая Ранелли о твоей королеве? Ты хорошо ухаживаешь за Вирент'ой. Она просто придирается... — сказала Миррим.

— Ш-ш-ш... Пойду взгляну на нее. Она спит.

— Ранелли такая же плохая, как Килара. Она воображает, что такая мудрая... и знает все на свете...

Брекка собиралась отчитать свою воспитанницу, но внезапно услышала голос Ф'нора. Он звал ее.

— Послушай... Зеленые всадники привезли вчера мясо, которое висело в соляных пещерах, — быстро заговорила Брекка, стараясь, чтобы девочка запомнила ее советы. — Эта пища не подходит для файров, Миррим. Но мальчишки могут наловить цеппи... их мясо гораздо вкуснее. Правда, мы не знаем, что может случиться с ящерицами, если они получают слишком много свежего мяса. Будь осторожна.

Теперь можно было надеяться, что ей удалось несколько ограничить излишнюю щедрость Миррим. Брекка кивнула девочке и пошла навстречу Ф'нору.

— Посыльный из Бендена не прибыл? — спросил он, пытаясь ослабить перехватывающую плечо кожаную перевязь.

— Ты бы немедленно узнал об этом, — завершила она, ловко расстегивая ремень у него на груди. — На самом деле, — добавила Брекка с легким упреком, — с утра в Вейре не появился ни один всадник.

Ф'нор нахмурился.

— Что ж, их отсутствие легко объяснить. Почти в каждой бухте на побережье притаился дракон, а рядом, свернувшись калачиком, лежит всадник и притворяется спящим.

Брекка зажала рот ладонью. Нехорошо, если Миррим услышит, как она хихикает, словно девчонка из нижних пещер.

— О, ты, кажется, смеешься?

— Они просто приняли к сведению все, что случилось со мной, — заявила девушка с нарочитой строгостью, но глаза ее искрились весельем. Внезапно она заметила, что на плече Ф'нора не было обычного седока. — А где же...

— Гралл устроилась на носу Кант'а. Свернулась клубком между его глазами. Она так набила живот, что не шевельнулась, когда мы вошли в Промежуток... Но прости, Брекка, сейчас я беспокоюсь о другом. Можно ли надеяться на Г'нага? Боюсь, он не передал Ф'лару моего письма... или вообще потерял его.

— Тебе самому нельзя идти в Промежуток с такой раной. А Г'наг... если он сказал, что передал письмо, значит, это сделано. Вероятно, что-нибудь случилось.

— Более важное, чем Запечатление файров?

— Что-то могло произойти. С Нитями творятся странные вещи... — Лицо Ф'нора помрачнело, и Брекка оборвала фразу. —

Возможно, требуется увеличить число наблюдателей... жечь больше костров... И Ф'лар слишком занят. Ты не виноват, что оказался здесь и не способен ему помочь. — Она бросила взгляд в сторону моря, на север, и с возмущением воскликнула: — Эти всадники из Форт-Вейра вели себя отвратительно! Разнузданно! И потом — только представь! — забрать из Вейра зеленую, когда ей вот-вот предстоит... — Внезапно девушка повернулась к Ф'нору и смертельно побледнела: — Ранелли... она что-то говорила о моей Вирент'е...

Ф'нор протянул руку и поддержал девушку.

— Что случилось? Надеюсь, Килара не катается на Придит'е за день до брачного полета? Кстати, где она?

— Не знаю. Прости, мне нужно взглянуть на Вирент'у. О, нет, нет! Не может быть!

Она торопливо бросилась к лесу. Ф'нор последовал за ней под большие деревья, чьи развесистые кроны прикрывали сверху разбросанные постройки Южного Вейра.

— Мне кажется, ты зря беспокоишься о Вирент'е, — сказал он, но затем вспомнил, что молодая королева в последние дни часто покидала свое убежище. Он посмотрел на тонкую фигурку Брекки. Да, она была бы подходящей госпожой Южного Вейра... но сейчас девушка выглядела такой юной и беспомощной...

«Она в том же возрасте, в каком была Лесса, когда Мнемент' догнал Рамот'у в ее первом полете», — напомнил Кант'.

«И Вирент'а готова подняться?» — Ф'нор замедлил шаги, поставив этот вопрос своему коричневому.

«Скоро. Скоро. Бронзовые знают. Ждут».

Ф'нор мысленно прогулялся по списку бронзовых Южного Вейра, что доставило ему мало удовольствия. Дело не в том, что бронзовых было мало и это ограничивало Вирент'е выбор. Причина заключалась в бронзовых всадниках. Все они раньше оспаривали благосклонность Килары, причем парящая в небесах Придит'а вовсе не являлась главным призом в этой борьбе. Нет, их интересовала постель Килары... только она сама. Но теперь, чей бы бронзовый ни догнал Вирент'у, всадник получит Брекку... Мысль о том, что человек, который будет заниматься любовью с этой девочкой, когда-то ухлестывал за Киларой, раздражала Ф'нора.

«Кант' так же велик, даже больше, чем любой из здешних бронзовых», — обиженно подумал он. Раньше Ф'нор никогда не занимался подобным сравнением, да и сейчас безжалостно выбросил из головы эту мысль.

Предположим, тут окажется Н'тон... отличный парень, ко-

мандир крыла... Или Б'дор из Иста-Вейра... Ф'нор познакомился с всадником из Исты, когда его Вейр вместе с Бенденом защищал Нерат и Керун. У обоих превосходные бронзовые... Хотя Ф'нор отдал бы предпочтение Н'тону. Но если зверь Б'дора догонит Вирент'у, Брекка получит возможность перебраться в Исту. Правда, там уже обитали три королевы, но Надира, старшая из всадниц, как госпожа Вейра была куда лучше Килары — несмотря на происхождение из Древних.

Придя к этому решению — хотя и не имея понятия, как его выполнить, — Ф'нор продолжал идти по тропинке к пропеченной солнцем поляне Вирент'ы.

Он замер на опушке, остановленный предостерегающим знаком Брекки; теперь вниманием девушки полностью завладела ее золотая королева. Брекка стояла около опущенной головы дракона — тонкая фигурка грациозно склонилась над полуприкрытыми глазами, пальцы нежно ласкали надбровья... Вирент'а дремала; она шевельнула веком, подтверждая, что ценит оказанное ей внимание. Клиновидная голова зверя лежала на вытянутой передней лапе, длинный гибкий хвост обвивал заднюю часть тела. В ярком солнечном свете кожа ее отливала оранжево-желтым, что свидетельствовало о превосходном здоровье. Скоро этот цвет сменится сиянием горящего золота... Очень скоро, понял Ф'нор, рассматривая молодую королеву. Младенческая пухлость, неопределенность форм исчезли без следа, тело ее было гладким, мощным, литым — и удивительно пропорциональным. Ни одного недостатка; ноги — не слишком короткие, хвост — в меру длинный, шея — прекрасных очертаний. Несмотря на ее размеры — не меньшие, чем у Придит'ы, — она выглядела более подвижной. Да, несомненно, Вирент'а — лучшая из всех выводков Рамот'ы и Мнемент'а!

Брови Ф'нора сошлись в прямую линию — Брекка в присутствии своей королевы неувовимо изменилась. Она казалась теперь более женственной — и еще более желанной. Почувствовав его взгляд, девушка обернулась. Ее глаза, лицо сияли таким восторгом, что Ф'нор невольно смутился.

Он кашлянул и произнес:

— Ну, ты понимаешь, она скоро поднимется...

Слова его прозвучали несколько грубовато, но девушка только кивнула.

— Да, скоро, моя красавица... Хотела бы я знать, какое впечатление это произведет на него, — задумчиво сказала Брекка, показав на бронзового фэйра, дремлющего на шее дракона.

— Кто знает? — ответил Ф'нор и снова закашлялся, пытаясь

скрыть раздражение при мысли о том, что один из бронзовых всадников Южного будет скоро обнимать эту девушку.

— Что с тобой? Ты не заболел? — заботливо спросила она, снова превращаясь в ту Брекку, которую он прекрасно знал.

— Нет. — Ф'нор покачал головой и испытующе посмотрел на нее. — Так кто же окажется счастливецом? — Вопрос был вполне уместен. В конце концов, он являлся ближайшим помощником Ф'лара и имел право рассуждать о таких вещах. — Ты можешь потребовать открытого полета... ты же знаешь.

Девушка побледнела и прижалась к шее Вирент'ы. Словно искала утешения и поддержки.

Да, словно искала поддержки, повторил про себя Ф'нор, без большого удовольствия вспоминая, как Брекка смотрела на Т'бора прошлым днем.

— И ты знаешь, что в такой момент не имеет значения, если всадник уже связан с кем-то... — добавил он — и понял, что соболтнул глупость. Конечно, Брекка знала, какотреагирует Килара, если Т'боров Орт' догонит Вирент'у. Тогда ей в Южном не жить. Ф'нор застонал сквозь зубы, досадуя на свою неловкость.

— Болит рука? — встревоженно спросила девушка.

— Нет. С ней все в порядке. — Он шагнул вперед и положил здоровую руку на ее плечо. — Смотри, может быть, лучше тебе объявить открытый полет. Хороших бронзовых немало... Н'тон из Бендена, Б'дор из Иста-Вейра... Оба — превосходные люди... и звери у них отличные. Тогда ты могла бы покинуть Южный...

Глаза Брекки были закрыты; он почувствовал, что девушка дрожит.

— Нет! Нет! — едва слышно вскрикнула она. — Я останусь здесь. Только не в Бенден!

— Ну, что ж, Н'тон мог бы сюда перебраться.

Брекка снова вздрогнула. Она открыла глаза и выскользнула из-под его руки.

— Нет. Н'тон — он не придет в Южный, — произнесла она безжизненным голосом.

— Киларе не приходится на него рассчитывать, — продолжал Ф'нор, твердо решив ее успокоить. — Она, знаешь ли, далеко не с каждым мужчиной добивалась успеха... К тому же ты весьма привлекательная девушка.

С внезапной переменой настроения, так напоминавшей Лессу, Брекка улыбнулась ему:

— Это, знаешь ли, приятно слышать.

Ф'нор через силу улыбнулся ей в ответ и поклялся про себя, что впредь будет относиться внимательнее к людям, подобным

Брекке. У них в мизинце больше такта и тонкости, чем ему отпущено на всю жизнь.

Ладно, теперь он отправит сообщения Н'тону и Б'дору — и как можно быстрее. Рамот'а должна помочь ему.

— Как ты назвала свою ящерку? — спросил он девушку.

— Берд. Мы так решили вместе с Вирент'ой. Ей очень нравится файр. Ты только погляди на них! — Брекка с нежной улыбкой указала на дремлющую пару. — Но вся эта история — сплошная загадка. Почему я получила бронзового, ты — королеву, а Миррим — сразу трех?

Ф'нор пожал плечами:

— Ну и что? Со временем получится очень милое семейство.

Брекка, склонив голову, пылливо смотрела на него. Потом, набравшись смелости, сказала:

— Я думаю, что огненные ящерыцы — крошечные копии драконов. И у любого человека, оказавшегося рядом в нужный момент, есть шанс запечатлеть их. Значит, и боевые драконы — не только королевы, которым нельзя жевать огненный камень, — могут быть запечатлены женщинами.

— Сражения с Нитями — тяжелая работа, девочка. Оставь ее для мужчин.

— Ты думаешь, управлять хозяйством Вейра легче? — Голос Брекки оставался спокойным, но глаза сердито сверкнули. — Или вспахивать поле для посева и долбить утесы, чтобы построить новый холд? Или...

Ф'нор, защищаясь, поднял руки:

— Сдаюсь! Сдаюсь! Однако почему столь революционная идея пришла в голову девушки, родившейся в мастерской? Там, где для женщины есть только одно место — на кухне? Или ты беспокоишься о будущем Миррим? Ты мечтаешь, чтобы она стала всадником?

— Да. Она ничем не хуже — даже лучше! — многих мальчишек из Вейра. Я это знаю. — В голосе Брекки прозвучала такая суровость, что Ф'нор невольно удивился: каких мальчишек она имела в виду? Упрямо тряхнув копной волос, девушка продолжала: — Она сумела запечатлеть трех файров. Значит, ее способности...

— Эй, девочка, не торопись! Нам и без того хватает неприятностей с Древними. А если еще преподнести им эту мысль — о женщинах, которые могут летать на боевых драконах... — Он покачал головой. — Я понимаю, ты любишь Миррим, и, пожалуй, не зря — она хорошая, умная малышка. Но постарайся же рассуждать здраво!

— Я это и делаю. — В ее ответе было столько внутренней силы,

уверенности в своей правоте, что Ф'нор с удивлением захопал глазами. — Многие из племени Крылатых родились в мастерских, в холдах или на фермах — но их допустили к обряду Запечатления. И из них получились настоящие всадники! Сердцем, душой, разумом они преданы драконам; драконы — начало и конец их помыслов. Миррим...

В небе над Вейром возник дракон, сотрясая воздух трубным кличем.

— Ф'лар! Только у его Мнемента такой размах крыльев!

Ф'нор рванулся к площадке, которая служила посадочным полем в Южном. На бегу он махнул рукой Брекке, приглашая последовать за ним, но девушка покачала головой:

— Нет! Ты иди! Я останусь здесь — Вирента пробуждается.

Ф'нор вздохнул с облегчением. Он не рискнул бы предложить брату такое сильнодействующее средство, как рассуждения Брекки. Особенно сейчас, когда он собирался, ради ее же блага, заменить всадников Южного Н'тоном или Б'дором. Нужно придумать что-нибудь — что-то, способное уберечь Брекку от сцены, которую наверняка устроит Килара, если Т'боров Орт' полетит за Вирент'ой...

— Куда все подевались? — Ф'лар резким вопросом оборвал приветствия брата. — Где Килара? Мнемента не может найти Придит'у. Они что, отправились за сотню Оборотов проводить своих предков?

— Все отбыли в прибрежные пески. Пытаются поймать огненных ящериц.

— А если им на головы свалятся Нити? Занимаются глупостями... Словно считают этот континент неприкосновенным! А где же сам Т'бор, во имя Первой Скорлупы? Нам только не хватало, чтобы Нити опустошили Южный континент!

Подобная вспышка так не вязалась с характером Ф'лара, что Ф'нор с удивлением уставился на брата. Тот провел ладонью по глазам, потер виски. Холод Промежутка снова вызвал боль в заживающих ранах. И беседа в мастерской Фандарела осталась незаконченной...

Ф'лар протянул руку и стиснул пальцы Ф'нора:

— Прости меня. Я был слишком груб.

— Забудем об этом. Кстати, не Орт' ли появился там, справа?

Ф'нор решил, что сейчас не стоит расспрашивать Ф'лара о том, что его тревожит. Он мог и сам представить, что сказали Райд из Бенден-холда и Сайфер из Битры в ответ на требование мобилизовать людей. Наверно, они воображают, что Нити стали

падать нерегулярно лишь для того, чтобы Бенден-Вейр получил возможность снова побеспокоить свои верные холды.

Т'бор приземлился и широкими шагами направился к ним.

Вероятно, еретические мысли Брекки не так далеки от истины, подумал Ф'нор. Т'бор создал в Южном Вейре полноценное продуктивное хозяйство. Нелегкая задача. Из него вышел бы отличный холдер.

— Орт' передал, что ты здесь, Ф'лар. Что привело тебя в Южный? Ты слышал наши новости об огненных ящерицах? — Говоря, Т'бор отряхивал песок с одежды.

— Да, слышал, — ответил Ф'лар так сухо, что приветственная улыбка Т'бора погасла. — Я полагаю, ты знаком и с нашими новостями — о том, что Нити стали падать нерегулярно.

— Тут на каждом ярде побережья торчит по всаднику, так что ты не можешь упрекнуть меня в небрежности, — сказал Т'бор, снова улыбаясь. — Чтобы обнаружить Нити, не обязательно держать драконов в воздухе.

— Я думаю, ты тоже искал яйца файров? — В словах Ф'лара явно чувствовалось раздражение. — Ну и как, нашел что-нибудь?

Т'бор покачал головой.

— Очевидно, дальше к западу можно наткнуться на другие кладки, но тут нет ни обломков скорлупы, ни костей. Хищники хорошо потрудились.

— На твоём месте, Т'бор, я не отпускал бы весь Вейр на поиски этих ящериц. Кто знает — может быть, Нити надвигаются на материк со стороны океана.

— Но мы готовы к любой...

— Нити упали на северный Лемос на десять часов раньше расписания — хотя по нашим расчетам они должны были пройти через южный Лемос к Телгару, на юго-восток, — сурово произнес Ф'лар. — И я слышал, что Нити дважды падали беспрепятственно, — он сделал паузу, чтобы его слова дошли до сознания Т'бора, — на Телгар и Кром, в неурочное время. Значит, мы не можем больше полагаться на предыдущие наблюдения.

— Я немедленно подниму стражу и пошлю крылья на юг — так далеко, как они смогут проникнуть, — быстро сказал Т'бор, застегивая тяжелую кожаную куртку. Он бросился к Орт'у, и в следующее мгновение дракон одним гигантским прыжком взмыл в воздух.

— Орт' неплохо выглядит, — сказал Ф'лар и, усмехнувшись, хлопнул ладонью по здоровому плечу брата. — Ты тоже. Как твоя рука?

— На юге все заживает быстро... Скажи, падение Нитей действительно стало таким хаотичным?

— Не знаю. — Тень недовольства скользнула по лицу Ф'лара. — Покажи-ка мне лучше этих огненных ящеров. Они действительно стоят времени, которое потратили на них всадники Южного? А где твой фэйр? Могу я посмотреть на него? — Он бросил взгляд на север и нахмурился.

— Неужели я не могу покинуть Бенден на неделю, чтобы там опять что-нибудь не стряслось? — воскликнул Ф'нор с притворным отчаянием. Ф'лар с удивлением уставился на брата, затем усмехнулся; он начал успокаиваться. — Так-то лучше, — сказал Ф'нор, отвечая на его улыбку. — Пойдем. В главном зале Южного есть пара симпатичных фэйров... к тому же я не прочь выпить кла. Знаешь, я сам целое утро искал кладку. В горле пересохло. А может быть, предпочитаешь кружку местного вина?

Когда они вошли в главный зал Вейра, Миррим, следившая за мясом, которое тушилось в больших котлах, была там одна. Два зеленых фэйра с любопытством наблюдали за девочкой с наверх длинного широкого камина. На спине у нее что-то топорщилось, странно контрастируя с гибкой тонкой фигуркой. Ф'лар пригляделся — плечи девочки охватывал ремень, на котором устроился раненый коричневый; его маленькие глазки мерцали в отблесках пламени.

Она обернулась на звук шагов, зрачки ее расширились от страха, сменившегося удивлением, когда взгляд девочки перебежал от Ф'нора к Ф'лару. Рот Миррим в изумлении округлился, когда она узнала предводителя Бендена по его сходству с братом.

— Значит, ты — та... Та юная госпожа, которой достались сразу три фэйра? — Неторопливо пересекая просторный зал, Ф'лар направился к девочке.

Миррим, взволнованная, присела в низком реверансе; коричневый на ее плече протестующе курлыкнул, недовольный тряской.

— Можно мне взглянуть на него? — спросил Ф'лар и с привычной сноровкой почесал крохотное надбровье. — Красавец, какой красавец! Прямо-таки Кант' в миниатюре. — Ф'лар лукаво покосился на брата. — Он уже оправился от ран, девочка?

— Ее зовут Миррим, — подсказал Ф'нор с изысканной вежливостью, намекавшей, что память стала иногда подводить предводителя Бенден-Вейра.

— О, нет, мой господин, — Миррим наконец обрела голос, — но он уже выздоравливает.

Она снова низко присела.

— Я вижу, живот у него набит до отказа, — одобрительно заметил Ф'лар.

Он посмотрел на пару зеленых, вытянувшихся наверху тепло-го очага. Файры мягко попискивали, словно старались подбо-дить свою маленькую хозяйку. Затем они начали прихораши-ваться, вытягивая хрупкие, просвечивающие зеленые крылья, изгибая тонкие хвосты и тихо урча от удовольствия.

— Похоже, у тебя немало хлопот с этой троицей, — улыбнулся Ф'лар.

— Я справлюсь, господин мой, обещаю! И я не забуду о других делах! — Запыхавшись от усердия, она ринулась к ближайшему котлу, помешала его содержимое и вихрем примчалась назад — прежде чем мужчины успели повернуться. — Брекки здесь нет, — доложила она, — но если вы хотите кла... или кусок мяса... или...

— Мы нальем сами, — сказал Ф'нор, доставая с полки две кружки.

— О, но я должна...

— Ты должна приглядывать за своими котлами, Миррим. Мы справимся, — доброжелательно произнес Ф'лар, прикидывая про себя, что домашнее хозяйство в этом зале находится в гораздо бо-лее надежных руках, чем в мастерской Фандарела. Он кивнул брату и направился к самому дальнему от кухонного очага столу.

— Ты способен что-нибудь уловить от файров? — спросил он шепотом.

— О ней? — Ф'нор кивнул в сторону девочки. — Нет. Правда, по их поведению я легко могу понять, что творится в этих ма-леньких головках. Но зачем?

— Пустой вопрос. Ведь она попала сюда не в результате Поис-ка, верно?

— Нет, конечно, нет. Она — воспитанница Брекки.

— Хм-м... Если это не доказательство, то я уж не знаю...

— Доказательство чего, Ф'лар? Слух у меня в порядке, но я не всегда успеваю за твоими мыслями.

Ф'лар подарил коричневому всаднику рассеянную улыбку и вполголоса произнес:

— У нас будут неприятности с владельцами холдов. Они раз-очарованы; их не удовлетворяют действия Древних... возможно, скоро они начнут противиться любым экстраординарным мерам, которые мы попытаемся предпринять против Нитей.

— Райд и Сайфер добавили тебе хлопот?

— Если бы только они, Ф'нор... — Предводитель Бендена на-чал кратко пересказывать брату все, что он узнал от Лайтола, Ро-бинтона и Фандарела днем раньше.

— Да, Брекка была права, когда говорила, что случилось нечто важное, — задумчиво заметил Ф'нор. — Однако...

— Эти новости нелегко проглотить, — прервал его Ф'лар, — но наши хитроумные кузнецы могут кое-что подсказать. Они считают, что нужно не только наблюдать за Нитями. Нужно установить надежную связь с каждым холдом, с каждой мастерской Перна. Особенно с тех пор, как Древние отказались увеличить число патрулей. Сегодня я видел устройство... Мы собираемся показать его лордам, когда они соберутся на свадьбу в Телгаре.

— А Нити будут дожидаться этого события?

Ф'лар фыркнул.

— Возможно, они — меньшее из зол. Возможно, с ними легче справиться, чем с упрямством Древних и своеволием повелителей холдов.

— Главной причиной неприязни, которую питают лорды к людям Вейра, являются драконы. Зависть, Ф'лар... Может быть, эти огненные ящерицы помогут делу?

— Об этом я и подумал, когда узнал, что юная Миррим ухитрилась запечатлеть трех. Удивительно! Хотя она и родилась в Вейре.

— Брекка считает, что девочка могла бы запечатлеть и боевого дракона, — небрежно вымолвил Ф'нор, наблюдая за лицом брата.

Ф'лар пристально посмотрел на него, затем откинул назад голову и расхохотался.

— Можешь ты... вообразить... что сказал бы Т'рон? — выдавил он сквозь смех.

— Вполне... Не трудись излагать свою версию. Но файры способны сыграть хорошую шутку! Если они поддаются обучению и если нам удастся с их помощью поддерживать связь с холдами...

— Если, если! Кто знает, насколько они похожи на драконов?

Ф'нор пожал плечами.

— Я говорил тебе, что их можно запечатлеть — и, вероятно, на это способны многие. — Он кивнул в сторону суетившейся у очага Миррим. — Хотя Килара потерпела неудачу, когда попыталась отнять ящерок! — Злорадная улыбка скользнула по его губам. — Они — рабы своих желудков, и после появления на свет крайне кровожадны... Они отвечают на любовь и ласку... Драконы не питают к ним ревности. И, насколько я могу разобраться в их ощущениях, они полны привязанности к тем, кто первым взял их на руки.

— Они могут входить в Промежуток?

— Гралл, моя маленькая королева, способна на это. Насчет ог-

ненного камня... ничего не могу сказать. Подождем, понаблюдаем и увидим.

— У нас нет времени. — Ф'лар стиснул кулаки, глаза его беспокойно блеснули.

— Если нам удастся найти нетронутые кладки... вовремя, до этой свадьбы в Телгаре... Тогда, вместе с устройством Фандаре-ла... — Ф'нор многозначительно поднял брови.

Стремительным движением Ф'лар поднялся на ноги.

— Я хотел бы посмотреть на твою золотую. Ты назвал ее Гралл?

— Ты настоящий всадник, Ф'лар. — Губы Ф'нора растянулись в улыбке. — Не можешь вспомнить имя девочки, но с ящерицей — никаких проблем, верно? Пойдем. Гралл сейчас с Кант'ом.

— А ты мог бы вызвать ее сюда?

Это было бы впечатляющей демонстрацией, но Ф'нор покачал головой:

— Нет. Она спит.

Гралл действительно спала, уютно устроившись в тени левого уха Кант'а. Ее брюшко раздувалось от съеденного утром мяса, кожа блестела — Ф'нор смазал ее свежим маслом. Она соизволила приподнять веки, но глаза самочки были затуманены дремой; она не заметила ни неожиданного посетителя, ни Мнемент'а, который внимательно разглядывал ее. Бронзовый решил, что перед ним чрезвычайно забавное создание.

— Очаровательно. Уверен, что Лесса захочет такую же, — негромко произнес Ф'лар, спрыгивая с шеи Кант'а, откуда он обозревал спящего файра. — Надеюсь, она еще немного подрастет. Иначе Кант', зевнув, может ненароком проглотить ее.

Коричневый с таким негодованием отверг это предположение, что его ментальный сигнал не нуждался в комментариях.

— Если бы мы только имели время, чтобы выяснить, как долго нужно их обучать... И поддаются ли они вообще обучению... Но время столь же неподатливо, как наши союзники из прошлого. — Ф'лар пристально посмотрел на брата, не скрывая больше охватившую его тревогу.

— Не совсем так, — ответил коричневый всадник, твердо выдержав взгляд Ф'лара. — Как ты сказал, наибольшее зло гнездится в нас самих; и, конечно...

Резкий крик дракона — предупреждение об атаке Нитей — прервал Ф'нора на середине фразы. Коричневый всадник инстинктивно ринулся к своему дракону, но Ф'лар поймал его за руку.

— Ты не должен сражаться с Нитями, пока твоя рана не зажила! Лучше скажи, где тут они держат запасы огненного камня?

Ф'лару не нравились чересчур вольные порядки, заведенные в Южном Вейре, но в этот момент он ни в чем не смог бы обвинить его предводителя. Реакция всадников Т'бора была мгновенной. Сигнал тревоги еще не успел смолкнуть, как драконы заполнили небеса над Вейром. Они устремились вниз, к вейрам на полянах меж деревьев; в следующий миг всадники уже мчались за своим снаряжением и огненным камнем. У сараев с припасами толпились женщины и дети, набивая камнем мешки. В поселок на побережье, основанный рыбаками из Тиллека и Исты, отправили посланца, чтобы организовать наземную оборону. К тому времени, когда Ф'лар закончил свою экипировку и взмыл в воздух, Т'бор уже давал всадникам ориентиры.

Нити падали на западе, где тянувшаяся в глубь материка пустыня сменялась болотистой местностью, покрытой зарослями осоки, карликовыми деревцами с губчатой корой и низкорослым ягоdnиком. Мягкая почва болота превосходно подходила для Нитей; здесь им легко было углубиться, прокопать нору и расширять ее, поглощая богатый органикой торф и окружающие растения.

По команде Т'бора крылья, полностью укомплектованные, сохраняя боевой строй, одно за другим ныряли в Промежуток. Через миг, равный трем вдохам, драконы вновь появлялись в знойном воздухе, опаяя пламенем плотные клубки Нитей.

Вейр разворачивался широкой дугой почти у самой земли, и Ф'нор молчаливо одобрил выбранную Т'бором тактику. Крылья двигались вверх, разыскивая и уничтожая скопления Нитей. Прочие обитатели Южного — женщины, дети и выздоравливающие всадники — объединились с группой рыбаков из прибрежного поселка и образовали несколько наземных команд. Их было довольно много, но Ф'лар понимал, что они нуждаются в поддержке с воздуха. Обычно ее оказывали золотые — и сейчас три всадницы парили над землей. Но где же четвертая, Килара?

Когда участники наземной обороны, переброшенные к болоту группой драконов, рассыпались в зарослях, поливая из огнеметов каждый подозрительный куст, Ф'лар направил Мнемента вниз. Передовые разведчики обнаружили границу выпадения Нитей; они остановились, замахали руками и подняли крик, привлекая внимание всадников. Прислушавшись к их воплям, Ф'лар направил Мнемента к северу. Дракон резко развернулся и помчался над вершинами узловатых деревьев, едва не задевая их головой. Он пристально разглядывал почву, и Ф'лар, вытянувшись

на огромной шее, старался определить, что привлекло внимание бронзового. Драконы обладали способностью резко изменять фокусировку глаз, что помогало им различать мельчайшие детали как вблизи, так и на больших расстояниях.

«Что-то движется. Удаляется от нас», — передал дракон.

Высокие травы сгибались под взмахами его крыльев. Теперь Ф'лар видел резкие отметины с черными, опаленными краями, усеивающие листья ягодника. Он свесился вниз, пытаясь различить предательские отверстия нор, пласты перевернутой земли, прогалины в сочной зелени болота. Однако травы, кустарник, почва выглядели неповрежденными.

— Что ты заметил?

«Что-то яркое. Уходит от нас».

Мнемент' приземлился; его лапы глубоко зарылись в вязкую тину. Ф'лар спрыгнул и начал внимательно изучать заросли ягодника. Может быть, эти крошечные отверстия на листьях, похожие на булавочные уколы, появились в период предыдущего выпадения Нитей? Нет. Листва, без сомнения, завяла бы. Он проверил каждый бугорок, поросший травой. Ни единого признака норы. Однако Нити достигали почвы — причем недавно, во время этой атаки; они оставили отметины на траве, листьях и стволах деревьев на огромной площади — а затем исчезли без следа. Нет, это невозможно! С бесконечной осторожностью — так как жизнеспособные Нити легко могли прожечь толстые кожаные перчатки — Ф'лар поковырял почву. Мнемент', поняв замысел всадника, пустил в ход передние лапы и быстро отрыл довольно глубокую траншею. Вывернутые комья земли кишели личинками и червями, корчившимися среди толстых искривленных корней кустарника. Нигде никаких признаков Нитей.

Ф'лар был поражен. В этот миг над головой у него раздался зов парящих в вышине всадников. «Они спрашивают, не здесь ли проходит фронт атаки Нитей», — доложил Мнемент'.

«Передай, что граница должна быть дальше к югу», — ответил Ф'лар, вытянув руку в сторону пустыни. Он стоял, глядя на перевернутые пласты почвы, на белесых личинок, поспешно буравящих ходы в мягкой земле, чтобы спрятаться от обжигающих солнечных лучей.

Сломав толстую ветку, Ф'лар потыкал в стенку траншеи, пытаясь обнаружить нору с затаившимися Нитями. Затем сорвал пригоршню листьев и тщательно осмотрел их.

— Не понимаю, — озадаченно пробормотал он. — Случись это несколько дней назад, поврежденная листва уже завяла бы.

Он двинулся на юг, немного отклоняясь к востоку, пытаясь

точно установить место, где Нити впервые коснулись земли. Трава, кустарник и кроны деревьев вдоль его пути носили следы обжигающих ударов, но он не обнаружил ни одной норы.

Когда он нашел Нить, затонувшую в солоноватой воде болотистого озера, то решил, что достиг границы, с которой началась атака. Он попытался подойти к озеру напрямую, но увяз в грязи, и Мнемент'у пришлось вытягивать его на сухой берег.

Проходило время, но Ф'лар, сосредоточенно изучая странные особенности местности, не замечал, как летели минуты. Он едва не с испугом поднял голову, когда сверху появился Т'бор, возвещая конец атаки. И они оба были поражены, когда старший одной из наземных команд, молодой рыбак Торик, сообщил, что падение продолжалось не более двух часов.

— Короткая атака. Наверху уже ничего нет, а Торик говорит, что его люди нашли очень немного пораженных участков, — заметил Т'бор. Он был явно доволен успешными действиями своего Вейра.

Однако Ф'лар инстинктивно чувствовал, что тут что-то не так. Неужели Нити так сильно изменились? Он не слышал о подобных случаях. Нити всегда падали в течение четырех часовых интервалов — тем не менее небо было уже ясным и пустынным.

— Мне нужно посоветоваться с тобой, Т'бор, — сказал предводитель Бендена, и в голосе его прозвучала такая тревога, что собеседник мгновенно повернулся к нему.

Ф'лар зачерпнул пригоршню солоноватой воды, в которой плавали волокна погибшей Нити.

— Ты замечал такое раньше?

— Конечно, — ответил Т'бор с облегчением. — В этих лужах лишь немногие рыбы поедают утонувшие Нити.

— Тогда, может быть, в водах болота содержится нечто способное вызывать такой эффект?

— Что ты имеешь в виду?

Ф'лар безмолвно указал на испещренную шрамами листву, окружавшую их. Он наклонился, осторожно пропустил сквозь пальцы пучок остроконечной болотной травы. Поймав удивленный взгляд Т'бора, он показал на путь, которым шел к озеру. Сейчас там продвигались наземные отряды — и ни один язычок пламени не вырывался из их огнеметов.

— Ты хочешь сказать, там все выглядит так же? И как далеко?

— До противоположного фронта атаки. Не меньше часа быстрой ходьбы, — угрюмо ответил Ф'лар.

— В заболоченных дельтах рек вблизи Южного я видел травы и кустарник, отмеченные такими же следами, — медленно про-

изнес Т'бор, лицо его побледнело под загаром. — Я думал, это ожоги... может быть, от солнечных лучей... Сегодня мы обнаружили на земле лишь немногие скопления Нитей — и нигде никаких нор.

Т'бор был потрясен.

«Орт' говорит, что скоплений не было совсем», — возразил Мнемент', и Орт' повернул голову к предводителю Бендена, сверкнув огромными глазами.

— Случалось раньше, что Нити падали здесь такое короткое время? — спросил вслух Ф'лар.

«Орт' говорит, это произошло впервые. Может быть, тревогу объявили слишком поздно?»

Т'бор виновато взглянул на Ф'лара, когда тот сообщил ему о предположении Мнемент'а.

— Тогда нет ничего удивительного, что Нити падали недолго, — сказал он с надеждой, что странную ситуацию можно объяснить естественными причинами.

Внезапно над низкими кронами возник Кант', планируя к земле. Ф'лар едва удержался от выговора, заметив брата с огнеметом за плечами.

— Это самая необычная атака, которую я когда-либо видел! — вскричал Ф'нор, подняв руку в приветствии. — Мы не могли полностью уничтожить их в воздухе, но тут нет и следа нор! И мертвые Нити плавают в каждой луже. Думаю, нам надо благодарить судьбу. Но я ничего не понимаю.

— Мне это не нравится, — сказал Т'бор, покачивая головой, — совсем не нравится. — Он окинул взглядом листву, испещренную крохотными дырочками. — Не думаю, что зелень повреждена во время предыдущей атаки. Нити не падали здесь много недель. Я хорошо помню.

— Ты уверен? Теперь Нити падают, когда хотят и где хотят.

— Как могут они что-то хотеть? — с раздражением возразил Т'бор. — Они же совершенно безмозглые!

Ф'лар поднял взгляд к тропическим небесам, сверкающая голубизна которых затмевала зловещий блеск Алой Звезды, висевшей низко над горизонтом.

— Если даже Алая Звезда отклоняется от своего пути за четырехсотлетний Интервал, почему же не могут измениться Нити?

— Что же нам делать? — спросил Т'бор с ноткой отчаяния в голосе. — Нити, которые прокалывают листву и не прячутся в норы! Нити, которые падают нерегулярно и притом — в течение двух часов!

— Разошли патрули и дай мне знать, где и когда начнется сле-

дующая атака. Ты сам сказал, что Нити не обладают разумом. И как бы они ни изменились, мы сумеем справиться с ними. — Ф'нор нахмурился, посмотрев на жаркое солнце; он весь взмок в своей толстой кожаной куртке, рассчитанной на холод Промежуток и верхних слоев атмосферы.

— Давай еще раз осмотрим местность, — озабоченно предложил Т'бор. — Ф'нор, ты полетишь с нами? Если мы пропустим хотя бы одну нору...

С помощью Орт'а предводитель Южного начал опрашивать своих всадников — даже юношей-посыльных. Его интересовало все, что они могли заметить, все внушающее опасения.

Всадники Вейра растянулись над болотом; крыло за крылом проносились низко над землей, осматривая почву до самой границы выпадения Нитей. Однако ни один человек, ни один дракон не сообщили о чем-нибудь необычном. Местность, над которой еще недавно пролился смертоносный дождь, была чистой.

Это необъяснимое явление еще более взволновало Т'бора, но повторный поиск также не дал результатов. Крылья одно за другим ушли в Промежуток, только выздоравливающим всадникам пришлось отправиться в Вейр по воздуху.

Т'бор и Ф'лар подлетали к Южному, описывая круги над вершинами скал и кронами деревьев, меж которыми мелькали редкие поляны, служившие лежбищами драконам. На самой большой, расстилавшейся перед главным залом Вейра, вытягивала вверх шею Придит'а, приветствуя Орт'а.

— Еще один круг, Мнемент', — велел Ф'лар своему бронзовому. Он заметил внизу Килару и решил, что Т'бору будет полезно потолковать с ней наедине. Как он теперь сожалел, что поддался на уговоры Лессы и допустил, чтобы эта женщина стала госпожой Южного! Правда, в свое время такое решение казалось вполне логичным... Он искренне жалел Т'бора, которому приходилось обуздывать дурные наклонности Килары. И сейчас... Как могла старшая королева отсутствовать в Вейре! Как могла Килара отправиться куда-то, зная, что атаки Нитей стали нерегулярными? К тому же, где бы она ни была, разве до нее не донесся сигнал тревоги? Даже в самом глубоком сне драконы способны его услышать...

Ф'лар кружил над Южным, наблюдая, как драконы уверенно приземляются у своих вейров. Видимо, ни один зверь не пострадал при отражении атаки.

— Кажется, обошлось без потерь? — спросил он Мнемент'а. Бронзовый утвердительно рыкнул.

Новый и странный факт, связанный с недавним сражением,

почему-то еще больше расстроил Ф'лара. Ему не хотелось копаться в этом, и он велел бронзовому спускаться. Правда, мысль о предстоящей стычке с Киларой не приводила его в восторг, однако ему нужно было поговорить с Т'бором. Он не успел рассказать предводителю Южного о событиях сегодняшнего утра.

— Повторяю тебе, — сердитый голос Килары разносился над поляной, — я нашла кладку фэйров и запечатлила королеву! Вот она, смотри! Когда я вернулась обратно, тут не было никого, кто знал бы, куда вы направились! Я не могла дать Придит'е ориентиры! — Женщина повернулась к Ф'лару, глаза ее сверкнули. — Мои приветствия Ф'лару Бенденскому! — Тон ее стал таким приторно-ласковым, что Т'бор скрипнул зубами. — Как любезно с твоей стороны помочь нам, когда у Бенден-Вейра полно собственных забот!

Ф'лар не обратил внимания на издевку и вежливо склонил голову.

— Посмотри на мою огненную ящерицу! Ну, разве не прелесть? — Она вытянула правую руку, демонстрируя сонного золотистого зверька, брюшко которого было раздуто после недавнего пиршества в холде Мерона.

— Здесь оставалась Брекка, — упрямо буркнул Т'бор. — Она знала...

— Она! — Килара презрительно вздернула голову. — Она дала мне такие координаты, что я могла оказаться на краю западного болота! Нити там не падали, и...

— Падали! Сегодня! — закричал Т'бор с покрасневшим от гнева лицом.

— Рассказывай!

Придит'а начала безостановочно трубить. Лицо Килары смягчилось, и она повернулась к своей подруге, чтобы успокоить ее.

— Видишь, ты встревожил ее, а ведь приближается время брачного полета!

Еще немного — и последовал бы взрыв. Т'бору как вождю Вейра нельзя было приближаться к этой опасной черте. Тактика Килары казалась столь очевидной, что Ф'нор удивлялся, как мог предводитель Южного попасться на крючок. Может быть, для пользы дела лучше заменить Т'бора другим бронзовым всадником? Ф'лар подумал — уже не в первый раз, — что стоило бы объявить очередной полет Придит'ы открытым для соискателей из других Вейров. Килара согласится, она любит разнообразие. Но он понимал, что подобная мера оскорбит Т'бора. С другой стороны, среди Древних мог найтись достаточно твердый человек, которому по силам держать Килару в руках.

— Т'бор, карта материка находится в главном зале? — спросил Ф'нор, пытаясь отвлечь предводителя Южного. — Я хотел бы уточнить район падения Нитей...

— Разве тебе не понравилась моя королева? — настойчиво спросила Килара. Она шагнула вперед и, подняв руку, поднесла ящерку к самому носу Ф'лара.

Крохотное существо, проснувшись от резкого движения женщины, вонзило острые, как кончик кинжала, коготки в ее предплечье. Коготки проткнули толстый кожаный рукав куртки так же легко, как обжигающий удар Нити. Килара вскрикнула и взмахнула рукой, пытаясь стряхнуть фэйра. Ее рука не успела опуститься, как ящерка исчезла. Крик боли сменился воплем ярости.

— Смотри, что ты наделал, глупец! Ты напугал ее!

— Нет, не я, — холодно ответил Ф'лар. — Извлеки из этого полезный урок, Килара: не следует выводить других из терпения.

— Мое терпение тоже не беспредельно, Ф'лар Бенденский! — завопила разъяренная женщина, когда всадники, отвернувшись от нее, направились в главный зал. — И я не советую его испытывать! Ты слышишь? Не советую!

Она замолчала, потому что взволнованная Придит'а внезапно разразилась тонкими жалобными криками.

Тем временем оба всадника подошли к разложенной на большом столе карте и, разглядывая неведомые просторы Южного континента, попытались определить место сегодняшней атаки. Жалобы Придит'ы смолкли; вероятно, королева покинула поляну.

— Придется прочесать весь материк, — сказал Ф'лар. — А это немалая работа. Да, я осведомлен, — он поднял руку, предупреждая возражения, — что у тебя просто не хватает людей, даже при таком наплыве переселенцев с главного континента. Но Нити могли пересечь горы, — он провел пальцем вдоль горного хребта на карте, — и мы не знаем, что творится в этих неисследованных районах. Мы считали, что Нити выпадают только на побережье... а ведь одна-единственная нора способна проглотить любое количество органики. — Ф'лар задумчиво поглядел на карту, потирая висок. — Я бы многое дал, чтобы понять, как могли Нити падать в этом болоте незамеченными целых два часа и не оставить следов! И никаких нор! Поразительно!

Т'бор хмыкнул в знак согласия, но Ф'лар чувствовал, что мысли его заняты не этим. Он искоса взглянул на предводителя Южного.

— Она принесла тебе мало радости, Т'бор... Почему бы не объявить следующий полет открытым?

— Нет!

Рев Орт'а на поляне подтвердил отказ.

Ф'лар с удивлением посмотрел на собеседника.

— Нет, Ф'лар! Я буду держать ее в руках. И себя тоже. Но пока Орт' летает с Придит'ой, Килара — моя.

Ф'лар быстро опустил глаза, чтобы не видеть искаженного мукой лица всадника.

— Ты должен знать... — Голос Т'бора понизился до шепота. — Утром ей удалось найти кладку файров. Она забрала яйца в холд. Придит'а сказала Орт'у.

— В какой холд?

Т'бор покачал головой:

— Придит'а не говорила. Ей очень не хотелось увозить яйца из Вейра.

Ф'лар раздраженно откинул со лба прядь волос. Трудно представить более неприятную ситуацию... Дракон недоволен своим всадником! До сих пор только нерушимая связь Придит'ы с Киларой удерживала остальных от того, чтобы принять решительные меры. И какой бы глупой, испорченной и безнравственной ни была эта женщина, вряд ли она рискнет в эгоистическом ослеплении разорвать подобные узы.

«Придит'а не слышит меня, — внезапно сообщил Мнемент'. — Она не слышит Орт'а... Она несчастлива. Плохо, очень плохо».

Нити стали падать нерегулярно, в руки холдеров попали огненные ящерицы, один дракон в раздоре со своим всадником, а другой уже предвидит проблемы, которые встанут через день-два! И он, Ф'лар, еще думал, что тогда, семь Оборотов назад, столкнулся с настоящими трудностями!

— Сейчас я не могу с этим разбираться, Т'бор. Прошу тебя, вышли патрули и немедленно извести меня, если будут какие-нибудь новости. Когда удастся найти еще одну кладку, я буду очень благодарен, если ты пришлешь несколько яиц. И дай мне знать, вернется ли к Киларе ее маленькая королева. Я понимаю, она испугалась... Но если эти создания уходят в Промежуток так легко, они станут просто игрушками, не более.

Ф'лар вскочил на шею Мнемент'а и взмыл вверх, махнув на прощанье Южному рукой. Этот визит добавил ему хлопот. И вдобавок он потерял возможность поразить воображение лордов, продемонстрировав им огненных ящериц. Несомненно, опрометчивый дар Килары приведет к еще большим неприятностям. А сама госпожа Вейра — хороша, нечего сказать! Отправилась в какой-то холд! Ф'лару уже хотелось надеяться, что эти создания годятся только на роль бесполезных домашних любимцев; тогда

каприз Килары не принесет большого вреда. Однако эти крошечные копии драконов могут быть запечатлены кем угодно, так что определенного психологического эффекта не избежать... И он, пожалуй, положительно воздействует на взаимоотношения между Вейрами и Великими Холдами Перна.

Когда Мнемент' поднялся выше, в холодные слои атмосферы, мысли Ф'лар вернулись к Нитям. Итак, они упали. Они прокололи листву и травы, попали в воду и не оставили больше никаких следов в богатом органической жизнью болоте. Песчаные черви Айгена могли пожирать Нити и действовали почти так же эффективно, как ашенотри. Но личинки, кишевшие в болотной грязи, имели мало сходства с червями Айгена, сегментированные тела которых были покрыты плотным панцирем.

Решив произвести еще одну проверку, Ф'лар велел Мнемент'у направиться к западному болоту. Бронзовый перенес всадника прямо к траншее, которую процарапал пару часов назад своими когтями в болотистой почве. Ф'лар соскочил с плеча дракона на землю и распахнул свое одеяние; душный, прогретый солнцем воздух болота окутал его, словно толстая влажная шкура. Вокруг звучал негромкий хор звуков, которых он не замечал раньше, — звон, гудение и бормотанье, шлепки по грязи и воде. Но по сравнению с любым другим днем это можно было считать тишиной; болото словно замерло, напуганное пролившимся утром смертоносным дождем.

Он повернулся к куче земли, травы и кустарника, сооруженной Мнемент'ом. Личинки и черви больше не роились на поверхности почвы, серые корни ягодных кустов блестели от влаги. Пнув ногой мокрый пласт земли, Ф'лар обнаружил небольшое скопление личинок. Он поднял ком грязи, наблюдая, как крохотные белесоватые червячки пытаются укрыться от палящих солнечных лучей; затем взгляд его метнулся к кустам ягодника. Отметины от ударов Нитей почти исчезли! Тонкая кожица затягивала отверстия, листва восстанавливалась.

Личинки корчились на его ладони. Ф'лар швырнул влажный комок на землю и вытер пальцы о рукав куртки. Потом сорвал ветку, покрытую листьями; проколы от ударов Нитей затягивались на глазах.

Может быть, эти личинки были местным эквивалентом червей Айгена? Он вскочил обратно на плечо дракона.

«Мнемент', я хочу попасть в тот миг, когда Нити начали падать... часов шесть назад, солнце тогда стояло в зените».

Мнемент' не возразил, но в мыслях его читалось неодобрение. Ф'лар устал, Ф'лар должен вернуться обратно в Бенден и отдох-

нуть, посоветоваться с Лессой... Прыжок во времени нелегко дается людям...

Холод Промежутка окутал их, просачиваясь до самых костей. Ф'лара бил озноб — больше из-за возбуждения, чем из-за ледяного дыхания черной бездны. В следующий момент они снова повисли над болотом, но потребовалось несколько минут, чтобы жаркое солнце отогрело заledenевшее тело Ф'лара. Мнемент' плавно скользнул на север, потом повернул к югу.

Им не пришлось долго ждать. Небо потемнело, словно на него набросили серое покрывало, — всем известный признак надвигающегося падения Нитей. Ф'лар так часто видел это, что давно уже не испытывал страха. Он наблюдал, как мутная серая туча начала распадаться на отдельные клубки серебристых Нитей... а вот на это смотреть было очень трудно. Только смотреть на них, разрешая падать в болото внизу... Смотреть, как они прокалывают листву и травы, шипят, зарываясь в грязь... Мнемент' беспокойно шевельнулся, трепет пробежал по его крыльям. Древний инстинкт толкал его в бой; сжечь, испепелить врага, отвести эту страшную угрозу... Однако он остался на месте, наблюдая вместе со своим всадником, как стена серого смертоносного дождя движется через болото на юг.

Не дожидаясь команды, дракон приземлился сразу за фронтом атаки, сдвинувшимся к северу. Ф'лар, преодолевая внезапно подкатившую тошноту, повернулся к ближайшей кочке, буквально дымившейся от проникшей в почву Нити. На поверхности земли, у корней, появились личинки, их становилось все больше и больше, и двигались они все быстрее. Ф'лар выдернул небольшой куст; раздутые личинки посыпались с его корней вниз и зарылись в почву. Он бросил куст на землю и выдернул соседний, серые извивающиеся корни которого тоже были облеплены личинками. На листьях ягодника тлели следы, оставленные ударами Нитей.

Подчиняясь мгновенному импульсу, Ф'лар наклонился, вырвал еще один куст вместе с землей и с извивающимися личинками и стряхнул почву в кожаную полетную перчатку. Затем сунул ее за пояс и снова оседлал шею Мнемента', дав ему ориентиры Керуна, где у подножия холмов, переходящих в обширные сочные равнины, обитал мастер-скотовод Перна.

* * *

Мастер Согрейни, высокий лысый человек, настолько тощий, что кости его, казалось, грозили проткнуть туго зашнурованный жилет, не выказал большого удовольствия от неожиданного визита Ф'лара Бенденского.

Ф'лара встретили с сухой вежливостью, в которой проскальзывало удивление. Согрейни, как оказалось, ожидал появления на свет нового гибрида — породы, полученной от скрещивания легких, стремительных равнинных животных с тяжеловесными горными. Один из помощников мастера повел Ф'лара к огромному сараю. По дороге предводитель Бендена обратил внимание, что никто не пялил на него глаза; все занимались делом, несмотря на столь важное событие, как визит всадника. Они миновали опрятные хлева с безупречно чистыми каменными стенами, прошли мимо обширных теплиц, мимо навесов и амбаров. Поморщившись, Ф'лар сравнил эту картину с хаосом, царившим в мастерской Фандарела; но затем вспомнил об удивительных устройствах, которые создал кузнец.

— У тебя есть дело ко мне, предводитель Вейра? — спросил Согрейни, вежливо и сухо кивнув. — Что случилось?

Он стоял вполоборота к Ф'лару, разглядывая животное в стойле. Казалось, мастер приготовился к обороне, и Ф'лар невольно подумал, каким образом Д'рам из Иста-Вейра мог вызвать у этого человека такую неприязнь к всадникам.

— Мастер кузнечного цеха Фандарел предполагает, что ты сумеешь дать мне полезный совет, — ответил Ф'лар. Тон его был серьезным, а поклон, которым он приветствовал мастера, достаточно уважительным.

— Кузнец? — Согрейни подозрительно уставился на Ф'лара. — Но почему?

Теперь оставалось только гадать, что мог выкинуть Фандарел, чтобы так упасть во мнении мастера-скотовода.

— Два события привлекли мое внимание, добрый мастер. Во-первых, один из моих всадников нашел яйца огненных ящериц, целую кладку, и ухитрился запечатлить королеву...

Глаза Согрейни расширились, в них сверкнуло недоверие.

— Никто не может поймать файра!

— Согласен. Но его можно запечатлить. Что и было сделано. Мы полагаем, что огненные ящерицы имеют прямое отношение к драконам.

— Этого нельзя доказать! — Согрейни выпрямился и метнул настороженный взгляд на своих помощников, у которых вдруг нашлись какие-то срочные дела около мастера и его гостя.

— Почему же? Сходство вполне очевидно. В песках Южного материка, на побережье, были запечатлены семь ящериц. Одна — моим помощником, Ф'нором.

— Ф'нор? Тот самый, который подрался с двумя вороватыми всадниками в кузнечной мастерской?

Ф'лар проглотил комок желчи и молча кивнул. Этот при-
скорбный инцидент, кажется, принес пользу.

— У огненных ящериц, несомненно, много общего с драконами.

Согрейни только хмыкнул, но слушал внимательно.

— Я надеюсь, что ты, человек опытный в обращении с живот-
ными, знаешь что-нибудь о файрах. Айген, несомненно, кишит
ими.

Согрейни прервал его нетерпеливым жестом.

— У меня нет времени на этих летунов. Бессмысленные созда-
ния. И ни один из моих людей...

— Возможно, они принесут нам огромную пользу. Кроме то-
го, есть указания на то, что драконы были выведены из огненных
ящериц.

— Чушь! — Согрейни уставился на всадника, сжав в ниточку
тонкие губы и всем своим видом отвергая такую кощунственную
мысль.

— Во всяком случае, не цеппи же были их предками! И не
стражи порога!

— Человек способен целенаправленно влиять на размеры жи-
вотных, но не в таких пределах! Конечно, можно получать все бо-
лее и более крупные особи, отталкиваясь от первоначального об-
разца. — Согрейни ткнул пальцем в длинноногого быка в стой-
ле. — Но вывести драконов из огненных ящериц? Абсолютно
невозможно!

Ф'лар решил не тратить больше времени на обсуждение этого
вопроса. Вытащив перчатку, он вытряхнул на ладонь комок зем-
ли с личинками.

— Теперь взгляни сюда, мастер. Ты видел что-нибудь подоб-
ное?

Реакция Согрейни была мгновенной. С воплем ужаса он уда-
рил Ф'лара по руке, стряхнув личинки на каменный пол хлева.
Затем, взывая к помощникам, требуя то огня, то ашенотри, мас-
тер стал топтать извивающиеся личинки ногами, словно они бы-
ли средоточием зла.

— Как мог ты... всадник... принести эту мерзость... в мой дом?

— Мастер Согрейни, приди в себя! — отрезал Ф'лар, схватив
его за тощие плечи и как следует встряхнув. — Они уничтожают
Нити! Как песчаные черви. Как черви Айгена.

Согрейни дернулся в руках Ф'лара и бросил на всадника при-
стальный взгляд. Он покачал головой, похожей на обтянутый ко-
жей череп, и лицо его стало спокойным.

— Только огонь может уничтожить Нити, всадник!

— Я говорю тебе, — холодно произнес Ф'лар, — что эти личинки тоже уничтожают Нити!

Согрейни смотрел на него с нарастающей враждебностью:

— Они отвратительны. Не растрачивай мое время даром, всадник.

— Приношу глубокие извинения, — произнес Ф'лар с вежливым поклоном.

Но его ирония не действовала на этого человека. Согрейни снова повернулся к своему быку, Ф'лар больше не интересовал его.

Предводитель Бендена двинулся прочь, натягивая перчатки. Вдруг его пальцы коснулись чего-то влажного, скользкого. Личинки!

— Спросил мастера-скотовода, а? — пробормотал Ф'лар, перешагнув порог хлева и ясно представив ухмыляющуюся физиономию Фандарела. Низкий рев животных преследовал его. — Да, здесь выводят быков, но не идеи. Идеи не стоят затрат времени...

Пока Мнемент' кругами поднимался ввысь, Ф'лар размышлял над тем, много ли хлопот доставляет Д'раму этот старый глупец.

Глава 9

Тот же день, Южный Вейр

Полет из района западных болот в Южный Вейр был долгим. Наконец Ф'нор взбунтовался. Пожалуй, короткий прыжок в Промежутке не повредит раненой руке, решил он. Но Кант' проявил твердость. Огромный коричневый дракон, не обращая внимания на жалобы всадника, летел высоко над землей, используя попутный ветер и взбивая холодный воздух мощными взмахами крыльев.

Постепенно монотонность полета начала успокаивать Ф'нора. Стоило ли жалеть о том, что ему выпало несколько спокойных часов — неоценимое время для размышления? А Ф'нору нужно было подумать о многом.

Во время странной атаки сегодняшним утром коричневый всадник тоже заметил изъеденную листву болотных растений. Он вывернул с корнем несколько кустов, пораженных ударами Нитей, но не обнаружил следов нор. Ему ни разу не пришлось использовать висевший за плечами огнемет. Более того, люди из наземной команды тоже ничего не нашли; Ф'нор слышал, как они удивлялись, зачем Вейр вызвал их на помощь. Многие при-

шли из рыбацкого поселка, бросив спешную работу — они пытались завершить строительство каменного холда до сезона зимних бурь. Колонисты собирались устроиться на новом континенте основательно; юг нравился им больше, чем долины Исты и Тиллека, хотя они не таили обид на Варбрета и Отерела, лордов их родных холдов.

Ф'нор быстро сходилась с людьми, и его слегка забавляло, что многие, едва встретившись с ним, были готовы выложить все свои тайны. Таким образом ему удавалось узнать много полезного — ценой часов, потраченных на то, чтобы выслушивать многословные, часто бессвязные истории. Один из приятелей Ф'нора, молодой Торик из рыбацкого селения, рассказал ему о бухте с песчаным пляжем неподалеку от нового холда. Окруженная скалами, она была практически недостижима со стороны материка. Молодой рыбак утверждал, что обнаружил там следы огненных ящеров. Он хотел запечатлеть фэйра — и, возможно, ему повезет; он умел обращаться с животными, даже с хищными цеппи. В свое время Торик пытался убедить всадников Форт-Вейра, что достоин принять участие в обряде Запечатления драконов, но Трон отверг его. Юноша был сильно обижен на обитателей Форты и, узнав про их стычку с Ф'нором, полагал, что коричневый всадник тоже разделяет его чувства. Он сильно удивился, когда Ф'нор резко оборвал разговор на эту тему.

Двойственное отношение холдеров к всадникам давно занимало мысли Ф'нора. Неприязнь, смешанная с восхищением... Холдеры говорили, что всадники ставят себя выше их и обращаются с прочими жителями Перна высокомерно, надменно или снисходительно равнодушно. Но в то же время все обитатели холдов и мастерских — и мужчины и женщины — хотя бы в детстве мечтали пройти обряд Запечатления. И у многих это желание, перегорая, превращалось в озлобленную зависть. В свою очередь, люди Вейра считали, что во всем превосходят холдеров — но слишком часто проявляли не меньшую жадность к власти, богатству и женщинам. Иногда ремесленники были склонны упрощать ситуацию, утверждая, что Крылатые — просто один из цехов Перна, такой же, как и все остальные. Конечно, это не соответствовало истине. Ни один цех не заставлял своих членов постоянно рисковать жизнью, не требовал готовности в любой момент расстаться с ней — или с ее половиной, произвольно подумал Ф'нор. Он покачал головой; любая мысль о гибели или ранении его зверя была неприятна. Словно соглашаясь с ним, маленький золотой фэйр беспокойно шевельнулся на его плече, цапнув коготками широкий кожаный ремень перевязки.

Возможно, обида молодого Торика пройдет, если он запечатлит огненную ящерицу. В определенном смысле он почувствует себя удовлетворенным... как и другие люди, которым удастся обзавестись файрами. А если эти крохотные существа смогут переносить послания через Промежуток... Каким благодеянием это станет для Перна! Каждому — огненная ящерица? Звучит почти как боевой клич! Ф'нор фыркнул, представив, как на это отреагируют Древние. Неплохая встряска для них! Он захихикал, отгоняя заманчивое видение — обиженное лицо Т'рона, меж пальцев которого проскользнул файр — к какому-нибудь сопливному мальчишке-поваренку, низкорощенному холдеру. Что может сильнее ударить по высокомерной замкнутости Древних? Но надо быть справедливым к ним... В юности они посвятили свою жизнь драконам — и сделали это с чистым сердцем. Они терпят холод и боль, они рискуют жизнью в бесконечных сражениях с врагом. Они бьются с Нитями не ради славы, но потому, что в этом их предназначение. И выбор, который они совершили в юности, всего лишь первый шаг нелегкого жизненного пути. Когда проходит молодой задор и человек мужает, он все больше и больше ценит жизнь.

Тут Ф'нор вспомнил, что упустил возможность обсудить с братом некоторые проблемы, касающиеся Брекки. Теперь Ф'лар, вероятно, уже вернулся в Бенден. Втайне он ругал себя за то, что явно лез в чужие дела. Зачем ему вмешиваться в жизнь Южного? У Т'бора и так хватает неприятностей. Но стоило ему представить сцену, которую закатит Килара, если Орт' догонит Вирент'у... Нет, во имя Первого Яйца, с этим невозможно смириться!

Беспокойство не покидало его в течение всего путешествия, хотя Кант' время от времени успокаивающе посвистывал. Однако когда долгий путь был закончен и коричневый, кружа в лучах послеполуденного солнца, стал опускаться к полянам Южного, Ф'нор не чувствовал утомления. Несколько всадников кормили своих зверей, и он спросил Кант'а, не голоден ли тот.

«Брекка хочет тебя видеть», — сообщил в ответ коричневый, приземляясь около своего вейра.

— Наверно, будет меня бранить, — заметил Ф'нор, погладив лоснящуюся шею своего зверя. Он отошел в сторону, наблюдая, как дракон блаженно растянулся в теплой пыли.

Гралл соскользнула по ремню, и Ф'нор снова водворил ящерицу на плечо. Она недовольно чирикнула, цепляясь коготками за толстую кожу, когда он быстрыми шагами направился к вейру Вирент'ы. Гралл не любила тряски, а кроме того, была голодна.

Когда Ф'нор шагнул через порог, Брекка кормила Берда, сво-

его файра. Она улыбнулась, услышав щебет Гралл, и подтолкнула к Ф'нору блюдо с мясом.

— Я беспокоилась, что ты отправишься назад Промежутком.

— Кант' не позволил.

— Он прав. Как твоя рука?

— С ней все в порядке. Там нечего было делать.

— Я слышала. — Брекка нахмурилась. — Все только об этом и говорят. У меня такое чувство... — Она нерешительно запнулась.

— Продолжай, — попросил Ф'нор, присаживаясь к столу. — Что ты чувствуешь? -- Внезапно он ощутил волнение. Может быть, Вирент'а готова подняться в полет? Обычно Брекка оставалась спокойной; она не искала ни выгод, ни тщеславного удовлетворения в соревновании с другими обитателями Вейра. Брекка колеблется... Брекка в неуверенности... Само по себе это было событием.

Словно подслушав его мысли, девушка покачала головой и сжала губы.

— Нет, ничего такого... ничего личного. Мне просто кажется, что все пошло наперекос, начало странным образом меняться...

— И тебя это беспокоит? Мне помнится, ты тоже хотела кое-что изменить раз-другой? Скажем, позволить девочке запечатлеть боевого дракона... раздать холдерам огненных ящериц...

— Я говорила об изменении традиций. А сейчас идет речь о том, что обстановка ухудшается, становится нестабильной...

— И твои прежние заботы уже не кажутся столь важными, да? О, милая моя девочка. — Он с любовью посмотрел на нее, глубоко тронутый печалью, которая читалась в ясных глазах девушки. — Килара сильно тебе докучает?

Глаза Брекки сузились, но она покачала головой.

— Вспомни, ты можешь потребовать, чтобы в первом полете Придит'у сопровождали и другие бронзовые... из чужих Вейров. Скажем, Н'тон из Бендена и Б'дор из Исты могли бы...

Брекка отвернулась и яростно затрясла головой.

— Не подсовывай мне своих друзей! — резко сказала она. — Мне нравится в Южном, и я хочу здесь остаться!

— Хочешь? Да тебя здесь бессовестно эксплуатируют... и не только местные!

Девушка уставилась на Ф'нора, удивленная его возбужденным видом. На миг коричневому всаднику показалось, что он уловил ее мысли, но в следующий момент глаза Брекки стали непроницаемыми. Что она хотела скрыть? Ф'нор многое бы отдал, чтобы узнать это.

— И все равно я останусь здесь, — прошептала девушка, поло-

жив кусочек мяса в широко разинутый рот коричневого файра. — Я не боюсь тяжелой работы. И, пожалуйста, — губы ее дрогнули, — не пытайся отнять у меня хотя бы те крошечные радости, которые я себе придумываю...

— Придумываешь?

— Ш-ш-ш... Ты беспокоишь файров.

— Они это переживут. Вот с тобой, Брекка, что-то неладно. Ты заслуживаешь много большего, чем жизнь в далеком маленьком Вейре. Ты такая... такая хорошая, великодушная, трудолюбивая... о, клянусь Скорлупой! — Ф'нор в смущении замолк.

— Да, трудолюбивая, добрая, способная, честная — целый список достоинств, — с улыбкой продолжала Брекка. Она тихо вздохнула. — Я выучила эту молитву наизусть, Ф'нор. Не надо, мой друг; я знаю, кто я есть.

И столько горечи было в ее словах, что Ф'нор, заглянув в затуманившиеся зеленые глаза девушки, не выдержал. Отбросив сдержанность и проклиная свою бестактность, он перегнулся через стол и поцеловал Брекку в губы.

Ф'нор хотел только утешить ее и был совершенно не подготовлен к тому, какое действие невинный поцелуй окажет на Брекку — и на него самого. Снаружи, где-то далеко, раздался трубный рев Кант'а.

Не отрывая взгляда от девушки, Ф'нор медленно поднялся, обошел стол и сел рядом на скамью, обняв Брекку здоровой рукой. Ее головка упала на плечо всадника, и, наклонившись, он ощутил аромат и свежесть ее губ. Тело девушки было покорным и мягким, руки обвились вокруг шеи Ф'нора. Словноверя себя его защите, она прижалась к нему с такой доверчивостью, какой Ф'нор никогда не встречал у другой женщины. Да он и не вспоминал сейчас о других — пылких, очаровательных, дарящих ему наслаждение... То, что он испытывал сейчас, было совсем иным. Брекка... такая потрясающая жертвенность и невинность...

Ф'нор резко поднял голову, всматриваясь в глубину зеленых глаз.

— Ты никогда не спала с Т'бором. — Он просто констатировал факт. — Ты вообще не спала с мужчиной.

Она спрятала лицо у него на плече, тело ее напряглось. Нежно коснувшись волос девушки, Ф'нор заставил ее поднять голову.

— Зачем же ты нарочно давала понять, что между тобой и Т'бором...

Она слабо покачала головой из стороны в сторону; глаза ее больше ничего не скрывали, лицо стало печальным.

— Ты хотела, чтобы другие мужчины держались подальше, не

так ли? — настойчиво спросил Ф'нор, слегка встряхнув ее. — Для кого ты себя берегла?

Он знал ответ раньше, чем она произнесла хотя бы слово, знал его, когда пальцы девушки коснулись его губ, призывая к молчанию. Но почему она так печальна? Ф'нор не мог этого понять. Конечно, он был слепым глупцом, но теперь...

— Я люблю тебя с того дня, когда мы впервые встретились. Ты был так добр к нам... растерянным, вырванным из родных холдов и мастерских... Нас собрали во время того Поиска ради Вирент'ы, и одной из нас суждено было стать ее всадницей. Кому? Кто мог тогда сказать? А ты... ты был Крылатым, сыном Вейра, высоким, красивым и добрым... Разве я знала тогда... — Брекка запнулась, и глаза ее наполнились слезами, — разве я знала, что только бронзовые драконы летают с королевами!

Ф'нор притянул девушку к груди, его губы касались мягких волос, дрожащие пальцы Брекки гладили его плечи.

— Милая, — сказал он, когда ее рыдания затихли, — так вот почему ты отказалась от Н'тона?

Она кивнула и опять прижалась лбом к его груди, пряча лицо.

— Ты маленькая глупышка... изводишь сама себя... словно в наказание, — сказал Ф'нор с насмешливой нежностью. Он похлопал ее по плечу и с преувеличенным сожалением вздохнул. — Впрочем, ты родилась в мастерской, а что вы там знаете про обычаи племени Крылатых? Мораль холдеров — не для всадницы королевы. Госпожа Вейра должна считаться только с желаниями своего дракона и вступает в связь со многими всадниками, если ее королева выбирает разных самцов. Большинству девушек нравится такая свобода.

— Теперь я знаю об этом, — пробормотала Брекка, и тело ее словно застыло под руками Ф'нора.

— Что случилось? Я не нравлюсь Вирент'е?

— О, нет, нет! — Брекка выглядела испуганной. — Я хочу сказать... О, я не знаю, как объяснить тебе! Я люблю Вирент'у, но пойми же меня... Я не родилась в Вейре, и мне противно даже думать об этом! О такой... такой распушенности! Я не могу! Вот, я все сказала... Я не могу сделать это и боюсь, что буду мешать Вирент'е, когда придет ее время. Я не могу измениться так, чтобы принять обычаи Вейра. Я такая, какая есть!

Ф'нор попытался успокоить ее. Эта девушка, страдающая, неуверенная, разительно отличалась от той спокойной, серьезной Брекки, которую он знал.

— Никто не ожидает, что ты полностью изменишься... перестанешь быть прежней Бреккой... Но повадки драконов не осуж-

даются... во всяком случае, не всадниками. К тому же большинство королей предпочитает постоянно летать с одним бронзовым...

— Ты все еще не понимаешь... — Бездна звучала в ее голосе. — Я никогда не встречала мужчину, с которым могла бы... могла бы... — Ф'нор не разобрал ее тихий шепот. — Пока не увидела тебя. И я не хочу, чтобы другой владел мною... Я буду словно замороженной — и не сумею вернуть Вирент'у обратно! — Это был вопль отчаяния. — Я люблю ее, и когда она взлетит, я не смогу... Я думала, что мне удастся, но теперь я знаю... Нет, я... я...

Девушка попыталась вырваться, но Ф'нор даже одной рукой легко удержал ее. Внезапно она сникла в его объятиях.

— Значит, ты боишься потерять Вирент'у... Но любовь драконов отличается от человеческой. В такой момент мы живем их ощущениями, мы сами становимся драконами... и тут нет выбора. — Ф'нор крепко держал ее, чувствуя, что девушка старается отпрянуть от него, словно он стал ей так же противен, как и неизбежно надвигающиеся события. Он подумал о всадниках Южного, о Т'боре — и тоже вздрогнул от гнева и отвращения. Люди, привыкшие потакать экзотическим вкусам Килары, могли нанести непоправимый вред этой невинной девочке.

Ф'нор бросил взгляд на низкое ложе и поднялся, прижимая Брекку к груди. Он шагнул к постели, потом замер, услышав чьи-то голоса, доносившиеся с опушки. Сюда могли войти.

Все еще удерживая девушку одной рукой, он понес ее к выходу, не обращая внимания на гневные протесты. Видимо, она разобралась наконец в его намерениях. Позади хижины Ф'нора, рядом с лежбищем Кант'а, была прогалина, заросшая высоким и мягким папоротником. Там им никто не помешает.

Ф'нор хотел быть нежным с ней, но девушка сопротивлялась с неожиданным ожесточением. Брекка кричала, что они разбудят спящую Вирент'у, умоляла не трогать ее. Он не был нежным — скорее настойчивым и жестоким, — но в конце, когда Брекка сдалась, ее страсть поразила Ф'нора. Казалось, их драконы тоже включились в любовную игру.

Ф'нор приподнялся на локте, осторожно отбросил пряди влажных, перепачканных соком папоротника волос с закрытых глаз девушки. Лицо ее стало спокойным, безмятежным, и горячая благодарность затопила Ф'нора. Мужчина никогда не знает заранее, как отзовется женщина на его любовь; слишком часто многообещающие намеки флирта в реальности оказываются пустым звуком.

Но Брекка и в любви была такой же искренней, такой же от-

звичивой и щедрой, как всегда; в ее наивном неведении тайлось больше чувства, чем в ухищрениях самой искусной женщины, когда-либо встречавшейся Ф'нору.

Веки девушки поднялись, и на долгий миг ее глаза задержались на лице Ф'нора. Затем она со стоном отвернулась, избегая его пристального взгляда.

— Ты жалеешь об этом, Брекка? — шепнул он, полный раскаяния.

— О, Ф'нор, что же я буду делать, когда поднимется Вирент'а?

Ф'нор чертыхнулся, затем замолчал и стал нежно баюкать прильнувшее к нему податливое тело. Он проклял про себя те различия, что существовали между Вейром и холдом, но пульсирующая боль в руке напомнила ему, что разница между всадниками была меньшей. Он ясно понимал, что традиции и обычаи Крылатых, которые он почитал всю жизнь, теперь встали между ним и Бреккой. И он проклял их, и проклял себя, осознав наконец, что его неуклюжие попытки помочь девушке могли окончательно ее погубить.

Почти инстинктивно его сумбурные мысли достигли Кант'а, и Ф'нор попытался прервать контакт. Кант' не должен подозревать, какое сожаление сжимает сердце всадника из-за того, что его дракон — не бронзовый.

«Я так же велик, как самые большие бронзовые, — заявил Кант' с нерушимым спокойствием. Что-то промелькнуло в его ментальном сигнале — словно дракон слегка удивился, что должен напоминать своему всаднику про такой очевидный факт. — Я силен, достаточно силен, чтобы обогнать любого из здешних бронзовых».

— Верно! — Воскликание Ф'нора заставило Брекку повернуть голову. — Почему бы Кант'у не полететь за Вирент'ой? Во имя Первого Яйца, он может обойти любого бронзового! Даже Орт'а, если как следует постарается!

— Кант' полетит за Вирент'ой?

— Конечно.

— Но коричневые не летают с королевами. Только бронзовые могут...

Ф'нор крепко обнял девушку, пытаясь передать охватившее его ликование, облегчение и пьянящую радость, которую не мог выразить словами.

— Только по одной причине коричневые не летают с королевами — они меньше. Им не хватает выносливости для брачного полета с золотой самкой. Но Кант' огромен. Он самый большой,

самый сильный, самый быстрый коричневый на Перне. Пони-
маешь, Брекка?

Внезапно тело ее ожило. Надежда вернула краски лицу девуш-
ки, блеск ее зеленым глазам.

— Такое когда-нибудь случалось?

Ф'нор нетерпеливо встряхнул головой.

— Пришло время отбросить те обычаи, что мешают нам. По-
чему бы не начать с этого?

Он снова начал ласкать ее. Брекка не сопротивлялась, но глаза
ее оставались печальными, а тело застывшим.

— Я хочу, Ф'нор... О, как я хочу к тебе... — прошептала она. —
Но холод охватывает меня... холод сжимает мое сердце...

Он поцеловал ее — долго, страстно, — без колебаний исполь-
зуя любую уловку, чтобы пробудить девушку.

— Брекка, прошу тебя...

— Испытать счастье... Что в этом может быть плохого,
Ф'нор? — снова шепнула она; тело ее затрепетало.

Он снова приник к ее губам, призывая на помощь весь свой
опыт, полученный в десятках случайных встреч, и всю силу своей
любви, которая должна была соединить его с Бреккой телом, ду-
шой и мыслями навек. Да, навек — он чувствовал, знал... И ко-
ричневый дракон подтвердил это.

* * *

Килара кипела от ярости, когда мужчины, бросив ее на поля-
не, двинулись прочь. Волнение и гнев помешали ей найти подхо-
дящий ответ, но она сделает так, что эти двое пожалеют о своих
словах! Она еще отплатит Ф'лару за потерю королевы фэйров!
И с Т'бором она тоже сведет счеты! Он посмел сделать ей выго-
вор в присутствии Ф'лара — ей, госпоже Южного, в чьих жилах
течет благородная кровь властителей Телгара! О, Т'бор пожалеет
об этом! Они оба пожалеют! Она им еще покажет!

Исцарапанная рука горела. Боль напомнила Киларе, что у нее
были и другие причины для недовольства. Где эта соплячка? Где
Брекка? Куда все подевались — в то время, когда Вейр должен
быть полон людей? Почему они ее избегают? И где же, наконец,
Брекка?

«Кормит ящериц. И мне тоже надо поесть». У Придит'ы был
настолько сухой тон, что Килара, словно спросонок, удивленно
посмотрела на свою королеву.

— Ты неважно выглядишь, — сказала она.

Поток мысленных проклятий и брани, которую Килара посы-

лала вслед своим обидчикам, прервался, уступив место привычным заботам о самочувствии Придит'ы. Женщина инстинктивно ощутила, что не должна разрывать эмоциональной связи со своим драконом.

Ну, что ж, она не горит желанием лицезреть тупую крестьянскую физиономию этой Брекки. И ящериц она тоже не хочет видеть! Во всяком случае, не сейчас. Ужасные создания, неблагодарные! И вдобавок лишённые настоящих чувств. Эта маленькая тварь должна была понимать, что никто не собирается причинить ей вред... она хотела только показать ее.

Придит'а приземлилась на площадке кормления так резко, что Килара вскрикнула от пронзившей руку боли. Слезы выступили на ее глазах. И Придит'а тоже?

Но королева, не обращая на нее внимания, полурасправила крылья, прыгнула на жирного быка и начала насыщаться с такой жадностью, что Килара невольно забыла о своих обидах. Покончив с первой жертвой, Придит'а набросилась на вторую. Королева действительно была голодна, и Киларе пришлось признать, что в последнее время она пренебрегает своими обязанностями. Внезапно ей тоже захотелось есть; она представила себе, что второй бык — это Т'бор, третий, в которого вонзила зубы Придит'а, — Ф'лар, а завершившая обед крупная корова — Лесса. К тому времени, когда Придит'а насытилась, раздражение Килары утихло. Она вернулась в королевский вейр вместе с Придит'ой и долго скребла и чистила ее, пока кожа дракона не стала отливать ярким золотом. Наконец довольная Придит'а задремала, свернувшись на скале, нагретой солнцем, и Килара почувствовала, что испустила свою вину.

— Прости меня, Придит'а. Я не хотела обидеть тебя. Но они относятся ко мне так пренебрежительно... А каждый удар, нанесенный мне, роняет и твой престиж. Но скоро, скоро они не посмеют так обращаться с нами. Мы не останемся в этом унылом Вейре на краю света. Могущественные люди и самые сильные бронзовые станут искать наших милостей... Тебя будут чистить, скрести, умачивать маслом, холить и нежить. Ты увидишь, они еще пожалеют.

Веки Придит'ы были плотно сомкнуты, из ноздрей со слабым свистом вырывался воздух. Килара бросила взгляд на раздутый живот королевы. Она плотно поела и, пожалуй, будет спать долго.

— Я не должна позволять ей так наедаться, — прошептала Килара, качая головой. Но в тот момент, когда когти дракона вонзились в очередную жертву, она испытывала странное, необоримо притягательное чувство — словно горечь всех обид, оскорблений

и неутоленных желаний вытекала из нее вместе с кровью животного, орошавшей траву пастбища.

Ее рука снова начала гореть. Она отряхнула куртку из толстой кожи; песок и пыль покрыли едва подсохшие царапины. Внезапно Килара ощутила грязь, отвратительную грязь, пыль, песок и пот, которые покрывали ее тело. Еще она почувствовала усталость. Ей надо выкупаться и поесть... и пусть Ранелли разотрет ее и умастит свежим маслом. Но сначала... сначала она даст кое-какие поручения Брекке... этой маленькой благонаправной Брекке...

Она подошла к ее хижине сзади, со стороны окна, и услышала шепот. Это был мужской голос; в ответ раздался тихий смех Брекки. Килара замерла, пораженная. Радость? Да, радость и удовлетворение звучали в этом смехе. Она заглянула в окно, не опасаясь, что ее обнаружат; глаза Брекки были прикованы клицу мужчины, стоявшего перед ней.

Ф'нор! И Брекка?

Коричневый всадник поднял руку и с такой нежностью погладил прядь волос, упавших на щеку девушки, что Килара больше не сомневалась — совсем недавно эти двое были любовниками.

Ее раздражение, почти остывшее, вспыхнуло снова; холодный, яростный гнев охватил Килару. Брекка и Ф'нор! Ф'нор, который столько раз отвергал ее милости! А теперь — Брекка и Ф'нор!

Килара отодвинулась от окна, и Кант' решил не беспокоить своего всадника.

Глава 10

Раннее утро, зал арфистов в холде Форт.

Полдень, холд Телгар

Робинтон, мастер-арфист Перна, надел новый камзол; прикосновение мягкой ткани к коже было таким же приятным, как и ее глубокий зеленый цвет, радующий глаз. Он повернулся из стороны в сторону перед зеркалом, проверяя, как лежит одежда на плечах и груди, и остался доволен. Видимо, мастер-ткач Зург учел его привычку сутулиться — полы камзола не провисали и не задирались. Позолоченный пояс и нож отлично гармонировали с новым платьем.

— Ножи! Ох уж эти поясные ножи! — Недовольная гримаса Робинтона отразила неприятные воспоминания. Он пригладил волосы и шагнул назад, чтобы осмотреть штаны. Да, мастер-ко-

жевник Белесдан превзошел себя! Грубая и неяркая кожа цеппи была тонко выделана и окрашена зеленым — точно под цвет камзола. Оттенок башмаков был темнее; они мягко обнимали ступни и икры арфиста.

Зеленый! Робинтон усмехнулся про себя. Этот цвет не в почете ни у Зурга, ни у Белесдана, хотя получить соответствующий краситель не составляет труда. «Со временем мы избавимся от нелепых суеверий», — подумал Робинтон.

Он выглянул в окно, проверяя, высоко ли поднялось солнце. Сейчас оно стояло прямо над хребтом Форт. Следовательно, в Телгаре полдень и гости уже начали собираться. Ему надо подождать обещанного транспорта. Т'рон из Форт-Вейра неохотно согласился выполнить его просьбу, хотя по традиции, освященной сотнями Оборотов, глава арфистов мог требовать помощи от любого Вейра.

На северном небосклоне появился дракон.

Робинтон взял теплый плащ — в одной нарядной одежде он не выдержал бы ледящего холода Промежутка, — перчатки и свою лучшую гитару, упрятанную в войлочный чехол. Насчет нее он испытывал некоторые колебания. У Чада в Телгаре была превосходная гитара... с другой стороны, вряд ли мгновенный холод Промежутка повредит отличному дереву и струнам его собственного инструмента. В конце концов, дерево не столь уязвимо, как слабая плоть человека.

Проходя мимо окна, он заметил, как снижается второй дракон, и очень удивился.

Когда Робинтон вышел в небольшой дворик зала арфистов, то невольно издал возглас изумления. На востоке показался третий дракон!

Арфист вздохнул. Кажется, в этот день проблемы начались слишком рано; он надеялся, что его оставят в покое хотя бы до Телгара.

Итак, зеленая, синий и... о-о-о! — бронзовый! Крылья драконов сверкали в лучах утреннего солнца.

— Сибелл, Талмор, Брудеган, Тагетарл! Натяните лучшие тряпки и берите инструменты! Торопитесь — или я спущу ваши ленивые шкуры, а из кишок наделаю струн! — Громовой голос Робинтона проник в каждую комнату зданий, окружающих двор.

Две головы вынырнули из верхнего окна дома, где жили подмастерья.

— Сейчас, мастер!

— Идем!

— Одну минуточку!

Значит, четверо его арфистов да трое телгарских... у них будет прекрасный большой оркестр! Робинтон натянул на плечи плащ, забыв, что может измять прекрасный новый камзол, и иронически усмехнулся, рассматривая снижающихся драконов. Еще немного — и он узнает, чем вызвано это собрание.

Ему следует выбрать синего из Телгар-Вейра — он появился первым... Однако зеленого дракона прислал Форт, с которым у главной мастерской арфистов существовала долгая и прочная связь... С другой стороны, Бенден оказал наибольший почет, прислав бронзового...

«Выберу того, кто приземлится первым», — решил Робинтон и тут же озадачился, представив, как все три дракона одновременно касаются почвы. Он покинул двор, замкнутый четырехугольником строений, и вышел в расстилавшиеся перед ним поля. Крылатые звери могли опуститься только здесь.

Бронзовый приземлился последним, что исключало возможность почетного, но беспристрастного выбора. Три всадника сошлись на середине поля, в нескольких длинах дракона от растерянного пассажира, и тут же вступили в спор. Когда стало ясно, что синий и зеленый нападают на бронзового, Робинтон почувствовал, что должен вмешаться.

— Он связан с Форт-Вейром, — негодуяше говорил зеленый всадник. — Мы имеем право...

— Он гость холода Телгар, — перебил синий. — Лорд Ларад потребовал, чтобы...

Бронзовый всадник, в котором мастер-арфист узнал Н'тона, одного из первых юношей простого звания, запечатливших дракона в Бендене несколько Оборотов назад, был терпелив и спокоен. Он отвесил вежливый поклон Робинтону и произнес:

— Достойный мастер сам разберется, кто прав.

Остальные обожгли его оскорбленными взглядами, но спор прекратили.

— Не вижу проблемы, — заявил Робинтон твердым, непреклонным тоном, который он использовал весьма редко, давая понять, что возражения бесполезны.

Двое спорщиков замолчали и повернулись к арфисту, один — угрюмый, второй — негодующий.

— Для нашего цеха большая честь, что вы соперничаете из-за возможности послужить ему, — Робинтон сопроводил свои слова двумя ироничными поклонами, — и, должен вас обрадовать: мне нужны все три дракона. Пользуясь счастливой оказией, я намерен взять с собой в Телгар еще четырех арфистов.

Он подчеркнул слово «счастливой», заметив взгляды, которые

ми обменялись синий и зеленый всадники. У молодого Н'тона не дрогнул ни один мускул. Превосходные манеры у парня, хоть он родился в мастерской!

— Мне велели привезти тебя, — кисло заметил всадник из Форта.

— И выполнить поручение с таким удовольствием, чтобы я весь день чувствовал себя счастливым, — с живостью подхватил Робинтон. Он заметил, как синий всадник довольно ухмыльнулся, и поклонился ему: — Несмотря на то что я высоко ценю внимание Р'марта — хотя у него, кажется, были недавно какие-то трудности в Телгар-холде? — я полечу на драконе из Бендена. Его посланец, по крайней мере, оставил выбор за мной.

Его помощники уже выскочили из ворот и торопливо шли по полю, прижимая к себе инструменты; с их плеч свисали тяжелые плащи. Когда юноши, побледневшие от волнения, запыхавшиеся, но радостные, выстроились в ряд перед Робинтоном, он внимательно осмотрел каждого. Сибеллу было приказано подтянуть штаны, Талмору — застегнуть болтавшийся ремень, Тагетарлу — пригладить взлохмаченные волосы. Внешний вид Брудегана оказался безупречным, и мастер довольно кивнул.

— Мы готовы, мои господа, — объявил он и шагнул в сторону Н'тона, слегка поклонившись остальным всадникам.

— Я не могу сообразить... — начал зеленый всадник.

— Это заметно, — обрезал его Робинтон; голос его стал холоднее ледяного дыхания Промежутка. — Брудеган, Тагетарл, полетите на синем. Сибелл, Талмор — с ним. — Арфист кивнул на спорщика из Форт-Вейра.

Брудеган, сохраняя каменное спокойствие на лице, вежливым жестом предложил всадникам пройти вперед. Те подчинились без дальнейших возражений. Как все периниты, они немного побаивались арфистов. Никто не хотел в один прекрасный день стать героем какой-нибудь развеселой песенки, которую распевают по всей земле, от океана до океана.

Бронзовый Н'тона, на котором восседал арфист, появился в воздухе прямо над утесом, в толще которого был вырублен внутренний холд Телгара. Быстрая река, начинавшаяся на склонах восточного хребта, прорезала мягкий камень, образовав ущелье, которое постепенно расширялось и переходило в долину Телгара. Горный склон здесь спадал вниз уступами, напоминая гигантскую лестницу; на одном из таких уступов и располагался Телгар-холд. Сотня окон пяти его уровней была обращена к югу, благодаря чему внешние помещения холда были всегда хорошо освещены. Все окна закрывались тяжелыми бронзовыми ставнями.

ми — отличительный признак Телгара, подчеркивающий его богатство.

Сегодня стены великого Телгара переливались радугой знамен всех холдов Перна, кровь которых когда-либо смешивалась с благородной кровью телгарских властителей. Огромный двор был увит благоухающими ветвями и цветами лунного дерева; их аромат смешивался с аппетитными запахами, доносившимися из кухонь. Если судить по числу длинноногих скакунов, которые паслись между стадами скота по берегам реки, гости прибывали уже в течение нескольких часов. В эту ночь все комнаты в старом Телгар-холде будут заняты, и Робинтон порадовался, что ранг дает ему право на почетное место. Возможно, придется потесниться, ведь он привез с собой четырех арфистов. Они могут оказаться лишними; в этот день сюда наверняка устремились музыканты со всей округи. Впрочем, счастливой оказией нельзя пренебрегать.

«Я должен думать о радостном, счастливом», — размышлял Робинтон, вспоминая слова Фандарела. Он коснулся ладонью плеча всадника.

— Ты останешься, Н’тон?

Молодой человек с улыбкой обернулся к арфисту, но глаза его были серьезными.

— Лиот’у и мне следовало отправиться на патрулирование, мастер Робинтон, — сказал он, ласково похлопав шею бронзового. — Но я хотел увидеть Телгар и, когда лорд Асгенар попросил привезти тебя сюда, был рад оказать эту услугу.

— Я рад не меньше, — произнес на прощание Робинтон, соскальзывая с плеча дракона на землю. — Спасибо тебе, Лиот’, за приятное путешествие.

«Арфисту достаточно попросить».

Робинтон, пораженный, уставился сначала на Н’тона, но юноша рассматривал группу ярко одетых молодых женщин, идущих с пастбища. Мастер-арфист повернулся к Лиот’у, чьи огромные глаза сверкали всего в нескольких шагах. Дракон расправил крылья, и Робинтон поспешно отступил назад, все еще не в силах поверить, что слышал его слова. Однако другого объяснения не существовало. Да, этот день, несомненно, полон сюрпризов!

— Мастер? — почтительно окликнул его Брудеган.

— А? Все в порядке, парни. — Он улыбнулся юношам. Талмор никогда раньше не летал, и глаза мальчика остекленели. — Брудеган, ты знаешь дорогу. Веди их в помещение арфистов, и пусть хорошенько запомнят путь. И возьми мой инструмент. Пока не начнется пир, гитара мне не нужна. Во время торжества вы долж-

ны смешаться с толпой, играть, рассказывать и слушать. Вы знаете свои обязанности, мы не раз их повторяли. Работайте. Прислушивайтесь к сообщениям, которые передают барабаны, и старайтесь разобраться в них. Брудеган, возьми с собой Сибелла, это его первое серьезное выступление... Нет, Сибелл, если бы я сомневался в твоих способностях, тебя сегодня не было бы с нами... Талмор, следи за ритмом. Тагетарл, дожись конца пира, прежде чем бросишься очаровывать девушек. Скоро ты станешь настоящим арфистом... не подвергай опасности добро холдеров. И всем вам повторяю — выбросьте из головы мысли о вине.

Закончив с советами, он покинул парней и двинулся вверх, к большому двору Телгара, кланяясь и улыбаясь тем, кого узнавал среди пестрой толпы холдеров, ремесленников и женщин в нарядных платьях.

Ларад, лорд Телгарский, облаченный в желтое, и жених, Асгенар Лемосский, в сверкающем одеянии «ночное небо», стояли у огромных металлических дверей главного зала холда. Женщины Телгара были в белом — кроме Фамиры, невесты, сводной сестры Ларада. Ее белокурые волосы ниспадали на пышный воротник традиционного свадебного платья, переливавшегося всеми оттенками красного.

Робинтон на минуту остановился около ворот, в тени правой башни, разглядывая гостей, уже разбившихся на небольшие группы посреди просторного, праздничного украшенного двора. У конюшен он заметил Согрейни, мастера-скотовода, и удивленно приподнял брови. На свадьбе человек не должен выглядеть так, словно от его соседей разит чем-то неприятным. Вероятно, Согрейни хотел показать, что не одобряет пустую трату времени. Мастер-ткач Зург и его суетливая жена переходили от группы к группе; Робинтон не удивился бы, узнав, что они проверяют качество тканей. Хотя... трудно сказать. Возможно, мастер Зург и его супруга с доброжелательной беспристрастностью хотели одарить каждого кивком и улыбкой.

Мастер-горняк Никат был погружен в беседу с мастером-кожевником Белесданом и мастером-фермером Андемоном; рядом их жены, собравшись тесной кучкой, проводили что-то вроде совещания. Корман, владетель Керуна, с важным видом наставлял десяток юношей, окруживших его, — явно сыновей и кровных родственников; их носы были точной копией клюва, украшавшего физиономию старого лорда. По-видимому, они только что прибыли; дождавшись конца лекции, парни развернулись и чинно последовали за родителем. Лорд Райд Бенденский инструктировал своих подопечных; заметив приближение команды Корма-

на, он поклонился и вежливо отступил в сторону, освободив дорогу. Лорд Сайфер из Битры махнул Райду рукой, приглашая присоединиться к компании владельцев малых холдов, беседовавших около лестницы, что вела на наблюдательную башню. Других лордов — Мерона из Набола, Грожа из Форты, Сангела из Болла и Нессела из Крома — Робинтон не смог обнаружить нигде.

В вышине затрубили драконы, и несколько десятков крылатых зверей начали по спирали спускаться к широкому полю, на котором приземлился Робинтон. Бронзовые, синие — о, даже пять золотых королей! Высадив пассажиров, большинство драконов опять взмыли в воздух, направляясь к нависавшим над холдом утесам.

Робинтон направился к хозяину Телгара, прежде чем вновь прибывшие поднялись по крутой дороге к воротам большого двора.

Ларад приветствовал арфиста с искренним радушием, скрывавшим глубокую внутреннюю тревогу. Беспокойство мелькало в голубых глазах лорда, когда он осматривал просторный двор. Лорд Телгара был представительным мужчиной, и его приятное лицо лишь отдаленно напоминало черты Килары, его единственной родной сестры. Очевидно, она полностью и безраздельно унаследовала родовую спесь. К счастью для Ларада, отметил Робинтон.

— Добро пожаловать, мастер Робинтон! Мы все с нетерпением ждем твоих веселых песен! — сказал Ларад, почтительно кланяясь арфисту.

— Наши мелодии будут соответствовать и времени, и событию, — ответил Робинтон, широко улыбаясь. До них долетели первые звуки музыки — в толпе гостей появились молодые арфисты.

Свист огромных крыльев, рассекающих воздух, заставил всех поднять глаза. Со стороны солнца летели драконы, их тени скользили по двору. На мгновение все разговоры затихли, затем возобновились с новой силой.

Робинтон шагнул вперед, приветствуя первую леди Ларада и его единственную любовь. Молодой лорд отличался постоянством и не приближал к себе других женщин. Затем арфист повернулся к жениху:

— Лорд Асгенар, прими мои поздравления. Леди Фамира, я желаю, чтобы счастьем было тесно в твоём доме.

Девушка зарделась, бросив робкий взгляд на Асгенара. Глаза у нее были голубые, как у сводного брата. Она давно знала своего суженого. Ларад и Асгенар воспитывались вместе в Керуне, у

лорда Кормана; правда, Ларад принял сан повелителя холода значительно раньше. Так что с этой свадьбой не возникало никаких проблем, хотя Конклав лордов должен был утвердить брак — ведь в будущем потомство этой молодой четы могло претендовать на Телгар или Лемос. Если человек был повелителем холода, он широко разбрасывал свое семя и впоследствии принимал сыновей в семью — в надежде, что один из них окажется приемлемой кандидатурой для Конклава, когда возникнет вопрос о наследовании. Мудрый властитель никогда не отказывался воспитывать детей других лордов и с охотой отдавал на воспитание своих сыновей. Подобные связи обеспечивали ему поддержку в Конклаве.

Робинтон лавировал в толпе, заполнившей двор. Он то прислушивался к разговорам, то вступал в беседу, роняя острое словцо или потешая гостей забавной историей. Между делом он подкрепился пригоршней колбасок и кружкой сидра; угощение было выставлено на длинных столах около кухни. Пир начнется только после захода солнца. Вначале лорды и владельцы малых холодов соберут Конклав. Робинтон надеялся проникнуть туда с помощью Чада, телгарского мастера-арфиста. Наверняка там будут обсуждаться не только вопросы о слиянии кровных линий Телгара и Лемоса.

Он бродил по обширному двору, бдительный, настороженный, стараясь уловить и взвесить каждый нюанс, жест, взгляд, улыбку и тень раздражения на лице. Он мог наблюдать здесь весь Перн — Перн, состоящий из множества групп, объединявших людей либо по месту обитания, либо по профессиональной принадлежности и рангу. Внезапно он понял, что в пестрой толпе нет ни Фандарела, ни Терри — и вообще ни одного человека из цеха кузнецов. Это удивило Робинтона. Закончил ли Фандарел свой прибор для передачи сообщений? Арфист бросил взгляд на склон горы — там, как ему описывали, должна была идти линия столбов. Но он ничего не увидел. В задумчивости он прикусил нижнюю губу.

С высот, нависших над холдом, раздался трубный клич драконов. Робинтон усмехнулся. Что за звуки! Если бы он мог договориться с этими зверями — какой дивный аккомпанемент получил бы к его новой балладе!

— Досточтимый мастер, ты видел Ф'лара или Фандарела? — К арфисту подошел Лайтол, придерживая за локоть юного лорда Джексама.

— Еще нет.

Лайтол нахмурился и, обратившись к мальчику, сказал, что

ему не мешало бы познакомиться с благородными юношами Телгара. Затем управляющий отвел Робинтона подальше от толпы гостей.

— Как ты думаешь, какое впечатление на лордов произведет Мерон Наболский?

— Впечатление? — Робинтон насмешливо фыркнул. — Я полагаю, его просто проигнорируют... Не то чтобы его мнение ничего не значило для Конклава, но...

— Речь не об этом. Я имел в виду огненных ящериц, которых он раздобыл... — Лайтол остановился и пристально посмотрел на арфиста. — Так ты ничего не слышал? Вчера в Руат прибыл посланец — он направлялся в Форт-холд и в мастерскую арфистов.

— Может быть, он еще не прибыл... А разве его новости не являются секретом?

— Для меня — нет. Кажется, я внушил ему доверие.

— Огненные ящерицы... гм-м... Когда-то я потратил много дней, пытаясь поймать фэйры. Конечно, ничего не вышло. И, пожалуй, я никогда не слышал, чтобы это кому-нибудь удалось. Что за хитрость придумал Мерон?

Лайтол скривил губы, веко его начало подергиваться.

— Их можно запечатлеть. В старину ходили слухи, что огненные ящерицы — предки драконов.

— И Мерон Наболский запечатлил одну из них?

Лайтол невесело усмехнулся:

— Трудно поверить, да? Если это правда, то фэйры проявили прискорбное отсутствие вкуса... Но можно быть уверенным в одном — Мерон не стал бы тратить время на ящериц, если бы не рассчитывал извлечь какую-то пользу для себя.

Робинтон призадумался над этим утверждением, затем пожал плечами.

— Не думаю, что эта история представляет большой интерес. Но каким образом фэйры попали в Набол? И как удалось их запечатлеть? Я думал, что подобное свойство присуще только драконам.

— То, как он заполучил фэйров, беспокоит меня больше всего, — сердито сказал Лайтол. — Эта Килара, из Южного Вейра, принесла ему целую кладку. Конечно, они потеряли почти всех вылупившихся ящериц, но те, что выжили, произвели в Наболе настоящий переполох. Посланец видел одну, и, когда парень рассказывал о ней, глаза его сверкали. «Настоящий маленький дракон» — так он сказал, и я понял, что ему не терпится попытаться счастья на песчаных пляжах Южного Болла или Форта.

— Настоящий маленький дракон... Ха! — Робинтон начинал

понимать, что может произойти. И ситуация ему совершенно не понравилась.

Не было на Перне мальчишки, который не мечтал бы пройти обряд Запечатления и стать одним из Крылатых. Получить власть над огромным существом, способным почти мгновенно очутиться в любом месте планеты и защитить всадника своим огненным дыханием от любого врага... Лишь немногие представляли истинную суть этой связи — как и то, что драконы применяли огонь только против Нитей и никогда не трогали людей. В отличие от суровой реальности жизнь в пещерах Вейра представлялась полной очарования; всадники не гнули спину на полях и в мастерских, они были высокими, сильными, носили великолепные кожаные одежды и казались высшими существами. Только те юноши, которые принадлежали к благородным семьям, имели шанс стать лордами, повелителями холдов. Но всегда была возможность, что однажды всадники выберут тебя и отвезут в Вейр для Запечатления... Эта надежда жила в поколениях... и поколения мальчишек тщетно пытались поймать огненную ящерицу, символ их мечты.

И теперь «настоящий маленький дракон» находится в руках пронырливого, скрытного, вечно недовольного типа — проклятого Мерона Наболского, ненавидящего всадников... Да, это могло создать затруднения для Ф'лара... Как минимум затруднения! В худшем случае могли обрушиться все планы, связанные с сегодняшним торжеством.

— Ну, если Килара привезла яйца фэйров в Набол, то Ф'лар должен знать об этом, — сказал арфист обеспокоенному Лайтолу. — Он присматривает за этой женщиной.

Лайтол хмуро глянул из-под нависших бровей:

— Надеюсь, что так. Мерон Наболский не упустит случая преподнести Ф'лару неприятный сюрприз... Где же Ф'лар?

Оба с надеждой бежали глазами двор. Затем Робинтон заметил знакомое лицо и седую гриву лорда Райда, направлявшегося к ним.

— Кстати о Бендене, Лайтол... Сюда идет лорд Райд, и, кажется, я знаю, чего он хочет... Нет, эту балладу о повелителях холдов я петь не буду... Прости, Лайтол...

Арфист скользнул в толпу и быстро двинулся вперед, лавируя между группами гостей и стараясь держаться подальше от властителя Бендена. Он питал отвращение к любимой балладе Райда, но, если лорд загонит его в угол, выхода не останется. Робинтон не чувствовал угрызений совести, оставив Лайтола на растерзание бенденскому лорду, назойливому и претенциозному. Лай-

тол добился как минимум равного положения с повелителями холдов. Лорды не знали, как относиться к нему — бывшему всаднику и ткачу, ставшему управляющим Руата; холд процветал под его правлением. Такой человек мог справиться и с Райдом.

Мастер-арфист остановился там, где мог видеть верхушки утесов, нависших над холдом. Он попытался разглядеть Рамот'у или Мнемента среди сидевших на скалах драконов.

Огненные ящерицы? Как мог Мерон использовать огненную ящерицу? Разве что сам факт их появления в Наболе... то, что он получил их из рук госпожи Южного Вейра... Да, это могло привести к раздору. Несомненно, каждый лорд захочет получить фэйра — хотя бы для того, чтобы быть равным Мерону. На них не напасешься яиц... А Мерон... Если он вспомнит неосуществившиеся мечты юности, то раздражение против всадников вспыхнет в нем с новой силой.

Робинтон ощутил тяжесть в желудке... пожалуй, он переусердствовал с колбасками. Внезапно в толпе на него наткнулся Брудеган. Юноша поклонился с печальной улыбкой — словно мастер заставил его исполнять песню, которую он не выучил.

— Ощущается что-то неприятное, — сказал молодой арфист, извлекая унылую мелодию из своего инструмента. — Хотя вроде бы все до одного решили как следует повеселиться. Но есть нечто странное в разговорах... Дело не в словах, а в том, как они говорят... в намеках... — Парень вспыхнул, когда Робинтон одобрительно кивнул. — Например, упоминают предводителя Вейра, причем имеют в виду те Вейры, с которыми связаны их холды... Но предводителем Вейра всегда называли Ф'лара Бенденского. Предводитель сказал, предводитель решил... «Она» — раньше это означало «Лесса». Теперь подразумевается госпожа их собственного Вейра. Интересно, да?

— Очаровательно. Что говорят о Нитях?

Брудеган склонился над своей гитарой и тронул струны. Его пальцы пробежали по всем восьми, извлекая резкие диссонансные звуки, вызвавшие у Робинтона холодную дрожь в спине. Затем юноша повернулся, затянул веселую песню и двинулся прочь.

Когда же придут Ф'лар и Лесса? Арфист еще раз оглядел двор и заметил предводителя Иста-Вейра Д'рама, который что-то серьезно обсуждал с Г'наришем, вождем Айгена. Робинтону нравилась эта пара, он считал их лучшими из Древних. Г'нариш был достаточно молод, чтобы измениться, а Д'рам — слишком честен, чтобы отрицать маячившую перед носом истину. Правда, он редко совал свой нос в дела, которые не касались Иста-Вейра.

Некое напряжение ощущалось вокруг собеседников — напряжение и что-то еще, едва уловимое. Кольцо пустого пространства, окружавшее их, казалось зримым воплощением этого почти не ощутимого остракизма.

Всадники приветствовали Робинтона с заметным облегчением. Арфист поклонился.

— Мне сегодня повезло — и вот я здесь, вместе со своими учениками. — Д'рам и Г'нариш обменялись удивленными взглядами, но арфист не стал вдаваться в подробности утреннего происшествия. Вместо этого он спросил: — Вы что-нибудь слышали о Ф'ларе?

— О Ф'ларе? — повторил Г'нариш, явно встревожившись. — А что, есть новые известия о Нитях?

— Насколько мне известно, нет.

— Ты видел Т'рона или Т'кула? Мы только что прибыли.

— Не видел. Кажется, вообще нет никого с запада, кроме Лайтола из Руата.

Д'рам стиснул зубы.

— Р'март Телгарский не придет, — пробормотал он. — Его сильно задело... Плохая рана! — Всадник покачал головой.

— Я слышал, над Кромом им пришлось тяжело, — с сочувствием сказал Робинтон. — Кто знал, что там начнется атака — в такое время!

— Однако ее отразили. И я вижу здесь лорда Нессела Кромского и его людей — все в добром здравии, — горько заметил Д'рам.

— Своим отсутствием он нанес бы оскорбление Лараду, ты же знаешь... Но как дела в Телгар-Вейре? И если Р'март настолько плох, то кто его заменил?

Сердитый взгляд Д'рама подсказал арфисту, что он задал неуместный вопрос. Но Г'нариш ответил ему:

— Пока — командир второго крыла, М'рек. Но Вейр настолько обессилен, что мы с Д'рамом говорили сейчас о необходимости послать подкрепления. У нас достаточно молодых драконов, которые только начали жевать камень... Из них можно сформировать крыло... — Г'нариш осекся и посмотрел на старшего всадника, внезапно сообразив, что обсуждает дела Вейра с посторонним. Он пожал плечами. — Поддержка очень важна. И для Вейра, и для жителей Крома, близких к панике. Мы всегда так делали в старые времена. Я сам еще юношей отправился из Бендена в Айген.

— Я уверен, что холды Кром и Телгар высоко оценят вашу помощь, предводители, — церемонно произнес Робинтон. Затем он

повернулся к Г'наришу: — Скажи, тебе удавалось когда-нибудь запечатлеть огненных ящериц? Айген и Иста — подходящие земли для охоты на них.

— Запечатлеть? Огненных ящериц? — Д'рам презрительно фыркнул.

— Должно быть, это непросто, — рассмеялся Г'нариш. Потом он взглянул вверх. — Смотри, появились Рамот'а и Мнемент'!

Ошибиться было невозможно. Вероятно, огромные звери уже высадили своих пассажиров и теперь планировали к скалистым вершинам Телгара, выбирая место для отдыха.

— Впервые... — начал Г'нариш и внезапно замолчал. Словно дуновение ветра пронеслось по двору, прерывая разговоры. Наступила тишина, которую нарушали только шелест одежды и скрип сапог по камню, когда люди поворачивались к воротам.

Робинтон с гордостью следил, как Лесса и Ф'лар поднимались по ступенькам навстречу хозяевам. Арфист готов был заплодировать цветущим одеяниям — зеленым, словно молодая весенняя листва. Однако он сдержался и, кивнув собеседникам, стал пробираться сквозь толпу поближе к вновь прибывшим. Внезапно в небе возник еще один дракон; он ринулся прямо к воротам и спустился так низко, что это могло закончиться несчастным случаем. Золотые крылья сверкнули над самой кромкой внешней стены, порыв ветра взметнул пыль и песок, посыпавшиеся на нарядные платья дам, стоявших у ворот. Дракон плавно развернулся, направившись к месту посадки и оставив позади возмущенных пострадавших; постепенно крики перешли в недовольный ропот.

Робинтон, которому высокий рост давал преимущество, увидел, как лорд Ларад нерешительно кланяется Лессе. Асгенар и стоявшие на крыльце женщины вытягивали шеи, пытаясь разглядеть что-то у ворот. Раздраженный, что пропустил нечто важное, Робинтон энергично устремился вперед. Он достиг лестницы, ведущей на крыльцо, в два прыжка одолел четыре ступеньки, обернулся — и замер.

Облаченная в красное, с золотыми волосами, распущенными, как у юной девушки, ко входу в главный зал приближалась Килара; на лице ее застыла улыбка злобного торжества. Правая ладонь женщины лежала на руке лорда Мерона Наболского, чей красный камзол слишком отливал оранжевым, чтобы находиться в полной гармонии с одеянием его дамы. Придет время — и Робинтон еще вспомнит эту деталь. Теперь же он видел только двух огненных ящериц, распростерших крылья, чтобы сохранить равновесие: золотую на левой руке Килары и бронзового самца на

плече Мерона. «Настоящие маленькие драконы», прекрасные, как детская мечта... они вызвали у арфиста острое чувство зависти и желание обладать подобным чудом. Он с трудом сглотнул, подавляя недостойные мысли.

В толпе поднялся восхищенный и завистливый шепот.

— Клянусь Первым Яйцом, они заполучили огненных ящериц! — взревел лорд Корман Керунский. Расталкивая людей, он выскочил из толпы в свободный проход, ведущий к главному залу, и уставился на приближавшуюся пару. При его внезапном появлении золотая ящерица издала недовольный крик, а маленький бронзовый тревожно зашипел. Тень раздражения мелькнула на лице Мерона.

— Ты не знаешь, как Мерону удалось поймать фэйра? — раздался возбужденный шепот Д'рама над плечом арфиста.

Робинтон поднял руку, призывая к молчанию.

— А теперь сюда прибыли Килара из Южного Вейра и лорд Мерон Наболский вместе с этими замечательными созданиями. Так что вы уже сейчас видите, каким станет наш маленький подарок счастливым молодоженам. — Голос Ф'лара прорезал поднимающийся шум.

Полная тишина повисла над толпой, когда Лесса и предводитель Бендена вручили лорду Асгенару и его невесте два небольших узелка с чем-то округлым, тщательно упакованным в войлок и мягкую ткань.

— Скорлупа уже достаточно затвердела, — громко сказал Ф'лар, перекрывая поднимающийся шепот. — Их надо держать в теплом песке до тех пор, пока фэйры не вылупятся. Я могу подарить их вам благодаря щедрости Торики, молодого моряка из Южного Вейра, который нашел кладку всего несколько часов назад. Предводитель Т'бор привез их мне.

Робинтон бросил взгляд на Килару. Ее пылающее лицо соперничало цветом с камзолом Мерона; он же, казалось, был готов прикончить любого, кто подвернется под руку. Лесса снисходительно улыбнулась и повернулась к Киларе:

— Ф'лар рассказал мне о твоём милom зверьке...

— Милый зверек! — сердито воскликнула Килара. — Она съела Нить вчера на Плоскогорье и...

Все, что она еще собиралась сказать, было заглушено поднимающимся в толпе ропотом. «Съела Нить, съела Нить...» — рикшетом летало от одной группы к другой. Хриплые крики обеих ящериц добавились к всеобщей какофонии; Килара и Мерон принялись успокаивать раздраженных фэйров. Робинтону все уже было ясно: чего бы ни пытался добиться повелитель Набола, пла-

ны его рухнули. Он не останется единственным лордом, владеющим «настоящим маленьким драконом».

Двое правителей малых холдов — из Нерата, судя по эмблемам на их одежде, — прицепились к Д'раму и Г'наришу.

— Вы любите драконов, поэтому предполагается, что вам все известно про огненных ящериц, — ухмыльнувшись, прокомментировал Робинтон.

Д'рам протестовал, но упрямые холдеры обрушили на него целый град вопросов. Их интересовало, как поймать файра — тако-го же, как у Мерона. К удивлению арфиста, Г'нариш отвечал с большим самообладанием, чем старший всадник.

Покинув их обоих, Робинтон начал шаг за шагом подниматься по лестнице, касаясь ладонью монолитной каменной стены. Он с трудом проталкивался сквозь толпу женщин, окруживших Ф'лара, леди Фамиру и ее жениха.

— Лорды холдов, Великих и малых, вас просят пожаловать в зал Совета, — громогласно провозгласил капитан стражи Телгара. В вышине раздался крик драконов, подобный грохоту медных литавр; наступила тишина.

Капитан повторил приглашение, и лорды начали выбираться из толпы, устремляясь к крыльцу.

Асгенар передал Фамире свой сверток с яйцом файра и что-то шепнул на ухо, затем отступил в сторону, склонился в поклоне и плавным жестом указал на вход в главный зал. Лесса и Фамира шагнули внутрь; плотная группа властителей больших и малых холдов, толкаясь на ступеньках лестницы, последовала за ними. Робинтон попытался привлечь внимание Ф'лара, но вождь Бендена пробирался сквозь толпу вниз, к Киларе. Она стояла у крыльца и о чем-то ожесточенно спорила с Мероном; наконец лорд Набола сердито пожал плечами, отвернулся от женщины и стал грубо проталкиваться ко входу в зал.

Взглянув вниз, Робинтон заметил, что около кухни собралась другая группа гостей — мастера цехов со своими людьми. Должен ли он идти за Ф'ларом или стоит попытаться проникнуть в зал? Арфист был готов повернуть к дверям, когда в голове у него прозвучало:

«Ф'лару нужен арфист».

Робинтон изумленно оглянулся, не понимая, кто говорит и каким образом слова, произнесенные так тихо, могли достигнуть его ушей в царившем вокруг гаме. Затем он уловил резкий, диссонансный звук струн и, встревоженно обернувшись на этот сигнал, увидел Брудегана и Чада. Оба музыканта стояли на вершине стены около надвратной башни — там, где находилась площадка

для часовых. Робинтон вспомнил, что Чад, старший арфист Телгара, должен был найти способ провести его на Конклав.

Когда Робинтон повернул к лестнице на стену, дорогу ему преградил молодой всадник.

— Ф'лар просит тебя присоединиться к нему.

Арфист, заколебавшись, оглянулся на своих помощников — те делали ему знаки, словно просили поторопиться. Робинтон заколебался. И в этот миг раздалось: «Иди. Лесса следит».

— Что ты сказал? — Робинтон резко повернулся к юному всаднику.

— Ф'лар просит тебя встретиться с ним. Это важно.

Арфист посмотрел на драконов, сидевших на скалах, и увидел, как Мнемонт' поднял и опустил свою огромную голову. Будто повторяя этот недвусмысленный жест, Робинтон тоже кивнул головой, пытаясь справиться с шоком. Поистине, это утро полно удивительных событий! Сверху донесся пронзительный свист Брудегана.

Робинтон вытянул губы и просвистел несколько тактов сигнала «Идти вперед», расцветив мелодию вариациями в тоне «доложить позже».

Брудеган, коснувшись струн гитары, извлек аккорд «понял». Чад был явно не согласен с юношей. Пожалуй, надо поддержать молодого, решил Робинтон и просвистел резкую трель «исполнять». Ему пришло в голову, что арфистам не помешало бы иметь такой же гибкий код, как разработанный им для связного устройства Фандарела, — кстати, а где же кузнец?

Человека такого роста нельзя не заметить в толпе, но Робинтон, следуя за всадником, нигде не видел кузнеца. Пожалуй, демонстрация прибора, позволяющего беседовать на расстоянии, могла в какой-то степени сгладить впечатление, которое произвели файры. Робинтон почувствовал обиду за Фандарела, придумавшего превосходное устройство, которое теперь оттеснено на второй план крохотными драконами, поедающими Нити. Но это были существа, которых могли запечатлеть обычные люди, а не только народ Вейра. Для обычного перинита это значило гораздо больше, чем любые механические игрушки.

Всадник привел его в сторожевую башню справа от ворот. Переступая порог, Робинтон обернулся и бросил взгляд на стену; Брудеган и Чад исчезли.

Нижний этаж башни представлял собой одно большое помещение, в дальнем конце которого находилась лестница, ведущая на стену; там обычно стояли часовые. В углу была навалена груда шкур — в ожидании гостей, которые, возможно, устроятся здесь

на ночь. Скучный свет падал из двух узких, похожих на щели окон, прорезанных в противоположных стенах комнаты. Когда арфист вошел, Г'нариш, предводитель Айгена, зажигал подвешенный к потолку светильник. Справа от него стояла Килара и сверлила Т'бора яростным взглядом.

— Да, я отправилась за своим фэйром в Набол! И хорошо сделала — за Большим Хребтом Плоскогорья Придит'а почуяла Нити!

Теперь внимание всех присутствующих было обращено на женщину. Робинтон заметил, как гордо она выпрямилась; глаза ее сверкали, в голосе больше не слышались обычные сварливо-раздраженные нотки. Килара выглядела великолепно, но что-то жестокое, безжалостное в выражении ее лица отталкивало арфиста.

— Я немедленно полетела к Т'кулу. — Губы Килары сердито сжались. — Разве можно считать его всадником? Он отказался мне верить! Мне! Как будто госпожа Вейра не может различить признаки падения Нитей! Он даже не послал патруль на разведку к хребту — только упорно настаивал, что если Нити падали шесть дней назад над Тиллеком, то они не могут так скоро появиться над Плоскогорьем. Тогда я сказала ему, что атаки Нитей стали нерегулярными — как было на севере Лемоса и в болотах Южно-го материка. Однако он по-прежнему не хотел меня слушать и...

— Но Вейр все же поднялся? — холодно перебил женщину Ф'лар.

— Конечно! — Килара гордо вздернула подбородок. — Я попросила Придит'у поднять тревогу, и Т'кул был вынужден действовать. Ведь королева не может лгать! И ни один дракон, пока он жив, не слушается ее!

Ф'лар глубоко втянул воздух, скрипнул зубами. Вождь Вейра Плоскогорье был угрюмым циником, мрачным и усталым. Пожалуй, Килара действовала слишком прямолинейно, без должной дипломатичности... Ну, что ж, в любом случае Т'кул теперь — конченный человек. Ф'лар поднял глаза на предводителей Исты и Айгена, пытаясь определить, какое впечатление произвели на них слова Килары. Оба всадника держались напряженно.

— Ты поступила правильно, Килара, — так, как подобает госпоже Вейра, — произнес Ф'лар с такой убежденностью, что по лицу женщины расплылась самодовольная улыбка.

Она заносчиво вскинула голову:

— Ну, и что же ты собираешься делать с этим Т'кулом? Мы не можем допустить, чтобы наш мир погиб из-за его капризов...

Ф'лар ждал, надеясь, что первый заговорит Д'рам. Если один из Древних вымолвит слово осуждения... Килара, не спуская глаз

с предводителя Бендена, нетерпеливо постукивала носком по полу.

— Пожалуй, пора созвать Совет, — сказал наконец Ф'лар. — Нужно известить Т'рона... и на этот раз лучше собраться в Телгар-Вейре, чтобы выслушать мнение Р'марта.

— Мнение? — со злостью воскликнула Килара. — Ты хочешь собрать Совет, когда Т'кул и так уже уличен в вопиющей небрежности и...

— И что же, Килара? — спросил Ф'лар, когда она внезапно замолчала.

— Ну... я думаю... надо сделать что-то немедленно.

Возникла ли раньше подобная ситуация? Ф'лар бросил просительный взгляд на Д'рама и Г'нариша.

— Вы должны что-то сделать! — требовательно повторила Килара, кивнув в сторону предводителей Древних Вейров.

— По традиции все Вейры полностью независимы...

— Как удобно, Д'рам, прятаться за чужой спиной...

— Сейчас ни о каких действиях не может быть и речи. — Голос Д'рама стал резким. — Что-то будет сделано, несомненно! И по нашему общему решению. Мы подождем Т'рона.

«Пытается протянуть время?» — мелькнуло в голове у Ф'лара. Хотелось бы ему знать наверняка! Он повернулся к госпоже Южного и сказал:

— Килара, ты упомянула, что огненная ящерица может поедать Нити. — Эта тема казалась Ф'лару гораздо более интересной, чем препирательства из-за поведения Т'кула. — А скажи-ка мне, как ты узнала, что твой фэйр в Наболе?

— Придит'а сказала мне. Ящерица вылупилась в Наболе и вернулась туда, когда ты ее напугал!

— Она была с тобой в Вейре Плоскогорье?

— Нет. Я же говорила, что отправилась к Т'кулу, как только заметила следы Нитей за Главным Хребтом... Я сделала это сразу же! Потом, когда Вейр поднялся, я поняла, что Нити могут достичь Набола, и отправилась проверить.

— Ты сказала Мерону, что ожидается неурочная атака?

— Конечно!

— И затем?

— Я забрала своего фэйра. Не хотелось, знаешь ли, снова его потерять. — Ф'лар не обратил внимания на скрытый упрек, и женщина продолжала: — Затем вернулась в Вейр и взяла огнемёт. И отправилась с крылом Мерики. Не много благодарности я получила от нее за помощь!

Она говорит правду, понял Ф'лар, и волнение служит тому доказательством.

— Когда моя ящерица увидела падающие Нити, она словно обезумела. Я не могла ее сдержать. Она ринулась к ближайшему клубку и... и она их ела!

— Ты давала ей огненный камень? — спросил Д'рам, в глазах которого вспыхнул огонек неподдельного интереса.

— Я ничего ей не давала. Я хочу, чтобы у нее могло быть потомство. — По губам Килары скользнула улыбка; женщина погладила зверька по спинке. — Она даже залезла в нору, — продолжала Килара расхваливать способности своей любимицы. — Люди из наземной команды сказали мне, что видели, как ящерица заползала в нору.

— Над холдом Плоскогорье тоже падали Нити?

Килара равнодушно пожала плечами:

— Не думаю — иначе мы слышали бы об этом.

— Сколько времени продолжалась атака? Удалось ли тебе определить границу падения?

— Она длилась около трех часов. Немного меньше, мне кажется. Считая от времени, когда крылья наконец вылетели, — добавила женщина с язвительной улыбкой. — Край выпадения Нитей проходил по Главному Хребту, они сыпались на скалы и снег. Я пролетела в сторону Набола, но там мы с Придит'ой не заметили ничего.

— Ты все сделала превосходно, Килара, и мы благодарим тебя, — сказал Ф'лар, и остальные вожди согласно склонили головы. На губах Килары расплылась довольная улыбка; она поворачивалась то к одному, то к другому всаднику, глаза ее сверкали торжеством.

— Теперь мы знаем о пяти внеочередных атаках, — серьезно начал Ф'лар.

Он обвел пристальным взглядом предводителей Вейров, пытаясь определить, готовы ли собеседники выслушать его. Было заметно, что халатность Т'кула глубоко потрясла вождя Исты. Что касается Т'рона, то Ф'лар не мог предвидеть его реакцию. Если предводитель Форт-Вейра окажется в меньшинстве, согласится ли он с мнением остальных четырех вождей? Встанет ли на сторону Ф'лара? Санкционирует ли действия, направленные против Т'кула? Ф'лар покачал головой и продолжал:

— Итак, холд Тиллек, восемь дней назад; Верхний Кром, пять дней; север Лемоса, три дня; Южный Вейр, западные болота, два дня; и, наконец, Плоскогорье. Несомненно, Нити падали и в Западный океан; следовательно, атаки стали более частыми и вре-

мя между ними сокращается. Больше ни одна область Перна не может считаться даже относительно безопасной. Ни один Вейр не может существовать в ритме традиционного шестидневного цикла. — Он угрюмо усмехнулся: — Традиции!

Казалось, Д'рам готов возразить, но Ф'лар пристально посмотрел на него, и пожилой всадник медленно склонил голову.

— Но все же, что ты собираешься делать с Т'кулом? И с Т'роном? — Килара видела только одно: больше никто не обращает на нее внимания. — Т'рон такой же упрямый! Он не верит, что время атак изменилось. Даже когда Мардра...

Стукнула дверь, и в проеме появилась огромная фигура Фандарела.

— Мы здесь, Ф'лар, и мы готовы.

Ф'лар сокрушенно потер ладонью висок... Как некстати прерывается этот разговор!

— Лорды сейчас совещаются, — начал он, — и к тому же тут возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства...

Фандарел кивнул на огненную ящерицу, восседавшую на плече Килары.

— Я слышал о них. Конечно, есть много способов бороться с Нитями, но не все они достаточно эффективны. Посмотрим, на что способны эти существа.

— На что способны... — начала Килара, готовая взорваться от ярости.

Робинтон придвинулся к ней и что-то зашептал на ухо. Воспользовавшись этим, Ф'лар повернулся к кузнецу, который стоял у двери, ожидая, когда всадники присоединятся к нему. У Ф'лара пропало желание продемонстрировать устройство Фандарела. Вряд ли прибор теперь поразит воображение лордов, холдеров и всадников. Он больше говорил здравому смыслу, чем чувствам, и не мог сравниться с этими невероятными ящерицами. Тем более что они могут пожирать Нити...

Ф'лар обернулся на пороге, бросив взгляд на Килару и стоявшего рядом с ней арфиста. Робинтон смотрел прямо на него.

Словно прочитав мысли всадника, мастер цеха арфистов почтительно склонился к Киларе, на губах его застыла восхищенная улыбка. Наверно, ему приходилось нелегко: он не выносил Килару.

— Ф'лар, наверно, Киларе не стоит идти с вами, — произнес хитроумный арфист. — Такая толпа... Ящерица может опять испугаться.

— Но я хочу есть, — запротестовала женщина. — И там музы-

ка, песни... — Словно подтверждая ее слова, снаружи раздался звон гитарных струн.

— Похоже, это Тагетарл, — усмехнулся арфист. — Сейчас я позову его и попрошу принести чего-нибудь съедобного с кухни. Так будет гораздо лучше, чем толкаться среди всякого сброда, уверяю тебя. — С подчеркнутой куртуазностью он усадил женщину в кресло, повернувшись спиной к Ф'лару и делая ему незаметный знак, который можно было истолковать только одним способом — исчезай поскорее!

Шагнув во двор, на яркий свет послеполуденного солнца, всадники очутились в шумном людском водовороте. Ф'лар увидел парня с веселой физиономией; в руках у него была гитара. Юноша коснулся струн, ответив звонким аккордом на призывный свист своего мастера. Итак, есть надежда, что Робинтон скоро к ним присоединиться — Килара, конечно, отдаст предпочтение более молодому музыканту.

Фандарел расставил свое оборудование в дальнем конце двора — там, где наружная стенка холда примыкала к поверхности утеса. Трое подмастерьев, оседлав верх стены, что-то осторожно спускали на каменные плиты, остальные сутились возле приборов. Пока предводители Вейров шли за огромным кузнецом, прокладывавшим путь сквозь толпу, Ф'лар уловил немало косых взглядов и обрывков разговоров.

— Теперь многое переменится. — Молодой человек, носивший цвета одного из малых холдов, склонился к соседу. — Только подумай, всадники даже нас не подпустили близко к яйцам...

— Ты имеешь в виду — владельцев холдов? — осведомился собеседник. Он покачал головой. — Забавно, как все поверили этому выскочке из Набола... Да... Клянусь Скорлупой!

Теперь каждый на Перне сможет заполучить файра, подумал Ф'лар. Разрешит ли это проблему? Утихнет ли давняя неприязнь?

В небе появились драконы. Ф'лар посмотрел вверх, узнал бронзового Т'рона и золотую Лорант'у Мардры. И вздохнул. Прежде чем взяться за Т'рона, ему хотелось узнать, как Фандарел собирается демонстрировать свое устройство.

«Мнемент', что происходит в главном зале?»

«Болтовня. Они ждут еще двух лордов».

Ф'лар попытался разглядеть, привез ли Т'рон отсутствующих владельцев — Грожа из Форта и Сангела из Южного Болла. Эти двое не обрадуются, если Конклав начнется без них. Но если лорд Грож узнает о последних событиях на Плоскогорье... Ф'лар внутренне содрогнулся, одновременно пытаясь выдать вежливую улыбку. Бормоча извинения, он проталкивался сквозь груп-

пу владельцев малых холдов — слишком малых, чтобы участвовать в Конклаве. Кажется, эти люди упорно не хотели его замечать.

Неподалеку от помощников Фандарела, возившихся с приборами, сгрудились в стайку всадницы. Их интерес к работе кузнецов вряд ли можно было назвать искренним; даже Надира, прекрасная подруга Г'нариша, обладавшая на редкость добрым нравом, выглядела обеспокоенной. Беделла, госпожа Телгар-Вейра, совершенно растерялась; правда, такое случалось с ней нередко — бедняжка не отличалась большой сообразительностью.

Наконец из толпы гостей вынырнула Мардра и сразу пожелала узнать, что случилось. Прибыли ли уже Т'кул и Мерика? Почему их не встречают хозяева холда? Нынешних лордов не упрекнешь в излишней вежливости. Конечно, она не претендует на прием в духе старых добрых традиций, но все же...

В этот момент до ушей Ф'лара долетел звон стали о сталь. Обернувшись, он увидел лорда Грожа, который колотил в дверь главного зала рукояткой ножа; его суровое лицо покраснело от гнева. Позади стоял тощий мрачный Сангел. Дверь чуть-чуть приоткрылась, затем распахнулась пошире — ровно настолько, чтобы два лорда могли пройти в зал. Судя по выражению их лиц, потребуется немалое время, чтобы они успокоились.

— Что еще осталось сделать? — спросил Ф'лар у кузнеца. Он старательно вспоминал, как выглядел тот прибор для передачи сообщений на расстояние, который Фандарел показывал ему в мастерской. Хаос труб и проволоки, нагроможденный в углу двора, выглядел впечатляюще.

— Нужно только закрепить этот провод... вот сюда... — сказал кузнец. Одновременно его толстые пальцы с удивительной ловкостью выполнили работу. — Так. Теперь я переставлю эту рукоятку — и мы готовы послать сообщение в мастерскую, чтобы проверить аппарат. — Фандарел склонился над своей конструкцией с такой же осторожностью, как королева драконов над золотым яйцом.

Ф'лар почувствовал, что сзади кто-то стоит; резко обернувшись, он поймал внимательный взгляд Робинтона. Арфист кивнул ему.

Фандарел, осторожно нажимая на рукоятку, кодировал послание. Из аппарата ползла полоска серой бумаги, испещренная красными штрихами неравной длины.

— «Сборка закончена вовремя, — зашептал Робинтон в ухо Ф'лару. — Все в порядке. Будьте наготове». — Закончив перевод,

арфист хихикнул и произнес: — Как всегда, наш друг работает без осечек.

Кузнец повернул переключатель и выжидающе посмотрел на Ф'лара. Внезапно с высоты раздался звенящий крик Мнемента'а. Драконы начали расправлять крылья, затмевая солнце, спускавшиеся к утесам Телгара; тени покрыли огромный двор холда.

«Грож рассказал лордам, что Г'рон обнаружил в Форте прибор для дальновидения. Он рассматривал через него Алую Звезду. Лорды ошеломлены. Будь внимательней», — передал Мнемента'.

Двери главного зала широко распахнулись, и владельцы холдов повалили на крыльцо. Одного взгляда на Грожа было достаточно, чтобы убедиться в истинности доклада Мнемента'а. Лорды плотными рядами заполнили ступени, сверля взглядами всадников, собравшихся в углу двора. Грож поднял руку, ткнул пальцем в сторону Ф'лара и раскрыл рот. В этот миг резкое стрекотание аппарата Фандарела прервало напряженную тишину.

— Смотрите! — вскричал кузнец, хватая полоску бумаги. Люди, заполнившие двор и крыльцо холда, уставились на непонятный механизм. — Послание из Айген-холда! Нити падают... и передача прервана на середине слова!

— Что за чепуха! — заревел Грож. Багровое лицо лорда покраснело еще больше, когда возглас Фандарела прервал речь, которую он был намерен произнести. — Нити падали на Плоскогорье вчера в полдень. Как могут они сегодня вечером появиться над Айгеном? Во имя Яйца, что это значит?

— Ничего не понимаю, — громко сказал Г'нариш, взглянув на айгенского лорда Лауди, который в ужасе замер на ступенях лестницы. — Я же разослал патрули...

Драконы затрубили на скалах. Внезапно над самым двором, словно вспышка пламени, возникла зеленая. Спасаясь от пыли, поднятой огромными крыльями, толпа с воплями ринулась под защиту стен.

«Нити падают на юго-востоке Айгена», — сообщение драконов было четким и ясным. Всадники повторили его для столпившихся во дворе людей.

— Куда ты идешь, Ф'лар? — крикнул Грож, когда вождь Бендена двинулся вслед за Г'наришем к воротам. Воздух был полон свистом крыльев, испуганными воплями женщин и проклятиями мужчин.

— Сражаться с Нитями в Айгене, конечно, — бросил Ф'лар через плечо.

— Это мои проблемы, — сказал Г'нариш, обернувшись и про-

тянув руку ладонью вперед, словно хотел остановить Ф'лара. Но в этом жесте не было гнева; скорее — удивление и благодарность.

— Г'нариш, подожди! Я с тобой! — Лорд Лауди оттолкнул с дороги разгневанного Грожа и бросился вслед за предводителем Айгена.

— А что с Истой? Остров в опасности? — с дрожью в голосе спросил лорд Варбрет.

— Пойдем и проверим, — предложил ему Д'рам. Он взял лорда под руку и подтолкнул к воротам.

— С каких это пор дела Айгена и Исты стали касаться Бенден-Вейра? — Возникший в воротах Т'рон заступил дорогу Ф'лару.

Эти слова, произнесенные угрожающим тоном, донеслись до крыльца. Всадники остановились.

Ф'лар нахмурился.

— На юге падают Нити. Вспомни, когда Телгар-Вейру понадобилась помощь, Айген и Иста послали туда своих людей. Можем ли мы пировать, когда другие сражаются?

— Иста и Айген могут справиться сами!

Вдруг в вышине раздался крик Рамот'ы, ей ответили другие королевы. Никто не знал, что значил этот трубный призыв, но внезапно Рамот'а исчезла, растворилась в предзакатном небе. Ф'лар даже не успел удивиться, что она вошла в Промежуток без Лессы; его внимание было приковано к Т'рону, ладонь которого легла на рукоятку висевшего у пояса кинжала.

— Нам лучше продолжить этот спор в другой раз, Т'рон! И наедине. А сейчас... Нити падают, всадник!

Снаружи начали приземляться бронзовые, стараясь сесть поближе к воротам. Зеленый всадник из Айгена направил своего зверя к правой надвратной башне. Когда когти дракона царапнули каменный парапет, он закричал, повторяя послание. Люди, сбившись в тесную группу, молча выслушали гонца.

Но Т'рон не собирался останавливаться:

— Значит, Нити падают, Ф'лар? И благородный вождь Бендена опять всех спасет? Даже тех, кто не просит его об этом? — Он язвительно расхохотался.

— Хватит! — Д'рам решительно шагнул вперед и отодвинул Т'рона в сторону. Резким взмахом руки он велел вождю Форт-Вейра замолчать.

Т'рон оттолкнул его с такой яростью, что Д'рам едва устоял на ногах.

— Я сыт Бенденом по горло! Нотациями Бендена! Благородством Бендена! Помощью Бендена! И вождем Бендена тоже...

С этим гневным выкриком Т'рон метнулся к Ф'лару; его обна-

женный клинок, занесенный для смертельного удара, сверкнул на солнце.

Плотные ряды зрителей в ужасе откатнулись назад. Ф'лар не двигался, пока оставалась надежда, что вождь Форт-Вейра сдержит ярость и повернет в сторону. В последний миг он уклонился от удара и вырвал из ножен свой кинжал.

Это был новый клинок, подарок Лессы. Стальное лезвие еще не коснулось ни мяса, ни хлеба, и теперь его окрестит человеческая кровь. Лишь смерть могла быть исходом этого поединка, от которого зависела судьба Перна.

Ф'лар пригнулся, стиснув пальцы на рукояти и слегка покачивая клинок, чтобы ошутить его балансировку. Слишком многое зависело теперь от этого ножа, что был на пол-ладони короче кинжала Т'рона. Вдобавок кожаная полетная куртка была гораздо лучшей защитой, чем легкая праздничная одежда Ф'лара. Глаза предводителя Бендена впились в лицо противника. Он ощущал тепло солнечных лучей на затылке, шероховатость камней под ногами и повисшую над огромным дворцом напряженную, тяжелую тишину, чувствовал аромат цветущих лоз, которыми были увиты стены, запах пищи, пота... и страха.

С легкостью и быстротой, поразительной для его возраста и размеров, Т'рон снова ринулся вперед. Ф'лар дал ему приблизиться, спокойно наблюдая, как противник скользящим движением обходит его слева, пытаясь вывести из равновесия серией ложных выпадов. Нехитрая тактика. Он почувствовал облегчение. Если это все, на что способен Т'рон...

Через миг Древний был рядом. Со сверхъестественной скоростью он перебросил нож в левую руку — так быстро, что за этим движением невозможно было уследить. Его правая ладонь взметнулась, затем опустилась в рубящем ударе, парализовавшем запястье Ф'лара, когда бенденец отпрянул назад, чтобы избежать острого, почти в локоть длиной, клинка. Он попятился, его рука онемела, сознание смертельной опасности окатило его ледяным водопадом.

Как показалось Ф'лару, для человека, ослепленного яростью, Т'рон слишком хорошо контролировал движения. Чего он добивался? Почему затеял ссору — здесь и в такое время? Зачем, намеренно играя словами, пытался втянуть Ф'лара в схватку? Ведь ни Д'рам, ни Г'нариш не были обижены, когда вождь Бендена предложил им помощь. Значит, Т'рон хотел этого поединка. Но почему?

Внезапно Ф'лар понял все! Предводителю Форты уже известно о преступной небрежности Т'кула, и он понимает, что остальные

вожди Древних Вейров не захотят замять дело. Во всяком случае, до тех пор, пока в Совет входит Ф'лар Бенденский, который, конечно, потребует заменить предводителя Вейра Плоскогорье. Если сейчас Т'рон убьет Ф'лара, то сможет навязать свою волю остальным. К тому же с гибелью Ф'лара лорды потеряют сильно-го заступника; и Вейры, как в глубокой древности, опять станут безраздельно властвовать над холдами и мастерскими.

Т'рон надвигался, готовый атаковать. Ф'лар отступал, глаза его были прикованы к груди противника, туго обтянутой кожаной курткой. Не к лицу, не к руке, сжимавшей нож, — к груди! Здесь находится точка, выдающая намерения врага — надо только уметь видеть! Слова старого К'гана, погибшего семь Оборотов назад, К'гана, обучавшего юных всадников Бендена, всплыли в памяти Ф'лара. Да, К'ган был хорошим инструктором... Но могли ли он вообразить, что преподанное им искусство защитит вождя Вейра в схватке с другим вождем — во имя спасения Перна?

Ф'лар резко вздернул голову, прогоняя непрощенные мысли. Предаться воспоминаниям — не лучший способ выжить в поединке.

Вдруг Т'рон сделал стремительный выпад; бенденец почти рефлекторно отпрянул назад, уклоняясь от сверкающего лезвия. Вдох пронесся по рядам зрителей, когда послышался треск разрезаемой ткани. Ф'лар ощутил острую боль в животе — такую внезапную, резкую, что вначале ему показалось, будто клинок Т'рона оставил лишь царапину. Однако в следующий миг его за-топила волна дурноты.

— Неплохой удар, Т'рон. Но ты действовал слишком медленно, — услышал Ф'лар собственный голос, чувствуя, как губы его растягиваются в недоброй усмешке. Он пригнулся, отметив, что кожаный пояс по-прежнему стягивает его талию — лишь клоч ткани, свисавший над ремнем, трепетал в такт дыханию.

Т'рон недоверчиво уставился на противника. Взгляд его скользнул по фигуре Ф'лара, задержавшись на клочке ткани; затем он посмотрел на лезвие своего ножа. Оно было чистым, незапятнанным. Т'рон ударил снова, но судорога раздражения, мелькнувшая на его лице, подсказала Ф'лару, что вождь Форта разочарован провалом атаки. Он рассчитывал нанести противнику серьезную рану.

Ф'лар шагнул в сторону, с презрительным безразличием избежав сверкнувшего рядом клинка, и ответил серией молниеносных ложных выпадов, проверяя прочность обороны Древнего. Он не сомневался, что с Т'роном нужно кончать быстро; нарас-

тавшая в животе боль подсказывала, что у него осталось не так много времени.

— Да, Древний, — насмешливо произнес Ф'лар, стараясь, чтобы учащенное дыхание не выдавало его, — дела Исты и Айгена касаются Бенден-Вейра. Как и дела холдов Набол, Телгар, Кром и других. Потому что всадники Бендена не забыли, что Нити сжигают все и всех — и рожденных в Вейрах, и простых холдеров. Запомни, Древний: если Бенден-Вейру придется встать против Нитей одному, он не станет колебаться.

Он бросился к Т'рону и нанес удар в грудь, молясь, чтобы лезвие ножа оказалось достаточно острым, — проколоть ороговевшую кожу куртки было нелегко. Усилие вызвало новую волну боли. Отскочив назад, Ф'лар глубоко вздохнул и, глядя в потное, налившееся кровью лицо вождя Форта, заставил себя усмехнуться.

— Ты тянешь время, Т'рон, не так ли? Не спешишь прикончить меня? Конечно, с Нитями иметь дело опасней.

Т'рон с яростью выдохнул воздух. Он приближался, опустив руку с клинком, с явным намерением нанести удар снизу вверх. Ф'лар отступал — слегка согнувшись, готовый отразить выпад. Кожа под ребрами стала влажной. Что это — пот, кровь? Если Т'рон заметит...

— Ну что, Т'рон, утомился? Слишком плотно поел или начинает сказываться легкая жизнь? А может быть — возраст? Ведь к твоим сорока пяти Оборотам нужно добавить еще четыре сотни. Кажется, ты уже не способен двигаться побыстрее...

Из горла Т'рона вырвалось рычание. На мгновение он обрел прежнюю быстроту и рванулся вперед, нацелившись клинком в горло Ф'лара. Рука бенденца с зажатым в ней ножом обрушилась сверху на запястье противника, парируя удар; затем кончик лезвия задел шею Т'рона — там, где над воротом белела полоска кожи. В вышине раздался пронзительный крик дракона. В толпе послышались возбужденные выкрики. В следующий миг Ф'лар содрогнулся от боли — кулак предводителя Форта врезался ему в живот. Он отбил удар Древнего и с неожиданным приливом энергии скользнул в сторону, уклонившись от сверкающего клинка. Затем, сжав обеими руками свой нож, Ф'лар сделал стремительный выпад. Лезвие проткнуло толстую куртку; он давил на рукоятку, пока не почувствовал, что клинок прошел меж ребер противника.

Ф'лар, покачнувшись, отступил назад. Он видел, как Т'рон зашатался, глаза его выкатились от боли, губы беззвучно шевелились, рукоятка ножа, искрившаяся драгоценными камнями, тор-

чала в боку. Вождь Форта тяжело упал на колени, затем медленно осел на каменные плиты двора.

Ф'лару показалось, что эта сцена растянулась на часы. Судорожный вздох вырвался из его горла, отдавшись болью в груди; он пытался удержаться на ногах — сейчас он не мог, не должен был терять сознание.

— Бенден моложе, и это время — наше время, Форт! — прохрипел он. Потом повернулся лицом к толпе, глаза и разинутые в крике рты плыли перед ним, как в тумане. — Но Нити падают на Айген! Нити падают!

Ф'лар шагнул к распростертому на камнях телу. Внезапно он сообразил, что не может идти в бой в рваном и слишком легком платье. На Т'роне была кожаная куртка... Он с трудом опустился на колено и дернул пряжку поясного ремня, не обращая внимания на кровь, что сочилась из-под клинка.

Позади кто-то вскрикнул, тонкие пальцы уцепились за его локоть. Мардра.

— Ты убил его! Чего ты хочешь еще? Оставь его в покое!

Нахмурившись, Ф'лар посмотрел на женщину.

— Т'рон жив. Ведь Фидрант' не ушел в Промежуток!

Вдруг ему стало легче: все же на этот раз он не убил человека.

— Эй, кто-нибудь, дайте вина! И позовите врача!

Он расстегнул пряжку и освободил правый рукав, когда чьи-то руки начали помогать ему.

— Мне нужно это... Нужно, чтобы сразаться... — пробормотал он.

Кто-то протянул ему чистую тряпку. Ф'лар схватил ее и, задержав дыхание, выдернул нож. Секунду он смотрел на покрытый кровью клинок, затем отшвырнул его прочь. Металл зазвенел по камню, толпа отшатнулась прочь. Ему подали куртку. Он поднялся на ноги и надел ее. Т'рон был крупным мужчиной; его одежда оказалась слишком велика. Бенденец туго стянул ее ремнем и внезапно осознал, что над огромным двором повисла тишина, полная благоговейного страха. Ф'лар обвел пристальным взглядом белые пятна лиц.

— Ну? Теперь вы готовы поддерживать Бенден? — воскликнул он.

Мгновение длилось напряженное молчание. Толпа, словно многоглавый зверь, повернулась к ступеням, где стояли владельцы холдов.

— Те, кто не согласен, пусть лучше скроются в глубине своих холдов! — провозгласил лорд Ларад Телгарский, шагнув вниз. Те-

перь он стоял на одной ступеньке с Грожем и Сангелом, с вызовом сжимая рукоятку кинжала.

— Кузнецы всегда держали сторону Бенден-Вейра! — раздался рокочущий бас Фандарела.

— И арфисты тоже! — крикнул Робинтон.

— Горняки!

— Ткачи!

— Кожевники!

Лорды начали называть свои имена, стараясь перекрычать друг друга, словно их громкие вопли могли искупить былые грехи. Шум, поднявшийся во дворе, мгновенно стих, когда Ф'лар повернулся к остальным вождям Вейров.

— Иста! — хрипло, почти угрожающе взревел Д'рам.

Ему вторили ликующее «Айген!» Г'нариша и восторженный крик Т'бора: «Южный! Южный!»

— Что мы должны делать? — спросил лорд Асгенар, шагнув к Ф'лару. — Может быть, Лемосу стоит направить в Айген землекопов и каменщиков?

Ф'лар потуже стянул ремень, надеясь, что боль в ране утихнет.

— Сегодня день твоей свадьбы, лорд! И пусть он принесет тебе радость. — Ф'лар повернулся к всадникам: — Д'рам, мы последуем за тобой. Рамот'а уже вызвала все крылья Бендена. Т'бор, приведи своих. Всех — каждого мужчину и женщину, способных сесть на дракона!

Молодой всадник нерешительно покачал головой. Полная мобилизация! Привести всех... не только бойцов...

— Лесса! — Ее руки легли на плечи Ф'лара. Он нежно освободился и кивнул в сторону Мардры: — Помоги ей... Робинтон, для тебя тоже найдется дело. Да будет известно, — он пристально посмотрел на Мардру, — что каждый всадник Форт-Вейра, который не захочет последовать примеру Бендена, будет изгнан в Южный. — Он отвел взгляд прежде, чем с губ Мардры успел сорваться протестующий возглас. — И это касается любого ремесленника, холдера или лорда — как и людей Вейров. Нити редко падают на Южный материк, так что изгнанники смогут жить там в покое. А их равнодушие к судьбе Перна не будет представлять опасности для остальных.

Лесса попыталась расстегнуть его пояс. Он с силой стиснул ее запястья, не думая о том, что может причинить ей боль.

— Где заметили Нити? — крикнул он всаднику из Айгена, который все еще восседал вместе со своей зеленой на парاپете правой надвратной башни.

— На юге! — В словах айгенца звучала боль. — Они надвигаются со стороны Керунского залива, через воду.

— Когда началась атака? Я приведу вас прямо к этому часу!

Гул удивления прокатился по толпе; гости Телгара вспомнили, что драконы могут перемещаться как в пространстве, так и во времени. Значит, всадники успеют перехватить Нити в самом начале падения, и ни одно мгновение недавней схватки не будет потеряно.

Всадники направились к своим зверям, с нетерпением кружившим над внешними стенами холда. Торопливо натянув полетные куртки поверх легкой одежды, они начали проверять огнеметы и подвешивать к поясам мешки с огненным камнем, которые подносили из кладовых холда. Драконы один за другим ныряли вниз, подхватывали седоков и тут же стремительно взмывали в небо. Айгенская зеленая вместе с Д'рамом и его подругой Фанной кружила в вышине, поджидая Мнемент'а.

— Ты должна остаться здесь, любимая, — сказал Ф'лар, понимая, что Лесса готова ринуться к Мнемент'у вслед за ним.

Но Мардру нельзя было оставлять одну. Ни в коем случае. А он не мог поспеть всюду.

— Нужно присмотреть за ней. — Ф'лар кивнул на госпожу Форт-Вейра, застывшую над телом Т'рона. Глаза Лессы сердито сверкнули, она снова дернула застежку его пояса. — Здесь тебя ждут более важные дела, чем в Айгене. К тому же, — нерешительно продолжал он, — Мнемент' не возьмет тебя...

— Вот как? Ты в этом уверен? — вспыхнула Лесса. Она наконец справилась с ремнем, и Ф'лар почувствовал, как холодок целительной мази охватывает края раны. — Я не могу удержать тебя. Я знаю, ты должен идти. Но я не дам тебе погибнуть из-за глупого героизма. — Послышался яростный треск ткани; она разрывала рукав своего нового платья на длинные полосы. — Да, люди верно говорят, что зеленый цвет — к несчастью. Надеюсь, тебе не долго придется носить эту повязку.

Она туго затянула бинт; боль в ране почти успокоилась. Ф'лар смахнул выступившие на висках капли пота.

— Ну, теперь отправляйся! Рана неглубокая, но порез довольно длинный... Когда справишься с этой атакой, возвращайся сюда. А я... Я займусь своей частью дела.

Она сжала ладонь Ф'лара и, подобрав длинный подол зеленого одеяния, бросилась по откосу обратно к воротам, словно была слишком занята, чтобы наблюдать его взлет.

«Она беспокоится, но не хочет этого показать, — сообщил Мнемент'. — Однако нам пора в путь!»

Когда дракон по спирали поднимался вверх, Ф'лар услышал звуки музыки; гневные голоса рокотали под звон гитарных струн. Да, мелькнуло у него в голове, Робинтон умеет выбрать подходящую к случаю балладу!

Бей, барабанщик! Труби, горнист! Солдат, вперед! Играй, арфист! Сжигайте траву — нас пламя спасет. Проклятье Звезде, что над нами встает!

Странно, думал Ф'лар четырьмя часами позже, когда они с Мнементам'ом и айгенскими крыльями возвращались в Телгар, именно над этим холдом объединенные Вейры отбили вторую атаку Нитей семь Оборотов назад. Он с горьким сожалением вспомнил тот день — день триумфа, когда все шесть Вейров действовали как единое целое. Однако сегодняшний поединок в Телгаре был так же неотвратим, как полет Лессы в прошлое за Вейрами Древних. В этом ощущалось нечто неизбежное, какое-то неуловимое равновесие добра и зла, расплата, которую безжалостный рок взимал с человеческих судеб. Его рана опять начала лезть. Он подавил боль усилием воли; если Мнементам'е почувствует, то непременно сообщит Лессе... Склонив голову, он посмотрел на крылья из Айгена, широкими кругами спускавшиеся к земле. Всадникам было приказано вернуться в Телгар.

Круги... Сколь многое в последние дни вернулось к своей отправной точке! От огненных ящериц — к драконам; круг, охвативший тысячелетия... Внутренний круг, замкнувший Древние Вейры и набирающий силу Бенден...

Он надеялся, что Т'рон выживет; на его совести и так достаточно грехов... Правда, было бы лучше, если б Т'рон... Но он не желал даже думать об этом, хотя подобное событие разрешило бы многие проблемы. Впрочем, ему хватало других проблем. Взять, к примеру, эти личинки с Южного материка, которые могут уничтожать Нити...

Ему очень хотелось осмотреть прибор для дальновидения, найденный Т'роном. Внезапно он вспомнил о Фандареле, и глубокое сожаление охватило его. Устройство кузнеца сработало, и послание пришло быстрее, чем на крыльях дракона! Но кто мог знать, что во время атаки Нитей превосходная проволока может попасть под удар и расплавиться? В этом не было вины Фандарела. Несомненно, он сумеет устранить этот недостаток... нужно только время.

Внизу всадники потоком вливались в ворота, смешиваясь с толпой гостей. Огромный двор был ярко освещен сотнями ламп, которые гроздьями висели на стенах. Ночной воздух донес аромат жареного мяса и пряный запах печеных плодов, напомнив

Ф'лару, что голод способен ослабить дух человека. Он слышал смех, крики, звуки музыки. Да, день свадьбы лорда Асгенара забудется не скоро!

Асгенар... Союзник Ларада, воспитанник лорда Кормана... Пожалуй, он окажется неоценимым помощником, когда Ф'лар решит преподавать урок властителям холдов...

Потом он заметил крохотную фигурку около ворот. Лесса! Он велел Мнемент'у спускаться.

«Пора!» — заметил бронзовый.

Ф'лар погладил гибкую шею. Зверь прекрасно понимал, почему они так долго парили в вышине. Человеку нужно время, чтобы привести свои мысли в порядок — перед тем как окунуться в царившую на земле суету.

Мнемент' плавно опустился на покрытый травой луг. Зверь изогнул шею, и огромные сверкающие глаза уставились на всадника.

— Не беспокойся обо мне, — с любовью и благодарностью шепнул Ф'лар, спрыгивая на мягкую почву. Дракон выдохнул, и Ф'лара окутал запах дыма — хотя в этом сражении они потратили совсем немного огненного камня. — Ты не голоден?

«Еще нет. И этой ночью на лугах Телгара будет достаточно пищи для всех». Бронзовый расправил крылья и взмыл к нависшим над холдом утесам, где восседали драконы. Их четкие силуэты вырисовывались на фоне темнеющего неба; глаза, сверкающие подобно драгоценным камням, следили за начинавшимся внизу празднеством.

Ф'лар громко расхохотался; замечание дракона позабавило его. Действительно, на этот раз Ларад не пожалел ничего, хотя количество гостей увеличилось вчетверо. Кладовые холда стремительно опустошались, но, пожалуй, Телгар не рухнет от такой щедрости.

Лесса приближалась к нему так медленно, что он забеспокоился — неужели еще что-то случилось в его отсутствие? В темноте Ф'лар не мог видеть ее лица, но когда между ними остался один шаг, он понял, что ей не хотелось нарушать его раздумья. Прохладная ладонь Лессы нежно коснулась его щеки, тонкие пальцы задержались на свежем рубце от удара Нити. Она не позволила ему наклониться, чтобы поцеловать ее.

— Идем, любимый. Я приготовила чистую одежду и бинты для перевязки.

— Мнемент' что-нибудь наговорил тебе?

Лесса кивнула — с необычной для нее мягкостью.

— Что-то плохое?

— Нет, — заверила она Ф'лара, улыбнувшись. — Рамот'а сказала, что ты задумался... и лучше тебя не беспокоить.

Он поймал ее в объятия, сморщившись от боли, вызванной резким движением.

— Наказание ты мое, — с притворной строгостью шепнула Лесса и повела его в комнату под башней.

— Килара ушла в зал?

— О, да. — Легкое раздражение прозвучало в ее голосе. — Они с Мероном так же неразлучны, как их файры.

В комнате исходила паром большая лохань с горячей водой. Лесса решительно заявила, что сама выкупает его, и принялась рассказывать обо всем случившемся в славном холде Телгар, пока он сражался с Нитями. Ф'лар не возражал; было так приятно расслабиться, отдавшись ее заботам... Правда, прикосновение нежных рук иногда будило в нем грешные мысли.

Т'рона перевязали и отправили в Южный, он был в довольно тяжелом состоянии. Мардра пыталась оспаривать распоряжение Ф'лара об изгнании, но ее протесты не возымели действия на Робинтона, Ларада и Фандарела, к которым присоединились лорды Сангел и Грож. Все они сопровождали Лессу и Килару в Форт-Вейр, куда Мардра решила отправиться за помощью. Она была уверена, что всадники Форта окажут полную поддержку госпоже своего Вейра. Однако ее ожидало неприятное открытие — лишь немногие сторонники согласились последовать за ней. После этого высокомерная и сварливая женщина притихла и покорно отправилась в Южный.

— Килара и Мардра едва не вцепились друг другу в волосы, — со скрытым ликованием добавила Лесса, — но Робинтон их утихомирил. Килара провозгласила себя госпожой Форт-Вейра.

Ф'лар тихо застонал.

— Не беспокойся, — заверила его Лесса, массируя тугие узлы мышц на плечах. — Она передумала, когда узнала, что Т'кул вместе со своими всадниками покинул Плоскогорье. Для Т'бора и его людей лучше занять этот Вейр, чем Форт, откуда почти никто не ушел.

— Все равно Килара окажется слишком близко к Наболу, и это меня беспокоит.

— Конечно. Зато теперь П'зар, всадник Рот'а, может стать вождем Вейра. Он не слишком силен, но людей Форта это не огорчает. Они в восторге от того, что Т'рон и Мардра избавили их от своего присутствия.

— Н'тон был бы хорошим помощником новому предводителю...

— Я тоже думала об этом. Я поговорила с П'заром... Он не возражает.

Ф'лар покачал головой, удивляясь ее расторопности, затем со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы — Лесса отодрала старый заскорузлый бинт.

— Может быть, стоит позвать врача? — нерешительно начала она.

— Нет!

— Он будет молчать... И должна напомнить тебе, драконам уже все известно.

— Странно... Никогда бы не подумал, что такое множество драконов будут следить за мной и Мнемент'ом.

— Драконы уважают тебя, бронзовый всадник, — резко сказала Лесса, накладывая свежую повязку.

— И звери Древних тоже?

— Да, почти все... А также и их всадники... гораздо больше, чем я предполагала. Только двадцать человек из Форты последовали за Мардрой. А вот с Т'кулом, — она недовольно поморщилась, — ушли почти все его люди. В Вейре осталось четырнадцать всадников — молодежь, недавно прошедшая Запечатление. Зато теперь Южный будет полон народом.

— Дела Южного нас больше не касаются, — бросил Ф'лар. Лесса в удивлении опустила руки с чистой рубашкой, приготовленной для него. Ф'лар взял у нее одежду и стал неторопливо облачаться, давая ей время, чтобы переварить это заявление.

Она медленно опустилась на скамью, на высоком лбу появились морщинки, брови нахмурились.

Ф'лар сел рядом и прижал к губам ее ладони. Она по-прежнему не говорила ни слова, и тогда, нежно поглаживая выбившийся из-под повязки локон, он произнес:

— Мы честно поступили с ними, Лесса. Они ушли, и никто не причинил им зла — кроме них самих же. Некоторые одумаются... вернутся обратно...

— Но они обижены! И может начаться долгая распря!

— Лесса, сколько королей улетели в Южный?

— Лорант'а Мардры, старшая королева Плоскогорья... и еще две других... О, я поняла!

— Вот именно. Старые самки, время их расцвета миновало. Лорант'а, может быть, поднимется еще один раз... не больше. И только одна из королев Плоскогорья откладывала яйца с тех пор, как Вейр переселился в наше время. А их молодая королева, Сегрит'а, осталась?

Лесса кивнула головой, лицо ее просветлело. Но удержаться от того, чтобы повернуть, она не смогла:

— Можно подумать, что ты планировал это долгие Обороты...

— С тем же успехом можно подумать, что долгие Обороты я был глупцом, не желающим замечать очевидные факты. Например, растущую враждебность Т'рона... Ну, ладно! Что чувствуют холдеры и ремесленники?

— Облегчение, — заявила Лесса, вскочив со скамьи. — Готова допустить, что в их веселье проскальзывают истерические нотки, но Лайтол и Робинтон правы. Перн последует за Бенденом...

— Да, до первой моей ошибки!

Она с озорством улыбнулась, прижав палец к кончику носа Ф'лара.

— О, ты не допускал ошибок, Бенден! По крайней мере, пока...

Он поймал ее руку и, не обращая внимания на колющую боль в ране, усадил на колени. Это было счастьем — обнимать ее гибкое тело, готовое ответить, сдаться в покорной нежности...

— Ты хочешь сказать — пока ты со мной, да? — прошептал Ф'лар. И, не сумев выразить словами свою благодарность, свою гордость и радость, приник к ее губам в долгом поцелуе.

Она тихо вздохнула, когда он наконец поднял голову. Глаза ее были закрыты, и Ф'лар, улыбнувшись, нежно поцеловал веки. Лесса снова вздохнула и, мягко освободившись из его объятий, поднялась на ноги.

— Да, Перн последует за тобой, и верные друзья помогут тебе избежать ошибок... Но я надеюсь, у тебя найдется что ответить остроглазому лорду Грожу!

— Ответить Грожу?

— Да, — она строго посмотрела на него, — хотя я не удивлюсь, если ты позабыл об этом. Он потребовал, чтобы всадники Перна отправились прямо на Алуу Звезду и навсегда покончили с Нитями.

Ф'лар медленно встал со скамьи.

— Кажется, стоит решить одну проблему, как выскакивают пять новых — словно драконы из Промежутка...

— Я надеюсь, нам удалось обуздать Грожа на эту ночь... Мы обещали, что завтра утром в Бендене будет совещание лордов и главных мастеров. Сегодня он не станет тебе надоедать.

— Благословляю тебя, моя госпожа!

Ф'лар шагнул к двери, но на пороге остановился и, стукнув ладонью по лбу, коротко простонал.

— Болит рана? — встрепенулась Лесса.

— Нет, нет. Фандарел! Я так и не смог поговорить с ним — из-за Т'рона, Нитей и этих файров!

— Ну, о нем ты можешь не беспокоиться. — Придержав створку двери, Лесса усмехнулась своему возлюбленному. — Он весь ушел в новые планы: как закопать или покрыть чем-нибудь эту неблагодарную проволоку... или сделать ее потолще. Он собирается наладить связь с каждым холдом и каждой мастерской. А Вансор, его помощник, — этот выплывает не хуже стража порога, ополоумевшего от солнца. Он хочет наложить руки на устройство для дальновидения из Форта. Стонет, что без этой штуки ему не собрать собственный прибор. — Лесса положила руку на локоть Ф'лара, стараясь поспеть за его крупными шагами. — Но вот кто действительно разочарован, так это Робинтон.

— Робинтон? Почему же?

— Он сочинил превосходную праздничную балладу и разучил ее с певцами, но теперь она безнадежно устарела.

Ф'лар не сумел угадать, намеренно ли развеселила его Лесса, но они пересекли широкий телгарский двор, покатываясь со смеху. Хотя рана продолжала болеть.

Их путешествие вдоль длинных столов, за которыми сидели пирующие, и их веселые, оживленные лица не остались незамеченными. Каким-то неувимым образом люди успокоились и обрели уверенность. И Ф'лар внезапно почувствовал, что во дворе действительно воцарился праздник.

Глава 11

Раннее утро в Бенден-Вейре

— Когда ты в следующий раз решишь устроить потрясение социальных основ этой планеты, прошу предупредить меня заранее, — выговаривал Ф'нор брату, шагая вслед за ним по коридору к королевскому вейру. Впрочем, ухмылка на его продубленной солнцем и ветром физиономии свидетельствовала, что коричневый всадник не таит обиды. — Так кто теперь где?

— Т'бор стал предводителем Плоскогорья... и будет управляться с этим Вейром вместе с Киларой.

— Килара в Плоскогорье? — Ф'нор с сомнением посмотрел на брата, но тот лишь махнул рукой.

— Да, не все так хорошо, как хотелось бы. Почти все население Плоскогорья, кроме четырнадцати молодых всадников, по-

следовало за Т'кулом и Мериной. А в Форт-Вейре большинство осталось...

Ф'нор мстительно хихикнул:

— Ну, Мардре нелегко это проглотить!

Он бросил испытующий взгляд на Лессу, хорошо представляя, как часто подруге его брата приходилось сносить обиды от старшей из повелительниц Вейров. Лесса с вежливым безразличием пожала плечами.

— Итак, П'зар стал вождем Форты — до первого брачного полета королевы...

— Будем надеяться, что в этом полете смогут участвовать бронзовые из любых Вейров...

— Я тоже хотел бы этого, — ответил Ф'лар. — Думаю, однако, что самым крупным нашим бронзовым лучше воздержаться... Тактичность ценилась во все времена.

— Тогда почему же ты предложил П'зару взять в помощники Н'тона? — удивленно спросила Лесса.

Ф'лар улыбнулся своей подруге.

— Потому что к тому времени, когда их королева поднимется в полет, Н'тона будут хорошо знать и любить в Форт-Вейре... Он станет всадником Форты, и никто не скажет, что Бенден навязал своего ставленника.

Лесса сморщила нос.

— У бедного Н'тона окажется не слишком большой выбор в тех краях...

— Он вполне способен сам решить эту проблему, — заявил Ф'лар с озорной усмешкой.

— Ну, пожалуй, ты все устроил наилучшим образом, — заметил Ф'нор. — Однако меня огорчил столь поспешный отъезд из Южного. Понимаешь, я нашел довольно многообещающую кладку файров в одном заливчике... Теперь будет не так-то просто забрать яйца. Если бы ты подождал пару дней, то... — Он замолчал, опустившись в кресло, указанное Лессой. Затем поднял на брата встревоженные глаза: — Что с тобой, Ф'лар? Ты выглядишь так, словно опять путешествовал во временном Промежутке.

— Нет, он всего-навсего получил удар ножом под ребро, — ответила Лесса, окатив предводителя Бендена ледяным взглядом. — Будь моя воля, я не разрешила бы ему встать с постели.

Ф'лар добродушно отмахнулся от нее.

— Если ты ранен... — обеспокоенно начал Ф'нор, приподнимаясь в кресле.

— Если ты ранен... — сердито передразнил Ф'лар; излишнее

внимание к его самочувствию и собственная слабость явно действовали на него раздражающе.

Ф'нор расхохотался, ткнув себя пальцем в грудь:

— И Брекка еще считала меня беспокойным пациентом! Ха! Так что же все-таки случилось? Я выслушал немало историй об этом поединке... порядком приукрашенных, надо сказать. Но никто не говорил, что тебя тоже задело... Ох уж эти кинжалы! Рокковое оружие для нашего рода. Полагаю, если бы противник был вооружен вертелом в рост человека, ты мог бы чувствовать себя в безопасности.

— Его кинжал был длиной как раз с вертел, — сообщила Лесса.

— Погляди, Ф'лар, Брекка сделала мне перевязку, с которой я могу идти в Промежуток. — Ф'нор осторожно согнул раненую руку. — Нам ни к чему лишние слухи о твоей болезни, так что я готов заменить тебя всюду, где смогу.

Ф'лар негромко рассмеялся:

— Верхом на дракона — и в путь, да? Но только учти, твои обязанности порядком изменятся!

— Не сомневаюсь, о мой мудрый вождь!

Ф'лар нахмурился и раздраженно отбросил со лба прядь темных волос.

— Сбавь скорость! И давай ближе к делу. Ты видел Т'кула, когда он появился в Южном?

— Нет, но я слышал его. — Ф'нор сжал кулаки. — Все боевые крылья уже ушли, чтобы присоединиться к тебе в Айгене. Т'кул велел всем, включая раненых, выметаться из Южного в течение часа. Запасы, которые нельзя было быстро упаковать и забрать, он конфисковал. И дал ясно понять, что отныне Южный материк становится его вотчиной. Его патрули станут задерживать любого всадника, который не знает пароля, — даже применяя огонь, как против Нитей. И, пожалуй, некоторые из драконов Древних достаточно глупы, чтобы выполнить такой приказ.

— Люди из Форты нагрянули при тебе?

— Да. Брекка сразу же осмотрела Т'рона, чтобы выяснить, как он перенес это путешествие. — Ф'нор скривил губы.

— Он жив?

— Да, но...

— Ладно. Я подозревал, что Т'кул выкинет что-то в этом роде. Иногда он слишком прямолинеен... Что касается файров, то у нас остаются прекрасные земли, где они водятся, — Айген, Иста и Южный Болл. Но я хочу, чтобы ты привез сюда и те яйца, которые удалось найти в Южном, — сейчас нам нужен каждый файр... Кстати, как твоя маленькая королева? Забавные созда-

ния... Знаешь, если их напугать, они возвращаются туда, где появились на свет...

— Гралл сейчас с Кант'ом. — Ф'нор на мгновение сосредоточился. — Она слышит, как Рамот'а возится и ворчит на площадке Рождений...

— Хм-м, да... К счастью, ждать осталось недолго...

— И ты снова пригласишь на обряд Запечатления всю знать Перна? Как в тот первый раз, когда Древние еще не появились?

— Да! — Ответ Ф'лара прозвучал так категорично, что Ф'нор встревожился. — Нам не трудно проявить вежливость — а ее плоды принесут много доброго. Отныне так будет всегда, во всех Вейрах.

— И ты сказал предводителям, чтобы они послали всадников в холды и крупные мастерские?

Ф'лар кивнул, и глаза Ф'нора одобрительно блеснули.

— Ты сумеешь проскользнуть мимо патрулей Т'кула? — спросил вождь Бендена после короткой паузы.

— Без труда. У них нет бронзовых, которые могли бы догнать Кант'а. И это напоминает мне о...

— Хорошо. Для тебя есть два поручения. Во-первых, нужно разобраться с кладкой файров. Во-вторых... Помнишь то место над западным болотом, где мы с людьми Т'бора отражали атаку Нитей?

— Конечно. Но я хотел попросить тебя...

— Ты видел, что почва там кишит белыми личинками?

— Да.

— Попроси у Маноры горшок с плотной крышкой. Я хочу, чтобы ты привез сюда личинки — так много, как сумеешь. Неприятная работа, я знаю, но сам я не могу пойти... и не хочу обсуждать то, что является всего лишь смутным предположением.

— Личинки? Предположения?

Снаружи приветственно затрубил Мнемент'.

— Кажется, к нам гости... Иди, Ф'нор, я все объясню потом. — Ф'лар кивнул брату в сторону выхода.

Ф'нор пожал плечами и поднялся.

— Я готов рискнуть, о мой таинственный вождь! — Он рассмеялся, но, заметив, как сердито сверкнули глаза Ф'лара, произнес: — Извини. Как и все остальные на Перне — на Северном Перне, если говорить точнее, — я верю в тебя.

Коричневый всадник поднял руку в прощальном салюте и исчез.

— В день, когда Ф'нор перестанет поддразнивать тебя, я начну сильно тревожиться, — сказала Лесса, обвивая руками шею Ф'лара. На миг она прижалась щекой к его щеке, потом отпряну-

ла в сторону. — Прибыл Т'бор, — добавила она, и через минуту новый вождь Вейра Плоскогорье шагнул в комнату.

Молодой предводитель выглядел утомленным. Однако плечи его были расправлены, голова гордо поднята, поступь тверда. На лице Т'бора застыло тревожное выражение.

— Килара... — осторожно начал Ф'лар, вспомнив, что подруга Т'бора и Мерон Наболский были неразлучны большую часть прошлой ночи.

— Килара тут ни при чем. Дело в Т'куле, который мнит себя великим вождем всадников и драконов, — сказал Т'бор с явным отвращением. — Когда мы перевезли всех своих из Южного, я послал крылья осмотреть местность — просто для того, чтобы люди получше запомнили координаты опорных точек. Клянусь Первым Яйцом, мне не понравились их рассказы! Холдеры бегут при виде всадников! Бегут и прячутся! — Т'бор опустил в кресло и машинально принял кружку с горячим кла, которую протянула Лесса. — Нигде не было сигнальных костров и часовых, наблюдающих за небом. Но повсюду на почве — множество следов огня. Я не могу представить, сколько же Нитей они пропускали! Даже подростки в первом боевом вылете действуют лучше! Одним словом, я направился в Тиллек, чтобы задать эти вопросы лорду Отерелу. И что же? — Т'бор присвистнул. — Меня хорошо там поприветствовали! Едва не получил стрелу в живот — прежде чем сумел объяснить капитану стражи, что я не Т'кул, а Т'бор, новый предводитель Вейра.

Молодой всадник отхлебнул глоток кла.

— Мне пришлось долго успокаивать Отерела, пока он наконец не понял, что произошло. И тогда я подумал, — Т'бор нерешительно посмотрел на Лессу, затем перевел взгляд на Ф'лара, — что лучший способ обрести его доверие — оставить в Тиллеке дракона. Итак, я предоставил в распоряжение лорда бронзового всадника, а двух зеленых послал в небольшие холды вдоль по побережью. Кроме того, я восстановил наблюдательные посты на гребне Тиллекского хребта — там дежурят юноши. Затем мне захотелось посетить и лорда Баргена из Плоскогорья. Но я вовремя сообразил, что с его охраной дело может закончиться не так удачно, поэтому попросил Отерела сопровождать меня. — Т'бор снова отпил из кружки. — У нас осталось еще шесть яиц из кладки, которую нашел Торик, — и я дал по два каждому лорду, и еще два — мастеру-рыбаку Идаролану. Пожалуй, это произвело впечатление. Они уже слышали о файре, которого заполучил Мерон Наболский. — Молодой вождь Плоскогорья вздернул голову, словно приготовился выслушать выговор от Ф'лара.

— Ты все сделал правильно, Т'бор, — тепло произнес Ф'лар. — Я ничего не могу добавить — ты сделал все как надо.

— Оставив всадников в холдах?

— Еще до наступления полудня в каждом холде и в каждой мастерской будут всадники.

— И Д'рам с Г'наришем не возражают? — Т'бор недоверчиво посмотрел на Лессу.

— Ну, сказать по правде... — начала она, но появление остальных предводителей Вейров избавило ее от ответа.

В комнату вошли Д'рам, Г'нариш и помощник Р'марта из Телгара, за ними следовал П'зар, временный вождь Форта. Телгарец представился; его звали М'рек, всадник бронзового Зигет'а. Это был долговязый мужчина унылого вида, с волосами цвета соломы, примерно в том же возрасте, что и сам Ф'лар.

Когда все расселись вокруг большого стола, Ф'лар быстро взглянул на вождя Исты, пытаясь угадать его настроение. Мнение Д'рама, старейшего из предводителей Древних, значило много; и если, несмотря на проявленный вчера энтузиазм, оно изменилось, то предложения Ф'лара, скорее всего, умрут, не родившись на свет. Он вытянул под столом ноги и откинулся на спинку кресла, стараясь устроиться поудобнее.

— Я просил вас собраться здесь пораньше, потому что мы не имели возможности поговорить прошлой ночью. М'рек, как самочувствие Р'марта?

— Ему лучше. Всадники из Айгена и Исты побеседовали с ним, и сейчас он спокоен. — М'рек с уважением поклонился в сторону Д'рама и Г'нариша.

— Много ли ваших людей пожелало перебраться на юг?

— Около десятка, в основном старики. Нас больше беспокоят нелепые слухи, которые гуляют среди молодежи. Беделла вернулась из Телгар-холда с ворохом удивительных историй. О том, что всадники должны отправиться прямо на Алую Звезду, об огненных ящерицах и говорящей проволоке. Я посоветовал ей успокоиться. В нашем Вейре не привыкли верить подобным сказкам.

Д'рам фыркнул, и Ф'лар опять бросил на него быстрый взгляд, но разглядеть лицо вождя Исты не смог; тот сидел вполоборота, уставившись на М'река. В глазах Лессы мелькнула тревога, и Ф'лар незаметно кивнул ей.

— Да, здесь поговаривали об экспедиции на Алую Звезду, — небрежно заметил он. Лицо телгарца стало еще более унылым. — Но пока что у нас хватает других проблем. — Ф'лар осторожно переменил позу. Рана болела, и он чувствовал себя скованно. —

Скоро сюда пожалуют правители холдов и мастера цехов, давайте кое-что обсудим до их прихода. Д'рам, скажи мне, готов ли ты держать своих всадников в холдах и мастерских, пока мы не сможем надежно предсказывать атаки Нитей? Или пока не придумаем какой-то другой способ связи, удобный и для нас, и для холдеров?

— Я не возражаю, Ф'лар, — медленно проговорил вождь Исты, склонив голову. — После вчерашнего... — Он сделал паузу, затем поднял на Ф'лара полные боли глаза. — Думаю, вчера я наконец понял, как велик Перн и как мелок человек, который жаждет многого и забывает, что должен и многое отдать. Времена изменились. Не скажу, что мне это нравится. Перн стал огромным, а мы, Древние, старались подогнать его под себя. Может быть, прыжок во времени так повлиял на нас... Вспомни, мы преодолели четыре сотни Оборотов за четыре дня... Слишком много для разума человека... — Д'рам с удивлением покачал головой. — Я думаю, мы цеплялись за старое из боязни. Когда мы увидели на месте огромных, непроходимых горных хребтов сотни и сотни новых холдов и мастерских, когда поняли, как изменился мир... Все было таким знакомым — и в то же время совсем иным... — Он посмотрел прямо в глаза предводителю Бендена. — Поверь мне, Ф'лар, Т'рон был неплохим человеком. Не могу сказать, что знал его хорошо. Ни один из нас как следует не знает другого... Мы бьемся с Нитями, а в промежутках между атаками залечиваем раны. Но все мы — всадники, а всадник, поднявший на соратника руку... — Д'рам снова медленно покачал головой. — Ты мог убить его, но пощадил. Затем ты сражался с Нитями над Айгеном. Ты думаешь, я не знаю, что клинок Т'рона достал тебя?

Ф'лар облегченно вздохнул.

— Честно говоря, он чуть не распорол меня пополам.

Д'рам фыркнул, и на его лице промелькнула улыбка.

Мнемент' доложил, что гости прибыли. Ф'лар выругался про себя — он плохо рассчитал время. Но сейчас нельзя было прерывать Д'рама. В его душе пробудилась тяга к новому, и в любое мгновение этот хрупкий росток мог принести плоды.

— Я не верю, что в наши дни Вейры могут сохранять автономию, — напрямик произнес Ф'лар, отбросив все обтекаемые, гладкие фразы, которые он заготовил. — Мы едва не потеряли Перн семь Оборотов назад, потому что всадники утратили связь с остальным миром; и теперь мы видим, что может произойти, когда распадается связь между всадниками. Многое должно измениться... Надо, чтобы все брачные полеты стали открытыми, чтобы свободно спаривались бронзовые и королевые разных Вейров... только так мы сумеем вывести сильных и жизнеспособных

зверей. Мы должны обмениваться крыльями, чтобы всадники изучили территории остальных Вейров. Когда человек день за днем летает над хорошо знакомыми землями, он становится невнимательным. И мы должны приглашать людей из мастерских и холдов на каждый обряд Запечатления...

Они услышали, как в коридоре раздались шумные приветствия и топот тяжелых сапог по каменному полу.

— Иста-Вейр вчера последовал за Бенденом. — Д'рам прервал Ф'лара, в темных глазах пожилого всадника замерцала улыбка. — Но кое-какие традиции будет непросто изменить.

Они поднялись, когда мастера и властители холдов переступили порог королевского вейра. Лорд Асгенар, Фандарел и его помощник Бендарек вошли первыми; за ними рука об руку следовали лорд Отерел из Тиллек-холда и Мерон Наболский с огненной ящерицей на плече. Отерел, оказавшись в обширном зале, тут же покинул владетеля Набола и подошел к мастеру-кузнецу. Постепенно вейр наполнялся людьми, шумом голосов, восклицаниями — гости обсуждали события вчерашнего вечера. Когда все собрались, Ф'лар пригласил уважаемых гостей пройти в зал Совета.

Едва лорды и мастера расселись по местам, лицом к лицу с предводителями Вейров, поднялся Ларад Телгарский:

— Предводители, удалось ли вам установить, где начнется следующее падение Нитей?

— Там, где мы его ожидали, лорд Ларад, — ответил Ф'лар. — На западных равнинах, между Телгаром и Руатом — вероятно, сегодня днем. Сейчас раннее утро, и мы не задержим вас надолго.

— А сколько времени проведут у нас всадники? — спросил лорд Корман Керунский, переводя испытующий взгляд с Ф'лара на вождя Исты.

— Пока все холды и мастерские не будут объединены надежной системой связи.

— Для этого мне потребуются люди, — гроыхнул из дальнего угла Фандарел. — К тому же посчитайте: действительно ли вам нужны огнеметы в таких огромных количествах, как вы заказываете?

— Если всадники придут вовремя, то нет. — Это был Сангел из Болл-холда; лицо его выражало угрюмое недоверие.

— Телгар-Вейр готов отразить сегодняшнюю атаку? — продолжил Ларад, который все еще оставался на ногах.

М'рек, помощник вождя Телгара, поднялся, прочистил горло и, нерешительно посмотрев на Ф'лара, кивнул.

— Вейр Плоскогорье вылетит вместе с всадниками Телгара! — заявил Т'бор.

— И Иста тоже! — добавил Д'рам.

Столь неожиданное единодушие породило всплеск приглушенных восклицаний среди собравшихся. Лорд Ларад опустился на место.

— Сгорят ли наши леса? — Теперь встал Асгенар. Хотя вопрос был задан спокойным тоном, он больше походил на мольбу о пощаде.

— Всадники жгут Нити, а не деревья, — холодно ответил Ф'лар, но в голосе его прозвенело торжество. — Тут достаточно всадников, — он распростер руки, словно обнимая окружающих его предводителей, — чтобы защитить все леса Перна...

— Это не главное, Ф'лар Бенденский! Ты знаешь, о чем я говорю! — Лорд Грож из Форт-холда вскочил на ноги, глаза его выкатились от возбуждения. — Я говорю, надо идти на Алую Звезду! Хватит тратить время зря! Ты утверждал, что ваши драконы могут попасть куда угодно... и в любой момент.

— Одумайся, лорд! — запротестовал Г'нариш, подпрыгнув в кресле. — Дракон может очутиться только там, где уже побывал его всадник или другой зверь!

— Не перебивай меня, юнец! Ты можешь рассмотреть Алую Звезду так же ясно, как мой кулак, — и Грож, словно оружие, выбросил вперед сжатый кулак, — в дальновидящий прибор! Вот и отправляйся туда!

Д'рам встал рядом с Г'наришем и стал сердито спорить с Грожем. В комнате поднялся шум, но в этот момент снаружи взревели драконы. На мгновение все оглохли.

— Если таково желание всех лордов и мастеров, тогда мы назначим экспедицию на завтра, — спокойно произнес Ф'лар.

Краешком глаза он уловил, как Д'рам и Г'нариш резко повернулись к нему с ошарашенными лицами. На физиономии лорда Грожа проступило выражение крайней подозрительности, но для Ф'лара это не имело значения. Он заговорил ясно, быстро, обегая взглядом заполненную людьми комнату:

— Итак, лорд Грож, ты видел Алую Звезду. Можешь ли ты оценить ее поверхность? Какого она размера? Скажи, так же велика, как Северный континент Перна? Д'рам, как ты считаешь, если двигаться по прямой, мы сможем облететь ее за тридцать шесть часов? Больше? Хм-м... У нас не будет поддержки наземных команд, значит, надо взять с собой много огненного камня... возможно, столько, сколько весят сами драконы... Мастер-горняк, я должен точно знать, какими запасами располагает твой цех.

Здесь, в Бендене, мы обычно держали пятикратный вес дракона. В остальных Вейрах — примерно столько же. Нам понадобится весь камень, который у тебя заготовлен, и все огнеметы из холдов и мастерских. Теперь, всадники, о наших делах. Конечно, мы не знаем, сумеют ли люди и драконы преодолеть такое расстояние без смертельных повреждений. Что касается самой планеты, то раз там могут выжить Нити, то и мы как-нибудь продержимся. Однако...

— Достаточно! — взревел Грож. Его лицо налилось кровью, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

Ф'лар твердо встретил взгляд лорда, проклиная про себя его холерический темперамент. Пусть Грож убедится, что он не смеялся над ним, а говорил вполне серьезно.

— Такое предприятие, лорд Грож, потребует всех наших сил и оставит Перн полностью беззащитным... Итак, мы сделали приблизительные подсчеты. Пожалуй, ясно, что снаряжать экспедицию рановато. Я надеюсь, теперь ты согласишься: гораздо важнее сохранить то, что мы имеем.

Он должен был покончить с этим преждевременным замыслом, даже рискуя задеть гордость Грожа. И в то же время он не мог отделаться уклончивым ответом и дать повод для обвинений в адрес всадников. Глядя прямо в глаза Грожу, он продолжал со всей серьезностью:

— Я должен сам рассмотреть Алую Звезду, лорд Грож, прежде чем рискну на такой прыжок. И вождям остальных Вейров тоже надо на нее взглянуть. Я обещаю тебе, что, если нам удастся найти подходящие опорные точки, мы пошлем туда группу добровольцев для исследования планеты. Хотел бы я знать, почему никто не сделал этого раньше. Или — если такие попытки были — чем они закончились... — Голос его замер, и на долгое, долгое мгновение в зале воцарилась мертвая тишина.

Файр на плече Мерона стал нервно попискивать; очевидно, сильные переживания людей раздражали зверька.

— Может быть, в Архивах прошлого что-нибудь сообщается об этом? — громко сказал Ф'лар, перекрывая писк ящерицы, шарканье ног, кашель и шорох одежд. — Лорд Грож, Форт является старейшим из холдов. Вдруг в его дальних коридорах есть что-нибудь ценное... что-то такое, что может пригодиться нам? Ты проверишь?

В ответ Грож коротко кивнул и сел на место, уставившись прямо перед собой. «Сумеет ли он справиться с обидой?» — мелькнуло в голове у Ф'лара.

— Не думаю, что мне удалось представить все трудности и

риск подобного предприятия, — заметил Корман Керунский, в задумчивости растягивая слова.

— Еще один прыжок в неизвестность, да, Бенден? — спросил Ларад с печальной усмешкой.

— Я бы так не сказал, лорд Ларад, — возразил Ф'лар. — Покончить с Нитями навсегда, прямо в их мире... Этот проект не раз обсуждался всадниками. И мы делали расчеты. Например, я знаю, какую территорию способен очистить один Вейр, сколько ему потребуется огненного камня и других запасов. Это напоминает ваши расчеты перед приемом гостей — сколько и чего подать, чтобы накормить всех досыта.

В ответ раздались сдержанные смешки.

— Семь Оборотов назад я собрал вас тут, чтобы подготовиться к защите Перна от древней угрозы. И тогда, чтобы выжить, мы предприняли отчаянные шаги... Теперь мы снова в таком же положении — и вдобавок затеяли свару, отвлекающую от главной задачи. У нас нет времени, чтобы определять меру вины каждого или подсчитывать размеры компенсации. Мы все еще живем под угрозой постоянной гибели — хотя научились лучше защищаться от нее. Напомню вам, что мы уже находили помощь и ответы в старых Записях, в воспоминаниях мастеров Зурга и Робинтона, в искусстве Фандарела. Вы знаете, что в заброшенных помещениях Вейров Бенден и Форт мы обнаружили странные предметы, сделанные много Оборотов назад, когда мастерство и техника древности еще не были утеряны. Может быть, это поможет теперь? — Неожиданно Ф'лар усмехнулся и добавил: — Но, откровенно говоря, я больше рассчитываю на современные мастерство и технику, на то, чего мы сумели достичь сами.

На эти слова зал ответил одобрительным гулом.

— Я имею в виду умение сообща противостоять опасности, невзирая на границы, в которые заключены каждый холд, каждая мастерская... Умение, которое позволяет нам учиться друг у друга — ибо всем ясно одно простое обстоятельство: никто не сможет выжить в одиночку!

Он не мог продолжать; половина зала вскочила на ноги, разразившись приветственными криками. Д'рам тянул его за рукав, Г'нариш в чем-то горячо убеждал телгарского всадника, в глазах которого застыло выражение мучительной нерешительности. Ф'лар посмотрел на Грожа — прежде чем его заслонили другие. Властитель Форта выглядел озабоченным, но это было лучше, чем откровенная враждебность. Робинтон поймал взгляд Ф'лара и широко улыбнулся в ответ.

Итак, события пошли своим чередом, и лучше предоставить

им развиваться без его вмешательства, решил Ф'лар. Гости вполне способны заразить энтузиазмом друг друга — в гораздо большей степени, чем это сделали бы самые хитроумные аргументы. Он оглядел зал в поисках Лессы и увидел, что его подруга уже направилась к выходу.

Внезапно на пороге появился Ф'нор, на лице коричневого всадника светилась озорная улыбка.

— Я привез яйца файров! — громко крикнул он. — Яйца огненных ящериц!

Люди расступились, образовав проход, и Ф'нор проследовал прямо к огромному столу Совета. Все с напряженным молчанием следили, как он осторожно опустил на каменную поверхность закутанный в толстую шерстяную ткань сверток и с торжеством огляделся по сторонам.

— Утащил прямо из-под носа у Т'кула! Тридцать две штуки!

— Ну, Бенден, — спросил лорд Сангел из Южного Болла, — кому же ты отдашь предпочтение?

Ф'лар притворился удивленным.

— При чем тут я? Только вы сами, — он широким жестом обвел комнату, — можете решить, как разделить их.

Такого не ожидал никто.

— Конечно, мы передадим вам все, что знаем о файрах, и поможем обучить их. Эти создания не игрушки, не забавные домашние зверьки. — Он кивнул в сторону Мерона, который ошестинился с таким обиженным видом, что его бронзовый зашипел и взмахнул крыльями. — Лорд Асгенар, у тебя уже есть два яйца файров. Полагаю, ты будешь беспристрастным судьей.

С этими словами Ф'лар покинул комнату Совета, не прислушиваясь к разгоревшемуся за его спиной спору. Он многое еще должен был сделать, но предпочел устроить себе небольшой перерыв. Тем более что дележ яиц надолго займет гостей. Они вряд ли заметят его отсутствие.

Глава 12

Утро в Бенден-Вейре.

Предрассветный час в Вейре Плоскогорье

Как только Ф'нору удалось выбраться из зала Совета, он забрал из незаметной ниши в коридоре горшок с отвратительными личинками и направился в королевский вейр, искать Ф'лара.

«Он у себя», — сообщил Кант' своему всаднику.

— Спроси Мнемент'а: как он?

Наступила пауза. «О чем говорят драконы между собой? — с внезапным интересом подумал Ф'нор. — Про то же, что и с людьми?»

«Мнемент' не беспокоится за него».

Ф'нор уловил интонацию, с которой коричневый выделил «за него», и собирался продолжить расспросы, но тут на его плечо, трепеща крылышками, опустилась маленькая Гралл. Она уцепилась хвостом за шею всадника и с радостным писком потерлась о его шеку.

— Совсем осмелела, малышка? — весело пробормотал Ф'нор, мысленно излучая одобрение.

Гралл завопилась, устраиваясь на его плече, от нее исходило ощущение довольства. Она сложила крылья и вцепилась коготками в кожаную прокладку, которую Брекка специально для этого нашила на левое плечо его туники.

В проеме спальни возникла фигура Ф'лара; заметив, что Ф'нор ждет его, он нетерпеливо устремился к брату.

— Ты привез личинки? Отлично. Идем.

— Обожди минуту, — попросил Ф'нор, придерживая вождя Бендена за локоть.

— Идем! У нас еще будет время поговорить.

Они направились к выходу из вейра, спустились по ступенькам, затем Ф'лар повел брата к зияющему отверстию пещеры, где в теплом песке зрел новый выводок Рамот'ы.

— Все довольны дележом яиц? — спросил бронзовый всадник. Они вошли в пещеру, и Ф'лар усмехнулся, когда Гралл боязливо прижалась к щеке Ф'нора.

— Ну, Грож, конечно, перекричал всех. Лорды Исты и Айгена, Варбрет и Лауди, великодушно уступили свою долю, заявив, что на их землях тоже водятся файры. Зато Сангел из Южного Болла ухватил пару. Лайтол не взял ни одного.

Ф'лар вздохнул, с сожалением покачав головой:

— Я не рассчитывал, что он захочет завести файра, но все же надеялся... Конечно, это не заменит Ларт'а, его погибшего дракона, однако... Ну, ладно.

Они находились теперь в ярко освещенном коридоре, расчищенном совсем недавно; Ф'нор раньше здесь не бывал. Невольно посмотрев направо, он увидел, что проход в пещеру перегораживает деревянная решетка.

— А это еще зачем?

— Что? — удивленно переспросил Ф'лар. — А, решетка... Лес-са сказала, что Рамот'а не любит, когда около яиц толкуются маль-

чишки. Это подтвердил и Мнемонт'. — Ф'лар смущенно улыбнулся — видимо, вспомнил, как в детстве они с братом тайком пробирались запретным коридором, чтобы бросить взгляд на свернувшуюся рядом с яйцами Неморт'у. Потом он кивнул на освещенный проход: — Тут есть помещение, которое вполне подходит для моей цели...

— Какой?

Ф'лар колебался, задумчиво глядя на брата.

— С каких это пор ты считаешь, что я не способен сохранить секрет?

— Дело очень важное...

— Сначала скажи!

Они достигли первой комнаты заброшенного пещерного комплекса, который нашли Джексом и Фелессан. Но бронзовый всадник не дал Ф'нору подивиться на великолепную роспись стен и превосходно сделанные сундуки и столы. Он потянул его дальше, через вторую комнату, в самое большое помещение, по периметру которого стояли глубокие каменные баки прямоугольной формы, открытые сверху. Остальные древние устройства были убраны, и от них остались только загадочные отверстия и желобки в стенах. Однако не это удивило Ф'нора; он с изумлением увидел, что баки заполнены землей, в которой высажены разные виды трав и кустарников. Несколько баков были засеяны злаками, которые росли на полях холдов; в одном, самом большом, тянулись вверх саженцы лунных деревьев.

Ф'лар жестом попросил передать горшок с личинками, и Ф'нор с готовностью протянул брату свою добычу.

— Теперь я положу немного личинок во все контейнеры, кроме этого, — произнес Ф'лар, указывая на отдельно стоящий бак средних размеров. Затем он начал распределять по каменным емкостям извивающихся личинок.

— Что ты хочешь проверить?

Многозначительный взгляд брата напомнил Ф'нору те времена, когда они, мальчишками, замыслили очередную проказу.

Он ухмыльнулся.

— Так что же ты хочешь проверить?

— Во-первых, смогут ли эти личинки с юга размножаться в почве Северного материка, среди наших растений...

— И?..

— ...что они будут так же способны уничтожать Нити, как в западных болотах Южного Вейра.

Со смешанным чувством надежды и отвращения они наблюдали, как шевелящийся беловатый ком стал распадаться на час-

ти, потом каждая личинка начала буравить ход, зарываясь в мягкую темную почву.

Ф'нор в растерянности прикрыл ладонью глаза; картины прошлого поплыли под его сомкнутыми веками. Он видел Ф'лара — подростка, убеждавшего его пробраться в большую пещеру и бросить взгляд на загадочную площадку Рождений... Потом Ф'нор увидел брата взрослым, в зале Архивов, окруженного стопками старых пергаментов... когда он заявил, что можно прыгнуть назад через межвременной Промежуток и отбить атаку у Нерата... Теперь осталось только представить, как он, Ф'нор, изложит свою дерзкую просьбу — о Кант'е, готовом бороться с бронзовыми за благосклонность Вирент'ы...

— Но мы не видели, что на самом деле происходило там с Нитями, — сказал он, вынырнув из воображаемых глубин пространства и времени.

— А что еще могло с ними случиться в этих болотах? Ты же знаешь, падение длилось четыре часа, а мы захватили только вторую половину атаки. Ты сам видел отметки на деревьях и кустарнике. Ты видел почву, кишашую этими личинками... И я подозреваю, что сегодня ты долго копался в земле, чтобы набрать полный горшок. Они, похоже, поднимаются к поверхности только во время падения Нитей... В конце концов, ты можешь вернуться туда через временной Промежуток и увидеть все еще раз.

Ф'нор скорчил гримасу, припомнив, что ему действительно пришлось потратить немало времени, чтобы наполнить горшок. Неприятные минуты... Каждый его нерв был натянут как струна — патруль Т'кула мог в любой момент свалиться сверху... Он помассировал пальцами висок.

— Но как мы сможем проверить это? Нити пока не собираются падать над Бенденом...

— Сегодня в полдень начнется атака между Телгаром и Руатом. Ты будешь там... и попробуешь изловить несколько Нитей.

Если бы Ф'нор не заметил насмешливый огонек в глазах брата, то решил бы, что тот сошел с ума.

— Не сомневаюсь, ты уже придумал, как отколоть такую штуку, — с едкой иронией сказал он.

Ф'лар отбросил со лба прядь волос.

— Ну, я готов выслушать любые предложения...

— Очень любезно с твоей стороны... если учесть, что я рискую своей шкурой.

— Кант' и Гралл помогут...

— Если вконец сойдут с ума...

— Мнемент' все объяснит Кант'у...

— Полезный совет...

— Я не стал бы просить тебя, если бы мог справиться сам! —
Ф'лар стиснул зубы.

— Я знаю! — с силой произнес коричневый всадник и вдруг лукаво ухмыльнулся: он был уверен, что сделает это!

— Отлично. — **Ф'лар** ухмыльнулся в ответ. — Ты должен двигаться низко, рядом с королевами. Выбери хороший, плотный сгусток и следуй за ним к земле. Кант' отлично летает... он сможет приблизиться настолько, чтобы ты мог дотянуться до сгустка кузнечным ковшом с длинной рукояткой... знаешь, такими разливают металл. А Гралл разделается с любой Нитью, которая попытается зарыться в почву. Ничего другого я не сумел придумать. Конечно, если мы будем сражаться где-нибудь над каменистым плато... но и тогда...

— Ну, хорошо. Допустим, я поймаю живую Нить, — коричневый всадник вздрогнул, воочию представив себе такую перспективу, — и допустим, эти личинки действительно уничтожат ее. Что тогда?

На губах **Ф'лара** появилась едва уловимая улыбка; он широко развел руки, словно хотел обнять весь Бенден, весь Северный материк, весь Перн.

— Тогда, о, брат мой, славный сын моего отца, мы начнем бочками высевать эти прожорливые личинки и распространим их по всей планете.

Ф'нор стиснул кулаки на поясном ремне. Пожалуй, сегодня вождь Бендена склонен к фантазиям...

— Нет, я не фантазирую, **Ф'нор**. — Бронзовый всадник присел на краешек ближайшего бака. — Если мы сумеем использовать их, — он положил ладонь на опустевший горшок, словно тот был краеугольным камнем его теории, — то Нити могут падать когда и где им угодно. И это не приведет к панике и опустошению, которые постоянно грозили нам.

Он задумчиво опустил голову, потом посмотрел прямо в лицо **Ф'нору**.

— Подумай, в наших Архивах и в Записях арфистов нет ничего даже отдаленно намекающего на такие события... Почему? И почему мы так долго осваивали Северный континент? Я не раз задавал себе этот вопрос... При той скорости прироста населения, которая наблюдалась последние четыреста Оборотов, за тысячелетия люди должны были заполнить материк от моря до моря... Наконец, почему никто не пытался достичь Алой Звезды — если для дракона это всего лишь один прыжок в Промежутке?

— Лесса рассказывала мне о требованиях Грожа, — заметил Ф'нор, пытаясь осмыслить удивительные вопросы брата.

— Дело не только в том, что мы не могли увидеть ее поверхность, не могли получить ориентиры для прыжка, — настойчиво продолжал Ф'лар. — У людей далекого прошлого были нужные приборы. Они их надежно законсервировали... даже Фандарел не знает, каким образом. Законсервировали для кого? Возможно, для нас? Для тех времен, когда мы сумеем справиться с последним препятствием?

— И что же ты называешь последним препятствием? — саркастически спросил Ф'нор, подумав сразу о девяти или десяти.

— Их пока немало, я знаю, — согласился Ф'лар и стал загибать пальцы: — Защита Перна в период отсутствия Вейров. Возможно, для нее достаточно этих личинок в почве и хорошо организованных наземных команд. Размеры и интеллект драконов — достаточный, чтобы они поняли нашу цель. Ты, конечно, заметил, что наши звери больше и сообразительнее тех, которые пришли с Древними. И если предположить, что драконы были выведены для решения этой задачи из созданий, подобных твоей Гралл, то нужно немало времени, чтобы они достигли огромных размеров. Возьми, к примеру, длинноногих скакунов, с которыми столько лет возился мастер-скотовод... Эта работа начата четыреста Оборотов назад! Г'нариш говорил мне, что в старые времена таких животных не существовало...

Нечто странное слышалось в голосе Ф'лара, внезапно понял Ф'нор. Какая-то неуверенность, словно самого вождя Бендена смущали эти крамольные мысли... Но разве главная цель всадников не заключалась в том, чтобы полностью и навсегда очистить небеса Перна? Или же нет? Собственно, ни в одной строке обучающих Баллад и Саг подобных утверждений не встречалось. Баллады напоминали, что всадники должны защищать и охранять Перн во время прохода Алой Звезды. Защищать и охранять — но не больше; нигде даже ни намек на времена, когда Нити навсегда исчезнут.

— Может быть, мы достигли решающей точки своего развития, кульминационного момента, запланированного тысячи Оборотов назад? — тихо произнес Ф'лар. — Посмотри, сколько совпадений... Резкий рост населения, изобретения Фандарела, открытие этих комнат и приборов, личинки с Южного материка — все, все...

— Кроме одного, — медленно сказал Ф'нор. В этот миг он не навидел себя.

— Что? — задумчивая теплота в голосе Ф'лара исчезла; свой короткий вопрос он задал резким, холодным тоном.

— Брат мой, мудрейший из сыновей моего отца, — начал Ф'нор, глубоко вдохнув сухой воздух подземелья, — если всадники очистят Алуу Звезду от Нитей, то какова дальнейшая цель их существования?

Ф'лар поднялся на ноги; побледневшее лицо отразило разочарование.

— Ну, надеюсь, ты ответишь и на этот вопрос, — продолжал Ф'нор, старательно избегая взгляда брата. — А сейчас... Где этот ковш с длинной рукояткой, в который я должен поймать Нить?

* * *

Еще несколько минут они обсуждали детали предстоящей операции и меры по сохранению тайны — лишь Лесса с Рамот'ой были посвящены в нее. Затем братья расстались, заверив друг друга, что отправляются завтракать и отдыхать.

Хотя Ф'нору импонировала дерзость задуманного Ф'ларом предприятия, он ясно видел ожидающие его трудности и риск. Его угнетало и то, что он не успел обсудить с братом будущий союз Кант'а и Вирент'ы. Правда, полет коричневого с королевой представлялся ему теперь гораздо менее бунтарской идеей, чем коренные изменения традиций Вейров, предпринятые Ф'ларом. Если исходить из собственных теорий Ф'лара, касающихся получения здорового потомства, главные факторы — размеры и интеллект дракона. Если коричневый достаточно силен и сумеет обогнать бронзовых в брачном полете — что ж, значит, королева достанется ему. В конце концов, это еще и вопрос везения, и вряд ли здесь углядят серьезный проступок. Утешаясь подобным образом, Ф'нор направился в нижние пещеры, чтобы позаимствовать подходящий ковш у одной из помощниц Маноры. Затем он направился к себе. Кто-то — вероятно, Манора — навел порядок в его вейре, пока он был в Южном. На постели лежали новые мягкие шкуры, деревянные стулья и стол лоснились от воска, стенную нишу заполняла чистая одежда. Кант' сообщил, что песок, скопившийся на его каменном ложе, убран и больше не трет ему кожу на животе.

Со вздохом благодарности Ф'нор растянулся на шелковистых шкурах. Подживающая рана на руке чесалась, и он поскреб шрам через повязку.

«От зуда хорошо помогает масло, — посоветовал Кант'. — Поврежденная шкура может треснуть в Промежутке».

— Успокойся, приятель. У меня не шкура, а кожа, — ответил Ф'нор коричневому.

В комнате появилась Гралл и зависла над ним, изо всех сил работая крыльями. Поток прохладного воздуха коснулся лица Ф'нора. Ящерка была любопытной; Ф'нор и сейчас ощущал это чувство — со слабой примесью тревоги и настороженности.

Он улыбнулся, стараясь мысленно успокоить фэйра. Сверкающие глаза Гралл стали вращаться медленнее; она поднялась к потолку и приступила к осмотру жилища Ф'нора. Впечатление у нее сложилось благоприятное. Коричневый всадник услышал ее возбужденный писк, когда она обнаружила бассейн; затем раздался плеск воды и довольное жужжание. Он прикрыл глаза. Ему нужно отдохнуть. И он не хотел думать о том, что предстоит ему после полудня.

Если личинки действительно пожирают Нити и если Ф'лар сумеет уговорить напуганных лордов и мастеров использовать их, что тогда? Эти люди не глупы... Они поймут, что безопасность Перна перестанет зависеть только от всадников... Конечно, они согласятся. И чем же будут заниматься Крылатые, благородные защитники планеты? Что они станут есть? Немало лордов — Грож, Сангел, Нессел, Мерон и Винцет — тут же перестанут платить десятину. А какие товары может предложить Вейр мастерским и холдам в обмен на их продукцию? Сам Ф'нор был бы не прочь изучить какое-нибудь ремесло, но он понимал, что многие проекты Ф'лара рухнут без материальной поддержки. Скажем, их первое поселение на Южном материке, благодатный климат которого так подходит для разведения драконов... Неужели все это достанется Древним?

Возможно, Ф'лар надеялся, что отношения с Т'кулом со временем наладятся? Или же... Да, конечно, они ведь не имеют представления, насколько велик Южный континент! На западе, за пустынями и болотами, и на востоке, за неизвестными, неисследованными морями, могут лежать новые плодородные земли. Ф'лар... Знает ли он больше, чем говорит?

Около его уха раздался жалобный щебет Гралл. Ящерка вцепилась в толстый шерстяной плед, прикрывавший плечи Ф'нора, ее шкурка отливала золотом после купания. Он погладил нежную кожу спины, стараясь понять, нуждается ли она в смазке. Гралл росла — но далеко не с такой скоростью, как драконы в первые недели после появления на свет.

Ну, не иначе как ящерку взволновали его мысли. Нужно успокоиться... Он коснулся разума Кант'а — большой коричневый спал. Утешительное обстоятельство.

Ф'нор устроился поудобнее и снова закрыл глаза. Гралл перестала чирикать, и вскоре он почувствовал на своей груди теплое тело файра. Как там Брекка? Что делает она сейчас в новом своем жилище, в Плоскогорье? Лицо девушки всплыло перед мысленным взором всадника. Не такое, каким Ф'нор запомнил в последний раз, — сердитое, озабоченное поспешными сборами, когда Т'кул свалился на голову ничего не подозревавших обитателей Южного. Он видел ее нежную, ласковую улыбку, ее глаза, полные любви... Скоро она будет с ним... будет с ним... навсегда... навсегда... Сквозь охватившую его дрему Ф'нор подумал, что Брекка еще спит. Там, в Вейре Плоскогорье, еще ночь...

* * *

Но Брекка не спала. Она проснулась рано, как привыкла в Южном, когда окружавшая ее темнота была не холодным безмолвным мраком одной из внутренних пещер Вейра, но полной очаровательного уединения южной ночью. Берд, бронзовый самец, тоже встрепенулся; его сияющие глаза были единственным источником света в темной комнате. Он тревожно свистнул. Брекка погладила файра и прислушалась к Вирент'е. Ее королева спала глубоким сном на своем каменном ложе.

Брекка расслабилась, тоже пытаясь уснуть, но старания ее были безуспешны. В Вейре Плоскогорье еще царила глубокая ночь, но в Южном уже разгорался рассвет — и тело подчинялось привычному ритму. Со вздохом она поднялась, поглаживая Берда, который беспокойно возился рядом. Файр присоединился к ней в бассейне; взбивая крыльями теплую воду, он резвился среди хлопьев пены от ароматного мыльного песка; затем вспорхнул на скамью, поднял голову и испустил мягкую музыкальную трель, неизменно изумлявшую Брекку.

В общем-то, совсем неплохо — встать рано и, пока никто не мешает, приступить к делам. У людей, переселившихся на новое место, возникает немало проблем, и Брекка решила заняться первоочередными. Здесь было мало пищи, особенно свежей. Т'кул оставил только старых, жилистых быков, только самую плохую обстановку, ухитрился вывезти запасы одежды, шерсти, кожи, вина. К тому же он ловко помешал обитателям Южного, когда те собирались, заняться собственными складами. О, если бы у нее было хотя бы два-три часа!

Брекка вздохнула. Очевидно, эта Мерика управляла хозяйством Вейра еще хуже, чем Килара. Повсюду следы такого запустения... Помогут ли им окрестные холды? Возможно, Ф'лар замол-

вит слово, и они получают хотя бы самое необходимое... Нет, с просьбами торопиться не стоит. Вначале она проверит и пересчитает все, что здесь осталось, выяснит самые неотложные нужды, посмотрит, с чем они могли бы справиться сами... Внезапно Брекка замерла. Кажется, ей придется привыкнуть к новому образу жизни — к жизни, зависящей от щедрости холдов. В Южном у них было так много всего, с чем можно работать... словно в мастерской ее отца.

— Ясно одно, — пробормотала Брекка, — Килара ничего не станет делать!

Она натянула кожаную полетную куртку, которая была теплее и не так стесняла движения, как длинное платье. Если ей придется весь день копать в кладовых и в нижних пещерах...

Ей очень не нравился остролицый Мерон, лорд Набола. Не хотелось бы оказаться в долгу у такого человека. Впрочем, посмотрим... и постараемся обойтись без его помощи.

Вирент'а слабо шевельнула хвостом, когда Брекка проходила мимо. Королева спала так глубоко, что девушка даже не замедлила шагов, чтобы привычно коснуться ладонью гладкой шеи. Вчера ее дракону пришлось поработать... Вчера... Неужели это было только вчера?

Пролетая мимо королевы, Берд самодовольно зачирикал. Брекка рассмеялась — этот лакомый кусочек был великоват для малютки-бронзового. Файр тряхнул крыльями, капельки воды упали на ее лицо. Вода... да, конечно, вода! Ей надо проверить озерцо, лежащее в котловине Вейра. Ранелли сказала вчера, что вода испорчена — нарочно загажена людьми Т'кула.

Как приятно было выйти на свежий, живительный воздух с привкусом ночного морозца! Брекка сделала глубокий вдох, бросила взгляд на фигуру часового у Звездной Скалы и заторопилась по лестнице к нижним пещерам. Угли в печах уже подернулись пеплом, но котел с водой был еще теплым. Она заварила кла, разыскала хлеб и фрукты для себя и немного мяса для Берда.

Позавтракав и заправив маслом светильники, Брекка отправилась в кладовые и приступила к раскопкам. Берд преданно сопровождал ее, выбирая себе подходящие насесты в тех местах, где она развивала особенно кипучую деятельность.

Четырьмя часами позже, когда Вейр начал пробуждаться, Брекку переполняло презрение к прежней домоправительнице Плоскогорья. Она провела полную ревизию имевшихся запасов. Не было никаких сомнений, что лучшие ткани и кожи — как, впрочем, и вина — переправлены на юг или необъяснимым образом осели в ближайших холдах.

Озеро действительно завалили кухонными отбросами, и его требовалось очистить. По крайней мере, несколько дней из него нельзя будет брать воду. И под руками нет подходящих емкостей, чтобы привезти воды из ближайшего горного источника. Посылать дракона с парой горшков, пожалуй, будет глупо. Так она и сказала Т'бору и Киларе.

— Я привезу бочонки из Набола, — заявила Килара, отвлекаясь на миг от многословного осуждения мелочности Т'кула.

Брекке было ясно, что Т'бор не в восторге от поездки в Набол, однако у него хватало других дел и не оставалось времени на препирательства. По крайней мере, решила Брекка, Килара проявила хоть какой-то интерес к делам Вейра.

Итак, Килара взмыла над чашей Плоскогорья, и ее Придит'а сверкнула золотом в лучах восходящего солнца. Вскоре Т'бор с несколькими крыльями отправился в облет территории; ему надо было познакомиться с ориентирами на местности, расставить наблюдательные посты и наметить маршруты патрулирования. Брекка и Варина с помощью Пильгры, единственной золотой всадницы Плоскогорья, решившей остаться, занялись самыми срочными делами. Они отправили подростков чистить озеро, а юношей постарше послали за свежей водой и припасами.

Занятая пересчетом мешков с мукой, Брекка не услышала первого крика проснувшейся Вирент'ы. Берд с тревожным свистом поднялся в воздух и начал кружить около девушки, пытаясь привлечь ее внимание.

Брекка коснулась сознания Вирент'ы и застыла, пораженная невероятным всплеском эмоций. Встревожившись, она бросилась к лестнице. Что могло приключиться с ее королевой, которая еще недавно так мирно спала? В одном из коридоров нижних пещер Брекка столкнулась с Пильгрой; глаза ее горели возбуждением.

— Вирент'а готова подняться, Брекка! Я вызвала всадников! Она идет к площадке кормления. Ты знаешь, что делать?

Брекка замерла, уставившись на молодую женщину. Потом, словно в трансе, она позволила Пильгре отвести ее на дно чаши. Когда они подбежали к песчаной площадке, Вирент'а уже с криками металась над стадом. Испуганные животные разбежались, добавляя напряжения своим паническим ревом.

— Давай, Брекка! — подтолкнула девушку Пильгра. — Помни, ей нельзя есть! Она не сможет долго летать!

— Помоги мне! — с мольбой проормотала Брекка.

Пильгра обняла девушку за плечи, странная улыбка блуждала на ее губах.

— Не бойся... Это чудесно!

— Я... я не могу!

Пильгра встряхнула ее.

— Ты сможешь, конечно, сможешь. Ты должна! Я сейчас должна быть с Сегрит'ой. И Варина тоже улетела подальше со своей королевой.

— Улетела подальше?

— Конечно. Не будь глупышкой. Сейчас тут не должно быть других королев. Вот только Килара с Придит'ой застряли в Наболе... Слишком близко...

И Пильгра, в последний раз подтолкнув Брекку, побежала к своей золотой.

Внезапно рядом с Бреккой очутилась Ранелли. Старуха крепко схватила ее за локоть, отгоняя свободной рукой фэйра, который возбужденно метался над ними.

— Убирайся прочь, прочь! А ты, девушка, держи свою королеву! Держи ее — или тебе не бывать госпожой Вейра! Не давай ей наедаться!

Воздух наполнился плеском крыльев — бронзовые вернулись. И Брекка поняла, что неизбежное свершится. Только она может помочь Вирент'е! Девушка шагнула к площадке, туман плыл перед ее глазами. Она ощущала нарастающую чувственность бронзовых, выжидательное внимание коричневых, синих и зеленых, которые расселись на карнизах своих вейров, готовые наблюдать за спектаклем.

— Ф'нор! Ф'нор! Что мне делать? — простонала Брекка.

Затем она почувствовала, что Вирент'а ринулась вниз, прямо на неповоротливого быка — незнакомая, непокорная Вирент'а, которой управляли сейчас только голод и жажда крови.

— Она не должна есть! — раздался чей-то крик. Кто-то крепко схватил ее за руки: — Не позволяй ей объедаться, Брекка!

Но Брекка уже была с Вирент'ой; она ощущала непреодолимое желание впиться в теплое сырое мясо, почувствовать вкус крови во рту, благодатную тяжесть пищи в желудке. Раньше Брекка не подозревала, что должно произойти, не знала, что, когда Вирент'а поднимется в полет, она, Брекка, будет охвачена эмоциями зверя, станет жертвой вождения своего дракона — вопреки всему, во что она верила и чем гордилась.

Вирент'а разодрала коровью тушу, и теперь Брекке пришлось бороться с ней, не позволяя вонзить зубы в теплую плоть. Она сражалась — и победила, используя всю мощь нерушимой связи, всю силу любви, объединявшую ее с золотой королевой. Когда Вирент'а взмыла над окровавленными останками, Брекка на

мгновение почувствовала тяжелый, жаркий запах мужских тел. Она подняла голову, скользнув неистовым взглядом по лицам сгрудившихся вокруг бронзовых всадников. Внимание всех было сосредоточено на площадке — внимание и какая-то странная чувственность, до неузнаваемости искажавшая знакомые лица.

— Брекка! Следи за ней! — раздался яростный рев над ее ухом, и чьи-то пальцы сжали локоть, словно клещами.

Это было неправильно! Все было неправильно! Со злостью сжав губы, она глухо застонала, мысленно изо всех сил взывая к Ф'нору. Он сказал, что придет... Он обещал, что только Кант' догонит Вирент'у... Кант'! Кант'!

Вирент'а уже подбиралась к горлу жертвы — но не для того, чтобы напиться крови. Нет, она жаждала мяса, теплого мяса!

Две воли, две силы вновь вступили в поединок над истоптанным, залитым кровью песком. И Брекка, истерзанная, израненная, как затравленное животное, опять победила. Но что возьмет верх в ее собственной душе? Вейр или мастерская? Она цеплялась за надежду, что появится третья возможность — придет Ф'нор.

Вирент'а высосала кровь из четвертого быка; ее золотистая шкура, казалось, начала светиться. Внезапно она подпрыгнула и взмыла ввысь. Торжествующий рев раскатился над чашей Вейра; звуки, отразившиеся от скалистых стен, болезненно ударили в уши. Бронзовые ринулись вверх, потоки воздуха от их крыльев швыряли пыль и песок в лица столпившихся у площадки людей.

Но Брекка не сознавала ничего; она была с Вирент'ой. Она сама стала Вирент'ой и, бросив презрительный взгляд на бронзовых, пытавшихся ее догнать, устремилась ввысь, на восток, поднимаясь над горами и равнинами, пока земля внизу не стала пестрым серовато-желтым ковром, расшитым сияющими на солнце ниточками рек и блестящими глазами озер. Вверх и вверх мчалась она, за облака и выше, туда, где холодный разреженный воздух не ограничивал скорости полета.

А затем, из облачного моря внизу, вынырнул другой дракон. Королева, точно так же сверкающая ярким золотом. Королева? Она собирается перехватить ее самцов? Драконов, которые принадлежат только ей, Вирент'е?

Протестуя вскрикнув, Вирент'а бросилась на соперницу; ее тело, расслабленное в полете, напряглось в предчувствии схватки, когти угрожающе растопырились.

Но золотая, преградившая путь Вирент'е, легко отклонилась в сторону, затем повернулась, и когти ее прочертили кровавый след на боку молодой королевы. Удар был нанесен с такой стре-

мительностью, что Вирент'а не успела защититься. Она почувствовала боль, унижение, страх — и, пытаясь прийти в себя, скользнула вниз, в спасительный полумрак облаков! Бронзовые парили в небе, испуская трубные скорбные вопли. Они хотели продолжить любовную игру; сила, бурлившая в их телах, искала выхода. Королева — это была Придит'а — призывно качнула крыльями самцам, торжествующим криком возвестив победу над соперницей.

Ярость затмила боль унижения, и Вирент'а рванулась вверх. Она взмыла над облаками, пронзительно протрубив свой вызов сопернице, свой призыв самцам.

Но ее соперница была здесь, ниже Вирент'ы! Молодая королева сложила крылья и камнем ринулась на врага — так стремительно, словно в воздухе промелькнула золотая молния. Ее атака была неожиданной и быстрой, Придит'а не сумела избежать столкновения. Когда лапы Вирент'ы сомкнулись на ее спине, Придит'а скорчилась от боли, кончики крыльев застряли меж когтей, и она никак не могла освободить их. Обе королевы, сцепившись, падали, подобно горящим Нитям, прямо на острокопечные скалистые вершины. Бронзовые сопровождали их, оглашая воздух безумным трубным ревом.

Внезапно Придит'а освободила крылья и отчаянно рванулась вперед. Когти Вирент'ы оставили зияющие раны на ее плечах, но она выиграла высоту. В следующий момент Придит'а обрушилась на незащищенную голову молодой королевы, нацелив удар прямо в ее сверкающий глаз.

Ужасный крик Вирент'ы потряс небеса — и, словно в ответ на него, в воздухе плотной группой возникли другие королевы. Группа немедленно разделилась — одни последовали за Придит'ой, другие окружили Вирент'у.

Их круг, будто живая сеть, неумолимо сужался вокруг молодой королевы, оттесняя ее от Придит'ы. Но Вирент'а, яростная, разгневанная, понимала лишь одно — ее лишают мести, лишают победы над врагом! И лишь один путь бегства оставался у нее — сложив крылья, она упала вниз, вырвалась из кольца и устремилась к королевам, окружавшим соперницу.

Вирент'а скользнула над золотыми телами, над треугольниками взбивающих воздух крыльев. Еще мгновение — и ее когти глубоко вонзились в спину Придит'ы, ее зубы впились в шею старшей королевы. Теперь они снова падали. Крылья Вирент'ы слабо трепетали; она не делала попыток замедлить их опасный, стремительный спуск. Она не обращала внимания на тревожные

вскрики других королев, на кружившихся рядом бронзовых... Затем кто-то схватил ее и с чудовишной силой потянул вверх...

Правый глаз Вирент'ы был залит кровью. Она выпустила свою жертву и повернула голову, пытаясь разглядеть новую опасность. Теперь она видела блеск огромного золотого тела другой королевы, поддерживающей Придит'у... А над ней... над ней был Кант'! Кант'? Предатель! Вирент'а яростно зашипела. Она не сознавала, что коричневый дракон пытается спасти ее от верной смерти на вершинах скалистых утесов, что Рамот'а из последних сил тормозит их стремительное падение...

Внезапно челюсти Придит'ы сомкнулись на шее Вирент'ы — рядом с плечом, там, где проходила главная артерия. Предсмертный крик молодой королевы оборвался последним судорожным вздохом. Израненная врагом, потерявшая надежду на друзей, Вирент'а в отчаянии ринулась в Промежуток. И Придит'а, смертельной хваткой сжимавшая шею соперницы, канула во тьму вместе с ней.

* * *

Берд, бронзовый фэйр, появился перед Ф'нором в тот момент, когда он уже собирался присоединиться к крыльям, вылетающим на западные луга Телгара. Вначале коричневый всадник, удивленный появлением крошки-бронзового в Бендене, так далеко от его хозяйки, не понял, что произошло. Зато Кант' понял сразу.

«Вирент'а поднялась!»

Забыв обо всем, Ф'нор бросился вслед за Кант'ом к карнизу. Гралл спланировала на его правое плечо, туго обхватила хвостом за шею — он дернул головой, пытаясь ослабить захват. Теперь Берд не мог устроиться на привычном месте — и они потеряли несколько драгоценных мгновений, пока Кант' убеждал бронзового фэйра, что левое плечо ничем не хуже правого. Наконец Берд уселся. Кант' ринулся на карниз с таким чудовишным ревом, что сверху, с утесов откликнулся Мнемент', а Рамот'а протяжно затрубила на своем лежбище на площадке Рождений.

Ф'нор не думал сейчас о причинах необычного поведения своего дракона. Он резко послал Кант'а вверх, пытаясь высчитать, сколько времени понадобилось маленькому фэйру, чтобы добраться в Бенден, долго ли Вирент'а будет пить кровь и какие бронзовые драконы находятся сейчас в Плоскогорье. Он благоговел судьбу, что Ф'нор с Т'бором не объявили этот полет от-

крытым. Среди бронзовых было несколько зверей, с которыми его Кант' соперничать не мог.

Когда они вынырнули из Промежутка над Вейром Плоского-рье, Ф'нор понял, что оправдались его худшие ожидания. Площадка кормления была залита кровью, но королева уже исчезла. Среди драконов, расположившихся на скалистых вершинах Вейра, не было ни одного бронзового.

Не дожидаясь приказа, Кант' с головокружительной скоростью направился к земле.

«Берд знает, где Вирент'а. Он поведет меня».

Малыш-бронзовый перебрался на шею Кант'а, вонзившись крохотными коготками в толстую кожу. Ф'нор соскользнул с плеча дракона на землю и бросился в сторону, освобождая пространство для взлета.

«Придит'а тоже поднялась!» — Эта мысль и резкий вскрик коричневого достигли его одновременно. Со скал ответили другие драконы, в тревоге расправляя крылья.

— Сообщи Рамот'е! — закричал Ф'нор; на мгновение он застыл, парализованный ужасом. — Сообщи Рамот'е! Зови всех бронзовых! — Он повернулся к людям, потоком хлынувшим из нижних пещер: — Придит'а поднялась! Где Т'бор, Килара? Где Пильгра? Варина? — Ф'нор бросился к вейру Брекки, расталкивая народ, столпившийся вокруг.

Придит'а поднялась! Как это могло случиться? Даже самая глупая из золотых всадниц знает, что нельзя оставлять своего дракона в Вейре, когда другая королева поднимается в брачный полет... Как могла Килара...

— Т'бор!

Ф'нор взлетел по короткому лестничному пролету, затем помчался по коридору. Стремительный бег толчками отдавался в раненой руке. Но боль разогнала туман, окутывавший его разум, и когда он ворвался в пещеру вейра, паника уже улеглась. Его оставил гневный крик Брекки; окружавшие ее бронзовые всадники выглядели растерянными.

— Что она здесь делает? Как она посмела! — Голос Брекки дрожал от ярости и страстного, необоримого желания. — Это мои драконы! Как она смеет! Я убью ее! Убью! — Ее причитания прервал крик боли; Брекка сложилась почти пополам, выставив вперед правое плечо, словно хотела защитить голову.

— Мой глаз! Мой глаз! Мой глаз! — Она прижала ладонь к правому глазу, тело ее дергалось, словно в припадке падучей болезни, повторяя события далекой схватки в воздухе.

— Убью! Я убью ее! Нет! Нет! Я не дам ей уйти! Прочь, убирай-

тесь прочь! — Внезапно лицо Брекки побледнело, она скорчилась от боли.

Бронзовые всадники зашевелились, освобождаясь от ментальной связи со своими зверьми. Страх, сомнение, безнадежность читались на их лицах. Человеческий разум частично вернулся к ним, вступив в борьбу с эмоциями драконов, с их безумным стремлением продолжать брачный полет. Т'бор шагнул к Брекке, в глазах его горел ужас.

Но девушка все еще была во власти Вирент'ы. На лице Брекки сиял восторг — молодая королева вонзила клыки в шею Придит'ы, прорвавшись сквозь охранявший ее заслон.

— Придит'а поднялась, Т'бор! Королевы бьются! — вскричал Ф'нор.

Один из всадников начал стонать; эти звуки привели в сознание двух других. Мужчины растерянно озирались по сторонам, потом нерешительно двинулись к Брекке, корчившейся на полу.

— Не трогайте ее! — крикнул Ф'нор, отшвырнув прочь Т'бора и еще одного всадника. Он склонился над девушкой, но ее безумные глаза, казалось, не замечали ни его, ни остальных людей в вейре.

Внезапно тело Брекки выгнулось, левый, широко раскрытый глаз загорелся торжеством, губы приоткрылись, челюсти раздвинулись, затем сжались опять, стискивая невидимую добычу. Она захрипела, склонив голову к правому плечу; ужас, ненависть, отчаяние мелькнули на лице девушки. Она забилась в конвульсиях, снова глухо вскрикнула — последним, смертельным криком безнадежности и боли. Прикрыв горло одной рукой, другой Брекка словно отталкивала неумолимого врага. Вдруг ее тело затрепетало в агонии; с воплем, больше похожим на всхлип, она судорожно вытянулась и замерла. Глаза девушки неподвижно уставились в потолок, но душа Брекки, измученная, истерзанная, снова застелилась в них. Затем веки ее сомкнулись.

Ф'нор поднял ее на руки. Казалось, каменные стены вейра дрожали от скорбных криков драконов.

— Т'бор, пошли кого-нибудь за Манорой, — хрипло сказал коричневый всадник. Он понес Брекку к постели, удивляясь, каким невесомым стало ее тело — словно плоть внезапно испарилась, растаяв под сводом пещеры. Прижимая ее к груди, он коснулся пальцами тонкой шеи и попытался нащупать пульс. Сердце билось — но слабо, очень слабо.

Что же произошло? Как могла Килара допустить, чтобы ее королева оказалась рядом с Вирент'ой?

— Они ушли обе, — произнес Т'бор, шагнув в спальню и тяжело опускаясь на сундук с одеждой.

— Где Килара? Где она?

— Не знаю. Утром я отправился на патрулирование. — Т'бор потер ладонью лицо; сквозь загар проступала бледность — след пережитого потрясения. — Озеро было грязным...

Ф'нор набросил шерстяное покрывало на неподвижное тело Брекки. О каком озере толкует Т'бор? Он положил ладонь на грудь Брекки, ощущая едва слышные, редкие удары сердца.

«Ф'нор?»

Это был Кант'; он позвал так слабо, жалобно, что всадник прикрыл глаза, чувствуя боль и горечь в беззвучном голосе дракона.

Внезапно его плечо сжала чья-то рука. Ф'нор поднял веки, поймав виноватый, сочувственный взгляд Т'бора.

— Больше ты ничего не сможешь сделать для нее, Ф'нор...

— Она захочет умереть. Я не дам ей! — упрямо качнул головой коричневый всадник. — Я не дам Брекке уйти!

Кант' опустил на карниз, его глаза тускло мерцали. Он покачивался от изнеможения. Ф'нор обхватил руками склонившуюся к нему голову; боль и горе пылали в сердцах человека и зверя.

«Было слишком поздно. Придит'а поднялась. Близко, очень близко к Вирент'е. Даже другие королевы не могли помочь. Я пытался, Ф'нор... Я пытался! Она... она падала так быстро! Она видела меня... Потом ушла в Промежуток... Я не сумел найти ее там...»

Они стояли рядом, безмолвные, неподвижные.

* * *

Лесса и Манора следили, как Рамот'а кругами спускается в чашу Вейра Плоскогорье. Получасом раньше, услышав рев Кант'а, Рамот'а покинула площадку Рождений, громко призывая свою всадницу.

Та потребовала объяснить ей, что происходит. Но Ф'лар, уверенный, что Кант' отправляется выполнять его поручение, успокоил Лессу. Вскоре Рамот'а сообщила им, что Вирент'а поднялась. Она немедленно узнала и о том, что вслед за ней поднялась Придит'а, и через Промежуток ринулась в Набол, чтобы остановить смертельную схватку между королевами.

Когда Вирент'а исчезла вместе с Придит'ой в Промежутке, Рамот'а вернулась в Бенден за Лессой и Манорой. Тоскливый

крик драконов звенел над Вейром; люди уже знали о случившемся бедствии.

Когда госпожа Бендена и ее помощница очутились в Плоскогорье, на карнизе рядом с недвижно застывшими человеком и драконом, они тревожно переглянулись. Потом Манора покачала головой:

— Они переживут это горе вместе... Они сейчас вместе — больше, чем когда-либо прежде... — Женщина снова покачала головой и быстро пошла по коридору в вейр Брекки.

Лесса посмотрела ей вслед, затем позвала Рамот'у. Она не сомневалась в мудрости Маноры, но видеть Ф'нора таким печальным, безмолвным... это тревожило ее. Он был так похож на брата.

Рамот'а сложила крылья и низко, протяжно свистнула. Драконы, сидевшие на скалах вокруг чаши Вейра, зашевелились, вырванные из горестного транса.

Переступив порог вейра, Лесса бросила взгляд на опустевшее каменное ложе Вирент'ы и остановилась. Трагедия случилась всего за несколько минут, и девять бронзовых всадников еще не вполне оправились от шока.

«Им тяжело сейчас...» — подумала Лесса с сочувствием и симпатией. Полчаса назад они взмыли на крыльях драконов в сияющее небо, вступив в бескровную борьбу за подругу... а потом... потом их надежды были обмануты. Хуже — они потеряли двух своих королей! Такое бедствие затрагивало каждого. Какой бы дракон ни побеждал в полете, между королевой и всеми бронзовыми ее Вейра существовала невидимая, но глубокая связь.

Лесса нерешительно повернулась к выходу, собираясь поискать в нижних пещерах какое-нибудь стимулирующее средство, способное восстановить силы всадников. Внезапно из прохода донеслись звуки торопливых шагов и тяжелого дыхания, словно кто-то бегом мчался по коридору. Два зеленых фэйра ворвались в пещеру и, возбужденно чирикавая, начали метаться под потолком. Затем на пороге появилась девочка-подросток с тяжелым подносом в руках.

— Ой! — вскрикнула она при виде Лессы. Глотая слезы, девочка попыталась одновременно присесть в вежливом реверансе и вытереть о плечо мокрый нос.

— Похоже, ты неглупый ребенок, — суховато, но не без симпатии сказала Лесса. Она придержала один конец подноса и помогла девочке водрузить его на стол. — Есть тут что-нибудь подходящее для поднятия духа? — спросила она, указав на многочисленные глиняные бутылки.

— Все, что я смогла найти и... — Рыдание оборвало конец фразы.

— Помоги мне. — Лесса протянула ей кружку с вином, кивнув на ближайшего всадника. Но девочка застыла на месте, устремив взгляд на занавес, прикрывавший вход в спальню. Губы ее тряслись, слезы бежали по щекам. Наконец она умоляющим жестом сложила вместе ладони, сжав их так сильно, что побелела кожа на косточках пальцев; Лесса покачала головой.

— Тебя зовут Миррим?

Девочка кивнула, не спуская глаз с занавеса. Зеленые файры носились над ней, их печальный свист эхом отдавался в огромной пещере.

— С Бреккой Манора, Миррим.

— Но... но она умрет... Она умрет! Люди говорят, что всадник умирает, когда гибнет его дракон...

— Люди говорят слишком много... — начала Лесса и замолчала.

На пороге спальни появилась Манора.

— Она жива. Спит. Сейчас это лучшее средство.

Она задержала занавес и всмотрелась в лица всадников.

— Им тоже лучше уснуть. Их драконы вернулись? — Женщина подошла ближе, заметив Миррим. — Кто это? Миррим? — Она ласково коснулась щеки девочки. — Я слышала, у тебя есть зеленые ящерки...

— Миррим притащила сюда целый поднос, — шепнула Лесса на ухо Маноре, кивнув на стол.

— Брекка... Брекка может... — Девочка пыталась справиться с рыданиями.

— Брекка — очень разумная девушка, — бодро сказала Манора и, сунув в руки Миррим кружку, подтолкнула ее к всадникам. — Оставайся с ними. Этим людям нужна помощь.

Миррим, ошеломленная, заставила себя подойти к всаднику и помогла ему напиться. Пальцы мужчины тряслись, он не мог удерживать кружку.

— Моя госпожа, — прошептала Манора, — надо вызвать предводителя Вейра. Иста и Телгар сейчас сражаются с Нитями и...

— Я здесь, — произнес Ф'лар, появляясь из коридора. — И я тоже не откажусь от глотка вина. Полет проморозил меня до костей.

— Кажется, ты делаешь больше глупостей, чем позволяет здоровье, — заметила Лесса, но на лице ее мелькнуло облегчение.

— Где Т'бор?

Манора кивнула в сторону комнаты Брекки.

— Хорошо. А где же Килара?

В голосе его был ледяной холод Промежутка.

Только к вечеру в Вейр Плоскогорье вернулось какое-то подобие порядка. Бронзовые драконы вернулись и поели; затем, вместе со своими всадниками, одурманенными лекарствами и вином, звери погрузились в сон.

Килару тоже нашли. Точнее, ее почти силой привез зеленый всадник, дежуривший на наблюдательном посту вблизи Наболхолда.

— Надо послать кого-нибудь на пост, — сказал он с угрюмой усмешкой, — только не меня с моей зеленой.

— Рассказывай, С'горал. — Ф'лар дружелюбно кивнул, понимая, какие чувства булбуряют всадника.

— Она примчалась в холд утром — с какой-то историей о запущенном озере и бочонках для воды. Мне показалось, что шкура Придит'ы блестит слишком ярко — ты же знаешь, у нее и раньше бывали нарушения цикла... Однако она устроилась на скале рядом с моей зеленой, и, казалось, все было в порядке. Тогда я отправился обучать холдеров, как обращаться с огненными ящерицами... — Судя по тону, С'горал не был уверен, что его уроки пойдут впрок. — Килара поднялась к лорду Наболскому. Позднее я увидел их файров. Они грелись на солнце, на карнизе его спальни... — Всадник сделал паузу и осмотрел присутствующих. Выглядел он еще более угрюмым, чем прежде. — Мы как раз решили немного передохнуть... и тут взревела моя зеленая. В небе, высоко, были драконы. Я видел, что это брачный полет... в таких делах невозможно ошибиться. Затем начала трубить Придит'а. И бросилась в долину, к лугу, где холдеры держали лучшее стадо. Я подождал немного — думал, Килара знает, что происходит... но ее не было видно, и я пошел посмотреть. У дверей стояли телохранители. Лорд, говорят, занят, велел не беспокоить. Ну, я так его побеспокоил... и ее тоже... надолго запомнят! Но эти поганцы успели! Это и подстегнуло Придит'у... Да еще брачный полет... так близко... В общем, она тоже поднялась. — С'горал покачал головой. — Мы с моей зеленой ничего не могли поделать... сообщили в Форт-Вейр, их королевам, но... — Он беспомощно развел руки.

— Ты сделал все как должно, С'горал, — сказал ему Ф'лар.

— Мы ничем не могли помочь, — повторил всадник, словно пытаясь избавиться от ощущения вины.

— Хорошо, что ты оказался там, — заметила Лесса. — Иначе мы бы никогда не узнали, где была Килара... и чем она занималась.

— Я хотел бы знать: что с ней теперь будет? — Мстительное выражение стерло остатки вины и стыда с лица С'горала.

— Разве потеря дракона — не достаточное наказание? — быстро спросил Т'бор.

— Брекка тоже лишилась дракона, — сердито возразил всадник. — И она сделала все, что могла!

— Гнев и ненависть — плохие советчики, С'горал, когда надо принимать решение, — Ф'лар поднялся на ноги. — И у нас нет precedентов... — Он повернулся к Д'раму и Г'наришу. — Во всяком случае, не в наше время...

— Да, гнев и ненависть — плохие советчики, — эхом отозвался Д'рам, — но в наше время такие случаи бывали. — Внезапно кровь бросилась ему в лицо. — Нам лучше прислать сюда несколько бронзовых всадников, Ф'лар. Люди и звери Плоскогорья еще и завтра не придут в себя... Но Нити падают каждый день, и ни один Вейр не должен терять бдительности... во всем.

Глава 13

Ночь в Форт-Вейре — шесть днями позже

Робинтон устал; утомление, охватившее разум и сердце, было настолько сильным, что мастер-арфист даже не испытывал трепета, обычно охватывавшего его на спине дракона. Ему и в самом деле не хотелось отправляться в Форт-Вейр ночью. Эти шесть дней, последовавших за трагедией в Плоскогорье, оказались нелегкими. Иногда Робинтон подумывал, что стоило бы отложить изучение Алой Звезды; для этого нужно иметь ясный разум. Однако предполагаемая экспедиция была бы лучшим лекарством от общей депрессии, вызванной гибелью двух королей, — и, пожалуй, лучше снарядить ее поскорее. Робинтон догадался, что Ф'лар хочет продемонстрировать лордам искренность намерений всадников покончить с Нитями; но сам он впервые обнаружил, что не имеет определенного мнения по этому вопросу. Он не мог сказать, мудро ли поступает Ф'лар, начиная подготовку к экспедиции. Особенно сейчас, когда он еще не оправился от раны, полученной в Телгаре. Когда никто не знал, что делает Т'кул в Южном — и намерен ли он там вообще оставаться. Когда весь Перн был потрясен битвой и гибелью двух королей. У людей хватало сложностей с пахотой и посевом, с кормами для скота и с зашитой от Нитей, падение которых теперь было трудно предви-

деть. Может, лучше выбрать другое время для десанта на Алую Звезду?

Драконы вереницей мчались к Форт-Вейру, и коричневый, на котором восседал Робинтон, пристроился в хвост их плавно снижавшейся спирали. Они приземлятся у Звездной Скалы, где Вансор, мастер по стеклу из цеха Фандарела, установил прибор для дальновидения.

— Тебе удастся заглянуть в эту трубу? — спросил Робинтон коричневого всадника, который был послан за ним.

— Мне? Сомневаюсь, мастер. Слишком много народа. Полагаю, я подожду своей очереди внизу.

— Вансор разбирает прибор, чтобы доставить его в Форт-Вейр?

— Он был найден тут, — с гордостью сообщил всадник. — Ты же знаешь, Форт — старейший из Вейров. П'зар решил, что он останется у нас. И мастер-кузнец согласился. Его человек, Вансор, сказал, что тут есть и более важная причина — что-то связанное с углами, склонениями и высотой окружающих гор. Я этого не понимаю.

«Как и я», — подумал Робинтон. Но он надеялся во всем разобраться. Он пришел к соглашению с Фандарелом и Терри об обмене информацией между их цехами. К сожалению, Перну дорого обошлась атмосфера подозрительности, царившая во многих мастерских. Достаточно потерять главного мастера — прежде, чем он передаст секреты ремесла, — и жизненно важные сведения навсегда исчезали в Промежутке. Ни сам Робинтон, ни его предшественник не скрывали своих познаний. В их цехе было пять старших арфистов, знавших не меньше Робинтона, и еще трое юношей прилежно постигали науки — чтобы обеспечить надежную преемственность. Одно дело — держать в тайне опасные секреты, и совсем другое — предохранить цеховое искусство от вырождения.

Коричневый дракон приземлился на краю скалистой чаши Форт-Вейра, и Робинтон соскользнул вниз по теплому плечу. Он поблагодарил зверя. Тот развернул крылья и канул вниз, во тьму чаши, освобождая место для следующего гостя.

Узкая тропинка вдоль гребня была освещена факелами. Она вела к громаде Звездной Скалы, смутно темнеющей на фоне сумрачного ночного неба. Среди тех, кто собрался там, Робинтон различил гигантскую фигуру мастера-кузнеца, толстенную — Вансора и тонкую, гибкую — Лессы.

На плоской, сглаженной поверхности Звездной Скалы арфист увидел треногу, на которую водрузили трубу дальновидящего устройства. С первого взгляда его простота разочаровывала —

толстый круглый цилиндр с трубкой-«глазком» на одном конце. Но, разглядев прибор поближе, Робинтон изумился. Кузнецам придется мучиться годами, чтобы выяснить, как он устроен.

— Робинтон! Как ты? Чем занят? — К арфисту подошла Лесса, протягивая руку.

Он сжал ее ладонь, осторожно касаясь задубевшими от струн пальцами мягкой, нежной кожи.

— Размышляю о недалеком будущем, — ответил Робинтон, попытавшись придать голосу шуточный оттенок. Но удержаться на этой ноте не смог — спросил про Брекку и почувствовал, как пальцы Лессы в его руке дрогнули.

— Не так хорошо, как мы надеялись. Ф'нор настоял, чтобы ее перенесли к нему в вейр. Он очень привязан к Брекке... Не только потому, что она возилась с его раной. Манора и Миррим тоже с ней; она никогда не остается одна.

— А что с Киларой?

Лесса выдернула руку.

— Она жива!

Робинтон не сказал ничего, и спустя мгновение она добавила:

— Брекка была бы хорошей госпожой Вейра, и мы надеемся, что ее способности не пропадут. Так как уже ясно, что человек может запечатлеть не одного дракона, Брекка попытает счастья с очередным выводком Рамот'ы. Это случится скоро...

— Я полагаю, — произнес Робинтон, осторожно подбирая слова, — не каждый согласится с подобным изменением обычаев.

Хотя он не мог видеть в темноте ее лица, он знал, что Лесса смотрит на него.

— Сейчас другие времена. К тому же Древние уверены, что второе Запечатление не удастся, и не возражают против попытки.

— Кто же тогда?..

— Ф'нор и Манора. Сопротивляются изо всех сил.

— А сама Брекка?

Лесса неопределенно хмыкнула.

— Брекка не говорит ничего. Она даже не желает открывать глаза. Не может же она все время спать! Драконы и фэйры говорят нам, когда она бодрствует. Видишь ли, — раздражение, мелькнувшее в голосе Лессы, доказывало, что она гораздо больше беспокоится о Брекке, чем готова показать, — видишь ли, Брекка может слышать любого дракона... Как я. Больше ни одна золотая всадница на это не способна. И все драконы слушают ее.

Лесса беспокойно шевельнулась, и Робинтон заметил в полумраке, как она в волнении всплеснула руками.

— Да, очень редкий дар... и полезный. Ведь так можно выяснить, не помышляет ли она о самоубийстве.

— Нет, этого Брекка не сделает. Она родилась в мастерской, ты же знаешь. — В голосе Лессы прозвучала едва заметная нотка неодобрения.

— Я не знал, — прошептал Робинтон, покачивая головой. Он подумал, что в подобных обстоятельствах сама Лесса тоже не помышляла бы о самоубийстве. И еще ему хотелось знать, каким образом склонность к самоубийству может быть связана с местом рождения.

— Впрочем, это ее забота. Я уверена — она не ищет смерти, так что тут не о чем говорить. Другое дело, — Лесса переплела пальцы и прижала руки к груди, — что нам нужно как-то воздействовать на нее. Мне не хочется думать о разных неприятных способах... ущипнуть ее или надавать пощечин, чтобы добиться какой-то реакции. В конце концов, мир еще не рухнул... и она может слышать других драконов. Она не потеряла с ними связи, как Лайтол.

— Ей нужно время, чтобы оправиться от шока.

— Я знаю, знаю, — раздраженно сказала Лесса. — Но у нас нет времени. Мы не можем ждать, пока она очухается.

— Лесса!

— И ты тоже... «Лесса, Лесса»! — Робинтон увидел, как ее глаза сердито блеснули в пламени факелов. — Ф'нор потерял голову, как мальчишка. Манора — вся в материнских заботах о них обоих. Миррим в основном льет слезы, что приводит в содрогание ее файров — и плохо влияет на детей и подростков в Вейре. Ф'лар...

— Ф'лар? — Робинтон подвинулся ближе, чтобы ни одно ее слово не долетело до чужих ушей.

— У него лихорадка. Не стоило ему отправляться в Плоскогорье с открытой раной. Ты знаешь, что холод Промежутка делает с ранами?

— А я надеялся, что увижу его сегодня ночью...

Лесса рассмеялась.

— Он спит. Я поила его кла, пока он уже не мог на него смотреть.

— И, наверно, добавила еще чего-нибудь? — ухмыльнулся Робинтон. — Успокоительный отвар из лишайника, я полагаю?

— Да... И сделала из него примочку на рану.

— Он — сильный человек, Лесса. Все будет в порядке.

— Ему было бы лучше, но Ф'нор... — Лесса сделала паузу, по-

том с улыбкой взглянула на арфиста. — Кажется, я плачусь, как дракон, потерявший всадника?

— Нет, нет, моя дорогая Лесса, уверяю тебя. Во всяком случае, мы можем считать, что Бенден представлен здесь лучшей своей половиной. — Робинтон галантно поклонился и был вознагражден еще одной улыбкой. — И знаешь, — продолжал он, — я даже чувствую облегчение, узнав, что Ф'лара сегодня тут не будет. Может быть, удастся что-нибудь придумать и удержать его от немедленной атаки на любую Нить, которую он увидит в этой диковинке. — Арфист кивнул в сторону треноги.

— Пожалуй, ты прав, — шепнула Лесса так тихо, что он едва расслышал ее голос. — Я тоже не уверена...

Она не закончила фразу, но так резко повернулась к площадке на краю скалистого гребня, куда как раз приземлялся дракон с очередным гостем, что Робинтону все стало ясно — госпожа Бендена не одобряла намерения Ф'лара совершить немедленный рейд на Алую Звезду.

Вдруг Лесса застыла, дыхание ее стало учащенным.

— Мерон! Кажется, он решил, что здесь без него не обойдутся!

— Успокойся, Лесса! Мне он нравится еще меньше, чем тебе, но я предпочитаю держать его в поле зрения... Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Но зачем он сюда появился? Его влияние на остальных лордов ничтожно...

— Моя дорогая госпожа, учитывая влияние, которым он пользуется в других сферах, берусь утверждать, что ему не нужна поддержка остальных лордов, — усмехнулся Робинтон.

Однако и его поразила наглость человека, рискнувшего показаться на публике спустя шесть дней после того, как был причастен к гибели двух королей.

Повелитель Набола с непробиваемым нахальством двинулся прямо к центру собрания, к треноге с инструментом. Он шагал широко, уверенно, и бронзовый фэйр на его плече развернул крылья, чтобы сохранить равновесие. Внезапно ящерица зашипела — словно ощутила всеобщую неприязнь, направленную на ее господина.

— И эта... эта нелепая труба — тот самый невероятный прибор, который покажет нам Алую Звезду? — язвительно спросил лорд Набола, протягивая руку.

— Не прикасайся к нему, мой господин, прошу тебя. — Вансор рванулся вперед, схватив Мерона за кисть.

— Что ты сказал? — Шипение ящерицы было не менее угрожающим, чем тон Мерона. Высокомерное негодование исказило

его черты; в пляшущем свете факелов казалось, что властитель Набола злорадно ухмыляется.

Из темноты, оттеснив в сторону своего помощника, шагнул Фандарел.

— Инструмент установлен в необходимую для наблюдений позицию. Если его сдвинуть, пропадет труд многих часов.

— Если он установлен для наблюдения, то почему же мы не наблюдаем? — спросил Мерон, вызываяще оглядев столпившихся вокруг людей. Он ткнул пальцем в Вансора: — Ну? Что ты собираешься делать с этой штукой?

Вансор бросил взгляд на огромного кузнеца. Тот едва заметно кивнул головой, и его помощник со вздохом облегчения шагнул в сторону, уступая своему мастеру председательское место. Фандарел осторожно коснулся пальцем маленького ребристого колечка на конце трубы, выступавшей из большого цилиндра.

— Смотреть надо здесь. И пользуйся тем глазом, который лучше видит.

Пренебрежительный тон кузнеца — равно как и отсутствие титула — не прошли мимо внимания лорда Набола. Казалось, он готов потребовать объяснений... Если бы такое позволил себе Вансор, мелькнуло в голове Робинтона, этот мерзавец не колебался бы ни секунды.

Губы Мерона сжались в тонкую ниточку, и он с важным видом шагнул к инструменту. Слегка наклонившись, он прижался глазом к указанному месту. Вдруг лорд всем телом подался назад; на лице его застыло выражение ужаса и изумления. Через силу рассмеявшись, он опять наклонился к трубке и бросил второй, более долгий взгляд... Слишком долгий, по мнению Робинтона.

— Если изображение не очень четкое, лорд Мерон, надо... — начал Вансор.

— Заткнись! — рявкнул Мерон, отмахнувшись. Он застыл у прибора, явно не собираясь уступать место.

— Хватит с тебя, Мерон, — сказал Грож, лорд Форта, когда собравшиеся начали недовольно перешептываться. — Ты уже смотришь вдвое дольше, чем положено. Дай взглянуть и другим.

Мерон повернул голову и на мгновение уставился на Грожа затуманенными глазами. Потом он снова приник к инструменту.

— Весьма интересно, весьма, — произнес он тоном явного изумления.

— Достаточно, Мерон! — резко сказала Лесса, шагнув к треножнику. Этого наглеца не стоило и близко подпускать сюда!

Лорд Набола уставился на нее с холодной издевкой, словно она была каким-то насекомым.

— Чего достаточно, госпожа Вейра?

Его тон превратил титул в почти непристойное ругательство. Поза Мерона и выражение лица источали такую бесстыдную фамильярность, что у Робинтона сжались кулаки. Он испытывал безумное желание проучить наглеца. Один хороший удар — и эта вытянутая физиономия станет плоской, как сковородка...

Однако мастер-кузнец отреагировал быстрее. Его огромные руки прижали локти Мерона к бокам, затем Фандарел легким движением оторвал лорда Наболского от скалы. С болтающими в воздухе ногами тот резко утратил наглость. В таком состоянии Мерон был доставлен в самый конец освещенной факелами тропинки, подальше от Звездной Скалы. Кузнец так резко опустил его наземь, что лорд охнул от боли и замахал руками, пытаясь восстановить равновесие. Маленький файр испуганно свистел над его головой.

— Моя госпожа... — Мастер-кузнец вернулся и почтительно склонился перед Лессой, приглашая занять освободившееся место.

Лесса приподнялась на цыпочки, чтобы дотянуться до «глазка». Пожалуй, решила она, кто-нибудь из мужчин мог бы и догадаться, что в эту ночь не все наблюдатели будут ростом с Фандарела. В следующий миг, когда Лесса поняла, что видит Алюю Звезду — казалось, на расстоянии вытянутой руки, — ее раздражение испарилось. На угольно-черном фоне плыла зловещая планета — многоцветная сфера, похожая на круглый детский волчок. Странные беловато-розовые завихрения являлись, должно быть, облаками. Подумать только, там были облака, словно на Перне! Там, где облачный покров редел, Лесса видела что-то серое — ярко-серое с блесками и искорками. На полюсах облака полностью отсутствовали; оба полюса светились белизной — как огромные ледяные шапки в высоких широтах Перна. Серое перемежалось с более темными массивами... Континенты? Или моря?

Невольно Лесса откинула голову, чтобы взглянуть на крохотный алый диск, сиявший в небе, который в этом волшебном приборе казался детской игрушкой. Затем, раньше чем кто-нибудь мог решить, что она собирается оторваться от инструмента, Лесса снова приникла к «глазку». Невероятно! Если серое было землей, как могли они надеяться очистить ее от Нитей? Если же материками являлись более темные области...

Смущенная, взволнованная, Лесса ощутила внезапное желание, чтобы еще кто-нибудь бросил взгляд на вечного врага Перна. Она отступила от прибора.

Лорд Грож важно шагнул вперед.

— Сангел, если тебе угодно...

Да, вполне в его стиле, подумала Лесса, искоса взглянув на владельца Форт-холда. Играет роль хозяина, хотя П'зар, вождь Вейра, стоит рядом... На мгновение ей захотелось, чтобы тут был Ф'лар. Ну, ладно, придется считать, что П'зар всего лишь проявляет вежливость. Однако Грожу следовало бы вести себя скромнее.

Лесса шагнула к Робинтону; присутствие арфиста успокаивало ее. Тот с нетерпением ждал своей очереди, но, судя по всему, дело до него дойдет еще не скоро. Грож, конечно, отдаст владельцам холдов предпочтение перед мастерами... даже перед главным арфистом Перна.

— Я ничего не вижу, — пожаловался Сангел.

— Минуточку, мой господин. — Вансор подошел к треноге и начал осторожно вращать ребристое колечко. — Скажи мне, когда изображение станет четким.

— Какое изображение? — капризно поинтересовался Сангел. — Там ничего не видно, только яркий... о!.. а!

Лорд Южного Болла отскочил от инструмента так резво, словно ему на голову посыпались обжигающие Нити. Но прежде чем Грож предложил место следующему, Сангел снова приник к «глазку».

Лесса удовлетворенно улыбнулась, наблюдая за его реакцией. Если это зрелище так потрясает неустрашимых лордов, что же говорить о ней, женщине...

— Почему она так светится? Ведь сейчас темно... — пробормотал властитель Болла.

— Она в лучах солнца, мой лорд, — ответил Фандарел. Его гулкий бас прорезал полумрак, развеив волшебные чары и превратив чудо в научный факт.

— Каким образом? — запротестовал Сангел. — Солнце находится по другую сторону Перна... Даже ребенку это понятно!

— Конечно! Но Перн не закрывает Алую Звезду от солнечных лучей. Если угодно, можно сказать, что наша планета висит ниже на небесной сфере.

Сангел, кажется, тоже не собирался уступать место у прибора.

— Хватит, Сангел, — напомнил Грож, — теперь очередь Отерела.

— Но я только начал... и столько времени ушло на настройку механизма... — заныл лорд Болла. Отерел сердито нахмурился, Грож пожал плечами, и Сангел с неохотой оторвался от трубы.

— Разрешите, я подстрою инструмент к твоим глазам, лорд Отерел, — вежливо шепнул Вансор.

— Да, действуй. Я не слепой наполовину, как Сангел, — заявил повелитель Тиллека.

— Теперь смотри сюда, мой господин...

— Изумительно, не правда ли, лорд Сангел? — сказала Лесса, радуясь возможности обменяться с кем-то впечатлениями.

Но ее собеседник раздраженно фыркнул и насупил брови.

— Я бросил только один взгляд... Что я могу сказать?

— У нас впереди целая ночь, лорд Сангел.

Властитель Болла вздрогнул и поплотнее запахнулся в свой плащ — хотя весенняя ночь была не слишком холодной.

— Похоже на детский волчок, — объявил лорд Тиллека. — Немного размытый... Так и должно быть? — оторвавшись от «глазка», он бросил вопросительный взгляд на Лессу.

— Нет, мой господин, — сказал Вансор, снова касаясь колечка. — Диск четкий, ярко светится... и на его фоне можно видеть что-то похожее на облака...

— Облака? — повторил Отерел. — Да, я вижу их! Но где твердая земля? Она серого или черного цвета?

— Мы еще не знаем, — прогудел кузнец.

— С такого расстояния земля выглядит совсем иначе, чем для человека, которого поднял в небо дракон, — заметил П'зар, впервые вступив в разговор.

— Да, на больших расстояниях все кажется иным, — сухо произнес Вансор; в его словах чувствовалась уверенность человека, который знает, о чем говорит. — И многое зависит от точки наблюдения. Например, горы Форта, которые окружают нас, будут выглядеть по-разному, если вы станете рассматривать их с высот Руата или с равнин Крома.

— Тогда, значит, эти темные области — земля? — Лорд Тиллека старался сохранить самообладание. Но, как заметила Лесса, он выглядел обескураженным. Отерел был среди тех, кто требовал немедленно отправить экспедицию на Алую Звезду.

— В этом мы не уверены, — резко сказал Вансор. Он все больше и больше нравился Лессе. Только настоящий мужчина не боится заявить, что он чего-то не знает.

Лорд Тиллека не собирался покидать инструмент. Словно надеялся разглядеть нечто способное ускорить отправку экспедиции. Наконец, после едкого замечания Нессела Кромского, он отошел в сторону.

— Ну, Сангел, где же там земля, как ты думаешь? — спросил Отерел. — Удалось тебе что-нибудь вообще увидеть?

— Не меньше, чем тебе. — Лорд Болла с обидой вытянул губы. — Серые и темные пятна, и эти облака... Там есть облака! Как на Перне!

— Да, на Перне есть облака, — медленно произнес Отерел, словно удивленный этим открытием. — А раз на Перне имеются облака и водная поверхность больше суши, то на Алой Звезде должно быть так же...

— Откуда нам знать! — запротестовал Сангел.

— И есть один способ, как отличить землю от воды, — продолжал Отерел, не обратив внимания на его реплику. — Ну-ка, Нессел, дай мне взглянуть еще раз! — и он попытался оттолкнуть владельца Крома.

— Сейчас... подожди минуту, Тиллек...

Нессел вцепился в смотровую трубку. Отерел снова дернул его, треножник зашатался, и массивный цилиндр прибора повернулся на самодельном шарнире, изготовленном в мастерской Фандарела.

— Это ты виноват! — завопил тиллекский лорд. — Я только хотел посмотреть, как различить землю и воду!

Вансор втиснулся между лордами и треногой, прикрывая телом драгоценный инструмент.

— Мое время еще не кончилось, — жаловался Нессел, явно не собираясь уступать.

— Ты ничего не увидишь, лорд Нессел, если Вансор не направит большую трубу обратно на Алую Звезду, — терпеливо объяснил Фандарел.

— Ты глупее стража у порога твоего холда, Нессел! — взревел Грож, оттолкнув в сторону владельца Крома. Вансор склонился над прибором.

— Это Тиллек виноват...

— Я разглядел достаточно, чтобы понять — этих темных пятен на сером совсем немного, — пытаюсь оправдаться, сообщил тиллекский лорд. — На Перне воды больше, чем земли. Должно быть, и на Алой Звезде так же.

— С первого взгляда ты разглядел так много, Отерел? — донесся из темноты язвительный голос Мерона.

Лесса резко посторонилась, когда лорд Набола шагнул вперед, по-хозяйски поглаживая своего бронзового фэйра. Маленькая ящерица при этом посвистывала от удовольствия.

— Нужно много наблюдений, чтобы мы смогли уверенно сказать, на что похожа Алая Звезда, — раздался гулкий бас Фандарела. — Конечно, облака... Но на этом сходство может закончиться.

— Вполне возможно, — поддержал своего мастера Вансор.

Приклеившись к «глазку», он медленно поворачивал большой цилиндр.

— Почему так долго? — раздраженно воскликнул Нессел Кромский. — Вот же Алая Звезда! Мы все можем видеть ее невооруженным глазом!

— А ты мог бы попасть в единственную гальку на пляже в Айгене с высокого обрыва? — спросил Робинтон.

— Вот! Я поймал ее! — закричал Вансор.

Нессел подскочил к инструменту, но, вспомнив в последний момент о своем промахе, сложил руки за спиной. Потом он нагнул голову и снова посмотрел на Алую Звезду. Задерживаться у прибора он не стал. Отерел шагнул вперед, но Робинтон оказался быстрее:

— Я полагаю, теперь моя очередь. Все лорды уже посмотрели.

— Это справедливо, — громко произнес Сангел, бросив взгляд на Отерела.

Лесса пристально наблюдала за арфистом. Она заметила, как напряглись его широкие плечи — исконный враг Перна плыл перед глазами Робинтона, и выдержать этот удар было нелегко. Он не задержался у прибора; медленно выпрямившись, арфист отошел от «глазка» и посмотрел на Алую Звезду, висевшую над ним в темном небе.

— Ну, арфист? — насмешливо спросил Мерон. — Что ты скажешь на этот раз? Проглотил язык?

Взгляд Робинтона скользнул по лицу лорда Наболского и вновь вернулся к горевшей в вышине Звезде.

— Я думаю, будет мудрее держаться от нее подальше.

— Ха! Так я и знал! — Мерон с триумфом усмехнулся.

— Прости, лорд, твоя мысль мне не совсем ясна, — быстро ответил арфист.

— Что ты имел в виду, Мерон? — сказала Лесса, и голос ее был напряжен, как туго натянутая струна. — Изволь объяснить!

— Как, разве тебе не понятно? — Мерон не собирался смягчать свой оскорбительно-высокомерный тон. — Арфист делает то, что приказывает Бенден. А так как Бенден не собирается кончать с Нитями...

— Откуда же тебе это известно? — холодно спросила Лесса.

— И на каких фактах основано твое заключение, что главный арфист Перна подчиняется приказам Бендена? — Робинтон положил руку на рукоять ножа. — Я полагаю, ты либо немедленно докажешь это, либо принесешь извинения.

Бронзовая ящерица на плече Мерона тревожно зашипела и

взмахнула крыльями. Успокаивающе поглаживая фэйра, лорд Набола многозначительно усмехнулся.

— Говори, Мерон! — потребовал Отерел.

— Но это же очевидно... вы и сами можете сообразить. — Мерзкая ухмылка Мерона стала шире, словно он действительно был поражен недогадливостью собеседников. — Все знают, что арфист имеет виды... безнадежные, надо признать... на госпожу Бендена.

На мгновение Лесса застыла, ошарашенно глядя в лицо наболского владетеля. Да, действительно, многое связывало ее с Робинтоном. Она восхищалась им, она его уважала и любила. Можно ли не любить старого преданного друга? Она всегда была рада видеть его — и не собиралась этого скрывать. Но Мерон... Он ненормальный! Пытается подорвать доверие, объединяющее Крылатых, нелепыми, лживыми сплетнями... Начал с Килары, теперь... Килара была слабой, глупой женщиной, а теперь случай с ней придавал домыслам Мерона оттенок правдоподобия!

Лесса испуганно вздрогнула от хохота Робинтона. Он смеялся весело, искренне — и этот смех стер издевательскую улыбку с лица лорда Наболского.

— По правде говоря, меня притягивает туда не столько госпожа Бендена, сколько бенденское вино!

На лицах лордов отразилось такое облегчение, что Лесса интуитивно поняла — они почти поверили фантастическим домыслам Мерона. Если бы Робинтон не ответил так, как умел только он... если бы она начала гневно протестовать... Лесса ухитрилась выдавить улыбку — пристрастие мастера-арфиста к вину, в частности к бенденскому, было общеизвестно. Эта причина казалась более правдоподобной, чем версия Мерона. В данной ситуации насмешка была лучшей защитой, чем правда.

— Что касается остального, — продолжал Робинтон, — то у главного арфиста Перна пока нет определенного мнения — того или другого — по поводу упомянутого выше проекта. Могу только сказать, что даже один взгляд на этот... этот детский волчок... устрашает мое сердце и заставляет его томиться по доброму бенденскому вину — прямо сейчас и, желательно, в большом количестве... — Теперь в голосе арфиста не было и следа веселья. — Однако я погружен в прошлое, в историю нашего возлюбленного Перна, в предания старины... Я спел слишком много Баллад о злой Алой Звезде и не испытываю желания познакомиться с ней поближе. Даже с помощью этого...! — Он кивнул на инструмент, поблескивавший в свете факелов. — Но люди, которые сражаются с Нитями день за днем, Оборот за Оборотом, могут иначе

смотреть на вещи... без того страха, который испытывает бедный арфист. И я готов держать пари на последний клочок твоей земли, Мерон Наболский, на самого тощего быка из твоих стад, что всадники любого Вейра с охотой избавятся от забот о спасении твоей шкуры от Нитей — даже если им придется выжечь каждый квадратный фут на Алой Звезде! — Под гневным взглядом Робинтона лорд Набола отступил на шаг, пытаясь успокоить нервно попискивающего фэйра. — И как могли вы, все вы, — арфист презрительно покосился на четырех остальных лордов, — сомневаться в том, что всадники хотят навсегда освободить Перн от тысячелетней угрозы? Они устали... устали защищать вас. Неужели это не понятно — даже сейчас? Вспомните Т'кула, Т'рона... Вы знаете, что Нити делают с человеком. И вы знаете, что происходит, когда погибает дракон. Должен ли я напоминать и об этом тоже? И вы искренне верите, что всадники хотят продолжать такую жизнь? Что она нравится им? Наивно, очень наивно! Скажите-ка, сколько мешков зерна, сколько кувшинов с вином стоит каждая их рана? Может ли пара костлявых быков или десяток ножей из мастерской кузнеца возместить смерть дракона?

Вот здесь, перед нами, — инструмент, позволяющий слабым человеческим глазом разглядеть эту штуку в небе... Тогда почему же Нити существуют до сих пор? Может быть, в прошлом всадники пытались истребить их — и потерпели поражение? Потому что эти серые пятна, которые видны так ясно, оказались не землей и не водой, а неисчислимым скопищем Нитей? Или потому, что облака содержат не водяной пар, а что-то смертельно опасное... еще более вредное для нас, чем Нити? Откуда вы знаете, что все темные области не завалены костями давно забытых всадников и драконов минувших веков? Да, там так много неизвестного, что лучше нам держаться подальше от этого злого мира... Но мне кажется, что время размышлений минуло, пришла пора действовать... И, возможно, стоит довериться безрассудной храбрости, а не мудрой осторожности... — он медленно повернулся к Лессе, — хотя сердце мое сжимает страх, когда думаю, что всадники Перна могут решиться на этот шаг...

— Таково намерение Ф'лара, — сказала Лесса громким, звенящим голосом и гордо выпрямилась. Всадник — не арфист; он не должен показывать страха даже самому себе.

— Да, так, — подтвердил Фандарел, утвердительно покачивая огромной головой. — Он велел мне и Вансору наблюдать за Алой Звездой... изучить ее. Тогда можно будет отправить экспедицию.

— И долго нам ждать? — спросил Мерон, словно не слышал слов арфиста.

— Опомнись, лорд! Неужели ты полагаешь, что кто-то сейчас способен назвать точное время? — резко бросил Грож.

— Но в Бендене столько знатоков по части времени, — заявил Мерон таким наглым тоном, что Лессе захотелось выцарапать ему глаза.

— Может быть, госпожа Вейра что-нибудь скажет нам? — озабоченно спросил Сангел.

— Я должен закончить наблюдения, — нервно пожав плечами, напомнил Вансор. — Это же глупость... безумие — предпринимать что-то сейчас... Надо рассмотреть каждый участок поверхности планеты — а вы все видели, как часто их закрывают облака... О, тут столько работы! И потом...

— Понятно, — прервал его Мерон.

Лесса пыталась справиться с раздражением. Прекратит ли этот мерзавец ухмыляться? Однако его насмешки могли сыграть полезную роль...

— Кажется, этот проект рассчитан на целую жизнь, — продолжал лорд Наболский, — а тем временем Нити будут сыпаться нам на голову.

— Ф'лар не отличается терпением, — заметил Робинтон. — А тут еще каверзы Нитей, не желающих подчиняться его расчетам... Да это для него — личное оскорбление!

Сангел и Отерел фыркнули. В глазах Грожа мелькнула и погасла улыбка — видимо, он вспомнил про выговор, учиненный ему Ф'ларом в Бендене. Лицо Мерона перекосилось от злобы.

— Вы глупцы! — заорал лорд Набола, в ярости топая ногами. — Позволяете арфисту заговаривать вам зубы! Мы никогда не избавимся от Нитей! И пока эта планета вращается вокруг солнца, мы будем платить Вейрам десятину, почитать драконов, всадников и их женщин. И ни один из вас, великие лорды, не набрался мужества что-то изменить! Нам больше не нужны всадники! Не нужны! У нас есть огненные ящерицы, которые поедают Нити...

— Значит, я могу передать Т'бору, что земли твоего холда не нуждаются в защите? — спросила Лесса. — Думаю, это его порадует, — вскользь заметила она.

Мерон уставился на нее с откровенной ненавистью. Огненная ящерица на его плече зашипела и приподнялась, готовая броситься на Лессу. Короткий приказ Рамот'ы — и фэйр сник, жалобно пискнув. Пробормотав ругательство, лорд Набола ринулся вниз по освещенной факелами тропинке, хрипло призывая своего дракона. Зеленая так стремительно вынырнула из темноты,

что Лесса поняла: здесь тоже не обошлось без вмешательства ее королевы.

— Ты действительно прикажешь Т'бору прекратить патрулирование Набола? — нервно спросил Нессел, лорд Крома. — Его земли граничат с моими...

— Лорд Нессел, — начала Лесса, собираясь сказать владельцу Крома, что не в ее власти решать такие вопросы. Но вместо этого она с улыбкой произнесла: — Вероятно, ты заметил, что лорд Набола не потребовал этого. Хотя было бы полезным наказать Мерона — две королевы погибли не без его участия. — Она снова одарила Нессела любезной улыбкой. — Но на его землях живут сотни людей, ни в чем не повинных. Разве могут они отвечать за... за... Как бы это сказать? За неразумный поступок своего лорда?

— А причина его поступка... — лорд Грох нерешительно откашлялся, — эта женщина, Килара... Что сделали с ней?

— Ничего. — Тон Лессы, холодный и суровый, ясно давал понять, что тема исчерпана.

— Ничего? — Грох был поражен. — Из-за нее погибли две королевы, а вы ничего не сделали?

— А разве вы, владельцы холдов, сделали что-нибудь с Мероном? — спросила она, скользнув взглядом по лицам четырех лордов.

Наступило молчание. Наконец Лесса подняла голову, всматриваясь в светлеющее на востоке небо.

— Мне пора возвращаться в Бенден, скоро рассвет... Не будем мешать Фандарелу и Вансору наблюдать за Алой Звездой.

— Пока они еще не начали, могу я взглянуть еще раз? — спросил лорд Отерел. — У меня очень острый глаз.

Лесса устала, и ей хотелось побыстрее очутиться в Бендене — но не ради нескольких часов сна. Тревога за Ф'лара терзала ее. Правда, с ним был Мнемент', он сообщил бы...

«Конечно, — подтвердила Рамот'а. — А я сказала бы тебе».

— Лесса, — долетел до нее негромкий голос арфиста, — как ты относишься к этой экспедиции?

Она подняла взгляд на Робинтона; тусклое пламя догорающих факелов едва освещало его невозмутимое лицо. Что он думал на самом деле? Была ли искренней его речь? Он с такой легкостью умел притворяться... особенно когда вынуждали обстоятельства.

— Я боюсь... Боюсь, что кто-то уже пытался до нас. Понимаешь? Иногда это кажется мне неизбежным... иногда я сомневался...

— Скажи, тебе встречались какие-нибудь Записи о путешествиях во времени? Кроме твоих собственных, конечно?

— Нет, — согласилась она. — Но раньше в этом не было нужды...

— А ты уверена, что теперь есть нужда совершать новое путешествие, туда? — Его палец указал на кровавый глаз в ночном небе.

— Не мучай меня, Робинтон... — прошептала Лесса.

Что могла она сказать? И мог ли сказать что-нибудь любой другой человек на всем Перне? Боль, неуверенность, беспокойство блеснули в глазах арфиста, и Лесса непроизвольно сжала его руку.

— Откуда мы знаем? — снова шепнула она. — Что ждет нас там?

— Помнишь песню о покинутых Вейрах? Когда-то она под- сказала, что ждет тебя в будущем — и в прошлом.

— Ты нашел для меня новую таинственную песню?

— Новые тайны — да. — Он улыбнулся, осторожно накрыв ее ладонь своей большой рукой. — Подсказки?

Робинтон отрицательно пожал плечами и шагнул в сторону. Над ними сверкнули золотом крылья опускающейся Рамот'ы.

Но его вопрос было так же трудно забыть, как песню о покинутых Вейрах, которая и привела ее к прыжку в прошлое. Когда Лесса вернулась в Бенден, в свой вейр, лоб Ф'лара был горячим; спал он беспокойно. Свернувшись за его спиной на широкой кровати, она тоже попыталась уснуть, но не смогла. Слезы текли по ее щекам — Ф'лар метался в жару, неведомое будущее страшило... Наконец она поднялась и вышла в большую пещеру. Задремавшая Рамот'а приподняла голову, сложила передние лапы в виде колыбели. Скользнув в нее, погрузившись в излучаемое драконом тепло и нежность, Лесса наконец уснула.

* * *

Утром Ф'лар чувствовал себя не лучше. Лихорадочно возбужденный, он потребовал рассказать, что же она видела прошлой ночью.

— Не понимаю, чего ты ждал от меня, — с некоторым раздражением заявила Лесса, в четвертый раз повторив одно и то же.

— Я ждал, — он сделал многозначительную паузу, — что удасться разглядеть что-нибудь характерное. Нечто такое, что может служить ориентиром для драконов. — Он отбросил со лба непокорную прядь. — Мы должны выполнить то, что обещали лордам.

— Зачем? Хочешь доказать, что Мерон лжет?

— Нет. Выяснить, можем ли мы навсегда избавиться от Нитей. Он пристально посмотрел на подругу — словно она была обязана знать ответ.

— Мне кажется, что такие попытки бывали и раньше, — тихо произнесла она. — Но Нити не исчезли...

— Это ничего не значит, — резко ответил Ф'лар и закашлялся, прижав ладонь к забинтованному боку. Лесса бросилась к нему с кружкой охлажденного вина, смешанного с фруктовым соком.

— Позови Ф'нора, — нетерпеливо попросил он.

Лесса посмотрела на него; обессиленный приступом кашля, Ф'лар дышал тяжело, неровно.

— Если смогу оторвать его от Брекки...

Губы Ф'лара сжались в тонкую линию.

— Думаешь, только ты, Ф'лар Бенденский, предводитель Вейра, способен переступить через традицию? — спросила она.

— Дело не в...

— Если ты беспокоишься о своих любимых червях, то знай, я попросила Н'тона поймать Нить...

— Н'тона? — Ф'лар в удивлении раскрыл глаза.

— Да. Он хороший парень... и всегда вовремя поспевает туда, где нужна его помощь.

— И?..

— И в Форте считают, что, когда поднимется их королева, он станет предводителем Вейра. Ведь ты этого хотел?

— Я не о том... Нить...

Лесса почувствовала, как при одном воспоминании сжался ее желудок и к горлу подступила тошнота.

— Ты был прав... Как только мы бросили Нить в контейнер, личинки вылезли на поверхность... И Нити не стало...

Глаза Ф'лара сверкнули, на губах появилась торжествующая улыбка. Он попытался приподняться.

— Почему же ты не сказала мне раньше?

Скрестив на груди руки, Лесса обожгла его одним из самых суровых своих взглядов.

— Потому что у меня хватает и других дел в Вейре. Когда ты будешь здоров...

— Но что сказал Н'тон? Он понял, что я пытаюсь сделать?

Лесса задумчиво посмотрела на своего друга.

— Да, конечно. Поэтому я выбрала его, чтобы заменить Ф'нора.

Казалось, Ф'лар почувствовал облегчение. Глубоко вздохнув, он откинулся обратно на подушки и прикрыл глаза.

— Хороший выбор... Он способен на большее, чем командо-

вать крыльями Форт-Вейра. Он продолжатель нашего дела, Лесса. Вот то, в чем мы нуждаемся, — человек, который способен думать... — Глаза его внезапно открылись, полные лихорадочного возбуждения. — Я хочу, чтобы он прибыл сюда! Немедленно!

— Подожди, Ф'лар, ведь он теперь всадник Форт-Вейра...

Ф'лар схватил ее за руку, притянув к себе.

— Как ты не понимаешь, — хрипло прошептал он, — Н'тон должен знать... Знать все, что я планирую. И если что-нибудь случится...

Лесса непонимающе уставилась на него. Затем ее глаза наполнились слезами, губы дрогнули. Мрачные предчувствия Ф'лара расстроили и напугали ее.

Неужели он может умереть?

— Ф'лар, перестань терзать себя, — полуплача-полусердясь, пробормотала она. Его руки были такими горячими!

Он снова откинулся на подушку, беспокойно дергая головой, едва шевеля запекшимися губами. Лесса склонилась над ним.

— Случалось раньше... я знаю, знаю... если бы Ф'нор...

«Прибыли Лиот' и зеленая из Телгара», — объявил Мнемент'.

Лесса отметила бесстрастный тон бронзового; казалось, бред Ф'лара не взволновал его.

Ф'лар не удержался от удивленного восклицания, взгляд его стал вопросительным.

— Не смотри так на меня. Я не посылала за Н'тоном. Еще даже не рассвело.

«Зеленая доставила посланца... Человек очень взволнован», — добавил бронзовый; теперь в его ментальных сигналах чувствовалось любопытство.

Рамот'а, после пробуждения Лессы перебравшаяся на площадку Рождений, протрубила привет Лиот'у.

В проходе раздали быстрые шаги, и в спальню вошел Н'тон. Его сопровождал Вансор — Лесса никак не ожидала увидеть его так скоро. Лицо мастера пылало от возбуждения, глаза сверкали, хотя белки покраснели от утомления.

— О, моя госпожа, какие новости, какие новости! Нечто поражающее воображение! — забормотал Вансор, потрясая перед носом Лессы большим листом пергамента. Ей показалось, что там изображено множество окружностей. Затем мастер увидел Ф'лара. Лицо его осунулось, помрачнело — он понял, что предводитель серьезно болен. — Прости господин, я не думал... Я бы не осмелился...

— Не болтай чепухи, — раздраженно сказал Ф'лар. — Что ты

принес? Что у тебя там? Дай мне посмотреть. Ты нашел какой-нибудь ориентир для драконов? Иди сюда!

Вансор, однако, неуверенно мялся у порога. Лесса взяла его за руку и повела к постели, по дороге бросив взгляд на пергамент.

— Что здесь нарисовано? Ага, это орбита Перна, а это — Алой Звезды... Но что означают остальные круги?

— Я пока не уверен, моя госпожа. Я нашел их, когда изучал небесную сферу прошлой ночью... точнее, сегодня утром. Около нас находится не только Алая Звезда... есть другие тела, дальше. Одно можно увидеть на рассвете, верно, Н'тон?

Бронзовый всадник молча кивнул, но посмотрел на Вансора с удивлением. У мастера была своеобразная манера давать объяснения.

— Еще одно, с очень слабым свечением... Наш третий сосед. Его можно видеть на северо-востоке, низко над горизонтом. Н'тон предложил осмотреть всю небесную сферу, и тогда мы нашли вот это... самый большой диск и целую группу более мелких тел, которые движутся вокруг него... Поразительно! В небесах вокруг Перна целое столпотворение! — Вансор нелепо всплеснул руками.

Усмехнувшись, Лесса подтолкнула его к табурету около постели больного. Ф'лар взял лист и стал его рассматривать; в задумчивости он несколько раз провел пальцами по четким линиям, словно прямой контакт с пергаментом делал понятней эту схему.

— Значит, ты увидел четыре близких звезды?

— На самом деле в небесах есть множество других... гораздо больше, чем мы можем различить глазами, предводитель. Но только эти, — Вансор показал пальцем на орбиты трех новых соседей Перна, — кажутся дисками... небольшими дисками в приборе дальновидения. Остальные — яркие точки в небе — как обычные звезды. Эти же три тела, несомненно, вращаются около нашего солнца, наподобие Перна. Я не вижу, каким образом они могли бы избежать действия сил, связывающих Перн и Алую Звезду со светилом... Мы знаем: эти силы огромны, чудовищны...

Ф'лар поднял голову от схемы, и на лице его мелькнул ужас.

— Если они так близки... можем ли мы утверждать, что Нити действительно приходят с Алой Звезды?

— О, мой господин! — простонал Вансор, в замешательстве ломая руки.

— Ерунда, — заявила Лесса с такой уверенностью, что удивленные взгляды трех мужчин скрестились на ее лице. — Давайте не будем усложнять ситуацию. Древние обладали огромными знаниями... достаточными, чтобы сделать этот прибор для даль-

новидения. И они совершенно определенно указывали на Алую Звезду как прародину Нитей. Если бы Нити падали с другой планеты, в старых хрониках так и было бы сказано. К тому же Нити появляются только тогда, когда Алая Звезда подходит к Перну.

— Помните рисунок в зале Совета Форт-Вейра? — задумчиво сказал Н'тон. — Диаграмма с концентрическими окружностями, и на них — маленькие сферы... Только там шесть окружностей... — Внезапно глаза молодого всадника вспыхнули, и он впился в пергамент в руках Вансора... — И около предпоследней сферы — несколько мелких спутников!

— Ну, если мы убедились в этом собственными глазами, то о чем же мы тревожимся? — спокойно заметила Лесса, разливая по кружкам свежесваренный кла. — Значит, рисунок в Форте — еще одно доказательство мудрости наших предков.

— Но мы только сейчас разобрались в нем... — мягко сказал Н'тон.

Лесса бросила на него быстрый взгляд и протянула кружку Вансору.

— Да, действительно. Знание проверяется опытом, не так ли, Н'тон?

— Полагаю, вы оба провели всю ночь у прибора дальновидения? — произнес Ф'лар. Когда Вансор и Н'тон кивнули, он спросил: — Так что же с Алой Звездой? Вы нашли какие-нибудь ориентиры?

Наблюдатели обменялись взглядами, и после едва заметного кивка Вансора Н'тон сказал:

— Нам удалось разглядеть что-то похожее на возвышенность странной формы... она напомнила мне пик вблизи Нерата, с вытянутой подошвой. Только там, — он поднял глаза вверх, — острый конец указывает на восток вместо запада... — Молодой всадник неуверенно пожал плечами.

Ф'лар вздохнул; оживление на его лице угасло.

— Не слишком существенная деталь, да?

— Мы наблюдали только одну ночь, — с виноватым видом сказал Н'тон.

— Вряд ли завтра изображение изменится.

— Мы увидим другую сторону планеты. — Глаза Вансора мечтательно затуманились. — Ведь Алая Звезда вращается, мой господин, так же, как Перн.

— Но она еще слишком далеко от нас, чтобы разглядеть мелкие детали поверхности, — твердо сказала Лесса.

Ф'лар с досадой посмотрел на нее.

— Если бы я мог увидеть сам...

Глаза Вансора вспыхнули.

— Ты знаешь, мой господин, теперь я разобрался, как надо использовать линзы, чтобы видеть на расстоянии. Конечно, мне не добиться такого увеличения, как в этом древнем приборе, однако я зато могу установить свое устройство прямо на Звездной Скале Бендена. Интересная задача... Если я вставлю часть линз прямо в Глаз-Камень, а другие размещу на вершине Пальца, ты будешь видеть... Нет, это не годится. — Вансор с огорчением вздохнул.

— Почему?

— Ну, эти камни расположены так, чтобы фиксировать направление на Алую Звезду во время зимнего солнцестояния... и в другое время угол наблюдения очень неудобный. Но зато я могу... — Вансор сморщился, нахмурил брови, замер — лишь глаза казались живыми, в них билась могучая и властная мысль, словно на мгновение истинная душа мастера выглянула наружу. Он снова вздохнул: — Я подумаю над этим, мой господин. Я уверен, можно изобрести способы, чтобы наблюдать за Звездой прямо из Бендена.

— Ты совсем замучил Вансора, — сказала Лесса, предупреждая следующий вопрос. — Ведь он не спал всю ночь!

— О, не стоит упоминать об этом, добрая госпожа, — пробормотал мастер, поднимая на нее воспаленные глаза.

— А по-моему, стоит, — твердо заявила Лесса — и взяла кружку из его пальцев. — Мне кажется, мастер Вансор, тебе лучше прилечь отдохнуть — прямо у нас в Бендене.

— Как я могу тебя так затруднить, госпожа... Единственное, чего я боюсь, — это свалиться с дракона прямо в Промежуток... Но ведь это невозможно, верно? О, я не могу остаться... Тут дракон из нашей мастерской, и я, вероятно... я лучше...

Голос Вансора замирал, пока Лесса вела его по коридору в комнаты гостей. Н'тон посмотрел ему вслед и нежно улыбнулся.

— Он всю ночь был на ногах, — сказал молодой всадник. — Славный человек!

— Значит, ты не нашел пути на Алую Звезду?

Н'тон медленно покачал головой.

— Нет. Мы видели только темные пятна и эти серые области... Большую часть времени поверхность закрывали розовые массы, похожие на облака. Перед самым рассветом острый мыс, похожий на пик в Нерате, тоже исчез... остался только тусклый серовато-красный отблеск.

— Должен быть какой-то путь туда...

— Я уверен, ты найдешь его — когда тебе станет лучше.

Ф'лар вздохнул.

— Ладно, раз это дело пока не двигается, давай перейдем к другому. Лесса сказала, что ты раздобыл для нас Нить. Ты видел, как личинки расправлялись с ней?

Н'тон кивнул, глаза его заблестели.

— Если мы решаем не уступать Южный континент Т'кулу, я разошлю поисковые группы, чтобы определить его границы. Мы ведь даже не представляем, насколько он велик. Район Южного Вейра с запада окаймляют пустыни, с востока — морское побережье. Но вряд ли это единственная болотистая местность на материке, где обитают личинки... — Ф'лар покачал головой. Ему было трудно говорить; он сделал глубокий вдох и постарался, чтобы его слова звучали ровно. — За семь Оборотов над Южным Вейром не раз падали Нити — и ни одной норы, подумай! Их не находили ни наземные команды, ни самые опытные, самые внимательные всадники. Так утверждает Т'бор. Почему-то атаки на юге заканчиваются без тяжелых последствий.

— И что ты думал об этом? — с иронией спросила Лесса, вернувшись в комнату. — Ничего. Пока не нарушилась периодичность атак и ты случайно не оказался на южных болотах, тебе и в голову не приходило связать все факты.

Конечно, она права, но лицо Н'тона оставалось бесстрастным. Молодой всадник словно обдумывал какую-то важную мысль, поглотившую его полностью и безраздельно. Наконец он поднял голову и встретил взгляд Ф'лара.

— Мой вождь, долгие Обороты я был всадником, — произнес Н'тон, обдумывая каждое слово. — Я узнал, что ничто не делается без цели. Я привык считать глупым своего отца — ведь путь дубильщика шкур узок, как лезвие ножа, а тот, кому приходится всю жизнь мять кожу, не имеет времени для размышлений... Но недавно я понял, что во всем этом есть порядок, и цель, и смысл... — Он сделал паузу, но Ф'лар знаком велел ему продолжать. — Мне нравится мастер-кузнец... этот человек думает постоянно! — В глазах юноши вспыхнуло такое восхищение, что Ф'лар невольно усмехнулся. — И я многому научился у него! Я понял, что существует разрыв между нашими знаниями и тем, что предки хотели передать нам. Я думаю, что Южный материк был, вероятно, покинут людьми, чтобы эти странные личинки могли вырасти и набрать силу...

— Ты хочешь сказать, что наши предки знали, как сложно попасть на Алую Звезду, и они вывели личинок для защиты своих полей? — спросила Лесса.

— Они вывели драконов из огненных ящериц, верно? Ну а личинки... что-то вроде наземной команды. — Н'тон усмехнулся.

— Тут есть смысл, — сказала Лесса, с надеждой посмотрев на Ф'лара. — Несомненно, это объясняет, почему драконы не могут попасть на Алую Звезду. Им это не нужно. Существует иной способ защиты.

— Но почему тогда личинок нет на севере? — запротестовал Ф'лар.

— Случайность! Кто-то внезапно умер и не успел передать знания... или наводнение смыло почву с опытного участка... Откуда мы можем знать? — Лесса развела руками. Ф'лару стало ясно, что эта теория ей понравилась — в основном как противовес его намерению отправить экспедицию на Алую Звезду.

Он тоже готов был поверить, что личинки решат проблему, но Алую Звезду нужно посетить. Хотя бы для того, чтобы доказать владельцам холдов, что всадники не таят коварного умысла.

— Пока мы еще не знаем, смогут ли личинки выжить там, где нет болот, — напомнил он Лессе.

— Нетрудно проверить, — подал голос Н'тон. — Я знаю Южный — вероятно, не хуже Ф'нора. Разреши мне отправиться туда. — Увидев, как нахмурилась Лесса и встревожился Ф'лар, молодой всадник торопливо продолжил: — Т'кул меня не найдет. Он слишком прямолинеен... и вычислить его действия нетрудно.

— Хорошо, Н'тон. Иди. Ты прав. Ведь я действительно еще никого не послал туда.

На миг Ф'лара кольнула обида — Ф'нора отвлекла женщина. А он — всадник! Прежде всего — всадник! Ф'лар задавил в себе раздражение. В конце концов, Брекка была госпожой Вейра — и она потеряла дракона. Если присутствие Ф'нора ей необходимо, не стоит упрекать ее за это.

— Иди, Н'тон. Постарайся исследовать возможно большую территорию. И привези образцы личинок из разных мест. Возможно, они будут чем-то отличаться.

— Личинки есть личинки, — пробормотала Лесса.

— Звери в горах отличаются от зверей на равнине, — сказал Н'тон. — И лунные деревья, что растут в Южном, больше самых огромных деревьев в садах Нерата.

— Ты знаешь слишком много, — заметила Лесса, улыбкой смягчив свои слова.

Н'тон усмехнулся в ответ:

— Я бронзовый всадник, госпожа Вейра.

— Отправляйся. — Ф'лар слабо шевельнул рукой. — Нет, погоди... Ты уверен, что Форт обойдется без тебя и Лиот'а? Когда следующая атака?

— Не тревожься. Еще целый день и ночь впереди.

Этот ответ, полный молодого задора, внезапно привел Ф'лара в ярость. Он взглядом показал в сторону прохода и, едва Н'тон перешагнул порог, прохрипел:

— Я снова буду здоров! Буду... буду!

Лесса мгновенно очутилась рядом, ее прохладные ладони легли на пылающий лоб Ф'лара. Он поднял руку, прижав ее пальцы к лицу... Их целительный холод дарил забвение.

— Конечно, ты будешь здоров... Ты никогда не болел, — тихо прошептала она, поглаживая его лоб свободной рукой. Затем привычные строгие нотки зазвучали в ее голосе: — Но ты часто делал глупости. Кто же идет в Промежуток с такой раной?

Ее тон и ласковые, нежные прикосновения пальцев успокоили Ф'лара. Вытянувшись на постели, он закрыл глаза и погрузился в сон.

Глава 14

Раннее утро в холде Руат.

Середина дня в Бенден-Вейре

Когда в холд Руат пришла весть, что Рождение, вероятно, произойдет в этот яркий солнечный день, Джексом не знал, радоваться ли ему или нет. С тех пор, как десять дней назад две королевы погибли в смертельном поединке, Лайтол погрузился в такую печаль, что Джексом ходил на цыпочках. Его опекун всегда был мрачным человеком, не признававшим ни шутки, ни веселья, но теперь он почти перестал разговаривать. И это горестное молчание держало в напряжении весь холд. Даже новорожденные дети не плакали. Потерять королеву... Джексом знал, что это было плохо, очень плохо... Но потерять сразу двух, таким ужасным образом! В трагедии ощущалась некая предопределенность. Джексом был испуган, потрясен до глубины души. Он почти страшился вновь увидеть Фелессана. Его постоянно преследовало чувство вины. Неужели случившееся являлось наказанием за богохульство, за их вторжение на площадку Рождений? Однако логика опровергала такой чудовишный вывод. Ведь королевы погибли не в Руате; они даже были не из Форт-Вейра, под защитой которого находился их холд. Сам он никогда не встречался ни с Киларой, ни с Бреккой. Он не знал Ф'нора, но искренне жалел — если хотя бы половина услышанного им была правдой, — что Ф'нор взял Брекку в свой вейр и забросил все дела, чтобы vychодить ее. Она сильно болела. Странно, все сочувствовали Брек-

ке, но никто не упоминал Килару — а ведь она тоже потеряла дракона.

Джексом хотелось бы разобраться в этом, но он знал, что не должен спрашивать. Как не должен спрашивать о том, отправятся ли они с Лайтолом на Запечатление в Бенден. Но иначе зачем предводителю Вейра посылать им весть? И разве руатанка Талина не была одной из девушек, избранных для Запечатления новой королевы? Значит, кто-то должен будет представлять их холд в Бендене. Ф'лар всегда приглашал холдеров, хотя остальные Вейры этого не делали. И он так долго не видел Фелессана! Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как он летал на праздник в Телгар.

Джексом вздохнул. То был тяжелый день. Он вздрогнул, вспомнив обжигающий холод Промежутка, и ужас, который охватил его. Лайтол сказал ему: настоящий мужчина не должен бояться страха. И страх вернулся опять — когда он увидел, как дерутся Ф'лар и Т'рон. Джексом снова вздрогнул; при одном воспоминании по коже поползли мурашки. Все шло плохо на Перне. Королевы убивали друг друга, предводители Вейров сражались в поединке, Нити неожиданно падали то тут, то там, не подчиняясь расчетам всадников. Жизнь теряла налаженный ритм, привычный порядок рассыпался, и он не мог ничего исправить. Это было несправедливо. Ведь все шло так хорошо! Каждый знал, что Руат-холд процветает и богатеет. А теперь, только шесть дней назад, они потеряли новые поля на северо-востоке... Если дела и дальше пойдут таким же образом, много ли толка будет от тяжелого труда, которым изнурял себя Лайтол? Не потому ли случилось все это, что он стал таким... таким странным, равнодушным? Но как несправедливо! Ведь Лайтол так много работал! И похоже, что они все-таки не попадут в Бенден на этот раз... Значит он, Джексом, не увидит, кто же запечатлит золотого дракона... Несправедливо, как несправедливо!

— Лорд Джексом! — Запыхавшийся работник возник в дверном проеме, хватая ртом воздух. — Господин Лайтол просил тебя надеть самое лучшее платье! Яйца скоро треснут! — Парень выпучил глаза. — О, мой лорд, ты веришь, что нашей Талине может повезти?

— Безусловно! — с восторгом воскликнул Джексом. — Ведь она родилась в Руате! Иди, я сейчас!

Его пальцы, срываясь, скользили по застегкам штанов и куртки. Он надевал этот наряд только один раз, на свадьбу в Телгаре, и старался быть очень аккуратным. Однако на великолепной ткани уже красовались сальные пятна — след руки какого-то гостя,

который схватил его за плечо и отпихнул в сторону, чтобы лучше видеть поединок.

Джексом набросил плащ, разыскал под кроватью перчатки и вприпрыжку помчался во двор, где ждал синий дракон.

Однако, едва взглянув на синего, он вспомнил, что старшему сыну Грожа досталось яйцо огненной ящерицы. Лайтол же сам отказался от пары яиц, предназначенных Руат-холду, второму по старшинству на Перне. И это тоже было вопиющей несправедливостью. Пусть сам Лайтол не собирался иметь никакого дела с файрами, но почему же должен страдать он, Джексом? Лорду Руата положено яйцо! Лайтол не имел права отказываться!

— Будет добрый день для Руата, если ваша Талина запечатлит королеву, — приветствовал его Д'вер, синий всадник.

— Да, — уныло ответил Джексом; разноцветные файры — недостижимая мечта — порхали перед его глазами.

— Приободрись, паренек, — сказал Д'вер. — Дела могли быть хуже.

— Как?

Но Д'вер только усмехнулся, и обиженный Джексом решил не приставать к всаднику с разговорами.

— Доброе утро, Требит', — сказал он синему дракону; тот повернул к мальчику голову с таинственно мерцающими глазами.

Тут они услышали голос Лайтола — пасмурный, но отчетливо властный. Управляющий Руата давал указания своим помощникам насчет дневной работы.

— Вместо каждого погибшего поля мы должны обработать вдвое больше земли — пока не прошло время посева. На северо-востоке много пустующих участков. Пошлите туда людей.

— Но, господин...

— Только не надо жалоб на лишние хлопоты со старыми хижинами. У нас будут лишние едоки, если мы не побеспокоимся об урожае... А голод гораздо труднее выдержать, чем весенние сквозняки.

Лайтол бросил беглый взгляд на своего подопечного и, кивнув в ответ на его пожелание доброго утра, вышел во двор. Щека управляющего судорожно дернулась, когда он поднимался на плечо Требит'а, чтобы занять обычное место пассажира — там, где шея дракона переходила в мощный загривок. Скупым жестом он велел Джексому сесть перед ним, и кивнул Д'веру.

Улыбка тронула губы всадника, словно он и не ожидал от Лайтола ничего иного. Через мгновение они взмыли вверх. Вверх, в бездонную синеву неба, нависающего над высотами Руата — теперь такими крохотными, жалкими, уходящими все ниже и ни-

же... Затем наступил мрак, и Джексом задержал дыхание, чтобы ужасающий холод Промежутка не обжег горло. В следующий миг они очутились над Звездной Скалой Бендена. Вокруг парили, кружились, носились драконы — так близко, что Джексом невольно зажмурился. Столкновение казалось неизбежным. Но, кажется, катастрофа откладывалась, и он рискнул приоткрыть глаза.

— Откуда... Откуда они знают, кто где? — спросил он Д'вера.

Всадник усмехнулся.

— Они знают. Драконы никогда не сталкиваются в воздухе... — Тень воспоминания промелькнула на его лице, обычно веселые глаза погрустнели.

Джексом застонал сквозь зубы. Какую глупость он допустил! Разве можно напоминать о недавней трагедии, о гибели двух королев!

— Все напоминает об этом, паренек, — сказал Д'вер, словно прочитав его мысли. — Даже цвета драконов поблекли... Но, — продолжил он мягче, — Запечатление новой королевы поможет нам.

Джексом хотел бы разделить надежду всадника, но ему казалось, что сегодня случится что-то нехорошее. Он раскрыл глаза пошире — и тут же в ужасе вцепился в кожаную куртку Д'вера. Их синий был уже внизу, в чаше Вейра, и мчался прямо на скалистую стену! Даже хуже — на зеленого дракона, который маячил впереди!

Но вдруг они оказались в широком проеме верхнего тоннеля, ведущего к площадке Рождений. Свист рассекающих воздух крыльев, острый, застоявшийся запах драконов, свет, сменивший темноту прохода... Они зависли под сводами гигантской пещеры, над слабо дымившимся песком; каменные стены ярусами уходили ввысь, люди и звери заполняли огромный амфитеатр. У Джексома разбежались глаза при виде яиц на площадке Рождений, разноцветных одежд всадников и гостей, сверкающих глаз и распростертых крыльев драконов — синих, зеленых, коричневых... Где же бронзовые?

— Они привезут девушек, лорд Джексом... Ого, твой приятель, юный бездельник, уже тут! — Д'вер не успел договорить, как синий приземлился на краю площадки — и нос Джексома больно уткнулся в жесткую полетную куртку. — Слезай!

— Джексом! Ты здесь!

И Фелессан хлопнул его по плечу. Он тоже был наряжен в новую курточку, еще пахнущую краской, — жесткая ткань как наж-

даком прошлась по ладони Джексома, когда он в восторге вытянул друга по спине.

— Спасибо, что ты привез его, Д'вер! Добрый день, господин мой Лайтол. Предводитель и госпожа Вейра просили приветствовать тебя и передать, что приглашают разделить с ними полдненную еду — если у тебя найдется время после Запечатления.

Все это Фелессан выпалил с такой скоростью, что синий всадник расхохотался. Лайтол же благоговейно склонил голову — и Джексома кольнуло раздражение: мрачная торжественность наставника казалась ему неуместной.

Фелессана, казалось, эти нюансы не беспокоили. Крепко схватив Джексома за рукав, он потащил его в сторону, подальше от взрослых. Они остановились у обрамлявшей песчаную арену стены, и Фелессан прошептал — так громко, что его, наверно, было слышно на трех нижних ярусах:

— Я и не надеялся, что тебе разрешат приехать... Все ходят такие мрачные — после... после... ну, ты знаешь!

— А больше ты ничего не слышал? — спросил Джексом, красноречивым взглядом призывая приятеля говорить потише.

— Что? — Фелессан озабоченно осмотрелся. — Неужели в Руате случилось что-то плохое?

Джексом покачал головой. Он украдкой взглянул на Лайтола, но тот, не обращая внимания на своего воспитанника, приветствовал знакомых всадников на верхних ярусах. Гости продолжали прибывать; одни — на крыльях драконов, другие — через нижний вход. Они быстро пробегали по обжигающему песку и карабкались вверх по крутой лестнице. Фелессан вдруг захихикал и, подтолкнув друга локтем, показал на важного мужчину и дородную женщину, пересекавших площадку Рождений. У их башмаков, вероятно, были тонкие подошвы; жар от песка заставлял эту представительную пару семенить и мелко подпрыгивать.

— Не думал я, что соберется так много народа... после того, что случилось... — возбужденно шепнул Фелессан; его широко распахнутые глаза пробегали по рядам. — Взгляни-ка на этих! — Он кивнул в сторону трех мальчишек на нижнем ярусе с эмблемами Нерата на груди. — Они морщатся так, словно здесь воняет! Ты ведь не думаешь, что драконы воняют?

— Нет, конечно! От них совсем слабо пахнет... и так приятно! А эти парни... они здесь для Запечатления?

— Что ты! — Фелессан округлил глаза. — Претенденты будут в белом. Они придут позже... О-о-оп! Кажется, им лучше поторопиться... Ты видел, как закачалось вон то яйцо?

Среди драконов поднялся гул; только что прибывшие, испус-

кая возбужденные крики, приземлялись на верхних ярусах. Огромные крылья на мгновение закрыли от Джексома арену с кучкой яиц; в следующую секунду воздух был уже пуст — и он заметил, что теперь начали раскачиваться все яйца. Только одно оставалось неподвижным — маленькое яйцо, лежавшее отдельно у самой стены.

— Что с ним? — спросил Джексом.

— С этим маленьким? — Фелессан вздохнул и отвернулся.

— Мы же ничего с ним не делали...

— Я не делал, — твердо заявил Фелессан, посмотрев на Джексома. — Ты его трогал.

— Да, прикоснулся к нему... но разве это значит, что я его повредил? — Юный лорд пытался успокоить свою нечистую совесть.

— Нет, прикосновение не вредит им... Претенденты целыми днями гладят их... некоторые даже покачиваются.

— Тогда почему же оно лежит в стороне?

Джексому было трудно перекричать поднявшийся на площадкой гам. Крики и свист драконов, отражаясь от стен, бушевали в пещере.

— Не знаю. — Фелессан пожал плечами. — Может быть, из него никто не вылупится... Во всяком случае, так говорят.

— Но я ничего с ним не делал! — Джексом чуть не плакал.

— О чем речь? — успокоил его приятель. — Смотри, вот идут претенденты!

И тут Фелессан, уткнувшись губами прямо в ухо Джексому, сообщил юному лорду такую невероятную новость, что повторять ее пришлось трижды.

— Повторное Запечатление? Брекка? — воскликнул пораженный Джексом — громче, чем ему хотелось. Он привстал и бросил опасливый взгляд в сторону Лайтола.

— Потише! — прошипел Фелессан, заталкивая приятеля обратно на сиденье. — Ты еще не знаешь, что здесь будет! Сейчас я тебе расскажу! — Глаза его горели от нетерпения; видимо, он был готов выложить все тайны Бенден-Вейра.

— Но разве может Брекка еще раз пройти Запечатление? Почему? Как? — возбужденно спрашивал Джексом; в голове у него крутился ураган видений — Лайтол, в куртке всадника, на шее собственного дракона; торжествующая Брекка в обнимку с новой королевой; залитое слезами лицо Талины — Руат потерпел поражение...

— Вот так! Она запечатлила однажды дракона... И она еще совсем не старая... Все говорят, что Брекка была бы гораздо лучшей

госпожой Вейра, чем Килара. И потом... — он понизил голос, — Ф'нор любит ее! Я слышал, — Фелессан сделал многозначительную паузу, — я слышал, Ф'нор пошлет Кант'а вдогонку за ее королевой!

Джексом, потрясенный, уставился на друга.

— Ты рехнулся! Коричневые драконы не летают с королевами!

— А Ф'нор собирается попробовать...

— Но... но...

— Всяко может быть, — мудро согласился Фелессан. — Посмотрим. Не слышал ты Ф'нора и Ф'лара! — Глаза его стали вдвое больше. — Это Лесса, моя мать, сказала им, чтобы перестали спорить. Брекка должна снова пройти Запечатление. Нельзя, чтобы она осталась наполовину мертвой.

Оба мальчика виновато посмотрели в сторону Лайтола.

— Они... они думают, что у Брекки может получиться?

Фелессан пожал плечами.

— Сейчас увидим. Они уже близко.

Словно подтверждая его слова, из темного зева верхнего тоннеля вырвался бронзовый, следом за ним — другой, третий... Сверкающим пунктиром, нос к хвосту, они планировали вниз, на арену.

— Талина! — закричал Джексом, вскакивая на ноги. — Вон Талина, Лайтол!

Он метнулся к своему опекуну и потянул его за рукав. Но тот ничего не замечал; взгляд управляющего Руата был направлен на девушку, которая как раз появилась из нижнего прохода. Ее сопровождали два человека, мужчина и женщина, они остались у порога, словно не смели шагнуть за ней к песчаной площадке.

— Это Брекка, все в порядке, — хрипло выдохнул Фелессан, скользнувший за приятелем вдоль ряда каменных сидений.

Она слегка запнулась и замерла, нечувствительная к жару нагретого песка. Затем, приподняв беспомощно плечи, медленно двинулась к пяти остальным девушкам, ожидавшим ее у золотого яйца. Она остановилась рядом с Талиной; та подвинулась и жестом пригласила ее занять место в полукруге претенденток.

Гул внезапно замер, превратившись в напряженное молчание; одно из яиц дернулось, раздался слабый треск скорлупы, затем начали раскалываться остальные.

Новорожденные драконы, мокрые, неуклюжие, забарахтались на песке, торопливо выбираясь из обломков. С хриплым карканьем и шипением они пытались встать на ноги — юные уродливые создания с клиновидными головами, слишком тяжелыми для тонких шей. Подростки в белых туниках стояли неподвижно,

сосредоточившись в ментальном усилии — каждый старался привлечь к себе внимание дракона.

Первый новорожденный, освободившись от осколков, ринулся к ближайшему мальчику, который ловко отпрыгнул с дороги. Дракончик упал, уткнувшись носом прямо в ноги рослого черноволосого паренька. Тот опустился на колени, чтобы помочь своему дракону подняться на шатких, разбегающихся лапах, потом заглянул в его радужные глаза. Джексом увидел, как Лайтол зажмурился, лицо его посерело. Боль и ужас потери продолжали терзать бывшего всадника с такой же силой, как и в тот проклятый день, когда его Ларт' сгорел в фосфиновом пламени.

— Смотрите, золотое яйцо! — закричал Джексом. — Оно трескается! О, как бы я хотел...

Он захлопнул рот; ссориться с приятелем ему не хотелось. Конечно, было бы здорово, если б Талина запечатлила королеву! Три повелительницы Вейров — из Руата! Какой холд мог похвастать этим! Но было ясно, что симпатии Фелессана на стороне Брекки. Правда, полностью поглощенный событиями на площадке, он не слышал неосторожного замечания Джексома.

Золотое яйцо неожиданно треснуло ровно пополам, наклонилось, и юная королева с протестующим криком упала на спину в песок. Талина и две другие девушки быстро шагнули вперед, словно желали помочь новорожденной прийти в себя. Неуклюже оттолкнувшись крылом, королева перевернулась и встала на все четыре лапы. Девушки замерли, переглядываясь в нерешительности; вероятно, они были готовы предоставить первый шанс Брекке.

Но та как будто пребывала в трансе. Джексому показалось, что она ничего не чувствует. Она выглядела как безвольная, раздавленная кукла... Дракончик протяжно свистнул, и Брекка подняла голову, словно впервые поняла, где находится.

Королева повернулась к ней, вытянула шею; глаза, слишком большие для головы новорожденной, замерцали, разгораясь радужным блеском. Пошатываясь, золотая сделала первый неуверенный шаг.

В этот момент крохотный бронзовый фэйр мелькнул над площадкой Рождений. С вызывающим пронзительным криком он повис прямо перед носом маленькой королевы — так близко, что она испуганно отпрянула назад и забила в воздухе крыльями, инстинктивно защищая глаза. Драконы возмущенно зашипели. Талина бросилась вперед, прикрыв своим телом королеву от неожиданной атаки.

— Берд! Не смей!

Брекка сделала шаг, другой, вытянула руки, пытаясь поймать разозленного фэйра. Маленькая королева закричала и уткнулась головой в юбку Талины.

На миг девушки застыли в ожидании, пристально глядя друг на друга. Затем Талина улыбнулась и протянула руку Брекке. Но тут же склонилась над малышкой — дракончик с настойчивой требовательностью тыкался ей в ноги.

Брекка повернулась, отступила. Лицо ее уже не выглядело застывшей маской горя; твердым шагом девушка направилась к выходу, где, поджидая ее, замерли две фигуры. И все это время бронзовый фэйр вился вокруг ее головы, испуская резкие, звенящие крики. Джексом улыбнулся — звуки напоминали гул кухонного колокола Руата, сигнал обеденного времени.

— Она не захотела снова получить дракона, — медленно сказала Фелессан. — Она даже не попыталась!

— Это огненная ящерица помешала ей, — возразил Джексом, удивляясь, почему он защищает Брекку.

— Плохо, очень плохо... Кто теперь рискнет? — пробормотал Лайтол.

Голос его был мертвым. Управляющий Руата словно съежился; плечи его ссутулились, руки безвольно повисли меж колен. Некоторые из ребят, прошедших Запечатление, начали уводить своих зверей с площадки. Джексом вертелся во все стороны, стараясь ничего не пропустить. Все случилось очень быстро — несколько минут, не более.

— Гляди, Джексом. — Фелессан потянул его за рукав. — Гляди! Бирто заполучил бронзового, а у Пелломара — только зеленая... Драконы не любят драчунов, а Пелломар — первый задира во всем Вейре... Счастья тебе, Бирто! — крикнул он приятелю.

— А самое маленькое яйцо даже не треснуло, — с тоской произнес Джексом. — Вылупится из него хоть кто-нибудь?

— Они говорили, что вряд ли, — напомнил Фелессан. Его самого куда больше интересовало, каких драконов запечатлили друзья.

— Но если оно не треснет, можно ли разбить его и помочь маленькому дракончику выбраться наружу? Ну... как делают с роженицей, если младенец не способен выбраться сам?

Лайтол повернулся к воспитаннику, лицо его было сердитым.

— Что может знать мальчик твоего возраста о роженицах?

— Я знаю, так было со мной, — храбро возразил Джексом. — Я чуть-чуть не умер. Лесса мне рассказывала. А этот дракончик... он погиб?

— Да. — Лайтолу было трудно вымолвить это, но он никогда

не обманывал мальчика. — Иногда они погибают. И так лучше для них — если зародыш сформировался неправильно.

Джексом бросил быстрый взгляд на свои руки и ноги — хотя он превосходно знал, что тело у него нормальное; на самом деле — более развитое и крепкое, чем у большинства ребят его возраста в холде.

— Я видел яйца, которые не трескались, — заявил Фелессан. — Зачем калеке появляться на свет?

— Но это яйцо — живое, — сказал Джексом. — Погляди, оно стало качаться!

— Да, верно! Оно двигается, — подтвердил Фелессан. — Но не треснет.

— Почему рядом с ним никого нет? — Джексом вскочил на ноги. Рядом с дрожащим, шатающимся яйцом не было ни одного человека.

Середину арены заполняли всадники, вызывавшие вниз своих зверей — для того, чтобы помочь подросткам с новорожденными или чтобы развезти гостей по их холдам. Большинство бронзовых, конечно, ушли с новой королевой. На огромной площадке Рождений суетились люди; драконы один за другим взмывали в воздух, к верхнему тоннелю. Но никто, даже разочарованные претенденты не обращали внимания на оставшееся яйцо.

— Там Ф'лар! Надо сказать ему, Лайтол! Пожалуйста!

— Он знает, — строго ответил наставник. Действительно, Ф'лар подозвал нескольких коричневых всадников и махнул рукой в сторону маленького яйца.

— Идем, Лайтол! Поможем им!

— Случается, что королева приносит одно-два маленьких яйца, — сказал Лайтол. — Это не мое дело. И не твое.

Он повернулся и пошел к лестнице — видимо, нисколько не сомневаясь, что мальчики последуют за ним.

— Но они ничего не делают, — возмущенно пробормотал Джексом.

Фелессан беспомощно пожал плечами.

— Идем! Пора есть. Сегодня будет чем полакомиться!

Джексом посмотрел на яйцо — оно раскачивалось все сильнее.

— Это несправедливо! Никого не беспокоит, что случится с тобой. Они беспокоятся о Брекке, а о тебе — нет! Давай же, малыш! Разбей скорлупу! Покажи им! Один хороший удар — и ты на воле!

Джексом боком пробирался мимо каменных сидений яруса, пока яйцо не оказалось прямо под ним. Оно продолжало раскачиваться, словно повинаясь его призыву, но вблизи, на расстоя-

нии длины дракона, не было никого. Что-то странное, судорожное было в том, как оно двигалось — словно заключенное в нем существо яростно, неистово рвалось наружу.

Забыв обо всем, Джексом оперся о каменный барьер и прыгнул на песок. Теперь он мог видеть крохотные трещины на яйце, мог различить доносившийся изнутри стук, мог наблюдать, как трещинки едва заметно увеличиваются... Он коснулся яйца, и оно показалось ему тяжелым, как камень, — таким же тяжелым, как в памятный день их эскапады.

— Я помогу тебе, помогу! — закричал Джексом и пнул скорлупу яйца.

Появилась большая трещина. Еще два сильных пинка — и она расширилась. Раздался жалобный крик — кончик носа маленького дракона пробил тугую оболочку.

— Ты хочешь жить — как хотел я! И ты нуждаешься только в небольшой помощи — как и я когда-то! — кричал Джексом, вцепившись пальцами в края щели. Толстые куски скорлупы падали на песок — толще и тяжелее, чем у других новорожденных драконов.

— Джексом, что ты там делаешь? — крикнул ему кто-то, но было уже поздно.

Он увидел толстую внутреннюю мембрану — именно с ней не сумело справиться маленькое существо. Выхватив из-за пояса нож, Джексом одним движением разрезал скользкую пленку. Из нее, словно из сумки, выпал крохотный белый комочек — весь не больше, чем тело самого мальчика. Джексом почти инстинктивно нагнулся, чтобы помочь малышу встать на ноги.

И раньше чем Ф'лар или кто-либо из всадников успел вмешаться, полные обожания глаза белого дракона усталились на юного лорда холда Руат. Запечатление свершилось.

Не сознавая, какую проблему он только что породил, Джексом с изумлением повернулся к ошеломленным зрителям.

— Он говорит, что его зовут Рут'!

Глава 15

Вечер в Бенден-Вейре — мир после Запечатления

Выйти на дневной свет из самых дальних, мрачных тоннелей холда... Вот на что это похоже, думала Брекка. И Берд показал ей дорогу. Воспоминания заставили девушку содрогнуться. Если ее разум снова соскользнет туда...

Внезапно она почувствовала крепкое объятие рук Ф'нора, ощутила прикосновение мыслей Кант'а, слышала шепет двух огненных ящериц.

Берд вывел ее с площадки к Ф'нору и Маноре. Ее поразило, какими усталыми и печальными были они. Брекка попыталась что-то сказать, но они не отвечали. Ф'нор поднял ее на руки и понес в свой вейр. Брекка улыбнулась, увидев лицо любимого. Да, теперь она могла назвать его так. Ее любимый, ее друг, радость ее сердца... Но как он изменился! Глубокие морщины сбегали от крыльев орлиного носа к уголкам рта, запавшие воспаленные глаза потемнели, волосы свалились и висели космами.

— Бедный мой, что с тобой случилось? — тихо сказала она; собственный голос, хриплый, ломкий, показался ей незнакомым.

Стон... нет, скорее рыдание вырвалось у него. Ф'нор прижал девушку к груди; сначала осторожно, потом, почувствовав тепло нежных ладоней на своем лице, обнял ее со всей силой. Брекка вскрикнула — он едва не раздавил ее. Но каким крепким было его объятие, какое счастье дарило прикосновение сильных рук!

Он зарылся лицом в ее волосы, в порыве радостного облегчения прижался губами к шее...

— Брекка, любимая... мы думали, что потеряли тебя... — повторил он снова и снова, пока торжествующий рев Кант'а не заглушил его голос.

— Что-то случилось с головой, — вздрогнув, пробормотала Брекка. — Слово разум мой попал в капкан и утратил власть над телом... О, Ф'нор, Ф'нор! — Отчаяние, которое терзало ее все эти дни, внезапно выплеснулось наружу. — Я даже ненавидела Кант'а!

Слезы текли по ее щекам, рыдания сотрясали изможденное тело. Ф'нор гладил вздрагивающие плечи девушки, целовал мокрые глаза... Брекка не могла успокоиться. Он встревоженно повернулся к Маноре.

— Пусть поплачет, Ф'нор. Ей станет легче.

Уверенность матери, плавные движения ее сильных рук успокоили Ф'нора. Как долго пыталась она справиться со странной болезнью Брекки! Не раз он замечал, что привычное невозмутимое спокойствие вот-вот готово оставить Манору. Теперь он был благодарен ей — ведь именно она настояла на попытке этого повторного Запечатления. Ф'нор возражал — хотя она не понимала, с чем связаны его сомнения. Или делала вид, что не понимает. Он знал, что небольшое может укрыться от ее взгляда.

Хрупкое тело Брекки трепетало в его руках, боль потери с новой силой терзала сердце девушки. Файры нервно носились под

сводом тоннеля, рев Кант'а перешел в жалобный свист. Пальцы Брекки судорожно мяти рубашку Ф'нора, она пыталась выговорить что-то, но слезы мешали ей.

— Она не может остановиться, Манора. Не может!

— Сейчас... Надо вывести ее из шока...

— Как?

— Старым проверенным способом. — И Манора перешла от слов к делу, несколько раз сильно шлепнув девушку по щекам. — Теперь отнеси ее в бассейн. Теплая вода расслабит мышцы.

— Не надо было бить ее, — сердито сказал Ф'нор.

Отбросив занавес, он шагнул к бассейну и осторожно опустил Брекку в воду. Девушка вздрогнула. Постепенно рыдания ее прекратились, сведенное судорогой тело расслабилось. Манора внимательно наблюдала за ней. Заметив, что Брекка пришла в себя, она насухо вытерла ее нагретыми полотенцами и жестом велела Ф'нору отнести девушку на постель, под теплые шкуры.

— Теперь ей надо поесть, Ф'нор. И тебе тоже, — строго сказала Манора, направляясь к выходу из вейра. — А кроме того, вспомни о своих обязанностях. Сегодня — день Запечатления.

Ф'нор раздраженно фыркнул и вдруг увидел, что Брекка слабо улыбается ему.

— Наверное, ты можешь немного побыть со мной, Ф'нор... Хотя бы до ночи...

— Мы останемся с тобой оба — Кант' и я, — отрезал коричневый всадник.

Он наклонился и отбросил со лба Брекки завиток волос — так, словно это было самым важным делом в мире. Девушка накрыла его руку ладонью.

— Я знала, что вы со мной... все время знала... даже когда хотела умереть. — Внезапно ее глаза сердито блеснули. — Но как вы могли снова отвести меня на площадку? К другой королеве?

Кант' выразил свое несогласие трубным ревом. Прикрывавший дверной проем занавес был приподнят, и она могла видеть дракона, свернувшегося на каменном ложе. Он повернул голову к девушке, его глаза мерцали в полумраке. Брекка заметила нездоровый зеленоватый оттенок его шкуры.

— Мы не хотели. Ф'лар настоял на этом. И Лесса. Они надеялись, что это поможет...

Собрав все силы, она попыталась забыть этот бесконечный путь по тоннелю — вверх, вверх, до самого конца... и там... Горе утраты снова навалилось на нее, боль сжала сердце...

«Нет, нет!» — беззвучно закричал Кант'.

Теплые тела файров прижались к ее лицу и шее; Брекка ощу-

шала их тревогу и страх так остро, словно мысли крохотных существ касались ее обнаженного мозга.

— Брекка! — Отчаяние и ужас в голосе Ф'нора были сильнее ментального зова дракона; мрак беспамятства отступил, словно в мозгу девушки захлопнулась дверь, что вела в ледяную тьму Промежутка.

— Никогда не оставляйте меня! Не оставляйте одну! Я снова попаду туда... туда... — крик Брекки перешел в рыдания.

«Я здесь, с тобой», — сказал Кант', и руки Ф'нора обняли ее. Неясные, не оформленные словами мысли ящериц — словно эхо ментального сигнала дракона... Брекка чувствовала, как нарастает их тревога, как крепнет решимость — помочь, защитить, спасти... Она цеплялась за эту мысленную связь — свою единственную надежду, единственное оружие в борьбе с болью и ужасом.

— Гралл и Берд беспокоятся, — сказала она.

— Еще бы! — сердито ответил Ф'нор, словно девушка сомневалась в чувствах файров.

— Нет, я не об этом... Мне кажется, они говорят, что встревожены.

Ф'нор посмотрел ей в глаза, голос его стал мягче:

— Говорят? Да, они быстро учатся... потому что любят нас.

— О, Ф'нор, что бы случилось со мной, если бы я не нашла Берда... в тот день, на пляже... Помнишь?

Всадник не отвечал. Положив ладони на хрупкие плечи Брекки, он с любовью смотрел на нее, пока в спальню не вошла Миррим. Зеленые файры кружились над головой девочки; она тащила заставленный тарелками поднос.

— Манора велела мне накормить Брекку, — строго заявила Миррим. Судя по содержимому подноса, она отнеслась к приказу хозяйки нижних пещер со всей серьезностью. — Ты должна съесть этот бульон, весь до капли, и выпить кружку сока с успокоительным настоем. Хорошо выпишься — и будешь чувствовать себя лучше.

С легким изумлением Брекка наблюдала, как девочка, повелительно указав Ф'нору на стол, опустила на каменную поверхность поднос с едой. Затем она ловко взбила подушку за спиной своей пациентки, повязала вокруг шеи салфетку и поднесла к ее губам ложку с бульоном.

— Может быть, ты перестанешь разглядывать меня, Ф'нор Бенденский, и примешься за еду? — Судя по тону, Миррим твердо собиралась настоять на своем. — Там, на столе, хороший кусок мяса, так что не трать времени зря.

Ф'нор послушно поднялся, улыбаясь. Ну, точно как Манора... или Брекка. Кажется, у них появилась достойная наследница.

Бульон был вкусным, и Брекка с удивлением поняла, что глотна. Глотая мясной отвар, ложку за ложкой, она чувствовала, как согревается желудок, перестает кружиться голова. Потом она покорно выпила кружку сока — густого, сладкого, с терпким привкусом сонного зелья.

— Как ты думаешь, Ф'нор Бенденский, не мог бы ты покормить беднягу Кант'а? — спросила Миррим, помогая Брекке опуститься на подушку. — Вид у него неважный.

— Он ел... — в замешательстве начал Ф'нор.

— Ха! — теперь она явно подражала Лессе.

«Я должна наконец взяться за этого ребенка как следует», — через силу подумала Брекка, но тело наливалось необоримой вялостью, и она не могла пошевелить даже пальцем.

— Подымай эту ленивую кучу костей и веди на площадку кормления, — продолжала распоряжаться Миррим. — Поторопись, Ф'нор. Скоро начнется праздник, а ты знаешь, что один взгляд на обедающего дракона может отбить у холдеров аппетит. Идите, идите. Кант', вылезай из вейра.

Вслед за девочкой Ф'нор вышел из спальни. Последнее, что видела Брекка, — изумленный взгляд Кант'а, которого Миррим тянула за ухо.

«Они ушли... покинули меня... — с внезапным ужасом подумала Брекка. — Оставили одну...»

«Я здесь, с тобой», — напомнил Кант'.

И два фэйра с обеих сторон нежно прильнули к ее щекам.

«Я тоже с тобой», — сказала Рамот'а. «И я», — добавил Мнемент'. И, перекрывая их беззвучные голоса, раздались другие — мягкие, успокаивающие.

— Ну, — довольно сообщила Миррим, возвращаясь в спальню, — теперь они поедят и скоро придут обратно.

Она обошла комнату, гася светильники на стенах.

— Ф'нор сказал, что ты не хочешь оставаться одна, так что я побуду здесь, пока он не вернется.

«Я не одна», — хотела сказать девочке Брекка. Но веки ее уже смыкались, и через мгновение она провалилась в глубокий сон.

* * *

Лесса обвела взглядом чашу Вейра, поставленные кругом столы, за которыми пировали припозднившиеся гости. Грусть лежала у нее на сердце — грусть, для которой, казалось, не было при-

чин. Холдеры и мастера, родители новых всадников, сами подростки, то и дело бегавшие приласкать своих дракончиков, да и постоянные обитатели Вейра выглядели довольными; ни злобы, ни горя не звучало в их смехе и речах. Тем не менее печаль томила Лессу — и сознание, что она не может избавиться от нее.

Брекка пришла в себя; конечно, она сильно ослабела, но опасности потерять ее больше не было. Ф'нор рискнул покинуть девушку, чтобы оказать уважение гостям и выпить с ними чашу вина. Силы Ф'лара восстановились, и, кажется, он понял, что кое-какие из его новых обязанностей лучше передать помощникам. И даже Лайтол, донельзя расстроенный тем, что Джексом запечатлил этого маленького белого дракона — кстати, как могло это случиться? — даже Лайтол ухитрился напиться благодаря заботливой опеке Робинтона, который наливал ему чашу за чашей.

Сейчас эти двое горланили песню — самую непристойную из всех известных арфисту. Управляющий Руата безбожно перевирает мелодию — но, к удивлению Лессы, у него оказался довольно приятный тенор. Она подумала, что ему больше подошел бы бас — уж очень угрюмый он человек.

Поигрывая кусочком хлеба на тарелке, Лесса осмотрела стол. На этот раз женщины Маноры превзошли себя: птица, фаршированная пряными овощами и фруктами! В результате острый привкус дичи смягчился. Сваренная на пару каша из речных злаков оказалась восхитительной — можно было разглядеть каждое нежное зернышко. Свежие травы, должно быть, привезли из Южного. Лесса отметила в памяти, что нужно потолковать с Манорой, им ни к чему неприятности с Т'кулом... Может быть, травы собрал Н'тон, когда отправился в свою экспедицию за личинками? Ей всегда нравился молодой всадник. Теперь она узнала его лучше.

Интересно, чем они с Ф'ларом заняты? Они встали из-за стола и отправились в те комнаты... И все эти дни они там пропадали, подумала она с раздражением. Наверно, дрессируют своих личинок... Может быть, ей тоже тихонько ускользнуть? Нет, придется сидеть здесь. Невежливо, если они оба покинут гостей. К тому же люди скоро разъедутся.

Что им делать с юным Джексом? Она осмотрелась вокруг и сразу же нашла мальчика — по белой шкуре его дракона. Он был в группе подростков, купавших своих питомцев в озере. Да, дракончик просто очаровательный... Но что с ним будет дальше? И почему именно Джексом? Она порадовалась, что Лайтол напился в эту ночь, но завтра бывшему всаднику понадобится все

его терпение. Может быть, стоит поддержать эту пару здесь, пока зверь не умрет... По общему мнению, Рут' не достигнет зрелости.

На другом конце длинного стола для почетных гостей сидели Ларад, лорд Телгара, Сайфер из Битры, Райд из Бенден-холда и Асгенар Лемосский с леди Фамирой (она все время краснела — видимо, лорды не скупились на соленые шутки). Молодые из Лемоса принесли с собой файров — коричневого и зеленую. Ларад, у теплого очага которого созревала пара яиц, рассматривал ящерицу с нескрываемым интересом; старики Райд и Сайфер, также получившие яйца из последней найденной Ф'нором кладки, косились на них исподтишка. Не то чтобы старики сомневались в благоприятном исходе эксперимента с огненными ящерицами, но осторожность никогда не повредит... Сайфер наконец соизволил спросить, как ухаживать за ними.

Лорды жаждут новых земель... Может быть, в случившемся с Джексом виноваты их невысказанные мысли? Но, во имя Первого Яйца, не собираются же они нарушать чужие границы только потому, что Джексом запечатлил этого славного малыша? Который к тому же не имеет шансов выжить при самой слабой атаке Нитей... Кстати, как же называть Джексом-всадника? Д'сом, Д'есом? Большинство женщин в Вейрах выбирали для своих сыновей имена покороче... Лесса недоуменно подняла брови. О чем она думает? Выбор имени — крошечный нюанс возникшей огромной проблемы. Нет, Джексом должен оставаться в Руате. Он — наследник властителей Руата; она, Лесса, признала за ним это право, потому что он был сыном Геммы и, значит, частичка руатанской крови все же течет в его жилах. А главное — она в долгу перед умершей леди Геммой. И пока Джексом, ее сын, властвует над Руатом, она сумеет пресечь любые домогательства других благородных родов... Жаль, что у Лайтола нет сына... Нет, Джексом должен оставаться лордом Руата. Маленький дракон не выживет. Он слишком крохотный, и его цвет — кто слышал о белых драконах? — указывает на другие отклонения от нормы. Манора как-то упоминала про дитя из Нерата: белокожий ребенок, с розовыми глазами, он не выносил солнечного света. Дракон, летающий только по ночам? Такое трудно представить...

Очевидно, Рут' никогда не достигнет нормальных размеров. Сейчас он скорее был похож на большую огненную ящерицу. Где-то в высоте возмущенно затрубила Рамот'а, прервав размышления своей всадницы. Лесса смиренно попросила прощения.

— Ты ни в чем не виновата, дорогая моя, — сказала она разгневанной подруге. — Ты принесла больше золотых яиц, чем лю-

бые три королевы, вместе взятые. И самые маленькие драконы из твоих выводков превосходят крупнейших из них.

«Рут' выживет. И многое совершит», — отрезала Рамот'а.

Мнемент' испустил переливчатую трель, и Лесса подняла голову. Оба дракона сидели рядом на скалистом уступе, их глаза таинственно мерцали в полутьме.

Знают ли они что-то не известное ей? Иногда Лесса была готова поверить в это... Но откуда? Каким образом? Ни будущее, ни прошлое не заботили их; они жили лишь сегодняшним днем. Удобный способ существования, подумала Лесса с легкой завистью. Она опустила взгляд на белое пятнышко, неясный, размытый силуэт на озерном берегу. Рут'... Джексом... Ну почему, почему это случилось? Мало напастей на ее голову?

— Почему я должен возражать? Ну почему? — неожиданно воскликнул Лайтол — громко, воинственно.

— Вот и я говорю — почему? — Арфист воззрился на него с преувеличенным недоумением.

— Я люблю мальчишку! Люблю больше, чем если б он был плотью и кровью моей — моей, Лайтола из Руата! Я хорошо заботился о нем все эти годы. Руат — богатый холд. Богаче, чем во времена руатанских лордов. Но не мне это нужно! Моя жизнь прошла. Я все испытал. Был всадником... О, Ларт', мой прекрасный Ларт'!.. Был ткачом... разбираюсь в цеховых делах... Теперь знаю и холды... все знаю! Знаю, как позаботиться об этом белом недомерке... Ну, почему бы мальчишке не держать дракона? Во имя Первого Яйца, никто не захотел взять его! Он — особенный, говорю тебе. Особенный!

— Минутку, господин мой Лайтол! — Лорд Райд поднялся на ноги, прошествовал вдоль длинного стола и встал напротив управляющего Руата. — Минутку! Мальчик запечатлил дракона. Значит, он должен остаться в Вейре.

— Рут' — не обычный дракон. Выродок! — заявил Лайтол. Он говорил и держался так, словно с начала пира опрокинул не больше одной кружки.

— Выродок? — Лорд Райд, казалось, был потрясен таким святотатством.

— Никогда еще не появлялся белый дракон, — покровительственно объяснил Лайтол, воздвигаясь над столом. Он был ненамного выше бенденского лорда, но выглядел гораздо внушительнее. — Никогда!

Похоже, бывший всадник намеревался провозгласить тост по этому поводу, но обнаружил, что его чаша пуста. Хотя держаться на ногах ему было трудновато, Лайтол уверенно дотянулся до

ближайшей фляги и плеснул себе вина. Робинтон, видимо, решил не отставать от приятеля, но кувшин в его руках ходил ходуном.

— Никгда б-б-белый дркон... — повторил арфист, чокаясь с Лайтолом.

— ...не сможет выжить, — продолжил тот, сделав основательный глоток.

— Не сможет!

— А потому, — Лайтол набрал полную грудь воздуха, — мальчишка должен остаться в своем холде. В Руате.

— Пра... пра... првил... но! — Робинтон грохнул кружкой и с вызовом посмотрел на бенденского лорда.

Райд одарил его непроницаемым взглядом.

— Мальчик должен остаться в Вейре, — процедил он наконец, хотя и не слишком уверенно.

— Нет, он должен вернуться в Руат! — Лайтол уцепился за край столешницы; в этой позиции он чувствовал себя заметно уверенней. — Когда белый дракон умрет, мальчишка должен быть там, где пройдет потом вся его жизнь... там, где он имеет обязанности и права... В своем холде! Я знаю, что говорю!

На это Райд не мог ничего возразить, но на лице его читалось явное неодобрение. Лесса задержала дыхание и осторожно попробовала направить мысли старого лорда в нужную сторону. Но Райд был крепким орешком.

— Я знаю, как поддержать мальчика, — продолжал Лайтол, медленно опускаясь в кресло. — Знаю, как помочь ему. И я знаю, что такое потерять дракона. В этот раз есть только одно отличие — мы понимаем, что дни Рут'а сочтены.

— Дни сочтены, — эхом откликнулся арфист и неожиданно уронил голову на стол.

Лайтол с удивлением воззрился на собутыльника, и когда тот стал нежно похрапывать, потрепал его по спине:

— Эй, не спи! Мы еще не прикончили этот кувшин!

Не дождавшись ответа, Лайтол пожал плечами и осушил свою чашу. Затем он стал медленно клониться вперед, пока его голова не опустилась на стол рядом с головой арфиста, а их храп не слился в согласном дуэте.

Райд с отвращением осмотрел погруженных в беспробудный сон собутыльников и, резко развернувшись на каблуках, направился к своему концу стола.

— А я-то всегда считал, что истина — в вине, — заметил Ларад Телгарский, когда Райд уселся на свое место.

Лесса быстро переключилась на телгарского лорда, но тот ока-

зался почти таким же нечувствительным, как Райд. Оставался Сайфер. Если бы она сумела привести к согласию хотя бы двоих...

— Дракон и его всадник принадлежат Вейру, — сказал Райд. — Нельзя изменить то, что естественно для природы и человека, и зверя.

— Ну ладно, тогда давай возьмем огненных ящериц. — Сайфер кивнул в сторону молодой четы из Лемос-холда. — Они ведь тоже из породы драконов.

Райд фыркнул:

— Сегодня мы видели, что происходит, когда человек попирает законы естества. Эта девушка — как там ее зовут? Которая потеряла королеву. Вы помните? Даже ящерица предостерегала ее от новой попытки Запечатления. Животные понимают много больше, чем мы полагаем. Поглядите, сколько лет люди старались изловить этих файров...

— И наконец-таки поймали, — перебил Сайфер. — Прелестные создания! Должен сказать, я с нетерпением жду, когда же...

Чем-то их спор напомнил Лессе Р'гула и С'лела, старых всадников, ее первых «наставников» в Бендене, готовых сцепиться по любому поводу, пока они пытались обучить ее «всему, что положено знать госпоже Вейра». Но только Ф'лара считала она своим настоящим учителем.

— Мальчик должен остаться тут, вместе с драконом.

— Мальчик — главный претендент на Руат, — напомнил Райду Ларад Телгарский. — И нам совершенно не нужны распри из-за наследования холда. Другое дело, если бы у Лайтола было мужское потомство... или он сумел найти и воспитать еще одного подходящего кандидата. Нет, Джексому нужно жить в Руате. Это его холд.

И лорд Телгара огляделся вокруг в поисках мальчика. Глаза его встретились с глазами Лессы, и он учтиво улыбнулся.

— Я не согласен, не согласен, — заявил Райд, упрямо качая головой. — Это против обычаев!

— Некоторые обычаи давно пора менять, — нахмурился Ларад.

— Я полагаю, стоило бы спросить мальчика. Чего хочет он? — как всегда мягко вмешался Асгенар, поймав взгляд Ларада.

Телгарский лорд откинул голову назад и весело расхохотался.

— К чему усложнять дело, брат? Его судьбу решаем мы, только мы.

— И тем не менее мальчика надо спросить, — сказал Асгенар, и голос его стал твердым. Глаза владетеля Лемоса скользнули от Ларада к двум пожилым лордам. — Я видел его лицо, когда он по-

кидал площадку Рождений. Он понял, что натворил. Он был белым, как этот маленький дракон.

Райд раздраженно проскрипел:

— С каких это пор стали спрашивать сосунков? Ты говоришь им, что надо делать, — и они делают!

Асгенар повернулся и, ласково коснувшись плеча Фамиры, попросил привести юного Джексома. Голос молодого лорда, полный нежности, не оставлял сомнений в чувствах, которые он испытывал к жене. Придерживая рукой дремлющего зеленого файра, Фамира встала и направилась к озеру.

— Недавно я сделал одно открытие, — сказал Асгенар, с задумчивой улыбкой провожая взглядом свою подругу. — Можно узнать много полезного, расспрашивая людей.

— Да, людей, но не мальчишек!

Кажется, Райд начинает злиться. Лесса опять переключилась на него; когда человек взволнован, внушение надежней достигает цели.

— Зачем ему вообще понадобилось возиться с этим яйцом? — Бенденский лорд раздражался все сильнее — по мере того как Фамира, Джексом и ковылявший рядом Рут' подходили все ближе.

— Я бы сказал, он правильно выбрал линию поведения, — отметил Асгенар, наблюдая за этой троицей. — Было бы легче и быстрее притащить звереныша на руках... Да, легче, но не мудрее. Дракон, даже такой маленький, не должен терять достоинства.

Райд хмыкнул; Лесса не поняла, являлось ли это возражением или знаком согласия. Лорд начал нервничать, потирать ладонью затылок, и она перестала «подталкивать» его.

Шелест крыльев дракона, чиркнувших по земле, привлек ее внимание. Она повернулась; на фоне темного прохода — нового прохода, который вел в те комнаты, — сверкнул бронзовый блик.

«Лиот' принес мастера-фермера», — сообщила Рамот'а. Лесса не могла представить, зачем в столь поздний час потребовался Андемон и почему Н'тон сам привез его. В главной мастерской цеха фермеров теперь был собственный дракон. Она привстала.

— Понимаешь ли ты, молодой человек, сколько хлопот нас теперь ожидает?

Бенденский лорд приступил к допросу Джексома, и голос его звучал сурово.

Любопытство разрывало Лессу напополам. Она не беспокоилась за Джексома; Ларад и Асгенар сумеют защитить его. Но ей хотелось знать, что мальчик ответит Райду.

Джексом стоял прямо, голова поднята вверх, глаза блестят. Рут' жался к его ногам, словно понимая, что их вызвали на суд.

— Да, мой добрый лорд Райд, я полностью сознаю последствия своих действий и серьезные трудности, которые могут возникнуть перед другими лордами. — Без следа раскаяния, без намека на извинения Джексом напомнил Райду, что, невзирая на юные годы, он тоже лорд.

Старый Райд выпрямился в кресле, передернув плечами, словно...

Лесса вскочила с места.

— Не надо...

Тихий шепот... Такой тихий, что сначала Лесса решила, будто ослышалась. Потом она заметила, что на нее смотрит арфист; его глаза были холодными и совершенно трезвыми. Притворщик! И, несомненно, весь этот спектакль продуман от начала до конца!

— Полностью сознаешь, не так ли? — эхом отозвался Райд и вдруг вскочил из кресла. Обороты убавили бенденскому владелью роста, плечи его слегка ссутулились, живот отвис, а ноги, туго обтянутые кожаными штанами, стали тонкими и жилистыми. Рядом со стройным, гордым мальчиком он выглядел пародией на человека. — Ты знаешь, что должен теперь остаться в Вейре, раз запечатлил дракона? Да понимаешь ли ты, что Руат остался без правителя?

— Со всем уважением к тебе, мой господин, и к остальным лордам хочу сказать, что вы все-таки не Конклав, — произнес Джексом. — Когда соберутся две трети владельцев холдов, я готов держать перед ними ответ. Ведь очевидно, что Рут' — необычный дракон, вряд ли он сможет вырасти... Значит, он бесполезен и не нужен Вейру. Ведь даже старых драконов, которые уже не могут выдыхать пламя, отправляют в Южный... то есть отправляли раньше... — Оговорка смутила мальчика, но он воспрянул духом от поощрительной усмешки Асгенара. — Проще считать Рут'а большой огненной ящерицей, чем драконом-недомерком.

Джексом нежно улыбнулся своему питомцу и погладил голову прижавшегося к его коленям дракончика. Это движение — жест взрослого, жест покровительства и защиты — растрогало Лессу почти до слез.

— Я помню о своих обязательствах перед родом, перед холдом, который взрастил меня. Что делать нам с Рут'ом в Бенден-Вейре? А Руату мы могли бы помочь — не меньше, чем другие огненные ящерицы.

— Хорошо сказано, молодой лорд Руатанский, хорошо сказано! — воскликнул Асгенар, и фэйр на его плече одобрительно чиркнул.

Ларад Телгарский торжественно кивнул в знак согласия.

— Хм-м... Не слишком почтительный ответ, я бы сказал, — нахмурился Райд. — Все вы, сопляки, сначала делаете, а потом думаете.

— Конечно, я виноват, лорд Райд, — чистосердечие Джексома было подкупающим, — но сегодня мне пришлось действовать быстро, чтобы спасти жизнь дракона. Мы привыкли уважать их род, и я — больше, чем остальные... — Мальчик кивнул на Лайтола; глубокая печаль отразилась на его лице.

Внезапно управляющий Руата пошевелился. То ли голос Джексома разбудил его, то ли затекла шея, но Лайтол больше не спал. Он встал, опираясь на стол, потом оттолкнулся — казалось, поддержка ему не нужна. Медленными шагами, контролируя каждое движение, бывший всадник направился вдоль длинного стола к своему воспитаннику. Он положил руку на плечи Джексома и, словно набравшись сил от этого прикосновения, резко выпрямился и повернулся к Райду Бенденскому. Лицо его стало гордым, речь — надменной; пожалуй, даже манеры Грожа, владельца Форта, не были столь вызывающими.

— Лорд Джексом из холда Руат не повинен в сегодняшних событиях. Я, его опекун, несу всю ответственность — если можно считать проступком спасение жизни дракона. И если я воспитал в нем почтение к защитникам Перна, то для этого были серьезные причины!

Под прямым, суровым взглядом Лайтола лорд Райд смутился.

— Если, — он подчеркнул это слово, как будто речь шла о весьма маловероятном деле, — лорды попытаются что-то предпринять на Конклаве, я буду настаивать — сильно настаивать, — что лишь на мне лежит вина за поведение лорда Джексома. Он действовал, сообразуясь с честью и полученным им воспитанием. И он лучше послужит Перну, возвратившись в свой холд. А юный Рут' станет гордостью Руата — до тех пор, пока не покинет нас.

Не стоило сомневаться, что Ларад и Асгенар на стороне Лайтола. Даже старый Сайфер, поджав губы, отвернулся от Райда.

— Я только сказал, что дракону положено жить в Вейре, — пробормотал Райд обиженно и мрачно.

Кажется, проблема решена, подумала Лесса, поворачиваясь спиной к упрямцу. Она шагнула в сумрачную тень скалистой стены и очутилась прямо в руках Ф'нора. Всадник поддержал ее.

— Вейр там, где живет дракон, — прожурчал его тихий голос.

Ф'нор откровенно забавлялся. Напряжение последней недели еще не спало, но его глаза уже были ясными, губы улыбались. Выздоровление Брекки явно пошло ему на пользу.

— Она уснула, — негромко произнес коричневый всадник. — Я же говорил тебе, что с Запечатлением ничего не выйдет.

Лесса отмахнулась от него.

— По крайней мере, она пришла в себя.

— Да, — и в этом коротком слове прозвучало такое облегчение, что у Лессы подступил комок к горлу.

— Пойдем со мной. — Она положила руку на плечо Ф'нора. — Хочу разузнать, зачем к нам прибыл мастер Андемон. Пир закончен, пора приступать к работе.

Ф'нор тихо рассмеялся.

— Я готов, если для меня еще осталась какая-нибудь работа. Кто притащил Ф'лару Нить? — судя по голосу, Ф'нора разбирало любопытство.

— Н'тон!

— Вот как! А я-то думал, он прозябает в помощниках П'зара в Форт-Вейре!

— Ну, ты же знаешь, стоит Ф'лару на пару дней избавиться от твоей опеки, как он тут же начинает все менять. — Она уловила полуиспуг-полуудивление Ф'нора и успокоила его улыбкой. — Никто не займет твоего места рядом с Ф'ларом... и со мной. Сейчас в твоей помощи больше нуждалась Брекка. — Лесса сжала его руку; коричневый всадник, видимо, был взволнован — он даже забыл отпустить очередную ехидную шпильку. — Но, дорогой мой, события идут своим чередом, и тебе пора пускаться вдогонку. А Н'тон... понимаешь, Ф'лар вдруг понял, что он смертный, и решил посвятить Н'тона в наши дела. Рано или поздно, теперь или через сотни Оборотов, мы укротим Нити.

Она подобрала юбку, которая мела песок, и ускорила шаги. Вдруг за их спинами раздался негромкий голос арфиста:

— Могу ли я составить вам компанию?

— Ты? Считаешь себя достаточно трезвым, чтобы отправиться так далеко?

Робинтон захихикал, приглаживая клок волос на затылке.

— Лайтолу в жизни меня не перепить, госпожа моя. Только у одного человека, у нашего... хм-м... кузнеца достанет сил. И то — за счет преимущества в весе.

Не оставалось сомнений, что арфист крепко держится на ногах, и они втроем направились к освещенному пылающими факелами входу. Звезды мягко сияли на темном весеннем небе, отблески от ровного пламени факелов лежали на песке. Сверху, с карнизов, выступавших из обрывистых стен котловины, за ними следили опалесцирующие глаза драконов; время от времени оттуда долетал довольный свист. Еще выше, у Звездной Скалы,

Лесса увидела силуэты трех зверей; Рамот'а и Мнемент' сидели справа от дежурного дракона, их крылья переплелись. В этот вечер они оба были довольны, и Лесса слышала, как переливчатые трели Рамот'ы мешались с басистым воркованием Мнемент'а. Она облегченно вздохнула; наконец-то к королеве вернулось доброе расположение духа. Оставалось надеяться, что Рамот'а не скоро поднимется в брачный полет.

Когда они вошли в комнату, худошавая фигура мастера-фермера склонилась над самым большим контейнером — Андемон внимательно изучал листья молодого лунного дерева. Ф'лар с волнением смотрел на него, Н'тон, явно не способный проникнуться торжественностью момента, скалил зубы в усмешке.

Заметив Ф'нора, Ф'лар широко улыбнулся и шагнул навстречу, протягивая руку.

— Манора сказала, что Брекка наконец очнулась. Я был бы еще счастливей, если бы она запечатлила королеву...

— Вряд ли стоило на это рассчитывать. — В голосе коричневого всадника явно прозвучал упрек, и улыбка сползла с лица Ф'лара.

Но он быстро пришел в себя и потащил брата к зеленеющим саженцам.

— Погляди, мы заразили почву в этих трех контейнерах — когда Н'тон раздобыл Нить. — Ф'лар понизил голос, не желая мешать исследованиям Андемона. — Личинки уничтожили ее... каждый клочок. И ожоги на листьях от ударов Нити уже заживают. Я надеюсь, мастер Андемон сумеет объяснить нам, как это происходит.

Андемон выпрямился, но его нижняя челюсть, тяжелая и угловатая, как наковальня, продолжала покоиться на груди; склонив голову, он утрумо рассматривал содержимое большого лотка. Его пальцы с толстыми суставами нервно теребили ворот перемазанной землей рубахи — видимо, посыльный из Вейра привез его прямо с поля. Наконец мастер заморгал и, сморщившись, потер ладонью глаза.

— Я ничего не могу объяснить, мой добрый господин. Я не знаю. И если все, что ты рассказал мне, — правда, то... — он сделал паузу, потом поднял взгляд на Ф'лара, — то я... Я испытываю страх.

— Почему же? — спросил Ф'лар с удивленной улыбкой. — Разве ты не понимаешь, что это значит? Если личинки смогут привыкнуть к нашим северным почвам и климату и если они будут делать то, что мы — все мы, — плавным жестом он обвел со-

бравшихся — арфиста, своего брата, Н'тона и Лессу, — наблюдали здесь и на юге, то Перну не надо больше страшиться Нитей.

Мастер расправил плечи и набрал в грудь воздуха — то ли собираясь возразить против столь необычного вывода, то ли подержать его. Он бросил отчаянный взгляд на арфиста, словно свидетельство этого человека было главным.

— Ты видел сам, как личинки справились с Нитью?

Арфист кивнул.

— И это было пять дней назад?

Арфист подтвердил снова.

Ткань просторной рубашки Андемона заколыхалась — мастера била дрожь. Он нерешительно, с ужасом посмотрел вниз на контейнер. Потом внезапно шагнул вперед, снова склонившись над саженцами лунного дерева. Сделав глубокий вздох, мастер протянул узловатую руку, на мгновение задержал ее над краем контейнера и, закрыв глаза, погрузил в почву.

Когда он поднял руку, на его ладони лежала горсть влажной земли. Андемон открыл глаза и поднес сероватый комок к пламени светильника, рассматривая кишевших в нем личинок. Зрочки его расширились, и с возгласом отвращения он отшвырнул от себя липкий ком, словно тот жег ему пальцы. Раздался мокрый шлепок; сырая почва расплылась в блин на каменном полу, личинки рассыпались.

— Что случилось, мастер? Там уже не осталось и следа Нити!

— Это вредители! — с сердитым разочарованием воскликнул Андемон. — В южных районах континента мы столетиями пытаемся избавиться от них! — Он брезгливо наблюдал, как Ф'лар, осторожно подобрав личинок с пола, бросил их в ближайший контейнер. — Они губят посадки. И уничтожить их не легче, чем песчаных червей Айгена. Стоит им попасть в поля, и все растения завянут, сбросят листву и погибнут.

— Но тут нет ни одного больного растения, — возразил Ф'лар, показывая на зеленеющую в лотках поросль.

Андемон уставился на него. Ф'лар двинулся вдоль ряда контейнеров, запуская руку в каждый и демонстрируя мастеру земледельцев комки почвы. Личинки были везде.

— Это невозможно... — прошептал Андемон; глаза его расширились, на лице снова мелькнул страх.

— Вспомни, Ф'лар, — сказала Лесса, — когда мы только привезли личинки и поместили в контейнер, растения начали вянуть.

— Да. Но потом они оправились. Им нужно было больше воды.

— Нет, не может быть! — Андемон, преодолев отвращение,

которое внушали ему эти белесые червячки, запустил пальцы в ближайший контейнер, словно хотел доказать себе, что Ф'лар ошибается. — Ага, — закричал он с торжеством, — тут нет личинок!

— Здесь их и не было. Я использовал этот лоток в качестве контрольного. И должен заметить, растения в нем не выглядят такими зелеными и цветущими, как в других.

Андемон затравленно огляделся.

— Эти личинки — бич наших полей! Мы пытаемся избавиться от них сотни Оборотов!

— Тогда я подозреваю, мой добрый мастер Андемон, — с вежливой и печальной улыбкой произнес Ф'лар, — что твои фермеры оказывают Перну плохую услугу.

Мастер-фермер разразился негодующими возгласами; потребовался весь дипломатический такт Робинтона, чтобы его успокоить.

— Итак, ты хочешь убедить меня, что эти червячки, эти личинки были выведены и расселены на Южном континенте с определенной целью? — Андемон требовательно уставился на арфиста, ожидая ответа; казалось, в этой комнате он доверял только Робинтону. — И что их вывели наши предки — так же, как они вывели драконов?

— Да, мы верим в это, — ответил Робинтон. — О, я могу понять твои сомнения! Я сам не спал несколько ночей подряд, когда все узнал. Однако, если справиться в Архивах, мы не найдем там указаний, что всадники должны отправиться на Алую Звезду и очистить ее от Нитей. Но в Записях говорится, что в один день Нити уже не будут представлять такой опасности, как теперь. И это повторяется не раз. Ф'лар предполагает...

— Уже не предполагаю, Робинтон, я твердо уверен, — вмешался предводитель Бендена. — Н'тон отправился на юг, на семь Оборотов назад, чтобы изучить, как проходили атаки Нитей. Везде, где он побывал, почва кишела личинками; они поднимались на поверхность, как только падали Нити, и уничтожали их. Вот почему на Южном материке никогда не было нор. Земля Южного сама пожирает Нити.

Андемон в мрачном молчании уставился на носки своих перепачканных в земле башмаков.

— В Архивах нашего цеха специально упоминается, что мы должны наблюдать за этими личинками. — Он поднял голову; его глаза были полны затаенной боли. — И мы наблюдали. Наша задача казалась совершенно очевидной. Всюду, где появлялись личинки, растения увядали. — Мастер беспомощно пожал плеча-

ми. — И мы вырывали их с корнем, жгли, жгли и поливали кислотой. — Он судорожно вздохнул. — Только так можно было остановить заражение почвы... «Наблюдайте за личинками», сказано в Записях, — повторил Андемон, и вдруг плечи его затряслись, потом заходила ходуном грудь, руки...

Лесса поймала обеспокоенный взгляд Ф'лара. Но мастер-фермер хохотал — с горькой, отчаянной иронией смеялся над самим собой.

— Наблюдайте за личинками, сказано в Записях! Они не... не говорят — уничтожайте их! Сказано — наблюдайте... И мы наблюдали! О, как тщательно мы наблюдали за ними!

Арфист протянул Андемону фляжку с вином.

— Благодарю, арфист. Очень кстати, — сказал мастер, сделав добрый глоток и вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Итак, кто-то забыл упомянуть, для чего вам надо наблюдать за личинками, Андемон. — Ф'лар с состраданием глядел на расстроенного мастера. — Возможно, что эти наблюдения некогда были такой очевидной для всех вещью, что не нуждались в дополнительных комментариях. Затем холды стали расти, люди отправились на новые земли, Записи были потеряны или уничтожены, а специалисты умерли, не успев передать знаний потомкам. — Он посмотрел на выстроившиеся вдоль стены контейнеры. — Может быть, они работали с личинками прямо здесь, в Бендене. Может быть, это как-то связано с чертежом на стене... Мы позабыли столь многое...

— Мы больше ничего не потеряем, если арфисты возьмутся за дело, — сказал Робинтон. — И если для любого человека из холда, из мастерской, из Вейра будет доступен каждый клочок кожи с Записями... — Он поднял руку, предупреждая возражения Андемона. — Нет, мы найдем кое-что получше кожи! Бендарек научился делать надежные, прочные листы из древесной смеси... на них прекрасно ложатся чернила, и они не боятся ничего, кроме воды и огня. Теперь мы можем накапливать знания и быстро распространять их.

Растерянный взгляд выдал замешательство Андемона.

— Но... но, мастер Робинтон... цеха обладают и такими знаниями, которым лучше оставаться тайными... или же...

— Или мы потеряем наш мир, отдав его Нитям, не так ли, Андемон? Подумай сам, мастер, если бы правда об этих личинках не считалась секретом, Перн уже много Оборотов был бы свободен от страха перед Нитями.

Вдруг Андемон набрал в грудь воздух и нерешительно уставил ся на Ф'лара:

— А всадники... всадники станут не нужны?

— Ну, если люди смогут сами защитить холды в период Прохождения, а личинки уничтожат все падающие на землю Нити, то всадники будут не нужны, — ответил Ф'лар с полным спокойствием.

— Н-но всадники вс... всегда сражались с Нитями, — запинаясь, смущенно произнес Андемон.

— Мы и будем сражаться, уверяю тебя, — еще некоторое время. Опасность немедленной отставки нам не грозит. К тому же еще многое нужно сделать... К примеру, сколько потребуется времени, чтобы рассеять личинки по всему континенту?

Андемон открыл рот и, несмотря на все старания, не смог его закрыть. Робинтон показал ему на флягу, запрокинул голову и со знанием дела изобразил, как в глотку ему льется вино. Ошеломленный мастер-фермер кивнул и отхлебнул глоток.

— Я не знаю... не знаю в точности... — в отчаянии он стукнул себя кулаком по лбу. — О, сколько Оборотов мы следили за этими крошечными червячками... истребляли их, сжигали целые поля... Весной мы разыскивали зараженные участки и...

Внезапно он опустил на скамью, мотая головой из стороны в сторону.

— Возьми себя в руки, мастер, — сказал Ф'лар, но его замечание, кажется, погрузило Андемона в еще большее горе.

— Но... но что же будут делать всадники?

— Уничтожать Нити, говорю тебе. Пока не искоренят их полностью.

Если б голос Ф'лара звучал менее уверенно, Ф'нор удивился бы его спокойствию. Но, очевидно, у его брата был какой-то план. И Лесса выглядела совершенно невозмутимой — не уступая Маноре.

К счастью, Андемон оказался не только умным, но и чрезвычайно упорным человеком. Столкнувшись с очевидными фактами, которые опровергали один из основных принципов его цеха, он решил, что не покинет Вейр, пока во всем не разберется. Андемон расспросил Ф'лара, Ф'нора, арфиста и Н'тона, затем тщательно проверил каждый контейнер. Преодолев отвращение, он начал исследовать личинок, терпеливо и осторожно раскопав несколько больших комков земли. Он изучал их, словно какой-то новый, совершенно неведомый вид. В определенном смысле, так оно и было.

— Я мечтаю только об одном, — сказал Андемон, поднимая голову, — найти средство, которое спасет нас от Нитей. И если

эти личинки помогут... — Бледная улыбка появилась на его губах. — Однако выглядят они так... так...

— Омерзительно? — с изысканной вежливостью помог арфист.

На мгновение мастер-фермер поднял на Робинтона глаза:

— О, ты человек, умеющий подобрать нужное слово. Трудно подумать, что кто-то может испытать благодарность к таким низким существам. Я бы скорей предпочел драконов...

— Сразу видно, что ты не владеешь холдом, — едко заметила Лесса.

— Однако, — продолжал Андемон, взвешивая на ладони горстку почвы и тонкой струей высыпая ее обратно в контейнер с растениями, — мы принимаем дары этой щедрой земли. Мы вышли из нее, мы — ее часть, она поддерживает и кормит нас. И я думаю, что наш главный долг — защитить ее. Если все пойдет хорошо.

Он вытер ладонь о рубашку и повернулся к Ф'лару с видом человека, принявшего наконец решение.

— Я начну исследования в своей мастерской, предводитель. Там есть такие же лотки с рассадой и все необходимое.

— Превосходно, — с облегчением улыбнулся Ф'лар. — Мы объединим наши усилия. Обещаю любую помощь — Нити, личинки... и остальное, что тебе надо. Но ты должен разрешить главную проблему, которую я вижу...

Андемон с вежливым вниманием поднял брови.

— Приживутся или нет личинки на северных землях.

— Несомненно, предводитель, несомненно. Это основная задача.

— Я так и думал, — произнес Ф'нор.

— Да?

Это короткое слова прозвучало почти как вызов. Ф'нор заволновался. Неужели Ф'лар больше не доверяет ему? Несмотря на то, что сказала недавно Лесса?

— Я наблюдал сейчас за мастером Андемоном и вспомнил, как сам в первый раз смотрел на этих червяков... отвратительных на вид, готов признать. Так вот, одно дело — заявить, что от них зависит наше спасение. И совсем другое — чтобы в это поверили простые холдеры. А также и всадники.

Андемон согласно кивнул, и по выражению лица арфиста Ф'нор понял, что не только он один предвидит грядущее сопротивление. Но Ф'лар спокойно присел на край ближайшего контейнера и усмехнулся.

— Вот почему я пригласил сюда Андемона и объяснил ему суть

дела. Нам нужна помощь, которую может дать только он — если он сам убедится в реальности фактов. Итак, мастер, сколько же надо времени, чтобы расселить личинки в наших полях?

Андемон в задумчивости уложил подбородок на грудь и после некоторого размышления признался, что не может оценить необходимое время. Обычно, стоило только заметить на полях признаки заражения, их тут же выжигали, чтобы предохранить остальные посевы.

— Значит, нам предстоит вначале выяснить, как быстро они размножаются, — подвел итог Ф'лар.

— Придется ждать до следующей весны, — напомнил ему мастер.

— Зачем же? Можно привезти личинок с Южного материка.

— И куда мы их денем? — с иронией спросил Робинтон.

Ф'лар негромко рассмеялся:

— В Лемос!

— В Лемос?

— Куда же еще? — вид у Ф'лара был очень довольный, словно он наконец-то разрешил проблему. — Леса труднее всего защищать с воздуха. Асгенар и Бендарек жаждут сохранить их. Они оба — умные люди и обладают достаточной гибкостью, чтобы воспринять новую идею и осуществить ее на практике. Твоя задача, мастер, гораздо труднее. Постарайся убедить фермеров, что нельзя уничтожать...

Андемон поднял руку.

— Сначала я должен провести все необходимые наблюдения.

— Всенепременно, мастер Андемон! — Улыбка Ф'лара стала еще шире. — Я уверен в результате. Кстати, вспомни твоё первое путешествие в Южный Вейр. Еще тогда ты обратил внимание на стремительный рост и необычные размеры деревьев и злаков, общих для обоих материков, на огромные урожаи и прекрасные фрукты. Это не связано с теплым климатом. Здесь, на Северном континенте, есть такие же тропические районы. Это происходит, — Ф'лар наставил палец на Андемона, затем указал на ближайший контейнер, — благодаря личинкам! Они как-то стимулируют рост растений!

Мастер-фермер вовсе не казался убежденным, и Ф'лар решил пока не давить на него.

— В дальнейшем, мастер Андемон, тебе будет помогать арфист — всем, чем сможет. Ты знаешь своих людей лучше, чем мы. Ты сам выберешь, кому сказать. Я прошу, чтобы ты обсудил наш проект с самыми знающими мастерами твоего цеха. Постарайся убедить их — мы не можем провалить дело из-за недостат-

ка рабочих рук. Что касается Древних, они наверняка будут сопротивляться. Возможно, придется подождать, пока они все вымрут. — Ф'лар сухо рассмеялся.

— Да, тут не избежать проблем. — Андемон озабоченно покачал головой.

— Их будет множество, — весело заверил его Ф'лар. — Но конечный результат того стоит.

— Может быть, потребуется не один десяток Оборотов, — сказал мастер; он поймал взгляд Ф'лара и, словно это утешило его, расправил плечи.

— Пусть так. Первое, чего нам надо добиться, — Ф'лар озорно улыбнулся, — чтобы твои фермеры прекратили поджаривать и поливать кислотой наших спасителей.

На обветренном лице Андемона промелькнули негодование и растерянность. Но они быстро сменились усмешкой — мастер понял, что Ф'лар поддразнивает его.

— Только подумай обо всех исправлениях в Записях, которые мне придется сделать! — пожаловался арфист. — У меня пересыхает в горле, как только я это представляю! — Он печально уставился на свою пустую флягу.

— Это, несомненно, призыв выпить, — заметила Лесса, одарив арфиста долгим взглядом. Она подхватила Андемона под руку и повела к выходу.

— Такая честь для меня, госпожа... Но я должен работать, должен начать исследования... — Андемон попытался ускользнуть от хозяйки Бендена.

— Но всего лишь один глоток? — спросила Лесса, пуская в ход свою самую пленительную улыбку.

Мастер-фермер запустил пятерню в свою шевелюру; он явно не решался отказаться.

— Только один глоточек, моя госпожа.

— Скрепим наш договор, что решает судьбы Перна! — провозгласил арфист загробным басом, приняв вид торжественный, важный и удивительно похожий на лорда Грожа из Форт-холда.

Они выбрались наружу. Андемон посмотрел сверху вниз на Лессу и нерешительно произнес:

— Не сочти меня излишне любопытным, госпожа... Я хочу спросить... Эта молодая женщина, Брекка, которая потеряла королеву... Как она?

Лесса колебалась не дольше секунды:

— Ф'нор может лучше ответить на твой вопрос. Он ее друг.

Коричневый всадник догнал их и зашагал рядом.

— Она еще нездорова. Понимаешь, гибель дракона ведет к

страшному шоку. Но Брекка придет в себя... Она не из тех людей, что кончают жизнь самоубийством.

Мастер остановился и пристально посмотрел на Ф'нора:

— Должно быть, ей сейчас очень тяжело...

Лесса поймала взгляд Ф'нора и вспомнила, что он говорил о холдерах.

— Да, конечно. Но потерянного не вернешь.

— Я понимаю... Что же она будет делать теперь? — Слова медленно, по одному, слетали с губ Андемона; после короткого колебания он добавил: — Она родилась в нашей мастерской, и все мы...

— Ее будут любить и почитать во всех Вейрах, — перебила мастера Лесса. — Брекка — из тех редких людей, которые могут слышать любого дракона. Она всегда будет занимать высокое положение среди Крылатых. Но если она захочет вернуться домой...

— Нет! — Этого мастер-фермер определенно не хотел.

— Брекка теперь принадлежит Крылатым, — резко произнес Ф'нор, словно подчеркнув короткий отказ мастера.

Лесса удивилась. Ей показалось, что цех не прочь забрать Брекку обратно.

— Прости мою резкость, госпожа... Я думаю, ей будет трудно вернуться к простой жизни в мастерской... — Внезапно голос его стал суровым: — А что с этой... развратницей?

— Она жива. — Ледяной тон вопроса Андемона эхом прозвучал в ответе Лессы.

— Жива? — Мастер резко остановился, оттолкнул руку Лессы; он был разгневан. — Она жива? Ей не перерезали горло, ее тело не...

— Она жива, мастер, но разума у нее осталось не больше, чем у младенца. Она томится в тюрьме собственной вины... Крылатые никого не лишают жизни!

Долгий, долгий миг Андемон пристально смотрел на Лессу, затем медленно кивнул. Склонившись в глубоком поклоне, он вновь предложил Лессе свою руку и повел ее к столу.

Ф'нор не пошел за ними. Внезапно события этого дня словно разом навалились на него; он почувствовал смертельную усталость.

Ф'нор видел, как Лесса с Андемоном присоединились к гостям, сидевшим за главным столом; лорды Лемоса и Телгара подошли к ним. Лайтол и юный Джексон с Рут'ом куда-то исчезли. Ф'нор решил, что Лайтол увез своего воспитанника в Руат. Коричневый всадник быстро направился к лестнице, ведущей в его вейр, охваченный внезапным желанием увидеть Брекку.

Кант' распростерся на каменном ложе, зрачки дракона слабо

поблескивали, прикрытые внутренними веками. Когда Ф'нор вошел в пещеру, плотная наружная мембрана затянула глаза коричневого. Ф'нор прислонился к его шее и, вытянув руку, прижал ладонь к бьющейся под горлом артерии — пульс был мощный, размеренный. Над ложем Брекки заботливо кружились огненные ящерки.

Он не помнил, долго ли простоял так. В голове у него кружились сцены минувшего дня: Запечатление, ожившая Брекка, Джексом с белым дракончиком на руках, шумное пиршество — все, что случилось, спрессовалось в эти наполненные событиями часы.

Ему предстояло много дел, но он не мог оторваться от теплой кожи Кант'а.

Ярче всего Ф'нору вспоминалось потрясение Андемона, когда тот понял, что всадники скоро станут лишними на Перне. Ф'лар предвидел это. И наверняка придумал какой-то выход.

Эти личинки... Да, они способны уничтожить Нить прежде, чем она укроется в норе и начнет размножаться. Но они выглядели отвратительно и не внушали ни уважения, ни благодарности. Конечно, их нельзя сравнивать с драконами! К тому же люди не могли наблюдать, как личинки расправляются с Нитями, они не получали такого же удовлетворения, как от вида битвы драконов. Языки огня, пламя, сжигающее Нити, дым и серый пепел — и смертоносные пришельцы уничтожены в воздухе, не способные достичь плодородных земель... Внезапно Ф'лар ощутил, что ему открылся истинный замысел неведомых предков: люди должны видеть гибель Нитей своими глазами... Может быть, всадники превратятся в символ? Нет! Тогда Крылатые станут паразитами... хуже, чем Нити! Человек, подобный Ф'лару, никогда не пойдет на столь недостойную уловку! Но что же он придумал?

Да, личинки могли бы решить все проблемы... Но Ф'нор чувствовал, что после тысяч лет борьбы и страданий это решение будет неприемлемым для всех перинитов — и для холдеров, и для ремесленников, и для всадников.

Глава 16

Вечер в Бенден-Вейре. Поздний вечер в Форт-Вейре

В следующие несколько дней Ф'нор был слишком занят, чтобы испытывать беспокойство. Силы Брекки восстанавливались; девушка настаивала, чтобы он вернулся к выполнению своих обязанностей. Она уговорила Манору позволить ей спуститься

вниз и заняться чем-нибудь полезным. Та послала девушку обшивать края почти готовых стенных драпировок, и Брекка с радостью включилась в кипучую деятельность нижних пещер. Огненные ящерицы почти не покидали ее. Правда, когда Ф'нор уходил по делам, Гралл начинала возбужденно чирикать; она разрывалась между противоположными желаниями, но Ф'нор приказывал ей оставаться с Бреккой.

Ф'лар возложил на Асгенара и Бендарека ответственность за сохранение лесов — они могли принимать любые меры, которые сочтут необходимыми. Однако вначале предводителю Бендена пришлось столкнуться с открытым сопротивлением многих лордов и мастеров, которое не удавалось сломить до тех пор, пока Н'тон не раздобыл еще одну живую Нить. В присутствии самых недоверчивых владетелей холдов молодой всадник вывалил ее в контейнер с зеленеющими всходами. За несколько мгновений, на глазах у застывших от ужаса зрителей, завитки шипящей, извивающейся Нити были полностью уничтожены личинками. Потрясенные, лорды без возражений приняли заверения Ф'лара, что ожоги на листьях саженцев исчезнут через пару дней.

О личинках было известно немного, и Ф'лар, давая пояснения, старался соблюдать осторожность. Сколько времени требуется им, чтобы распространиться в достаточно большом районе? Можно ли после этого считать его полностью защищенным от Нитей? Как они размножаются? Какова длина их жизненного цикла? Наконец, сколько личинок должно содержаться в почве, чтобы защита была достаточно надежной? Ответов на эти вопросы Ф'лар пока не имел.

Было решено начать с Лемоса — с наиболее уязвимых лесных массивов, которые состояли из драгоценных деревьев с мягкой древесиной.

Прежние обитатели Южного Вейра не были опытными фермерами и ничего не знали о районах распространения личинок в лесах юга. В это время года деревья в южном полушарии сбрасывали листву, но Ф'нор, Н'тон и другие всадники согласились совершить прыжок через временной Промежуток в прошлую весну, чтобы провести разведку. Большую помощь оказала Брекка; посвященная во все тонкости жизни Южного, она могла сказать, где и когда путешественники не столкнутся в прошлом с другими людьми.

Ф'лар следил за работой Андемона с таким вниманием, словно сам стал членом цеха фермеров. Несколько раз мастер просил привезти ему личинок и живые Нити, но пока он не радовал Ф'лара сообщениями об успехах.

Фандарел и Терри были подробно ознакомлены с новым проектом: для них провели специальную демонстрацию. Преодолев отвращение к личинкам и страх перед живой Нитью, Терри преисполнился энтузиазма. Его мастер ограничился лишь презрительной ухмылкой в сторону ковша с длинной ручкой, которым Н'тон ловил Нити.

— Нерационально, очень нерационально... Вы открываете его и ловите одну тварь, только одну... Тут надо подумать... — и, незаметно прихватив черпак, кузнец в задумчивости проследовал к ожидавшему его дракону.

Терри рассыпался в заверениях, что мастера-кузнеца, несомненно, глубоко впечатлило увиденное и он готов оказать любое содействие — в своей области, разумеется. Его слова несколько сгладили непонятное равнодушие Фандарела; отвесив положенное число поклонов и почти успокоив смущенных всадников, Терри удалился.

— Я думал, Фандарел оценит наше открытие, — разочарованно заметил Ф'лар.

— Может, он онемел от изумления? — предположил Ф'нор.

— Нет, — Лесса насмешливо подняла брови, — он просто разозлился из-за ковша! Нерационально, видите ли!

Они рассмеялись и занялись другими делами. Однако спустя несколько часов из телгарской мастерской прибыл гонец, возвративший похищенный ковш. Новая конструкция оказалась великолепной! Кузнец приклепал к черпаку длинную трубчатую рукоятку, на конце которой находился рычажок — с его помощью можно было открыть крышку. Когда крышка захлопывалась, она проталкивала Нить в специальный сосуд, откуда та уже не могла выбраться. Ловушка годилась для многократного применения.

Посыльный также сообщил Ф'лару по секрету, что у мастера возникли трудности с устройством для передачи сообщений.

Проволоку, соединявшую установки, нужно чем-то покрывать, иначе Нити перерезают тонкий металл. Кузнец экспериментировал с чехлами из керамики и железа, но он не мог изготавливать их быстро в достаточном количестве. Теперь, когда атаки Нитей стали нерегулярными и очень частыми, его мастерские были завалены просьбами о ремонте огнеметов и выпуске нового оружия. Наземные команды буквально впадали в ужас, если оборудование отказывало во время атаки, и кузнецы не успевали проверять и чинить его. Что касается лордов, которым была обещана надежная связь, то они постепенно стали терять

терпение. Снова пошли разговоры о том, что экспедиция на Алую Звезду неизбежна.

Ф'лар начал собирать своих помощников на ежедневные совещания, стараясь, чтобы ни одна деталь не оказалась упущенной из вида. На этих встречах были также собраны те лорды и мастера, которые могли воспринять новые знания, — если преподнести их достаточно предусмотрительно.

Асгенар, неприменный участник всех совещаний, сообщил, что Ларад Телгарский гораздо более консервативен, чем полагали Ф'лар с Лессой. Для него демонстрация, проведенная в помещении, являлась далеко не такой убедительной, как, например, защита целого поля, попавшего под настоящую атаку Нитей. К несчастью, несколько неосторожных слов Фамиры, молодой жены Асгенара, гостившей в Телгаре, вызвали у Ларада приступ ярости. Он решил, что исследование Алой Звезды окончательно отложено, и стал кричать, что не потерпит предательского обмана и нарушения обещаний со стороны всадников. Испуганная молодая женщина отправила фэйра с сообщением к своему лорду, и Асгенар примчался в Телгар — на драконе, который был выделен Бенденом его холду. Ему стоило немалых трудов успокоить Ларада; гнев телгарского владетеля стих лишь тогда, когда Асгенар показал ему новые лесные посадки в Лемосе, благополучно пережившие уже не одно падение.

Широкие и плодородные долины Телгара понесли страшный ущерб от почти непрерывных атак Нитей; люди в наземных командах выбились из сил и пришли в уныние.

— Мы не имеем времени на это, — заявил Ларад, когда его посветили в долгосрочный проект предохранения земель с помощью личинок. — Мы каждый день теряем все новые поля с зерном и овощами. Люди отчаялись, устали от непрерывной борьбы с Нитями, они не могут заниматься другой работой. Как минимум нас ждет тяжелая зима — но я опасаясь худшего, если в ближайшие месяцы что-нибудь не изменится.

Робинтон, добровольно взявший на себя роль арбитра в подобных спорах, сказал:

— Да, нелегко видеть, что спасение так близко и, в то же время, так далеко... — Арфист погладил маленького бронзового фэйра, которого запечатлил несколько дней назад. — Но что же делать? Мы зависим от жизненного цикла этих крохотных насекомых...

— И от обещанного кузнецами устройства связи, — добавил Ларад. Его губы сжались, лицо посуровело. — Сделано ли что-нибудь для отправки людей на Звезду?

— Да, — твердо ответил Ф'лар, стараясь сохранять терпение и здравый смысл. — Вансор изучает ее каждую ясную ночь. Он набрал целую группу наблюдателей и привлек лучших рисовальщиков из цехов Зурга и Робинтона. Они сделали множество зарисовок. Теперь поверхность Алой Звезды нам в целом знакома...

— И что же? — Ларад был непреклонен.

— Мы не можем разглядеть детали ее пейзажа достаточно ясно, чтобы послать туда драконов.

Лорд Телгара испустил глубокий вздох разочарования.

— Однако мы убедились, — Ф'лар склонил голову в сторону Н'тона, который провел у чудесного инструмента не меньше времени, чем сам Вансор, — что через несколько месяцев частота атак снизится.

— Снизится? Откуда ты это знаешь? — подозрительность и надежда боролись в душе Ларада.

— Вансор считает, что на движение Алой Звезды влияют другие планеты нашего небосклона. Посмотри на этот чертеж — у нашей планеты есть соседи... Сейчас одно небесное тело находится ниже Алой Звезды, два — выше... И все они расположены позади, так что их влияние тормозит ее. Очень редкое сочетание! Но скоро оно нарушится, планеты удалятся, и Вансор верит, что прежняя периодичность атак восстановится опять.

— Через несколько месяцев? Это не сулит нам ничего хорошего. А ты уверен, что все будет именно так?

— Нет. Поэтому мы почти никому не сообщали о предположениях Вансора. Но скоро мы узнаем точно. — Ф'лар поднял руку, предупреждая протестующий возглас Ларада. — Я думаю, тебе знакомы самые яркие звезды — другие планеты нашей системы, которые движутся в небе Перна с запада на восток в течение Оборота. Посмотри сам сегодня ночью — ты увидишь позади и выше Алой Звезды две яркие точки — зеленую и голубую... и еще одну ниже. Вспомни теперь чертеж на стене в зале Совета Форт-Вейра. Мы уверены, что там изображены небеса около нашего солнца, Ларад... — Ф'лар поднял руку, сжал пальцы в кулак. — Представь, что я держу несколько шариков на нитях и вращаю их над головой. Вот модель нашей системы: мой кулак — солнце, шарики — планеты...

— Я должен все увидеть собственными глазами, — заявил лорд Телгара, не уступая ни на йоту.

— Изумительное зрелище, поверь мне, — усмехнулся Асгенар. — Я был очарован, когда увидел это в первый раз... — На его правильном молодом лице появилось мечтательное выражение. — И если Вансор сумеет сделать еще один дальновидящий

прибор, я хотел бы установить его на высотах Лемоса... С наших гор хорошо смотреть на северный небосклон...

Ларад фыркнул в ответ.

— Нет, это действительно выглядит впечатляюще... — повторил Асгенар, его глаза восторженно горели. Затем он добавил более спокойно: — К тому же не я один среди лордов изучаю небеса. Каждый раз, когда я отправляюсь в Форт, ко мне присоединяется Мерон Наболский.

— Мерон? — взревел телгарский властитель.

Асгенар поперхнулся, удивленный такой реакцией на совершенно обычную фразу.

— Да, он никогда не упускает случая. Очевидно, надеется разглядеть что-нибудь подходящее для драконов... и настроен более решительно, чем любой всадник.

Ф'лар бросил вопросительный взгляд на Н'тона.

— Да, все верно; Мерон — прекрасный наблюдатель. Если бы еще он не был лордом... — Юноша пожал плечами.

— Но зачем? Зачем ему это нужно?

Н'тон снова пожал плечами.

— Он говорит, что ищет какой-нибудь характерный штрих... то, что позволит нам достигнуть Алой Звезды. Но там нельзя разглядеть никаких деталей... только бесформенные очертания серых и темных областей. Они практически не изменяются, так что можно предположить, что это суша. Или море... — Н'тон почувствовал, как в комнате повисла напряженная тишина, и смущенно шаркнул ногой. — Облака... густые облака... Они так часто затягивают поверхность... Очень трудно что-то различить.

— Ну и что же? Мерон не потерял надежды? — с нажимом спросил Ф'лар.

— Не уверен, что мне нравится такая позиция, предводитель, — угрожающе заявил Ларад. — Ты не стремишься найти подходящие для дракона ориентиры.

Ф'лар окинул телгарского лорда пристальным взглядом с ног до головы.

— Давай рассмотрим проблему еще раз. Мы должны точно знать, куда идем, прежде чем направить туда драконов. Ты уже начал обучать своего файра, — он указал на огненную ящерницу, примостившуюся на плече Ларада, — и представляешь, о чем речь.

Телгарский владетель раскрыл рот, пытаясь возразить, ящерка на его плече зашипела. Ее сверкающие глаза начали вращаться. Ф'лара это не смутило.

— Известно, что в Записях не упоминаются попытки достичь Алой Звезды, следовательно, наши предки — те, кто построил

дальновидающий прибор, те, кто знал достаточно много о небесных соседях Перна, — таких попыток не предпринимали. Для этого у них, по-видимому, были причины, веские причины. Что же, по-твоему, я должен делать, Ларад? — Ф'лар поднялся и возбужденно зашагал из угла в угол. — Найти добровольцев? Ты, ты и ты! — Он резко повернулся, ткнув пальцем в воображаемую шеренгу всадников. — Идите в Промежуток и — вперед, на Алуку Звезду! Ориентиры? Извините, парни, у меня их нет. Пусть ваши драконы попробуют что-нибудь разглядеть с полпути... Если вы не вернетесь обратно, мы поймем, что на Звезде людей поджидает гибель... Но вы, ребята, умрете не зря! Мы будем точно знать, что человек не может там выжить!

Ларад вспыхнул, сраженный иронией Ф'лара.

— Если бы предки могли разобраться с Нитями таким способом, вряд ли они применяли бы домашние средства, — раздался в наступившей тишине спокойный голос Робинтона. — Я имею в виду драконов и личинок с Южного материка.

— Значит, ничто не обещает нам быструю и надежную защиту, в которой мы так нуждаемся. — Голос Ларада был полон горькой безнадежности. — Сейчас Перну надо нечто более существенное, чем обещания... или эти червяки! — Он резко повернулся и покинул комнату.

Асгенар бросился было за ним, но Ф'лар остановил молодого лорда.

— Ты не сумеешь его переубедить, — задумчиво произнес вождь Бендена; лицо его приняло озабоченное выражение. — Если он ничему не верит после осмотра твоих лесов, то что еще можем мы сделать или сказать?

— Он потерял почти весь летний урожай и сильно разозлен, — объяснил Асгенар. — А Телгар растет быстро, вы же знаете. Ларад пригласил к себе множество мелких холдеров из Нерата, Крома и Набола. Если урожай пропадет, зимой у него на руках окажутся сотни голодных.

— Но что мы можем сделать? — произнес Ф'лар с ноткой отчаяния в голосе. Возбуждение покинуло его; сейчас, после разговора с Ларадом, он чувствовал только огромную усталость и горечь.

— Я знаю, что нельзя вслепую послать людей на Алуку Звезду, — огорченно сказал молодой лорд Лемоса. — Я проверил это, когда обучал своего Риала. Каждый раз, когда он не может точно представить место, куда надо идти, он становится как бешеный... Подожди, куда Ларад не начнет работать со своим файром. Он быстро все поймет.

— Когда ты спасал Перн в прошлый раз, то сделал большую

глупость, мой дорогой Ф'лар, — пробормотал арфист. — Три дня — и у нас появились пять потерянных Вейров. Вот и теперь лорды ждут от тебя таких же темпов.

Ф'лар невольно расхохотался, чувствуя, как разочарование и усталость покидают его. Да, этот арфист — незаменимый человек! Всадник покачал головой и произнес — больше для себя, чем для сидевших за столом людей:

— Время... нужно только время!

— Но его-то у нас нет! — слабо усмехнулся Асгенар.

— Тогда давайте наилучшим образом используем то, которое имеем! — Ф'лар снова был полон кипучей энергии. — И начнем с Телгара! Ф'нор, сколько всадников Т'бор может выделить нам, чтобы через межвременной Промежуток вывозить из Южного личинок? Согласуй с ним и с Н'тоном, где будет работать каждая группа.

— Но если забрать из Южного слишком много, не будет ли ослаблена его защита?

— Не думаю. Н'тон держит глаза открытыми. Он заметил, что осенью личинки глубже опускаются в почву и зимние холода частично истребляют их. Мы выберем весной место, где личинки благополучно пережили зиму, потом отправимся в предыдущую осень и возьмем небольшую часть. Это не нарушит баланс — в крайнем случае пропадут несколько деревьев.

Ф'лар опять вскочил и, потирая шрам от недавно зажившей раны, начал мерить комнату энергичными шагами.

— Да, еще одно... Надо, чтобы кто-то глаз не спускал с Набола.

Робинтон с удивлением фыркнул.

— Кажется, мы вынуждены решать довольно странные проблемы. Личинки... Мерон... — Арфист хихикнул. — Оставь его, Ф'лар. Пусть напрягает зрение и выворачивает шею, разглядывая Алую Звезду. Пока он занят этим, мы можем быть спокойны. К тому же, — Робинтон поучительно поднял палец, — глаза мстительного человека не пропустят ничего.

— Хорошо сказано, — одобрил Ф'лар. — Н'тон, — он повернулся к молодому всаднику, — я хочу знать каждое его слово, каждую деталь, которую ему удастся заметить. Забудем пока о хлопотах, что доставил нам этот человек... Возможно, мы будем еще ему благодарны.

— Скорее я буду благодарить личинок, — с некоторой горячностью заявил Н'тон. — Откровенно говоря, мой господин, я бы лучше имел дело с ними или поймал еще одну Нить.

Ф'лар задумчиво посмотрел на юношу.

— И все же я прошу тебя сделать это. Возможно, от его наблюдений будет больше пользы, чем от охоты за Нитями.

Как только Брекка оправилась, она настояла, чтобы заботы о растениях в древней лаборатории были поручены ей. Она родилась в мастерской фермеров и, по ее утверждению, имела опыт в подобных делах. Во время демонстраций Брекка старалась не появляться в комнате; она никого не хотела видеть, кроме обитателей Вейра. Что касается прочих... Она могла вытерпеть их благоговение, но не жалость.

Однако эти соображения не уменьшали ее любопытства, и она просила Ф'нора подробно рассказывать обо всех встречах. Когда коричневый всадник упомянул о недоверии, которое вызвал их проект у телгарского лорда, Брекка явно огорчилась.

— Ларад ошибается, — заметила она с рассудительностью, свойственной прежней Брекке. — Личинки — верное решение. Но действительно лучшее решение не всегда самое быстрое. Я понимаю, что налет на Алую Звезду больше понравился бы холдерам, однако это неверный путь. Правда, такая попытка выглядела бы очень внушительно... Как две тысячи драконов, возникших над Телгаром семь Оборотов назад... — Слабая улыбка тронула ее губы, наполнив Ф'нора радостным удивлением — со дня гибели Вирент'ы его подруга улыбнулась всего два-три раза. — Я согласна с Робинтоном — личинки надежнее авантюры. Правда, я — из мастерской фермеров...

— Ты часто говоришь об этом в последнее время, — сказал Ф'нор, поворачивая к себе девушку, вглядываясь в глубину зеленых глаз. Они были серьезными, как всегда, и подернутыми дымкой постоянной грусти.

Брекка сжала его пальцы и ласково улыбнулась — улыбка, которая не прогоняла из глаз печаль.

— Я была из мастерской, — поправила она. — Теперь я принадлежу к племени Крылатых.

Берд одобрительно свистнул у нее на плече, Гралл испустила музыкальную трель.

— В эту зиму мы можем потерять немало холдов, — горько произнес Ф'нор.

— Этого не изменишь, — ответила Брекка. Она подняла голову и добавила: — Я рада, что Ф'лар велел приглядывать за лордом Набола... У него дурные мысли.

Вдруг она глубоко вздохнула и стиснула руки Ф'нора так, что ногти впились в кожу.

— Что случилось? — Всадник нежно обнял ее за плечи.

— У него дурные мысли, — повторила Брекка, испуганно глядя на него. — И у него есть фэйр, бронзовый, почти такого же

возраста, как Гралл и Берд. Известно ли кому-нибудь, для чего он обучает его? Может быть, уходить в Промежуток?

— Мы объясняли всем лордам, как надо... — Внезапно Ф'нор замолк, уловив ход ее мыслей. Берд и Гралл отреагировали на испуг Брекки нервным свистом, их крылья судорожно забились. — Нет, Брекка, нет... Он не сумеет... — заверил девушку Ф'нор. — Файр Асгенара младше всего на одну неделю, и он рассказывал, как трудно ему послать Риала даже в свой собственный холд.

— Неделя — большой срок, и Мерон мог продвинуться дальше...

— Этот мерзавец? — Ф'нор был преисполнен скепсиса. — Да он понятия не имеет, как управляться с огненной ящерицей.

— Тогда почему Алая Звезда очаровала его? Что, если он надумал послать туда файра?

— Но ему же известно, что всадники даже не пытались послать туда драконов. Как может он думать, что огненная ящерица сумеет добраться до Звезды?

— Мерон вообще не верит всадникам... Ни в одном слове. — Брекка снова сжала руки Ф'нора. — Я думаю, надо все рассказать Ф'лару.

Он согласился; это был единственный способ ее успокоить. Силы еще не вернулись к Брекке полностью; хотя ее щеки и губы порозовели, веки казались полупрозрачными лепестками лунного дерева.

— Обещай, что ты скажешь Ф'лару!

— Я скажу ему. Я все ему скажу, но не посреди ночи!

* * *

Однако он не выполнил обещания. Отправившись во временной Промежуток с крылом всадников за личинками, Ф'нор вспомнил о нем только к вечеру. Не желая огорчать Брекку своей забывчивостью, Ф'нор попросил Кант'а передать известие Н'тону через Лиот'а. Если молодой всадник заметит что-нибудь подтверждающее подозрения Брекки, они тут же проинформируют Ф'лара.

На следующий день он смог переговорить с Н'тоном сам. Они встретились на поле в одной из высокогорных долин Телгара, которое Ларад выделил для первого опыта с личинками. Как с раздражением заметил Ф'нор, поле было засажено новым сортом овощей, которые пока были предметом роскоши; в основном их подавали к столу лордов. Эти овощи росли только на плоскогорьях Телгара.

— Кажется, догадка Брекки верна, Ф'нор, — признался молодой всадник. — Наблюдатели рассказывают, что Мерон долго смотрит в дальновидящий прибор, а потом внезапно впивается взглядом в глаза фэйра, пока тот не начинает кричать и биться. Прошлой ночью несчастная ящерка ринулась в Промежуток, неведомо куда. Наболский лорд ушел в плохом настроении, проклиная весь род драконов.

— Ты можешь выяснить, на что он смотрел в этот раз?

Н'тон пожал плечами.

— Прошлой ночью поверхность Звезды затянули облака. Удалось разглядеть только ту серую тень, похожую на скалу в Нерате. Да и то ненадолго.

Ф'нор хорошо помнил эту деталь. Сероватая формация, похожая на вытянутый хвост дракона, ориентированная против направления вращения планеты.

— Иногда, — усмехнулся Н'тон, — облака двигаются, плывут, и в них можно заметить удивительные вещи. Однажды мне показалось, что я смотрю на девушку, заплетающую волосы. — Руки Н'тона описали овал лица, обозначив над ним нечто воздушное, пышное. — Я видел ее голову, склоненную к левому плечу, наполовину заплетенную косу, поток волос, спадавших на плечи... Поразительно!

Ф'нор не собирался обсуждать воображаемых девиц, порожденных игрой облаков над поверхностью Алой Звезды. Гораздо больше его заинтересовал рассказ Н'тона о поведении фэйра. Эти создания куда меньше зависели от людей, чем драконы. Они имели привычку убегать в Промежуток, когда пугались, и эта способность проявлялась у них почти сразу же после Рождения. Точно так же они реагировали и тогда, когда не могли или не считали нужным выполнить просьбу своего владельца. Спустя некоторое время они снова появлялись, обычно к обеденному часу — видимо, принимали во внимание человеческую забывчивость. Правда, Гралл и Берд были выше таких фокусов. Они, несомненно, питали самую горячую привязанность к Брекке, и одна из ящерок всегда оставалась с ней. Ф'нор был готов поспорить, что Гралл и Берд — самые толковые фэйры на всем Перне.

И тем не менее за Мероном следовало присматривать. Кто знает, что он способен натворить вместе с огненной ящерицей! У него, как сказала Брекка, дурные мысли.

Когда Ф'нор вошел в проход, ведущий в вейр, до его ушей долетели голоса. Видимо, беседа была оживленной и очень быстрой — он не мог разобрать ни слова.

«Лесса беспокоится», — сообщил ему Кант', складывая крылья и забираясь в тоннель вслед за своим всадником.

— Когда проживешь с мужчиной семь Оборотов, всегда знаешь, что у него на уме, — уверенно говорила Лесса, когда Ф'нор переступил порог. Она повернулась, странное, почти виноватое выражение мелькнуло на ее лице, сменившись облегчением, когда она узнала Ф'нора.

Он бросил взгляд на Брекку, лицо которой казалось подозрительно спокойным. Она даже не улыбнулась ему.

— Итак, Лесса, ты произвела инспекцию чьей-то головы. Чьей же? — спросил Ф'нор, снимая пояс.

Он скинул полетную куртку и присел к столу. Брекка налила ему вина. Лесса опустила в кресло рядом; глаза ее были тревожными.

— Мы говорили про Алую Звезду, — пояснила Брекка. — Лесса боится, что Ф'лар может сам сделать первую попытку.

Ф'нор пригубил вино, обдумывая ответ.

— Ф'лар не глупец, милые мои женщины. Его дракон должен знать, куда направляется. А что он может ему сказать? — Ф'нор снова поднес кружку к губам, и вдруг перед ним мелькнуло видение облачной дамы, о котором рассказывал Н'тон.

— Он не должен идти в любом случае. — Голос Лессы стал резким. — Весь Перн держится на нем. Он — единственный, кто сумел объединить лордов, мастеров и всадников! Даже Древние теперь ему доверяют! Но только ему!

Лесса действительно расстроена, понял Ф'нор. Гралл и Берд с мелодичным чириканьем спланировали откуда-то сверху прямо на спинку кресла Брекки. Госпожа Бендена не обратила на них внимания. Наклонившись, она положила ладонь на пальцы Ф'нора, глаза ее остро блеснули.

— Да, я знаю, что у него в голове... И помню, что арфист сказал о чудесах. Спасение за три дня!

— Полет на Алую Звезду никого не спасет, Лесса!

— Да, но мы не знаем этого наверняка. Только предполагаем, что мы не можем лететь, потому что не могли предки. И пока не докажем лордам, что там нельзя выжить и минуты, они не согласятся рассматривать другой план!

— Хлопоты с Ларадом? — сочувственно спросил Ф'нор, разминая ладонью затекшую шею. После напряженного дня мышцы налились тяжелой усталостью.

— Ларад достаточно упрям, — заявила Лесса, — но я скорее предпочла бы иметь дело с ним, чем с Райдом и Сайфером. Они что-то разнохали и требуют немедленных действий.

— Продемонстрируйте им личинок!

Лесса отпустила его руку и разочарованно вздохнула.

— Если личинки не произвели впечатления даже на Ларада, почему должны поверить эти старые упрямы? Нет, они выдумали другое... Считают, что Мерон нашел подходящие ориентиры во время своих ночных бдений и теперь преступно скрывает их от всего остального Перна!

Ф'нор усмехнулся и покачал головой:

— Н'тон наблюдает за Мероном. Этот человек ничего не на-шел. И без нас он ничего не может сделать. Несомненно, все его попытки с файром потерпели крах.

Лесса моргнула с недоуменным видом.

— С файром?

— Брекка думает, что Мерон пытается послать своего файра на Алую Звезду.

Лесса резко выпрямилась в кресле, глаза ее внезапно стали огромными, черными. Она посмотрела сначала на Ф'нора, потом — на Брекку.

— Да, это на него похоже. И Мерон готов пожертвовать своим файром, не так ли? Его бронзовый почти в таком же возрасте, как ваши... — Пораженная, она прикрыла рот ладонью. — Если он попробует...

Ф'нор рассмеялся с уверенностью, которой не ощущал. Лесса прямо намекнула на то, что он не раз обдумывал про себя. Конечно, у нее не было огненной ящерицы, и она не могла на собственном опыте оценить скромные возможности файров.

— Он попробовал, — сообщил Ф'нор. — Н'тон мне рассказал. Но успеха добиться не удалось. И я не думаю, что у Мерона что-нибудь получится. У него не тот характер, чтобы добиться от файра чего-то толкового. Понимаешь, им нельзя просто прика-зывать, как человеку или даже дракону.

Лесса в отчаянии стиснула кулаки.

— Мы должны что-то сделать, Ф'нор! Я догадываюсь, что у Ф'лара на уме! Он пытается найти путь на Алую Звезду — только для того, чтобы доказать лордам, что иного выхода, кроме личинок, у нас нет!

— Возможно, он захочет рискнуть головой, дорогая Лесса, но что он сделает без Мнемента? Я бы потолковал с драконом.

— И заодно вбил в голову бедному зверю, что Ф'лар этого очень хочет? — Лесса с откровенным отвращением воззрилась на коричневого всадника. — Я бы придушила Робинтона! С его намеками на трехдневное чудо! Ф'лар все время думает об этом...

И я знаю, что он пойдет не один! — Она внезапно замолчала и, поджав губы, посмотрела на Брекку.

— Я понимаю, Лесса, — медленно произнесла Брекка, глядя прямо в глаза повелительницы Бендена. — Да, я тебя понимаю...

Ф'нор начал массировать правое плечо. Должно быть, сегодня он слишком долго пробыл в Промежутке!

— Не принимай к сердцу, — вдруг с необычной силой сказала Лесса. — У меня слишком разыгралось воображение. Забудь все, что я говорила. Я просто устала... так устала, как... как все мы.

— Вот с этим я охотно соглашусь. — Ф'нор блаженно потянулся. — Кажется, мы бьемся над несуществующими проблемами. В конце концов, ни один лорд пока не появился в Бендене с ультиматумом на острие копья. Да и что они могут сделать? Ф'лар рассказал о своем плане абсолютно всем. Он делал это так часто, что я бы заболел, если бы слушал каждый раз. Он обсуждал его с другими вождями Вейров, с мастерами, стараясь, чтобы каждый до тонкостей понял свою задачу. Ничего плохого не случится. Ведь его проект — не тайна какого-нибудь цеха, которая может быть утрачена навсегда из-за нерадивого переписчика!

Лесса поднялась, напряженная, словно струна. Она облизнула пересохшие губы.

— Вот это-то больше всего меня и пугает, — тихо сказала она. — Он так старается, чтобы все знали план в деталях, словно... — Она повернулась и вышла из вейра.

Ф'нор посмотрел ей вслед. В подобном толковании предсмотрительности Ф'лара таилось нечто зловещее. Встревоженный, он повернулся к Брекке и вздрогнул: по щекам девушки капали слезы. Он ласково притянул ее к груди.

— Ну, сейчас я немного отдохну, потом мы поедем, и я отправлюсь в Форт-Вейр. Погляжу на Мерона сам. Пожалуй даже, — он потер лоб, — я прихвачу с собой Гралл. Она — самая старшая; посмотрим, может ли она совершить такое путешествие. Если на это способен любой фэйр, то уж Гралл не подведет! Ну, как тебе моя идея?

Она ухватила за него, поцеловав так пылко, так настойчиво, что Ф'нор сразу забыл и голод, и усталость, и тревожные мысли, вызванные визитом Лессы.

* * *

Гралл не желала покидать Берда, прижавшегося к подушке рядом с головой Брекки. Ф'нор вполне разделял ее чувства; ему не больше хотелось уходить. Но после страстного порыва, толкнув-

шего их в объятия друг друга, Брекка напомнила ему о долге. Если Лесса так беспокоит о Ф'ларе, что сочла возможным довериться им, значит, ее опасения не являются игрой воображения. И им, Брекке и Ф'нору, нужно взять часть ответственности на себя.

Брекка — самый подходящий человек, на которого можно взвалить любую ответственность, подумал Ф'нор, взгромоздившись на шею Кант'а. Ладно, не так уж много времени надо, чтобы проверить Мерона. Или выяснить, может ли Гралл отправиться на Алую Звезду. Несомненно, это лучше, чем отправлять туда Ф'лара. Если только маленькая королева сумеет сделать это...

Кант' был в превосходном настроении. Они кругами поднялись в небо над Бенденом, затем, рванувшись сквозь Промежуток, зависли над Звездной Скалой Форте. Остроконечные скалы по всему краю котловины Вейра усеивали огни; поодаль от Звездной Скалы темнели силуэты нескольких драконов.

«Кант' и Ф'нор из Бенден-Вейра, — объявил коричневый в ответ на запрос дежурного всадника. — Здесь Лиот' и зеленая из Набола», — добавил он, спускаясь к освещенной факелами площадке. Ф'нор соскользнул на твердый камень; Гралл кружилась над его головой, ожидая, пока Кант' отправится к другим зверям и она сможет занять привычное место на плече хозяина.

Н'тон шагнул из тени, приветствуя Ф'нора улыбкой, которую пляшущий свет факелов превратил в гримасу. Он кивнул назад, за плечо, в сторону возвышавшегося на треноге цилиндра.

— Он тут, и ящерица его выглядит превосходно. Рад тебя видеть. Я уже собирался просить Лиот'а связаться с Кант'ом.

Бронзовый наболского лорда вдруг начал испускать раздраженные крики. Гралл занервничала, расправила крылья, и Ф'нор, поглаживая ее по спинке, пару раз курлыкнул — эта имитация звуков, издаваемых файрами, обычно успокаивала ящерку. Она сложила крылья, но начала беспокойно переступать лапками; ее глаза безостановочно вращались.

— Кто там? — повелительно бросил Мерон. Его тень отделилась от еще большей — принадлежавшей Звездной Скале.

— Ф'нор, помощник предводителя Бенден-Вейра, — холодно ответил коричневый всадник.

— Тебе нечего делать в Форте, — заявил Мерон раздраженным тоном. — Убирайся отсюда!

— Лорд Мерон, — Н'тон заступил дорогу своему гостю, — Ф'нор из Бендена имеет такое же право находиться в Форте, как и ты.

— Как смеешь ты разговаривать так с повелителем холда?

— Может быть, он что-нибудь нашел? — тихо спросил Ф'нор, тронув Н'тона за плечо.

Тот пожал плечами и двинулся к наболскому лорду. Бронзовый начал кричать, и Гралл снова расправила крылья. В ее мыслях смешались отвращение и жалость.

— Лорд Мерон, ты пользовался прибором с тех пор, как наступила темнота.

— Я буду пользоваться им столько, сколько захочу, всадник. Убирайся отсюда! Оставьте меня!

Привыкший к беспрекословному подчинению своим приказам, Мерон повернулся обратно к прибору. Глаза Ф'нора уже привыкли к темноте, и он мог различить, как лорд склонился к концу трубы. Всадник также заметил, что он крепко прижимает к себе фэйра, хотя тот трепыхается из всех сил, пытаясь удрать. Его возбужденные крики превратились в нервные, вибрирующие вопли.

«Малютка в ужасе», — сообщил Кант' своему всаднику.

— Кто? Гралл? — испуганно переспросил Ф'нор коричневого. Он знал, что его ящерка расстроена, но ужаса в ее мыслях не было.

«Нет, не Гралл. Маленький брат. Он в ужасе. Этот человек — жестокий!»

Ф'нор никогда не слышал от своего дракона подобного приговора.

Неожиданно Кант' испустил низкий, чудовищной силы рев. Он переполошил всадников, других двух драконов и заставил Гралл буквально подпрыгнуть в воздух. Раньше чем половина драконов Форт-Вейра пожелала узнать причину тревоги, Кант' достиг своей цели: Мерон вздрогнул, фэйр вырвался из его рук и исчез в Промежутке.

С криком ярости Мерон ринулся на всадников, но дорога оказалась перекрытой. Препятствие было непреодолимым — огромная голова Кант'а с угрожающе приоткрытыми челюстями.

— Зеленый всадник отвезет тебя обратно в холд, лорд Мерон, — сообщил Н'тон разгневанному владельцу. — И больше не возвращайся в Форт-Вейр.

— Ты не имеешь права! Ты не можешь запретить мне доступ к прибору! Ты даже не вождь Вейра! Я соберу Конклав. Я расскажу им, что ты вытворяешь. И вас, всадников, заставят действовать! Вы меня не обманете! Лорду Набола не задурить голову уклончивыми обещаниями. Труссы! Вы трусы, вся ваша шайка! И Перн узнает об этом. Узнает, что всякий может добраться до Алой Звезды. Всякий! Я раскрою ваш обман, вы, беспольные скотоложцы!

Зеленый дракон, злорадно сверкнув глазом, подставил плечо

Мерону. Не прекращая своих гневных обличений, лорд вскарабкался наверх и занял пассажирское место. Зверь еще не успел подняться, как Ф'нор уже был около дальновидящего устройства. Он припал глазом к поблескивающей линзе и уставился на Алую Звезду.

Что Мерон там увидел? Или он просто вопил от злости, пытаясь оскорбить их?

Как обычно при первом взгляде на Алую Звезду, котел, заполненный кипящими красновато-серыми облаками, Ф'нор ощутил укол ужаса. Он был подобен ледяной игле, пронзившей тело с головы до пят. В прибор была видна протянувшаяся на запад бурая тень, напоминавшая нератскую скалу. На нее надвигался выступающий край облачного фронта. Облака хаотически вихрились — этим вечером ему не увидеть девушку, расчесывающую волосы. Скорее они походили на кисть руки — большой палец темно-серой мглы медленно, угрожающе крутился над остальными, тянувшимися к острию бурой тени! Кулак медленно расплывался, терял очертания, превращаясь в одинокую фасетку драконьего глаза, полуприкрытую внутренним веком, словно зверь готовился ко сну.

— Что он увидел? — настойчиво спросил Н'тон, постучав по плечу Ф'нора, чтобы привлечь его внимание.

— Облака, — сказал Ф'нор, отступив назад и пропуская молодого всадника к прибору. — Похоже на руку. Которая потом превратилась в глаз дракона. Облака — вот все, что он мог видеть, кроме пика, похожего на скалу в Нерате.

Н'тон, посмотрев в «глазок», облегченно вздохнул.

— Облачные формации ничего не позволяют различить.

Ф'нор подставил руку кружившейся над ним Гралл. Ящерка послушно спустилась, и, когда она перебралась на привычное место, Ф'нор стал нежно поглаживать крылья и золотистую головку. Держа ее на уровне глаз и не прекращая ласки, он начал проецировать изображение этой облачной руки, лениво наползавшей на остроконечную бурю тень. Он добавил цвет — красновато-серый, с белесыми проблесками — там, где косточки воображаемых пальцев освещались солнцем. Он представил, как пальцы приближаются к тени... Затем нарисовал мысленно Гралл: как она делает один длинный шаг в Промежутке к Алой Звезде, прямо в облачный кулак.

Страх, ужас, кружащиеся искры, жар, яростный ветер, обжигающее дуновение — заставили его пошатнуться. Гралл метнулась вверх с испуганным криком и исчезла.

— Что с ней? — спросил Н'тон, помогая коричневому всаднику удержаться на ногах.

— Я попросил ее, — Ф'нор сделал глубокий вдох, стараясь избавиться от головокружения, — отправиться на Алую Звезду.

— О, та самая идея, о которой говорила Брекка!

— Но почему такая странная реакция? Кант'?

«Она испугалась, — поучительно объяснил Кант', хотя чувствовалось, что он удивлен не меньше Ф'нора. — Ты слишком ярко представил ориентиры».

— Я слишком ярко представил ориентиры?

«Да».

— Но чего же она испугалась? Ведь ты тоже воспринял ориентиры, но ведешь себя совсем иначе.

«Она очень молода и глупа, — сообщил Кант' после некоторого раздумья. — Она вспомнила что-то напугавшее ее». Чувствовалось, что коричневый тоже в замешательстве.

— Что сказал Кант'? — Голос Н'тона был полон тревожного любопытства.

— Он не знает, что ее напугало. Говорит, она что-то вспомнила.

— Вспомнила? Что? Она же вылупилась всего несколько недель назад.

— Минутку, Н'тон. — Ф'нор положил руку на плечо молодого всадника, призывая к молчанию; внезапная мысль поразила его. — Кант', — спросил он, сделав глубокий вдох, — ты сказал, что ориентиры, которые я дал, были очень яркими. Достаточно яркими — для тебя? Ты мог бы доставить меня к этой руке, которую я увидел в облаках?

«Да, я могу видеть, куда ты хочешь отправиться», — Кант' ответил с такой уверенностью, что Ф'нор смутился.

Он плотнее запахнул куртку и стиснул толстый поясной ремень руками в кожаных перчатках.

— Отправишься домой? — спросил Н'тон.

— Развлечений хватит на всю ночь, — ответил Ф'нор с безразличием, удивившим его самого. — Сначала мне надо убедиться в том, что Гралл благополучно вернулась к Брекке. В противном случае придется проشمгнуть в ту бухту в Южном, где она родилась.

— Будь там поосторожнее, — посоветовал Н'тон. — Ну, по крайней мере, сегодня мы выяснили одно — Мерон не сумеет постыть свою ящерицу на Алую Звезду раньше нас.

Ф'нор сел на шею Кант'а. Он так затянул предохранительный ремень, что едва дышал, потом махнул на прощание рукой Н'тону и дежурному всаднику. Пока Кант' по спирали взлетал в

темное небо над Вейром, коричневый всадник старался успокоиться. Затем он вытянулся вдоль шеи дракона и дважды обмотал вокруг запястья ручные ремни. Не хотелось бы свалиться куда-нибудь во время этого прыжка, подумал он.

Кант' мчался прямо вверх, держа курс на зловещий диск Алой Звезды, висящий в темных небесах, словно собирался долететь туда на крыльях.

Ф'нор знал, что облака состоят из водяного пара — во всяком случае, облака Перна. Но они включали также различные газы, причем не только те, что входили в состав воздуха. Над равнинами Айгена, где скапливались вредные испарения от близлежащих желтых гор, можно было задохнуться от запаха и сжечь легкие. Разные газы выпускали молодые огнедышащие горы, что вздымались на побережье западных морей, выбрасывая пламя и раскаленные камни. Горняки рассказывали о газах, скапливающихся в полостях под землей. Но драконы очень быстры. Секунда или две в смертельной атмосфере Алой Звезды не причинят ему вреда. Кант' немедленно унесет его через Промежуток в безопасность.

Они должны только попасть в эту облачную кисть, достаточно близко к поверхности, чтобы острые глаза Кант'а могли рассмотреть, что скрывается под облачным покровом. Только один взгляд... и бросить его должен он, Ф'нор, а не Ф'лар.

Он начал представлять в воображении гигантскую кисть, ее пальцы, наползавшие на таинственную остроконечную тень...

— Скажи Рамот'е. Пусть она передаст всем то, что мы увидим. Всем — каждому дракону, всаднику, огненной ящерице. Нам придется прыгнуть во времени — к тому моменту, когда я увидел в облаках эту руку. Скажи Брекке...

И вдруг он понял, что Брекка уже все знает, что она все знала уже тогда, когда обняла его... Но он не мог сердиться на Лессу. Ей хватило мужества, чтобы пойти на такой же риск семь Оборотов назад, когда она привела в их время пять затерянных Вейров.

«Наполни легкие», — посоветовал Кант', и Ф'нор услышал, как в горле дракона заклокотал воздух.

Его размышления остались незаконченными; холод Промежутка сковал его тело. Он не чувствовал ничего: ни мягкой кожи дракона под своей щекой, ни ремней, впившихся в его плоть. Только ледяной холод и тьма. Никогда еще он не оставался в Промежутке так долго.

Из ледяного мрака они вынырнули в удушающий жар. Они падали в плотном облачном тоннеле вниз, к бурой массе, которая

оказалась вдруг так же близко, как тот самый пик в Нерате при отражении атаки Нитей на средних высотах.

Кант' попытался раскрыть крылья и вскрикнул от боли, когда их вывернуло. Хруст костей был неразличим в невероятном реве обжигающего урагана, внезапно обрушившегося на них. Они находились в атмосфере Алой Звезды — в пылающем воздухе, хлещущем кожу раскаленными предательскими вихрями. Дракон и всадник, беспомощные, словно увлекаемое бурей перо, падали все ниже и ниже — но в следующий миг страшной силы удар снова бросил их вверх. Так продолжалось раз за разом. В одно из мгновений, когда они, парализованные огненным хаосом, в очередной раз мчались к поверхности планеты, Ф'нору удалось бросить взгляд на бурю массу, над которой их швырял и подбрасывал чудовищный ураган. Эта формация, похожая на нератскую скалу, была влажной и гладкой; на ее вершине что-то клочкотало, корчилося, пузырилось. Затем ветер швырнул их в красноватые облака, кое-где отливавшие тошнотворными белесыми отблесками, прошитые там и тут оранжевыми струями молний. Тысячи раскаленных игл ударили в незащищенное лицо Ф'нора, прожгли шкуру Кант'а, каждую фасетку глаз. Сокрушительный вибрирующий рев бури нарастал вокруг, бил в голову, в мозг, лишал разума, гасил сознание...

Затем они оказались в сердцевине вихря — в благословенной тишине, среди раскаленного светящегося газа. Искалеченные, бессильные, они падали внутрь этой гигантской воронки, к поверхности Алой Звезды.

Исхлестанный болью, Ф'нор помнил лишь об одном — эта мысль не покидала его, пока сознание не погрузилось во мрак беспомыслия. Вейр! Надо предупредить Вейр!

* * *

Гралл примчалась к Брекке с жалобным криком и бросилась прямо к ней в руки, словно пытаясь спрятаться. Она дрожала от страха, но в мыслях ящерки царил такой хаос, что Брекка не могла понять, что же так ее напугало.

Она гладила и ласкала маленькую королеву, предлагала ей соблазнительные кусочки мяса, но безрезультатно. Гралл не успокаивалась. Волнение ящерки передалось Берду. Когда Брекка выбранила его, Гралл пронзительно, возбужденно закричала.

Внезапно в вейр ворвались две зеленые, принадлежащие Миррим; файры били крылышками и испуганно щебетали, словно и их коснулась паника, охватившая маленькую королеву. За ними,

сопровожаемая трубными воплями коричневого, примчалась сама Миррим.

— Что случилось? С тобой все в порядке, Брекка?

— Я прекрасно себя чувствую, — заверила ее Брекка, отталкивая потянувшуюся к ее лбу ладошку девочки. — Просто файры волнуются. Иди в постель, уже полночь.

— Просто волнуются? — Глаза Миррим сузились — ну, точно как у Лессы, когда она чувствовала, что ее пытаются обмануть. — Где Кант'? Где Ф'нор? Почему они оставили тебя одну?

— Миррим! — строго одернула девочку Брекка. Та вспыхнула, уставилась в пол, нахохлившись так жалобно, что на глазах у Брекки выступили слезы. Она прикрыла их рукой, пытаясь успокоиться. — Пожалуйста, принеси мне крепкого кла.

Брекка встала и принялась надевать полетное снаряжение. Пять файров метались по комнате, то взмывая вверх, то падая к самому полу, словно пытались укрыться от неведомой опасности.

— Принеси мне кла, — повторила она, потому что Миррим стояла не двигаясь и смотрела на нее, как завороженная.

Девочка скрылась в проходе. Тройка огненных ящерии ринулась за ней прежде, чем Брекка поняла свою ошибку. В таком состоянии они, наверно, поднимут на ноги всех обитателей нижних пещер. Она окликнула Миррим, но та уже не расслышала. Пальцы Брекки дрожали, соскальзывая с металлических застежек.

Кант' никуда не пойдет, если решит, что это представляет опасность для Ф'нора. Кант' чувствует такие вещи, пыталась убедить себя Брекка. Он знает, что может сделать и чего не может. Кант' самый большой, самый быстрый и сильный коричневый дракон на Перне. И он умен... почти так же умен, как Мнемент'...

Брекка услышала медный звук тревожного крика Рамот'ы одновременно с приходом невероятного сообщения от Кант'а.

Отправились на Алую Звезду? Ориентируясь по облаку? Пошатнувшись, Брекка ухватила за край стола, ноги не держали ее. Она с трудом села в кресло и потянулась к кувшину, но пальцы ее так дрожали, что она не смогла налить вина. Двумя руками Брекка поднесла кувшин к губам и сделала несколько глотков. Это помогло.

Она все еще не могла поверить, что им удалось найти дорогу. Не здесь ли кроется причина испуга Гралл?

Зов Рамот'ы усилил ее тревогу; теперь она слышала, как с беспокойством откликаются другие драконы.

Брекка справилась с последней застежкой на куртке и заставила себя подняться и выйти на карниз. Оба файра продолжали в

панике метаться вокруг нее — пронзительный дуэт, полный ужаса и тревоги.

Она остановилась на верхней ступеньке, пораженная суматохой, наполнившей сумрачную мглу котловины Вейра. Драконы на уступах возбужденно расправляли крылья; другие звери стремительными тенями кружились в воздухе: кое-кто — со всадниками, большинство сами по себе. Рамот'а и Мнемент' сидели у Звездной Скалы; крылья развернуты, шеи напряжены, в глазах — грозное оранжевое пламя.

Всадники и прочие обитатели Вейра метались вниз, призывая своих зверей, сталкиваясь, крича и переспрашивая друг друга о причинах неожиданной тревоги.

Брекке зажала ладонями уши, вглядываясь в полумрак и пытаясь найти Лессу или Ф'лара. Вдруг они оба появились внизу на ступеньках и бросились к ней. Ф'лар добежал первым; следом, придерживаясь рукой за стену, торопилась Лесса.

— Ты знаешь, что натворили Ф'нор с Кант'ом? — закричал предводитель. — Все звери в Вейре словно сошли с ума!

Он тоже прикрыл уши и гневно уставился на девушку, ожидая ответа.

Брекке посмотрела на Лессу; ответный взгляд госпожи Бендена был полон ужаса и вины.

— Кант' и Ф'нор на пути к Алой Звезде.

Ф'лар застыл; глаза его полыхнули оранжевым, как у Мнемента'а. Секунду он глядел на девушку с таким ужасом и гневом, что она невольно отшатнулась назад. Ее движение словно пробудило Ф'лара; он перевел взгляд на своего бронзового, громоздко трубящего с высоты.

Ф'лар расправил плечи, стиснул кулаки — так, что над косточками пальцев побелела кожа.

Внезапно шум в Вейре прекратился, и разум каждого его обитателя ощутил мысленное предупреждение — неясное, смутное, исходявшее от огненных ящеров.

Водоворот — чудовишный, огненный, головокружительный... Давление — безжалостное, смертельное... Пенящаяся скользкая бурая поверхность, то вздымающаяся, то опускающаяся вниз... Поток жары — мощный, сокрушающий, как волна прилива... Страх! Ужас! Невнятное, едва различимое желание убежать, скрыться...

И вдруг у одного человека вырвался вскрик — подобно ножу ударивший по обнаженным нервам:

— Не покидай меня!

Крик, словно звон оборвавшейся струны, крик существа, терзаемого страшной болью, мольба, которая эхом отдалась в тем-

ных разверстых провалах вейров, в сознании драконов, в сердцах людей.

Рамот'а взмыла вверх; рядом с ней был Мнемент'. За ними поднялись все драконы Бендена. Воздух гудел под ударами крыльев.

Брекка ничего не видела; глаза ее налились кровью из лопнувших сосудов, не выдержавших крика-мольбы. Но она знала, чувствовала, как в небе возникло пятнышко... как оно со все возрастающей скоростью устремилось вниз, к земле, в падении... В падении столь же беспомощном, смертельном, как то, которое Кант' пытался остановить над каменными пиками Телгарских гор!

Брекка стиснула руки. Это тело, камнем летящее вниз, не подавало признаков жизни — ни проблесков сознания, ни отклика на ее отчаянные призывы. Над головой девушки драконы, выстроившись клином, рванулись в ночное небо. Клин становился все толще, плотней — по мере того как к нему присоединялись все новые и новые звери. Один, два, три слоя — широкая дорога из тел и крыльев наискосок вытягивалась вверх, как гибкая, прочная сеть, готовая поймать падающую пылинку.

И этот живой ковер в последний смертельный миг принял окровавленное тело коричневого, перекатил смятый, изломанный комок по спинам и скрещенным крыльям и осторожно опустил на землю Вейра.

Брекка, полуослепшая, оказалась у сочившегося кровью тела Кант'а первой. Ф'нор все еще был привязан ремнями к обожженной шее дракона. Рука девушки нащупала горло всадника, ее дрожащие пальцы искали пульс. На ощупь кожа Ф'нора казалась холодной и липкой; Брекка попыталась приподнять его голову — лед не мог быть тяжелее.

— Он не дышит! — закричал кто-то. — Губы посинели!

— Он жив, жив, — пробормотала Брекка.

Пальцы ее ощутили слабый удар, затем другой... Нет, она не ошиблась!

— Там, на Звезде, нет воздуха... Он задохнулся.

Что-то полузабытое мелькнуло в памяти Брекки, заставило ее разжать сведенные судорогой челюсти Ф'нора. Она накрыла его рот своими губами и с силой выдохнула воздух, прогоняя его все дальше, в гортань, в легкие.

— Правильно, Брекка! — слышался чей-то голос. — Это может сработать! Не торопись, дыши размеренно и глубоко, иначе собьешься.

Кто-то сильными руками сжал ее. Она цеплялась за безжизненное тело Ф'нора, пока не поняла, что их обоих пытаются снять с шеи дракона.

Потом пришел чей-то ментальный сигнал — одобряющий, требовательный: «Кант’! Держись!»

Дракон очнулся; его боль, жестокая, невероятная, словно волной накрыла сознание Брекки. Она продолжала гнать воздух в легкие Ф’нора. Вдох, выдох, вдох, выдох... Ради Ф’нора, ради Кант’а, ради самой себя... Раньше она никогда не думала, какой это труд — дышать... Набрать воздух, выдохнуть, напрягая мышцы живота, набрать снова... Вдох, выдох...

— Брекка! Брекка!

Твердая ладонь опустилась на ее плечо. Она ухватилась за кожаную куртку Ф’нора, не желая расставаться с его телом.

— Брекка! Он дышит сам! Он дышит, Брекка!

Ее повели куда-то; она пыталась сопротивляться, но ноги дрожали, кровавый туман застилал глаза. Она пошатнулась; ее ладонь в поисках опоры легла на кожу дракона.

«Брекка... — беззвучный голос, пронизанный болью, казался слабым, словно долетел из невероятной дали. Это был Кант’. — Брекка?»

— Я не одна, — шепнула девушка, — я снова не одна...

Две спасенные жизни непереносимой тяжестью легли на ее плечи. Внезапно ослабев, она сползла на землю, привалившись к шее коричневого дракона.

* * *

Вращаясь и клубясь, споры, зародыши чуждой жизни, неслись сквозь мрачную тяжелую атмосферу Звезды, подталкиваемые к Перну совокупным притяжением трех других небесных тел.

Споры достигали воздушной оболочки Перна. Они тормозились в ее верхних слоях, преобразуясь в гифы и формируя огромные разреженные облака, которые обжигающим ливнем выпадали на поверхность планеты.

Навстречу поднимались драконы, уничтожая их огненным дыханием. Те Нити, которым удавалось прорваться к поверхности, сжигали люди, пожирали песчаные черви или огненные ящерицы.

Так было везде, кроме восточного склона невысокой горы на севере Лемоса, засаженного молодыми деревцами. Люди осторожно отходили назад, отступая перед фронтом надвигающихся Нитей. Они ждали, наблюдая с затаенным ужасом, как серебристый дождь, опаяя листву, с шипением падает на землю. Когда смертоносная туча скрылась за гребнем горы, люди осторожно

приблизились к плантации; сопла огнеметов, которые они несли, были готовы в любой момент изрыгнуть языки пламени.

В ближайшем месте, дымившемся от укусов выпавших Нитей, почву проткнули металлическим прутот. Коричневый фэйр сорвался с плеча своего хозяина и, возбужденно чирикавая, бросился к дыре. Он сунул в нее любопытный нос, затем взлетел и с довольным видом занял свое место на кожаной перевязи. И начал прихорашиваться.

Человек погладил фэйра и улыбнулся, поворачиваясь к остальным.

— Нитей нет, Ф'лар! Их нет, Корман!

Вождь Бендена ответил Асгенару улыбкой. Он стоял, расправив плечи, сунув ладони под широкий пояс всадника.

— Итак, четвертая атака без защиты с воздуха, лорд Асгенар?

Молодой правитель Лемоса кивнул, его глаза блестели.

— Ни одной норы на всем склоне. — Он повернулся к одному из спутников, который, казалось, пребывал в сомнениях. — Ну, что скажешь, лорд Грож? Ты все видел своими глазами.

Лорд Форт-холда, с кирпично-красной физиономией, медленно склонил голову.

— Пойдем, господин мой, — произнес высокий светловолосый человек с ястребиным носом. — Какие еще доказательства тебе нужны? Ты видел то же самое в нижнем Керуне и в долине Телгара. Даже этот идиот Винцет из Нерата сдался.

Грож пожал плечами. Похоже, плевать он хотел на Винцета из Нерата.

— Я только никак не могу поверить, что это сделали личинки... горсть жалких червяков. Драконы выглядят гораздо внушительнее. — Он испустил тоскливый вздох.

— Но ты же видел сам, как личинки уничтожили Нити! — напомнил Ф'лар. Его терпение подходило к концу.

— Это недостойно человека, — Грож гордо задрал подбородок, — быть чем-то обязанным личинкам! Драконы — другое дело.

— А всегда ли ты выполнял свои обязательства перед родом драконов? — насмешливо поинтересовался Асгенар. — Помнишь, семь Оборотов назад кто-то не хотел платить десятину?

— Я не доверяю личинкам!

Грож снова воинственно выпятил подбородок. Золотая ящерица на его плече испустила звонкую трель и потерлась головкой о щеку лорда. Его лицо смягчилось; он обернулся к Ф'лару и пожаловался:

— Всю жизнь я верил только драконам. Вероятно, я слишком

стар, чтобы меняться... Но теперь ты правишь планетой. Делай, как желаешь. Во всяком случае, ты желаешь добра!

Он двинулся прочь, к коричневому дракону, что был придан его холоду. Огненная ящерка на его плече расправила крылья, стараясь удержать равновесие, и засвистела в такт нервным шагам старого лорда.

Корман, владетель Керуна, зажал свой огромный нос в кулак и высморкался. Он имел неприятную привычку прочищать таким образом уши.

— Старый глупец. Он будет пользоваться личинками. Будет пользоваться. Просто никак не может расстаться с мыслью о налете на Алую Звезду и расправе с Нитями прямо на месте. Грох — воитель. Ему не хочется сидеть в подземельях укрепленного холода и ждать осады. Ему нравится управлять событиями — так, как он считает нужным.

— Вейры благодарят тебя за содействие, лорд Корман, — начал Ф'лар.

Владетель Керуна фыркнул, снова прочистил уши и вежливо кивнул.

— Не стоит благодарности. Главная задача — защитить наши земли. Пожалуй, в этом отношении предки были куда сообразительней нас.

— Я и не догадывался об этом, — с улыбкой вставил Астенар.

— Я тоже, молодой человек, — решительно признался Корман, поворачиваясь к вождю Бендена. — Как Ф'нор? И что... как его имя?... с Кант'ом?

Времена, когда Ф'лар избегал ответов на подобные вопросы, были в прошлом. Он уверенно улыбнулся:

— Ф'нор уже встает. Правда, теперь он не так пригож, как прежде.

Ф'лар знал, что шрамы на щеках брата — там, где раскаленный вихрь рассек плоть до кости, — останутся навсегда.

— Крылья Кант'а заживают, хотя новые перепонки растут медленно. Но что говорить! Он напоминал кусок сырого мяса, когда они вернулись. На его теле не было живого места — кроме шеи, где лежал Ф'нор. Теперь весь Вейр прыгает вокруг него с кувшинами масла, когда молодая кожа чешется. Знаешь, драконы так любят, когда их смазывают маслом.

Глаза Ф'лара смеялись. Корман, чувствовавший неловкость, пока ему рассказывали про страдания коричневого, понял: теперь Кант' — важная персона в Бенден-Вейре.

— Он будет снова летать?

— Мы верим в это. И он будет опять сражаться с Нитями. У него для этого еще больше причин, чем у нас.

Уверенность Ф'лара понравилась Корману. Он снова забрал нос в кулак и сказал:

— Понадобится, наверно, много Оборотов, чтобы личинки распространились по всему континенту. На этот лес, — он указал на расстилавшийся перед ним склон, — мою плантацию в Керуне да участок в телгарской долине ушел весь запас личинок, что были привезены с юга за весь сезон. Я буду мертв, давно мертв, когда работа закончится. Но такой день наступит... И чем же тогда займются всадники?

Ф'лар внимательно посмотрел на владельца Керуна, потом на Асгенара, нетерпеливо ожидавшего ответа, и тихо рассмеялся.

— Секрет цеха, — заявил он, наблюдая, как вытянулось от разочарования лицо молодого лорда. — Ну, веселее, приятель! — Он дружески хлопнул Асгенара по плечу. — Подумай-ка сам. Ты должен сам догадаться, что драконы делают лучше всего.

Мнемент' осторожно разворачивался на крохотной полянке. Ф'лар застегнул куртку, готовясь к полету.

— Драконы великолепно приспособлены для странствий, добрые мои лорды. Они — быстрее всех, надежней всех. Вспомните — у нас есть Южный материк, который нужно исследовать, когда завершится это Прохождение и люди вернутся к нормальной жизни. И в небесах над нами есть другие планеты.

Лица обоих владельцев стали потрясенными, испуганными. Они помнили, что творилось с их файрами, когда Ф'нор с Кант'ом совершили прыжок меж двух миров.

— Я думаю, остальные планеты не должны быть такими негостеприимными, как Алая Звезда, — произнес Ф'лар.

— Драконы принадлежат Перну! — заявил Корман, издав носом выразительный трубный звук.

— Несомненно, лорд Корман, несомненно. Будь уверен, в Вейрах Перна всегда будут драконы. В конце концов, это их родина.

Ф'лар поднял руку в прощальном приветствии, и бронзовый Мнемент' вознес его в небеса.

Белый
дракон

*Эту книгу я без всякого почтения
посвящаю моим братьям, Хью и Кевину,
в награду за братское соперничество
и привязанность, выдержавшую проверку
временем, а также преданность,
которая родилась из детских ссор*

Пролог

Ракбат из созвездия Стрельца был желтой звездой типа G. В его систему входили два пояса астероидов, пять планет — и еще одна, блуждающая, притянутая и связанная узами тяготения в последние тысячелетия. Когда люди впервые обосновались на третьей планете системы Ракбата, получившей название Перн, они не обратили большого внимания на странную бродяжку, которая вращалась вокруг центрального светила по очень вытянутой и неустойчивой эллиптической орбите. В течение нескольких поколений люди даже не думали об этой алой звезде — пока однажды она не подошла близко к Перну.

Когда влияние остальных тел системы Ракбата не могло помешать сближению планет, чуждая жизнь, безжалостная и хищная, стремилась преодолеть узкий промежуток пространства и перебраться в более гостеприимный мир. В такие времена с небес Перна падали серебристые Нити, уничтожая все живое на своем пути. При первой атаке Нитей потери, понесенные колонистами, были устрашающими. Затем началась длительная борьба за выживание, отчаянное сражение с регулярными атаками Нитей. Это отнимало много сил, и постепенно непрочная связь с материнской планетой была окончательно утрачена.

В свое время периниты разобрали транспортные корабли и отказались от многих технологических достижений — все это казалось ненужным и неуместным на девственной, благодатной планете. Теперь же, чтобы защититься от вторжения Нитей, наиболее изобретательные из колонистов разработали стратегию, рассчитанную на века. Первая стадия планомерной защиты заключалась в совершенствовании уникального биологического вида, обитавшего на планете, ставшей для людей родиной. Мужчин и женщин, способных к глубокому сопереживанию, обладающих врожденным даром телепатии, обучали использовать этих необычных животных и помогать им. «Драконы», названные так в память о сказочных созданиях из земных легенд, обладали двумя чрезвычайно полезными свойствами: они почти

мгновенно перемещались из одного места в другое и умели выдыхать пламя — после того как заглатывали местный минерал, содержащий фосфин. Таким образом, драконы могли сжигать Нити еще в воздухе, не допуская их падения на почву.

Чтобы реализовать эту первую стадию, потребовалось несколько поколений. Одновременно была запущена и вторая стадия проекта, вот только ее окончательное завершение требовало много большего времени. Зато она гарантировала надежную защиту от вторжения смертоносных Нитей. Они представляли собой микозные гифы, способные путешествовать в космическом пространстве и с бессмысленной прожорливостью поглощающие любую органическую материю. Попадая на плодородную поверхность Перна, они зарывались в мягкую почву и начинали стремительно размножаться. Периниты вывели особых личинок, способных противостоять нашествию паразитов, и внесли их в почву Южного материка. Драконы должны были сжигать Нити в полете, защищая жилища и скот колонистов; личинки же предназначались для охраны растительности и уничтожения Нитей, сумевших ускользнуть от огнедышащих стражей.

Но разработчики двухступенчатой программы не учли грядущих геологических катаклизмов и социальных изменений. Южный континент, на первый взгляд более привлекательный, чем суровые северные земли, оказался небезопасным. В результате вся колония была вынуждена переселиться на север и искать защиты от Нитей в естественных горных пещерах Северного материка.

Форт, первоначальное поселение, вырубленное в восточном склоне Великого Западного хребта, вскоре стал слишком тесным для колонистов. Второй город-холд был заложен дальше к северу, около большого озера, где в скалах обнаружилось множество пещер. Однако через несколько поколений холд Руат тоже оказался переполненным. Поскольку Алая Звезда всходила на восточном небосклоне, периниты решили заложить следующие поселения в Восточных горах, если там окажутся подходящие пещеры. Ведь только камень и металл (которым Перн, к сожалению, оказался не очень богат) могли защитить от обжигающих ударов Нитей.

К тому времени благодаря селекции крылатые, длиннохвостые, огнедышащие драконы достигли таких размеров, что содержать их в тесноте пещерных городов-холдов стало невозможно. Тогда периниты обратили внимание на кратеры древних потухших вулканов, внутренние склоны которых были источены огромными пещерами. Одна такая вершина находилась вблизи Форта, другую обнаружили в горах Бендена на восточной оконечности материка. Их приспособили для обитания драконов и

их всадников, но на этот проект ушли последние запасы горючего для гигантских горнопроходческих машин, и все остальные холды и Вейры пришлось высекать в скалах вручную.

У Всадников, летавших на драконах, и у людей, обитавших в холдах, были различные задачи; у обеих групп сложился свой жизненный уклад, и постепенно, постепенно привычки становились обычаями — пока не превратились в традицию, нерушимую, как закон.

Наступил период, равный двумстам Оборотам Перна вокруг светила, когда Алая Звезда, одинокая, замерзшая странница, находилась на дальнем конце своей эллиптической орбиты. На почву Северного материка больше не падали Нити. Люди стерли следы опустошения, разбили фруктовые сады, вспахали поля и даже собирались восстановить на склонах гор уничтоженные Нитями леса. Вскоре они забыли о том, что совсем недавно находились на грани вымирания. Но блуждающая планета вернулась с неизменностью космического маятника, и Нити стали падать опять; началось новое Прохождение, пятьдесят Оборотов ужаса, падающего с небес. И периниты благословляли далеких предков, чья мудрая предусмотрительность спасала их в эти трудные времена. Теперь у них были драконы, которые своим огненным дыханием уничтожали падающие Нити в воздухе.

В течение мирного Интервала род драконов множился и процветал; были основаны четыре новых поселения в кратерах вулканов. Но в пылу строительства холдов, освоения девственных земель, странствий по бескрайним лесам и пустыням была утрачена память о червях — пожирателях Нитей с Южного материка, о самом материке и о прародине перинитов. С каждым последующим поколением воспоминания о Земле отступали все дальше в глубь времен, пока не превратились в миф, в легенду и, наконец, не канули в вечность.

К моменту, когда Алая Звезда в третий раз сблизилась с Перном, на планете уже сложилась прочная политико-экономическая структура, позволяющая успешно бороться с регулярными бедствиями. Шесть Вейров — так стали называть лагеря всадников в кратерах потухших вулканов — взяли под защиту весь Северный материк, разделив его на шесть областей. Остальное население должно было оказывать поддержку Вейрам, так как обитавшие в них воины не могли тратить силы и время на поиски пропитания — тем более вблизи потухших вулканов не было пригодной для обработки земли. В мирное время всадники растили драконов и обучали молодежь; во время прохождения Алой Звезды они сражались с Нитями.

В районах, изобиловавших естественными пещерами, в плодородных долинах рек росли города-холды. Некоторые из них, расположенные в стратегически важных точках, развивались особо стремительно. Чтобы управлять ими, требовались сильные люди, способные справиться с ужасом и отчаянием, которые охватывали население во время атак Нитей. И нужны были мудрые администраторы — чтобы запастись и сохранить продовольствие на весь период, когда не представлялось возможным вырастить урожай; опытные ремесленники, трудолюбивые фермеры, отважные мореходы. Людей, обладавших способностями к работе с металлом, умевших разводить животных, ловить рыбу, ткать, добывать руду (там, где она была), объединили в цеха. Каждый цех включал в себя несколько мастерских, расположенных, как правило, в самых больших холдах. Одна из мастерских считалась главной — там ремесленники совершенствовали свое искусство, там обучали молодежь, передавая из поколения в поколение секреты своего ремесла. Чтобы лорды, правившие холдами, на землях которых находились мастерские, не могли прибрать к рукам их продукцию, ремесленникам было предоставлено самоуправление. Они подчинялись только главному мастеру своего цеха, которого выбирали из числа наиболее опытных и уважаемых людей. Главный мастер полностью отвечал за продукцию цеха, ее качество и распределение; мастерские работали для всего Перна.

Со временем, конечно, права и привилегии властителей холдов и главных мастеров возросли — равно как и привилегии всадников, под защитой которых находились все поселения на планете.

Порой случалось так, что из-за влияния остальных пяти спутников Ракбата Алая Звезда проходила слишком далеко от Перна, и смертоносные Нити не появлялись в его небесах. Такие периоды назывались долгими Интервалами. Во время последнего из них наступила эпоха процветания. Люди осваивали все новые и новые земли, вырубали в неприступных скалах города, затем начали строить поселения в открытой местности. Занятые повседневными заботами, они предпочитали не думать об Алой Звезде — и наконец решили, что она перестала угрожать Перну. Между тем племя драконов катастрофически сократилось, и на всей планете остался один-единственный Вейр, где обитали всадники. Это уже не беспокоило никого. Зачем тревожиться, если Алая Звезда на долгие Обороты — или, быть может, навсегда — ушла с небосклона Перна?

Итак, сменилось пять поколений, и потомки отважных всадников впали в немилость. Забылись легенды об их храбрости, ге-

роические Баллады давних лет стали считаться пустой похвалой, и лишь пять таинственно опустевших Вейров напоминали о былом величии племени драконов.

Первая книга о Крылатых всадниках Перна, «Полет дракона», повествует о тех днях, когда путь, которым следовала Алая Звезда, с безжалостной неотвратимостью должен был снова привести ее к Перну. Пришло время — и зловещий алый глаз вновь вспыхнул на рассветном небе обреченной планеты, однако его мерцающий свет пробудил в людях лишь смутное беспокойство. И лишь один всадник на обреченной планете — Ф'лар, всадник бронзового Мнемента — верил, что в древних сказаниях сокрыта истина. Он передал эту веру Ф'нору, всаднику Кант'а, своему сводному брату.

Когда на площадку Рождений Бенден-Вейра легло последнее золотое яйцо умирающей королевы драконов, Ф'лар и Ф'нор решили воспользоваться ситуацией и обрести власть над Вейром. По древнему обычаю всадники вылетели на Поиск, чтобы найти молодую женщину, способную пройти обряд Запечатления вместе с новой королевой в момент ее появления из яйца. В холде Руат братья обнаружили Лессу, юную девушку, одаренную необычайной телепатической мощью и силой духа. Она была единственным потомком гордых лордов Руата; вся ее семья погибла десять Оборотов назад, при нападении на холд.

Лесса запечатлила золотую Рамот'у, новую королеву, и стала госпожой Бенден-Вейра. Позже бронзовый Мнемента Ф'лара догнал молодую королеву в ее первом брачном полете, и Ф'лар, согласно традиции, стал предводителем Вейра, возглавив уцелевших всадников Перна.

Эти трое, Лесса, Ф'лар и Ф'нор, сумели убедить властителей холдов и мастеров в том, что на Перн надвигается страшная опасность. Они начали готовить почти беззащитную планету к обороне. Однако было ясно, что две сотни драконов Бенден-Вейра не смогут спасти разросшиеся поселения перинитов. В старые времена для защиты колонии требовалось шесть полных Вейров, а обитаемая область была тогда намного меньше.

Во время тренировочного полета Лесса случайно обнаружила, что драконы могут не только почти мгновенно перемещаться в пространстве, но и путешествовать во времени. Тогда, рискуя своей жизнью — и жизнью единственной на планете королевы, продолжательницы рода драконов, — Лесса отправилась в прошлое, на четыреста Оборотов назад, к моменту загадочного исчезновения остальных пяти Вейров, внезапно опустевших, когда заканчивалось последнее Прохождение Алой Звезды.

Вожди пяти Вейров, предчувствуя, что после долгих лет героических битв их ожидает период застоя и упадка, согласились помочь своим потомкам. Вместе с Лессой они отправились в будущее и спасли Перн.

Вторая книга о Крылатых всадниках Перна, «Странствия дракона», повествует о дальнейших событиях.

Прошло семь Оборотов. Первоначальный восторг и благодарность, которые испытывали холды и цеха к своим спасителям, успели остыть. Да и Древним всадникам, пришельцам из прошлого, не нравился новый Перн и та эпоха, в которой они очутились. Слишком много изменений произошло за четыреста Оборотов — изменений, которые неизбежно вели к конфликту между прошлым и настоящим. Древние, привыкшие к благоговейной покорности холдеров, не могли найти общий язык ни с лордами и мастерами, ни с вождями Бенден-Вейра.

Трения, возникшие между ними, вылились в ссору между Ф'нором и всадниками Древних из Форт-Вейра. Ф'нор был тяжело ранен, и ему пришлось отправиться на вновь заселенный Южный материк — выздоравливать. Этот небывалый случай — ибо, согласно нерушиму закону, всадник не вправе пролить кровь соратника — рассматривался на совете предводителей Вейров. Он закончился почти безрезультатно; Ф'лару стало ясно, что Т'рон, вождь Форты, не желает нести ответственность за свои действия. Однако доводы Ф'лара заставили двух вождей Древних Вейров, Д'рама из Исты и Г'нариша из Айгена, по-новому взглянуть на своих современников.

Вскоре нарушилась регулярность падения Нитей, и графики атак, тщательно составленные Ф'ларом на основании старинных хроник, утратили свою ценность. Мастер-арфист Перна Робинтон и глава цеха кузнецов Фандарел, совместно с вождями Бендена, попытались справиться с новой напастью. Фандарел со своими помощниками изобрел устройство, напоминающее проволочный телеграф, а мастер-арфист придумал код, похожий на азбуку Морзе. Это позволило обеспечить связь между холдами, Вейрами и мастерскими и своевременно предупреждать всадников об атаках Нитей.

Тем временем Ф'нор, которого выходила юная Брекка, младшая госпожа нового Южного Вейра, случайно обнаружил файров, огненных ящериц, которых до сих пор считали легендой или пустой выдумкой. Он убедился, что они существуют и при Рождении поддаются Запечатлению — как и драконы, их отдаленные родичи. Килара, коварная и необузданная госпожа Южного Вейра, нашла кладку яиц файров и подарила их лорду Мерону На-

болскому, своему любовнику, проявлявшему неизменную враждебность к всадникам.

Узнав от Ф'нора об огненных ящерицах, Ф'лар направился в Южный. Он хотел заодно проверить состояние дел в новом Вейре, ибо знал, что молодой Т'бор, тамошний предводитель, не может найти управу на госпожу Южного, распутную Килару. Когда началась неожиданная атака Нитей в глубине Южного материка, Ф'лар присоединился к всадникам, защищавшим огромную территорию болот. Исследуя местную растительность, он обнаружил в почве множество странных белесых червячков, поднимающихся на поверхность в местах падения Нитей. Ф'лар собрал образцы, чтобы показать их Согрейни, мастеру-скотоводу. Но тот не пожелал тратить время на ничтожных личинок, и вождю Бендена пришлось продолжать исследования самому. Он рассказал о своей находке Ф'нору и молодому Н'тону, всаднику бронзового Лиот'а.

Вскоре управляющий Лайтол, опекун юного Джексома — мальчика, которому Лесса передала свое кровное право на холд Руат, — посетил Бенден-Вейр, чтобы обсудить с Ф'ларом, Лессой, Робинтоном и Фандарелом напряженную ситуацию, сложившуюся на Перне. Джексома он взял с собой; его питомец подружился с Фелессаном, единственным сыном Ф'лара и Лессы. Пока взрослые совещались, мальчики по заброшенным переходам Вейра пробрались на площадку Рождений, чтобы взглянуть на новую кладку Рамот'ы. Неожиданно королева вернулась, и перепуганные мальчуганы бросились наутек. Заблудившись в темных переходах, они случайно обнаружили древнюю лабораторию, оставленную земными предками перинитов. Спасательный отряд нашел мальчиков, когда они уже потеряли сознание. Незадачливые исследователи лежали на пороге двери, ведущей в заброшенные комнаты, где хранилось множество загадочных приборов — в том числе и устройство, способное увеличивать мелкие предметы. Микроскопом сразу же завладел мастер-кузнец. Ф'лар предложил изучить заброшенные коридоры старых холдов и Вейров — возможно, там найдется нечто, позволяющее восстановить знания древности?

Вскоре в Телгар-холде состоялась свадьба лорда Асгенара и сестры лорда Телгарского, где Килара появилась вместе с лордом Мероном. На плечах у обоих восседали огненные ящерицы, вызвавшие всеобщее изумление. Внезапно всадник принес весть, что над Айгеном в неурочное время выпали Нити. Ф'лар призвал присутствующих на свадьбе вождей Вейров вылететь на помощь. Тогда Т'рон, воспользовавшись этим поступком как предлогом для ссоры, вызвал предводителя Бендена на поединок. В резуль-

тате жестокой схватки Ф'лар вышел победителем — несмотря на серьезную рану. Он отправил в изгнание Т'рона и Т'кула, вождя Вейра Плоскогогорье, также не пожелавшего признать его Верховным предводителем Перна. Властители холдов и мастера единодушно поддерживали Ф'лара. Вожди Древних, Д'рам из Исты, Г'нариш из Айгена и Р'март из Телгара, также примкнули к нему. Т'кул, а с ним еще семьдесят всадников и их драконы последовали за Т'роном в ссылку. Ф'лар, раненый, повел всадников на защиту Айгена.

Прибыв в Южный, Т'кул изгнал живших там всадников Т'бора, и они переселились в покинутый Древними Вейр Плоскогогорье, который нашли в ужасающем запустении. Брекка, не думая о том, что Вирент'а, ее королева, вот-вот поднимется в первый брачный полет, стала наводить порядок в Вейре. Килара, старшая госпожа, в это время отправилась в Набол и уединилась с лордом Мероном. К несчастью, случилось так, что Придит'а, королева Килары, тоже была готова подняться. И когда Вирент'а начала брачную игру, Придит'а взлетела вслед за ней. Между двумя королевами разгорелся бой — хотя другие драконы пытались их разнять. Напрасно Кант' и Рамот'а пытались спасти Вирент'у. Смертельно раненные, обе королевы ушли в Промежуток; Килара лишилась рассудка, Брекка тоже оказалась на грани безумия. Только благодаря любви Ф'нора, преданности Кант'а и неотступным заботам крошечных фэйров ей удалось остаться в живых.

Тем временем в Форт-Вейре был обнаружен телескоп — или прибор для дальновидения, как назвал его Фандарел. Н'тон и Вансор начали изучать поверхность Алой Звезды, почти полностью закрытую клубящимися тучами. Лесса, Робинтон, лорды и всадники прибыли в Форт, чтобы осмотреть и испытать дальновидящее устройство. Мерон Наболский начал требовать, чтобы теперь, когда Алую Звезду можно увидеть как на ладони, всадники отправились туда и окончательно уничтожили Нити. Он даже рискнул послать к планете своего фэйра, но огненная ящерица в ужасе скрылась, попутно перепугав других фэйров.

Когда кладка Рамот'ы наконец созрела, среди множества гостей на торжество в Бенден прибыл и лорд Лайтол с юным Джексом. Попытка Ф'лара и Лессы вывести Брекку из шока, предоставив ей возможность пройти повторное Запечатление с новорожденной королевой, не увенчалась успехом, но бронзовому фэйру удалось вырвать девушку из мрака отчаяния.

Джексом увидел, что самое маленькое из яиц Рамот'ы, то самое, которое он заметил и даже потрогал — когда украдкой пробрался на площадку Рождений, — раскачивается, но никак не

может расколоться. Мальчик бросился на помощь новорожденному. Неожиданно для всех и для самого себя он запечатлил Рут'а, крохотного белого дракончика. Так будущий лорд Руата стал всадником. Ему позволили забрать Рут'а с собой в холд, поскольку никто не верил, что маленький дракон необычного цвета проживет дольше одного Оборота.

Оправившийся от раны, Ф'лар использовал торжество, на котором собралось много гостей, чтобы продемонстрировать мастерам и лордам, как личинки Южного материка расправляются с Нитями, а кроме того, заживают ожоги, нанесенные растениям. И тогда мастер-фермер Андемон понял истинную суть древней заповеди «наблюдайте за личинками!» Это предупреждение было неверно истолковано — вместо того чтобы заботиться о личинках, их безжалостно и неустанно уничтожали.

Итак, спустя века был восстановлен наземный проект защиты, разработанный колонистами. Опираясь на него, Ф'лар при поддержке Ф'нора и Н'тона, своих ближайших помощников, повел решительную атаку на отживающие традиции. Он потребовал массового расселения личинок на Северном материке, а также распространения накопленных знаний, чтобы жизненно важные сведения не оказались утраченными или искаженными.

Однако лорды, которых подстрекал Мерон, продолжали настаивать, чтобы всадники снарядили экспедицию на Алую Звезду и уничтожили источник, порождающий Нити. Чтобы подавить в зародыше мысль о рискованном путешествии, Ф'нор направил своего Кант'а к облачному скоплению над поверхностью Алой Звезды. Совершив гигантский прыжок через Промежуток, они едва не погибли в бурной, лишенной кислорода атмосфере враждебной планеты. Только любовь и привязанность Брекки помогли им вернуться обратно, избежав неминуемой смерти.

Разведывательный полет, предпринятый Ф'нором, доказал всадникам и владыкам холдов, что очистить Алую Звезду от Нитей не так просто; слишком велика опасность потерять и драконов, и людей.

В этой сложной ситуации Ф'лар направил все свои усилия на расселение спасительных личинок. Одновременно он вместе с Робинтоном вел тайное наблюдение за Южным, который оставался оплотом Древних, не принявших новых преобразований. Положение изгнанников было крайне тяжелым — у них не осталось молодых королей, способных продолжить род драконов. Возникли и другие сложности — на взгляд Робинтона, не менее серьезные.

А теперь — третья книга, «Белый Дракон».

Глава 1

Холд Рут. Двенадцатый Оборот с начала Прохождения Алой Звезды

— По-моему, чище не бывает, — сказал Н'тону Джексом, в последний раз споласкивая Рут'а водой из небольшого ведра, — или я просто не знаю, что такое чистота! — Рукавом куртки он стер со лба пот. — Ты согласен, Н'тон? — учтиво осведомился мальчик, внезапно сообразив, что обратился к своему собеседнику, предводителю Вейра, без должного почтения к его высокому рангу.

Н'тон усмехнулся и махнул в сторону заросшего травой берега озера. Они прошлепали по грязи, в которую превратилась стекавшая с дракончика мыльная пена, и разом обернулись, чтобы издали взглянуть на Рут'а, влажно поблескивавшего в лучах утреннего солнца.

— В жизни не видел его таким чистым, — подтвердил Н'тон после придиричвого осмотра и, спохватившись, добавил: — Я вообще не хочу сказать, Джексом, что раньше ты плохо ухаживал за ним. Но если ты сейчас же не велишь ему вылезти из грязи, он недолго останется таким красавцем.

Джексом поспешил передать его просьбу дракону, добавив:

— И еще, Рут', держи хвост повыше, пока не выйдешь на травку!

Краешком глаза он приметил, что Дорс с друзьями счел за благо улизнуть, пока Н'тон не нашел для них новой утомительной работы. Купая Рут'а, Джексом с трудом прятал торжествующую усмешку. Дорс, да и другие парни из его компании, не осмелились послушаться Н'тона, когда всадник, ни о чем не подозревая, позвал их на подмогу. Настроение у Джексома сразу поднялось: ну и попотели же они, суетясь вокруг «малывки», «файра-переростка» — вместо того чтобы, как обычно, дразнить и подначивать его хозяина! Конечно, он не надеялся, что передышка будет долгой. Но если сегодня вожди Бендена решат, что Рут' уже достаточно силен, чтобы подняться в воздух вместе с ним, то Джексом сможет в любой момент улететь от насмешек своего молочного брата и его компании.

— А знаешь, — чуть нахмурясь, произнес Н'тон, отряхивая забрызганную водой тунику, — на самом деле Рут' вовсе не белый.

— Разве? — Джексом недоверчиво уставился на своего дракона.

— Взгляни-ка: кое-где шкура отливает коричневым и золотым, а по бокам проступают синие и зеленые разводы.

— Ты прав! — Джексом даже заморгал от удивления, обнаружив в своем друге что-то совершенно новое. — Наверное, сегодня эти оттенки гораздо заметнее, потому что он такой чистый... и солнышко так ярко светит! — для мальчика было несказанным удовольствием поговорить на заветную тему с понимающим собеседником.

— Да, он вовсе не бесцветный, скорее... скорее, сочетает все известные цвета драконов, — продолжал Н'тон. Положив ладонь на крепкое плечо Рут'а, он склонил голову, рассматривая мощную спину зверя. — И сложен просто отлично! Пусть, Джексом, твой дракон не вышел ростом — все равно он просто загляденье!

Джексом вздохнул и, сам того не замечая, расправил плечи и гордо выпятил грудь.

— Не слишком толстый и не слишком худой — в самый раз, а, Джексом?

Лукаво улыбаясь, Н'тон локтем легонько толкнул мальчика в спину, намекая на те случаи, когда Джексом обращался к нему за помощью: раньше у Рут'а частенько побаливал живот. Джексом вообразил, что, если поплотнее набивать дракончику желудок, малыш догонит в росте своих братьев по выводку. Но результаты оказались плачевными.

— Как ты считаешь, у него хватит сил подняться вместе со мной?

Н'тон остановил на мальчишке задумчивый взгляд.

— Дай сообразить... Запечатление прошло весной, больше Оборота назад, сейчас уже близится прохладный сезон... Большинство драконов завершают рост за один Оборот. Не думаю, чтобы за последние шесть месяцев Рут' подрос хоть на пол-локтя. Приходится признать, что больше он не вырастет. Ну-ну! — подбодрил Н'тон мальчика, услышав его печальный вздох. — Все равно он на полголовы выше любого скакуна, ведь так? А на них можно часами мчаться без усталости, верно? Да и ты не такой тяжеловес, как этот Дорс.

— Но ведь для полета нужны совсем другие усилия...

— Разумеется, но и крылья у Рут'а достаточно велики, чтобы удерживать его в воздухе.

— Так, значит, он и вправду настоящий дракон?

Н'тон внимательно посмотрел на Джексома. Потом положил ладони ему на плечи.

— Да, Джексом. Рут' — настоящий дракон, хоть и намного меньше своих собратьев! И он докажет это сегодня, когда ты полетишь на нем. А пока вам обоим пора возвращаться в холд. Тебе еще надо принарядиться, чтобы не уступить ему в красоте!

— Вперед, Рут'!

«Куда охотнее посидел бы здесь, на солнышке», — ответил Рут', горделиво вышагивая слева от Джексома; он легко попевал за обоими людьми.

— У нас во дворе тоже солнце, Рут', — уговаривал Джексом приятеля, ласково поглаживая ладонью его выпуклое надбровье. От удовольствия в плавно вращающихся фасетчатых глазах дракона мелькнули голубые всплески.

Дальше шли молча. Джексом поднял взгляд на величавый утес, приютивший холд Руат, второе по старшинству поселение Перна. Это будет его холд, когда он подрастет или когда его опекун, лорд-управляющий Лайтол, бывший ткач, а еще раньше — всадник, решит, что воспитанник достаточно поумнел... и когда владельцы остальных холдов перестанут, наконец, ворчать из-за неожиданного Запечатления Рут'а, дракона-недоростка. Джексом вздохнул; он уже смирился с тем, что ему вовек не дадут забыть тот день.

Впрочем, он и не собирался забывать его. Просто Запечатление Рут'а создало много трудностей и для Ф'лара с Лессой, возглавлявших Бенден-Вейр, и для властителей холдов, и для него самого — поскольку ему не было дозволено стать настоящим всадником и поселиться в Вейре. Он должен оставаться наследным лордом Руата — в противном случае любой из младших отпрысков благородных семейств, не имеющий своего холда, станет биться насмерть, чтобы заполучить этот титул. Но больше всего хлопот он доставил человеку, порадовать которого было его самой сокровенной мечтой, — Лайтолу, управляющему Руата, своему опекуну. Ведь задержись Джексом хоть на мгновение, задумайся он хоть чуть-чуть перед тем, как спрыгнуть на песок площадки Рождений и броситься на помощь белому дракончику, отчаянно бившемуся в твердой скорлупе яйца, он наверняка бы понял, какое горе принесет этот шаг Лайтолу. Теперь Рут' постоянно напоминал бывшему всаднику о том, что он потерял со смертью своего любимого Ларт'а. И неважно, что Ларт' погиб за много Оборотов до того, как Джексом появился на свет в Руат-холде, — для Лайтола трагедия, ярко и жестоко запечатлевшаяся в памяти, произошла едва ли не вчера... во всяком случае, так он

неоднократно повторял Джексому. Но тогда, часто думал мальчик, почему же тогда Лайтол не возражал против того, чтобы он, Джексом, попробовал вырастить дракончика в Руате?

Взглянув на возносившиеся над холдом скалы, Джексом заметил, что бронзовый Лиот' Н'тона сидит бок о бок с Уилт'ом, старым коричневым сторожевым драконом. Интересно, о чем они судачат? О его Рут'е? О предстоящем испытании? Он увидел огненных ящериц, крошечных сородичей больших драконов, лениво круживших над двумя великанами. Люди гнали тягловый скот и верховых скакунов из стойл и конюшен на пастбища, раскинувшиеся к северу от холда. Струйки дыма поднимались над мастерскими и зданиями предместий, что окаймляли подъем к большому двору и тянулись вдоль главной восточной дороги. Слева от нее возводились новые мастерские, поскольку внутренние помещения Руат-холда стали уже недостаточно просторными.

— Сколько у Лайтола воспитанников здесь, в Руате? — неожиданно спросил Н'тон.

— Воспитанников? Ни одного, мой господин, — Джексом нахмурился. Он был уверен, что Н'тону это известно.

— Но почему? Тебе необходимо общество сверстников, подростков из благородных семей.

— Я часто сопровождаю Лайтола в другие холды.

— Я имел в виду не эти визиты, а твое постоянное окружение... здесь, дома.

— Ну, тут есть мой молочный брат Дорс и его приятели из мастерских.

— Да, это так.

Что-то в тоне молодого предводителя заставило Джексома поднять взгляд, но лицо Н'тона было непроницаемо.

— А Фелессана ты теперь часто видишь? Помню, как вы, бывало, озорничали в Бендене...

Джексом невольно покраснел до корней волос. Неужели Н'тону каким-то образом стало известно, что они с Фелессаном пробрались сквозь расщелину на бенденскую площадку Рождений, чтобы поближе рассмотреть кладку Рамот'ы? Разве что Фелессан проболтался! Нет, вряд ли! Но Джексом часто задумывался — не могло ли случиться так, что прикосновение к маленькому яйцу предопределило его связь с дракончиком?

— Теперь я редко встречаюсь с Фелессаном. У меня мало времени — ведь нужно ухаживать за Рут'ом, и все такое...

— Ну да, понятно, — промолвил Н'тон. Казалось, он хотел что-то добавить, но передумал.

Молча шагая по дороге, Джексом соображал, не ляпнул ли он

какую-нибудь глупость. Но на долгие размышления у него не хватило времени. Не прошло и минуты, как над ними, снижаясь, закружил коричневый Трис, Н'тонов фэйр, и, возбужденно чирикая, уселся на плечо всадника.

— Что-то случилось? — спросил Джексом.

— Он слишком разволновался, невозможно ничего разобъяснить, — посмеиваясь, ответил Н'тон. Он стал поглаживать фэйра по шее, ласково успокаивая его, пока Трис, чирикнув в последний раз, не сложил крылышки на спине.

«Просто он меня любит», — заметил Рут'.

— Тебя любят все фэйры, — ответил Джексом.

— Я тоже заметил это... Не сегодня, когда они помогли нам купать Рут'а, а гораздо раньше, — подтвердил Н'тон.

— Но почему? — Джексому уже давно хотелось задать Н'тону этот вопрос, но он никак не мог отважиться. Нельзя же отнимать драгоценное время предводителя Вейра, отвлекая его всякими пустяками! Но сегодня вопрос уже не казался ему пустячным.

Н'тон взглянул на своего фэйра. Трис коротко чирикнул и стал чистить свои коготки. Молодой всадник усмехнулся.

— Он любит Рут'а — вот и весь ответ. Полагаю, все дело в том, что Рут' больше похож на них, чем большие драконы. К примеру, чтобы его разглядеть, не надо отлетать в сторону.

— Может, и так, — Джексом осмелел, — во всяком случае, ящерки слетаются со всех сторон, чтобы с ним поболтать. Рассказывают самые невероятные истории, особенно когда меня нет рядом.

Они вышли на дорогу и направились к подъему, ведущему в главный двор холда.

— Смотри, Джексом, одевайся поскорее — скоро должны прибыть Ф'лар с Лессой, — предупредил Н'тон и, миновав большие ворота, зашагал к тяжелой металлической двери холда. — Скажи-ка, Файндер в этот час должен быть у себя?

— Скорее всего.

Когда Джексом с Рут'ом повернули к кухне и старым конюшням, мальчика охватила тревога. Как пройдет сегодняшнее испытание? Ведь не стал бы Н'тон его попусту обнадеживать. Не может быть, чтобы это было простой болтовней — что вожди Бендена позволят Джексому подняться с Рут'ом в воздух!

Лететь с Рут'ом — какое счастье! К тому же он докажет всем раз и навсегда: Рут' — настоящий дракон, а не какой-нибудь там фэйр-переросток, как любит издеваться Дорс. И еще, ему наконец-то удастся отделаться от Дорса! Сегодня в первый раз за целый Оборот ему не пришлось выносить насмешек молочного

брата во время купания дракончика. Конечно, дело не в том, что Дорс завидовал Джексому из-за Рут'а; просто он всегда его тиранил, сколько Джексом себя помнил. До того, как появился Рут', можно было улизнуть от надоеды в темные закоулки огромного холда. Дорс недолюбливал мрачные затхлые переходы и старался туда не соваться. Но теперь Джексому уже не удавалось скрыться от приставаний. Он часто сожалел, что связан с Дорсом. Но что поделаешь! Он — лорд Руата, а Дорс — его молочный брат. Он, Джексом, обязан ему жизнью. Если бы Дилана не родила Дорса за два дня до преждевременного появления Джексома на свет, будущий лорд не прожил бы и нескольких часов. Вот Лайтол и арфист холда долбят ему: от всего, что у тебя есть, отдавай половину молочному братцу. Сразу видно, Дорсу это пошло на пользу. Он на полголовы выше Джексома и куда шире в кости. Похоже, ничуть не пострадал от того, что делился материнским молоком. А теперь-то Дорс всегда следит, чтобы ему досталось все лучшее из того, что есть у Джексома.

Джексом приветливо помахал поварам, хлопотавшим над праздничным обедом по случаю первого полета Рут'а, — во всяком случае, он искренне надеялся, что повод для праздника будет именно таким. Вместе с белым драконом он миновал ворота, ведущие к старым конюшням, переоборудованным под их с Рут'ом жилище. Хотя Рут' был совсем крошкой, когда полтора Оборота назад прибыл в Руат, никто не сомневался, что ему скоро станут тесны покои властелина холда. Вот Лайтол и решил, что старые конюшни, перекрытые арочными сводами, можно легко приспособить под спальню и кабинет для Джексома и удобный просторный вейр для дракончика. Мастер-кузнец Фандарел лично изготовил новые двери. Они были так хитро сконструированы, что с ними могли справиться и хрупкий подросток, и неуклюжий маленький дракончик.

«Я пока посижу здесь, на солнышке, — заявил Рут', просунув голову в дверь. — У меня сегодня еще не подметали».

— Все сбились с ног, готовясь к прибытию Лессы, — объяснил Джексом.

Он прыснул, припомнив, какой ужас появился на лице Диланы, когда Лайтол сообщил ей о предстоящем визите госпожи Вейра. В глазах кормилицы Лессы была единственной чистокровной руатанкой, оставшейся в живых после того, как Фэкс предательски напал на холд больше двадцати Оборотов назад.

Стаскивая влажную куртку, Джексом вошел в свою комнату. Он поморщился: вода в кувшине рядом с раковиной совсем остыла. Конечно, всадник не должен чистотой уступать своему

дракону, но теперь он вряд ли успеет в горячие бани холода до приезда гостей из Бендена. Нехорошо получится, если его не будет на месте, когда они прилетят. Пришлось удовольствоваться мыльным песком и чуть теплой водой.

«Они уже здесь», — прозвучали в мозгу у Джексома слова Рут'а, и тут же старый Уилт' и Лиот' приветственно затрубили, встречая сородичей. Джексом кинулся к окну и успел заметить промельк огромных крыльев — прибывшие драконы садились во дворе. Несколько мгновений — и мальчик вновь увидел бенденских драконов. Окруженные стайкой взбудораженных фэйров, они устраивались на скальных карнизах, рядом с ямами для огненного камня. Джексом наспех вытерся и стащил промокшие штаны. Переодевание в парадный костюм не заняло много времени. Он натянул сапоги, специально сшитые к сегодняшнему дню. У них была пушистая меховая подкладка, чтобы ноги не зябли в полете. С драконьей упряжью мальчик справился легко — сказались долгие тренировки.

Стоило, однако, Джексому вместе с Рут'ом выйти во двор, как сомнения одолели его с новой силой. Что, если Н'тон ошибся? Вдруг Лесса и Ф'лар решат выждать еще несколько месяцев, чтобы окончательно убедиться: Рут' больше не вырастет? Вдруг Рут' — ведь он все-таки совсем малыш! — не сумеет поднять Джексома в воздух? Что, если он причинит Рут'у вред?

Дракончик ободряюще курлыкнул. «Ты не можешь нанести мне никакого вреда. Ведь ты — мой друг». Он ласково подтолкнул Джексома, обдав его лицо теплым пряным дыханием.

Джексом глубоко вздохнул, стараясь унять волнение. И только теперь заметил людей, столпившихся на крыльце холода. И зачем только их так много?

«Не так уж много, — заметил Рут', подняв голову, чтобы лучше рассмотреть собравшихся. — И фэйры тоже слетелись поглядеть на меня. Я всех здесь знаю. Да и ты тоже».

Джексом был вынужден согласиться. Значит, его дракончику нипочем такая масса зрителей. Уверенность друга придала смелости подростку. Он расправил плечи и шагнул вперед.

Самыми главными гостями были, конечно, Ф'лар и Лесса, предводитель и госпожа Бендена.

Здесь был и Ф'нор, всадник коричневого Кант'а, приятель бедняжки Брекки; с ним Джексом давно подружился. Само собой, прибыл и Н'тон, предводитель Форт-Вейра — ведь холд Руат находился под его защитой. А вот и мастер Робинтон, главный арфист Перна! Джексом обрадовался, увидев рядом с ним юную арфистку Менолли, частенько заступавшуюся за него. Что гораз-

до хуже, здесь были лорд Сангел из Южного Болла и лорд Грож из Форта, но Джексом скрепя сердце признался себе, что присутствуют они по праву — как представители Конклава властителей холдов.

Сначала он никак не мог разглядеть лорда Лайтола, но, когда Файндер наклонился к Менолли, что-то втолковывая ей, мальчик заметил своего наставника. Джексом очень надеялся, что на этот раз Лайтол наконец-то оценит Рут'а по достоинству.

Они пересекли двор и остановились перед лестницей. Положив правую руку на сильную, гибкую шею Рут'а, Джексом спокойно ожидал решения взрослых.

Приветливо махнув Рут'у рукой, Лесса улыбнулась Джексому и спустилась по ступенькам, чтобы поздороваться с ним.

— Рут' очень окреп с весны, — произнесла она. Голос ее звучал строго и одновременно ободряюще. — А вот тебе, Джексом, надо есть побольше. Скажи-ка, Лайтол, Дилана его совсем не кормит, что ли? Одна кожа да кости!

Внезапно Джексом с изумлением осознал, что перерос Лессу: ей пришлось откинуть голову, чтобы взглянуть ему в лицо. А ведь госпожа Бендена казалась ему такой высокой... До чего же странно смотреть на нее сверху вниз!

— Пожалуй, ты не отстаешь от Фелессана, а он растет не по дням, а по часам, — добавила она.

Джексом пробормотал что-то в свое оправдание.

— Не робей, Джексом, рост мужчине не помеха, — пришел ему на помощь Ф'лар. Он пристально разглядывал Рут'а, и белый дракон задрал голову, красуясь перед высоким гостем.

— А ты, Рут', вырос гораздо больше, чем я рассчитывал, когда увидел тебя в первый раз! Да и лорд Джексом, похоже, не отставал от тебя, — бенденец едва заметно подчеркнул титул Джессома, переведя взор с дракона на всадника. — Однако не думаю, что ты когда-нибудь сравняешься статью с нашим Фандарелом, так что ноша не покажется Рут'у непосильной, — Ф'лар обвел взглядом всех присутствующих. — Рут' на добрую голову выше любого скакуна — и куда крепче.

— Какой у него размах крыльев? — осведомилась Лесса, возпросительно подняв брови. — Будь добр, Джексом, попроси Рут'а их расправить.

Госпожа Бендена вполне могла бы и сама обратиться к нему — ведь она умела говорить с любым драконом. Джексом, слегка приободренный ее любезностью, передал просьбу Рут'у. Вращая глазами от возбуждения, белый дракончик приподнялся на задних лапах и взмахнул крыльями; под атласной кожей заиграли

мышцы, а по груди и плечам рябью скользнули светлые волны всех драконьих цветов.

— Удивительно соразмерно сложен! — заметил Ф'лар, нырнув под крыло, чтобы поближе рассмотреть поверхность широкой полупрозрачной перепонки. — Спасибо, Рут', — добавил он, когда дракончик с готовностью приподнял крыло. — Похоже, ему так же не терпится полететь, как и тебе, Джексом.

— Конечно, мой господин, ведь он дракон, а все драконы летают!

Взгляд, которым наградил его Ф'лар, заставил мальчика затаить дыхание. Уж не показался ли его поспешный ответ слишком дерзким? Он услышал звонкий смех Лессы и оглянулся. Но хохотала она вовсе не над ним и не над Рут'ом. Взгляд ее был устремлен на супруга, предводителя Бендена. И Ф'лар, изогнув бровь, улыбался ей в ответ. Джексом почувствовал: им сейчас не до них с Рут'ом.

— Да, драконы летают, не так ли Лесса? — негромко произнес предводитель Вейра, и Джексом стало ясно: им припомнилось что-то сокровенное, свое, понятное лишь двоим.

Потом Ф'лар поднял взгляд к вершинам скал, откуда за всем происходящим с интересом наблюдали золотая Рамот'а, бронзовый Мнемент' и двое коричневых, Кант' и Уилт'.

— Ну, Лесса, что думает Рамот'а?

Лесса состроила гримаску:

— Ты же знаешь, что она всегда говорит по этому поводу: Рут' себя еще покажет.

Ф'лар перевел взгляд на улыбающегося Н'тона, потом на Ф'нора, который молча пожал плечами.

— И знаешь, Джексом, не одна она уверена в этом. Мнемент', например, вообще не понимает, из-за чего вся эта суета. Так что вперед, дружище! — Ф'лар шагнул к нему, как будто собирался посадить Джексома на шею белому дракону.

В душе мальчика боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, ему льстило, что первый и самый прославленный всадник Перна пожелал ему помочь. И в то же время он возмущился — неужели Ф'лар думает, что он не справится сам?

Ему на выручку пришел Рут' — он отвел крылья назад и согнул левую лапу в колене. Легко ступив на услужливо подставленную опору, Джексом оседлал драконью шею, причем сразу попал на нужное место — между двумя нижними выростами шейного гребня. У взрослого дракона эти выступы прочно удерживали всадника в полете, однако Лайтол настоял, чтобы Джексом для страховки воспользовался специальной упряжью. Пристегнув

ремешки к поясу, мальчик украдкой глянул на собравшихся, но не обнаружил на их лицах ни тени удивления или неодобрения по поводу такой предосторожности. Итак, все готово. И тут в душу Джексома снова закрался противный холодок сомнения. А вдруг Рут' осярмится...

Он уловил ободряющую улыбку на лице Н'тона, увидел, как мастера Робинтон и Менолли машут руками, приветствуя его. Вот Ф'лар поднял над головой сжатый кулак — традиционный сигнал к взлету.

Джексом набрал побольше воздуха.

— Вперед, Рут'!

И сразу почувствовал, как напряглись мышцы дракона. Рут' присел, чуть согнув спину, огромные крылья поднялись, готовые сделать первый, решающий взмах. Вот он упруго оттолкнулся от земли мощными задними лапами — от неожиданности у Джексома дернулась голова. Он инстинктивно ухватился за поводья и крепко сжал их. А белый дракон сильными взмахами крыльев уже поднимался все выше и выше. Мелькнули окна первого этажа, заполненные лицами зрителей. Дракон поднимался так стремительно, что все остальные этажи холда расплылись в тумане. Еще взмах — и вот они уже парят над огненными ямами. Драконы-великаны развернули крылья и одобрительно затрубили. Вокруг носились фэйры, мелькая разноцветными искорками, вплетая в приветственный хор свои серебристые трели. «Только бы они не испугали Рут'а, не помешали ему в полете», — подумал Джексом.

«Они радуются, видя, как мы с тобой летим вместе. Рамот'а и Мнемент' тоже счастливы, что ты наконец-то смог подняться со мной. И я рад, очень рад! Ну а ты — ты что чувствуешь?»

От этого вопроса, в котором сквозила печаль, у Джексома комок застрял в горле. Он открыл рот и с усилием протолкнул первое слово сквозь ветер, бьющий в лицо.

— Ну, конечно, я рад! Я всегда рад, когда мы вместе! — весело крикнул он. — Мы летим с тобой, Рут'! Я так давно мечтал об этом! Теперь все видят, что ты — настоящий дракон!

«Кто в этом сомневался? Но почему ты так кричишь?»

— Я счастлив — почему бы мне и не покричать?

«Кроме меня, тебя никто не слышит, а я и так отлично тебя понимаю».

— Ну и прекрасно. А за тебя я счастлив больше всего!

Они скользнули в вираж, и Джексом, затаив дыхание, отклонился в противоположную сторону. Надо же, он столько раз летал на драконах, но тогда все было иначе. Тогда он был всего

лишь пассажиром, зажатым с обеих сторон телами взрослых попутчиков. Совсем другое дело теперь, когда он в одиночку переживает это пьянящее, радостно-тревожное, невысказанно прекрасное чувство полета!

«Рамот'а говорит, чтобы ты покрепче сжал колени, как при езде верхом».

— Я боялся, что тебе будет трудно дышать, — Джексом стиснул ногами шелковистую шею Рут'а и с облегчением почувствовал: так гораздо надежнее.

«Ну вот, теперь лучше. С моей шеей ничего не случится. Ты не можешь мне помешать — ведь ты мой всадник. Рамот'а говорит, пора приземляться», — в беззвучном голосе дракона слышалось явное недовольство.

— Как, уже? Ведь мы только что взлетели!

«Рамот'а говорит, что мне не следует переутомляться. Как будто летать с тобой — утомительно! Я только об этом и мечтаю! Еще она говорит, чтобы мы каждый день летали чуть подольше. Вот это мне нравится!»

Рут' пошел на снижение, собираясь подлететь к холду с юго-востока. Народ на подъездной дороге останавливался, люди глядели на них, махали руками. Джексому даже казалось, что он слышит приветственные крики, но встречный поток воздуха не позволял разобрать слова. Собравшиеся во дворе поворачивали головы, следя за их приземлением. Из окон двух нижних этажей высовывались любопытные зрители.

Теперь им всем придется признать, что Рут' — настоящий летающий дракон!

Единственное, о чем жалел Джексом, — что полет был так краток. Каждый день чуть подольше? Да теперь ни падение Нитей, ни огонь, ни дым не помешают ему каждый день летать все дальше и все дальше от холда!

Рут' расправил крылья и четко приземлился на то же место, откуда так недавно поднялся в воздух. Джексому резко бросило вперед, и он ударился грудью о шейный гребень.

«Прости, пожалуйста, — сокрушенно сказал Рут'. — Вижу, мне еще многому предстоит научиться».

Переживая в душе восторг полета, Джексом еще несколько мгновений посидел, потирая ушибленную грудь и утешая Рут'а. Тут он увидел, что к нему направляются Ф'лар, Ф'нор и Н'тон; все трое одобрительно улыбались. Почему же у главы арфистов такой задумчивый вид? И почему хмурится лорд Сангел?

«Всадники говорят, что мы можем летать. Какое нам дело до остальных?» — заметил Рут'.

Только лицо Лайтола оставалось совершенно непроницаемым. Это слегка омрачило торжество Джексома. А он так надеялся, что сегодня услышит от своего наставника хоть одно одобрителное слово!

«Он никак не может забыть Ларт'а», — тихонько напомнил Рут'.

— Вот видишь, Джексом, что я тебе говорил! — воскликнул Н'тон, приблизившись к дракону вместе с Ф'ларом и Ф'нором.

— Для первого полета, Джексом, просто отлично! — похвалил Ф'лар. Он быстро окинул взглядом Рут'а, пытаясь уловить признаки усталости.

— Твоему Рут'у все нипочем.

— Этот малыш сумеет развернуться на кончике крыла! Только не забывай про упряжь, пока вы не привыкнете друг к другу, — добавил Ф'нор, пожимая Джексому руку. Обращение как с равным страшно польстило мальчику.

— Выходит, ты был не прав, лорд Сангел, — донесся до Джексома звонкий голосок Лессы. — Никто не сомневался, что белый дракон сможет летать. Просто мы откладывали испытание до тех пор, пока не убедимся, что Рут' совсем вырос.

Ф'нор подмигнул Джексому, Н'тон состроил забавную гримасу, а Ф'лар возвел глаза к небу, изображая безграничное терпение. Такое свойское поведение всадников окончательно убедило мальчика, что он, Джексом Руатанский, допущен как равный в их славное братство.

— Вот ты и стал всадником, малыш! — сказал Н'тон.

— Это так, — нахмурившись, протяжно проговорил Ф'лар. — Да, это так, но не считай, что ты волен завтра же лететь на все четыре стороны. И еще — не вздумай соваться в Промежуток! Вам слишком рано. Надеюсь, ты меня понял? Вот и отлично. Ты должен ежедневно тренировать Рут'а в полете. Нет ли у тебя с собой, Н'тон, учебных Баллад? — Ф'лар вручил мальчику стопку листов пергамента и хлопнул Рут'а по спине. — Вот эти мышцы необходимо упражнять очень медленно и осторожно, ни в коем случае не перенапрягая — это опасно. Может статься, что ему будет необходимо проявить всю силу и маневренность, а неокрепшие мускулы не справятся! Ты слышал о трагическом случае на Плоскогорье? — строго спросил он.

— Да, мой господин... Файндер мне рассказывал.

Джексом не стал жаловаться на то, что Дорс с дружками, прознав об этом несчастье, постоянно донимал его напоминаниями о юном всаднике, который не рассчитал сил своего молодого дракона и врезался в горный склон.

— На тебе, Джексом, лежит двойная ответственность — за Рут'а и за твой ход!

— Да, мой господин, понимаю.

Н'тон рассмеялся и хлопнул мальчика по колену.

— Бьюсь об заклад, юный лорд Джексом, еще как понимаешь!

Ф'лар обернулся к молодому предводителю Вейра, удивленный тоном этого замечания. Джексом замер. Неужели предводители тоже говорят, не подумав? Ведь Лайтол неустанно твердит ему: сначала подумай, а потом открывай рот!

— Я прослежу, чтобы Джексом усвоил все азы, — продолжал Н'тон. — Что касается чувства ответственности, то тут, Ф'лар, ты можешь быть совершенно спокоен — оно у него в крови. И еще, если позволишь, я научу его летать в Промежутке, когда почувствую, что он готов. Сдается мне, чем меньше посторонних будет знать об этом этапе обучения, — он кивнул в сторону двух престарелых лордов, наседавших на Лессу, — тем лучше.

Джексом почувствовал едва заметное напряжение, возникшее между Ф'ларом и Н'тоном. Всадники молча смотрели друг на друга. Вдруг с высот раздался трубный клич Мнемент'а, к нему присоединилась Рамот'а.

— Видишь, они согласны, — негромко заметил Н'тон.

Ф'лар легонько покачал головой и отбросил упавшую на глаза темную прядь.

— Не сомневаюсь, Ф'лар, что Джексом заслужил право стать всадником, — решительно произнес Ф'нор. — В конце концов, ответственность все равно лежит на Вейре. Не этим же старым пням решать! — коричневый всадник бросил взгляд в сторону Сангела и Грожа. — И потом, Рут' — бенденский дракон.

— Ответственность — вот что главное, — нахмурившись, бросил Ф'лар, обращаясь к собеседникам. Он поднял взгляд на Джексома, который никак не мог взять в толк, о чем идет речь. Он понимал только, что решается их с Рут'ом судьба. — Ну ладно, ладно. Придется обучать его полетам в Промежутке. Иначе, чего доброго, он попробует сам — как-никак он лорд Руатанский... Верно, Джексом?

— Я не совсем понял, мой господин... — Джексом едва мог поверить своему счастью.

— Нет, Ф'лар, Джексом не будет соваться туда на свой страх и риск, — произнес Н'тон, в голосе его прозвучало странное выражение. — И в этом вся беда. Боюсь, Лайтол переусердствовал.

— В чем же? — резко спросил Ф'лар.

Ф'нор предупреждающе поднял руку.

— А вот и сам Лайтол, — торопливо сказал он.

— Не лучше ли будет, лорд Джексом, если ты отведешь своего друга домой, а потом присоединишься к нам? — управляющий Руата учтиво поклонился гостям, потом резко повернулся и пошел вверх по лестнице. Его щека дергалась.

«Неужели он не мог сказать мне что-нибудь приятное, — думал Джексом, глядя на удаляющуюся спину опекуна. — Видно, не захотел».

Н'тон хлопнул его по колену, и когда мальчик взглянул на предводителя Форта, тот лукаво подмигнул ему:

— Ты хороший парень, Джексом, и всадник отличный.

Повернувшись, он неторопливо направился за своими товарищами.

— Скажи-ка, Лайтол, уж не бенденским ли вином нас угостят по столь торжественному случаю? — прогремел через весь двор голос мастера-арфиста.

— Полно, Робинтон, разве кто-нибудь осмелится угостить тебя чем-нибудь другим? — рассмеялась Лесса.

Джексом смотрел, как они поднимаются по ступенькам и входят в двери большого зала. Огненные ящерки, громко пересвистываясь, покинули свой наблюдательный пост и рванулись к выходу, торопясь прошмыгнуть внутрь. При этом они едва не врезались в долговязого Робинтона.

Это зрелище немножко развеселило Джексома, и он вместе с Рут'ом поспешил домой. Бросив взгляд на окна холда, мальчик увидел, что зрители начали расходиться. Он искренне надеялся, что Дорс с друзьями не пропустили ни одного мгновения его сегодняшнего триумфа, что они заметили рукопожатие, которым обменялся с ним Ф'нор, и то, как с ним беседовали три самых прославленных всадника Перна. Теперь, когда Джексому с Рут'ом вот-вот разрешат летать в Промежутке, Дорсу придется вести себя осмотрительнее. «Вот уж этого Дорс никак не ожидал, — подумал Джексом, — куда ему! А здорово, что Н'тон решил сам учить нас. Когда Дорс услышит об этом, ему останется только съесть свой кулак и не подавиться!»

Рут' ответил на мысли друга курлыканьем. Дракон подошел к двери старой конюшни и опустил плечо, приглашая Джексома войти.

— Теперь, Рут', мы сможем умчаться отсюда, как только захотим. А когда научимся летать в Промежутке, любое место на Перне станет нам доступно... Ты был просто великолепен! Жаль, я такой неопытный всадник — ударился о твой гребень. Но я научусь, вот увидишь!

Следуя за другом по пятам, Рут' вошел в вейр. Глаза его плавно

вращались, поблескивая ласковой голубишной. А Джексом, сме-
тая с драконьего ложа накопившиеся за ночь пыль и мусор, все
говорил и говорил... Какой он, Рут', молодчина, как он может
развернуться на кончике крыла, и вообще... Дракон улегся и под-
ставил Джексому голову, намекая, что не прочь получить закон-
ную порцию ласки. Джексом не возражал; ему почему-то не хо-
телось сидеть на пиру, где отсутствовал главный виновник тор-
жества.

* * *

Заслышав крики фэйров, Робинтон проворно прижался к пра-
вой створке тяжелой кованой двери и прикрыл лицо руками. Ему
так часто доставалось от этих крохотных разбойников, что ар-
фист поневоле научился осторожности. Надо признать, что бла-
годаря заботам Менолли фэйры их цеха вели себя, как правило,
вполне пристойно. Он ухмыльнулся, услышав негодующий воз-
глас Лессы. Почувствовав поднятый ящерицами ветерок, Робин-
тон остался на месте; как он и ожидал, стайка крылатых сорван-
цов тут же вылетела из двери обратно. Послышался голос лорда
Грожа, призывавшего к порядку Мергу, свою крошечную коро-
леву. Потом арфиста отыскал Заир. Обиженно вереща, как будто
хозяин нарочно старался от него скрыться, маленький бронзо-
вый фэйр уселся на его плечо.

— Ладно, ладно, малыш, — уговаривал Робинтон, поглаживая
пальцем возбужденного фэйра. Тот немедленно ответил на ласку
с такой бурной признательностью, что арфист едва не остался без
головы. — Ты же знаешь, я никуда от тебя не денусь. Ты тоже ле-
тал вместе с Джексомом?

Заир перестал верещать и радостно зачирикал. Потом, изогнув
шею, стал осматривать двор. Робинтон пригляделся, любопытст-
вуя, что же так заинтересовало его питомца, и увидел Рут'а, ше-
ствующего по направлению к старым конюшням. Арфист вздох-
нул. Может быть, лучше, чтобы Джексому пока не позволяли ле-
тать... Лорд Сангел до сих пор яростно сопротивляется тому, что
сопливых юнцов наделяют привилегиями всадников. И не он
один — среди пожилых владельцев хватает противников нововве-
дений. Робинтон чувствовал, что ему удастся склонить на свою
сторону лорда Грожа... тот все-таки поумнее Сангела. И у него
есть свой фэйр, а значит, он настроен к Рут'у с Джексомом более
благоклонно. Робинтон не помнил, как обстояло дело с Санге-
лом — не сумел он запечатлеть огненную ящерицу или просто не
пожелал. Нужно будет спросить у Менолли. Красотка, ее короле-

ва, скоро отложит яйца. Хорошо, что у его помощницы — королева фэйров, теперь он сможет распределять яйца так, чтобы это всем пошло на благо.

Робинтон задержал взгляд на юном драконе и его всаднике. Трогательное зрелище! Казалось, Рут' и Джексом излучают защищенность и чистоту, любовь и горячее стремление охранить друг друга. Да, мир устроил новорожденному Джексому не слишком гостеприимную встречу. Младенца извлекли из чрева мертвой матери, а чуть позже расстался с жизнью его отец. Припомнив недавние рассказы Н'тона и Файндера, арфиста Руата, Робинтон выругал себя — и почему он раньше не уделял мальчугану побольше внимания? Не так уж Лайтол толстокож, чтобы не понять намека, особенно если дело касается блага Джексома. Вся беда в том, что у главного мастера цеха всегда дел по горло, и даже постоянная помощь верных Менолли и Сибелла не спасает... Заир сочувственно чирикнул и потерял голову о его подборо- док.

Усмехнувшись, Робинтон погладил фэйра. Поди ж ты: звереныш не длиннее человеческой руки, и умишко — не сравнить с драконьим, а душу согревает... да и польза кое-какая есть.

Пора, пожалуй, последовать за остальными. Надо поразмыслить, как лучше подступиться к Лайтолу. И юный Джексом станет прекрасным завершающим штрихом к его, Робинтона, плану...

— Робинтон! — окликнул его Ф'лар с порога главного зала холода. — Поторопись, ты рискуешь своей репутацией!

— Чем-чем? Немедленно иду... — фраза еще не закончилась, а длинноногий арфист уже входил в просторный зал. По улыбкам гостей, собравшихся вокруг уставленного кувшинами с вином стола, он понял, что его ожидает.

— Вот оно что! Вы задумали меня подловить! — с преувеличенным возмущением воскликнул он, указывая на запотевшие сосуды. — Что ж, я уверен, что мне удастся и на этот раз доказать, что кое в чем у меня *есть* репутация! Если, конечно, вино у Лайтола нужного сорта.

Лесса рассмеялась и, выбрав один из кувшинов, продемонстрировала собравшимся печать на глиняном горлышке. Потом наполнила кружку темно-рубиновой влагой и протянула ее Робинтону. Понимая, что за ним следят десятки глаз, арфист важной, неторопливой поступью приблизился к столу. Он встретился глазами с Менолли, и девушка чуть заметно подмигнула ему, как видно совершенно освоившись в столь высокопоставленном обществе. Как и белый дракончик, она полностью полагалась на

себя. Да, немало Оборотов отделяло ее от робкой, никому не известной девчонки из захолустного Морского холда! Кончилась пора ученичества... Месяц-другой — и, расправив крылья, она устремится в самостоятельный полет.

Робинтон с полнейшей серьезностью изобразил все стадии процесса дегустации — ведь именно этого от него ждали. Он придирчиво изучал цвет вина в лучах заглянувшего в окно солнца, вдыхал его аромат, потом стал пить крошечными глоточками, с наслаждением смакуя каждую каплю.

— Ну, что ж, — наконец изрек он, чуть надменно. — Нет ничего проще, чем распознать этот букет.

— Говори же! — потребовал лорд Грож, барабанив толстыми пальцами по широкому поясу и покачиваясь на каблуках от нетерпения.

— Вино поспешности не терпит!

— Либо ты знаешь, либо нет, — скептически хмыкнув, заметил Сангел.

— Ну, разумеется, знаю. Это бенденское, причем изготовлено одиннадцать Оборотов назад. Ведь так, Лайтол?

В зале воцарилась тишина. Робинтона поразило выражение лица Лайтола. Неужели он еще не пришел в себя после полета мальчугана? Нет, щека у него не дергается.

— Я прав! — заявил Робинтон, жестом обвинителя наставив указательный палец на управляющего Руата. — И ты, Лайтол, это прекрасно знаешь. Если уж быть совсем точным, это поздний отжим — в вине есть приятная терпкость. И еще: оно из первой десятины, которую тебе удалось вытянуть из старого лорда Райда, да и то сославшись на руатанскую кровь госпожи Лессы, — он изменил голос, подражая хриловатому баритону Лайтола. — Госпоже Перна нужно поднести бенденское вино, когда она изволит посетить свой родной холд! Или я не прав, а, Лайтол?

— Прав, прав — вне всяких сомнений, — согласился Лайтол, сопровождая свои слова звуком, подозрительно напоминающим сдавленный смешок. — Когда дело касается вин, мастер, ты просто непогрешим!

— Какое облегчение! — проговорил Ф'лар, хлопнув арфиста по плечу. — Я бы не вынес, Робинтон, если бы ты подкачал.

— Подходящее вино, чтобы отпраздновать сегодняшнее событие. За Джексона, юного правителя Руата, гордого всадника Рут'а!

Робинтон понимал, что этими словами ставит дракона наравне с обычной домашней живностью, но, с другой стороны, против факта не пойдешь: Джексон был и полноправным властели-

ном Руат-холда, и всадником; именно так, вне всяких сомнений. Лорд Сангел, уже собиравшийся сделать глоток, звучно откашлялся. Красноречивый взгляд, которым Лесса наградила арфиста, ясно говорил, что она ожидала любого тоста, кроме этого.

Сангел еще раз откашлялся и, как ожидал Робинтон, ринулся в атаку.

— Что ж, давайте выясним раз и навсегда, в какой степени юный Джексом является всадником. Во время его Запечатления, — Сангел махнул рукой куда-то в сторону конюшен, — мне дали ясно понять, что малыш долго не протянет. Только поэтому я тогда и не стал возражать.

— Никто ведь не ставил себе целью, лорд Сангел, намеренно ввести тебя в заблуждение, — запальчиво начала Лесса.

— Не волнуйся, Сангел, никаких осложнений не возникнет, — дипломатично вступил в разговор Ф'лар. — У нас в Вейрах достаточно боевых драконов, так что ему не нужно участвовать в отражении атак Нитей.

— Но у нас достаточно и молодых людей благородной крови, которые готовы принять на себя управление холдом, — воинственно выпятив подбородок, заявил Сангел.

«Нет сомнений, что старина Сангел попал в самую точку», — восхитившись собственной пронизательностью, подумал Робинтон.

— Но не руатанской крови, — отрезала Лесса, ее серые глаза метали молнии. — Став госпожой Вейра, я уступила Джексому свои наследственные права на холд. Он единственный законный лорд Руатанский! Теперь ты хочешь, чтобы по всему материке прокатилась волна кровопролитных поединков между младшими сыновьями лордов за право владеть Руатом? Так знай: пока я жива, этому не бывать! Джексом останется полноправным хозяином Руата, и он никогда не станет боевым всадником!

— Я просто хотел внести ясность, — пробормотал Сангел, прячась в тень, подальше от испепеляющего взгляда, которым сверлила его Лесса. — Но тебе, госпожа моя, придется все же признать, что полеты на драконах — пусть даже без участия в битвах с Нитями — довольно опасная штука. Я слышал об одном юном всаднике с Плоскогогорья...

— За Джексом будут присматривать, — обещал Ф'лар, со значением посмотрев в сторону Н'тона. — Он никогда не полетит сражаться с Нитями. Слишком велика опасность.

— Джексом по натуре своей — осторожный мальчик, — вступил в разговор Лайтол. — К тому же мне удалось воспитать в нем чувство ответственности.

Робинтон увидел, как Н'тон поморщился.

— Ты полагаешь, Н'тон, что он чересчур осторожен? — осведомился Ф'лар, от которого тоже не укрылась недовольная гримаса молодого предводителя Форты.

— Пожалуй, — тактично ответил Н'тон, бросив на Лайтола извиняющийся взгляд. — Хотя лучше, наверное, будет сказать, что он слишком замкнутый. Я никого не хочу обидеть, Лайтол, но сегодня я заметил, что мальчику... ну, ему не хватает общества сверстников. Конечно, дело еще и в том, что у него есть свой дракон. Ведь ребятам его возраста не позволяют проходить Запечатление с файрами, поэтому мальчикам холда не понятны его заботы.

— Что, опять его Дорс дразнил? — спросил Лайтол, пошипывая подбородок.

— Так, значит, это для тебя не новость? — с облегчением сказал Н'тон.

— Ну, разумеется, нет. Это одна из причин, Ф'лар, по которой я так настаивал, чтобы мальчику позволили летать. Теперь он сможет бывать в других холдах, где есть мальчики его возраста и звания.

— Но ведь у тебя здесь должны быть воспитанники? — воскликнула Лесса, обводя взглядом зал, как будто присутствие юных обитателей холда до сих пор по каким-то неведомым причинам ускользнуло от ее внимания.

— Я как раз собирался на половину Оборота послать Джексома воспитанником в какой-нибудь из Великих Холдов, но тут случилась эта история с Рут'ом... — Лайтол развел руками в знак того, что его планам не суждено было осуществиться.

— Я вовсе не хочу, чтобы Джексом оставил Руат и отправился куда-то на воспитание, — хмуро возразила Лесса. — Ведь он, как никак, последний в роду...

— Мне тоже это не нравится, — признался Лайтол, — но Великие Холды должны обмениваться воспитанниками.

— Совсем необязательно, — заявил лорд Грож, хлопнув Лайтола по плечу. — А по правде сказать, было бы большим облегчением отказаться от этого правила. У меня есть паренек такого же возраста, как Джексом, которого предстоит послать на воспитание. Так вот, я бы с превеликим удовольствием не брал никого взамен. Когда я вижу, сколько сил ты вложил в Руат, чтобы привести его в порядок и вернуть холду былую славу, каждый раз убеждаюсь: ты отлично выучишь моего парня, как нужно управлять холдом. Если, конечно, у него будет, чем управлять, когда он достигнет совершеннолетия.

— Я бы тоже не прочь поднять этот вопрос, — подступая к

Ф'лару, заявил лорд Сангел. Он выразительно посмотрел на Грожа, ожидая поддержки. — Что делать нам, правителям холдов?

— В каком смысле? — озадаченно спросил Ф'лар.

— Он имеет в виду младших сыновей лордов, — услужливо подсказал Робинтон. — Ведь ни в Южном Болле, ни в Форте, ни в Исте, ни в Айгене — я называю владения лордов, каждый из которых имеет целый выводок подающих надежды сыновей, — нет больше холдов, которые можно раздать новым холдерам.

— Я о Южном материке, Ф'лар. Когда, наконец, придет его черед? — спросил Грож. — Может, Торику, который заправляет в Южном холде, как раз не хватает предприимчивого, энергичного и честолюбивого парня, а может, и двоих-троих?

— На Южном материке живут Древние, — непреклонно проговорила Лесса. — Там их бездействие никому не принесет вреда — ведь земли Южного защищают личинки.

— Госпожа, я прекрасно помню, где обитают Древние, — вскинув брови, ответил Грож. — Для них это действительно лучшее место, где они никому не мешают, делают все, что им заблагорассудится, и не притесняют честный люд.

Робинтон отметил, что Грож говорит на удивление беззлобно — если учесть, как страдал Форт-холд во времена безответственного владычества Т'рона в Форт-Вейре.

— Суть в том, что Южный обширен и заселен личинками, так что нет особой разницы, летают Древние сражаться с Нитями или нет, — все равно опасаться нечего.

— А тебе случалось оказаться вне стен холда, когда вокруг падают Нити? — спросил лорда Грожа Ф'лар.

— Мне? Ну, нет! Что я, спятил, что ли? Все дело в ораве мальчишек, которые только и знают, что драться по поводу и без повода... Хорошо еще, что они пускают в ход только кулаки, но мне уже пришлось затупить все оружие в доме. И потом, они поднимают такой гвалт, что впору скрыться от них в Промежутке или еще подальше! Я прекрасно тебя понимаю, предводитель, — мрачно добавил Грож, барабанив пальцами по широкому поясу. — Все не так-то просто, не правда ли? Мы не можем жить без холдов. Но разве Торик не собирается расширять свои владения? Что-то ведь нужно делать и для молодых наследников? И не только в моем холде... Что скажешь, Сангел?

Робинтон увидел, что Ф'лар несколько растерялся, и быстро пришел ему на помощь.

— Не позволите ли мне внести предложение? — судя по тому, с какой готовностью Ф'лар дал ему слово, предводитель был явно рад вмешательству арфиста. — Так вот, половину Оборота назад

Бенелек, пятый сын лорда Грожа, придумал, как можно усовершенствовать орудия для жатвы. Кузнец Форта сказал, что эта мысль наверняка заинтересует Фандарела. И он не ошибся. Юный Бенелек отправился в Телгар, чтобы получить там специальную подготовку, и уговорил сына одного из лордов Плоского-рья составить ему компанию — у того паренька тоже обнаружилась техническая жилка. Короче говоря, теперь в цехе кузнецов учатся восемь сыновей правителей холдов, и все они проявили отличные способности к ремеслу.

— И что же ты предлагаешь, Робинтон?

— Безделье — вот корень всех пороков. Нужно набрать для обучения группу молодежи из всех холдов и мастерских — пусть лучше обмениваются идеями, чем тумаками.

— Им нужны земли, а не идеи! — буркнул Грож. — Так как насчет Южного?

— Разумеется, этот вариант тоже стоит рассмотреть, — сказал Робинтон, как бы не замечая настойчивости Грожа. — Ведь Древние — не вечны.

— Сказать по правде, лорд Грож, мы не возражаем против расширения холдов Южного материка, — произнес Ф'лар. — Все дело в том, чтобы...

— Правильно выбрать время, — закончила за него Лесса, увидев, что он замялся.

Глаза госпожи Бендена сверкнули странным огоньком, и арфист понял: у нее свои соображения.

— Надеюсь, нам не придется ждать до конца Прохождения, — брюзгливо заметил Сангел.

— Нет, мы не нарушим своего слова, — ответил Ф'лар. — Ты же помнишь, Вейры решили начать исследование Южного материка...

— А еще Вейры решали покончить с Нитями, а заодно и с Алой Звездой! — все больше распаляясь, отрезал Сангел.

— У Ф'нора и Кант'а еще не зажили раны от встречи со Звездой, — с негодованием напомнила ему Лесса. Надо же, этот умник вздумал критиковать Вейры!

— Госпожа, Ф'лар, Ф'нор, я никого не хотел обидеть, — с плохо скрытым недовольством пробубнил Сангел.

— Вот вам еще один повод занять молодежь — пусть ищут новые пути, — поспешно вставил Робинтон, стараясь отвлечь Сангела.

Мастер-арфист был совершенно удовлетворен — Сангел повел себя наилучшим образом. Ведь еще недавно старые правители холдов упрямо твердили: будь у всадников желание, они на-

верняка сумели бы выжечь Нити в самом зародыше — на Алой Звезде, и таким образом навсегда покончить с бедствием, которое привязывало людей к скалам и пещерам. Но пока хватит об этом. И арфист быстро перевел разговор на другую тему.

— Мастер Арнор, мой архивариус скоро совсем ослепнет в своих стараниях расшифровать рассыпающиеся в прах Записи. Он справляется неплохо, но иногда мне приходит в голову мысль, что он понятия не имеет, о чем в них говорится, а потому беспощадно перевирает непонятные слова. Фандарел тоже предупреждал, что мы столкнемся с искажениями. Он твердо уверен: многие несообразности в старых Архивах — следствие ошибок при переписке. Будь у нас переписчики, знакомые с содержанием записей...

— Я хотел бы, чтобы Джексом этому поучился, — перебил его Лайтол.

— Я очень надеялся, что ты это предложишь.

— Не забудь, что ты обещал взять к себе моего сына, — напомнил Грож.

— Но если Джексом...

— А почему бы не сделать и то и другое? — предложил Робинтон. — Можно взять несколько мальчиков того же возраста и положения, что и Джексом, пусть воспитываются здесь, в Руате, где он должен учиться управлять холдом. Но парню полезно также ознакомиться с разными ремеслами в иной компании, вместе с молодыми подмастерьями, к примеру.

— Пир после голодной зимы? — заметил Н'тон так тихо, что его услышали только Робинтон и Менолли. — Кстати, о пирах — вот и наш виновник торжества!

Джексом в нерешительности остановился на пороге, но потом, вспомнив о правилах хорошего тона, отвесил гостям поклон.

— С Рут'ом все в порядке, Джексом? — приветливо спросила Лесса, жестом приглашая мальчика подойти поближе.

— Да, моя госпожа.

— А мы тут без тебя кое-что придумали, — с улыбкой продолжала она, поймав его непонимающий взгляд.

— Ты ведь знаком с моим сыном Хороном? Ему столько же лет, сколько и тебе, — спросил Грож.

Джексом удивленно кивнул.

— Он будет воспитываться у вас, так что у тебя появится при-
ятель.

— А может быть, и не один, — добавила Лесса. — Ты рад?

Робинтон заметил, как недоверчиво расширились глаза мальчика. Он перевел взгляд с Лессы на Грожа, потом на Лайтола и не

спускал глаз с опекуна, пока тот не соблаговолил торжественно кивнуть.

— Как насчет того, чтобы наведаться в мою мастерскую, когда Рут' освоит все премудрости полета? — спросил Робинтон. — Вот увидишь, я научу тебя таким вещам, о которых твой Лайтол знать не знает!

— О! — Джексом снова остановил взгляд на Лайтоле. — Неужели все это — правда?

В голосе мальчика звенели облегчение и неподдельная радость.

Глава 2

Бенден-Вейр.

Тринадцатый оборот с начала Прохождения

Над Бенденом сгушались сумерки. Робинтон взбирался по лестнице, ведущей в королевский вейр, — этот путь за последние тринадцать оборотов он проделывал бесчисленное количество раз. Арфист остановился передохнуть, а заодно и перемолвиться словом со своим спутником.

— Мы правильно рассчитали время, Торик. Вряд ли кто-нибудь заметил наше появление. А Н'тона, конечно, расспрашивать не станут, — сказал он, кивнув в сторону едва различимого в полумраке силуэта вождя Форта — Н'тон пересекал чашу Вейра, направляясь к освещенным нижним пещерам.

Но Торик смотрел в другую сторону. Взгляд его был прикован к карнизу, где восседал бронзовый Мнемент'. Мерцающие в полумраке фасетчатые глаза дракона пристально разглядывали прибывших. Увидев бронзового гиганта, Заир, фэйр Робинтона, вцепился острыми коготками в ухо хозяина и крепко обвил хвостом его шею.

— Не бойся, Заир, он тебя не тронет, — шепнул Робинтон, надеясь, что его слова успокоят и правителя Южного холода; судя по выражению лица, Торик был совершенно ошеломлен.

— Да ведь он почти вдвое крупнее любого дракона Древних, — почтительно понизив голос, произнес Торик. — А я-то думал, что больше Н'тонова Лиот'а не бывает!

— Пожалуй, Мнемент' — самый крупный из бронзовых, — сказал Робинтон, одолевая последние ступеньки. Он снова почувствовал знакомую боль в груди. А он-то надеялся, что вынужденный отдых на море поможет одолеть эту хворь! Нет, придется все же посоветоваться с мастером Олдайвом...

— Добрый вечер, Мнемент'! — поднявшись на верхнюю площадку, арфист поклонился бронзовому. — Мне всегда кажется, что как-то невежливо проشمыгнуть мимо, не поздоровавшись, — шепнул он Торику. — А это мой друг Торик — Ф'лар и Лесса ожидают его.

«Знаю. Я уже передал им, что вы идете».

Робинтон откланялся. Он никогда заранее не рассчитывал, что дракон пожелает ответить ему, но, если это случалось, испытывал почти детское чувство боязливости и восторженного удивления. Сейчас он не стал передавать Торику слова дракона. Парень и без того оробел.

Глава Южного шел к широкому короткому проходу, ведущему в Вейр, прячась за спиной у Робинтона.

— Пожалуй, лучше предупредить тебя заранее, — сказал арфист, стараясь не рассмеяться. — Рамот'а еще больше!

Раздавшееся было в ответ ворчание Торики перешло в возглас изумления — проход открывался в огромную, высеченную в скале пещеру, служившую спальней королеве Бендена. Она почивала на своем каменном ложе, вытянув узкую клиновидную голову по направлению к вошедшим. В отблесках озарявшего вейр света ее шкура сияла расплавленным золотом.

— Хвала небесам, Робинтон, ты вернулся в добром здравии! — воскликнула Лесса, подбегая к арфисту. Ее лицо, живое, подвижное, осветилось радостной улыбкой. — А как загорел-то!

И вдруг, к удивлению и восторгу Робинтона, она порывисто обняла его.

— Стоит, пожалуй, почаще исчезать в морских просторах! — ему удалось произнести это довольно непринужденно, сопровождая слова бесшабашной улыбкой, хотя сердце так и норовило выпрыгнуть из груди — он еще ощущал трепет припавшего к нему стройного тела Лессы.

— Только попробуй! — она наградила его взглядом, в котором слились воедино гнев, облегчение и обида; и тут же ее лукавое личико приняло выражение поистине королевского достоинства — Лесса обратилась ко второму гостю. — Рада видеть тебя, Торик, и поблагодарить за спасение нашего славного мастера.

— Но я ничего особенного не сделал, — удивленно проговорил Торик. — Просто ему здорово повезло. Редкая удача — уцелеть в таком шторме.

— Не зря же Менолли выросла в Морском! — арфист откашлялся, вспоминая часы сурового испытания. — Только благодаря ей нам удалось удержаться на плаву. Хотя бывали минуты, когда я предпочел бы расстаться с жизнью!

— Выходит, Робинтон, моряк из тебя не получился! — посмеиваясь, заметил Ф'лар. Пожимая руку южанину, он другой радостно хлопнул арфиста по плечу.

Робинтон внезапно сообразил, что здесь, в Бендене, о его приключении уже известно всем. Это льстило ему, и в то же время он был слегка уязвлен. Спору нет, во время шторма взбунтовавшийся желудок позволял думать лишь о том, как бы пережить очередной вал, готовый сокрушить легкое суденышко. Тогда, наблюдая за уверенными действиями Менолли, он не понимал, сколь бедственным было их положение. Только потом до Робинтона дошло, что они чудом избежали гибели. Неужели Менолли скрывала свой страх, чтобы не упасть в его глазах? Ее рыбацкие навыки спасли их; она умудрилась почти целиком сохранить основательно потрепанный белый парус, в нужный момент выбросила якорь, крепко-накрепко привязала Робинтона к мачте, когда он совсем ослаб от изнурительных приступов морской болезни.

— Да, Ф'лар, мореход из меня никудышный, — вздрогнув от невеселых воспоминаний, согласился арфист. — Пусть этим занимаются люди, рожденные для мореплавания.

— А ты впредь следуй их советам, — буркнул Торик. Он кивнул в сторону арфиста. — Оказывается, у него начисто отсутствует предчувствие погоды. Ну а Менолли недооценила силу Западного течения в это время года. — Он пожал плечами, искренне возмущенный подобной непредусмотрительностью.

— Вот почему вас отнесло так далеко от Южного! — воскликнул Ф'лар, жестом приглашая гостей к круглому столу в углу просторного помещения.

— Во всяком случае, мне так объяснили, — пробормотал Робинтон, морщась при одном воспоминании о долгих нотациях, которые ему пришлось выслушать. Течения, приливы, дрейфы, ветры — его так напичкали этими морскими премудростями, что и до конца жизни не переварить!

Услышав ворчливые интонации арфиста, Лесса рассмеялась и налила ему вина.

— А вот известно ли вам, — спросил он, бережно покачивая в ладонях вместительную чашу, — что на борту не оказалось ни капли вина?

— Не может быть! — в комическом ужасе вскричала Лесса. Ей вторил смех Ф'лара. — Как же ты перенес такие лишения?

Робинтон с наслаждением сделал глоток и перешел к непосредственной цели своего визита.

— Наше приключение принесло свои плоды. Южный мате-

рик, дорогие мои предводители, гораздо обширнее, чем мы предполагали.

Он взглянул на Торику, и тот достал копию большой карты своего холда. Ф'лар с Лессой предупредительно взялись за углы, помогая расправить жесткую кожу. Северный материк был изображен во всех подробностях, как и исследованная часть Южного. Робинтон указал на выступающий рог полуострова, на котором располагались Южный Вейр и холд Торики, потом провел рукой направо и налево от этого ориентира, где побережье и значительная часть материка, ограниченная двумя реками, пестрели топографическими пометками.

— Торик не дремал. Видите, сколько новых сведений о местности собрано здесь со времени последних разведок Ф'нора?

— Я спросил у Т'рона разрешения продолжить эту работу, — на лице южанина мелькнули неприязнь и презрение. — Он, едва выслушав меня, заявил: можешь делать все, что угодно, лишь бы Вейр получал вдоволь мяса и свежих фруктов.

— Получал? — воскликнул Ф'лар. — Да ведь там достаточно отойти от хижин на несколько длин дракона, чтобы самому взять что душе угодно!

— Иногда они так и поступают. Но я предпочитаю, чтобы их снабжали мои люди... тогда они нас не трогают.

— Не трогают? — возмущенно переспросила Лесса.

— Вот именно, госпожа, — в ответе Торики явственно прозвучал металл. Он снова обратился к карте. — Моим людям удалось проникнуть в глубь материка до сих пор, — глава Южного чиркнул ногтем по карте. — Продвигаться дальше очень трудно. Везде непролазные заросли, самый острый нож через час работы никуда не годится. В жизни не видел столько зелени! Мы знаем, что где-то здесь начинаются холмы, а за ними тянется горный хребет, — он снова постучал по карте, указывая нужное место, — но я просто не представляю, сколько времени пришлось бы туда пробиваться по суше. Так что мы стали вести разведку вдоль побережья, обнаружили вот эти две реки и поднялись вверх по течению, насколько было возможно. Западная река заканчивается низменным заболоченным озером, а юго-восточная — водопадом высотой в шесть или семь длин дракона, — Торик выпрямился, сумрачно обозревая узкую полоску исследованной суши. — Думаю, что не ошибусь, если скажу: пусть даже к югу от этого хребта ничего нет, все равно — только разведанные земли вдвое больше Южного Болла или Тиллека!

— Разве самим Древним не интересно изучить свои владения? — Робинтон чувствовал, что Ф'лар не одобряет их равнодушия.

— Нет, мой господин, им все равно. А у меня, честно говоря, не хватает ни людей, ни сил, чтобы заниматься этим, — Торик похлопал по пергаментной карте, — если мы не найдем более доступного способа преодолеть непроходимые заросли. Сейчас у меня ровно столько земли, сколько я могу обрабатывать; к тому же я должен быть уверен, что все мои люди надежно защищены от нападения Нитей.

Он помолчал. Хотя Робинтон догадывался, чего недоговаривает Торик, арфист хотел, чтобы предводители Бендена узнали о заботах предприимчивого южанина от него самого.

— наших всадников Нити не волнуют, — продолжал хозяин Южного.

— Что ты сказал? — взорвалась Лесса, но Ф'лар незаметно коснулся ее руки и кивнул головой:

— Я так и думал.

— Да как они смеют? — не унималась Лесса, ее серые глаза сверкали гневом. Рамот'а пошевелилась на своем ложе.

— Вот так и смеют, — ответил Торик, с опаской косясь на королеву.

Робинтон видел, что Торик доволен тем, с каким возмущением восприняла Лесса весть о преступной небрежности Древних.

— Но что... что... — она даже захлебнулась от негодования.

— И ты справляешься, Торик? — спросил Ф'лар, твердым пожатием руки успокаивая подругу.

— Научился, — ответил южанин. — Огнеметов у нас хватает — Ф'нор позаботился, чтобы их оставили нам. Мы уничтожаем всю траву в холдах, а во время Падения загоняем скот в каменные конюшни. — Он неуверенно пожал плечами и едва заметно усмехнулся, увидев пылающее гневом лицо госпожи Бендена. — Пусть от них нет никакого прока, но ведь и вреда тоже нет. Не тревожься, Лесса. Мы с ними справимся.

— Не в этом суть, — сердито бросила Лесса. — Ведь они всадники, они дали клятву защищать...

— Вы потому и отправили их на юг, что они не сдержали своей клятвы, — напомнил Торик. — И еще чтобы они не могли здесь вредить людям.

— Все равно, это не дает им никакого права...

— Я уже сказал, Лесса: они нам не мешают. И мы прекрасно обходимся без них!

Скрытый вызов, прозвучавший в словах Торика, заставил Робинтона затаить дыхание. Он знал крутой нрав Лессы.

— Может ли Север вам чем-нибудь помочь? — спросил Ф'лар, чтобы как-то разрядить обстановку.

— Я надеялся, что вы спросите об этом, — усмехнувшись, сказал южанин. — Знаю, вы не можете нарушить слово чести и попытаться как-то повлиять на Древних в Южном. Я и не собирался просить об этом, — поспешно добавил он, увидев, что Лесса снова собралась взорваться. — Просто у нас многого не хватает... например, кованого металла и частей к огнеметам. Наш кузнец говорит, что только сам Фандарел может их изготовить.

— Я позабочусь, чтобы вы получили все, что нужно.

— Еще я хотел бы, чтобы моя сестра Шарра поучилась у лекаря, про которого мне рассказывал арфист, у мастера Олдайва. У нас встречаются странные виды лихорадок и неизвестные инфекции.

— Конечно, пусть приезжает, — не раздумывая, согласилась Лесса. — А наша Манора прекрасно разбирается в лечебных отварах.

— И еще... — Торик в нерешительности посмотрел на Робинтона; тот, ободряюще улыбнувшись, сделал ему знак продолжать. — Если у вас есть предприимчивые люди, желающие перебраться в мой холд, я, пожалуй, смог бы их принять, не ставя в известность Древних. Только для начала немного — места у нас хватит на всех, но некоторые чувствуют себя не в своей тарелке, если не видят в небе драконов, когда Нити начинают падать.

— Ну что ж, — произнес Ф'лар так бесшабашно, что арфист с трудом удержался от смеха, — надеюсь, найдется несколько смельчаков, готовых присоединиться к тебе.

— Вот и отлично. Если все пойдет как надо, то с наступлением холодного сезона можно будет подумать о том, чтобы провести исследования обеих рек в верхнем течении.

— Но ты, кажется, говорил, что это невозможно... — начал Ф'лар.

— Нет, почему же... Просто нелегко, — ответил Торик и с улыбкой добавил: — У меня найдутся желающие продолжить дело, несмотря на все трудности. Да я и сам хотел бы знать, что там, дальше.

— Наши желания совпадают, — сказала Лесса, — тем более что Древние не бессмертны.

— Эта мысль меня часто утешает, — заметил Торик. — Вот только... — он замолчал и, прищурившись, оглядел предводителей Бендена.

До сих пор смелость Торики восхищала Робинтона. Арфист был очень доволен, что убедил южанина предложить как раз то, в чем Север больше всего нуждался, — место, куда могли бы переселиться независимые и способные люди, не имевшие никаких

шансов получить холды в родных краях. Манеры рослого южанина приятно удивили и арфиста, и предводителей Бендена: в них не чувствовалось ни приниженности, ни раболепства, ни требовательной агрессивности. Торик стал независимым — и весь секрет заключался в том, что рядом не оказалось людей, которым он мог бы передоверить ответственность, — ни всадников, ни цеховых мастеров, ни властителей холдов. И поскольку он выжил, то стал верить в свои силы; теперь он знал, чего хочет и как добиться желаемого результата. Он обращался к Лессе и Ф'лару как к равным.

— Есть одно обстоятельство, которое мне хотелось бы выяснить.

— В чем же дело? — подбодрил его Ф'лар.

— Что будет с Южным, со мной, с моими людьми, когда не останется никого из Древних?

— Я бы сказал, что вы вполне заслужили право распоряжаться своим холдом, — не спеша проговорил Ф'лар, сделав заметное ударение на последних словах. — То, что вам удалось отвоевать у джунглей, — несомненно, ваше!

— Отлично! — одобительно кивнул Торик, по-прежнему не спуская глаз с Ф'лара. Внезапно его дочерна загорелое лицо расплылось в улыбке. — Я уж и забыл, какие вы, северяне. Буду ждать пополнения...

— А они тоже получают в собственность то, что отвоюют? — вставил Робинтон.

— Получат столько земли, сколько смогут поднять, — сдержанно ответил Торик. — Только не нужно заваливать Южный добровольцами. Им надо будет пробраться туда тайком, чтобы не заметили Древние.

— И сколько же человек смогут прошмыгнуть к вам таким образом?

— Ну, на первый раз — шесть-восемь. Потом, когда мы отведем и расчистим для них землю, сделаем второй заход. — Он ухмыльнулся. — Первые должны построить жилища — до того, как придут остальные. Но в Южном места хватит всем.

— Это утешает — ведь у меня самого есть виды на Южный, — сказал Ф'лар. — Напомни-ка, Робинтон, как далеко на восток вам с Менолли удалось забраться?

— Хотел бы я знать! Помню, где мы были, когда разразился шторм. Более красивого места я еще не встречал. Правильный полукруг, образованный белым песчаным берегом, и далеко-далеко в глубине — огромная бурая гора в самом центре бухты...

— Но ведь вы возвращались вдоль берега, не так ли? — теряя терпение, настаивал Ф'лар. — И что же вы видели?

— Берег, — туманно ответил Робинтон. — Вот и все, что я могу сказать... — он оглянулся на Торику, посмеивавшегося над его растерянностью. — У нас было две возможности: плыть у самого берега — но Менолли заявила, что это опасно, поскольку мы не знаем ни рифов, ни мелей, — либо подальше, придерживаясь Западного течения, чтобы оно принесло нас обратно в бухту. Так что судно шло вдоль берега, но он был слишком далеко, чтобы я мог что-нибудь разглядеть.

— Обидно! — Ф'лар был явно разочарован.

— И да, и нет, — ответил Робинтон. — Нам потребовалось девять дней на обратный путь. Целых девять дней, подумай только! Там действительно хватит земли на всех... Торику надо лишь исследовать эти места.

— Я готов выступить, как только получу все необходимое...

— А как мы отправим тебе груз? — спросил Ф'лар. — Не стоит, пожалуй, посылать его с драконами, хотя так было бы легче и удобнее всего.

Фыркнув, Робинтон подмигнул собеседникам:

— Если дело за этим, то разве не может еще какой-нибудь корабль заблудиться к югу от Ист-холда? Недавно я перемолвился словом с мастером Идароланом, и он сетовал, что в этот Оборот часто штормит.

— Так вот, значит, каким манером вы оказались на юге? — осведомилась Лесса.

— А как иначе? — с невинным видом ответил Робинтон. — Менолли решила научить меня управляться с парусом, а тут совершенно неожиданно налетел шторм и унес нас прямехонько в гавань к Торику. Разве не так, а, Торик?

— Тебе виднее, арфист!

Глава 3

Утро в холде Руат.

Утро в мастерской кузнецов холда Телгар.

Пятнадцатый Оборот с начала Прохождения.

Девятый день пятого месяца

Джексом с такой силой стукнул кулаком по тяжелому деревянному столу, что подпрыгнула посуда.

— Хватит, — произнес он посреди ошеломленной тишины и, поднявшись, расправил широкие, но худые плечи. — Хватит, я вам сказал!

Как Джексом с удовольствием вспоминал позже, он не унизился до крика, но голос его, усиленный долго сдерживаемым гневом, гулко прокатился под сводами зала. Служанка, появившаяся в дверях с кувшином горячего кла, в изумлении застыла на месте.

— Я — лорд этого холда, — продолжал Джексом, смерив взглядом своего молочного брата Дорса. — И еще я — всадник Рут'а, а он, как известно, дракон, — Джексом перевел взгляд на Бранда, старшего дворецкого, у которого от неожиданности даже челюсть отвисла. — Рут', — взгляд юноши скользнул по озадаченному лицу Лайтола, — с самого Рождения неизменно пребывает в добром здравии, — Джексом оглянулся на четверых воспитанников, но они слишком недавно прибыли в Руат, чтобы иметь собственное мнение. — Так что сегодня, — сказал он, в упор глядя на свою кормилицу Дилану, от чего у бедняжки мелко задрожала нижняя губа, — я отправляюсь в мастерскую кузнецов, где, как вам всем прекрасно известно, мне будут обеспечены питание и уход, отвечающие моим потребностям и званию. А потому, — он обвел взглядом всех собравшихся за столом, — прошу в моем присутствии больше не поднимать вопрос, возникший во время нашей сегодняшней беседы. Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Не дожидаясь ответа, он вышел из зала. В душе его боролись ликование (наконец-то он сказал свое слово!) и недовольство собой (все-таки дал волю гневу). Джексом услышал голос Лайтола — тот просил его вернуться, — но сегодня призыв опекуна впервые не возымел действия.

На этот раз Джексом не вздумает приносить извинения. Обид накопилось слишком много, и до сих пор он мужественно сносил все издевательства или старался их не замечать — на что были свои причины. Но сегодня его терпению пришел конец! Сейчас Джексом хотел только одного: расстаться наконец со своим унижительным положением, со своим слишком разумным и ревностным опекуном и всей этой несносной публикой, злоупотребляющей тем, что он вынужден постоянно находиться в их кругу.

Уловив недовольство своего всадника, Рут' стремительно появился на пороге старой конюшни, служившей ему вейром. Расправляя просвечивающие на солнце крылья, белый дракон бросился к другу, готовый утешить и ободрить.

Со вздохом, в котором звучало сдавленное рыдание, Джексом взобрался ему на шею и велел взлетать. Как раз в этот миг в массивных дверях холда появился Лайтол, и подросток поскорее от-

вернулся. Теперь, не особенно погрешив против истины, он может сказать, что не видел опекуна.

Сильными взмахами крыльев Рут' стремительно набирал высоту. Более легкий, чем большие драконы, он взлетал гораздо быстрее их.

— Ты — лучший из драконов, Рут'! Слышишь? Самый лучший! Ты опережаешь их во всем!

Крамольные мысли захлестывали Джексома, и, отвечая его настроению, Рут' дерзко затрубил.

С огненных высот ему ворчливо ответил потревоженный сторожевой дракон, и сразу же вокруг Рут'а невесть откуда возникли все руатанские файры. Кружась и кувыряясь в воздухе, они взволнованно чирикали, приветствуя своего любимца.

Поднявшись над руатанскими скалами, Рут' нырнул в Промежуток, безошибочно держа курс на горное озеро, их тайное прибежище.

Пронизывающий холод Промежутка, каким бы коротким он ни был, остудил пыл Джексома. Юноша поежился — на нем была только легкая куртка без рукавов, — но Рут' уже плавно снижался к берегу.

— Полнейшая и совершеннейшая несправедливость! — воскликнул Джексом и с такой силой стукнул кулаком себя по бедру, что даже Рут' почувствовал удар и фыркнул.

«Да что с тобой сегодня?» — спросил дракон, приземляясь у самой воды.

— Все! Нет, ничего!

«В смысле?» — рассудительный Рут' хотел знать подробности. Он повернул голову, разглядывая всадника.

Джексом соскользнул с бархатистой белой спины и, обняв дракона за шею, притянул к себе его клиновидную голову, ища у друга утешения.

«Почему ты позволил им вывести себя из терпения?» — спросил Рут', глаза его вращались, сияя любовью и преданностью.

— Хороший вопрос, — ответил Джексом, немного поразмыслив. — Они, знаешь ли, большие мастера в таких делах, — он засмеялся. — Пожалуй, у меня должна была проявиться объективность, о которой любит говорить Робинтон, но она почему-то не работает!

«Главного арфиста все уважают — он такой мудрый...» Ошутив неуверенность в тоне Рут'а, Джексом рассмеялся.

Ему всю жизнь твердили, что драконы не способны усваивать абстрактные понятия и прослеживать сложные взаимосвязи событий. Однако Рут' так часто ставил его в тупик своими замеча-

ниями, что Джексом начал сомневаться в правоте своих учителей. Было очевидно, что драконы, особенно Рут' — к своему другу Джексом относился пристрастно, — понимали гораздо больше, чем принято было думать. Всадники заблуждались — даже такие, как Ф'лар и Лесса, вожди Вейра, и даже такие, как Н'тон... Вспомнив о нем, Джексом решил, что теперь у него есть особый повод навестить Фандарела, мастера-кузнеца. Там будет Н'тон — он никогда не пропускал докладов мастера Вансора. И Джексом чувствовал, что из всех всадников только предводитель Форты может помочь ему.

— Клянусь Скорлупой! — Джексом яростно пнул камешек; подняв волны, тот скользнул по водной глади и исчез в глубине.

Робинтон часто использовал этот пример — волны на воде, — чтобы показать, как самое ничтожное действие порождает множество разнообразных последствий. Джексом фыркнул — интересно, сильное ли волнение поднялось сегодня утром после того, как он умчался из холда? Шторм, буря или даже тайфун? Но почему он так разошелся на этот раз? День начинался как обычно — с порядком надоевших шуточек Дорса по поводу файров-переростков, с традиционных расспросов Лайтола о здоровье Рут'а — как будто за ночь оно могло катастрофически ухудшиться — и с нелепых рассказов Диланы — мол, в Телгаре, в мастерской кузнецов, гостей морят голодом.

Докучливая опека кормилицы стала с недавних пор раздражать Джексома, особенно когда эта добрая душа изливала на него свои заботы на глазах у родного сына, Дорса, которого это неизменно злило. Словом, вполне обычная, набившая оскомину тягомотина, с которой начиналось в Руате каждое утро. Почему же сегодня все это заставило его в ярости выскочить из-за стола, покинуть холд, которым он по праву владел, бежать от людей, находившихся — теоретически — в полной его власти?

Рут' здесь был ни при чем, совершенно ни при чем.

«Со мной все в порядке, — заявил Рут' и, помолчав, печально добавил: — Только вот поплавать я не успел».

Снисходительно улыбнувшись, Джексом погладил мягкие надбровья.

— Извини, тебе я тоже испортил утро.

«Вовсе нет — я искупаюсь в озере. Здесь гораздо спокойнее, — дракончик подтолкнул Джексома носом. — И тебе здесь будет лучше».

— Будем надеяться, — Джексом не был гневлив, и теперь он досадовал на себя за столь бурное проявление чувств — как и на

тех, кто довел его до взрыва. — Давай лучше поплаваем. Ты же знаешь, нам надо успеть в мастерскую кузнецов.

Не успел Рут' расправить крылья, как в воздухе над его головой возник целый выводок огненных ящериц. Файры оглушительно чирикали, их простенькие мысли выдавали самодовольную радость: вот, мол, какие они находчивые, так быстро обнаружили беглецов! Одна из ящерок сразу же исчезла, и Джексом снова ощутил прилив негодования. Значит, за ними следят! Так... Он уже знал, каким будет его следующий приказ, когда они вернутся в холд. За кого они его принимают — за несмышленого младенца или за одного из Древних?

И тут же юноша виновато вздохнул. Конечно, они там волнуются — ведь он выскочил из зала, как бешеный. Как будто он мог улететь еще куда-нибудь, кроме этого озера! Как будто с ним или с Рут'ом может что-то случиться! Как будто хоть где-то на Перне можно скрыться от файров!

В нем снова заговорил гнев, на этот раз — из-за глупых файров. Почему из всех драконов именно Рут'а они избрали мишенью для своего неуголимого любопытства? Куда бы они ни направились, каждая ящерица в округе тут же заявляется поглазеть на белого дракона. Обычно их настырность забавляла Джексома — файры показывали Рут'у самые невероятные изображения вещей и событий, которые они помнили, и наиболее интересное дракон передавал своему всаднику. Но сегодня их проделки отнюдь не забавляли Джексома; он чувствовал только раздражение.

«Рассуждай логически, — любил наставлять его Лайтол, — и будь объективен. Нельзя повелевать другими, пока не научишься владеть собой, пока не сможешь мыслить широко, перспективно».

Юноша дважды глубоко вздохнул. Лайтол советовал делать так перед любым публичным выступлением — чтобы лучше сформулировать то, что собираешься сказать.

Рут' парил над голубой гладью озера, огненные ящерицы вторяли его изящные пируэты. Неожиданно белый сложил крылья и нырнул. Джексом поежился — что за удовольствие плескаться в обжигающей, студеной воде, которую подпитывали снеговые вершины Плоскогорья? Джексом и сам был не прочь освежиться в удушливую летнюю жару, но теперь, когда едва миновала зима... Он снова поежился. С другой стороны, если драконы не ощущают куда более свирепого холода Промежутка, купанье в ледяной воде озера Рут'у явно не повредит.

Его белый вынырнул на поверхность — по озеру заходили волны, разбиваясь у ног Джексома. Юноша лениво обрывал с ветки толстые иглы, бросая их одну за другой в набегающие волны.

Вот, значит, одна из волн, последовавших за его утренней выходкой, — файрам отдали приказ их разыскать.

А вот и другая — невероятное изумление, застывшее на лице Дорса. Ведь Джексом в первый раз обрезал молочного брата. Лишь мысль о том, что Лайтол будет недоволен, заставляла его терпеть так долго. Во имя Первого Яйца! Сколько лет Дорс с наслаждением, без устали дразнил Джексома тем, что Рут' — такой маленький! Причем он неизменно скрывал свои злобные выпады под маской дружеского подтрунивания, отлично зная, что Джексом не сможет ответить как подобает, не получив от Лайтола взбучки за то, что ведет себя недостойно своего титула и положения. А Дилана, мать Дорса... Джексом давным-давно вырос и не нуждался в ее хлопотливой опеке, но по доброте душевной и из благодарности к ней никак не решался попросить Лайтола, чтобы тот удалил кормилицу.

Почему же именно сегодня он так взвился?

Голова Рут'а снова показалась из воды, его фасетчатые глаза сверкали на солнце зеленью и сияющей голубизной. Огненные ящерицы набросились на спину дракона, шершавыми языками и острыми коготками они выскребали мельчайшие комочки грязи, а взмахами крыльев поливали белого водой; их кожа быстро намокла и потемнела.

Вот зеленый файр, обернувшись, подтолкнул носом одного из пары синих, потом шлепнул крылом коричневого, чтобы тот не отлынивал от работы. Джексом невольно рассмеялся. Зеленая ящерка принадлежала Дилане и поведением так напоминала его кормилицу, что Джексому припомнилась распространенная в Вейре поговорка: каков всадник, таков и дракон.

Кстати, в этом смысле Лайтол Джексому никогда не мешал. Рут' — лучший дракон на всем Перне. Если только — ему, наконец, открылась истинная причина утреннего мятежа, — если Рут'у когда-нибудь позволят *стать* драконом. И сразу же Джексом вновь охватил беспомощный гнев, разрушив все его старания мыслить беспристрастно, все то немногое, чего он добился на берегу мирного озерца. Ведь ни ему, Джексому, лорду Руатанскому, ни Рут'у, белому дракончику из выводка Рамот'ы, до сих пор не позволяли быть теми, кем они, по сути своей, являлись.

Джексом только назывался лордом, на самом деле Руатом управлял Лайтол; он принимал все решения и выступал в Конклаве от имени холда. Джексому еще только предстояло войти в права властителя Руата, если его назначение утвердят другие лорды. Конечно, это всего лишь дань обычаю — ведь на Перне больше не было наследников руатанского рода. К тому же Лесса,

единственная чистокровная руатанка, уступила Джексому свое право на холд в день появления мальчика на свет.

Джексом знал: ему не бывать всадником, потому что он должен стать лордом Руата. Но ведь не может же он подойти к Лайтолу и сказать: «Я уже вырос и способен вести дела сам. Спасибо тебе за все и счастливого пути!» Слишком долго и самоотверженно трудился Лайтол на благо Руата, чтобы по первому требованию неопытного юнца передать холд в его руки. Для него Руат — вся жизнь. Ведь он так много потерял: сначала дракона, потом близких, ставших жертвой алчности Фэкса. Теперь все его помыслы сосредоточены на Руате, на его нивах и садах, на стадах, угожьях и мастерских...

Нет, если уж быть справедливым до конца, придется подождать, пока Лайтол, обладающий отменным здоровьем, закончит свой век, и только тогда вступить в свои законные права.

Но если пока он не претендует на власть над Руатом, продолжал размышлять Джексом, почему бы им с Рут'ом не пройти обучение, необходимое всаднику и дракону? Ведь теперь, когда Нити падают с Алой Звезды в неурочное время, каждый боевой дракон на счету! Зачем же таскаться по полям с неуклюжим огнеметом, когда можно биться с Нитями куда более эффективно — пусть только Рут'у позволят жевать огненный камень! Хотя Рут' вдвое меньше остальных драконов, это вовсе не значит, что он уступает им в других отношениях!

«Конечно же, нет», — ответил с озера Рут'.

Джексом поморщился — он не хотел, чтобы его горькие размышления расстроили и дракончика.

«Я услышал твои чувства, а не мысли, — спокойно заметил Рут'. — Ты огорчен и раздосадован, — он приподнялся над водой, отряхивая крылья, и поплыл к берегу. — Ведь я — дракон. А ты — мой всадник. И с этим никто не может ничего поделать. Оставайся самим собой. А я — и так я!»

— Легко сказать! — воскликнул Джексом. — Они не разрешают нам быть теми, кто мы есть на самом деле! Они не допустят, чтобы я стал всадником! Кем угодно — только не всадником!

«Но ты — всадник. У тебя есть дракон. А еще, — Рут' говорил медленно, словно сам старался во всем разобраться, — ты владыка холда. Ты — ученик мастера-кузнеца и мастера-арфиста. Ты — друг Менолли, Миррим, Ф'лессана и Н'тона. Рамот'а знает твое имя. И Мнемент' тоже. И меня они тоже знают. Тебе приходится быть сразу многими людьми. Это трудно».

Джексом смотрел на Рут'а, а тот, в последний раз взмахнув крыльями, аккуратно сложил их на спине.

«Теперь я чистый. Мне хорошо», — заявил дракон таким тоном, как будто это должно было разрешить все с недавшие Джексома сомнения.

— Что бы я делал без тебя, Рут'?

«Не знаю. Тебя хочет видеть Н'тон. Он был в Руате и отправился в Телгар. Коричневый малыш, который только что прилетал сюда, принадлежит Н'тону».

У Джексома перехватило дыхание. Уж Рут'-то лучше всех знает, какой фэйр — чей. Сам он решил, что коричневый принадлежит кому-то из обитателей Руата.

— Что же ты мне раньше не сказал? — Джексом торопливо взгромоздился на шею Рут'а. Н'тон уже в Телгаре! Как раз сейчас, когда он так хотел поговорить с ним! Неудобно получилось, он заставляет ждать предводителя Вейра... У Н'тона наверняка не слишком много свободного времени.

«Мне хотелось поплавать», — ответил Рут'. — А в Телгар мы не опоздаем, — едва Джексом уселся, белый сразу же взмыл ввысь. — Мы не заставим Н'тона ждать».

Джексом раскрыл рот, собираясь напомнить Рут'у, что им еще не разрешается путешествовать во временном Промежутке, — но они уже висели в мрачной бездонной пустоте.

— Послушай, Рут', а вдруг Н'тон поймет, что мы сделали скачок во времени? — стуча зубами, спросил Джексом в тот миг, когда они вынырнули из Промежутка прямо в жаркий телгарский полдень и повисли над массивными зданиями кузнечной мастерской.

«Он не спросит».

«До чего же самоуверен! — подумал Джексом. — Конечно, ведь не ему Н'тон устроит головомойку! Каждый всадник знает, как опасны такие путешествия...»

«А я всегда знаю, в какое время отправляюсь, — без малейшего смущения ответил Рут'. — Мало кто из драконов обладает моим чутьем».

Не успели они сделать круг над владениями Фандарела, как огромный бронзовый Лиот' возник из воздуха прямо над ними.

— Вот это точность! — восхитился Джексом. — Как ты ухитрился так рассчитать время?

«Совсем просто, — с нарочитой небрежностью заявил Рут'. — Я узнал, когда коричневый фэйр вернулся к Н'тону, и полетел прямо в это *когда*».

Джексома уверяли, что драконы не умеют смеяться, но исходящие от Рут'а эмоции невозможно было истолковать по-дру-

гому. Белый веселился — словно мальчишка, стянувший самый спелый плод с кухонного стола.

Лиот' парил в воздухе рядом с Джексомом, и юный лорд мог рассмотреть выражение лица бронзового всадника — Н'тон улыбался во весь рот. Странно... Кажется, Рут' говорил, что предводитель Форты сначала завернул в Руат. Тут Н'тон поднял руку и тряхнул чем-то темным. Джексом покраснел — несомненно, это была его собственная полетная куртка. Кто же постарался? Дилана или сам Лайтол?

Спускаясь, Джексом заметил, что они прибыли далеко не первыми. Он насчитал пять драконов; среди них были бронзовый Голант' Ф'лессана и зеленая Пат'а Миррим (она приветливо закурлыкала). Рут' легко опустился на лужайку перед главной мастерской, и в следующий миг рядом сел Лиот'. Пока Н'тон слезал со своего бронзового, Трис, его коричневый фэйр, ринулся прямо к Рут'у, уселся ему на гребень и самодовольно зачирикал.

— Дилана сказала, что ты забыл вот это, — сказал Н'тон, бросив куртку Джексому. — Надеюсь, тебя не так морозит в Промежутке, как мои старые кости. А может, ты тренируешься перед полетом в Пустынные Земли?

— И ты туда же, Н'тон!

— Что значит «туда же», молодой человек?

— Сам знаешь...

— Да нет, не знаю, — Н'тон в упор посмотрел на Джексома. — Неужели сегодня обычные причитания Диланы означали нечто большее?

— Разве ты не видел Лайтола?

— Нет, я просто спросил первого попавшегося, где ты. А Дилана обливалась слезами, потому что ты улетел без куртки, — подражая кормилице, Н'тон смешно оттопырил нижнюю губу. — Не выношу вида плачущих женщин — во всяком случае, женщин столь почтенного возраста... Пришлось мне поклясться скорлупой Лиот'а, что я собственноручно натяну эту шкуру на твои нежные плечи. Я послал Триса разведать, где Рут', — и вот мы встретились. Скажи-ка, что же приключилось сегодня утром? Рут' выглядит великолепно.

Джексом в замешательстве отвернулся и, стараясь не встречаться с вопросительным взглядом предводителя Форты, стал нарочно медленно застегивать пуговицы.

— Рут' ни при чем. Просто я сегодня послал всех в холде куда подальше.

— Я говорил Лайтолу, что это скоро случится.

— Как?! — Джексом был потрясен.

— Ну и что же переполнило чашу терпения? Неужели хныканье Диланы?

— Если бы... Скажи, ведь Рут' — дракон?

— Само собой! — с таким жаром ответил Н'тон, что Лиот' удивленно повернул голову. — А что, разве кто-то сомневается?

— Да все они! Весь Руат! Они считают, что он просто фэйр-переросток! Да ты и сам знаешь...

Лиот' зашипел. Трис испуганно вспорхнул, но Рут' просветил что-то успокаивающее, и фэйр снова уселся ему на спину.

— Знаю, слышал, — ответил Н'тон, обнимая Джексома за плечи. — Но я уверен, любой всадник найдет, что возразить путешникам — и не только словом.

— Но если ты считаешь его драконом, почему же он не может вести себя, как дракон?

— Неужели он научился летать? — Н'тон с испугом посмотрел на Рут'а, словно белый дракончик у него на глазах должен был превратиться в бескрылого мясного бычка из руатанских стад.

— Я хотел сказать: чем он отличается от боевого дракона?

— Ах, вот оно что, — поморщился Н'тон. — Послушай, малыш...

— Это все Лайтол, да? Это он настоял, чтобы ты не разрешал нам с Рут'ом сражаться с Нитями?

— Дело не в этом, Джексом...

— Тогда в чем же? Нет такого места на Перне, куда бы мы с ним не попали в единый миг, с первого раза. Да, Рут' маленький, но зато он быстрее всех, проворнее поворачивается, гораздо легче...

— Дело не в его способностях, Джексом, — сказал Н'тон, слегка повысив голос, — а в том, что благоразумно, а что нет.

— Снова отговорки!

— Нет! — резкий ответ Н'тона заставил Джексома на миг забыть обиду. — Друг мой, боевые вылеты и отражение атак Нитей — чрезвычайно опасное занятие. Я вовсе не сомневаюсь в твоей храбрости, однако пойми: несмотря на весь твой задор, на всю быстроту и хитрость Рут'а, в бою вы станете обузой для крыла. Ведь вы не обучены, а уж насчет дисциплины...

— Если все дело только в дисциплине...

Н'тон сжал плечи Джексома, чтобы прервать поток возражений.

— Не только, — всадник глубоко вздохнул. — Я ведь уже сказал: дело не в ваших с Рут'ом способностях — дело в благоразумии. Перн не может рисковать ни тобой, молодым лордом Руата, ни Рут'ом, единственным в своем роде драконом.

— Никакой я не лорд Руата — во всяком случае, пока. Холдом управляет Лайтол. Он принимает все решения... а я только слушаю да киваю головой, как разомлевший на солнце страж порога, — Джексом запнулся, сообразив, что осмеливается критиковать Лайтола. — Я хочу сказать, что отлично понимаю: Лайтол должен управлять Руатом, пока меня не утвердят в Конклаве... И потом, я вовсе не хочу, чтобы Лайтол покинул Руат навсегда. Стань я всадником, дело до этого никогда и не дойдет, понимаешь?

Встретив взгляд Н'тона, Джексом обреченно понурился.

— Да, понимаешь. И все равно не позволишь! Это привело бы к лишним сложностям... слишком большим, да? Значит, я должен всю жизнь сидеть меж двух стульев? Ни лорд, ни всадник — никто, сплошная обуза. Обуза для всех!

«Только не для меня», — отчетливо и уверенно промолвил Рут', ласково подтолкнув своего всадника носом.

— Вовсе ты не обуза, Джексом, — сочувственно проговорил Н'тон, — не стоит так кипятиться. Сам-то я думаю, что тебе пошло бы только на пользу полетать с крылом и научить Рут'а жевать огненный камень. Это сразу поставило бы тебя на голову выше любого лорда.

На какой-то мимолетный миг Джексом подумал было, что Н'тон предлагает ему столь долгожданный шанс; сердце его замерло.

— Но решать, как ты знаешь, не мне, — Н'тон пожал плечами, помедлил, вглядываясь в лицо юноши. — Однако этот вопрос стоило бы обсудить. Ты уже достаточно взрослый, чтобы вступить в права лорда или, во всяком случае, заняться чем-нибудь полезным. Я поговорю с Лайтолом, да и с Ф'ларом тоже.

— Лайтол скажет, что я уже и так правлю холдом, а Ф'лар — что Рут' маловат для полетов с боевым крылом...

— Если ты будешь вести себя, словно капризный ребенок, я им вообще ничего не стану говорить.

С небес грянул рев. Еще два дракона кружили в вышине, явно собираясь приземлиться. Н'тон, поспешив уступить им место, зашагал вместе с Джексом по направлению к главной мастерской. На пороге он обернулся и тронул юношу за локоть.

— Я не забуду о своем обещании... Но и ты, Джексом, поклянись Первым Яйцом, что ни одна живая душа не увидит, как ты даешь Рут'у огненный камень. А когда полетишь, будь осторожен, очень осторожен!

Не веря своим ушам, Джексом уставился вслед предводителю Форты; тот, войдя в дом, уже окликал приятеля. Настроение Джексома резко подскочило.

Перешагнув порог, он слегка замешкался, пока глаза, привыкшие к яркому весеннему солнцу, приспосабливались к более мягкому освещению. С головой погрузившись в собственные горести, Джексом забыл, какое важное событие ожидается сегодня. За длинным верстаком, освобожденным по такому случаю от всякого хлама, уже сидел мастер-арфист Робинтон, рядом с ним — Ф'лар, предводитель Бендена. Поодаль Джексом увидел еще троих предводителей Вейров и Бриарета, нового мастера-скотовода. Там были и другие лорды, добрая половина крыла бронзовых всадников, наиболее уважаемые мастера кузнечного цеха и шумная компания арфистов — их было больше, чем представителей других цехов, насколько Джексом мог судить по цвету одежд собравшихся в зале слушателей.

Кто-то громким шепотом настойчиво звал его по имени. Взглянув налево, Джексом увидел Ф'лессана и молодых учеников, робко жавшихся у дальнего окна. Парни стояли, девушки ерзали на табуретках.

— Здесь собралась половина Перна, — с довольным видом заметил Ф'лессан, освобождая Джексому место у стены.

Джексом кивнул молодым людям, которые с любопытством глазели на каждого из вновь прибывших.

— Вот уж не думал, что столько народа заинтересуется Вансовыми звездами и формулами, — тихо сказал он Ф'лессану.

— Неужели кто-нибудь упустит случай прокатиться на драконе? — добродушно съязвил тот. — Я сам привез четверых.

— Очень многие помогали Вансору в работе, — как всегда, назидательным тоном произнес Бенелек. — Конечно, им хочется услышать, к чему привели их усилия и затраченное время.

— Понятно, что они тут не ради местного угощения, — давась от смеха, проговорил Ф'лессан.

«Интересно, почему его шуточки совсем меня не раздражают?» — подумал Джексом.

— Глупости, Ф'лессан, — ответил Бенелек, который был слишком прямодушен, чтобы понимать шутки. — Здесь очень хорошо кормят. Ты и сам здесь часто ешь.

— Я — вроде Фандарела, — сказал Ф'лессан. — Не глядя, уничтожаю все съестное, — он ухмыльнулся и махнул в сторону двери: — Тише, он идет! Клянусь Скорлупой! Неужели никто не мог заставить его переодеться?

— Для такого человека, как Вансор, одежда не имеет значения! — как ни старался Бенелек приглушить голос, пренебрежение к словам Ф'лессана угадывалось безошибочно.

— И все же сегодня Вансор мог бы выглядеть поопрятнее, — возразил Джексом. — Ф'лессан хотел сказать только это.

Бенелек что-то проворчал себе под нос, но спорить не стал. Ф'лессан подмигнул приятелю и толкнул его в бок.

Перешагнув порог, Вансор неожиданно для себя обнаружил, что зал набит битком. Он застыл на месте, робко озираясь по сторонам. Потом, завидев кого-то из знакомых, кивнул и неуверенно улыбнулся. Со всех сторон его встречали ободряющие улыбки и приглушенные приветствия. Собравшиеся жестами приглашали его пройти на середину.

— Ну и ну! И это все из-за моих звезд? Из-за звездочек? Надо же! — он выглядел так забавно, что по залу прокатился смешок. — Польщен, весьма польщен... Кто бы мог подумать... О, Робинтон, и ты здесь!

— А где же мне еще быть? — Лицо мастера-арфиста сохраняло полнейшую серьезность, но Джексому показалось, что он заметил, как подрагивают губы Робинтона от усилий спрятать улыбку. Арфист поднялся с места и, подталкивая Вансора в спину, подвел его к возвышению в дальнем конце зала.

— Давай, Вансор, начинай, — громыхающим басом произнес Фандарел.

— Да-да, прошу прощения. Мне очень жаль, что я заставил вас всех ждать. А, вот и лорд Асгенар! Я очень польщен, что ты пришел, мой господин... А Н'тон — он тоже здесь? — Вансор стал обходить зрителей. Он был близорук и потому заглядывал людям в лицо, стараясь обнаружить Н'тона. — Он ведь должен быть...

— Я здесь, Вансор, — Н'тон поднял руку.

— А, вон ты где! — нахмуренное круглое лицо «звездных дел мастера» — как едко, но точно прозвала его Менолли — сразу разгладилось. — Н'тон, дорогой, ты должен сидеть впереди. Ты помог мне больше всех — вел наблюдения в самые глухие ночные часы. Иди же скорее сюда...

— Вансор, — рывкнул Фандарел, приподнявшись, чтобы его было лучше слышно, — не можешь же ты всех посадить в первый ряд — а ведь тебе помогало немало людей! Потому-то они здесь и собрались — узнать, что дали все их наблюдения. А теперь залезай сюда и приступай-ка к делу. Не трать время попусту.

Бормоча возражения и извинения, Вансор стал пробираться к столу. «И правда, — подумал Джексом, — вид у него такой, как будто он даже спит в одежде. Судя по тому, как засалился камзол на спине, он не снимал его с последнего Падения Нитей».

Но в звездных картах, которые Вансор развесил на стене, не было и следа неряшливости. И где он только взял такую огнен-

ную красную краску для Алой Звезды? Казалось, она так и пылает. Джексом слушал глуховатый голос ученого и постепенно приходил к выводу, что ничего сногшибательного в докладе нет. Все это он слышал уже не раз, и, хотя старался не отвлекаться — из уважения к Вансору, — мысли его неуклонно возвращались к прощальному напутствию Н'тона: постарайся, чтобы ни одна живая душа не увидела, как ты даешь Рут'у огненный камень!

Что он, дурак, что ли? Но тут Джексом призадумался. Теоретически он знал, как надо обучать дракона жевать огненный камень, однако не сомневался, что между теорией и практикой случаются большие расхождения. Возможно, стоит попросить помощи у Ф'лессана?

Он взглянул на друга детства, который два года назад запечатлил бронзового дракона. В глубине души Джексом полагал, что Ф'лессан так и остался мальчишкой, относящимся к своим обязанностям бронзового всадника не слишком серьезно. Однако он был благодарен приятелю, который ни словом не обмолвился о его проступке — там, на площадке Рождений, где он потрогал скорлупу Рут'ова яйца. В Вейре эту историю могли бы раздуть до небес... И все же Ф'лессан — слишком молодой и слишком легкомысленный, чтобы считать его достойным доверия наставником.

Миррим? Джексом перевел взгляд на девушку. Лучи утреннего солнца, лаская ее каштановые волосы, отбрасывали золотистые блики. Юноша никогда не замечал их раньше. Казалось, она забыла обо всем на свете, кроме Вансоровых формул. Скорее всего Миррим посоветует Джексому не отягощать Вейр новыми заботами, а потом напустит на него своих файров — пусть следят, чтобы он себя не подпалил. Что касается Т'рана, еще одного юного всадника из Исты, то в глубине души Джексом был уверен, что тот считает Рут'а просто файром-переростком. От него толку не больше, чем от Ф'лессана.

О Бенелеке и думать нечего. Он был так же равнодушен к драконам и огненным ящерицам, как и они к нему. Но попадись Бенелеку какой-нибудь чертеж, или прибор, или отдельные части старинного механизма, обнаруженного в одном из древних холдов, — и он будет сидеть дни и ночи напролет, стараясь отгадать, что это было и как работало. Обычно он ухитрялся починить любой прибор, даже если приходилось разобрать его до последнего винтика, чтобы найти поломку. Бенелек с Фандарелом понимали друг друга с полуслова.

Менолли? Пожалуй, Менолли — как раз тот человек, который ему нужен, несмотря на ее несносную привычку перекладывать все услышанное на музыку. Но именно эти способности помогли

ей стать прекрасной арфисткой — по сути дела, первой девушкой в цехе арфистов за всю историю Перна. Джексом украдкой посмотрел на нее — губы Менолли едва заметно подрагивали. «Уж не решила ли она положить на музыку формулы Вансора?» — подумалось ему.

— Звезды в небесах Перна отсчитывают для нас время, помогая отличать один Оборот от другого, — говорил в это время Вансор, и Джексом, виновато опустив взгляд, заставил себя вновь сосредоточиться на выступлении ученого. — Звезды вели за собой Лессу, когда она устремилась в прошлое, чтобы привести к нам Древних, — Вансор слегка поперхнулся, неосторожно упомянув событие, разделившее всадников на два лагеря. — И в будущем звезды всегда останутся нашими проводниками. Моря, материки, люди — все может изменяться, и только звезды, постоянно следующие своими путями, вселяют надежду и уверенность.

Джексому припомнился некогда услышанный разговор о попытке изменить путь Алой Звезды, отвести ее в сторону от Перна. Неужели Вансор доказал, что это возможно?

Тем временем ученый заговорил о том, что, однажды установив орбиту и скорость любой звезды, можно в любое время рассчитать ее положение в небе, вычислив предварительно силы, которые влияют на нее со стороны прочих светил в момент сближения.

— Итак, не сомневаюсь, что мы сможем точно предсказывать время атак Нитей, наблюдая Алую Звезду в момент ее сближения с соседними звездами. И я уверен: как только яркая голубая звезда избавится от влияния желтой, что видна на небе весной, и появится высоко на востоке, Нити снова будут падать по графику, впервые составленному Ф'ларом.

— Используя это уравнение, — Вансор стал стремительно набрасывать на доске цифры, и Джексом снова отметил, что записи этого неряшливого человека отличаются удивительной четкостью, — мы можем рассчитать все последующие сближения, которые будут влиять на падение Нитей до самого конца этого цикла. Мы также сумеем предсказать, где каждая из звезд находилась в любой момент прошлого и где она окажется в будущем.

Он стал с невероятной скоростью покрывать доску математическими значками, объясняя, как они соотносятся с каждой из звезд. Потом повернулся к зрителям; его круглое лицо светилось торжеством.

— Зная все это, мы даже можем точно предсказать начало следующего Прохождения! Конечно, до него еще столько Оборотов,

что волноваться рано. Но, по-моему, о неприятностях лучше знать заблаговременно.

По залу прокатился смех; Вансор заморгал и неуверенно улыбнулся, с опозданием сообразив, что, сам того не желая, развеселил слушателей.

— К тому же мы должны быть уверены, что за время долгого Интервала никто об этом не забудет, — провозгласил Фандарел. После дребезжащего тенорка Вансора его зычный бас прогремел столь оглушительно, что все вздрогнули. — Вот почему мы собрали вас тут, — добавил кузнец, обводя рукой зал.

Несколько Оборотов назад, когда мало кто сомневался, что Рут' не жилец на этом свете, Джексом казалось, что его приглашают на подобные собрания с определенной целью: наверно, для того, чтобы после скорой смерти Рут'а у него, Джексома, остался хоть какой-то интерес в жизни. Однако сегодняшнее сборище затеяли явно не ради него. Он даже фыркнул, припомнив свои детские фантазии. Теперь он понимал, к чему стремятся Ф'лар и Фандарел. Чем больше людей в каждом Вейре и холде будут знать, что происходит в цехах, над какими проблемами трудятся главные мастера и их ближайшие помощники, тем меньше опасность, что планы защиты Перна от нашествия Нитей снова канут в забвение.

И главное — чтобы молодые не забывали об этом! За последние Обороты уже сложилось ядро постоянно действующей школы при цехах кузнецов и арфистов, которое составили Джексом, Ф'лессан, Бенелек, Миррим, Менолли, Т'ран, Пьемур и другие молодые люди, будущие наследники лордов и подмастерья. Каждый учился ценить дело, которым занимались другие.

«Вам надо общаться, — любил повторять Робинтон. — Вы должны обмениваться знаниями, учиться выражать свои мысли, усваивать новые идеи, обдумывать их, анализировать. Пусть ум ваш устремится в будущее!»

Оглядывая зал, Джексом размышлял: кто же из собравшихся способен воспринять идеи Вансора? Конечно, эти люди хорошо подготовлены — многие из них сами наблюдали за звездами и видели, как светила изо дня в день, из месяца в месяц меняют свое положение. Бессонные ночи, которые они провели у треножника дальновидящего прибора, позволили Вансору отразить движение звезд в хитроумных схемах и формулах. И они собрались здесь именно потому, что жаждали услышать новые идеи, испытать из источника знания. Но те, кому эта живительная влага была бы полезней всего, Древние всадники, и поныне оставались в изгнании на Южном материке. И они не услышали ничего.

Джексом не без оснований подозревал, что за всем происходящим на втором материке ведется негласный надзор. Как-то Н'тон ненароком обмолвился о своих полетах над Южным холдом. В цехе кузнецов Джексом видел очень подробную карту его окрестностей; он с удивлением понял, что материк гораздо обширнее, чем предполагали всего пять Оборотов назад. Однажды Робинтон в беседе с Лайтолом случайно обронил неосторожное слово, и наострившему уши Джексому стало ясно, что мастер-арфист недавно вернулся из длительного и опасного путешествия. Он терялся в догадках — знают ли сами Древние, что творится на Перне? Ведь за последнее время произошло столько перемен, что только слепой мог бы их не заметить. Чего стоят одни только леса, появившиеся на Перне, — теперь деревьями покрыто огромное пространство. Древние так не хотели брать лес под защиту! Теперь эти земли охраняют личинки — те самые, которых фермеры беспощадно изводили раньше, считая смертельным врагом... А ведь эти белые червячки воистину спасали Перн!

Грянули аплодисменты, и Джексом свалился с небес на землю. Он захлопал в ладоши, лихорадочно соображая, не упустил ли чего-нибудь по-настоящему важного. Нужно будет потом спросить у Менолли — она-то наверняка запомнила все от слова до слова.

Восхищенный гул не стихал так долго, что Вансор порозовел от смущения. Наконец поднялся Фандарел и, воздев к потолку могучие руки, потребовал тишины. Но ему не дали сказать ни слова. Внезапно вскочил один из наблюдателей из Исты и потребовал, чтобы Вансор объяснил странное поведение трех звезд, известных как Рассветные Сестры. Ученый приготовился было ответить, но тут кто-то из зала крикнул, что только глупцы ищут загадки там, где их нет. Парень из Исты тоже оказался остер на язык, и через минуту в зале бушевал яростный спор.

— Интересно, нельзя ли с помощью Вансоровых закорючек перенестись в будущее? — задумчиво проговорил Ф'лессан.

— Ты что, бредишь? Разве можно очутиться во временах, которые еще не наступили? — язвительно затрещала Миррим, опередив остальных. — Откуда тебе знать, что там случится? Вот напорешься на какой-нибудь утес или угодишь прямоком в стадо быков... Или — еще хуже — окажешься посреди Нитей! Путешествовать в прошлое тоже опасно, но тут мы хотя бы можем узнать, что происходило в нужный момент... И все равно легко влипнуть в какую-нибудь историю! Так что, милый Ф'лессан, забудь про свои фантазии.

— Сегодня у нас нет никаких разумных причин, чтобы отправиться в будущее, — как всегда назидательно, произнес Бенелек.

— Зато как было бы здорово туда попасть! — не сдавался Ф'лессан. — Мы бы разведали, что замышляют Древние. Ф'лар уверен, они что-то готовят. Слишком уж подозрительно тихо на Южном...

— Закрой рот, Ф'лессан! — набросилась на него Миррим. — Это не твоего ума дело!

Девушка тревожно оглянулась — не услышал ли болтуна кто-нибудь из взрослых.

— А еще говорят: общайтесь и делитесь мыслями! — припомнил Ф'лессан излюбленную сентенцию Робинтона.

— Есть же разница между общением и пустой болтовней, — заметил Джексом.

Ф'лессан смерил друга детства долгим взглядом.

— Знаешь, раньше я думал, что эта идея, которую Робинтон вдолбил нам, и вправду хороша. А теперь вижу: из-за нее все мы превратились в никчемных болтунов. И в бесплодных мыслителей, — он возмущенно поднял глаза к небу. — Мы все болтаем и болтаем, все думаем и думаем — ну просто до посинения... И ничего не делаем! Хвала Яйцу, что во время сражения с Нитями мне приходится сначала делать, а уж потом — думать! — он повернулся на каблуках и, неожиданно повеселев, объявил: — Ура! Кушать подано!

Хлопнув себя по животу, Ф'лессан начал резво пробираться через толпу к огромному столу посреди зала. Служанки уже тащили туда подносы, заставленные мисками и кувшинами.

Джексом покачал головой... Совсем мальчишка! Мог бы уже и поумнеть!

— Ох уж этот Ф'лессан, — шепнула ему Менолли, — все старается поддержать славу рода. Лесса посетила прошлое, а ему подавай будущее. Но уж слишком он... безрассудный, — в лазурных глазах девушки запрыгали смешинки, — чтобы попасть в герои Баллады, — закончила она. Неожиданно арфистка вздохнула. — Да, совершенно не подходит — думает только о себе. Правда, сердце у него все-таки доброе. Ну, пошли, а то нам ничего не достанется!

На этот раз кухни Фандарела достойно подготовились к наплыву гостей. Кроме сочных пирожков с мясом, к столу подали жареную рыбу, хлеб с несколькими сортами острых сыров и огромные кувшины с горячим кла. Джексом подхватил блюдо с пирожками, сунул один в рот и принялся обносить старших гостей. Лорды и мастера сердечно приветствовали его, расспрашивая о

здоровье Лайтола и Рут'а. Казалось, они горят желанием обменяться с ним любезностями, начисто забыв про все теории Ван-сора. «Может, дело в том, — насмешливо подумал Джексом, — что они просто ничего не поняли и теперь стесняются показать мне, юнцу, свое невежество? Конечно, легче болтать о здоровье, чем о путях небесных светил...» Джексом вздохнул. Неужели наступит время, когда они будут видеть в нем равного?

— Да брось ты тарелку, Джексом! — схватил его за рукав Ф'лессан. — Пойдем, я тебе что-то покажу!

Сочтя свой долг выполненным, Джексом поставил блюдо на стол и поспешил вслед за приятелем. Они вышли наружу, и Ф'лессан, ухмыляясь, показал рукой на крышу мастерской кузнецов. Главная мастерская размещалась в просторном здании с крутой двускатной кровлей из серых шиферных пластин; сейчас вся она словно переливалась разноцветными волнами — файры покрывали ее сплошным ковром — от края и до края. Свистя и чирикая, огненные ящеры обменивались новостями — уморительная пародия на бурные споры, что происходили внутри. Джексом расхохотался.

— Не могу поверить, что все эти файры принадлежат тем, кто прибыл сюда, — он повернулся к только что подошедшей Менолли. — Или ты раздобыла еще пару выводов?

— У меня их всего десять, — смахивая выступившие от смеха слезы, пробормотала девушка, — да и то они обычно где-то пропадают. Целыми днями не показываются на глаза. Пожалуй, моих здесь только два. Да еще Красотка, моя королева. Она не отстает от меня ни на шаг. А знаешь, — теперь арфистка говорила вполне серьезно, — скоро с ними сладу не будет. Я не говорю о моих — они-то как раз умеют себя вести. А вот эти... — она махнула рукой в сторону кишевшей ящерками крыши. — Ведь они такие болтушки! Держу пари, они слетелись сюда поглазеть на драконов, особенно — на твоего Рут'а.

— Стоит нам с Рут'ом где-нибудь появиться, сразу начинается такой же кавардак, — пожаловался Джексом.

Менолли поглядела вдаль, туда, где на залитом солнцем речном песке в обществе трех больших драконов и стайки вездесущих файров возлежал Рут'.

— Неужели Рут'а это не раздражает?

— Да нет, — снисходительно усмехнулся Джексом, — по-моему, ему даже нравится. Файры его развлекают, когда мне приходится отлучаться по делам холда. Он говорит, что они показывают ему удивительные и даже невероятные образы. Обычно Рут'

любит их смотреть... Но иногда сердится и утверждает, что они выдумывают.

— Разве файры умеют выдумывать? — недоверчиво спросила Менолли. — Ведь они начисто лишены воображения и передают лишь то, что видели собственными глазами.

— Или думают, что видели.

Менолли задумалась.

— Обычно то, что они показывают, вполне достоверно. Я знаю... — тут она смущенно запнулась и замолчала.

— Можешь не продолжать, — сказал Джексом. — Лишь болван не сообразит, что вы, арфисты, что-то затеваете на юге.

Он обернулся, чтобы позвать Ф'лессана, но приятель куда-то исчез.

— Послушай, Джексом, — Менолли понизила голос, — на юге действительно что-то происходит. Мои файры просто в панике. Они все время показывают мне какое-то яйцо, только лежит оно вовсе не в ведре. Я сначала подумала, что Красотка спрятала новую кладку — с ней такое случилось и раньше. Но потом мне стало казаться, что все это происходило очень давно. А Красотка не старше твоего Рут'а... Спрашивается, откуда же ей помнить, что случилось раньше, чем пять Оборотов назад?

Джексом расхохотался.

— У огненных ящериц галлюцинации! Они воображают, что обнаружили Первое Яйцо?

— А вот мне почему-то не смешно. Они действительно знают много странного. Помнишь, как Ф'норова Гралл перепугалась, когда он попробовал отправить ее на Алуэ Звезду? И, если хочешь знать, все файры как один ужасно боятся Алой Звезды!

— Мы тоже, Менолли.

— Но ведь они *знали*, Джексом! Знали еще до того, как у людей возникли хоть какие-то соображения на этот счет!

Они оба, не сговариваясь, взглянули на юго-восток, где таилось грозное светило.

— Значит? — таинственно произнесла Менолли.

— Что? Что — значит?

— Значит, у файров есть память, вот что!

— Брось, Менолли! Ты хочешь, чтобы я поверил, будто файры помнят то, чего не помнят люди?

— У тебя есть другой ответ? — наступала на него юная арфистка.

— Нет, конечно. Но не надо думать, что его вообще не существует, — усмехнулся Джексом. Вдруг улыбка сползла с его лица. — А вдруг кто-то из маленьких негодников заявился с юга? И теперь шпионит за нами?

— Что из того? Во-первых, в зале никого из них не было, а вторых, они могут передавать только то, что понимают, — Менолли насмешливо фыркнула, и Джексом решил, что эта привычка выгодно отличает ее от глупо хихикающих девчонок из холда. — Можешь себе представить, какой сумбур возникнет в голове у Т'кула от Вансоровых уравнений в передаче файров!

Сам Джексом плохо помнил прежнего предводителя Плоскогорья, но от Лайтола и Н'тона он достаточно слышал о нем и понимал, что этот человек слеп и глух ко всему новому. Хотя — как знать. Может, за шесть Оборотов изгнания его взгляды изменились...

— И знаешь, — продолжала Менолли, — не одну меня это тревожит. Миррим — тоже. А ведь никто не понимает огненных ящериц лучше, чем Миррим!

— У тебя тоже неплохо получается — для простой арфистки.

— Благодарю за любезность, владетельный лорд! — девушка присела в шутилом реверансе. — Слушай, а ты не мог бы узнать, что файры рассказывают твоему Рут'у?

— А разве с зеленой Мирримовой Пат'ой они не болтают? — Джексому не хотелось без особой надобности связываться с файрами.

— Ты же знаешь, драконы не умеют запоминать. Но твой Рут' — другой, я это давно заметила.

— Совсем другой.

От арфистки не ускользнуло раздражение, прозвучавшее в его ответе.

— Да что с тобой сегодня? Неужели к Лайтолу заявился лорд Грож?

— Лорд Грож? Это еще зачем?

В глазах Менолли запрыгали искорки, и она поманила его ближе, словно опасалась, что их кто-нибудь подслушает.

— Сдается мне, лорд Грож задумал сосватать за тебя свою третью дочурку — знаешь, ту, грудастую...

У Джексома вырвался стон ужаса.

— Да не пугайся ты так! Робинтон зарубил его идею на корню. Не мог же он сидеть и ждать, когда тебя вконец повяжут... — борясь с одолевавшим ее смехом, девушка искоса взглянула на приятеля. — Так что, если у тебя есть на примете другая, сейчас самое время признаться.

Джексом был вне себя; конечно, виною тому была не Менолли, а новость, которую она сообщила. Но кто же не знает, как трудно порой отделить весть от вестника!

— Только жены мне и не хватало!

— Неужели ты не хочешь, чтобы тебя окружили заботой и лаской?

— Менолли!

— Полно прикидываться простачком! Мы, арфисты, прекрасно понимаем, как слаба человеческая плоть. А ведь ты, Джексом, высокий, красивый парень. Неужто Лайтол не дал тебе наставлений и по этой части?

— Менолли!

— Джексом! — она безошибочно передразнила его интонацию. — Неужели Лайтол никогда не отпускает тебя на вольный выпас? Или ты еще только подумываешь об этом? Если хочешь начистоту, Джексом, — голос Менолли прозвучал неожиданно резко, и она в упор взглянула на него, — мне кажется, что Робинтон, Лесса с Ф'ларом и Фандарел в придачу скоро окончательно превратят тебя в свое бледное подобие. А где же ты сам, Джексом?

Он так и не успел придумать достойный ответ на эту колкость. Прищурившись, девушка смерила его насмешливым взглядом и продолжила:

— Не зря ведь говорят — каков всадник, таков и дракон. Может быть, не случайно Рут' так не похож на других? — выпалив эту загадочную тираду, она повернулась и пошла к зданию мастерской.

Джексому охватило искушение кликнуть Рут'а и покинуть место, где не дожدهшься ничего, кроме насмешек и оскорблений, но тут ему вспомнились слова Н'тона. Что сказал предводитель Форта? «Словно капризный ребенок»? Вдохнув, Джексом уселся на траву. Нет, не станет он во второй раз за день бежать куда глаза глядят, отяготив душу гневом и обидой; не поступит сгоряча, как мальчишка. Не доставит Менолли такого удовольствия — пусть не воображает, что ее дерзости его хоть чуть-чуть задела.

Джексом поискал взглядом Рут'а, который забавлялся на берегу реки, и подумал: «Почему же Рут' не такой, как все? Может, и вправду — каков всадник, таков и дракон?»

Если так, здесь есть и его вина. Ведь его появление на свет было столь же необычным, как и Рождение Рут'а. Джексому извлекли из тела мертвой матери; Рут' же вылупился из яйца, которое не смог разбить самостоятельно... Рут' — дракон, но вырос не в Вейре... Джексом — властелин холда, но никакой власти не имеет...

Стало быть, победа одного из них станет победой другого — и пусть все эти проклятые отличия сожгут Нити!

«Постарайся, чтобы ни одна живая душа не увидела, как ты даешь Рут'у огненный камень», — сказал Н'тон.

Отлично, этим он и займется в первую очередь!

Холд Рут.

Равнинный холд Фиделло.

Промежуток.

Пятнадцатый Оборот.

Пятый месяц, дни с десятого по шестнадцатый

Прошел день, и Джексом понял: одно дело — решить, что пора научить Рут'а жевать огненный камень, и совсем другое — найти для этого время! Ему не удавалось выкроить ни единого свободного часа. Джексом даже начал задумываться — а вдруг Н'тон предупредил Лайтола о его намерениях и опекун нарочно старается заполнить его дни до отказа? Но он быстро отбросил эту мысль как недостойную. Нет, Н'тон — не предатель и не хитрец. Основательно поразмыслив, Джексом пришел к выводу, что его дни и раньше были заполнены до отказа: сначала — возней с Рут'ом, потом — занятиями и делами холда. Теперь добавились еще и встречи с другими лордами — Лайтол счел, что воспитаннику полезно побывать в разных местах; впоследствии это пригодится при ведении торговых дел.

До сих пор Джексом просто-напросто не отдавал себе отчета, насколько он занят. Он понял это только сейчас, когда ему отчаянно понадобилось время для себя — отлучка, которую не нужно никому объяснять и ни с кем согласовывать.

Было и еще одно осложнение, которого он не учел, — огненные ящерицы. Куда бы они с Рут'ом ни отправились, назойливые фэйры непременно преследовали их. Менолли не напрасно называла крохотных дракончиков болтушками — Джексому совсем не улыбалось, чтобы они подглядывали за их с Рут'ом тайными занятиями. Он даже проделал опыт — послал Рут'а к горному кряжу, затерянному в просторах Плоскогорья, который служил им тренировочной площадкой, когда они учились летать в Промежутке. Место было глухое, пустынное; из-под слежавшегося снега только-только начинала пробиваться скудная горная растительность. Джексом задал Рут'у направление, когда они уже находились в воздухе и вокруг не было ни единой огненной ящерицы. Но не успел он сосчитать до двадцати, как прямо над головой дракона выпорхнули зеленая Диланы и синий дворецкого. Они изумленно зачирикали, возмущаясь угрюмым видом местности.

Джексом попробовал уединиться в двух других, столь же малодоступных местах — одно находилось на равнинах Керуна, дру-

гое — на никому не ведомом островке у побережья Тиллека. И всюду за ними увязывались фэйры.

Сначала, раздраженный столь откровенной слежкой, он хотел было объясниться с Лайтолом. Но здравый смысл подсказывал, что едва ли лорд-управляющий Руата стал бы просить дворецкого или Дилану направлять своих питомцев по его следам — причем с упорством, достойным лучшего применения. А попробуй он прямо высказать Дилане свои претензии, она начнет хлопать носом, причитать и, ломая руки, бросится прямехонько к Лайтолу. Совсем другое дело Бранд, главный дворецкий холда. Он перебрался к ним из Телгара два Оборота назад, когда оказалось, что прежний дворецкий не способен справиться со слишком вольными нравами, царившими среди молодежи. Бранд быстро прижал всех к ногтю. «Тем более, — подумал Джексом, — он человек опытный и должен понимать желания юного лорда».

Вернувшись в Руат, Джексом застал Бранда в его кабинете. Он давал нагоняй слугам за погром, учиненный землеройками в кладовых холда. К изумлению Джексома, увидев лорда, он тут же выдворил провинившихся, строго-настрого наказав им под угрозой лишения обеда не являться к нему без двух убитых землероек на брата.

Нельзя сказать, чтобы раньше Бранд вел себя с Джексом недостаточно уважительно. Но столь подчеркнутое внимание так ошеломило юношу, что он несколько мгновений молчал, не в силах прийти в себя. Бранд ожидал, пока юный лорд изволит заговорить с ним, с таким почтением, какое он выказывал только Лайтолу или какому-нибудь высокому гостю. Джексом с некоторым смущением вспомнил свою недавнюю выходку за завтраком — может быть, все дело в ней? Но Бранда не так-то просто утратить! У него был острый глаз, твердая рука, решительно сжатый рот и то чувство достоинства, которое, по мнению Лайтола, всегда является признаком надежного человека.

— Знаешь ли, Бранд, я нигде не могу найти спасения от этих фэйров. Всюду за мной увязываются зеленая Диланы — и мне, право, не хотелось бы об этом говорить, — но твой синий тоже. Нельзя ли покончить с этим?

На лице дворецкого отразилось неподдельное изумление.

— Иногда, — продолжал Джексом, — человеку хочется побыть наедине с собой, совсем одному. И потом, ты ведь знаешь, какие фэйры болтливые. Им может что-то померещиться и... Ну, словом, ты понимаешь сам.

Бранд, разумеется, понимал; как бы его ни удивила или позабавила просьба Джексома, он ничем не выдал своих чувств.

— Прошу прощения, лорд Джексом. Недоглядел. Ты же помнишь, как Дилана переживала, когда вы с Рут'ом начали летать в Промежутке. Тогда файров посылали с вами для страховки. Нужно было давным-давно отменить это распоряжение.

— С каких это пор, Бранд, я стал для тебя лордом Джексомом?

Губы дворецкого дрогнули.

— Со вчерашнего утра... лорд Джексом.

— Бранд, я вовсе не настаиваю...

Бранд чуть склонил голову, предупреждая дальнейшие объяснения.

— Лорд Лайтол справедливо заметил: ты уже достаточно взрослый, чтобы вступить в свои права. И нам, лорд Джексом, — Бранд непринужденно улыбнулся, — надлежит вести себя соответственно твоему новому положению.

— Ну что ж, если так, то... спасибо, — Джексом поспешно retirовался, чтобы окончательно не уронить своего достоинства, и быстро зашагал по коридору.

Завернув за угол, он остановился и, прислонившись к стене, стал обдумывать услышанное. «Достаточно взрослый, чтобы вступить в свои права...» И посему лорд Грох задумал женить его на своей грудастенской дочке. Осмотрительный владетель Форты никогда не пошел бы на это, имея он хоть малейшее сомнение, что будущего зятя утвердят в правах. Теперь такая перспектива всерьез тревожила и смущала Джексома — а ведь еще вчера он был бы вне себя от счастья... Стоит ему официально стать лордом Руата, как он тут же лишится малейшего шанса взлететь с боевым крылом. Нет, не хочет он править Руатом — во всяком случае, пока. И уж совсем ему не улыбается посадить себе на шею жену, которую он к тому же и в глаза не видел.

Надо было сказать Менолли, что любая девчонка в холде радешенька ему услужить, возымеет он такое желание. Не то чтобы он стремился следовать примеру других воспитанников — с весьма вольными взглядами... Нет, ему вовсе не нужно, чтобы его считали распутником вроде Мерона. Или взять того молодого дурня, сына лорда Лауди... Лайтолу пришлось отослать его домой под каким-то благовидным предлогом, которому все равно никто не поверил. Нет ничего зазорного, если лорд приживет пару полукровок, но разбавлять кровь рода — дело другое. Однако придется, видимо, завести какую-нибудь девчонку посмазливее — нужно же иметь надлежащее оправдание для тех часов, которые они с Рут'ом потратят на куда более важные дела.

Джексом оттолкнулся от стены и, сам того не замечая, расправил плечи. Что ни говори, почтительность Бранда придала ему

уверенности. Теперь, когда он подробно обдумал последние события, он припомнил и другие признаки изменившегося отношения домочадцев — просто волнение из-за огненного камня сделало его слепым ко всему остальному. Вот и Дилана не пичкает его за столом выше горла, и Дорса стало не видно и не слышно. А Лайтол больше не предваряет утренние распоряжения вопросами о здоровье Рут'а, а переходит прямо к делу.

В тот вечер, когда Джексон вернулся из мастерской кузнецов, Лайтол с Файндером сгорали от желания узнать, о чем же поведал Вансор, и разговоры затянулись дотемна. Воспитанники — да и другие домочадцы — сидели, словно проглотив языки, и Джексон решил, что их необычная молчаливость вызвана его занимательным рассказом. Ведь, как правило, ни Лайтол, ни Файндер, ни Бранд за словом в карман не лезли.

На следующее утро он выскочил из-за стола, едва успев проглотить кусок мяса с лепешкой и кружку кла; днем ожидалось Падение Нитей на юго-западные поля, только что давшие молодые всходы, а путь туда был неблизкий. Дилана проводила его горестным взглядом, но не осмелилась сказать ни слова.

«Нужно было давным-давно поставить их всех на место!» — думал Джексон, входя в свои покои.

Было заведено, что никто не смеет беспокоить его в те часы, когда он занимается Рут'ом. Только теперь Джексон вполне оценил всю прелесть этой, пусть кратковременной свободы. Обычно он обихаживал дракона рано утром или поздно вечером — чистил его и смазывал кожу маслом. Раз в четыре дня они с Рут'ом отправлялись поохотиться — белому дракончику полагалось питаться чаще, чем его более крупным сородичам. И всегда за Рут'ом увязывались фэйры — неизменные участники его трапез. Большинство владельцев имели обыкновение кормить своих питомцев с рук, но фэйры обожали свежую, только что убитую дичь, и люди давно с этим смирились. Непредсказуемые существа эти огненные ящерицы! Никто не сомневался, что с момента Запечатления они нежно привязывались к своим владельцам, однако порой ими овладевали внезапные страхи и причуды, и они часто исчезали, иногда надолго. А возвратившись, вели себя так, будто никакой отлучки не было, — разве что передавали какие-то невероятные картины.

Джексон знал, что сегодня Рут' не прочь поохотиться — он ясно чувствовал растущее нетерпение своего зверя. Посмеиваясь, юноша натянул тяжелую летнюю куртку и влез в меховые сапоги, попутно вежливо поинтересовавшись, что Рут' желает на обед в этот раз.

«Птицу — толстую, мясную, с равнин. Я сыт по горло жесткими горными тварями!» — Рут' фыркнул от отвращения.

— Тогда отправимся на западные луга, — сказал Джексом, перешагнув порог вейра.

Рут' легонько ткнулся носом Джексому в грудь, и тот через толстую куртку ощутил его прохладное дыхание. В огромных глазах дракона сверкали красные искры — признак здорового голода. Приблизившись к тяжелым металлическим дверям, выходившим во двор конюшни, Рут' распахнул их сильным толчком передних лап.

Руатанские фэйры уловили настроение Рут'а и возбужденно носились кругами, предчувствуя скорый пир. Джексом оседлал дракона и послал его вверх. Старый коричневый, восседавший на скалах, пожелал им счастливой охоты, а его всадник приветственно взмахнул рукой.

Кроме десятины, получаемой от холдов, все шесть Вейров содержали собственный скот и огромных нелетающих птиц для прокорма своих драконов. Впрочем, ни один из лордов не возражал, если какой-нибудь всадник изредка заимствовал быка из его стад или пару-тройку мясных птиц. Поскольку Джексом — будучи лордом — имел законное право на все имущество Руата и подвластных ему малых холдов, его охотничьи вылазки воспринимались подданными как знак благоволения. Лайтол не беспокоился — его питомец отлично знал, как распределять свои экспедиции, чтобы не особо обременять фермеров.

Нынче утром Джексом дал Рут'у ориентиры богатого лугового поселения, где, по словам Лайтола, хозяин откармливал птиц к весеннему забою. Когда Джексом с Рут'ом появились в небесах, Теггер как раз объезжал на скакуне свои владения. Он учтиво приветствовал юного лорда, который ответил традиционными вопросами о здоровье, поголовье стад и упитанности несушек.

— Могу я просить тебя кое о чем напомнить лорду Лайтолу, — наконец сказал Теггер, и в его голосе Джексом уловил скрытую обиду. — Я уже не раз обращался к нему за яйцом огненной ящерицы — как холдер и самостоятельный хозяин я имею на это право, да и польза была бы немалой. Как мне получить хороший выводок, если змеи да землеройки снова подберутся к кладке? Из-за них я теряю пять-шесть яиц на круг. Фэйры держали бы этих тварей на расстоянии. Они здорово помогают моему приятелю с Лысого озера, да и другие тоже их хвалят. Фэйры, лорд Джексом, очень полезные зверушки. Ну, подумай, я управляюсь со своим холдом уже двенадцать Оборотов, разве я не достоин получить

ящерицу? Палон с Лысого озера давно отмечен... а ведь он владеет холдом всего Оборотов десять, не больше.

— Просто ума не приложу, Теггер, почему тебя обошли. Я прослежу, чтобы в следующий раз тебе обязательно послали яйцо.

Холдер хмуро поблагодарил и предложил Джексому поохотиться среди стада упитанных мясных птиц, что паслись на дальнем конце ровной луговины. Он хотел, чтобы его птицы пострадали как можно меньше, — спасаясь от дракона, они могли сразу сбросить семидневный привес.

Джексом поблагодарил хозяина, Рут' тоже добродушно курлыкнул, от чего Теггеров скаун встал на дыбы, едва не сбросив седока. Теггер злобно ударил животное промеж глаз, чтобы привести его в чувство.

«Не думаю, чтобы Теггеру удалось запечатлить файра», — решил про себя Джексом, вскакивая Рут'у на шею.

Рут' был вполне согласен со своим другом. «Однажды у него было яйцо. Малышка ушла в Промежуток, да так и не вернулась».

— А ты откуда знаешь?

«Мне рассказали файры».

— Когда?

«Когда это случилось. Просто я только что вспомнил, — в го-лосе Рут'а звучало неприкрытое самодовольство. — Они вообще рассказывают мне много интересного, когда тебя нет поблизости».

Только сейчас Джексом заметил, что с ними нет обычной свиты разноцветных ящерок — а ведь Рут' отправился на охоту! Жаль... Он вовсе не настаивал, чтобы Бранд навсегда избавил его от их общества.

Рут' жалобно спросил, нельзя ли поскорее приступить к делу — ведь он так проголодался... Они тронулись к выбранному холдером месту. По пути Рут' высадил Джексома на поросшем травой пригорке, откуда открывался прекрасный вид на луг. Юный лорд расположился поудобнее в предвкушении захватывающего зрелища. Как только Рут' взмыл в воздух, откуда ни возьмись появилась стайка файров. Они скромно расселись поодаль, ожидая, когда дракон пригласит их присоединиться к пиршеству.

Некоторые драконы выбирают жертву долго — гоняют стаю взад-вперед, чтобы животные разбежались во все стороны и можно было без помех присмотреть самого вкусного. Либо Рут' был не слишком разборчив, либо он понял опасения Джексома, что Теггер обозлится, если его птицы потеряют в весе, но только белый дракон мгновенно прикончил первого же самца, переломив его длинную шею как соломинку, и вгрызся в тушу.

Затем Рут' предоставил ликующим файрам подбирать остатки,

а сам убил второго и, как всегда, очень аккуратно съел. Едва стая сгрудилась на дальнем конце луга, как он неожиданно взвился ввысь, выбрав третьего.

«Я ведь сказал тебе, что проголодался», — сообщил Рут' таким виноватым тоном, что Джексом, расхохотавшись, посоветовал ему набить брюхо до отвала.

«Никто и не думает набивать брюхо, — с едва заметным упреком ответил Рут', — просто я действительно ужасно голоден».

Джексом задумчиво наблюдал за пирующими файрами. Интересно, есть ли среди них руатанские? Рут', не задумываясь, ответил, что эти ящерки — местные, слетелись со всей округи.

«Итак, — размышлял Джексом, — мне удалось пока решить только часть задачи — отделаться от руатанских ящериц. Но, как водится, то, что знает одна из них, мгновенно становится известно всем остальным. Значит, по-прежнему остается вопрос — как скрыть наши занятия от их вездесущих глаз».

Джексом знал: чтобы как следует прожевать и переварить огненный камень, дракону нужно время. Всадники, как правило, начинают давать своим зверям камень за несколько часов до предполагаемого падения Нитей.

Сколько же времени понадобится Рут'у, чтобы он начал выдыхать пламя? Тут спешить нельзя. Все драконы ведут себя по-разному, и всадник должен сам изучить особенности своего зверя. Если бы он мог заниматься с Рут'ом в Вейре, где всегда можно воспользоваться советом опытного наставника...

Сам по себе огненный камень особой проблемы не представлял. Сторожевого дракона им снабжали в избытке, и на высотах над Руатом скопилась приличная куча. А Рут'у нужно куда меньше, чем большому дракону.

Когда приступить к делу — вот в чем вопрос! Сегодня у Джексома выдалось свободное утро, потому что Рут'у пришлось время поохотиться. Но отправлять только что наевшегося дракона в Промежуток неразумно — под влиянием холода теплая непереваренная пища может плохо повлиять на его желудок. Значит, обратный путь в Руат отнимет довольно много времени. Днем, после Падения, ему придется осматривать весенние посевы, а если Лайтол действительно намерен взвалить на него управление холдом, то отлынивать от обязанностей больше не удастся.

Интересно, не опасаются ли лорды, что он может пойти по стопам своего отца, лениво размышлял Джексом. Они только и знают, что болтать про кровное родство и голос крови... А что, если в нем вдруг заговорит кровь Фэкса? Или они надеются, что материнская кровь все же пересилит? Все с готовностью беседе-

ют с ним о матери, леди Гемме, но стоит ему ненароком упомянуть имя отца, о котором никто не пролил ни единой слезинки, как люди сразу замолкают или стараются перевести разговор на другую тему. Неужели они боятся, что он, узнав о несправедливых делах Фэкса, пойдет по дурной дорожке? Или просто из вежливости не желают говорить о мертвом плохо? А когда речь идет о живых, все охотно переминают друг друга кости...

Шутки ради Джексом стал размышлять, на кого бы ему напасть. Что, если захватить Набол? Форт-холд ему, пожалуй, не по зубам... А вот Тиллек? Или, может быть, лучше Кром? Нет, ему слишком симпатичен Керн, старший сын лорда Нессела, не стоит лишать его наследства... Во имя Скорлупы — ну и хорош же он! Размечтался о завоеваниях, а сам не может даже распорядиться своей собственной судьбой и судьбой своего дракона...

К нему вперевалку подошел Рут'. Набитое брюхо отвисло, время от времени он довольно рыгал. Разлегшись в нагретой солнцем душистой траве, он стал старательно облизывать когти. Рут' всегда был чрезвычайно опрятен.

— Ты сможешь лететь с полным животом? — спросил Джексом, когда дракон закончил прихорашиваться.

Рут' обернулся, в глазах его мелькнул упрек. «Я могу лететь всегда. — Он вздохнул, и на Джексома пахнуло свежим мясным духом. — Зачем ты опять тревожишься?»

— Просто я хочу, чтобы мы с тобой стали настоящим драконом и настоящим всадником... чтобы мы сражались с Нитями и ты дышал пламенем!

«Значит, так оно и будет, — с несокрушимой уверенностью заявил Рут'. — Ведь я — дракон, а ты — мой всадник. Что нам помешает?»

— А файры? От них нигде не спрячешься!

«Ты же сказал толстяку в синем, — так Рут' охарактеризовал Бранда, — чтобы они от нас отстали. Видишь — их здесь нет».

— Зато есть другие. А ты сам знаешь, какие они все болтливые, — тут Джексом вспомнил слова Менолли. — А о чем сейчас думает эта стая?

«Наелись до отвала. Птицы были сочные и нежные. Отличная еда. Не видели такой уже много Оборотов».

— А если ты им велишь, они уберутся отсюда?

Рут' фыркнул, глаза его стали вращаться чуть быстрее, в них читалось раздумье.

«Они не поймут, почему их прогнали, и вернутся посмотреть. Если хочешь, я попробую. Может быть, нам удастся хоть ненадолго от них избавиться».

— Как это на них похоже — сплошное любопытство и никакого толка. Но ведь не зря Робинтон постоянно твердит, что нет такой задачи, к которой нельзя было бы подобрать ключ. Придется нам заняться поисками ключа.

Пока они летели обратно в Руат, в животе у Рут'а громко урчало. Дракончик мечтал об одном — свернуться на согретом солнце камне и подремать всласть. Коричневый сторожевой дракон улетел на патрулирование, и Рут' расположился на его месте. Джексом постоял во дворе, наблюдая, как его друг уютно устраивается на скале, что нависала над широким двором Руата, а потом отправился на поиски Лайтола.

Если Бранд и передал управляющему просьбу Джексома, то Лайтол никак этого не обнаружил. Он, как всегда, сдержанно поздоровался со своим питомцем и велел ему есть как можно быстрее — предстоит дальняя дорога. Тордрил и еще один из старших воспитанников поедут вместе с ними; однако они не станут осматривать пораженные Нитями посевы — утренние планы изменились. Андемон, мастер-фермер, прислал семена нового сорта высокоурожайной ранней пшеницы, последнее достижение его цеха. На полях Южного холда, которые засеяли этими семенами, поднялись мощные злаки с налитыми колосьями; они без ущерба перенесли долгую летнюю сушь. Теперь Андемон хотел проверить, как проявит себя его пшеница в более влажном климате Северного материка.

Многие мелкие холдеры — те, что постарше, — изю всех сил сопротивлялись любым новшествах. «Ну и тупицы — еще почище Древних», — любил ворчать Лайтол, но так или иначе управляющий умел настоять на своем. Фиделло — а именно ему принадлежал холд, куда они везли запас семян, — взялся хозяйствовать всего лишь два Оборота назад, после того как прежний холдер погиб, вылетев из седла во время охоты на диких быков.

Наскоро перекусив, они отправились в путь на скакунах особой породы, которые могли бежать без усталости весь день даже в летний зной. Хоть Джексом и считал, что утомительно часами трястись в седле, когда они с Рут'ом могут добраться до места за несколько мгновений, порой он все же любил прокатиться верхом. Сегодня же, когда в воздухе пахло весной и Джексом был уверен, что Лайтол к нему по-прежнему благоволит, прогулка доставляла ему особое наслаждение.

Холд Фиделло находился на северо-востоке от Руата, на равнине, раскинувшейся на фоне заснеженных вершин Крома. Когда они выехали в степь, синий фэйр, до того спокойно сидевший на плече у Тордрила, издал приветственный клич и, взвив-

шись в небо, описал круг около возникшей в воздухе коричневой ящерки. Коричневый, видимо, принадлежал самому Фиделло, его послали вперед, чтобы заблаговременно доложить о приближении гостей. Мгновение — и обе огненные ящерицы юркнули в Промежуток. Тордрил и Джексом переглянулись: можно надеяться, что в холде их будут ожидать сладкие булочки и кувшин кла. После долгой дороги у путников разыгрался аппетит.

Фиделло сам выехал им навстречу и сопровождал гостей на последнем участке пути. Он сидел на могучем тяжеловозе; сквозь свалывшийся зимний мех животного кое-где уже поглядывала лоснящаяся летняя шкура.

С искренним гостеприимством — правда, слегка робея — он пригласил их в холд, небольшой, но хорошо обустроенный. Прислуга, в том числе и та, что принадлежала еще старому хозяину, собралась встретить гостей.

— У него хороший повар, — шепнул Тордрил, пока трое юношей опустошали блюда с закусками, от которых ломился стол, накрытый в главном зале холда. — Но сестренка — еще лучше! — добавил он при виде девушки, подошедшей к ним с дымящимся кувшином кла.

«Действительно хороша, — согласился Джексом, впервые увидев ее так близко. — Доверься Тордрилу, и он безошибочно приведет тебя к самой красивой девушке в окрестностях. Бранду придется не спускать с него глаз, когда он начнет наведываться в ремесленное предместье, что за мостом».

Но красавица подарила смущенную улыбку не Тордрилу, а Джексому, а когда наследник Исты попытался ее разговорить, отвечала односложно, по-прежнему улыбаясь лишь своему лорду. Она удалилась только после того, как ее братья пригласили гостей поспешить на поля — иначе им предстоит возвращаться в Руат в темноте.

— Хотел бы я знать, удалось бы мне так быстро заполучить ее, будь я лордом Руата? — заметил Тордрил, когда они проверяли подпруги, готовясь сесть в седло.

— О чем ты говоришь? Мы едва перемолвились словом.

— Значит, выгорит, когда у тебя выдастся время... перемолвиться словом. Неужели Лайтол станет возражать против пары-другой полукровок? Мой папаша утверждает, что это даже помогает держать законных наследников в узде. Тебе-то — вообще раздолье, ведь Лайтол родом из Вейра, он не станет допекать тебя из-за таких пустяков.

В этот момент к ним присоединились Лайтол с Фиделло, но замечание Тордрила направило мысли Джексома в весьма плодо-

творное русло. Как там ее зовут? Кажется, Корана. Что ж, Корана может ему очень даже пригодиться. В Равнинном холде всего один фэйр, и если Рут'у удастся сделать так, чтобы он их не особенно допекал...

В свой холд они вернулись уже затемно. Джексом незаметно пробрался на скалы, к ямам с огненным камнем; воспользовавшись тем, что сторожевой дракон вылетел поразмяться перед сном, он набрал целый мешок.

На следующее утро Джексом как бы невзначай спросил Лайтола, хватит ли, на его взгляд, того запаса семян, который они вчера отвезли Фиделло, — ведь у холдера такое большое поле. Лайтол окинул своего питомца проницательным взглядом из-под полуопущенных век и заметил, что, пожалуй, было бы излишним добавить еще полмешка. На лице Тордрила юноша прочитал удивление, зависть и даже некоторое уважение за проявленную прыть. Лайтол распорядился, чтобы из кладовой принесли нужное количество Андемоновых семян, и Джексом, подхватив мешок, отправился облачаться в летное снаряжение.

Рут', разомлевший после вчерашней охоты, пожелал узнать, есть ли в окрестностях холда приличное озеро. Джексом решил, что речка там достаточно широка, чтобы в ней можно было сносно искупаться. Кроме того, они летят к Фиделло не затем, чтобы плескаться в воде или любезничать с его сестрой. Им удалось благополучно взлететь — никто не заметил ни второго мешка, притороченного к шее Рут'а, ни боевой упряжи. Сначала, как всегда, вокруг хороводом носились фэйры, но в Равнинном холде ни один из них появиться не посмел.

Получив семена, Фиделло так долго рассыпался в благодарностях, что Джексом в душе проклял свое двуличие.

— Я не решился просить лорда-управляющего, но ты сам видишь, лорд Джексом, какое большое поле я подготовил для сева — хотелось бы собрать хороший урожай, чтобы оправдать доверие лорда Лайтола. Не хочешь ли подкрепиться? Моя жена...

«Почему же только жена?» — разочарованно подумал Джексом, но вслух сказал:

— Отчего же, с удовольствием. Утро сегодня выдалось свежее.

Он ласково похлопал Рут'а по загривку и, спешившись, последовал за Фиделло в дом. От глаз Джексона не укрылось, что в главном зале царит такой же порядок, как и вчера, когда все ожидали гостей. Корана не появлялась, но беременная супруга Фиделло, явно дохаживавшая последний срок, безошибочно угадала истинную цель его неожиданного визита.

— Все на реке, напротив острова, пошли резать лозу, — сооб-

шила она, поднося гостю кувшин горячего кля и со значением глядя на него. — Для тебя, мой юный лорд, с твоим хорошеньким дракончиком, это полминуты лета.

— Какой интерес лорду Джексому глядеть, как режут лозу? — спросил Фиделло, но вразумительного ответа так и не добился.

Покончив со светскими любезностями, Джексом поднял Рут'а в воздух, сделал прощальный круг над холдом и, помахав Фиделло, направил дракона через Промежуток в далекие горы, подальше от любопытных глаз. Коричневый файр последовал за ними.

— Ради Скорлупы! Рут', вели ему немедленно исчезнуть!

Коричневый тут же испарился.

— Отлично, а теперь мы будем учиться жевать огненный камень.

«Я и так умею».

— Ты только думаешь, что умеешь. Я знаком со многими всадниками и знаю, что на самом деле это не такое простое занятие.

Рут' отрывисто фыркнул. Джексом достал из мешка обломок камня величиной в кулак.

— Теперь сосредоточься на своем втором желудке, куда должен попасть каменный порошок. Смотри не отправь его в то место, где переваривается вчерашний обед...

Рут' сосредоточился, закрыл глаза, взял камень в пасть и сжал челюсти. Раздался такой оглушительный хруст, что дракон даже сам слегка оторопел. Он вытаращил глаза и уставился на Джексома.

— Что, обязательно так хрустеть? — озабоченно спросил юноша.

«Но это же все-таки камень...»

Дракон прикрыл глаза, прожевал и резко сглотнул. «Я отправил его во второй желудок», — сообщил он, предваряя вопрос Джексома. Потом Джексом клялся, что явственно слышал, как каменная крошка катится вниз по пищеводу.

Затем оба уселись и, глядя друг на друга, стали ждать, что будет дальше.

— Теперь ты должен отрыгнуть, — заметил Джексом.

«Я знаю, — жалобно подтвердил Рут', — и знаю, как это делается, только... почему-то не могу».

Джексом заботливо предложил ему еще кусок камня, побольше. На этот раз дракон жевал уже потише. Он снова сглотнул и резко присел, опираясь на хвост.

«Ой!» Внутри у Рут'а что-то заурчало, и он с опаской уставился на свое белое брюхо. Пасть его приоткрылась.

Испуганно вскрикнув, Джексом отскочил в сторону — из ноздрей дракона вырвался маленький язычок пламени.

Рут' отшатнулся и чуть не упал на спину; его спас только хвост.

«Мне кажется, нужно сжевать побольше камня, чтобы получить приличное пламя».

Джексом выбрал несколько подходящих кусков, и Рут' быстро справился с ними. На сей раз дело пошло лучше.

«Это уже на что-то похоже!» — горделиво сообщил он, извергнув струю огня длиной в руку.

— Боюсь, Нити так даже не напугаешь.

Рут' разинул пасть, требуя очередную порцию камня, и торопливо сжевал все, что привез Джексом. Выдохнув пламя, он сумел выжечь проплешину в зарослях горной колючки.

— Что-то у нас не то получается...

«Но ведь мы еще не пробовали жечь Нити!»

— Нам еще рано. Но зато теперь мы знаем наверняка, что жевать огненный камень ты можешь.

«Я в этом и так не сомневался».

— Я тоже, Рут', — Джексом тяжело вздохнул. — Однако нам понадобится целая гора камня, пока ты научишься выдыхать пламя непрерывной струей.

Вид у Рут'а сразу стал такой несчастный, что Джексом бросился утешать друга, поглаживая выпуклые надбровья, похлопывая его по макушке.

— Жаль, что нам не позволили учить тебя в Вейре, вместе с другими драконами. Ужасная несправедливость, я всегда это говорил! Пусть сегодня нам трудно, но, клянусь Первой Скорлупой, мы им еще покажем!

Рут' дал себя уговорить и скоро снова повеселел.

«Мы постараемся — и все будет в порядке. Но если раздобыть побольше камня, мне будет легче. Коричневый Уилт' его все равно не использует. Он слишком старый, чтобы вообще жевать!»

— Потому его и поставили сторожевым драконом.

Джексом вытряхнул из мешка крошки и обмотал его вокруг пояса. Он уже собрался направить дракона прямо в Руат, но тут ему пришло в голову, что не лишним будет заручиться надежным алиби — пригодится на будущее. Он без труда отыскал на реке сборщиков лозы, и Корана радостно выбежала ему навстречу.

«А ведь действительно хороша! — подумал юноша. — Какой у нее нежный румянец, какие огромные зеленоватые глаза!» Завитки темных волос выбились из косы и влажными прядями льнули к щекам.

— Разве сегодня падали Нити? — спросила она, и в прозрачных глазах мелькнула тревога.

— Нет, с чего ты взяла?

— Я чувствую запах огненного камня.

— А, это от куртки. Я всегда ее надеваю, когда Нити начинают падать. Должно быть, в нее уже ввелся этот запах, просто я не замечал.

Вот еще одна опасность, которую он не учел! Надо срочно что-то придумать.

— Я привез твоему брату еще семян.

Корана нежно поблагодарила его за заботу, проявленную к их маленькому холду, и смущенно примолкла. Но Джексом удалось ее снова расшевелить — он непременно хотел помочь ей рвать лозу.

— Ведь я ваш лорд и должен научиться делать все, что умеют мои люди, — заявил он, чтобы положить конец ее возражениям.

Джексом даже понравилась эта работа. Когда они нарезали огромную вязанку, он предложил навьючить ее на Рут'а — при условии, что девушка отправится вместе с ним. Корана ужасно боялась, но Джексом заверил ее, что они не полетят через Промежуток — ведь она слишком легко одета, да и расстояние совсем маленькое. По пути ему удалось сорвать пару поцелуев, и, высадив девушку в холде, Джексом твердо решил, что она недолго будет служить ему только предлогом для отлучек.

Попрошавшись, он послал Рут'а через Промежуток к горному озеру. Хотя меньше всего ему хотелось лезть в ледяную воду, Джексом понимал, что перед возвращением в Руат необходимо отмыться от запаха огненного камня. Пришлось довольно долго оттирать шкуру дракона мелким озерным песком, потом сушить намокшие штаны и рубаху, развесив их на самом солнцепеке... Солнце уже начинало клониться к западу, и на это ушло значительно больше времени, чем могло бы занять свидание с Кораной. Поэтому Джексом рискнул и, нырнув в Промежуток, вернулся в Руат раньше, когда солнце еще стояло в зените. Но он совсем упустил из вида одну вещь, и это чуть было не свело на нет все его ухищрения.

Все собрались за обеденным столом, когда Джексом услышал отчаянный призыв дракона.

— Мне нужно к Рут'у! — бросил он и помчался по коридорам в свои покои.

«У меня горит в животе», — испуганно пожаловался Рут'.

— О Скорлупа, это все остатки камня! — отозвался Джексом, пробегая по пустынным переходам. — Ступай скорее на скалы... туда, где Уилт' оставляет свои отходы.

«Но я не могу пошевелиться! У меня тяжесть в животе!»

— Ты должен срыгнуть золу — драконы не держат ее в желуд-

ке, она не переваривается. Нужно сделать так, чтобы она поднялась наверх.

«Чувствую, что долго ждать не придется...»

— Только не здесь, Рут', пожалуйста!

Ворвавшись в вейр, Джексом встретил виноватый взгляд дракона. На полу, на самой середине, дымилась кучка серой золы, похожей на мокрый песок.

«Теперь мне гораздо легче», — тоненьким голоском передал Рут'.

— Ты не знаешь, не идет сюда Лайтол? — спросил Джексом. От бега сердце его так стучало, что он почти ничего не слышал, когда бросился на кухню за ведром и совком. Только бы успеть убрать, пока все вокруг не пропахло... Он трудился как сумасшедший, но, к счастью, все уместилось в одно ведро. Словно Рут' и не сжевал целый мешок камня, которого хватило бы на доброе четырехчасовое сражение с Нитями!

Джексом вынес ведро, а пятно засыпал душистым песком.

— Что, не идет Лайтол?

«Нет...»

У юноши вырвался вздох облегчения, и он ободряюще похлопал Рут'а по спине. В другой раз он ни за что не забудет заставить его срыгнуть в каком-нибудь безопасном месте.

Вернувшись к столу, Джексом не стал объяснять причины своего ухода, и никто не стал его расспрашивать — еще один пример нового отношения домочадцев.

Следующим вечером они с Рут'ом набрали столько огненного камня, сколько дракон смог унести, для чего наведались в заброшенный карьер в горах Крома. Во время их путешествия туда то и дело наведывались файры — по меньшей мере полдюжины, — но Рут' каждый раз приказывал им исчезнуть.

— Не позволяй им подглядывать за нами.

«Они просто хотели поздороваться — ведь они меня любят».

— Вот обратная сторона твоей популярности!

Рут' только вздохнул.

— Не слишком ли много камня мы набрали? — спросил Джексом, опасаясь, что перегрузил дракона.

«Вот еще. Я очень сильный».

Джексом послал Рут'а через Промежуток на пустынное побережье Керуна. Там было море, чтобы потом искупаться, и душистый мыльный песок, чтобы отскрести шкуру дракона, и палящее солнце, чтобы быстро высушить одежду.

Утро в мастерской арфистов.

Холд Форт.

Послеполуденное время в Бенден-Вейре.

Мастерская арфистов.

Пятнадцатый Оборот.

Двадцать шестой день пятого месяца

Прошло еще одно Падение Нитей, прежде чем Джексому снова удалось выбраться в Равнинный холд. Его роман с Кораной продвигался куда успешнее, чем попытки научить Рут'а выдыхать непрерывную струю огня. Белый дракон чуть не обжег себе горло, когда в самый неподходящий момент откуда ни возьмись вынырнули любопытные файры — и пришлось сдерживать пламя. Джексому показалось, что все ящерицы Керуна прилетели поглазеть на них.

Терпение Рут'а было на исходе; им пришлось сделать шестичасовой скачок назад, чтобы их отсутствие в Руате не сочли подозрительно долгим. «Оказывается, путешествовать во времени довольно утомительно», — понял Джексом, падая вечером в постель. Он был измучен и разочарован.

Как нарочно, на следующее утро ему предстояло вместе с Файндером тащиться в мастерскую Робинтона — пришел черед арфиста Руата осваивать Вансоровы звездные уравнения. Каждый арфист должен был уметь ими пользоваться, чтобы во всех крупных холдах по меньшей мере еще один человек, кроме властителя, мог правильно рассчитать время падения Нитей.

Мастерская арфистов была частью обширного комплекса зданий, разбросанных по склонам гор, на которых высился Форт-холд. Когда Джексом с Файндером верхом на Рут'е вынырнули из Промежутка прямо над небольшим двором, замкнутым в кольцо двухэтажных строений, их встретил неописуемый хаос. Вокруг носились обезумевшие файры, оглашая окрестности пронзительным чириканьем. На скалистых высотах Форта, прижав на задние лапы, угрожающе ревел сторожевой дракон; его развернутые крылья хлестали воздух, вздымая тучи пыли.

— Что происходит? — прокричал Файндер прямо Джексому в ухо.

— Рут' говорит, что все очень сердятся.

— Это называется *сердятся*? Да они в ярости! В жизни никогда такого не видел.

Полный тягостных предчувствий, Джексом посадил Рут'а во

дворе Дома арфистов. Свободное место удалось найти с трудом — везде метались люди. Не успели руатанцы приземлиться, как их окружила стайка файров. Кружась в диком хороводе, они передавали такие сумбурные, отрывочные картины, что даже Рут' ничего толком не понял, а уж Джексом — в передаче дракона — и подавно. Единственное, что ему удалось разобрать, что ящерицы принадлежат Менолли, и она послала их найти Джекса.

— Наконец-то! Ты уже знаешь? — крикнула Менолли, выбегая во двор; на ходу она натягивала теплый плащ. — Скорее в Бенден! Кто-то похитил королевское яйцо...

Она вскарабкалась на спину Рут'а позади Файндера, шепча извинения за то, что потеснила коллегу, и велела Джексому поскорее отправляться. Белый дракон слегка замешкался.

— Не слишком ли нас много для одного Рут'а? — запоздало осведомилась Менолли.

«Ни в коем случае».

— Кто же мог утащить яйцо Рамот'ы? Зачем? Когда? — сыпал вопросами Файндер.

— Полчаса назад. Они собирают всех бронзовых и всех королев. Хотят пойти на Южный войной и силой заставить их вернуть яйцо.

— Откуда они знают, что это южане?

— Кому же еще придет в голову красть королевское яйцо?

Разговор прервался — Рут' увлек их в ледяную тьму. Они выскочили над Бенденом и вдруг увидели, что прямо на них, изрыгая пламя, стрелой мчится тройка бронзовых. Рут' взвизгнул и бросился обратно в Промежуток. Вынырнув над озером, он раздраженно передал своим обидчикам:

«Это же я, Рут'! Рут'! Рут'!»

— Мы были на волосок от гибели, — заикаясь, пробормотал Файндер. Арфист так вцепился Джексому в плечи, что они совсем онемели.

«Вы чуть не сожгли мне крыло! Я же Рут'! Они извинились», — добавил белый дракон уже более спокойным тоном, но на всякий случай придирчиво осмотрел конец крыла.

— Я же совсем забыла тебе сказать! — простонала Менолли. — Ф'лар велел каждому сообщать свое имя! Но уж Рут'а могли бы пропустить и так!

Повсюду в воздухе возникали драконы, называя себя трем бронзовым охранникам Бендена. Они тесно сгрудились на дне чаши Вейра, высаживая своих всадников рядом с толпой, со-

бравшейся у входа на площадку Рождений. Джексом вместе с Менолли и Файндером поспешили присоединиться к ним.

— Ты когда-нибудь видел столько бронзовых сразу? — спросила Джексома Менолли, окинув взглядом карнизы и скалы над Вейром, усеянные огромными телами, — расправив крылья, звери были готовы взлететь по первому приказу. — Слушай, Джексом, неужели дело дойдет до смертельной схватки между драконами?

В голосе девушки звучал ужас. Джексом и сам был в ужасе.

— Должно быть, положение у Древних совсем отчаянное, — мрачно заметил Файндер.

— Но как они ухитрились скрыться с яйцом среди бела дня? — недоумевал Джексом. — Ведь Рамот'а ни на шаг не отходит от кладки!

«Однако нам с Ф'лессаном удалось подобраться к ней», — виновато добавил он про себя.

— Нам рассказал Ф'нор, — начала объяснять Менолли. — Он говорит, что Рамот'а пошла поесть. На площадке собралась половина бенденских файров. Они всегда...

— И среди них, как пить дать, затесалась парочка чужаков из Южного, — перебил Файндер.

Менолли кивнула.

— Ф'нор тоже так думает. Одним словом, Древние знали, что она отлучилась. Ф'нор говорит, что Рамот'а только что убила птицу, когда появились три бронзовых. Они миновали сторожевого дракона... я хочу сказать, с какой стати сторожевой дракон будет что-то спрашивать у бронзовых? Они шмыгнули прямо в верхний тоннель, к площадке Рождений. Вдруг Рамот'а взревела и исчезла в Промежутке. Когда чужие бронзовые снова показались из верхнего прохода, они слышали крик Рамот'ы. Она уже взлетала с площадки, чтобы атаковать их, но они успели уйти в Промежуток.

— И что же? За ними послали погоню?

— За ними погналась сама Рамот'а! А следом — Мнемент'! Но это не помогло.

— Почему?

— Бронзовые ушли в прошлое — и даже Рамот'а не знает, в какое именно время... Мнемент' уже обыскал весь Южный Вейр и холд и еще половину песчаных бухт в округе.

— Древние не такие уж идиоты, чтобы тащить королевское яйцо прямо к себе в Южный.

— Но ведь Древние не знают, что нам известно, кто похитил яйцо, — устало сказал Файндер.

Они как раз подошли к задним рядам толпы всадников, прибывших на зов из других Вейров. Были здесь и владельцы холдов, и главные мастера. Лесса застыла на карнизе королевского вейра, рядом с ней стоял Ф'лар, а чуть поодаль — Фандарел с Робинтоном; вид у всех был как никогда мрачный и взволнованный. Ниже на ступенях остановился Н'тон. Серdito размахивая руками, он горячо спорил с двумя бронзовыми всадниками. По другую сторону собрались женщины — три младших госпожи Бендена и всадницы из других Вейров. Над толпой нависла гнетущая атмосфера ярости и бессилия. Все глаза были устремлены на Рамот'у, которая металась перед входом на площадку Рождений, то и дело останавливаясь, чтобы взглянуть на оставшиеся яйца, зреющие в горячем песке. Она хлестала себя хвостом и возмущенно трубила, заглушая споры, которые вели всадники, столпившиеся на карнизе.

— Ведь это опасно — подвергать яйцо холоду Промежутка, — сказал чей-то голос рядом с Джексом.

— Ничего с ним не случится — ведь яйцо было совсем горячее.

— Пора нам оседлать драконов и выкурить наконец Древних из Южного.

— Чтобы драконы пошли войной друг на друга? Да ты сам недалеко ушел от Древних!

— Нельзя же разрешить их драконам безнаказанно воровать королевские яйца! Такого оскорбления Бенден еще никогда не получал. Я считаю, Древние должны поплатиться за это преступление!

— Ситуация в Южном Вейре действительно отчаянная, — тихо произнесла Менолли. — Ни одна из королев больше не поднимается в брачный полет. Бронзовые вымирают, даже молодых зеленых — и то не осталось.

Внезапно Рамот'а издала тоскливый крик и вытянула голову по направлению к Лессе. Все драконы Вейра откликнулись на этот вопль, совершенно оглушив людей. Джексом видел, как Лесса наклонилась вперед, протягивая руки к своей безутешной королеве. И тут Джексом, который был на целую голову выше стоявших впереди, заметил, как на площадке Рождений мелькнула какая-то темная тень. Потом раздался приглушенный стон.

— Эй, что там происходит? Посмотрите на площадку Рождений!

Только те, кто стоял совсем рядом, слышали его возглас.

Джексом задрожал. Неужели Древние решили воспользоваться всеобщим замешательством, чтобы украсть еще и бронзовое яйцо?

Он стал протискиваться к площадке; Менолли и Файндер следовали за ним по пятам. Вдруг на юношу обрушилась такая волна слабости, что он был вынужден остановиться. Казалось, что-то стремительно высасывает из него силы, но что? Он не знал.

— Что с тобой, Джексом?

— Ничего, — Джексом сбросил с плеча руку Менолли и подтолкнул девушку к площадке. — Яйцо! — из последних сил крикнул он. — Яйцо!

Его слова потонули в изумленном и одновременно торжествующем реве Рамот'ы.

— Яйцо! Королевское яйцо!

К тому времени, когда Джексом справился с необъяснимым приступом дурноты и добрался до площадки, все уже ликовали, любясь королевским яйцом, которое снова благополучно покоилось в передних лапах золотой королевы.

Какой-то фэйр, осмелев от любопытства, сунулся было поглядеть, но, испуганный яростным ревом Рамот'ы, в панике бросился прочь.

У людей отлегло от сердца. Переговариваясь, обитатели Бендена и гости стали расходиться, направляясь туда, где песок не обжигал ноги. Кто-то предположил, что яйцо, должно быть, просто куда-то закатилось, а Рамот'а решила, что оно исчезло. Но слишком многие видели на месте королевского яйца пустое место... А три бронзовых, которые стрелой вылетели из тоннеля, ведущего на площадку Рождений? Более вероятной казалась мысль, что Древние, одумавшись, решили не допустить сражения между драконами.

На площадке осталась только Лесса. Она пыталась уговорить Рамот'у, чтобы та позволила ей осмотреть яйцо — все ли с ним в порядке. Затем она торопливо вышла из пещеры и поспешила туда, где стояли Ф'лар с Робинтоном.

— Яйцо то же самое, только оно значительно старше, скорлупа совсем затвердела. Новая королева может родиться в любую минуту — нужно срочно собрать девушек.

Вот уже в третий раз за это утро Бенден-Вейр был охвачен сильнейшим волнением — теперь, хвала Первой Скорлупе, по счастливому поводу. Однако суматохи хватало. Джексом с Менолли держались в стороне, но все же достаточно близко к эпицентру событий, чтобы, наострив уши, слышать разговоры старших.

— Тот, кто похитил яйцо, прятал его где-то дней десять, если не больше, — возмущенно сказала Лесса. — Это нельзя спустить с рук!

— Но ведь яйцо вернулось в целости и сохранности, — пытался успокоить ее Робинтон.

— Неужели мы, как последние трусы, несем такое оскорбление? — обратилась госпожа Вейра к окружившим ее всадникам; она не глядела на арфиста и, видимо, не желала слушать его увещеваний.

— Если для того, чтобы прослыть храбрецом, надо устроить побоище между драконами, — не сдавался Робинтон, — то я предпочитаю оставаться трусом!

Его слова явно охладили неистовый гнев Лессы.

«Битва драконов!» — эти слова эхом пронесли над толпой. От одной мысли в груди у Джексона заныло, и он почувствовал, что стоящая рядом Менолли содрогнулась от ужаса.

— Яйцо пролежало где-то так долго, что почти созрело, — с застывшим от гнева лицом вымолвила Лесса. — Может быть, к нему прикосались... И если это повлияло на будущую королеву, Запечатление не состоится!

— Никто еще не доказал, насколько физический контакт, предшествующий Рождению дракона, влияет на мысленную связь в момент его появления на свет, — как можно убедительнее произнес Робинтон. — Во всяком случае, ты сама мне не раз об этом говорила. И поскольку претендентки похитителей при Рождении не будет, я не думаю, что их уловка принесет им хоть какую-то пользу.

Столпившиеся вокруг всадники еще не оправились от шока, но с возвращением яйца, каким бы таинственным оно ни казалось, гнев, едва не заставивший их обрушиться на Южный Вейр, значительно ослабел.

— Теперь нам больше нельзя считать, что Вейр охраняет святость традиций, — произнес Ф'лар, подняв взгляд на сторожевых драконов, — и что наша площадка Рождений по-прежнему недоступна. Кстати, это относится и к площадкам других Вейров, — он нервно откинул волосы со лба. — Клянусь Первой Скорлупой, какая невероятная наглость — похитить яйцо Рамот'ы!

— И первое, что мы обязаны сделать для безопасности Бендена, — с раздражением бросила Лесса, — это разогнать всех мерзких файров! От этих маленьких пустозвонов больше вреда, чем пользы...

— Все не от всех, Лесса, — вступилась за файров Брекка. — Кое-кто из них помогает нам, они выполняют разные поручения и...

— И двое из них участвовали в похищении, — без тени обычного юмора вставил Робинтон.

Менолли ткнула Джексома в бок, чтобы напомнить ему: файры цеха арфистов, в том числе и ее собственные, зачастую бывали полезны.

— Я не желаю о них больше слышать, — отрезала Лесса и огляделась вокруг; ее взгляд мог обратить в пепел целую стаю огненных ящериц. — И видеть их здесь тоже не желаю! Пусть эти гадкие твари больше не смеют докучать Рамот'е! Сделайте так, чтобы они знали свое место!

— Нужно пометить их цветами Вейра или холда, которому они принадлежат, — быстро нашлась Брекка. — Пометить и научить называть свое имя, как делают драконы. На это у них хватит ума — по крайней мере у тех, кого посылают в Бенден с поручениями.

— И пусть они прилетают к тебе, Брекка, или к Миррим, — предложил Робинтон.

— А от меня и Рамот'ы им лучше держаться подальше! — Лесса заглянула на площадку к Рамот'е и резко обернулась. — Пусть кто-нибудь принесет сюда птицу, которую Рамот'а не успела доесть, — сейчас ей надо успокоиться и подкрепиться. А оскорбление, которое нанесено нашему Вейру, мы еще обсудим. При чем подробно!

Ф'лар отдал приказ всадникам притащить птицу, потом учтиво поблагодарил остальных собравшихся за то, что они явились на зов Бендена. Затем он сделал знак Робинтону и предводителям Вейров подняться вместе с ним в зал Совета.

— Погляди, ни единой ящерки не видно, — сказала Джексому Менолли. — Я велела Красотке тоже убраться подальше. И знаешь, она, кажется, до ужаса перепугана.

— Как и Рут', — ответил Джексом, вместе с Менолли шагая к озерцу, где их дожидался дракон. — Смотри, он стал почти серым!

Мало сказать, что Рут' был напуган, — он просто дрожал от страха.

«Что-то не так... Что-то неправильно», — пожаловался он своему всаднику; его глаза потускнели и тоже стали совсем серыми.

— Ты все-таки повредил себе крыло?

«Дело не в крыле. У меня в голове что-то не так! Я чувствую — что-то неправильно!» Шелестя крыльями, Рут' присел на задние лапы, потом снова встал.

— Может быть, дело в том, что исчезли все файры сразу? Или из-за переполоха с яйцом Рамот'ы?

«И да, и нет, — отвечал Рут'. — Файры ужасно перепуганы; они вспомнили нечто такое, что их страшно испугало».

— Вспомнили? Только этого еще не хватало! — Джексом искренне досадовал на огненных ящерц с их избирательной памятью; невероятные смутные образы, которые они передавали, строили обычно невозмутимого Рут'а.

— Хочешь, Джексом? — Менолли успела наведаться в нижние пещеры и теперь протягивала ему пирожок с мясом. — Файндер передал мне приказ Робинтона — я должна вернуться обратно в нашу мастерскую и рассказать там и в Форт-холде обо всем, что здесь случилось. Еще мне нужно пометить своих файров. Смотри! — она указала на скалы, обрамлявшие чашу Вейра. — Сторожевой дракон жует огненный камень! Ох, Джексом, что же будет?

— Битва драконов! — юноша содрогнулся.

— Но ведь не должно дойти до этого... — внезапно охрипшим голосом выдавила Менолли.

Пирожки не лезли им в горло. Они молча сели на Рут'а, и белый унес их в небеса.

Никогда еще Робинтону не приходилось так напряженно размышлять, как на этот раз, когда он одолевал ступеньки, ведущие в королевский вейр. Слишком многое зависело от того, что сейчас произойдет, — будущее всей планеты, как подсказывала арфисту интуиция. О положении в Южном Вейре он знал даже больше, чем следовало; но, увы, сегодня это знание оказалось бесполезным. Теперь Робинтон запоздало казнил себя — до чего же он был наивен, точнее — непозволительно глуп, считая, как и любой из всадников, что Вейры недоступны, а площадка Рождений — неприкосновенна. А ведь Пьемур предупреждал его! Но он, старый глупец, не сумел правильно истолковать полученные сведения. А вывод напрашивался сам собой: отчаявшиеся южане пойдут на любой, самый страшный риск, чтобы раздобыть себе новую королеву, способную приносить потомство, вдохнуть жизнь в свой угасающий Вейр. «Допустим, пришел бы я к правильному выводу, — печально размышлял арфист, — но каким образом я смог бы убедить Лессу и Ф'лара, что Древние способны на такое? Предводители Бендена только посмеялись бы надо мной».

Зато сегодня никто не смеялся. Ни один человек.

Странно, ведь почти все поверили, что Древние смирились со своей ссылкой и покорно угасают на Южном материке. Они ни в чем не нуждались, кроме, пожалуй, самого главного — надежды на будущее. Скорее всего замысел принадлежал Т'кулу — Т'рон растерял весь свой задор после рокового поединка с Ф'ларом.

Робинтон ничуть не сомневался, что обе госпожи Вейра, и Мери-ка, и Мардра, не участвовали в заговоре — зачем им уступать место новой королеве и ее всаднице? Не исключено, кстати, что яйцо вернула одна из них...

«Нет, — возразил сам себе Робинтон, — тут нужен человек, который знал бы бенденскую площадку Рождений как свои пять пальцев... или же тот, кто сумел бы ловко вынырнуть из Промежутка прямо в пещере и, сделав свое дело, тут же уйти обратно».

На миг арфисту припомнился тот глубочайший ужас, который он пережил, пока яйцо не вернулось. Он даже зажмурился, представив себе ярость Лессы. Она и сейчас готова повести всадников Северного континента в бой. Вполне возможно, ее безрассудный гнев не утихнет еще долго. И если она будет упорствовать, требуя отомстить южанам, это станет для Перна не меньшим бедствием, чем первое падение Нитей.

Главное, что яйцо вернули. Робинтона несколько успокаивала мысль, что за время своего отсутствия оно, по всей видимости, ничуть не пострадало, разве что стало на несколько дней старше. Но если с яйцом что-то случилось... Арфист не сомневался: если юная королева не появится на свет живой и здоровой, Лесса снова потребует возмездия.

Но ведь яйцо вернули! Он должен вбить этот факт в головы, должен напирать на то, что наверняка не все южане примкнули к гнусному заговору! И среди них еще не перевелись люди, которые чтут древние традиции. Как видно, один из них оказался достаточно дальновидным или здравомыслящим и предугадал, что на головы преступников неминуемо падет кара, — и так же решительно, как Робинтон, постарался предотвратить междоусобицу.

— Поистине черный день, — послышался рядом чей-то густой печальный бас. Арфист обернулся. Он был благодарен мастеру-кузнецу за поддержку. На лице Фандарела были написаны озабоченность и тревога, и Робинтон впервые заметил признаки надвигающейся старости — нездоровую одутловатость, красные прожилки в глазах...

Великан покачал головой:

— Это вероломство должно быть наказано — но мы не имеем права! Не можем так поступить...

Мысль о том, что между драконами может разгореться сражение, снова обожгла сердце Робинтона ужасом.

— Да, цена слишком высока, — кивнул он. — Древние и так потеряли все, что у них было, когда их отправили в изгнание. Меня удивляет, почему они не воспротивились раньше.

— Зато теперь наверстали, отомстили за свое унижение.

— Чтобы вызвать ответную месть? Друг мой, сегодня нам нужна осмотрительность — от Лессы можно ждать всего. Она уже позволила чувствам возобладать над здравым смыслом, — глаза кузнеца скользнули по плечу Робинтона — обычно там сидел его фэйр.

Продолжая разговор, они вошли в зал Совета. Кузнец медленно и печально качал головой.

— У меня-то нет фэйра, но я слышал об этих зверюшках только хорошее. Мне и в голову не приходило, что они могут кому-то угрожать.

— Значит, Фандарел, ты меня поддержишь? — спросила Брекка, вместе с Ф'нором входя в зал вслед за ними. — Лесса просто сама не своя. Я, конечно, понимаю ее тревогу, но нельзя же разогнать всех фэйров из-за озорства одного или двух.

— И ты называешь это озорством? — возмущенно воскликнул Ф'нор. — Радуйся, что Лесса тебя не слышит! Хорошенькое озорство — украсть королевское яйцо!

— Со стороны фэйров ничего, кроме озорства, не было. Они прошмыгнули в пещеру Рамот'ы, как делали уже сотни раз с тех пор, как она отложила яйцо, — Брекка говорила горячее, чем обычно; глаза Ф'нора жестко сверкнули. Робинтон сделал вывод, что взгляды супругов на сей раз расходятся. — Фэйры не понимают, что значит правильно или неправильно, — продолжала Брекка.

— Придется им это усвоить ... — начал Ф'нор гораздо резче, чем того требовало благоразумие.

Робинтон поспешил вмешаться, чтобы не дать двум любящим сердцам окончательно поссориться.

— Боюсь, что мы — те, у кого нет драконов, — слишком многое позволяем своим маленьким любимцам. Всюду таскаем за собой, не расставаясь ни на миг, носимся, как с поздними детьми, потакаем всем их шалостям. Я считаю, что если мы попробуем быть с ними поостроже, это окажется невысокой ценой за сегодняшние треволнения.

Ф'нор немного смягчился.

— Но представь себе, Робинтон... А если бы яйцо не вернули? — Плечи всадника судорожно дернулись, он провел ладонью по лбу, словно пытаясь отбросить тягостные воспоминания.

— Если бы яйцо не вернули, — с неумолимой уверенностью произнес Робинтон, — началась бы битва между драконами! — он вложил в эти слова всю силу убеждения, весь свой страх перед столь ужасным исходом.

Ф'нор энергично потряс головой.

— Нет, Робинтон, разве до такого могло прийти? Твоя мудрость...

— Мудрость?! — слово вылетело из уст разъяренной госпожи Бендена, словно свист бича. Лесса застыла на пороге — тело напряжено, как струна, лицо побледнело от гнева. — Мудрость? Мудро ли допустить, чтобы такое преступление осталось безнаказанным? Как мы можем смириться с подобной гнусностью? — ее глаза метали молнии. — Зачем только я привела их из прошлого? Стоит вспомнить, как я умоляла этого мерзавца Т'рона прийти нам на помощь... Хороша помощь! Он решил помочь себе — похитив яйцо моей королевы! Если бы только можно было вернуть все назад! Я никогда не сделала бы такой глупости!

— Глупость — вести себя так, как ты делаешь сейчас, — холодно заметил арфист. Теперь он ясно представлял, что слова, которые ему предстоит сказать здесь, в зале Совета Бендена, перед лицом предводителей Вейров и главных мастеров, могут настроить против него весь Перн. — Главное, что яйцо на месте...

— Да, но я...

— Ведь именно об этом ты мечтала всего час назад, верно? — повысив голос, спросил Робинтон. — Ты ведь хотела, чтобы яйцо вернули. И, чтобы добиться этого, ты имела полное право начать войну — никто не стал бы тебя винить. Но яйцо вернули. Так что же теперь — развязать войну из мести? Нет, Лесса, этого делать нельзя. Мечь — недостойное чувство! — Робинтон задумчиво покачал головой и продолжал: — Если ты хочешь успокоить свою королеву и свое уязвленное самолюбие, то подумай вот о чем: они потерпели неудачу! Остались без яйца! Их выходка заставила все Вейры вспомнить о бдительности, так что во второй раз подобный фокус не пройдет! Пойми же, Лесса, они упустили свой единственный шанс. Их последняя надежда возродить вымирающих на юге бронзовых потерпела крушение. Их план провалился. И теперь перед ними — пустота... ни будущего, ни надежды. И ты, Лесса, уже не можешь ухудшить их положение. После того как яйцо вернулось на место, ты, перед лицом всего Перна, не имеешь больше права на мечь.

— Нет, имею! Я должна отомстить за оскорбление, нанесенное мне, моей королеве, моему Вейру!

— Оскорбление? — Робинтон отрывисто рассмеялся. — Где ты видишь оскорбление, милая Лесса? Ничего подобного; считай, что ты удостоилась высочайшего комплимента!

Его неожиданный смех и парадоксальное заявление сделали свое дело — Лесса озадаченно замолкла.

— Сколько всего королевских яиц было отложено за последний Оборот? — Робинтон повернулся к остальным предводителям. — Вспомним, что в ваших Вейрах Древние ориентируются куда лучше, чем в Бендене. Так нет же — они пожелали занять королеву из выводка Рамот'ы! Самое лучшее из того, что Перн мог им предоставить! — арфист ловко уводил разговор в сторону. — Полно, Лесса, — с мягкой настойчивостью продолжал он. — Всем нам сегодня досталось. Все мы были в полном смятении... — он провел ладонью по лицу, и жест этот вовсе не был наигранным: Робинтон действительно взмок, сиюсья переубедить столько людей сразу. — Мы слишком поддались чувствам. И самая страшная тяжесть обрушилась на твои плечи, Лесса.

Он взял ее за руку и повел к креслу — ошеломленную, притихшую и почти утратившую способность сопротивляться. Усадив Лессу с подчеркнутой заботой и почтением, он произнес:

— Наверное, так остро чувствуя отчаяние Рамот'ы, ты сама едва сохраняла самообладание. Теперь она уже успокоилась?

Лесса никак не могла оправиться от изумления. О, этот златоуст... мастер играть словами! Приоткрыв рот, она не сводила с Робинтона широко распахнутых глаз. Потом молча кивнула, закрыла рот и облизнула пересохшие губы.

— Значит, скоро и ты придешь в себя, — Робинтон плеснул в кружку бенденского и подал Лессе. Все еще озадаченная его невероятной логикой, она машинально сделала глоток. — И ты поймешь, наконец, что самая ужасная катастрофа, которая угрожает нашему миру, — это битва между драконами.

Лесса резко поставила кружку, расплескав вино на каменный стол.

— Вечно ты... со своими хитрыми речами... — как отпущенная пружина, она стала подниматься из кресла, устремив на Робинтона гневный взгляд. — Ты...

— Он прав, Лесса, — раздался голос Ф'лара; он стоял на пороге, оглядывая комнату. Предводитель Бендена подошел к столу, за которым сидела его подруга, и встал рядом с ней. — У нас была одна-единственная причина для похода на Южный — яйцо! Но раз оно вернулось, весь Перн нас осудит, если мы начнем искать места, — он обращался к Лессе, но взгляд его скользил по лицам собравшихся — Ф'лар наблюдал за их реакцией. — И если по какой-то причине грянет война, — он решительно взмахнул рукой, отмечая подобную возможность, — для нас, всадников Перна, планета будет потеряна навеки!

Ф'лар пристально, в упор посмотрел на Лессу, но она с ледя-

ной непримиримостью выдержала его взгляд. Затем он повернулся лицом к собравшимся:

— Я всем сердцем хотел бы, чтобы тогда, в Телгаре, мы поиному решили участь Т'рона и Т'кула. Мне казалось, что ссылка в Южный — единственно правильное решение. Там они могли принести остальному населению Перна наименьший вред.

— Речь идет не об остальных людях... они ненавидят Бенден! — с горечью произнесла Лесса. — Т'рон с Мардрой хотят отплатить нам!

— Мардра наверняка не горит желанием, чтобы ее место заняла новая госпожа, — возразила Брекка, не испугавшись недовольного взгляда Лессы.

— Брекка права, Лесса, — сказал Ф'лар, как бы невзначай положив ладонь на плечо повелительницы Вейра. — Зачем Мардре соперница?

— И у Мерики, подруги Т'кула, это тоже не вызвало бы восторга, — вступил в разговор Д'рам, предводитель Исты. — Уж я-то ее знаю!

Пожалуй, Робинтон, как никто другой, понимал, что Д'рам, сам прибывший с Древними из прошлого, острее всех переживает случившееся. Пожилой всадник был честен и справедлив, в свое время он первым встал на сторону Ф'лара и выступил против современников. Именно его поддержка позволила Бенден-Вейру и Телгар-холду склонить на свою сторону других предводителей Древних — Р'марта и Г'нариша. «Да, сколько подводных течений и невидимых нитей скрыто здесь, — подумал Робинтон, оглядывая зал. — И хотя тот, кто задумал похитить королевское яйцо, не преуспел в своем замысле, зато ему удалось поколебать единодушие всадников».

— Не могу передать, Лесса, как мне горько, — качая головой, продолжал Д'рам. — Я даже не мог сначала в это поверить! Не понимаю, чего они хотели добиться... Ведь Т'кул еще старше меня, его Салт'у просто не догнать молодую бенденскую королеву... Если уж на то пошло, ни один дракон на юге не может на это рассчитывать!

Искреннее недоумение Д'рама сыграло ту же роль, что и язвительные выпады арфиста, — сковывавшая людей напряженность стала понемногу ослабевать. Сам того не заметив, Д'рам подтвердил высказанную Робинтоном мысль: Древние сделали Бенден-Вейру высший комплимент.

— И, кстати, к тому времени, когда новая королева будет готова подняться в брачный полет, — добавил Д'рам, как видно только сейчас осознав это, — их бронзовые скорее всего перемрут.

Только за последний Оборот в Южном умерли восемь драконов. Мы все знаем об их уходе. Думаю, зря южане затеяли эту историю с кражей яйца... — лицо его омрачилось грустью и сожалением.

— Да нет, не зря, — возразил Фандарел, сжимая огромные кулаки. — Вы только посмотрите, что происходит здесь, — а ведь сколько Оборотов мы были друзьями! Вы, всадники, — он ткнул толстым пальцем в сторону вождей Вейров, — были всего на волосок от того, чтобы направить своих драконов против дряхлых стариков Южного! — Фандарел медленно покачал головой. — Страшный день, воистину страшный! Мне жаль вас, — он задержал взгляд на Лессе. — Но больше всего мне будет жаль Перн и себя самого, если вы не совладеете с гневом... если здравый рас-судок не победит. А теперь я вас оставляю.

Он с достоинством поклонился всем предводителям по очереди, потом Брекке и, наконец, Лессе. Но тщетно мастер-кузнец старался поймать ее взгляд. Так и не дождавшись ответа, он со вздохом вышел из зала.

Фандарел ясно выразил то, на что Робинтон осмелился лишь намекнуть: если всадники развяжут междоусобицу, они потеряют власть над холдами и цехами. Слишком многое было высказано сгоряча в присутствии лордов, призванных в Вейр в разгар тревоги. Теперь, когда яйцо благополучно вернулось, ни один лорд, ни один главный мастер не станет упрекать Бенден в бездействии.

Но как достучаться до сердца этой упрямщицы, которая замкнулась в своем гневе и не желает отказаться от губительной попытки возмездия? Впервые за весь свой долгий срок пребывания на посту главного арфиста Перна Робинтон не мог найти нужных слов. Он и так уже практически утратил ее расположение! Но сейчас речь шла о большем, гораздо большем.

— Слова Фандарела напомнили мне, что даже ссора между двумя всадниками грозит бедой, — с печалью произнес Ф'лар. Взгляд его застыл, он словно погрузился мыслями в прошлое. — Однажды я позволил оскорбленному самолюбию возобладать над разумом — и вот результат!

Д'рам, сидевший, опустив голову, пристально посмотрел на Ф'лара и энергично замотал головой. Поднялся приглушенный ропот — всадники, несомненно, считали, что в тот день в Телгаре Ф'лар поступил по справедливости.

— Не говори вздор, — резко произнесла Лесса. — Тот поединок не был твоим личным делом. Ты был обязан сразиться с Т'роном, чтобы сохранить единство Перна!

— А сегодня я не имею права сражаться ни с Т'роном, ни с другими южанами, иначе это единство рухнет!

Лесса долго смотрела Ф'лару в глаза, потом плечи ее бессильно поникли — кажется, госпожа Бендена поняла, что сейчас ситуация совершенно иная.

— Ладно, — ее голос был хриплым от напряжения. — Но если яйцо не проклянется или с новорожденной королевой будет что-то не так...

— Если такое случится, то мы снова вернемся к этому вопросу, — пообещал Ф'лар и поднял правую руку, клятвенно подтверждая свои слова.

Робинтон от всей души надеялся, что путешествие во времени никак не повлияло на новорожденную королеву и она появится из яйца целой и невредимой. К моменту Рождения он должен раздобыть кое-какие сведения — они помогут умиротворить Лессу и дадут возможность Ф'лару не отступить от данного при свидетелях обещания.

— Пойду к Рамот'е, — заявила Лесса. — Я нужна ей.

Миновав строй почтительно расступившихся всадников, она покинула комнату.

Взгляд Робинтона задержался на кружке — той, что он налил для Лессы. Схватив глиняный сосуд, он единым духом опорожнил его.

Опуская кружку, арфист встретил взгляд Ф'лара.

— Всем нам сейчас не мешало бы выпить, — невесело усмехнулся предводитель Бендена, жестом приглашая собравшихся к столу.

Брекка, поспешно встав с места, стала разливать вино.

— Подождем, пока не появится на свет королева, — продолжал Ф'лар. — Думаю, вам не нужно напоминать о бдительности — вы и сами примете все меры, чтобы подобное не повторилось.

— Сейчас наши площадки Рождений пусты, — ответил Р'март Телгарский. — И ни у кого из нас нет бенденской королевы! — он хитро прищурился, глядя на мастера-арфиста, и покачал головой. — Значит, за последний Оборот у них умерло восемь зверей: получается, что на весь Южный осталось двести сорок восемь всадников, из них только пять — бронзовые. Кто же все-таки вернул яйцо?

— Главное, что яйцо на месте, остальное не так уж важно, — сказал Ф'лар, одним глотком наполовину опорожнив свою кружку. — Хотя лично я глубоко благодарен этому... этому незнакомцу.

— Можно выяснить, кто он, — тихо заметил Н'тон.

Ф'лар пожал плечами:

— Я не уверен, что хочу это знать. Не уверен, что нам вообще нужно это знать — если из яйца родится живая и здоровая королева.

— Фандарел был прав, — произнесла Брекка, грациозно склонившись над столом, чтобы вновь наполнить бокалы. — Только взгляните, что происходит с нами, столько Оборотов прожившими в дружбе и согласии! Для меня это самое страшное. И еще, — она обвела взглядом мужчин, сидевших в массивных каменных креслах, — меня пугает ненависть к файрам. Чем виноваты те два-три зверька, которые замешаны в этом деле? Тем, что не ослушались своих хозяев? Возможно, я сужу предвзято, — она печально улыбнулась, — но у меня есть свои причины быть благодарной ящеркам.

— Не будем спешить, Брекка, — ответил Ф'лар. — Я понял тебя. Успокойся; многое из того, что было сказано сегодня сторяча, не обязательно обретет силу закона.

— Надеюсь, искренне надеюсь, — промолвила Брекка. Она колебалась, словно хотела добавить еще что-то, и, наконец, сказала: — Берд постоянно повторяет, что драконы жгли файров...

У Робинтона вырвался взглас изумления.

— Мой Заир нес такую же чушь! Но ведь ни один дракон никогда не сжег...

— Пока не сжег, — с ударением сказала Брекка, кивнув в сторону вейра Рамот'ы.

— Тем более мы должны позаботиться, чтобы огненные ящерицы больше не попадались королеве на глаза, — решил Ф'лар, обводя глазами зал. — Пока, — добавил он, подняв руку, чтобы остановить приглушенные возражения, — самое умное, что они могут сделать, — это держаться подальше от Бендена. Я знаю, что файры приносят пользу, что некоторые оказались надежными гонцами. Знаю, что многие из вас держат их. Но если вам уж так необходимо посылать сюда файров, направляйте их к Брекке, — он оглянулся на Робинтона.

— Огненные ящерицы никогда не полетят туда, где их терпеть не могут, — заявила молодая женщина. Потом добавила с вымученной улыбкой, стараясь смягчить сказанное: — А сейчас они просто до смерти перепуганы.

— Значит, пока не подошло время Запечатления, нам нечего делать? — спросил Н'тон.

— Разве что собрать девушек, которых нашли во время Поиска. Лесса хочет, чтобы они как можно скорее прибыли сюда — Рамот'а должна освоиться с их присутствием. Что ж, предводитель, скоро мы встретимся на бенденской площадке Рождений.

— И пусть все пройдет удачно, — с жаром подхватил Д'рам; остальные искренне поддержали его.

Робинтон до последней минуты надеялся, что, когда все уйдут, Ф'лар попросит его остаться. Но вождь Бендена беседовал с Д'рамом, и Робинтон с грустью подумал, что ему лучше покинуть Вейр. Направляясь к выходу, он почувствовал, как тяжким грузом навалилась усталость. И все же Ф'лар поддержал его призыв соблюдать осмотрительность! Одолев последний поворот коридора, арфист увидел на карнизе громадного бронзового Мнемента и остановился, внезапно осознав, что ему почему-то не хочется приближаться к приятелю Рамот'у.

— Не стоит так расстраиваться, Робинтон, — сказал Н'тон; он подошел к арфисту и коснулся его плеча. — Ты был тысячу раз прав — и, как всегда, проявил мудрость. Кто, кроме тебя, сумел бы сладить с охватившим Лессу безумием? Ф'лар все понимает, — тут молодой всадник ухмыльнулся, — но ему еще предстоит выдержать бой.

— Мастер Робинтон, — тихо, как будто не желая, чтобы его услышали посторонние, сказал подошедший Ф'нор, — зайди, пожалуйста, к нам с Бреккой. И ты тоже, Н'тон, если не очень спешишь к себе в Форт.

— Сегодня все мое время к вашим услугам, — с готовностью согласился молодой предводитель.

— Брекка сейчас придет.

И Ф'нор повел их к противоположной стене Вейра, над которой стояла необычная тишина, нарушаемая только приглушенным свистом Рамот'у, доносившимся с площадки Рождений.

Восседавший на карнизе Мнемент' водил огромной головой из стороны в сторону, не оставляя без внимания ни дюйма скалистой поверхности огромного кратера.

Не успели мужчины переступить порог, как на них налетели четыре обезумевших от страха фэйра. Всеми одинаково владел навязчивый страх; пришлось их утешать, уговаривать, что у драконов даже и в мыслях не было их жечь.

— Что за странное темное пятно показывает мне Заир? — недоумевающе спросил Робинтон, когда ему удалось немного привести своего питомца в чувство. Заир поминутно вздрагивал; как только арфист переставал нежно поглаживать его, крошка-бронзовый настойчиво подталкивал замешкавшуюся руку.

Берд и Гралл тем временем устроились у Ф'нора на плечах. Они терлись о его щеки, при этом их глаза, вращаясь с бешеной скоростью, горели тревожным ярко-желтым огнем.

— Когда они чуть-чуть успокоятся, мы с Бреккой попробуем выяснить, что к чему. Похоже, они действительно что-то помнят.

— Надеюсь, на этот раз не ужасы вроде Алой Звезды? — осведомился Н'тон. Едва он произнес эти неосторожные слова, как его бронзовый Трис, до той поры мирно дремавший на плече у всадника, принялся бить крыльями и верещать. К его воплям присоединились остальные файры. — Прошу прощения. Да успокойся же, Трис!

— Нет, это совсем другое, — сказал Ф'нор. — Нечто такое... Такое, что они помнят.

— Мы знаем, что они мгновенно обмениваются мыслями и, по-видимому, передают друг другу все, что чувствуют и переживают особенно остро, — проговорил Робинтон. — И все реагируют одинаково. Только вот как узнать, какой ящерице принадлежало первоначальное переживание? С другой стороны, ни Гралл, ни Берд не могли узнать ни от кого из своих сородичей, что... вы понимаете, что именно... что грозит им опасностью. Откуда же, спрашивается, они это знали, да еще с такой определенностью, что чуть не впали в истерику? Как они могли это помнить?

— Порой скакуны умеют избегать опасных мест, — задумчиво сказал Н'тон.

— Инстинкт, — предположил Робинтон. — Скорее всего инстинкт, — он покачал головой. — Но одно дело — избегать опасных мест, и совсем другое — испытывать инстинктивный страх. Нет, А-Л-А-Я З-В-Е-З-Д-А, — по буквам произнес он, — нечто совсем особое. Ну, да ладно.

— Огненные ящерицы, в общем-то, наделены теми же способностями, что и драконы. Но драконы не обладают памятью.

— И это позволяет нам искренне надеяться, — Ф'нор поднял глаза к потолку, — что сегодняшнее происшествие очень скоро будет забыто.

— К сожалению, наша Лесса забывчивостью не страдает, — тяжело вздохнув, произнес Робинтон.

— Но она отнюдь не глупа, мастер-арфист, — возразил Н'тон, прибегнув к титулу, чтобы подчеркнуть свое уважение. — Да и Ф'лар тоже. Просто оба переволновались. Вот увидишь, скоро они придут в себя и оценят все, что ты сделал для Перна сегодня. — Н'тон откашлялся и в упор посмотрел на Робинтона. — А ты-то сам догадываешься, кто взял яйцо?

— Я только слышал, что Древние что-то замышляют. Я знаю лишь то, что не представляет тайны для любого человека, ведущего счет Оборотам: и сами всадники, и их драконы постепенно дряхлеют, ими овладевает отчаяние. Мне тут довелось кое-что

пережить, когда у Заира настала брачная пора... — Робинтон замолчал, вспоминая ошеломивший его прилив желаний, которые он считал уже давно забытыми, потом пожал плечами и, встретив взгляд Н'тона, прочитал в глазах молодого предводителя понимающую усмешку. — Так что я вполне могу себе представить, какое давление способны оказывать на своих всадников томящиеся без королевы бронзовые и коричневые драконы. Здесь сгодилась бы даже зеленая, достаточно молодая для того, чтобы подняться.

Он вопросительно посмотрел на всадников.

— После сегодняшнего об этом не может быть и речи, — резко сказал Ф'нор. — Обратись они раньше в один из Вейров... Да хотя бы к Д'раму, — он взглянул на Н'тона, ожидая поддержки, — может, им и выделили бы зеленую, чтобы облегчить участь драконов. Но пытаться решить свои затруднения, украв королевское яйцо... — Ф'нор нахмурился. — Скажи, Робинтон, что тебе известно о событиях в Южном Вейре? Я ведь отдал тебе все карты, которые снял во время давних путешествий над материком.

— Честно говоря, мне больше известно о событиях в тамошнем холде. Я действительно получил недавно весть от Пьемур. Он сообщает, что всадники стали вести себя гораздо более скрытно. По обычаям своего времени, они и раньше-то не особо общались с людьми из холда, но все же заходить в Вейр никому не возбранялось. И вдруг — новый приказ. Никому из холдеров не позволяют даже приближаться к Вейру! Ни под каким предлогом. И полеты почти прекратились. Пьемур пишет, что драконы, едва взлетев в воздух, тут же уходят в Промежуток. Не кружат, не летают над землей, а сразу раз — и в Промежуток.

— Должно быть, путешествуют во времени, — задумчиво проговорил Ф'нор.

Заир жалобно пискнул, и Робинтон поспешил его успокоить. Бронзовый настойчиво посылал ему странные образы: драконы, испепеляющие файров, непонятное черное пятно и — мельком — яйцо.

— Вы тоже получаете от своих маленьких друзей такие же картины? — он коротко описал картинку всадникам и по их встревоженным лицам понял ответ.

Робинтон велел Заиру показать ему более четкое изображение, на котором было бы видно яйцо, но не добился ничего, кроме ощущения обжигающего пламени и ужаса.

— Будь у них чуть побольше разума... — посетовал Робинтон, стиснув виски длинными пальцами. — До чего обидно! Так близ-

ко подойти к цели — и ничего не понять... Жаль, что зрительное восприятие у файров так ограничено!

— Они еще не пришли в себя, — сказал Ф'нор. — Я потом попробую еще раз с Гралл и Бердом. Интересно, что получится у Менолли с ее выводком? Спроси ее, Робинтон, когда вернешься к себе. У нее столько файров, что картина должна быть отчетливой.

Поднимаясь с места, Робинтон согласно кивнул, и тут ему в голову пришла еще одна мысль.

— Скажи-ка, Н'тон, ты сам ведь тоже летал с бронзовыми на Южный — посмотреть, не спрятали ли они яйцо где-нибудь в Вейре?

— Да. Но в Вейре никого не осталось, ни единого, даже самого дряхлого дракона. Он был пуст.

— А ведь это вполне закономерно, как ты считаешь?

* * *

Джексом с Менолли верхом на Рут'е возникли в небесах над Форт-холдом. Рут' назвал свое имя сторожевому дракону, и на них сразу же налетела целая туча огненных ящериц. Они плотным кольцом окружили дракона, так что он едва мог махать крыльями. Как только Рут' приземлился, файры, сгорая от нетерпения, набросились и на него самого, и на его всадников.

Напрасно Менолли пыталась их урезонить — они цеплялись за ее одежду, путались в волосах. Двое попытались сесть Джексому на голову, еще несколько обвили хвостами вокруг шеи, а трое бешено махали крыльями, стараясь удержаться в воздухе вровень с его глазами.

— Что это на них нашло?

— Они до смерти перепуганы. Говорят, что драконы дышали на них огнем! — крикнула Менолли. — Но ведь ничего подобного не было, глупыши! Вам только велено пока не совать нос в Вейры.

Завидев это столпотворение, им на выручку поспешили другие арфисты. Кто-то ловил файров, прицепившихся к Менолли и Джексому, кто-то отзывал своих питомцев. Когда Джексом попытался отогнать файров от Рут'а, дракон попросил его не вмешиваться. Он, Рут', скоро сам их успокоит. Они перепугались, потому что помнят, как драконы преследовали их и жгли огнем. Поскольку арфистам не терпелось услышать новости из Бендена, Джексом решил предоставить Рут'у возиться со взбудораженными ящерками.

Файры, в панике вернувшиеся в мастерскую, показали арфи-

стам только неясные, обрывочные образы: стаи огромных бронзовых драконов над Бенденом, изрыгающих пламя, готовых к сражению; Рамот'а, неистовствующая, как обезумевший от крови цеппи; еще одна странная картина — королевское яйцо, одиноко лежащее на песке. Но особенно встревожила всех картина испеления файров драконами.

— Но ни один бенденский дракон не сжег ни единого файра, — разом сказали Менолли с Джексомом.

— Правда, ящерикам отныне запрещено появляться в Бендене, если только их не пошлют по делу к Брекке или к Миррим, — строго добавила девушка. — И еще, мы должны пометить всех принадлежащих арфистам ящерик цветами нашего цеха.

Джексома и Менолли проводили в главный зал, где подали вино и горячий суп. Правда, горячим его съесть так и не удалось — не успели принести еду, как пришли холдеры, жаждущие новостей. Менолли как опытная арфистка взяла на себя большую часть повествования. Уважение, которое Джексом питал к девушке, возросло еще больше, когда он ощутил, как ее плавно льющийся голос рождает у слушателей — и у него самого — именно тот душевный отклик, который соответствует каждому эпизоду. При этом Джексом должен был признать, что она ничуть не погрешила против истины. Один из старших арфистов, успокаивая юркнувшего ему под мышку синего файра, согласно кивал головой, явно одобряя мастерство Менолли.

Но вот девушка закончила рассказ, и по комнате прокатился благодарный ропот. Теперь пришел черед слушателей поделить-ся новостями. Потом все стали гадать, кто же вернул яйцо, как и почему, — это оставалось самой жгучей тайной. Намерены ли Вейры мстить? Грозит ли опасность крупнейшим холдам? Кто знает, до чего могут дойти эти Древние, если они решились украсть яйцо бенденской королевы! И потом, время от времени происходят какие-то загадочные вещи, сами по себе не столь уж важные — и все же в высшей степени подозрительные. Теперь-то уж точно следует сообщить о них в Бенден-Вейр. Например, о недостачах в железных копиях. Или о бесследно исчезнувших молоденьких девушках. А вдруг Древние замышляют еще что-нибудь?

Менолли выбралась из кольца слушателей и поманила Джексома за собой.

— У меня даже в горле пересохло от такой долгой речи, — тяжело вздохнув, пожаловалась она, ведя его по коридору в огромный зал переписчиков. Там снимали копии с заплесневелых манускриптов, чтобы заключенные в них сведения не были потеря-

ны. Внезапно в зал впорхнули ее файры, и она знаком приказала им сесть на один из столов. — Вам, мои дорогие, предстоит принарядиться по последней файровой моде! — девушка порылась в стоящем под столом сундуке. — Ну-ка, Джексом, помоги отыскать белую и желтую краску, а то в этих банках она совсем засохла, — Менолли швырнула их в ящик для мусора.

— Какая же у ящериц нынче мода?

— Та-а-ак... Здесь белый. Цвет арфистов — синий, а их подмастерьев — голубой. Разделим их белой полосой и обведем желтой рамкой; желтый — цвет холда Форт. Теперь их ни с кем ни спутаешь, верно?

Джексом согласился, и ему сразу же сунули в руки ящерицу, чтобы он держал ее крепче, — шея файра должна оставаться неподвижной. Это поручение оказалось неожиданно сложным: все ящерицы почему-то непременно хотели смотреть ему прямо в глаза.

— Если они хотят мне что-то сообщить, то я все равно не понимаю, — сказал Джексом арфистке, безропотно выдерживая уже пятый пристальный взгляд.

— Я подозреваю, — заговорила Менолли, то и дело замолкая, чтобы провести очередную линию, — что у тебя... да держи же ты его как следует!.. единственный дракон... на всем Перне... которого... они... держи крепче... не опасаются. Ведь Рут'... в конце концов... не жует огненный камень.

Джексом вздохнул, сообразив, что внезапно подскочившая популярность Рут'а может окончательно расстроить их личные планы. Придется, видно, уходить в другое время — если файры не будут знать, в каком времени скрылся Рут', они не смогут последовать за ним. Тут Джексом вспомнил, зачем, собственно, он сюда явился.

— А ведь я прилетел к вам сегодня утром, чтобы получить записку Вансоровых уравнений...

— Да, — Менолли улыбнулась ему поверх крыла извивающегося синего файра, — а кажется, будто это было столько Оборотов назад... Сейчас, только покрасим Дядюшку белой краской, и я сразу же отдам тебе всю пачку. У меня есть еще кое-какие небесные карты для зимнего периода, можешь взять — за то, что ты нам помогал.

В комнату стрелой влетел синий файр и, увидев Джексома, радостно зачирикал.

«Это синий нашего толстяка», — подсказал со двора Рут'.

— У меня всего один синий, и мы его только что поместили...

Или я ошибаюсь? — растерянно спросила Менолли, оглядывая остальных файров.

— Это синий Бранда. Мне пора домой, в Руат. Давно пора вернуться.

— Только будь осторожен, а то встретишься с самим собой, — рассмеялась Менолли. — На этот раз ты выполнял поручение государственной важности.

Усмехнувшись в ответ, Джексом ловко поймал рулон карт, который девушка бросила ему. Откуда ей знать, что у него на уме? Или Менолли догадывалась об их с Рут'ом занятиях? Ладно. Слишком уж он серьезно относится к ее словам — а все потому, что совесть нечиста.

— Ты подтвердишь мое алиби, если Лайтол будет спрашивать?

— Всегда готова, Джексом.

Возвратившись в Руат, Джексом в очередной раз пересказал все новости; его история вызвала у домочадцев не меньше восторга, изумления, гнева и облегчения, чем у арфистов и обитателей Форт-холда. Джексом поймал себя на том, что невольно использует те же обороты, что и Менолли. «Интересно, — подумал он, — скоро ли мы услышим от нее балладу о сегодняшних событиях?»

В заключение он велел всем, кто держит файров, пометить их цветами Руата: красные квадраты на коричневом поле в черно-белом обрамлении. Юный лорд сам проследил, чтобы все было надлежащим образом организовано, и вдруг заметил, что Лайтол все еще сидит в своем тяжелом кресле, пощипывая одной рукой нижнюю губу и устремив глаза в невидимую точку на каменном полу.

— Лайтол!

Управляющий с трудом очнулся от своих раздумий и, нахмурившись, посмотрел на Джексома. Потом вздохнул.

— Я всегда боялся, что раздор с Древними может закончиться войной драконов.

— Но ведь до этого не дошло, Лайтол, — как можно спокойнее и убедительнее проговорил Джексом.

Опекун пристально посмотрел ему в глаза.

— *Едва* не дошло, дружок. Все висело на волоске. А ведь мы оба — и ты, и я — стольким обязаны Бендену. Может быть, мне стоит отправиться туда?

— Там остался Файндер.

Лайтол кивнул, и Джексом подумал: уж не решил ли управляющий, что он теперь не нужен? Его опекун провел рукой по глазам и опустил голову. Джексом обеспокоенно спросил:

— Лайтол, тебе нехорошо? Может быть, кружку вина?

— Нет, со мной все в порядке, дружок, — Лайтол быстро поднялся. — Наверное, во всей этой суматохе ты забыл, зачем отправился в цех арфистов?

С облегчением убедившись, что Лайтол снова стал прежним, Джексом беспечно заявил, что привез не только уравнения Ван-сора, но еще и карты, над которыми можно поработать. И до самого ужина горько сожалел об этом — Лайтол тут же засадил его объяснять Бранду и ему самому, как рассчитывать время Падения Нитей.

Учить других — лучший способ усвоить кое-что самому. Джексом убедился в этом поздним вечером, когда, склонившись над грубой картой Южного материка, которую ему удалось достать, стал составлять кое-какие уравнения для себя. Слишком часто на Перне что-то случалось, чтобы можно было с легкой душой отправиться в какое-нибудь наугад выбранное время. И раз уж он решил путешествовать во времени, лучше перенестись по крайней мере на двенадцать Оборотов назад, когда на Южном еще никого не было. Он знал, где искать залежи огненного камня, так что с этим никаких затруднений не возникнет. Звезды уже начали меркнуть, когда Джексом наконец убедился, что найдет дорогу в то время, в котором хочет очутиться.

Перед самым рассветом Джексома разбудили всхлипывания Рут'а. Выбравшись из-под шерстяного одеяла, он босиком зашлепал по холодному каменному полу в драконий вейр. Передние лапы Рут'а подергивались, крылья трепетали — белому дракону снились тревожные сны. Вокруг копошились ящерицы, на многих цветов Руата не было и в помине. Джексом прогнал непрошенных гостей, и Рут', вздохнув, уснул глубоко и безмятежно.

Глава 6

Холд Руат.

Южный холд.

Пятнадцатый Оборот.

*Двадцать седьмой день пятого
месяца — второй день шестого*

День в Руате начался с того, что во все мастерские и малые холды были разосланы файры с наказом: пометить надлежащим образом всех огненных ящериц и строго-настрого предупредить каждую, как они должны вести себя в Вейрах. Вскоре один за

другим стали появляться окрестные холдеры, желавшие внести ясность в сумбурные сведения, полученные от маленьких гонцов. У Лайтола, Бранда и Джексома эти объяснения заняли целый день. Завтра ожидалось Падение Нитей, и началось оно точно в тот момент, который вычислил Лайтол. Это доставило управляющему немалое удовлетворение и к тому же успокоило даже самых недоверчивых холдеров.

Джексом — на этот раз без особого недовольства — занял свое место в строю огнеметчиков, но ни одной Нити не удалось ускользнуть от драконов Форт-Вейра. Юноша утешал себя мыслью, что во время следующего Падения он, быть может, тоже будет летать над землей — верхом на огнедышащем Рут'е.

На третий день после похищения яйца Рут' проголодался и захотел поохотиться. Но файры, предвкушавшие обильную трапезу, слетелись со всех сторон такой тучей, что он прикончил только одну птицу и съел ее сам до последней косточки.

«Не буду убивать для них», — заявил дракон так сердито, что Джексом даже испугался — уж не захотелось ли Рут'у испепелить их!

— Что на тебя нашло? Ведь раньше они тебе нравились! — ласково поглаживая белого, спросил Джексом, когда они встретились на зеленом пригорке.

«Они помнят, как я сделал такое, чего я сам не помню. Я этого не делал!» — глаза Рут'а вращались, сверкая алыми искрами.

— И что же они помнят?

«Я этого не делал, — неожиданно в мысли Рут'а прозвучал отенок боязливой неуверенности. — Я точно знаю, что не делал. Я просто не мог такое сделать. Ведь я дракон. Я — Рут'! Рут' из Бендена!» — с отчаянием выпалил он.

— Но что же они такое запомнили, а, Рут'? Ты должен мне сказать.

Рут' понурил голову и отвернулся, как будто желая спрятаться. Когда он снова взглянул на Джексома, глаза его были печальны.

«Разве стал бы я брать яйцо Рамот'ы? Я знаю, что не брал его. Ведь я все это время был на озере вместе с тобой. Я это помню. И ты помнишь. Они тоже знают, где я был. Но почему-то решили, что яйцо Рамот'ы взял я».

Чтобы удержаться на ногах, Джексому пришлось уцепиться за шею дракона. Потом он сделал несколько очень глубоких вдохов.

— Покажи мне картины, которые они тебе передали.

Рут' повиновался. По мере того как он мало-помалу приходил в себя, образы становились все четче и яснее.

«Вот что они запомнили», — сказал он наконец и глубоко, с облегчением вздохнул.

Джексом попытался осмыслить увиденное, потом, после минутного размышления, произнес:

— Файры могут помнить только то, что видели. А ты знаешь, *когда* именно они видели, что ты берешь яйцо Рамот'ы?

«Я могу перенести тебя в это *когда*».

— Ты уверен?

«Среди них есть две королевы — они особенно меня донимают, потому что помнят лучше остальных».

— А не ночью ли это случилось? Может быть, они помнят, что на небе были звезды?

Рут' покачал головой. «Файры слишком малы, чтобы запомнить звезды. Они говорят, что именно тогда их чуть не сожгли. Бронзовые драконы, которые стерегли яйцо, жевали огненный камень и не подпускали ящериц».

— Очень разумно с их стороны.

«Ни один дракон больше не любит огненных ящериц. А если бы драконы узнали то, что помнят ящерицы обо мне, меня они бы тоже перестали любить».

— Значит, не так уж плохо, что ты — единственный дракон, который готов выслушать ящериц, согласен?

Но эта мысль не особо утешила Рут'а, да и самого Джексома тоже.

— Почему же они тебя допекают, ведь яйцо давно уже вернулось в Бенден?

«Потому что они не видели, что я с ним сделал».

Джексом почувствовал, что ему лучше сесть. Над последними словами Рут'а придется долго думать. Впрочем, что тут думать... Ф'лессан был прав — все мы думаем и говорим до посинения. «Интересно, а Лессу и Ф'лара тоже охватывает вот такое странное чувство, когда им приходится принимать важные решения? — мелькнула неожиданная мысль. — Пожалуй, лучше об этом не думать», — решил он.

— Так ты действительно уверен, что знаешь, в какое время нам нужно попасть? — спросил он Рут'а еще раз.

Мелодично воркуя, к ним подлетели две королевы. Одна до того осмелела, что села Джексому на плечо. Глаза ее радостно вращались.

«Они знают. И я тоже».

— Что ж, я рад, что они согласны нас сопровождать. Жаль только, что они не разбираются в звездах...

Еще раз глубоко вздохнув, Джексом забрался Рут'у на шею и велел дракону держать путь домой.

Стоило ему принять решение, как все стало удивительно просто — главное, поменьше думать. Он собрал летную амуницию, веревку, шерстяное покрывало — чтобы завернуть яйцо. Потом проглотил несколько пирожков и, подмигнув Бранду, выскочил из зала вне себя от счастья, что у него есть такое замечательное алиби — предполагаемый роман с Кораной.

Зато ему пришлось довольно долго уговаривать Рут'а, чтобы тот вывалялся в черном прибрежном иле телгарской дельты. Все же Джексому удалось внушить другу, что его шкура будет слишком заметна посреди темной тропической ночи юга или на площадке Рождений Бендена средь бела дня — им в обоих случаях требовалось держаться в тени.

Проанализировав образы, которые передали Рут'у две королевы, Джексом был почти уверен, что Древние спрятали яйцо в далеком прошлом, поместив его в самое разумное, с их точки зрения, место — в теплые пески потухшего вулкана на том плоскогорье, где в будущем расположится Южный Вейр. Он изучил расположение звезд над Южным и предполагал, что ему удастся попасть в нужное время с точностью до одного-двух дней.

Файры в полном составе собрались у реки и с энтузиазмом помогали Джексому обмазывать белую шкуру дракона липкой черной грязью. Потом Джексом заляпал грязью лицо, руки и все блестящие детали снаряжения. Шерстяное покрывало, к счастью, было темным.

Странное чувство охватило Джексом. Ему казалось, что все это происходит не с ним, что он просто не может пуститься в такую дикую авантюру. Но другого выхода не было. Он неотвратимо приближался к заранее предопределенному событию, и ничто не могло его остановить. Поэтому без волнения и поспешности он оседлал Рут'а, вполне доверяя чутью своего дракона.

Джексом дважды глубоко вздохнул.

— Ну, Рут', ты сам знаешь, в какое «когда» мы направляемся. Давай, дружок!

Да, это был самый долгий, самый обжигающий скачок из всех, которые ему доводилось совершать. Правда, у Джексом было одно преимущество, которого не имела Лесса, — он это предвидел. Но, несмотря на предвидение, охватившая его тьма не стала менее устрашающей, давившая в уши мертвая тишина — менее однообразной, а пробирающий до самых костей холод — менее нестерпимым. Обрато им не удастся вернуться одним прыжком; чтобы не выстудить яйцо, придется разбить путь на несколько отрезков.

Они вынырнули посреди влажной теплой пустоты, напоенной

запахами сочной зелени и чуть подгнивших плодов. На мгновение Джексом овладело отвратительное чувство, что все это — лишь сон огненных ящериц. Но то, как Рут' парил — осторожно, стараясь скользить как можно бесшумнее, слиться с нежным ночным ветерком, — заставило его тотчас осознать реальность происходящего. Внезапно он увидел внизу яйцо — блестящую точку чуть правее настороженного уха Рут'а. Рядом, охраняя его, дремали бронзовые; он едва мог различить во тьме их гигантские силуэты.

Джексом выждал, пока Рут' спустится пониже, чтобы лучше разглядеть это место у восточной границы будущего Вейра; сейчас тут простиралась только заросшая травой поляна. Потом он велел Рут'у переместиться во времени. Казалось, они ни секунды не пробыли в Промежутке — он почти мгновенно ощутил на спине теплые лучи восходящего солнца. Часто махая крыльями, Рут' стремительно пронесся над самыми спинами дремлющих бронзовых и их спящих всадников. Вот он камнем упал вниз — и яйцо уже зажато в его сильных передних лапах. Молниеносный рывок — и не успели ошеломленные бронзовые приподняться, как белый дракон снова нырнул в ледяную тьму безвременья.

Они вышли из Промежутка через один Оборот после удачного похищения. У Рут'а еще хватило сил осторожно опустить яйцо на теплый песок. Джексом скатился с драконьей шеи, спеша осмотреть добычу — нет ли на яйце трещин или вмятин. Выглядело оно вполне нормально — достаточно твердое и еще совсем теплое. Юноша забросал драгоценное яйцо горячим песком и, следуя примеру Рут'а, рухнул рядом, стараясь отдышаться.

— Нам нельзя здесь долго отдыхать, Рут'. Они начнут обыскивать материк день за днем. Ведь им ясно, что мы не можем сразу унести яйцо слишком далеко.

Рут' кивнул; дыхание со свистом вырывалось из его пасти. Вдруг он напряженно замер; Джексом с тревогой наблюдал за ним. Из-за выступа скалы на них таращились два фэйра, бронзовый и синий. В тот мимолетный миг, пока Джексом на них смотрел — в следующий миг они уже исчезли, — юноша заметил, что цветных полосок на шее у них не было.

— Ты их знаешь?

«Нет».

— А где две королевы, которые были с нами?

«Они показали мне нужное *когда* и ушли. Ведь именно этого ты от них и хотел?»

Джексом пожалел, что лишился даже такого эфемерного руководства, и выругал себя за то, что не попросил ящерок остаться.

«Запах огненного камня, — сказал Рут'. — Я видел следы огня. Здесь бронзовые сжигали файров! Это было давно. Следы огня уже начали исчезать».

— Битва драконов! — осенила Джексома страшная догадка. Здесь он не чувствовал себя в безопасности. Да и где найти ее, пока они не доставят яйцо назад, в Бенден?

— Нужно сделать еще один прыжок, Рут'. Нам нельзя здесь долго прохладиться!

Он решительно размотал веревку, которая была обвязана у него вокруг пояса, и попытался увязать яйцо в узел, используя покрывало. Тогда Рут'у будет легче с ним управляться. Джексом уже затягивал веревку, когда вдруг услышал громкий хруст.

— Уж не собираешься ли ты испепелить парочку драконов?

«Зачем? Просто они не посмеют ко мне приблизиться, если я буду выдыхать пламя».

Джексом был слишком выбит из колеи, чтобы спорить. Когда Рут' прожевал все, что было у него в пасти, юноша подозвал дракона и стал привязывать к нему яйцо. Он обмотал плечи Рут'а веревкой и стал тщательно проверять все узлы. Вдруг его словно что-то толкнуло, и он быстро вскочил Рут'у на шею.

«Теперь передвинемся на пять Оборотов вперед в Керун, на наше место. Ты знаешь, как туда попасть?»

«Знаю», — ответил Рут' после секундного размышления.

В Промежутке Джексом успел забеспокоиться о яйце. Не слишком ли длинные скачки они делают? Не остынет ли оно? Ведь яйцо еще не насижено как следует... Уж не погубил ли он молодую королеву, пытаясь ее спасти? У Джексома просто голова шла кругом — и от Промежутка, и от неразрешимых вопросов. «Нет, — ответил он сам себе, — самое важное — благополучное возвращение яйца — еще впереди. И драконы не идут друг на друга войной. Во всяком случае — пока...»

Переливающийся зной керунской пустыни отогрел его иззябшее тело и поднял упавший было дух. Под коркой засохшей черной грязи Рут' выглядел зловещим призраком. Джексом распутал веревку и опустил яйцо на горячий песок. Рут' помог его закопать. Солнце двигалось к полудню, близился час, когда яйцо должно вернуться на место, но от этого времени их отделяло не меньше шести Оборотов.

«Может быть, уже можно смыть в море эту мерзкую грязь?» — спросил Рут', но Джексом попросил его потерпеть, пока они не доставят яйцо в Бенден. Ведь в прошлый раз ни один всадник и ни один дракон так и не понял, кто же это сделал, и сейчас никто

не должен ничего понять — так что Рут'у не стоило светить своей белой шкурой.

«А как же файры? Почему они не видели, как я вернул яйцо?» — жалобно спросил Рут'.

Джексома этот вопрос тоже тревожил, но он решил, что нашел правильный ответ.

— Вероятно, они так и не узнали, кто принес яйцо обратно. Ведь на площадке Рождений ни одного из них не было — вот они и не помнят того, чего не видели, — Джексом решил пока об этом больше не думать.

Его сморила усталость, и он привалился к теплому боку Рут'а. Нужно немножко отдохнуть — а яйцо пока пусть греется на полуденном солнце. Теперь им предстоял последний, самый сложный маневр.

Нужно рассчитать так, чтобы выйти из Промежутка на самой площадке Рождений — там, где арка нижнего входа, круто изгибаясь, не позволяет увидеть со стороны чаши Вейра, что делается в глубине. Это как раз напротив щели, которой Джексом с Ф'лессаном так успешно воспользовались много Оборотов назад. Просто счастье, что Рут' такой маленький и можно рискнуть выйти из Промежутка прямо на площадку. Раз его дракончик родился на ней, надо полагать, он найдет дорогу с закрытыми глазами... Правда, до сих пор его хвастливые заявления — мол, он всегда знает, в какое время направляется, — неизменно подтверждались.

Даже на пустынной и жаркой равнине Керуна стоял еле слышный, но неумолчный гул: тихонько шуршали какие-то насекомые, шелестел в сухой траве знойный ветер, извиваясь, скользили по песку змеи, где-то вдали разбивались о прибрежные скалы морские волны. Стихии все эти звуки разом — это произвело бы не меньшее впечатление, чем гром среди ясного неба. Именно такая мертвая тишина и внезапно изменившееся давление воздуха заставили Джексома с Рут'ом стряхнуть дремоту и в тревоге вскочить с теплого песка.

Джексом поднял глаза к небу, ожидая увидеть бронзовых драконов, жаждущих вернуть свою добычу. Но знойные небеса были совершенно пусты. Оглянувшись вокруг, Джексом увидел подстерегавшую их опасность — по пустыне, быстро приближаясь, надвигалась серебристая дымка Нитей. Падение! Спотыкаясь, он бросился к яйцу; Рут' не отставал. Вдвоем они стали судорожно откапывать его; затем Джексом начал обвязывать тюк веревками, одновременно пытаясь определить, где проходит передний

фронт смертоносного ливня. Удивительно, почему в небе не видно ни единого дракона?

Но, как они ни спешили, стараясь понадежней закрепить на груди у Рут'а драгоценную ношу, время летело еще быстрее. Не успел Джексом вскочить Рут'у на шею и послать его вверх, как вокруг, зловеще шипя, стали дождем падать Нити. Выпустив столб пламени, Рут' круто взвился в воздух, пытаясь выжечь перед собой свободное пространство, чтобы оттуда уйти в Промежуток.

Огненная лента обожгла Джексому щеку, скользнула по плечу, прошла кожаную куртку, ужалила руку, потом бедро. Он услышал крик боли, вырвавшийся у дракона, — и все кануло в непроглядный мрак Промежутка.

Каким-то образом Джексом умудрился не забыть, где и когда они должны очутиться. Хвала Скорлупе, под ними оказалась бенденская площадка Рождений. Снаружи доносится неистовый вой Рамот'ы. Рут' чуть слышно ойкнул, когда раскаленный песок попал на свежий ожог. Кусая губы от боли, Джексом сражался с веревкой. У них так мало времени... кажется, уже целый час он не может распутать эти узлы! Рут' опустил яйцо на песок, и золотистый овал, попав на пологий склон, неожиданно выкатился из темного угла, где они скрывались, прямо на глаза зрителей. Больше ждать было нельзя. Рут' рванулся к высокому сводчатому потолку и нырнул в Промежуток.

Все! Теперь драконы не пойдут друг на друга войной...

Джексом удивился, когда Рут' вышел из Промежутка над знакомым горным озерцом. В этот миг юноша был слишком озабочен состоянием своего дракона, чтобы задуматься, в каком времени они оказались.

Рут' жалобно поскуливал: невыносимо жгло лапу и бедро. Он мечтал только о том, чтобы поскорее унять эту жалящую боль. Джексом соскочил прямо на мелководье и стал поливать водой грязную серую шкуру дракона, проклиная себя за то, что не догадался захватить целебную мазь. Конечно, ему и в голову не могло прийти, что они попадут в такую переделку...

От ледяной воды жжение слегка поутихло, но теперь Джексом боялся, как бы грязь не вызвала воспаление. Можно было, конечно, придумать для маскировки что-нибудь менее опасное, чем речной ил. Он не решился тереть обожженные места песком — Рут'у будет больно, да еще эта мерзкая грязь вьется в раны. Впервые за много дней Джексом пожалел, что с ними нет ни единой ящерицы, — они помогли бы ему вычистить дракона.

«Сегодня — следующий день после того, когда мы отправи-

лись в путь, — заявил Рут'. — Видишь, я всегда знаю, в каком времени нахожусь, — добавил он с вполне законной гордостью. — Ужасно шиплет слева от гребня — ты оставил там грязь!»

Везде, где только было можно, Джексом основательно прошелся по Рут'овой шкуре песком, стараясь не обращать внимания на собственные рубцы, горевшие огнем. К тому времени, когда Рут' наконец решил, что он достаточно отмылся, и пошел в последний раз окунуться на глубине, Джексом едва не падал с ног от усталости и боли. Лгнувшие к ногам волны снова напомнили ему тот не столь уж давний день, когда он так неожиданно взбунтовался.

— Ну что же, — посмеиваясь над собой, произнес он, — кроме всего прочего, мы еще и сразились с Нитями. Только бойцы из нас пока скверные — это слишком явно написано на наших шкурах.

«Просто у нас были другие заботы, — укоризненно заметил Рут'. — Но теперь я знаю, как нужно действовать. В следующий раз у нас получится гораздо лучше. Я быстрее любого большого дракона смогу развернуться на кончике хвоста и уйти в Промежуток почти над самой землей».

Джексом стал горячо убеждать Рут'а, что он самый лучший, самый быстрый, самый умный дракон на всем Перне — от севера до юга. От удовольствия глаза дракончика засияли зеленым светом, и он горделиво поплыл к берегу, расправив еще влажные крылья.

«Ты совсем замучился, озяб и проголодался. А у меня болит нога. Давай возвращаться домой».

Джексом знал, что это самое разумное: нужно наложить целебный бальзам Рут'у на ожог, да и на свои раны тоже. Но каждый увидит рубцы, которые могли оставить только Нити. Что, во имя Первой Скорлупы, он скажет Лайтолу?

«А зачем что-то говорить? — вполне логично спросил Рут'. — Ведь мы сделали только то, что должны были сделать».

— Да ты, оказывается, умеешь мыслить логически? — Джексом, расхохотавшись, похлопал Рут'а по загривку и устало забрался ему на шею. Волнуясь и слегка побаиваясь — что было вполне объяснимо, — он велел дракону возвращаться домой.

Приветственно затрубил сторожевой коричневый, и полдюжины файров, все разукрашенные цветами холда, окружили Рут'а, чтобы проводить его в вейр.

Вытаращив глаза от волнения, из кухни выскочила служанка.

— Лорд Джексом, Рождение уже произошло! И новая королева вылупилась жива-здоровая. За тобой присылали, да только тебя нигде не могли сыскать.

— Я был занят. Принеси бальзам, и поскорее!

— Бальзам? — от удивления глаза служанки полезли на лоб.

— Вот именно, бальзам. Я обгорел на солнце.

Джексом промок до нитки и стучал зубами от холода, поэтому мог гордиться своей находчивостью. Он проследил, чтобы Рут' удобно расположился на своем ложе и поднял обожженную ногу повыше.

Прикосновение одежды к телу причиняло острую боль — Нить скользнула по руке, от плеча до запястья, и проделала длинную борозду вдоль всего бедра.

Робкое царапанье у двери возвестило о невероятно скором возвращении служанки. Джексом приоткрыл створки ровно настолько, чтобы в щель пролез котелок с бальзамом; при этом он отворачивался, чтобы скрыть от любопытных глаз обожженную щеку.

— Спасибо. Еще я хотел бы съесть чего-нибудь горячего — суп, кла... Тащи все, что есть на плите.

Закрыв дверь, он разделся, набросил на плечи теплый плащ, стянув его ремнем на животе, и подошел к Рут'у. Плюхнув целую пригоршню бальзама ему на ногу, Джексом расплылся в улыбке — обезболивающее сразу принесло Рут'у облегчение.

Постанывая от удовольствия, он принялся за свои раны. Замечательная, драгоценная травка! Он больше не станет отлынивать, когда придет пора собирать ее жесткие колючие листья, из которых варят такой чудодейственный бальзам! Смазывая рубец на щеке, он погляделся в зеркало. Да, останется шрам длиной в палец. Тут уж никуда не денешься. Ему еще предстоит пережить гнев Лайтола...

— Джексом!

Быстрый стук в дверь — и вот Лайтол уже на пороге.

— Ты пропустил Запечатление в Бендене и... — увидев своего питомца, Лайтол остановился как вкопанный. Поскольку юноша, занимаясь врачеванием, приспустил плащ, отметины на его плече и лице были отлично видны.

— Я слышал, там все прошло благополучно? Вот и прекрасно, — сказал он с беспечностью, которой вовсе не ощущал, и стал натягивать свежую рубашку. — Я...

Тут он замолчал, потому что сквозь плотную ткань голос его был еле слышен — и еще потому, что пришлось бы, как всегда чистосердечно, выложить опекуну все подробности ночного приключения. Нет, он к этому не готов. Пожалуй, Рут' прав — они сделали только то, что должны были сделать. И это их с Рут'ом личное дело. Как знать, может, его поступок был продиктован бессознательным стремлением загладить детскую вину —

когда он так неосторожно залез на площадку Рождений. Наконец Джексом просунул голову в ворот своего одеяния и поморщился, задев рубец на щеке.

— Кажется, в Бендене опасались, удачно ли пройдет Рождение, ведь яйцо не раз побывало в Промежутке?

Лайтол медленно подошел к юноше, не спуская с его лица возпросительного взгляда.

Джексом одернул рубашку, подпоясался и снова размазал бальзам по щеке. Он не имел представления, что еще сказать.

— Может быть, Лайтол, ты посмотришь ногу Рут'а? Правильно я ее обработал?

Глядя на опекуна, Джексом спокойно ожидал ответа. Ему было грустно, но приходилось сдерживать чувства. Ведь он заметил, как потемнели от волнения глаза Лайтола... Еще никогда он не был ему так благодарен, как в эту минуту. А ведь раньше он считал опекуна холодным, жестким, даже бесчувственным...

— Есть определенные приемы, позволяющие увернуться от Нити, — тихо проговорил Лайтол. — Ты уж научи Рут'а, лорд Джексом.

— Пожалуйста, объясни мне, как это сделать, мой добрый лорд Лайтол...

Глава 7

*Утро в холде Руат.
Пятнадцатый Оборот.
Второй день шестого месяца*

— А я ведь пришел сказать тебе, лорд Джексом, что у нас гости. Мастер Робинтон, Н'тон и Менолли уже наверху. Они заехали по пути из Бендена, присутствовали там на Запечатлении. Но давай сначала посмотрим, что с Рут'ом.

— А сам ты ездил в Бенден? — спросил Джексом.

Перешагнув порог вейра Рут'а, Лайтол покачал головой. Белый дракон устраивался поудобнее, собираясь вздремнуть. Лайтол учтиво поклонился ему и нагнулся, чтобы поближе рассмотреть густо смазанные ожоги.

— Полагаю, ты сначала вымыл его в озере, — взгляд Лайтола задержался на мокрых волосах юноши. — Вода там достаточно чистая, и бальзам ты наложил как раз вовремя. Нужно будет проверить через несколько часов, как пойдут дела. Но я думаю, он в

полном порядке, — Лайтол перевел взгляд на слишком заметные раны, украшавшие самого Джексома.

— Ума не приложу, как объяснить твой вид нашим гостям, — вздохнул он. — Скажи еще спасибо, что это Н'тон, а не Ф'лар. Менолли, я надеюсь, знала, что ты затеял.

— Я никого не ставил в известность о своих планах, лорд Лайтол, — сдержанно произнес Джексом.

— Наконец-то ты хоть немного научился осмотрительности, — управляющий смерил взглядом своего питомца. — Пожалуй, я попрошу Н'тона, чтобы он потренировал тебя вместе с молодыми всадниками Форты — так будет спокойнее, да и у тебя появится компания. Робинтон, конечно, догадается, чем ты занимаешься... Ну да он все равно рано или поздно узнал бы, скрывай не скрывай. Что ж, пойдем. Наши гости не осудят тебя слишком строго за неумелость. Хотя ты заслуживаешь большего наказания, чем обычная головомойка, — подвергнуть себя и Рут'а такой опасности! Особенно сейчас, когда и так все идет наперекосяк...

— Мне очень жаль, лорд Лайтол, что я тебя огорчил.

Опекун снова окинул его внимательным взглядом.

— Дело не в огорчении, Джексом. Во всем виноват я один. Мне бы стоило давно догадаться, что ты непременно захочешь доказать, какой у тебя талантливый дракон. Хотел бы я, чтоб ты был на несколько Оборотов постарше и чтобы времена были полегче. Тогда я мог бы передать тебе управление холдом.

— Но я вовсе не хочу отбирать у тебя холд, лорд Лайтол...

— Боюсь, что сейчас мне не позволят удалиться от дел. Не то время. Да ты и сам все услышишь, Джексом. Пойдем, мы и так заставили гостей слишком долго ждать.

Н'тон встретил их на пороге малого зала, которым в Руате пользовались в тех случаях, когда посетители желали побеседовать с хозяевами наедине. Увидев лицо Джексома, бронзовый всадник громко застонал. Робинтон проворно обернулся, в его усталых глазах мелькнуло удивление и, как Джексому хотелось бы надеяться, некоторое уважение.

— Никак, Джексом, тебя Нить поцеловала? — с ужасом воскликнула Менолли. — Как ты можешь так рисковать, в такое время?

Юная арфистка, которая еще совсем недавно поддразнивала Джексома, призывая меньше думать и больше делать, теперь набрасывалась на него с гневными упреками!

— Так я и знал, Джексом, что ты не удержишься, — обреченно вздохнув, проговорил Н'тон; лицо его осветилось сочувственной

улыбкой. — Ты обязательно должен был попробовать, только время, смею заверить, ты рассчитал скверно.

Джексом мог бы возразить, что время он как раз рассчитал идеально, но Н'тон продолжал:

— А как Рут'? Ему, я надеюсь, не досталось?

— Один ожог — на ноге и бедре, — ответил Лайтол. — Все уже обработано.

— Я искренне понимаю твоё стремление, Джексом, — неожиданно серьезно сказал Робинтон, — твоё желание летать вместе с другими всадниками, и все же я должен призвать тебя к терпению.

— Я предпочел бы, мой господин, — неожиданно перебил арфиста Н'тон, — чтобы он поучился летать вместе с моими парнями — если уж он так смел и безрассуден, что решился попробовать на свой страх и риск.

— Что-то я сомневаюсь, что мы дождемся одобрения Бендена, — качая головой, произнес Робинтон.

— Вполне достаточно моего одобрения, — решительно заявил Лайтол. — Пока что я опекун Джексома, а не Ф'лар с Лессой. Пусть они занимаются своими делами, а за Джексома отвечаю я. Не будет никакого вреда, если он поучится вместе с молодежью Форты, — Лайтол сурово посмотрел на Джексома. — Если он, конечно, согласится впредь не выкидывать никаких фокусов без нашего ведома. Обещаешь, лорд Джексом?

При одной мысли о том, что в Бендене не узнают о его подвигах, Джексом так обрадовался, что был готов согласиться на любые условия. Но сразу же им овладели противоречивые чувства: радость — поскольку все приняли случившееся как должное, и досада — ведь он только что достиг такого успеха, а его опять низводят до положения ученика! И все же происшествие в Керуне слишком ясно показало, сколько премудростей он еще должен освоить, чтобы в сражении с Нитями уберечь себя и своего дракона от смертельной опасности.

Н'тон, нахмурившись, так пристально разглядывал Джексома, что на миг юноша засомневался: а вдруг предводитель Форты как-то прознал, чем они с Рут'ом занимались на самом деле, когда повстречались с Нитями. Стоит Н'тону и Лайтолу об этом пронохнуть — и он больше шагу не ступит без разрешения!

— Вот что, Джексом, — заявил бронзовый всадник, — я возьму с тебя еще одно обещание. Больше никаких полетов во времени. Ты и так слишком переусердствовал, по глазам вижу.

Лайтол удивленно взгляделся в лицо своего питомца.

— С Рут'ом мне ничто не угрожает, Н'тон, — возразил Джек-

сом, обрадованный тем, что ему в вину ставят не самое страшное из его прегрешений. — Он всегда знает, в каком времени мы находимся.

Однако на Н'тона Рут'овы таланты не произвели никакого впечатления.

— Все может быть, только опасность кроется не в самонадеянности дракона, а в голове всадника, — резко сказал он. — Один неосторожный шаг — и оба на волосок от гибели. Знаешь, как опасно в таком путешествии столкнуться с самим собой? И вообще это отнимает массу сил и у всадника, и у дракона. А тебе, юный Джексом, такие вещи и вовсе ни к чему. У тебя впереди столько времени, что ты успеешь все сделать.

Слова Н'тона заставили Джексома вспомнить необъяснимую слабость, одолевшую его на площадке Рождений. Неужели в тот самый миг...

— Боюсь, Джексом, — прервав размышления юноши, вступил в разговор Робинтон, — что ты не совсем понимаешь, какая критическая обстановка создалась сейчас на Перне. А тебе бы надо это знать.

— Если, мастер Робинтон, ты имеешь в виду кражу яйца и то, что всадники чуть не начали войну, так я тоже был в Бендене тем утром...

— Разве? — Робинтон слегка удивился и покачал головой, буд-то упрекая себя за непростительную забывчивость. — Тогда тем более ты можешь догадаться, в каком настроении пребывает Лесса. И если бы Запечатление прошло не так благополучно...

— Но ведь яйцо все-таки вернули, мастер Робинтон, — с недоумением произнес Джексом. — Чем же Лесса еще недовольна?

— Так-то оно так, — согласился арфист. — Похоже, кто-то в Южном сообразил, какие последствия может вызвать эта кража. Но Лесса никак не успокоится.

— Ведь оскорбление нанесли Лессе, Рамот'е и всему Бендену, — пояснил Н'тон.

— Но нельзя же допустить, чтобы драконы пошли друг на друга войной! — в смятении воскликнул Джексом. — Только поэтому яйцо и вернули!

Неужели их рискованное предприятие, раны Рут'а — все было зря?

— У нашей Лессы крутой нрав, Джексом, и она долго помнит обиды. Ты ведь не забыл, как стал лордом Руата? — было заметно, что Робинтон с большой неохотой напоминает юноше о его происхождении. — Я ничуть не хочу преуменьшить достоинства госпожи Бендена. Ее стойкость перед лицом столь невероятных

событий достойна похвалы. Но упрямство, с которым она не желает смириться с нанесенным оскорблением, может иметь для всего Перна самые роковые последствия. Пока, правда, она прислушивается к разумным доводам, но в последнее время равновесие стало весьма неустойчивым.

Джексом кивнул. Нет, никогда он не признается, что замешан в этом деле. Хорошо еще, что он не проболтался Лайтолу о своем приключении. Никто не должен знать, что это он, Джексом, вернул яйцо. И особенно Лесса. Он послал мысленный приказ Рут'у, но тот сонно пробубнил, что слишком устал, чтобы кому-то о чем-то рассказывать, и вообще дадут ему наконец спокойно поспать?

— Ты прав, — сказал Джексом в ответ на слова Робинтона. — Я понимаю, что сейчас необходима чрезвычайная осторожность.

— Есть еще кое-что... — на подвижном лице Робинтона отразилась глубокая печаль; он помолчал, подыскивая нужные слова. — Обстоятельство, которое со дня на день еще больше осложнит и без того нелегкую ситуацию, — он коротко глянул на Н'тона. — Я говорю о Д'раме.

— Полагаю, Робинтон, что ты не ошибаешься, — произнес бронзовый всадник. — Вряд ли он останется предводителем Вейра, если Фанна умрет.

— Если? Боюсь, что правильнее будет сказать «когда». А судя по тому, что мне поведал мастер Олдайв, чем скорее это случится, тем милосерднее поступит судьба по отношению к ним обоим.

— Я и не знал, что Фанна больна, — произнес Джексом, а мысли уже умчались вперед, к печальному событию, которое неминуемо последует за смертью Фанны, — ее королева Мират'а добровольно уйдет из жизни вслед за своей всадницей. О гибели королевы будут скорбеть все драконы — и Рамот'а. И Лесса тоже!

Лайтол помрачнел, как случалось всякий раз, когда что-то напоминало ему о гибели его дракона. А Джексом, расправившись с остатками самолюбия, окончательно смирился со своим предстоящим ученичеством — нет, никогда больше он не станет подвигать Рут'а такой опасности!

— Фанна тихо угасает, — продолжал Робинтон, — ее съедает болезнь, которую ничто не может остановить. Мастер Олдайв сейчас с ней, в Исте.

— Да, его фэйр позовет меня, когда он соберется уезжать, — сказал Н'тон. — Д'рам может рассчитывать на меня.

— Ох уж эти фэйры, — задумчиво проговорил Робинтон. — Еще один камень преткновения в Бендене, — он взглянул на бронзового, мирно дремавшего у него на плече. — Там, на пло-

шадке Рождений, я чувствовал себя как-то неуютно — из-за того, что со мной не было Заира. Честное слово! — Он снова взглянул на притихшего бронзового, потом на Триса, сонно жмурившегося на плече у всадника. — А ведь они утихомирились!

— Потому что Рут' здесь, — сказал Н'тон, поглаживая своего Триса. — С ним они чувствуют себя в безопасности.

— Дело не в этом, — заметила Менолли, не спуская глаз с лица Джексома. — Они и при Рут'е не могли уgomониться. Это дикое беспокойство улеглось только сейчас. Они больше не видят яйца! — Арфистка скосила глаза на свою маленькую королеву. — И я думаю, что это вполне объяснимо. Запечатление прошло благополучно, и то, чего они так боялись, не произошло. Или, — она неожиданно взглянула на Джексома в упор, — все-таки произошло?

Джексому ничего не оставалось, как только изобразить на лице искреннее недоумение.

— Так ты считаешь, Менолли, что они волновались из-за королевского яйца? — спросил Робинтон. — Жаль, мы не можем сказать Лессе, как они переживали. Это хоть как-то оправдало бы фэйров в ее глазах.

— А я думаю, — сердито бросила Менолли, — что их уже давно нужно было призвать к порядку!

— Но, дорогая моя девочка... — Робинтон был явно растерян.

— Я говорю не о наших, мастер Робинтон. Они доказали, что могут приносить большую пользу. Просто слишком многие относятся к ним спустя рукава и не считают нужным воспитывать, — она как-то странно засмеялась. — Вот и Джексом может подтвердить. Они так допекают Рут'а, что он вынужден прятаться от их назойливого внимания в Промежутке. Верно, Джексом?

Было в ее настойчивом взгляде нечто такое, что ставило юношу в тупик.

— Не могу сказать, чтобы они всегда докучали Рут'у, — осторожно сказал Джексом, вытягивая под столом длинные ноги, — но ты же знаешь, Менолли, у каждого бывают минуты, когда хочется побыть одному.

Лайтол понимающе хмыкнул, и Джексом понял, что Бранд поделился с управляющим своими подозрениями насчет Кораны.

— Зачем? Чтобы жевать на пару огненный камень? — ухмыльнулся Н'тон.

— Вот, значит, чем вы занимались, отправляясь в другое время! — широко раскрыв глаза, воскликнула Менолли; лицо ее светилось невинным и лукавым любопытством.

— Можно сказать и так.

— А что, файры действительно осложняют вам жизнь? — заинтересованно спросил Робинтон.

— Видишь ли, мой господин, — ответил Джексом, — где бы мы ни очутились, каждая ящерица в округе считает своим долгом поглазеть на Рут'а. Обычно он не возражает — файры развлекают его, пока я занят делами холда.

— А они случайно не говорили Рут'у, что их так взбудоражило? Ты-то сам знал про их видения? — Робинтон подался вперед, с нетерпением ожидая, что скажет Джексом.

— О том, как драконы сжигают ящериц? И еще непонятное черное пятно и яйцо? Да, они чуть не свели Рут'а с ума своим вздором, — ответил Джексом. Он нахмурился, как бы озабоченный невзгодами своего друга. В сторону Менолли он старался не смотреть. — Но теперь, судя по всему, все прошло. Наверное, суматоха была вызвана кражей яйца. Молодая королева благополучно появилась на свет, и ты сам видишь, что они утихомирились и больше не мешают Рут'у спать.

— А где ты был во время Запечатления? — Менолли так неожиданно атаковала Джексома, что Н'тон и арфист с недоумением переглянулись.

— Где? — засмеялся Джексом, потрогав обожженную щеку. — Сражался с Нитями — где же еще?

Его находчивый ответ поставил Менолли в тупик, и она сконфуженно замолкла, зато Робинтон вместе с Н'тоном и Лайтолом втроем набросились на него, упрекая в безрассудстве. Он, не споря, выслушивал их нравоучения, спасавшие его от пронизательности Менолли. Эта девчонка стояла всех троих... Значит, она все-таки что-то заподозрила. Джексому хотелось открыться ей. Из всех близких она была единственным человеком, которому он мог полностью доверять. Но он знал — будет гораздо разумнее, если все поверят, что яйцо вернул всадник из Южного. Это мучило его; с каким бы облегчением, с какой радостью он все рассказал бы Менолли... да и Н'тону, пожалуй, тоже.

Подали угощение, и разговор снова вернулся к огненным ящерицам.

Стали обсуждать, чего от них больше, пользы или беспорядка, и наконец Джексом понял, что в этом вопросе все придерживаются единого мнения. Вот только как умиротворить Рамот'у и Лессу?

— Рамот'а скоро сама забудет о своей неприязни, — сказал Н'тон.

— Зато Лесса не забудет, так что я сомневаюсь, стоит ли посылать Заира в Бенден-Вейр.

Пока Н'тон и Лайтол горячо убеждали арфиста, что он преувеличивает, Джексом подумал: странно, в голосе Робинтона, когда он упомянул Бенден и его госпожу, прозвучала какая-то неестественная нотка. Арфиста беспокоило не одно только опасение, что Лесса не допустит в Бенден огненных ящеров.

— Есть во всем этом деле кое-что еще, что не дает покоя моему слишком буйному воображению, — задумчиво проговорил Робинтон. — Ведь последние события привлекли всеобщее внимание к Южному.

— Ну и что? — не понял Лайтол.

Робинтон отпил глоток из кружки и помедлил с ответом, смакуя вино.

— А вот что. Мы вдруг поняли, что огромный материк населяет жалкая кучка людей.

— И?

— Я знаю многих недовольных лордов, в чьих холдах и предместьях негде зернышку упасть. А теперь Вейры готовы нарушить неприкосновенность Южного материка и склоняются к тому, что пора наложить на него руку. Что же тогда мешает лордам последовать их примеру и отхватить себе по солидному куску?

— У нас не хватит драконов, чтобы охранять такие огромные пространства — вот в чем все дело, — заметил Лайтол. — А сами Древние наверняка не удосужатся заняться этим.

— На Южном всадники, в общем-то, не нужны, — медленно проговорил Робинтон.

Лайтол ошеломленно уставился на арфиста, пораженный его словами.

— Да-да, это так, — продолжал Робинтон. — Ведь почва материка просто кишит личинками. Торговцы говорили мне, что там они почти не обращают на Нити внимания. Торик, например, только следит, чтобы весь скот был под крышей и никто из людей не пострадал.

— Так что настанет время, когда и на Севере всадники станут не нужны, — негромко сказал Н'тон, к полному смятению Лайтола.

— Всадники всегда будут нужны Перну, пока не исчезнет последняя Нить! — Лайтол грохнул кулаком по столу, подкрепляя свои слова.

— Ну, на нашу жизнь Нитей хватит, — поспешил успокоить его Робинтон. — И все же мне не хотелось бы, чтобы Южный вызывал столь острый интерес. Подумай об этом, Лайтол.

— Ты, как всегда, о будущем, Робинтон? — хмуро осведомился Лайтол, и на лице его появилось недовольное выражение.

— Думать о будущем куда полезнее, нежели о прошлом, — парировал арфист. Он поднял сжатую в кулак руку. — Зато я держу в своих руках факты, а за деревьями вижу лес.

— Так ты частенько наведывался на Южный, мастер-арфист?

Робинтон смерил Лайтола долгим взглядом.

— Бывало. Но, уверяю тебя, совершенно не афишируя своих визитов. Некоторые вещи нужно увидеть своими глазами, чтобы в них поверить.

— Например?

Лениво поглаживая Заира, Робинтон устремил взгляд поверх головы Лайтола в невидимую даль.

— Должен признать, что заглянуть в прошлое тоже порой небесполезно, — сказал он, снова посмотрев на управляющего. — Отдаешь ли ты себе отчет, что все мы родом с Южного материка?

Изумление, отразившееся на лице Лайтола при таком неожиданном повороте беседы, сменилось раздумьем.

— Да, так следует из древнейших Записей, — кивнул он.

— Мне всегда хотелось узнать, не гниют ли где-нибудь на юге еще более древние Записи?

В ответ на слова арфиста Лайтол фыркнул.

— Это ты точно сказал — гниют. За все эти тысячи Оборотов от них ничего не осталось.

— Знали же наши предки такие способы обработки металла, которые делали его стойким к ржавчине и старению. Возьми пластины, найденные в Форт-Вейре, или их инструменты, вроде знаменитого дальновидящего прибора, который так очаровал Вансора и Фандарела. Не верится мне, что время могло стереть все следы существования столь умелых людей.

Джексом взглянул на Менолли, припоминая туманные намеки, которые ей иногда случалось обронить. Глаза девушки сияли от сдерживаемого волнения. Она, несомненно, знала обо всем, что сейчас недоговаривал арфист. Юноша перевел взгляд на Н'тона и понял: ему тоже все известно.

— Но мы отдали Южный материк этим отступникам, Древним, — глухо произнес Лайтол.

— Которые, со своей стороны, нарушили уговор, — закончил за него Н'тон.

— Дает ли это право нам сделать то же самое? — спросил Лайтол, выпрямившись и хмуро глядя на предводителя Вейра и арфиста.

— Они занимают всего лишь узкую полоску суши, полуостров, который вдается в Южное море, — мягко сказал Робинтон. —

И не знают ничего о том, что происходит на остальной части материка.

— Так вы уже произвели разведку на Южном?

— В пределах благоразумия.

— И что же, ваших... благоразумных вылазок так никто и не заметил?

— Нет, — неторопливо ответил Робинтон. — Но я очень скоро обнародую то, что нам известно. Потому что не хочу допустить, чтобы туда ринулись недовольные подмастерья и безземельные холдеры, по глупости и неведению уничтожая все, что необходимо сохранить.

— Так что же вы там все-таки нашли?

— Старый рудник, в котором вся крепь сделана из такого легкого, но долговечного материала, что на нем и сегодня нет ни царапинки. Механизмы, приводимые в движение неизвестно чем, — даже юный Бенелек не может в них разобраться...

Повисла долгая тишина, которую нарушил смешок Лайтола.

— Ох уж эти арфисты! А еще говорят, что их долг — учить молодежь!

— И прежде всего — сохранять наше наследие!

Глава 8

Холд Руат.

Форт-Вейр.

Равнинный холд Фиделло.

Пятнадцатый Оборот.

Третий-семнадцатый дни шестого месяца

Джексом был разочарован — несмотря на все ухищрения, Лайтолу не удалось больше ничего вытянуть из арфиста о его экспедиции на Южный. Когда от усталости глаза у юноши начали слипаться, ему пришло в голову: а ведь Робинтон все же сумел склонить Лайтола на свою сторону, убедить его, что разумнее сейчас сдерживать всеобщий интерес к Южному!

Уже совсем засыпая, он не переставал восхищаться хитроумием мастера-арфиста. Неудивительно, что тот не стал возражать, чтобы Джексом учился у Н'тона, когда понял, что Лайтол одобряет затею с Южным. Робинтон хочет, чтобы старик остался управляющим Руата. И если юный лорд будет занят обучением своего дракона, он не станет стремиться занять место Лайтола.

На следующее утро Джексом проснулся с уверенностью, что

не сможет шевельнуть даже пальцем. Мышцы затекли, лицо и плечо саднило от укусов Нити. Однако, вспомнив о ранах друга, он вскочил с постели, больше не думая о собственных болячках. Шерстяное одеяло отлетело в сторону; Джексом схватил котелок с целебным бальзамом и устремился в вейр Рут'а.

Доносившееся оттуда негромкое сопение подсказало ему, что дракон все еще крепко спит. Похоже, он ни разу не пошевелился за ночь — раненая нога была вытянута точно так же, как и вечером. Воспользовавшись этим, Джексом быстро нанес свежий слой мази по всей длине рубца. Только теперь он понял, что им с Рут'ом придется подождать, пока заживут раны, прежде чем присоединиться к группе Н'тоновых учеников в Форт-Вейре.

Но Лайтол придерживался иного мнения. Ибо зачем Джексом собирается в Форт-Вейр? Чтобы в следующий раз суметь увернуться от Нити, чтобы научиться оберегать себя и своего дракона во время Падения! А станут дразнить за то, что он был не слишком ловок, так и поделом. В итоге, закончив утреннюю трапезу, Джексом с Рут'ом вылетели в Форт-Вейр.

К счастью, двое из учеников были примерно того же возраста, что и сам Джексом, которому не так давно сравнялось восемнадцать Оборотов. Правда, возраст — не помеха, лишь бы поскорее обучить Рут'а. Джексом с трудом поборол искушение открыть новым товарищам истинную причину приключившейся с ним беды. Что ж, пусть думают, что он такой неумелый. Пришлось втайне утешаться тем, что на самом деле они добились куда больших успехов, чем кто-либо мог предполагать.

Проблемы возникли сразу; и первая — как избавить Рут'а от назойливого внимания бесчисленных ящериц, которые облепили его с ног до головы. Едва удавалось отослать прочь одну стаю, как ей на смену, к недовольству и возмущению К'небела, наставника молодых всадников, появлялась другая.

— С вами всегда такая история? — ворчливо спросил он Джексома.

— Более или менее. Они просто... прилетают. Особенно с тех пор, как... как случилось это несчастье в Бендене...

К'небел понимающе кивнул, но сдержать раздражение не смог.

— Не могу поверить в рассказы о том, что драконы сжигали ящериц. И все же у вас с Рут'ом ничего не выйдет, пока файры не оставят его в покое. А если они не угомонятся, одна из них и вправду может попасть под пламя!

Тогда Джексом велел Рут'у прогонять огненных ящериц сразу, как только они вздумают появиться. Прошло довольно много

времени, прежде чем Рут' справился с этой задачей. Но вот — то ли уже все ящерицы округи успели поприветствовать дракона, то ли он преуспел в изгнании непрошенных визитеров — только все оставшееся время им никто не докучал.

Несмотря на эти досадные помехи, К'небел продержал учеников на занятиях до самого обеда. Джексома пригласили остаться и в знак уважения к его рангу провели за стол, предназначенный для старших всадников.

Беседа вертелась вокруг истории с яйцом — высказывались догадки, кто из всадников Южного мог его вернуть. Наслушавшись этих споров, Джексом только укрепился в своей решимости хранить молчание. Он еще раз предупредил Рут'а, но, как оказалось, напрасно — белого дракона куда больше интересовала технология заглатывания огненного камня и уловки против Нитей, чем какие-то уже прошедшие события.

Файры наконец-то уgomонились. Теперь первой заботой ящерок было вовремя поесть, а второй — почистить шкурку. С наступлением теплой погоды у них началась линька, и они ужасно чесались. Картины, которые они передавали Рут'у, больше не содержали ничего тревожного.

Поскольку по утрам Джексом теперь был занят в Форт-Вейре, ему пришлось забросить учебу в обоих цехах — и у кузнецов, и у арфистов. Это вполне устраивало его — не придется терпеть скверную привычку Менолли задавать каверзные вопросы. Джексома немало позабавило, что после обеда Лайтол оставил ему несколько свободных часов. Он решил не разочаровывать опекуна и отправился в Равнинный холд — разумеется, для того, чтобы проверить, как растет новая пшеница.

В последнее время все заботы по хозяйству легли на плечи Кораны, поскольку ее свояченице подошел срок рожать. Когда девушка встревожилась, увидев его заживающие раны (это было так мило!), она решила, что лорд заработал их, честно сражаясь с Нитями над своим холдом. Джексом не стал разубеждать ее и вскоре был вознагражден за свой подвиг — столь же приятно, сколь неожиданно. Правда, он предпочел бы получить награду честным путем. И Джексом не смог рассердиться на девушку, когда в томной полудреме, следовавшей за их ласками, она несколько раз наводила разговор на файров, а потом прямо попросила раздобыть для нее яйцо.

— Все побережье на севере многократно прочесано, — сказал он; потом, заметив ее детское разочарование, добавил: — Но на Южном материке полно пустынных бухточек.

— А ты не смог бы слетать туда на Рут'е — только так, чтобы

Древние ничего не узнали? — Корана явно не догадывалась о последних событиях, и это только обрадовало Джексома, которому уже начинали надоедать постоянные волнения, связанные с Южным.

Слетать на Рут'е — ведь это проще простого; к тому же его дракон не возбудит подозрений местных фэйров — похоже, он успел с ними подружиться.

— Пожалуй, смог бы, — шепнул Джексом, размышляя, как выкроить свободное время, чтобы его отлучку никто не заметил. Корана неверно истолковала его нерешительность, и нежные губы прильнули к шее Джексома. Юноша не стал ее поправлять.

Покинув Равнинный холд и держа путь домой, Джексом подумал: «А ведь волны от моей недавней выходки все еще идут!» Вот и вопрос с обучением Рут'а решен... И хотя сам он еще не стал полноправным властелином Руата, все же пользуется теперь многими привилегиями истинного лорда. Юноша улыбнулся, вспоминая нежность и ласки Кораны. Судя по радушию ее брата, можно полагать, что в Равнинном не возражают против незаконного потомка лорда Руата. Успехи по этой части не уронят его в глазах Лайтола. «Не взять ли Корану в холд?» — подумал Джексом, но сразу же понял, что погорячился. Это было бы несправедливо по отношению к другим воспитанникам и прибавило хлопот Бранду с Лайтолом. Как будто у него нет Рут'а и он не может в любой миг обернуться по своим делам! А потом, если он возьмет Корану к себе, она потребует гораздо больше внимания, чем он готов ей уделять, — причем за счет Рут'а.

Когда Джексом в третий раз отправился в Равнинный холд, у жены Фиделло начались роды, и Корана была так занята, что успела только извиниться за царящую в доме суматоху. Он спросил, не нужно ли привезти лекаря из Руата, но Фиделло ответил, что одна из его служанок, которая знает толк в повивальных делах, сказала, что роды должны пройти без осложнений. Джексом произнес все приличествующие случаю слова и, слегка досадую на неожиданную помеху, расстроившую их свидание, удалился.

«Почему ты смеешься?» — спросил Рут', когда они повернули в сторону холда.

— Потому что я дурак, Рут'. Понимаешь? Дурак!

«Я вовсе так не думаю. Ведь с ней ты чувствуешь себя не дураком... ты счастлив!»

— В том то и дело, глупый дракон! Я спешил к ней, чтобы в ее объятиях вновь найти счастье, — а она оказалась занята. Но ведь всего несколько недель назад я и думать не думал, что мне будет с ней так хорошо! Вот почему сейчас я чувствую себя дураком.

«Я всегда буду тебя любить», — ответил Рут', почувствовав, что именно такие слова нужны сейчас его другу.

Джексом благодарно потрепал дракона по загривку, продолжая в душе подтрунивать над своей неудачей. По возвращении в Руат его ожидала вторая неприятность. Лайтол сообщил, что завтра ожидается Запечатление остального выводка Рамот'ы, так что Джексому придется отправиться в Бенден. Управляющий покосился на Джексомов шрам и покачал головой.

— Постарайся не попадаться на глаза предводителям Вейра. Они с первого взгляда поймут, что к чему, — посоветовал Лайтол. — Незачем выставлять напоказ свои грехи.

В душе Джексом лелеял надежду, что шрам придает ему более мужественный вид, но на всякий случай пообещал Лайтолу держаться подальше от Лессы и Ф'лара.

Он любил бывать на обрядах Запечатления, особенно один, без Лайтола. Юноша ругал себя за это, но ведь он знал, какие муки каждый раз испытывает его опекун, вспоминая своего любимого Ларт'а.

Весть о скором Запечатлении дошла до Форт-Вейра как раз в тот час, когда Джексом летал с учебным крылом, осваивая на практике приемы борьбы с Нитями. Закончив маневр, он извинился перед наставником и через Промежуток направил Рут'а домой, чтобы переодеться. У входа его уже поджидал Лайтол вместе с Крепышом, одним из файров Менолли. Он попросил Джексому захватить по дороге юную арфистку — Робинтон вместе со всадником и драконом своего цеха отбыл в Исту.

Пришлось Джексому сделать вид, что он ничего не имеет против; благовидного предлога для отказа он придумать не сумел. Что ж, придется так быстро домчать Менолли до Бендена, чтобы у нее не хватило времени на ненужные расспросы.

Когда они с Рут'ом появились над мастерской арфистов (Рут' немедленно сообщил сторожевому дракону свое имя), Джексом пришел в неописуемую ярость. На лугу прохлаждалось столько драконов из Форт-Вейра, что они вполне могли бы унести на себе половину цеха. Почему бы Менолли не попросить одного из них? Джексом стиснул зубы; он твердо решил не давать девушке поводов для насмешек и велел Рут'у сообщить ее файрам, что он прибыл и жлет на лугу. Едва он успел сформулировать эту мысль, как Менолли выскочила из-под арки и устремила к ним. Красотка, Нырок и Крепыш, щебеча, кружили над ее головой. На бегу она натягивала летную куртку, неловко перекладывая что-то из одной руки в другую.

— Слезай, Джексом, — строго приказала она. — У меня ничего не получится, пока ты сидишь ко мне спиной.

— Что не получится?

— Вот что! — она показала ему баночку, зажатую в кулаке. — Слезай быстро!

— Зачем?

— Хватит пререкаться, мы теряем время. Я собираюсь замазать твой шрам. Ведь ты же не хочешь, чтобы Ф'лар с Лессой увидели его и стали задавать вопросы, на которые у тебя нет ответов, — или я не права? Слезай же, а то мы опоздаем — ведь тебе, кажется, запрещено залезать во временной Промежуток? — добавила она, видя, что он все еще колеблется, не слишком доверяя ее бескорыстию.

— Я прикрою шрам волосами.

— Все равно забудешь и откинешь волосы назад, — сказала она и стянула его за рукав вниз. — Я попросила Олдайва приготовить мазь без запаха. Вот... Нужно совсем чуть-чуть, — она легкими движениями нанесла снадобье ему на лицо, а остаток размала по руке, повыше перчатки. — Видишь? Точно в тон кожи! — Менолли критически осмотрела свою работу. — Что ж, фокус вполне удался. Теперь никто не заметит твоего ожога. А как понравился твой шрам Коране? — фыркнув, осведомилась она.

— Коране?

— Только не делай большие глаза, лорд Джексом! Давай, залезай на Рут'а — мы опаздываем. Ты очень хитро придумал, затеяв роман с Кораной. Удивительная ловкость! Из тебя получился бы превосходный арфист.

Разъяренный Джексом оседлал дракона. Только не поддаваться на уловки Менолли! Как это на нее похоже — откопает какой-нибудь секрет, а потом старается вывести человека из себя! Ну, на этот раз у нее ничего не получится!

— Спасибо тебе, Менолли, что ты придумала использовать мазь, — с отменной вежливостью произнес он, овладев собой. — Вовсе ни к чему сейчас сердить Лессу, а мне непременно нужно присутствовать при Запечатлении.

— То-то и оно, что непременно.

Она произнесла это с явным нажимом, но у Джексома не было времени обдумать, что именно она имела в виду. Они взлетели, и он направил Рут'а через Промежуток прямо в Бенден-Вейр. Нет, он ни за что не позволит ей себя разозлить! Однако надо отдать ей должное — эта девчонка хитрее десяти Робинтонов!

Рут' вынырнул из Промежутка, и Джексом, вспомнив о файрах, оглянулся на Менолли.

— Не волнуйся, они в вейре у Брекки.

— Все?

— Нет, только Красотка и трое бронзовых. Она вот-вот войдет в брачную пору, и самцы не оставляют ее ни на секунду, — Менолли снова фыркнула.

— Наверно, у тебя уже вся кладка расписана?

— Что? Ни в коем случае — ведь цыплят по осени считают, — укоризненно сказала Менолли. — А в чем дело? Неужели тебе тоже понадобилось?

— Да нет, не мне...

Менолли расхохоталась — он таки выдал себя! Джексом тихо застонал. Ладно, пусть смеется...

— Зачем мне самому яйцо фэйра? — продолжал он, решив поставить арфистку на место. — Понимаешь, я пообещал Коране, что постараюсь раздобыть одно для нее. Она была так мила со мной... ну, ты ведь понимаешь, Менолли...

На этот раз Джексом был вознагражден — арфистка даже поперхнулась от изумления. Потом с размаху стукнула его кулаком по спине. Джексом вздрогнул и отшатнулся.

— Потиху, Менолли, плечо у меня тоже обожжено, — он вложил в эти слова больше раздражения, чем следовало, и тут же выругал себя — стоило ли напоминать ей об этом?

— Прости, Джексом, — так виновато проговорила Менолли, что юноша невольно смягчился. — Здорово тебе досталось?

— Обожгло лицо, плечи и бедро.

Она схватила его за здоровую руку.

— Слышишь, как они оглушительно трубят? Гляди, гляди — избранники входят на площадку Рождений. А мы не сможем влететь прямо туда, внутрь?

Через верхний проход Джексом направил Рут'а в пещеру. Отовсюду слетались бронзовые, доставляя гостей на площадку. Как только они оказались внутри, взгляд Джексома произвольно метнулся к тому месту рядом с аркой, где прятались они с Рут'ом, возвращая яйцо. Юноша ощутил внезапный прилив гордости — все-таки они победили!

— Джексом, я вижу Робинтона — вон он, на четвертом ярусе, рядом с истинцами. Сядешь с нами, а, Джексом?

В голосе Менолли прозвучала такая настойчивая просьба, что Джексом был слегка озадачен. Кто же откажется сидеть рядом с главным арфистом Перна?

Рут' подлетел к ярусу и, ухватившись когтями за карниз, повис в воздухе, чтобы Джексом и Менолли могли спуститься.

Усаживаясь, Джексом бросил внимательный взгляд на Робин-

тона и удивленно приподнял брови — арфист выглядел не совсем обычно. Он, как всегда, приветливо поздоровался с молодыми людьми, не забыв улыбнуться своей помощнице и похлопать Джексома по плечу, но сразу после этого погрузился в свои думы — судя по всему, отнюдь не радостные. У Робинтона было вытянутое, сухошащее и очень подвижное лицо, отражавшее быструю смену мыслей и настроений. Но сейчас, когда взор арфиста был прикован к юным избранникам, уже шагавшим по горячему песку площадки Рождений, оно казалось неожиданно постаревшим, с глубокими морщинами и запавшими глазами, затуманенными усталостью и тревогой. Вид у Робинтона был усталый и потерянный. Потрясенный случившейся с ним переменой, Джексом поспешно отвел глаза, стараясь не встречаться взглядом с Менолли, — он не хотел, чтобы наблюдательная арфистка догадалась, о чем он думает.

Мастер Робинтон стареет? Нет, только не это! Возможно, он устал или чем-то обеспокоен... Разве можно представить себе Перн без его юмора, его мудрых советов, его баллад? Нет, никогда! Сердце Джексома ухнуло в холодную пустоту. Неужели мир может вдруг лишиться его пронизательного ума и неистощимой любознательности? Предчувствие потери сменилось странным чувством неудовлетворенности; внезапно Джексом показалось, что вся его жизнь пуста и никчемна. Что с ним? Как советовал Робинтон, юноша попытался разобраться в нахлынувшей на него волне противоречивых ощущений.

Настойчивый рев Рамот'ы вернул его внимание к площадке Рождений. Вид у королевы был устрашающий. Не хотел бы он находиться сейчас среди избранников, над которыми угрожающе нависла ее голова с горящими багровым пламенем глазами! Вместо того чтобы выстроиться полукругом позади раскачивающихся яиц, мальчики сбились в тесную кучку — как будто надеялись, что Рамот'а не заметит их.

— Не завидую я мальчуганам, — тихо шепнула Джексому Менолли.

«Неужели она не хочет, чтобы выводок прошел Запечатление?» — в панике подумал юноша. Он вздрогнул, вспомнив, как бежал по раскаленному песку к маленькому покинутому яйцу, яйцу Рут'а. Если бы они не встретились, если бы Рут' не выбрал его... Как бы он жил теперь?

«То, что случилось, случилось. И теперь мы вместе», — уловив мысли Джексома, передал Рут'. Джексом почувствовал, как на глаза навернулись слезы.

С площадки Рождений донеслось такое яростное шипение,

что он моментально выпал из задумчивости. Одно яйцо треснуло, но Рамот'а с таким угрожающим видом заслонила его, что ни один из мальчиков не осмелился приблизиться. Снаружи на карнизе затрубил Мнемент', ему вторили собравшиеся в пещере бронзовые. Рамот'а вздернула голову и, расправив переливающиеся золотом крылья, вызывая заревела. Бронзовые ответили ей умиротворяющим урчанием, однако в трубном голосе Мнемент'а явно слышался приказ.

«Рамот'а очень сердится, — передал Джексому Рут'. Белый дракончик незаметно удалился на солнечный берег озера, плескавшегося на дне чаши Вейра. Однако он прекрасно знал, что происходит на площадке. — Мнемент' говорит, что она ведет себя глупо. Рождение все равно произойдет, и новорожденные должны пройти Запечатление. Тогда ей больше не придется за них беспокоиться. С людьми они будут в безопасности».

Бронзовые заворчали громче, и Рамот'а, все еще не желавшая смириться с неизбежным ходом событий, медленно и неохотно попятилась от яиц. И сразу же один из подростков, храбро державшийся впереди, учтиво поклонился ей и шагнул к треснувшему яйцу, из которого, стараясь удержаться на разъезжающихся ногах, только что выбрался бронзовый малыш.

— Сообразительный паренек, — одобрительно кивнув, заметил Робинтон. Он, не отрываясь, наблюдал за происходящим внизу. — Уважение — вот чего сейчас не хватает Рамот'е. Смотрите, глаза ее гаснут, она складывает крылья... Молодец, просто молодец!

Последовав примеру товарища, еще двое старших мальчиков поклонились королеве и быстро направились к яйцам, которые уже сильно раскачивались от усилий новорожденных, пытавшихся выбраться наружу. Поклоны вышли не особо ловкими и слишком торопливыми, но все же Рамот'а заметно смягчилась; теперь она лишь негромко рычала, когда очередной парнишка проходил Запечатление.

— Смотрите, он получил бронзового! Паренек это заслужил! — аплодируя, крикнул Робинтон, когда первая пара двинулась к выходу.

— Откуда он? — поинтересовалась Менолли.

— Из Телгар-холда. Мальчик и статью, и лицом похож на лорда Ларада... да и ум его, как видно, унаследовал.

— Юный Кирнети из Форт-холда тоже получил бронзового! — торжествуя сообщила Менолли. — Я ведь говорила тебе, что так и будет!

— Значит, я ошибался, моя дорогая, — и наверняка не в по-

следний раз. Быть непогрешимым — такая скука! — добродушно ответил мастер Робинтон. — А из Руата, Джексом, кто-нибудь есть?

— Даже двое, только отсюда я не могу их разглядеть.

— Отличная кладка, — заметил Робинтон. — Такой большой выбор.

Джексом наблюдал за пятеркой мальчиков, окруживших большое, покрытое зелеными пятнами яйцо. Он затаил дыхание — вот на свет показалась голова дракончика и стала поворачиваться, поочередно оглядывая каждого из пятерых. Полетели осколки скорлупы, и коричневый малыш, жалобно попискивая, протиснулся мимо подростков; неуклюже ковыляя, вытянув длинную шею, он побрел по песку отыскивать себе друга.

— Какое разочарование для этих ребят, — сочувственно проговорил Джексом.

Неожиданно ковылявший по песку дракончик упал и зарылся носом в горячий песок. Затем он выпрямился, чихнул и жалобно пискнул. Рамот'а угрожающе заревела, и ближайšie к ней мальчики спешно отступили. Один из них, темноволосый, длинноногий, с худыми исцарапанными коленками, чуть не налетел на коричневого малыша. Неловко взмахнув руками, он с трудом удержал равновесие и, слегка попятившись, замер на месте. Глаза его встретились с взглядом коричневого дракончика. Запечатление состоялось!

— Как быстро все закончилось, — разочарованно протянула Менолли. — Жаль, что сегодня Запечатление прошло так сумбурно.

— Да, денек выдался нелегкий, — подтвердил Робинтон, указывая на Рамот'у.

Королева, переступая с ноги на ногу, сердито смотрела вслед удалявшимся парам.

— Как ты думаешь, теперь, когда Запечатление закончилось благополучно, она сменит гнев на милость? — спросила Робинтона Менолли.

— А вместе с ней и Лесса? — арфист поджал губы, пытаясь скрыть усмешку. — Если Рамот'у еще и удастся уговорить, чтобы она поела, обе, пожалуй, немного придут в себя.

— Хотелось бы надеяться, — с чувством сказала Менолли — так тихо, что Джексому показалось, будто ее слова вовсе не предназначались для ушей Робинтона.

Тем не менее тот услышал и ласково улыбнулся своей помощнице.

— Думаешь, Рамот'а так пристально изучала каждого, пытаясь

уловить, не пахнет ли от кого Южным Вейром? — посмеиваясь, спросил арфист.

Джексом искоса взглянул на него и подумал — возможно, неяркое освещение в пещере просто сыграло с ним злую шутку? Теперь лукаво усмевавшийся мастер-арфист Перна снова казался самим собой.

— Не уверен, что меня сейчас обрадовал бы столь пристальный осмотр, — приподняв бровь, добавил Робинтон.

Менолли фыркнула, в глазах ее заплескали веселые огоньки.

«Великая Скорлупа! Да ведь они оба совсем недавно побывали на Южном! — понял Джексом. — Интересно, что они там откопали?» Внезапно юношу прошиб пот от страха; его осенило, что южане-то уж точно знают: никто из них яйца не возвращал! Неужели Робинтон тоже об этом знает?

— Жаль, что нельзя отложить нашу встречу до тех пор, пока страсти не улягутся окончательно, — продолжал мастер-арфист.

— Позволь мне на этот раз пойти с тобой!

— Зачем, Менолли? Чтобы защищать меня? — грустно улыбувшись, Робинтон положил руку на плечо девушки. — Нет, сегодня не обычное собрание, и я не могу проявить подобное самоуправство.

— Тогда пусть пойдет он! — Менолли указала пальцем на Джексома, сверля его сердитым взглядом.

— Куда?

— Разве Лайтол тебе не сказал, что после Запечатления должен состояться Совет? — спросил Робинтон. — Ваш холд тоже приглашен.

— Значит, твой опекун решил все свалить на тебя? — звенящим от напряжения голосом сказала Менолли.

— О чем ты? — спросил Джексом, удивленный необычной заботой Менолли.

— Да о том, глупая твоя голова...

— Полно, Менолли, полно! Я ценю и твою заботу, и доброе слово Лайтола. Однако не надо забывать, что только время все расставит по местам. Я жив, здоров, невредим и не собираюсь сдаваться. А теперь, когда Рамот'а уже выбрала себе обед, мне даже не грозит опасность попасть к ней на обед, — Робинтон хлопал девушку по плечу, стараясь ее успокоить.

Рамот'а покинула площадку Рождений; они видели, как королева поднималась в воздух с жирным бычком в когтях.

— Вот видишь — она решила закусить. Мне больше совершенно нечего бояться.

Менолли смерила его долгим насмешливым взглядом.

— Просто мне захотелось пойти с тобой — вот и все.

— Я так и подумал. А вот и Фандарел, — громко сказал арфист и замахал рукой, стараясь привлечь внимание дородного кузнеца. — Пойдем, лорд Джексом, нам пора в зал Совета.

Так вот что, должно быть, имел в виду Лайтол, когда говорил, что Джексому необходимо присутствовать на Запечатлении! Почему же он сам не явился, если собрание предполагается таким важным, как намекала Менолли? Вопреки ее словам, Джексом был польщен — опекун оказал ему доверие.

Вокруг двух мастеров, которые встретились на спуске с яруса, собрались другие главы цехов. Они здоровались друг с другом необычно серьезно, что укрепило подозрения Джексома: видно, намеки Менолли и вправду имели под собой почву. И снова он подивился, что Лайтол не считал нужным прийти. Ведь его опекун мог бы поддержать Робинтона!

— Я уж подумал, что Рамот'а не допустит Запечатления, — поздоровавшись с Джексомом, сказал Фандарел. Критически осмотрев юношу, он добавил: — Похоже, ты совсем забыл меня ради своих драконьих подвигов?

— Я еще только учусь, мастер Фандарел. Все драконы должны уметь сражаться с Нитями.

— Ну и ну! — воскликнул Никат, мастер-горняк. — Вот уж никогда не думал, что твой малыш доживет до этого!

На языке у Джексома вертелся резкий ответ; но, встретив предостерегающий взгляд арфиста, он передумал и сказал:

— Благодарю за заботу, мой господин. У Рут'а великолепное здоровье.

— Время летит стрелой, мастер Никат, — вкрадчиво произнес Робинтон, — и вот уже те, кого мы знали совсем юными, успели вырасти и возмужать. О, Андемон, как твои дела? — он кивнул мастеру-фермеру и направился вслед за ним через горячий песок площадки Рождений.

Никат, посмеиваясь, шел рядом с Джексомом.

— Вот как? Значит, учишь белого малыша жевать огненный камень? Уж не потому ли наши запасы тают так стремительно?

— Что ты, мастер Никат! Мы учимся в Форт-Вейре, а там огненного камня полным-полно.

— В Форт-Вейре, — Никат ухмыльнулся еще шире, взгляд его задержался на щеке Джексома и скользнул дальше. — Вот оно что... Летаешь вместе с другими всадниками, лорд Джексом? — едва заметно подчеркнув титул Джексома, Никат перевел взгляд на лестницу, ведущую в королевский вейр и на карниз, где обычно восседал Мнемонт'.

Бронзовый великан покинул свой пост, чтобы сопровождать королеву, которая высматривала сейчас очередную жертву на площадке кормления у озера. Джексом поискал глазами белое пятнышко на берегу и ощутил мысленное присутствие друга.

— Удачное Запечатление! Правда, ребятам пришлось немного попотеть, — не унимался разговорчивый Никат.

— А ваши парни были сегодня на площадке? — из вежливости спросил Джексом.

— На этот раз всего один. Но зато на прошлом Запечатлении двух наших пригласили в Телгар, так что мы не в обиде. Совсем не в обиде, — мастер поскреб макушку задубелыми пальцами и подмигнул Джексому. — А вот если бы у тебя нашлась подходящая кладка файров, я бы не отказался от парочки яиц.

Встретив бесхитростный взгляд Никата, Джексом сообразил, что теперь с его головы не упадет ни единый волосок, вздумай он хоть мешками таскать огненный камень для Рут'а из рудников мастера.

— Сейчас нет ни одного, но разве можно знать заранее, когда найдешь новую кладку?

— Я ведь просто так сказал, к слову пришлось. Файры — сушая смерть для этих гнусных пролаз, пещерных змей. И они за просто чуют скопления подземного газа, которые мы не можем обнаружить. А с газом шутки плохи на всех рудниках.

В голосе горного мастера звучала тревога. «Что же происходит в эти последние дни, нагнетая на всех беспокойство и тоску?» — подумал Джексом. Ему всегда нравился мастер Никат, а во время уроков в его рудниках он научился уважать плотного невысокого горняка, лицо которого до сих пор покрывали несмываемые черные крапинки — следы работы подмастерьем в подземных шахтах. Поднимаясь по каменным ступеням в королевский вейр, Джексом снова пожалел, что связан данным Н'тону обещанием не летать через временной Промежуток. Слишком много забот навалилось на него, чтобы решиться на путешествие к берегам Южного, рискуя встретить патрули Древних. Конечно, может быть, Рут'у повезет и он сразу обнаружит кладку... Юноше хотелось услужить мастеру Никату, да и Коране он пообещал привезти яйцо. Заодно не помешало бы порадовать разобиженного Теггера — вдруг на этот раз он сумеет удержать огненную ящерницу? Но, не прибегая к временному скачку, на юг сейчас выбираться опасно.

Едва они приблизились к входу, как над Звездной Скалой, трубя, возник бронзовый дракон. Сторожевой ответил протяжным ревом. Джексом заметил, что все замерли на месте, прислу-

шиваясь к их переключке. «Клянусь Скорлупой и ее осколками! У бенденцев нервишки стали пошаливать», — подумал он. Интересно, кто это прибыл?

«Предводитель Исты», — сообщил ему Рут'.

Д'рам? Нельзя сказать, чтобы всем предводителям Вейров вменялось в обязанность присутствовать на Запечатлении. Однако, если их территориям не угрожало падение Нитей, они прилетали непременно, особенно в Бенден. Джексом уже заметил среди собравшихся Н'тона, Р'марта из Телгар-Вейра, Г'нариша из Айгена и Т'бора из Плоскогогорья. Потом он вспомнил слова Робинтона о Фанне, подруге вождя Исты. Неужели ей стало хуже?

Когда они вошли в зал Совета, Никат куда-то исчез. Стоило Джексому взглянуть на Лессу, застывшую в своем огромном каменном кресле, на ее хмурое лицо, как он тоже поспешил укрыться в дальнем углу. Ее зоркие глаза сумеют разглядеть шрам на его щеке даже с такого расстояния.

Арфист сказал, что Совет будет немногочисленным. Джексом следил, как в зал входят главные мастера, вожди Вейров, владельцы крупнейших холдов; но среди собравшихся не было ни женщин, ни командиров боевых крыльев — исключение сделали только для Ф'нора и Брекки.

Вот появился Д'рам вместе с Ф'ларом и каким-то молодым человеком, которого Джексом не узнал, хотя тот носил цвета бронзового всадника. Если признаки надвигающейся старости на лице мастера-арфиста расстроили Джексома, то перемена, происшедшая с Д'рамом, его просто потрясла. Казалось, за последний Оборот он стал меньше ростом, высох и сгорбился. Походка предводителя Исты потеряла уверенность, плечи ссутулились.

Стремительно и грациозно Лесса встала со своего места и, протянув руки, пошла навстречу Д'раму. Лицо ее неожиданно осветилось сочувствием. Джексом глубоко вздохнул. А он-то решил, что госпожа Бендена по-прежнему гневается на весь мир!

— Мы собрались здесь по твоей просьбе, Д'рам, — произнесла Лесса, усаживая старого всадника рядом с собой и наливая ему бенденского.

Сделав глоток, Д'рам поблагодарил ее за вино и теплый прием; потом повернулся к собравшимся. Джексом увидел, что лицо его избороздили морщины возраста и усталости.

— Большинство из вас уже знает о том, что случилось... о болезни Фанны, — проговорил он тихо и неуверенно. Потом откашлялся и тяжело вздохнул. — Так вот, я хотел бы оставить пост предводителя Исты. И дело даже не в том, что одна из наших королев готова к брачному полету... просто у меня нет больше сил.

Вейр поддерживает мою просьбу. Г'денед, всадник Барнат'а, — Д'рам кивнул в сторону сопровождавшего его мужчины, — последние десять Падений командовал крылом. Мне бы уже давно уйти, но... — он печально покачал головой. — Мы все так надеялись, что болезнь отступит... — старик с усилием распрямился. — Старшая из наших королев — Кайлит'а, а ее всадница Козира — достойная госпожа Вейра. Барнат' уже раз догнал Кайлит'у, и кладка оказалась отличной... — Д'рам в нерешительности помолчал, выжидательно глядя на Лессу. — В прошлые времена существовал обычай: когда Вейр оставался без предводителя, первый брачный полет его королевы объявляли открытым для всех молодых бронзовых. Так удавалось справедливо избрать нового предводителя. Я бы сейчас предпочел вспомнить эту традицию, — он произнес эти слова почти вызывающим тоном, но взгляд его, устремленный на Лессу, выражал мольбу.

— Думаю, ты слишком уверен в победе Барнат'а, — бросил Р'март из Телгара; в зале поднялся недовольный ропот.

Г'денед широко улыбался, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

— Просто я хотел бы получить достойного вождя для Исты, — резко произнес Д'рам. — Г'денед доказал мне, что достоин. Теперь он должен доказать это всему Перну.

— Справедливые слова, — Ф'лар встал и поднял руку, призывая собравшихся к тишине. — Не сомневаюсь, Р'март, что у Г'денеда хорошие шансы на успех, однако, согласись, в столь сложной ситуации предложение Д'рама вполне разумно. Я сообщу о нем бронзовым всадникам Бендена — тем, чьи драконы еще не принимали участия в брачном полете королевы. Полагаю, было бы не слишком честно создавать Барнат'у непреодолимые препятствия.

— А что, Кайлит'а — бенденская королева? — спросил лорд Корман из холда Керун.

— Нет, она из выводка Мират'ы. В Бендене родилась другая их королева, Пирит'а.

— Значит, Кайлит'а — королева Древних?

— Кайлит'а — королева Исты! — твердо заявил Ф'лар.

— А Г'денед?

— Я родился в прошлые времена, — негромко ответил всадник, но на лице его, обращенном к лорду Корману, не было и тени сожаления или стыда.

— К тому же он — сын Д'рама, — заметил лорд Варбрет из Иста-холда, обращаясь к Корману, как будто это обстоятельство могло смягчить молчаливое неодобрение повелителя Керуна.

— Достойный человек, и род достойный, — немало не смутившись, согласился Корман.

— Речь идет о его праве на Вейр, а не о родстве, — возразил Ф'лар.

— А обычай... что ж, этот обычай совсем не плох.

Джексом явственно расслышал чье-то замечание, что это, дескать, единственный неплохой обычай у Древних, о котором когда-либо слышали, и понадеялся, что произнесенные шепотом слова не разнесутся далеко.

— Д'рам вправе просто передать пост бронзовому всаднику из своего Вейра, — продолжал Ф'лар, обращаясь к мастерам и владельцам холдов. — Я высоко ценю его предложение и согласие Исты объявить открытый полет.

— Я хочу найти для Вейра достойного предводителя, — повторил Д'рам. — И только так я могу быть уверен, что Иста его получит.

Едва сдержав радостный взглас, Джексом обвел взглядом зал. Кажется, все предводители Вейров согласны. И немудрено — ведь победу может одержать один из их всадников. Но Джексом надеялся, что Кайлит'у все-таки догонит Барнат' Г'денеда. Пусть все увидят, что молодое поколение Древних тоже не из робкого десятка! И никто не оспорит права нового предводителя Исты, если он сумеет выиграть открытое состязание!

— Я передал вам предложение Исты, — сказал Д'рам, возвысив усталый голос, чтобы перекрыть гул разговоров. — Такова воля моего Вейра. А теперь мне пора назад. Премного вам всем обязан, лорды, мастера, предводители Вейров.

Он торопливо поклонился собравшимся, учтиво — Лессе, и она, поднявшись, с нежностью коснулась его руки.

К удивлению и радости Джексома, люди в просторной комнате Совета поднялись все как один, чтобы проститься с предводителем Исты, но Д'рам вышел, так и не подняв головы. «Видел ли он это? Понял ли, как его уважают?» — подумал Джексом, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Если я больше не нужен, то, пожалуй, тоже пойду, — сказал Г'денед, вежливо поклонившись предводителям Бендена и всем гостям.

— Г'денед? — с вопросительной интонацией произнесла Лесса.

Всадник медленно покачал головой. Видимо, надежды на благополучный исход болезни Фанны уже не оставалось.

— Я извещу все Вейры, когда Кайлит'а будет готова к брачному полету, — сказал он и поспешил вслед за Д'рамом.

Как только его шаги замерли за поворотом, в зале поднялся

шум. Правители холдов не были уверены, стоит ли одобрить такое новшество. Главные мастера, по всей видимости, расходились во мнениях, хотя Джексом показалось, что Робинтон знал о решении Д'рама и сохранял нейтралитет. Предводители Вейров были явно довольны.

— Будем надеяться, что Фанна умрет не сегодня, — шепнул кто-то из мастеров своему соседу. — Смерть в день Запечатления — дурной знак!

— К тому же такая весть испортит праздничный пир... Интересно, правда ли, что бронзовый этого Г'денеда так силен? Ведь если предводителем Исты станет всадник из Бендена...

При упоминании о пире Джексом вдруг понял, что внутри у него все свело от голода. С утра он, как всегда, был на занятиях, а потом едва успел заскочить в холд, чтобы переодеться в свой лучший наряд. Он стал незаметно пробираться к выходу. У женщин в нижних пещерах всегда можно выпросить кусок мяса или на худой конец булочку и пару плодов.

— Так что, на этом наше собрание закончено? — хрипло спросил среди наступившей тишины лорд Бегамон из холда Нерат. В голосе его звучал вызов. — Разве Вейры еще не выяснили, кто взял яйцо? Или хотя бы кто его вернул? Я-то надеялся, что именно это мы сегодня услышим.

— Яйцо вернули, лорд Бегамон, и дело закончено, — протягивая руку Лессе, ответил Ф'лар.

— Мне и так известно, что яйцо вернули. Я при этом присутствовал. Как, впрочем, и при Запечатлении новой королевы.

Ф'лар повел Лессу через зал.

— Но сегодня — совсем другой праздник, мой господин, — бросил он. — Счастливое событие для каждого из нас. Внизу всех ждут накрытые столы.

И вожди Бендена удалились.

— Ничего не понимаю, — недоуменно повернулся к соседу Бегамон. — Я-то надеялся сегодня хоть что-нибудь разузнать!

— Но ты же узнал, — произнес Ф'нор, рука об руку с Бреккой проходя мимо владетеля Нерата. — Узнал, что Д'рам покидает свой пост.

— Это меня не касается! — Казалось, слова Ф'нора вызвали у Бегамона еще большее раздражение.

— Нет, касается, причем куда больше, чем все выдумки по поводу яйца, — сказал Ф'нор, вместе с Бреккой покидая зал Бегамон.

— Вот и весь ответ на твой вопрос, — насмешливо улыбнувшись Бегамону, вставил Робинтон.

— Но... но должны же они что-то сделать! Неужели Бенден стерпит подобное оскорбление?

— В отличие от правителей холдов, — выходя вперед, заявил Н'тон, — всадники не вольны потворствовать своим страстям или уязвленному самолюбию в ущерб основной своей обязанности — защищать Перн от Нитей. Вот в чем состоит долг всадника, лорд Бегамон.

— Пойдем, Бегамон, — сказал лорд Грох из Форт-холда, беря недовольного владельца Нерата под руку. — Ты же знаешь, это — дела Вейра. Вот и не будем вмешиваться, раз нам не положено. Им виднее. И потом, яйцо-то действительно вернули! А вот подруту Д'рама жаль, очень жаль... Не хотелось бы, чтобы он уходил. Разумный человек. Ты не слышал, каким вином нас будут угощать?

Джексом увидел, как лорд Грох оглядывается по сторонам.

— Как ты полагаешь, Робинтон, нам подадут бенденское?

Арфист утвердительно кивнул и вышел из зала в обществе обоих лордов; любопытный Бегамон все еще ворчал — видимо, он жаждал новостей. Зал постепенно пустел, и Джексом последовал за остальными. У подножия лестницы, ведущей на дно Вейра, на него набросилась Менолли.

— Ну? Что там случилось? Они говорили с ним?

— Кто говорил? С кем?

— Ф'лар или Лесса обращались к мастеру-арфисту?

— У них не было повода к нему обращаться.

— Зато были поводы не обращаться. Так что же там происходило?

Джексом вздохнул и, набравшись терпения, начал коротко пересказывать все, что происходило наверху.

— Д'рам прибыл сюда с просьбой... нет, с сообщением, что он уходит с поста предводителя Исты... — Менолли согласно кивнула, как будто для нее это не было новостью. — И сказал, что обратиться к обычаю Древних — объявит первый брачный полет королевы открытым для всех бронзовых.

Менолли вытаращила глаза, рот ее округлился от изумления.

— Все, должно быть, чуть не упали! Кто-нибудь возражал?

— Только кое-кто из лордов, — ухмыльнулся Джексом. — Всадники согласны. Разве что Р'март съязвил, что дракон Г'денеда, мол, так силен, что никакой борьбы все равно не будет.

— С Г'денедом я не знакома. Знаю только, что он сын Д'рама.

— Это ничего не значит.

— Не спорю.

— Потом Д'рам сказал, что хочет для Исты достойного предводителя и это единственная возможность его получить.

— Бедный Д'рам...

— Ты хочешь сказать, «бедная Фанна»...

— Нет, бедный Д'рам. И бедные мы. Он был великолепным предводителем Вейра. А мастер Робинтон что-нибудь говорил? — спросила Менолли, отложив размышления о судьбе Д'рама ради более важного дела.

— Он разговаривал с Бегамоном.

— А с предводителями Бендена?

— Нет... Да и повода не было.

— Они столько Оборотов были друзьями... а теперь поступают с ним так несправедливо! Он не мог тогда не вмешаться. Драконы не должны идти друг на друга войной!

Джексом искренне согласился. Его слова сопровождало громкое урчание в животе, такое звучное, что Менолли оторопела. В душе Джексома боролись смущение и веселье. Все же победил смех. Он извинился перед Менолли и понял, что этот забавный случай повеселил и ее.

— Ладно, пойдем к столу — все равно от тебя ничего путного не добьешься, пока ты не поешь.

Этот пир по случаю очередного Запечатления не был ни особенно запоминающимся, ни слишком веселым. Всадники вели себя сдержанно. Джексом не пытался выяснить, чем это объяснялось — добровольной отставкой Д'рама или недавней кражей яйца. Он больше не хотел об этом слышать. Его стесняло общество Менолли — он никак не мог отделаться от ощущения, что она знает, кто вернул яйцо. Еще больше Джексома тревожило ее молчание. Он чувствовал — арфистка нарочно держит его в напряжении. Ему не особенно хотелось оказаться за одним столом с Ф'лессаном и Миррим, которые могли заметить след от Нити. От общества Бенелека он никогда не приходил в восторг, а за главным столом, где ему было положено сидеть по рангу, он и подавно будет чувствовать себя не в своей тарелке. Наконец Менолли куда-то утащил Охаран, арфист Вейра, и скоро Джексом услышал их пение. Будь музыка новой, он охотно присоединился бы к ним — просто чтобы не оставаться в одиночестве. Но лорды стали наперебой заказывать свои любимые песни, к ним присоединились счастливые родители мальчиков, которым сегодня удалось совершить Запечатление...

Рут' тем временем наслаждался, воспринимая восторженные мысли новорожденных дракончиков. Правда, для полного счастья ему не хватало общества огненных ящеров.

«Им не нравится, что их держат взаперти у Брекки, — пожаловался Рут' своему всаднику. — Почему их не выпускают? Рамот'а наелась и теперь спит. Она ничего не узнает».

— Напрасно ты в этом так уверен, — сказал Джексом, глядя на Мнемент'а, который свернулся на карнизе королевского вейра. Его чуть прищуренные глаза яркими точками мерцали на дальней стороне погружавшейся во мрак чаши Вейра.

В результате они с Рут'ом покинули пир — но не раньше и не позже, чем того требовали правила учтивости. Когда они стали заходить на посадку над Руатом, Джексома охватили тревожные мысли о Лайтоле. Как, должно быть, расстроится его опекун, когда Фанна умрет, а ее королева навсегда уйдет в Промежуток... И почему именно он должен сообщить Лайтолу об отречении Д'рама! Джексом знал, какое уважение питает Лайтол к предводителю Древних. Интересно, что скажет его опекун о предстоящем открытом полете?

Но Лайтол только хмыкнул, коротко кивнул и спросил Джексома, говорилось ли что-нибудь о похищении яйца. Выслушав рассказ юноши о недовольных речах лорда Бегамона, Лайтол снова хмыкнул, на этот раз сердито и презрительно. Потом поинтересовался, нет ли где-нибудь яиц фэйров — еще два мелких холдера одолевают его просьбами. Джексом пообещал спросить утром у Н'тона.

* * *

— Удивительно, что кто-то еще хочет держать фэйров — ведь они впали в такую немилость, — заметил предводитель Форт-Вейра, когда на следующий день Джексом обратился к нему с просьбой. — Впрочем, может быть, именно потому на них сейчас такой спрос. Каждый уверен, что больше никто не захочет их взять — значит, самое время заполучить яйцо-другое. Но у меня нет ни одного, — молодой предводитель покачал головой и пристально взглянул на Джексома. — Слушай, мне нужно с тобой поговорить. Завтра на севере ожидается Падение Нитей, туда полетят всадники Форт-Вейра и Плоскогорья. Если бы опасность угрожала Руату, я попросил бы тебя присоединиться к крылу учеников. Но в данном случае в твоём участии нет необходимости — понимаешь?

Джексом кивнул, но не удержался и спросил: значит, в следующий раз, когда Нити начнут падать над Руатом, они с Рут'ом смогут принять участие в сражении?

— Мы с Лайтолом обсуждали этот вопрос, — усмехнулся

Н'тон; в глазах его заплясали веселые огоньки. — Лайтол полагает, что если ты будешь летать так высоко над землей, что ни один подданный не догадается, что сам властитель рискует ради него своей жизнью, то до Бендена никаких слухов не дойдет.

— Я куда больше рискую жизнью на земле, бегая с командой огнеметчиков.

— Вполне возможно... И тем не менее мы ведь не хотим, чтобы кто-нибудь сболтнул лишнее Лессе или Ф'лару? К'небел тебя хвалит. Рут' обладает всеми качествами, о которых ты мне говорил: он быстр, хитер и необычайно ловок в полете, — Н'тон усмехнулся еще шире. — Между нами, К'небел сказал, что малыш может развернуться на кончике хвоста. Теперь его заботит, как бы другие всадники не решили, что их драконам это тоже по силам и не устроили в воздухе настоящую свалку.

На следующее утро, когда Вейр вылетел отражать атаку Нитей, Джексом с Рут'ом занялись охотой, потом слетали на озеро, чтобы Рут' мог как следует отмыться и поплавать. Пока фэйры чистили шейный гребень дракона, Джексом осторожно тер шрам на его ноге. Вдруг Рут' жалобно вскрикнул. Джексом виновато оглянулся и заметил, что фэйры, все как один, бросили работу. Вытянув шеи, они прислушивались к чему-то недоступному для ушей Джексома.

— Что происходит, Рут'?

«Женщина умирает».

— Возвращаемся в холд! Скорее!

В полете Джексом совсем околел — из-за холода Промежутка сырая одежда леденила тело. Громко стуча зубами, он отыскал взглядом сторожевого дракона и не поверил своим глазам — вместо того чтобы предаваться скорби, зверь безмятежно полеживал на солнышке!

«Сейчас она еще жива», — пояснил Рут'.

Юноша не сразу понял, что Рут' по собственной инициативе перенес его в Руат чуть раньше, чем фэйры подняли тревогу на озере.

— Рут', ведь мы же обещали, что не будем летать через время!

Джексом понимал, что сегодня совсем особые обстоятельства, и все же не собирался ни под каким предлогом нарушать данное слово.

«Это ты обещал, а не я. Для Лайтола будет лучше, если ты появишься вовремя».

Рут' высадил Джексома во дворе, и юный лорд помчался по ступеням в главный зал. Пробегая через столовую, он испугал служанку, подметавшую пол, спросив ее, где сейчас лорд Лайтол.

Женщина выдавила, что он, должно быть, у господина Бранда. Джексом знал, что Бранд держит у себя вино, но на всякий случай забежал на кухню, схватил в одну руку бурдюк, в другую — две кружки и, прыгая через ступеньки, поспешил дальше. Толкнув плечом тяжелую внутреннюю дверь, он локтем нажал на ручку; затем, не теряя времени, устремился по коридору к покоям Бранда.

Как раз в тот момент, когда он распахнул дверь в его комнатушку, синий фэйр дворецкого, прислушиваясь, вытянул шею — в точности как ящерицы на озере.

— Что случилось, лорд Джексом? — воскликнул Бранд, поднимаясь с места. На лице Лайтола ясно читалось неодобрение, он уже собирался сделать своему питомцу выговор за неучтивое поведение. Джексом молча указал на огненную ящерицу.

Она внезапно присела на лапки, расправила крылья и издала высокий пронзительный визг, заменявший фэйрам плач. Краска схлынула с лица Лайтола: он услышал более низкие, но столь же пронзительные вопли Рут'а и сторожевого дракона — причитания по ушедшей королеве.

Джексом плеснул вина в кружку и сунул Лайтолу в руку.

— Я, конечно, знаю, что боль этим не уймешь, — грубовато проговорил он, — но тебе сейчас лучше как следует напиться, чтобы ничего не слышать и не помнить.

Глава 9

Начало лета.

Мастерская арфистов.

Холд Руат.

Пятнадцатый Оборот.

Третий день седьмого месяца

Первую весть Робинтон получил от Заира — фэйр, мирно дремавший на залитом солнцем подоконнике, внезапно проснулся и, взлетев арфисту на плечо, крепко обвил хвостом его шею. У Робинтона не хватило духа согнать своего любимца, и он попытался слегка ослабить давление, чтобы совсем не задохнуться. Заир, курлыкая, стал тереться головой о щеку арфиста.

— Ну, что такое, малыш?

В тот же миг сторожевой дракон поднялся на задние лапы и затрубил. Над мастерской арфистов вынырнул из воздуха бронзовый дракон и с громовым ревом начал спуск.

Раздался стук в дверь — и почти сразу же она распахнулась. Что за неучтивость! Мастер-арфист повернулся, чтобы сделать вошедшему выговор, и увидел на пороге Менолли. На плече у девушки, крепко вцепившись коготками, сидела Красотка, а над головой бешено кружились Крепыш, Нырок и Крикун.

— Это же Ф'лар с Мнемент'ом! — крикнула она.

— Я и сам вижу, моя дорогая... К чему такая паника?

— Паника? Никакой паники. Просто я волнуюсь. Ведь это первый визит из Бендена с тех пор, как украли яйцо.

— В таком случае будь умницей и взгляни, не осталось ли у Сильвины чего-нибудь сладкого, чтобы подать вместе с кла. Для вина еще рановато, — с явным сожалением вздохнул Робинтон.

— По бенденскому времени — в самый раз, — выходя из комнаты, заметила Менолли.

Робинтон снова вздохнул и тоскливо посмотрел на открытую дверь. Менолли не дает покоя охлаждение между Бенден-Вейром и цехом арфистов. Да и он сам не слепой... Но сейчас мастеру-арфисту не хотелось об этом думать. В том, как Мнемент' ответил на рев сторожевого дракона, не было и тени тревоги. Что же привело Ф'лара к нему в мастерскую? И — что еще важнее — знает ли о его визите Лесса? А если знает, то одобряет ли?

Наверное, Мнемент' уже приземлился. Теперь Ф'лар должен пройти через луг. Эти последние минуты ожидания стоили Робинтону больше нервов, чем четырехнедельная размолвка между его цехом и Вейром.

Он встал и подошел к окну как раз в тот миг, когда Ф'лар вошел во внутренний дворик мастерской. Предводитель Бендена шагал широко, размашисто — как всегда, подумал арфист; вряд ли Ф'лара привело сюда что-то срочное. Что же тогда ему надо?

Ф'лар остановился, заговорил с учеником, седлавшим скакуна. На крышу стали слетаться файры; он поднял голову и посмотрел на них. Робинтон задумался — не отослать ли Заира, пока вождь Бендена гостит здесь. Сейчас вовсе ни к чему его раздражать.

Ф'лар перешагнул порог. Через открытое окно Робинтон услышал его голос и чей-то негромкий ответ. Сильвина? Нет, скорее всего это Менолли подстерегла бенденца, решил он. С лестницы до Робинтона донеслись голоса его помощницы и Ф'лара. Они звучали совершенно безмятежно. Умница девочка — ловко у нее получается!

— Робинтон, Менолли как раз говорила мне, что ее файры называют Мнемент'а «громадиной», — входя в комнату, произнес Ф'лар с непринужденной улыбкой.

— Учти, Ф'лар, они скупы на похвалу, — ответил Робинтон, принимая из рук Менолли поднос. Девушка вышла и закрыла за собой дверь.

«Ничего, — подумал Робинтон, — от нее все равно ничего не скроешь: Заир тут же доложит о нашем разговоре Красотке, а Красотка — ей».

— Надеюсь, в Бендене ничего не случилось? — спросил он всадника, вручая ему кружку кла.

— Нет, ничего...

Робинтон ждал.

— Правда, есть одна загадка. Вот я и подумал, что ты, быть может, сумеешь ее разгадать.

— Попробую, — сказал арфист, жестом приглашая гостя сесть.

— Мы не можем найти Д'рама.

— Д'рама? — от неожиданности Робинтон чуть не рассмеялся. — Почему же вы не можете его найти?

— Он жив, и это единственное, что мы о нем знаем. А вот где он — нам неизвестно.

— Разве Рамот'а не может связаться с Тирот'ом?

Ф'лар покачал головой.

— Наверное, я неправильно выразился. Нам неизвестно, в каком он времени.

— Значит, Д'рам ушел в другое время?

— Иного объяснения у нас нет. Но в свое время он вряд ли сумел вернуться. Мы не думаем, чтобы у Тирот'а хватило на это сил. Ты же знаешь, как изнуряют полеты во времени и всадников, и драконов. И тем не менее Д'рам исчез.

— Не такая уж это неожиданность, — медленно проговорил Робинтон, поспешно перебирая в уме возможные варианты.

— Не спорю.

— А не мог он податься в Южный Вейр?

— Нет. Будь он там, Рамот'а без труда нашла бы его. А Г'денед обыскал во времени всю Исту, до самого первого Падения — он думал, что Д'рам захотел остаться там, где живут его воспоминания... Мы слышали, что лорд Варбрет предложил Д'раму любую пещеру на юге Исты, на выбор. Говорят, он согласился.

Ф'лар недоумевающе пожал плечами, а Робинтон заметил:

— Слишком охотно он дал согласие.

Вождь Бендена встал и принялся беспокойно мерить шагами комнату.

— Ну и как ты думаешь, куда он мог подеваться? Ты ведь с ним дружен. Ничего не припоминаешь?

— В последнее время он больше молчал — только сидел рядом

с Фанной и держал ее за руку, — Робинтон проглотил подступивший к горлу комок. Арфист давно уже смирился с брэнностью человеческой, но сейчас, вспомнив, как предан был Д'рам своей супруге, как молчаливо скорбел о ее уходе, он почувствовал, что на глаза навернулись слезы. — Я передал ему приглашения от Грожа и Сангела. Вообще говоря, мне кажется, что он мог отправиться в любое место на Перне — ему везде оказали бы радушный прием. Только он, очевидно, предпочитает общество своих воспоминаний... Скажи, есть ли у вас какие-то особые причины его разыскивать?

— Никаких, кроме беспокойства о нем.

— Ф'лар, мастер Олдайв заверил меня, что он в здравом уме и твердой памяти, — если ты об этом.

Предводитель поморщился и нетерпеливо откинул назад прядь волос, которая всегда падала ему на глаза, когда он волновался.

— Честно говоря, Робинтон, все это затеяла Лесса. Рамот'а не может понять, где Тирот'. Вот Лесса и вбила себе в голову, что Д'рам нарочно забрался так далеко в прошлое, чтобы не расстраивать нас своим самоубийством. Похоже на него!

— Но это — его право, — мягко сказал Робинтон.

— Знаю, знаю! Никто и не стал бы его винить, просто Лесса места себе не находит. Пусть Д'рам удалился от дел, но его опыт, его мнение для нас по-прежнему важны. И сейчас — больше, чем когда-либо. Если говорить прямо, он нам нужен... Нужен здесь.

У Робинтона мелькнула мысль, что Д'рам, быть может, знал это и намеренно скрылся вместе с Тирот'ом туда, где его не так-то просто отыскать. Но Д'рам явится по первому зову, чтобы выступить на защиту Перна и Племени Дракона.

— Может быть, Ф'лар, ему нужно время, чтобы оправиться от потери?

— Ты сам знаешь, он совсем сдал, пока ухаживал за Фанной. Он тоже может заболеть — и кто тогда ему поможет? Мы очень обеспокоены.

— Я боюсь об этом даже заикнуться, но не пробовала ли Брекка спросить огненных ящериц? И своих, и из Иста-Вейра?

Озабоченно сжатые губы Ф'лара искривились в усмешке.

— Как же, она на этом настояла. Никакого результата! Файрам, как и драконам, необходим ориентир, чтобы перемещаться во времени.

— Я вовсе не имел в виду, что их нужно к нему посылать. Я полагаю, нужно только попросить их вспомнить одинокого бронзового дракона.

— Просить этих тварей вспомнить? — Ф'лар недоверчиво рассмеялся.

— Да, Ф'лар. У них отличная память, нужно лишь ее подтолкнуть. Откуда, например, файры узнали, что Алая Звезда...

Его перебил протестующий вопль Заира. Файр так стремительно взвился с плеча арфиста, что оцарапал ему шею.

— Снова я упомянул о ней в его присутствии! — виновато проговорил Робинтон, потирая царапину. — Вот что я думаю, Ф'лар: все огненные ящеры знали, что Алая Звезда опасна и недосыгаема еще до того, как Ф'нор с Кант'ом попытались до нее добраться. Если ты сумеешь чего-нибудь добиться от файра, напомнив ему про Алую Звезду, то он скажет: мы знаем, что ее надо бояться. Откуда это знание? От их предков, которые жили в те времена, когда наши предки впервые попытались ее достичь?

Ф'лар наградил арфиста долгим испытующим взглядом.

— И это не единственное их воспоминание, оказавшееся достоверным, — продолжал Робинтон. — Мастер Андемон полагает, что ящерки способны помнить необычайные события, которые хотя бы одна из них наблюдала или переживала. Врожденная память играет немаловажную роль в существовании каждого животного — почему же память файров должна быть исключением?

— Не уверен, что понял, как ты собираешься допрашивать их... Каким образом извлечь из памяти файров сведения, которые помогли бы нам разыскать Д'рама, где бы он ни скрывался?

— Все очень просто. Нужно попросить, чтобы они вспомнили, видел ли кто-нибудь одинокого бронзового дракона. Это достаточно необычное зрелище, чтобы они его заметили и... запомнили.

Ф'лар явно сомневался в успехе этого дикого мероприятия.

— Думаю, должно получиться, если мы попросим о посредничестве Рут'а.

— Рут'а?

— Когда все файры смертельно боялись драконов, Рут'а они, наоборот, просто преследовали. Джексом говорил мне, что они обожают болтать с ним. Должен же хоть один из них вспомнить то, что мы хотим узнать!

— Я готов проститься с неприязнью к этим паршивцам, если они помогут развеять опасения Лессы.

— Надеюсь, ты не забудешь о своем обещании, — проговорил Робинтон и улыбнулся, чтобы смягчить свои слова.

— Ты поедешь со мной в Руат?

Арфист сразу же вспомнил про шрам на лице Джексома — вряд ли он зажил так быстро. К тому же он никак не мог припом-

нить, сообщил ли Н'тон Ф'лару, что Джексом летает вместе с учебным крылом Форта.

— Может быть, сначала узнаем, в Руате ли сейчас Джексом?

— А где же ему еще быть? — нахмурившись, спросил Ф'лар.

— Он часто разъезжает по холду, знакомится со своими обязанностями или отправляется на занятия к Фандарелу.

— Минуточку... — Ф'лар отвернулся к окну, взгляд его стал рассеянным. — Нет, Мнемент' говорит, что Рут' в холде. Как видишь, у меня есть свой вестник, — усмехнулся он.

Робинтон надеялся, что Рут' сообразит предупредить Джексома об их прилете. Он хотел бы отправить в Руат своего Заира, чтобы предупредить хозяев, но не мог найти подходящего предлога.

— Да, твой вестник куда надежнее моего... и действует быстрее, чем проволочная связь Фандарела, — пошутил арфист, натягивая толстый меховой плащ, который всегда надевал, собираясь в полет. — Кстати, о Фандареле — ты знаешь, что он дотянул свою линию до рудников Крома?

Жестом пригласив Ф'лара следовать за ним, Робинтон направился к двери.

— Да, знаю. И это еще одна причина разыскать Д'рама.

— Вот как?

В ответ на учтивый вопрос арфиста Ф'лар рассмеялся так искренне и заразительно, что Робинтон поверил — этот визит возродит их былую дружбу.

— Разве Никат не езжал к тебе, Робинтон? По пути на рудники Южного?

— Уж не те ли, где Торик пробавляется металлом?

— Я так и думал, что ты знаешь.

— Да, я знаю, что Никата тревожит состояние подземных запасов. Руды истощаются. Но еще больше это тревожит Фандарела — ему нужен металл куда лучшего качества.

— Как только мы допустим на Южный ремесленников, на нас начнут наседать правители холдов... — Ф'лар невольно понизил голос, хотя во дворе никого не было.

— Южный континент настолько велик, что на нем может уместиться не один Северный Перн. Пойми, Ф'лар, ведь мы еще только ступили на его окраину. Клянусь Первой Скорлупой! — Робинтон хлопнул себя по лбу. — Не зря мы заговорили о файрах и ассоциативной памяти! Вот оно — теперь мне понятно, куда отправился Д'рам!

— Куда же?

— По крайней мере мне кажется, что он мог туда отправиться...

— Говори же! Ну?

— Остается еще вопрос, в какое время... И по-прежнему Рут' — наш единственный ключ.

На лугу, на расстоянии в несколько длин дракона, их ожидал Мнемент'. Заир, тревожно вереща, кружил над головой Робинтона, предпочитая держаться от бронзового на почтительном расстоянии. Несмотря на все ухищрения арфиста, фэйр ни за что не соглашался сесть к нему на плечо.

— Я собираюсь в Руат — к белому дракону, к Рут'у. Тогда ступай прямо туда, глупая голова, если не хочешь прокатиться у меня на плече.

— Мнемент' ничего не имеет против Заира, — сказал Ф'лар.

— Боюсь, дело тут не только и не столько в Мнемент'е, — ответил Робинтон.

Бронзовый всадник гневно сверкнул глазами:

— Ни один дракон даже не думал жечь фэйров!

— Конечно же, нет, предводитель, во всяком случае, здесь. Однако все они помнят, что это случилось. А фэйры передают только то, что видели сами — или видел хотя бы один из них.

— Тогда вперед, в Руат! Может быть, хоть один из них видел Д'рама...

«Похоже, огненные ящерицы все еще остаются щекотливым моментом в наших отношениях», — печально подумал Робинтон, взбираясь на плечо бронзового, чтобы занять место позади Ф'лара.

* * *

Джексом с Лайтолом стояли на ступенях холда, когда Мнемент' протрубил в небесах и стал кругами спускаться в огромный двор.

Пока гости и хозяева обменивались приветствиями, Робинтон придирчиво рассматривал лицо Джексома, пытаясь обнаружить след укуса Нити, но, к своему удивлению, ничего не увидел. Может быть, шрам на другой щеке? Что ж, будем надеяться, что у Рут'а тоже все зажило. К счастью, Ф'лар так поглощен беспокойством о судьбе Д'рама, что ему и в голову не приходит разглядывать Джексома с Рут'ом.

— Рут' мне сказал, что им интересовался Мнемент', — обращаясь к Ф'лару, произнес юный лорд. — Надеюсь, ничего плохого не случилось?

— Рут' должен помочь нам разыскать Д'рама.

— Разыскать Д'рама?.. Разве он... — Джексом замолчал и тревожно оглянулся на Лайтола, который хмуро покачивал головой.

— Нет, он жив... но скрывается. А в каком времени — мы не

знаем, — ответил Робинтон. — Вот я и подумал: если Рут' спросит огненных ящериц, может быть, удастся его найти.

Джексом не сводил глаз с арфиста, а тот никак не мог понять, почему у юноши такой ошеломленный и, как ни странно, испуганный вид. От Робинтона не укрылся ни молниеносный взгляд, который Джексом бросил на Ф'лара, ни то, как он судорожно сглотнул.

— Я запомнил твои рассказы о том, что файры часто болтают с Рут'ом о всякой всячине, — неспешно продолжал Робинтон, чтобы дать Джексому время прийти в себя. Непонятно, что так взбодоражило мальчугана... — Думаю, файры подскажут, где находится Д'рам... но вот в каком времени... Это трудно бывает понять.

— Во всяком случае, стоит попытаться...

— Что-то я не совсем понимаю, — вмешался Лайтол, переводя взгляд с арфиста на своего питомца. — О чем идет речь?

Он провел гостей в малый зал холда. На столе уже стоял кувшин с благоухающим вином, окруженный тарелками с хлебом, сыром и фруктами.

— Хорошо, — покосившись на вино, сказал Робинтон, — сейчас я все объясню...

— Боюсь, что от долгого рассказа у тебя может пересохнуть в горле, — сказал Джексом, направляясь к столу, чтобы разлить вино. — Это бенденское, мастер Робинтон. Самое лучшее — для особо почетных гостей.

— А мальчик-то растет, Лайтол, — сказал Ф'лар. Он поднял кружку, бросив одобрительный взгляд на управляющего Руата.

— Мальчик уже вырос, — буркнул Лайтол. — Так что вы там затеяли с файрами?

Из воздуха вынырнул Заир. Громко пискнув, он опустился арфисту на плечо и крепко обвил хвост вокруг его шеи. Потом озабоченно зачирикал, желая удостовериться в том, что поездка на «Громадине» не принесла Робинтону никакого вреда.

Арфисту пришлось извиниться и на некоторое время отвлечься от собеседников. Успокоив файра, он принялся излагать Лайтолу свою гипотезу о том, что огненные ящерицы обладают весьма обширной наследственной памятью, чем, между прочим, можно объяснить их страх... он кашлянул и многозначительно показал рукой на восточный небосклон, чтобы избежать очередной истерики бронзового. Файры способны принимать и передавать сильные эмоции; свидетельство тому — их реакция на призыв Брекки к Кант'у в ту роковую ночь. Они пришли в ужас, когда было похищено яйцо Рамот'ы, и пребывали в панике до тех пор, пока Запечатление не прошло благополучно. Кажется, они

помнят, что видели яйцо рядом с непонятным черным пятном... и еще помнят, как их сжигали драконы. Джексом много раз говорил ему, что файры пичкают Рут'а самыми невероятными историями, которые они, по их утверждению, помнят. И если эта их любопытная способность — не просто фантастические видения, посещающие глупые маленькие головенки (тут арфисту снова пришлось унимать возмущенного Заира), то сейчас самое время это доказать, прибегнув к помощи Рут'а. Вероятнее всего, Д'рам на свой страх и риск удалился в такое время, где мысленный зов Рамот'ы не может достичь его дракона. Поэтому Рамот'а с Лессой очень расстроены — госпожа Вейра опасается, что с Д'рамом может что-то случиться. И пусть он больше не предводитель Истры, Перну он по-прежнему нужен, а потому не хотелось бы потерять с ним связь навсегда.

— Так вот, — откашлявшись, продолжал Робинтон, — не так давно произошел один случай... — он вопросительно взглянул на Ф'лара, тот кивнул в знак согласия, — ...случай, когда я неожиданно попал на Южный. Мы с Менолли сбились с курса, и нас отнесло далеко на восток. Там нам довелось побывать в прелестной бухте — вокруг белый песок, деревья, увешанные красными плодами; заличик так и кишит желтохвостками и морскими звездами. Солнце ласково пригревает, а вода в ближайшем ручейке ароматная, как бенденское хорошей выдержки.

Он рассеянно заглянул в кружку, и Джексом, рассмеявшись, подлил ему еще.

— Сейчас уже не помню, как и когда, но только я рассказал Д'раму про этот уголок. Я совершенно уверен, что описал его достаточно подробно, чтобы такой опытный дракон, как Тирот', смог без труда найти дорогу.

— Д'рам не стал бы делать ничего такого, что осложнило бы обстановку здесь, — задумчиво проговорил Лайтол. — Он наверняка выбрал время, когда Древних на Южном еще не было. А прыжок на десять-двенадцать Оборотов назад — вполне сильное дело для его Тирот'а.

— Я предвижу одно обстоятельство, Робинтон, — заметил Ф'лар, — которое может осложнить нашу задачу. Даже если файры могут помнить важные события, случившиеся с их предками, — в его голосе звучало явное недоверие, — то вряд ли какая-нибудь из здешних ящериц сумеет припомнить то, что нам нужно, — ведь у нее не было предков из Южного. Вот он, например, — предводитель указал на Заира, — из той кладки, которую Менолли доставила из холда, что на Полукруглом море, если не ошибаюсь?

— Но к Рут'у файры слетаются отовсюду, — возразил Робинтон, взглядом ища поддержки у юного лорда.

— Ф'лар попал в точку, — признал Джексом.

— Но ты не можешь слетать в ту бухточку, а, Джексом? Я ничуть не сомневаюсь, что роковая страсть, которую твой Рут' внушает файрам, проявится и там.

— Ты хочешь отправить меня на Южный?

Робинтон отметил недоверчивый тон юноши и жгучий интерес, вспыхнувший в его глазах. Так... Значит, мальчик обнаружил, что летать на огнедышащем драконе — это еще не все в жизни...

— Я не хотел бы никого отправлять на Южный, — ответил Ф'лар, — поскольку это означает нарушение нашего уговора... Но я не вижу иного способа разыскать Д'рама.

— От бухты до Южного Вейра — долгий путь, — мягко заметил Робинтон, — а всем нам хорошо известно, что Древние не отваживаются от него далеко удаляться.

— Однако совсем недавно они отважились удалиться от него на весьма значительное расстояние, не так ли? — запальчиво бросил Ф'лар, и его янтарные глаза сверкнули гневом.

Робинтон печально подумал, что трещина, пробежавшая между цехом арфистов и Бенден-Вейром, еще только начинает затягиваться. Едва-едва.

— Лорд Лайтол, — продолжал Ф'лар, — я допустил оплошность. Сначала я обязан был спросить твоего разрешения. Можем ли мы послать Джексома на поиски Д'рама?

Лайтол покачал головой.

— Решение всецело зависит от самого лорда Джексома.

Робинтон видел, как Ф'лар, обдумывая полученный ответ, смерил Джексома долгим испытующим взглядом.

— Твое слово, лорд Джексом? — улыбнулся предводитель.

Арфист отметил непринужденное достоинство, с которым юноша чуть наклонил голову.

— Сочту за честь быть полезным, предводитель, — ответил он.

— Нет ли у вас здесь карт Южного континента? — осведомился Ф'лар.

— Вообще-то есть, — сказал Джексом и поспешно пояснил: — Фандарел на занятиях пару раз учил нас составлять карты.

Правда, карты в Руате оказались недостаточно полными. Ф'лар сразу понял, что это копия тех набросков, которые сделал Ф'нор во время своей первой экспедиции на Южный. Тогда его брат отправился вместе с первой кладкой Рамот'ы на десять Оборотов в прошлое, чтобы молодые драконы успели подрасти к то-

му времени, когда вновь начнутся атаки Нитей. Помнится, этот замысел в основном удался.

— У меня есть более подробные карты побережья, — вскользь заметил Робинтон, усаживаясь, чтобы черкнуть пару слов Менолли. Он прикрепил записку к пряжке на Заировом ошейнике и послал бронзового в свою мастерскую, мысленно умоляя не забыть про поручение.

— И что же — он вернется с картами? — недоверчиво и слегка надменно спросил Ф'лар. — Брекка с Ф'нором все стараются меня убедить, что эти малявки способны приносить пользу.

— Думаю, что по столь важному поводу Менолли попросит сторожевого дракона подбросить ее сюда, — вздохнул Робинтон, сетуя на себя за недогадливость — а ведь, правда, нужно было намекнуть Менолли, чтобы она отправила карты с файрами. — Зачем терять такой случай?

— Ты освоил полеты во временном Промежутке? — неожиданно спросил Джексона предводитель Бендена.

Юноша вспыхнул. Робинтон встревожился, увидев, как на его покрасневшем лице проступила белая полоска шрама. К счастью, Джексом стоял, повернувшись к Ф'лару другой щекой.

— Как тебе сказать, мой господин...

— Полно, мальчик! Я не знаю ни одного молодого всадника, который не использовал бы этот фокус. Просто я хочу выяснить, насколько точно Рут' чувствует время. Ведь некоторые драконы вообще лишены такой способности.

— Рут' всегда знает, в каком он времени, — с гордостью ответил Джексом. — Я бы сказал, что по ощущению времени ему нет равных на всем Перне.

Ф'лар помолчал, обдумывая услышанное.

— А длинные скачки ты пробовал?

Джексом медленно кивнул, искоса поглядывая на лорда Лайтола, но лицо опекуна оставалось непроницаемым.

— И никаких отклонений? Слишком долгих задержек в Промежутке?

— Нет, мой господин. Особенно легко попасть в точку, если совершаешь прыжок ночью.

— Боюсь, что я не совсем тебя понял.

— Я имею в виду уравнения, которые дал нам Вансор. Помому, ты тоже был на том собрании в цехе кузнецов... — юноша замялся. Наконец Ф'лар понял ход его мыслей и сделал знак продолжать. — Если вычислить положение главных светил, можно очень точно рассчитать нужное время.

— Ну да, конечно же, ночь подходит лучше всего, — подтвер-

дил мастер-арфист, которому никогда не приходило в голову, что Вансоровы уравнения можно применить и таким образом.

— Я до этого не додумался, — задумчиво произнес Ф'лар.

— А ведь подобный случай уже был, — с улыбкой заметил Робинтон, — причем в твоём же собственном Вейре.

— Когда Лесса вела к нам Древних, и они руководствовались положением звезд, чтобы совершать более короткие прыжки? — Джексом не вспоминал об этом раньше и, судя по гримасе ужаса, мелькнувшей у него на лице, забыл и то, что упоминание о Древних не совсем уместно.

— Не можем же мы постоянно делать вид, что их не существует, правда? — сказал вождь Бендена — гораздо более терпимо, чем ожидал Робинтон. — Они есть, и с этим приходится считаться. Но вернемся к нашему делу. Долго нам еще ждать твоих ящериц, Робинтон?

В ответ снаружи послышался многоголосый гомон, так красноречиво возвещавший возвращение файров, что все поспешили к окну.

— Менолли сама додумалась, — шепнул Джексому арфист. — Они уже здесь, Ф'лар.

— Кто — Менолли со сторожевым драконом?

— Нет, мой господин, — с торжеством в голосе произнес Джексом. — Заир и четверо файров Менолли — королева и трое бронзовых. И все они несут карты!

В комнату впорхнул Заир, в его чириканье слышалась смесь раздражения, озабоченности и смущения. Следом за ним появилась четверка Менолли. Облетев комнату, Красотка, крошечная золотая королева, принялась яростно чирикать. Робинтон протянул руку, и Заир с готовностью сел на нее. Но Красотка кругами носилась по комнате и не подпускала к себе людей. Робинтон с Джексомом тщетно пытались заставить ящерок приземлиться. Ф'лар наблюдал за их возней с насмешливой улыбкой, Лайтол — без всякого выражения.

— Рут', может, хоть ты скажешь Красотке, чтобы она перестала безобразничать и села мне на руку? — воскликнул Джексом. Его тщетные старания задобрить маленькую королеву на глазах у Ф'лара начинали выглядеть просто смехотворно.

Красотка недовольно свистнула, но сразу же опустилась на стол. Пока Джексом снимал карты с ее спины, ящерка не переставала ожесточенно браниться. Не смолкла она и после того, как бронзовые робко приземлились, не решаясь сложить крылья, и позволили снять с себя груз. Освободившись от ноши, они тотчас вылетели в окно. Красотка в последний раз наградила всех

пронзительным воплем и, взмахнув хвостом, исчезла. Заир виновато пискнул и спрятал голову у Робинтона в волосах.

— Что ж, — сказал Робинтон, когда в комнате наконец воцарилась долгожданная тишина, — быстро они обернулись, правда?

Ф'лар расхохотался.

— Обернулись-то они быстро. А вот насчет получения посылок... Не хотел бы я так пререкаться по поводу каждой адресованной мне записки!

— Это все из-за того, что здесь не было Менолли, — объяснил Джексом. — Просто Красотка не знала, кому из нас можно доверять. Прости, мой господин, я не собирался никого обижать, — поспешно добавил юноша.

— Вот то, что нам нужно, — Робинтон развернул первую карту и склонился над столом. Он знаком попросил помочь ему сложить остальные части. Скоро карты были расстелены на каменной столешнице; загибавшиеся кверху края придавили кружками.

— Можно подумать, мастер Робинтон, — добродушно пошутил Лайтол, — что все бури сносили тебя к берегам Южного. Карты весьма подробны.

— Разве это моя заслуга? — нашелся арфист. — Рыбаки из Морского мне очень помогли — вот здесь, здесь и здесь, — он ткнул пальцем в западный край континента, где изрезанная береговая линия была вычерчена очень подробно. — Это работа Идаролана и других капитанов, которые передавали ему сведения, — он помолчал, взвешивая, не упомянуть ли, какую помощь в исследованиях Идаролана оказали многочисленные фэйры членов команды. — Торик и его холдеры, — продолжал он, решив до поры не возвращаться к этой теме, — имеют полное право открывать собственные земли. Они подробнейшим образом исследовали вот эту часть, — он обвел рукой выступ полуострова, на котором размещались Южный холд и Южный Вейр.

— А где рудники, из которых Торик черпает свои запасы?

— Вот, — палец Робинтона передвинулся к обозначенному на карте предгорью, которое располагалось в глубине материка, к западу от поселений.

Ф'лар внимательно изучал расположение рудника, потом провел пальцем от него до Вейра.

— А где же твоя бухта?

Робинтон показал. Расстояние от нее до Южного Вейра было примерно такое же, как от Бендена до Руата.

— Вот в этом районе. Здесь, на побережье, есть несколько небольших заливчиков. Не могу точно сказать, какой из них мой, но расположен он где-то тут.

Ф'лар проворчал, что воспоминания арфиста носят слишком общий характер — откуда же дракону взять характерный ориентир для полета в Промежуток?

— Точно по центру бухты высится древний вулкан — совершенно симметричный конус, — Робинтон обозначил жестом форму горы. — Заир был там вместе со мной, он может передать Рут'у ее образ.

Слегка повернув голову, арфист исподтишка подмигнул Джексому.

— Сможет ли Рут' воспринять ориентир от ящерицы? — хмурясь, спросил юношу Ф'лар. — Источник не очень-то надежный.

— Большого ему не надо, — ответил Джексом, и Робинтон увидел, как весело блеснули глаза молодого лорда. Интересно, куда уже путешествовал белый дракон, используя подсказку файров? Может быть, Менолли знает...

— Это вообще что? — недовольно осведомился Ф'лар. — Заговор с целью восстановить доброе имя файров?

— Мне казалось, что мы разрабатываем план, как разыскать Д'рама, — с мягким упреком в голосе ответил Робинтон.

Ф'лар хмыкнул и склонился над картой.

«И вся тяжесть нашего решения ляжет на плечи Рут'а, — подумал Робинтон. — А конечный результат будет зависеть от того, понравится ли белый дракон файрам Южного. Ведь Джексом уже дал согласие на прыжок в прошлое. Ф'лару осталось только убедиться в том, что юноше по силам найти верное место».

Они снова принялись обсуждать особенности памяти огненных ящериц. Ф'лар не желал и слышать, что в отличие от драконов, на которых они были очень похожи, маленькие непоседы умеют помнить и вспоминать. Кто может поручиться, что их рассказы — не полная выдумка, не сны наяву? На это Робинтон отвечал, что воображение опирается на память; нет памяти — нет и воображения.

День заканчивался; вскоре в холл вернулись воспитанники, которые вместе с Брандом объезжали поля. Ф'лар заметил, что пробыл в Руате гораздо дольше, чем намеревался. Он предупредил Джексома, чтобы тот вел себя поосторожнее, путешествуя во времени, — Робинтон подозревал, что к этому совету Ф'лару не мешало бы прислушаться самому, — и не смел рисковать собой и своим драконом. Если не удастся обнаружить бухту — пусть не мешкает и сразу же возвращается назад. В случае успеха юноше надлежало отметить нужное место и сообщить в Бенден его координаты. Ф'лар не хотел докучать Д'раму, и если юноше удастся остаться незамеченным — тем лучше.

— Думаю, Джексом сумеет тактично выполнить твоё поручение, — сказал Робинтон, искоса наблюдая за юношей, — можешь на него положиться. Однажды он уже доказал свою осмотрительность.

«Странно, почему мальчуган так реагирует на обычную похвалу?» — подумал арфист и принялся возиться с картами, чтобы отвлечь внимание Ф'лара от смутившегося молодого всадника.

Робинтон велел Джексому как следует выспаться, утром поплотнее поесть, после чего прибыть к нему в мастерскую за дальнейшими указаниями. Распрощавшись с хозяевами, они с Ф'ларом направились обратно в Форт. Когда предводитель Бендена доставил арфиста в его цех, Робинтон решил ограничиться обычными словами благодарности. Хватит того, что нужды Перна снова привели Бенден в цех арфистов. Всему свое время...

Пока Робинтон следил, как Ф'лар с Мнемент'ом, миновав скалу над холдом, исчезли из вида, откуда ни возьмись вынырнула Красотка и набросилась на Заира, который привычно устроился у арфиста на плече. Заир никак не отвечал на ее выпады, и Робинтон довольно усмехнулся. Видно, Менолли заждались отчета о последних событиях. Она, конечно, не столь бесцеремонна, чтобы приставать к нему с вопросами, но это не помешало ее Красотке отыгаться на бронзовом. Умница Менолли, просто золото, а не девушка! Робинтон надеялся, что она не откажется прогуляться в обществе юного Джексона. Он не стал говорить об этом при Лайтоле, поскольку Ф'лар с самого начала требовал держать все экспедиции на Южный в полной тайне. Один Заир вряд ли поможет Джексому найти нужную бухту... но вместе с Менолли, которая сопровождала Робинтона в том бурном плаваньи, и ее фэйрами в качестве подкрепления у мальчугана не будет никаких проблем. Однако чем меньше народу будет знать об этом, тем лучше.

Наутро, когда Робинтон сообщил Джексому о дополнительных средствах для достижения успеха, юноша был явно удивлен и обрадован.

— Только учти, юный Джексом, не стоит никому говорить, что мы с Менолли уже вели разведку на Южном. Ведь мы, в сущности, не планировали забираться так далеко...

Менолли фыркнула:

— Я ведь говорила тебе, что надвигается шторм!

— Премного благодарен. С тех самых пор я очень ценю твои прогнозы погоды — ты наверняка и сама заметила.

Его лицо перекошилось, когда он вспомнил трехдневные стра-

дания, вызванные морской болезнью, и отчаянные усилия Менолли, цеплявшейся за румпель их легкого суденышка.

Не обременяя молодых людей лишними советами, Робинтон заставил их взять с собой запас еды и сказал, что надеется вскоре получить от них благоприятные вести.

— О чем? — спросила Менолли; в глазах девушки прыгали смешинки. — О местонахождении Д'рама или о поведении огненных ящеров?

— И о том, и о другом, дерзкая ты девчонка! Убирайся с глаз долой!

Робинтон решил не расспрашивать Джексома, почему он так странно реагировал на упоминания о перемещениях во времени и осмотрительности. Когда он сообщил Менолли, что намеревается послать ее вместе с файрами сопровождать Джексома, она тоже повела себя как-то странно. Мастер мимоходом поинтересовался, что ее так развеселило, но девушка только мотала головой, борясь с приступами смеха. Робинтон не мог понять, что с ними обоими происходит. Теперь, наблюдая, как Рут' кругами уходит в небо, он снова задумался об их взаимоотношениях. Добродушное подкусывание, явная борьба «кто кого», но, казалось бы, ничего такого, что выходит за рамки старой дружбы. «Нет, — поспешил он успокоить себя — Менолли никогда не станет для Джексома примерной супругой, госпожой холда, даже если между ними что-то есть. И дело здесь даже не в том...» — арфист выбил себя за нескромное любопытство и погрузился в скучнейшие вопросы управления цехом, которые он умудрялся очень долго откладывать.

Глава 10

От цеха арфистов до Южного материка.

Вечер в Бенден-Вейре.

Пятнадцатый Оборот.

Четвертый день седьмого месяца

Рут' взлетел над лугом — и Джексом с облегчением почувствовал, как волнение покидает его. Постепенно оно сменилось привычной настороженностью, предшествующей долгому прыжку через Промежуток. Красотка и Нырок смирно сидели на плечах у Менолли, обвив хвостами ее шею. Самому Джексому пришлось сыграть роль насеста для Крепыша и Крикуна — именно эта четверка сопровождала Робинтона с Менолли в их путешествии на

Южный. Джексома так и подмывало спросить, чем они занимались во время плавания. За этой морской прогулкой что-то крылось, и не зря в ней участвовала Менолли; она выросла в Морском холде и отлично разбиралась в мореплавании. Однако насмешливый огонек в глазах девушки удержал его от лишних расспросов. Слово за слово, и эта хитрая девчонка подберется к его тайнам, даже не обмолвившись про свои. Интересно, поделилась ли она с мастером-арфистом своими подозрениями насчет роли Джексома в этой истории с яйцом? Он не сомневался, что у Менолли имеются кое-какие догадки.

Первый прыжок через Промежуток перенес их на южную окоченность Нерата. Они кружили над морем, пока Менолли и ее файры старательно представляли себе бухту, лежавшую далеко на юго-востоке. Джексом хотел попасть туда во время вчерашней ночи — накануне он затратил немало сил, чтобы рассчитать положение звезд в южном полушарии. На этом настояли Менолли с Робинтоном; они опасались, что Рут' не получит от файров достаточно четких координат.

Джексом был даже слегка разочарован, когда Рут' заявил, что совершенно ясно видит место, куда они хотят попасть. «У Менолли получают очень четкие образы», — одобрительно заметил он. Теперь Джексому ничего не оставалось, как только попросить дракона перенестись в далекую южную бухту.

— Совсем по-другому дышится! — таким было его первое впечатление. Воздух здесь казался мягче, чище, суше. Рут' скользил над водой, спускаясь к небольшому заливику, и Джексом ощущал его радость: дракон предвкушал морское купание. На солнце сверкала путеводная горная вершина — далекая, суровая, странно симметричная.

— Я уже начала забывать, как здесь красиво, — со вздохом шепнула ему на ухо Менолли.

Вода казалась такой прозрачной, что можно было отчетливо разглядеть песчаное дно бухты, хотя Джексом не сомневался, что здесь достаточно глубоко. В искрящейся синеве призраками скользили желтохвостки; иногда вспыхивали молниеносным зигзагом морские звезды. Прямо перед путешественниками открылся правильный полукруг белоснежного песчаного пляжа, за ним шла тенистая полоса растительности; деревья пестрели красными и желтыми плодами. Пока Рут' спускался, Джексом успел разглядеть, что густой лес тянется до невысокой холмистой гряды, над которой царит величавая горная вершина. По обеим сторонам бухты виднелись похожие заливики — может быть, не такой правильной формы, но не менее мирные и уединенные.

Погасив скорость, Рут' приземлился на песке и поторопил своих всадников — ему не терпелось искупаться.

— Ну, давай! — сказал Джексом, нежно потрепав дракона по шее, и заулыбался: Рут' неуклюже заковылял по мелководью, устремившись на глубину.

— Песок здесь такой же горячий, как на площадке Рождений, — заметила Менолли и, подпрыгивая, бросилась к тенистым деревьям.

— Нет, там все-таки погорячее, — рассмеялся Джексом, последовав за ней.

— Значит, у меня ноги такие чувствительные, — растянувшись на песке в тени, ответила девушка. Окинув взглядом окрестности, она сделала недовольное лицо.

— Что, никаких следов? — осведомился Джексом.

— Ты имеешь в виду Д'рама?

— Нет, огненных ящериц.

Менолли развернула пакет со съестными припасами.

— Скорее всего они еще спят после утренней кормежки. Джексом, раз уж ты все равно на ногах, взгляни, нет ли на деревьях спелых фруктов. Не хочется есть пирожки всухомятку.

Спелых фруктов оказалось столько, что хватило бы на целый холд. Джексом собрал, сколько мог унести, и вернулся к ожидавшей его девушке. Он знал, что Менолли обожает плоды лунного дерева. Рут' резвился в воде; он то нырял, то выскакивал на поверхность, то снова уходил в глубину, поднимая фонтаны брызг и высоченные волны. Вокруг носилась четверка файров, подбадривая его криками и свистом.

— Прилив достиг верхней отметки, — заметила Менолли, вгрызаясь в сочный ломоть серповидного плода лунного дерева. Постанывая от наслаждения, она пробормотала с набитым ртом: — Просто божественно! И почему все южные плоды такие вкусные?

— Наверное, потому, что запретный плод всегда сладок. А что, прилив как-то влияет на появление файров?

— Вряд ли. Рут' — вот что должно на них повлиять.

— Значит, придется ждать, пока они заметят Рут'а?

— Это самый простой выход.

— А ты уверена, что в этой части Южного водятся файры?

— Разве я тебе не говорила? — Менолли изобразила притворное раскаяние. — Мы наблюдали брачный полет королевы — из-за нее я чуть было не потеряла Нырка и Крепыша. Красотка была в ярости!

— Нет ли еще чего-нибудь важного, что ты забыла мне поведать?

Арфистка рассмеялась:

— Придется подождать, пока свежие впечатления не всколыхнут мою память. Не волнуйся — все узнаешь в свое время.

Джексом понял, что с ней можно препираться до бесконечности, и, усмехнувшись, занялся фруктами. Было так жарко, что он скинул шлем и тяжелую куртку. Рут' продолжал лениво бултыхаться в воде в сопровождении неумолимых ящерии. Их совместные проделки немало позабавили снисходительных зрителей.

Припекало все сильнее. Солнце, отражаясь от белого песка, раскалило воздух даже в тени. Джексом больше не мог спокойно смотреть на хрустальную воду и весело резвящихся дракончиков. Он сташил сапоги, скинул штаны и рубаху и устремился к берегу. Не успел он отплыть на длину дракона, как Менолли уже плескалась рядом с ним.

— Для начала не стоит особо жариться на солнце, — сказала она. — В прошлый раз я ужасно обгорела, — девушка поморщилась от неприятных воспоминаний. — Кожа с меня слезала, как с пещерной змеи!

Рядом, выпустив струю воды, вынырнул Рут'. Сначала он едва не утопил их ударами крыльев, а потом снисходительно предложил уцепиться за хвост, что они и сделали, кашляя и отплевываясь от соленой влаги.

«Пожалуй, Менолли стройнее, чем Корана, — подумал Джексом, когда они после купания с Рут'ом в полном изнеможении выбрались на берег. — Ноги у нее подлиннее, и бедра не такие округлые. Грудь, правда, плосковата, но зато Менолли двигается с такой грацией, что просто глаз не оторвать!» Когда он снова оглянулся, арфистка уже натянула штаны и безрукавку, оставлявшую открытыми ее изящные руки, и стала сушить волосы, расчесывая их на солнце. Джексому больше нравились девушки с длинными волосами. Но Менолли приходится столько летать, что вполне понятно, почему она предпочитает короткую стрижку: меньше возни со шлемом.

Они поделили желтый плод пополам и съели его — раньше Джексом не пробовал ничего подобного. Его нежная сладость казалась еще приятнее от солоноватого привкуса морской воды, оставшегося во рту после купания.

Из моря, подняв тучу брызг, появился Рут' и окатил их с ног до головы.

«Здесь жаркое солнце, — оправдывался он в ответ на упреки. — Ваша одежда быстро высохнет. В Керуне всегда так было».

Джексом покосился на Менолли, но девушка, по-видимому, не обратила внимания на скрытый в его словах смысл; она перешла на другое место, недовольно отряхивая одежду и обнаженные руки.

— Дело не в том, что ты нас обрызгал, — сказал Джексом, вытирая лицо, — просто неприятно лежать на мокром.

Рут' нагреб вокруг себя целую кучу теплого песка, и ящерки, устало чирикаая, стали устраиваться у него под боком.

«Надо бы предупредить, чтобы хоть один из них не спал, — подумал Джексом. — Пусть проследят, подействуют ли чары Рут'а на здешних фэйров». Но еда, купание и свежий воздух сделали свое дело — он сам провалился в сон.

Разбудил его тихий голос Рут'а: «Не шевелись. У нас гости».

Джексом лежал на боку, подложив под голову левую руку. Медленно приподняв веки, он отыскал взглядом белую шкуру Рут'а, всю в узорах тени. И насчитал рядом трех бронзовых фэйров, четырех зеленых, двух золотых и синего! Ни у одного на шее не было ни ленточек, ни разноцветных узоров. Пока он наблюдал за ними, рядом с золотой королевой приземлился еще один бронзовый. Они потерлись носами и, склонив головки, усталились на Рут'а, чья голова покоилась на песке совсем рядом с ними. Один глаз у дракона был слегка приоткрыт.

Красотка, которая спала по другую сторону от Рут'а, мелкими шажками осторожно поднялась по плечу дракона и, спустившись с другого плеча, обменялась приветствиями с новыми знакомыми.

— Спроси, не видели ли они бронзового дракона, — мысленно подсказал Рут'у Джексом.

«Уже спросил. Они думают. Они меня любят. Никогда еще не видели ничего подобного».

— И не увидят! — Джексома позабавило прозвучавшее в голосе дракона самодовольство. До чего же Рут' любит всем нравиться!

«Давным-давно был один дракон, бронзовый. И с ним человек, который все ходил по берегу взад-вперед. Они с этим бронзовым не общались. Он пробыл тут совсем недолго», — добавил Рут' почти про себя.

«Что бы это могло значить? — размышлял Джексом. — Либо прилетели бенденцы и забрали Д'рама с собой, либо он, а вслед за ним и Тирот' ушли из жизни».

— Спроси, что еще они помнят про того человека, — велел Рут'у юноша. — Может, они видели рядом с Д'рамом Ф'лара?

Незнакомые фэйры так разволновались, что Рут' поднял голову и широко раскрыл глаза, которые тревожно завращались. При этом Красотка, не удержавшись, соскользнула с его гребня и сва-

лилась, но через секунду появилась вновь, бешено махая крыльями, и уселась на прежнее место, недовольно вереща.

«Они помнят людей. Почему же я ничего такого не помню?»

— А драконов — помнят? — борясь с подступившей тревогой, поспешно спросил Джексом. Откуда только южане сумели пронюхать, что они с Менолли побывали здесь? Потом здравый смысл все же подсказал ему: нет, этого они знать никак не могли.

Джексом почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и едва не вскочил.

— Узнай, когда это было, — еле слышным шепотом сказала Менолли, — когда они видели здесь Д'рама?

«Никаких драконов. Только много-много людей», — передал Рут' и добавил, что файры слишком разволновались, чтобы вспомнить про одинокого человека и его дракона. Он не мог понять, что именно они помнят: казалось, каждый файр помнил свое. У Рут'а просто голова пошла кругом.

— Они знают, что мы здесь?

«Они вас не видят. Смотрят только на меня. Вы — не их люди». Судя по голосу, Рут' был удивлен этим ничуть не меньше Джексома.

— Нельзя ли снова навести их на воспоминания о Д'раме?

«Нет, — печально и даже слегка разочарованно ответил Рут'. — Они не хотят больше ничего вспоминать. Только тех людей — не вас, а своих».

— Может быть, если я встану, они узнают во мне своего человека? — Джексом начал медленно подниматься, незаметно показав жестом Менолли, чтобы она последовала его примеру. — Пусть файры увидят нас в нужной перспективе.

«Нет, вы совсем не те люди, которых они помнят», — сказал Рут', когда ящерицы, завидев две поднимающиеся с песка фигуры, испуганно вспорхнули. Сделав круг на безопасном расстоянии, файры исчезли.

— Позови их обратно, Рут'! Нам ведь нужно узнать, где Д'рам...

Рут' с минуту помолчал, глаза его замедлили вращение. Потом, тряхнув головой, он передал всаднику, что файры улетели вспоминать своих людей.

— Уж не южан ли они имеют в виду? — сказала Менолли, получив какие-то образы от своих файров. — На всех картинах позади торчит вон та гора, — она кивнула в сторону вершины, которая была не видна из-за деревьев. — Во всяком случае, они подразумевают не меня с Робинтоном, когда нас сюда занесло бурей. — Скажи-ка, Рут', ведь лодку они вряд ли помнят? — спросила дракона Менолли и повернулась к Джексоmu, ожидая ответа.

«Вы не говорили, что надо спросить про лодку, — с сожалением протянул Рут'. — Но они точно видели одного человека и дракона».

— А они почувствовали бы, если бы Тирот'... ушел в Промежуток?

«Нарочно? Навсегда? Нет, они не помнят, чтобы им было грустно. А я помню. Очень хорошо помню, как ушла Мират'а».

Джексом поспешил успокоить друга.

— Что, он и правда ушел? — испуганно спросила Менолли, не воспринимавшая ответов Рут'а.

— Рут' так не думает. К тому же дракон не может допустить, чтобы его всадник причинил себе вред. Д'рам не может уйти из жизни, пока жив Тирот'. А Тирот' не уйдет в Промежуток, пока жив Д'рам.

— Но в каком же они времени? — огорченно спросила Менолли. — Ведь мы так и не узнали...

— Не узнали. Но если Д'рам был здесь, причем достаточно долго, так, что фэйры успели его запомнить, и если он собирался здесь поселиться, ему пришлось найти или соорудить для себя какое-то укрытие. Ведь здесь бывают страшные ливни... И Нити... — Джексом стал обшаривать взглядом кромку леса, намереваясь проверить свою теорию. — Слушай, Менолли, ведь Нити начали падать всего пятнадцать Оборотов назад. Для Тирот'а это не такой уж большой скачок... Ставлю скорлупу Рут'а против огрызка плода, что именно в том времени и надо искать Д'рама — до начала падения Нитей! Уж он-то с ними навоевался на всю жизнь! — Увязая в песке, Джексом направился к своему снаряжению и начал торопливо одеваться. Он чувствовал, что ошибки быть не должно. — Я почти уверен, что Д'рам перенесся на двадцать — двадцать пять Оборотов назад. Для начала мы попробуем поискать его там. Если заметим хоть какие-то следы Д'рама или Тирот'а, сразу же вернемся, я тебе обещаю!

Он вскочил Рут'у на спину и, застегивая шлем, поднял дракона в воздух.

— Подожди, Джексом! Остановись!

Слова Менолли потонули в свисте воздуха, рассекаемого крыльями дракона. Джексом злорадно ухмыльнулся, глядя, как возмущенная девушка подпрыгивает вниз. Потом сосредоточился на мгновении, в которое хотел попасть, — вот-вот рассветет, Алая Звезда, отклонившись далеко к востоку, сверкает угрюмым тускло-розовым блеском, еще не готовая обрушиться на Перн смертоносный ливень... Но последнее слово все же осталось за

Менолли. Направив Рут'а в Промежуток, Джексом почувствовал, как вокруг его шеи обвился хвост фэйра.

Казалось, они целую вечность висят в ледяной пустоте Промежутка. Юноша почувствовал, как холод до самых костей пробирает согретое ласковым солнцем тело; бездонная тьма ощутимой тяжестью давила на виски — все сильнее и сильнее... Внезапно мрак сменился неярким мерцанием; они снова были над бухтой. Холодный рассвет. Низко, почти над самым горизонтом, сияет розовым пятнышком Алая Звезда.

— Ты чувствуешь Тирот'а, Рут'? — сам Джексом не мог ничего разглядеть в тусклом свете занимавшегося дня — зари, что разгоралась задолго до его рождения.

«Он спит. И человек — тоже. Они здесь».

Радость захлестнула Джексома. Он велел Рут'у возвращаться к Менолли, только не так быстро. Юноша представил себе солнце, высоко стоящее над кромкой леса. И солнце было первым, что он увидел, когда Рут' перенес его в летние небеса над бухтой, в сегодняшний день.

Сначала Джексом не мог отыскать на берегу Менолли. Потом Красотка и еще двое бронзовых — в путешествии его сопровождал Крепыш — появились рядом с ним. Красотка оглашала воздух возмущенными воплями, Нырок и Крикун тревожно перекликались. Наконец из леса появилась Менолли и, подбоченясь, стала следить за их приземлением. Джексому не нужно было смотреть ей в лицо — он и так знал, что она кипит от злости. Пока Рут' осторожно садился, стараясь не забросить девушку песком, она не спускала с Джексома разъяренного взгляда.

— Ну, что скажешь?

«Слов нет, Менолли очень хороша, когда стоит вот так, сверкая глазами, — думал Джексом, — только зря она надеется меня напугать».

— Они там, двадцать пять Оборотов назад. Я использовал как ориентир Алую Звезду.

— Хорошо, что хоть додумался использовать что-то постоянное! Ты соображаешь, что отсутствовал несколько часов?

— Ты же знала, что со мной все в порядке. За нами увязался Крепыш.

— От него все равно не было никакого толка! — девушка сокрушенно развела руками. — Красотка не могла ему ничего передать — так далеко вы забрались. Мы понятия не имели, где вы! А ведь ты мог столкнуться с теми людьми, о которых твердят здешние фэйры. Ты мог ошибиться в расчетах и никогда не вернуться назад... Ты... ты...

— Я виноват, Менолли, конечно, виноват, — стал оправдываться Джексом, пытаясь остановить поток ее упреков. — Просто я не запомнил точно, в какое время мы вылетели. Вот и пришлось немного задержаться, чтобы, вернувшись, не столкнуться с самим собой.

Менолли, похоже, успокоилась.

— Ты чуть не переусердствовал. Я уже совсем собралась послать Красотку за Ф'ларом.

— Так, значит, ты беспокоилась?

— Вот именно! — Девушка нагнулась и, подхватив свои вещи, стала натягивать куртку и шлем. — Между прочим, я обнаружила остатки навеса — вон там, у ручья, — сказала она, бросив ему мешок. Ловко вскочив Рут'у на шею, Менолли огляделась, ища своих невесть куда запропастившихся файров. — Снова исчезли! — Она позвала их, и Джексом невольно пригнулся, когда у него над головой забили четыре пары крыльев.

Менолли принялась рассаживать ящериц — Красотку с Крикуном к себе на плечи, Нырка с Крепышом — к Джексому. Наконец все были готовы.

Появившись над Бенден-Вейром, Рут' протрубил приветствие. Файры неуверенно зачирикали.

— Я бы с удовольствием взяла вас с собой, в королевский вейр, но боюсь, что это неразумно. Отправляйтесь-ка лучше к Брекке!

Не успели файры скрыться, как сторожевой дракон, выгнув шею и расправив крылья, злобно заревел. Глаза его вспыхивали свирепыми красными искрами. Вздвогнув от неожиданности, Джексом с Менолли одновременно оглянулись и увидели приближающуюся стайку огненных ящериц.

— Увязались-таки за нами из Южного! Джексом, вели им скорее возвращаться!

Вся стая разом исчезла.

«Они ведь только хотели взглянуть, откуда мы», — обиженно протянул Рут'.

— Пусть прилетают в Руат, а сюда — нельзя!

«Больше они не прилетят, — печально сообщил Рут'. — Они испугались».

Тревога, поднятая сторожевым драконом, взбудоражила весь Вейр. Увидев, как возлежащий на карнизе Мнемент' приподнял голову, Джексом с Менолли совсем приуныли. Они услышали рев Рамот'ы, и не успел Рут' приземлиться, как все драконы Вейра присоединились к голосу своей королевы. Рядом с Мнемент'ом на карнизе появились знакомые фигуры Ф'лара и Лессы.

— Вот вяпались, — проговорил Джексом.

— Ничего, нам все простят — ведь мы принесли добрую весть. Думай об этом.

— Я слишком устал, чтобы о чем-то думать, — ответил Джексом резче, чем хотел бы. Кожа у него горела — наверное, от песка. А может быть, от солнца; но чувствовал он себя препаршиво.

«Я голоден», — пожаловался Рут', печально глядя в сторону обнесенной изгородью площадки для кормления.

Джексом застонал:

— Рут', здесь тебе нельзя охотиться.

Он ободряюще похлопал друга по плечу и, заметив, что Ф'лар и Лесса уже ожидают их, подтянул штаны, одернул куртку и жестом позвал за собой Менолли.

Не успели они подняться на три ступеньки, как Мнемент' повернул клиновидную голову к Ф'лару. Переговорив между собой, вожди Бендена стали спускаться вниз. Ф'лар махнул рукой Джексому, чтобы он отправил Рут'а на площадку для кормления.

«Мнемент' — добрый друг, — заявил белый дракон. — Мне понравились поесть здесь. Я такой голодный...»

— Пусть отправляется, Джексом! — крикнул издали Ф'лар. — Смотри, он совсем серый!

«И правда, Рут' выглядит посеревшим», — понял Джексом. Теперь, когда опьянение победой стало спадать, он и сам понял, что чувствует себя не лучше. Юноша с облегчением велел дракону лететь на площадку.

Поднимаясь вместе с Менолли навстречу предводителю и госпоже Вейра, он вдруг почувствовал, как колени его предательски слабеют, и привалился к девушке. Она мгновенно подхватила его под руку.

— Что с ним, Менолли? Он здоров? — пришел ей на помощь Ф'лар.

— Ему пришлось перенестись на двадцать пять Оборотов назад, чтобы отыскать Д'рама. Он совсем обессилел!

Следующие несколько минут начисто выпали из памяти Джексома. Когда он снова пришел в себя, кто-то держал у него перед носом склянку с противно пахнущей жидкостью. От этого запаха в голове сразу прояснилось, и Джексом отстранил от себя пузырек. Оказалось, что он сидит на ступеньке лестницы, ведущей в королевский вейр, с обеих сторон его поддерживают Ф'лар и Менолли, а Лесса и Манора, склонившись, стоят перед ним. Лица у всех были встревоженными.

Пронзительный вскрик подсказал ему, что Рут' настиг добычу, и, как ни странно, Джексому сразу полегчало.

— Выпей это, только медленно, — велела Лесса, заставив взять кружку с чем-то горячим.

Это был густой мясной отвар, ароматный, горячий ровно настолько, чтобы можно было пить, не опасаясь обжечься. Джексом отхлебнул два больших глотка и уже открыл было рот, чтобы заговорить, но Лесса повелительным жестом приказала ему выпить все до дна.

— Самое главное Менолли нам уже рассказала, — неодобрительно хмурясь, произнесла Лесса. — Оказывается, ты пропадал так долго, что даже наша закаленная арфистка насмерть перепугалась. Но как же ты додумался, что Д'рам отправится именно на двадцать пять Оборотов назад? Нет, отвечать пока не надо, лучше пей. Ты совсем прозрачный, а я не хочу до окончания жизни слушать попреки Лайтола, если из-за нашей дурацкой затеи с тобой что-то случится, — она покосилась на Ф'лара. — Да, я беспокоилась за Д'рама, но вовсе не настолько. Я бы не стала рисковать и единым волоском Рут'а, чтобы его найти, раз уж он захотел бесследно исчезнуть. И я вовсе не в восторге, что в этом деле оказались замешаны файры. — Она притопнула ногой, переведя сердитый взгляд с Менолли на Джексома. — Я по-прежнему считаю их на редкость противными созданиями! И нечего шнырять там, куда их никто не приглашал! Насколько я понимаю, залетевшая сюда стоя непомеченных файров увязалась за вами с юга? Я тако-го не потерплю!

— Что же мы могли сделать? Они последовали за Рут'ом, — ответил Джексом. Он слишком устал, чтобы соблюдать осторожность. — Неужели ты думаешь, моя госпожа, что я не пытался от них избавиться?

— Я верю тебе, — уже помягче сказала Лесса.

С площадки для кормления донесся испуганный птичий клекот. Они повернулись, наблюдая, как Рут' камнем упал на вторую птицу.

— До чего точный бросок! — похвалила Лесса. — Не гоняет стаю до потери сознания, прежде чем выбрать жертву... Ты стоять-то можешь, Джексом? Полагаю, тебе лучше переночевать здесь. Менолли, пошли одну из своих несносных ящериц в Руат, пусть предупредят Лайтола. Рут'у понадобится время, чтобы переварить еду, и я не позволю, чтобы мальчик совался в Промежуток, устав до умопомрачения, да еще на только что поевшем драконе.

Джексом поднялся.

— Благодарю, я уже в норме.

— Видел бы ты себя со стороны, — фыркнул Ф'лар, обхватив Джексома за плечи. — Давай-ка, шагай в вейр.

— Ему надо как следует подкрепиться. Сейчас я пришлю чего-нибудь, — пообещала Манора и направилась к нижним пещерам. — А ты, Менолли, можешь мне помочь. Заодно и гонца своего пошлешь.

Менолли мешкала; было видно, что ей хочется остаться с Джексомом.

— Да не съем я его, девочка, — сказала Лесса, отправляя арфистку восвояси. — Разве можно его бранить, когда он еле стоит на ногах! Разберемся потом. Приходи в вейр, когда отошлешь весть в Руат.

Джексом встал, собираясь отказаться от помощи, но выяснилось, что она ему просто необходима. К тому времени, когда они взобрались на самый верх лестницы, юноша бессильно повис на плечах у Ф'лара и Лессы. Мнемент' провожал его дружелюбным взглядом.

Джексом не впервые был в королевском вейре. Когда его провели к столу, он задумался: неужели теперь всегда при виде Рамот'ы его будет охватывать чувство вины? Может ли она улавливать его мысли? Но фасетчатые глаза королевы бездумно скользнули по его лицу, пока хозяева заботливо усаживали Джексом в кресло и подставляли под ноги скамеечку. Укутывая его меховым одеялом и ворча по поводу сквозняков и простуд, Лесса вдруг замерла, устремив на юношу внимательный взгляд. Потом, приподняв его подбородок, чуть повернула лицо к свету и легонько провела пальцем вдоль шрама.

— А это ты где приобрел, юный лорд Джексом? — сурово спросила госпожа Вейра, заставляя его смотреть ей прямо в глаза.

Заинтересовавшись, Ф'лар вернулся к столу с кувшином вина и кружками в руках.

— Что приобрел? А, вот оно как! Молодой человек научил дракона жевать огненный камень, но не сумел увернуться от Нити!

— Я полагала, что вопрос решен окончательно: Джексом останется правителем Руата!

— А я полагал, что ты обещала его сегодня не бранить, — подмигивая Джексому, вставил Ф'лар.

— Я имела в виду скачки через время. Но это... — она сердито кивнула в сторону Джексом, — совсем другое дело.

— Разве, Лесса? — Выражение, с которым Ф'лар произнес эти слова, озадачило Джексом. Казалось, они оба мгновенно забыли о его существовании. — Мне вспоминается одна девочка, которая отчаянно мечтала полетать на своем драконе...

— Опасность не в том, чтобы летать. Но ведь Джексом мог...

— Джексом, мне кажется, усвоил урок. Ведь так, мой юный лорд? Надеюсь, ты уже научился увертываться от Нитей?

— Да, мой господин. Н'тон включил меня в группу молодых всадников Форта.

— Почему же мне не сообщили? — возмутилась Лесса.

— За обучение Джексома несет ответственность Лайтол, и у нас не может быть никаких претензий. Что касается Рут'а, здесь все решает Н'тон. И давно вы с ними тренируетесь, Джексом?

— Не так уж давно. Я сам попросил Н'тона, потому что... — Джексом замялся в нерешительности. Главное, чтобы Лесса не подумала, что он как-то замешан в истории с этим несчастным яйцом.

Его выручил Ф'лар:

— Потому что Рут' — дракон, а драконы должны жевать огненный камень и биться с Нитями. Ведь так? — он взглянул на Лессу и пожал плечами. — А ты чего ожидала? У него в жилах течет та же руатанская кровь, что и у тебя, моя дорогая. Главное, Джексом, береги свою шкуру. И шкуру Рут'а тоже.

— Мы еще даже ни разу не вылетали биться с Нитями, — признался Джексом, невольно отметив, как обиженно прозвучал его голос.

Ф'лар по-приятельски ткнул его в бок, усмехнувшись своей подруге.

— Не злись, Лесса, он — разумный парнишка. И если однажды обжегся, впредь будет осторожнее. Рут'а тоже задело?

— Да, мой господин...

У Джексома был такой несчастный вид, что Ф'лар рассмеялся и погрозил пальцем Лессе, которая все еще буравила юношу сердитым взглядом.

— Вот видишь, Джексом! Кто надежнее женщины может сдержат излишний пыл? — он покачал головой и разлил по кружкам вино. — А Рут'? Надеюсь, он ранен не опасно? Я в последнее время не так уж часто к вам заглядывал.

Ф'лар повернулся к широкому арочному входу, как будто желая рассмотреть белого дракона.

— Нет, — поспешно ответил Джексом, и Ф'лар снова рассмеялся, услышав в его голосе явное облегчение. — И все уже зажило. Шрам едва заметен — на левом бедре.

— Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, — заявила Лесса.

— Конечно, нужно было спросить твоего разрешения, госпожа, — слегка погрешив против истины, нашелся Джексом, — но как раз в это время на нас свалилось столько забот...

— Что ж... — начала Лесса.

— Что ж, — повторил Ф'лар, — дело сделано. Но ты, Джексом, должен понимать: осторожность — прежде всего. Нельзя, чтобы из-за Руата вспыхнула междоусобица.

— Я понимаю, мой господин.

— Боюсь, что сейчас было бы неразумно спешить с твоим утверждением в правах владетеля холда.

— Я тоже не хочу, чтобы Лайтол уходил. Ни сейчас, ни потом.

— Такие чувства делают тебе честь, но я понимаю неопределенность твоего положения. Терпение, дружок, всем дается не легко, но, с другой стороны, оно иногда вознаграждается.

И снова Джексома озадачил взгляд, которым обменялись Лесса и Ф'лар.

— К тому же, — более непринужденным тоном добавил вождь Бендена, заметив замешательство юноши, — ты сегодня уже доказал свою находчивость. Но если бы я знал, что ты зайдешь так далеко, то дал бы тебе более точные инструкции. — Ф'лар глядел строго, но лицо Джексома против воли расплылось в улыбке. — Подумать только, двадцать пять Оборотов... — предводитель Вейра был одновременно поражен и возмущен.

Лесса фыркнула.

— А ведь это твое первое путешествие, госпожа моя, навело меня на такую мысль, — сказал Джексом и, увидев на лице Лессы недоумение, пояснил: — Помнишь, когда ты вела сюда Древних, вы возвращались, делая скачки по двадцать пять Оборотов. Вот я и подумал, что Д'рам скорее всего отправится в прошлое на такой же интервал. У него оставалось достаточно времени до начала Прохождения, так что он мог не опасаться Нитей.

Ф'лар одобрительно кивнул, а Лесса явно смягчилась.

Рамот'а повернула голову по направлению к дверному проему.

— А вот и еда, — улыбаясь, сказала Лесса. — Больше никаких разговоров, пока ты не поешь! Рут' тебя значительно опередил. Рамот'а говорит, что он уже прикончил третью птицу.

— Пусть тебя не тревожит, если он съест трех-четыре, — произнес Ф'лар, заметив, что Джексом поморщился, жалея о невоздержанности дракона. — Вейр не разорится, угостив твоего малыша.

Вошла Менолли с огромным подносом в руках. Девушка тяжело дышала после подъема по лестнице. Судя по выступившим на лбу капелькам пота, весь путь она проделала бегом.

— Да этой снедью можно накормить целое боевое крыло! — воскликнула Лесса.

— Манора сказала, что, раз время близится к обеду, мы можем поесть в вейре, — объяснила Менолли.

Если бы сегодня за завтраком Джексому предрекли, что обедать ему доведется в обществе предводителей Бендена, он поднял бы шутника на смех. Однако он не мог спокойно есть, не взглянув, что делает Рут', хотя Рамот'а и Мнемонт' уверяли, что с ним все в порядке. Лесса разрешила юноше выйти на карниз по-

смотреть, как белый дракон прихорашивается у озера. Вернувшись к столу, Джексом заметил, что его снова одолевает слабость, и, чтобы восстановить силы, налег на тушеное мясо.

— Повтори-ка еще раз, что там файры говорили про людей в бухте, — сказал Ф'лар, когда они, покончив с жарким, перешли к вину.

— От файров не всегда можно получить объяснения, — вмешалась Менолли, бросив на Джексома вопросительный взгляд; он согласно кивнул, предоставив инициативу арфистке. — Когда Рут' попросил вспомнить про людей, они так разволновались, что их мысленные картины стали совершенно неразборчивыми. Я бы сказала точнее, — сосредоточенно хмурясь, Менолли на мгновение задумалась, — их образы стали такими разными, что стало невозможно что-нибудь понять.

— А почему же это произошло? — поинтересовалась Лесса, несмотря на стойкую неприязнь к огненным ящерицам.

— Обычно целая группа файров передает какой-то один образ...

Джексом обреченно вздохнул: неужели у нее хватит глупости напомнить про изображение яйца и это загадочное темное пятно?

— Помните, они подняли тревогу, когда Кант' падал с Алой Звезды? Мои малыши часто передают очень четкие картины тех мест, где они бывали, причем, мне кажется, один дополняет другого.

— Но люди! — задумчиво произнес Ф'лар. — Они могли видеть людей где угодно — Южный материк такой огромный...

— Ф'лар, — резко перебила его Лесса, и в голосе ее прозвучало предостережение. — Ведь ты, кажется, не занимаешься разведкой Южного материка? А если бы там действительно были люди, то, смею предположить, их непременно заметил бы Ф'нор во время своего пребывания в Южном. Или отряды Торики. Тогда у нас были бы более надежные свидетельства, чем вздорные фантазии каких-то ящериц.

— Ты, как всегда, права, Лесса, — согласился Ф'лар, но вид у него был такой несчастный, что Джексому впервые пришло в голову, что участь предводителя Бендена и Первого всадника Перна вовсе не так завидна, как ему представлялось раньше.

И вообще в последнее время он частенько убеждался в том, что стоит только присмотреться, и многое становится совершенно иным, чем кажется на первый взгляд. Во всем таятся неожиданности. Тебе кажется, что ты получил все, о чем мечтал, но приглядишься как следует — совсем не то, что нужно. Вроде того случая, когда он учил дракона жевать огненный камень — и тут же попался в неожиданную ловушку. А теперь приходится в поте лица тренироваться с Н'тоновыми учениками... Прекрасное и полезное занятие, однако Джексому вовсе не улыбалось летать с

крылом Форта на такой высоте, что его холдерам и в голову не придет гордиться подвигами своего лорда!

— Все дело в том, Джексом, — произнес Ф'лар, — что у нас есть свои виды на Южный, пока правители холдов не начали разбазаривать его своим младшим сыновьям. — Он откинул со лба волосы. — Древние преподали нам урок, причем весьма полезный. Теперь я знаю, что может случиться с Вейром за долгий Интервал, — Ф'лар широко улыбнулся, глядя на Джексома. — Мы отдали много сил, чтобы заселить почву личинками. К следующему Прохождению Алой Звезды весь Северный материк, — предводитель сделал широкий жест, — будет надежно защищен. Во всяком случае, от попавших на землю Нитей. И если холдеры уже сейчас поговаривают, что всадники никому не нужны, то к тому времени у них будет куда больше оснований.

— Но ведь люди всегда чувствуют себя уверенней, когда видят, как драконы сжигают Нити, — поспешил вставить Джексом, хотя по лицу Ф'лара не было заметно, что он нуждается в чьих-либо утешениях.

— Ты прав, но я предпочел бы, чтобы Вейры больше не просили подачек у холдов. Вот если бы у нас было вдоволь собственной земли...

— Так вот зачем тебе нужен Южный!

— Не весь...

— А только его лучшая часть, — уверенно произнесла Лесса.

Глава 11

Позднее утро в Бенден-Вейре.

Раннее утро в цехе арфистов.

Полдень в холде Фиделло.

Пятнадцатый Оборот.

Седьмой день пятого месяца

Джексом с Рут'ом заночевали в одном из пустующих вейров, но Рут' чувствовал себя так неуютно на огромном ложе, рассчитанном на большого дракона, что Джексом сгреб все меховые одеяла и прикорнул рядом с ним. Утром он почувствовал, как кто-то трясет его, заставляя вынырнуть из мира сонных грез, в который он погрузился с таким облегчением.

— Я понимаю, Джексом, что ты пальцем не можешь пошевелить от усталости, но придется тебе все-таки встать! — прорезал уютную полутьму голос Менолли. — К тому же у тебя затечет шея, если ты будешь и дальше лежать в такой позе.

«Почему Менолли стоит вниз головой?» — подумал Джексом, приоткрыв глаза. Красотка, уцепившись задними лапками за плечи девушки и спустив передние ей на грудь, с любопытством таращилась на него.

— Просыпайся, Джексом! Мы принесли тебе столько кла, что в тебя, наверное, не влезет.

Ах, тут еще и Миррим!

— Учти, Ф'лар собирается в путь и хочет, чтобы Мнемент' сначала поговорил с твоим Рут'ом.

Менолли с важным видом подмигнула Джексому из-за плеча Миррим; многозначительный взгляд арфистки явно предназначался только одному ему. Джексом застонал — никогда он не сумеет разобраться, кому и что можно говорить, а какие вещи следует держать в тайне. Ну, что за секреты могут быть у нее от Миррим? Потом он застонал еще громче, так как шея у него и вправду затекла.

Рут' на миг чуть приподнял внутреннее веко и недовольно посмотрел на своего всадника.

«Я устал. Хочу спать».

— Больше спать не придется. Мнемент'у нужно с тобой поговорить.

«Почему же он не поговорил со мной вчера вечером?»

— Наверное, потому, что сегодня уже ничего бы не помнил.

Рут' приподнял голову и взглянул на Джексома широко раскрытым глазом. «Мнемент' запомнил бы. Он самый большой дракон на всем Перне».

— Ты так любишь его только потому, что он позволяет тебе вволю наедаться на его площадке для кормления. Ты слышал, он хочет с тобой поговорить — так что придется тебе поторопиться. Ты уже проснулся?

«Я не сплю. Я же разговариваю с тобой. Значит, я проснулся».

— Что-то ты сегодня дерзишь, приятель, — сказал Джексом, одним движением вскакивая с импровизированного ложа. Набросив на себя одеяло, он направился к столу, у которого скромно пристроились Миррим с Менолли. Аромат кла придал ему бодрости, и он поблагодарил девушек.

— Который час?

— Середина утра по бенденскому времени, — с невозмутимым видом ответила Менолли, но глаза ее смеялись, когда она едва заметно подчеркнула последние слова.

Джексом хмыкнул. Позади со стонами и скрипом потягивался Рут', готовясь встретить новый день.

— Когда это ты получил отметину, Джексом? — с обычной

прямотой спросила Миррим. Наклонившись над юношей, она легко провела пальцем по шраму, поджав губы в знак явного неодобрения.

— Когда учил Рут'а жевать огненный камень в Форт-Вейре, — ответил он с некоторой опаской. Кажется, Миррим собиралась устроить ему выволочку.

— А Лесса знает об этом? — продолжала допытываться Миррим, не скрывая своих подозрений.

— Само собой, — ответил Джексом.

Вот! Пусть съест! Но Миррим не собиралась отступать.

— Тогда я не очень-то высокого мнения о наставнике Форт-Вейра, — сказала она, неодобрительно фыркнув. — Он-то куда смотрел?

— Он здесь ни при чем, — с набитым ртом промычал Джексом.

— Должно быть, Лайтол был вне себя — ты ведь рисковал жизнью!

Джексом энергично замотал головой. Он досадовал на Менолли — и зачем только она привела с собой эту зануду?

— И потом, я никак не пойму, зачем тебе вся эта премудрость. Ведь не собираешься же ты с Рут'ом участвовать в сражении?

Джексом даже поперхнулся.

— Вот именно, собираюсь!

— Он уже участвовал, — вставила Менолли, указывая на шрам. — А теперь прикрой рот и дай мужчине спокойно поесть.

— Мужчине? — Голос Миррим звенел насмешкой, а взгляд, который она бросила на Джексома, был откровенно вызывающим.

Менолли негодуяще фыркнула.

— Знаешь, Миррим, если твоя Пат'а в ближайшее время не взлетит, с тобой будет просто невозможно ладить!

Джексом с удивлением взглянул на Миррим, которая покраснела до самых ушей.

— Так вот оно что! Пат'а готова к брачному полету! А ты, значит, места себе не находишь! — Юноша не мог отказать себе в удовольствии подразнить и без того смутившуюся Миррим. — И что же, Пат'а кому-нибудь отдает предпочтение? О, поглядите только, как она покраснела! Никогда не думал, что дождусь дня, когда сестрица Миррим потеряет свой гоно́р! А скоро тебе придется потерять и еще кое-что! Надеюсь, это будет самый захватывающий полет — с тех пор как Мнемент' догнал Рамот'у!

Миррим не выдержала, глаза ее сузились в щелочки, руки сжались в кулаки.

— Моя-то Пат'а, во всяком случае, поднимется в брачный по-

лет, а вот тебе с твоим белым недоростком этого вовек не дожидаться! — прошипела она.

— Миррим! — резкий окрик Менолли заставил девушку вздрогнуть, но ее злые слова успели холодным камнем упасть на сердце Джексома. Он взглянул на Миррим, пытаясь отразить полученный удар.

— Слишком много ты на себя берешь, Миррим, — сказала Менолли. — Тебе, пожалуй, лучше уйти.

— Я и сама здесь ни минуты не останусь! И ты, Менолли, будешь пешком спускаться с этой верхотуры — вот так-то! — девушка выскочила на карниз вейра.

— Клянусь Первой Скорлупой и ее осколками! Вот облегчение-то будет для всех, когда ее зеленая наконец поднимется в брачный полет! Судя по поведению Миррим, это может случиться со дня на день, — небрежно молвила Менолли, посмеиваясь над причудами подруги.

Джексом никак не мог справиться с сухостью во рту. Ради спокойствия Рут'а он постарался унять свой гнев. Искоса взглянув на дракона, он увидел, что тот все еще потягивается и расправляет крылья. Юноша надеялся, что полусонный Рут' не совсем понял, о чем шла речь. Он наклонился поближе к Менолли.

— Ты знаешь что-нибудь о... — он кивнул головой в сторону Рут'а, — что не было бы известно мне?

— Ты имеешь в виду Пат'у? — Менолли сделала вид, что не поняла его намека. — Ну, если ты никогда не обращал внимания, что творится со всадником, когда его дракон входит в брачную пору, то Миррим продемонстрировала тебе типичный пример.

«Пат'а уже совсем взрослая», — задумчиво произнес Рут'. Джексом застал и закрыл лицо руками. Разве можно что-то скрыть от Рут'а?

Менолли нетерпеливо забарабанила пальцами по столу и в упор посмотрела на Джексома, требуя объяснения.

— Ты хотел бы догнать Пат'у? — спросил Джексом друга, не спуская глаз с Менолли.

«Зачем мне ее догонять? Я уже не раз перегонял ее, когда мы в Телгаре состязались в скорости. Я летаю куда быстрее, чем она».

Джексом дословно передал Менолли ответ Рут'а, стараясь как можно точнее передать озадаченную интонацию дракона.

Менолли так и покатила со смеху.

— Как бы я хотела, чтобы Рут' повторил то же самое в присутствии Миррим! Это хоть немножко сбilo бы с нее спесь.

«Мнемент' хочет со мной поговорить», — в беззвучном голосе

Рут'а чувствовалось глубокое почтение. Он поднял голову и посмотрел в сторону карниза, на котором обычно возлежал гигант.

— Так ты все-таки знаешь про Рут'а что-нибудь, не известное мне? — яростно прошептал Джексом, притянув к себе голову Менолли.

— Ты ведь сам все слышал, Джексом! — Глаза Менолли весело сверкнули. — Драконы его ничуть не интересуют — во всяком случае, в этом смысле.

Джексом крепко стиснул ее руку.

— Попробуй рассуждать логически, — сказала девушка, наклоняясь к нему, — ведь Рут' еще подросток, он вырастет медленнее, чем другие драконы.

— Ты хочешь сказать, что он никогда не повзрослеет настолько, чтобы спариваться?

Менолли пристально посмотрела на него, и Джексом не обнаружил в ее взгляде ожидаемой жалости или уклончивости.

— Скажи мне, Джексом, разве тебе плохо с Кораной?

— Что ты! Прекрасно...

— Ты огорчен и, по-моему, совершенно зря. Я никогда не слышала ничего такого, что могло бы послужить поводом для беспокойства. Разве что разговоры о том, что Рут' — не такой, как другие.

«Я уже рассказал Мнемент'у все, что он хотел узнать. Они сейчас улетят, — сообщил Рут'. — Как ты думаешь, теперь мне можно искупаться в озере?»

— Разве ты вчера не накупался вдоволь в бухте? — Джексом с облегчением убедился, что может говорить с драконом совершенно спокойно.

«Но это же было вчера, — так же спокойно ответил Рут'. — С тех пор я уже поел и поспал на пыльной скале. Тебе, я думаю, тоже не помешало бы искупаться».

— Ладно, ладно, — согласился Джексом, — ступай! Только смотри, чтобы Лесса не увидела с тобой файров.

«А кто правильно почистит мне гребень?» — укоризненно осведомился Рут', слезая с каменного ложа.

— Чем он недоволен? — спросила Менолли, с усмешкой заметив выражение лица Джексома.

— Хочет, чтобы ему потеряли спинку.

— Я пришлю к тебе своих малышей, Рут', когда ты уже будешь на озере. Лесса ничего не узнает.

Белый дракон, уже направлявшийся к выходу, замер на половине дороги, склонив голову набок, и слегка призадумался. Потом выгнул шею и уверенной поступью двинулся вперед. «Все в

порядке. Мнемент' улетел, и Рамот'а вместе с ним. Они не узнают, что я купался с ящерицами и они чистили мне спину».

Джексом не смог удержаться от смеха — такое лукавое самодовольство звучало в тоне его приятеля.

— Извини, Джексом, что притащила с собой Миррим, но без ее Пат'ы мне было бы трудновато сюда забраться — ну, и без нее тоже.

Джексом отхлебнул большой глоток кла.

— Ладно, простим ее... раз у Пат'ы такие заботы.

— Миррим сама вечно озабочена — не одним, так другим, — язвительно сказала Менолли.

— Что-что?

— Она вообще славится скверным характером...

Внезапно Джексом, которому пришла в голову неожиданная мысль, перебил арфистку:

— А тебе не кажется, что Миррим могла заранее пробраться на площадку Рождений, чтобы заполучить дракона? Конечно, ничего такого не было... но ты ведь помнишь — никто не ожидал, что девчонка запечатлит боевого дракона...

— Как будто с тобой было иначе... Ладно, Джексом, уж и пошутить нельзя! Я не думаю, чтобы она пыталась повлиять на Пат'у, когда та была еще в яйце. И у Миррим были файры — целых три, так что она казалась вполне довольной жизнью... Да и кто на ее месте был бы недоволен? — арфистка усмехнулась. — А ты знаешь, как разъярилась Лесса, когда Миррим запечатлила Пат'у? И тогда ни единый человек не признался, что видел, как Миррим лазала на площадку Рождений! Случись такое, Лессе непременно бы доложили... Возможно, Миррим неуживчива, бестактна, утомительна и любит совать нос не в свое дело, но она не лгунья. Ты не был на том Запечатлении? Зато я была. Знаешь, как все выглядело? Пат'а приковыляла туда, где устроилась Миррим, и торчала там, безутешно скуля и отвергая всех кандидатов, находившихся на площадке. В конце концов Ф'лар решил, что ей понравился кто-то из публики, — Менолли пожала плечами. — И этим «кто-то» оказалась Миррим. И вот что еще странно: ни один из ее файров даже не чирикнул в знак протеста. Нет, я думаю, их связь была так же... так же предрешена, как и ваша с Рут'ом. Например, у нас с Крикуном было совсем не так. Мне совсем не нужен был еще один файр! — она поморщилась при неприятном воспоминании. — Просто скорлупа яйца треснула, когда я передавала его этому безмозглому сынку лорда Грожа. Ну, и... Правда, лорд меня никогда не винил — ведь мальчишка полу-

чил-таки зеленую. Но подумай — такому слюнтяю мог достаться бронзовый!

Джексом сжал тонкую руку девушки.

— Что-то ты слишком много болтаешь! Хочешь меня надуть? Ну-ка, признавайся, что тебе известно про нас с Рут'ом?

Менолли взглянула ему прямо в глаза.

— Мне ничего не известно. Честно, Джексом. И, судя по твоим же словам, Рут' отнесся к известию о скором брачном полете Пат'ы с таким же интересом, как мальчик, которому велели вынести мусор.

— Но это еще не значит...

— Это ничего не значит. Поэтому не становись в позу обиженного. Рут' созревает медленно. Вот и все, что тебе нужно помнить... особенно если учесть, что у тебя под рукой всегда есть Корана.

— Менолли!

— И нечего злиться. Иначе весь твой отдых пойдет насмарку. Ты ведь вчера совсем обессилел, — девушка похлопала его по руке. — Я ведь не дразню тебя, когда говорю о Коране, а просто поясняю... Хотя ты, быть может, не замечаешь разницы.

— Сдается мне, что дела Руата не должны заботить арфистов, — стиснув зубы, чтобы не высказать все до конца, заявил Джексом.

— Арфистов заботишь ты, всадник белого Рут'а, а вовсе не юный Джексом, лорд Руата.

— И здесь тоже есть разница?

— Вот именно, — Менолли говорила серьезно, но глаза ее лучились смехом. — Как только Джексом начинает влиять на происходящие на Перне события, он сразу же становится заботой арфистов.

Джексом уставился на нее, по-прежнему недоумевая, почему она умалчивает о его эскападе с возвращением яйца. И вдруг уловил в глазах девушки странное предостережение: по какой-то причине она не хотела, чтобы он подтвердил свою причастность к этой истории.

— В тебе, Джексом, сразу несколько человек, — с подкупающей искренностью продолжала Менолли. — Властелин холда, который не должен стать поводом для раздоров, всадник единственного в своем роде дракона и юноша, который никак не может решить, что за путь ему выбрать. Но ты ведь знаешь — можно быть всем и даже больше, не нарушив верности ни себе, ни другим.

— И кто же это говорит, — фыркнул Джексом, — арфистка или Менолли-всезнайка?

Девушка пожала плечами, и странная улыбка промелькнула на ее лице — не слишком веселая, но и не похожая на усмешку сожаления.

— С одной стороны, арфистка — потому что я уже не могу смотреть на вещи иначе... а с другой — Менолли, которой не хотелось бы огорчать тебя. В особенности — после совершенного вчера подвига! — теперь в ее улыбке безошибочно угадывалась нежность.

В вейр впорхнула стайка ее файров. Джексом постарался скрыть недовольство; ему хотелось продолжить неожиданно доверительную беседу. Но файры были явно взволнованы, и еще до того, как Менолли успела хоть немного их успокоить, в вейре появился Рут'. Глаза дракона вращались, сверкая мириадами разноцветных искр.

«Д'рам с Тирот'ом здесь, и все очень переживают», — сказал Рут', подталкивая Джексома носом, чтобы тот его приласкал. Джексом принялся покорно поглаживать еще влажные после купания надбровья. «Мнемент' очень доволен, что разыскал их», — добавил Рут' с затаенной обидой.

— Но ведь Мнемент' никогда не смог бы вернуть Д'рама с Тирот'ом без твоей помощи, — как можно убедительнее проговорил Джексом. — Правда, Менолли?

«А я не смог бы разыскать Д'рама с Тирот'ом без помощи огненных ящериц, — снисходительно признал Рут'. — А ты додумался отправиться на двадцать пять Оборотов назад».

Менолли, которая не могла слышать последнее замечание Рут'а, вздохнула:

— А вообще-то мы все обязаны файрам Южного.

— Рут' как раз это и сказал...

— Драконы — честный народ! — с выражением произнесла Менолли, поднимаясь. — Пойдемте-ка, друзья. Нам лучше отправиться по домам. Мы сделали все, что от нас зависело. Сделали на славу. Этим нам и следует утешаться. Разве не так? — спросила она, бросив на Джексома насмешливый взгляд. Потом подхватила свои вещи. — И так оно пусть и остается. Согласен?

Она взяла Джексома за руку и потянула к выходу из вейра, улыбаясь с такой таинственной обворожительностью, что его обида растаяла без следа.

Выйдя на карниз, они заметили, как вокруг королевского вейра поднимается суматоха — всадники и женщины из нижних пещер стекались туда, чтобы встретить Д'рама и его бронзового.

— Должна признать, что ради разнообразия иногда приятно проститься с Бенденом, когда все его обитатели пребывают в полном благодушии, — заметила Менолли, в то время как Рут' возносил их с Джексом к небесам.

Джексом собирался высадить Менолли в мастерской арфистов и сразу же вернуться домой. Однако не успел Рут' сообщить свое имя сторожевому дракону, как Заир и маленькая королева, носящая на шее цвета цеха арфистов, крепко-накрепко вцепились коготками в его гребень.

— Да это же Сибеллова Кими! Значит, он вернулся... — В голосе Менолли прозвенела восторженная нотка, которой Джексом никогда не слышал раньше.

«Сторожевой дракон говорит, что мастер-арфист хочет нас видеть. Заир подтверждает, — сообщил Джексом Рут'. — Меня он тоже зовет», — с гордым удивлением добавил он.

— Почему бы мастеру-арфисту не пригласить тебя, Рут'? Он наверняка хочет тебя похвалить — ведь ты этого вполне заслуживаешь, — сказал Джексом и ласково похлопал дракона по гибкой шее. Рут' завертел головой, выбирая место для приземления.

Робинтон вместе с каким-то мужчиной, камзол которого украшал знак мастера, спустились им навстречу по лестнице, ведущей из главного зала во двор. Робинтон раскинул руки и с таким пылом заключил Менолли и Джексона в объятия, что юноша был просто ошеломлен. Потом, к его полному изумлению, второй арфист вырвал Менолли из объятий Робинтона и стал ее стремительно кружить, то и дело награждая звучными поцелуями. А огненные ящерицы, ни шипением, ни свистом не выразившие гнева при виде такого бесцеремонного обращения с их хозяйкой, пустились исполнять в воздухе какой-то замысловатый танец, переплетая шеи и касаясь крыльями. Джексом знал, что королевы файров редко подпускают к себе других золотых, но Красотка так же радовалась встрече с чужой ящеркой, как и Менолли — с незнакомцем. Взглянув на мастера-арфиста, Джексом удивился еще больше: на его лице расплылась довольная улыбка. Заметив недоумение юноши, Робинтон взял его под руку.

— Пойдем, Джексом. Менолли с Сибеллом, наверное, хотят обменяться новостями — они не виделись несколько месяцев. А я жажду выслушать твою историю о том, как нашли Д'рама.

Не успели Робинтон с Джексом направиться к входу в мастерскую, как Менолли вскрикнула и высвободилась из объятий арфиста. Правда, Джексом заметил, что ее пальцы все равно не выпустили руку Сибелла, когда она сделала робкий шаг в сторону Робинтона.

— Неужели Сибелл после столь долгого отсутствия не заслужил твоего внимания? — спросил мастер-арфист.

Джексом злорадно отметил, что Менолли смутилась. Сибелл молча усмехался.

— Сначала, девочка моя, послушай, что он тебе расскажет, — уже более добродушно проговорил Робинтон. — А меня вполне устроит общество Джексома.

Шагая вслед за мастером по направлению к входу, Джексом оглянулся на удалявшуюся пару. Молодые люди шли, обняв друг друга за талию, голова Менолли лежала на плече арфиста. Над ними кружились их файры, словно подталкивая своих хозяев к расстилавшемуся позади мастерской лугу.

— Значит, ты, Джексом, привел назад Д'рама с Тирот'ом? — спросил Робинтон.

— Я только нашел их. А вернули Д'рама бенденцы — сегодня утром, по их времени.

Робинтон сбился с шага, едва не оступившись.

— Он все-таки был там, в моей бухточке? Так я и думал...

— Двадцать пять Оборотов тому назад, — уточнил Джексом и, не дожидаясь дальнейших расспросов, принялся пересказывать свое приключение с самого начала. У него был благодарный слушатель, еще более внимательный, чем Ф'лар с Лессой, и постепенно Джексом увлекся.

— Люди? — Мастер-арфист, до того спокойно сидевший в кресле, вскочил столь стремительно, что металлические подковки каблуков звякнули о каменный пол. — Они видели людей?

Джексом на миг опешил. Эта часть истории вызвала недоверие и тревогу у предводителя Бендена, но мастер-арфист отреагировал так, будто ждал именно этого поворота событий.

— Я всегда говорил, что все мы — выходцы с Южного материка, — задумчиво произнес он, обращаясь главным образом к самому себе. Потом сделал Джексоmu знак продолжать.

Юноша послушно возобновил повествование, но вскоре понял, что Робинтон слушает его вполуха, хотя тот время от времени кивал головой и интересовался разными мелочами. Джексом закончил на том, как они с Менолли благополучно вернулись в Бенден, и замолк, не решаясь задать арфисту вопрос, который тревожил его самого. Он видел, что Робинтон, нахмурившись, с головой ушел в свои раздумья.

— Расскажи-ка мне еще разок, что говорили файры о тех людях? — попросил арфист. Он подался вперед, облокотившись на стол и устремив взгляд на Джексома. Сидевший на его плече Заир вопросительно чирикнул.

— Ничего особенного они не говорили — вот в чем вся беда, мастер Робинтон. Ящерки так разволновались, что невозможно было ничего разобрать. Разве что Менолли добавит что-нибудь — ведь с ней были Красотка и трое бронзовых. Но я...

— А что сказал Рут'?

Джексом пожал плечами, сознавая, что собранные им сведения вряд ли прояснят ситуацию.

— Он говорил, что образы слишком сумбурные, когда файры показывают людей — своих людей. Мы с Менолли к ним явно не относились.

Ощувив сухость во рту, он потянулся за кувшином с кла, затем учтиво наполнил кружку арфиста; тот рассеянно осушил ее, не отрываясь от своих дум.

— Значит, люди, — снова сказал мастер Робинтон, растягивая гласные, а в конце прищелкнул языком. Он так резко поднялся, что Заир даже пискнул, стараясь удержаться у него на плече. — Люди... Причем файры видели их так давно, что образы, сохранившиеся в их памяти, почти совсем поблекли. Очень, очень интересно... просто чрезвычайно!

Робинтон принялся ходить по комнате, поглаживая недовольно чирикающего Заира.

Джексом выглянул из окна. Рут' грелся на солнышке, вокруг роились местные ящерки. Откуда-то доносились звуки пения — хор разучивал очередную балладу. «Интересно, почему они так часто прерываются?» — лениво подумал Джексом. Сам он не мог найти в их исполнении никаких изъянов. Залетавший в окно ветерок был напоен душистыми ароматами лета. Вдруг Джексом вздрогнул — на плечо его легла рука арфиста.

— Ты отлично справился, мой мальчик, а теперь пора возвращаться в Руат. Ты совсем засыпаешь. Прыжок во времени отнял у тебя гораздо больше сил, чем ты думаешь.

Провожая Джексома до выхода, Робинтон заставил его еще раз повторить все, что передали файры. При этом арфист то и дело кивал головой, как будто убеждаясь, что запомнил все в точности.

— Полагаю, то, что ты обнаружил Д'рама с Тирот'ом целыми и невредимыми, — не самое главное. Я знал, что не ошибусь, оставив свой выбор на тебе и Рут'е. Не удивляйся, если услышишь от меня кое-что еще на эту тему — разумеется, с разрешения Лайтола.

В последний раз крепко пожав Джексоmu руку, Робинтон отступил в сторону, ожидая, пока юноша сядет на Рут'а. Увидев, что приятель покидает их, файры разочарованно завершали.

Пока Рут' набирал высоту, Джексом махал рукой все уменьшающейся фигурке арфиста. Потом перевел взгляд на долину реки, пытаясь обнаружить Менолли и Сибелла. Он досадовал на себя за любопытство, а когда отыскал их, разозлился еще больше — интимность их позы не оставляла никаких сомнений, что они были знакомы весьма близко. А он об этом даже не подозревал!

Джексому не хотелось возвращаться в Руат — тем более что Лайтол не ожидал его к какому-то определенному часу. Поскольку вокруг не крутились фэйры, когорые могли бы проболтаться о его прегрешениях, юноша попросил Рут'а отнести его в Равнинный холд. Уловив радостный отклик дракона, он удивился; похоже, белый понимал его желания лучше, чем он сам.

В Западном Перне время шло к полудню, и Джексом стал прикидывать, как бы вызвать Корану, не оповещая о своем визите всех обитателей холда.

«Вон она идет», — сообщил Рут', опустив крыло, чтобы Джексом мог увидеть девушку, которая вышла из дома и направилась к реке, держа на плече корзину.

Какой счастливый случай! Он велел Рут'у приземлиться на берегу, где женщины холда обычно занимались стиркой.

«Здесь не очень глубоко, — мимоходом заметил Рут', — но зато есть большой валун на самом солнцепеке — там мне будет тепло и уютно». Не дожидаясь, пока Джексом ответит, дракон начал плавный спуск и, пролетев над бурлящей среди камней водой, пошел на посадку над тихой заводью, где из речной глади выступал большой плоский валун. Сделав аккуратный разворот, чтобы не задеть крылом плакучие ветви густых деревьев, окаймляющих берег, Рут' легко приземлился на теплую гранитную поверхность. «Она идет», — повторил он и наклонил плечо, чтобы Джексому было удобнее спешиться.

Внезапно на юношу нахлынули сомнения; в памяти всплыли язвительные слова Миррим. Конечно, Рут' еще не дорос до того возраста, когда драконы начинают интересоваться брачными полетами, и все же...

«Она идет, и тебе с ней будет хорошо. А когда тебе хорошо, мне хорошо тоже, — произнес Рут'. — С ней ты чувствуешь себя сильным и счастливым, и это прекрасно. Здесь, на солнце, так тепло и приятно... Ступай же».

Измученный настойчивостью, звучавшей в бесплотном голосе дракона, Джексом пристально поглядел на него. Глаза Рут'а плавно вращались, зеленовато-голубые сполохи свидетельствовали о полном удовлетворении, и это странным образом противоречило его настойчивому тону.

Тут Корана вышла из-за поворота тропинки и увидела их. Уронив корзину с бельем, она бросилась к Джексому. Ее объятия были такими пылкими, а поцелуи, которыми она осыпала его лицо, столь горячими, что скоро Джексом позабыл все свои тревоги.

Рука об руку они направились за прибрежные камни, туда, где землю покрывал мягкий мох и где никто не мог их увидеть, даже Рут'. Корана, как и Джексом, сгорала от желания, подогретого несостоявшейся прошлой встречей. Когда ладони Джексома коснулись ее нежной кожи и девушка всем телом прильнула к нему, мимолетная мысль едва не испортила ему настроение. Кто знает, стала бы Корана столь же пылкой возлюбленной, не будь он лордом Руата? Впрочем, какая разница! Все равно он — ее возлюбленный... И, больше ни о чем не думая, Джексом целиком отдался страсти. В миг наивысшего восторга, граничившего с болью, он ощутил едва заметное касание и радостно, облегченно вздохнул: Рут', как всегда, был с ним.

Глава 12

*Холд Руат.
Равнинный холд Фиделло.
Падение Нитей.
Пятнадцатыйоборот.
Седьмой день шестого месяца*

Утаить что-либо от своего дракона совсем не просто. Единственное время, когда Джексом мог спокойно думать о чем угодно, не опасаясь, что услышит Рут', выдавалось лишь поздно вечером, когда тот уже крепко спал, или утром, если Джексом ухитрялся проснуться раньше своего приятеля. Он редко испытывал необходимость скрывать от дракона свои мысли, и тем труднее ему давались подобные уловки. Кроме того, он сильно утомлялся за день — тренировки с учебным крылом Форта, помощь Лайтолу и Бранду в подготовке холда к летней страде и регулярные визиты в Равнинный холд... Джексом проваливался в сон, едва успев натянуть на себя меховое покрывало. По утрам Тордрилу и другим воспитанникам зачастую приходилось стаскивать его с постели, чтобы он не опоздал к столу или на занятия.

И все же мысли о слишком медленном развитии Рут'а порой тревожили его в самое неподходящее время, и Джексому приходилось спешно подавлять их, чтобы даже намеком не потревожить дракона.

Как будто нарочно, в Форт-Вейре они дважды становились свидетелями полетов затомившихся зеленых, за которыми устремлялись все коричневые и синие, которые надеялись за ними угнаться. Первый случай произошел в самый разгар учебных маневров, так что Джексом едва заметил, как над их крылом пронесся брачный кортеж. Ему не удалось ничего толком рассмотреть, поскольку Рут', которого это событие ничуть не заинтересовало, продолжал двигаться в строю, и Джексому пришлось срочно ухватиться за ремни упряжи, чтобы не полететь вниз.

Во второй раз они с Рут'ом были на земле, когда брачные призывы зеленой, которая начала высасывать кровь уже из третьего бычка, взбудоражили весь Вейр. Остальные ученики были слишком юны, чтобы проявить интерес, но на Джексоме взгляд наставника задержался довольно долго. Неожиданно для себя Джексом понял: по-видимому, К'небелу любопытно, присоединятся ли Джексом с Рут'ом к соперникам, ожидающим момента, когда зеленая поднимется в воздух.

Джексомата затопила такая волна чувств — здесь были и волнение, и стыд, и ожидание, и отвращение, и неприкрытый ужас, — что Рут' испуганно попятился, раскинув крылья.

«Что тебя так огорчило?» — требовательно спросил дракон, усаживаясь на землю и изогнув шею, чтобы лучше видеть своего всадника. Глаза его быстро вращались, воспринимая сумбурные мысли Джексомата.

— Все в порядке, все в порядке, — поспешно ответил Джексом, поглаживая голову Рут'а. Ему отчаянно хотелось спросить, не возникло ли у Рут'а желания догнать зеленую, но где-то внутри, в самой глубине души, он тайно надеялся, что в этот раз брачные игры драконов обойдутся без их участия.

С вызывающим криком зеленая взвилась в небо и с высоты еще раз повторила свой дразнящий призыв. Коричневые и синие устремились за ней, подгоняемые разгорающейся страстью. Но она поднималась быстрее и легче своих преследователей; когда они оторвались от земли, зеленая была уже далеко. Около площадки для кормления всадники улетевших драконов тесным кольцом окружили хозяина зеленой. Мгновение — и зеленая, и ее преследователи превратились в еле заметные точки. Покачиваясь на неверных ногах, всадники заковыляли в нижние пещеры, в специальное помещение, предназначенное для таких случаев.

Джексом еще никогда не присутствовал при брачном полете драконов. Он вдруг ощутил, как в горле у него пересохло. Сердце бешено забилося, кровь застучала в висках; сейчас он испытывал

такое же томительное напряжение, какое ощущал, прижимая к себе податливое тело Кораны. «Интересно, — пришла в голову внезапная мысль, — какой дракон догонит Пат'у, с каким всадником Миррим...»

Ощутив на плече чью-то руку, он подскочил с испуганным вскриком.

— Рут' еще не готов к брачному полету... да и ты, Джексом, явно еще не созрел, — произнес К'небел, глядя на далекие точки в небе. — Даже брачные игры зеленой лишили тебя спокойствия... — На лице наставника Джексом увидел понимающую усмешку. К'небел кивком указал на Рут'а. — Что, совсем не интересуется? Ничего, увидишь, то ли еще будет! А пока вам лучше держаться подальше от Вейра в такие дни. Да и мне нужно увести куда-нибудь своих молокососов, пока зеленую не догнали.

Только сейчас Джексом заметил, что все ученики куда-то разбежались. Еще раз ободряюще хлопнув Джексом по плечу, К'небел подошел к своему бронзовому, ловко вскочил ему на шею и направил дракона в вейр.

Мысли Джексом вернулись к мчащимся в поднебесье зверям. Он с содроганием подумал о всадниках, погруженных сейчас в транс, слившихся воедино со своими драконами. Они переживали все перипетии страстной погони — и надежда, желание, любовь с каждым мигом все сильнее и крепче стягивали нити, неразрывно соединяющие людей и драконов. Джексом подумал о Миррим. И о Коране...

Сдержав стон, он залез Рут'у на шею, чтобы умчаться куда глаза глядят из обжигающей страстью атмосферы Форт-Вейра, умчаться от внезапного прозрения того тайного, темного, что всегда мерещилось ему в душах всадников — и что сегодня он обнаружил в собственном сердце.

Его потянуло на озеро; он жаждал погрузиться в ледяную воду, чтобы обжигающий холод остудил тело и затушил огонь, сжигающий мозг. Но Рут' доставил его в Равнинный холд.

— Рут'! Я же просил на озеро! Отнеси меня на озеро!

«Для тебя сейчас будет гораздо лучше здесь, — услышал он ошеломляющий ответ Рут'а. — Файры говорят, что девушка на верхних полях». И снова Рут' взял инициативу на себя, повернув к плоской возвышенности, где ярко-зелеными волнами колыхалась на полуденном солнце молодая пшеница, — туда, где Корана прилежно срезала мотыгой цепкие ползучие сорняки, наступавшие с окраины поля и грозившие засорить посевы.

Рут' опустился на узкую кромку, отделявшую пшеничное поле от защитной стенки. Корана, оправившись от удивления, кото-

рое вызвал их неожиданный визит, приветливо замахала рукой. Вместо того чтобы броситься, как обычно, навстречу возлюбленному, она лишь откинула волосы со лба и вытерла бусинки пота.

— Джексом, — вымолвила девушка, пока он шел к ней, все острее ощущая разливающийся по телу жар, — ты бы лучше...

Он заглушил поцелуем ее полушутливый упрек и почувствовал, как ему в бок уперлось что-то твердое. Крепко прижимая Корану к себе правой рукой, левой он нашупал мотыгу и, вырвав ее у девушки, отбросил в сторону. Корана извивалась в его объятиях, изумленная этим неожиданным натиском не меньше, чем он сам. Он прижал ее еще теснее, стараясь умерить все возрастающее напряжение, пока она не захочет ему ответить. От девушки пахло землей и молодым потом; от волос, упавших ей на лицо, исходил аромат свежего ветра. Джексом вдыхал эти запахи, целуя ее шею и грудь, они еще сильнее возбуждали его. Где-то краешком сознания юноша ощущал зеленого дракона, издающего дерзкий призывный клич. И где-то совсем близко билась непрощенная мысль о всадниках, толпившихся в нижних пещерах и с нетерпением, которое так сродни его собственному, ожидающих, когда же зеленую настигнет самый быстрый, самый сильный или самый ловкий преследователь. Только сам он держит в объятиях Корану... и она начинает отвечать на его страсть. И вот уже они оба — на теплой влажной земле, которую она только что мотыжила... Джексом ощущает локтями и коленями податливое прикосновение почвы. Солнце припекает ему спину, и он старается поскорее выкинуть из памяти и всадников, пьяно бредущих к нижним пещерам, и дерзкий вызов зеленой. Он не стал сопротивляться, когда уже знакомое и такое желанное прикосновение мысли Рут'а пришло к нему. Страсть его излилась, успокоив, наконец, смятенные тело и разум.

* * *

На следующее утро Джексом не смог заставить себя отправиться на занятия в Форт-Вейр. Лайтол с Брандом спозаранку уехали вместе с воспитанниками в окраинный холд, так что ненужных вопросов ни у кого не возникло. Днем, поднявшись над скалами Руата, он твердо приказал Рут'у лететь на озеро, и там так долго и яростно скреб своего дракона, что тот в конце концов робко спросил, что случилось.

— Я люблю тебя, Рут'. Люблю! — сказал Джексом.

Как ему хотелось добавить с былой безмятежной уверенностью: «Я сделаю для тебя все!»

— Я люблю тебя, — повторил он, стиснув зубы, и очертя голову нырнул со спины дракона в ледяную воду озера.

«Кажется, я проголодался», — заявил Рут', когда Джексом, задыхаясь, выскочил на поверхность.

«Что ж, хоть какое-то разнообразие», — подумал Джексом, хватая ртом воздух. — В южном Руате есть один холд, где откармливают птиц, — сказал он вслух.

«Как раз то, что нужно!»

Джексом быстро вытерся, натянул одежду и сапоги и, взбравшись на Рут'а, рассеянно накинул на шею влажное полотенце. И лишь направив дракона через Промежуток, понял, что натворил: смертельный холод ледящим кольцом стиснул горло, к которому прикасалась влажная ткань. Теперь ему наверняка не миновать простуды!

Рут' охотился с обычной резвостью. Файры — судя по раскраске на шеях, местные — стали слетаться со всех сторон, получив, вероятно, от белого дракона приглашение разделить его трапезу. Пока Рут' с восторгом предавался пиршеству, у Джексома появилась возможность спокойно поразмышлять. Он был недоволен собой. Со стыдом и отвращением он вспоминал свою последнюю встречу с Кораной. И то, что она, по-видимому, разделяла те чувства, которые он считал безудержной похотью, оттолкнуло его от девушки. На их отношения, еще неделю назад пленявшие Джексома невинной нежностью, словно упала нечистая тень. Теперь он был совсем не уверен, что ему хочется оставаться ее возлюбленным — еще один неприятный повод терзаться виной. Правда, он помог девушке закончить прополку, прерванную его вторжением, — теперь ей хотя бы не достанется от Фиделло... За молодой пшеницей нужен непрерывный уход... Да, нельзя было так набрасываться на Корану! Он поступил просто возмутительно!

«Ей очень понравилось», — донеслась до него мысль Рут'а так неожиданно, что Джексом рывком приподнялся.

— А ты откуда знаешь?

«Когда вы вместе с Кораной, она начинает чувствовать так же сильно, как и ты. И тогда я ее тоже слышу. Но только тогда, а в другое время — нет». В голосе Рут'а звучало скорее удовлетворение, нежели сожаление. Он как будто радовался, что их контакт так ограничен.

К этому времени Рут' уже прикончил двух жирных птиц и съел их, почти ничего не оставив файрам. Когда дракон вперевалку подошел к нему, Джексом внимательно осмотрел его. Фасетчатые глаза вращались все медленнее, красные всполохи голода

сменились сначала темно-лиловым, а потом голубым цветом удовлетворения.

— Ну, и как тебе нравится то, что ты слышишь, когда мы с Кораной любим друг друга?

«Очень — ведь ты бываешь так счастлив. Для тебя это хорошо. А мне нравится, когда тебе хорошо».

Джексом вскочил на ноги, его терзали отчаяние и вина.

— А сам-то ты не хочешь попробовать? Почему ты всегда беспокоишься только обо мне? Почему ты даже не попытался догнать зеленую?

«А почему тебя это волнует? Зачем мне догонять зеленую?»

— Да потому что ты — дракон!

«Я — белый дракон. А за зелеными летают коричневые и синие... ну, еще иногда — бронзовые».

— Но ты же мог ее догнать, Рут'! Мог!

«Я просто не хотел... Ну вот, ты опять расстроился! Это я тебя расстроил», — вытянув шею, Рут' виновато потыкался носом в плечо Джексома.

Юноша обнял своего друга за шею, прижавшись лицом к его гладкой, остро пахнущей шкуре, и сосредоточился на одной мысли: как бесконечно он любит своего Рут'а, своего неповторимого Рут'а, единственного белого дракона на всем Перне.

«Да, я единственный белый дракон, который когда-либо рождался на Перне, — довольно подтвердил Рут' и подвинулся так, чтобы крепче прижать к себе Джексома скрещенными передними лапами. — Я — белый дракон. Ты — мой всадник. Мы вместе!»

— Ты прав, — устало произнес Джексом, смирившись со своим поражением. — Мы всегда вместе.

Его пробрал озноб, и он громко чихнул. Вот незадача! Если он вздумает расчихаться дома, его уморят тошнотворными микстурами, которыми Дилана обожает всех пичкать. Джексом запахнул куртку, обмотал шею сложенным полотенцем, теперь уже сухим, и, оседлав Рут'а, попросил его как можно быстрее вернуться в Руат.

Джексому удалось избежать принудительного лечения только потому, что он постарался не попадаться Дилане на глаза, отсидевшись у себя в комнате. Всем домашним он объявил, что выполняет срочное задание Робинтона, и просил до ужина его не беспокоить — рассчитывая, что к вечеру перестанет чихать. Его отговорка почти соответствовала действительности — Джексом хотел запечатлеть свои воспоминания о прелестной бухточке, за которой возвышалась огромная коническая гора. Взяв в руку

мягкую угольную палочку — мастер Бендарек специально изготавливал такие, чтобы чертить на бумаге, — Джексом с головой ушел в работу. «Насколько все-таки легче писать на бумаге, чем на песке, — подумал Джексом. — А если и ошибешься, можно стереть неверную линию комочком загустевшего сока хвойного дерева — только нужно делать это аккуратно, чтобы не протереть бумагу до дыр».

Он уже набросал вполне приличную карту бухты, предоставившей приют Д'раму, и приступил к описанию, когда его работу нарушил стук в дверь. Перед тем как отозваться, Джексом основательно прочистил нос. Он надеялся, что голос не выдаст его.

На пороге появился Лайтол и, поздоровавшись с Джексомом, подошел к рабочему столу; управляющий тактично отводил глаза от разложенных на нем бумаг.

— Рут' сегодня ел? — спросил он. — Н'тон просил тебе передать, завтра Нити будут падать на севере, и ты сможешь полететь с крылом Форта. Только успеет ли Рут' переварить пищу?

— Прекрасно успеет, — ответил Джексом, ощущая, как при мысли о том, что ему придется отражать атаку Нитей верхом на Рут'е, его одновременно охватывают радостное возбуждение и чувство неизбежности.

— Значит, ты закончил тренировочные полеты с учебным крылом?

Итак, Лайтол знает, что на утренних занятиях в Вейре его не было; голос у опекуна казался несколько удивленным.

— Можно сказать, что я выучил почти все, что нужно. Ведь мне не придется постоянно летать с боевым крылом... — Джексому хотелось поскорее замять эту тему. — Взгляни, я сделал набросок бухты, где мы нашли Д'рама. Красиво, правда? — он протянул Лайтолу рисунок.

К радости Джексом, на лице опекуна появилось заинтересованное и даже слегка удивленное выражение. Он стал внимательно разглядывать рисунок и карту.

— Ты уверен, что правильно передал форму горы? Должно быть, это самый большой вулкан на всем Перне! Какая мощь! А здесь что? — Лайтол указал на полукруг окаймляющих бухту деревьев, которые Джексом постарался изобразить как можно точнее и подробнее.

— Лес тянется до гряды невысоких холмов, но мы, конечно, побывали только на побережье...

— Прекрасный уголок! Теперь понятно, почему мастер-арфист так хорошо запомнил это место.

С явной неохотой Лайтол протянул листок Джексому.

— Мой рисунок — лишь грубое подобие этого места... Там восхитительно... — протянул юноша, бросив взгляд на опекуна. Как всегда, он пожалел, что Лайтол избегает без нужды летать на драконах; он делал исключение лишь для самых необходимых поездок.

Управляющий наградил Джексома скупой улыбкой и покачал головой.

— Отличный ориентир для дракона. Не забудь меня предупредить, когда соберешься слетать туда еще раз.

На этом Лайтол распрощался, оставив Джексома в некотором недоумении. Можно ли считать, что опекун позволил ему еще раз наведаться в бухту? Но почему? Джексом окинул рисунок критическим взглядом. Правильно ли он изобразил деревья? Было бы так здорово побывать там снова... Скажем, после сражения с Нитями — если, конечно, Рут' не слишком устанет.

«Неплохо бы отмыться от запаха огненного камня в той бухточке», — сонно подтвердил Рут'.

Откинувшись на стуле, Джексом поглядел на белого дракона, свернувшегося на своем ложе. Голова его была вытянута в сторону юноши, хотя обе пары век — и наружные, и внутренние — были плотно закрыты.

«Правда, мне бы очень хотелось».

— Может быть, нам удалось бы еще что-нибудь выведать у файров про тех людей.

«Да, это было бы совсем неплохо», — подумал Джексом, обрадованный тем, что у него появилась конкретная цель. Ведь ни Ф'лар, ни Лесса не запрещали ему посетить бухту еще раз. Она расположена слишком далеко от Южного холда, чтобы его появление там поставило под угрозу репутацию предводителей Бендена. К тому же он окажет услугу Робинтону, если разузнает что-нибудь новое о таинственных людях. Быть может, он сумеет отыскать и кладку файров где-нибудь на побережье... Не это ли имел в виду Лайтол, когда намекал на возможность повторного посещения бухты? Ну конечно! Как же он раньше-то не сообразил?

Падение Нитей ожидалось завтра утром, в начале десятого часа. И хотя на этот раз Джексому не нужно было спешить на сбор команды огнеметчиков, он все равно проснулся рано. Служанка принесла ему кла с булочками и ломоть мяса на завтрак.

Юноша ощущал тяжесть в голове и жжение в горле; его познабливало. В душе он проклинал себя за вчерашнюю неосмотрительность — похоже, его первый боевой вылет будет омрачен простудой. Кто, спрашивается, заставлял его нырять в ледяное озеро, лезть, не высохнув, в Промежуток, а потом предаваться

любовным играм на сырой, только что взрыхленной земле? Одеваясь, он несколько раз чихнул. Правда, нос от этого прочистился, но головная боль и озноб не прошли. Джексом натянул самое теплое белье, облачился в самую плотную куртку и вложил в сапоги лишние меховые стельки... Когда они с Рут'ом вышли наконец из вейра, он просто изнемогал от жары. Во дворе царила суета — люди седлали скакунов, проверяли огнеметы и другой инвентарь. Сторожевой дракон, восседая на руатанских высотах, жевал огненный камень. Поймав взгляд Лайтола, стоявшего на верхней площадке лестницы у входа в холд, Джексом указал рукой на небо. Лорд-управляющий отсалютовал в ответ, а потом снова повернулся к людям и стал отдавать приказы. Джексом еще раз чихнул, да так сильно, что покачнулся на каблуках.

«Ты плохо себя чувствуешь?» — глаза Рут'а зажглись тревогой.

— Для дурака, умудрившегося простыть в такой день, просто отлично! Давай отправляться, пока я совсем не сварился в этих мехах.

Рут' повиновался, и Джексом сразу почувствовал облегчение, когда ветер остудил его разгоряченное лицо. Времени у них было предостаточно, чтобы долететь до Вейра, не залезая в Промежуток. Хватит с него глупостей! Однако не стоит ли в Форте переодеться во что-нибудь полегче — во время сражения с Нитями будет и без того жарко. Но Вейр располагался выше в горах, чем Руат-холд, так что, прибыв туда, Джексом не почувствовал особой жары.

Следуя вызубренным инструкциям, Джексом повел Рут'а туда, где хранились мешки для огненного камня. Потом отправился с драконом к ямам для камня, окружавшим чашу Вейра. Рут' принялся жевать камень, готовясь к предстоящему сражению. Если выполнить эту процедуру заранее, удастся получить устойчивое пламя; в бою струи огня легко усилить, добавив камешек-другой из мешка, который они возьмут с собой. Пока Рут' жевал, Джексом налил себе большую кружку дымящегося кла, надеясь, что оно поможет ему сохранить бодрость. Чувствовал он себя скверно, нос то и дело закладывало.

К счастью, шум, производимый множеством драконов, дробящих зубами камни, заглушал приступы чихания, которые время от времени нападали на Джексома. Не будь это его первый боевой вылет, он бы, пожалуй, призадумался, стоит ли рисковать. Джексом успокаивал себя мыслью, что начинающим всадникам скорее всего предстоит лететь вслед за взрослыми драконами — там, где Нити будут падать не так густо. Поэтому ему вряд ли придется слишком часто нырять в Промежуток, усугубляя свою

простуду. Только бы не чихнуть, если Рут'у придется все-таки оказаться там, чтобы спастись от Нити...

У Звездной Скалы показался Н'тон. Предводитель Вейра поднял руку, и Лиот' протрубил, призывая всех к тишине. Четыре королевы Форты выстроились по обе стороны от огромного бронзового. Правда, они были крупнее его, но, на взгляд Джексома, своим величием только подчеркивали мощь самца. Драконы, застыв на карнизах Вейра, выслушивали безмолвные приказы Лиот'а, затем взмывали в небо и выстраивались в крылья. Джексом еще раз проверил боевую упряжь, которая надежно удерживала его на шее дракона.

«Мы полетим с королевским крылом», — сообщил своему седоку Рут'.

— Все ученики?

«Нет, только мы с тобой», — судя по голосу, Рут' был польщен, но Джексом не испытывал уверенности, что удостоен такой уж большой чести.

Заметив его колебания, наставник подал юноше знак занять указанное место. Джексом покорно направил Рут'а вверх, к Звездной Скале. Когда его дракон аккуратно приземлился слева от Селиант'ы, самой молодой королевы Форты, он подумал, что рядом с огромной золотой Рут' кажется еще меньше. Должно быть, они выглядят глупее некуда!

Лиот' снова затрубил, и драконы предводителей Вейра взвились над Звездной Скалой; звери разомкнули строй, чтобы дать простор мощно рассекающим воздух крыльям. Рут'у для взлета особого места не требовалось, поэтому он с минуту повисел над скалой, потом занял место в строю рядом с Селиант'ой. Ее всадница Прилла ободряюще взмахнула рукой, и Рут' передал Джексому, что Лиот' приказывает идти через Промежуток на сближение с Нитями.

Вынырнув из черной пустоты над бесплодными холмами северного Руата, Джексом почувствовал прилив восторга; такого он никогда не ощущал раньше, даже летая с Рут'ом. Со своего места на левом фланге королевского крыла он видел, как под ним, над ним и вокруг, повсюду, куда ни кинь взгляд, выстраивались боевые крылья. Казалось, гигантские сверкающие тела драконов расцвели небо; самое верхнее крыло первым должно было встретить надвигающийся фронт Нитей. Джексом шмыгнул носом, досадуя, что хворь может испортить такое торжество, — он, Джексом, лорд Руата, вылетел на своем белом драконе, чтобы отразить атаку Нитей! Он чувствовал, как у Рут'а внутри рокошет сдерживаемое до поры пламя. Интересно, похожи ли хоть чуть-

чуть ощущения дракона на тот жар и тяжесть в голове, которые чувствует он сам?

Верхнее крыло, прибавив скорости, рванулось вперед, и у Джексома не осталось больше времени на размышления — он тоже заметил в безоблачном небе белесую дымку — сероватую муть, предвещающую нашествие Нитей.

«Селиант'а говорит, чтобы я все время держался над ней и старался не попасть под струю из огнемета Приллы», — голос Рут'а звучал глухо; он с усилием сдерживал огненное дыхание. Белый дракон поднялся чуть выше, и тут все крылья разом пришли в движение.

Сероватая дымка на глазах превратилась в серебристый дождь. В небе вспыхнули огненные брызги — это драконы передового крыла сжигали своего извечного врага, обращая его в обугленную пыль. Бесконечные тренировки с учебным крылом и холодный рассудок, взывающий к осторожности, помогли Джексому быстро справиться с волнением. Сегодня ни он, ни Рут' не должны получить в бою ни единого удара!

Королевское крыло плавно пошло на снижение — им предстояло патрулировать под верхним эшелонем, уничтожая любой обрывок Нити, ускользнувший от пламени. Они летели сквозь облака мельчайшей пыли, в которую превращались сожженные Нити. Круто развернувшись, королевское крыло двинулось обратным курсом, и Джексом почти сразу заметил серебристый жгут. Послав сгорающего от нетерпения дракона круто вверх, Джексом услышал, как Рут' предостерегает соседей, — в следующее мгновение они уже расправились с врагом.

Джексом с гордостью подумал: заметил ли кто-нибудь из всадников, как экономно использует Рут' смертоносное пламя — ровно столько, сколько необходимо, не больше и не меньше.

Он потрепал своего приятеля по шее и ощутил, как обрадовала Рут'а его похвала. Потом их перебросили на другой участок — королевское крыло должно было перехватить густое скопление Нитей, ускользнувшее от восточного фланга Вейра.

С этой минуты у Джексома больше не оставалось времени на размышления. Он слился воедино с ритмом, которому повиновались движения королевского крыла. Казалось, Маргатта на золотой Лудет'е просто нюхом чует мелкие скопления Нитей, которые пропустило бы даже летящее рядом крыло. Но королевские всякий раз оказывались под облаком серебряного дождя и беспощадно истребляли его. Скоро Джексому стало ясно: полеты с крылом золотых не гарантируют ни безопасности, ни покоя. Огромные королевские могли контролировать большую территорию,

но они не обладали маневренностью Рут'а. Паря над ними, белый дракон мог перелетать с одного края клиновидного строя на другой, туда, где его помощь была нужнее всего.

Внезапно атака Нитей прекратилась; сероватая мгла больше не туманила небосвод. Верхнее крыло стало неторопливыми кругами спускаться все ниже, готовясь к заключительному этапу обороны — облету местности на малой высоте, который поможет наземным отрядам обнаружить следы уцелевших Нитей.

Понемногу боевой задор покидал Джексома, и он начал все острее ощущать недомогание. Казалось, голова его так распухла, что стала вдвое больше, глаза были словно забиты песком, в висках колотилась тупая боль, в горле першило. Похоже, он совсем расклеился. Конечно, это глупость — биться с Нитями в таком состоянии! В довершение ко всем его неприятностям после тяжелой четырехчасовой схватки он даже не мог похвалиться большими личными успехами. Джексом был просто убит. Ему нестерпимо хотелось домой, но, когда летаешь с боевым крылом, приходится держаться до конца. Поэтому он покорно приготовился к прыжку в Форт через Промежуток.

«Старшая королева говорит, чтобы мы улетали, пока нас не заметили наземные команды», — неожиданно произнес Рут'.

Джексом посмотрел вниз, на Маргатту, и увидел, что она дает ему сигнал к отходу. На юношу нахлынула обида. Нет, он, разумеется, не ожидал бурных аплодисментов, но все же ему казалось, что они с Рут'ом честно выполнили свой долг и заслужили хоть какой-то знак одобрения. Может быть, они в чем-то провинились? Голова у него болела, и он не мог сосредоточиться. Однако Джексом повиновался и велел Рут'у поворачивать к дому. И тут он увидел, как к ним поднимается Селиант'а. Прилла несколько раз взмахнула сжатым кулаком, что означало: отлично справились, благодарю!

Ее одобрение несколько уняло обиду Джексома.

«Мы здорово бились, ни одна Нить от нас не ушла, — бодро заметил Рут'. — Мне было легко поддерживать пламя».

— Ты, Рут', был просто неподражаем. Ты так ловко увертывался, что нам даже ни разу не пришлось уходить в Промежуток, — Джексом ласково похлопал дракона по вытянутой в полете шее. — У тебя еще остался газ, чтобы выдохнуть?

Он почувствовал, как Рут' напрягся, но перед его пастью вспыхнула лишь крошечная искорка.

«Пламя закончилось, но я бы очень хотел избавиться от золы. Ведь сегодня я сжевал так много камня!»

В беззвучном голосе дракона прозвучала такая гордость, что,

несмотря на мерзкое самочувствие, Джексом расхохотался. Неподдельная радость, которую испытывал друг, несколько подняла его собственное настроение.

* * *

Он с облегчением обнаружил, что в холде остались только немногочисленные слуги. Остальные обитатели, отправившиеся на борьбу с Нитями, находились вдали от дома и от тех благ, которыми Джексом собирался немедленно воспользоваться. Пока Рут' ковылял к колодцу, чтобы вдоволь напиться, Джексом велел служанке принести чего-нибудь поесть, погорячее, и кружку вина.

Войдя в свою комнату, чтобы сменить насквозь пропахшую огненным камнем летнюю куртку, юноша увидел на своем рабочем столе наброски бухты и вспомнил вчерашнее обещание. Он с тоской подумал о знойном солнце, сияющем над морем. Оно наверняка выгнало бы всю простуду!

«Я бы сейчас с удовольствием поплавал», — сказал Рут'.

— Разве ты не устал?

«Я устал, но все равно мне хотелось бы поплавать в той бухте, а потом полежать на песке. И для тебя это было бы неплохо».

— Да, мне это было бы в самый раз, — согласился Джексом, стягивая с себя боевую амуницию. Он надевал свежую рубашку, когда, робко постучавшись в полуоткрытую дверь, вошел слуга с подносом. Джексом указал ему на стол, потом велел унести грязную одежду. Потягивая горячее вино и отдуваясь — оно приятно пощипывало гортань, — он вдруг понял, что пройдут часы, прежде чем Лайтол вернется в холд, так что он никак не сможет сообщить опекуну о своем намерении. Не ждать же его... Он вполне сумеет обернуться до возвращения Лайтола. Вдруг Джексом застонал — как же он упустил из вида, что бухточка лежит на другом краю планеты, и солнце, которое, как он надеялся, прожарит его до костей, уже спускается вниз, к самому горизонту.

«Там еще долго будет тепло, — заметил Рут'. — Мне и правда очень хочется полететь туда».

— Ладно, ладно, полетим! — Джексом залпом допил горячее вино и потянулся за сыром, хлебом и жареным мясом. Он не ощущал голода; от запаха еды ему даже стало как-то не по себе. Скатав шерстяное покрывало, чтобы потом расстелить его на песке, он перекинул сверток через плечо и пошел к выходу. Может, передать Лайтолу пару слов через слугу? Нет, этого недоста-

точно. Джексом вернулся к столу, быстро черкнул опекуну записку и прислонил ее к кружке, чтобы лучше было видно.

«Мы скоро полетим?» — жалобно спросил Рут', которому не терпелось отмыться дочиста и поваляться на теплом песке.

— Иду, иду! — Джексом забежал в кухню и прихватил пирожков и сыра. Может быть, позднее он захочет поесть.

Главный повар поливал жиром жаркое, и от его запаха Джексома опять замутило.

— Послушай, Батунон, я оставил лорду Лайтолу записку у себя в комнате. Если ты увидишь его, передай, что я полетел в бухту купать Рут'а.

— Очистили небо от Нитей? — спросил Батунон, застыв с черпаком над раскаленной плитой.

— От них осталась только пыль. Вот, собираюсь отмыть наши шкуры от запаха огненного камня.

Глаза Рут'а светились желтым укоризненным светом, когда Джексом наконец вскарабкался дракону на шею, отпустив по-свободнее боевую упряжь, которую тоже не мешало прополоскасть и высушить на солнце. Они стремительно взвились в воздух, и Джексом поразился, что не забыл привязаться. Едва оторвавшись от земли, Рут' нырнул в Промежуток.

Глава 13

Бухта на Южном материке.

Пятнадцатый Оборот.

Седьмой день седьмого месяца — двадцать

восьмой день восьмого месяца

Джексом проснулся и почувствовал, как что-то мокрое соскользнуло со лба и съехало на нос. Он нетерпеливо смахнул непонятный влажный комок.

«Тебе лучше?» — В голосе Рут'а слышалась такая страстная надежда и тоска, что Джексом был ошеломлен.

— Лучше? — Еще не совсем проснувшись, он попытался приподняться на локте, но не смог пошевелить головой — казалось, она зажата в тиски.

«Брекка велит тебе лежать спокойно».

— Лежи спокойно, Джексом, — послышался голос Брекки. Юноша почувствовал, как она положила руку ему на грудь, не позволяя подняться.

Он услышал где-то рядом плеск воды, и на лоб ему лег свежий

компресс, прохладный и душистый. Щек его с обеих сторон касались мягкие валики, доходившие до плеч, — вероятно, они должны были удерживать его голову в неподвижности. Он не мог понять, что случилось. И почему здесь Брекка?

«Ты заболел, — сказал Рут; голос его был окрашен тревогой. — Я очень испугался. Я позвал Брекку. Она целительница. Она меня слышала. Я не мог тебя оставить. Она прилетела с Ф'нором на Кант'е. Потом Ф'нор полетел за другой женщиной».

— И долго я болел? — услышав, что для ухода за ним прибыла еще одна сиделка, Джексом от души понадеялся, что «другая женщина» не окажется Диланой.

— Несколько дней, — ответила Брекка, но Рут', похоже, имел в виду более длительное время. — Теперь дело пойдет на поправку. Кризис миновал.

— Лайтол знает, где я? — Джексом попытался поднять веки и, обнаружив, что на них лежит компресс, протянул было руку, чтобы снять его. Но перед глазами сразу заплесали разноцветные пятна; он застонал и снова прикрыл их.

— Я же сказала, чтобы ты лежал спокойно! И не пытайся открывать глаза или снимать повязку, — сказала Брекка, легонько шлепнув его по руке. — Конечно же, Лайтол все знает, Ф'нор ему сразу сообщил. И я дала ему знать, когда у тебя случился кризис. Менолли тоже поправляется.

— Менолли? Но ведь она не могла от меня заразиться — она была с Сибеллом...

В комнате был кто-то еще — ведь Брекка не могла одновременно и разговаривать, и смеяться. Она терпеливо объяснила, что у него вовсе не простуда, а болезнь, которую южане называют горячкой. Начальные симптомы у нее такие же, как у простуды.

— Так я скоро поправлюсь?

— Глаза тебя еще беспокоят?

— Так, что даже не хочется их открывать.

— Пятна? Как будто смотришь на солнце?

— Вот-вот.

Брекка похлопала его по плечу.

— Это ведь обычное явление, правда, Шарра? Сколько оно обычно продолжается?

— Пока не пройдет головная боль. Так что пока, Джексом, не снимай с глаз повязки.

Шарра говорила неторопливо, чуть растягивая слова, но ее низкий голос звучал удивительно глубоко и мелодично; Джексом даже подумал — интересно, так ли она хороша, как ее голос?

— И не смей подсматривать, — продолжала девушка. — Ведь

голова еще побаливает? Значит, нельзя открывать глаза. Мы затемнили комнату как смогли, но если ты не будешь вести себя осторожно, то испортишь зрение на всю жизнь.

Джексом почувствовал, как Брекка поправила компресс.

— Значит, Менолли тоже болеет?

— Да, но мастер Олдайв сообщил нам, что ей хорошо помогают лекарства, — Брекка помолчала. — Конечно, она не сражалась с Нитями и не летала через Промежуток — все это не пошло тебе на пользу.

Джексом застонал.

— Но я не раз летал Промежутком с простудой, и от этого мне хуже не становилось.

— Горячка — не простуда, — возразила Шарра. — Вот, Брекка, питье готово.

Джексом почувствовал, как в его губы уткнулось что-то твердое. Брекка велела ему сосать через соломинку; он не мог поднять голову, чтобы пить нормально.

— Что это? — пробубнил он, не выпуская соломинки из рта.

— Фруктовый сок, — с такой готовностью ответила Шарра, что Джексом невольно насторожился. — Обычный фруктовый сок. Тебе нужно побольше пить. Ты совсем высох от жара.

Сок приятно охлаждал гортань. Джексом никак не мог понять, из каких фруктов он приготовлен, только вкус у него был в самый раз — не слишком острый, чтобы не раздражать воспаленное горло, и не слишком сладкий, чтобы не вызвать тошноты в пустом желудке. Джексом быстро прикончил его и попросил добавки, но Брекка сказала, что пока достаточно. А теперь пусть постарается уснуть.

— Рут', а ты-то как?

«Теперь, когда ты пришел в себя, я поем. Я не уйду далеко — тут все рядом».

— Рут'?!

Обеспокоенный, Джексом попытался приподнять голову. Виски пронзила нестерпимая боль.

— С Рут'ом все в порядке, Джексом, — строго сказала Брекка, прижимая его плечи к постели. — Он круглые сутки весь в ящерицах и каждый день купается — утром и вечером. И он ни разу не отошел от тебя дальше, чем на две длины дракона. Мне все время приходилось его утешать.

Джексом застонал; он совсем забыл, что Брекка может разговаривать с любым драконом.

— Ф'нор с Кант'ом убивали для него дичь, потому что он ни за что не соглашался тебя оставить. Так что Рут' вовсе не отошал —

не то что ты. Теперь он может поохотиться сам, все равно здесь ему делать нечего — ты ведь будешь спать.

У Джексома не оставалось другого выбора и, уже проваливаясь в беспамятство, он подумал: должно быть, в этом напитке было кое-что еще, кроме фруктов...

Проснулся он отдохнувшим, но по-прежнему озабоченным, и сразу же вспомнил, что ему нельзя двигать головой. Тогда он стал осторожно перебирать смутные воспоминания, окрашенные то жаром, то холодом. Он отчетливо помнил, как добрался до бухты, спотыкаясь, проковылял в тень, рухнул у подножия дерева и потянулся за гроздью алых плодов, чтобы освежить пересохший рот. Пожалуй, именно тогда он понял, что серьезно заболел.

В памяти вставали смутные образы Брекки и Ф'нора; Джексом вспоминал, что, кажется, умолял их позвать Рут'а. Похоже, они возвели какое-то временное укрытие, нечто вроде летнего холода. Шарра что-то такое говорила. Он медленно вытянул левую руку, поводил ею вверх-вниз, но не нащупал ничего, кроме кровати. Тогда он вытянул правую.

— Проснулся, Джексом? — услышал он негромкий голос Шарры. — Рут' так разоспался, что не разбудил меня. Пить хочешь?

Похоже, она не раскисалась, что сама тоже задремала. Но тихонько охнула, обнаружив, что компресс совсем высох.

— Смотри не открывай глаза!

Шарра сняла повязку, и он услышал, как она смачивает ее водой, потом — выжимает; наконец влажная ткань коснулась его висков, и он поежился. Джексом поднял руку и прижал повязку ко лбу — сначала легко, потом более уверенно.

— Совсем не больно...

— Ш-ш-ш! Брекка спит, ее очень легко разбудить, — шепнула Шарра, прикрыв ладонью его рот.

— Почему я не могу повернуть голову? — он постарался не выдать с недавшую его тревогу.

Тихий смех Шарры несколько успокоил его.

— Мы зажали ее между двух валиков, чтобы ты не мог двигаться. Помнишь? — она дала ему потрогать это приспособление и убрала его. — Ну-ка, поверти немножко головой. Если кожа уже потеряла болезненную чувствительность, значит, самое худшее позади.

Джексом с готовностью повернул голову налево, потом направо; и еще раз — чуть быстрее.

— Не больно. Правда, совсем не больно!

— А вот это — нельзя!

Заметив, что он потянулся к компрессу, Шарра схватила его за руку:

— У меня горит ночник. Подожди, я его прикрою... Чем меньше света, тем лучше.

Он услышал, как она возится со светильником.

— Теперь можно?

— Я только потому разрешаю тебе попробовать, — она подчеркнула последнее слово, положив руку на его ладонь, уже коснувшуюся повязки, — что сегодня безлунная ночь и тебе ничто не грозит. Но если увидишь хоть малейшее блестящее пятнышко, немедленно закрой глаза.

— Это опасно?

— Может быть опасно.

Она медленно сдвинула повязку.

— Ничего не вижу.

— Никаких пятен или точек?

— Нет, ничего.

Что-то возникло у него перед глазами, он различил во тьме неясные очертания.

— Это моя рука. Я держу ее у тебя перед носом — на всякий случай, — сказала она.

Джексом смутно видел перед собой темный силуэт — очевидно, девушка стояла на коленях у его постели. Постепенно ему удалось сморгнуть с ресниц налипшие песчинки, и он стал видеть яснее.

— У меня в глазах полно песка.

— Минуточку!

Вдруг в глаза ему закапала вода. Он судорожно заморгал и громко вскрикнул.

— Я же просила тебя, потише. Ты разбудишь Брекку. Она совершенно измотана. Ну что, удалось смыть песок?

— Да, так гораздо лучше. Я не хотел причинять тебе столько хлопот.

— Неужели? А я уж было подумала, что ты нарочно все подстроил.

Джексом поймал ладонь девушки и поднес к губам, сжав так крепко, насколько позволяли оставшиеся у него силы. Шарра задохнулась и отдернула руку.

— Спасибо.

— Я положу повязку на место, — сказала она с явным упреком.

Джексом довольно усмехнулся — он был рад, что сумел ее смутить. Жаль только, что здесь так темно. Но он все же разглядел, что фигура у нее стройная. И голос, несмотря на уверенные нот-

ки, явно молодой. «Интересно, — снова подумалось ему, — так ли она хороша, как ее голос».

— Выпей, пожалуйста, сок, — сказала Шарра, и он почувствовал, как к его губам поднесли соломинку. — Тебе нужно еще разок выпасться как следует, и дело пойдет на лад.

— Так ты — целительница?

Джексом был разочарован. Ее голос звучал так молодо, что он принял ее за одну из воспитанниц Брекки.

— Ну, конечно. Неужели ты думаешь, что жизнь лорда Руатанского могли доверить какой-нибудь ученице? Я уже много раз выхаживала людей от горячки.

Тут Джексом почувствовал, что добавленное в сок снотворное начинает действовать и он снова куда-то уплывает, не в силах ответить девушке ни слова.

Проснувшись на следующее утро, он был весьма разочарован, когда на его зов явилась Брекка. Он не решился спросить, где же Шарра; это было бы не слишком тактично. Узнать у Рут'а он тоже не рискнул — Брекка наверняка услышала бы их разговор. Очевидно, Шарра все же рассказала Брекке о его ночном пробуждении — сегодня ее голос звучал куда спокойнее и казался почти веселым. Чтобы отпраздновать начавшееся выздоровление, Брекка позволила ему выпить кружку некрепкого кла и съесть несколько булочек.

Велев юноше не открывать глаза, она сменила повязку, но на этот раз сделала ее не такой плотной, так что, осторожно приподняв веки, он мог различать темные и светлые пятна.

Днем Джексому было позволено сидя съесть легкий обед, который приготовила для него Брекка, но даже это ничтожное усилие довело его до полного изнеможения. Тем не менее, когда Брекка предложила ему выпить сока, он не преминул поворчать:

— Наверно, опять добавили снотворное? Вы что же, хотите, чтобы я проспал всю жизнь?

— Я тебя уверяю, ты еще наверстаешь то время, которое потерял, — ответила Брекка.

Раздумывая над этим загадочным обещанием, Джексом снова скользнул в объятия сна.

Назавтра он продолжал возмущаться запретами, которыми его окружили. Однако он и в самом деле сильно ослаб. Когда Шарра с Бреккой помогли ему добраться до скамейки, чтобы перестелить сбившуюся постель, Джексом за несколько минут до того изнемог, что с радостью улегся снова. Зато вечером его ждал приятный сюрприз — он был удивлен и обрадован, услышав в соседней комнате голос Н'тона.

— Ну, Джексом, ты выглядишь совсем молодцом, — сказал предводитель Форта, подходя к его постели. — Лайтол будет несказанно рад. Но если ты еще когда-нибудь посмеешь... — в хрипловатом голосе Н'тона звучали тревожные нотки, — посмеешь идти в сражение больным, то я... я... отправлю тебя на разборку к Лессе.

— Я ведь думал, что у меня обычная простуда, — оправдывался юноша, смущенно теребя клочки сена в матрасе. — И потом, это был наш с Рут'ом первый боевой вылет...

— Знаю, знаю, — уже гораздо мягче сказал Н'тон. — Откуда ты мог догадаться, что у тебя начинается горячка... А тебе известно, что ты обязан жизнью Рут'у? Ф'нор говорит, что Рут' разумнее многих людей. Половина драконов на Перне не сообразила бы, что делать, начнись у их всадников бред: сумбур в голове больного совершенно сбил бы их с толку. Сейчас вы с Рут'ом на прекрасном счету в Бендене. Честное слово! Твоя единственная забота — побыстрее выздоравливать. А когда ты полностью восстановишь силы, Д'рам хотел бы увидеться с тобой и показать кое-что интересное из того, что он здесь нашел.

— Так он не сердится, что мы с Рут'ом выследили его?

— Что ты! — Н'тона искренне удивил вопрос Джексома. — Нет, дружок, мне кажется, он не ожидал, что нам будет его недоставать, и обрадовался, что нужен по-прежнему.

— Н'тон! — послышался строгий голос Брекки.

— Мне запретили тебя утомлять, — всадник встал, его сапоги шаркнули по полу. — Но я еще приду, обязательно приду.

Джексом услышал недовольный писк Триса и живо представил маленького фэйра, цепляющегося за плечо Н'тона.

— А как Менолли — идет на поправку? Передай Лайтолу, мне очень жаль, что я доставил ему столько беспокойства.

— Он все понимает, Джексом. А Менолли уже гораздо лучше. У нее горячка протекала легче, чем у тебя. Сибелл сразу распознал симптомы и вызвал Олдайва. А ты не особенно спеши вставать.

Как бы Джексом ни радовался посещению Н'тона, все же он вздохнул с облегчением, когда всадник вышел. На него наваливалась ватная слабость, голова снова разболелась.

— Брекка! — юноша испугался, не вернулась ли болезнь.

— Она вышла проводить Н'тона.

— Ты здесь, Шарра? Опять болит голова... — Голос Джексома предательски дрогнул.

Его щеки коснулась прохладная ладонь.

— Жара нет, Джексом. Просто ты быстро устаешь, вот и все. Давай-ка поспи.

Он почувствовал, как его убаюкивают эти спокойные слова, произнесенные нежным бархатным голосом. Сам того не желая, он закрыл глаза. Сильные тонкие пальцы гладили его лоб, потом скользнули по плечам, массируя напряженные мышцы, а голос все звучал, уговаривая его уснуть. Он охотно подчинился.

На рассвете Джексома разбудил прохладный влажный бриз. Он заворочался, стараясь прикрыть голые ноги и плечи, — спал он на животе, завернувшись в легкое одеяло. Кое-как укутавшись, он снова смежил веки, собираясь еще поспать, но сон пропал. Джексом открыл глаза и стал бездумно глядеть в открытое окно с поднятыми занавесками. Внезапно он вскрикнул от изумления, только сейчас заметив, что глаза его больше не закрыты повязкой. Зрение полностью вернулось!

— Что с тобой, Джексом?

Обернувшись, он увидел, как Шарра гибким движением поднимается с гамака, заметил, какие у нее длинные волосы — они темным водопадом ниспадали с плеч, закрывая лицо.

— Шарра!

— Как глаза, Джексом? — обеспокоенно спросила она, быстро шагнув к его постели.

— Просто отлично, Шарра, — ответил он, поймав ее за руку и притягивая девушку к себе, чтобы как следует разглядеть ее лицо в тусклом утреннем свете. — Нет, не уйдешь, — тихонько рассмеявшись, проговорил он, когда она попыталась вырваться, — я уже давно хочу на тебя посмотреть, — свободной рукой он отвел упавшие ей на лицо волосы.

— Ну и как? — с гордым вызовом сказала она, невольно выпрямившись и откидывая назад густые пряди.

Шарру нельзя было назвать прекрасной; он предчувствовал это. Слишком неправильные черты, нос чуть длинноват для ее лица, подбородок, хоть и прекрасно очерчен, однако слишком тверд, чтобы его можно было назвать красивым. Но зато яркие губы изящно изогнуты, уголок рта чуть подрагивает в попытке скрыть улыбку, которую выдают глубоко посаженные темные глаза. Девушка медленно приподняла бровь, столь пристальный осмотр явно забавлял ее.

— Ну и как? — повторила она.

— Конечно, ты можешь со мной не согласиться, но я считаю, что ты красавица!

Она снова попыталась высвободить руку и встать, но Джексом был начеку.

— И еще ты, наверное, знаешь, что у тебя просто обворожительный голос.

— Я над ним много работала, — парировала Шарра.

— И не напрасно.

Он сильнее потянул ее за руку, стараясь привлечь поближе к себе. Почему-то ему было очень важно понять, сколько ей лет. Девушка тихо засмеялась, стараясь высвободить пальцы из его крепкой хватки.

— А теперь пусти, Джексом, будь хорошим мальчиком!

— Я не хороший и не мальчик, — тихо, но решительно проговорил он, и сила, прозвучавшая в его голосе, согнала с ее лица выражение добродушной насмешки. Она смерила его долгим внимательным взглядом и едва заметно усмехнулась.

— Да, ты не хороший и не мальчик. Ты — мужчина, который был очень тяжело болен, и моя работа, — она подчеркнула последнее слово, и Джексом неохотно выпустил ее руку, — поставить тебя на ноги, чем раньше, тем лучше.

Джексом откинулся на подушку и лежал, с улыбкой глядя на нее. «А она, пожалуй, почти такого же роста, как я», — подумал он. Ему почему-то понравилась мысль, что стоя они смогут заглянуть друг другу в глаза.

Шарра озадаченно посмотрела на него и, недоумевающе пожав плечами, отвернулась. Подобрав волосы, она уложила их в аккуратный пучок и вышла из комнаты.

Потом ни один из них не вспоминал об этой утренней беседе, но Джексом вскоре обнаружил, что ему стало легче переносить тяготы выздоровления. Он без возражений ел все, что ему подавали, принимал горькие снадобья и старался побольше спать. Однако его постоянно снедала тревога; наконец, не выдержав, он робко спросил Брекку:

— Скажи, когда я лежал без сознания, я не... я хочу сказать...

Молодая женщина понимающе улыбнулась и похлопала его по руке.

— Мы никогда не придаем значения тому, что бормочут в бреду наши пациенты. Иногда они несут совершенно невероятную чушь.

И все же что-то в ее тоне насторожило Джексома. Совершенно невероятную чушь? Значит, он наболтал невесте что. Ладно, предположим, он сказал при Брекке про это несчастное яйцо. Но вдруг его бред слышала Шарра? Ведь она из Южного холда... Можно ли надеяться, что она не приняла всерьез его болтовню об этом проклятом яйце, чтоб ему ни Скорлупы, ни осколков! Джексом не находил себе места. Мысль о том, что тайна раскры-

та, мучила его; он уснул в горестных размышлениях и проснулся, проклиная болезнь и свой длинный язык. Несмотря на это, ему пришлось изображать полнейшую беззаботность, выслушивая отчет Рут'а об утреннем купании с файрами.

«Летит, — вдруг заявил Рут', в голосе его слышалось удивление. — Летит вместе с Д'рамом».

— Кто летит? — не понял Джексом.

— Шарра, ты где? — крикнула Брекка из соседней комнаты. — Гости прибыли! Встреть их на берегу, — она торопливо вошла в комнату Джексома, пригласила одеяло и бросила на юношу внимательный взгляд. — Надеюсь, лицо у тебя чистое? А руки?

— Рут', кто там прилетел? Почему такая суматоха?

«Меня он тоже рад видеть», — удивление в голосе Рут'а сменилось восторгом.

Это замечание насторожило Джексома, и все же появление Лайтола застигло его врасплох. Лицо опекуна под летным шлемом казалось бледным и напряженным. Он не удосужился даже расстегнуть куртку, и теперь его лоб и верхнюю губу покрывали бисеринки пота. Остановившись в дверях, он впился глазами в лицо своего питомца.

Потом резко отвернулся к стене, хрипло откашлялся и начал стягивать шлем, перчатки и тяжелое кожаное одеяние. Когда подошла Брекка, чтобы принять у него летную амуницию, он пробурчал что-то нечленораздельное. Проходя мимо постели Джексома, Брекка так выразительно взглянула на него, что юноша все понял без слов.

«Брекка говорит, что он плачет, — тихо произнес Рут'. — И чтобы ты не подавал вида и не смущал его, — Рут' помолчал. — Еще она говорит, что Лайтол тоже вылечился. Но разве он болел?»

Джексом не успел обдумать это странное замечание, потому что опекун уже взял себя в руки и повернулся к нему.

— Жарковато после Руата, — сказал Джексом, чтобы как-то нарушить молчание.

— Солнце тебе не повредит, мой мальчик, — одновременно с ним проговорил Лайтол.

— Мне еще не разрешают вставать...

— А гора совсем такая, как ты нарисовал...

И они снова оба заговорили одновременно, перебив друг друга.

Джексом не выдержал и расхохотался, указав Лайтолу на край постели. Все еще смеясь, он схватил опекуна за руку и крепко сжал, словно просил извинения за то, что заставил его так поволноваться. И тут же оказался в его крепких объятиях. Отпустив Джексома, Лайтол похлопал его по плечу, и на глаза юноши на-

вернулись слезы. Опекун всегда заботился о нем, но чем старше становился Джексом, тем чаще задавал он себе вопрос: что связывает с ним Лайтола? Любит ли его этот суровый человек или всего лишь добросовестно выполняет свой долг?

— Я уж боялся, что потеряю тебя...

— Меня, господин мой, не так-то легко потерять.

Джексом почувствовал, как по его лицу расползается глуповатая ухмылка: Лайтол улыбался! Впервые, сколько он его помнил!

— От тебя совсем ничего не осталось — одна кожа да кости, — проворчал управляющий Руата, осматривая своего питомца.

— Это поправимо — мне уже разрешают есть все подряд, — ответил Джексом. — Не хочешь ли чего-нибудь?

— Я прибыл сюда не есть, а повидаться с тобой. И вот что я скажу, юный лорд Джексом: не мешало бы тебе еще поучиться черчению у мастера-кузнеца — деревья, что растут вдоль берега, ты изобразил не очень точно. Хотя гора, должен признать, удалась тебе на славу.

— Я знал, что с деревьями что-то не в порядке... вот почему я решил сюда вернуться. Только потом это начисто вылетело у меня из головы.

— Так я и понял, — хрипло рассмеялся Лайтол.

— Расскажи мне, что нового у нас в Руате, — Джексому почему-то захотелось услышать о тех житейских мелочах, которые, бывало, так утомляли его.

Они беседовали как два старых друга, и с каждой минутой Джексом все больше изумлялся. Только теперь он понял, что все это время его не покидало чувство вины перед Лайтолом — с тех самых пор, как он неожиданно запечатлил Рут'а. Внезапно стена между ними рухнула. Стоило поболеть хотя бы ради этого, решил Джексом, вглядываясь в лицо опекуна. Великая Скорлупа, как он мечтал в детстве хоть раз увидеть его улыбку!

Вошла Брекка, виновато пряча глаза.

— Извини, лорд Лайтол, но Джексом быстро устает.

Управляющий покорно поднялся, с беспокойством глядя на юношу.

— Брекка, неужели после того, как Лайтол проделал такой путь, нам нельзя...

— Ничего, мальчик. Я приеду еще. Не стоит рисковать.

Брекка увидела его улыбку и изумленно подняла брови. Но еще больше она изумилась, когда Лайтол, перед тем как выйти из комнаты, неуклюже обнял своего подопечного.

Она вопросительно посмотрела на юношу, но тот лишь пожал плечами, сделав вид, что в поведении Лайтола нет ничего не-

обычного. Задумчиво покачав головой, Брекка быстро вышла, чтобы проводить гостей до берега.

«Он был очень рад тебя повидать, — заметил Рут'. — Он улыбается».

Джексом улегся и поерзал в постели, устраиваясь поудобнее. Потом, посмеиваясь про себя, закрыл глаза. Все-таки ему удалось вытащить сюда Лайтола, чтобы тот полюбовался этой бесподобной горой!

Лайтол оказался не единственным, кто явился поглядеть на гору, а заодно и на Джексома. На следующий день прибыл лорд Грож и сразу же стал пыхтеть и отдуваться от жары, покрикивая на свою маленькую королеву, чтобы она не возилась в воде среди чужих файров — иначе ему придется возвращаться с мокрым рукавом.

— Я слышал, ты подхватил горячку, как и наша арфистка, — сказал Грож, вваливаясь в комнату с таким видом, словно готовился ревизовать некое ценное имущество. Джексом ощутил мгновенный приступ паники.

Еще больше его утомил придирчивый осмотр, учиненный ему напористым владельцем Форта. Он так долго разглядывал юношу, что Джексом решил: Грож пересчитал все его ребра и прикинул на вес оставшееся мясо.

— Неужели, Брекка, нельзя кормить парня получше? — прорычал он. — А я-то считал тебя первостатейным врачом! Посмотри, он худой, как щепка! Так дело не пойдет. Одно хорошо — ты, Джексом, нашел себе дивное местечко для болезни. Нужно пойти осмотреться, раз уж я сюда выбрался. Правда, путь был недолог. Да, пожалуй, стоит все-таки осмотреться, — Грож выпятил подбородок и хмуро уставился на Джексома. — А сам-то ты успел здесь полазить, пока тебя не свалила хворь?

Джексом понял, что неожиданный визит лорда Грожа преследует две цели: во-первых, убедиться, что юный владелец Руата вопреки всем слухам еще не отошел в мир иной. Во-вторых... При мысли о прочих намерениях повелителя Форта Джексом ощутил некоторую неловкость — ему сразу припомнилось замечание Лессы о том, что ей нужна «только лучшая часть».

Когда Брекка мягко напомнила шумному лорду, что не следует утомлять больного, Джексом едва не запрыгал от радости.

— Не волнуйся, мальчик, я еще вернусь, — уже стоя на пороге, Грож ободряюще помахал ему рукой. — А местечко — просто прелестное, могу тебе только позавидовать.

— Неужели все на севере знают, куда меня занесло? — спросил Джексом вернующуюся Брекку.

— Его привез Д'рам, — тяжело вздыхая и хмурясь, ответила она.

— О чем он только думал, этот Д'рам? — заметила Шарра. Она опустилась на скамейку и принялась, как веером, обмахиваться большим перистым листом, изображая облегчение, наступившее после отъезда шумного лорда. — Грож может и здорового довести до судорог... не говоря уже о человеке, который едва оправился от болезни.

— Я думаю, Конклав лордов желает убедиться, что Джексом жив и идет на поправку, — продолжала Брекка, сделав вид, что не заметила реплики Шарры.

— Он рассматривал Джексом, как торговец скотом. Зубы он тебя случайно не попросил показать?

— Пусть манеры лорда Грожа не вводят тебя в заблуждение, Шарра, — сказал Джексом. — Он не менее хитер и проницателен, чем мастер Робинтон. Его привез Д'рам, а это значит, что Ф'лар с Лессой дали разрешение на этот визит. Но я не думаю, что они одобряют намерение Грожа навеститься сюда еще разок.

— Если сама Лесса позволила лорду Грожу сюда заявиться, я поговорю с ней, можешь быть уверен, — ответила Брекка, неодобрительно поджав губы. — Для человека, который только-только начал выздоравливать, он не самый лучший посетитель. Теперь, Джексом, я уже могу сказать, что ты проболев горячкой целых шестнадцать дней...

— Как? — Джексом с ошеломленным видом сел в постели. — Но ведь я...

— Для взрослых горячка очень опасна, — пояснила Шарра. Она обменялась взглядом с Бреккой, и та кивнула. — Ты чуть не умер.

— Я?! — Джексом испуганно схватился за голову.

Брекка снова кивнула.

— Поэтому если тебе покажется, что твое лечение несколько затянулось, поверь — у нас есть на это свои причины.

— Так я чуть не умер? — Джексом никак не мог освоиться с этой мыслью.

— Да. Потому-то мы и не спешим — тебе надо окончательно оправиться. А теперь — самое время перекусить, — сказала Брекка, выходя из комнаты.

— Нет, я, правда, чуть не умер? — допытывался Джексом у Шарры.

— Боюсь, что так, — судя по голосу, его реакция скорее забавляла, чем тревожила девушку. — Но ведь ты не умер? Вот что самое главное.

Она произвольно потупила глаза и облегченно вздохнула.

Потом слегка улыбнулась, но Джексом заметил, что ее выразительные глаза затуманились.

— У тебя кто-то умер от горячки — человек, который был тебе дорог?

— Ты его не знал, Джексом, да и я знала не очень близко. Просто... просто каждому целителю тяжело терять больного.

Больше Джексому ничего не удалось вытянуть из нее, и он прекратил расспросы, поняв, что девушка до сих пор остро переживает эту смерть.

На следующее утро Брекка и Шарра повели его на берег. Пошатываясь на неверных ногах, он ругался сквозь зубы, смущенный собственной слабостью. Увидев приятеля, Рут' помчался к нему, поднимая тучи песка, от восторга забыв про осторожность. Брекка строго велела ему остановиться и стоять смирно, чтобы ненароком не сбить Джексома с ног. Глаза Рут'а тревожно заврашались, он виновато закурлыкал и с величайшей осторожностью потянулся к юноше, не решаясь даже приветственно потыкать его носом. Джексом обвил руками шею дракона. Рут' напряг мышцы, принимая на себя вес обмякшего тела друга, и ободряюще заворчал. Из глаз юного лорда потекли слезы; он поспешно отер их о мягкую кожу, к которой прижимался лицом. Милый, чудесный Рут'! В голову Джексома закралась непрощенная мысль: если бы он умер от горячки, то Рут'...

«Но ты не умер, — сказал Рут'. — Ты выжил. Я просил тебя об этом. Теперь ты уже гораздо сильнее. И с каждым днем будешь становиться все сильнее. И мы будем купаться и лежать на солнце, и все будет хорошо».

Рут' так разволновался, что Джексому пришлось успокаивать его, шепча ласковые слова и поглаживая по шее, пока Брекка с Шаррой не заставили его сесть; женщины боялись, что он упадет. Они прикрепили плетеную циновку к наклонному стволу дерева, которое росло на порядочном расстоянии от берега, чтобы можно было устроиться в тени. Там Джексома и уложили. Рут' прикорнул рядом, вытянув голову, чтобы быть поближе к другу; глаза его переливались тревожным лиловым светом.

К полудню, когда Джексом уже успел вздремнуть, прибыли Ф'лар с Лессой. Юноша с удивлением обнаружил, что Лесса, обычно такая колючая, может быть очень приятным гостем — мягким и ненавязчивым.

— Пришлось допустить к тебе лорда Грожа собственной персоной. Боюсь, Джексом, что его визит не привел тебя в восторг. Но прошел слух, что ты мертв и Рут' — тоже. — Лесса выразительно передернула плечами. — Не зря говорят: для дурных вещей никакой арфист не нужен.

Ф'лар кивнул и усмехнулся Джексому.

— Вот почему мы попросили Д'рама привезти его к тебе. Сто-рожевой дракон Форт-холда слишком стар, чтобы принять ори-ентиры от лорда Грожа.

— У него была с собой огненная ящерица, — сказал Джексом.

— Может быть, маленькая королева лорда Грожа и очень смышленна, но вряд ли она поможет ему найти дорогу, — броси-ла Лесса.

— Да разве об этом речь? — поморщился Ф'лар. — Все равно он уже увидел гору. И то, какие здесь просторы...

— Значит, мы должны первыми заявить свои права, — реши-тельно проговорила Лесса. — Меня не интересует, сколько своих сыновей хочет поселить здесь Грож. Все равно право первого вы-бора остается за всадниками. И Джексом может нам помочь.

— Пройдет еще немало времени, прежде чем Джексом встанет на ноги, — заметила Брекка, и по лицу Лессы скользнула легкая тень недовольства.

— Не волнуйся, я найду способ умерить притязания Грожа, — добавил Ф'лар.

— Стоит пролезть одному, как следом за ним ринутся дру-гие, — задумчиво проговорила Брекка, — да их и винить трудно. Эта часть Южного кажется настолько привлекательней наших северных поселений...

— Мне не терпится подобраться поближе к этой горе, — Ф'лар повернулся к югу. — Я знаю, Джексом, что ты еще нездоров, но все же попробуй выяснить, сколько файров — из тех, что крутят-ся вокруг Рут', — родом из Южного?

— Они не из Южного Вейра, если тебя интересует именно это, — ответила Шарра.

— А ты откуда знаешь? — спросила Лесса.

Шарра пожала плечами.

— Их невозможно приручить. Стоит кому-нибудь прибли-зиться, как они сразу исчезают в Промежутке. Ведь их привлека-ет Рут', а не мы.

— Просто мы — не их люди, — сказал Джексом. — Но я поста-раюсь выяснить про них все, что можно...

— Будь так добр, — распорядилась Лесса. — И если здесь поя-вится хоть один из Южного Вейра... — она оборвала фразу.

— Пожалуй, нужно дать Джексому отдохнуть, — вмешалась Брекка.

Ф'лар жестом пригласил Лессу следовать за ним.

— Хороши гости! — хихикнул он. — Пришли навестить боль-ного — и даже слова ему сказать не дали.

— Да мне пока и говорить-то особо не о чем, — и юноша сер-

дито оглянулся на Брекку и Шарру. — Но когда вы прилетите в следующий раз, все будет по-другому.

— Если случится что-то интересное, пусть Рут' передаст Рамот'е или Мнемент'у.

Брекка и Шарра вышли проводить гостей. Джексом тоскливо вздохнул, потом решил, что пора выбросить из головы мысли о том, что две недели назад он был на грани смерти. Это мрачное известие совсем выбило его из колеи, а жизнь тем временем уже подкидывала новые проблемы.

Их набралось несколько. Больше всего его по-прежнему волновал вопрос, что же он мог наболтать в бреду. Джексом пытался припомнить то время, но единственное, что он ощущал тогда, — чередование холода и жара да еще неясные кошмары.

Еще он обдумал визит своего опекуна. Так, оказывается, Лайтол его любит! Скорлупа и Осколки! Он совсем забыл расспросить Лайтола о Коране. Надо будет послать ей пару слов, она наверняка уже слышала про его болезнь. А может, лучше этого не делать? Так проще будет разорвать их отношения. Теперь, когда он встретил Шарру, продолжать роман с Кораной совсем расхотелось. Надо будет обязательно поговорить с Лайтолом.

Что же все-таки он говорил в беспамятстве? Отдельные бесвязные слова? Целые фразы? Может быть, и беспокоиться-то не о чем?

Вот что ему совсем не понравилось — так это явление лорда Грожа. Если бы не эта дурацкая болезнь, Грож бы так и не узнал про здешние места. По крайней мере до тех пор, пока всадники сами не позволили бы ему узнать. А еще эта гора... Слишком необычная, такую и захочешь — не забудешь. Любой дракон запросто отыщет. Или нет?.. Для прыжка через Промежуток дракону необходимо получить от всадника четкую картинку. А если картинка будет из вторых рук? В конце концов, Д'рам и Тирот' попали сюда именно благодаря тому, как описал это место мастер Робинтон. Но Д'рам и Тирот' — очень опытные, таких мало...

Джексом страстно захотел выздороветь — и поближе подобраться к удивительной горе. Он хотел быть первым. Сколько ему еще болеть...

* * *

На следующий день ему разрешили искупаться. Брекка сказала, что плавание укрепляет мышцы, но Джексом решил, что мышц у него не осталось совсем. Он так изнемог, что, едва добравшись до постели, снова уснул.

Разбуженный прикосновением Шарры, он завопил и резко сел в постели, озираясь по сторонам.

— Что случилось, Джексом?

— Я видел страшный сон, кошмар!

Он был уверен, что произошло что-то ужасное, но, оглянувшись, увидел Рут'а, который мирно спал, растянувшись рядом; его нос находился на расстоянии ладони от ступни Джексома. На спине у дракона и рядом с ним, чутко вздрагивая, дремало не меньше дюжины огненных ящериц.

— Ну вот, теперь ты совсем проснулся. Что же случилось?

— Сон был такой живой... и все-таки ускользнул без следа. Мне так хотелось бы его вспомнить!

Шарра положила ему на лоб прохладную ладонь, но юноша резко сбросил ее.

— Нет у меня никакого жара, — капризно сказал он.

— Разве я говорю, что есть? А как голова? Глаза?

Он сердито и нетерпеливо отвечал, что все в порядке, потом вздохнул и виновато улыбнулся.

— Какой я зануда, правда?

— Хорошо еще, что не всегда, — улыбнувшись, девушка опустилась на песок рядом с его постелью.

— Если каждый день я буду плавать немного подольше, через сколько дней я окончательно поправлюсь?

— К чему такая спешка?

Джексом усмехнулся и указал в сторону горы.

— Хочу добраться туда раньше лорда Грожа.

— Ну, — Шарра лукаво взглянула на него, — это не так уж сложно, теперь силы будут возвращаться к тебе быстрее. Мы просто не хотим, чтобы ты слишком перенапрягался. Лучше потереть недельку, чем заработать осложнение и начать все сначала.

— Осложнение? А как я узнаю, если оно начнется?

— Очень просто. Снова появятся пятна перед глазами и головные боли. Так что, пожалуйста, Джексом, лучше слушайся нас.

Ее синие глаза смотрели на него почти умоляюще, и Джексому хотелось думать, что она тревожится о нем больше, чем об обычном пациенте. Не спуская с нее глаз, он медленно кивнул в знак согласия и в награду получил нежную улыбку.

К вечеру нагрянули Ф'нор с Д'рамом. Оба были в полном боевом снаряжении, драконы навьючены мешками с огненным камнем.

— Завтра ожидают Падение Нитей, — сказала Шарра, поймав вопросительный взгляд юноши.

— Снова Нити?

— Они падают по всему Перну, и здесь, над бухтой, падали уже три раза с тех пор, как ты заболел. Да, ведь это случилось на следующий день после того, как ты здесь очутился, — она улыб-

нулась, увидев, как он застыл с открытым ртом. — Зато нам довелось увидеть редкое зрелище — драконов в небе. Они прикрывали только наше убежище — об остальном позаботились личинки.

Девушка приветливо помахала всадникам — они уже шли по берегу, расстегивая летную амуницию. Кант' и Тирот' сбросили мешки с камнями на песок и, высоко подняв крылья, с блаженным курлыканьем погрузились в теплую ласковую воду. Рут', вздымая брызги, поспешил присоединиться к ним. Большая стая файров, в восторге от такой компании, с радостными воплями носилась над головами трех драконов.

— Ты посвежел, Джексом, — произнес Ф'нор, крепко пожимая ему руку, — сегодня вид у тебя куда лучше.

Д'рам, соглашаясь, кивнул.

— Знаешь, что я тебе скажу, — снова заговорил Ф'нор, присев на корточки рядом с постелью, — редкое удовольствие видеть, как сражается твой малыш. До чего же он ловок и увертлив! Перехватил втрое больше Нитей, чем взрослые драконы. Ты здорово его натренировал!

— Вряд ли мне завтра позволят сражаться?

— Нет, даже не надейся, — решительно произнес Ф'нор. — Сейчас твой единственный долг перед холдом и Вейром — поскорее встать на ноги. Встать на ноги и посмотреть на все свежим взглядом! Я тебе завидую, Джексом, честное слово завидую — тебе выпал такой шанс! — И правда, в усмешке Ф'нора сквозила искренняя зависть. — Ведь я так и не успел здесь полетать. С высоты видно, что леса тянутся далеко-далеко, куда ни кинешь взгляд, — он сделал широкий жест рукой. — Да ты и сам увидишь. Хочешь, в следующий раз я привезу тебе бумагу, чтобы ты мог рисовать и делать записи?

Джексом молча кивнул, горло у него сдавило.

— Спасибо тебе за все, Ф'нор, — пробормотал он.

Из-за деревьев появились Брекка и Шарра. Молодая женщина быстро подошла к супругу, но не обняла его, как ожидал Джексом, а как-то нежно, почти робко опустила руку на его плечо. Слегка смутившись, Джексом отвернулся и увидел, что Шарра тоже наблюдает за Ф'нором и Бреккой. На лице ее застыло странное выражение, которое тотчас исчезло, когда девушка заметила, что Джексом смотрит на нее.

— Напитки прибыли, — оживленно объявила она, передавая Д'раму кружку. Брекка в это время угощала Ф'нора.

Вечер стоял прекрасный, и они расположились поужинать на берегу. Трое драконов зарылись в еще теплый песок повыше верхней отметки прилива, их глаза самоцветами поблескивали в темноте, быстро сгущающейся вокруг костра.

Брекка с Шаррой запели одну из песен, сочиненных Менолли; Д'рам вторил им хрипловатым басом. Брекка заметила, что голова Джексома начинает клониться на плечо, и велела ему перебраться под крышу; он не стал спорить и вскоре, повернувшись лицом к огню, погрузился в сон, убаюканный их пением.

Его разбудил взволнованный голос Рут'а. Джексом, еще не придя в себя, заморгал глазами, а в ушах его уже звучало — Нити! Сегодня Рут' вместе с Тирот'ом и Кант'ом готовился к боевому вылету. Джексом сбросил одеяло и поспешил на берег.

Брекка и Шарра помогали всадникам навьючивать на драконов мешки с огненным камнем. Рут', в окружении четырех файров, сбивавшихся с ног и крыльев, деловито жевал камень. На востоке едва начинало светать. Джексом вглядывался в полумрак, сясь различить белесую дымку, предвещавшую приближение Нитей. Высоко в небе неожиданно ярко мерцали три Рассветные Сестры, затмевая все другие звезды, еще видимые на западном небосклоне. Джексом нахмурился. Он никогда не замечал, какие они яркие и обманчиво близкие. В Руате на заре они казались тусклыми, едва заметными точками. Нужно спросить у Ф'нора, нельзя ли воспользоваться мощным дальновидящим прибором, и напомнить Лайтолу, чтобы он привез звездные карты и записи уравнений... Тут Джексом заметил, что нигде не видно южных файров, которые день и ночь осаждали Рута.

— Джексом! — его заметила Брекка. Оба всадника помахали ему и взобрались на своих драконов.

Джексом проверил, достаточно ли камня в желудке Рут'а, потом приласкал его и похвалил, испытывая законную гордость. Какой из драконов Перна мог бы вылететь на битву с Нитями без всадника?

«Я помню все, чему нас учили в Форт-Вейре. Ф'нор с Кант'ом и Д'рам с Тирот'ом мне всегда помогут. И Брекка все время за мной следит. Раньше я никогда не слушался женщин. Но Брекка такая добрая! Только очень грустная. Кант' говорит, что ей полезно с нами разговаривать. Она знает, что мы всегда с ней».

Они повернулись лицом к востоку, где ярким красно-оранжевым светом зловеще мерцала Алая Звезда. Вот ее закрыла мутная дымка, и Ф'нор поднял руку, давая драконам сигнал к взлету. Кант' и Тирот', мощно взмахивая крыльями, круто пошли вверх. Рут' поднимался стремительно, намного опережая больших драконов. Рядом появились четыре файра, которые по сравнению с ним казались еще меньше — так же, как и он — на фоне коричневого и бронзового.

— Рут', не лезь вперед один! — крикнул Джексом.

— Он не станет, — успокоила юношу Брекка, глаза ее смея-

лись. — Просто он еще такой юный, что непременно хочет быть первым. И при этом позволяет старшим экономить силы. Пойдем, нам пора в укрытие.

Все трое на миг застыли на месте, чтобы в последний раз взглянуть на своих защитников, а потом поспешили под крышу.

— Все равно много не увидишь, — сказала Шарра, заметив, что Джексом остановился на пороге.

— По крайней мере я увижу, если Нить упадет на зелень.

— Не упадет — у нас опытные всадники.

Джексом почувствовал, как по спине у него пробежал озноб, и вздрогнул всем телом.

— Только попробуй мне простудиться! — пригрозила Шарра. Найдя в комнате его куртку, она бросила ее Джексому.

— Мне совсем не холодно. Просто я подумал о Нитях, об этих лесах...

Шарра пренебрежительно фыркнула.

— Я и забыла, что ты северянин, выросший в каменном холде! Здесь Нити могут разве что срывать или дырывать листья, а потом все повреждения зарастают сами собой. Тут вся почва кишит личинками. Если тебя это интересует, первое, что сделали Ф'нор с Д'рамом, — это проверили землю. Они хотели убедиться, что личинок здесь достаточно, — и убедились.

«Мы встретили Нити, — с энтузиазмом сообщил Рут'. — Пламя у меня отличное. Я должен летать зигзагами, пока Кант' с Тирот'ом пройдут с востока на запад. Здорово у нас получается! У файров тоже хорошее пламя. Эй, Берд, ты ближе всех! Мийр, возьми правее! Талла, помоги ему! Иду, иду! Спускаюсь... Сейчас дыхну! Ну-ка, поберегитесь! Я защищаю своего друга!»

Брекке встретила взглядом с Джексомом и улыбнулась.

— Он постоянно комментирует ход сражения, так что мы все знаем, как здорово у него получается, — взгляд ее стал рассеянным, она заморгала. — Иногда я вижу бой глазами трех драконов сразу. Даже перестаю понимать, что происходит. Но все идет отлично!

Потом Джексом даже не смог вспомнить, что он ел и пил за завтраком. Когда Рут' возобновил свой монолог, юноша стал с напряженным вниманием следить за словами дракона, то и дело поглядывая на Брекку. Ее лицо было сосредоточенным — ведь она одновременно выслушивала трех драконов и четырех файров! Вдруг Рут' смолк на полуслове, и Джексом судорожно вздохнул.

— Все в порядке. Просто они не стали гнаться за ушедшими в сторону Нитями, — пояснила Брекка. — Мы и так в полной безопасности. Завтра вечером крылья Бендена вылетают сражаться с

Нитями над Нератом. Поэтому Ф'нору с Кант'ом не стоит сегодня переутомляться.

Джексом так резко вскочил, что скамья с грохотом опрокинулась. Пробормотав извинение, он поднял ее и, выйдя из хижины, направился к берегу. Остановившись на пляже, юноша посмотрел на запад и увидел вдали едва различимую дымку Нитей. Его снова затрясло, даже волосы на затылке встали дыбом. Бухта, обычно такая тихая и безмятежная, кишела рыбами. Они ныряли, выскакивали на поверхность и снова неловко плюхались в воду, как будто обезумели от боли.

— Что это с ними? — спросил он подошедшую Шарру.

— У рыб сегодня пир — они большие любители Нитей. Обычно они успевают съесть их подчистую к тому времени, как драконы, вернувшись, приходят сюда искупаться. А вот и наши! Уже возвращаются!

«Хорошая была битва! — с торжеством заявил Рут', потом недовольно добавил: — Жаль, что мы не погнались за Нитями. Кант' с Тирот'ом говорят, что за большой рекой нет ничего, кроме каменистой пустыни, поэтому глупо тратить пламя впустую. Уф-ф-ф!»

Шарра и Джексом рассмеялись: вместе со вздохом белый дракон выпустил столб пламени, так что едва не обжег себе нос.

Не успели большие драконы приземлиться, как вода в бухте успокоилась. Рут' хвастался напропалую — теперь ему не нужно подпитывать пламя, потому что он точно знает, сколько камня потребуется на все сражение. Кант', явно забавляясь, терпеливо выслушивал похвалу белого дракончика.

Тирот' фыркнул и, сбросив мешок с остатками камня, вошел в воду. И сразу же, откуда ни возьмись, в воздухе закружилась целая туча ящериц и в радостном нетерпении повисла над ним. Старик бронзовый поднял голову к небу, еще раз фыркнул и, испустив громкий вздох, блаженно разлегся на мелководье. Файры тут же всей оравой набросились на его спину. Сначала они забросали дракона песком, а потом, пустив в ход все четыре лапки, принялись драить его гребень. Тирот' прикрыл глаза прозрачным внутренним веком, и они, как две луны, поблескивали у самой поверхности призрачной подводной радугой.

Рядом взревел Кант', и тотчас половина ящериц бросила Тирот'а и устремилась к нему. Увидев, что старшие его обогнали, Рут' заморгал и, встряхнувшись, робко вошел в воду на почтительном расстоянии от коричневого и бронзового. Четверо файров, помеченные цветными лентами, оставили больших драконов и принялись мыть белого малыша.

— Давай, Джексом, я тебе помогу, — предложила Шарра.

Отмывать шкуру дракона от вони огненного камня — в любом случае занятие не из легких, и хотя на этот раз Джексому достался всего один бок Рут'а, он под конец работал стиснув зубы.

— Говорила ведь я тебе, Джексом, чтобы ты не переусердствовал, — резко сказала Шарра. Закончив тереть хвост Рут'а, она выпрямилась и заметила, как юноша устало привалился к плечу дракона. Девушка повелительно махнула в сторону берега. — Ступай немедленно! Сейчас я принесу тебе поесть. Да ты белее Рут'а!

— Я никогда не приду в норму, если не буду упражняться.

— Прекрати бормотать, все равно тебя еле слышно...

— Ой, только не надо, опять будешь говорить, что все делается для моей же пользы...

— Значит, для моей? Мне вовсе не улыбается снова с тобой возиться, если тебе станет хуже!

Девушка наградила его таким сердитым взглядом, что Джексом попятился и побрел к берегу. И хотя до его импровизированного ложа под деревьями было рукой подать, он с трудом дотащился туда на отяжелевших ногах. Он рухнул на покрывало, облегченно вздохнул и закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, кто-то тряс его за плечо. Над ним, вопросительно глядя в его лицо, склонилась Брекка.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мне снова что-то снилось...

— И снова что-то страшное?

— На этот раз интересное... только я опять ничего не запомнил.

Джексом потряс головой, отгоняя ночные видения, и вдруг понял, что сейчас полдень. Рядом с ним похрапывал Рут'. Чуть подальше, прислонясь к передним лапам Тирот'а, спал Д'рам. Ни Ф'нора, ни Кант'а не было видно.

— Ты, наверное, проголодался, — Брекка передала ему тарелку и кружку, которые принесла с собой.

— Долго я спал? — Джексом был недоволен собой. Он потянулся и почувствовал, как ноют мышцы.

— Несколько часов. Но тебе это только на пользу.

— В последнее время меня постоянно одолевают сны. Это последствие горячки?

Брекка заморгала, потом задумчиво нахмурилась.

— Дай подумать. Знаешь, я тоже здесь вижу больше снов, чем раньше. Может быть, это от солнца...

В этот миг проснулся Тирот'. Он заревел и стал потягиваться, засыпав своего всадника песком. Брекка коротко вздохнула и вскочила на ноги, не спуская глаз со старого дракона, который отряхивался и расправлял крылья.

— Брекка, нам пора! — крикнул Д'рам. — Ты слышишь?

— Да, слышу. Поторопитесь! — отвечала она, подняв руку в знак прощания.

То, что так взволновало Тирот'а, взбудоражило и файров, которые принялись носиться кругами, пронзительно чирика. Рут' приподнял голову и, сонно оглядевшись, снова положил ее на песок, не обратив никакого внимания на поднимающуюся суматоху. Брекка обернулась и со странным выражением взглянула на белого дракона.

— Что случилось, Брекка?

— В Исте бронзовые начали пить кровь.

— Чтоб им ни Скорлупы, ни Осколков! — первоначальное удивление Джексома сменилось острым разочарованием и досадой на собственную немощь. Он так надеялся, что ему будет позволено присутствовать при этом брачном полете. Ему хотелось подбодрить Г'денеда с Барнат'ом.

— Мы и так все узнаем, — мягко сказала Брекка. — Там ведь будут и Кант', и Тирот'. Они мне все расскажут. А ты пока поешь!

Джексом послушно сунул нос в кружку, все еще проклиная постигшую его неудачу, и внезапно заметил, что Брекка опять приглядывается к Рут'у.

— С Рут'ом что-то не так?

— С Рут'ом? С чего ты взял? Он, бедняжка, так гордится, что воевал с Нитями без тебя... Сейчас он слишком устал, чтобы думать о чем-то еще.

Она встала и пошла прочь. Берд и Гралл, тихонько воркуя, опустились ей на плечи, и скоро все трое исчезли под тенистым пологом леса.

Глава 14

Раннее утро в мастерской арфистов.

Середина утра в Иста-Вейре.

Пятнадцатый Оборот.

Двадцать восьмой день восьмого месяца

Еще не начало светать, когда Робинтона разбудила Сильвина.

— Мастер Робинтон, пришла весть из Исты. Бронзовые начали пить кровь. Кайлит'а скоро взлетит. Вас ждут.

— Неужели? Спасибо тебе, Сильвина, — он зажмурился — свет лампы, с которой она сняла колпак, ударил ему в глаза. — А ты случайно не принесла мне... — тут арфист увидел у постели

дымящуюся кружку. — Милая моя, я тебе благодарен до конца жизни!

— Ты уж скажешь, — хихикнула Сильвина, выходя из комнаты, чтобы не мешать арфисту собираться.

Робинтон торопливо оделся — предрассветный холодильник пробирал до костей. Заир, тихонько попискивая, привычно угнезвился у него на плече, и арфист зашагал по коридору.

Сильвина с факелом в руках уже ожидала его в темном нижнем зале. Она повернула рычаг, освобождая тяжелый брус, которым закрывали на ночь массивную кованую дверь. Робинтон поднажал плечом и с тревогой ощутил острый укол в боку. Сильвина вручила ему гитару, заботливо укутанную от леденящего холода Промежутка.

— Я уверена, что Кайлит'у догонит Барнат', — сказала она. — Гляди-ка, вот и Дрент'!

Арфист увидел, как садится коричневый Дрент', гася скорость крыльями, и бросился вниз по лестнице. Дракон был явно возбужден, его глаза сверкали в темноте красно-оранжевым пламенем. Поздоровавшись со всадником, Робинтон слегка замешкался, чтобы закинуть за спину гитару, и, ухватившись за протянутую руку Д'фио, забрался коричневому на шею.

— Как распределились ставки? — спросил он всадника.

— Значит, так. Лучший, конечно, Барнат'. Он-то наверняка и догонит Кайлит'у. Хотя, — тут в голосе Д'фио послышалось сомнение, — четверка бронзовых, которых допустил к испытанию Н'тон, тоже хороша: все как один сильные молодые драконы, так и рвутся в бой. Так что вполне возможен сюрприз. Ставь на любого — не прогадаешь!

— Я бы не отказался, но мне, понимаешь ли, не к лицу...

— Если бы ты, мастер Робинтон, доверил дело мне, то, клянусь Дрент'овой скорлупой, не пожалел бы.

— Так, значит, как всегда, после полета? — спросил арфист, сдаваясь. Он никогда не мог совладать с необоримой страстью к игре.

— О чем речь, мастер Робинтон! — грубовато ответил Д'фио. — Ведь я все-таки всадник, а не какой-нибудь там жулик-южанин!

— А я — главный арфист Перна, — парировал Робинтон. И, наклонившись к всаднику, сунул ему в ладонь две монеты. — Само собой, ставлю на Барнат'а, только смотри, чтоб ни одна живая душа не узнала!

— Как скажешь, мастер Робинтон, — с довольным видом ответил Д'фио.

Они поднялись над черной тенью утесов Форт-холда, едва раз-

личимых на фоне безлунного неба. Робинтон почувствовал, как напряглась спина всадника, и резко задержал дыхание — они вошли в Промежуток и тут же выскочили над Истой под трубный рев Дрент'а, спешившего назвать свое имя сторожевому дракону.

Робинтону пришлось прикрыть глаза рукой — так ослепительно сверкало солнце, отражаясь от морской глади. Бросив взгляд вниз, он увидел выразительный силуэт утеса, приютившего Иста-Вейр: черная скала напоминала гигантские скрюченные пальцы, нацеленные в яркое голубое небо. Иста была самым маленьким из Вейров, и некоторым драконам приходилось сооружать себе логова в окрестном лесу, подступающем к самому подножию скалы. Сейчас все обширное плато позади конической вершины наводнили бронзовые драконы. Их всадники сгрудились вокруг золотой королевы, которая, изогнув спину, высасывала кровь из очередной жертвы. Поодаль, на безопасном расстоянии, толпились зрители. Туда и направлялся Дрент' в поисках места для приземления.

Заир вспорхнул с плеча арфиста, спеша присоединиться к воздушному танцу ящериц, выражающих свое нетерпение. Робинтон заметил, что они стараются держаться от драконов подальше. Все-таки фэйры стали снова появляться в Вейрах — и то хорошо...

Д'фио спешил след за Робинтоном и отослал своего дракона поплавать в теплой воде залива, ниже плато. Другие звери, не принимавшие участия в сегодняшнем полете, уже воспользовались приятной возможностью и наслаждались морским купанием.

Кайлит'а, подпрыгивая, двинулась к загону, где метались мясные птицы. Козира неотступно следовала за ней, ни на миг не теряя связи с молодой королевой; ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы Кайлит'а наелась мяса: отяжелев, она не сможет подняться в брачный полет. Робинтон насчитал двадцать шесть бронзовых, тесным кольцом обступивших площадку для кормления. Шкуры их блестели в резком солнечном свете, глаза возбужденно вращались, сверкая красным огнем. Сжавшись, как пружина, полурасправив крылья, они были готовы рвануться ввысь по первому знаку королевы. Драконы — как и требовал Ф'лар — были молоды; почти все — одинаково крупные. Они нетерпеливо ждали, не сводя горящих глаз с предмета своих вожделений.

Кайлит'а издала низкий горловой рык и принялась высасывать кровь из очередной жертвы. Потом вздернула голову и обвела кольцо бронзовых презрительным взглядом.

Внезапно сторожевой дракон взревел, требуя назвать пароль,

и даже Кайлит'а оглянулась, чтобы посмотреть, что происходит. С юга, снижаясь над морем, подлетали двое бронзовых.

Робинтон сразу догадался, что драконы намеренно приближались на малой высоте, чтобы подобраться к Вейру незамеченными, и тут же понял: они совсем старики — морды посерели, шеи потеряли былую гибкость. Это южане. Должно быть, Т'кул с Салт'ом, а второй скорее всего Б'зон с Ранильт'ом. Робинтон бросился к площадке для кормления, где стопились будущие соискатели королевы, ибо именно туда стремились двое бронзовых, прибывших с юга.

«Да, время они рассчитали отменно», — подумал Робинтон и заметил двух всадников, как и он, пробиравшихся к месту посадки бронзовых. Он издали узнал плотную фигуру Д'рама и высокого худошавого Ф'лара. Т'кул и Б'зон соскочили с драконов, которые одним прыжком одолели расстояние, отделявшее их от собратьев, но те вместо приветствия яростно зашипели и зарычали. Робинтон молился про себя, чтобы никто из бронзовых всадников сгоряча не совершил опрометчивого поступка. Большинство из них были так молоды, что не могли узнать ни Т'кула, ни Б'зона. Зато Ф'лар с Д'рамом поняли все с первого взгляда.

Робинтон почувствовал, как сердце бешено колотится в груди; его пронзила такая острая, непривычная боль, что арфист был вынужден на мгновение остановиться. И оказался лицом к лицу с Б'зоном.

На лице южанина застыла странная усмешка. Он тронул Т'кула за плечо, и бывший предводитель Плоскогорья смерил мастера-арфиста быстрым взглядом. Решив, что он не представляет опасности, Т'кул обернулся, ища глазами Ф'лара и Д'рама.

Первым к нему прорвался предводитель Исты:

— Ты не в своем уме, глупец! Этот полет — для молодых драконов. Ты угробишь Салт'а!

— А какой еще выход вы нам оставили? — резко спросил Б'зон, в его голосе звенели истерические нотки. Ф'лар с Робинтоном заняли места по обе стороны от южан. — Наши королевы совсем одряхтели и больше не поднимаются. У нас нет даже зеленых, чтобы найти самцам хоть какую-то замену. Вы нас вынудили...

Кайлит'а затрубила, отшвырнула обескровленный труп и, подпрыгивая и помогая себе крыльями, бросилась к разбегающейся стае. Стремительно выбросив вперед лапу, она пронзила когтями новую жертву и подтащила ее к себе.

— Ведь ты, Д'рам, объявил полет открытым, не так ли? — хри-

пло спросил Т'кул, переводя взгляд с Д'рама на Ф'лара. Несмотря на южный загар, было видно, как исхудало его лицо.

— Действительно, так... но пойми, Т'кул, ваши бронзовые — совсем старики.

Он махнул в сторону нетерпеливых молодых драконов. По сравнению с ними старые бронзовые проигрывали еще больше.

— Все равно дни Салт'а сочтены. Позволь ему лететь, Д'рам. Я сам сделал этот выбор, когда взял его сюда, — во взгляде, который бросил Т'кул на Ф'лара, сквозила такая горечь и ненависть, что у Робинтона перехватило дыхание. — Зачем только вы забрали яйцо назад? И как вам удалось его отыскать? — сквозь неприступную гордость и надменность Т'кула на миг прорвалось отчаяние.

— Обратись вы к нам по-хорошему, мы бы вам помогли, — миролюбиво сказал Ф'лар.

— Я бы, во всяком случае, обязательно помог, — подтвердил Д'рам, удрученный бедой своих прежних соратников.

Не удостоив Ф'лара ответом, Т'кул наградил предводителя Исты долгим презрительным взглядом и, расправив плечи, пригласил Б'зона идти следом. На его пути к месту, где толпились распаленные бронзовые всадники, стоял Ф'лар. Предводитель Бендена открыл было рот, чтобы что-то сказать, но лишь сокрушенно покачал головой и отошел в сторону. Южане приблизились как раз вовремя — Кайлит'а подняла окровавленную морду, ее шкура сияла золотистым светом, глаза матово светились. Внезапно она с яростным клекотом оторвалась от земли. Барнат' первым из драконов ринулся за ней. К удивлению Робинтона, Т'кулов Салт' отстал от него совсем не намного.

Т'кул с торжеством на лице обернулся к Ф'лару, явно желая оскорбить предводителя Бендена. Потом медленным шагом направился к Козире. Забыв обо всем на свете, госпожа Вейра даже пошатывалась, сиюсь не потерять связи со своей королевой. Она и не заметила, как Г'денед с Т'кулом, взяв ее под руки, повели в королевский вейр, чтобы там дожидаться исхода полета.

— Он погубит Салт'а, — с убитым видом пробормотал Д'рам.

Странная боль, вновь сдавившая грудь, помешала Робинтону успокоить встревоженного всадника.

— И Б'зон туда же! — Д'рам схватил Ф'лара за руку. — Неужели ничего нельзя сделать, чтобы остановить этих безумцев? Они потеряют двух драконов сразу!

— Что им стоило прийти к нам... — начал Ф'лар, мягко положив руку на плечо Д'рама. — Но ведь эти Древние привыкли

только брать! С этого все и началось... — на его лице появилось суровое выражение.

— Они продолжают брать до сих пор, — заметил Робинтон, желая облегчить страдания Д'рама. — Они только и делают, что берут у севера, то здесь, то там, — все, что душа ни пожелает... Молоденьких девушек, сырье, камень, руду, драгоценности. Они делают это тайком с тех самых пор, как их отправили в изгнание. У меня есть факты, я передал их Ф'лару.

— Если бы они только попросили! — Ф'лар поднял глаза к небу, вперив взгляд в стремительно удаляющиеся точки, в которые превратились летящие драконы.

— Что все это значит? — торопливо подошел к ним лорд Варбрет из Исты. — Ведь два последних бронзовых — совсем старики, или я ничего не понимаю в драконах!

— Бракный полет был объявлен открытым, — ответил Ф'лар, но Варбрет продолжал вглядываться в расстроенное лицо Д'рама.

— Для старых драконов? А я-то думал, что ты допустил только молодых, которым еще никогда не доставалась королева! Ты только не обижайся, Д'рам, но я не вижу смысла, если мы снова получим старого предводителя. Холдеров вряд ли обрадует такая замена. — Он посмотрел на небо. — Да и куда им тягаться с молодыми? Такие скорости им не по силам!

— Они имеют право сделать попытку, — сказал Ф'лар. — Не выпить ли нам вина, Д'рам? Все равно ждать еще долго.

— Д-да, конечно. Лорд Варбрет, прошу... — Д'рам наконец очнулся от тягостных размышлений и жестом пригласил лорда последовать за ними в жилые пещеры. По дороге он приглашал и других гостей, но поступь его была медленной и тяжелой.

— Не переживай ты так, Д'рам, — проговорил лорд Варбрет, ободряюще хлопнув предводителя Исты по плечу. — Может, тот, второй дракон, и скор на подъем, только я все равно верю в Г'денеда с Барнат'ом. Отличный у тебя парень! И дракон у него просто превосходный! К тому же он уже однажды догнал Кайлит'у, верно? Это тоже не последнее дело — или я не прав?

Пока Робинтон тихо радовался, что лорд неправильно истолковал тревогу Д'рама, Ф'лар невозмутимо ответил владельцу:

— Да, после полета с Барнат'ом Кайлит'а отложила тридцать четыре яйца. Для первого раза это, пожалуй, даже многовато, но все малыши родились крепкими и здоровыми. Правда, ни одного королевского яйца в кладке не было, но так часто случается, когда у Вейра нет недостатка в королевах. И вопреки ее капризному

характеру узы, завязавшиеся в первом полете, могут серьезно повлиять на Кайлит'у... Но наперед загадывать трудно.

Робинтон заметил, что истинцы, принимающие гостей, держатся несколько напряженно. Интересно, многие ли из них узнали южан? Он надеялся, что никто из всадников не выскажет своих подозрений в присутствии лорда Варбрета.

Должно быть, Т'кулов Салт' уже десятки раз догонял свою королеву. Он, конечно, опытный боец, только весь его опыт не поможет, если он не сумеет поймать золотую в первые же минуты полета. У него просто не хватит сил — которые так и бурлят в молодых драконах, — чтобы сделать последний рывок. А соперники у него достойные. Робинтон знал, как тщательно Н'тон отбирал четверых молодых претендентов, выступающих от лица Форты. Каждый из них уже несколько Оборотов занимал пост заместителя командира крыла, каждый проявил отвагу в сражениях с Нитями, и драконы были под стать всадникам. Ф'лар тоже выставил соискателями трех всадников, способных возглавить Вейр. И вряд ли Телгар, Айген и Плоскогорье не подыскивали для Исты достойных претендентов.

Робинтон потягивал вино, ожидая, когда закончится приступ. «Откуда взялась эта колющая боль в груди? — размышлял он. — Ничего, вино — лучшее лекарство от всех недугов». Арфист подождал, когда Д'рам повернется к нему и вновь наполнит его кружку; Ф'лар с улыбкой смотрел на них.

У стола то и дело останавливались обитатели Вейра, чтобы приветствовать Д'рама и лорда Варбрета. Д'рам заметно приободрился, видя, что все они рады встрече с ним, и скоро стал отвечать им улыбкой и дружеским словом. В нем еще ощущалась напряженность, но любой отнес бы ее на счет вполне понятной тревоги за исход полета.

Робинтон терялся в догадках: что означали горькие слова Т'кула по поводу яйца. «Зачем только вы забрали яйцо назад? И как вам удалось его отыскать?» Разве Т'кул не знает, что яйцо вернул кто-то из южан? Внезапно арфист замер. Значит, никто из них яйца не возвращал, иначе Т'кул уже давно обнаружил бы виновника!

Робинтон всем сердцем надеялся, что ни один из старых бронзовых не погибнет, пытаясь догнать молодую королеву. В этом все Древние — испортить такой праздник! Неужели жизнь в Южном Вейре так уж невыносима, чтобы Т'кул предпочел хладнокровно послать своего дракона на смерть? Робинтон хорошо знал Южный — он был расположен на живописном плодородном плато и значительно выигрывал в сравнении с мрачным голым

Плоскогорьем, прежним Вейром Т'кула. В центре мощенного камнем двора, где не смогла бы зарыться ни одна Нить, высилось огромное, с толком построенное здание. В окрестных лесах было полно плодов и дичи для драконов, климат на Южном матери-ке — лучше не придумаешь, а единственная забота всадников — защищать небольшой холд на побережье.

Потом Робинтон припомнил ненависть к Ф'лару, бившуюся в глазах Т'кула. Нет, бывшим предводителем Плоскогорья руководили только злоба, вражда и чувство мести — за то, что его принудили к ссылке, не дав права выбора. «Спору нет, их королевы действительно состарились и не годятся для брачных полетов, но ведь это случилось не так давно, — думал Робинтон. — Не может быть, чтобы бронзовые успели дойти до такого отчаянного состояния... К тому же они ведь тоже стареют, и кровь уже не так играет — они наверняка давно умерили свой пыл».

Имелось и еще одно соображение — ведь Т'кула никто не при- нуждал отправляться на Южный вместе с Т'роном, Мардрой и другими столь же упрямыми и непримиримыми Древними. Что мешало признать главенствующую роль Бендена, согласиться с тем, что за четверста Оборотов, канувших со времени последнего Прохождения, цеха и холды заслужили право на самостоятельность, и вести себя, да и дела своего Вейра, соответственно изменившейся ситуации?

Обратись кто-нибудь из южан за помощью к любому Вейру, действуй они честно и открыто, наверняка такая помощь была бы оказана. Робинтон ничуть не сомневался в искренности Д'рама, да и сам он настаивал бы, чтобы Древним пошли навстречу, — в этом он мог поклясться хоть Скорлупой, хоть ее осколками.

Итак, рассчитываем на худшее, что может случиться с Т'кулом, если его Салт' не вынесет напряжения полета... Арфист глубоко вздохнул — ему совершенно не хотелось рассматривать такую возможность, но что делать, никуда не денешься. Это означало бы... Робинтон покосился в сторону покоев госпожи Вейра и вспомнил, что у Т'кула был за поясом кинжал. Само по себе это ничего не значило — многие носили ножи. Тем не менее Робинтон ощутил, как сердце его болезненно сжалось. Конечно, с его стороны это не очень тактично, но, может быть, стоит все же на- мекнуть Д'раму, чтобы он отправил кого-нибудь в королевский вейр на случай неприятностей? Всадников, которые не участвуют в брачном полете. Если у человека умирает дракон, он может потерять рассудок и натворить дел... Перед глазами арфиста снова встало искаженное ненавистью лицо Т'кула. Робинтон поль-

зовался многими привилегиями, но войти в покои госпожи Вейра, когда ее золотая поднялась в брачный полет, — такого права у него не было. И все же...

Внезапно он заметил, что Ф'лара уже нет за столом. Арфист обвел глазами пещеру, но высокой фигуры предводителя Бендена нигде не было видно. Он поднялся и, стараясь не привлекать внимания, направился к выходу, дружелюбно кивнув Д'раму и Варбрету. Его остановил Бальдор, арфист Вейра.

— Мастер Робинтон, Ф'лар прихватил с собой двух наших самых сильных всадников, — арфист скосил глаза в сторону покоев госпожи Вейра. — Он боится, как бы не было беды.

Робинтон понимающе кивнул и облегченно перевел дух. Потом снова насторожился.

— Как ему это удалось? Я что-то не видел, чтобы кто-нибудь поднимался по лестнице.

Бальдор ухмыльнулся.

— В нашем Вейре полно всяких потайных ходов и лазов. Зачем же усложнять ситуацию? — добавил он, указывая на собравшихся в зале гостей.

— Незачем, совершенно незачем.

— Скоро узнаем, что там происходит, — сказал Бальдор, тревожно вздыхая. — Файры нам скажут.

— Ты прав.

Заир, сидевший на плече арфиста, уже начал пересвистывать с коричневым Бальдора.

При вести о предпринятых мерах предосторожности у Робинтона слегка отлегло от сердца, и он вернулся к столу, где сразу наполнил кружки и себе, и Д'раму. Это, конечно, не бенденское, но тоже вполне приличное вино... Правда, он предпочитает не такое сладкое. Ну почему счастливые часы всегда летят стрелой, а такие дни, как сегодняшний, тянутся невыносимо медленно?

Послышался рев сторожевого дракона, зловещий и тревожный. Но все же это был не скорбный вопль! Не плач по усопшему! Робинтон почувствовал, как напряжение слегка отпустило его. Но он рано радовался — по пещере пролетел взволнованный шепот. Кто-то поспешил к выходу, глядя на синего сторожевого дракона, который замер на скале, раскинув крылья. Заир тихонько курлыкал, но Робинтон не мог понять ничего определенного. Бронзовый фэйр просто передавал сумбурные мысли дракона.

— Должно быть, один из бронзовых вышел из игры, — проглотив подступивший к горлу комок, произнес Д'рам. Даже под темным загаром было видно, как посерело его лицо. Он в упор посмотрел на Робинтона.

— Бьюсь об заклад, это кто-то из стариков, — сказал лорд Варбрет, довольный тем, что его прогноз подтверждается.

— Скорее всего ты прав, — с готовностью согласился Робинтон, — но коль уж полет был объявлен свободным, их пришлось допустить.

— Что-то они сегодня долго, — лорд Варбрет озабоченно поглядывал на клочок неба, голубевший в конце широкого прохода.

— Разве? Мне так не показалось, — ответил Робинтон, надеясь, что его слова прозвучали непринужденно. — Сегодняшний полет очень важен для Вейра... Наверно, Кайлит'а заставит бронзовых показать все, на что они способны!

— Как ты думаешь, на этот раз она отложит королевское яйцо? — с любопытством осведомился Варбрет.

— Никогда не стоит считать яйца заранее, милейший лорд, — произнес Робинтон, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Да-да, ты прав, я только хотел сказать, что это здорово укрепит положение Барнат'а, согласен? Если его королева после сегодняшнего полета отложит золотое яйцо?

— Ну, разумеется. Остается самая малость... чтобы Барнат' ее догнал!

— Догонит, мастер, непременно догонит. Где же твое чувство справедливости?

— Там же, где и всегда. Но я сильно сомневаюсь, что Кайлит'а сейчас способна рассуждать на эту тему.

Не успел Робинтон закончить фразу, как Заир жалобно вскрикнул, глаза его полыхнули желтым огнем ужаса. И тут же Мнемент', тревожно трубя, взвился в воздух.

Робинтон сорвался с места и бросился к выходу, ища глазами Бальдора. Арфист Исты тоже почуял опасность — он и еще четыре рослых всадника уже мчались по направлению к вейру королевы.

— Что происходит? — спросил встревоженный Варбрет.

— Жди здесь! — крикнул ему Робинтон.

Внезапно все небо заполнили драконы. Трубя и жалобно завывая, они металась в воздухе, чудом избегая столкновений. Робинтон бежал что есть сил, крепко прижав руку к груди, чтобы хоть как-то заглушить страшную боль, разрывающую сердце. Грудь сдавило тисками, он задыхался.

Над его головой надрывно кричал Заир. Он начал передавать арфисту картины: падающий дракон, сцепившиеся в схватке люди. На беду, бронзовый фэйр не мог сообщить хозяину самое важное — кто устроил побоище, чей дракон гибнет... Ф'лар наверняка там, иначе Мнемент' не стал бы так волноваться.

Бронзовый гигант опустился на карниз королевского вейра, преграждая путь Бальдору и его людям. Они прижались к стене, уворачиваясь от бешеных ударов огромных бронзовых крыльев.

— Послушай, Мнемент'! Дай нам пройти! Мы хотим помочь Ф'лару. Да слушай же ты!

Робинтон взлетел по ступенькам, протиснулся мимо Бальдора и ухватился за конец крыла. Мнемент' едва не сбил его с ног — он дернул крылом и, пригнув голову, угрожающе зашипел на арфиста. Огромные желтые глаза бешено вращались, сверкая желтым огнем.

— Мнемент'! Слушай меня! — заорал арфист. — Сейчас же пропусти нас!

Заир с отчаянным писком набросился на бронзового гиганта.

«Я слышу. Салт'а больше нет. Помоги Ф'лару». Мнемент' сложил крылья и поднял голову. Робинтон с облегчением сделал знак Бальдору идти вперед. Сам он был вынужден остановиться, чтобы перевести дух.

Когда Робинтон, прижимая к боку ладонь, повернулся, чтобы войти в проход, Заир стремительно понесся вперед, ободряюще чирикая. У арфиста мелькнула мысль — наверное, малыш уверен, что это он заставил бронзового отступить. Он был благодарен Мнемент'у; все-таки дракон послушался его.

Войдя в королевский вейр, Робинтон услышал звуки борьбы, доносящиеся из спальни Козиры. Внезапно закрывавший вход полог упал, сорванный с карниза, и из-за него показались два сцепившихся в схватке тела. Ф'лар и Т'кул! Бальдор и двое его помощников метались вокруг, стараясь разнять дерущихся. В дальней комнате остались госпожа Вейра и остальные бронзовые всадники; они, неразрывными нитями связанные со своими драконами, переживали все перипетии брачного полета, даже не замечая разгоревшейся рядом схватки. Кто-то лежал без чувств на полу. «Наверное, Б'зон», — подумал арфист, мгновенно охватив взглядом представшую перед ним картину.

И вдруг Робинтон с ужасом понял, что Ф'лар безоружен.левой рукой предводитель Бендена сжимал правое запястье Т'кула, стараясь отвести от себя его клинок — не обычный короткий кинжал, а длинный охотничий, конец которого почти упирался ему в ключицу. Он мертвой хваткой стиснул кисть Т'кула, пытаясь заставить противника разжать пальцы. Т'кул бешено извивался. По его воспаленным глазам, сверкавшим безумным блеском, Робинтон понял, что южанин не помнит себя. «Именно этого он и добивался», — подумал арфист.

Один из спутников Бальдора попытался передать Ф'лару нож, но Ф'лар не мог выпустить левую руку Т'кула.

— Я убью тебя, Ф'лар, — сквозь сжатые зубы прошипел Т'кул, из последних сил напрягая мышцы, чтобы всадить клинок в шею бронзового всадника. — Убью — как ты убил моего Салт'а! Как убил всех нас! Убью!

Его слова звучали, как заклинание; в такт им он делал бешеные рывки, черпая силы в глубинах своего безумия.

Ф'лар берег силы, но было видно, чего ему стоило удерживать нож на безопасном расстоянии: жилы на шее вздулись, мышцы лица одеревенели от напряжения, спина выгнулась дугой.

— Убью! Как собирался убить Т'рон! Я убью тебя, Ф'лар!

Т'кул, отрывисто выдыхая слова, целил острием кинжала в горло бенденца.

Ф'лар резко выбросил вперед левую ногу и, зацепив лодыжку Т'кула, сильно рванул на себя. Южанин с воплем пошатнулся и чуть не упал на него; вождь Бендена тем временем освободил правую руку, левой продолжая крепко сжимать запястье безумца. Южанин нанес ему сильный удар в живот. Задохнувшись, бронзовый всадник согнулся пополам, но так и не выпустил руки противника, сжимавшей клинок. Второй удар Т'кула сбил его с ног. Он рухнул на пол; Т'кул вырвал нож, уже собираясь наброситься на лежащего противника, но Ф'лар стремительно перекатился к стене и вскочил на ноги, опередив южанина. Т'кул рванул к нему, но Бальдор уже успел вложить в руку Ф'лара кинжал.

Противники сошлись лицом к лицу. Увидев мрачную решимость, застывшую на лице Ф'лара, Робинтон понял: теперь, когда дракон южанина уже мертв, ничто не помешает бенденцу прикончить врага. Если позволят силы.

Робинтон не сомневался в боевой выучке Ф'лара, но Т'кул не был обычным противником. Южанину придавало силы безумие, овладевшее им после гибели Салт'а. Хотя он и был на добрых двадцать Оборотов старше, но мало в чем уступал Ф'лару; к тому же длина клинка давала ему несомненное преимущество. Ф'лару придется долго избегать разящих ударов его кинжала, пока истощится безумная энергия, переполняющая Древнего.

Из покоев госпожи Вейра донесся восторженный крик, и сразу же — пронзительный вопль. Т'кул вздрогнул и оглянулся. Казалось, Ф'лар только этого и ждал. Он молнией метнулся к Т'кулу, и не успел южанин уклониться или отвести удар, как Ф'лар направил клинок вверх и вонзил его прямо в сердце противника. Древний замертво рухнул у его ног, глаза его закрылись.

Прерывисто дыша, Ф'лар тяжело опустился на колено. Он устало провел тыльной стороной ладони по лбу, и Робинтон понял — его угнетает не усталость, а исход поединка.

— У тебя не было другого выхода, Ф'лар, — тихо произнес арфист. Он хотел подойти к предводителю, но не смог даже пошевелиться.

Из покоев госпожи Вейра стали выходить потерпевшие неудачу соперники. Они двигались, как во сне, еще не справившиеся со слабостью после истощившего силы брачного полета. Они шли плотной группой, и Робинтон не мог понять, кто же остался с Козирой — кто стал новым предводителем Исты.

Внезапно арфиста одолела необъяснимая слабость. Он никак не мог отдышаться, не мог найти в себе силы успокоить Заира, который пронзительно верещал, вне себя от страха. Боль заливала грудь, тяжелым камнем давила на сердце.

— Бальдор!

— Я здесь, мастер Робинтон! — арфист Исты бросился к нему, на лице его читались тревога и страх. Он бережно довел Робинтона до ближайшей скамьи. — У тебя лицо стало серым... А губы — губы посинели! Что с тобой?

— Что-то меня всерьез прихватило. Вина! Вино должно мне помочь! — Арфист почувствовал, как на него надвигаются, падают стены. Он не мог вздохнуть. Он слышал вокруг взволнованные голоса, ощущал нарастающую панику, но впервые не мог вымолвить ни слова. Чьи-то руки потянули его вниз, бережно укладывая на скамью. Дышать стало еще трудней. Он из последних сил сопротивлялся, пытаясь сесть.

— Отпустите его... Так ему будет легче дышать.

Робинтон узнал голос Лессы. Как она здесь оказалась? Кто-то приподнял его, и он, наконец, смог вздохнуть. Ему вдруг захотелось уснуть, забыться...

— Ну-ка, выйдите все из вейра, — распоряжалась Лесса.

«Арфист, арфист, послушай нас... Слушай, арфист, не засыпай... Оставайся с нами. Ты нам нужен. Мы тебя любим. Слушай нас, арфист...»

Что за незнакомые голоса звучат у него в голове? Хотя бы они поскорее замолчали, позволили ему сосредоточиться на боли, сжимающей тисками грудь, на сне, который сулит покой...

«Арфист, ты не должен уходить... Остайся, арфист, мы тебя любим...»

Эти голоса не давали ему покоя. Он не узнавал их. Они не принадлежали ни Лессе, ни Ф'лару, но звучали явственно и настойчиво. Он слышал их не ушами — они раздавались в мозгу, и он

никак не мог от них избавиться. Ему хотелось, чтобы они, наконец, оставили его в покое, позволили уснуть. До чего же он все-таки устал... Т'кул был слишком стар, чтобы победить в этом полете. А ведь он еще старше Т'кула, который уснул навек. Если бы только эти голоса дали заснуть и ему — ведь он так утомился...

«Тебе нельзя спать, арфист. Мы с тобой. Не оставляй нас, арфист. Ты должен жить! Мы тебя любим!»

Жить? Разумеется, он будет жить. Что за глупые голоса! Он просто очень устал. Ему нужно только выспаться...

«Арфист, арфист! Не покидай нас. Мы тебя любим, арфист. Не уходи».

Голоса звучали негромко, но неотступно. Они цепко удерживали разум, не позволяя ему соскользнуть во мрак беспамятства.

Кто-то поднес к его губам питье.

— Мастер Робинтон, попробуй проглотить лекарство. Ты должен постараться. От него тебе сразу станет легче.

Он узнал голос Лессу, в нем звучала тревога.

Неудивительно — ведь Ф'лару сегодня пришлось убить всадника... да еще все эти переживания, связанные с кражей яйца...

«Слушайся Лессу, арфист. Ты должен ее слушаться, понимаешь? Открой рот и постарайся проглотить».

Он еще мог послушаться Лессу — слабо отталкивал поднесенную к губам кружку, пытался выплюнуть горькую пилюлю, тающую на языке, — но не смог избавиться от этих настойчиво звучащих голосов. Уловив запах вина, он сделал глоток и запил лекарство. Хорошо, хоть догадались дать ему вино, а не воду... Главному арфисту Перна не подобает пить воду... Он не сумел бы проглотить даже каплю воды при такой боли в груди. Вино — другое дело... Вдруг внутри у него словно что-то шелкнуло. И сразу боль стала отступать, как будто с этим шелчком лопнул тугой обруч, сжимавший сердце.

Робинтон облегченно вздохнул. «Почему мы все так мало ценим, когда у нас ничего не болит?» — подумал он.

— Выпей еще вина, мастер Робинтон.

Он почувствовал, как край кружки снова коснулся его губ. Вино — это как раз то, что ему нужно, оно вылечит его. Вино всегда прибавляло ему сил. Только по-прежнему хочется спать. Все-таки он ужасно устал.

«Потом поспишь. А сейчас ты должен слушать нас, быть с нами. Слушай, арфист! Мы тебя очень любим. Ты должен оставаться с нами».

Робинтону начинала надоедать их настойчивость.

— Скоро он, наконец, придет?

Это Лесса, только голос ее звучит как никогда яростно. И еще в нем почему-то слышатся слезы. Лесса плачет?

«Лесса плачет из-за тебя. Ведь ты же не хочешь, чтобы она плакала? Ты не должен уходить. Мы не позволим тебе уйти. Нельзя, чтобы Лесса плакала».

Что ж, они правы. Нельзя, чтобы Лесса плакала. Робинтон вообще не мог поверить, что с ней может случиться такое. Он заставил себя открыть глаза и увидел склонившуюся над ним госпожу Бендена. Он не ошибся — она плакала! Слезы стекали с ее лица и капали на его раскрытые ладони.

— Почему ты плачешь, Лесса? Я не хочу, чтобы ты плакала... — Великая Скорлупа, что с ним? Его голос так предательски дрожит... Робинтон откашлялся. Нет, это совсем никуда не годится.

— Не надо разговаривать, Робинтон, — глотая слезы, попросила Лесса. — Просто лежи и отдыхай. Тебе нужно отдохнуть. Сейчас прибудет Олдайв. Я велела, чтобы его привезли. А ты пока отдыхай. Еще вина?

— Разве я когда-нибудь отказывался от вина? — Почему его голос еле-еле слышен?

— Никогда, — ответила Лесса, смеясь и плача.

— Кто это все время пристает ко мне с разговорами? Они меня совсем замучили. Скажи им, Лесса, чтобы они оставили меня в покое. Я смертельно устал.

— Мастер Робинтон, миленький, ну, пожалуйста!

— Что значит «пожалуйста»?

«Оставайся с нами, арфист. А то Лесса снова будет плакать».

— Мастер Олдайв! Наконец-то! — Лесса поднялась с колен и хотела отойти от него.

Робинтон потянулся за ней.

— Тебе нельзя напрягаться! — она наклонилась, удерживая его на месте. И больше не отходила. Милая Лесса! Он всегда любил ее, даже когда бывал на нее сердит. Может быть, как раз поэтому он любил ее еще больше — гнев так красил ее, а гневалась она часто.

— А вот и я, мастер Робинтон.

Услышав успокаивающий голос целителя, Робинтон открыл глаза.

— Снова боли в груди? Не надо отвечать, просто кивни. Пока тебе лучше не тратить силы на разговоры.

— Рамот'а говорит, что его мучают сильные боли и что он очень устал.

— Неужели? Как удобно иметь под рукой дракона, который может поставить диагноз.

Мастер Олдаив принялся прикладывать к его груди и рукам холодные инструменты. Робинтон с трудом удерживался, чтобы не оттолкнуть их.

— Дорогой мой арфист, я знаю, что они холодные, но без них никак не обойтись. А теперь послушай меня. Ты перетрудишь сердце, этим и объясняется боль в груди. Лесса дала тебе лекарство, которое временно облегчило боль. Сейчас особой опасности нет. Я хочу, чтобы ты попытался уснуть. Тебе, мой друг, нужен долгий отдых. Очень долгий отдых.

— Тогда скажи им, чтобы они замолчали и не мешали мне спать.

— Кто должен замолчать? — Голос Олдаива звучал успокаивающе, но Робинтон ощутил смутное раздражение — он подозревал, что Олдаив не верит, будто он слышит голоса, не дающие ему уснуть. — Вот, прими еще одну пилюлю и запей ее глотком вина. Я-то знаю, от вина ты никогда не откажешься.

Робинтон слабо улыбнулся. Как хорошо они его изучили — Олдаив и Лесса.

— Это Рамот'а с Мнемонт'ом с ним разговаривают, мастер Олдаив. Они сказали, что он едва нас не покинул... — Голос Лессы оборвался.

— Я — едва не покинул? Так, значит, вот что чувствует человек на пороге смерти — невыносимую усталость...

«Теперь, арфист, ты останешься с нами. Мы больше не будем мешать тебе спать. Но мы будем с тобой — ведь мы тебя любим».

«Драконы со мной разговаривали? Драконы не давали мне умереть? Как это предусмотрительно с их стороны — ведь я пока не намерен умирать. Нужно еще так много сделать. Решить столько проблем. Мне самому не дает покоя один вопрос... он тоже имеет отношение к драконам...»

— Кто же догнал Кайлит'у?

Неужели он умудрился произнести свой вопрос вслух — он ведь даже не услышал собственного голоса.

— Ты слышал, Олдаив, что он спросил?

— Кажется, что-то про Кайлит'у.

— Он даже в такое время не перестает волноваться об исходе полета, — наконец-то в голосе Лессы звучат знакомые колющие нотки! — Барнат' догнал Кайлит'у, Барнат'! Слышишь, Робинтон? Может быть, теперь ты успокоишься и уснешь?

«Спи, арфист. Мы с тобой».

Робинтон глубоко вздохнул и с облегчением смежил веки.

Вечер в бухте Джексона.

Ночь в Иста-Вейре.

Пятнадцатый Оборот.

Двадцать восьмой день восьмого месяца

Шарра объясняла Брекке и Джексону правила игры с камешками и палочками, которой развлекались дети в Южном, когда Рут', дремавший рядом с ними в компании файров, внезапно проснулся. Он медленно сел, вытянул шею и издал протяжный скорбный вопль, означавший у драконов плач по ушедшему собрату.

— Не может быть! — на миг опередив Джексона, откликнулась Брекка.

— Салт' погиб!

— Салт'? — удивился Джексон, услышав незнакомое имя.

— Салт'! — от лица Шарры отхлынула кровь. — Спроси Рут'а, как это случилось!

— Кант' говорит, что он пытался догнать Кайлит'у, но сердце не выдержало. — При этих словах плечи Брекки поникли — весть о несчастье с новой силой пробудила в ней воспоминания о пережитой трагедии. — Глупец! Неужели он не понимал, что молодые драконы окажутся быстрее и сильнее бедного старины Салт'а?!

— И поделом Т'кулу! Только не надо меня воспитывать, Брекка! — сверкнув глазами, выпалила Шарра, видя, что Брекка собирается ее отчитать. — Не забывай, мне приходилось иметь дело с Т'кулом и прочими Древними. Они совсем не похожи на ваших северных всадников. Они... они просто невыносимы! Я бы тебе много чего рассказала, да боюсь, твои нежные уши не выдержат! И если Т'кул оказался настолько глуп, что заставил своего дракона лететь вдогонку за молодой королевой, то он получил по заслугам. Не сердитесь. Вижу, что и тебе, и Джексону мои слова кажутся злыми, но я-то знаю, что за птицы эти Древние...

— Я всегда предчувствовала... Из-за того, что их выслали сюда, когда-нибудь случится большая беда, — медленно произнесла Брекка. — Но...

— Судя по тому, что я слышал, — сказал Джексон, которому очень хотелось, чтобы с ее лица исчезло выражение тоски, — иначе с ними поступить было просто нельзя. Они не выполняли своего долга по отношению к людям, которых обязаны защищать. Алчность их не знала границ... И еще, — заявил он, исполь-

зую свой самый веский довод, — я слышал, как Лайтол критиковал их всадников!

— Я знаю, Джексом. Я все это знаю, но в свое время они пришли к нам из прошлого, чтобы спасти Перн...

Джексом увидел, как она, сама того не сознавая, стиснула руки — костяшки пальцев побелели.

— Ну да, сначала они спасли Перн, а потом стали требовать, чтобы мы вспоминали об этом каждый раз, когда нам доводилось попадаться им на глаза, — подхватил Джексом ее слова, отчетливо припоминив надменный и презрительный тон, которым Т'рон всегда обращался к Лайтолу.

— Мы вообще стараемся не замечать их, — дернув плечом, заявила Шарра. — Занимаемся своими делами, очищаем холд от зелени, загоняем скот в укрытие, когда падают Нити. Мы только быстро прочесываем местность с огнеметами, чтобы убедиться, что личинки сделали свое дело.

— Разве они не вылетают сражаться с Нитями? — удивленно спросила Брекка.

— Так, время от времени. Если хотят поразмяться или если драконы заскучают... — В голосе Шарры явно звучали презрительные нотки. Заметив смятение на лицах слушателей, девушка добавила: — В том, что у нас творится, виноваты не драконы. Может быть, даже не всадники. Я думаю, что им следует хотя бы попытаться вести себя сообразно своему званию. Ведь всем известно, что большинство Древних остались на севере. Лишь горстка, осевшая в Южном, позорит род Крылатых. И все же... Сделай они хоть шаг навстречу, мы бы, наверное, им помогли.

— Мне, пожалуй, пора, — поднявшись, сказала Брекка и повернулась лицом к западу. — Т'кула теперь можно только наполовину назвать человеком. Мне известно, что значит пережить такое... — Голос ее прервался, лицо побледнело. Она неотрывно смотрела на запад, глаза ее раскрывались все шире, и вдруг с губ сорвался крик ужаса. Она прижала руки к груди, как будто хотела защититься от удара.

— Что случилось, Брекка? — Шарра вскочила на ноги и обняла подругу за плечи.

Рут', поскуливая, ткнулся Джексому в грудь, как будто искал утешения. «Она очень боится. С ней говорит Кант'. Он расстроен. Все так ужасно. Второй дракон очень слаб. С ним Кант'. Теперь говорит Мнемент'. Т'кул напал на Ф'лара».

Джексом ухватился за Рут'а, чтобы не упасть.

Возбуждение дракона передалось файрам; они стремительными зигзагами метались взад-вперед, оглашая воздух резкими

криками. Джексом замахал на них руками, требуя, чтобы они уgomонились.

— Какой ужас, Джексом! — воскликнула Брекка. — Мне нужно спешить. Неужели они не понимают, что Т'кул не отвечает за свои поступки? Неужели они не могут его одолеть? Должен же во всей Исте найтись хоть один человек с головой! О чем думает Д'рам? Я пошла за вещами! — она бросилась к хижине.

— Послушай, Джексом! — Шарра повернулась к нему, глаза ее молили о помощи. — Т'кул ненавидит Ф'лара! Я сама слышала, как он обвинял его во всем, что с ними случилось. Вместе с драконом Т'кул наверняка потерял и рассудок. Он убьет Ф'лара!

Джексом привлек девушку к себе, не зная, кому из них двоих сейчас больше требуется утешение. Т'кул пытается убить Ф'лара? Он велел Рут'у слушать как можно внимательнее.

«Ничего не слышу. Кант' в Промежутке. Слышу только, что дело плохо. Рамот'а летит...»

— Сюда?

«Нет, туда, где они все! — Глаза Рут'а потемнели и засветились тревожным багровым огнем. — Мне все это не нравится».

— Что именно, Рут'?

— Джексом, Джексом, что он говорит? Мне страшно!

— Ему тоже страшно. Да и мне самому...

Брекка вышла из-за деревьев. В одной руке она несла летное снаряжение, в другой — небольшую шкатулку с лекарствами, которая была приоткрыта, так что содержимое грозило высыпаться наружу. Не доходя до полосы песка, она остановилась; ее озабоченное лицо выражало нетерпение и досаду.

— Мне туда не добраться! Кант' вынужден оставаться с Б'зоновым Ранильт'ом. Мы не можем потерять сразу двух бронзовых! — Взгляд ее блуждал по берегу, как будто ответ на вопрос скрывался где-то здесь. Она прикусила губу и в отчаянье воскликнула: — Но я во что бы то ни стало должна туда попасть!

Рут' испуганно затрубил, и Джексом с Шаррой вздрогнули как от удара.

— Робинтон! — Брекка пошатнулась и, если бы Джексом не вскочил, чтобы ее поддержать, упала бы на песок. — Нет, только не Робинтон! Как же так?

«Главный арфист!»

— Умер? — вырвалось у Шарры.

«Главный арфист очень болен. Но они не дадут ему уйти. Он должен остаться. Ведь ты же остался!»

— Я отвезу тебя, Брекка! На Рут'е. Только возьму летное снаряжение.

Обе женщины бросились его отговаривать.

— Тебе еще нельзя, Джексом... Нельзя летать в Промежутке! — Теперь Брекка испугалась уже за него.

— Тебе правда нельзя, слышишь, Джексом? — умоляла Шарра. — Холод Промежутка... Нет, нет, ты еще недостаточно окреп. Прошу тебя!

«Они боятся за тебя, — в смятении объяснил Рут'. — Я не знаю, что плохого, если мы с тобой полетим, только они очень боятся».

— Он прав, Джексом, это очень опасно, — поникнув от безысходности, произнесла Брекка. Она устало подняла руку и стянула с головы бесполезный теперь шлем. — Ты не должен летать в Промежутке по крайней мере месяц, а то и недель шесть. Иначе всю жизнь тебя будут мучить головные боли... К тому же ты можешь ослепнуть...

— А ты откуда знаешь? — требовательно спросил Джексом. В нем боролись гнев и отчаяние — Брекка и Робинтон нуждались в помощи, а он был совершенно бессилен!

— Я тоже это знаю, — глядя Джексому прямо в глаза, заявила Шарра. — Один из всадников в Южном подхватил горячку. Мы тогда еще не понимали, как опасно при этой болезни летать в Промежутке. Сначала он ослеп. Потом сошел с ума от невыносимой головной боли и... умер. А вслед за ним — его дракон.

При воспоминании об этой трагедии голос ее прервался, глаза затуманились слезами.

— Почему же вы мне раньше не говорили?

— Что бы это изменило? — не сводя с него глаз, ответила Шарра. — С каждым днем твои силы восстанавливаются. А к тому времени, когда ты узнал бы о существовании этого запрета, уже отпала бы необходимость предупреждать тебя.

— Через месяц-полтора? — с трудом выговорил Джексом, сжав зубы. Он с трудом сдерживал гнев.

Шарра медленно кивнула, лицо ее было бесстрастно.

Джексом глубоко вздохнул, стараясь справиться с собой.

— Неудачно получилось — ведь сейчас нам так нужен всадник.

Он взглянул на Брекку. Она стояла, обратив лицо к западу. Джексом чувствовал ее боль и тоску — ведь она не могла попасть туда, где в ней так нуждались, не могла вызвать Кант'а... Вдруг юноша издал победный клич.

— Есть всадник! — ликующе завопил он. — Рут', отвезешь Брекку в Исту без меня?

«Брекку — куда угодно!» — белый дракон поднял голову и сле-

лал шаг в сторону молодой женщины; глаза его ускорили вращение.

С лица Брекки, как по волшебству, исчезли печаль и безысходность.

— Неужели, Джексом, ты позволишь?..

Этот вопрос, произнесенный прерывающимся от волнения и благодарности голосом, был Джексому дороже всякой награды.

Он взял ее за руку и подвел к белому дракону.

— Тебе нужно спешить. Если мастер Робинтон... — юноша не смог договорить — от одной мысли об этом горло его судорожно сжалось.

— Спасибо тебе, Джексом. Спасибо, Рут'.

Брекка повозилась с пряжкой шлема, потом, не попадая в рукава, торопливо натянула куртку и застегнула ремень. Наконец она была готова. Рут' подставил ей плечо и оглянулся, желая удостовериться, что она надежно уселась.

— Я сразу же отправлю Рут'а назад. Нет-нет, только не позволяйте ему уходить, не давайте заснуть! — эти слова были адресованы далеким драконам.

«Мы не позволим ему уйти», — заявил Рут'. Он быстрым движением ткнулся другу в плечо и взвился в воздух, засыпав Джексома и Шарру сухим песком. Едва оторвавшись от земли, он исчез из вида.

— Джексом! — Голос Шарры так дрожал, что юноша тревожно повернулся к ней. — Что могло случиться? Ведь не мог же Т'кул настолько обезуметь, чтобы наброситься на мастера Робинтона?

— Насколько я знаю мастера-арфиста, он сам вполне мог влезть в схватку, чтобы попытаться ее остановить. А ты сама-то знакома с ним?

— Больше понаслышке, — закусив губу, ответила девушка. Судорожно вздохнув, она вздрогнула всем телом, борясь с одолевающими ее страхами. — Мне о нем много рассказывали Пьемур и Менолли. Конечно, я видела его в нашем холде и слышала, как он поет. Что за удивительный человек! Ох, Джексом, эти Древние просто спятили! Они сами не ведают, что творят, пропащие люди.

Погрузившись в свои тревоги, она склонила голову ему на плечо. Юноша нежно привлек ее к себе.

«Он жив!» — услышал Джексом слабый, но уверенный голос Рут'а.

— Шарра, Рут' говорит, что он жив.

— Он должен жить, Джексом. Просто обязан! Понимаешь, обязан! — после каждой фразы она ударяла кулачками по его груди.

Джексом поймал ее руки и улыбнулся, глядя в широко распахнутые сияющие глаза.

— Он будет жить, будет, я просто уверен, и пусть наша уверенность ему поможет!

В этот совершенно неподходящий миг Джексом остро ощутил трепет прижавшегося к нему гибкого тела Шарры. Сквозь тонкую ткань сорочки он чувствовал ее тепло, ощущал стройное бедро, прижавшееся к его коленям, вдыхал аромат ее волос, пахнущих солнцем и цветами, которые она заткнула за ухо.

Смятение, мелькнувшее на лице девушки, подсказало ему, что она тоже осознает эту внезапную близость и — пожалуй, впервые с тех пор, как он ее узнал, — испытывает смущение.

Он разжал руки, готовый по первой же просьбе отпустить ее. Ведь она — не Корана, не простушка из холда, готовая выполнить любую прихоть своего лорда. Он не мог относиться к Шарре как к случайной возлюбленной, с которой можно удовлетворить мимолетную страсть. Она слишком дорога ему, чтобы подвергать риску их и без того непрочные отношения. Джексом прекрасно понимал — скорее всего Шарра сочтет, что его чувства объясняются благодарностью больного за уход и заботу. Он и сам не исключал такой возможности; однако хорошенько все обдумав, понял, что дело куда серьезнее. Слишком многое в этой девушке привлекало его — от волнующих звуков дивного голоса до уверенного прикосновения рук. Как он мечтал, чтобы эти руки ласкали его! За последние дни он узнал о ней довольно много, но ему страстно хотелось знать гораздо больше... Знать все! Его поразило ее отношение к Древним — да и вообще она его постоянно удивляла. Наверное, это тоже составляло часть ее очарования — Джексом никогда не мог с уверенностью сказать, что она произнесет или сделает.

Он выпустил Шарру из объятий и, бережно обняв за плечи, повел к навесу, где они еще совсем недавно с такой беспечностью предавались детской забаве. Нежно, но настойчиво он заставил девушку опуститься на циновку.

— Кто ведает, Шарра, сколько нам с тобой придется ожидать вести, что мастер Робинтон вне опасности...

— Скорее бы узнать, что там случилось! Если только наш арфист пострадал от руки Т'кула...

— А если бы от руки Т'кула пострадал Ф'лар?

— Ф'лара я мало знаю... Конечно, мне было бы жаль, если бы с ним что-то случилось.

Она поджала под себя ноги, и Джексом сел рядом, почти касаясь ее плечом.

— Всем нам грозит беда, если предводитель Бендена погибнет, — промолвил Джексом. — Ведь он — это Перн!

— Ты так думаешь? — Шарра как будто ждала, чтобы ее уговорили. — Я никогда его не видела...

«Здесь много драконов и много-много людей, — сообщил Рут'. Голос его звучал по-прежнему слабо, но отчетливо. — Скоро прилетит Сибелл, а Менолли не может».

— Это Рут' с тобой говорит? — подавшись вперед и схватив Джексома за руку, взволнованно спросила Шарра. Он накрыл ладонью ее пальцы, призывая девушку к молчанию. Закусив губу, она впилась взглядом в его лицо. А он продолжал слушать Рут'а, то и дело кивая, чтобы успокоить Шарру.

«Здесь ее файлы. Арфист уснул. С ним мастер Олдайв. Они ждут в другой комнате. Мы не позволим ему уйти. Мне вернуться к тебе?»

— Кто — они? — спросил Джексом, уже догадываясь, что услышит в ответ.

«Лесса и Ф'лар. Тот человек, который напал на Ф'лара, мертв».

— Так значит, Т'кул мертв, а Ф'лар невредим?

«Да».

— Спроси его, что случилось с арфистом, — раздался над ухом горячий шепот Шарры.

Джексом тоже хотел бы это выяснить, но в ответ на его вопрос последовало долгое молчание, а потом Рут' неуверенно произнес:

«Мнемент' и Рамот'а говорят, что у него болела грудь и он все время хотел уснуть. Вино ему помогло. Мнемент' и Рамот'а знали, что ему нельзя спать, иначе он ушел бы. Можно мне вернуться к тебе?»

— А Брекке ты больше не нужен?

«Здесь и без меня полно драконов».

— Тогда, дружок, возвращайся сюда!

«Уже иду!»

— У него болела грудь? — повторила Шарра, когда Джексом пересказал ей все, что услышал от Рут'а. Девушка нахмурилась. — Скорее всего это сердце. Наш арфист уже немолод, а он такой неугомонный! — Она огляделась, ища глазами своих файлов. — Можно послать туда Мийра...

— Рут' говорит, что в Исте и так собралось великое множество людей и драконов. Думаю, лучше подождать.

— Понимаю... — Шарра протяжно вздохнула. Набрав пригоршню песка, она стала рассеянно смотреть, как он струится между пальцев. Потом печально улыбнулась Джексому. — Я умею ждать, но, говоря по правде, не очень люблю.

— Ведь мы знаем, что он жив и Ф'лар тоже... — юноша бросил на нее лукавый взгляд.

— Я вовсе не хотела оскорбить вашего предводителя Вейра, заруби себе на носу...

Джексом расхохотался — все-таки ему удалось ее раздражить! Девушка возмущенно вскрикнула и бросила в него горсть песка, но Джексом пригнулся, и песок, перелетев через его плечо, дождем осыпал легкие волны, бьющиеся о берег.

Набежала новая волна. На воде не осталось никаких следов.

«Значит, любимая аналогия арфиста не всегда точна», — подумал Джексом — и сам удивился неуместности этой мысли.

Внезапно Мийр и Талла резко закричали, повернув головки к западной оконечности бухты. Они присели и, расправив крылья, приготовились взвиться в воздух.

— Что это с ними?

Но файры так же неожиданно успокоились. Мийр принялась чистить коготками крыло, как будто это вовсе не она секунду назад была так встревожена.

— Что, кто-то летит? — спросила Шарра, удивленно глядя на Джексома.

Юноша вскочил на ноги и уставился в небо.

— Вряд ли они стали бы так беспокоиться, будь это Рут'.

— Должно быть, кто-то знакомый! — такая возможность и Шарре, и Джексому показалась совершенно невероятной. — И он вовсе не летит!

Теперь они оба слышали шум — кто-то тяжело пробирался через лес. Судя по приглушенным проклятиям, гость был представителем человеческого племени. Однако голова, высунувшаяся из-за полога густой листвы, несомненно, принадлежала животному. Вслед за головой показалось и туловище... Это был верховой скакун, причем таких маленьких Джексом в жизни не встречал!

Невнятные проклятия перешли в различимую речь:

— Да перестань же ты, наконец, царапать ветками мне лицо! Ты, рыжий, косолапый, носорогий, косматый драконий ужин! Так вот, Шарра, куда ты забралась! Мне говорили, но я уже начал сомневаться. Я слышал, Джексом, тебя здорово скрутило? А на вид и не скажешь!

— Пьемур?!

Хотя появление молодого арфиста было совершенно невероятным событием, никаких сомнений не оставалось — это он, собственной персоной, самодовольно ухмыляясь, вразвалочку шел к ним по берегу.

— И правда, Пьемур! Что ты здесь делаешь?

— Вас ишу, что же еще? А знаете ли вы, сколько на этом краю света бухточек, как две капли воды похожих на ту, которую мне описал мастер Робинтон?

* * *

— Ну вот, все уже готово, — тихо сказал Лессе Ф'лар, входя в переднюю комнату вейра, который его обитатели спешно освободили, чтобы устроить больного арфиста. Мастер Олдайв не позволил перевезти его даже в Иста-холд. Главный целитель и Брекка ни на шаг не отходили от своего пациента даже теперь, когда он спал. Рядом примостился Заир; его сверкающие глаза ни на секунду не отрывались от лица хозяина.

Лесса протянула руку и прикоснулась к плечу супруга. Он подвинул ей стул, и, быстро поцеловав ее, налил себе вина.

— Д'рам все прекрасно устроил. Он послал бронзовых, чтобы они помогли Ф'нору с Кант'ом перенести сюда Ранильт'а. Бедный старик — ему осталось жить несколько Оборотов... если, конечно, выживет Б'зон.

— Нет, только не сегодня!

Ф'лар покачал головой:

— Не бойся, сейчас он спит мертвым сном — как и остальные неудачники. Мы влили в каждого по кувшину вина. Ну, а Г'денед с Козирой... им сейчас не до нас.

— Так оно всегда бывает, — лучезарно улыбнувшись, ответила Лесса.

Ф'лар погладил ее по щеке и улыбнулся в ответ.

— Когда же, сердце мое, Рамот'а снова собирается взлететь?

— Я тебе непременно сообщу! — увидев, что Ф'лар бросил взгляд в направлении комнаты, где лежал Робинтон, она добавила: — С ним все обойдется.

— А Олдайв случайно не морочит нам голову, когда говорит о полном выздоровлении?

— Ну что ты! Ведь за арфистом следят все драконы Перна! И знаешь, что меня поразило? — добавила она задумчиво. — Драконы и раньше называли Робинтона по имени, но вот то, что они с ним говорят...

— Я получил еще более невероятное известие — Брекка прилетела на Рут'е! Одна!

— А что здесь, собственно, такого? — съязвила Лесса. — Ведь она была всадницей. И потом, после гибели Вирент'ы, все время общалась с драконами...

— Не очень-то мне верится, чтобы ты при подобных обстоятельствах предложила ей прокатиться на Рамот'е! И не надо, милая, так грозно на меня смотреть! Джексом поступил в высшей степени благородно. Брекка мне все рассказала. Он даже не подзревал, что ему пока нельзя летать в Промежутке. Полагаю, мальчик не так-то легко перенес удар — и после этого он проявил такую отзывчивость... У него добрая душа!

— Да, конечно... И очень хорошо, что Брекка здесь. — Лесса обратила глаза к пологу, закрывающему вход, и вздохнула. — Знаешь, после того, что сегодня случилось, я уже почти готова полюбить этих ящериц.

— Неужели? И чем же вызвана такая перемена? — Ф'лар был просто поражен.

— Я же не говорю, что полюбила их, однако... Знаешь, я видела, как Берд и Гралл бросились к Брекке... и этот бронзовый малыш Робинтона... Он свернулся рядом и так жалобно курлыкал, заглядывая ему в лицо, — я уж стала бояться, как бы он не умер от горя. Я и сама-то чувствую себя немногим лучше — как только подумаю... — Лесса замолчала, на глазах у нее выступили слезы.

— Не надо терзать себя, милая, — Ф'лар сжал ее руку, — ведь самого страшного не случилось.

— Когда Мнемент' меня вызвал, я выскочила из вейра как сумасшедшая... свалилась с карниза прямо Рамот'е на спину. Я так спешила сюда, пока вы с Т'кулом... а тут еще Робинтон... Если бы ты убил Т'рона тогда, в Телгаре...

— Лесса! — Ф'лар с такой силой стиснул ее пальцы, что она поморщилась. — Ведь тогда, в Телгаре, его Фидрант' был жив — как, впрочем, и теперь! Разве мог я обречь его на смерть — даже если Т'рон нанес мне тяжкое оскорбление? А вот Т'кула я убил без сожалений. Хотя, должен признать, он чуть меня не достал... — Ф'лар тяжело вздохнул. — Так что не только наш мастер-арфист стареет...

— Ты куда моложе Древних, которые еще остались в Южном. Кстати, что мы теперь будем с ними делать?

— Я переберусь на юг и позабочусь о Вейре, — предложил Д'рам. Он незаметно вошел, пока они разговаривали; лицо его посерело от усталости. — В конце концов, я ведь тоже из Древних... — он глубоко вздохнул. — От меня они примут то, что от тебя, Ф'лар, ни за что не стерпели бы.

Предводитель Бендена колебался, хотя предложение Д'рама звучало соблазнительно.

— Я понимаю тебя, Д'рам, но если это хоть как-то нарушает твои планы...

Д'рам поднял руку, показывая Ф'лару, что он может не продолжать.

— Я гораздо крепче, чем казалось мне самому. Спокойные дни, проведенные в бухте, сотворили чудо. Но мне понадобится помощь.

— Я сделаю все, ты только скажи...

— Ловлю тебя на слове. Мне нужны несколько зеленых, лучше всего от Р'марты Телгарского или Г'нариша из Айгена — у нас здесь сейчас нет ни одной лишней. Если они окажутся из наших, древней породы, для южан будет проще. Еще мне нужна пара молодых бронзовых и столько коричневых и синих, чтобы хватило на два боевых крыла.

— Вот уже несколько Оборотов, как южане не вылетают против Нитей, — бросил Ф'лар.

— Знаю. Но когда-то и они летали. Это даст оставшимся драконам цель и силы. А их всадникам — надежду и занятие, — лицо Д'рама помрачнело. — Сегодня я узнал от Б'зона много такого, что очень меня опечалило. Каким же я был слепцом!

— Твоей вины здесь нет, Д'рам; это я решил отослать их в Южный.

— И я тогда согласился с твоим решением, потому что оно было единственно правильным. А когда... когда умерла Фанна... — скороговоркой пробормотал он, — мне нужно было сразу отправиться в Южный Вейр. Ведь это не было бы предательством по отношению к тебе, зато я мог...

— Очень сомневаюсь! — сердито выпалила Лесса, возмущенная тем, что Д'рам хочет взять вину на себя. — Если уж Т'кул решился украсть королевское яйцо... — от возмущения она только рукой махнула.

— А если бы он пришел с просьбой к тебе...

Но Лессу было не так-то легко смягчить.

— Сомневаюсь, чтобы Т'кул осмелился, — с расстановкой произнесла она. На ее подвижном лице мелькнула неприязнь, она возмущенно фыркнула и снова взглянула на Д'рама, теперь уже с легким раскаянием. — Скорее всего я дала бы ему от ворот поворот. А вот ты, — она указала пальцем на Д'рама, — нет. Думаю, Ф'лар тоже проявил бы больше терпимости, — она с усмешкой посмотрела на супруга. — Но Т'кул не из тех, кто просит, — добавила она уже более спокойно. — И вообще прощать — не в моих принципах! Никогда не прощу южан за то, что они похитили яйцо Рамот'ы! Ты помнишь, до чего они меня довели? Ведь я едва не послала на них драконов, едва не начала войну! Этого я им никогда не прощу!

Д'рам поднялся.

— Так ты, госпожа моя, возражаешь против того, чтобы я отправился на юг?

— Нет, клянусь Первым Яйцом! — она ошеломленно покачала головой. — Нет, Д'рам, я считаю, что ты поступаешь мудро и благородно... я бы так никогда не смогла. Только подумать, ведь этот идиот Т'кул мог сегодня убить Ф'лара! Нет, конечно же, твое место там. И ты совершенно прав: тебя они примут. Наверное, я никогда не отдавала себе отчета, что происходит на юге. Да и не хотела! — добавила она, честно признав свою ошибку.

— Тогда я могу пригласить кого-то из всадников последовать за мной? — Д'рам вопросительно посмотрел сначала на нее, потом на Ф'лара.

— Можешь брать кого захочешь, кроме Ф'нора. Было бы несправедливо заставлять Брекку вернуться в Южный.

Д'рам кивнул.

— Думаю, другие предводители тоже не откажут. Ведь здесь затронута честь всех всадников. И потом... — Ф'лар помолчал и откашлялся, — мы же не хотим, чтобы лорды захватили Южный в свои руки на том основании, что мы не способны поддержать порядок в Вейре!

— Да они в жизни не посмеют... — негодуя начал Д'рам.

— Прекрасно посмеют, — ларировал Ф'лар. — И у них есть на то свои причины. Я знаю, — он сделал паузу, чтобы подчеркнуть свою уверенность — что при Т'куле и Т'роне южане не позволили бы лордам расширить свои владения даже на драконий хвост. Последние Обороты поселение Торика постоянно расширяется — время от времени он принимает северян, по несколько человек, чтобы не насторожить Древних. Ремесленников, недвольных жизнью на севере, младших сыновей лордов, потерявших надежду получить землю здесь, — Ф'лар встал и беспокойно заходил взад-вперед. — Об этом мало кто знает...

— Я слышал, что торговцы курсируют с севера на юг и обратно, — заметил Д'рам.

— Да, и это тоже часть проблемы. Торговцы любят поговорить, вот и просочились слухи, что на юге полно земли. Может быть, они несколько преувеличены, но у меня есть все основания полагать, что Южный материк ничуть не меньше нашего. К тому же личинки надежно защищают его от Нитей, — он снова помолчал, рассеянно потирая подбородок. — На этот раз, Д'рам, право первого выбора должно принадлежать всадникам. Я не желаю, чтобы в следующий Интервал они зависели от милостей холдов или цехов. У нас будут земли, принадлежащие только нам одним.

Что до меня, то я не намерен ни у кого просить ни хлеба, ни мяса, ни вина!

Д'рам слушал, и удивление в его усталых глазах постепенно сменялось радостным блеском. Расправив плечи, он коротко кивнул, глядя прямо на предводителя Бендена.

— Если, Ф'лар, ты для этого хочешь обосноваться на юге, то на меня всегда можешь рассчитывать. Великая цель! Клянусь Скорлупой, отлично задумано — превратить этот прекрасный край в страну всадников!

Ф'лар пожал руку Д'рама, скрепляя их уговор. На лице его заиграла лукавая усмешка.

— А знаешь, Д'рам, не вызовись ты сам перебраться на Южный, я бы все равно тебе это предложил! Ты — единственный, кто может справиться с этой ситуацией. И я тебе не завидую!

Услышав это признание, Д'рам вздохнул и ответил предводителю Бендена крепким рукопожатием. Лицо его прояснилось.

— Я оплакал свою супругу, как и подобает всаднику, но жизнь продолжается. Мне было хорошо в той бухточке, но чего-то все же не хватало. И я был рад, Ф'лар, когда ты отыскал меня и нашел мне дело. Я понял, что не годится отказываться от того единственного, что делал всю свою жизнь. Если Нити над тобой, всадники взлетают в бой... — он снова вздохнул, почтительно поклонился Лессе и, резко повернувшись на каблуках, твердым шагом вышел из вейра.

— Думаешь, Ф'лар, он справится?

— Он единственный, кто способен это вытянуть... ну, может быть, за исключением Ф'нора. Но я не могу обратиться к нему с такой просьбой. Да и к Брекке тоже.

— Этого еще не хватало! — резко ответила Лесса и вдруг, негромко вскрикнув, подбежала к Ф'лару и бросилась ему на шею. Он обнял ее и стал рассеянно гладить по голове.

«Сколько у него появилось морщин, — подумала Лесса, — а я и не замечала...» Ф'лар смотрел вслед Д'раму. В глазах его застыла печаль, губы тревожно сжались. Но тело всадника все еще было могучим и гибким. Ему хватило ловкости и силы, чтобы отразить удары обезумевшего Т'кула. В жизни Ф'лар лишь однажды испугался своей слабости — это было после поединка в Телгаре, когда его рана все никак не заживала и он страдал от лихорадки — следствия безрассудного полета через Промежуток. Он извлек урок из того случая и стал перекладывать кое-какие из своих обременительных обязанностей на Ф'нора и Т'геллана в Бендене, на Н'тона и Р'марта в других Вейрах — да и на Лессу тоже!

Они не отказывали... Как он дорог, как необходим ей! Внезапно осознав это, Лесса крепко обняла Ф'лара.

Он улыбнулся при этом неожиданном проявлении нежности, и морщинки на его лице разгладились.

— Не волнуйся, моя девочка, я с тобой! — и он крепко поцеловал Лессу, чтобы у нее не оставалось никаких сомнений в том, что он жив и здоров.

В коридоре послышался звук приближавшихся шагов, и они быстро отодвинулись друг от друга. В комнату ворвался Сибелл, лицо его покраснелось от беготни. Лесса жестом велела ему не шуметь.

— Как он?

— Сейчас спит, но ты сам можешь посмотреть, — ответила Лесса, знаком указывая на скрытую пологом спальню.

Сибелл нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ему хотелось хоть одним глазком взглянуть на Робинтона, и в то же время он боялся нарушить его покой.

— Ступай, ступай, — ободряюще махнул ему рукой Ф'лар, — только не шуми.

В комнату впорхнули две ящерицы, но, увидев Лессу, испуганно вскрикнули и исчезли.

— Я и не знала, что у тебя две королевы.

— У меня одна, — Сибелл оглянулся, но ящерок уже не было, — вторая — Менолли. Самой Менолли сюда прилететь не разрешили, — его красноречивая гримаса яснее всяких слов показала собеседникам, как восприняла этот запрет Менолли.

— Вели им вернуться — я не ем фэйров! — сказала Лесса, сдерживая гнев. Она не знала, что раздражает ее больше — сами фэйры или то, как нервничают их владельцы. — А бронзовый малыш Робинтона сегодня вел себя выше всяких похвал. Так что вели королевам вернуться — ведь если фэйры увидят что-то своими глазами, они обязательно поверят!

Улыбнувшись с явным облегчением, Сибелл поднял руку. Обе золотые ящерицы влетели в вейр, от волнения глаза их бешено вращались. Одна из них — Лесса не поняла, чья именно, потому что ей они все казались одинаковыми, — чирикнула, как будто хотела поблагодарить за любезность. Сибелл, стараясь ничем не беспокоить своих подопечных, чтобы они не начали верещать, с преувеличенной осторожностью двинулся к комнате, где лежал арфист.

— Сибелл может возглавить цех арфистов?

— Он вполне справится.

— Нашему милому Робинтону уже давно пора передавать дела Сибеллу...

— Здесь есть и часть моей вины, Лесса. Бенден слишком много требовал от цеха арфистов, — Ф'лар налил себе вина и, взглядом спросив у Лессы согласия, плеснул во вторую кружку. — Бенденское! — произнес он вместо тоста. — Вино, которое сохранило ему жизнь!

— Разве мог он когда-нибудь отказаться от кружки вина? — Лесса торопливо выпила, чтобы проглотить подступивший к горлу комок.

— Он еще опустошит не один бурдюк, — слышался тихий голос мастера Олдайва. Врач бочком подошел к столу. С первого взгляда он производил странное впечатление — казалось, руки и ноги великоваты для его тела, и только взгляд со спины позволял заметить, что он горбат. Его лицо с четкими, красивыми чертами было спокойно. Олдайв налил себе вина, полюбовался его глубоким пурпурным цветом и выпил. — Ты правильно сказал: вино сохранило ему жизнь. Редчайший случай — чтобы порок способствовал продлению жизни!

— Мастер Робинтон поправится?

— Да — при условии заботливого ухода и полного покоя. Он держится молодцом. Пульс ровный, хотя и слабоват. Ему совершенно противопоказано волноваться. Сколько раз я его предупреждал, чтобы он умерил прыть! Так он меня и послушал! Сибелл, Менолли и Сильвина старались, как могли, чтобы облегчить его заботы, но случилось так, что Менолли заболела... А ведь в цехе арфистов, да и на всем Перне столько дел! — Лицо Олдайва осветилось дружелюбной улыбкой, он взял руку Лессы и вложил ее в ладонь Ф'лара. — А вам, уважаемые предводители, здесь больше делать нечего. Сибелл подождет, пока не проснется наш мастер-арфист, чтобы доложить: в его цехе все в полном порядке. А мы с Бреккой уж как-нибудь его выходим, да и здешние славные люди нам помогут. Вам самим тоже нужен отдых. Возвращайтесь в свой Вейр. Сегодняшний день всем дался нелегко. Ступайте! — он легонько подтолкнул их к выходу. — Ступайте же! — Олдайв говорил с ними, как с детьми, но Лесса слишком устала, чтобы спорить, хоть и видела упрямый огонек, вспыхнувший в глазах Ф'лара.

«Мы не оставим арфиста одного, — сказала Рамот'а, когда Ф'лар подсаживал Лессу на ее шею. — Мы с ним».

«Мы все с ним», — добавил Мнемент', глаза его светились спокойной уверенностью.

*В бухте Джексама.
Пятнадцатый Оборот.
С двадцать восьмого дня восьмого месяца
по седьмой день девятого*

После того как Джексом с Шаррой выложили Пьемур все, что знали о последних событиях в Иста-Вейре, в том числе и о внезапной болезни мастера Робинтона, юный арфист вдруг принялся многословно расписывать многочисленные недостатки, причуды, глупые слабости и наивные мечтания своего наставника. Его слушатели были совершенно ошеломлены — но потом разглядели, что по щекам Пьемура текут слезы.

Но тут вернулся Рут', насмерть перепугав Пьемурова скакуна, который поспешил скрыться в лесу, и арфисту пришлось долго выманивать его обратно. Скакун носил забавную кличку Дуралей.

— Вообще-то он не такой уж дуралей, — сказал Пьемур, утирая с лица слезы, смешанные с потом. — Он прекрасно соображает, что этот парень, — он скосил глаза на Рут'а, — не прочь им закусить.

Привязав Дуралея к дереву, он подергал узел, проверяя его на прочность.

«Не стану я его есть, — заявил Рут', — он маленький и очень тощий». Рассмеявшись, Джексом передал Пьемур слова дракона, и арфист в знак благодарности отвесил Рут'у шутливый поклон.

— Как бы объяснить это Дуралею, чтобы он понял, — со вздохом произнес Пьемур, — а то ему трудно уловить разницу между дружелюбно настроенным драконом и его голодным собратом. Кстати говоря, эта его привычка — прятаться в ближайших зарослях, почуяв приближение дракона, — не раз спасала мне шкуру. Видите ли, мне вовсе не положено делать то, чем я здесь занимаюсь. И посему главное, чтобы меня за этим занятием никто не застукал.

Пьемур замолчал, желая оценить впечатление, которое произвела на слушателей его загадочная реплика.

— Не тяни, — усмехнулся Джексом, — ведь ты не стал бы говорить об этом, если бы не собирался поведать нам все до конца. И потом, разве ты не сказал, что разыскивал здесь нас?

Пьемур довольно ухмыльнулся:

— И вас тоже.

Он растянулся на песке и долго возился, устраиваясь поудоб-

нее. Потом взял кружку фруктового сока, которую подала ему Шарра, залпом выпил ее и попросил наполнить снова.

Джексом терпеливо наблюдал за этим представлением. Он привык к выходкам Пьемур еще в те времена, когда они вместе занимались у мастера Фандарела и в цехе арфистов.

— А ты никогда не задумывался, Джексом, почему я забросил учебу?

— Менолли сказала, что тебя куда-то отправили.

— Не куда-то, а как раз сюда, — Пьемур обвел рукой окрестности, выразительно нацелив пальцем на юг. — Спорю на что угодно: я познакомился с нашей планетой получше любого ее обитателя... включая даже драконов! — он важно поклонился, тем самым намекая слушателям, что им следует проявить восторг и изумление. — Правда, я еще не полностью... — он снова сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность следующих слов, — обошел Южный материк, но зато места, где я побывал, знаю как свои пять пальцев! — он продемонстрировал стоптанные сапоги. — А ведь каких-нибудь четыре недели назад, когда я отправлялся на восток, они были новехонькие! О, сколько историй могли бы рассказать эти сапоги! — он скользнул по лицу Джексома задумчивым взглядом. — Одно дело, дражайший лорд Джексом, безмятежно парить над землей, взирая на мир с заоблачных высот, и совсем другое, смею тебя заверить, пробираться по земле, под землей, сквозь землю, вокруг земли — и все на своих двоих. Однако только так можно по-настоящему понять, что к чему.

— А Ф'лар знает?

— Более или менее, — хитро прищурившись, ответил Пьемур. — Но, бьюсь об заклад, скорее менее, чем более. Видишь ли, около трех Оборотов назад Торик начал торговать с севером, поставляя туда железную, медную и оловянную руду превосходного качества — как раз то, чего, как ты знаешь, так недостает нашему Фандарелу. Вот Робинтон и решил, что было бы бесполезно разведать, где Торик их берет. Наш мастер оказался настолько дальновидным, что остановил свой выбор на мне... Так ты уверен, что с ним все в порядке? Вы от меня ничего не скрываете?

Развязные манеры Пьемур не мешали разглядеть, что он искренне встревожен.

— Мы сказали тебе все, что знаем сами, и все, что знает Рут', — Джексом замолчал, спрашивая дракона о последних новостях. — Ну вот, Рут' говорит, что мастер спит. Еще он говорит, что драконы не позволят ему покинуть нас.

— Вот оно что — драконы не позволят ему уйти? Ну и дела! — Пьемур покачал головой. — Хотя, должен признаться, меня это

вовсе не удивляет, — продолжал он с обычной непосредственностью. — Драконы знают, кто их друг. Так вот, как я уже сказал, мастер Робинтон задумался о том, что было бы разумно с нашей стороны побольше разузнать о Южном — тем более что Ф'лар сам имеет на него виды.

— Откуда ты так хорошо осведомлен о намерениях Робинтона и Ф'лара? — поинтересовалась Шарра.

Пьемур фыркнул и погрозил ей пальцем.

— Я-то знаю откуда, а вот вы — догадайтесь! Но ведь я прав, не так ли, Джексом?

— Про замыслы Ф'лара ничего не могу сказать, но, держу пари, не он один интересуется Южным.

— Твоя правда! Но, полагаю, ты понимаешь, что решающее слово принадлежит ему?

— А вот я, например, так не считаю, — заявила Шарра. — Мой брат — властелин холда... Да, это так, — горячо воскликнула она, видя, что Пьемур собирается возразить. — Или, во всяком случае, будет им, если его холд признают северные лорды. Он рискнул поселиться здесь вместе с Ф'нором, когда тот отправился на десять Оборотов назад. Тогда больше никто не отважился последовать его примеру. Он терпеливо сносил все выходки Древних, и теперь у него прекрасный обширный холд, к тому же личинки надежно защищают его от Нитей. И никто не может оспорить его право владеть тем, что у него есть...

— Разве я против? — поспешил согласиться Пьемур. — Но, не смотря на то что Торик принял уже много народу, перебравшегося сюда с севера, он не сможет безгранично расширять свои владения! Ему бы суметь обработать и защитить то, что у него есть. А ведь на Южном столько земель, что никто даже не может себе представить — ну, кроме меня, разумеется! Клянусь Скорлупой, я прошагал по этому матерiku путь, никак не меньший, чем расстояние от верховьев Тиллека до оконечности Нерата у нас на севере! — Насмешка в его голосе неожиданно сменилась восхищением. — Как вспомню тот залив, до которого мне удалось добраться... Это нечто потрясающее! Противоположный берег не разглядеть в знойном мареве, хоть мы с Дуралеем два дня ташились через непроходимые пески. Воды осталось только-только на обратный путь — ведь я был уверен, что песок скоро сменится нормальной землей... Я послал Фарли вперед — сначала к другому берегу, потом к устью реки, но в картинах, которые она передавала, один сплошной песок. И тут я вижу: дело дрянь, придется возвращаться. Но, — он повернулся к слушателям, — вы, конечно, понимаете, что за тем заливом может быть еще столько же зе-

мель, сколько я пересек, прошагав до него от холда Торики. А ведь я так и не обошел материк по кругу! Торику не справиться и с половиной того, что я облазил. А это, заметьте, только западная сторона. Теперь восточная... Чтобы добраться от Торики до вас, у меня ушло целых три недели, причем часть пути нам пришлось проделать вплавь. Кстати, мой Дуралей — отличный пловец! Всегда свеж, как весенний рассвет, и никогда не жалуется. Как вспомню, каким отборным зерном кормил своих скакунов мой папаша и чем приходится довольствоваться бедняге Дуралею! И это при двойной-то нагрузке! — Пьемур замолчал и сокрушенно покачал головой при мысли о подобной несправедливости. — Так вот, — он поспешил вернуться к своему рассказу, — как мне было велено, я проводил разведку и при этом двигался в вашу сторону. Правда, я рассчитывал попасть сюда гораздо раньше! Кто бы знал, до чего я устал! И ведь никому не ведомо, сколько мне еще предстоит скитаться, пока я не доберусь до цели.

— А я-то думал, ты искал нас!

— Так-то оно так, но мне придется продолжить путь... раньше или позже. — Он приподнял левую ногу, ту, которую все время поглаживал, и изобразил на лице гримасу боли. — Клянусь Скорлупой, больше не смогу сделать ни шага! Нога стоптана почти до колена — ведь так, Шарра?

С поднятой ногой он подполз по песку к целительнице, которая озабоченно смотрела на него. Она ловко размотала лохмотья, которые скорее всего некогда были куском Пьемурова плаща, обнажив длинный, недавно заживший шрам.

— Нет, ты скажи, Шарра, — разве можно ходить с такой ногой?

— По-моему, нельзя, Пьемур, — сказал Джексом, критически оглядев едва затянувшуюся рану. — Как ты считаешь, Шарра?

Девушка переводила взгляд с одного на другого, глаза ее смеялись.

— Совершенно определенно — нет! Твою ногу нужно долго отмачивать в теплой соленой воде, потом выдержать на солнце, и то вряд ли это поможет. Потому что ты, Пьемур, ужасный негодяй, а вовсе никакой не арфист, посланный с ответственным поручением. Любой добропорядочный холдер пришел бы от тебя в ужас!

— Ты вел записи во время путешествия? — спросил заинтересованный Джексом; он несколько завидовал свободе, которой пользовался Пьемур.

— Вел ли я записи? Я? — Пьемур насмешливо фыркнул. — Да почти вся Дуралеева поклажа это и есть записи! Как ты думаешь, почему я хожу таким оборванцем? Просто у меня нет места для

лишней одежды. — Понизив голос, он нагнулся к Джексому: — А нет ли у тебя здесь случайно пары листочков бумаги? У меня есть кое-какие идеи...

— Есть, и притом полным-полно. И чертежные инструменты тоже. Пойдем!

Джексом поднялся. Пьемур, ни на шаг не отставая и лишь едва заметно прихрамывая, двинулся за ним. Джексом вовсе не собирався показывать Пьемору свои неуклюжие попытки составить карту ближайших окрестностей. Но он забыл, что от проницательного взгляда арфиста ничего не скроешь. Пьемур сразу обнаружил рулон аккуратно склеенных листков и, даже не думая спрашивать разрешения, развернул его. Скоро он уже кивал головой и что-то бормотал себе под нос.

— Я смотрю, ты тут даром времени не терял! — ухмыльнулся молодой арфист, и Джексом понял, что его работа получила одобрение. — Вижу, в качестве единицы длины ты использовал Рут'а? Вполне здраво. А я научил Фарли, свою королеву, летать как бы по шагам, только очень длинным. Я считаю секунды и наблюдаю за ней, а она в конце каждого своего «шага» делает нырок. Я замечаю количество секунд, а потом, составляя карту, высчитываю расстояние. Н'тон, когда работал вместе со мной, дважды перепроверял мою меру, так что я уверен, она довольно точна. А если еще принять в расчет скорость и направление ветра... — Взгляд его упал на высокую стопку чистых листов, и он восхищенно присвистнул. — Они мне очень пригодятся, чтобы запечатлеть те места, где мы с Дуралеем уже побывали. Так что, с твоего позволения...

— А как же больная нога? — с непроницаемым лицом спросил Джексом.

Пьемур с непонимающим видом уставился на него, потом они оба дружно расхохотались, да так, что Шарра прибежала узнать, что их так развеселило.

Следующие несколько дней пролетели вполне безмятежно. Они начинались с доклада Рут'а о состоянии здоровья мастера-арфиста. В первое же утро Пьемур заметил, что Дуралей объел всю окрестную зелень, и спросил, нет ли где поблизости подходящих лужаек. Прихватив с собой Пьемура, Джексом с Рут'ом слетали на пышные луга, раскинувшиеся в пойме реки, к югу от их убежища. Путь занял у них добрый час. Рут' с готовностью помогал собирать охапки высоких сочных трав, лениво колыхавшихся на ветру. Пьемур объявил, что на таких отличных кормах даже бедняга Дуралей может слегка нагулять тело. Рут' доба-

вил — специально для Джексома, — что в жизни не видел скакуна, у которого был бы такой голодный вид.

— Мы не собираемся откармливать его для тебя, — посмеиваясь, сказал Джексом.

«Ведь он — друг Пьемура. А Пьемур — мой друг. Я никогда не ем друзей моих друзей!»

Джексом не удержался и передал это рассуждение Пьемуру, который так и покатился со смеху, а потом хлопнул дракона по крупу с такой же грубоватой лаской, с какой он обычно обращался со своим Дуралеем.

Они навьючили на Рут'а с полдюжины тяжелых связок травы и полетели в обратный путь. И тут Пьемур спросил, видел ли Джексом гору вблизи.

— Мне еще нельзя в Промежуток, — ответил Джексом, не скрывая от арфиста своего разочарования.

— Ты прав — куда уж тебе, после горячки-то!

Джексом даже удивился, получив независимое подтверждение запрета, наложенного целительницами.

— Ну, ты не переживай! Ждать тебе осталось не так уж долго. — Прикрыв глаза от солнца, Пьемур бросил взгляд на симметричную вершину. — До нее не меньше четырех, а то и пяти дней пути. А кажется — совсем рукой подать. Да и дорога не из легких, сразу понятно. Но ты, — тут он ткнул Джексома под ребро, так что у того дух перехватило, — должен сначала поднакопить силенок, а то я слышал, как ты пыхтел, когда мы возились с травой. Так-то!

— Послушай, а не лучше ли привести Дуралея сюда, пусть пахнет. Вокруг нет ни единого дракона, разве что Рут'. А он обещал Дуралея не есть.

— Нюхнув вольной жизни, он уже не вернется. Он слишком большой дуралей, чтобы понимать, что со мной ему гораздо спокойнее... Вот, скажем, дракон приносит ему пищи — вместо того чтобы использовать в качестве пищи его самого.

Дуралею прибавка к обычному меню пришлось весьма по вкусу, и он, посвистывая от удовольствия, принялся уминать привезенную траву.

— А насколько он смышлен, твой Дуралей? — спросила Шарра, поглаживая бурую косматую шею животного.

— Он, конечно, не так умен, как Фарли, но, между нами, вовсе не такой уж дуралей — правильнее назвать его ограниченным. А в пределах своих границ он соображает как надо.

— Например? — поинтересовался Джексом, который никогда не задумывался об умственных способностях скакунов.

— Вот тебе и пример. Я могу послать Фарли, наказав ей лететь столько-то часов в указанном направлении и принести что-нибудь, взятое с земли. Как правило, она приносит траву или веточки, а иногда — камешки или песок. Я могу отправить ее на поиски воды. Это как раз и сбило меня с толку у Большого залива. Она действительно нашла воду, вот мы с Дуралеем и потащились. Только я забыл сказать, что вода должна быть пресной, — Пьемур пожал плечами и рассмеялся. — Нам же с Дуралеем приходится шагать по земле, и он прекрасно в ней разбирается. Он не раз выручал меня, обходя стороной топи и зыбучие пески. Он мастер найти самый безопасный путь в горах. И воду чует издалека... я имею в виду питьевую. Так что зря я его не послушал, когда он артачился и ни за что не желал лезть в те треклятые пески, что лежали на пути к Большому заливу. Он знал, что там подходящей воды нет, хотя Фарли настаивала, что ее полно. В тот раз я поверил Фарли. Вообще говоря, из них двоих получается один хороший надежный проводник. А все трое — Дуралей, Фарли и я — просто непобедимая команда.

— К слову сказать, я нашел кладку огненной ящерицы, да еще королевскую, в пятой... — Фарли отчаянно зачирикала, — ну ладно, ладно, в шестой или седьмой бухточке, считая отсюда. Я-то сам вряд ли найду туда дорогу, но Фарли запомнила место... Это я на тот случай, если кому-то из вас понадобится. Знаете, не будь зеленые файры так глупы, их расплодилось бы видимо-невидимо. Только они совершенно никчемные создания.

Шарра засмеялась:

— Помню день, когда мне впервые удалось найти кладку. Тогда я не знала разницы между гнездами золотых и зеленых. Как я тогда ее караулила... не отходила целыми днями. Ни одной живой душе не проговорилась — хотела запечатлеть всех разом...

— Сколько дней ты там просидела? Четыре или пять? — показываясь со смеху, спросил Пьемур.

— Даже шесть. Только я не учла, что змейка-песчанка, подобравшись снизу, уже сделала свое дело задолго до того, как я нашла кладку.

— Почему же змеи не портят яиц королев? — спросил Джексон.

— Золотые никогда не отходят от гнезда, — ответила Шарра. — Королева мгновенно замечает змеиную нору и тут же убивает змею. — Она передернулась. — Змей я ненавижу еще больше, чем Нити!

— А они, между прочим, во многом похожи, верно? — спросил Пьемур. — Только направление удара у них разное. — Он показал

руками, как один враг нападает на воображаемую жертву снизу, а другой сверху.

Когда становилось жарко, Джексом вместе с Шаррой и Пьемуром занимались тем, что превращали заметки, замеры и грубые наброски арфиста в подробные карты материка. Пьемуру хотелось как можно скорее отправить их Сибеллу, Робинтону или Ф'лару.

На следующий день все трое, с Рут'ом в качестве впередсмотрящего и Дуралеем в качестве выючного животного, отправились по утренней прохладе разыскивать королевскую кладку, о которой рассказывал Пьемур. В гнезде оказалось двадцать одно яйцо, все уже совсем твердые — от Рождения их отделял лишь день-другой. Завидев людей, дикая ящерка метнулась прочь, так что они беспрепятственно выкопали яйца и осторожно упаковали в корзинку, которую навьючили Дуралею на спину. Джексом велел Рут'у предупредить Кант'а, что у них есть яйца файров.

«Кант' говорит, что они в любом случае собирались к нам завтра, — ответил Рут'. — Арфист хорошо поел».

Рут' часто передавал им разные мелочи, касающиеся самочувствия мастера Робинтона. По меткому выражению Пьемура, это было все равно что находиться рядом с больным, не слыша, однако, его докучливых жалоб.

Обратно они пошли через лес, заодно набрав фруктов. Деревья у берега были уже обобраны подчистую, а если приедут Ф'лар с Лессой, им, конечно, захочется свежих плодов.

— Ты покажешься Ф'лару, когда он будет здесь? — спросил Джексом юного арфиста.

— А почему бы и нет? Он знает, чем я занимаюсь, — Пьемур поднял к небу лицо и глубоко вздохнул. — Знаешь, Джексом, когда видишь, как прекрасен этот материк, начинаешь задумываться — с чего это наши перебрались на север?

— Может быть, Южный, пока его не заселили личинками, был слишком велик, чтобы защищать его от нападения Нитей? — предположила Шарра.

— Скажешь тоже! — Пьемур насмешливо фыркнул. — Эти древние Записи никуда не годятся — в них пропущено самое важное. Помните, фермерам на севере предписывалось наблюдать за личинками, а зачем — ни слова! Или написано, что Южный материк был заброшен, а почему — никому не известно. Правда, если в те времена здесь было столько же землетрясений, сколько сейчас, я не могу упрекнуть предков в отсутствии здравого смысла. По пути к Большому заливу я едва не отправился на тот свет от жуткого подземного толчка. Чуть не потерял Дура-

лея — он обезумел от страха! Если бы Фарли за ним не проследила, я никогда не отыскал бы эту безмозглую скотину!

— Землетрясения бывают и на севере, — возразил Джексон, — в Кроме и на Плоскогорье, а порой и в Айгене, и на Телгарской равнине.

— Только не такие, в которое я угодил, — сказал Пьемур, трясая головой при одном воспоминании о пережитом. — Не такие, когда перед тобой земля проваливается в бездну, а позади вздымается над твоей головой на половину высоты дракона.

— Когда это случилось? Примерно три-четыре месяца назад?

— Именно тогда!

— В Южном холде земля только содрогнулась, но и от этого душа у меня ушла в пятки!

— А вы когда-нибудь видели, чтобы из моря вынырнул вулкан, плюющийся золой и раскаленными камнями? — спросил Пьемур.

— Нет, но я подозреваю, что сам ты тоже ничего подобного не видел, — недоверчиво глядя на него, проговорила Шарра.

— Очень даже видел! К тому же со мной был Н'тон, а он-то не даст соврать!

— Только не надейся, что я его не спрошу!

— А где это было, Пьемур? — спросил Джексон, замороженный нарисованной арфистом картиной.

— Я потом покажу тебе на карте. Н'тон до сих пор наблюдает за тем районом. Когда мы виделись в последний раз, он сказал, что вулкан уже перестал дымить и вокруг него образовался остров в форме почти правильного круга...

— И все же я предпочла бы увидеть все собственными глазами, — не желая уступать, заявила Шарра.

— Я тебе это устрою, — добродушно пообещал арфист. — А вот и подходящее дерево! — добавил он и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку, а потом проворно забрался наверх. Срывая побеги, усыпанные красными плодами, он опускал их прямо в протянутые руки Шарры и Джексона.

Путь вдоль берега занял у них всего два часа. Зато обратно по узкой тропинке, выходящей через густой подлесок, они добирались раза в три дольше. Джексон начал представлять тяготы Пьемуровых странствий, когда арфисту приходилось героически продираться сквозь густой кустарник с липучим соком. К тому времени, как они вышли к берегу, все трое в кровь искололи себе пальцы и колени. Джексон совершенно не понимал, куда они идут, но Пьемур ориентировался отлично и вместе с Рут'ом и файрами не давал им уклоняться от цели.

Когда они наконец добрались до дома, только гордость не позволила Джексому сразу рухнуть от изнеможения и заснуть мертвым сном. Но Пьемур мечтал искупаться, а Шарра собиралась готовить на ужин жареную рыбу, так что Джексом заставил себя превозмочь усталость.

Позже он подумал — вероятно, поэтому ночью ему и снились такие яркие сны. Главным в них была дымящаяся гора, выплевывающая золу и докрасна раскаленную лаву, у подножия которой металась толпа людей. Самое неприятное, что Джексом тоже был среди этих людей! Ему все время казалось, что он бежит слишком медленно. Светящаяся красно-оранжевая река, изливавшаяся из кратера вулкана, грозила поглотить его, а он никак не мог заставить себя двигаться побыстрее.

— Джексом! — Пьемур тряс его за плечо. — Ты так кричишь во сне — Шарру разбудишь! — Пьемур замолчал, и тут в предрасветном сумраке они отчетливо услышали стон Шарры. — Пожалуй, ее тоже не мешает разбудить. Видно, и ей снятся кошмары.

Но едва Пьемур начал выбираться из-под одеяла, как девушка глубоко вздохнула, а потом задышала ровно и спокойно.

— Это все мои рассказы о вулкане — мне и самому сегодня приснилось извержение, — проворчал Пьемур. — Да еще умять на ночь столько рыбы и фруктов! Я все наверстывал пропущенный обед, — он вздохнул и снова улегся.

— Спасибо тебе, Пьемур.

— За что? — протяжно зевая, поинтересовался арфист.

Джексом перевернулся на другой бок, устроился поудобнее и скоро погрузился в спокойный сон без всяких сновидений.

Утром всех троих разбудил трубный вопль Рут'а.

— Это Ф'нор! — сказал Джексом, услышав сигнал дракона.

«Ф'нор не один», — добавил Рут'.

Джексом, Шарра и Пьемур уже подходили к берегу, когда над ними появились четыре дракона. По сравнению с коричневым Кант'ом остальные трое казались мелкими. Закричав от удивления, фэйры, до того дремавшие на спине у Рут'а, стремительно исчезли — остались только Мийр, Талла и Фарли.

Джексом услышал, как Рут' сообщил Кант'у: «У нас Пьемур» — и в тот же миг Ф'нор принялся бешено размахивать руками, а потом вскинул их над головой в победном жесте всадников.

Кант' спустил своего седока на прибрежный песок и, отдав какую-то команду остальным драконам, с довольным видом зашлепал к воде. Рут' немедленно присоединился к нему.

— Пьемур! Какая встреча! — радостно воскликнул Ф'нор, рас-

стегивая на ходу летный костюм. — Я уж начал побаиваться, что ты совсем сгинул!

— Сгинул? — Пьемур изобразил оскорбленный вид. — Прямо беда с вами, всадниками! Никакого уважения к тем, кто ходит по земле. Слишком уж вам легко все дается. Прыг вверх — и исчезли! Не успеете моргнуть глазом — и уже на месте! И никаких тебе усилий, — он возмущенно крикнул. — В отличие от вас я знаю пройденный путь назубок — каждый паршивый пригорок и овражек!

Но Ф'нор только ухмыльнулся и с такой силой хлопнул юного арфиста по спине, что Джексом даже удивился, когда тот устоял на ногах.

— Значит, ты хорошо позабавишь мастера Робинтона подробным и изрядно приукрашенным рассказом о своих путешествиях!

— Так ты приехал, чтобы отвезти меня к мастеру Робинтону?

— Не совсем. Он сам направляется к вам! — Ф'нор обвел рукой бухту.

— Что-что?

Порывшись в висящей на поясе сумке, Ф'нор извлек сложенный лист бумаги.

— Вот из-за чего я сегодня выбрался к вам! И не забудьте, что обещали мне яйца файров. Договорились?

— Что это? — Джексом, Шарра и Пьемур обступили коричневого всадника; тот нарочито медленно разворачивал сложенный лист.

— Это... холд, который предстоит построить для мастера Робинтона здесь, в бухте.

— Здесь?! — хором воскликнули все трое.

— А как он сюда доберется? — засомневался Джексом. — Ведь ему наверняка не позволят лететь через Промежуток, — он не смог скрыть досады, и Ф'нор, вскинув бровь, понимающе взглянул на него.

— Мастер Идаролан отдал в распоряжение мастера-арфиста свое самое большое и быстроходное судно. Его сопровождают Менюлли и Брекка. Морское путешествие никак не может повредить ему.

— Он подвержен морской болезни, — напомнил Джексом.

— Только не на таком большом корабле. — Ф'нор обвел их на редкость серьезным взглядом. — А теперь — за работу. Я привез инструменты и рабочие руки, — он кивнул в сторону ожидавших поодаль юных всадников. — Мы расширим вашу хижину и превратим ее в настоящий маленький холд, — сказал он, заглядывая в листок. — Прежде всего надо вырубить весь тот лесок...

— И тогда наш мастер-арфист изжарится на солнце, — вставила Шарра. — Разве ты этого хочешь?

— Не понял...

Шарра взяла у него из рук план и, взглянув на него, неодобрительно нахмурилась.

— Маленький холд? — переспросила она. — Да ведь это ваш дурацкий северный замок! Для Южного это просто никуда не годится. — Она опустила на песок и, подобрав осколок раковины, принялась набрасывать чертеж. — Во-первых, я не стала бы строить на месте нашего домика, — слишком близко к воде, а здесь бывают довольно сильные шторма. Вот там, подальше, — она показала на восток, — есть небольшой пригорок, затененный высокими плодовыми деревьями.

— Высокими деревьями? Да это же пища для Нитей?

— Ох уж эти всадники! Ведь ты на юге, а не на севере! Тут вся земля кишит личинками! Нити прожигают в листьях дырки почти каждую неделю, но растения сами залечивают раны. Зато климат здесь жаркий, и нужно, чтобы вокруг было как можно больше зелени — она дает прохладу. Строить лучше на столбах, чтобы здание было поднято над землей, — для этого здесь полно камня. Нужно сделать большие окна, а не такие узкие шелки — чтобы по комнатам гулял ветерок. Если уж вам так хочется, можно при необходимости закрывать их ставнями, но я почти всю жизнь прожила на юге и знаю, какие дома здесь нужны. В них должно быть много окон и сквозные коридоры, чтобы здание хорошо проветривалось... — Иллюстрируя свои слова, Шарра проводила четкие глубокие линии, хорошо видные даже на сухом песке. — А еще понадобится печь на открытом воздухе. Мы с Бреккой занимались стряпней вон в тех выложенных камнем ямках, — она махнула рукой в сторону мыса. — И потом, зачем в доме купальня, если море всего в двух шагах?

— Но против водяных труб ты, надеюсь, не будешь возражать?

— Нет, это, конечно, удобнее, чем таскать воду из ручья. Только кран нужно сделать не только в доме, но и там, где будет кухня. Стоит подумать о баке рядом с очагом — нам может понадобиться горячая вода...

— Ну, ничего не забыто, мастер-строитель? — В голосе Ф'нора прозвучало скорее уважение, чем насмешка.

— Если мне придет в голову еще что-нибудь, я тебе сразу же сообщу, — с достоинством ответила девушка.

Усмехнувшись, Ф'нор перевел взгляд на ее набросок.

— Я не совсем уверен, что нашему арфисту придется по душе

такое обилие зелени, — озабоченно хмурясь, сказал он. — Вы-то, я знаю, привыкли встречать Нити под открытым небом.

— И мастер Робинтон, кстати, тоже, — заметил Пьемур. — Знаешь, Шарра права насчет климата и в том, что лучше строить под деревьями. Лес всегда можно вырубить, Ф'нор, да только вырастить его снова не так-то просто!

— Ладно, уговорили! А теперь вы трое — Б'рефли, К'ван и М'ток, отпустите своих драконов — пусть они поплавают вместе с Рут'ом и Кант'ом. Они нам не понадобятся, пока мы не срубим деревья. К'ван, дай-ка мне свой мешок! Ведь топоры вроде у тебя? — Ф'нор раздал инструменты, не обращая внимания на ворчания Пьемура, мол, он месяцами продирался сквозь лес, чтобы теперь его рубить! — Ну-ка Шарра, води нас к площадке, которую ты выбрала для холда. Мы срубим лишние деревья и используем их как балки.

— Они достаточно толстые, — согласилась девушка, подводя их к облюбованному месту.

И она не ошиблась. Ф'нор обвел контур, где предполагалось возвести здание, и пометил деревья, которые придется свалить. Но одно дело — сказать, и совсем другое — сделать. Топоры не желали вонзаться в древесину, упрямо отскакивая от стволов. Ф'нор слегка растерялся. Пробормотав что-то о тупых топорах, он достал точило. Удовлетворительная острота лезвия стоила ему порезанного пальца. Он предпринял следующую попытку, но, увы, результат был не многим лучше.

— Ничего не понимаю! — заявил он, разглядывая следы топора на стволе. — Почему эта древесина такая твердая? Ведь это всего-навсего плодовое дерево, а не северный строевой лес! Как хотите, ребята, только сегодня мы должны расчистить площадку.

К полудню единственным, кто не стер руки в кровь, оказался Пьемур, который за время своих странствий привык махать топором. Но больше всего их обескуражил смехотворный результат — удалось свалить всего шесть деревьев.

— Ну что, наработались? — спросил наконец Ф'нор, отирая пот со лба. — Давайте-ка взглянем, что там приготовила Шарра, пахнет очень соблазнительно!

Пока Шарра заканчивала приготовления к обеду, они успели искупаться. Соленая вода разъедала ссадины, которые девушка смазала холодящим бальзамом. Когда парни прикончили жареную рыбу с тушеными кореньями, Ф'нор отправил их снова точить топоры. До самого вечера обрубали сучья, а потом велели драконам сложить бревна в сторонке. Шарра очистила площадку

от травы и кустов, а Рут' по ее просьбе притащил с берега черных камней, чтобы отметить опоры будущего здания.

Как только Ф'нор вместе с юными добровольцами отбыли на ночь в свой Вейр, Джексом с Пьемуром рухнули на песок и поднялись, только когда Шарра позвала их ужинать.

— Уж лучше обойти кругом весь Большой залив, — ворчал Пьемур, осторожно двигая руками то так, то эдак и морщась от боли.

— Думай о том, что работаешь для мастера Робинтона, — посоветовала Шарра.

Джексом задумчиво разглядывал свои ссадины.

— Судя по тому, как у нас продвигаются дела, ему не стоит спешить.

Сжалившись над их страданиями, Шарра растерла одеревеневшие мышцы юношей ароматной мазью, которая пощипывала и приятно согревала кожу. Джексому показалось, что его спину она массировала дольше, чем лопатки Пьемура. К счастью, юный арфист не интересовался ничем, кроме совершенно завораживавших его записей и карт; но Джексому очень хотелось, чтобы гость добрался до них на денек-другой позже. Теперь, когда рядом с ним и Шаррой постоянно был третий лишний, Джексом никак не мог упрочить едва завязавшуюся связь с девушкой.

На следующее утро возможностей для этого оказалось еще меньше. Шарра разбудила их, сообщив, что прибыл Ф'нор, а с ним — новые помощники.

Джексом должен был бы насторожиться, услышав ее вкрадчивый голос и крики, доносившиеся снаружи. И все же он оказался совершенно не подготовленным к зрелищу, которое предстало перед его глазами, когда они с Пьемуром, прихрамывая, вышли из хижины.

Бухта, поляна, небо — все так и кишело людьми и драконами! Как только одного дракона разгружали, он сразу же взлетал, чтобы дать место следующему. Вода в бухте ходила ходуном; огромные тела и крылья зверей гнали волны на берег. Рут' застыл на восточном мысе бухточки, задрал голову к небу, то и дело он приветственно трубил. На крыше домика собралась целая стая фэйров, и все они трещали без перерыва.

— О Великая Скорлупа — ты видывал что-нибудь подобное? — воскликнул Пьемур. Потом хохотнул и, потирая руки, добавил: — Одно ясно как день: валить деревья нам сегодня больше не придется!

— Джексом! Пьемур!

Услышав энергичный голос Ф'нора, юноши обернулись. Ко-

ричный всадник торопливо шел к ним. От него не отставали мастер-кузнец Фандарел, мастер леса Бендарек, Н'тон и командир одного из бенденских крыльев — кажется, это был Т'геллан.

— Джексом, не тебе ли я вчера оставил два чертежа? Никак не могу их найти... А, вот они! — Ф'нор взял со стола два наброска — первый, сделанный Бреккой, и второй, который предложила Шарра, — и стал объяснять мастерам. — Вот, взгляни, Фандарел, и ты, Бендарек, какая у нас возникла идея.

Мастера внимательно изучили наброски — сначала один, потом другой. Оба при этом медленно и неодобрительно покачивали головами.

— Замысел неплох, Ф'нор, но толку пока маловато, — вынес, наконец, общий приговор огромный кузнец.

— Предводитель Телгара Р'март выделил мне достаточно всадников, чтобы привезти сюда хорошо высушенные бревна для каркаса, — сказал кузнецу Бендарек.

— А у меня есть трубы для воды, металл, чтобы соорудить настоящий очаг и прочую кухонную утварь, петли для окон и дверей и всякие хозяйственные мелочи...

— Лорд Асгенар настоял, чтобы я взял его каменщиков. Нужно как следует выложить фундамент и где надо сделать облицовку...

— Но первым делом, мастер Бендарек, нужно исправить чертеж.

— Вполне согласен. Это очень миленький домик, но для главного арфиста Перна можно придумать что-нибудь более достойное.

И оба мастера с таким увлечением взялись исправлять набросок, что вовсе перестали замечать окружающих. Они облюбовали стол, который Джексом отвел для своих карт, и Пьемур, метнувшись к ним, едва успел спасти свои зарисовки и обмеры. Бендарек, не обратив никакого внимания на его вмешательство, взял первый попавшийся листок и, вытащив из кармана палочку для письма, стал четкими уверенными линиями набрасывать чертеж. Мастер-кузнец тоже схватил листок и принялся чертить свое.

— Сказать по правде, Джексом, — лукаво прищурился, проговорил Ф'нор, — я ведь только спросил Ф'лара с Лессой, можно ли мне взять еще несколько помощников. Лесса окинула меня суровым взглядом, а Ф'лар позволил взять столько свободных всадников, сколько мне потребуется. И что ты думаешь? На рассвете вокруг Вейра собралась толпа драконов и половина главных мастеров Перна! Должно быть, Лесса переговорила с Рамот'ой, а та — со всем Перном...

— Они все только и ждали предлога, Ф'нор, и ты его дал! — произнес Пьемур, наблюдая суматоху, воцарившуюся на некогда тихом берегу. Повсюду суетились толпы всадников и ремесленников, деловито перетаскивавших по песку все новые и новые грузы.

— Понимаю, только я никак не ожидал такого единодушного отклика. Ну, как я мог им запретить приехать сюда?

— Я думаю, — сказала подошедшая к ним Шарра, — что они таким образом выражают любовь и уважение к мастеру Робинтону. — Но Джексом поймал ее взгляд и понял, что девушка разделяет его чувства по поводу этого нашествия на их мирную, уединенную бухточку, где они еще так недавно были вдвоем.

Тут Джексом заметил, что на него смотрит Ф'нор, и изобразил на лице бледное подобие улыбки.

— Зато теперь наши вчерашние волдыри заживут — правда, Пьемур? — пробормотал он.

Пьемур кивнул. Молодой арфист наблюдал лихорадочную деятельность, разворачивающуюся на берегу, и на скулах у него ходили желваки.

— Пойду-ка я поищу Дуралея. От этой суматохи бедолага, верно, забился куда-нибудь в чашу. Фарли! — он протянул руку, и с крыши слетела его огненная ящерица. — Ищи Дуралея, Фарли! Веди меня к нему!

Оглянувшись через левое плечо, ящерица чирикнула, и Пьемур, ни на кого не глядя, удалился в указанном направлении.

— От долгого одиночества парень совсем одичал! — засмеялся Ф'нор.

— И не мудрено.

— Так ты тоже понимаешь, что он чувствует? — рассмеялся Ф'нор, услышав скупой ответ Джексома. — Я бы, Джексом, на твоём месте не поддавался подобным чувствам, — сказал коричневый всадник, хлопнув юношу по плечу. — С такими-то помощниками ты и оглянуться не успеешь, как холд будет готов. И снова вокруг воцарится милый твоему сердцу покой...

— Идиоты! — внезапно воскликнула Шарра.

Стараясь не замечать недоуменного взгляда Ф'нора, Джексом посмотрел на девушку. Все это время она, видимо, прислушивалась к беседе, которую вели между собой два главных мастера.

— Теперь придется объяснять все заново! — Серdito сжав кулачки, Шарра решительно вмешалась в совещание Фандарела и Бендарека. — Уважаемые мастера, я хочу напомнить вам, что вы не учли совершенно очевидную вещь. У нас жаркий климат. А вы оба привыкли к морозным зимам и морозящим дождям. Если вы

построите холд вот так, — она ткнула пальцем в их наброски, — то его обитатели в летний зной задохнутся от жары, а лето, между прочим, уже на носу. У нас, в Южном холде, дома строят так. Стены возводят толстые, чтобы дом не нагревался от солнца и внутри было прохладно. Дом ставят на столбах, чтобы под полом гулял ветер, и делают много окон, причем больших, — ведь ты, мастер Фандарел, привез сюда столько металлических ставен, что хватит на целую дюжину холдов! Нет, я вовсе не забыла про Нити, но они в отличие от жары бывают все же не каждый день. И еще...

Ф'лар прищелкнул языком:

— Послушаешь — вылитая Брекка! Сейчас войдет в раж. Знаешь, я бы предпочел куда-нибудь удалиться. — Он ткнул Джексома в грудь. — Вот ты и покажешь нам, где здесь можно поохотиться. Мы навезли еды с собой, но раз уж ты, по сути дела, здешний лорд, то тебе придется угощать нас жареным мясом.

— Сейчас, только возьму летное снаряжение, — с таким облегчением воскликнул Джексом, что все трое всадников расхохотались.

Джексом быстро натянул длинные кожаные штаны, набросил на плечи куртку и присоединился к всадникам, ожидавшим его на пороге.

— Думаю, можно взлететь с мыска, что на левой стороне бухты, там, где сейчас Рут', — предложил Ф'нор.

Что-то просвистело у Джексома над самым ухом, и, невольно пригнувшись, он увидел позади себя Мийр. Она висела в воздухе, сжимая в лапках обломок черного прибрежного камня. Джексом услышал, как Шарра благодарит ящерицу за быстрое возвращение.

Он поспешил скрыться, пока ему не нашли какое-нибудь занятие. Ф'нор прихватил веревочные арканы, которые они тщательно проверили и, смотав, повесили через плечо. Когда они пробирались меж штабелей разнокалиберных бревен, груд железных ставен и кип тюков с неизвестным содержимым, встречные окликали всадников и спрашивали Джексома о здоровье.

Пока дошли до окончечности бухты, Джексом успел встретить всадников из всех Вейров, кроме Телгара — там сегодня ожидали нашествие Нитей, — и представителей всех цехов, причем рангом не ниже помощника мастера. Он так долго был отрезан от мира, что даже не подозревал, насколько во всех Вейрах, цехах и холдах озабочены здоровьем лорда Руатанского. Юноша был смущен, и одновременно ему льстило это внимание; однако он никак не мог смириться, что неожиданное вторжение — пусть

даже вызванное самыми благородными побуждениями — нарушило тишину и уединение мирной бухточки.

Как назвал его Ф'нор? Здешний лорд? Он встряхнулся — рядом с ним, роняя брызги, неслышно опустился насквозь промокший Рут'.

«Сколько народа! Сколько драконов! До чего же весело!» — его выпуклые глаза сверкали радостью и волнением.

Белый дракончик, который рядом с двумя огромными бронзовыми и почти столь же громадным коричневым казался особенно маленьким, был в таком восторге от всего происходящего, что Джексом не мог оставаться безучастным.

Рассмеявшись, он ласково потрепал Рут'а по плечу и прыгнул ему на шею. Остальные всадники уже оседлали своих драконов, и Джексом, подняв сжатую в кулак руку, потряс ею в воздухе, давая команду на взлет. Продолжая смеяться, он покрепче ухватился за складку на шее Рут'а, и тот взмыл вертикально вверх. Белый был уже высоко, когда его более тяжелые спутники наконец оторвались от земли. Рут' учтиво сделал круг над бухтой, ожидая, когда все поднимутся, а потом, повернув на юго-восток, возглавил строй.

Он направлялся в сторону самого дальнего из прибрежных лугов, которые отыскиали они с Шаррой. Обычно птицы и скакуны пробирались туда по утрам поваляться в воде и прохладном иле. Там хватало места, чтобы большие драконы могли развернуться, предоставив своим всадникам возможность сделать точный бросок.

Как они и ожидали, на влажных речных лугах, там, где берег пологими уступами спускался от окраины леса к реке, паслись большие стада животных и стаи птиц. Из-за постоянных затяжных дождей деревья не могли укорениться на прибрежном косогоре, зато травы вырастали по пояс: сейчас они пышно зеленели, но скоро безжалостный летний зной спалит их, превратив в сухое сено.

«Охотиться будем поодиночке. Ф'нор велит нам добыть птицу, да покрупнее. Каждый должен постараться поймать самца — на сегодня этого хватит».

— А если и не хватит, — ответил Джексом, — всегда можно наловить побольше рыбы.

Юноше не терпелось испытать свои силы. Он еще никогда не охотился с арканом... Вот он выследил птицу — отличного крупного самца. Тот горделиво покачивал хвостовым гребнем, величаво выступая перед самками. Покрепче сжав ногами шею Рут'а, Джексом взял в руку конец веревки с крючьями. Потом указал

Рут'у выбранную жертву, и белый круто нырнул вниз и отвел крылья, чтобы Джексом было удобнее бросить аркан. Поджатые лапы дракона едва не коснулись высокой травы; юноша свесился вбок и ловко обвил петлей большую уродливую голову самца. Птица попятилась, еще сильнее затягивая веревку. Джексом пристукнул каблуками, и дракон послушно взмыл вверх. Ловкий рывок — и птичья шея хрустнула, как сухая ветка.

Птица оказалась такой тяжелой, что Джексом чуть не вывихнул себе плечо. Рут' пришел ему на помощь, перехватив веревку передними лапами.

«Ф'нор нас похвалил. Говорит, что надеется управиться не хуже».

Джексом направил Рут'а к дальнему краю луга. Опустив ношу на землю, Рут' сел, и Джексом принялся обвязывать веревку вокруг его шеи. Затем они поднялись, чтобы посмотреть, как Т'геллан доблестно преследует улепетывающую жертву — крупного самца, которого он не сумел поймать с первого раза. Ф'нор и Н'тон уже закончили охоту — под шеями их драконов свисали жирные туши. Ф'нор торжествующе потряс кулаком, и они с Н'тоном, развернувшись, отправились в обратный путь. Поворачивая вслед за ними, Джексом увидел, что со вторым броском Т'геллану повезло больше, но всадник слегка замешкался, так что пришлось взять круто вверх, чтобы не задеть за вершины деревьев. И все же охота удалась на славу. Они так быстро управились, что дичь не успела даже как следует испугаться. К завтрашнему дню, когда планировался очередной набег, стая совсем успокоится.

До бухты добрались без приключений; правда, обратная дорога заняла немного больше времени, ведь они возвращались с грузом. За время их отсутствия на краю леса появилась обширная поляна.

«Непонятно, как даже при таком количестве народа им удалось повалить столько деревьев», — удивился про себя Джексом и тут же увидел, как дракон с корнями вырвал ствол из земли и понес на берег соседней бухты, где уже высился целый штабель бревен. На поляне уже стояли столбы из черного прибрежного камня, на них опирались балки из высушенной, хорошо обработанной твердой древесины, которые доставил сюда мастер Бендарек. К дому, плавно изгибаясь, вела широкая дорожка, посыпанная золотистым песком, который драконы наносили с берега в мешках из-под огненного камня. По краям поляны многочисленные ремесленники трудились не покладая рук — пилили, строгали, приколачивали, подгоняли; от мыса на краю бухты к поляне протянулась длинная цепочка людей — они таскали куски черного камня и складывали в кучи.

Джексом заметил, что на восточном краю бухты уже выкопаны ямы для жаровен, а над ними установлены металлические вертела; в ямах пылал огонь. В тени стояли шеренги столов с грудами красных, золотистых и зеленых плодов.

Спланировав над бухтой, Рут' мягко приземлился. Увидев, что Джексом начал отвязывать добычу, двое мужчин, возившихся у ям, бросились ему на помощь. Избавившись от груза, Рут' сразу же улетел купаться. Стягивая летное обмундирование, Ф'нор не спеша подошел к Джексому. Всадник, прикрыв глаза ладонью от ослепительного сверкающего солнца, наблюдал за кипучей деятельностью, которая разворачивалась на берегу некогда пустынной бухты. Глубоко вздохнув, он вдруг закивал головой, словно увидел нечто, вызвавшее у него искреннюю радость.

— Теперь я вижу, что все прекрасно образуется, — сказал он, обращаясь скорее к себе самому, нежели к Джексому. Потом обернулся к юноше и, обхватив его за плечи, добавил: — Да, переезд не составит для них проблемы.

— Переезд?

Ф'нор явно имел в виду не строительную лихорадку, связанную с прибытием мастера-арфиста.

— Я говорю о всадниках, которые вернутся к земле, к хозяйству. Много ли тебе удалось здесь разведать?

— Прибрежные бухты — до тех лугов, где мы были сегодня. Да еще ближайшие окрестности — позавчера мы с Пьемуром сделали пешую вылазку.

Они оба, не сговариваясь, повернулись к вершине вулкана, которая правильным конусом выделялась на фоне облаков.

— Так и притягивает взгляд, да? — ухмыльнулся Ф'нор. — Ты, Джексом, первым достигнешь ее. И вообще я хотел бы, чтобы вы с Пьемуром начали серьезные исследования в этом районе. Ты ведь не станешь возражать, верно? Вам с Пьемуром это пойдет только на пользу. А теперь, пока я не забыл, где та кладка огненной ящерицы, о которой ты говорил?

— Там двадцать одно яйцо, и я хотел бы, если можно, взять себе пять...

— Что за вопрос!

— Забросишь их в Руат?

— Сегодня же вечером!

— А знаешь, вот что любопытно... — Джексом пристально огляделся по сторонам.

— Что именно?

— Обычно здесь бывает куда больше файров. А сейчас я едва насчитал полдюжины. И все они помечены.

Холд Форт.

Бенден-Вейр.

Бухта Джексома.

Борт «Рассветной Сестры».

Пятнадцатый Оборот.

Первый и второй дни десятого месяца

С улыбками наблюдая, как их файры обмениваются приветствиями, трое мужчин удобно расположились вокруг стола. Встреча проходила в малом зале Форт-холда, где лорд Грож проводил конфиденциальные беседы. Сибелл часто бывал здесь, но еще никогда не выступал в роли представителя цеха арфистов — да еще в присутствии предводителя Вейра; последнее означало, что лорд Грож придает их встрече особое значение.

— Прямо не знаю, с чего начать, — произнес хозяин, разливая вино. (Сибелл решил, что начало вовсе не плохое, тем более что лорд Грож угощал их бенденским.) — Ладно, я человек прямой. Дело вот в чем... В свое время я поддержал Ф'лара, когда он победил Т'рона, — Грож кивнул своему предводителю Вейра, — потому что был уверен: правда — на стороне Бендена. Он правильно сделал, что сослал этих бездельников туда, где от них меньше вреда. Пока Древние сидели у себя в Южном, можно было не думать о них, раз они не беспокоили нас. По большей части так оно и было. — Лорд Грож оглядел из-под нависших бровей сначала Н'тона, потом Сибелла.

Поскольку оба его собеседника знали, что время от времени в Форт-холде случались пропажи, винить в которых можно было только отколовшихся Древних, они согласно кивнули. Лорд Грож откашлялся и сложил руки на толстом животе.

— Суть в том, что они уже почти вымерли или скоро вымрут. И тогда конец нашим бедам. Д'рам уже собирает всадников из других Вейров, чтобы возродить Южный, восстановить там былые порядки, биться с Нитями и все такое. Что ж, я только за! — он наградил и арфиста, и всадника долгим красноречивым взглядом. — Гм-м-м... Ведь все это к лучшему, разве не так? Южный получит дополнительную защиту от Нитей, его землям ничто не будет угрожать. Я знаю, что там возник холд. Стараниями молодого Торики. Я не собираюсь подвергать сомнению его права — ни в коей мере! Он их заслужил. Но полный Вейр может защитить куда больше земель — ведь верно? — Он бросил пронзительный взгляд на Н'тона, но предводитель молчал, сохраняя на лице

выражение вежливой заинтересованности и тем самым вынуждая лорда Грожа продолжать свой монолог.

— Гм-м-м... Вся беда в том, что на шее у меня целая орава юнцов, которых нужно научить управлять холдом. Да они сами только об этом и мечтают! А пока от безделья знай грызутся да туют друг друга. А отдашь их на воспитание — приходится брать чужих сынков, которые тоже только и знают, что грызться и драться, чтоб им пусто было! Каждому нужен свой собственный холд, — лорд Грож стукнул кулаком по столу, чтобы его заявление лучше дошло до слушателей. — Но я ведь не могу больше дробить свою землю — и так уже каждый мало-мальски пригодный участок давно распахан. И не могу согнать с земли людей, чьи отцы, деды и прадеды были нашими подданными. Разве истинный лорд может так поступить? И я не сделаю этого даже ради своих детей — ни за что на свете!

— Я никогда не предложил бы то, что собираюсь предложить, будь обстановка на юге такой, как при Древних. Но ведь они больше не у дел. Теперь все решает Д'рам, а он, как известно, человек Ф'лара. При нем в Вейре наступит лордадок и процветание. Так почему бы не основать там новые холды? — лорд Грож переводил взгляд с арфиста на предводителя Форта, видимо ожидая возражений. — Ведь на Южном полным-полно свободных земель, разве я не прав? Никто даже толком не знает, сколько их там. Но я слышал, как мастер Идаролан говорил, что один из его кораблей много дней плыл вдоль побережья. Как вам это понравится? Много дней!

Он захихикал, смех перешел в хохот, заколыхавший тучное тело властителя холда. Лорд не мог вымолвить ни слова, только бессильно тыкал толстым пальцем то в одного собеседника, то в другого, пытаясь заменить жестами слова, которые никак не мог выговорить.

Тем временем Н'тон и Сибелл обменивались недоуменными взглядами и только пожимали плечами, не в силах понять, что так развеселило престарелого лорда и что он пытается им поведать. Наконец раскаты смеха, сотрясавшие Грожа, постепенно стихли, и он, ослабевший, принялся утирать слезы.

— Спелись! Вот что я вам скажу, дорогие мои, вы отлично спелись! — с трудом вымолвил он, борясь с одышкой. Потом долго кашлял и хлопал себя по груди, чтобы остановить приступ. И вдруг так же внезапно, как развеселился, обрел полнейшую серьезность. — Но я не могу вас винить. И не стану. Секреты Вейра — дело святое. Я все понимаю. И прошу вас только об одной услуге — поговорите с Ф'ларом. Напомните ему, что нападе-

ние всегда лучше обороны. Я не хочу сказать, что он этого не понимает. Только я считаю, — лорд Грож ткнул себя пальцем в грудь, — что ему лучше быть начеку... Беда в том, что весь Перн уже знает — мастер-арфист отправляется для поправки здоровья на Южный. Конечно, каждый готов пожелать нашему славному арфисту скорейшего выздоровления. И в то же время люди смекнули, что Южный перестал быть закрытым материком.

— Южный так велик, что невозможно целиком защитить его от Нитей, а ведь они и там все еще падают, — объяснил Н'тон.

Лорд Грож закивал и пробормотал, что это ему известно.

— Только люди-то знают, что можно пережить падение Нитей, даже не имея холда! — он прищурился и в упор взглянул на Сибелла. — Твоей-то подружке Менолли это удавалось! Я сам слышал, как она рассказывала, что Древние не очень-то помогали Торику разбираться с Нитями.

— Скажи, лорд Грож, — спокойно спросил Сибелл, — а ты-то сам когда-нибудь бывал под открытым небом во время Падения?

Лорд Грож невольно вздрогнул.

— Случилось однажды... Я понимаю твой вопрос, арфист. И все же это единственный способ отделить юнцов от зрелых мужчин! — он победоносно вздернул голову. — Да, именно в этом состоит моя идея — отделить юнцов от мужчин! — он взглянул на Н'тона, и, хотя лицо его было непроницаемо, в глазах играла хитрая усмешка. — А Вейры разве не хотели бы отделить своих мальчишек?

К удивлению лорда, Н'тон весело рассмеялся.

— Похоже, что пришло время отделяться нам, а не мальчишкам, лорд Грож.

— Это как же?

— Мы сегодня же передадим твоё предложение Ф'лару.

Как бы скрепляя своё обещание, предводитель Вейра поднял кружку с вином.

— На большее я и не рассчитывал! А теперь скажи, Сибелл, есть ли какие-нибудь новости о мастере Робинтоне?

Глаза Сибелла весело блеснули.

— Вот уже четыре дня, как он отбыл из Исты. Наслаждается морским путешествием.

— Ха! — всем видом лорд Грож изобразил недоверие.

— Мне, во всяком случае, сказали, что он наслаждается, — уточнил Сибелл. — А какого он сам об этом мнения...

— Уж не в то ли дивное местечко он направляется, где держат юного Джексома?

— Держат? — Сибелл в притворном ужасе воззрился на лорда Грожа.

— Его никто там не держит, просто парню пока нельзя летать в Промежутке.

— Был я в той бухточке. Красота! Где она, кстати, находится?

— На юге, — ответил Сибелл.

— Так... Значит, не скажешь? Не скажешь! Что ж, я тебя не виню. А место действительно прекрасное. Теперь ступайте-ка вы оба и не забудьте передать Ф'лару, что я вам сказал. Не думаю, что я буду последним, но лучше бы мне оказаться в числе первых. Лучше для него. И для меня тоже. А то мои мерзопакостные сынки доведут меня до могилы.

Лорд Грож поднялся, а след за ним — и его гости.

— Когда увидишь своего мастера, Сибелл, передай, что я о нем справлялся.

— Непременно, мой господин.

Когда все трое двинулись к выходу, Мерга, маленькая королева Грожа, что-то весело прошептала Сибелловой Кими и Н'тонову Трису, из чего арфист сделал вывод, что Грож остался вполне доволен беседой.

Ни Сибелл, ни Н'тон не проронили ни слова, пока не спустились с широкого пандуса, который вел от просторного двора Форт-холда к мошечной булыжником главной дороге.

Вдруг Н'тон услышал тихий довольный смешок арфиста.

— Сработало, Н'тон! Ты видишь — сработало!

— Что сработало?

— А то, что лорд просит разрешения предводителей Вейров отправиться на Южный!

— А что здесь, собственно, такого? — с недоумением спросил Н'тон.

Ухмыльнувшись во весь рот, Сибелл торжествующе взглянул на приятеля.

— Клянусь Скорлупой! Оказывается, и с тобой тоже сработало! Забросишь меня в Бенден-Вейр? Грож прав. Возможно, он будет первым... хотя, зная прыть лорда Кормана, я в этом сомневаюсь. Но последним он не будет — уж это точно!

— Послушай, Сибелл! А со мной-то что сработало?

Арфист ухмыльнулся еще шире, его карие глаза смеялись.

— Друг мой, секреты цеха — дело святое!

Возмущенно фыркнув, Н'тон остановился посреди пыльной дороги.

— Или ты мне скажешь, или я не тронусь с места! — нетерпеливо потребовал он. — Будешь добираться в Бенден пешком!

— Ох, Н'тон, неужели тебе самому неясно? Пораскинь мозгами, пока мы будем лететь до Бендена! А если так и не додумаешься, там я тебе объясню. Мне все равно придется сообщить Ф'лару о том, что произошло.

* * *

— Так, значит, и лорд Грож туда же? — Ф'лар окинул молодых людей задумчивым взглядом.

Он только что вернулся с равнин Керуна, куда вылетал отражать атаку Нитей. После боя состоялась неожиданная беседа с лордом Корманом, во время которой лорд безостановочно хлюпал своим длинным, вечно мокрым носом.

— Так сегодня Нити падали над Керуном? — поинтересовался Сибелл, и когда Ф'лар скорчил недовольную гримасу, молодой мастер с усмешкой повернулся к Н'тону: — Вот видишь — лорд Грож все-таки не первый!

Ф'лар дал выход накопившемуся раздражению, звучно хлопнув по столу летными перчатками.

— Прошу извинить за вторжение, мой господин, — сказал Сибелл. — Тебе, наверное, не терпится отдохнуть, но если лорду Грожу не дают покоя пустующие земли Южного, другие наверняка тоже о них подумывают. Он считает, что тебя следует предупредить.

— Предупредить — вот как? — Ф'лар отбросил со лба темную прядь и мрачно налил себе вина. Потом, вспомнив о гостеприимстве, налил и Н'тону с Сибеллом.

— Мой господин, все не так уж плохо.

— Своры безземельного сброда вот-вот хлынут на Южный, а ты говоришь, что все не так плохо?

— Им сначала придется попросить разрешения Бендена!

Ф'лар, только что хлебнувший вина, чуть не поперхнулся от неожиданности.

— Попросить разрешения? У Бендена? Это еще почему?

— Спроси у мастера Робинтона! — ухмыляясь во весь рот, ответил Н'тон.

— Извини, но что-то я тебя не понимаю, — признался Ф'лар, усаживаясь и вытирая с губ капли вина. — Какое отношение имеет мастер Робинтон, который, как я надеюсь, благополучно направляется к берегам Южного, к притязаниям Грожа, Кормана и еще невесть кого, кто желает сплавить туда своих многочисленных отпрысков?

— Ты ведь знаешь, что мастер-арфист часто посылал меня то

на север, то на юг. В последнее время, кроме своих основных обязанностей, я выполнял два очень важных поручения. Во-первых, я должен был выяснить, что думают в малых холдах об их обязательствах по отношению к Вейру и своему главному холду. И, во-вторых, — укрепить в людях уверенность, что весь Перн обязан согласовывать свои планы с Бенден-Вейром!

Ф'лар зажмурился и потряс головой, как будто хотел освоиться с этой мыслью. Потом склонился к Сибеллу.

— Продолжай, это весьма интересно.

— Только Бенден смог по достоинству оценить, как изменились холды и цеха за долгий Интервал, — ведь и сам Вейр менялся с течением времени. Это ты, предводитель Бендена, спас Перн от нашествия Нитей, когда никто даже не предполагал, что они могут появиться вновь. Это вы, бенденцы, защитили Перн от притязаний Древних, которые не могли смириться с теми переменами, которые произошли в холдах и цехах. Вы отстаивали права холда и мастерской перед всадниками и отправили в изгнание тех, кто не хотел согласиться с главенствующей ролью Бендена.

— Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так ловко это сформулировал, — признался Ф'лар.

Н'тон с удовольствием отметил, что предводитель Бендена явно не в своей тарелке — несмотря на некоторое смущение, он был польщен услышанным.

— И поэтому Южный оказался практически закрыт.

— Ну, не совсем закрыт, — возразил Ф'лар. — Людям Торика всегда удавалось проскользнуть незаметно.

Он нахмурился, вспомнив о результатах, к которым привело это послабление.

— Ты прав, они выбирались на север, но торговцы, да и все прочие, отправлялись на юг только с позволения Бендена.

— Что-то не припоминаю, чтобы я говорил об этом в Телгаре, когда случился наш поединок с Т'роном. — Ф'лар силен был вспомнить, что же еще происходило в тот роковой день, кроме свадьбы, поединка и Падения Нитей.

— Ну, может быть, об этом не говорилось так уж прямо, но ты тогда попросил поддержки Перна и получил ее — на твою сторону встали три предводителя Вейров, все правители холдов и цеховые мастера...

— И мастер Робинтон сделал отсюда вывод, что всеми делами Южного распоряжается Бенден?

— Что-то в этом роде, — предпочел не уточнять арфист.

— Но не так прямо, а, Сибелл? — спросил Ф'лар, в который раз дивясь изобретательности главного арфиста Перна.

— Да, мой господин. Он счел правильным, учитывая твоё желание предоставить часть Южного всадникам, чтобы они могли перебраться туда во время следующего Интервала.

— Я не мог даже предположить, что мастер Робинтон принял моё случайное замечание так близко к сердцу.

— Мастер Робинтон всегда заботится прежде всего об интересах Вейра.

Ф'лар с рассказом вспомнил тягостное отчуждение, возникшее между ними после резкого выступления мастера-арфиста в тот день, когда было похищено яйцо. Но и в тот раз, даже если это было не совсем ясно, Робинтон действовал прежде всего в интересах Вейра. Ведь стоило Лессе напустить северных драконов на несчастных стариков Южного...

— Мы многим обязаны мастеру Робинтону.

— Но ведь без Вейров... — Сибелл широко развел руками, показывая, что другого выхода у Робинтона не было.

— Не все холды согласятся с этим, — с горечью проговорил Ф'лар. — Кое-кто и поныне считает: Вейры, мол, только потому не захотели выжечь Алую Звезду, что исчезновение Нитей положило бы конец их господству на Перне. Или мастеру Робинтону удалось изменить и это мнение?

— Не понадобилось, — усмехнулся Сибелл, — во всяком случае, после того, как Ф'нор с Кант'ом попытались добраться до Алой Звезды. Теперь люди уверены: когда Нити в небе, всадники должны летать, — он почти пропел строки древней Баллады.

— Разве не известно, — Ф'лар постарался, чтобы в его голосе не прозвучало презрения, — Древние весьма редко удосуживались вылетать против Нитей на защиту Южного?

— Об этом мало кто знает. Но, думаю, ты согласишься со мной: одно дело — размышлять, каково это — оказаться во время Падения под открытым небом, и совсем другое — перенести на собственной шкуре!

— Тебе доводилось?

— Не раз, — хмуро ответил Сибелл. — И тогда я больше всего на свете мечтал оказаться под крышей. — Он пожал плечами. — Я, конечно, знаю, что дело тут в привычке, укоренившейся с самого детства... Однако я предпочел бы, чтобы во время атаки Нитей над моей головой висела пара боевых крыльев!

— В итоге выходит, что проблема Южного встает передо мной снова?

— И какая же у нас проблема с Южным? — незаметно войдя в вейр, осведомилась Лесса. — Я полагала, что всем уже давно ясно: право на Южный в первую очередь принадлежит нам!

— Похоже, по этому вопросу разногласий нет, — ухмыльнулся Ф'лар, — благодаря нашему доброму мастеру Робинтону.

— Тогда в чем же дело? — кивком поздоровавшись с Н'тоном и Сибеллом, госпожа Вейра устремила строгий взгляд на супруга.

— Только в том, какую часть Южного мы откроем для младших сыновей лордов, пока они сами не превратились в проблему. После Падения у меня состоялся разговор с Корманом.

— Я наблюдала за вашей беседой. Честно говоря, с тех пор как нам снова приходится думать о Древних, я все время ждала, когда же всплывет этот вопрос. — Лесса ослабила пояс и тяжело вздохнула. — Ну, и что же дальше? Как там Джексом — с пользой проводит время в своей бухте?

Сибелл извлек из сумки объемистый сверток.

— Да, и не он один. Может быть, это поможет тебе, Лесса, отвлечься от неприятных мыслей.

Явно торжествуя, Сибелл развернул тщательно склеенные листы большой карты. Кое-где на ней оставались белые пятна, но полоса вдоль четко обозначенной береговой линии пестрела разными цветами и пометками. На полях стояли имена тех, кто запечатлел отдельные фрагменты и даты. Длинный мыс, вытянувшийся в сторону оконечности Нерата, был расчерчен целиком, на нем были обозначены знакомые предводителям Южный Вейр и холд. По обе стороны от этого ориентира расстилались бескрайние просторы континента, с запада ограниченные обширной песчаной пустыней, которая протянулась по берегам огромного залива. К востоку, на еще большем удалении от Южного мыса, изрезанная береговая линия круто изгибалась к югу; на самом краю была видна высокая симметричная гора и маленькая бухточка, помеченная звездой.

— Вот все, что нам пока известно о Южном материке, — сказал Сибелл после паузы, во время которой всадники изучали карту. — Как видите, нам даже не удалось изобразить полностью побережье, не говоря уже о внутренних районах. Но на то, чтобы незаметно собрать эти сведения, ушло три полных Оборота.

— Кто же все это сделал? — с живейшим интересом спросила Лесса.

— Очень многие, в том числе я, Н'тон, Торик и его холдеры, но основную работу проделал молодой арфист по имени Пьемур.

— Так вот, оказывается, чем он занялся, когда у него начал ломаться голос, — удивленно проговорила Лесса.

— Судя по этой карте, — с расстановкой произнес Ф'лар, — весь Северный Перн может легко уместиться на западной половине Большого залива.

Сибелл поместил большой палец на выступ Южного мыса и, веером растопырив остальные, направил их на запад, прикрыв часть карты.

— Эту площадь вполне можно было бы отдать правителям холдов. — Услышав порывистый вздох Лессы, он положил правую ладонь на восточную часть материка. — Пьемур клянется, что лучшая часть Южного — здесь!

— Рядом с горой? — спросила Лесса.

— Рядом с горой!

* * *

Пьемур вышел из леса, когда над бухтой уже сгушалась тьма. В поводу он вел Дуралея, над головой у него кружилась Фарли. Подойдя к хижине, он бросил к ногам Шарры связку зрелых плодов.

— Вот! Это за то, что мы смылись сегодня утром, — выжидательно улыбаясь, сказал он и присел на корточки. — Как видишь, не один Дуралей пришел в ужас от сегодняшнего столпотворения, — он сделал вид, что вытирает со лба испарину. — Я не видел такого нашествия с тех пор, как в последний раз побывал на собрании в Южном Болле. А это было два Оборота назад! Я уж испугался, что они останутся здесь навсегда! Завтра небось снова вернутся?

Услышав жалобные нотки в его голосе, Джексом рассмеялся:

— Я переносу все это ничуть не лучше тебя. Мне удалось улизнуть под предлогом охоты. Потом я нашел место, где полно рыбы, и весь вечер провозился с сетью, — он махнул рукой в сторону соседней бухты.

Пьемур понимающе кивнул.

— Странное это чувство — не хочется, чтобы вокруг были люди, и все тут! Мне даже показалось, что на всех не хватает воздуха. Глупо получается... — он обвел взглядом темнеющие горы грузов, сваленных по краю бухты. — Ведь мы не в душном холде, где приходится обмахиваться веерами! — он покачал головой. — И чтобы такое случилось со мной, арфистом, общительным парнем — чтобы я бегом бежал от людей... быстрее Дуралея! — он насмешливо фыркнул.

— Если вас это хоть как-то утешит, мне тоже было немного не по себе, — призналась Шарра. — Спасибо за фрукты, Пьемур. Эта... эта орда смела все, что у нас было. Осталось немножко жареной птицы да пара рыбешек.

— Я бы съел даже Дуралея, но, боюсь, он слишком жесткий, — Пьемур облегченно вздохнул и опустил на песок.

Шарра рассмеялась и пошла за едой.

— Даже не хочется думать, что завтра сюда снова хлынут толпы народа, — проговорил Джексом.

— Вполне тебя понимаю, — юный арфист ухмыльнулся. — А ты знаешь, Джексом, что я бывал в таких местах, где вообще не ступала нога человека? Я видел места, которые пугали меня до холодного пота, и такие, с которыми мне было никак не расстаться — до того они меня околдовали. — Пьемур сокрушенно вздохнул. — Вот туда я бы с удовольствием добрался! — он сел и уставился в небо. — Вот, наконец, и они. Жаль, у меня нет дальновидящего прибора!

— Кто они? — Джексом обернулся в ту сторону, куда указывал Пьемур, ожидая увидеть драконов.

— Их называют «Рассветные Сестры». Здесь их можно увидеть только в сумерках и на заре, да и то очень высоко. Смотри — видишь вон там три яркие точки? Сколько раз в пути я использовал их как ориентиры!

Джексом сразу нашел три звезды, сиявшие почти немигающим светом, и удивился — как это он не замечал их раньше?

— Скоро они погаснут, — продолжал Пьемур. — Потом появятся — незадолго до рассвета. Нужно будет не забыть спросить о них Вансора. Они ведут себя совсем не так, как положено обычным звездам. Ты случайно не знаешь, наш звездных дел мастер не включен в команду, которая занята постройкой холда для мастера-арфиста?

— Пожалуй, он единственный, о ком забыли, — отозвался Джексом. — Соберись с духом, Пьемур. Судя по тому, как кипела сегодня работа, они скоро закружатся. А что ты хочешь спросить про Рассветных Сестер?

— Они ведут себя не так, как все звезды. Разве ты сам не замечал?

— Нет... ведь по вечерам, а особенно перед рассветом, я обычно бываю под крышей.

Пьемур погрозил Рассветным Сестрам пальцем.

— Все звезды меняют положение, а эти — никогда!

— Не может быть! В Руате они находятся над самым горизонтом, так что их почти не видно.

Пьемур покачал головой.

— Они стоят на одном месте — вот что я имел в виду. В любое время года, когда бы я здесь ни оказался, они всегда на том же самом месте.

— Но это просто невозможно! Невероятно! Вансор говорит, что у каждой звезды есть свой небесный путь — совсем как...

— А они неподвижны.

— Говорю тебе, это невозможно!

— Что невозможно? Кончайте препираться, — велела Шарра, которая вернулась с подносом, уставленным едой, и винным бурдюком, переброшенным через плечо. Разложив еду по тарелкам, она налила всем вина.

Пьемур с урчанием набросился на жареную рыбу.

— И все же я пошлю записку Вансору, — промычал он. — Не пристало звездам так странно себя вести!

* * *

Ветер стих, и это разбудило мастера-арфиста. Заир, свернувшийся на подушке у самого его уха, тихонько чирикнул. Над головой у Робинтона был натянут навес от солнца, но арфист проснулся от душливой жары.

Как ни странно, рядом с ним никого не оказалось; такое отсутствие надзора приятно удивляло. Арфиста трогала забота окружающих, но иногда их неусыпная опека начинала ему докучать. Он как мог старался скрыть свое раздражение — ведь выбора у него все равно не было. Он слишком ослаб и устал, чтобы сопротивляться. Сегодня он получил очередной знак, что дело идет на лад, — его оставили в покое. Робинтон наслаждался одиночеством. Перед ним лениво полоскался кливер. За спиной он слышал хлопанье обвисшего гота — нет, это бизань, поправил он сам себя. Казалось, лишь слабые толчки волн подгоняют корабль вперед. Равномерно набегающие валы, увенчанные завитками пены, оказывали на арфиста гипнотическое действие, ему даже пришлось резко встряхнуть головой, чтобы преодолеть их чары. Он поднял глаза, но не увидел ничего, кроме водной глади, зато вода была везде, со всех четырех сторон. Он знал, что еще долго им не суждено видеть землю, хотя мастер Идаролан уверял, что теперь, когда их увлекает за собой Великое Южное течение, они идут с хорошей скоростью.

Мастер-рыболов, как и все члены экипажа, получал от плавания несказанное удовольствие. Робинтон даже подивился про себя — похоже, что все окружающие только выиграли от его болезни.

«Полно, — упрекнул он себя, — нечего брюзжать. Зачем же ты тогда столько времени учил Сибелла, как не для того, чтобы в нужную минуту передать ему свои обязанности? Другое дело, ты не верил, что это когда-нибудь случится. Интересно, насколько полно пересказывает мне Менолли ежедневные сообщения Сибелла? Они с Бреккой вполне могут скрыть от меня самое важное, чтобы не причинять лишнего беспокойства».

Заир потерял мягкой головкой о щеку арфиста. Заир — лучшее утешение, какое может быть у человека. С помощью инстинкта, намного превосходящего ощущение настроения, которое у него тоже было достаточно развито, фэйр неизменно улавливал душевное состояние друга.

Робинтону хотелось сбросить одолевавшую его вялость и с толком использовать свободное время — заняться, наконец, делами цеха, песнями, которые он уже давно собирался написать, другими проектами, которые он так долго откладывал, что и не думал уже, что до них когда-нибудь дойдет черед. Но он не мог себя пересилить — ему так нравилось лежать на палубе быстрого корабля мастера Идаролана и предаваться безделью. «Рассветная Сестра» — вот какое имя выбрал для своего корабля Идаролан. Что ж, красивое название. Оно навело его на мысль — надо будет сегодня же вечером позаимствовать у мастера-рыбака его дальновидящий прибор. Есть все-таки что-то странное в этих Рассветных Сестрах! И в сумерках, и на рассвете они стоят в небе гораздо выше, чем полагалось бы. К сожалению, ему не позволяли встретить рассвет на палубе, чтобы самому убедиться в этом, но на закате они почти всегда видны. Негоже звездам вести себя подобным образом! Надо не забыть черкнуть Вансору пару строчек.

Он почувствовал, как Заир встрепенулся и приветливо чирикнул. Даже не слыша мягких шагов за спиной, Робинтон уже знал: это Менолли, — Заир передал ему знакомый образ.

— Нечего ко мне подкрадываться, — резче, чем ему хотелось бы, произнес Робинтон.

— Я думала, что ты спишь!

— Я и так спал. Чем мне еще заниматься весь день напролет? — он улыбнулся, чтобы смягчить выговор.

И, что удивительно, девушка улыбнулась в ответ и предложила ему кружку фруктового сока, слегка приправленного вином: теперь они знают, что с чистым соком к нему лучше даже не подступаться!

— Сегодня и голос у тебя пободрее!

— Пободрее? Да я брюзглив, как старый дед! Тебе, наверное, до смерти надоело мое ворчание!

Менолли присела рядом и взяла его за руку.

— Я так рада, что ты можешь поворчать вволю, — сказала девушка, и Робинтон с изумлением увидел, что в глазах у нее блещут слезы.

— Дорогая моя девочка... — начал он, накрыв ладонью ее руку.

Но она только спрятала лицо, прижавшись к краю его низкой постели. Заир испуганно вскрикнул, глаза его вращались все быстрее. Красотка кружилась над головой Менолли, огорченно

курлыкая. Робинтон отставил кружку и, опираясь на локоть, озабоченно склонился над девушкой.

— Менолли, со мной все в порядке, Брекка говорит, что мне со дня на день позволят встать, — арфист осторожно погладил ее по голове. — Не плачь... ну, пожалуйста...

— Я и сама знаю, что это глупо. Ведь ты скоро поправишься, а мы уж последим, чтобы ты больше никогда не надорвался... — Менолли вытерла слезы ладошкой и шмыгнула носом.

Это получилось у нее так мило, так по-детски, а залитое слезами лицо девушки показалось Робинтону таким беззащитным, что сердце его тревожно сжалось. Ласково улыбнувшись, он отвел от ее лица завитки волос. Потом взял за подбородок и поцеловал в щеку. И вдруг почувствовал, как судорожно сжались пальцы, лежавшие на его руке, как вся она открылась навстречу его поцелую — с таким пылом, что оба фэйра тревожно заверещали.

То ли реакция ящериц отрезвила Менолли, то ли она ощутила, что Робинтон замер от неожиданности, но только она резко отпрянула.

— Прости, — прошептала она, понурившись, уронив голову на грудь.

— И ты прости меня, милая девочка, — как можно ласковее проговорил арфист. В этот миг он с сожалением подумал о своем возрасте, о ее юности, о том, как он ее любит, о невозможности этой любви и о том, что он с этим уже смирился.

Менолли взглянула на него исподлобья, в глазах ее светился напряженный вопрос. Робинтон поднял руку и увидел страдание, мелькнувшее в ее глазах, — его дрогнувшие пальцы сказали ей: он уже знает все, что она могла бы ему сказать. Он вздохнул и опустил веки, чтобы не видеть боли в ее любящих глазах. Внезапно на него навалилась страшная усталость — казалось, все силы ушли на этот обмен взглядами, который занял всего несколько мгновений. «Не больше, чем Запечатление, — подумал он, — и так же надолго». Теперь ему казалось, что он всегда создавал, сколь двойственным было его чувство к этой девочке из Морского холда, чей талант он открыл. До чего же нелепо, что, по слабости своей, он обнаружил это для себя, да и для нее тоже, в такой неподходящий момент. Каким же он был глупцом, что раньше не понял всю силу и глубину чувства, которое испытывает к нему Менолли. Да, но ему всегда казалось, что она вполне довольна обществом Сибелла. Несомненно, их связывает тесная дружба, да и физическое влечение тоже. И Робинтон делал все, что мог, чтобы укрепить их связь — ведь Сибелл заменил ему сына. Пусть уж лучше он...

— Но Сибелл... — выговорил он и замолчал, почувствовав, как ее пальцы умоляюще сжали его запястье.

— Тебя я полюбила раньше.

— Ты всегда была для меня любимым ребенком, — сказал Робинтон, искренне желая сам поверить своим словам. Он быстро сжал ее пальцы и сразу же отпустил. Потом, откинувшись на подушки, снова взял кружку, которую раньше отставил, и принялся жадно пить.

Только после этого он снова смог ей улыбнуться, несмотря на то что сердце стиснула острая тоска о несбывшемся. Девушка отвестила вымученной улыбкой.

Под навес стремительно влетел Заир. Робинтон не мог взять в толк, почему появление мастера-рыбака так встревожило фэйра.

— Ага, проснулся! Как отдыхается, дорогой друг? — спросил Идаролан.

— Как раз ты-то мне и нужен! Скажи, мастер Идаролан, ты не обращал внимания, как выглядят в сумерках Рассветные Сестры? Или глаза, как и тело, стали меня подводить?

— О, мой добрый Робинтон, я смотрю, твое зрение ничуть не притупилось! Я уже отправил весточку мастеру Вансору. Должен признаться, что до сих пор я еще не заплывал так далеко на юг, так что это явление для меня в новинку. Но в положении трех звезд действительно есть что-то странное.

— А не мог бы я воспользоваться твоим дальновидящим прибором, если, конечно, мне будет позволено задержаться на палубе позже? — спросил арфист, выразительно глядя на Менолли.

— Что за вопрос, мастер Робинтон! Мне и самому интересно узнать результаты твоих наблюдений. Я ведь знаю, ты гораздо лучше изучил уравнения мастера Вансора. Может быть, вместе нам удастся выяснить их секрет?

— Ничего бы так не желал. А пока давай-ка закончим партию, которую мы начали сегодня утром. Менолли, где там наша доска?

Глава 18

Бухта Джексона в день прибытия мастера Робинтона.

Пятнадцатый Оборот.

Четырнадцатый день десятого месяца

В бухте собралось столько искусных мастеров и добровольных помощников, что постройка Прибрежного холда заняла всего одиннадцать дней; каменщики, правда, покачивали головами — по их мнению, фундамент стоило бы выдержать подольше. Еще

три дня ушло на внутреннее обустройство. После долгих обсуждений, сопровождавшихся перестановками мебели, Лесса, Манора, Сильвина и Шарра пришли к общему согласию. Женщины сумели впихнуть в дом — именно впихнуть, а не расставить, как с ироничной усмешкой подчеркнула Шарра, — нескончаемые дары, которые рекой стекались в бухту из каждого холда, цеха и предместья.

В усталом голосе Шарры сквозила гордость. Она целый день только и занималась тем, что чистила и протирала.

— А ты где лазил? — напустилась она на Пьемур, увидев на его руках и лице свежие царапины.

— Он, как всегда, блуждал непроторенными путями, — ответил за арфиста Джексом; его лоб и плечи тоже украшали ссадины.

На строительстве холда трудилось столько народу, что Н'тон, Ф'нор, а иногда и Ф'лар, если ему удавалось выкроить свободное время, присоединялись к Джексому с Пьемуром, совершая экспедиции по окрестностям.

Пьемур довольно заносчиво заявил Ф'лару, что драконам не под силу исследовать Южный. Чтобы попасть в какое-то место через Промежуток, зверь должен предварительно там побывать либо получить образ от человека или другого дракона. А значит, первым в новых краях всегда будет он, Пьемур, на своих двоих и четырех Дуралеевых. Всадники не обратили внимания на самоуверенные рассуждения арфиста, но Джексому они уже начинали надоедать.

Пока же всадники приступили к сооружению временных лагерей, каждый — на расстоянии дневного перелета от Прибрежного холда. Они располагались по широкой дуге с центром в бухте; в каждом лагере были выстроены крытые черепицей навесы и каменный склад для вещей и спальных принадлежностей. Затем они совершили двухдневный перелет в сторону конического вулкана и построили еще один лагерь.

С Джексома скоро должны были снять запрет на путешествия в Промежутке; Ф'лар сказал, что все решит заключительный осмотр, когда прибудет мастер Олдайв. А поскольку лекарь со дня на день должен был навестить Прибрежный холд, чтобы понаблюдать за выздоровлением Робинтона, ждатель Джексому оставалось совсем немного.

— А если мне разрешат летать в Промежутке, — заметил он, — то Менолли и подавно.

— Почему это тебя беспокоит Менолли? — с подозрением спросила Шарра; странные нотки, прозвучавшие в ее голосе, Джексом предпочел истолковать как признак ревности.

— Ты ведь знаешь, что они с мастером Робинтоном первыми открыли бухту, — Джексом, однако, смотрел не на бухту, а в сторону царившей над ней горы.

— Да, когда плыли по морю, — с явным отвращением к такому способу передвижения подтвердил Пьемур.

Шарра смерила арфиста долгим взглядом.

— Готова признать, — сказала она, — что человек пользуется ногами дольше, чем колесом или парусом, но он придумал и другие способы попасть из одного места в другое. И нет ничего дурного в том, чтобы ими пользоваться.

Резко повернувшись, девушка удалилась, оставив Пьемура в полном замешательстве. Похоже, ее отповедь разрядила обстановку, и Джексом с облегчением убедился, что Пьемур перестал отпускать ехидные замечания по поводу всадников и пешеходов.

Карты, составленные Пьемуром, оказались весьма точны. Когда судно мистера Идаролана достигло той точки, где Великое Южное течение, изгибаясь, приближалось к берегу, мореход сумел определить положение «Рассветной Сестры» по очертаниям побережья и рассчитать время прибытия в Прибрежный холд. Миновало уже двадцать два дня с тех пор, как путешественники отплыли от берегов Исты, и вот, наконец, ясным солнечным утром их корабль обогнул западный мыс бухты. На берегу гостей уже ожидала небольшая группа встречающих.

Олдайв и Брекка решительно отвергли пышные торжества, о чем предупредили заранее; суета и утомительное застолье свели бы на нет умиротворяющее воздействие морского путешествия. В результате мастер Фандарел представлял сотни ремесленников, сотворивших восхитительный Прибрежный холд; Лесса олицетворяла собой все Вейры, чьи драконы перевозили грузы и помощников; а Джексом, вполне естественно, выступал от лица лордов, которые внесли свой вклад, послав людей и материалы.

Последние минуты, когда изящное трехмачтовое судно, разрезая водную гладь бухты, скользило по направлению к низкому каменному причалу, показались встречающим самыми долгими. Джексом не сводил глаз с корабля; вот, наконец, уже можно разглядеть фигуру мастера-арфиста — он стоял на носу и приветственно махал рукой. Джексом испустил радостный вопль, от которого фэйры взвизгнули и закружились над кораблем в затейливом воздушном танце.

— Смотрите, как он загорел на солнце! — воскликнула Лесса, в волнении схватив Джексома за руку.

— Не беспокойтесь, ему предстоит прекрасный долгий отдых, — лучась улыбкой, промолвил Фандарел. Он предвкушал

изумление и восторг, которые испытает Робинтон, увидев свое новое жилище. К тому же с пристани холда не было видно.

Мастер Идаролан переложил руль, и корабль, описав плавную дугу, скользнул бортом к причалу. Матросы соскочили на берег; миг — и причальные канаты были наброшены на кнехты. Джексом ринулся вперед, горя желанием чем-нибудь помочь. Корабль поскрипывал, словно сопротивляясь резкой остановке; плетеные валики, тянувшиеся вдоль борта, сплющились о каменный причал. Наконец с борта спустили деревянный трап.

— Госпожа Бендена, мастер Фандарел, лорд Руатанский, вот я доставил нашего гостя в целости и сохранности, — прогремел голос мастера Идаролана.

Из горла Джексома вырвался приветственный клич, которому вторили рев Фандарела и радостный возглас Лессы. Встав по обе стороны пружинящего настила, Джексом с Фандарелом подхватили Робинтона под руки, так что он, как пушинка, слетел на берег.

В воздухе, оглушительно трубя, парили Рамот'а и Рут', и под их крики файры выделявали все более замысловатые фигуры. Приподнявшись на цыпочки, Лесса повисла на шее у мастера-арфиста, а потом, притянув к себе его голову, крепко расцеловала Робинтона в обе щеки. По лицу ее текли слезы, и Джексом, к своему удивлению, обнаружил, что у него тоже глаза на мокром месте. Он вежливо держался поодаль, пока Фандарел своей могучей ручищей не похлопал друга по плечу — ласково, так, что тот едва устоял на ногах. Потом юноша помог Брекке и Менолли спуститься по раскачивающемуся трапу. И тут все заговорили разом. Брекка озабоченно переводила взгляд с Робинтона на Джексома и обратно, то строго спрашивая, не тревожат ли юношу головные боли, то настаивая, чтобы арфист немедленно ушел с солнцепека — как будто он не жарился на солнце на протяжении всего плавания.

Само собой разумеется, все расхватывали узлы и тюки, которые мореходы сгружали на берег, — все, кроме Робинтона, которому не позволили нести ничего, кроме гитары.

Брекка направилась было к их старому домику, но Фандарел торжествующе захохотал во все горло, положил свои лапищи ей на плечи и легонько подтолкнул в сторону посыпанной песком дорожки, ведущей к Прибрежному холду. Молодая женщина хотела возразить, но Лесса знаком велела ей помолчать и, взяв за руку, решительно повлекла за собой.

— Но я уверена, что дом в той стороне...

— Был, — засмеялся мастер Фандарел, вышагивая рядом с Ро-

бинтоном. — Но мы подыскивали местечко получше, к тому же более подходящее для нашего главного арфиста.

— И более представительное, мой друг? — посмеиваясь, спросил Робинтон, хлопнув кузнеца по могучему плечу.

— Еще какое представительное! — едва не задохнулся от хохота Фандарел.

Брекка дошла до места, где тропинка делала изгиб, и застыла на месте, недоверчиво глядя на новый холд.

— Я просто глазам своим не верю! — она с недоумением перевела взгляд с Лессы на кузнеца, потом на Джексома. — Неужели вы сотворили это? Как? Когда?

Робинтон с Фандарелом подошли к женщинам. Кузнец широко ухмылялся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Но ведь Брекка, кажется, говорила, что домик совсем маленький, — сказал Робинтон, оглядывая здание и нерешительно улыбаясь. — Если бы я знал...

Не в силах больше терпеть, Лесса с Фандарелом подхватили арфиста под руки и потащили к широким ступеням крыльца.

— Подожди, ты еще не видел, что там внутри, — довольно посмеиваясь, проговорила Лесса.

— Нам помогал весь Перн — кто материалами, кто рабочими руками, — вторил ей Джексом. Взяв разом притихшую Брекку за руку, он повел ее к входу, кивком пригласив Менолли последовать за ними.

Девушка медлила, оглядываясь по сторонам, но видела она только уютную бухточку, тщательно разровненный песок, деревья и цветущий кустарник — все это выглядело таким же нетронутым, как и в тот день, когда они с Джексомом впервые прилетели сюда. Только высившееся в глубине здание холда да круговая дорожка, посыпанная песком и окаймленная ракушками, говорили о произошедших переменах.

— Просто не могу поверить! — выдохнула юная арфистка.

— Понимаю. Они так старались, чтобы все было красиво. Подожди, что ты скажешь, когда увидишь Прибрежный холд внутри!

— Так у него уже есть имя? — похоже, девушке это не очень понравилось, но Джексом не мог понять почему.

— Ведь холд расположен на берегу... вот и получается — Прибрежный!

Они подошли к ступенькам, сложенным из черного камня. Швы между плитами были заделаны белым раствором, что придавало лестнице нарядный и в то же время внушительный вид. Над террасой, которая тянулась вокруг всего дома, почти вплотную подступая к цветущим деревьям, наполнявшим воздух терп-

ким ароматом, нависала золотисто-оранжевая черепичная крыша. Металлические ставни были открыты, словно приглашая заглянуть в необычайно большие окна и полюбоваться внутренним убранством. Арфист уже рассказывал по главному залу, и голос его звенел восторгом и изумлением. Когда Джексом, пропустив вперед Брекку с Менолли, вошел в холл, Робинтон застыл на пороге комнаты, отведенной под его кабинет. В просторном помещении были заботливо расставлены и разложены его вещи, которые Сильвина переправила сюда из цеха арфистов. Смятение Робинтона передалось Заиру; он громко и взволнованно чирикал, сидя на поперечной балке. К нему присоединились Красотка с Бердом, а вслед за ними Мийр, Талла и Фарли.

«Как будто поют по нотам!» — подумалось Джексому.

— А вот и Фарли! Мне кажется, я слышал, что Пьемур тоже здесь. Почему же я его не вижу? — удивленно и чуть обиженно спросил Робинтон.

— Он вместе с Шаррой — присматривает за жарким, — пояснил Джексом.

— Просто мы не хотели, чтобы вокруг толпилось слишком много народу... Это было бы для тебя утомительно... — добавила Лесса, чтобы успокоить арфиста.

— Утомительно? Для меня — утомительно?! Да я просто мечтаю, чтобы меня кто-нибудь утомил! ПЬЕМУР!!!

Если глядя на загорелое, посвежевшее лицо Робинтона кто-то еще мог усомниться в его исцелении, то рев, который он испустил — такой же мощный и оглушительный, как бывало, — не оставлял никаких сомнений: мастер-арфист Перна жив и здоров!

И сразу же издали раздался тревожный отклик:

— Я здесь, учитель!

— А ГДЕ ТВОЙ ОТЧЕТ?

— Какое счастье, что мы додумались отправить его в морское путешествие, — улынувшись Лессе, шепнула Брекка. — Представляешь, что он вытворял бы на суше?

— Вы обе даже не в состоянии понять, насколько моя пустячная хворь задержала некоторые чрезвычайно срочные...

— Пустячная хворь? — Фандарел даже глаза вытаращил от изумления. — Мой добрый Робинтон...

— А это ты видел, мастер Робинтон? — Менолли достала из представленного красивыми вещами шкафчика бокал — изящный стеклянный кубок. Основание его переливалось темно-синим — цветом арфистов, а сбоку были выгравированы имя мастера и арфа. Глаза девушки округлились от восхищения.

— Клянусь Скорлупой, да это же цвет нашего Цеха! — Робинтон взял бокал в руки, любуясь искусной работой.

— Это тебе от моей мастерской, — сияя, сказал Фандарел. — Мермал хотел сделать синим весь бокал, но я помню, как тебе по душе любоваться чистым цветом бенденского вина...

В глазах Робинтона светились признательность и благодарность. Вдруг его длинное лицо приняло печальное выражение.

— Только он почему-то пустой, — жалобно произнес арфист.

В этот миг в дальнем углу холда что-то загрохотало, закрывавший дверной проем занавес отлетел в сторону, и, чуть не сбив с ног Брекку, в комнату ворвался Пьемур.

— Я здесь, Учитель! — задыхаясь, пролепетал он.

— Вот что, Пьемур... — протянул арфист, разглядывая своего юного помощника с таким видом, словно совершенно забыл, зачем его звал. Оба они, не отрываясь, глядели друг на друга, при этом Робинтон озадаченно хмурился, а Пьемур часто и тяжело дышал, смаргивая капельки пота.

— Ты болтаешься здесь уже достаточно долго, чтобы разузнать, где они хранят вино... Мне подарили такой дивный бокал — и он пуст!

Пьемур сосредоточенно заморгал, потом медленно покачал головой и, обращаясь ко всем собравшимся, торжественно изрек:

— Теперь я вижу — с ним все в порядке! А вот если жаркое подгорит!.. — наградив арфиста возмущенным взглядом, он повернулся на каблуках, отдернул занавес и с топотом удалился.

Джексом и Менолли понимающе переглянулись. Тех, кто хорошо изучил Пьемура, не смогли обмануть его грубоватые манеры и ворчливый тон. И точно — он уже снова вбегал в зал, таща на плече бурдюк, с которого свисала печать Бендена.

— Только не тряси, мой мальчик! — вскричал арфист, протягивая руки, чтобы прекратить кощунственное обращение с любимым напитком. Он отобрал у Пьемура бурдюк и рассмотрел печать. — Гм! Одна из лучших марок! Эх, Пьемур, видно, мало я тебя учил, как надлежит обращаться с вином! — озабоченно хмуясь, он осторожно сломал печать и, убедившись, что затычка в полном порядке, с облегчением вздохнул. Потом поднес ее к носу и тщательно обнюхал. — О! Какой упоительный аромат! И, похоже, долгое путешествие не повредило ему... Ну-ка, Пьемур, будь умницей, налей нам всем. Я уже вижу, что в этом холде нет недостатка в посуде.

Джексом с Менолли расставили бокалы, и Пьемур со сноровкой, достойной доброго бенденского вина, начал разливать. Ро-

бинтон, подняв полный бокал, наблюдал за юным арфистом с растущим нетерпением.

— Твое здоровье, мой друг! — провозгласил тост Фандарел, и к нему с жаром присоединились все присутствующие.

— Я просто ошеломлен, — признался арфист и, чтобы никто не мог усомниться в его словах, отхлебнул лишь крошечный глоточек превосходного вина. Покачивая головой, он обвел глазами своих друзей. — Совершенно ошеломлен!

— Ты еще не все видел, Робинтон, — сказала Лесса и взяла его за руку. — Иди сюда... Брекка, ты тоже должна посмотреть. Пьемур, Джексом, принесите-ка тюки!

— Не торопись, Лесса. Я могу разлить вино!

Но она уже тянула его за собой, и Робинтону оставалось только с тоской оглядываться на оставленный бокал.

Через раздвижную перегородку его провели в небольшой коридорчик, отделявший главный зал от спальной половины. Брекка шла следом, в глазах ее светились любопытство и живейший интерес.

Самая просторная спальня предназначалась Робинтону. Четыре остальные были обставлены так, чтобы в каждой могло разместиться по двое гостей. Но, как заметила Лесса, на широкой террасе можно уложить еще дюжину. Только пусть Робинтон не думает, что ему позволят принимать такие орды! Арфист восхищался при виде купальни, поражался размерам огромной кухни и, наконец, покорно отправился взглянуть на второй очаг, устроенный под открытым небом. В воздухе витали ароматы жареного мяса. Арфист чутко принялся.

— Могу ли я спросить, откуда этот запах?

— На берегу есть специальные жаровни, чтобы можно было стряпать, если случится нашествие гостей.

— Нашествие — это отлично сказано! — рассмеялся Робинтон.

— А теперь испробуй новое кресло, — предложил Фандарел, когда они снова вернулись в главный зал. Он стал поворачивать его, чтобы арфист по достоинству оценил подарок. — Бендарек лично изготовил его по твоей мерке! Ну-ка, присядь. Бендареку захочется узнать, угодил ли он тебе.

Арфист не спеша разглядывал кресло с высокой спинкой, отделанное изяшной резьбой. Сиденье было обтянуто мягкой кожей, выкрашенной в темно-синий цвет цеха арфистов. Потом уселся и положил руки на подлокотники — они в точности соответствовали длине его рук.

— Я просто в восторге, так и передай мастеру Бендареку. Даже вставать не хочется. Как это мило с его стороны! Я в восторге от

его подарка и от всего остального в этом холде — тоже. Это... это... великолепно! Я не могу найти другого слова. И вообще я потерял дар речи... Даже в самых смелых мечтах я не мог бы себе представить такой роскоши в столь девственном уголке, такой красоты, такой продуманности, такого комфорта...

— Ты, кажется, потерял дар речи — откуда же столько слов? — слышался чей-то насмешливый бас.

Обернувшись, все увидели в открытых дверях незаметно вошедшего мастера Идаролана. Его со смехом пригласили войти и налили ему вина.

— Мастер Идаролан, ты вместе с командой должен с нами отобедать, — сказала Лесса.

— Я очень надеялся на приглашение. Видите ли, между нами говоря, я соскучился по мясу.

— Мастер Робинтон! Только взгляни! — изумленно воскликнула Менолли. Она сунула нос в один из шкафчиков, расставленных вдоль стен между окнами. — Могу поклясться, это рука Дементли! Все до единой старинные песни и Баллады переписаны на листы и переплетены в синюю кожу! Помнишь, ты все хотел, чтобы Арнор сделал это для тебя?

У арфиста вырвался удивленный взглас, и он не успокоился, пока не перелистал все тома, восхищаясь искусной работой. Потом принялся исследовать содержимое остальных шкафов и буфетов Прибрежного холда и занимался этим до тех пор, пока полуденный зной не заставил всех отправиться на берег, чтобы отдохнуть в тени и искупаться. Брекка попыталась уложить Робинтона в гамак, но он уже вместе со всеми резвился в воде.

— Теперь ему гораздо полезнее вот такой отдых! Оставь его в покое, придет ночь — еще належится, — махнул рукой Фандарел.

Когда солнце начало клониться к западу, поднялся легкий ветерок. На берег вынесли ковры, плетеные циновки и скамейки, чтобы все гости могли удобно расположиться. К вечеру прибыли Ф'лар с Ф'нором. Арфист радостно приветствовал их, сгорая от желания продемонстрировать новым гостям свой прекрасный холд, и был немало разочарован, когда выяснилось, что они здесь далеко не в первый раз.

— Ты забыл, Робинтон, сколько народу помогало его строить, — оправдывался Ф'лар. — Твой холд, пожалуй, самый знаменитый на всем Перне.

Скоро Шарра и судовой кок — необычайно тощий человек, который объяснял свою худобу тем, что никто другой не смог бы уместиться в крохотной клетушке, служившей на «Рассветной Сестре» камбузом, — объявили, что угощение готово. Проголо-

давшие гости с такой прытью устремились к столам, что едва не опрокинули их.

Когда никто уже не мог проглотить ни крошки и даже Робинтон посасывал вино крохотными глотками, гости разбились на группы: в одной были Джексом, Пьемур, Менолли и Шарра, в самой большой — моряки и в третьей — всадники и мастера.

— По-моему, они что-то затевают, — недовольно проворчал Пьемур, поглядывая на Ф'лара и Ф'нора, о чем-то совещавшихся с главами цехов.

— Я думаю, все то же самое, — засмеялась Менолли. — На корабле Робинтон так усердно изучал твои карты и записи, что едва не проглядел их до дыр, — девушка подтянула колени к подбородку, в глазах ее засветилась лукавая усмешка. — Завтра прилетает Н'тон вместе с Сибеллом и мастером Олдайвом, — сказала она и быстро продолжала, пока ее не прервали: — Насколько я понимаю, Сибелл, Н'тон и Ф'лар дали поручение людям Торика и ораве сыновей лордов, прибывших с севера, составить карту западной части. Границей будет та горная река, о которой ты, Пьемур, столько рассказывал!

Пьемур застонал и картинно рухнул на песок.

— Проклятое место! Чтоб мне больше в жизни его не видеть! — он поднял сжатый кулак, словно призывая небо в свидетели. — Сколько дней я потратил на то, чтобы найти щель в скалах на противоположном берегу, через которую можно было бы пролезть... А потом нам с Дуралеем пришлось нырять со скалы в воду и переправляться вплавь... Чуть не угодили рыбам на ужин!

— А мы, — продолжала Менолли, — во главе с Ф'нором и мастером Робинтоном будем исследовать эту сторону.

— Я надеюсь, вглубь? — язвительно осведомился Пьемур.

Девушка кивнула.

— Насколько я понимаю, — она оглянулась в сторону предводителей Вейров и главных мастеров, — мастер Идаролан может плыть вдоль берега...

— Ну, и счастливого ему плаванья! Я уже достаточно набегался...

— Да ладно тебе, Пьемур. Как будто тебя кто-то заставлял!

— А ты как думала?

— Хватит, Пьемур, — нетерпеливо прервал его Джексом. — Значит, мы пойдем в глубь материка?

Менолли кивнула.

Не сговариваясь, они поглядели на гору, хотя с того места, где они сидели, вершина была не видна.

Джексом довольно улынулся.

— Завтра здесь будет мастер Олдайв — значит, я снова смогу летать через Промежуток!

— Счастье-то какое! — фыркнул Пьемур. — Все равно для начала тебе придется добираться прямым путем.

— Меня это ничуть не огорчает.

На дереве завершал фэйр, взбудоражив всех остальных. Их гомон отвлек Пьемура, который — Джексом в этом не сомневался — собирался завести свою вечную песню. На фоне темно-зеленой листвы выделялись два золотистых пятна.

— Снова Красотка с Фарли что-то не поделили! — воскликнула Менолли и с любопытством огляделась по сторонам. — А ведь здесь только наши фэйры, Джексом. Неужели вся эта суматоха распугала южных?

— Сомневаюсь. Они то появляются, то снова исчезают. Подзреваю, что и сейчас кое-кто из них прячется в листве, не осмеливаясь приблизиться к драконам.

— Удалось тебе что-нибудь выяснить про их людей?

К стыду своему, Джексом был вынужден признаться, что он даже не пытался.

— Слишком много всего случилось за это время, — с раскаянием сказал он.

— Так я и знала, что ты все забросишь! — сердито заявила Менолли.

— Что? Чтобы я лишил тебя такого удовольствия? — Джексом изобразил изумление и обиду. — Мне даже не снилось... — юноша осекся на полуслове, внезапно припомнив удивительные сны, которые он видел как бы одновременно сотнями глаз. И еще он вспомнил то, что сказала ему Брекка, когда Рут' летал сражаться с Нитями: «Трудно видеть одно и то же тремя парами глаз сразу». Могло ли случиться, что он видел в своих снах картины, представшие глазам сотен огненных ящериц?

— Что с тобой, Джексом?

— Похоже, мне и правда кое-что снилось, — с нерешительным смешком сказал он. — Знаешь, Менолли, если тебе сегодня тоже что-нибудь привидится, постарайся запомнить, ладно?

— Привидится? А при чем тут сны? — с недоумением покачала головой Шарра.

— А тебе самой разве ничего не снилось? — обернувшись к ней, спросил Джексом. Шарра сидела в своей излюбленной позе, скрестив ноги, что явно удивляло и смущало Менолли.

— Отчего же, снилось. Только... я, как и ты, почти ничего не запомнила — пожалуй, кроме того, что картины были какие-то

нечеткие. Словно все расплывалось перед моими сонными глазами.

— Отлично сказано — все расплывалось перед сонными глазами, — засмеялась Менолли, вытаскивая из сумки на поясе листок бумаги.

Пьемур снова застонал и стукнул кулаком по песку.

— Ну, сейчас будет очередная песня!

— Да успокойся ты, наконец! — Менолли смерила его нетерпеливым взглядом. — Знаешь, Пьемур, долгие странствия тебя очень изменили, и я эти перемены решительно не одобряю.

— Как будто кто-то тебя спрашивает! — огрызнулся Пьемур и, резко поднявшись, удалился в лес, сердито пиная ногами кусты.

— И давно он стал таким обидчивым? — спросила Менолли.

— С тех самых пор, как объявился здесь, — пожал плечами, ответил Джексом, всем своим видом показывая, что они ничего не смогли с ним сделать.

— Не забывайте, что он очень переживал из-за мастера Робинтона, — отрезала Менолли, — только это еще не причина для того, чтобы кидаться на людей.

Повисло неловкое молчание. Потом Шарра подогнула ноги и быстро встала.

— Боюсь, что никто не удосужился покормить Дуралея! — и она пошла в лес, правда, не совсем в том направлении, что Пьемур.

Менолли долго смотрела ей вслед. Когда она снова повернулась к Джексому, он увидел, что ее глаза тревожно потемнели; но вот девушка лукаво улыбнулась, и они снова обрели обычный зеленовато-голубой цвет.

— Пока нас никто не слышит, — она огляделась по сторонам, желая убедиться, что сзади никого нет, — я хотела бы сказать тебе, Джексом, что теперь уже ясно, как день: никто из Южного Вейра не возвращал яйца Рамот'ы.

— Как?

— А вот так!

Она поднялась и, держа в руке кружки, подошла к свисавшему с дерева бурдюку с вином.

Что это — предупреждение? Хотя какая, собственно, разница? В свое время его приключение сыграло свою роль. А теперь, когда Южный вновь занял законное место в ряду других Вейров, и вовсе уж ни к чему, чтобы кто-то знал о его, Джексоме, участии в этой истории.

Менолли неспешно направилась к столу за своей гитарой, а потом, присев на край скамьи, стала что-то тихонько напевать.

«Наверное, она уже сложила новую песню — про сонные глаза», — подумал Джексом. Потом перевел взгляд в ту сторону, куда ушла Шарра. Придумать бы какой-нибудь правдоподобный повод, чтобы пойти за ней... Юноша вздохнул. Он любил Пьемур, несмотря на острый язык молодого арфиста. И всегда был рад его обществу, благодарен за помощь и понимание. Жаль только, что он не появился в бухте на денек позже... ну, хотя бы на полдня! С его прибытием Джексом совсем не удавалось побыть с Шаррой наедине. Может быть, она его избегает? Или виной тому суматоха с постройкой холда? Он должен найти способ поговорить с ней... Иначе придется снова наведаться к Коране!

Глава 19

Утро в Прибрежном холде.

Наблюдения за звездами поздним вечером.

Следующее утро, находка в горах.

Пятнадцатый Оборот.

Пятнадцатый-шестнадцатый дни десятого месяца

Когда на следующее утро Джексом и Пьемур нехотя вылезли из-под спальных покрывал, Шарра сообщила им, что мастер-арфист поднялся с первым лучом солнца, искупался для бодрости, сам приготовил себе завтрак и уже давно сидит в кабинете над картами, что-то бормоча и делая пометки. А теперь он хотел бы побеседовать с Джексом и Пьемуром, если они, конечно, не возражают.

Мастер Робинтон приветствовал юношей сочувственной улыбкой — от него не укрылись их неуверенные движения, следствие затянувшегося вчера застолья. Он принялся расспрашивать их о последних дополнениях, внесенных в главную карту. Выслушав их ответы и комментарии, он откинулся на спинку кресла, вертя в пальцах палочку для письма, причем лицо его сохраняло такое непроницаемое выражение, что Джексом начал беспокоиться: мастер-арфист явно что-то затевал.

— Не обращал ли кто-то из вас внимания на три звезды, которые мы называем — совершенно ошибочно, смею заметить, — Рассветными Сестрами?

Джексом и Пьемур переглянулись.

— А у тебя есть с собой дальновидающий прибор, мой господин? — спросил Джексом.

Арфист кивнул.

— Есть — у мастера Идаролана на корабле. Полагаю, твой вопрос означает, что вы тоже кое-что заметили?

— Да, они появляются, когда луна светит достаточно ярко... — вставил Пьемур.

— И всегда на одном и том же месте!

— Вижу, вы не зря ходили на занятия, — одобрительно заметил арфист, одарив обоих улыбкой. — Я попросил мастера Фандарела, чтобы он уговорил Вансора погостить у нас несколько дней. Могу ли я узнать, почему вы оба ухмыляетесь, как будто умяли все пончики на ярмарке?

При упоминании о его проделках во время ученичества ухмылка Пьемюра стала еще шире.

— Не думаю, чтобы на Перне нашелся человек, который откажется приехать сюда, если получит хотя бы намек на приглашение, — ответил он.

— А что, Вансор уже закончил свой новый дальновидящий прибор? — спросил Джексом.

— Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

— Мастер Робинтон... — в дверях появилась Брекка, выражение ее лица было каким-то странным.

— Брекка, — арфист умоляюще поднял руки, — если ты пришла напомнить, что мне пора отдохнуть или принять очередное твое снадобье, то, заклинаю, девочка, повремени! У меня полно дел!

— Я всего-навсего принесла письмо, которое Кими только что доставила от Сибелла, — молодая женщина протянула арфисту свернутый в трубочку листок.

— Ага!

— А что до твоего отдыха, мне достаточно поглядеть на Заира, чтобы узнать, что тебе пора прилечь, — выходя из кабинета, Брекка оглянулась и выразительно посмотрела на юношей; Джексом понял: им с Пьемуром строго-настрого наказано не переутомлять арфиста.

Робинтон стал читать записку, и брови его удивленно поползли вверх.

— Ну и дела! Вчера вечером на Торику свалился целый корабль лордовых сынков, — он хохотнул и, увидев вытянувшиеся лица собеседников, добавил: — Боюсь, все прошло не так гладко, как ожидали мальчуганы из холдов!

Пьемур презрительно фыркнул — за долгие Обороты он слишком хорошо изучил Торику и сомнительные удобства его холда.

— Как только тебе, Джексом, позволят снова летать в Промежутке, — продолжал Робинтон, — мы сможем заметно ускорить

наши исследования. Я думаю отправить вас обоих вместе с де-вушками в глубь материка, разбив на две команды.

— Арфист плюс холдер? — подсказал Джексон, ухватившись за такую многообещающую возможность.

— Арфист и холдер? Что ж, пожалуй. Я знаю, Пьемур, вы с Менолли уже давно сработались. Ну а Шарру мы отдадим Джексону. Да, вот еще что, — продолжал Робинтон, не замечая красноречивого взгляда, которым его молодой коллега награждал лорда Руатанского. — С воздуха все выглядит совсем иначе, чем с земли. Ну, и наоборот, разумеется. Так что в наших исследованиях должны использоваться оба метода наблюдения. Джексон, Пьемору известно, что именно меня интересует...

— Что же, мой господин?

— Следы древнего населения этого материка. Я никак не могу понять, почему наши предки предпочли столь прекрасный, изобильный край куда более суровому и скучному северу, но не сомневаюсь, что у них были на то веские причины. Самые древние Записи гласят: появившись на Перне, человек заложил на юге добрый холд. Вот мы и привыкли думать, — с виноватой улыбкой сказал арфист, — что речь идет о Форт-холде, ведь он расположен на юге Северного материка. Но дальше в том же самом документе есть туманная запись: однако был вынужден перебраться на север, дабы не погибнуть. Это место всегда оставалось загадкой... Правда, многие из древних Записей претерпели такие искажения при расшифровке, что утратили всякий смысл.

— Недавно Торик открыл рудное месторождение, которое разрабатывалось открытым способом. Но мы с Н'тоном разглядели на склоне горы какие-то образования явно искусственного характера. Когда мы туда добрались, выяснилось, что это выходные отверстия шахт. Так вот, наши далекие предки прожили на Южном столь длительное время, что успели разведать руду и начать ее добывать. Значит, где-то здесь непременно должны сохранились и другие их следы.

— При такой жаре, да еще во влажном климате мало что могло уцелеть, — возразил Джексон. — Д'рам построил здесь хижину всего двадцать пять Оборотов назад, а что от нее осталось? Другое дело — подземелья, которые мы с Ф'лессаном обнаружили в Бендене; они были надежно защищены от непогоды.

— И все же на крепях, которые мы нашли в шахтах, — заявил Пьемур, — не было ни единой царапины, вмятины или выбоины! К тому же я не знаю инструмента, который мог бы резать твердую скалу, как сыр. А вот наши предки знали!

— Да, кое-какие следы мы нашли. Но должны быть и другие.

Джексом никогда не слышал, чтобы мастер-арфист утверждал что-либо с такой несокрушимой уверенностью; взглянув на огромную карту, юноша невольно вздохнул.

— Я согласен, Джексом, масштаб предстоящих поисков несколько обескураживает, зато подумай, какой триумф нас ждет, если мы обнаружим нужное место! Может быть, даже не одно! — Глаза Робинтона горели воодушевлением. — Итак, — решительно продолжил он, — как только Джексому разрешат летать в Промежутке, мы двинемся на юг, используя в качестве ориентира коническую вершину. Есть возражения? — не дожидаясь ответа, он принялся уточнять диспозицию. — Пьемур отправится пешком вместе с Дуралеем. Его будет сопровождать Менолли — если, конечно, пожелает. Или Джексом отвезет ее вместе с Шаррой в самый дальний лагерь. Пока девушки будут обследовать ближайшие окрестности — насколько я понимаю, они еще не изучены, — ты, Джексом, можешь лететь дальше и разбить следующий лагерь, а назавтра перебросить туда всех остальных через Промежуток. Далее — в том же духе.

Арфист изучающе уставился на Джексома и изрек:

— Надеюсь, в Форт-Вейре тебя достаточно натаскали, чтобы ты сумел с воздуха различить на земле искусственные сооружения? На всякий случай напомним: хоть вам и предстоит работать вместе, все же, Джексом, учти, что Пьемур гораздо опытнее. Если случится нечто непредвиденное, обращай к нему. И не забывай каждый вечер посылать мне отчеты. А теперь ступайте оба! Готовьте снаряжение, продовольствие и... своих спутниц!

На то, чтобы объяснить задачу девушкам и собрать вещи, ушло не так уж много времени, однако в тот день разведчикам не удалось отправиться в путь.

Вместе с Н'тоном на Лиот'е прибыл мастер Олдайв. Его бурно приветствовал Робинтон, более спокойно — Брекка с Шаррой и с некоторой опаской — Джексом. Робинтон сразу потащил мастера-целителя осматривать холд; его собственный бранный остов — как он выразился — может и подождать.

— Все равно мастера Олдайва не проведешь, — шепнула Джексому на ухо Шарра, пока лекарь выражал приличествующий случаю восторг. — Это еще никому не удавалось!

— Вот счастье-то, — откликнулся Джексом, — ведь иначе арфист отправился бы с нами.

— Ну что ты! Через Промежуток — как можно?

— Не, он поехал бы верхом на Дуралее!

Шарра рассмеялась, но ее веселье сменилось тревогой, когда

они увидели, что мастер Олдаив решительно увел Робинтона в спальню и прикрыл за собой дверь.

— Нет, — покачивая головой, печально проговорила Шарра, — бедному Робинтону так и не удалось провести мастера-целителя!

Джексом искренне радовался, что сам он отделался очень легко и заговаривать мастеру Олдаиву зубы не пришлось. Осмотр был кратким: задав несколько вопросов, мастер Олдаив заглянул ему в глаза, выстукал грудь, послушал сердце — и довольная улыбка, озарившая подвижное лицо целителя, лучше всяких слов показала Джексому, что приговор вполне благоприятный.

Когда Робинтон вышел из своей комнаты, он был как-то странно тих и задумчив, да и походка его утратила былую резвость. Менолли налила ему бокал вина, который он принял с печальной улыбкой и глубоким вздохом.

— Скажи, мастер Олдаив, ведь наш арфист тоже скоро поправится? — не удержавшись, спросил Джексом.

— Ну, конечно, поправится, — отвечал мастер Олдаив. — Ему уже гораздо лучше. Но, — лекарь поднял длинный палец, — он должен научиться контролировать свой пыл, беречь силы и соизмерять нагрузку со своими возможностями, иначе случится новый приступ. А вы, молодые, должны ему помогать, но так, чтобы у него не создавалось впечатления, будто он останется таким до конца дней своих.

— Мы все сделаем. Мы уже начали!

— Вот и отлично. Продолжайте в том же духе, и тогда он скоро будет совершенно здоров. Если, конечно, усвоит урок, который преподнесла ему болезнь, — склонив голову к плечу, мастер Олдаив поглядел в окно. — Прекрасная идея — перевезти его в этот чудный уголок, — он одарил Джексона лукавой улыбкой. — Днем нашего арфиста от жары одолевает сонливость, и ему приходится спать. Прелестные виды радуют глаз, а аромат цветов ласкает обоняние. Я просто завидую тебе, лорд Джексом, что ты проводишь время в таком местечке!

Видимо, мастер-арфист тоже не остался равнодушен к очарованию Прибрежного холда — бодрое настроение вернулось к нему еще до приезда мастера Фандарела и мастера Вансора. Восторг его удвоился, когда Фандарел и Вансор гордо продемонстрировали новый дальновидящий прибор, над которым звездных дел мастер колдовал вот уже пол-Оборота. Инструмент представлял собой трубку длиной с Фандарелову руку и такую толстую, что кузнец едва мог обхватить ее обеими ладонями. Она была

тщательно упрятана в кожаный чехол, а глазок почему-то находился не на конце, как ожидал Джексом, а сбоку.

Мастер Робинтон тоже заметил эту странность, но Вансор забормотал что-то об отражении и преломлении, окулярах и объективах и пояснил, что такое расположение глазка лучше подходит для наблюдений за удаленными объектами.

— Конечно, это не относится к делу, но мы все равно очень рады испытать новый прибор в Прибрежном холде, — пропыхтел Вансор, утирая лоб; он так увлекся демонстрацией своего детища, что забыл снять толстую летнюю куртку и сапоги.

Мастер Робинтон перемигнулся с Менолли и Шаррой, и девушки избавили звездных дел мастера от лишней одежды. Вансор, кажется, даже не заметил этого и продолжал говорить о своем путешествии на Южный и о том, что он слышал о непонятном поведении трех звезд, именуемых Рассветными Сестрами. До самых последних пор он относил все аномалии на счет неопытности наблюдателей. Но теперь, когда сам мастер Робинтон заметил что-то странное, Вансор счел просто необходимым привезти свой драгоценный инструмент на Южный и самолично выяснить, в чем тут загвоздка. Звезды не могут висеть в небе неподвижно. Все его уравнивания, не говоря уже о результатах, которые он получил от таких опытных наблюдателей, как Н'тон и лорд Ларад, подтверждают эту аксиому. К тому же в Записях, унаследованных от далеких предков, хоть они порой и находятся в ужасающем состоянии, тоже упоминается, что звезды неизменно следуют по своим орбитам. Движение звезд подчиняется определенным законам. Если же поведение Рассветных Сестер противоречит незыблемым законам природы, этому должны быть объяснения. И он надеется их найти не позднее, чем сегодня вечером.

После долгих дискуссий была выбрана площадка для наблюдений — небольшое возвышение на каменистом восточном мысе бухты, пониже того места, где находились жаровни. Мастер Фандарел позвал Джексона с Пьемуром, чтобы они помогли ему соорудить подставку, на которой предстояло укрепить на шарнирах новый дальновидящий прибор. Конечно же, Вансор неотступно наблюдал за каждым их шагом и в конце концов до того надоел кузнецу, что тот отвел его к самому краю мыса и там усадил, чтобы звездных дел мастер мог все беспрепятственно видеть и в то же время не путался под ногами. К тому времени, когда подставка была готова, мастер Вансор мирно похрапывал, уронив голову на руки.

Приложив палец к губам, чтобы кто-нибудь паче чаяния не разбудил Вансора, Фандарел увел молодых людей на берег, где

они искупались, а потом вместе с остальными расположились отдыхать. Опасаясь пропустить хоть единый миг явления Рассветных Сестер, ужинать решили прямо на месте наблюдения. Мастер Идаролан принес с корабля свой прибор, и кузнец быстро соорудил второй треножник.

Обычно всем казалось, что на Южном темнеет слишком быстро. Теперь же время тянулось невыносимо медленно. Даже драконы, которые весь день играли в воде, теперь неподвижно растянулись на берегу; фэйры, свернувшись клубком, дремали вокруг Рут'а или, присмирев, сидели у него на спине.

Наконец солнце зашло, окрасив горизонт яркими закатными цветами. Как только на востоке стало темнеть, Вансор приложил глаз к своему инструменту и тут же, изумленно вскрикнув, чуть не свалился со скамейки.

— Не может быть! С точки зрения логики это просто необъяснимо... — он выпрямился и снова заглянул в глазок, стараясь настроить прибор поточнее.

Мастер Идаролан приник к своему инструменту.

— Я, например, вижу только троицу Рассветных Сестер... и расположены они как обычно.

— Но это невозможно! Они находятся слишком близко друг к другу! Звезды не могут сходиться так тесно. Их всегда разделяет большое расстояние.

— Ну-ка, приятель, дай мне взглянуть, — кузнец даже приплясывал от нетерпения, так ему хотелось поскорее заглянуть в глазок. Вансор неохотно уступил ему место у прибора, не переставая твердить о невероятности представшего перед ним зрелища.

— Н'тон, у тебя глаза помоложе! — мастер-рыбак предложил свой прибор бронзовому всаднику, который, не медля, занял его место.

— Вижу три круглых предмета! — громогласно объявил Фандарел. — Три круглых металлических предмета. Сделанные руками человека. Это никакие не звезды, Вансор, — произнес он, обращаясь к вконец обескураженному звездных дел мастеру, — это искусственные тела!

Робинтон, едва не опрокинув могучего кузнеца, протиснулся к прибору и, затаив дыхание, заглянул в глазок.

— Они круглые... и блестят, как металл, совсем не так, как звезды...

— Ясно одно, — заявил Пьемур, непочтительно нарушив благоговейное молчание. — Наконец-то, мастер Робинтон, мы нашли следы наших предков! Правда, не на Южном, а в небесах над ним.

— Ты прав, как никогда, — проговорил арфист сдавленным

голосом, — но это не все, что я имел в виду. И ты, парень, это от- лично знаешь!

Потом каждому позволили заглянуть в Вансоров прибор, по- скольку инструмент мастера Идаролана оказался недостаточно сильным. И все единодушно согласились с выводом Фандарела: так называемые Рассветные Сестры — вовсе не звезды. Никаких сомнений не вызывал тот факт, что они представляют собой круглые металлические тела, по-видимому занимающие на небе неизменное положение, тогда как даже луны, обращаясь вокруг Перна, поворачиваются к нему то одной, то другой стороной.

Срочно вызвали Ф'лара с Лессой и Ф'нора, чтобы и они успе- ли взглянуть на Рассветных Сестер, пока те не ушли с небоскло- на. Недовольство, которое Лесса не преминула выразить по по- воду неурочного часа, как рукой сняло, стоило ей узнать о зага- дочном явлении. Всадники завладели инструментом и не отходили от него то недолгое время, пока странные объекты ос- тавались на быстро темнеющем небе.

Увидев, что Вансор пытается писать уравнения прямо на пес- ке, Джексом с Пьемуром сбежали за чертежными инструментами. Несколько минут ученый с бешеной скоростью писал, а потом принялся изучать результаты с таким видом, будто столкнулся с неразрешимой загадкой. Так и не справившись с ней, он попро- сил Фандарела и Н'тона проверить, не вкралась ли в его вычис- ления ошибка.

— А если ошибки нет, тогда что ты скажешь, мастер Ван- сор? — спросил Ф'лар.

— Эти... эти предметы действительно неподвижны. Они висят над Перном в одном и том же положении. Как будто сопровож- дают планету!

— А это доказывает, что они — творение рук человеческих, не так ли? — уточнил Робинтон.

— Я такого же мнения, — озадаченно согласился Вансор. — Они будто так и задуманы, чтобы оставаться на одном месте.

— Жаль, мы не можем до них добраться, — сокрушенно про- бормотал Ф'нор.

— Даже и думать об этом не смей! — воскликнула Брекка так сердито, что арфист фыркнул.

— Пусть они задуманы, чтобы оставаться в небесах, — сказал Пьемур, — но ведь не могли их сделать здесь, на Перне? Что ты скажешь, мастер Фандарел?

— Сомневаюсь... Архивы содержат много намеков на разные чудеса, сотворенные руками наших предков, но я не встречал в них никаких упоминаний о неподвижных звездах...

— Но ведь в Записях сказано, что человек прибыл на Перн... — Пъемур взглянул на арфиста, ища у него поддержки. — А вдруг они использовали эти штуки, чтобы добраться сюда из других миров? К нам, на Перн!

— И ты думаешь, что, имея перед собой все просторы Вселенной, — заметила Брекка, нарушив ошеломленную тишину, — они не нашли ничего получше Перна?

— Если бы вы прошагали по нему столько, сколько довелось мне, — заявил Пъемур, снова оседлав своего любимого конька, — вы бы поняли, что Перн не такое уж и плохое место... если не обращать внимания на Нити!

— У некоторых не получается, — сухо заметил Ф'лар.

Менолли ткнула Пъемура в бок, но Ф'лар только рассмеялся, заметив, что до юного арфиста с опозданием дошла вся бестактность его заявления.

— Какое невероятное открытие, — произнес Робинтон, устремив взгляд в небо, будто ожидая разгадки новых тайн, — видеть те самые корабли, что доставили на эту планету наших далеких предков!

— Неплохая тема, чтобы спокойно поразмышлять над ней на досуге, — не так ли, мастер Робинтон? — лукаво улыбаясь, осведомился Олдайв, сделав ударение на слове «спокойно».

Но арфист только нетерпеливо отмахнулся.

— Все равно тебе вряд ли удастся туда попасть, — заметил лекарь.

— Верно, мне не удастся, — согласился Робинтон. И вдруг, к изумлению окружающих, выбросил правую руку вверх, в направлении Рассветных Сестер. — Заир, видишь вон те круглые предметы в небе? Сможешь добраться туда?

Джексом затаил дыхание. Он чувствовал, как окаменела стоящая рядом Менолли, и знал, что она тоже боится вздохнуть. Брекка приглушенно вскрикнула. Все взгляды были прикованы к Заиру.

Бронзовый фэйр повернул головку к Робинтону и чирикнул — тихо и неуверенно.

— Заир! Рассветные Сестры! — повторил Робинтон. — Поле-тишь туда?

Заир склонил головку к плечу. Он явно не понимал, чего от него добиваются.

— Заир! Алая Звезда!

Эффект последовал незамедлительно. Негодующе вскрикнув, фэйр исчез. Вся стая, угнездившаяся вокруг Рут'а, мгновенно проснулась и последовала за ним.

— Вот вам и ответ сразу на оба вопроса, — заметил Ф'лар.

— А что говорит Рут'? — шепотом спросила Менолли.

— О Рассветных Сестрах или о Заире?

— Обо всем.

— Он спал, — произнес Джексом, услышав ответ белого дракона.

— Тогда с ним все ясно!

— Неужели? А что передала Красотка, перед тем как исчезнуть?

— Ничего!

Остаток вечера прошел в спорах и дискуссиях, но толком так ничего и не решили. Робинтон с Вансором, наверное, проговорили бы всю ночь, не подмешай Олдайв какое-то снадобье в вино арфиста. Никто, правда, не видел, как он это сделал; тем не менее мастер Робинтон, только что ожесточенно споривший с Вансором, вдруг уронил голову на стол и захрапел.

— Разговоры разговорами, а здоровьем пренебрегать не следует, — заметил мастер Олдайв и велел всадникам, чтобы они отнесли арфиста в постель.

На этом все и закончилось. Всадники вернулись в свои Вейры, Олдайв и Фандарел — каждый в свой цех. Остался только Вансор. Даже целое крыло всадников не смогло бы теперь вытащить его из Прибрежного холда.

Было решено, что не стоит пока распространять известие об истинном происхождении Рассветных Сестер, — по крайней мере до тех пор, пока Вансор с помощниками не изучат этого феномена и не придут к более определенным выводам.

— Незачем зря будоражить людей. В последнее время и так было достаточно потрясений, — заметил Ф'лар. — Ведь кое-кто может вообразить, что эти безобидные объекты не менее опасны, чем Алая Звезда.

— Опасны? — воскликнул Фандарел. — Да представляй они хоть какую-то опасность, мы бы убедились в этом на своей шкуре уже много Оборотов назад!

Ф'лар с готовностью согласился, но напомнил: все так привыкли к тому, что опасность исходит с небес, что лучше пока сохранять открытие в тайне. Еще он предложил прислать всадников из Бендена для разведки материка. Видимо, он чувствовал, что сейчас это самая важная задача.

Укладываясь спать, Джексом безуспешно пытался выбросить из головы неприятную мысль: как раз сейчас, когда он надеялся хоть ненадолго остаться наедине с Шаррой, на Прибрежный холд обрушится новое нашествие.

Не избегает ли она его? Или просто им постоянно мешают обстоятельства, вроде нехстати свалившегося на них Пьемур? Тревога о состоянии мастера Робинтона, экспедиции по окрестностям, после которых они так уставали, что едва добирались до постели, прибытие половины населения Перна для строительства холда мастера-арфиста, потом встреча с ним — а теперь еще и это! Нет, не похоже, чтобы Шарра его избегала. Она кажется такой... близкой. Низкий чарующий голос, на тон пониже, чем у Менолли, милое лицо, так часто скрытое прядями непокорных волос, которые так и норовят выбиться из-под гребней и заколок...

Ему страстно захотелось, чтобы Прибрежный холд больше не подвергался никаким набегам. Совершенно безнадежное желание, если учесть, что он никак не мог повлиять на грядущие события. Ведь он лорд Руата, а не Прибрежного. Если кто-то и имеет право на это место, то скорее — мастер Робинтон и Менолли; ведь это их занесло сюда штормом.

Джексом вздохнул, ощутив укол совести. Теперь, когда мастер Олдайв объявил, что он окончательно излечился от последствий горячки, он вполне может летать в Промежутке и вместе с Рут'ом вернуться домой, в Руат. Он прямо-таки обязан вернуться в Руат. Однако ему совершенно не хочется туда возвращаться. И не только из-за Шарры.

Если подумать, он там вовсе не нужен. Лайтол, как и раньше, прекрасно справляется с делами... а от Рут'а никто не требует, чтобы он летал биться с Нитями — ни в Руате, ни в Форт-Вейре. Правда, в Бендене сквозь пальцы смотрят на их шалости, но Ф'лар дал ясно понять, что ни белый дракон, ни его всадник, юный лорд Руатанский, не должны подвергать себя опасности.

С другой стороны, никто не запрещал ему заниматься поисками. Джексома внезапно осенило, что никто к тому же не требует, чтобы он немедленно возвращался в Руат.

Эта мысль слегка утешила юношу, но на смену ей сразу же пришла другая: с завтрашнего дня Ф'лар начнет присылать сюда все новых всадников — всадников, чьи драконы летают куда быстрее и дальше Рут'а. Всадников, которые смогут добраться до горы раньше его. Всадников, которым наверняка удастся обнаружить те следы, что, по мнению Робинтона, могли сохраниться в глубине материка. Всадников, которые, конечно же, сразу разглядят в Шарре красоту, нежность и душевное тепло — то, что так привлекало к ней самого Джексома.

Джексом ворочался на своем набитом сеном матрасе, тщетно стараясь найти удобное положение и уснуть. Хорошо бы план Робинтона, предусматривающий работу для него самого, Шар-

ры, Менолли и Пьемур, не претерпел никаких изменений... Как повторяет Пьемур, драконы хороши для дальних перелетов, но для того, чтобы как следует изучить местность, нужно облазить ее пешком вдоль и поперек. Может быть, Ф'лар с Робинтоном решат, что лучше рассредоточить всадников по всей территории, максимально расширив район поисков, а их четверка будет продвигаться к горе?

Внезапно Джексом понял: если не считать Шарры, он ничего так страстно не желает, как добраться до горы первым. Этот торжественно-симметричный конус привел его сюда, в бухту, он грезился ему в горячечном бреду, не давая покоя днем, а по ночам кошмарными видениями вторгаясь в его сны. Пусть это неразумно, но Джексом хотел во что бы то ни стало добраться до него первым!

Где-то посреди этих размышлений он незаметно уснул. И снова в его снах, сменяя друг друга, разворачивались устрашающие события: снова гора взрывалась, извергая пылающие красно-оранжевым пламенем каменные глыбы и потоки расплавленной лавы. Снова Джексом был одновременно насмерть перепуганным беглецом и бесстрастным наблюдателем. И вдруг пылающая стена начала обрушиваться за его спиной — так близко, что он почувствовал спиной ее обжигающее дыхание...

И проснулся! Лучи восходящего солнца, пробиваясь сквозь листву деревьев, ласкали его плечи. Вот и утро!

Джексом мысленно обратился к Рут'у. Дракон все еще дремал на поляне, оставшейся на месте старого убежища, где для него выкопали в песке уютную ямку.

Юноша поискал глазами Пьемура — тот спал, свернувшись калачиком, подложив ладони под щеку. Выскользнув из постели, Джексом бесшумно открыл двери и, неся в руках сандалии, на цыпочках прошел через кухню. Рут' шевельнулся, вспугнув пару ящериц, удобно расположившихся у него на спине, и Джексом замер, пораженный неожиданной догадкой. Он посмотрел на Рут'а, потом на файров. Ни один из тех, кто прикорнул рядом с драконом, не был помечен. Нужно спросить Рут'а, когда он проснется, всегда ли файры с Южного спят рядом с ним. Если так, то, возможно, сны, которые видит Джексом, — это сны огненных ящериц, их воспоминания, пробудившиеся при встрече с людьми! Но гора...

Странно, с этой стороны она выглядит правильным конусом, на котором не видно никаких следов разрушительного извержения.

Выйдя на берег, Джексом искал в небе Рассветные Сестры.

Но, к сожалению, было уже слишком поздно; он проспал их утреннее явление.

Оба дальновидящих прибора — и Вансоров, заботливо укрытый от утренней росы мягкой кожей, и Идароланов, в плотном чехле, — все еще стояли на своих подставках. Внутренне посмеиваясь над собой, поскольку он был заранее уверен в тщетности своей попытки, Джексом все-таки не удержался, раскрыл прибор Вансора и взглянул на небо. Потом снова заботливо укутал инструмент и постоял, глядя на юго-восток, в сторону горы.

В его снах конус всегда взрывался, но ведь отсюда видна только одна сторона... Внезапно приняв решение, он вынул инструмент Идаролана из футляра. Хотя Вансоров прибор — значительно более мощный, ему не хотелось менять его тщательно выверенную настройку. К тому же труба Идаролана тоже вполне подходит для его целей. Не для того, конечно, чтобы показать разрушения, которые Джексом надеялся увидеть. Он задумчиво опустил инструмент. Теперь он может летать в Промежутке. Более того, мастер Робинтон лично поручил ему заняться исследованием территории к югу от бухты. И, что еще важнее, он должен оказаться у горы первым!

Юноша рассмеялся. Этот его замысел куда менее опасен, чем возвращение королевского яйца. Можно слетать к горе через Промежуток и вернуться раньше, чем обитатели холда сядут завтракать. Джексом снял трубу с подставки. Она ему пригодится. Когда они с Рут'ом будут в воздухе, надо внимательно приглядеться к горе — ведь нужно подыскать запоминающиеся ориентиры.

Он резко повернулся и чуть не упал от изумления. Перед ним рядком выстроились Пьемур, Шарра и Менолли. Все трое не спускали с него глаз.

— Отвечай, лорд Джексом, что ты там рассматривал в Идароланов прибор? Не иначе как гору? — осведомился Пьемур, скаля зубы в самодовольной ухмылке.

Красотка, сидевшая на плече у Менолли, вопросительно чиркнула.

— Ну, и достаточно он нагляделся? — спросила Менолли, демонстративно игнорируя Джексома.

— Я уверен, что вполне!

— Ведь не настолько он бессовестный, чтобы собраться туда без нас? — поинтересовалась Шарра.

Они насмешливо уставились на него.

— Рут' не снесет четверых.

«Почему же не снесу? Вы все не особенно толстые».

Шарра прыснула, прикрыв рот рукой, и указала пальцем на Джексома.

— Ставлю все, что угодно, — Рут' сказал, что справится! — сообщила она своим спутникам.

— Держу пари, ты права! — Менолли не спускала с Джексома глаз.

— Я думаю, Джексом, будет гораздо лучше, если в *этой* аванюре ты не останешься без помощи.

— В *этой* аванюре? — переспросил Пьемур, как всегда чутко улавливающий все оттенки речи.

Стиснув зубы, Джексом наградил арфистку красноречивым взглядом.

— Так ты уверен, что снесешь четверых? — спросил он Рут'а.

Дракон появился на берегу. Глаза его взволнованно сверкали.

«Мне уже много раз приходилось летать очень далеко. Так что теперь я стал очень сильным. Все нетяжелые. Расстояние небольшое. Мы полетим осматривать гору?»

— Ясно, что Рут' согласен, — сказала Менолли, — но если мы не вылетим немедленно... — она махнула в сторону Прибрежного холда. — Пошли, Шарра, нужно захватить летное снаряжение.

— Придется сделать страховочные петли для всех четверых.

— Вот и займитесь! — Девушки побежали к холду.

Лучше всего для этой цели подходили веревочные арканы, и Джексом с Пьемуром быстро приладили их на место. Джексом взял Идароланов дальновидящий прибор, мысленно пообещав вернуться как можно скорее, чтобы рыбак не заметил пропажи.

Рут'у пришлось поднатужиться, чтобы оторваться от земли, но, когда они наконец взлетели, он заверил Джексома, что ему ничуть не тяжело. Он взял курс на юго-восток, и Джексом навел инструмент на далекую вершину. Даже с такой высоты он не смог разглядеть никаких характерных особенностей рельефа. Он стал постепенно опускать трубу, пока ясно и отчетливо не увидел на фоне горы невысокий хребет.

Джексом передал его изображение Рут'у и, убедившись, что дракон тоже ясно видит цель, послал его в Промежуток. Мгновение — и вот они уже прячут над хребтом. У всех четверых захватило дух — и от лютого холода, который после месяцев, проведенных под палящими лучами знойного тропического солнца, показался еще нестерпимее, и от величественной панорамы, развернувшейся внизу.

Как и предсказывал Пьемур, расстояние оказалось обманчивым.

Гора вырастала из высокого плато, которое само по себе уже находилось на высоте сотен длин дракона над уровнем моря. Да-

леко внизу высокие хребты прорезал широкий сверкающий залив, глубоко вдававшийся в сушу. Ближний к ним берег зарос непроходимым лесом, дальний, уходящий к горе, зеленел травой. К югу как граница между востоком и западом вытянулась горная гряда; ее снеговые вершины таяли вдали в туманной дымке.

И над всем этим великолепием царила коническая гора; отсюда до нее было еще довольно далеко.

— Смотрите! — Шарра указала налево, в сторону моря. — Там тоже вулканы. Некоторые даже дымятся!

Длинная цепь горных вершин, изгибаясь к северо-востоку, уходила в море. Некоторые стояли на островах, другие выдавались прямо из воды.

— Одолжи-ка мне прибор, Джексом, — Пьемур припал к окуляру трубы. — Да, — подтвердил он после длительного наблюдения, — парочка из них вполне активна. Но опасности нет — они далеко. — Потом он направил трубу на горную цепь и, бегло взглянув на нее, покачал головой. — Похоже, это тот самый хребет, который я видел на западе, — неуверенно проговорил он. — Сколько месяцев я до него добирался! А холодина там... — он повел трубой влево. — Весьма полезная штука! Смотрите, как глубоко залив врзается в сушу. Мастер Идаролан мог бы сюда заплывать, — он отдал Джексому трубу и стал разглядывать вулкан.

— Какая красота! — порывисто вздохнув, произнесла Шарра.

— Должно быть, рухнула другая сторона, — пробормотал Джексом, обращаясь больше к самому себе, чем к спутникам.

— Другая сторона? — в один голос воскликнули Менолли и Шарра.

Джексом спиной почувствовал, как напрягся сидящий за ним Пьемур.

— Так вы тоже видели извержение во сне? — спросил он.

— А что же еще, спрашивается, могло нас разбудить? И как раз вовремя — ты только выполз из постели, — язвительно заметила Менолли.

— Почему бы нам тогда не взглянуть и на другую сторону? — предложил Пьемур так небрежно, как будто приглашал друзей искупаться.

— Действительно, почему? — так же беззаботно откликнулась Шарра.

«Я тоже хотел бы посмотреть на место, которое все время вижу во сне», — сказал Рут' и без предупреждения ринулся вниз.

Джексом услышал, как Менолли с Шаррой вскрикнули от неожиданности, и порадовался, что не забыл про страховочную упряжь. Рут' рассыпался в извинениях, но Джексом не успел пере-

дать их своим спутникам — белый дракон, подхваченный восходящим потоком теплого воздуха, уже нес их над широкой гладью залива. Когда он выровнял полет, Джексом, нацелив трубу на северный склон горы, нашел внизу характерное нагромождение скал. Он передал изображение Рут'у.

Мгновенный полет через Промежуток — и вот они уже парят над скалами, а гора, кажется, угрожающе кренится в их сторону. Рут' снова набрал скорость и устремился еще дальше к северу, чтобы по широкой дуге обогнуть вулкан с востока.

На мгновение всех ослепили сверкающие лучи восходящего солнца, которое до сих пор было скрыто за громадой горы. Рут' стал понемногу поворачивать к югу. И тут перед ним открылся бескрайний простор, какого Джексом еще не видывал, — он тянулся вширь и вдаль, намного превышая размахом равнины Тиллека и пустыни Айгена. Захваченный величием панорамы, Джексом с трудом оторвал от нее взор и взглянул на гору.

Представший перед ним вид казался мучительно знакомым — сколько тревожных ночей преследовал он Джексома в ускользающих от памяти снах! С востока вершина была срезана; гигантское жерло вулкана зияло, как оскаленная пасть; Джексом перевел взгляд ниже и на юго-восточном склоне обнаружил еще три жерла, поменьше, похожих на злобных отпрысков главного великана. Повсюду виднелись потоки застывшей лавы, когда-то извергавшейся на юг, по направлению к холмистым равнинам.

Рут', инстинктом чуя опасность, старался держаться от чудовищной горы подальше, плавно скользя в сторону более гостеприимной долины.

Да и Джексом, так долго любовавшийся видом вулкана с севера, теперь невольно отвел взгляд от свирепого оскала, открывшегося ему с востока, со стороны его кошмарных ночных видений.

Теперь юношу ничуть не удивили слова Рут'а: «Это место мне знакомо. Файры говорят, что именно здесь были их люди».

Откуда ни возьмись вынырнули стаи файров и закружились в воздухе, сопровождая Рут'а. Красотка, Мийр, Талла и Фарли, всю дорогу спокойно сидевшие на плечах у своих друзей, вспорхнули и присоединились к оживленному хороводу.

— Джексом, Джексом, ты только взгляни! — заорал ему Пьемур прямо в ухо. Одновременно он колотил Джексома по плечу и бешено махал рукой, указывая куда-то вниз. Юноша пригляделся. В лучах утреннего солнца все очертания выступали очень рельефно. Вот какие-то холмы, протянувшиеся друг за другом... их ряды, пересекаясь, образуют странно правильные квадраты, прямоугольники...

— То, что ищет мастер Робинтон! — оглянувшись через плечо, он улыбнулся Пъемуру, но его спутник уже отвернулся к девушкам, чтобы привлечь их внимание к находке.

Вдруг Джексом, задохнувшись, сжал шею Рут'а ногами, поворачивая его на северо-восток. По тому, как Пъемур вцепился ему в плечи, Джексом понял — арфист увидел то же, что и он. Там, вдали, дымка, повисшая над курившимися в море вулканами, сливалась с серой дымкой, опускающейся с небес! Нити!

— Нити!

«Нити!» — не успел Джексом дать Рут'у команду, как тот сам перенес их в Промежуток. В следующее мгновение они уже парили над бухтой, на берегу которой расположились пять драконов. Матросы сновали с берега на корабль, покрывая деревянные палубы плитами сланца, чтобы уберечь судно от Нитей.

«Кант' спрашивает, где мы были. Мне нужно срочно начинать жевать камень. Файры должны защищать корабль. Все на нас сердятся. Только почему?»

Джексом велел Рут'у приземлиться на берегу, рядом с кучей огненного камня, и приступать к делу.

— Нужно поскорее отыскать Дуралея! — Пъемур спрыгнул на песок и бросился в лес.

— Дай-ка мне трубу мастера Идаролана, — сказала Джексому Менолли. — Я уже вижу, какое у него лицо. Правда, может быть, он зол не только из-за прибора...

— Ничего, как-нибудь переживем эту бурю, — улыбнувшись Джексому, вымолвила Шарра и ободряюще сжала его руку. — Да не расстраивайся ты так! Я бы ни за что на свете не согласилась пропустить нашу утреннюю прогулку. Пусть даже сама Лесса устроит мне выволочку.

«Но ведь мы исследовали Южный по распоряжению мастера-арфиста! — неожиданно заявил Рут'. Он поднял голову и посмотрел туда, где собрались остальные драконы. — И мы вернулись как раз вовремя, к самому началу сражения с Нитями. Так что мы не сделали ничего плохого».

Джексому удивила непреклонная уверенность, прозвучавшая в тоне Рут'а; он не сомневался, что белый дракон обращается к Кант'у, поскольку коричневый, вращая глазами, глядел в их сторону.

«Все понятно, я буду летать поперек вашего движения — так же, как и в прошлый раз, — сказал Рут', снова отвечая на слова, которые Джексом не мог слышать. — Камня у меня вполне достаточно. Нити уже совсем близко».

Дракон выгнул шею, и Джексом вскочил на него верхом, ощу-

шая прилив облегчения — неотвратимое объяснение с Ф'нором или Н'тоном можно отложить до конца битвы. Хотя, надо сказать, он совершенно не чувствовал себя виноватым.

«Мы делали только то, что велел мастер-арфист, — сказал Рут', взвиваясь в небо. — Ведь никто не запрещал нам сегодня летать к горе? И я рад, что мы там побывали. Теперь, когда я увидел это место, меня больше не будут тревожить сны, — помолчав, он добавил с некоторой долей удивления: — Брекка сомневается, стоит ли нам участвовать в битве с Нитями, потому что тебе только сегодня позволили летать в Промежуток. Ты мне скажи, если устанешь!»

После этих слов уже ничто на свете не заставило бы Джексома признаться, что он устал, доведись ему даже выдержать четырехчасовое сражение. Они встретили Нити над третьей бухтой, считая к востоку. Встретили и уничтожили. Рут' с Джексомом стрелой носились то выше, то ниже остальных пяти драконов, то между ними, а те, сомкнув треугольный строй, утюжили небо с запада на восток и обратно. Джексом горячо надеялся, что Пьемур успел изловить Дуралея и отвести его в безопасное место. Рут' мгновенно доложил: Фарли сообщает, что скакуна завели на террасу Прибрежного холда, а сама она готова сжечь каждую Нить, которая попыруется напасть на холд.

Делая разворот над бухтой, Джексом заметил, что с высоких мачт «Рассветной Сестры» срываются языки пламени. Пораженный, он протер глаза, но затем понял — это же огненные ящеры! Похоже, их там немало. Может быть, на выручку отважным маленьким защитникам корабля пришли их собратья с Южного? Может быть, они решили помочь людям?

Но Джексому не пришлось долго размышлять — они снова закружились в пылающем вихре схватки. К тому времени, когда серебристый дождь утих и Кант' протрубил сигнал к возвращению, Джексом вконец измотался. Рут' сделал разворот на восток, и он увидел, как Ф'нор подал знак: молодцы! Все легли на обратный курс.

Рут' сел на западной стороне бухты, где полоса песка была поуже, — чтобы дать больше места огромным драконам. Соскользнув с его плеча, Джексом потрепал влажную от пота шею и чихнул, вдохнув едкий запах огненного камня. Рут' деликатно кашлянул.

«Я с каждым разом жую все лучше. Пламени совсем не остается, — он поднял голову и взглянул в сторону Кант'а, который только что приземлился рядом. — Почему Ф'нор недоволен? Мы слетали отлично. Ни одна Нить не скрылась от нас, — Рут' вы-

гнул шею, заглядывая своему всаднику в лицо. Глаза его ускорили вращение, в них замелькали тревожные желтые искры. — Не понимаю», — добавил он и отрывисто фыркнул, так что Джексом снова вдохнул пары огненного камня и закашлялся.

— Джексом! Ты мне нужен на пару слов! — Ф'нор уже шагал к нему по песку: по тому, как резко он расстегивал куртку и стаскивал шлем, было видно, что всадник не в духе.

— Я слушаю!

— Где это вы пропадали целое утро? Почему исчезли, никого не предупредив? Вы что же, забыли, что сегодня ожидалось Падение?

Джексом молча глядел на Ф'нора. Лицо коричневого всадника омрачили гнев и усталость. Юноша внезапно ощутил прилив той же холодной ярости, которая привела его к взрыву тогда, в Руате. Теперь кажется, это было так давно... Он выпрямился и вздернул подбородок. Выяснилось, что они с Ф'нором одного роста, а он раньше и не замечал. Нет, сегодня он ни за что не потеряет головы, как в прошлый раз!

— Мы успели как раз к тому времени, когда началось Падение, не так ли, коричневый всадник? — холодно ответил он. — Мой долг — защита Прибрежного холда. И я его исполнил. К тому же мне выпали честь и удовольствие участвовать в вылете вместе с Бенденом, — он сделал легкий поклон и с удовлетворением увидел, как гнев на лице Ф'нора сменился растерянностью. — Я уверен, что мои спутники уже доложили мастеру Робинтону о том, что мы обнаружили нынче утром. А теперь, Рут', ступай скорее в воду. Я с радостью отвечу на все твои вопросы, Ф'нор, но только после того, как отмою Рут'а, — он еще раз поклонился Ф'нору, который таращился на него, не скрывая изумления, а затем сбросил на песок пропотевшую куртку и ринулся в море.

Ф'нор остался стоять на берегу, глядя ему вслед; Джексом, нырнув, выплыл рядом с покачивающимся на волнах белым драконом.

Рут' перевернулся и, выдохнув, взметнул над головой фонтан воды. Его глаза, прикрытые тонким внутренним веком, мягко поблескивали зеленым светом у самой поверхности.

«Кант' говорит, Ф'нор смущен. Что ты сказал ему? Что может смутить коричневого всадника?»

— То, что он никак не ожидал услышать от белого всадника. Послушай, как я могу тебя мыть, если ты все время вертишься!

«Почему ты злишься? Ты мне всю кожу сдерешь, если будешь так терпеть!»

— Я действительно зол, но вовсе не на тебя.

«Тогда, может быть, слетаем на наше озеро?» — нерешительно спросил Рут', тревожно оглянувшись на своего всадника.

— Зачем нам покрытое льдом озеро, если в нашем распоряжении весь теплый океан? Просто я сердит на Ф'нора. Ведь я не больной и не мальчик, которому нужен опекун. Я уже не раз сражался с Нитями — и с тобой, и без тебя. И если я достаточно взрослый для такого занятия, то, значит, не обязан ни перед кем отчитываться за каждый свой шаг.

«А знаешь, я совсем забыл про сегодняшнее Падение...»

Услышав робкое признание Рут'а, Джексом расхохотался.

— Я тоже. Только никому не говори.

Ему на помощь слетелись ящерицы. Судя по запаху, исходившему от мокрых фэйров, им самим не мешало бы хорошенько почиститься. Когда Рут' погружался в воду слишком глубоко, так что маленькие помощники не могли его как следует потерять, они бранили белого куда более свирепо, чем Джексом. В стае были Мийр, Талла и Фарли. Джексом заставил себя довести дело до конца. Он смертельно устал, но решил, чего бы это ему ни стоило, вымыть Рут'а. Тогда весь остаток дня он сможет отдыхать.

Но не тут-то было. Правда, ему не пришлось заканчивать работу в одиночестве — кроме фэйров, на помощь пришла Шарра.

— Хочешь, я, как в прошлый раз, потру другой бок? — спросила девушка, шлепая к ним по воде.

— Был бы тебе бесконечно благодарен, — с улыбкой ответил Джексом и облегченно вздохнул.

Она бросила ему щетку с рукояткой. Вторую такую же она оставила себе.

— Вот, возьми. Брекка привезла. Говорит, ими удобно чистить драконов — щетина жесткая и прочная. Ну как, Рут', нравится?

Девушка зачерпнула со дна пригоршню песка и, размазав его по мокрой шее дракона, энергично заработала щеткой. Рут' только присвистнул от удовольствия.

— Что вы тут подделывали, пока я сражался с Нитями? — спросил Джексом, перемещаясь к хвосту и энергично работая щеткой.

— Менотли отвечала на вопросы, — с озорной улыбкой сказала Шарра, выглянув из-за распростертого тела Рут'а. — Она тараторила так быстро, что мастер Робинтон не мог вставить ни слова. Когда я отправилась к тебе, она все еще продолжала рассказывать. Я и не представляла, что кто-нибудь сумеет заговорить зубы нашему мастеру-арфисту. Во всяком случае, он очень быстро перестал кипятиться. А тебе уже досталось от Ф'нора?

— Мы... обменялись мнениями.

— Глядя на Брекку, я была уверена, что этого не избежать.

Правда, я постаралась убедить ее, что ты окончательно поправился. Ей втемяшилось, будто ты восстал со смертного одра, чтобы принять участие в сражении! — Шарра насмешливо фыркнула.

Прислонившись к спине Рут'а, Джексом, улыбаясь, любовался девушкой. До чего же хороша! Глаза лукаво смеются, на лице поблескивают капельки воды, волосы разметались по плечам... Поймав его взгляд, она вопросительно вскинула бровь.

— Как ты думаешь, Шарра, нам не пригрезилось то, что мы видели сегодня утром?

— Конечно же, нет! — она строго взглянула на Джексома, наставив на него свою щетку. — И тебе здорово повезло, что мы трое можем подтвердить твои слова — одному тебе вряд ли поверили бы, — девушка помолчала, и в глазах ее снова вспыхнул лукавый огонек. — Правда, я сомневаюсь, что они поверят даже всей нашей компании.

— Кто это нам не поверит?

— Мастер Робинтон, мастер Вансор и Брекка. Ты что, меня не слушал?

— Нет, — усмехнулся он. — Я на тебя смотрел.

— Ну, знаешь, Джексом!

Он рассмеялся, увидев, как темный румянец, проступая под загаром, заливает ее лицо и шею.

«У меня в нескольких местах чешется! Ты меня не домыл, Джексом!»

— Вот видишь? — воскликнула Шарра, шлепнув его по руке щеткой. — Ты самым возмутительным образом пренебрегаешь своими обязанностями!

— А ты откуда знаешь, что Рут' сейчас со мной говорил?

— По твоему лицу сразу заметно.

— Эй, куда это направляется «Рассветная Сестра»? — спросил Джексом, увидев, как корабль на всех парусах выходит в открытое море.

— Рыбачить, куда же еще? После Падения всегда собираются целые косяки рыбы. А благодаря нашей находке сюда нагрянут целые толпы народа. Так что рыба пригодится — нужно будет всех кормить.

Закрыв глаза, Джексом застонал от ужаса.

— Вот тебе и наказание за прогулку без спроса! — сказала Шарра.

Неожиданно Рут' нырнул и окатил их обоих с головой.

— Рут'!

«Мои друзья летят!» Белый дракон радостно затрубил, и Джек-

сом сквозь пелену воды, заставшую глаза, увидел в небе чуть ли не половину боевого крыла.

«Рамот'а с Мнемент'ом, Тирот', Гиармат', Брант', Орт'...»

— Смотри-ка, Шарра, — все предводители Вейров!

Девушка продолжала кашлять и отплевываться — она наглоталась морской воды.

— Здорово! — наконец сказала Шарра, но, судя по тону, особого счастья она не испытывала. — А где же моя щетка? — она принялась шарить по дну.

«И еще Пат'а, Голант', Дрент'... И *ОН* тоже здесь, на нашем сторожевом драконе!»

— Лайтол! Да не вертись, Рут'! Мы еще не закончили с твоим хвостом.

«Я должен поприветствовать своих друзей», — возразил Рут' и, вырвав у Джексома кончик хвоста, уселся на задние лапы и издал радостный вопль, обращенный ко второй группе всадников, которая только что появилась над бухтой.

— Может быть, он и не совсем чистый, — насмешливо произнесла Шарра, отжимая длинные волосы, — но я уже — чище некуда!

«Я тоже совсем чистый. Мои друзья захотят поплавать».

— Не рассчитывай, Рут', что тебе удастся поплавать вместе с ними. Нам предстоит нелегкий денек!

— Слушай, Джексом, а ты сегодня ел? — спросила Шарра. Он отрицательно покачал головой, и девушка решительно схватила его за руку. — Пойдем через заднюю дверь, пока нас кто-нибудь не перехватил!

Джексому пришлось задержаться на берегу, чтобы собрать летное снаряжение; потом оба бросились бегом по старой тропке, что вела к кухонной двери Прибрежного холда. Увидев, что внутри никого нет, Шарра издала преувеличенно громкий вздох облегчения. Велев Джексому посидеть, она принесла ему кружку кла, а из горшка, стоявшего на плите, положила еще теплой каши, к которой добавила ломтики свежих фруктов.

Из дома до них доносились возгласы прибывших, которые время от времени перекрывал мощный баритон мастера-арфиста.

Торопливо глотая еду, Джексом уже было приподнялся, но Шарра толкнула его в грудь, и он снова сел.

— Они сами скоро найдут тебя, а пока ешь!

— Рут' на берегу, — послышался вдруг голос Лайтола, — а вот Джексома что-то нигде не видно...

— По-моему, он... — начал Робинтон.

Тут в кухню впорхнула бронзовая стрела и, весело чирикнув, метнулась прочь.

— Оказывается, Лайтол, он на кухне, вон за той дверью, — со смехом проговорил Робинтон.

— Я готов встать на сторону Лессы, — ворчливо пробормотал Джексом, — эти файры... — тут он набрал полную ложку каши, отправил ее в рот и встал, вытирая губы, — в кухню уже входил Лайтол.

— Извини, мой господин, — промычал юноша с набитым ртом. — Я не успел позавтракать.

Лайтол так пристально разглядывал его, что Джексом смущенно поежился. Неужели опекуну уже доложили о его утренней прогулке?

— А ты, мой мальчик, выглядишь гораздо лучше, чем в прошлый раз. Добрый день, Шарра, — рассеянно бросил он девушке, направляясь к Джексому, чтобы крепко пожать ему руку. Затем Лайтол отступил на шаг, и губы его растянулись в улыбке. — Ты загорел и выглядишь окрепшим. Ну, что за безобразие ты тут сотворил?

— Я? Да что ты! — Джексом не мог сдержать улыбку. Лайтол вовсе не сердился, совсем наоборот! — Эта гора уже давным-давно стоит здесь, так что ее сотворил вовсе не я. Но мне действительно позарез хотелось первым увидеть ее вблизи!

— ДЖЕКСОМ! — призывный рык арфиста было невозможно оставить без ответа.

— Я здесь, учитель!

— Иди-ка сюда!

* * *

Потом Джексом не раз с благодарностью вспомнил Шарру — надо же, догадалась накормить его завтраком. У него не было ни единой свободной минутки за весь оставшийся день. Как только он ступил на порог главного зала, собравшиеся предводители Вейров и главные мастера забросали его вопросами. Во время Падения Пьемур даром время не терял — мастер Робинтон уже закончил набросок, изображавший вид на гору с юго-востока, который теперь продемонстрировал пораженным зрителям вместе с маленькой приблизительной картой этой части Южного. Судя по тому, как складно, почти напевно Менолли описывала их утренний полет, Джексом понял, что она делает это уже не в первый раз.

Больше всего из того обсуждения ему запомнилось острое чув-

ство жалости — какая досада, что мастер Робинтон не может увидеть гору своими глазами! Но ведь он, Джексом, все-таки дождался, что мастер Олдайв разрешил ему летать в Промежутке...

— Знаю, Джексом, ты только что вернулся после сражения с Нитями, но если бы ты мог дать Мнемент'у хотя бы намек... — заговорил Ф'лар.

Н'тон с хохотом показал пальцем на Джексома.

— Видел бы ты свое лицо, парень! Ф'лар, где у тебя совесть? Ему же невтерпеж повести нас самому! О чем ты думаешь?

В итоге Джексом снова натянул не успевший просохнуть летный костюм и призвал Рут'а, который безмятежно грелся на солнышке. Рут' был весьма доволен собой — ему выпала честь возглавить полет первых бронзовых Перна; сам же Джексом едва скрывал за внешней невозмутимостью свой неистовый восторг. Он, Джексом, и его белый дракон поведут за собой лучших всадников планеты!

Он мог бы велеть Рут'у сразу перенестись к юго-восточному склону Двудликого великана — так он называл про себя огромную гору. Но юноше хотелось, чтобы его спутники тоже ощутили разительный контраст двух обликов горы — прекрасного и безобразного.

По лицам всадников, когда они повисли над скалистым хребтом, Джексом увидел, что вполне достиг нужного эффекта. Он дал спутникам время осмотреть Пограничный хребет, его зазубренные снеговые вершины, сверкающие вдали. Потом махнул рукой на северо-восток — теперь ни утренний туман, ни завеса Нитей не мешали зрителям разглядеть гряду вулканов, змеей убегавшую в море; там, почти у самого горизонта, курился прозрачный дымок.

Повинуясь его приказу, Рут', как и в прошлый раз, перемахнул через водный простор залива и поднялся высоко вверх, прежде чем дать ориентир для следующего прыжка через Промежуток. Они выскочили как раз напротив юго-восточного склона Двудликого — выразительнее зрелища просто не придумаешь...

Внезапно Мнемент' вырвался вперед и сообщил Рут'у, что всем велено приземлиться. Рут' с Джексомом из вежливости сделали круг, дожидаясь, пока бронзовые гиганты опустятся у пересечения двух рядов холмов, на безопасном расстоянии от кратеров малых вулканов. Бронзовые начали один за другим садиться на заросший высокой травой луг, а их всадники и пассажиры, путаясь в жестких стеблях, поспешили присоединиться к Ф'лару. Бенденец, вынужденный из-за пояса кинжал, торопливо ковырял землю на склоне ближайшего кургана.

— За долгие Обороты тут скопилось полно пыли и остатков травы, — недовольно произнес он, прерывая свое занятие.

— К тому же вулканы имеют обыкновение выбрасывать целые тучи пепла, — сказал Т'бор, предводитель Плоскогорья. Ему вулканы были хорошо знакомы; в Тиллеке, который прикрывал его Вейр, сохранилось несколько старых, но действующих кратеров. — Если все эти горы когда-то извергались разом, придется снять толстый слой пепла, прежде чем мы до чего-нибудь докопаемся.

На какой-то миг Джексому показалось, что сейчас на них тоже обрушится туча пепла — солнце померкло, и вниз ринулась клубящаяся, гудящая туча. Почти коснувшись головы Мнемента, сотни файров снова взмыли ввысь.

Сквозь возгласы испуга и удивления до юноши донеслись слова Рут'а:

«Они счастливы — люди вернулись к ним!»

— Спроси их про три горы, Рут'! Не помнят ли они, как горы взорвались?

Они помнили — в этом не было никакого сомнения! В единый миг в воздухе не осталось ни одного непомятого файра.

«Они помнят горы, — ответил Рут'. — Помнят огонь в небе и огонь, ползущий по земле. Они боятся гор. Люди их тоже боялись».

К Джексому подбежала Менолли, на лице ее читалась тревога.

— Что, Рут' спросил файров про вулканы? Красотка и все остальные просто вне себя от ужаса!

Подошел Ф'лар.

— Менолли, почему файры устроили такую суматоху? Я не заметил среди них помеченных. Это все здешние?

— Ну, разумеется, здесь были люди, — продолжал он, выслушав ответ арфистки. — Файры не сообщили ничего такого, чего мы не знаем. Что значит — они помнят? — Ф'лар презрительно поморщился. — Я еще могу допустить, что ты, Джексом, нашел с их помощью Д'рама. Но там шла речь всего о каких-то двадцати пяти Оборотах. А здесь... — он указал на потухшие вулканы и занесенные пеплом следы древнего поселения.

— Я могу сказать две вещи, Ф'лар, — смело заявила Менолли. — В наше время ни один файр ничего не знает об Алой Звезде, и тем не менее все они ее боятся. И еще... — арфистка замялась, и Джексом уже решил, что она собирается выложить историю с яйцом. Он решительно вмешался в разговор.

— Думаю, Ф'лар, что огненные ящерицы действительно способны запоминать. С тех пор как я оказался в бухте, меня посто-

янно донимают сны. Я думал, что это последствия горячки, пока не выяснилось, что Пьемур с Шаррой видят очень похожие кошмары... И мы все видели гору! Причем именно эту ее сторону, а не ту, которая обращена к бухте.

— А все дело в том, — Менолли снова перехватила инициативу, — что по ночам Рут' всегда спит в окружении файров. Похоже, что он передает их сны Джексому! А наши файры — нам!

Ф'лар нехотя кивнул, признавая, что такая возможность существует.

— И прошлой ночью ваши сны были ярче, чем обычно?

— Да, мой господин!

Ф'лар затрясся от смеха, переводя взгляд с Менолли на Джексома.

— И поэтому утром вы решили проверить, есть ли в этих снах доля истины?

— Вот именно.

— Ну ладно, Джексом, — Ф'лар добродушно хлопнул юношу по спине, — я тебя не виню. На твоём месте я и сам, наверное, поступил бы так же. А теперь, как ты думаешь... ты и твои драгоценные файры... что нам делать дальше?

— Я не файр, но я бы стал копать, — заявил подошедший мастер-кузнец. Лицо его блестело от пота, руки были перепачканы землей. — Нужно снять травяной покров и слой почвы. Мы должны выяснить, почему они строили жилища в холмах — если это, конечно, жилища. Копать — больше нам ничего не остается! — он не спеша огляделся по сторонам, обозревая беспорядочные следы раскопок, предпринятых кое-кем из всадников. — Красота. Просто красотища! — насмешливо ухмыльнулся он. — С вашего позволения, я попрошу мастера Никата, чтобы он направил сюда своих умельцев. Нам нужны опытные землекопы. Ну а я обещал Робинтону, что сразу вернусь и доложу ему обо всем, что видел собственными глазами.

— Я бы тоже хотела вернуться, Ф'лар, — сказала Менолли. — Мастер Робинтон сгорает от нетерпения. Заир уже дважды появлялся здесь.

— Я отвезу их обоих, — вызвался Джексом. Внезапно им овладело необъяснимое желание вернуться, не менее сильное, чем утреннее стремление попасть сюда.

Но Ф'лар не позволил Рут'у взять пассажиров, помня об их утренней экскурсии и участии в сражении с Нитями. Он отправил мастера Фандарела и Менолли в Прибрежный на Ф'лессановом Голант'е, велел юному бронзовому всаднику отвезти потом мас-

тера-кузнеца, куда тот пожелает. Если предводитель Бендена и удивился, услышав, что Джексом хочет улететь, то вида не подал.

Не успели еще Фандарел с Менолли усесться на Голант'а, как Рут'а и след простыл. Они вернулись в бухту, которая была удивительно, восхитительно пустынной. После сухой и прохладной атмосферы плато, теплый влажный воздух Прибрежного окутал Джексома плотным, чуть душным покрывалом, навевая покой и истому. Воспользовавшись тем, что их появления никто не заметил, юноша велел Рут'у сесть на поляне, где было не так жарко. Дракон разлегся в тени, и Джексом свернулся клубочком меж его передних лап.

Едва закрыв глаза, он провалился в сон.

Разбудило его чье-то прикосновение. Летная куртка сползла с плеч, и он слегка озяб.

— Я же говорила тебе, Миррим, что мы его разбудим, — услышал Джексом недовольный голос Шарры.

— Подумаешь! Эй, Джексом, я принесла тебе кружку кла! Мастер Робинтон хочет с тобой поговорить. Ты проспал целый день. Мы никак не могли понять, куда ты подевался.

Джексом что-то промычал себе под нос, искренне желая Миррим провалиться сквозь землю. Ей-то что до того, что он решил вздремнуть?

— Вставай, Джексом! Я же вижу, что ты не спишь!

— А вот и нет. Я еще наполовину сплю, — не открывая глаз, Джексом широко зевнул. — Ступай, Миррим. Скажи мастеру Робинтону, что я сейчас буду.

— Ты нужен ему срочно!

— Он увидит меня куда раньше, если ты вернешься и передашь ему, что я уже иду. Я сказал тебе — ступай!

Наградив юношу долгим красноречивым взглядом, Миррим, едва не сбив с ног Шарру, метнулась прочь и, протопав по ступенькам, исчезла в кухне.

— Шарра, ты настоящий друг, — простонал Джексом. — До чего эта Миррим меня раздражает — просто ничего не могу с собой поделать... Менолли говорила, что как только Пат'а взлетит, ее будет не узнать. Что-то я пока не замечаю никаких перемен.

Девушка пристально смотрела на Рут'а, который спал так крепко, что даже веки не трепетали.

— Знаю, о чем ты хочешь спросить... — усмехнувшись, проговорил Джексом, кивнув в сторону дракона. — Нет, больше ни единого сна.

— И у файров — тоже, — улыбаясь, сказала девушка, покачивая головой. — Ты правильно сделал, что пришел сюда отдох-

нуть. В холде ничего особенного не происходит. Наши фэйры шныряют туда-сюда, на плато и обратно. Они близки к истерике. Никто не может разобрать, что они хотят сообщить и что им говорят южные. Но, похоже, все фэйры материка уже знают, что мы здесь.

— И мастер Робинтон считает, что Рут' может во всем этом разобратся?

— Почему бы и нет? — она задумчиво взглянула на спящего белого дракона. — Бедный малыш, совсем изнемог от сегодняшних хлопот! — Ее мелодичный голос звучал так нежно, что Джексому захотелось, чтобы эти ласковые слова относились к нему. Поймав его взгляд, Шарра едва заметно покраснела.

— Я так рада, что мы всех опередили!

— И я!

— Джексом!

Услышав крик Миррим, юноша попятился.

— Чтоб ей ни Скорлупы, ни Осколков!

Схватив Шарру за руку, он повлек ее к холду и не отпустил даже после того, как они вошли в главный зал.

— Похоже, я действительно проспал не пару часов, а целый день, — тихонько сказал Джексом, увидев массу карт, схем и набросков. Они были припилены к стенам, разбросаны по столу.

Мастер-арфист стоял спиной к ним, склонившись над длинным обеденным столом. Находившийся тут же Пьемур сосредоточенно чертил. Взгляд Менолли был прикован к тому, что интересовало Робинтона. Поодаль с надутым видом торчала Миррим. Сверху, с поперечных балок, таращились фэйры. То и дело кто-то из них стрелой вылетал в раскрытое окно, и тут же его место занимал другой, прилетевший на смену. С моря дул прохладный ветерок, приносивший запахи жареной рыбы.

— Чувствую, нам достанется от Бреки! — сказал Шарре Джексом.

— Достанется? За что? Мы всего лишь стараемся занять его посильной работой!

— Не бубни, Шарра! А ты, Джексом, подойди ко мне и добавь свои наблюдения к тому, что мне уже рассказали остальные, — Робинтон повернулся к вошедшим и строго поглядел на них.

— Но, мой господин, Пьемур с Менолли и Шаррой успели заметить куда больше меня...

— Согласен... Однако у них нет Рут'а, который к тому же общается с фэйрами. Может, он сумеет разобраться в этих путаных, противоречивых картинах, которые они передают?

— Я рад бы помочь, мастер Робинтон, — сказал Джексом, — но, по-моему, ты слишком многого хочешь от Рут'а и файров.

Мастер-арфист выпрямился, как пружина.

— Что ты имеешь в виду?

— Допустим, файры действительно способны помнить о сильных совместных переживаниях, вроде... — Джексом махнул рукой в направлении Алой Звезды. — Допустим, они сохранили какие-то воспоминания об этой горе. Но все это — яркие, мимолетные образы, а не... не повседневная канитель.

— Но ведь ты отыскал Д'рама здесь, в бухте, — напомнил Робинтон.

— Мне просто повезло. Спроси я сначала про людей, мы так никогда и не добились бы ответа, — с усмешкой ответил Джексом.

— Зато в твоём первом приключении наверняка были кое-какие интересные подробности.

— Не понимаю, учитель... — Джексом обалдело уставился на арфиста.

Вопрос был задан обманчиво мягким голосом, с едва заметным ударением на слове «первом», однако смысл его не оставлял никаких сомнений: Робинтону было известно, что яйцо вернул Джексом. Юноша укоризненно взглянул на Менолли, но на ее лице тоже застыло озадаченное выражение, как будто намек мастера и для нее был полной неожиданностью.

— Кстати, ведь я тогда получил от Заира очень похожие сведения, — как ни в чем не бывало, заметил мастер Робинтон, — только не додумался истолковать их так удачно, как ты. Так что прими мои поздравления... правда, изрядно запоздавшие... — он слегка склонил голову и продолжал, словно речь шла о самом заурядном деле: — с тем, как ловко ты все устроил. И если бы вы с Рут'ом сумели приложить свои таланты к сегодняшним проблемам, то помогли бы нам избежать долгих напрасных усилий. Видишь ли, Джексом, время, как и раньше, работает против нас. Находка на этом Плато, — Робинтон постучал пальцами по лежащим перед ним наброскам, — недолго останется тайной. Она принадлежит всему Перну...

— Но ведь оно лежит на востоке, мастер Робинтон, — с изрядной долей вызова перебила его Миррим, — а это — будущие владения всадников!

— Ну, разумеется, детка, — успокоил ее арфист. — И если бы Рут'у удалось, пустив в ход свои чары, уговорить файров, чтобы они сосредоточились на своих воспоминаниях...

— Ну, конечно, мастер Робинтон. Я постараюсь, — сказал

Джексом в ответ на выжидательный взгляд мастера-арфиста. — Но ты же сам знаешь, что с ними, — он указал на небо, — бывает непросто... И когда речь заходит об извержении, понять почти ничего невозможно.

— Как выразилась Шарра, сонные глаза разбегаются, — сказала Менолли, улыбаясь подруге.

— У меня точно такое же впечатление! — воскликнул арфист, хлопнув ладонью по столу. — И если бы Джексому с помощью Рут'а удалось заставить их сосредоточиться, то через своих файров мы, возможно, получили бы от них четкие и осмысленные образы вместо обычной неразберихи.

— Но зачем? — с недоумением поинтересовался Джексом. — Ведь мы и так знаем — гора взорвалась, наши предки бросили свои холды и ушли на север.

— Но разве это все, что мы хотим знать? Возможно, нам и удастся найти кое-какое оборудование, которое они оставили... вроде того увеличительного прибора, что сохранился в заброшенной комнате Бенден-Вейра. Только подумай — насколько этот прибор расширил наши знания об окружающем мире и небесной сфере! А вдруг нам повезет и мы найдем те чудесные машины, о которых говорится в Записях! — Робинтон разложил на столе зарисовки. — Смотри, сколько курганов — больших и маленьких, длинных и коротких! В одних могли размещаться спальни, в других — кладовые, жилые комнаты, а в некоторых, возможно, и мастерские...

— Откуда мы знаем, что у тогдашних людей все было, как у нас? — хмуро спросила Миррим. — Кладовые, мастерские и все остальное?

— Оттуда, дитя мое, что ни природа человека, ни его потребности ничуть не изменились со времени самых древних Записей.

— Но это вовсе не значит, что, покидая Плато, они что-то оставили в этих курганах, — не скрывая сомнений, заявила Миррим.

— Во всех снах повторялись одинаковые подробности, — терпеливо (даже слишком терпеливо, по мнению Джексона) пояснил Робинтон. — Огнедышащий вулкан, раскаленные камни, потоки лавы. Бегущие люди... — он замолчал, выжидательно глядя на собеседников.

— Да, люди были охвачены паникой! — подхватила Шарра. — Они не успели ничего взять с собой. Или захватили лишь самое необходимое!

— Но они могли вернуться после того, как извержение закончилось, — сказала Менолли. — Помните, в тот раз в Западном Тиллеке...

— Это я и имел в виду, — одобрительно кивая, согласился арфист.

— Но как же, мастер, — растерянно продолжала Менолли, — ведь из того вулкана пепел летел еще не одну неделю. Он засыпал всю долину, — она провела рукой в воздухе горизонтальную черту. — Из-за него было совершенно невозможно разглядеть, что там было раньше.

— Преобладающее направление ветра на Плато — юго-восточное, — заметил Пьемур, — причем ветры там довольно сильные, — он взмахнул рукой, как бы сметая невидимую пыль. — Разве вы сами не обратили внимания, как там ветрено?

— Именно поэтому там кое-что и осталось на поверхности, — сказал арфист. — То, что вы заметили с воздуха. — Я знаю, Джексом, шанс ничтожный, но мне почему-то кажется, что извержение застигло людей врасплох. А вот почему — не могу понять! Ведь люди, которые сумели неподвижно подвесить в небе Рассветные Сестры, должны были легко распознать действующий вулкан. И все же я полагаю, что извержение началось совершенно неожиданно. Оно застало людей за их повседневными делами — дома, в мастерских. И если тебе, Джексом, удастся правильно ориентировать мечущиеся мысли файров, то, быть может, мы сумеем определить, какие курганы самые важные. Сам я, увы, пока не могу добраться до Плато и заняться раскопками, но ничто не мешает мне шевелить мозгами и прикидывать, что бы я сделал в первую очередь, будь я там, с вами.

— Мы будем твоими ногами и руками, — воскликнул Джексом.

— А они — глазами, — добавила Менолли, указывая на файров, подсматривающих с потолочной балки.

— Я так и думал, что вы меня поддержите, — сказал Робинтон, обводя своих юных друзей ласковым взглядом.

— Когда начнем? — спросил Джексом.

— Завтра, по-твоему, не слишком рано? — жалобно осведомился арфист.

— По мне — так в самый раз. Пьемур, Менолли, Шарра, мне понадобится вы сами и ваши ящерицы!

— Я тоже могу прилететь, — вызвалась Миррим.

Заметив замкнутое выражение, появившееся на лице Шарры, Джексом понял, что для нее присутствие Миррим столь же нежелательно, как и для него самого.

— По-моему, Миррим, это лишнее. Твоя Пат'а только распушает здешних файров...

— Но это просто смешно! У меня три файра, притом самые вышколенные на всем Перне...

— Я вынужден согласиться с Джексом, — виновато улыбнувшись бенденской всаднице, промолвил Робинтон. — И хоть я признаю, что твои фэйры, Миррим, несомненно, самые вышколенные на всем Перне, все же мы не можем ждать, пока здешние ящерицы привыкнут к Пат'е.

— Им вовсе не обязательно видеть Пат'у...

— Миррим, все уже решено, — отрезал Робинтон; теперь на его лице не было и следа улыбки.

— Что ж, мне все понятно! Раз я здесь никому не нужна... — Миррим выскочила из зала.

Джексом заметил, что арфист пристально смотрит ей вслед. Юноше стало неудобно за выходку, которую она себе позволила. Он видел, что Менолли тоже расстроена.

— Уж не собирается ли ее Пат'а загулять? — спокойно осведомился Робинтон.

— Ну, не сегодня же, — отозвалась Менолли.

Заир, примостившийся у арфиста на плече, тревожно чирикнул, и на лице Робинтона появилось выражение досады.

— Брекка вернулась. Мне уже давно пора отдохнуть!

Он почти бегом ринулся вон из зала, резко обернулся на пороге, чтобы приложить палец к губам, и шмыгнул в свою комнату. Пьемур с непроницаемым лицом сделал шаг в сторону и занял освободившееся место. В комнату впорхнули фэйры. Джексом узнал Берда и Гралл.

— Мастеру Робинтону непременно нужно отдохнуть, — сказала Менолли, машинально перебирая разложенные на столе наброски.

— Но он ничуть не утомился, — заметил Пьемур. — Такая работа для него необходима как воздух. Пока тебя здесь не было, он просто изнывал от тоски и безделья... а тут еще Брекка со своей нудной опекой!.. Ведь это все-таки не раскопки на Плато...

— Ведь я говорил, Брекка, — донесся с крыльца голос Ф'нора, — что ты волнуешься совершенно зря.

— Скажи, Менолли, давно ли мастер Робинтон отправился отдыхать? — спросила Брекка, подходя прямо к столу.

— Пожалуй, с тех пор убыло полбурдюка, — ухмыльнулся Пьемур и показал на мех, перекинутый через спинку стула. — И он совсем не возражал.

Брекка устремила на юного арфиста долгий пронизательный взгляд.

— Я тебе ни капельки не верю, арфист Пьемур! — вынесла она приговор и обратилась к Джексому: — Ты тоже все это время был здесь?

— Я? Совсе нет. Мы с Рут'ом спали, пока нас не разбудила Миррим.

— А где же она? — оглядываясь по сторонам, спросил Ф'нор.

— Наверное, где-то на берегу, — так равнодушно ответила Менолли, что Брекка с недоумением взглянула на нее.

— Неужели Миррим опять... — губы Брекки недовольно сжались в тонкую линию. — Вот проклятушая девчонка! — она повернулась к Берду, и тот стрелой выпорхнул из зала.

А Ф'нор уже склонился над картами, недоверчиво покачивая головой при виде проделанной работы.

— Я смотрю, каждый из вас потрудился за пятерых, — усмехнулся он.

— Я-то, во всяком случае, точно, — сказал Пьемур, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Пора искупаться, смыть пот с чела и чернила с пальцев. Кто со мной?

Джексом откликнулся с такой же готовностью, как и обе девушки, и, не дослушав шутливую жалобу Ф'нора на то, что все его покидают, устремился к берегу. Убедившись, что Шарра с Пьемуром скрылись за поворотом, юноша схватил Менолли за руку.

— Ну-ка, отвечай, откуда мастер Робинтон узнал?

Смех замер на губах Менолли, глаза ее потемнели.

— Честно, Джексом, я ему ничего не говорила... Да и зачем? Он сам все узнал — или вычислил. Ведь все в этой истории указывало на тебя.

— Это еще почему?

Менолли принялась объяснять, поочередно загибая пальцы:

— Начнем с того, что яйцо вернул дракон, — другого варианта нет. Дальше, дракон, до мелочей знакомый с устройством бенденской площадки Рождений. Его всадник должен был гореть желанием вернуть яйцо и к тому же суметь его найти! — Джексом был вынужден признать, что последнее условие, пожалуй, самое важное. — И теперь многие поймут, что это сделал ты.

— Почему именно теперь?

— Да потому, что никто из Южного Вейра не возвращал, — Менолли улыбнулась Джексому и ласково потрепала его по щеке. — Знаешь, Джексом, я так гордилась потому, что ты не стал трезвонить о своем подвиге. Ведь тогда было необычайно важно, чтобы в Бендене поверили, что кто-то из Древних одумался и вернул яйцо Рамот'ы...

Их доверительную беседу нарушил вопль Пьемура:

— Эй, Джексом, Менолли, куда вы там подевались?

— Ну, кто быстрее! — крикнула Менолли и помчалась к берегу.

Но поплавать вволю они так и не успели. Вдали появился корабль мастера Идаролана, на фок-мачте развернулся голубой вымпел — свидетельство богатого улова. Брекка позвала молодежь чистить рыбу для ужина. Она не могла точно сказать, сколько народу вернется с Плато в Прибрежный, но в ответ на негодующие протесты возразила, что рыба все равно понадобится завтра в качестве начинки для пирожков. Миррим она отправила с запасом провизии для Вансора и Н'тона, которые собирались посвятить весь вечер наблюдению за тремя звездами, или, как фамильярно назвал их Пьемур, Закатной, Рассветной и Полуденной Сестрами.

— Хотите пари? — предложил Пьемур, ехидно улыбаясь. — Спорим, что Миррим приложит все усилия, чтобы остаться здесь на ночь. Ей ведь охота проверить, правда ли ее Пат'а распугала южных фэйров!

— Зато ее собственные фэйры действительно ведут себя образцово, — вставила Менолли.

— То-то они набрасываются на всех так же сварливо, как она сама! — расхохотался Пьемур.

— Вы к ней несправедливы, — сказала Менолли. — В конце концов, она моя хорошая подруга...

— Значит, ты как лучшая подруга должна ей объяснить: не стоит пытаться командовать всем Перном!

Менолли уже собиралась обидеться, но тут из воздуха стали один за другим появляться драконы, и их трубные кличи положили конец спору.

В тот вечер веселились не только драконы — всеми овладело чувство радостного предвкушения.

Джексом был доволен, что вздремнул днем, — иначе он ни за что не досидел бы до конца, а вечер стоил того. В Прибрежном собрались предводители всех Вейров, включая Д'рама, прибывшие, чтобы сообщить Ф'лару какие-то секретные новости о делах в Южном, и Н'тона, который, правда, задержался ненадолго, поскольку ему предстояло заняться наблюдениями вместе с Вансором. Были здесь и мастер-горняк Никат, и Фандарел с Идароланом, и мастер Робинтон, и Лайтол, управляющий Руата.

Джексом был немало удивлен тем, что предводители древних Вейров — Г'нариш из Айгена, Р'март Телгарский и Д'рам — гораздо меньше интересуются находками на Южном, чем Н'тон, Т'бор, Г'денед и Ф'лар. Древние куда охотнее занялись бы разведкой новых земель, чем раскопками своего прошлого.

— Что прошло, то прошло, — выразил общее мнение Р'март. — Прошло, сгинуло и былью поросло. Нужно жить настоящим. Не

забывай, Ф'лар, ты сам научил нас этому, — он широко улыбнулся, чтобы слова его не прозвучали упреком. — Разве не ты уверял нас, что бесполезно ломать головы, раздумывая о том, как поступили наши предки... что лучше самим строить жизнь сообразно изменившемуся времени?

Ф'лар усмехнулся, словно его позабавили собственные слова в устах Древнего.

— Я надеюсь, что удастся найти уцелевшие Архивы, которые позволят заполнить пробелы в наших знаниях. А если повезет, то и что-нибудь полезное, вроде увеличительного прибора, который мы разыскали в Бендене.

— Велика важность! — расхохотался Р'март.

— Действующие приборы могут оказать нам неоценимую пользу! — веско заявил Фандарел.

— Попробуем что-нибудь для тебя отыскать, мастер Робинтон, — задумчиво проговорил Никат. — Похоже, только одна часть поселения серьезно пострадала. — Все взоры обратились к мастеру-горняку. — Вот, взгляните, — он набросал схематический план района поисков. — Потоки лавы изливались в южном направлении. Здесь, здесь и здесь в поверхности горы образовались провалы, и лава растеклась по склону, минуя большую часть поселения. А ветер отнес тучи пепла в сторону. Сегодня я немножко покопался там и обнаружил, что слой вулканических отложений совсем тонкий.

— Неужели это единственное поселение? — недоверчиво спросил Р'март. — Ведь в их распоряжении была вся планета!

— Завтра мы отыщем и другие — правда, Джексом? — заверил всадника Робинтон.

— Если серьезно, Р'март, — подавшись вперед, произнес Ф'лар, — возможно, ты и прав. Откуда мы знаем, что после извержения наши предки навсегда покинули Плато?

— И мы ничего не узнаем, пока не проникнем в один из этих курганов и не увидим, что осталось после них... если, конечно, что-нибудь уцелело, — заявил Н'тон.

— Только не забывай об осторожности, предводитель, — обратился к Н'тону мастер Никат, но слова его явно относились и ко всем остальным. — А еще лучше, если я пришлю сюда мастера, а с ним — нескольких умелых помощников, чтобы они руководили раскопками.

— Правильно, мастер Никат, — одобрительно произнес Р'март, — пусть раскроют нам премудрости вашего ремесла. Надо же и нам в нем разбираться, верно я говорю?

— Что? Всадники станут горняками? — на лице мастера Ника-

та мелькнуло изумление, уступившее место такому искреннему возмущению, что Джексом с трудом удержался от смеха.

— А что тут такого? — осведомился Ф'лар. — Нити перестанут нам угрожать, наступит следующий Интервал... И вот что я вам обещаю: теперь, когда перед нами открыты просторы Южного, всадники больше никогда и ни от кого не будут зависеть во время Интервалов!

— Что ж, предводитель, идея здравая, даже весьма здравая, — на всякий случай согласился мастер Никат, хотя всем было ясно, что ему понадобится не один день, чтобы переварить столь непривычную мысль.

С берега послышался рев драконов — они кого-то приветствовали. Н'тон резко поднялся с места.

— Мне пора присоединиться к Вансору. Наверное, вернулись Пат'а с Миррим. Ну, до утра!

— Я тебе посвечу, Н'тон, — вызвался Джексом и, схватив пару ламп, зажег фитильки.

Они уже отошли на порядочное расстояние, когда Н'тон обернулся к юноше:

— Полагаю, Джексом, путешествия тебе больше по душе, чем полеты с королевским крылом?

Джексом рассмеялся.

— Да ведь я не нарочно! Правда, Н'тон! Мне так захотелось первому увидеть гору вблизи.

— Неужели на этот раз обошлось без всяких предчувствий?

— Каких предчувствий?

Н'тон, посмеиваясь, дружески обнял юношу за плечи.

— По-моему, ты слишком доверяешь снам, которые видят фэйры.

— Об извержении?

Предводитель Форта слегка встряхнул Джексома.

— Ну, ты молодец!

Они увидели темный силуэт дракона и два сверкающих глаза — Лиот', повернув голову, смотрел на приближавшихся всадников.

— Ночью белый дракон гораздо заметнее, — произнес Н'тон, указывая на светлое пятно, маячившее рядом с темной громадой бронзового.

«Как хорошо, что ты пришел. У меня чешется спина, а самому никак не достать».

— Рут'у нужна моя помощь.

— Тогда оставь мне светильники — я передам их Миррим, чтобы она смогла отыскать дорогу назад.

Они разошлись в разные стороны. Джексом отправился к Рут'у. Юноша слышал, как Н'тон поздоровался с Миррим; их голоса отчетливо доносились до него в ночной тишине.

— Разумеется, с Вансором все в порядке, — капризно говорила Миррим. — Он так приклеился к своей трубе, что его просто не оторвать. Он даже не заметил, как я пришла, не стал есть то, что я ему принесла, и не обратил внимания, что я ухожу. И еще я тебе хочу сказать, — набрав побольше воздуха, заявила она, — что Пат'а вовсе не пугает здешних файров!

— А почему, собственно, она должна была их распугать?

— Но ведь именно из-за этого мне запретили показываться на Плато, когда Джексом вместе с другими будет с ними возиться!

— Возиться? А, ты имеешь в виду, что Рут' попробует собрать воедино множество образов, которые передают файры? На твоём месте, Миррим, я не стал бы из-за этого переживать. Что, у тебя мало своих дел?

— По крайней мере мой дракон — не какой-нибудь бесполой недоросток, который только и может, что увиваться вокруг файров!

— Миррим! — ледяным тоном произнес бронзовый всадник, и даже Джексома обдало ледяным ветром. В ушах его снова и снова отдавались оскорбительные слова Миррим.

— Ты же сам знаешь, Н'тон, что я права...

«В этом вся Миррим, — подумал Джексом, — так занята собой, что даже не слышит угрозы в голосе предводителя».

— Уж кому об этом знать, как не тебе, — недовольным тоном продолжала она. — Разве не ты сам сказал Ф'нору и Брекке, что Рут' вряд ли когда-нибудь созреет для спаривания? Куда же ты, Н'тон? Я думала...

— Что-то я не заметил, чтобы ты думала!

— В чем дело, Н'тон?

Внезапная паника в голосе Миррим послужила Джексом слабым утешением.

«Почему ты остановился? — спросил его Рут'. — У меня все еще чешется».

— Джексом! — негромко позвал Н'тон, словно надеялся, что юноша не услышит его, но Джексом тотчас же откликнулся.

— Джексом! — вскрикнула Миррим. — Нет, не может быть...

Послышался топот, сдавленный всхлип — и она скрылась в темноте.

Ну что за девчонка — сначала ляпнет, а потом целыми днями будет распускать нюни! Теперь она начнет каяться, бегать за ним

следом, пока не загонит его в Промежуток своими бесконечными сожалениями и извинениями.

— Джексом! — В голосе Н'тона прозвучало беспокойство.

— Я здесь, Н'тон, — Джексом продолжал старательно скрести хребет своего дракона, не переставая удивляться, почему насмешки Миррим не возымели на него особого действия. Беспольный недоросток! Глядя на идущего к ним Н'тона, юноша ощущал в душе странное чувство облегчения; обида отпустила его. В памяти мелькнула виденная в Форте картина: всадники, с нетерпением ожидающие, когда взлетит зеленая. Тогда он был рад, что Рут'у до нее нет дела. Конечно, можно пожалеть о том, что Рут' никогда не испытает таких переживаний, но зато какое облегчение знать, что и самому не придется участвовать в подобном сборище!

— Ты, наверное, все слышал? — В голосе Н'тона звучала слабая надежда.

— Да, слышал. У воды звук разносится далеко.

— Чтoб ей ни Скорлупы, ни Осколков, этой девчонке! Мы все собирались с тобой поговорить... Потом ты заболел, а теперь вот это... Так и не представилось случая... — сбивчиво оправдывался Н'тон.

— Ничего страшного. Как и у Миррим, у меня найдутся другие дела.

Н'тон громко застонал.

— Послушай, Джексом! — он крепко сжал плечо юноши, стараясь выразить свое бесконечное сожаление.

— Ты ни в чем не виноват, Н'тон.

— Рут' понимает, о чем идет речь?

— Рут' понимает, что у него чешется спина, — сказав это, Джексом с удивлением ощутил, что Рут' ни капельки не расстроен.

«Вот-вот, как раз здесь! Теперь три покрепче!»

Джексом нащупал на мягкой гладкой шкуре небольшое шелушащееся пятно.

— Знаешь, Н'тон, — продолжал он, — пожалуй, последний раз в Форт-Вейре я начал догадываться: что-то не так... К'небел явно ожидал, что Рут' полетит вдогонку за зеленой. Я подумал тогда, что Рут', наверное, повзрослеет позже других драконов; ведь он родился таким маленьким...

— Он не повзрослеет, Джексом.

Юношу тронуло искреннее сочувствие, прозвучавшее в голосе бронзового всадника.

— Ну, так что же? Он мой дракон, а я его всадник! Мы — единое целое.

— Он — единственный в своем роде! — горячо повторил Н'тон, ласково и в то же время уважительно поглаживая Рут'а по щеке. — Как и ты, мой юный друг! — он снова сжал плечо Джексона, вложив в этот жест все, что осталось невысказанным. Из темноты донеслось дружелюбное ворчание Лиот'а, и Рут', повернув голову туда, где лежал бронзовый, учтиво курлыкнул в ответ.

«Лиот' — отличный дракон. А его всадник — такой добрый! Они оба — наши настоящие друзья!»

— Знай, мы ваши друзья, что бы ни случилось, — сказал Н'тон, в последний раз почти до боли стиснув плечо Джексона. — Мне пора к Вансору. Ты правда в полном порядке?

— Лети, Н'тон. Мне нужно еще почесать Рут'а.

Предводитель Форты помедлил еще мгновение, потом повернулся и стремительно шагнул к бронзовому.

— Пожалуй, Рут', нужно смазать это местечко маслом, — сказал Джексон. — Что-то я в последнее время совсем тебя забросил.

Рут' повернул голову, в темноте голубое сверкание его глаз казалось еще ярче.

«Ты никогда меня не забрасывал».

— Если бы не забрасывал, ты не начал бы шелушиться.

«Просто ты был очень занят».

— Потерпи еще чуть-чуть. Я сбегаю на кухню — там есть свежее масло.

Глаза Джексона уже привыкли к черноте тропической ночи, и он беспрепятственно пробрался на кухню, отыскал банку с маслом и бегом припустил обратно. Он чувствовал, что устал — и душой, и телом. Все-таки что за несносный человек эта Миррим! С другой стороны, если бы он позволил ей и Пат'е присоединиться к ним... Ну да ладно, раньше или позже он все равно узнал бы вынесенный Рут'у приговор. Но почему сам Рут' ничуть не огорчен? Возможно, если бы он, Джексон, настойчиво желал, чтобы его дракон и в этом отношении не уступал большим драконам, Рут' в конце концов все-таки созрел бы? Джексон снова печально подумал, что им так и не дали стать настоящим драконом и настоящим всадником: воспитывали в холде, а не в Вейре, где спаривающиеся драконы — обычное дело, факт, который все понимают и принимают. Однако он не мог сказать, что Рут'у были вовсе чужды любовные переживания; белый всегда разделял с Джексомом его ощущения во время секса.

«Я люблю тебя и люблю вместе с тобой. Вот только спина ужасно чешется».

«Тут уж ничего не убавишь и не прибавишь», — подумал Джексом, спеша через лес к своему дракону.

Рядом с Рут'ом кто-то был. Если только это снова Миррим... Джексом сердито ускорил шаги.

«Со мной Шарра», — спокойно произнес Рут'.

— Шарра? — справившись с неожиданно накатившим на него гневом, Джексом разглядел очертания ее фигурки. — Я принес масло. У Рут'а спина шелушится — я его совсем забросил.

— Ты никогда не забрасывал Рут'а, — с такой горячностью возразила девушка, что Джексом даже рассмеялся от неожиданности.

— Миррим случайно не... — начал он, протянув банку, чтобы она смогла окунуть в нее руку.

— Как же, пришла в слезах и, можешь мне поверить, ни у кого из нас не нашла ни капли сочувствия, — разгневанная Шарра принялась так сильно тереть Рут'у спину, что тот робко пожаловался. — Извини, Рут'. Так вот, Миррим отправили обратно в Бенден!

Джексом взглянул на берег, туда, где он недавно видел зеленого дракона, — Пат'а действительно исчезла.

— А тебя отправили ко мне? — насмешливо спросил Джексом, хотя в душе не имел ничего против присутствия Шарры. Даже наоборот, он был рад, что она пришла.

— Вовсе не отправили... — Шарра замялась. — Меня... позвали! — выпалила она.

— Позвали? — Джексом оторвался от своего занятия и взглянул на девушку. Ее лицо бледным пятном выделялось в темноте.

— Вот именно, позвали. Меня позвал Рут'. Он сказал, что Миррим...

— Он *сказал*? — перебил ее Джексом, до которого наконец дошел смысл ее слов. — Так ты слышишь Рут'а?

«Ей приходилось слушать меня, когда ты болел», — пояснил Рут', и в тот же миг Шарра произнесла вслух:

— Я слышу его с тех пор, как ты заболел.

— Признавайся, Рут', зачем ты позвал Шарру?

«Она тебе подходит. И она тебе нужна. Из-за того, что сказала Миррим, ты закрылся... Я почти не слышу тебя, и это мне не нравится. Шарра поможет... поможет и тебе, и мне».

— Ты сможешь нам, Шарра?

На этот раз Джексом не колебался. Он взял скользкие от масла руки девушки в свои ладони и привлек ее к себе. Как все-таки здорово, что они почти одного роста, что ее губы так близко! Ему оставалось лишь слегка наклонить голову.

— Я все для тебя сделаю, Джексом, — для тебя и для Рут'а! — Ее губы шевелились, подрагивали рядом с его губами, пока он не заглушил ее слова поцелуем.

По телу начало разливаться тепло, растапливая ледяную корку, которая так угнетала и его самого, и дракона, — тепло, которое рождало в нем прикосновение гибкого тела Шарры, аромат ее длинных густых волос, ощущение ее ладоней на спине. Эти сильные тонкие руки, ласкающие его плечи, больше не были руками целительницы — то были руки пылкой возлюбленной...

Они любили друг друга в теплой, мягкой тьме, и когда настал момент высочайшего блаженства, оба почувствовали, что Рут' любит вместе с ними.

Глава 20

Вулкан в бухте Джексона.

Холод Рут.

Пятнадцатый Оборот.

Восемнадцатый-двадцатый дни десятого месяца

Почему-то Джексому не понравился вид восточного склона горы, и он пересел к нему спиной, потянув за собой Шарру. Остальные путники устроились полукругом около Рут'а. На его спине расположились сейчас семнадцать ящерок — в последний момент Сибелл и Брекка попросили взять на Плато их фэйров. Что ж, решил Робинтон, чем больше прошедших выучку огненных ящериц будет сопровождать поисковую группу, тем лучше, — и отправил с ней своего Заира.

Известие о том, что на Плато Южного материка найдены древние поселения, пронеслась по Перну с поразившей арфиста быстротой. Всем хотелось увидеть это место, и Ф'лар настоятельно посоветовал разведчикам поторопиться. Если Джексом с Рут'ом собирались использовать какие-либо сведения, полученные от фэйров, это надо было делать немедленно.

Как только Рут' растянулся на траве, над ним стали возникать стайки фэйров во главе со своими королевами. По совету Джексона Рут' приветствовал их с максимальной любезностью.

«Они рады видеть меня, — сообщил он юноше, — и счастливы, что люди опять пришли сюда».

— Спроси, когда они впервые увидели людей.

Джексом уловил мгновенный образ, переданный Рут'ом: группа драконов несется в небе над горным хребтом.

— Нет, не это... Я имел в виду тех, древних людей.

«Я-то понимаю, — с сожалением ответил Рут'. — Я спрошу еще раз. Про людей, которые жили здесь давно... до того, как взорвалась гора».

Дракон сосредоточился. Внезапно фэйры сорвались с его спины и заметались в воздухе в дикой пляске, возбужденно щебеча. Джексом обернулся и увидел, как Брекка предостерегающим движением подняла руку; лицо ее внезапно приняло отрешенное выражение. Что же она видит? Он расслабился, прислонившись к теплому боку Рут'а. Неподалеку сидела Менолли, и он видел ее остановившиеся зрачки — словно взгляд девушки пронизывал тьму веков. На ее плече в скованной позе застыла Красотка, глаза которой неистово вращались. Вверху продолжали свой бесконечный хоровод местные ящерки.

«Они видят гору в огне, — сказал Рут'. — Они видят бегущих людей... огонь преследует их по пятам... Они боятся... как боялись тогда, давным-давно».

— Ты видишь, что было на месте тех курганов, до того, как они появились здесь? — вслух спросил Джексом.

«Я вижу только бегущих людей. Они мчатся в разные стороны... Нет, не так! Они бегут вперед... прямо на нас!» — Рут' вздернул голову и дрогнул — словно испугался, что толпа растопчет его.

— Бегут на нас — а потом куда?

«К воде? — неуверенно предположил Рут' и обернулся к далекому, не видимому отсюда морю. Он посмотрел вверх на пляску огненных ящериц. — Они боятся... Им плохо... Им не нравится вспоминать о страшном».

— Так же, как и об Алой Звезде, — опрометчиво сказал Джексом.

Все ящерницы, включая их собственных, исчезли с негодующим писком.

— Ты напугал их, Джексом, — воскликнул Пьемур. — Нельзя упоминать при фэйрах эту проклятую Алую Звезду! Огненные горы они еще могут вынести — но не алые звезды!

— Кажется, мы узнали достаточно, — глубоким спокойным голосом произнес Сибелл. Он указал в сторону огромного конуса вулкана. — Здесь было извержение...

— Надо учитывать, что их восприятие отличается от нашего, — перебила молодого арфиста Менолли. — Я думаю... Скорее всего извергалась не большая гора, а та, что поменьше, — она повернулась и вытянула руку в сторону самой низкой из трех вершин.

— Нет, взорвался большой вулкан, — Пьемур упрямо покачал головой. — Я же видел! Он нависал прямо над бегущими!

— Ошибаешься, Пьемур, — тихо и уверенно сказала Брекка. — Это была самая маленькая гора. В моих видениях она расположена слева... и не так высока, как главный пик.

— Правильно! — возбужденно подтвердила Менолли. — Тут важно учесть угол зрения. Для крошечных ящерок и эта гора казалась гигантской, — девушка поднялась, ее лицо горело от возбуждения. — Смотрите, люди бежали оттуда, от маленького вулкана... Значит, их поселение было на месте вон тех холмов!

— Да, — согласилась Брекка, — мне тоже так показалось. Быть может, курганы скрывают их дома? Надо проверить...

* * *

— Так откуда же мы начнем? — спросил Ф'лар на следующее утро, окидывая взглядом гряды больших и малых холмов. Рядом с ним, обозревая молчаливые курганы, стояла Лесса; сзади — Фандарел, Никат, мастер-горняк, и Ф'нор с Н'тоном. Молодежь скромно держалась поодаль. — Где копать? Начнем с самого большого?

— Мы можем рыться здесь до конца Прохождения, — уныло протянула Лесса, похлопывая по бедру кожаными летными перчатками. Ее взгляд скользнул по многочисленным буграм, холмикам и холмам — их число казалось бесконечным.

— Обширная территория, — пробасил сзади кузнец, — очень обширная. Большое поселение... пожалуй, побольше, чем Форт и Телгар вместе взятые. — Он поднял голову и поглядел вверх, на сияющее созвездие Рассветных Сестер. — Неужели они все пришли оттуда? — Вид у него был задумчивый и ошеломленный.

Внезапно в небе протрубил бронзовый.

— Кажется, весь Перн к полудню будет здесь, — недовольно сказала Лесса, пытаясь рассмотреть незваных гостей. — А! Это Тирот' Д'рама! И с ними Торик!

— Сомневаюсь, что нам удастся отделаться от них, — с улыбкой заметил Ф'лар. — Я бы, во всяком случае, счел такую попытку неразумной.

Лесса тоже усмехнулась в ответ.

— Да, ты прав... Торик умеет проявить настойчивость... Но мне он нравится.

— Нравиться он тоже умеет, — шепнула Шарра на ухо Джек-сому, и ее глаза загадочно сверкнули. Она медленно покачала го-

ловой. — Не доверяй ему. Мой брат — человек с большими амбициями.

— Он решил сначала осмотреться, — заметил Н'тон, наблюдая за ленивым кружением дракона в сияющем утреннем небе. По широкой плавной спирали Тирот' неторопливо приближался к земле.

— Что, Торик прилетел? — спросил мастер Никат. — Хорошо, если он останется с нами. В свое время он посылал за мной — когда обнаружил древние штольни в скалах Западного хребта.

— Значит, у него уже есть опыт раскопок? — не без язвительности заметил Ф'нор.

— У него есть много опытных людей, которые могут помочь нам, — с улыбкой уточнил Н'тон.

Когда Д'рам и Торик спешили, Тирот' улетел вниз, на заросшую травой равнину, где другие драконы отдыхали на прогретом солнцем выступе скалы. Торик и пожилой всадник направились к Ф'лару, и Джексом, памятуя слова Шарры, принялся разглядывать южанина. Крупный мужчина — почти такой же, как мастер Фандарел; его выжженные солнцем волосы контрастировали с темной кожей цвета старой меди. Лицо Торики казалось добродушным, но за широкой улыбкой явно скрывались самоуверенность и гордость. «Интересно, как воспримут такое поведение вожди Бендена?» — подумал Джексом.

— Ну, Ф'лар, ты действительно открыл этот континент, — произнес Торик, сжимая руку бенденца. Он почтительно поклонился Лессе, затем приветствовал всадников и мастеров, бросив мимолетный и небрежный взгляд на группу молодежи. Когда глаза владетеля Южного на миг задержались на лице Джексома, юноша понял, что тот узнал его. Он внутренне сжался; пренебрежение Торики неприятно резануло сердце. Тонкие пальцы Шарры скользнули по его локтю.

— Иногда он нарочно раздражает людей, — в голосе девушки звучал смех. — И надо сказать, это ему отлично удастся!

— К сожалению, — продолжал Торик, — предки немного оставили после себя. Они увозили все, что могло пригодиться... Бережливые люди, как я погляжу!

— Да? Откуда ты знаешь? — с интересом спросил Ф'лар.

— Мы были в заброшенных шахтах, — пожав плечами, объяснил южанин. — Там одни голые стены! Они сняли рельсы, по которым катились тележки с рудой, выдрали крюки для подвески фонарей... Около шахтного ствола мы нашли укрытие... примерно такого же размера, — он кивнул на ближний курган. — То же самое... ободрано все! В полу находились отверстия для болтов —

наверно, ими крепилось какое-то оборудование. Но они и болты забрали с собой!

— Если это поселение эвакуировано с такой же тщательностью, то лишь в тех больших курганах мы можем что-нибудь найти, — Фандарел указал на ряд холмов рядом с застывшим лавовым потоком. — Там был сильный жар, и вряд ли люди рискнули вернуться в свои жилища.

— Но почему ты считаешь, что при такой температуре там могло хоть что-то сохраниться? — с легкой насмешкой спросил Торик. — Скорее всего дома сгорели или рухнули...

— Однако курганы-то стоят, — объяснил кузнец с таким видом, словно утешал ребенка.

Торик пристально посмотрел на него, затем хлопнул мастера по плечу, не заметив враждебного взгляда Фандарела — тот не привык к подобному обращению.

— Ты прав, кузнец! У тебя острый глаз, и я готов копать, где ты скажешь!

— Меня больше интересуют маленькие курганы, — покачала головой Лесса. — Их так много... Может быть, их использовали как маленькие холды. И, конечно, в спешке много чего оставили.

— Что ж, у нас достаточно и рук, и инструмента, — Торик сделал два длинных шага и остановился около сваленных в кучу кирок и лопат. — Каждый может копать, где пожелает. — Он взял лопату с длинной ручкой и бросил ее мастеру-кузнецу; великан поймал ее, не сводя с южанина задумчивого взгляда. Перекинув через плечо другую лопату и волоча по земле две кирки, Торик зашагал к холмам, выбранным Фандарелом.

— Если наш мастер прав, стоит ли распылять силы и копать тут? — спросил свою подругу Ф'лар, кивнув на небольшой курган.

— То, что мы нашли в тех забытых древних залах Бенден-Вейра, было просто брошено нашими предками за ненадобностью. А здесь... Я чувствую, что под ним есть что-то интересное... — пробормотала Лесса с горящими от любопытства глазами. — Я хочу *увидеть*, что там внутри, — она с такой решимостью направилась к холмикам, что Ф'лар расхохотался.

— Я — в твоём распоряжении, сердце мое. — Он прикинул размеры кургана. — Если под ним действительно что-то сохранилось, то сооружение должно быть внушительным... не меньше вейра на пару драконов... Интересно, для чего они его использовали?

— Мы поможем тебе, Лесса, — сказала Шарра, подтолкнув Джексома к куче инструмента.

— Менолли, если ты не против, мы будем копать с другой стороны, вместе с Ф'ларом, — решил Ф'нор.

Н'тон взвесил в руке кирку, затем лопату и покачал головой.

— Что выберешь ты, Никат?

Мастер-горняк огляделся вокруг, взгляд его скользнул по большим холмам, к которым направились Торик с Фандарелом, потом он повернулся в сторону моря.

— Думаю, наш добрый Фандарел прав. Но лучше будет распределить усилия... Давай-ка попробуем вон там, — он показал на шесть небольших холмиков, расположенных по кругу.

Работа была непривычной для всех — даже для Никата, начинавшего в молодости учеником на шахтах, и Фандарела, который до сих пор частенько стоял у наковальни. Вскоре лицо и тело Джексома покрылись потом, но он трудился изо всех сил, смутно чувствуя, что за ним следят. Правда, в минуты краткого отдыха, когда он выпрямлял спину, опираясь на ручку лопаты, юноша не мог заметить, чтобы кто-нибудь уделял ему пристальное внимание. Тем не менее ощущение взгляда в спину не покидало его.

«За тобой следит здоровяк», — неожиданно предупредил Рут'.

Джексом искоса бросил взгляд в сторону большого кургана, где трудились Торик и мастер Фандарел; южанин действительно смотрел на него.

Лесса, ковырявшая землю рядом с Джексомом, внезапно застонала, воткнула лопату в неподатливую почву, пронизанную жесткими корнями травы, и, чуть не плача, посмотрела на покрасневшие, покрытые волдырями руки.

— Давно мне не приходилось трудиться так тяжело, — со вздохом сказала она, посмотрела на другие группы и устало опустилась на траву. — Как бы нам ни хотелось сохранить в тайне эту находку, боюсь, придется набрать землекопов со спинами покрепче моей.

Она подняла комок шевелящихся личинок и отбросила его в сторону, наблюдая, как белесые червячки начали быстро зарываться в сероватую почву. Лесса просеяла меж пальцев сухую мелкую пыль:

— Похоже на пепел... Никогда бы не подумала, что мне снова придется иметь с ним дело... — она повернула к Джексому осунувшееся лицо. — Рассказывала ли я тебе, что, когда твоя мать приехала в Руат, я чистила очаг?

— Нет, — ответил Джексом; ее неожиданная откровенность удивила его. — Видишь ли, очень немногие люди говорили со мной о родителях...

Глаза Лессы посуровели.

— Теперь я сама дивлюсь, что сумела расправиться с Фэксом... Он был очень честолюбив... как твой брат, — сказала она Шарре, бросив взгляд в сторону Торика. — Но, кроме того, он совершал ошибки...

— Например, захватив Руат? — произнес Джексон, уставившись в землю; щеки его пылали.

Лесса внимательно посмотрела на него.

— Это была его самая большая ошибка, но я исправила ее, — с удовлетворением произнесла она. Джексон снова вонзил лопату в землю, и она простонала: — О, Джексон, остановись! Мне не под силу угнаться за тобой! Да, тут нужны спины покрепче — хотя бы для раскопок моего кургана... — она бросила любовный взгляд на поросший травой холм, потом нахмурилась. — Кто знает, какова глубина верхнего слоя... Мы можем копать, копать — а в конце концов найдем пустую нору песчаной змеи...

Джексон, чувствуя спиной взгляд Торика, продолжал работать, хотя плечи ломило от усталости, а ладони жгло как после удара Нити. Внезапно два файра Шарры взвились в воздух, пронзительно щебеча. Они опустились там, куда девушка только что вонзила лопату, и с поразительной энергией начали рыть землю; их сильные передние лапки с острыми когтями впились в почву, задние отбрасывали в сторону сухие комья. Пока Лесса, Шарра и Джексон стояли, застыв от изумления, зверьки вырыли яму в руку глубиной.

— Рут! Ты нам не поможешь? — крикнул Джексон.

Белый дракон взмыл с теплой от солнечных лучей каменной плиты и через минуту опустился рядом с приятелем; в глазах у него сверкало любопытство.

— Ты можешь вырыть яму, Рут'?

«Где? Здесь?» — Рут' ткнулся носом в траву слева от файров, трудившихся с прежним старанием.

— Где угодно. Нам надо раскопать этот холм. Мы хотим посмотреть, что там, под землей.

Другие всадники, заметив, как Рут' принялся за дело, тоже позвали своих драконов. Даже Рамот'а согласилась помочь, поддавшись на уговоры Лессы.

— Невероятно! — шепнула Шарра Джексону. — Драконы роют землю!

— А разве гордая Лесса сочла эту работу недостойной?

— Но мы же — люди, а они — драконы!

Ее изумленный вид рассмешил Джексона.

— Ты видела только ленивых стариков Древних... Боюсь, у тебя сложилось предвзятое отношение к драконам! — он обнял де-

вушку за талию и прижал к себе, но она, бросив опасливый взгляд в сторону Торики, попыталась отстраниться. — Твой брат не смотрит сюда, если это тебя беспокоит.

— Он-то не смотрит, но его фэйры не спускают с нас глаз...

Три огненные ящерицы — королева и две бронзовые — лениво кружили над ними.

— Ну и что? Я попрошу Робинтона, чтобы он переговорил с твоим братом.

— У Торики иные планы на мой счет...

— И я в них не вписываюсь? — горько спросил Джексон, почувствовав внезапное раздражение.

— Ты сам знаешь ответ... И поэтому... — голос ее прервался. — Что ж, мы любили друг друга, пока могли... Я, поверь, не желала бы себе иной судьбы...

— Но зачем ему вмешиваться? Разве мое положение... — он схватил девушку за руки и удержал, когда она попыталась вырваться.

— Он не слишком высокого мнения о молодых северянах, Джексон. Особенно теперь, после возни с младшими сыновьями лордов на протяжении трех Оборотов, — в голосе Шарры звучало отчаяние. — Я знаю, ты не похож на них, но Торики...

— Я докажу Торику, чего я стою. Не бойся, — Джексон прижал ее пальцы к своим губам и вгляделся в глаза, страстно желая изгнать из них горе. — Я сделаю это, Лайтол и мастер Робинтон помогут мне. И... Шарра, ты станешь госпожой в моем доме?

— Джексон, милый, ты же знаешь, если бы я могла... Пока это в моих силах...

— Пока мы живы, — поправил ее Джексон, сжав ее руки с такой силой, что она вздрогнула.

— Джексон! Шарра! — возбужденный вскрик Лессы прервал девушку на полуслове. Не разжимая рук, Джексон повернулся к госпоже Бендена. — Подойдите сюда! Рамот'а наткнулась на что-то твердое! И это не камень.

Джексон помог Шарре подняться по пологому склону на противоположную сторону кургана, к Лессе. Рамот'а, присев на задних лапах, с интересом вглядывалась из-за спины своей всадницы в прорытую ей самой траншею. Спрыгнув вниз, юноша постучал краем лопаты по выступавшему из земли темному монолиту.

— Что-то массивное... но на камень действительно не похоже... — он стукнул еще раз, посильнее, и монолит отозвался гулким эхом. — Ф'лар, подойди! Мы что-то нашли!

— И мы тоже! — донеслось в ответ.

Со всех сторон сбегались остальные землекопы — потные, за-

сыпанные пылью. Осмотр обеих вырытых драконами траншей позволил установить, что монолиты сделаны из одинакового материала, но панель в раскопе Ф'лара отливала янтарным цветом. После жаркого обсуждения находки кузнец поднял руку, требуя тишины.

— Надо вначале расчистить это сооружение... — Как всегда, Фандарел был немногословен.

— Я считаю, — резко заявил Торик, — что это нерациональная трата времени и сил!

— Этот курган самый маленький. Закончим с ним — и разроем холм мастера Никата. Потом примемся за тот... — кузнец кивнул в сторону холма, на котором трудились они с Ториком.

— Как? И все — в один день? — в тоне южанина послышалась насмешка.

Фандарел окинул его холодным взглядом.

— Сделаем, сколько сможем. За работу!

Джексон отметил, как мастер-кузнец разговаривает с Ториком спокойно — словно не замечая его шпилек. Воистину достойный для подражания пример! Он отвернулся, скрыв усмешку.

У кургана Лессы могли работать только два зверя — его размеры были чуть больше длины дракона. Рамот'а с Рут'ом вновь принялись копать; Мнемонт'а и Лиот'а послали на курган Никата. К середине дня склоны холма были почти полностью разрыты, обнажив загадочное сооружение. Шесть янтарных панелей, некогда прозрачных и, видимо, игравших роль окон, манили нетерпеливых исследователей. Однако их поверхность была так исцарапана, что разглядеть помещение внутри оказалось невозможным. Двери обнаружить не удалось, но драконы, не проявляя признаков усталости, продолжали работать, очищая последнюю стену. Вскоре обнажился дверной проем.

Дверь, сделанная из такого же материала, что и окна, откатывалась в сторону по направляющим рельсам. Забитые землей пазы были очищены и смазаны маслом, которым натирали шкуры драконов. Лесса рванулась к дверям, но кузнец придержал ее.

— Подожди! Внутри наверняка плохой воздух. Надо впустить свежий...

Фандарел, Торик и Н'тон налегли на дверь; она поддалась, ролики с визгом и скрежетом проехали по направляющим. От гнилого, затхлого воздуха, которым пахло изнутри, Лесса закашлялась, отшатнувшись в сторону. Тусклые квадраты золотистого цвета легли на пыльный пол, на стены, покрытые пятнами и потеками сырости. Лесса и Ф'лар перешагнули порог неболь-

шого здания; остальные с невольной робостью последовали за ними, вздымая сапогами облачка пыли.

— Что это? — спросила Лесса, повернувшись к остаткам широкой деревянной рамы в дальнем углу.

Торик бросил взгляд на странное сооружение и пожал плечами:

— Наверно, на этом спали. — Он осмотрел другой угол и внезапно нагнулся — так резко, что Лесса вскрикнула, — поднял какой-то предмет и с картинным поклоном протянул ей. — Вот, моя госпожа... Сокровище из прошлого!

— Это ложка! — Лесса подняла ее для всеобщего обозрения, потом погладила пальцем и поднесла ближе к глазам. — Да, ложка... Но из чего она сделана? Никогда не видела такого металла... Если это металл... Похоже на субстанцию, из которой изготовлены пластины в окнах. Какая крепкая! — она попыталась согнуть ложку.

Кузнец протянул руку и, в свою очередь, осмотрел находку.

— Материал действительно похож... Ложка и окна... Хм-м...

Преодолев благоговение и робость, они начали осматривать древнее сооружение. Когда-то на стенах были развешаны полки и шкафчики, их контуры ясно выделялись на окрашенных поверхностях. Несомненно, обширное помещение раньше разделялось на секции перегородками — в полу, стенах и на потолке остались желобки. В одном углу Фандарел обнаружил ряд круглых отверстий; вероятно, здесь проходили трубы — они пронизывали стену и исчезали в земле. Одна предназначалась для воды, но остальные четыре? Больше исследователям не удалось обнаружить ничего, и они покинули мрачный сырой склеп.

— Они не могут быть пустыми все! — задумчиво произнесла Лесса, разглядывая ряды холмиков, скрывавших, несомненно, множество подобных сооружений. В голосе ее звучало разочарование, которое, как показалось Джексому, испытывали все.

— По-видимому, — сказал Фандарел, — это холд древних людей. И они, конечно, забрали с собой все вещи... Бережливые предки! — он ухмыльнулся Торику. — Думаю, теперь нам надо проверить курганы других размеров — и те, что побольше, и совсем маленькие.

Не ожидая согласия, кузнец решительно двинулся к холму, который начинали раскапывать Н'тон и мастер Никат. Бронзовые уже расчистили крышу квадратного здания, и теперь люди и драконы сосредоточили усилия на стенах. Уже наступала тропическая ночь, когда они добрались до дверей; створку заело, и ее удалось только чуть-чуть сдвинуть в сторону. В тусклом вечернем

свете изнуренные исследователи едва разглядели какие-то узоры на стенах.

Прислонившись к полуотворенной двери, Лесса с грустной улыбкой осмотрела свой перепачканный землей костюм.

— Рамот'а говорит, что она совсем устала и не прочь выкупаться.

— Не только она, — кивнул Ф'лар, пытаясь закрыть дверь; они никак не слушалась. — Ладно! Полагаю, за ночь тут ничего не случится. Возвращаемся в бухту!

— Ты с нами, Торик? — спросила Лесса, подняв глаза на рослого южанина.

— Нет, моя госпожа, у меня еще много дел в холде. К сожалению, я не всегда могу выделить время для подобных развлечений... — он бросил многозначительный взгляд на Джексома. — Но завтра я обязательно вернусь. Быть может, наш с Фандарелом курган окажется поинтересней... Захватить ли мне с собой людей, чтобы поберечь силы драконов?

— Поберечь драконов? — изумилась Лесса. — Да они в неописуемом восторге от этого приключения! А вот *мои* силы действительно стоит поберечь! Как ты считаешь, Ф'лар, согласимся с предложением Торики или наберем землекопов среди бенденских всадников?

— Насколько я понимаю, вы решили оставить все себе, — заметил Торик, не отрывая глаз от Ф'лара.

— Это Плато доступно всем желающим, — сказал предводитель Бендена, игнорируя колкость Торики. — Ну а если драконам понравилось рыться в земле...

— Я хотел бы завтра прихватить с собой Бенелека, — буркнул мастер-кузнец, стряхивая с одежды комочки земли и пыль. — И еще двух-трех толковых парней с развитым воображением...

— О да, воображение вам, безусловно, понадобится, если вы непременно хотите найти хоть какой-то смысл в том, что предки соизволили нам оставить, — сказал Торик с чуть заметным презрением. — Ты готов, Д'рам?

По какой-то причине в голосе Торики, когда он обратился к старому всаднику, звучало больше почтения, чем в разговорах с остальными товарищами по раскопкам, — так, во всяком случае, показалось чувствительным ушам Джексома. У него все кипело внутри после намека южанина, что он-де бросил свой холд ради развлечений на Плато. Собственно, так оно и было. «Но неужели он считает, — подумал Джексом, — что я покорно вернусь в Руат, процветающий под мудрым правлением Лайтола, и пропущу самое интересное, что происходит сейчас на Перне?» Он почувст-

вовал, как пальцы Шарры обвили его запястье. Пожалуй, надо бы вспомнить, как он справлялся с Дорсом, — и точно так же вести себя с Ториком.

— Я должен отмыть Рут'а, — со вздохом разочарования сказал он — и повел девушку к дракончику.

* * *

Когда драконы вынырнули из Промежутка над бухтой, их всадники и пассажиры увидели высокую фигуру Робинтона у самой кромки воды. Видимо, арфист с нетерпением ожидал отчета об экспедиции; взволнованные ящерки носились в воздухе, выписывая круги над его головой.

Через час, после продолжительного купания в теплых водах залива, путешественники расселись вокруг костра.

— Судя по вашим рассказам, — заметил Робинтон, — мы можем перекопать сотни курганов и не найти ровным счетом ничего ценного.

Лесса, смеясь, подняла ложку.

— Наверно, она не имеет никакой ценности... Но когда я держу в руках предмет, которым пользовались мои предки в сотом колене, меня охватывает трепет.

— Прекрасная работа, — сказал Фандарел, протягивая руку. — Позволь, моя госпожа... Какой удивительный материал! — он склонился к огню, рассматривая находку. — Ну-ка, попробуем... — он потянулся к ножу.

— Ни в коем случае, Фандарел! — воскликнула Лесса, отнимая свою драгоценность. — Я захватила осколки одной из оконных панелей... экспериментировать с ними.

— Неужели от всех знаний предков нам достались одни осколки?

— Напомню тебе, Ф'лар, — сказал кузнец, — что даже осколки уже сослужили нам великую службу. К тому же все, что однажды открыл человек, может быть открыто заново... Дай только время!

— Мы только начали, друзья мои, — мастер Никат, казалось, был по-прежнему полон энтузиазма. — И почтенный Фандарел прав, утверждая, что даже осколки могут научить многому... С твоего разрешения, предводитель, — он склонил голову в сторону Ф'лара, — я хотел бы привезти сюда опытных людей и произвести систематические раскопки.

— Ты считаешь, что Торик не прав, предполагая, что они забрали все?

— Такое предположение лишено смысла. Оставили же они кровать... и эту ложку. Они знали, что везде найдут древесину для

мебели, а сделать ложку и того проще... Наверняка в поселении окажутся и другие предметы — бесполезные для них, но очень ценные для нас... — Внезапно Никат заговорщицки прищурился и подмигнул собеседникам: — Вы представляете, какое количество груза им пришлось вывозить? Нет, друзья мои, мы обязательно что-нибудь найдем...

— Да, после извержения им пришлось тащить с собой множество вещей, — задумчиво пробормотал Фандарел. — И куда они отвезли все это — свои вещи, машины, оборудование? Не думаю, чтобы они тут же перебрались в Форт-холд.

— В самом деле, куда же они отправились? — озадаченно спросил Ф'лар.

— Судя по тому, что показывают фэйры, они шли к морю, — Джексом махнул рукой в сторону пляжа.

— Море — небезопасное место, — заметила Менолли.

— Море — да, — согласился Ф'лар, — но между морем и нашим Плато лежит много земель... — Он бросил взгляд на Джексома. — Пусть Рут' узнает у своих приятелей, куда направились люди.

— Так могу ли я вести раскопки? — с некоторым раздражением напомнил о себе Никат.

— Почему бы и нет, если у тебя есть свободные люди.

— Есть, — мрачно отозвался горняк. — Три шахты выработаны полностью, и людям нечем заняться.

— Я считал, что ты начал работы в копиях, найденных Ториком на склонах Западного хребта.

— Мы провели разведку, но мой цех не пришел к согласию с Ториком о правах на добычу.

— С Ториком? Разве он владеет этими землями? Ведь они лежат на юго-востоке, далеко от границ Южного холда.

— Древние штольни были обнаружены разведывательным отрядом Торика, — сказал Никат; он пристально посмотрел сначала на предводителя Бендена, потом на кузнеца и арфиста.

— Я говорила — мой брат честолобив, — Джексом едва слышал шепот Шарры.

— Разведывательный отряд? — Ф'лар казался удивленным. — Это не значит, что холд имеет права на шахты, — все равно они попадают в твоё распоряжение, мастер Никат. Завтра я переговорю с Ториком.

Он поднялся и протянул руку Лессе.

— Уж не собирается ли твой брат прибрать к рукам весь юго-запад материка? — спросил Джексом у Шарры, когда все разошлись.

— Если не весь, то уж наверняка изрядный кусок, — со смешком ответила девушка. — Надеюсь, ты сам не посягаешь на южные земли? Или это не так?

Джексом задумался.

— Нет, — сказал он наконец. — Даже эту бухту, как бы она мне ни нравилась, я не хочу. Я готов отдать все это, — он кивнул в сторону тихо плескавшихся у пляжа морских волн, — за один порыв холодного ветерка с высот Руата... Нет, мне не нужны южные земли, Шарра. Я родился в Руате, вырос в Руате и останусь лордом Руата. Но теперь мне придется вести себя так, как того требует мое положение, — он встал и протянул руку Шарре.

— Джексом, — подозрительно спросила она, — что ты собираешься делать?

Он сжал ее пальцы и посмотрел в глаза.

— Мне надо управлять холдом — как напомнил твой брат...

— Но ты должен оставаться здесь, с Рут'ом! Только он понимает местных файров...

— Мы с ним успеем сделать все — вот увидишь!

Он притянул ее ближе, чтобы поцеловать, но девушка высоводилась из объятий Джексома, в глазах ее мелькнули боль и гнев.

— В чем дело? Я сделал что-то не так, милая?

Она указала на дерево, из-под кроны которого за ними наблюдали две огненные ящерки.

— Файры Торики! Шпионят за мной! За нами!

— Отлично! Пусть он не сомневается в моих намерениях! — Джексом поцеловал девушку; ее губы были мягкими, податливыми, горячими. — Хотел бы я показать ему кое-что еще, но мне пора отправляться в Руат. — Он снова поцеловал ее и шагнул к Рут'у. — Я вернусь до рассвета, Шарра! Передай остальным.

«Мы должны улететь?» — спросил Рут', подставляя Джексоmu лапу, чтобы тот забрался ему на шею.

— Мы очень быстро вернемся!

Джексом помахал Шарре, подумав про себя, как чудесно она выглядит при свете звезд. Мийр и Талла сделали круг над головой Рут'а, приветливо шебеча, и он понял, что девушка не сердится на него за внезапный отъезд.

Его странный порыв навеститься в Руат, чтобы начать долгую процедуру формального подтверждения прав на холд, был вызван не только насмешками Торики. Пока он сидел у костра, у него промелькнула мысль, что Лайтол, с его энергией и опытом, мог бы обрести в исследовании тайн древнего Плато новый смысл жизни. Тогда возвращение в родной холд становилось та-

ким же predeterminedным, как и то путешествие на Южный, когда он спасал яйцо.

Они появились в небе над Руатом, и резкий колющий холод Промежутка мгновенно сменился сырой влажной прохладой. Легкий пушистый снег падал уже довольно давно, ветер наметал сугробы в юго-восточном углу внутреннего двора.

«Мне всегда нравился снег», — заявил Рут', словно хотел подбодрить себя перед возвращением в зимний Руат.

— Мы не останемся здесь надолго, дружок, — заверил Джексом дракона, поеживаясь от промозглой сырости, проникшей даже через теплую куртку. Он совсем забыл, какое нынче время года.

Рут' приземлился во дворе. Наружная дверь холда распахнулась, и навстречу выбежали Лайтол, Бранд и Файндер.

— Что-нибудь случилось, Джексом? — закричал управляющий.

— Ничего, Лайтол, ничего. Растопите камин в моих покоях. Я совсем забыл, что здесь уже зима.

— Да, да, — кивнул Бранд, бегом устремляясь через двор к кухне; Джексом слышал, как он приказывает слугам нести жаровни с углями. Рут' покорно поплелся за дворецким; Джексом вместе с Лайтолом и арфистом направился к лестнице.

— Из лета прямо в зиму... Не простудиться бы тебе, — пробормотал Лайтол. — Почему ты не сообщил мне? Что-то заставило тебя вернуться?

— А разве не подошло время для возвращения? — спросил Джексом, направляясь к камину. Он снял перчатки, поднес озябшие руки к огню и рассмеялся. — Да, у камина, у этого самого камина!

— Что? У этого камина? — недоуменно переспросил Лайтол, наливая вино.

— Утром на Плато у вулкана, когда мы раскапывали первый курган, Лесса рассказала мне, как она чистила этот камин — в день, когда лорд Фэкс, мой отец, привез мою мать, леди Гемму, в Руат! — он поднял кружку вина в память матери, которую никогда не видел.

— И это напомнило тебе, что теперь ты — лорд Руата? — спросил Лайтол. Уголок его рта чуть приподнялся; глаза, которые казались Джексом тусклыми в полумраке большого зала, внезапно сверкнули в отблесках пламени.

— Да... и заодно подсказало, где лучше всего использовать человека с таким опытом и талантом, как у тебя, мой господин.

— Ну-ка, расскажи поподробнее, — с интересом произнес Лайтол, указывая на массивное резное кресло вблизи огня.

— Я не стану занимать твое место, — вежливо сказал Джексом, заметив, что подушки еще хранят очертания тела опекуна.

— Подозреваю, ты претендуешь больше, чем на кресло, лорд Джексом.

— Только при соблюдении необходимых приличий, — ухмыльнулся Джексом и поставил около кресла маленькую скамеечку для ног. Реакция Лайтола обрадовала его. — Итак, решение принято. Как ты полагаешь, мой господин, готов ли я сейчас стать лордом Руата?

— Ты имеешь в виду свой опыт?

— И это тоже. Но прежде всего — те обстоятельства, при которых некогда управление Руатом было передано в твои руки.

— Да.

Джексом внимательно вглядывался в Лайтола, выискивая малейшую напряженность или фальшь в его ответе.

— За последнюю половину Оборота эти обстоятельства изменились, — Лайтол усмехнулся, — причем во многом — благодаря самому тебе.

— Вот как? Значит, теперь нет никаких препятствий, чтобы утвердить меня правителем Руата?

— Никаких.

Джексом услышал, как глубоко вздохнул арфист; он не сводил глаз с Лайтола.

— Могу ли я узнать причину такой спешки?

Невероятно! Лайтол улыбнулся во второй раз!

— Наверняка она не связана с делами тут, на севере... Я подозреваю, что не обошлось без некой прекрасной девушки... Кажется, ее зовут Шарра?

Джексом засмеялся.

— Как всегда, проницательность не изменила тебе, — признался он и краем глаза заметил усмешку Файндера.

— Сестра Торики из Южного холда, кажется? — Лайтол размышлял над достоинствами возможного брака.

— Да. Скажи мне, Лайтол, не собирается ли Конклав утвердить Торику в звании лорда Южного?

— Нет. Не было даже слухов, что он просил титул. — Лайтол нахмурился, обдумывая этот вариант.

— Каково же твое мнение о Торике?

— Почему ты спрашиваешь? Разумеется, брак возможен, хотя его положение нельзя сравнить с твоим.

— Торику не нужны титулы; ему достаточно своего честолоу-

бия, — зло сказал Джексом, и его опекун удивленно переглянулся с арфистом.

— С тех пор как Д'рам возглавил Южный Вейр, — заметил Файндер, — как я слышал, не было отказано ни одному переселенцу.

— Обещал ли им Торик право владения землей, которую они смогут поднять? — спросил Джексом, быстро обернувшись к арфисту.

— Не уверен...

— Двое сыновей лорда Грожа уже там, — сказал Лайтол, задумчиво теребя нижнюю губу. — Как я понял с его слов, парни собираются основать свои холды. Разумеется, они сохранят титул, полученный при рождении... Бранд, а что обещали Дорсу? — спросил он у возвратившегося дворецкого.

— Дорсу? Он отправился на юг в поисках владения? — Джексом был удивлен и обрадован.

— Я не видел причин отказывать ему, — спокойно ответил Лайтол. — И был уверен, что и ты возражать не будешь. Ну, Бранд, так что же ему обещали?

— Что он сможет получить столько земли, сколько захочет. Но не думаю, что речь шла о холде... Правда, предложение было сделано торговцами с юга, а не самим Ториком.

— Если тебе предложили землю, ты будешь благодарен человеку, который это сделал, — сказа Джексом. — И в любой ситуации ты станешь поддерживать его.

— Да, лучшим выражением благодарности является лояльность, — кивнул Лайтол. — И не важно, получит ли Торик титул. Если люди признают его власть, он — лорд.

Джексом встал, допивая остатки вина.

— Мой господин, я возвращаюсь сегодня на юг. Можешь ли ты отправиться вслед за мной? Конечно, если Бранд в наше отсутствие справится с делами.

— Удивительно, — сказал Лайтол с задумчивым видом, — в это время года я буду снова приветствовать солнце.

Бранд пробормотал, что он справится.

* * *

Когда они с Рут'ом вернулись в бухту, с восторгом окунувшись в пряное тепло звездной ночи, Джексом подумал, что перемена климата по крайней мере не испортит жизнь его опекуну. Рут' кругами заходил на посадку, и Джексом почувствовал, как напряжение отпускает его. В Руате он был слишком скован, однако

у него хватило здравого смысла не давить на Лайтола; и вот — желаемое достигнуто. Однако Джексома встревожили разговоры о хитрых махинациях Торика.

Он соскользнул на мягкий песок, на то же место, где так недавно целовал Шарру. Подождав, пока Рут' устроится на песке, Джексом зашагал к холду. Перешагнув порог, он с удивлением заметил, что даже в комнате Робинтона не горит свет; в этом уголке мира, должно быть, ночь наступала раньше, чем в прочих.

Джексом забрался в постель, услышав, как во сне что-то пробормотал Пьемур; Фарли, его ящерица, чуть приоткрыла золотистый глаз. Джексом укрылся тонким покрывалом и, вспомнив снега Руата, уснул.

Он пробудился внезапно, как будто кто-то произнес его имя. Пьемур мирно похрапывал в предрассветных сумерках. Джексом лежал не двигаясь — ждал повторения зова. Но ничего не услышал. Что-то с Робинтоном? Вряд ли. Менолли просыпалась при первом же слове арфиста. Джексом прикоснулся к сонному сознанию Рут'а и понял, что дракон вот-вот проснется.

Тело у него ломило, плечи и руки онемели после вчерашних подвигов с лопатой. Может быть, поэтому он и проснулся? Вставать еще рано, но боль в мышцах и сожженной на солнце спине не дали ему уснуть снова. Джексом тихо встал, постаравшись не разбудить Пьемура, и направился к пляжу. Купание — лучшее лекарство в таких случаях; вода охладит пылающую кожу и ослабит мускулы.

Рассветные Сестры гасли в лучах восходящего солнца. Джексом пристально глядел на мерцающие звезды, размышляя, куда могли направиться его предки после извержения. Как им удалось спастись?

Джексом нырнул в загадочно темную глубину вод — солнце еще не осветило бухту, его лучи только начали скользить по вершинам далеких гор. Глубже... Глубже... Задохнувшись, он выскочил на поверхность, жадно глотая воздух. Кажется, он догадался! Между поселением на Плато и берегом моря было еще одно убежище — и, без сомнения, его можно разыскать.

Ему не терпелось проверить свою гипотезу. Выскочив из воды, Джексом собрал летную амуницию, прихватил на кухне ломоть мяса с хлебом и позвал Рут'а. Когда взошло солнце, они были уже в воздухе. Безоблачное небо над ними переливалось алым и золотым, вершины гор пламенели багрянцем.

Через Промежуток Рут' перенес юношу к Плато. Они неторопливо облетели его по периметру; Джексом увидел два свежих кургана, которые насыпали вчера драконы, раскапывая древние

здания. Он велел Рут'у сменить курс — теперь они направлялись в сторону моря, до которого пешком пришлось бы добираться половину дня. Пока Джексом не хотел звать на помощь файров, справедливо полагая, что не добьется ничего, кроме картин извержения. Нет, сначала надо найти место, где укрывались спасшиеся от извержения люди; там, возможно, файры покажут какие-то новые образы. В конце концов, у поселенцев, обитавших на Плато, были подсобные службы... конюшни или амбары, в которых после катастрофы могли укрыться сотни людей.

Рут' медленно летел к морю, повторяя путь исхода беженцев. Кончились луга, за ними потянулись заросли кустарника, постепенно переходившие в лес. Джексом понял, что только при большом везении им удастся разглядеть в густой зеленой листве хоть что-нибудь. Он уже собирался повернуть Рут'а назад, когда заметил прогалину в джунглях; она тянулась на сотни длин дракона и густо заросла травой. В дальнем конце сверкнули ленточки воды — похоже, там были мелкие, связанные друг с другом водоемы.

Солнце поднялось над краем Плато, и Джексом заметил три длинные тени, протянувшиеся поперек прогалины. С замирающим сердцем он направил Рут'а туда; они кружили до тех пор, пока ему не удалось разглядеть три холма явно искусственного происхождения — правда, по форме они отличались от курганов на плоскогорье. В их расположении чувствовалось что-то неестественное — один как бы выдавался вперед, словно наконечник стрелы; расстояние между ними было не больше десяти длин дракона.

Джексом заставил Рут'а спуститься ниже и разглядел еще одну странную особенность — южный склон каждого из холмов резко обрывался вниз, другой был более пологим.

Рут', возбужденный не меньше своего всадника, приземлился между двумя курганами. С земли они выглядели не так странно, однако любой наблюдатель отметил бы их необычную форму.

Внезапно воздух взорвался разноцветными искрами, и над головой Джексома послышалось радостное чириканье файров.

— Что они говорят, Рут'? Попытайся их утихомирить — я ничего не понимаю.

«Слишком много всего, — Рут' поднял голову и что-то нежно просвистел. — Они рады видеть тебя. Счастливы, что ты наконец вернулся... Прошло так много времени...»

— Когда же я был здесь? Спроси у них, — Джексом понимал, что речь идет совсем о других людях, но решил не сбивать ящик с толку временами, поколениями и прочими недоступными их пониманию подробностями.

«Когда ты и другие спустились с небес на длинных серых гладких скалах!» Казалось, Рут' сам был ошеломлен этим ответом.

— Покажи!

Ослепительные и противоречивые образы оглушили Джексона; сначала они были расплывчатыми, затем — по мере того как Рут' отбирал основное из сонма видений — становились все более четкими.

Цилиндры действительно были сероватого цвета, с короткими крыльями — неуклюжей имитацией летательных перепонок драконов. Они лежали на боку; на одном конце цилиндра было множество коротких труб, другой заканчивался тупым конусом. Неожиданно в цилиндрах появились отверстия — нечто похожее на двери, на одной трети их длины, считая от носа; поползли лестницы, на них появились люди — мужчины и женщины. В сознании Джексона стремительно промелькнула галерея образов — люди спускаются вниз, бегут, подпрыгивают, обнимаются... Затем изображение раздробилось и исчезло в хаосе видений — словно каждая огненная ящерица последовала за одним человеком и теперь пыталась передавать Рут'у свои индивидуальные воспоминания.

Теперь Джексон не сомневался, что именно здесь, на месте первой посадки, нашли убежище те, кто спасся после катастрофы на плоскогорье. Конечно, эти серые цилиндры — корабли, которые доставили их из созвездия Рассветных Сестер на Перн; по какой-то причине они не смогли вернуться обратно и навеки успокоились под этими странными курганами.

Кажется, двери открывались на расстоянии трети длины от носа? Джексон зашагал по траве вдоль вытянутого холма, отмечая расстояние; фэйры в восторге крутились над его головой.

«Они говорят, что ты нашел нужное место», — сообщил Рут'. Глаза дракона полыхали фиолетовым пламенем. Словно подтверждая его слова, десятки фэйров опустили на склон кургана и начали выдирать траву.

— Надо вернуться на берег и предупредить остальных, — нерешительно пробормотал Джексон.

«Они спят. Спят всадники и арфисты. Мы — единственные, кто сейчас не спит».

— Что ж, весьма вероятно, — согласился Джексон.

«Я копал вчера. Я могу копать сегодня. Мы с тобой будем копать, пока они не проснутся и не придут нам на помощь».

— У тебя есть когти, а у меня нет. Давай летаем на Плато за инструментами.

И туда, и обратно они летели в сопровождении тучи возбуж-

денных счастливых файров. Джексом наметил лопатой примерные контуры площадки, центр которой, по его расчетам, приходился против входа в корабль. Теперь ему оставалось только присматривать за Рут'ом и файрами. Дракон когтями содрал дерн, и файры по кусочкам расташили его подальше от раскопа. Видимо, слой земли, нанесенный ветром за многие тысячи Оборотов, был не слишком толстым, но дожди уплотнили почву.

Вскоре когти Рут'а заскребли по гладкой поверхности. «Это не скала!»

Джексом одним прыжком оказался рядом и всадил лопату в разрыхленный грунт. Металл звякнул обо что-то твердое, и счастливый исследователь завопил так, что файры в ужасе взмыли в воздух.

Он разгреб руками остатки земли и впился в находку очарованным взглядом. Не металл... и не вещество, из которого были сделаны здания на Плато... Скорее — невероятное дело! — это напоминало матовое стекло. Но разве стекло может обладать такой прочностью?

— Рут', Кант' проснулся?

«Нет. Но Менолли и Пьемур уже встали. Интересуются, где мы».

— Пожалуй, пора вернуться и все рассказать, — с триумфом заявил Джексом.

* * *

Когда они с Рут'ом вынырнули из Промежутка над бухтой, их ждали все трое — Робинтон, Менолли и Пьемур. Джексом оказался буквально погребен под шквалом вопросов о его ночном исчезновении. Отбиваясь от приятелей, он никак не мог рассказать толком о своей находке. Только Робинтон смог утихомирить своих арфистов, издав громоподобный рык. Добившись тишины, он глубоко вздохнул.

— Разве можно что-нибудь сообразить в таком гаме? Менолли, неси еду! Пьемур, тащи бумагу и письменные палочки! Заир, мой маленький плут, ты отправишься с донесением в Бенден. Укуси Мнемента за нос, если его потребуется разбудить... Да, я знаю, ты достаточно храбр, чтобы сразиться с самым большим драконом. Но прошу тебя — не надо крови! Постарайся только разбудить его. Самое время этим лентяям из Бендена продрать глаза!

Робинтон был в прекрасном расположении духа — глаза сверкают, голова высоко поднята, голос гремит как боевой горн.

— Джексом, мой мальчик, да пребудут с тобой Скорлупа и ее Осколки... Ты принес надежду! Я валялся в постели, готовясь к новым разочарованиям, и вдруг — такая новость!

— Но корабли могут оказаться пустыми...

— Ты говорил, что ящерки передавали картины посадки? Они запомнили, как из этих цилиндров выходили люди? Пусть они пусты, словно обещания скупого лорда, — но на них все же стоит взглянуть! Только подумайте! Корабли, что доставили наших предков сюда с планет одной из Рассветных Сестер!

— Скоро ты увидишь их сам, мастер Робинтон, — произнес Джексом, оглядываясь в поисках Шарры. Наверняка она уже встала... Он поискал ее файров в пестрой стае ящерок, вертевшихся над ними. — Где Шарра? — спросил он Менолли, притащившую поднос с тарелками.

— Поздно вечером за ней прилетел всадник из Южного — там какая-то болезнь, — ответил вместо девушки арфист. — Я хотел разбудить тебя, но Шарра сказала, что ты в Руате.

Брови Робинтона вопросительно поднялись вверх.

— Мне давно следовало навеститься в мой холд, мастер Робинтон, — признался Джексом; в голосе его звучало раскаяние. — В Руате шел снег... мы долго говорили с Лайтолом...

— Вот как? — К своему изумлению, Джексом заметил, что арфист посмеивается. — Значит, конец спорам: кто ты такой — всадник или лорд? И как же отреагировал Лайтол?

— Он не был удивлен, — сказал Джексом, с облегчением вздохнув. — И я подумал, что если мастер Никат начнет раскопки на Плаго, то Лайтол, с его умением руководить людьми...

— Прекрасная идея, мой мальчик, — Робинтон похлопал его по плечу. — Я тоже думал об этом... Копаться в прошлом — самое подходящее занятие для двух стариков...

— О, мастер! — протестующе закричал Джексом. — Ты никогда не будешь стариком! И Лайтол — тоже!

— Приятно слышать, что ты так считаешь, юный Джексом... но я уже получил предупреждение... — Он поднял голову к небу. — Так, вот и дракон... Кант', если глаза меня не обманывают.

Лицо Ф'нора, шагавшего им навстречу по сырому песку, носило отпечаток легкого раздражения. Как выяснилось, в голове Заира было полным-полно сумбурных образов, взбудораживших Берда, Гралл и всех прочих файров в Бендене; они устроили такой переполох, что Лесса велела Рамот'е выгнать ящерок. Небо над бухтой внезапно наполнилось сотнями файров, которые метались над водой, создавая невообразимый шум.

— Рут', утихомирь их, — попросил Джексом дракона. — Мы не слышим сами себя!

Белый испустил мощный рев. Наступила тишина, изредка прерываемая робким свистом. Небо снова засияло утренней голубизной; фэйры расселись по деревьям на опушке.

«Они меня послушались!» — с удивлением сообщил довольный Рут'.

Кажется, эта демонстрация дисциплины улучшила настроение Ф'нора.

— Ну, теперь ты расскажешь, Джексом, чем занимался утром? — спросил коричневый всадник, ослабляя стягивающий куртку ремень и сняв шлем. — Похоже, Бендену не обойтись без помощи Руата.

Джексом удивленно посмотрел на него — в словах всадника ощущался странный подтекст. Имел ли он в виду историю с яйцом? Что рассказала ему Брекка о тех видениях и снах, что мучили Джексома во время болезни?

Он постарался, чтобы его ответ прозвучал спокойно.

— Почему бы и нет, Ф'нор? У Бендена и Руата крепкие связи — и кровное родство.

Хмурое лицо всадника внезапно осветилось улыбкой. Он сжал плечо Джексома и встряхнул — так, что юноша еле устоял на ногах.

— Прекрасно сказано, мой лорд, прекрасно! Так что же ты обнаружил сегодня?

Джексом не без гордости поведал о своих утренних трудах, наблюдая, как глаза всадника все шире и шире раскрываются от изумления.

— Говоришь, корабли, на которых они приземлились? — Он затянул ремень и торопливо надел шлем. — Летим! Завтра в Бендене ожидается Падение, но если дело обстоит так, как ты говоришь...

— Я полечу тоже, — объявил арфист.

Ни одна, даже самая отчаянная ящерка, не осмелилась пискнуть в наступившей после этого тишине.

— Я полечу тоже, — твердо повторил Робинтон, взмахом руки отменяя возможные протесты. — Я пропустил многое. Ожидание губительно для меня! — Торжественным жестом он приложил ладонь к груди. — Мое сердце бьется все сильнее и сильнее с каждой томительной минутой неизвестности! — Он скосил глаз в сторону Менолли и торопливо заявил: — Я не буду копать землю. Я собираюсь только смотреть! И заверяю вас, что неудовлетворенное желание опасней для моего сердца, чем холод Промежут-

ка и тропическая жара... Что, если я умру, когда никого из вас не будет рядом?

— Мастер Робинтон, если Брекка узнает... — слабо запротестовала Менолли.

При упоминании имени жены Ф'нор вытер вспотевший лоб и покачал головой, явно осуждая незамысловатую тактику арфиста.

— Дай этому человеку палец, он тебе всю руку отхватит, — пробормотал всадник и погрозил пальцем Робинтону. — Если ты хоть пошевелишь рукой или коснешься шепотки земли... я... я...

— Я послежу за ним, — многозначительно закончила фразу Менолли, бросая на своего мастера свирепый взгляд.

Арфист отвел глаза.

— Принеси мою полетную куртку, милая Менолли, — он ласково подтолкнул девушку к двери холда. — Да захвати шкатулку с письменными принадлежностями из стола в кабинете! — Робинтон повернулся к всаднику: — Обещаю, я буду осторожен, Ф'нор. И я уверен, что краткое путешествие через Промежуток вреда мне не принесет... Менолли! — вдруг громко крикнул арфист. — Не забудь полбурдюка вина... там, на стуле!

Когда Менолли вернулась — за спиной у нее болтался бурдюк с вином, — спорить уже было не о чем. Ф'нор усадил Робинтона и Пьемюра на Кант'а, предоставив Менолли заботам Джексома. На миг юноша пожалел, что рядом нет Шарры. Может, попросить Рут'а связаться с ее файрами в Южном? Но он справился с соблазном — на западе еще стоит ночь, и Шарра сейчас скорее всего спит.

Два дракона поднялись в воздух, окруженные стайкой огненных ящериц. Рут' указывал Кант'у направление; они скользнули в Промежуток — и в следующий миг уже снижались по направлению к трем курганам.

Лицо Джексома расплылось в улыбке, когда он увидел изумление друзей. Он чувствовал, как пальцы Менолли судорожно вцепились в его куртку; девушка восторженно кричала. Арфист бешено жестикулировал, тыкая вниз левой рукой; оставалось надеяться, что правой он крепко держится за пояс Ф'нора. Кант', не спуская взгляда с разрытого холма, приземлился как можно ближе к раскопу, и они усадили арфиста в тень. Чтобы развлечь его, Джексом попросил Рут'а обратиться к местным файрам — пусть показывают Заиру картины приземления кораблей.

Под их щебечущий говорок исследователи принялись за работу. Рут' прилег в стороне, уступив место Кант'у, — оба дракона не помещались в узкой щели раскопа. Джексом ощущал охватившее всех возбуждение — гораздо более сильное, чем вчера на Плато.

Сейчас они раскапывали дно ямы, так как утром Джексом с Рут'ом отрыли только самый верх двери, ведущей внутрь корабля. Кант' работал с энтузиазмом, изредка осыпая арфиста землей, и вскоре на гладкой поверхности корпуса обозначился тонкий дверной шов. Ф'нор попросил коричневого сдвинуться немного вправо, чтобы расширить земляной коридор.

Файры, внезапно воодушевившись, присоединились к Кант'у и всадникам: полетели в разные стороны комы почвы, раскоп расширялся с каждой минутой. Когда дверь была почти очищена, исследователи обнаружили закругленное ребро крыла. Несомненно, заметил Робинтон, файры точно передавали все, что видели их предки, — в тех случаях, когда удавалось заставить их вспомнить что-то конкретное.

Вскоре дверь была почти полностью очищена, и землекопы отошли в сторону, предоставив арфисту возможность рассмотреть ее.

— Думаю, нам лучше связаться с Лессой и Ф'ларом... И будет в высшей степени невежливо, если мы не известим мастера Фандарела...

— Пока больше никому сообщать о нашей находке не надо, — торопливо произнес Ф'нор, прежде чем арфист назвал еще с полдюжины имен. — Я сам привезу Фандарела — это сэкономит время и предотвратит лишние сплетни. А Кант' сообщит Рамот'е в Бенден... — он отер пот с лица и шеи, отряхнул с рук землю и натянул куртку. — До моего возвращения не делайте ничего! — добавил он, пристально поглядев на Робинтона, и повернул к своему коричневому.

— Я и так знаю, что мне ничего нельзя делать, — с укоризной пробормотал ему вслед арфист. Внезапно лицо его просияло, и со словами: — Сейчас мы передохнем! — он потянулся к винному бурдюку, жестом пригласив остальных сесть рядом.

Землекопы не возражали против отдыха, который давал им возможность полюбоваться находкой.

— Если они летали в этих штуках... — начал Пьемур.

— Почему «если», мой друг? Какие могут быть сомнения? Они действительно летали в них. Теперь я уверен, что любой местный файр покажет картину приземления кораблей, — Робинтон широко жестом обвел поляну рукой.

— Я хотел сказать, учитель, если они летали в этих штуках, то почему же не покинули в них Плато после извержения?

— Хороший вопрос! — кивнул арфист.

— Так почему же?

— Надеюсь, Фандарел ответит... Я не могу, — честно признал-

ся Робинтон, с вожделием поглядывая на таинственную дверь. Потом он вздохнул и уставился на небо. — Сколько нам еще ждать Ф'нора?

— Не дольше, чем опустеет бурдюк, — ухмыльнулся Джексом, плеснув вина в кружку арфиста.

Первыми прибыли бенденцы. Кант' с Ф'нором и Фандарелом появился несколькими секундами позже, и все три зверя приземлились одновременно. Кузнец, соскочив с шеи дракона, ринулся к новому чуду и стал почтительно водить ладонями по гладкой поверхности, что-то бормоча себе под нос. Ф'лар и Лесса последовали за ним, приминая сапогами высокую траву; они не спускали глаз с отливающей мягким блеском двери.

— Ага! — с триумфом в голосе вскричал мастер-кузнец, и все с надеждой уставились на него. Фандарел склонился к едва заметной щели в поверхности. — Вероятно, эта крышка сдвигается... — он ощупал корпус рядом с дверью. — Сейчас попробую...

Маленькая панель под его пальцами отошла в сторону; внутри, в углублении, располагалось несколько маленьких разноцветных кружков.

Возбужденные исследователи обступили Фандарела. Его рука застыла над верхним рядом кружков. Они были зелеными; нижние отливали ярко-красным.

— Красный — цвет опасности, мы восприняли это от предков... — задумчиво сказал мастер. — Поэтому начнем сверху!

Его толстый указательный палец решительно опустился на зеленую кнопку.

Сначала ничего не произошло. Джексом ощутил, как холод — предвестник разочарования — подступает к сердцу.

— Смотрите-ка, она открывается! — острый глаз Пьемур уловил, как зазор едва заметно начал расширяться.

— Это старый, очень старый механизм, — почтительно сказал кузнец.

Они услышали слабый протестующий скрип, и дверь медленно заскользила вбок, скрываясь, к всеобщему изумлению, в корпусе корабля. С негромким свистом вырвался затхлый воздух, заставив их невольно отступить, прикрыв лица. В следующий миг выпуклая дверная панель полностью исчезла; солнечный свет лег на пол узкого прохода. Пол казался темнее корпуса, но когда кузнец, наклонившись, постучал по нему костяшками пальцев, стало ясно, что он сделан из того же загадочного материала.

— Не торопитесь! — Фандарел поднял руку. — Пусть свежий воздух заполнит корабль. — Он оглянулся. — У кого-нибудь есть светильник?

— Сейчас! — Джексом, радуясь своей предусмотрительности, бросился к мешкам и вытащил несколько сосудов с торчащими фитилями. Запалив огонь, он начал раздавать их спутникам и вдруг с удивлением заметил, что никто не двигается с места. Что останавливает их? Почтение перед предками или боязнь испытать разочарование — как в минувший день на Плато?

— Мы ничего не узнаем, если будем торчать здесь, — с легким раздражением сказал Робинтон, забрал у Джексома светильник и направился к зияющему провалу входа.

Что ж, решил юноша, если мастер арфистов войдет туда первым, это будет справедливо. За Робинтоном потянулись старшие — Фандарел, Ф'нор и Ф'лар с Лессой. Джексом улыбнулся Пъемуру и Менолли и подтолкнул их к кораблю.

Коридор вел к новой двери, с массивным колесом, похожим на корабельный штурвал, посередине — видимо, запорным механизмом; полураскрытая, она манила дальше. Фандарел ласкал пальцами гладкую поверхность стен, разглядывал ручки управления и созвездия разноцветных кнопок, издавал хлохчущие звуки — свидетельство почтения и восторга перед непостижимым искусством предков. Они миновали входной тамбур; теперь перед ними были две новые двери — одна, открытая, слева и закрытая, ведущая в хвостовую часть корабля, справа. Она легко откатилась в сторону, и кузнец заглянул в обширное помещение с закругленным потолком. Брови его приподнялись. Как могли эти выстроившиеся кольцом механизмы в цилиндрических корпусах двигать огромный воздушный корабль? Да еще с такими маленькими крыльями? Надо привести сюда Бенелека, пусть разбирается...

Они повернули влево, очутившись в узком длинном проходе; странный материал пола, казалось, гасил звук шагов.

— Похоже, подпорки в их шахтах тоже сделаны из этого, — Фандарел опустился на колени, ощупывая пол. — Здесь были скобы... — он провел ладонью по гладкой матовой поверхности, поднял руку к глазам и с недоумением уставился на нее: — Ни пылинки...

— Тут никогда не было ветра... И двери оставались закрытыми тысячи Оборотов... — тихо произнес Ф'лар. — Как в тех комнатах, что мы нашли в Бендене...

Они миновали коридор с множеством дверей; некоторые были открыты, другие — притворены. Пъемур с Джексом заглядывали в каждое помещение; их встречали пустые камеры с отверстиями в стенах и полу — следами креплений.

— Сюда, идите сюда! — раздался возбужденный голос арфиста, блуждавшего где-то впереди.

— Нет, ко мне, — позвал Ф'нор; он был уже в самом конце коридора. — Вот откуда они управляли кораблем!

— Нет, Ф'нор, сюда, для нас это важнее!

Ф'лар, не колеблясь, послушался взволнованного арфиста.

Вскоре все исследователи собрались в просторном помещении. Когда пламя светильников озарило стены, стало ясно, что привлекло внимание Робинтона. Стены покрывала роспись; они узнавали знакомые очертания Северного материка, горы, равнины, тщательно прорисованные ниточки рек. Внизу простиралась громада Южного континента.

Пьемур, не то застонав, не то вскрикнув, протянул руку к карте; пальцы его заскользили по контурам побережья, так хорошо известного ему... Путь, который он прошел, был лишь малой частью береговой линии.

— Смотрите, мастер Идаролан может добраться морем почти до западной горной цепи... Но это совсем не тот хребет, что я видел... Он еще дальше и...

— А что означает изменение цвета? — спросил Ф'нор, прерывая возбужденные комментарии Пьемура. Коричневый всадник стоял чуть в стороне, и пламя его светильника бросало мерцающие блики на другую карту Перна. Контур материков были теми же, но по сути змеились многочисленные загадочные полосы; моря были раскрашены разными оттенками синего и голубого.

— Это обозначает глубину, — сказала Менолли, коснувшись пальцами расплывчатой темно-синей кляксы в том месте, где находился Нератский океанический провал. — Смотрите, стрелки указывают Великое Южное течение... А здесь — Западное...

— Если так, — медленно произнес Робинтон, — то изменение коричневого цвета на суше должно обозначать высоту... Однако странно. Видите? Цвет гор Крома, Бендена, Форта и Телгара такой же, как на прилегающей к хребту телгарской равнине... Что же это значит? — он перевел взгляд с северного полушария на южное. — А здесь нигде не встречается подобный оттенок — за исключением одного места. Интересно! Стоит поразмыслить!

— Тут нужны глаза и голова Вансора, — бормотал в это время кузнец, рассматривая другую стену.

Пьемур и Джексом направили на нее свет своих ламп.

— Звездная карта! — вскричал молодой арфист.

— Не совсем, — возразил Фандарел. Толстый палец кузнеца лег на самый большой кружок — ярко-оранжевый, с языками пламени, выбивавшимися по краям. — Вот наше солнце. Это, должно быть, Алая Звезда, — он показал на вытянутый эллипс планетарной орбиты. Затем рука его скользнула к совсем крохот-

ной точке. — Здесь — Перн... — он робко улыбнулся, смущенный ничтожными размерами родного мира.

— А это что? — Пъемур ткнул пальцем в темный кружок по другую сторону солнца, в стороне от остальных планет.

— Не знаю... Удивительно... Точка, несомненно, обозначает планету... но она должна находиться тут, вместе с прочими!

— Глядите... Линии! — Джексом рассматривал самый низ карты, откуда выходили помеченные стрелками штрихи; их поток пронизывал Алуу Звезду и исчезал за правым обрезом карты.

Кузнец онемел; казалось, загадочные рисунки зачаровали его. Наконец, с трудом выдавив: «Поразительно!» — замер, утопив подбородок в огромной ладони.

— Я предпочитаю эту карту, — рассмеялась Лесса, присев на корточки рядом с изображением южного полушария.

— Почему же? — спросил Ф'лар, отрываясь от созерцания Алой Звезды. — О, понимаю! — воскликнул он, когда рука Лессы накрыла западную часть материка. — Ты, как всегда, права, моя дорогая.

Внезапно раздался возмущенный голос Пъемура:

— Смотрите, здесь... и здесь! Их карта не точная! Где морские и прибрежные вулканы? Где Большой залив? Береговая линия в тех местах идет совсем не так! Я же там бывал!

— Да, карта уже устарела, — кивнул Робинтон. Арфист показал на западную оконечность Северного континента. — Обратите внимание на Тиллек — полуостров на карте гораздо больше, чем на самом деле. А на южном побережье не показан вулкан... — он загадочно улыбнулся и пробормотал: — Но в то время, когда составляли эту карту, она была точна.

— Несомненно! — согласилась Лесса. — Это все Алая Звезда... При каждом Прохождении она уродует и разрушает наш несчастный мир!

— Однако для нас эта карта — превосходная находка, — вмешался Фандарел. Он нахмурился, и взгляд его опять застыл — теперь на горах и равнинах севера. — Этот коричневый цвет тянется вдоль наших первых поселений... Смотрите — Форт-холд, Рутат, Бенден, Телгар и все Вейры... Возможно, им обозначены удобные для заселения места?

— Но самый первый холд был заложен здесь, на юге, на Плато, а оно не окрашено коричневым, — с сомнением заметил Пъемур.

— Со временем мы разберемся во всем, — с улыбкой произнес Ф'лар. — Эти карты, даже устаревшие, чрезвычайно важны для нас и всего Перна, — он обменялся понимающими взглядами с Робинтоном и Лессой. — И какое-то время лучше о них не упо-

минать, — вождь Бендена поднял руку, предупреждая протесты Фандарела. — Совсем недолго, Фандарел! У меня есть на то причины.

Он снова бросил взгляд на просторы Южного материка; внезапно в глазах его мелькнуло беспокойство.

— Торик! Он собирался привезти целую команду, чтобы помочь нам копать!

— Одновременно Н'тон собирался забрать и меня, — буркнул Фандарел. — Но до того времени еще целый час... Ф'нор вытащил меня из постели.

— Так... А в Южном — такое же время, что и в Телгаре. Значит, у нас еще есть время, — заключил Ф'лар. — Я хотел бы получить копию этой карты, — он повернулся к арфисту: — Ну, кому из твоих учеников можно поручить такую работу?

— Джексому, — быстро ответил тот. — Он копирует очень аккуратно. И все местные файры будут крутиться около Рут'а, вместо того чтобы болтать с ящерицами Торика!

Итак, вопрос был решен. Джексома оставили наедине с письменными принадлежностями и полудюжиной светильников. Раскоп замаскировали свежим дерном; Рут' задремал, свернувшись на солнце и усыпив за компанию стайку файров. Остальные исследователи отправились в Прибрежный холд, а Джексом взялся за работу.

Копируя карту, он размышлял над тем, почему бенденцы и мастер Робинтон придавали такое значение этой находке. Конечно, судьба сделала им подарок — теперь они представляют истинные размеры Южного...

Так вот в чем дело! В истинных размерах, о которых Торик и не подозревал! А предводители Бендена теперь обладали весьма точными сведениями. Джексом бросил взгляд на полуостров, на оконечности которого притулился Южный. Нет, скольких бы переселенцев не принял Торик, его людям не под силу разведать и заселить этот гигантский континент... Даже если он расширит свои владения до Западного хребта на юге и Большого залива на западе... Джексом усмехнулся, довольный своими выкладками, и чуть не размазал чернила. Кстати, должен ли он рисовать истинные очертания Большого залива или в точности копировать древнюю роспись? Ладно, копия есть копия... И он повел линию дальше, с удовольствием представляя, какую физиономию скорчил бы Торик при виде этой карты.

Прибрежный холд.

Плато у вулкана.

Площадка Рождений Южного Вейра.

Пятнадцатый Оборот.

Двадцать первый день десятого месяца

— Я помню, что было обещано Торику, — говорил своим гостям Робинтон на следующий день. Вместе с предводителями Бендена он наслаждался свежим кланом на тенистой террасе своего холда.

— Все земли, что он сможет поднять к тому моменту, когда Древние покинут Южный Вейр, — Ф'лар поднял глаза к небу. — Конечно, Вейр еще не опустел, не все старики отправились в Промежуток... Так что с формальной точки зрения Торик до сих пор имеет право расширять свой холд.

— Или любыми средствами добиваться поддержки людей, не так ли? — заметил Робинтон.

Лесса посмотрела на арфиста, размышляя над этими словами.

— Потому-то он и принимал безземельных с такой охотой, — резко сказала она, потом рассмеялась. — Придется в будущем приглядывать за ним. Я не думала, что Торик окажется настолько честолюбивым.

— И дальновидным, — сухо добавил арфист. — Он многого добивается, эксплуатируя людскую благодарность.

— Благодарность — не тот товар, который можно хранить долгие Обороты, — Ф'лар отхлебнул из кружки.

— И он не так глуп, чтобы ставить только на это... — Лесса с озадаченным видом огляделась вокруг. — Кстати, а где же Шарра?

Робинтон сокрушенно помотал головой.

— Нет ничего проще, чем провести старого глупца... Вчера за ней прибыл всадник — болезнь или что-то в этом роде... И я поверил! — глаза арфиста сверкнули. — Да, он использует и Шарру, и остальных сестер. У него подрастают дочери. И многие южные холдеры будут связаны с ним узами родства! Ну а Шарра... Надеюсь, Джексом разберется с этим делом.

— Я тоже надеюсь, — голос Лессы был суров. — Я одобряю этот брак... если только мальчик не спутал любовь с благодарностью за то, что она его вылечила.

Госпожа Бендена бросила быстрый взгляд на своего супруга — похоже, она разделяла его мнение о людской благодарности. Робинтон расхохотался.

— И Брекка, и Менолли клянутся, что нашу парочку связывает искренняя и взаимная любовь. Если ты согласна, Лесса, мы могли бы начать переговоры с Ториком по этому вопросу. Полагаю, мы сумеем его прижать и...

Рев Рамот'ы и Мнемента прервал его речь.

— Прибыли Н'тон и мастер Никат с Вансором, — произнес Ф'лар, вставая. Он поклонился арфисту и Лессе. — Что касается молодых... не будем мешать естественному ходу событий.

— Да, зачастую это приводит к лучшим результатам, — согласился Робинтон.

Лесса поднялась и с загадочной улыбкой направилась к лестнице.

Н'тон привез не только Никата, но и трех опытных горняков. Сразу за ним прибыл Ф'нор с Вансором, Бенелеком и двумя телгарскими подмастерьями; оба — весьма внушительной комплекции. Не дожидаясь Д'рама и Торики, весь отряд отправился через Промежуток на Плато и приземлился вблизи раскопа Никата. Яркий дневной свет позволил быстро раскрыть тайну этого кургана. По боковым стенам просторной комнаты маршировали животные — большие и маленькие, забавные и страшные, но все как один — неведомые Перну. В дальнем конце зала, на больших вертикальных планшетах, сплетались в прихотливый узор цифры и буквы. Робинтон удовлетворенно кивнул:

— Комната арфиста... Тут учили самых маленьких.

— Тогда где-то рядом должны находиться классы для старших, — решил Бенелек. — Возможно, мы найдем там что-нибудь поинтереснее... — он окликнул помощников и с сосредоточенным видом отправился к ближайшему кургану справа.

Подождав, пока юноша отойдет подальше, Лесса усмехнулась:

— Он так уверен, что его ждут Записи, полные звездной премудрости... Но с таким же успехом там могут оказаться игрушки для грудных младенцев.

— Бенелек — упорный парень, — заметил Ф'лар. Он поглядел на солнце и предложил: — Не пора ли раскопать мой курган?

Памятуя, что в предыдущих двух холдах вход располагался с торца кургана, они не стали расчищать крышу. Рамот'а и Мнемента приступили к работе, и серо-черная земля полетела двумя потоками; вскоре показалась дверь — очень большая, в нее свободно прошел бы дракон средних размеров. Большую дверь полагалось откатывать в сторону по направляющим, но в ней с краю была проделана еще одна дверь — в человеческий рост. Эту, на петлях, удалось открыть, после чего Никат с Фандарелом обнаружили, что материал, из которого сделаны петли, совсем не

похож на металл. Очарованные мастера приступили к изучению очередного чуда, и в этот момент прибыли Джексом с Рут'ом. Как только они приземлились на вершине кургана, в небе возникли еще три дракона.

— Д'рам, — сказала Лесса, — и два коричневых из Бендена, посланных нам в помощь.

— Пришлось повозиться с картой, — Джексом протянул арфисту свиток, поклонился бенденцам и бросил рассеянный взгляд на курган Никата. — Нашли что-нибудь интересное?

Робинтон аккуратно уложил в сумку драгоценную карту и покачал головой.

— Помещение, в котором обучали ребятишек... Там забавные картинки — взгляни, если хочешь.

Но Джексому явно было не до развлечений. В глазах его застыло напряжение, и арфист понял: что-то произошло.

— Могу ли я поговорить с тобой, мастер Робинтон? Если только... — юноша кивнул в сторону раскопанного кургана с таинственно зияющим проемом распахнутой двери.

— Нам все равно придется подождать, пока помещение не проветрится, — сказал Робинтон и, взяв юношу под руку, отвел в сторонку. — Ну, мой мальчик? Что случилось?

— Шарру не выпускают из Южного... Брат приставил к ней охрану... — голос Джексома был тих, и арфист про себя похвалил воспитанника — тот ничем не выдал владевшего им возбуждения.

— Ты в этом уверен? Откуда ты узнал? — спросил Робинтон, подняв глаза к небу и наблюдая за бронзовым Д'рама, заходившим на посадку.

— Шарра сама сказала Рут'у. Торик хочет выдать ее за одного из своих новых холдеров. Нас, наследников северных родов, он считает ничтожествами! — В глазах Джексома разгорался опасный блеск, и Робинтон впервые — и не без удовольствия — убедился, что юноша очень похож на своего отца, на Фэкса.

— Про некоторых наследников иначе и не скажешь, — с легкой насмешкой произнес он. — Ладно, — арфист покачал головой, заметив, что молодой лорд Руата не склонен к шуткам, — что ты задумал, Джексом?

— Я верну ее, — тихо и решительно произнес юноша, посмотрев на Рут'а. — Торик кое-чего не принял в расчет... Я не только наследник Руата; я также всадник!

— Прилетишь в Южный и увезешь ее? — Робинтон едва сдерживал улыбку, представив, какую балладу сложит Менолли о

столь романтическом похищении. Воистину, дай событиям идти своим чередом — и получишь сказку!

— Почему бы и нет? — внезапно в глазах Джексома мелькнули озорные искорки. — Сомневаюсь, что Торик ожидает от меня решительных действий. По его мнению, я — ничтожный наследник ничтожного рода!

Арфист сжал плечо юноши — Торик со своей командой уже приземлился в распадке меж двух курганов. На ходу стягивая толстую куртку и шлем, южанин направился к предводителям Бендена; однако, едва поприветствовав их, резко повернул в сторону. Не оставалось сомнений, что его целью был Джексом.

— Мой мастер! — южанин приветствовал арфиста вежливым поклоном, но взгляд его буквально сверлил затылок Джексома. Со скучающим выражением на лице юноша изучал ближайший курган и, к восторгу Робинтона, даже не обернулся.

— А, холдер Торик, — он слегка склонил голову, бросив на гостя небрежный взгляд из-за плеча.

Глаза южанина сузились, однако придаться было не к чему: Конклав никогда не предлагал ему титула. Он с преувеличенной любезностью поклонился и протянул:

— А, лорд Джексом! — по его тону было ясно, кого он считает настоящим лордом.

Джексом медленно обернулся.

— Шарра сказала мне, что ты не одобряешь брачного союза с Руатом, — спокойно произнес он.

— Да, наследник, не одобряю! — Торик бросил взгляд на Робинтона и презрительно ухмыльнулся. — Она заслуживает большего, чем северный холд размером с обеденный стол!

— Я не ослышалась, Торик? — раздался за спиной южанина вкрадчивый голос Лессы. Она подошла к Джексому и встала рядом.

— Холдер Торик считает, что его сестра заслуживает большего, чем северный холд величиной со стол, — повторил Джексом, и в голосе его прозвучала скорее насмешка, чем обида.

Глаза Лессы гневно сверкнули, хотя на губах продолжала играть улыбка.

— Я не собирался оскорблять Руат, — поспешно сказал Торик.

— Разумеется... Это было бы весьма неблагоприятно с твоей стороны. Ведь ты знаешь, что я горжусь своим происхождением, — небрежно заметила Лесса.

Огромная фигура Торики словно съежилась под ее ледяным взглядом.

— Он ведь может и изменить свое мнение, — вмешался Робинтон, начиная мостить южанину дорогу для отступления. — Поду-

май сам, Торик! Этот союз, столь желанный для молодой пары, даст кое-что и тебе. Ты породнишься с одной из благороднейших семей Перна...

— И обрешь милость Бендена, — без обиняков закончила Лесса. На ее губах уже играла улыбка — столь обворожительная, что Робинтон содрогнулся, представив, до чего может довести Торика его упрямство.

Южанин стоял, потирая лоб; ухмылка на его лице заметно по-блекла.

— Я думал, мы собираемся изучать прошлое Перна... — наконец выдал он. — А тут...

— А тут представился случай для обсуждения будущего, — перебила Лесса холдера, взяв его под локоть. — Твоего будущего, Торик...

Южанин дернулся, но руки не отнял.

— Да, в Южном скопилось столько молодых, честолюбивых и безземельных людей, — раздался голос Ф'лара. Он обошел Торика, так что тот оказался между ним и Лессой. — Надеюсь, у тебя хватит наделов для всех... Мы не хотим кровавых междоусобиц на юге.

Торик вытянулся, зажатый предводителями Бендена, как между каменными стенами. Робинтон бросил взгляд на Джексома, но юноша, казалось, не обращал внимания на экзекуцию; он пристально смотрел на своего дракона, словно о чем-то советовался с ним.

— Здесь достаточно земель, — пробормотал Торик; затем, внезапно приободрившись, с вызывающей усмешкой добавил: — Их хватит для каждого молодого честолюбца... Другое дело — удерживать их в руках. И Шарра...

— Сейчас речь не о ней... К тому же у тебя еще немало сестер, — в голосе Лессы слышалось раздражение. Подталкивая Торика под локоть, она повела его к только что очищенной от земли стене здания; Робинтон и Ф'лар шли по пятам. — Мы хотели бы обсудить дела твоего холда... И не только мы — есть вопросы у мастера Никата, у лорда Грожа и других. Нужна официальная встреча.

— Вопросы? Встреча? — переспросил Торик.

Он прислонился к стене и скрестил руки на груди; вид у него был вызывающий. Интересно, подумал Робинтон, победит ли здравый смысл его честолюбие?

— Да! — подтвердил Ф'лар. — И на первый вопрос я хотел бы получить ответ прямо сейчас. Как ты полагаешь, сколько земли здесь, на юге, может держать один холдер? — он подчеркнул слово «один», так что не оставалось сомнений, кто имеется в виду.

Торик, защищаясь, поднял руку.

— Но мы заключили соглашение, — напомнил он. — Все, что я смогу разведать до того, как последний Древний оставит Веир, — мое!

— И как далеко ты успел продвинуться? — Ф'лар был настойчив.

— С помощью всадников Д'рама, — южанин бросил испытующий взгляд на вождя Бендена — знает ли тот про их помощь? — мы достигли подножия Западного хребта. А вдоль побережья дошли до Большого залива, который разведал Пьемур.

«Какая удача, что мы обнаружили карту!» — подумал Робин-тон; теперь он знал, что, хотя обозначенная Ториком территория была немалой, она составляла лишь небольшую часть огромного материка.

Ф'лар с удивлением покачал головой.

— Так далеко? Мой дорогой Торик, в силах ли ты удержать все эти земли? — В голосе всадника звучало участие и легкая насмешка.

— Я — предусмотрительный человек, — вспыхнул южанин. — Вдоль всего побережья и на равнине, в направлении гор, основаны небольшие холды, и многие из них расширяются и процветают. Люди, которых за последние Обороты ты прислал сюда, мой господин, — он дерзко улыбнулся Ф'лару, — оказались очень трудолюбивыми.

Лесса расхохоталась.

— Еще в Бендене я заметила, что ты — предусмотрительный человек! Посылали людей мы, а клятву верности они давали тебе, не так ли?

— Конечно! Я не скупился, наделяя их землей! К тому же чем больше основано холдов, тем лучше. Ты же знаешь, госпожа, даже небольшое поселение может иметь огромную ценность — в глазах тех, кому оно дорого.

Лесса проигнорировала этот явный намек на Руат и, царственным жестом коснувшись могучего плеча Торика, повернулась к Ф'лару.

— С той встречи в Бендене обстоятельства изменились, — задумчиво произнесла она. — Холд Торика переполнен людьми, а многие переселенцы, не рассчитывая на его помощь, высаживаются на всем протяжении побережья, тут и там... Но мы не можем допустить, чтобы наш верный союзник потерял хоть одну длину дракона разведанной им земли! — Ее глаза снова вернулись к южанину. — Придется известить всех, что твои владения простираются от Большого залива до Западного хребта.

— Но и только, — уточнил Ф'лар, окинув Торику строгим взглядом.

Робинтон заметил, как на лице холдера настороженность и недовольство постепенно сменялись гримасой облегчения. Пожалуй, он даже был удивлен, что так легко добился своего, — хотя еще не сообразил, какую цену придется заплатить ему за щедрость Бендена. Внезапно в глазах Торики вспыхнул огонек — он понял. Резко обернувшись, холдер шагнул вперед, бросив через плечо:

— Но что касается Шарры...

Протяжный крик Рамот'ы прервал его; затем к королеве присоединился Мнемонт'. Лесса покачала головой, и чуть заметная улыбка скользнула по ее губам.

— Боюсь, ты уже опоздал, Торик...

* * *

Джексом смотрел, как предводители Бендена вместе с Ториком и Робинтоном скрылись за пологим курганом и кучами свежей земли. Только теперь он позволил себе дать выход гневу.

Значит, весь Руат — не больше обеденного стола этого зазнавшегося холдера? Неужели? Руат, второй из старейших холдов Перна! Ну, если бы Лесса не вмешалась, он бы показал этому... этому...

Джексом глубоко вздохнул. Торик превосходил его и ростом, и силой, и опытом. Если бы Лесса не вмешалась, то он, гордый лорд Руата, сейчас, возможно, был бы мертв. Раньше ему не приходило в голову, что Торик воспротивится брачному союзу с Руатом. Когда Рут' передал ему послание Шарры, Джексом был ошеломлен. Южанин даже не стал слушать сестру, которая пыталась рассказать об их любви, — он приставил к ней пару верных людей и файра, чтобы Шарра не могла связаться с Джексомом через своих ящерок. Вот тут он просчитался! Торик не знал, что сестра могла говорить с Рут'ом напрямую. Когда белый пересказывал другу эти потрясающие новости, в тоне его звучало торжество.

«Полетишь в Южный и увезешь ее?» — спросил учитель. А что еще ему остается? Джексом повернулся к белому дракону:

— Рут', тут не крутятся файры Торики?

«Нет! Мы полетим за Шаррой? Где назначить ей встречу? В Южном мы были только на площадке Рождений».

— Туда и полетим. Эта история с яйцом таки сослужит нам добрую службу, — Джексом с иронией скривил губы. — Узнай, мо-

жет ли Шарра добраться до площадки, — попросил он, взбираясь на шею дракона.

«Она говорит — да!»

— Тогда — в путь.

Они мчались низко над землей, заходя с востока — как и тогда, неполный Оборот назад. Но сейчас круг теплого золотистого песка был пуст.

«Она идет! С ней королева Торика... Прочь! Убирайся! Не смей подглядывать за моими друзьями!»

Рут' просто рассвирепел, но у Джексома не оставалось времени на удивление — Шарра уже бежала через площадку. На бегу девушка придерживала одеяло, обернутое вокруг тела... Вот она наступила на край и едва не упала, отчаяние мелькнуло на ее лице.

«Она говорит, ее преследуют люди Торика», — доложил Рут'. В полупрыжке-полуполете белый приземлился рядом с Шаррой, и Джексом подхватил девушку на руки. Двое мужчин, размахивая обнаженными мечами, мчались к ним; по их лицам градом капился пот. Дракон плавно взмыл вверх, оставив их бесноваться на арене горячего песка.

— Думаю, твой брат просчитался, милая.

— Джексом! Увези меня отсюда! Увези на север! Я не хочу больше видеть этого хитрого, вероломного...

Джексом закрыл ей рот поцелуем.

— Нам придется повидать его еще раз. Я не собираюсь прятаться! Сегодня мы решим все — раз и навсегда.

— Джексом! — теперь в голосе Шарры слышался не гнев, а тревога; она прильнула к юноше, крепко обхватив его шею. — Он вызовет тебя и убьет!

— Наш конфликт вряд ли разрешится столь примитивным способом! — Джексом улыбнулся. — Закутайся в одеяло. Сейчас мы...

Короткая вспышка холода и тьмы разорвала знойный полдень, и в следующий миг они уже парили над Плато. Рут', заходя на посадку, протрубил приветствие.

— Как я замерзла! Они отобрали у меня одежду, — пожаловалась Шарра. Ее стройные обнаженные ноги посинели от холода; Джексом наклонился и стал растирать их. Девушка посмотрела вниз и вздрогнула. — Там... там Торик...

— А рядом с ним — Ф'лар и самый большой дракон во всем Бендене. Чего ты боишься, глупышка?

— Джексом!

— Твой брат любит поступать по-своему... Мне тоже это нравится.

— Джексом! — Голос ее звучал удивленно, но гибкие руки лишь сильнее обнимали его шею.

Рут' приземлился у кургана и, когда молодые люди направились к взрослым, последовал за Джексом — видимо, в качестве почетного караула. При виде этой троицы глаза Торика широко раскрылись, снисходительная улыбка исчезла с лица.

— Торик, на всем Перне ты не найдешь места, чтобы спрятать от меня Шарру. Мы с Рут'ом отыщем ее везде!

Южанин стиснул зубы, его лицо окаменело, но Джексом и не надеялся, что разговор будет легким. Он ответил усмешкой на мрачный взгляд холдера и продолжал:

— Ни расстояние, ни время не остановят Рут'а. Мы с Шаррой можем попасть в любой Оборот, в любой час... в лес, долину, в горы или на побережье...

Жалобно попискивающая королева возникла над головой Торика и попыталась сесть ему на плечо. Тот со злостью отмахнулся от файра.

— И огненные ящерицы тебе не помогут — они слушаются Рут'а, — Джексом снова улыбнулся и почесал приятелю надбровье: — Ну-ка, Рут', прикажи, чтобы все файры убрались отсюда!

Небеса над широкой равниной опустели; только после кивка Джексома ящерки вернулись. На этот раз Торик не препятствовал маленькой королеве устроиться на его плече; не отрывая глаз от Джексома, он спросил:

— Откуда ты знаешь Южный? Мне говорили, что ты никогда не бывал у нас!

— Твой осведомитель ошибся, — решительно произнес Джексом. — Сегодня не первый случай, когда я вернул из Южного то, что принадлежит Северу. — Он обнял тонкие плечи Шарры.

Хладнокровие изменило Торику.

— Ты! — Его рука протянулась к Джексому; гнев, разочарование и невольное уважение промелькнули в глазах. — Это ты вернул яйцо! Ты и этот твой... Но файры показывали темное пятно! Почему?

— Разве так трудно скрыть белую кожу под грязью, чтобы не светить в ночи? — презрительно прищурился Джексом.

— Я чувствовал, что всадники Т'рона здесь ни при чем! — вскричал Торик, его кулаки судорожно сжались. — Но подозревать тебя... Ладно! — Он вдруг преобразился — сначала натянуто заулыбался, потом захохотал, и постепенно гнев, разочарование и обида растворились в смехе. — Да, наследник, ты разрушил такие планы... Если б ты догадывался... — Торик посмотрел на Робинтона и бенденцев. — Кто знал, что он вернул яйцо?

— Думаю, немногие, — произнес арфист, стараясь сообразить, что известно Ф'лару и Лессе.

— Я знала, — Шарра тряхнула головой, — и Брекка тоже. В бреду он все время говорил о яйце.

— Сейчас это неважно, — сказал Джексом. — Главное — вот что: получил ли я согласие уважаемого хозяина Южного на брак с его сестрой?

Торик поскреб мощную шею.

— Не вижу, как я мог бы воспрепятствовать этому...

— И не советую препятствовать, — заметил Ф'лар. Внезапно он усмехнулся и, словно предостерегая, добавил: — Никогда не стоит недооценивать всадников, Торик... Особенно — всадников с Севера.

— Я запомню.

По лицу Торики расплылась дружелюбная улыбка, хотя голос еще выдавал досаду. Он повернулся спиной к Шарре и Джексо-му, вежливым поклоном пригласил Ф'лара проследовать вперед и сказал:

— Итак, вернемся к насущным проблемам. Кажется, перед тем, как эти дерзкие молодые люди прервали нас, мы обсуждали размеры моего холда?

Послесловие

В Северный Перн снова пришла весна. Когда схлынули мутные воды и просохла земля, когда были засеяны поля, исправлены изгороди и амбары, пришел черед самого холда. Уравнения Вансора говорили, что очередной смертоносный ливень Нитей обрушится в западные моря, и древний Руат, пользуясь безопасными днями, оживился и начал прихорашивать в лучах весеннего солнца.

Стены холда были вымыты, швы и трещины в стенах и окружавшей их каменной обкладке заделаны; в каждом окне полоскались флаги, дворы и главный зал украшали цветы — покрытые белыми и розовыми бутонами лозы были доставлены вчера с юга. Широкие лощины у подножия руатанских скал пестрели палатками для гостей, их скакуны паслись в окрестных лугах. Уже слышался трубный зов слетавшихся драконов, которых приветствовал старый коричневый; ему, стражу Руата, предстояло охрипнуть задолго до начала официальной церемонии. Вокруг сновали стайки файров, и драконам частенько приходилось призывать шалунов к порядку. Но свежий ветер, яркое солнце и воцарив-

шаяся сегодня атмосфера праздника заставляли снисходительно относиться и к проделкам животных, и к людскому несовершенству.

Чтобы накормить и обслужить гостей, съезжавшихся со всех сторон — пол-Перна к северу и пол-Перна к югу, — Форт-холд, Форт-Вейр и Бенден-Вейр прислали своих поваров и прислугу в Руат. От Торика, с плодородных долин, из щедрых лесов и заливов Южного, привезли свежие фрукты, рыбу и дичь, чей нежный вкус и тонкий аромат были непривычны на севере. Огромные жаровни и пекарни работали со вчерашнего вечера, и исходявшие от кухонь запахи наполняли слюной рты и дразнили воображение.

Праздник тоже начался накануне; танцы и пение продолжались до утра. Торговцы прибыли еще раньше, а вместе с ними — жонглеры, акробаты, арфисты и просто любопытные странники. Но никого не тревожила многолюдность и многоликость сборища; люди стекались по дорогам, шли по горным тропам и спускались с небес — и с каждым часом их становилось все больше и больше, по мере того, как приближался торжественный миг утверждения молодого лорда Руата в законных правах.

«Прибыл арфист», — сообщил Рут' Джексому и Шарре; затем белый распахнул носом двери своего вейра и вышел во двор. Молодые хозяева Руата услышали его восторженный приветственный клич. Трудно было поверить, что дракон расстался с мастером-арфистом совсем недавно — пожелав ему на рассвете приятного отдыха.

«Лиот' просит обождать, — эти слова остановили уже шагнувшего к двери Джексома. — Арфист и Н'тон хотят поговорить наедине».

Джексом удивленно обернулся к своей леди.

— Думаю, ничего серьезного, — с улыбкой предположила она, — иначе Робинтон сказал бы нам вчера. Послушай, Джексом, — пальцы Шарры коснулись его груди, — этот камзол слишком обтягивает тебя. Неужели ты еще растешь?

— Это мускулы, милая, которые выросли за время раскопок на Плато, — отвечал лорд Руатанский и набрал полную грудь воздуха; швы его парадного одеяния подозрительно затрещали.

— Осторожней! — воскликнула Шарра. — Если порвешь, придется тебе шеголять с заплатками! — Она улыбнулась, смягчив упрек, и поцеловала своего лорда.

Перед поцелуем Шарры Джексом был бессилен; он выдохнул воздух и привлек ее к себе.

— Джексом! Ты изомнешь мне платье и испортишь прическу — а до церемонии остались считанные часы!

«Прибыли Рамот'а и Мнемент'!» — Рут' поднялся на задние лапы, почтительно приветствуя бенденских драконов.

— Какой Рут' сегодня важный! Можно подумать, что это его утверждают владельцем Руата, — в мелодичном голосе Шарры звучал смех.

— Чтобы добиться этого, мы предприняли совместные усилия, — уточнил Джексом, широко улыбаясь. Он снова осторожно обнял Шарру. Он был счастлив; неопределенность зимы сменилась весенними надеждами.

Никогда еще он не был так занят: управление холдом, молодая жена, Рут' и, если удавалось урвать несколько свободных часов, раскопки на Плато и в Корабельной лошине. Лайтол, оправдав надежды своего питомца, всерьез увлекся изучением тайн предков и проводил все больше и больше времени в Прибрежном холде у Робинтона. Когда вопрос с утверждением Джексома в правах стал делом решенным, юношу начали приглашать на заседания Конклава. Джексом твердо убедился в одном: его родственник с юга вряд ли потерпит традиционный консерватизм старых лордов. Торик, как и сам Джексом, скорее поддержал бы молодое поколение — Ларада Телгарского, Асгенара из Лемоса, Бегамона из Нерата и Сайгомала из Битры, — а не патриархов вроде Грожа или Сангела. Старикам было трудно осмыслить происходящие с каждым Оборотом перемены; они не понимали призыва, брошенного молодым бескрайними просторами юга.

Итак, формальная церемония утверждения нового лорда Руата одновременно служила и другим целям; она была поводом для собрания Вейров, цехов и холдов, праздником по случаю окончания холодов и, наконец, просто днями всеобщего ликования — шел шестнадцатый Оборот с начала Прохождения, а Нитям так и не удалось выжить жизнь на Перне.

Лиот' приземлился на маленьком дворике перед вейром Рут'а, и тот скрылся у себя, чтобы не мешать огромному бронзовому. Вслед за Н'тоном арфист соскользнул с плеча дракона и, размахивая толстым свитком, вместе с всадником двинулся навстречу молодым владельцам Руата.

— Отложим новости, пока не подойдут Лесса и Ф'лар. Бенденцы уже близко, — попросил вождь Форта, пожимая руку Джексо-му. Они с Робинтоном скинули летные куртки, причем арфист так и не выпустил из рук своего свитка. С нарастающим нетерпением и гости, и хозяева следили, как Рамот'а и Мнемент', выса-

див своих всадников, вслед за Лиот'ом взмыли к вершинам руатанских скал.

— Робинтон, друг мой, Мнемонт' сообщил, что ты прибыл с новостями, — произнес Ф'лар, передавая Джексому свою тяжелую куртку, шлем и перчатки. Шарра помогала Лессе.

— Да, — арфист помахал в воздухе драгоценным свитком.

— Что это? — спросила Лесса.

— Ключ к разгадке той разноцветной карты с корабля, — с улыбкой произнес Робинтон. — Никату с Пьемуром пришлось поломать головы! — Он развернул свиток, Лесса и Ф'лар придерживали его за края. — Таким темно-коричневым цветом обозначены скальные массивы, каменные плиты с практически нулевой вулканической активностью... Эти районы не изменились до наших дней. А Плато над Прибрежным холдом, оставленное людьми после извержения, окрашено желтым — так же, как вулканические области вблизи Тиллека. — Арфист поднял голову от карты, глаза его сверкнули. — Друзья мои, древние пришли на север, в Форт, Руат, Бенден и Телгар, потому что эти земли не подвержены стихийным бедствиям!

— Разве Нити не стихийное бедствие? — с невеселой усмешкой сказала Лесса.

— Я предпочитаю бороться с чем-нибудь одним, — заметил Ф'лар. — Если с неба валяются Нити, а под ногами трясется земля, то для меня это уже слишком много!

— Но я еще не сказал главного! — арфист торжествующе потряс в воздухе кулаком. — Никат и Пьемур нашли значки, которыми древние обозначали месторождения металлов, горячего масла и черного камня! Эти залежи отмечены и на севере, и на юге — только многие северные шахты уже выработаны нами.

Ф'лар взволнованно отбросил со лба прядь поседевших волос и дрогнувшим голосом потребовал:

— А те, что на юге? Покажи!

— Вот... и вот... — палец Робинтона скользил по отметкам. — Пока неизвестно, насколько они богаты, но скоро Никат со своими людьми исследует их. В основном они расположены здесь... в землях всадников.

Н'тон засмеялся:

— Когда закончится это Прохождение, я стану горняком! Спущусь с небес на землю!

— Когда закончится Прохождение... — задумчиво повторил Ф'лар. Он поднял глаза на арфиста, внезапно осознав, что никто из них скорее всего не доживет до этих времен.

— Когда закончится Прохождение, — вдруг раздался над его

ухом молодой голос, — мы заново откроем юг! Мы раскроем тайну кораблей и, возможно, узнаем, как можно пересечь на драконах безвоздушное пространство... Тогда мы достигнем Рассветных Сестер! — Джексом поднял взгляд от карты и посмотрел на юго-восток — туда, где за горизонтом плыли в небе невидимые сейчас рукотворные звезды.

— И, быть может, мы найдем способ, как предотвратить эти нашествия с Алой Звезды... — чуть слышно прошептала Шарра.

— Что ж, когда-то и я мечтал об этом, — Ф'лар вздохнул, потом стиснул сильными пальцами плечо Джексома. — Вот задача для вас, молодых! Если вы изучите искусства предков, то сумеете добраться и до Алой Звезды. А мне... — он снова вздохнул и покачал головой.

— А ты — ты выполнил свой долг, всадник, — строго произнес Робинтон. — Ты сохранил Перн единым и свободным от Нитей... несмотря ни на что!

— И если бы не ты, — сердито сверкнула глазами Лесса, — разве случилось бы все это? — она плавно повела рукой, словно обозначив одним жестом и праздничный Руат, и весь весенний Перн, и неколебимую уверенность, что никакие Нити не смогут сжечь эту весну, этот праздник.

— Джексом! Лорд Джексом! — голос Лайтола долетел из окна главного зала.

— Да, мой господин?

— Кто с тобой? Бенден? Форт? И наш арфист? Остальные вожди Вейров и все лорды Перна собрались!

Джексом, предложив руку своей леди, жестом попросил гостей идти первыми. Арфист, бережно сворачивая карту, покачал головой.

— Сегодня — твой день, лорд Джексом из холда Руат, — сказал он, низко кланяясь и пропуская вперед молодую чету.

Рассмеявшись, Джексом с Шаррой направились во двор; Робинтон и молодой предводитель Форты шли следом. Ф'лар предложил руку Лессе, но она, отвернувшись, смотрела на небольшой дворик между кухонным крыльцом и старой конюшней. И всаднику было нетрудно догадаться о ее мыслях.

— Это и твой день, Лесса, — шепнул он и поднес к губам тонкие изящные пальцы. — Твоя настойчивость и воля сделали его возможным! — он погладил ее волосы, коснулся виска, заставляя смотреть прямо в глаза. — Видишь? Как и сотни Оборотов назад, наследники руатанской крови держат земли Руата.

— Что доказывает, — сказала она с притворной строгостью,

хотя ее губы уже тянулись к его губам, — справедливость утверждения о том, что для усердия и терпения нет преград.

— Надеюсь, ты права, — Ф'лар с усмешкой поглядел на Алую Звезду. — Наступит день, и некто, усердный и терпеливый, достигнет этого предела...

— БЕНДЕН! — звучный зов арфиста разрушил их уединение.

Смушенно улыбаясь, словно напроказившие дети, Лесса и Ф'лар пересекли неширокий дворик и, взбежав по ступенькам, поднялись в богато украшенный главный зал. Драконы, оседлавшие высоты над холдом, встали на задние лапы, радостным ревом приветствуя этот счастливый день, и файры, выписывая невероятные пируэты, наполнили небеса Руата писком и щебетом. Небеса, чистые от Нитей.

Приложение

ГЛАВНЫЕ ХОЛДЫ И ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИХ ВЕЙРЫ (ВЕЙРЫ ПЕРЕЧИСЛЕННЫ В ПОРЯДКЕ ИХ ОСНОВАНИЯ)

1. Форт-Вейр (предводитель Н'тон, госпожа Вейра Маргатта)
Холды:
Форт (древнейший холд): лорд Грож
Руат (следующий по старшинству): лорд Джексом, лорд-управляющий -- Лайтол
Южный Болл: лорд Сангел
2. Бенден-Вейр (предводитель Ф'лар, госпожа Вейра Лесса)
Холды:
Бенден: лорд Райд
Битра: лорд Сайфер
Лемос: лорд Асгенар
3. Вейр Плоскогорье (предводитель Т'бор; имя госпожи Вейра не известно)
Холды:
Плоскогорье: лорд Барген
Набол: лорд Мерон
Тиллек: лорд Отерел
4. Айген-Вейр (предводитель Г'нариш, госпожа Вейра Надира)
Холды:
Керун: лорд Корман
Верхний Айген
Южный Телгар
5. Иста-Вейр (предводитель Д'рам, госпожа Вейра Фанна)
Холды:
Иста: лорд Варбрет
Айген: лорд Лауди
Нерат: лорд Бегамон
6. Телгар-Вейр (предводитель Р'март, госпожа Вейра Беделла)
Холды:
Телгар: лорд Ларад
Кром: лорд Нессел

7. Южный Вейр (предводители Т'рон и Т'кул, госпожи Вейра Мардра и Мерики)

ХОЛД ЮЖНЫЙ: УПРАВЛЯЮЩИЙ ТОРИК

Владельцы лорды и их холды

Асгенар (Лемос)
Бангер (Равнинный Айген)
Барген (Плоскогорье)
Бегамон (Нерат, 2)
Варбрет (первый)
Винцет (Нерат, 1)
Грож (Форт)
Дектер (Набол, 3)
Джексом (Руат)
Корман (Керун)
Лайтол (управляющий Руата)
Ларад (Телгар)
Лауди (Айген)
Мерон (Набол, 2)
Нессел (Кром)
Отерел (Тиллек)
Райд (Бенден)
Сайгомал (Битра, 2)
Сайфер (Битра, 1)
Сангел (Болл)
Торик (Южный)
Торонас (Бенден, 2)
Фэкс (Набол, 1)

МАСТЕРА И РЕМЕСЛЕННИКИ

Андемон — мастер-фермер, холд Нерат
Арнор — архивариус, цех арфистов, холд Форт
Бальдор — арфист Вейра, Иста-Вейр
Белесдан — мастер-кожевник, холд Айген
Бендарек — мастер по дереву, холд Лемос
Бенелек — мастер механизмов, цех кузнецов
Бриарет — мастер-скотовод, холд Керун
Вансор — мастер по стеклу, цех кузнецов, холд Телгар
Зург — мастер-ткач, холд Южный Болл
Идаролан — мастер-рыбак, холд Тиллек
Менолли — арфистка-подмастерье, цех арфистов, холд Форт
Никат — мастер-горняк, холд Кром

Олдайв — мастер-целитель, цех арфистов, холд Форт
Охаран — арфист Вейра, Бенден-Вейр
Пьемур — арфист-ученик, цех арфистов, холд Форт
Робинтон — мастер-арфист, холд Форт
Сибелл — арфист-подмастерье, цех арфистов, холд Форт
Согрейни — мастер-скотовод, холд Керун
Тагетарл — арфист-подмастерье, цех арфистов, холд Форт
Терри — кузнец, мастер цеха, цех кузнецов, холд Телгар
Чад — арфист, Телгар-Вейр
Шарра — целительница, холд Южный

ВЛАДЕЛЬЦЫ ФАЙРОВ

Хозяин — файр

Асгенар — коричневый Риал
Бангер — неизвестно
Барген — неизвестно
Брекка — бронзовый Берд
Винцет — неизвестно
Бранд — синий
Грож — золотая Мерга
Г'зел — бронзовый Рилл
Дилана — зеленая
Килара — золотая
Корман — неизвестно
Ларад — зеленая
Менолли — золотая Красотка; бронзовые
Крепыш, Нырок, Крикун;
коричневые Лентяй, Кривляка,
Рыжик; зеленые Тетушка-первая,
Тетушка-вторая; синий Дядюшка
Мерон — бронзовый
Миррим — зеленые Риппа, Лок; коричневый
Толли
Нессел — неизвестно
Никат — неизвестно
Н'тон — коричневый Трис
Отерел — неизвестно
Пьемур — золотая Фарли
Робинтон — бронзовый Заир
Сайфер — неизвестно
Сангел — неизвестно
Сибелл — золотая Кими

Торик — золотая; два бронзовых
Фамира — зеленая
Ф'нор — золотая Гралл
Шарра — бронзовый Мийр, коричневый
Талла

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Алая Звезда — планета системы Ракбата; вращается вокруг светила по вытянутому эллипсу

ашенотри — перинитское название азотной кислоты (HNO_3); применяется для уничтожения Нитей, упавших на землю

бальзам — анестезирующая и заживляющая раны мазь; является универсальным лечебным средством, используется для врачевания ожогов, которые Нити наносят драконам и всадникам

Вейр — место, где обитают драконы и их всадники; обычно — кратер потухшего вулкана

вейр — логово (гнездо) дракона с примыкающим к нему жилищем всадника

десятина — подать, которую холды выплачивают защищающим их Вейрам

Долгий Интервал — период вдвое длиннее обычного Интервала; возникает в тех случаях, когда в силу флуктуаций орбиты Алой Звезды она не подходит к Перну достаточно близко, чтобы сбросить Нити

Древние — всадники одного из пяти Вейров, которое Лесса провела сквозь время на четыреста Оборотов вперед; впоследствии использовалось как презрительная кличка для тех, кто переселился в Южный Вейр

Запечатление — взаимопроникновение сознаний новорожденного дракона и выбранного им всадника

Звездные Камни (Звездная Скала, Палец, Глаз-Камень) — камни-ориентиры, установленные на краях кратеров в каждом Вейре и предназначенные для наблюдений за Алой Звездой

Интервал — период времени между сближениями Алой Звезды с Перном, равен двумстам Оборотам

кла — горячий, бодрящий напиток, приготовленный из древесной коры и имеющий привкус корицы

Конклав — совет лордов, решающий вопросы управления холдами; в частности, в его компетенцию входит подтверждение полномочий правителей холдов

месяц — перинитский месяц составляет четырежды по семь дней

нижние пещеры — гигантские помещения, вырубленные в ос-

новании котловины Вейра; используются в хозяйственных целях; здесь же находятся кухни, кладовые, жилые комнаты для женщин и детей

Нити — (микориза) гифы с Алой Звезды, которые способны в период Прохождения достигать Перна, где они зарываются в землю и в процессе своего развития уничтожают все органические вещества

Оборот — перинитский год

огненный камень — минерал, содержащий фосфин; драконы заглатывают его, чтобы испускать пламя

Перн — третья из пяти планет Ракбата; обладает двумя спутниками

Плоскогорье — горы на Северном континенте Перна

площадка кормления — песчаная площадка на дне котловины Вейра, предназначенная для кормления драконов; рядом располагается загон для скота или мясных птиц

площадка Рождений — арена с теплым песком, расположенная внутри самой большой пещеры Вейра; эта пещера-амфитеатр служит для общих собраний людей и драконов. В теплом песке площадки Рождений созревают яйца драконов

Промежуток — измерение Вселенной, в котором отсутствуют понятия времени и пространства; драконы способны перемещаться через Промежуток в любую указанную им пространственно-временную точку обычного мира

Прохождение, или Проход — период, в течение которого Алая Звезда находится достаточно близко от Перна, чтобы сбрасывать на него Нити; равен пятидесяти Оборотам

Ракбат — желтая звезда, солнце Перна; окружен пятью планетами и двумя поясами астероидов

Рассветные Сестры — три яркие звезды, особенно хорошо видимые в южном полушарии Перна; одна из них долгое время считалась древней прародиной перинитов, пока не было открыто искусственное происхождение этих спутников Перна

страж порога — дальний родственник драконов Перна, ведущий ночной образ жизни; используется как сторожевое животное

файр (огненная ящерица) — небольшая крылатая ящерка, способная перемещаться в Промежутке и вступать в мысленную связь с людьми; согласно преданиям, из файров были выведены драконы

холд — место, где обитает основное население Перна; первоначально для защиты от Нитей залы и помещения холда выдалбливались в скалах

цепни — очень дальний родственник файров; летающий хищник с четырьмя лапами и двумя крыльями

Андемон — мастер-фермер

Арнор — переписчик в цехе арфистов

Асгенар — лорд Лемоса

Бальдор — арфист Лемоса

Батунон — слуга в холде Руат

Бегамон — лорд Нерата

Б'зон — всадник Южного Вейра, дракон — бронзовый Ранильт'

Беделла — госпожа Древних в Телгар-Вейре; королева — Солт'а

Белесдан — мастер-кожевник

Бендарек — мастер по дереву

Бранд — дворецкий холда Руат: синий фэйр

Б'рант — всадник Бенден-Вейра; дракон — коричневый Фэнт'

Брант — лорд Айгена

Брека — младшая госпожа Южного Вейра; королева — Вирент'а, фэйр — Берд

Б'рефли — всадник Бенден-Вейра; дракон — коричневый Йорут'

Бриарет — мастер-скотовод, сменивший Согрейни

Вансор — мастер по стеклу в цехе кузнецов; известен также как звездных дел мастер

Варбрет — лорд Исты

Винцет — лорд Нерата

Г'денед — командир крыла, затем предводитель Иста-Вейра, сын предводителя Древних Д'рама; дракон — бронзовый Барнат'

Гемма — леди, супруга Фэкса (лорда семи холдов), мать Джексама

Г'нариш — предводитель Древних в Айген-Вейре; дракон — бронзовый Гиармат'

Грож — лорд Форта, фэйр — золотая Мерга

Дементли — переписчик в цехе арфистов

Джексом — лорд Руата (не вступивший в права); дракон — Рут'

Дилана — кормилица Джексама, мать Дорса

Дорс — молочный брат Джексама

Д'рам — предводитель Древних в Иста-Вейре; дракон — бронзовый Тирот'

Д'фио — всадник Иста-Вейра; дракон — коричневый Дрент'
Зург — мастер-ткач
К'ван — всадник Бенден-Вейра; дракон — бронзовый Хет'
Керн — старший сын лорда Нессела
Килара — сестра лорда Ларада, бывшая госпожа Вейра Плоскогорье; королева — Придит'а
Кирнети — мальчик из холда Телгар, будущий всадник Бенден-Вейра; дракон — бронзовый
К'небел — наставник молодых всадников в Форт-Вейре; дракон — бронзовый Фирт'
К'нет — всадник Бенден-Вейра; дракон — бронзовый Пиант'
Козира — госпожа Иста-Вейра; королева — Кайлит'а
Корана — сестра холдера Фиделло, первая женщина Джексома
Корман — лорд Керуна
Лайтол — некогда Л'тол, всадник Бенден-Вейра, ныне управляющий холда Руат; дракон — бронзовый Ларт' (умер)
Ларад — лорд Телгара
Лауди — лорд Айгена
Лесса — госпожа Бенден-Вейра; королева — Рамот'а
Л'трел — всадник Южного Вейра, отец Миррим; дракон — синий Фальгрент'
Манора — хозяйка нижних пещер Бенден-Вейра
Маргатта — старшая госпожа Форт-Вейра; королева — Лудет'а
Мардра — госпожа Древних в Южном Вейре; королева — Лорант'а
Менолли — арфистка, владелица девяти файров
Мерика — госпожа Древних в Южном Вейре
Мерон — лорд Набола
Мермал — мастер по стеклу
Миррим — всадница Бенден-Вейра, воспитанница Брекки; дракон — зеленая Пат'а, файры — Риппа, Лок, Толли
Морета — легендарная госпожа Бенден-Вейра; королева — Орлит'а
М'ток — всадник Бенден-Вейра; дракон — бронзовый Литорт'
Надира — госпожа Айген-Вейра
Нессел — лорд Крома
Н'тон — предводитель Форт-Вейра; дракон — бронзовый Лиот'

Олдайв — мастер-целитель
Охаран — арфист-подмастерье в Бенден-Вейре
Палон — владелец малого холда, подвластного холду Руат
Пильгра — госпожа Вейра Плоскогорье; королева — Сегрит'а
Пьемур — арфист-подмастерье
Прилла — младшая госпожа Форт-Вейра; королева — Селиант'а
Райд — лорд Бендена
Р'март — предводитель Древних в Телгар-Вейре; дракон — бронзовый Брант'
Робинтон — мастер-арфист; фэйр — бронзовый Заир
Сайфер — лорд Битры
Сангел — лорд Болла
Сибелл — арфист
Согрейни — мастер-скотовод, холд Керун
Тагетарл — арфист-подмастерье
Талина — младшая госпожа Бенден-Вейра
Талмор — арфист
Т'бор — предводитель Вейра Плоскогорье; дракон — бронзовый Орт'
Т'геллан — командир крыла в Бенден-Вейр; дракон — бронзовый Монарт'
Т'гор — всадник Бенден-Вейра; дракон — синий Релт'
Теггер — владелец малого холда, подвластного холду Руат
Терри — кузнец
Т'кул — предводитель Древних в Южном Вейре; дракон — бронзовый Салт'
Торик — управляющий в Южном холде
Тордрил — воспитанник в холде Руат, будущий лорд Айгена
Торина — легендарная госпожа Бенден-Вейра
Т'ран — всадник Айген-Вейра; дракон — бронзовый Редрет'
Т'рон — предводитель Древних в Южном Вейре; дракон — бронзовый Фидрант'
Файндер — арфист холда Руат
Фамира — сестра лорда Ларада, супруга лорда Асгенара
Фандарел — мастер-кузнец
Фанна — госпожа Древних в Иста-Вейре; королева — Мирант'а
Фелессан, или Ф'лессан — всадник Бенден-Вейра, сын Лессы и Ф'лара; дракон — бронзовый Голант'

Фиделло — владелец Равнинного холда, подвластного холду Руат

Ф'лар — предводитель Бенден-Вейра; дракон — бронзовый Мнемент'

Ф'лон — предводитель Бенден-Вейра, отец Ф'лара и Ф'нора

Ф'нор — командир крыльев в Бенден-Вейре; дракон — коричневый Кант', фэйр — золотая Гралл

Фэкс — лорд семи холдов, отец Джексома

Хорон — сын лорда Грожа

Содержание

ПОЛЕТ ДРАКОНА. Роман

Перевод с английского М. Нахмансона, Ю. Барабаша

Пролог	7
Часть I. ВЕЙР В ПОИСКЕ	
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	66
Часть II. ПОЛЕТ ДРАКОНА	
Глава 1	81
Глава 2	107
Глава 3	117
Глава 4	125
Часть III. ПЫЛЬ ПАДАЕТ	
Глава 1	134
Глава 2	159
Глава 3	168
Глава 4	171
Глава 5	177
Глава 6	180
Глава 7	186
Часть IV. ХОЛОД ПРОМЕЖУТКА	
Глава 1	192
Глава 2	193
Глава 3	207
Глава 4	222
Глава 5	224

Глава 6	227
Глава 7	234
Глава 8	235
Глава 9	236
Глава 10	239
Глава 11	246

СТРАНСТВИЯ ДРАКОНА. *Роман*

Перевод с английского М. Нахмансона

Пролог	251
Глава 1	256
Глава 2	274
Глава 3	290
Глава 4	312
Глава 5	332
Глава 6	361
Глава 7	369
Глава 8	383
Глава 9	407
Глава 10	417
Глава 11	452
Глава 12	463
Глава 13	484
Глава 14	507
Глава 15	517
Глава 16	540

БЕЛЫЙ ДРАКОН. *Роман.*

Перевод с английского М. Нахмансона, Т. Науменко

Пролог	569
Глава 1	578
Глава 2	600
Глава 3	607
Глава 4	629
Глава 5	644
Глава 6	667
Глава 7	677
Глава 8	686

Глава 9	707
Глава 10	722
Глава 11	737
Глава 12	749
Глава 13	762
Глава 14	784
Глава 15	800
Глава 16	815
Глава 17	835
Глава 18	848
Глава 19	860
Глава 20	900
Глава 21	930
Послесловие	939
Приложение	945

Литературно-художественное издание

Энн Маккефри
ДРАКОНЫ ПЕРНА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *И. Андронати*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Майкла Уэллана*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКТ Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 07.12.2006.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 50,4.
Тираж 7000 экз. Заказ 5843.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверский полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА

Энт
МАККЕФРИ

Anne McCaffrey

ISBN 5-699-19989-6

9 785699 199891 >

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА